Весь

АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

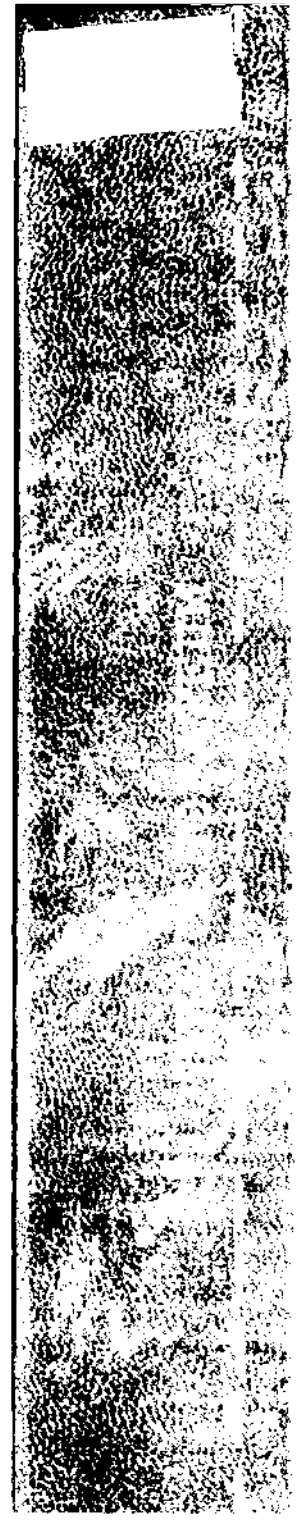
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ
КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР
ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ

Айзек

АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac Asimov

FANTASTIC VOYAGE
Copyright © 1966 by Isaac Asimov

FANTASTIC VOYAGE 2: DESTINATION BRAIN
Copyright © 1987 by Isaac Asimov

AZAZEL
Copyright © 1996 by Nightfall, Inc

Составитель серии *Д. Байкалов*

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Азимов А.

А 35 Фантастическое путешествие : фантастические произведения : пер. с англ. / Айзек Азимов. — М. : Эксмо, 2009. — 896 с.

ISBN 978-5-699-33405-6

В сборник произведений «Фантастическое путешествие» Айзека Азимова, лауреата наиболее престижных премий, включены романы, которые рассказывают о самых удивительных и самых смелых в истории человечества экспедициях. В первом романе специально подготовленную группу помещают в подводную лодку, уменьшают и направляют в организм профессора Бинеса, чтобы уничтожить тромб в его мозгу. Во втором романе перед похожей группой поставлена еще более сложная задача — расшифровать с помощью специального прибора мысли русского ученого, находящегося в коме. Кроме того, в сборник включен сборник рассказов о двухсантиметровом демоне Азазеле. Это вздорное, но забавное существо помогает людям добиться цели — влюбиться, бросить пить, переместиться во времени, писать стихи.

Некоторые рассказы, включенные в данную книгу, публикуются на ~~русском языке впервые~~.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Е. Шестакова, П. Дукаревич, М. Левин, Н. Берденников, К. Плешков, В. Гольдич, И. Оганесова, 2009

ISBN 978-5-699-33405-6 **© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009**

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава 1

САМОЛЕТ

Самолет был старым, с четырьмя плазменными двигателями. Такие давным-давно не производились, и летать на нем было не только невыгодно, но даже небезопасно. Однако упрямый «ветеран воздуха» уже двенадцать часов продирался сквозь плотную пелену облаков, хотя сверхзвуковой реактивной машине на этот маршрут потребовалось бы вдвое меньше.

И оставалось лететь еще по меньшей мере час.

Агент, сидевший в просторном пассажирском салоне, прекрасно знал, что расслабляться рано — его работа не окончена, пока самолет не приземлится. А последний час всегда кажется самым длинным.

Он взглянул на единственного пассажира, который сейчас дремал в глубоком кресле, тихо посапывая и уронив голову на грудь.

Пассажир с виду был самым обыкновенным. И не подумаешь, что сейчас он — самый важный человек в мире.

Генерал Алан Картер встретил вошедшего полковника угрюмым взглядом. Под глазами генерала набрякли мешки, в уголках рта залегли суровые складки. Генерал попытался сложить бумаги, которые держал в руках, обратно в папку, но сделал это неловко — и бумаги посыпались на пол.

— Уже скоро,— спокойно сказал полковник.

Светлые волосы полковника Дональда Рейда были гладко зачесаны назад, над губой топорщились щеткой седеющие усы. Мундир сидел на нем как-то неловко. Как будто полковник не привык носить форму — как, впрочем, и его старший коллега.

© Перевод Е. Шестаковой.

Оба они были учеными, специалистами высочайшего класса. Их отобрали для работы над сверхсекретным проектом по заказу военного ведомства — а следовательно, учитывая специфику работы, не таким уж и необходимым для человечества.

У обоих на мундирах красовались нашивки с буквами «ФЦИПМ». Каждая буква была вышита на отдельном маленьком шестиугольнике — две вверху и три внизу. На среднем шестиугольнике был символ, который кое-что прояснял относительно рода занятий этих людей. У полковника Рейда, например, на нашивке был кадуцей — символ военной медицинской службы.

— Угадай, чем я сейчас занимаюсь,— сказал генерал.

— Складываешь бумаги в папку.

— Ну да. И считаю часы. Считаю часы, как дурак! — Его голос сорвался почти на крик.— Сижу с потными ладонями, сердце колотится как сумасшедшее — и считаю часы! Да что там — уже минуты. Семьдесят две минуты, Дон. Через семьдесят две минуты они должны быть в аэропорту.

— Ну хорошо. Стоит ли из-за этого волноваться? Или что-то не так?

— Нет. Пока все в порядке. Взлетели они нормально. Его передали с рук на руки. Все прошло без сучка без задоринки, насколько нам известно. Он благополучно попал на борт и теперь летит в старом самолете...

— Знаю.

Картер покачал головой. Ему хотелось не рассказать полковнику что-нибудь новое, а просто поговорить. Он не мог больше молчать.

— Они, конечно, обо всем догадаются, но сейчас главное — выиграть время. И поэтому мы обязательно посадим его в икспятьдесят два и переправим через внутреннее пространство. Только мы догадались, что они об этом догадаются. И у нас припасено кое-что на этот случай — противоракетная сеть на глубинном уровне...

Рейд сказал:

— Мои коллеги называют это паранойей. Это относится к любому, кто верит, что они решатся на такое. Они очень рискуют — им в таком случае угрожает война и полное уничтожение.

— Они обязательно рискнут — только для того, чтобы помешать тому, что сейчас происходит. Я почти уверен, что мы просто обязаны первыми нанести удар — если положение изменится не в нашу пользу. Потому мы и наняли частный самолет, четырехмоторный, с плазменными двигателями. Я вообще не представляю, как это старое корыто еще может лететь,— из него только что труха не сыплется!

— И что?

— Что — «что»? — На мгновение генерал оторвался от своих мрачных раздумий.

— Летит оно?

— Конечно летит! Полет проходит вполне нормально. Грант постоянно мне докладывает.

— Кто этот Грант?

— Мой агент. Надежный парень. Если он в деле — я спокоен, насколько это вообще возможно при таких обстоятельствах. Хотя, честно говоря, не особенно-то я и спокоен. Но этот Грант — ловкий малый, он увел Бинеса прямо у них из-под носа, вытащил, как семечки из дыни.

— И что?

— Но я все еще беспокоюсь. Говорю тебе, Рейд, это единственный безопасный способ разобраться с этой чертовой заварухой. Можешь мне поверить, они ничуть не глупее нас и на каждый наш ход у них отыщется что-нибудь в противовес. На каждого нашего человека, подсаженного к ним, у них найдется свой человек, подсаженный к нам! Это тянется уже более полувека, и мы ни в чем друг другу не уступаем — иначе это случилось бы уже давным-давно.

— По-моему, ты слишком все усложняешь, Ал.

— Ты думаешь? Но эта штука, которую везет в себе Бинес, это новейшее изобретение может положить конец противостоянию, сдвинуть равновесие с мертвой точки — раз и навсегда! И мы останемся победителями.

Рейд сказал:

— Надеюсь, они придерживаются иного мнения. Иначе... Ты прекрасно знаешь, Ал, что и для этой игры существуют определенные правила. Одна сторона не сделает ничего такого, что загнало бы противника в угол, когда тому останется только надавить на кнопки ракетных установок. Надо всегда оставлять

противнику лазейку, чтобы можно было отойти и начать все сначала. Жми, но не пережимай. Когда Бинес окажется здесь, у нас, они могут подумать, что их прижали слишком крепко.

— У нас нет выбора, мы должны рискнуть! — И добавил, высказав опасение, которое терзало его все это время: — Если только он сюда доберется.

— Доберется, почему нет?

Картер поднялся и нервно зашагал взад-вперед по комнате. Потом резко развернулся, взглянул на Рейда и снова упал в кресло.

— В самом деле, чего это я дергаюсь? Кстати, доктор, у тебя глаза блестят так, будто ты накачался транквилизаторами. А я терпеть не могу эти «пилюльки счастья». Послушай, Ал, может, нам стоит отвлечься и здраво поразмыслить о будущем? Я имею в виду — о том, что будет, когда Бинес попадет сюда.

— Почему бы нет, Дон? Только подожди, пока он в самом деле сюда доберется.

— Я не хочу дожидаться. Когда Бинес окажется здесь, может оказаться, что разговоры разговаривать будет уже некогда. Ты будешь занят по горло, все мелкие сошки в управлении забегают как угорелые — и мы ничего не успеем сделать вовремя.

— Обещаю тебе...

Генерал попробовал отмахнуться, но Рейд не обратил внимания на его возможные возражения и продолжал настаивать:

— Нет. Потом у тебя просто не получится сдержать слово, чего бы ты ни наобещал. Почему бы не позвонить шефу прямо сейчас? Сейчас! Ты ведь можешь связаться с ним напрямую. Сейчас только ты и можешь до него достучаться. Так растолкуй ему, что ФЦИПМ — не просто служанка оборонного ведомства. Или, если не можешь, свяжись с комиссаром Фюрналдом. Он на нашей стороне. Скажи ему, что мне нужны кое-какие объекты для биоисследований. Напомни, что у нас есть на это специальные ассигнования. Послушай, Ал, мы обязаны подстраховаться. За нас должен говорить голос достаточно громкий, чтобы его услышали. Нельзя упускать этот шанс! Как только Бинес окажется здесь и об этом прослышат все эти настоящие генералы, черт бы их побрал,— нас могут запросто отстранить от этого дела. И мы не увидим больше Бинеса как своих ушей!

— Я не могу, Дон. И не хочу. И вообще не собираюсь влезать в эту мерзость, пока не увижу Бинеса здесь. И вот еще что. Мне очень не нравится, что ты пытаешься на меня давить.

Рейд нахмурился.

— А что же ты предлагаешь мне делать?

— Жди, как я жду. Считай минуты.

Рейд повернулся и собрался уходить. Полковник хорошо владел собой и ничем не выдал бушевавшего в его душе гнева.

— На вашем месте, генерал, я бы принял успокаивающее.

Картер, ни слова не говоря, проводил его взглядом. Потом посмотрел на часы, пробормотал:

— Шестьдесят одна минута...— и потянулся к папке с бумагами.

Войдя в кабинет доктора Микаэлса, гражданского руководителя медицинского отдела, Рейд расслабился и почти успокоился. На широком лице доктора Микаэлса никогда не бывало выражения крайней веселости — в лучшем случае искреннее расположение в совокупности с суховатой усмешкой. Но с другой стороны, он никогда не бывал мрачным — разве что подчеркнуто официальным и серьезным. Ну, может быть, чуточку слишком серьезным.

Как всегда, доктор Микаэлс вертел в руках одну из бесчисленных схем. Полковнику Рейду казалось, что все эти схемы совершенно одинаковые, все как одна — безумная путаница каких-то линий, а собранные вместе, они вообще превращаются в безнадежную бессмыслицу.

Время от времени Микаэлс пытался объяснять полковнику, как расшифровываются эти схемы,— и не ему одному. Сам Микаэлс был просто помешан на этих диаграммах и щелкал их как семечки.

Оказывается, кровь обладает собственным уровнем радиоактивности, и, таким образом, любой организм — неважно, человеческий или мышиный — можно как бы сфотографировать и в лазерных лучах получить полное трехмерное изображение.

«Но это не самое главное,— говорил Микаэлс.— Вся прелесть в том, что трехмерное изображение можно разложить на двумерные — в любой проекции и в любом количестве срезов, нужных вам для работы! Таким образом можно проследить рисунок

мельчайших капилляров, если, конечно, навести достаточное увеличение».

«Я кажусь самому себе географом,— добавлял обычно Микаэлс.— Географом человеческого тела. Я наношу на карту его реки и заливы, его бухты и течения... А они гораздо сложнее и многообразнее, чем все реки и моря Земли, уж вы мне поверьте!»

Рейд глянул через плечо Микаэлса на очередную карту и спросил:

— Чья это, Макс?

— Признаться, даже не знаю.— Микаэлс отложил диаграмму.— Я жду, вот и все. Другие, когда чего-нибудь ждут, читают книги, чтобы скоротать время. А я читаю карты.

— Тоже ждешь, а? Вот и он ждет.— Полковник кивнул головой в направлении кабинета Картера.— Ты ждешь того же?

— Конечно. Жду, когда приедет Бинес. Хотя, ты знаешь, я не очень-то на это надеюсь.

— На что?

— Я не верю, что у этого человека есть то, что, по его словам, у него есть. Я физиолог и не так обожаю точность, как физики.— Микаэлс пожал плечами, как будто извиняясь за шутку.— Но я склонен доверять мнению специалистов. А они считают, что такое практически невозможно. Я слышал, они говорят, что по принципу неопределенности сделать это невозможно. Ты ведь не станешь спорить с принципом неопределенности, Дон?

— Я не очень в этом разбираюсь, Макс. Но те же самые эксперты утверждают, что Бинес сейчас — самый большой спец в этой области. Бинес был у наших противников, и они могли тягаться с нами только благодаря ему — заметь, только благодаря ему! У них нет больше ни одного первоклассного специалиста такого уровня, как наши Залецки, Крамер, Рихтхейм, Линдсей и остальные. И если все наши шишки в один голос твердят, что раз Бинес говорит, это у него, значит, так и есть.

— А они уверены? Или просто думают, что мы не должны упускать ни малейшего шанса? В конце концов, если даже окажется, что у Бинеса ничего нет, мы останемся в выигрыше — хотя бы только от того, что он ошибся. И к тому же Бинес больше не станет на них работать.

— Но зачем ему лгать?

Микаэлс сказал:

— А почему бы и нет? Так он смог убраться с Той стороны. И попасть к нам, где, по-моему, ему и хотелось оказаться. Если окажется, что у него таки ничего нет, мы ведь не станем утруждать себя и отправлять его обратно, разве не так? Кроме того, он вовсе не обязательно обманывает нас — может быть, он просто ошибается.

Рейд отодвинул кресло и водрузил ноги на стол в самой что ни на есть не полковничьей манере.

— Хмм... Это не лишено смысла. И если он водит нас за нос, Картеру это будет очень на руку. Как, впрочем, и им. Чертовы идиоты!

— Ты ничего не добился от Картера, а?

— Ничего. Он уперся и не соглашается палец о палец ударить, пока Бинес сюда не доберется. Сидит считает минуты и мне посоветовал заняться тем же. Что я и делаю. Осталось сорок две минуты.

— До чего?

— До того, как самолет приземлится в аэропорту. А биологи останутся с пустыми руками. Если Бинес просто использовал нас, чтобы смыться с Той стороны, мы, конечно, останемся ни с чем. А если и нет — мы все равно ничего не получим. Его сразу загребет управление безопасности или министерство обороны, и нам не перепадет ни крошки, ни ломтика! Это слишком лакомый кусочек, и они ни за что его не упустят, не позволят никому другому им заняться.

— Бессмыслица какая-то! Ну, может, сперва они его и зацепят, но ведь у нас есть свои рычаги и тяги. Мы напустим на них Дюваля. Наш богобоязненный Питер не захочет такое упустить, а это уже кое-что.

Рейд неприязненно скривился.

— Как по мне, то лучше бы уж этот Бинес попал к военным. У меня сейчас такое настроение, что я готов отдать его даже Картеру. Дюваль настроен весьма негативно, а Картер — обеими руками «за», так что я не прочь свести их вместе, пусть рвут друг другу глотки...

— Откуда такая страсть к разрушению, Дон? По-моему, ты принимаешь Дюваля слишком уж всерьез. Хирург — в своем

роде художник, скульптор живого тела. Великий хирург — все равно что великий художник, и характер у него такой же.

— У меня тоже есть нервы! Но я же не позволяю себе досаждать всем вокруг дурными манерами. Почему это один Дюваль может быть надменным и обидчивым?

— Если бы только один Дюваль, мой дорогой полковник! Я был бы просто счастлив, если бы таким был у нас только он. Да и ты, наверное, был бы лишь признателен Дювалю и не обращал на него внимания, если бы все остальные вели себя паиньками. Но в мире множество таких же заносчивых и самовлюбленных типов, вот что плохо.

— Может, и так. Может, и так,— пробормотал Рейд и глянул на часы.— Тридцать семь минут.

Если бы кто-нибудь передал мнение полковника Рейда о докторе Дювале самому доктору Питеру Лоренсу Дювалю, в ответ он бы только хмыкнул. Впрочем, он точно так же хмыкнул бы, если бы ему передали признание в любви. И не то чтобы доктор Дюваль был человеком равнодушным, нет. Просто на чью-нибудь неприязнь или обожание он обращал внимание только тогда, когда у него было свободное время. А его как такового у доктора почти не было.

И лицо его постоянно хмурилось вовсе не потому, что он вечно чем-то был недоволен. Просто такова реакция лицевых мышц на отстраненную задумчивость, в которой доктор Дюваль пребывал практически постоянно. Наверное, у каждого человека есть свой способ укрыться от мирских забот. Доктор Дюваль, например, с головой погружался в работу.

Так он к сорока пяти годам сделался нейрохирургом с мировым именем и закоренелым холостяком.

Он не поднял головы, продолжая внимательно изучать трехмерные рентгеновские снимки, разложенные перед ним на столе, когда дверь кабинета открылась. Двигаясь, как всегда, бесшумно, вошла его ассистентка.

— В чем дело, мисс Петерсон? — спросил Дюваль, еще пристальнее вглядываясь в рентгенограммы.

Воспринимать глубину изображения на трехмерных снимках не так уж сложно, но для точных измерений, которые проводил сейчас Дюваль, необходимы особые навыки. Нужно принимать

во внимание угол проекции и все время учитывать, какие структуры лежат глубже, а какие ближе к поверхности.

Кора Петерсон ответила не сразу, собираясь с мыслями. Ей было двадцать пять лет, почти вдвое меньше, чем Дювалю, и хирургической практикой она занималась всего год, так что едва-едва постигла азы своей профессии.

Почти во всех письмах, которые Кора Петерсон регулярно отправляла домой, она повторяла, что каждый день работы с доктором Дювалем стоит курса лекций в институте. И что она счастлива учиться у специалиста, который владеет такой прекрасной техникой операций, такими совершенными диагностическими методиками, который так мастерски управляется со сложнейшими инструментами. Он так предан своей работе, так внимательно относится к каждому случаю, что это не может не вдохновлять.

Что же касается менее интеллектуальной стороны дела, Кора Петерсон прекрасно понимала не хуже иного профессионального психолога, что неспроста у нее всякий раз начинает бешено колотиться сердце, когда она смотрит на сосредоточенное лицо шефа, склонившегося над работой, на уверенные, точные движения его сильных пальцев.

Как бы то ни было, на лице мисс Петерсон не дрогнул ни один мускул, поскольку она не одобряла действий своей бесконтрольной сердечной мышцы.

Если верить зеркалу, мисс Петерсон вовсе не была уродиной. Скорее даже наоборот: огромные карие глаза с густыми ресницами, красиво очерченные губы, которые изредка изгибались в мимолетной улыбке — потому что мисс Петерсон не так уж часто позволяла себе улыбаться,— и изящная женственная фигура. Все это крайне раздражало Кору, поскольку такой облик совсем не соответствовал ее представлению о внешности высококвалифицированного хирурга. Мисс Петерсон хотелось, чтобы восхищенные взгляды окружающих доставались ей за профессиональное мастерство, а не за смазливое личико и прочие подробности, которыми одарила ее природа и избавиться от которых не было никакой возможности.

Однако доктора Дюваля, похоже, интересовали только ее деловые качества, а на женские прелести своего ассистента он не

обращал ни малейшего внимания, чем вызывал еще большее восхищение мисс Петерсон.

Наконец она сказала:

— Бинес приземлится через каких-нибудь полчаса, доктор.

Дюваль оторвался от своих снимков и глянул на помощницу.

— Хмм... Почему вы здесь? Ваш рабочий день уже закончился.

Кора могла бы возразить, что его рабочий день тоже давно закончен, но она прекрасно знала, что, пока доктор Дюваль не переделает всех дел, с работы он не уйдет. Ей нередко случалось оставаться с ним здесь по шестнадцать часов подряд, хотя Кора была уверена, что сам Дюваль совершенно искренне считал, будто использует ее не больше положенных восьми рабочих часов в день.

Она сказала:

— Я осталась, чтобы на него посмотреть.

— На кого?

— На Бинеса. Вы ведь не будете возражать, доктор?

— Нет. Но почему?

— Бинес — выдающийся ученый, и все говорят, что у него есть какая-то важная информация, которая в корне изменит все, чем мы занимаемся, и поднимет нашу науку на новый уровень.

— В самом деле? — Дюваль взял из стопки рентгенограмм верхний снимок, повертел его в руках.— И как, интересно, его открытие поможет в вашей работе с лазерами?

— Я полагаю, с ним можно будет точнее попадать в цель.

— Медицинские лазеры и так очень точные. То, что придумал этот Бинес, может пригодиться только военным. А следовательно, он всего лишь увеличил вероятность уничтожения нашего мира.

— Но, доктор Дюваль, вы ведь сами говорили, что точность приборов крайне важна в работе нейрохирургов.

— Да? Что ж, может, и говорил. Но кажется, я говорил также, что вам нужно побольше отдыхать, мисс Петерсон.

Он снова взглянул на Кору. Его голос потеплел или это только ей показалось?

— У вас усталый вид.

Кора невольно подняла руку — поправить прическу, потому что, как для любой женщины, «усталый вид» означал для нее растрепанные волосы.

— Вот только Бинес приедет, и я пойду отдыхать. Обязательно! Что бы ни случилось. Кстати...

— Да?

— Вы будете завтра работать с лазером?

— Это я как раз сейчас пытаюсь решить, мисс Петерсон.

— Не рассчитывайте на шесть тысяч девятьсот пятьдесят первую модель.

Дюваль отложил снимок и откинулся в кресле.

— Почему?

— Что-то она у нас последнее время барахлит. Я никак не могу ее сфокусировать. Видимо, полетел один из диодов на трубке, но я пока не выяснила который.

— Хорошо. Тогда на всякий случай подготовьте другую установку, исправную. И пожалуйста, еще сегодня, пока вы не ушли. А завтра...

— А завтра я разберусь, что не так с шесть тысяч девятьсот пятьдесят первой.

— Да, пожалуйста.

Кора повернулась уходить и мельком взглянула на часики.

— Осталась двадцать одна минута — и самолет сядет в аэропорту.

Дюваль неопределенно хмыкнул, и Кора поняла, что он не услышал. Она вышла, медленно и по возможности бесшумно притворив за собой дверь.

Капитан Вильям Оуэнс устало рухнул на мягкое, обтянутое кожей сиденье лимузина. Потер свой острый нос и с трудом удержался, чтобы не зевнуть. Для этого пришлось изо всех сил стиснуть зубы. Капитан почувствовал, как машина приподнялась над землей на упругих струях воздуха из мощных реактивных двигателей и плавно двинулась вперед. Турбины не издавали ни малейшего звука, и трудно было поверить, что под тобой грызут удила пятьсот лошадиных сил.

Сквозь пуленепробиваемые окна справа и слева виднелся эскорт мотоциклистов. Впереди и позади разрывали мрак ночи огни машин сопровождения.

Эта армия охранников выглядела весьма внушительно, но, конечно, все это было рассчитано не на капитана Оуэнса. И даже не на того человека, которого они должны были встретить.

Вообще не на какого-нибудь конкретного человека. Все это великолепие предназначалось для того, чтобы произвести впечатление на общественность.

Слева от Оуэнса сидел начальник разведки. Сотрудники этой службы были какими-то по-особенному безликими — Оуэнс даже плохо помнил, как зовут ничем с виду не примечательного человека, который сидел рядом. Весь он, от очков в тонкой оправе до строгих классических туфель, походил скорее на университетского профессора или продавца из галантерейного магазина, чем на того, кем был в действительности.

— Полковник Гандер? — осторожно спросил капитан, пожимая ему руку перед тем, как сесть в машину.

— Гондер,— спокойно поправил полковник.— Добрый вечер, капитан Оуэнс.

Лимузин остановился у края летного поля. Совсем близко, всего в нескольких милях над ними и чуть впереди, заходил на посадку допотопный самолет.

— Сегодня великий день, вы не находите? — тихо сказал Гондер. Все в этом человеке было каким-то приглушенным, неприметным — вплоть до скромного покроя его гражданской одежды.

— Да,— кратко ответил капитан, стараясь говорить как можно спокойнее и ничем не выдать волнения. Нельзя сказать, чтобы он сейчас слишком уж волновался, просто Оуэнс всегда придерживался ровного тона в общении. Но все же от его лица с тонким заостренным носом, прищуренными глазами и высокими скулами веяло каким-то необычным беспокойством. Оуэнсу казалось иногда, что внешность его не соответствует внутреннему содержанию. Люди считали его чувствительным и слабонервным, хотя он таким на самом деле не был. Во всяком случае, ничуть не более, чем любой другой человек. С другой стороны, нередко люди убирались с его дороги, только раз на него взглянув. Ему не приходилось прилагать никаких усилий, чтобы от них избавиться. Что ж, во всем есть свои положительные стороны.

Оуэнс сказал:

— Как удачно, что он прилетает сюда. Секретную службу можно поздравить.

— Все это — заслуга нашего агента. Это один из лучших работников Службы. Наверное, секрет успеха этого парня в том,

что его облик во всем соответствует этакому романтическому образу разведчика.

— И каков же он с виду?

— Высокий. В колледже играл в футбольной команде. Симпатичный. Ужасно аккуратный. Стоит только раз взглянуть на него, и любому нашему врагу сразу станет ясно: вот оно. Враги подумают: «Именно так и должен выглядеть их секретный агент, а следовательно, этот парень никак не может оказаться шпионом». И они больше не обращают на него внимания, до тех пор пока окончательно не станет ясно, что парень-то как раз и есть секретный агент. Только обычно это случается слишком поздно.

Оуэнс хмыкнул. «Интересно, этот человек говорит серьезно? Или просто шутит, полагая, что разрядит напряженное ожидание?»

Гондер сказал:

— Вы, конечно, понимаете, что вас привлекли к этому делу вовсе не случайно. Вы ведь знакомы с Бинесом, не так ли?

— Да уж, знаком,— ответил Оуэнс со своим характерным коротким смешком.— Мы несколько раз встречались на научных конференциях — на Той стороне. Однажды вечером даже выпивали вместе. Да нет, даже не выпивали — так, баловство одно.

— Он любит поболтать?

— Я не для того его поил, чтобы он разговорился. Но как бы то ни было, он не болтлив. С ним был еще один человек. Знаете, эти ученые всегда держатся парами.

— А вы тогда разговорились? — Вопрос был задан небрежно, как будто и так подразумевалось, что ответ будет отрицательным.

Оуэнс снова рассмеялся.

— Поверьте, полковник, я не знаю ничего такого, чего бы он не знал. Так что я мог бы целыми днями болтать с ним без умолку, ничем не нарушая секретности.

— Хотелось бы и мне получше во всем этом разбираться. Я восхищаюсь вами, капитан. Перед нами — технологическое чудо, способное перевернуть весь мир с ног на голову, и всего лишь горсточка людей способна это осознать. Люди растеряли былую сообразительность.

— Все не так плохо, полковник,— сказал Оуэнс.— Нас довольно много. Но Бинес — только один. И мне, конечно же, до него еще расти и расти. Собственно, я знаю не намного больше,

чем нужно, чтобы разбираться в моих корабельных приборах и оборудовании. Вот и все.

— Но вы сумеете опознать Бинеса? — Казалось, в голосе главы Секретной службы прозвучала некоторая неуверенность.

— Конечно смогу. Даже если бы у него был брат-близнец, которого, как мы знаем, у него нет, и то я бы непременно его узнал.

— Этот вопрос далеко не праздный, капитан. Наш секретный агент, Грант, конечно же, великий мастер своего дела, но даже я немного удивлен, что ему удалось такое подстроить. И я не могу себя не спрашивать: а не случилось ли тут какой подмены? Может быть, они предугадали, что мы попытаемся выкрасть Бинеса, и успели подсунуть нам фальшивку, двойника?

— Я сумею уловить разницу,— заверил Оуэнс.

— Вы себе не представляете, что можно совершить в наши дни с помощью пластической хирургии и наркогипноза!

— Это не важно. Меня может обмануть лицо, но достаточно будет с ним поговорить — и все встанет на свои места. Либо он лучше меня разбирается в Технике,— Оуэнс сумел выговорить это слово так, что явственно прозвучала заглавная первая буква,— либо это никакой не Бинес, как бы он ни выглядел. Они могли подделать тело Бинеса, но не его разум!

Они подъехали к аэродрому. Полковник Гондер взглянул на часы.

— Летит. Уже слышно. Через минуту самолет приземлится. Точно по плану.

В толпу ожидающих вклинились вооруженные солдаты на броневиках, мигом оцепив весь аэродром, и вымели всех, кроме высокопоставленных шишек, которые должны были встречать самолет.

Огни города угасали, о них напоминало лишь легкое свечение где-то у горизонта.

Оуэнс вздохнул с облегчением. Наконец-то Бинес будет здесь. Еще минута — и...

Счастливый конец?

Он нахмурился, поскольку после этих двух слов сама собой напросилась вопросительная интонация.

«Счастливый конец»,— усмехнулся он, но произнес эти слова так, что в конце фразы хотелось поставить вопросительный знак.

Глава 2
АВТОМОБИЛЬ

Грант смотрел на огни города, к которому они подлетали, и напряжение постепенно отпускало его, по мере того как самолет шел на снижение. Никто и не подумал посвящать его в дело доктора Бинеса. Он только знал, что этот человек является крупнейшим специалистом в своей области и владеет какой-то секретной информацией. Ему сказали, что этот доктор — чуть ли не пуп земли, но ни словом не объяснили почему.

Не дави на него, сказали Гранту. Не подливай масла в огонь. Тебе опасно нервничать. Но в целом дело это архиважное, добавили они. Провала быть не должно.

Действуй спокойно, сказали ему. Но знай, что сейчас все зависит от этого дела: твоя страна, весь мир с его потрохами и судьба всего человечества.

Что ж, он провернул это дело. Все могло бы пойти прахом, если бы они не боялись убить Бинеса. Когда они сообразили, что убийство было единственным выходом — так сказать, потонуть, но утащить всех за собой,— было уже поздно, и Бинес выскользнул у них из рук.

Сам Грант отделался пулевым ранением в бок, но пластырь остановил кровь, так что беспокоиться было не о чем.

И все-таки он чувствовал себя выжатым как лимон. Не только физически, но и от всей этой чертовой работы. Десять лет назад, когда он еще учился в колледже, его называли Грант-Гранит, и он всеми способами старался соответствовать этому прозвищу, сшибая грудью всех футболистов на своем пути, когда носился по полю. В результате сломал руку, но ему повезло — он успел прикрыть зубы и нос, потому и остался симпатягой. (Его губы скривились в легкой ухмылке.)

С тех пор он никогда не вспоминал свое прозвище. Что вы, никаких кличек, только Грант! Грант — это так мужественно, так сильно.

Да пропади оно пропадом! Что у него есть? Пуля в боку и перспективы умереть в ближайшее время. Ему уже за тридцать, пора вспомнить, что у него есть имя. Чарльз Грант. Или даже Чарли Грант. Старый дружище Чарли Грант!

Он вздрогнул, но потом снова нахмурился. Именно так. Старый дружище Чарли. Да. Старый пройдоха Чарли, который обожает сидеть в кресле-качалке. Привет, Чарли, как поживаешь? Хэй, Чарли, скоро пойдет дождь.

Перейди на спокойную работу, дружище Чарли, копайся в бумажках и тяни до пенсии.

Грант бросил взгляд на Яна Бинеса. Даже ему померещилось что-то смутно карикатурное в этом человеке — тронутые сединой волосы, крупный, отвислый нос, седоватые встопорщенные усы. Мультипликаторы выжали бы все возможное из носа и усов, но проницательные глаза, утонувшие в сеточках морщин, и горизонтальная складка, никогда не покидавшая его лоб, совершенно меняли впечатление и ставили все на свое место. Одет Бинес был небрежно и весьма старомодно, но они бежали в спешке, и времени искать костюм поприличнее просто не было. Грант знал, что ученому едва за пятьдесят, но выглядел он намного старше.

Бинес наклонился вперед, всматриваясь в огни приближающегося города.

— Вы когда-нибудь бывали в этой части страны, профессор? — спросил Грант.

— Я вообще не был в вашей стране,— ответил Бинес.— Или это проверка?

В его голосе отчетливо слышался акцент.

— Нет. Так, поговорить охота. Это наш второй по величине город. Можете остаться здесь жить. Сам я из другой части страны.

— Мне все равно. Эта часть, другая. Главное, что я здесь. Я бы...— Он не закончил фразу, но в глазах его промелькнула печаль.

Покидать родину всегда тяжело, подумал Грант, даже если ничего другого не остается. Он снова заговорил:

— У вас не будет времени грустить, профессор. Вас ждет работа.

Бинес встряхнулся.

— Я знаю. Другого и не ждал. Ведь это моя плата, разве нет?

— Боюсь, что так. Мы немало потрудились, чтобы вытащить вас, вы же знаете.

Бинес положил руку на плечо Гранта.

— Вы рисковали жизнью. Я это понял. Вас ведь могли убить.

— Рисковать жизнью — это часть моей работы. Профессиональный риск, так сказать. Мне за это хорошо платят. Я ведь не гитарист и не игрок в бейсбол. Цена моей жизни уже установлена.

— Неужели вы относитесь к этому так спокойно?

— Иначе нельзя. Так уж заведено в нашей организации. Когда я вернусь, мне пожмут руку, скажут смущенно: «Неплохо сработано!» — ну, вы знаете, такое себе мужественное сюсюканье. Потом добавят: «Вам предстоит новое задание, но мы, конечно, учтем ваше ранение в бок. Стоимость пластыря возместим».

— Не думайте, что вы одурачили меня своим наигранным цинизмом, юноша.

— Я пытаюсь одурачить себя, профессор. Иначе мне конец.— Грант даже удивился, как горько прозвучали его слова.— Пристегнитесь, профессор. Этот летающий гроб садится так, будто с горы падает.

Предсказание Гранта не сбылось, самолет плавно коснулся земли, немного прокатился вперед, развернулся и замер.

Вся братия из Секретной службы бросилась к нему. Солдаты резво спрыгнули с броневиков и оцепили самолет, оставив узкий коридор для автоматического трапа, который двигался к дверке самолета.

В футе от трапа катили три лимузина сопровождения.

— Вы просто помешаны на безопасности, полковник,— сказал Оуэнс.

— Лучше больше, чем недостаточно,— парировал тот. Его губы беззвучно зашевелились, и удивленный Оуэнс понял, что полковник молится.

— Я рад, что он долетел,— сказал Оуэнс.

— А я-то как рад! Бывает же, что самолеты взрываются уже в воздухе, знаете ли.

Дверца распахнулась, и наружу высунулся Грант. Он огляделся по сторонам и помахал рукой всем присутствующим.

— Этот как будто цел,— проворчал полковник Гондер.— Где же Бинес?

Словно в ответ на его вопрос, Грант посторонился, и мимо него проскользнул Бинес. Он остановился, и на мгновение на его губах показалась улыбка. В одной руке он держал масляни-

сто блестевший чемодан. Бинес вприпрыжку помчался по трапу. Грант двинулся следом. За ними спускались пилот и штурман.

Полковник Гондер был уже рядом с трапом.

— Профессор Бинес, мы рады приветствовать вас в нашей стране! Моя фамилия Гондер, с этой минуты я отвечаю за вашу безопасность. А это Вильям Оуэнс. Полагаю, вы знакомы.

Бинес вытаращил глаза и уронил чемодан. Полковник успел его подхватить.

— Оуэнс! Ну конечно же. Однажды мы с ним так надрались. Я все помню. Днем — долгая и скучная конференция, где о самом интересном не говорили, так что меня задавила такая зеленая тоска, хоть вешайся! А за ужином мы с Оуэнсом и встретились. С ним было пятеро его коллег, но я их почти не запомнил. Потом мы с Оуэнсом пошли в небольшой клуб, с танцами и джазом. Мы пили шнапс, и Оуэнс заигрывал с одной девушкой. Кстати, вы помните Ярослава, Оуэнс?

— Это парень, который был с вами? — спросил Оуэнс.

— Точно. Он с ума сходил по шнапсу, но не мог позволить себе ни глоточка. Ему нужно было оставаться трезвым как стеклышко. Приказ.

— Он следил за вами?

Бинес только легонько кивнул головой, оттопырив нижнюю губу.

— Я все время приставал к нему, предлагал попробовать ликера. Я говорил, что здесь, в Милане, сам бог велел промочить глотку, а он отказывался. Но по глазам было видно, как ему охота пропустить стаканчик. Меня это ужасно злило.

Оуэнс улыбнулся и кивнул.

— Но давайте перейдем в машину и отправимся в управление. Нам нужно все вам показать, а заодно показать вас всем. А потом вы можете отсыпаться хоть все двадцать четыре часа перед тем, как вас забросают вопросами.

— Хватит и шестнадцати. Но сперва...— Он озабоченно огляделся.— А где Грант? Ах вот же он.

Он подбежал к молодому агенту.

— Грант! — Профессор протянул руку.— До свидания! И спасибо. Большое вам спасибо. Мы еще увидимся с вами, правда?

— Может быть,— ответил Грант.— Найти меня проще простого. Как увидите большую кучу политического дерьма, значит, я сижу на самой верхушке.

— Я страшно рад, что вы взялись за ту кучу, где был я.

Грант покраснел.

— Эта куча оказалась очень крупной, профессор. Рад был помочь. Правда рад.

— Знаю. До свидания! До встречи! — Бинес помахал рукой и направился к автомобилю.

Грант повернулся к полковнику.

— Я нарушу систему безопасности, если сейчас отчалю, шеф?

— Давай... И кстати, Грант...

— Да, сэр?

— Хорошо сработано!

— Все, что я могу ответить: веселенькое дельце.

Он покрутил указательным пальцем у виска и отошел.

«Грант умер,— подумал он.— Да здравствует старый дружище Чарли?»

Полковник обратился к Оуэнсу:

— Езжайте с Бинесом и поговорите с ним. Я поеду в машине перед вами. Когда мы доберемся до управления, вы должны будете дать четкий ответ: он это или двойник. Больше от вас ничего не требуется.

— Он вспомнил ту вечеринку,— заметил Оуэнс.

— Понятное дело,— невозмутимо ответил полковник.— Он вспомнил что-то слишком быстро и слишком подробно. Поговорите с ним!

Все расселись по машинам, и кавалькада тронулась с места, набирая скорость. В отдалении стоял Грант. Он помахал, ни к кому конкретно не обращаясь, и пошел прочь.

У него впереди была масса свободного времени, и он прекрасно знал, как им распорядится. Только сперва поспит ночку. Грант ухмыльнулся в предвкушении.

Кавалькада автомобилей осторожно двигалась по заранее намеченному маршруту. Обычный городской шум и тишина размеренно сменялись из часа в час, от квартала к кварталу, и каждому отдельному кварталу в каждый отдельно взятый час соответствовал совершенно определенный, тщательно выверенный уровень шума.

Машины катили по пустым улицам в лабиринте мрачных неосвещенных складов. Мотоциклисты немного отстали, и полков-

ник, сидящий в первой машине, принялся гадать, как те, другие, отреагируют на удачу с Бинесом.

Даже в управлении они не будут застрахованы от диверсий. Гондер не представлял, какие еще меры предосторожности он не принял, но опыт показывал, что все они могут оказаться недостаточными.

Свет?

На мгновение ему показалось, что в одном из заброшенных зданий, по ходу следования колонны, вспыхнул и погас свет. Он потянулся к трубке встроенного телефона, чтобы предупредить охрану на мотоциклах.

Быстро объяснил, на что обратить внимание. Один мотоцикл тотчас же обогнал его машину и рванулся вперед.

В это же самое время неподалеку взревел мотор автомобиля (почти неслышный в шуме двигателей приближающейся кавалькады машин), и сам автомобиль вырвался из ближайшего переулка.

Фары были выключены, и в момент его внезапного появления все растерялись и не успели ничего предпринять. Позже никто не смог точно описать то, что произошло.

Неизвестная машина неслась прямо в средний лимузин, в котором сидел Бинес, когда ему наперерез вылетел мотоцикл. Они столкнулись, и мотоцикл разнесло вдребезги. Водителя мотоцикла отбросило далеко в сторону, он упал так, что было ясно — это труп. Неизвестный автомобиль был тоже поврежден и задел намеченную цель лишь слегка.

Но этого оказалось достаточно. Лимузин, потерявший управление, врезался в телефонную будку и остановился. Машина с камикадзе за рулем также не сумела выровняться и влетела в стену склада. Раздался взрыв, и машину охватило ревущее пламя.

Лимузин полковника резко остановился. Немедленно завизжали тормоза мотоциклов, которые пронеслись чуть дальше и теперь разворачивались.

Гондер выскочил из машины, подбежал к пострадавшему лимузину и рывком распахнул дверцу.

На щеке потрясенного Оуэнса краснела свежая ссадина. Он спросил:

— Что случилось?

— Не важно. Как Бинес?

— Он ранен.

— Он жив?

— Да. Помогите мне.

Вместе они отчасти вынесли, отчасти вытащили Бинеса из машины. Его глаза были открыты, но затуманены, один раз он слегка застонал.

— Что с вами, профессор?

Оуэнс быстро прошептал:

— Он ударился головой о ручку дверцы. Наверное, сотрясение мозга. Но это точно Бинес.

— Теперь и я знаю, ты...— закричал Гондер, с неимоверным усилием проглотив последнее слово.

Дверца лимузина, в котором ехал полковник, была открыта. Вдвоем они затащили Бинеса в машину, и тут внезапно над головой затрещали винтовочные выстрелы. Гондер впихнулся в машину, чуть не сев на голову Бинесу.

— Сматываемся отсюда! — прорычал он.

Лимузин, а за ним и половина эскорта рванули с места. Остальные мотоциклисты остались прикрывать их отход. К зданию, с которого слышались выстрелы, бежал полицейский. Сцену катастрофы озаряли блики пламени догорающей машины диверсантов.

Неподалеку начали собираться зеваки, толпа росла.

Гондер положил голову Бинеса себе на колени. Профессор был без сознания, дышал еле слышно, пульс почти не прощупывался.

Гондер горько посмотрел на ученого, который сотню раз мог погибнуть до того, как в них врезалась чужая машина, и в отчаянии прошептал: «Мы почти доехали! Почти доехали!»

Глава 3

УПРАВЛЕНИЕ

Грант пришел в себя от стука в дверь. Он вылез из кровати и потопал к прихожей, шлепая босыми ногами по холодному полу и зевая так, что чуть не вывихнул челюсть.

— Входите...

Он чувствовал себя так, словно по уши накачался наркотиками, да ему и хотелось накачаться наркотиками. Во время ра-

боты его приучили вскакивать от любого неожиданного звука. Как по сигналу тревоги. Стоило добавить в кучу сна ма-а-ленький посторонний звук, и Грант взлетал как подброшенный.

Но ведь сегодня у него отдых, и отдых заслуженный!

— Что вам надо?

— Я от полковника, сэр,— ответили с той стороны двери.— Откройте немедленно.

Против желания, Грант тут же окончательно пришел в себя. Он шагнул в сторону от двери и прижался спиной к стене. Потом открыл дверь, насколько позволяла цепочка, и сказал:

— Покажите свою идентикарту.

Ему протянули карточку, и Грант унес ее в спальню. Полез в бумажник и вынул свой идентификатор. Вставил карту в прорезь, и на экране тотчас же высветился результат.

Грант вернулся в прихожую и откинул цепочку, тем не менее готовый увидеть оружие или еще какую гадость.

Но вошедший молодой человек выглядел вполне безобидно.

— Вы должны пройти со мной, сэр. Вас ждут в управлении.

— Который час?

— Шесть сорок пять, сэр.

— Утра?

— Да, сэр.

— С чего бы это я им понадобился в такую рань?

— Не могу знать, сэр. Я лишь выполняю приказ. Мне поручено привезти вас. Простите.— Он попытался неуклюже пошутить.— Мне самому не очень-то хотелось вставать, но я здесь.

— У меня есть время, чтобы побриться и принять душ?

— Ну...

— Ладно, но хоть одеться я могу?

— Да, сэр... Но быстро!

Грант поскреб щетину на подбородке и втайне порадовался, что успел побриться вчера вечером.

— Дайте мне пять минут на одевание и на все остальное.

Он спросил уже из ванной:

— А в чем там дело?

— Не знаю, сэр.

— А в какое управление мы едем?

— Не думаю...

— Ладно, не важно.

Шум льющейся воды на время сделал разговор невозможным.

Когда Грант появился снова, он уже походил на цивилизованного человека.

— Вы сказали, что мы едем в управление, так ведь?

— Да, сэр.

— Хорошо, сынок,— дружелюбно сказал Грант.— Но если ты задумал морочить меня, я тебе голову оторву.

— Да, сэр.

Когда автомобиль остановился, Грант нахмурился. Светало, но небо оставалось серым и унылым. Собирался дождик. Они оказались в окружении мрачных пустых строений. Четверть мили назад они миновали территорию, обнесенную веревочным заграждением.

— Что там случилось? — поинтересовался Грант, и его спутник с готовностью сообщил, что не знает.

Теперь их машина остановилась, и Грант незаметно потрогал кнопку на кобуре своего пистолета.

— Вы уж лучше расскажите, что будет дальше.

— Мы приехали. Это секретная база правительства. Конечно, с виду не скажешь, но это так.

Молодой человек и шофер вышли из автомобиля.

— Оставайтесь, пожалуйста, в машине, мистер Грант.

Они оба отошли шагов на сто в сторону, а Грант озабоченно огляделся вокруг. Внезапно он почувствовал, что машина дернулась, и на какую-то долю секунды даже растерялся. Когда он немного пришел в себя, то сразу потянулся к ручке двери — чтобы выбраться из машины. Но тут его снова сковало изумление — вокруг со всех сторон отвесно поднимались вверх гладкие бетонные стены.

Гранту показалось, что он вместе с машиной куда-то проваливается, потом он сообразил, что машина, скорее всего, стоит сейчас на площадке грузового лифта. К тому времени, как это уложилось в его голове, было уже слишком поздно дергать за ручку и выпрыгивать из машины.

Крышка люка наверху плавно скользнула на свое место, и Грант очутился в полной темноте. Он включил фары автомобиля, но поток света всего лишь отразился от гладкой закругленной поверхности стен шахты.

Ничего не оставалось, кроме как сидеть и ждать. И примерно через три минуты плавного спуска платформа с машиной остановилась.

По бокам открылись две большие двери, и Грант напряг мускулы, готовый к новым неожиданностям. Но ничего страшного не происходило, и агент немного успокоился. Снаружи его поджидал двухместный скутер, в котором сидел полицейский в униформе — самый обыкновенный полицейский в самой обыкновенной форме военной полиции. На шлеме виднелись буквы «ФЦИПМ». Такой же маркировкой был помечен и скутер.

Грант непроизвольно начал расшифровывать аббревиатуру. «Флотский центр интенсивной переподготовки моряков»,— пробормотал он.— Или «Федерации цветоводов и посетителей музеев».

— Что? — переспросил он вслух. Задумавшись, Грант не расслышал вопроса полицейского.

— Может быть, вы зайдете в машину, сэр? — повторил полицейский более настойчиво, указывая на свободное сиденье рядом с собой.

— Конечно, конечно. Ничего себе у вас тут местечко!

— Да, сэр.

— Оно, наверное, очень большое?

Они неслись по просторному подземному залу, вдоль выстроившихся в ряд грузовых машин и мотокаров, на каждом из которых красовались все те же пять букв — «ФЦИПМ».

— Большое.— Полицейский был краток.

— Что мне больше всего во всех вас нравится,— пошутил агент,— так это щедрость, с которой вы делитесь бесценной сверхсекретной информацией.

Скутер плавно скользнул по скату, поднимаясь на верхний, более густонаселенный уровень. Там повсюду сновали люди в униформе, и мужчины, и женщины, и у каждого на лице было озабоченное выражение. Все были чем-то сильно обеспокоены — это сразу бросалось в глаза.

Грант задержал взгляд на торопливо шагавшей мимо молоденькой девушке, одетой в подобие медицинского халата (неизменные буквы «ФЦИПМ» были отпечатаны как раз напротив весьма приятственной округлости бюста, с левой стороны). Эта

девушка напомнила ему о том, чем он собирался заполнить время отпуска.

Но если это — новое задание...

Скутер резко повернул и остановился у конторки дежурного.

Полицейский-водитель выбрался наружу.

— Чарльз Грант, сэр.

Дежурного за пультом, похоже, это не впечатлило.

— Имя? — спросил он.

— Чарльз Грант,— повторил агент.— Как уже сказал этот любезный молодой человек.

— Вашу иденткарту, пожалуйста.

Грант достал иденткарту и протянул дежурному. На этой карте значился только ничем не примечательный номер, и дежурный едва удостоил ее беглого взгляда. Грант равнодушно наблюдал, как дежурный вставляет карту в стационарный идентификатор, встроенный в пульт. Этот идентификатор ничем существенно не отличался от его собственной карманной модели, только размером побольше и не такой удобный. Тусклый серый экран засветился и выдал изображение владельца карты, анфас и в профиль,— мрачноватое и похожее на портрет какого-нибудь преступника, не хватало только грифа «Разыскивается... Вооружен и очень опасен» — так, по крайней мере, всегда казалось самому Гранту при взгляде на собственный портрет.

Куда подевался открытый, честный взгляд? Где же доброжелательная улыбка? Где, скажите, пожалуйста, эти милые ямочки на щеках, от которых все девчонки просто сходят с ума? Их нет и в помине — только густые темные брови, почти сросшиеся на переносице, из-за чего его взгляд кажется таким мрачным, даже угрюмым. Странно, и как они могут вообще узнавать его по такому вот портрету?

Однако дежурный его узнал, и, похоже, без особых затруднений — один мимолетный взгляд на фото, потом — на Гранта. Иденткарта выскользнула обратно, дежурный передал ее Гранту и коротко кивнул.

Скутер снова двинулся вперед, проехал под аркой на входе в широкий тоннель, предназначенный для движения транспорта — по две полосы с каждой стороны. Движение было очень оживленным, и Грант оказался здесь единственным человеком без примелькавшейся уже униформы с пометкой «ФЦИПМ».

С обеих сторон через равные промежутки попадались боковые коридоры, у самой стены тянулась узкая пешеходная дорожка за ограждением. Темные пятна боковых коридоров повторялись с почти завораживающей регулярностью. Но людей здесь было не так уж много.

Скутер свернул в один из коридоров, на арке которого значилась надпись: «Медицинская служба».

За поворотом показалась еще одна будка дежурного, как две капли воды похожая на ту, где у Гранта проверяли документы. Дежурный в форме военной полиции, едва увидев их, нажал на переключатель. Тяжелые стальные двери раздвинулись в стороны, скутер скользнул внутрь и подрулил к стоянке.

Грант гадал, под какой же частью города они сейчас находятся.

К ним быстро шел человек в генеральской форме. Гранту показалось, что этого человека он уже где-то видел. Он узнал генерала, только когда тот подошел на расстояние вытянутой руки.

— Картер, это вы? Мы с вами встречались на Трансконтинентале пару лет назад. Только тогда на вас не было формы.

— Здравствуйте, Грант! К черту форму — я надеваю ее только ради удобства. В этом местечке генеральский мундир — единственная гарантия, что твои распоряжения будут выполняться как следует. Пойдемте, Грант-Гранит,— кажется, так?

— Ну да.

Они прошли через массивную дверь в комнату, которая, очевидно, находилась над операционной. Грант глянул вниз через смотровое окно — действительно операционная, в которой царит почти физически ощутимая стерильность. И двое людей в белом, мужчина и женщина, в окружении множества приспособлений, сверкающих в лучах сильной бестеневой лампы металлическим блеском, холодным и резким. Все это нагромождение металла и электроники стало теперь непременной принадлежностью медицины, превратив ее во что-то вроде отрасли технической науки.

Операционный стол был накрыт белоснежными простынями, из-под которых виднелась только голова с копной седых волос, лежащая на белой подушке.

Грант испытал почти потрясение, когда разглядел человека, который лежал на операционном столе.

— Бинес? — прошептал он.

— Бинес,— подтвердил помрачневший генерал Картер.

— Что с ним?

— Они в конце концов сумели до него добраться. Наша вина. Мы живем в век электроники. И все, что мы ни делаем, проходит через наших электронных помощников. Любые опасности, которые готовят наши враги, мы привыкли отражать, управляя потоками электронов. Маршрут движения кортежа от аэродрома был тщательно выверен, на каждом столбе висели датчики, которые обнаружили бы любого врага — но только если бы этот враг был электронным. Мы не рассчитывали, что придется столкнуться с людьми — с машиной, которой управлял человек, и с ружьями, из которых стреляли люди.

— Наверное, никого из них не осталось в живых?

— Никого. Водитель машины погиб сразу же, при взрыве. Остальных мы перестреляли. Погибли и несколько наших ребят.

Грант снова посмотрел вниз. Бинес был в сознании, но взгляд его совершенно ничего не выражал и бесцельно блуждал по сторонам. Вероятно, он находился под воздействием сильных психотропных средств.

— Я полагаю, раз он жив, то есть еще какая-то надежда?

— Он жив. Но надеяться почти не на что.

Грант спросил:

— С ним кто-нибудь говорил?

— Капитан Оуэнс, Вильям Оуэнс. Вы его знаете?

Грант покачал головой.

— Видел мельком в аэропорту, его называл по имени некий Гондер.

Картер продолжал:

— Оуэнс поговорил с ним по дороге, но ничего существенно нового не узнал. Гондер тоже с ним разговаривал. Кто говорил с Бинесом больше всех — так это вы. Он рассказал вам что-нибудь?

— Нет, сэр. Да если бы и сказал что-то такое, я бы не понял, что это значит. Я только забрал его из той страны и сопроводил сюда — вот и все.

— Конечно. Но в разговоре он мог, сам того не ведая, сказать больше, чем хотел бы.

— Если и так, я пропустил это мимо ушей. Но не думаю, чтобы он случайно проговорился о чем-то важном. Те, кто живет на Той стороне, привыкли держать язык за зубами.

Картер нахмурился.

— Хвалиться тут нечем, Грант. У нас в этом смысле вряд ли дела обстоят лучше. И если хотите знать... Простите, это, пожалуй, уже лишнее.

— Все в порядке, генерал.

Грант пожал плечами. На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Итак, если хорошенько разобраться, Бинес ни с кем не успел толком поговорить. Его вывели из строя прежде, чем он успел поделиться той информацией, ради которой все это затевалось. С тем же успехом Бинес вообще мог не покидать Той стороны.

Грант заметил:

— По пути сюда мне пришлось миновать столько постов охраны, что...

— Что ж, место действительно почти надежное. Еще штук пять кордонов и блоков — и я бы мог поручиться за его полную безопасность.

— А что сейчас не так с Бинесом?

— У него поврежден мозг. Придется делать сложнейшую операцию — для этого вы нам и понадобились.

— Я?..— Брови Гранта поползли вверх от удивления.— Но послушайте, генерал, я понятия не имею о нейрохирургии! Я не отличу мозжечок от полушарий.

Картер промолчал, и Грант понял, что все его отговорки пропадут втуне.

— Пойдемте со мной,— пригласил генерал.

Грант прошел за ним к двери, затем вниз по узенькой лестнице, по коридору, в другую комнату.

— Центральный наблюдательный пост,— не вдаваясь в подробности, пояснил Картер. Все стены комнаты были заполнены телевизионными панелями. Вокруг кресла в центре комнаты полукругом изгибалась еще одна панель, с множеством переключателей, помеченных маленькими табличками.

Картер сел в кресло, Грант остался стоять.

— Я хочу еще раз кое-что вам объяснить,— сказал Картер.— Вы, конечно, понимаете, что между нами и ими — нечто вроде «железного занавеса».

— И довольно давно. Конечно, я все понимаю.

— Как бы то ни было, этот «железный занавес» — не такая уж плохая штука. Мы все время настороже, секретность учитывается при любом важном деле. Мы много работаем в этом направлении и немалого достигли. И мы, и они. Но если «железный занавес» и будет когда-нибудь прорван, лучше все-таки, чтобы это сделали мы, а не кто-то другой. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Понимаю, генерал,— сухо ответил Грант.

— Бинес открыл уникальную возможность для такого прорыва. И если бы нам удалось узнать, в чем кроется его секрет...

— Позволите задать вопрос, сэр?

— Давайте.

— Что это за секрет? Хотя бы приблизительно, в чем тут дело?

— Сейчас объясню. Я все вам объясню, имейте терпение. Любые новости надо узнавать в свое время. Так что я продолжу... Если бы Бинес сумел рассказать нам побольше о своем открытии, «железный занавес» практически перестал бы существовать — и уничтожили бы его мы. Но если он умрет, так ничего и не рассказав, или выживет, но все забудет из-за повреждения мозга — положение останется прежним и «железный занавес» простоит еще бог знает сколько времени.

Грант сказал:

— Что ж, если не считать отвлеченного сожаления об утрате столь выдающегося ученого, по-моему, ничего непоправимого не случится — «железный занавес», как вы сами говорили, не так уж плох.

— Да, конечно, если бы положение было именно таким, как я описал. Но все может обернуться иначе.

— Почему вы так считаете?

— Все дело в Бинесе. Насколько нам известно, он всегда был человеком лояльным и особенных неприятностей с правительством у него не было. Почти четверть века он был вполне законопослушным гражданином их страны и даже пользовался

определенными привилегиями. И вот, совершенно неожиданно, он изъявил желание встать на нашу сторону...

— Потому что тоже хотел, чтобы «железный занавес» был прорван, и с нашей стороны.

— Но так ли это? А может, он, хоть и не открыл им всех подробностей своего изобретения, успел продвинуться в своих исследованиях настолько, что получил ключ ко всему остальному? А когда он понял, что, сам того не желая, вложил в руки тех залог безопасности всего мира, он, может быть, усомнился в добрых намерениях его собственной стороны, решил, что они вряд ли удовольствуются простым равновесием... И вот он перебрался к нам: не для того, чтобы помочь нам победить, а скорее для того, чтобы победителей не было вообще. Другими словами, он перешел на нашу сторону, чтобы сохранить «железный занавес».

— У вас есть какие-нибудь доказательства, сэр?

— Ни единого,— сказал Картер.— Но вы же понимаете, что это вполне возможно, так ведь? И вы ведь понимаете, что нет никаких доказательств обратного?

— Продолжайте, сэр.

— Если бы вопрос жизни или смерти Бинеса выливался только в вопрос полной победы или сохранения «железного занавеса» — что ж, тогда мы могли бы еще что-нибудь сделать. Чертовски стыдно, конечно, упускать шанс на полную победу, но завтра нам мог бы подвернуться другой шанс. Однако может оказаться, что выбор совсем иной — сохранение «железного занавеса» или полное поражение. А этого мы допустить никак не можем. Вы со мной согласны?

— Конечно.

— Так вот, раз уж есть хотя бы малейшая возможность того, что со смертью Бинеса нас ожидает полный разгром,— значит, мы должны предотвратить его смерть любой ценой, должны рискнуть всем.

— Полагаю, это касается меня, генерал, раз уж вы собираетесь поручить мне какое-то задание. Так вот, я привык рисковать своей жизнью и по меньшему поводу, и отдаленно не напоминавшему угрозу нашего полного поражения. Должен признаться, мне никогда особенно не нравилось рисковать жизнью, но я должен был это делать — и делал. И все же зачем я понадобил-

ся в операционном зале? Когда мне нужно было перевязать рану — совсем недавно, на последнем задании,— мне помогал Бинес. Что же говорить обо всей этой современной медицинской технике, если я и простую перевязку не могу толком сделать?

Картер снова не обратил внимания на возражения агента.

— Направить на это задание именно вас посоветовал Гондер. Он очень высоко вас ценит и сразу назвал ваше имя. Гондер считает вас очень способным человеком. Поэтому я и выбрал вас, Грант.

— Генерал, не стоит меня перехваливать. А то я начинаю волноваться.

— Черт побери, парень, я тебя ничуть не перехваливаю! Только кое-что объясняю. Гондер считает, что ты прекрасно подходишь для этого задания. Более того, твое прежнее задание пока еще не доведено до конца. Ты должен был доставить Бинеса к нам целым и невредимым — и не доставил.

— Когда я передавал его с рук на руки самому Гондеру, с Бинесом было все в порядке!

— Не важно. Зато сейчас не в порядке.

— Вы задеваете мою профессиональную честь, генерал!

— Думай как хочешь.

— Хорошо. Я прикачу на тележке инструменты. Я буду утирать пот со лба хирурга. Я даже подмигну пару раз медсестре. Вот и все — больше никакого толку от меня в операционной не будет.

— Я не заставляю вас делать все лично. Вас будет целая команда.

— Знаете, я догадывался об этом,— сказал Грант.— Шуровать скальпелями должен кто-то другой, я могу только разложить их на столике.

Картер уверенно защелкал переключателями на панели. На одном из мониторов появилось изображение двух фигур в затемненных очках, склонившихся над лазерной пушкой. Они что-то там с ней делали, так что красное пятнышко лазерного луча все сужалось и сужалось, пока не стало не толще нитки. Потом луч лазера погас, и эти двое сняли свои очки.

Картер сообщил:

— Это доктор Питер Дюваль. Вы о нем слышали?

— К сожалению, нет.

— Это лучший нейрохирург страны.

— А кто эта девушка?

— Его ассистент.

— Хмм!

— Не обманывайтесь внешним впечатлением. Она прекрасный специалист.

Грант слегка пожал плечами и сказал:

— Я и не сомневался, сэр.

— Вы, говорите, видели Оуэнса в аэропорту?

— Мельком, сэр.

— Он тоже будет в вашей команде. И еще — наш начальник медицинского отдела. Сейчас я вас познакомлю.

Картер снова пощелкал переключателями. Телемонитор загудел сильнее, как всегда бывает, когда аппаратура работает на двустороннюю передачу.

Четверть экранов всей телесети, размещенной на противоположной стене, заполнила обширная лысина.

— Макс! — позвал Картер.

Микаэлс поднял голову, прищурился. Выглядел он изможденным.

— Да, Ал.

— Грант готов. Дело не терпит. У нас не так много времени.

— У нас его нет совсем. Я сейчас зайду.— На мгновение глаза Микаэлса и Гранта встретились.— Я надеюсь, что вы действительно готовы, мистер Грант, к самому необычному испытанию в вашей жизни. Или в чьей-нибудь еще.

Глава 4

СОВЕЩАНИЕ

В кабинете Микаэлса Грант, открыв рот, уставился на объемную схему системы кровообращения.

— Все свалено в кучу,— подал голос Микаэлс,— но это карта территории, на которой нам предстоит действовать. Каждая линия — это дорога, каждая точка — перекресток. Похоже на карту автомобильных дорог Соединенных Штатов. Только посложнее, ведь у этой — три измерения.

— Великий боже! — только и мог вымолвить Грант.

— Сотни тысяч миль кровеносных сосудов. Вы видите лишь малую часть: большинство сосудов микроскопичны и разглядеть их можно только при огромном увеличении. Но если соединить их все, вытянуть в одну нить, ее длины хватит, чтобы четыре раза обернуть вокруг Земли по экватору. Или вытянуть на половину пути до Луны... Вы хоть немного поспали, Грант?

— Часов шесть. Еще успел вздремнуть в самолете. Я неплохо себя чувствую.

— Хорошо. У вас будет время побриться и перекусить, если пожелаете. Я и сам не прочь бы поспать.— Он махнул рукой.— Не потому что я плохо себя чувствую. Я совсем не жалуюсь. Вы когда-нибудь принимали морфоген?

— Даже не слыхал о таком. Это что, наркотик?

— Да. Относительно новый. Вы, конечно, понимаете, что вам нужен не сон как таковой. Человек во сне отдыхает ничуть не больше, чем, к примеру, просто сидя расслабившись, с открытыми глазами. Может, даже меньше. На самом деле нам во сне важны сновидения. Человеческий организм нуждается в сновидениях, иначе нервная система дает сбой и такой человек начинает видеть галлюцинации и в конце концов умирает.

— А этот морфоген заставляет видеть сны? Так?

— Именно. Это лекарство вырубает вас на целый час, в течение которого вы непрерывно видите сны, а проснувшись, чувствуете себя полностью отдохнувшим и готовым бодрствовать хоть сутки кряду. И все же я бы посоветовал воздержаться от такого медикаментозного вмешательства, пока не возникнет крайней нужды.

— Почему? От этого устаешь?

— Да нет. Не то чтобы устаешь... Дело в том, что сновидения от морфогена обычно бывают кошмарными. Морфоген опустошает все потайные закоулки мозга, выметает все ваше недовольство и неприятности, накопившиеся за день. Это проверено. Так что лучше уж воздержитесь, пока можно. Видите ли, у меня просто не было выхода. Эту карту обязательно нужно было приготовить, и я корпел над ней всю ночь.

— А что это за карта?

— Это кровеносная система Бинеса, вплоть до мельчайшего капилляра, и я должен был изучить все ее особенности. Вот

здесь, почти в самом центре мозга, совсем рядом с гипофизом, находится кровяной сгусток — тромб.

— Это из-за него все наши неприятности?

— Именно. Со всем остальным можно так или иначе разобраться, даже не прибегая к нейрохирургии. Поверхностные ушибы, шок, сотрясение мозга — все это пустяки. А с тромбом придется повозиться. И чем быстрее мы начнем, тем лучше.

— Сколько он еще протянет, доктор?

— Не могу сказать. Я полагаю, это нарушение кровообращения не приведет к немедленной смерти — по крайней мере, не сразу. Но необратимые изменения в мозге начнутся гораздо раньше. Наши шишки ожидали от Бинеса какого-то чуда и теперь страшно боятся остаться у разбитого корыта. Картер, к примеру, здорово получил по носу и решил вызвать вас, чтобы подстраховаться — на всякий случай.

— Вы хотите сказать, он опасается еще одного покушения? — спросил Грант.

— Он не говорил этого, но, по-моему, именно это его и пугает. Собственно, затем он и настоял, чтобы вас зачислили в спасательную команду.

Грант задумался.

— Но разве есть хоть какой-нибудь повод подозревать, что в это место могут проникнуть вражеские агенты?

— Я думаю, нет. Но Картер — человек жутко подозрительный. Мне кажется, он подозревает, что следующий удар враги нанесут руками наших медиков.

— Дюваль?

Микаэлс пожал плечами.

— Его не очень-то здесь любят, а инструмент, с которым он работает, может убить, если отклонится хоть на долю миллиметра.

— И как же в таком случае его можно остановить?

— Его невозможно остановить, в том-то и дело.

— Пусть тогда операцию делает кто-нибудь другой. Тот, кому можно полностью доверять.

— Видите ли, больше ни у кого не хватит знаний и практического опыта для такой тонкой работы. Кроме того, Дюваль — здесь, среди нас. Ну и в конце концов, ведь нет никаких доказательств того, что Дювалю нельзя доверять.

— Но ведь даже если я буду повсюду следовать за Дювалем, как нянька, и не спущу с него глаз все это время — что это изменит? Я ни черта не понимаю в том, что он будет делать, и не смогу даже определить — правильно он все делает или портачит. Честно говоря, я боюсь, как бы не пришлось выносить меня из операционной, когда он вскроет черепную коробку,— зрелище, согласитесь, еще то.

— А он не будет вскрывать череп,— сказал Микаэлс.— Снаружи до этого тромба добраться невозможно. Доктор Дюваль совершенно в этом уверен.

— Но ведь...

— Мы уберем тромб изнутри.

Грант недоверчиво хмыкнул и медленно покачал головой.

— Вам лучше знать. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Микаэлс спокойно сказал:

— Мистер Грант, все остальные участники этого проекта понимают, в чем дело, и знают, что именно каждый из них будет делать. Вы у нас новенький, а потому, наверное, надо бы вам все хорошенько объяснить... Что ж, раз надо — значит, надо. Сейчас я немного расскажу о том, над чем работают в этом заведении. Так сказать, немножко теории...

Грант скривил губы.

— Простите, доктор, но, боюсь, это ни к чему. В колледже я был первым парнем в футбольной команде и не последним — с девушками. Так что не тратьте понапрасну слов — в теориях я не силен.

— Я видел ваше личное дело, Грант, и там не совсем то, о чем вы только что сказали. Как бы то ни было, я не собираюсь спорить и убеждать вас в том, что вы человек достаточно интеллигентный и образованный, если это как-то вас задевает — даже когда мы наедине. Хорошо, оставим теорию, но вы все равно должны кое-что усвоить. Полагаю, вы уже обратили внимание на нашу аббревиатуру — ФЦИПМ?

— Конечно.

— Как вы думаете, что это означает?

— Были у меня кое-какие мысли на этот счет. Как вам, например, вот это: Фонд ценителей искусства позднего матриархата? Я придумал еще пару вариантов, но, боюсь, они совсем непечатные.

— Придется остановиться на Федеральном центре изучения проблем миниатюризации.

— А что, в этом деле есть какие-то проблемы? — спросил Грант.

— Сейчас поймете. Вы слышали когда-нибудь о миниатюризации?

Грант подумал немного, наморщив лоб.

— Вспомнил. Я тогда учился в колледже. На курсе физики нам пару занятий о чем-то таком толковали.

— В промежутках между соревнованиями по футболу?

— Ага. Кажется, тогда вообще был не тот сезон. Я припоминаю, тогда какая-то группа физиков заявляла, что они нашли способ уменьшать размеры предметов во сколько угодно раз, и их еще объявили обманщиками. Ну, может, не так — что они не обманывают, а просто ошибаются. Не важно. Помнится, нам тогда привели кучу доказательств того, что человека невозможно уменьшить до размеров, скажем, мыши — так, чтобы он при этом по-прежнему оставался человеком.

— Естественно — такие занятия провели тогда во всех колледжах страны. Вы, случайно, не вспомните какое-нибудь из этих доказательств?

— Попробую. Если вам нужно уменьшить размеры какого-нибудь живого объекта, этого можно достичь двумя способами. Либо уменьшить расстояние между всеми атомами, из которых состоит организм, либо каким-то образом изменить пропорции взаимного расположения этих самых атомов. Чтобы сдвинуть атомы ближе друг к другу, чем есть на самом деле, нужно приложить огромную силу — в противодействие силам внутримолекулярного отталкивания. Например, чтобы «сдавить» человека до размеров мыши, нужна сила, равная давлению в центре Юпитера. Ну как, я правильно вспомнил?

— Ваш разум светел, как солнечный день.

— Тогда — если даже удастся развить такое давление — оно непременно убьет все живое. Кроме того, если таким способом и удастся уменьшить объект — его масса останется прежней. И человек размером с мышь все равно будет весить столько же, сколько и раньше, а это очень неудобно.

— Превосходно, мистер Грант! Наверное, ваши подружки часами слушали, разинув от удивления рот, когда вы излагали им эту занимательную теорию. Кстати, что там за второй способ?

— Второй способ — переместить атомы. Убрать часть атомов в определенном порядке, так, чтобы размеры и масса объекта уменьшились, а пропорции остались прежними. Если уменьшить человека до размеров мыши, у вас сохранится примерно один атом из семидесяти тысяч. Если то же проделать с мозгом — то в итоге мы едва ли получим что-то намного сложнее, чем мозг обыкновенной мыши. И опять же, каким образом вернуть объекту прежние, истинные размеры — даже если этим физикам и удастся создать его миниатюрную копию? Как можно отловить все недостающие атомы и вставить их на прежнее место?

— Действительно, как же, мистер Грант? Но почему же тогда некоторые известные физики решили, что миниатюризация вообще возможна?

— Не знаю, доктор. Только об этом что-то ничего больше не слышно.

— Отчасти потому, что колледжи провели серьезную работу — по указанию свыше,— чтобы как следует выбить из юных мозгов интерес к этому предмету. Наука и техника ушли в подполье — и у нас, и на Той стороне. Буквально — зарылись под землю. Сюда. В подземелье.— Доктор Микаэлс почти любовно похлопал ладонью по крышке стола.— Но пришлось все же оставить специальные курсы о технике миниатюризации для признанных ученых-физиков, которые нигде больше не могли бы почерпнуть такие сведения. Разве что в подобных учреждениях на Той стороне. Уменьшить живой объект во множество раз без изменения его свойств действительно возможно, только совсем не такими способами, о которых вам рассказывали в колледже. Вы когда-нибудь видели увеличенные фотографии, мистер Грант? Или уменьшенные до размеров микрофильма?

— Конечно.

— Не вдаваясь в подробности, скажу только, что то же самое можно делать и с трехмерными объектами. Даже с человеком. Мы уменьшаем человека не как материальный объект, а как трехмерное изображение, которое управляется извне — из космоса, из виртуальной вселенной, если угодно.

Грант улыбнулся.

— Это только слова, доктор.

— Да, но вы ведь сами не захотели слушать теоретические выкладки, разве нет? Открытие, сделанное теми самыми физи-

ками десять лет назад, касается использования гиперпространства — пространства, у которого есть больше, чем привычные нам три измерения. Сама концепция — почти за пределами понимания, математические выкладки вообще не поддаются никакому описанию, но, что самое смешное, все это действительно можно сделать на практике! Объекты действительно можно уменьшать. Причем не нужно ни выкидывать лишние атомы, ни сдвигать их поближе один к другому. Размеры атомов тоже уменьшаются — как и все остальное,— и масса объекта, соответственно, тоже уменьшается. А если понадобится — размеры можно восстановить.

— Похоже, вы не шутите,— серьезно сказал Грант.— Значит, по-вашему, действительно можно уменьшить человека до размеров мыши?

— В принципе человека можно уменьшить хоть до размера бактерии, или, если хотите,— вируса, или — атома. Теоретически пределов миниатюризации не существует. Целую армию, со всем снаряжением и техникой, можно уменьшить так, что она поместится в спичечной коробке. В идеале эту спичечную коробку можно было бы доставить куда следует, а там вернуть армии прежние размеры и пустить в дело. Понимаете теперь, в чем тут дело?

Грант сказал:

— Я так понимаю, Та сторона тоже может такое сделать?

— Наверняка. Однако, Грант, время идет, а дело не терпит отлагательств. Пойдемте со мной!

Там — «пойдемте со мной», здесь — «пойдемте со мной»! С тех пор как Грант проснулся, он ни разу не оставался на одном месте больше чем на пятнадцать минут. Агента ужасно раздражало такое обхождение, но он ничего не мог с этим поделать. Может, это завуалированная попытка не давать ему времени на раздумья? Во что они собираются его втянуть?

Они с Микаэлсом летели в скутере. Доктор прекрасно вел машину.

— Если такая штука есть и у нас, и у них — выходит, одно нейтрализует другое? — спросил Грант.

— Да, но все не так просто. Ни мы, ни они еще не овладели методикой в совершенстве. Тут есть ловушка.

— Да?

— Десять лет мы работаем над проблемой миниатюризации — теория и практика уменьшения размеров объекта и, соответственно, увеличения миниатюры до прежних размеров. Все эти вопросы касаются теории гиперпространства. К сожалению, мы зашли в тупик. Исчерпали все теоретические возможности в этом направлении.

— Ну и как успехи?

— Не особенно. Вмешался принцип неопределенности. Степень уменьшения обратно пропорциональна продолжительности миниатюризации. Говоря научно, эта формула равна той, где выводится константа Планка. Если уменьшить человека вполовину, он может оставаться таким сотни лет. Если сжать его до размеров таракана, эффект продержится несколько дней. Если же мы уменьшим человека до размеров бактерии, он пробудет таким всего несколько часов. Потом он вернется к прежнему размеру.

— Но ведь его можно снова сделать маленьким.

— Только после довольно долгого «фазового» периода. Могу привести математическое обоснование.

— Не нужно. Я верю вам на слово.

Они подлетели к подножию эскалатора. Микаэле выбрался из скутера со слабым стоном. Грант перепрыгнул через бортик.

Они облокотились о поручни, скользящие вверх наравне со ступенями.

— И что такого знает Бинес?

— Мне сказали, что он рвал на груди рубаху и клялся, что может преодолеть принцип неопределенности. Вероятно, он нашел способ, как продлить миниатюризацию до бесконечности.

— Судя по вашей интонации, вы не очень-то в это верите.

Микаэле пожал плечами.

— Я скептик. Если он собирается уравновесить степень уменьшения и его продолжительность, значит, придется сделать это за счет чего-нибудь еще, а я не представляю, что это может быть. Возможно, единственный вывод, который можно сделать: я не Бинес. В любом случае, он утверждает, что может решить эту проблему, и мы не должны упустить свой шанс из-за собственной недоверчивости. Наверное, Та сторона думает так же — иначе не было бы попытки его убить.

Они поднялись к вершине эскалатора, и Микаэлс немного помедлил, чтобы договорить. Потом перешли к другому эскалатору, который вел на следующий этаж.

— Итак, мистер Грант, вы понимаете, что нам предстоит спасти Бинеса. Зачем? Ради информации, которой он владеет. Каким образом? Посредством миниатюризации.

— А почему именно миниатюризации?

— Потому что сгусток крови в мозгу Бинеса невозможно устранить извне. Я уже говорил об этом. Поэтому мы уменьшим субмарину, введем ее в артерию. Капитан Оуэнс будет капитаном, я — штурманом, мы поведем подводную лодку прямо к тромбу. И там за работу примутся доктор Дюваль и его ассистентка, мисс Петерсон.

Грант вытаращился на Микаэлса.

— А я?

— А вы будете стоять рядом и наблюдать. Что-то вроде ревизора.

Грант резко возразил:

— Только не я! Я не подписывался под всем этим. И не желаю впутываться в это дело. Совсем!

Он развернулся и попытался спуститься вниз по восходящему эскалатору, но у него ничего не вышло. Микаэлс подошел к нему. Казалось, доктор был удивлен.

— Но разве ваша работа не связана с риском вообще?

— Я рискую так, как сам считаю нужным. К такому риску я привык. К такому риску я готов. Дайте мне достаточно времени, чтобы узнать о миниатюризации побольше — столько, сколько понадобилось для этого вам, и я пойду на риск.

— Мой милый Грант! Никто и не спрашивал вас, хотите ли вы впутываться в это дело. Мне-то казалось, что вас вынуждает идти на риск ваш профессиональный долг. Я только что описал вам важность предстоящей операции. Кроме того, сам я иду на это дело, несмотря на то что далеко не молод и никогда не играл в футбол. Собственно, я рассчитывал, что вы поддержите меня в трудную минуту тем, что согласитесь присоединиться к нам. Так сказать, покажете пример.

— Если так, то плохой из меня работник,— пробормотал Грант. И раздраженно, почти зло добавил: — Хочу кофе!

Он остановился и позволил эскалатору вынести себя наверх. Неподалеку находилась дверь с табличкой «Зал заседаний». Они вошли.

Грант не сразу рассмотрел все, что находилось в комнате. Сперва ему в глаза бросился конец длинного стола, на котором стояли здоровенный кофейник, множество чашек и поднос с бутербродами.

Грант тут же двинулся к столу, отпил сразу полчашки горячего черного кофе и откусил кусок бутерброда, как ему показалось, размером с него самого. Тут же ухватился за следующий бутерброд и только потом заметил, что в комнате есть кто-то еще.

Это была ассистентка Дюваля — кажется, ее зовут мисс Петерсон? — которая смотрела ему прямо в рот. Девица была очень симпатичная, даже несмотря на то, что сидела так нарочито близко от Дюваля. Грант пришел к выводу, что ему будет чертовски сложно по-дружески относиться к хирургу, и только после этой мысли он смог рассмотреть комнату целиком.

За одним концом стола расположился какой-то полковник, который был явно чем-то встревожен. В одной руке он вертел пепельницу, а другой стряхивал пепел сигареты на пол. Он с вызовом сказал Дювалю:

— Я, кажется, достаточно ясно изложил свое мнение.

Под портретом президента стоял человек, которого Грант тут же опознал как капитана Оуэнса. Приветливость и улыбки, которые он расточал в аэропорту, исчезли, а на скуле краснела свежая ссадина. Он казался взволнованным, и Грант вполне разделял его чувства.

— Этот полковник, он кто? — спросил Грант Микаэлса шепотом.

— Дональд Рейд, мой главный противник из наших военных.

— Бьюсь об заклад, что Дюваль его довел.

— Не в первый раз. Он не один такой, их целая толпа.

Грант едва удержался, чтобы не сказать: «Похоже, и она с ними заодно», но слова эти прозвучали в голове слишком нежно, потому он промолчал. Господи, ну и штучка! Что она нашла хорошего в такой мясницкой профессии?

Рейд говорил тихо, строго контролируя свои чувства.

— И кстати, доктор, что здесь делает эта женщина?

— Мисс Кора Петерсон,— пояснил Дюваль ледяным голосом,— мой ассистент. Она всегда сопровождает меня туда, куда меня зовет профессиональный долг.

— Эта операция очень опасна...

— И мисс Петерсон участвует в ней по собственной воле, понимая всю опасность операции.

— Можно отыскать множество мужчин-добровольцев, вполне квалифицированных для того, чтобы ассистировать вам, доктор Дюваль. Выбрать одного из них будет намного проще. Я могу предложить...

— Мне никто не нужен, полковник, и, если вы попытаетесь навязать мне кого-нибудь из посторонних, я попросту никуда не пойду, и вы не сможете заставить меня! Мисс Петерсон для меня — вторая пара рук. Она прекрасно знает, что мне требуется во время работы, поэтому ей не нужны напоминания с моей стороны. Она всегда на месте, она всегда на подхвате как раз тогда, когда нужно, даже если я не сказал ни слова. Мне не надо чужого человека, который с места не сдвинется, пока на него не рявкнешь. Я не отвечаю за успех операции, если потеряю драгоценные секунды из-за того, что мой помощник неправильно меня понял. Я не могу ничего гарантировать, если рядом не будет моей ассистентки, которая может сыграть решающую роль в операции.

Грант снова перевел взгляд на Кору Петерсон. Она ужасно смутилась и смотрела на Дюваля таким взглядом, каким — Грант видел это однажды — смотрела собака на своего маленького хозяина, вернувшегося из школы. Гранту все это крайне не понравилось.

Не успел Рейд взвиться от злости, как раздался голос Микаэлса:

— Поскольку, Дон, исход этой операции зависит от мастерства доктора Дюваля, мы не можем диктовать ему свои условия. Мы полностью полагаемся на него — ради благополучного исхода всего дела, не так ли? Я согласен взять на себя всю ответственность.

Он предлагает Рейду способ выйти из спора, сохранив лицо, понял Грант, и зарвавшийся Рейд не может не согласиться.

Полковник стукнул кулаком по крышке стола.

— Ладно. Но пусть запишут, что я был против!

Он сел на место, кусая губы.

Дюваль тоже сел, лицо его оставалось непроницаемым. Грант поспешил вперед, чтобы пододвинуть Коре стул, но та опередила его и села прежде, чем он подошел к стульям.

— Доктор Дюваль,— сказал Микаэлс,— это Грант, молодой человек, который дополнит нашу команду.

— Как рабочая сила, доктор,— вставил Грант.— Это моя единственная квалификация.

Дюваль мельком глянул на него. Все его приветствие ограничилось легким кивком.

— И мисс Петерсон.

Грант лучезарно улыбнулся. Она не ответила на улыбку и только сказала:

— Здравствуйте.

— Привет,— откликнулся Грант, посмотрел на второй бутерброд, зажатый в руке, и только сейчас понял, что никто больше в комнате не ест. Он положил бутерброд на стол.

В эту минуту появился Картер, он быстро вошел, кивнул всем присутствовавшим — направо и налево. Сел и начал:

— Не присядете ли, капитан Оуэнс? И вы, мистер Грант?

Оуэнс медленно подошел к столу и устроился рядом с Дювалем. Грант сел в отдалении и убедился, что, глядя на Картера, можно краем глаза обозревать профиль Коры.

Можно ли считать пропащим дело, в котором принимает участие такая девушка?

Микаэлс, который примостился рядом с Грантом, нагнулся и прошептал ему на ухо:

— По-моему, неплохая идея — включить в нашу команду женщину. Может, мужчины постараются держаться молодцами хотя бы ради нее. Мне это по душе.

— Поэтому вы выступили в ее защиту?

— Да нет. Дюваль говорил чистую правду. Без нее он бы и шагу не сделал.

— Он так полагается на нее?

— Вряд ли. Но от своего он никогда не отступается. Особенно если это не нравится Рейду. Любовь здесь ни при чем.

— К делу,— сказал Картер.— Можете пить и есть, если хотите. Не собирается ли кто из вас сделать какое-нибудь заявление?

Внезапно Грант сказал:

— Я нахожусь здесь не по собственной воле, генерал. Я отказываюсь от работы и предлагаю поискать другую кандидатуру.

— Да, вы здесь не по собственной воле, мистер Грант, и на ваш отказ я отвечаю отказом. Джентльмены и мисс Петерсон, мистер Грант включен в экспедицию по нескольким причинам. Во-первых, именно он помог Бинесу перебраться в нашу страну и справился с этим заданием вполне профессионально.

Все головы повернулись в сторону Гранта, который так и сжался, невольно ожидая бурных оваций зала. Никаких оваций не последовало, и он расслабился.

Картер продолжил:

— Он специалист по средствам связи и опытный аквалангист. К тому же мистер Грант наделен железной выдержкой и острым умом и способен быстро принимать решения. Поэтому я наделяю его следующими полномочиями: когда начнется ваша экспедиция, последнее слово в решающих вопросах принадлежит именно ему. Это понятно?

Всем было понятно, и Грант, рассеянно рассматривавший свои ногти, сказал:

— Наверное, имеется в виду, что, пока все занимаются своим делом, я беру на себя устранение всех чрезвычайных ситуаций. Прошу прощения, но я не могу считать себя достаточно подготовленным для такой роли.

— Ваше заявление внесено в протокол,— молвил Картер. Ни один мускул у него на лице не дрогнул.— Теперь дальше. Капитан Оуэнс создал экспериментальную модель субмарины для океанографических исследований. Конечно, она подходит для вашей миссии далеко не идеально, но эта лодка превосходно укомплектована. К тому же другой у нас просто нет. Оуэнс и поведет эту подводную лодку к цели. Она называется «Протей».

Картер перевел взгляд на Микаэлса.

— Доктор Микаэлс будет штурманом. Он изготовил и тщательно изучил карты кровеносной системы Бинеса, которые мы вскоре рассмотрим. А доктор Дюваль и его ассистентка проведут саму операцию по удалению тромба. Вы все понимаете важность предстоящей экспедиции. Надеюсь, что операция пройдет успешно и вы вернетесь обратно целыми и невредимыми. Су-

ществует вероятность, что Бинес скончается во время операции, но это случится наверняка, если операцию отложить. Может случиться, что лодка погибнет, но я должен признать, что в данных обстоятельствах риск стоит попытки. Удача же вознаградится сторицей — я имею в виду не столько ФЦИПМ, сколько все человечество в целом.

Грант тихонько прошептал:

— Вперед, ребятишки...

Кора Петерсон услышала его шепот и окинула его пронизывающим взглядом из-под темных ресниц. Грант покраснел.

— Покажите им карту, Микаэлс,— попросил Картер.

Микаэлс нажал кнопку на приборе, лежавшем перед ним, и на стене засветилась трехмерная карта кровообращения Бинеса, которую Грант недавно видел в кабинете доктора. Микаэлс передвинул какой-то тумблер, и карта словно приблизилась, увеличилась. На переднем плане обозначились сосуды, охватывающие шею и голову.

Сеть кровеносных сосудов высветилась с потрясающей четкостью, потом изображение пронизали тонкие линии системы координат. По схеме скользила маленькая черная стрелка-указатель, которой управлял доктор Микаэлс с помощью дистанционного манипулятора. Микаэлс не стал подниматься, остался сидеть, как и раньше, обхватив одной рукой спинку стула.

— Тромб находится вот здесь,— сказал Микаэлс.

Грант не понял сперва, где же этот самый тромб,— по крайней мере, пока доктор Микаэлс не перевел стрелку-указатель. И тогда Грант увидел его — маленький плотный узелок, закупоривший артериолу.

— Тромб не представляет собой непосредственную угрозу жизни потерпевшего, но вот этот участок мозга,— стрелка скользнула вокруг,— не получает необходимого количества кислорода и питательных веществ, и вскоре в нем начнутся необратимые изменения. Доктор Дюваль полагает, что этот участок мозга будет поврежден необратимо уже через двенадцать часов, а то и раньше. При обычной нейрохирургической операции для того, чтобы добраться до тромба, потребуется трепанация черепа — здесь, здесь либо вот здесь. При каждом из этих трех вариантов операция будет сопровождаться значительным повреждением окружающих участков ткани мозга, и результат будет весьма

сомнительным. С другой стороны, существует возможность добраться до тромба непосредственно по кровяному руслу. Проникнув в сосудистую систему через наружную сонную артерию на шее, мы будем на более-менее прямом пути к цели.

Стрелка плавно скользнула вдоль толстого жгута сонной артерии, которая четко выделялась на фоне переплетения голубых вен. С виду все было просто и понятно.

Доктор Микаэлс тем временем продолжал:

— Следовательно, если уменьшить «Протей» и его команду и ввести инъекционно в...

Внезапно раздался резкий, холодный голос Оуэнса:

— Погодите, пожалуйста. До какой степени нас уменьшат?

— Размер субмарины должен быть таким, чтобы она могла беспрепятственно проникать сквозь защитные барьеры человеческого организма. Общая длина лодки будет не больше трех микрон.

— А сколько это будет в дюймах? — поинтересовался Грант.

— Около одной десятитысячной дюйма. Это средний размер крупной бактерии.

— Заметьте,— продолжал Оуэнс,— что, когда субмарину введут в артерию, мы окажемся во власти сильного артериального кровотока.

— На самом деле скорость течения крови в наружной сонной артерии не больше мили в час,— заметил Картер.

— При чем тут мили в час? Нас понесет с такой скоростью, что за каждую секунду мы будем проходить расстояние в сто тысяч раз больше полной длины субмарины! При пересчете на реальные размеры лодки это составит примерно двести миль в секунду — или около того. В виде миниатюр мы будем нестись со скоростью, в двенадцать раз выше той, с которой летают космические корабли! И это по самым скромным подсчетам.

— Несомненно, это так. И что с того? — спросил Картер.— С такой скоростью все время движутся красные кровяные тельца — эритроциты. А они сделаны далеко не из такого прочного материала, как ваша субмарина.

— А вот и нет! Каждое красное кровяное тельце состоит из биллионов атомов, а у «Протея» в том же объеме будут биллионы биллионов атомов — уменьшенных атомов, конечно, но что

с того? Мы все равно будем состоять из гораздо большего количества неделимых частиц, чем эритроциты, а следовательно, будем гораздо мягче их! Более того, все, что окружает эритроциты, состоит из атомов такого же размера, как и сами красные кровяные тельца. А нас будут окружать со всех сторон частицы, состоящие из просто чудовищных атомов.

Картер обратился к Микаэлсу:

— Вы можете прояснить этот вопрос, доктор?

Микаэлс небрежно пожал плечами.

— Я, наверное, не так глубоко вникал в проблемы миниатюризации, как капитан Оуэнс. Полагаю, его вопрос обусловлен влиянием докладов Джеймса и Шварца о том, что хрупкость объекта возрастает пропорционально степени уменьшения.

— Именно,— подтвердил Оуэнс.

— Тем не менее прочность уменьшенного объекта если и снижается, то очень ненамного. И если припомните, Джеймс и Шварц вводили некоторые допущения в своих выкладках, поэтому их теория не является полностью достоверной. Кроме того, должен напомнить, что при увеличении объектов их прочность не возрастает.

— На это не стоит оглядываться — мы ведь не увеличивали ничего более чем в сотню раз,— возразил Оуэнс с оттенком небрежения в голосе.— А нам предстоит уменьшить субмарину более чем в миллион раз от реальных размеров. Никто и никогда не заходил так далеко, подобных прецедентов просто не было! Поэтому никак нельзя сказать заранее, станем ли мы более хрупкими, и как будет действовать на нас давление крови в артерии, и даже — уцелеем ли мы после столкновения с эритроцитами, и как на нас будут реагировать белые кровяные тельца. Разве не так, Микаэлс?

Микаэлс признал:

— Что ж, это так.

Картер нетерпеливо перебил:

— Конечно, эксперименты по исследованию таких больших степеней миниатюризации еще не проводились. Но у нас сейчас просто нет на них времени, поэтому придется рискнуть. Если субмарина погибнет — значит, так уж суждено.

— Как интересно! — пробормотал Грант.

Кора Петерсон наклонилась к нему и прошептала с нажимом:

— Потише, пожалуйста, мистер Грант! Вы не на футбольном поле.

— О, так вы заглядывали в мое досье, мисс?

— Ш-ш-ш!..

Картер продолжал:

— Мы примем все меры предосторожности, какие только возможны. Тело Бинеса подвергнут гипотермии, чтобы оно лучше сохранилось,— при низкой температуре потребность тканей мозга в кислороде значительно уменьшается. Это означает, что частота сердечных сокращений замедляется и, соответственно, снижается скорость кровотока.

Оуэнс сказал:

— Тем не менее сомнительно, что нам удастся преодолеть турбулентное течение...

Микаэлс добавил:

— Капитан, если держаться подальше от стенок артерии, мы постоянно будем в зоне ламинарного течения и ни о каких турбулентных завихрениях беспокоиться не придется. Кроме того, в самой артерии мы будем всего несколько минут, а потом попадем в более мелкие сосуды, где проблемы с течениями отпадут сами собой. Единственное место, где нам никак не избежать турбулентных вихрей,— сердце. Туда нам никак нельзя попадать, иначе нас сомнет в лепешку,— значит, будем держаться от сердца как можно дальше. Может, мне лучше продолжить?

— Да, пожалуйста,— сказал Картер.

— Когда мы достигнем места закупорки, нужно будет устранить тромб — разрушить с помощью лазерной пушки. Лазерная установка и сам луч, уменьшенные в соответствующей пропорции, не должны причинить никакого вреда ни тканям мозга, ни непосредственно стенкам сосудов. Если, конечно, лазерную пушку будет наводить опытный специалист — такой, как наш доктор Дюваль. Нам совсем не обязательно уничтожать все мельчайшие частицы кровяного сгустка. Достаточно будет раздробить тромб на небольшие фрагменты. А о них уже позаботятся лейкоциты — белые кровяные тельца. Как только тромб будет разрушен, мы покинем эту зону, продвигаясь дальше по сосудисто-

му руслу — в венозную систему, вплоть до яремной вены у основания шеи, откуда нас и достанут.

Грант спросил:

— А как можно определить, где мы будем находиться и когда?

Ответил ему Картер:

— Микаэлс будет штурманом, он сверит маршрут движения со схемой кровеносного русла и проследит, чтобы вы все время двигались в нужном направлении. Кроме того, мы будем поддерживать с вами связь по радио...

— Вы не можете знать, будет ли такая связь работать,— вставил Оуэнс.— Существует проблема преобразования радиосигналов в соответствии со степенью миниатюризации — а с таким сильным уменьшением, как в нашем случае, даже эксперименты никогда раньше не пробовали проводить.

— Да, это правда — вот мы и попробуем. Кроме того, у «Протея» атомный двигатель, и мы сможем проследить его путь по этой радиоактивной метке. Тут никакое уменьшение не играет роли. Однако, джентльмены, у вас только шестьдесят минут.

Грант сказал:

— То есть мы должны сделать дело и выбраться наружу за час?

— Совершенно верно. Вам можно будет оставаться в уменьшенном виде примерно шестьдесят минут. Если отсрочить преобразование в прежний вид — увеличение начнется самопроизвольно. Мы просто не сможем удержать вас дольше в уменьшенном виде. Если бы у нас были данные, которые привез Бинес, мы могли бы поддерживать ваши миниатюры неограниченное время... Но если бы у нас были эти данные...

— Путешествие не понадобилось бы,— закончил за него Грант, ядовито усмехнувшись.

— Именно. Но если вы начнете увеличиваться, находясь внутри тела, то сперва привлечете внимание защитных систем организма, а потом, довольно скоро, просто убьете Бинеса. Глядите, чтоб до такого не дошло!

Картер обвел взглядом всех присутствующих.

— Еще какие-нибудь сообщения? Нет? Что ж, тогда начинайте готовиться. Нужно сделать все это как можно быстрее.

Глава 5

СУБМАРИНА

Все метались по операционной как сумасшедшие — не то чтобы быстро ходили, а чуть ли не бегали. Только тело на операционном столе оставалось совершенно неподвижным. Оно было обернуто тяжелым термоодеялом, насквозь пронизанным тончайшей сетью трубочек, по которым циркулировал фреон. Обнаженное тело Бинеса под этим покровом охладилось до температуры, при которой жизнь почти замерла — точнее, едва теплилась.

Голову Бинеса обрили наголо и покрыли сеткой линий, обозначающих широту и долготу, отчего голова стала ужасно похожей на глобус. На лице бесчувственного ученого застыло выражение глубокой печали, накрепко впечатанное жесткими складками у рта и вокруг глаз.

На стене рядом с операционным столом появилось изображение кровеносной системы больного, увеличенное до такой степени, что сетка сосудов головы и шеи занимала все пространство от стены до стены и от потолка до пола. С виду эта картина напоминала какое-то фантастическое дерево или даже лес — с огромными, толщиной в мужскую руку, крупными артериями и венами, окутанными невероятно запутанным переплетением тоненьких сосудов и капилляров.

В комнате над операционной, где был специальный стеклянный купол для наблюдения, стояли Картер и Рейд. Оттуда были хорошо видны панели с мониторами, за каждым из которых сидели техники в белой медицинской униформе с неизменными буквами «ФЦИПМ».

Картер склонился над стеклянным куполом, пока Рейд тихо и спокойно говорил в микрофон:

— Доставьте субмарину к миниатюризационной установке.

Такие приказания всегда отдают тихим и спокойным голосом. Тишина сама по себе говорит о многом — например, о важности происходящего. Лихорадочно делались самые последние приготовления, еще и еще раз перепроверяли, как работает термоодеяло. Каждый техник вглядывался в свой монитор, будто это была его невеста, с которой он наконец оказался наедине. Медсестры порхали вокруг Бинеса, как огромные белые бабочки.

Как только «Протей» начали готовить к уменьшению, каждый человек в операционной понял, что пошел отсчет последних минут перед стартом.

Рейд нажал на кнопку.

— Сердце!

На мониторе, расположенном прямо перед Рейдом, появилось подробная «карта» сердца Бинеса и окружающих тканей. Снизу, под монитором, высвечивалась электрокардиограмма. Сердце Бинеса сокращалось медленно, и каждое сердцебиение звучало как глухой двойной удар.

— Что ты на это скажешь, Генри?

— Нормально. Частота сокращений держится около тридцати четырех в минуту. Никаких нарушений, ни акустических, ни на электрокардиограмме. Хорошо бы и все остальное было в таком же порядке.

— Так.— Рейд переключил монитор. Что может быть не так, если с сердцем все в порядке?

Он переключился на сектор легких. На мониторе ожили показатели всех респираторных функций.

— Все в порядке, Джек?

— Так точно, доктор Рейд. Частота дыхательных движений — шесть в минуту. Меньше не получается.

— И не нужно. Продолжай наблюдение.

Теперь гипотермия. Этот сектор оказался побольше предыдущих. Сюда поступали данные из всех систем организма, но оценивался только один показатель — температура. Уровень температуры видимых слизистых, кожи на различных точках тела, температуры разных внутренних органов. На множестве экранов отмечались малейшие изменения температуры. Под каждым экраном была табличка: «Кровеносная система», «Респираторная», «Сердечная», «Почки», «Кишечник» и тому подобное.

— Что-нибудь не так, Сойер? — спросил Рейд.

— Нет, сэр. Внутренняя температура — двадцать восемь градусов по шкале Цельсия, или по Фаренгейту...

— Не нужно пересчитывать.

— Да, сэр.

Рейд как будто собственной кожей почувствовал холод — на восемь градусов ниже нормы. Восемь решающих градусов, которые приостанавливают обмен веществ, замедляют его почти

в три раза по сравнению с нормой. Втрое уменьшается потребление кислорода, сердце бьется медленнее, падает скорость кровотока, и, естественно, уменьшается скорость повреждения мозга, зависимого от закупоренной артерии. Кроме того, гипотермия создает более благоприятные условия для субмарины, которая вот-вот погрузится в неизведанные глубины человеческого организма.

Картер повернулся к Рейду.

— Все готово, Дон?

— Насколько это вообще возможно, учитывая, что мы придумали все за одну ночь.

— Я не особенно верю в эту затею.

Рейд покраснел.

— Что бы это значило, генерал?

— Нам нужны не импровизации. Для меня не секрет, конечно, что вы занимаетесь проблемами миниатюризации биологических объектов. Но разве вы собирались проводить эксперименты непосредственно на человеческой системе кровообращения?

— Нет, именно кровеносную систему мы не рассматривали. Но моя группа разрабатывала подобные проблемы — хотя бы теоретически. Это, собственно, их основное занятие.

— Дон...— Картер замялся было, но все же сказал: — Если эта затея провалится, Дон, чья-то голова срочно понадобится правительству в качестве охотничьего трофея. И скорее всего, это будет моя голова. А если все получится как надо, ты и твои люди выйдете отсюда, раздувшись от гордости и благоухая, как майские розы. Постарайся все же не перегнуть палку, что бы ни случилось.

— Военные все равно окажутся на шаг впереди нас, разве нет? Ты мне и раньше про это говорил — что не стоит перебегать им дорогу.

— Будет очень трудно отказаться от искушения. Так, вот еще что. Что там не так с этой девицей, Корой Петерсон?

— Ничего, а что?

— У тебя довольно громкий голос. Мне было слышно, что ты говорил как раз перед тем, как я вошел в зал. Почему ты не хотел, чтобы она была в спасательной команде?

— Она — женщина. Не стоит подвергать ее такой опасности. Кроме того...

— Что?

— Честно говоря, этот Дюваль, как всегда, начал выступать в своей надменной манере, и я непроизвольно стал возражать. Насколько ты доверяешь Дювалю?

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем ты на самом деле послал туда этого Гранта? За кем он должен присматривать в первую очередь?

Картер сказал низким, внезапно охрипшим голосом:

— А я вообще не говорил ему, за кем там надо приглядывать. Однако смотри — они уже прошли в стерилизационную!

Грант вдыхал специфический медицинский запах, радуясь удачному случаю — наконец-то можно было как следует побриться. Негоже упускать возможность привести себя в порядок — ведь на борту субмарины будет девушка. Униформа с буквами «ФЦИПМ» тоже выглядела вполне достойно — из цельного куска материи, на замке-молнии, очень удобная и при этом почти щегольская. Форма, которую спешно подобрали для Гранта, немного жала под мышками. А, ерунда, все равно носить ее придется не больше часа.

Грант и все остальные члены спасательной команды тесной группой прошли вниз по коридору, освещенному блеклым синеватым светом, насыщенным ультрафиолетовыми лучами. Перед тем как войти в стерилизационный коридор, все они надели темные очки-консервы, чтобы защитить глаза от вредного действия излучения.

Кора Петерсон шла как раз перед Грантом, и он безмолвно проклинал слишком темные стекла очков, потому что из-за них не получалось хорошенько рассмотреть завлекательную фигурку девушки.

Грант решил хоть как-то завязать знакомство и обратился к ней с вопросом:

— Мисс Петерсон, неужели этого коридора достаточно, чтобы мы стали совершенно стерильными?

Она быстро повернула голову и сказала:

— Полагаю, вам не стоит опасаться каких-нибудь трудностей с половыми функциями.

Грант понял, что его каламбур оценили. Как раз на это он и намекал.

— Вы недооцениваете мою наивность, мисс Петерсон. А я, видимо, немного заблуждался относительно вашей опытности.

— Я не хотела вас обидеть.

Дверь в конце коридора открылась автоматически, и Грант, стараясь вести себя естественно, подступил к Коре поближе и предложил ей руку. Девушка уклонилась и пододвинулась поближе к доктору Дювалю, чуть не наступив тому на ногу.

Грант продолжал:

— Ну что вы, какие обиды? Только, по-моему, мы все же не совсем стерильны — в смысле, в нас есть микробы. В лучшем случае облучение убило тех, что были на поверхности. Но ведь внутри нас — целые полчища микробов, и они все целы и невредимы.

— С этой точки зрения Бинес тоже не стерилен,— ответила Кора и передразнила: — В смысле, в нем тоже есть микробы. Но чем больше микробов мы убьем — тем меньше пронесем с собой. Наши микробы, конечно, уменьшатся вместе с нами. И неизвестно, как такие вот миниатюрные микробы подействуют на человеческий организм, когда попадут в кровь. С другой стороны, через час эти миниатюрные микробы увеличатся до нормальных размеров, и тогда их вредоносное действие на организм Бинеса будет вполне предсказуемым. Тем не менее чем меньше Бинес подвергается воздействию неизвестных факторов, тем лучше.— Кора покачала головой.— Как много мы еще не знаем... А сейчас — не самый лучший момент для экспериментов.

— Но ведь выбора у нас все равно нет, правда, мисс Петерсон? И — можно, я буду называть вас Корой? Хотя бы на время операции.

— Мне все равно.

Они вошли в большую круглую комнату со стеклянными стенами. Пол комнаты был выложен выпуклыми шестиугольными плитами примерно трех футов в поперечнике, сделанными из какого-то молочно-белого стекловидного материала. В самом центре комнаты была плитка, которая отличалась от всех остальных цветом — она была ярко-красной.

В комнате почти не осталось свободного места — все пространство занимало судно в форме подковы, белого цвета, пример-

но пятидесяти футов длиной, со сферическим колпаком в верхней части — подводная лодка. Передняя поверхность колпака была из толстого стекла, на верхушке находилась еще одна стеклянная выпуклость, совершенно прозрачная — кабина для наблюдений. Подводную лодку, установленную на гидравлической платформе, отбуксировали в центр комнаты.

Микаэлс подошел поближе к Гранту.

— «Протей». Наш дом вдали от дома на ближайший час или около того.

— Какая огромная комната...— сказал Грант, оглядываясь вокруг.

— Наша камера миниатюризации. Здесь уменьшали артиллерийские установки и даже небольшие атомные бомбы. Здесь же мы держали деминиатюризированных насекомых — вы знаете, мы увеличивали муравьев до размеров паровоза. Официального разрешения на такие биоэксперименты еще не получено, но мы все же делали подобные опыты один или два раза. Смотрите, они подвели «Протей» к нуль-модулю, это вон та красная плитка в центре. Ну, кажется, нам пора. Волнуетесь, мистер Грант?

— Еще как! А вы?

Микаэлс резко кивнул, повторив:

— Еще как!

«Протей» установили на его собственные опоры, и гидравлический подъемник, который доставил лодку на место, отъехал в сторону. У одного из бортов появился небольшой трап, который вел к входному люку.

Субмарина сияла первозданной белизной от загадочной полусферы в передней части до сдвоенных двигателей и киля-стабилизатора на корме.

Оуэнс сказал:

— Я пойду первым. Когда подам знак — входите за мной.— И двинулся к трапу.

— Естественно, это же его корабль,— пробормотал Грант.— Почему бы и нет? — Потом повернулся к Микаэлсу и сказал: — Кажется, он волнуется больше нас всех, вместе взятых.

— Просто он так выглядит. Все время кажется, что ему не по себе. Но если даже Оуэнс волнуется — что ж, на то есть причина. У него жена и двое маленьких ребятишек. А Дюваль и его помощница одиноки.

— Я, признаться, тоже,— сказал Грант.— А вы?

— Разведен. Детей нет. Вот так.

Оуэнс был теперь хорошо виден — в прозрачном стеклянном куполе на верхушке субмарины. Похоже, он был целиком поглощен работой — разбирался с какими-то приборами в куполе. Но вот наконец Оуэнс поднял голову и махнул рукой, приглашая остальных подниматься на борт. Микаэлс махнул в ответ и пошел к трапу. Дюваль — за ним. Грант жестом предложил Коре пройти впереди себя.

Все уже были на своих местах, когда Грант пронырнул сквозь тесную, рассчитанную на одного человека шлюзовую камеру. Наверху, в высоком капитанском кресле, окруженном панелью с приборами управления, сидел Оуэнс. Чуть ниже было еще четыре кресла. Два задних заняли Кора и Дюваль. Кора сидела на правом, рядом с трапом, ведущим под купол, к капитанскому креслу, Дюваль — на левом.

Впереди была еще пара кресел. Доктор Микаэлс уже устроился на том, что слева, так что Грант занял оставшееся, правое, рядом с ним.

С каждой стороны были рабочие площадки и еще что-то — похоже, запасная, аварийная панель управления. Под рабочими площадками находились небольшие каюты. В задней части рубки были еще две маленькие каюты — одна рабочая, другая — что-то вроде склада оборудования.

Внутри было по-прежнему темно. Микаэлс сказал:

— Вам придется поработать, Грант. Обычно на вашем месте сидит один из наших сотрудников — специалист по связи. Вы, кажется, тоже немного разбираетесь в коммуникационных приборах. Ваш опыт нам очень пригодится. Надеюсь, с радио у вас никаких проблем?

— Я, правда, давно этим не занимался, но...

— Послушайте, Оуэнс! — окликнул Микаэлс капитана.— Как у нас с питанием для рации?

— Сейчас, сейчас. Я тут проверяю кое-какие программы,— отозвался Оуэнс.

Микаэлс сказал:

— Вряд ли с этим будут какие-нибудь неожиданности. Рация — единственный прибор на корабле, который получает энергию не от атомного реактора.

— Неожиданностей быть не должно.

— В порядке! Все, расслабьтесь. Наверное, остались какие-то секунды до того, как начнется миниатюризация.— Микаэлс повернулся к Гранту.— Все остальные так заняты... Если вы не против, я поговорю с вами.

— Давайте.

Микаэлс поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее.

— Знаете, волнение у всех проявляется по-разному. Некоторые закуривают сигарету — кстати, на борту корабля курить запрещается...

— Я не курю.

— Некоторым хочется выпить, а кто-то начинает грызть ногти. А я становлюсь ужасно разговорчивым — если, конечно, вообще не задыхаюсь от волнения. Сейчас, к примеру, со мной происходит нечто невообразимое — тянет поболтать, хотя горло вот-вот перехватит спазм. Вы говорили об Оуэнсе — он вас беспокоит?

— Почему вы спрашиваете?

— Полагаю, Картер дал вам некоторые указания? Какой он подозрительный, этот Картер! Просто параноик какой-то. Вы не находите? По-моему, Картер озабочен даже тем, что именно Оуэнс был в машине с Бинесом, когда случился этот прискорбный инцидент. Нападение.

Грант сказал:

— Даже мне это приходило в голову. Но что это должно означать? Если допустить, что Оуэнс мог подстроить этот налет, то вряд ли он согласился бы ехать в той машине. По-моему, внутри машины, рядом с Бинесом,— не самое безопасное место, чтобы переждать нападение.

— Я ни о чем таком и не думал,— стал убеждать его Микаэлс, яростно помотав головой.— Просто пытаюсь понять, чего хотел Картер. Предположим, Оуэнс — тайный вражеский агент, которого они завербовали во время одной из его поездок на эти зарубежные научные конференции...

— Как романтично...— без воодушевления заметил Грант.— А кто-нибудь еще из нашей команды бывал на таких конференциях?

Микаэлс на мгновение задумался, припоминая.

— Собственно говоря, все мы бывали. Даже девица была раз на небольшом съезде ученых в прошлом году — доктор Дюваль представлял там одну из своих разработок. Все равно, давайте предположим, что завербовали именно Оуэнса. Предположим, он получил задание лично убедиться, что Бинес действительно погибнет. Это объясняет, почему ему пришлось рисковать собственной жизнью. Тот водитель в машине, которая шла на таран, тоже прекрасно понимал, что его ждет верная смерть. И те пятеро стрелков на крыше тоже знали, что наверняка погибнут. И все же они пошли на это не раздумывая.

— Соответственно, сейчас Оуэнс готов скорее погибнуть, чем допустить, чтобы у нас все получилось как надо? Поэтому он так и волнуется?

— Да нет! То, о чем вы только что сказали, просто невероятно. Я могу представить, раз уж на то пошло, что Оуэнс способен пожертвовать жизнью ради каких-то идеалов, но только не в этом случае — он ни за что не допустит, чтобы первая же крупная операция, которую ему доверили, провалилась, ведь тогда его репутация как капитана корабля безнадежно пропала!

— Значит, вы считаете, что из этих соображений на него можно полностью положиться и забыть о его возможной причастности к подозрительным делам на перекрестках?

Микаэлс тихо рассмеялся, его круглое лицо просто лучилось добродушием.

— Ну конечно! Но готов поклясться, что Картер точно так же перебрал по косточкам любого из нас. Да и вы, наверное, тоже.

Грант предложил:

— Например, Дюваля?

— Почему бы и нет? Любой из нас в принципе может работать на Ту сторону. Может, даже не за деньги — я уверен, что никого из нас не подкупишь,— скорее из каких-то идеологических соображений. Если говорить начистоту, миниатюризация сейчас — это самое мощное оружие, и очень многим это не нравится. Крайне не нравится. Наглядное тому доказательство мы получили пару месяцев назад — президенту подали петицию, в которой требовалось прекратить тайную «гонку миниатюризаций» и учредить открытую программу мирных меж-

дународных исследований с использованием этого эффекта — например, в области биологии и медицины.

— И кто поддерживает подобные настроения?

— Собственно, таких очень много. Дюваль, к примеру, один из самых видных и откровенных лидеров этого движения. Да и я подписался под той петицией — чего уж греха таить. Смею вас заверить, те, кто подписывался, действовали совершенно искренне. Я и тогда так думал, и сейчас. И нельзя с уверенностью сказать, не станет ли открытие Бинеса, снимающее временные ограничения с эффекта миниатюризации — если, конечно, это действительно так,— последней песчинкой, которая толкнет мир к всеобщей катастрофе и уничтожению. Если это так, то, полагаю, доктор Дюваль или я предпочли бы, чтобы Бинес умер, так ничего и не сказав. Что касается меня, то я все же не настолько в этом уверен, чтобы желать Бинесу смерти. Нет, не настолько. А Дюваль... Его главная проблема в том, что он человек весьма неприятный в общении. Тут у нас полно таких, кто готов подозревать его в чем угодно.

Микаэлс поерзал на сиденье и добавил:

— И вот эту девицу тоже.

— Даже она подписала ту петицию?

— Нет, подписывались только старшие сотрудники. Но почему, вы думаете, она сюда попала?

— По настоянию Дюваля. Мы оба слышали, что он говорил насчет нее.

— Да, но почему она так охотно согласилась, ни слова не сказав? Она молода и весьма привлекательна. Дюваль старше ее на двадцать лет, и она его ничуть не интересует — как и любое другое человеческое существо. Кто знает, почему она так легко согласилась участвовать в этом рискованном предприятии — только по настоянию доктора Дюваля или еще по какой-нибудь причине, может быть, связанной с политикой?

Грант сказал:

— Вы что, ревнуете, доктор Микаэлс?

Микаэлс широко раскрыл глаза от удивления и с минуту молчал. Потом улыбнулся.

— Знаете, я и в мыслях не держал ничего подобного. Уж вы мне поверьте! Я не старше Дюваля, и, если мисс Петерсон вправду нравятся мужчины постарше, я, конечно, буду только рад,

если она предпочтет меня. Но, даже принимая во внимание мою проницательность, я могу только догадываться о ее истинных желаниях и намерениях.

Улыбка Микаэлса угасла, он вновь стал серьезным.

— Кроме того, успех нашей миссии зависит не только от нас, но и от тех, кто следит за субмариной снаружи. Полковник Рейд точно так же был согласен с той петицией, как и любой из нас, несмотря на то что, как военный, не должен быть замешан ни в каких политических мероприятиях. И хотя его имя и не стояло под петицией, все мы знаем, что он думает по этому поводу. Они с Картером даже поскандалили из-за этого. А раньше были такими хорошими друзьями...

— Да, невесело,— сказал Грант.

— А сам Картер? Что ж, такая нервная работа, как у него, самого здорового человека доведет до психушки. Знаете, по-моему, почти все у нас считают, что Картер немного свихнулся.

— Вы вправду так думаете?

Микаэлс отмахнулся.

— Да нет, что вы! Конечно нет. Я же вас предупреждал — мне просто надо выговориться, вот я и мелю всякий вздор. Или вам больше понравилось бы, если бы я сидел тут и натужно сопел или тихонько постанывал сквозь зубы?

Грант сказал:

— Наверное, нет. Собственно, мне даже любопытно вас послушать. Пока я вас слушаю, мне некогда пугаться самому. Кажется, вы уже всех разложили по полочкам?

— Ну, вообще-то еще нет. Я отложил тех, против кого подозрений меньше, на сладенькое. Хотя, знаете ли, есть такая закономерность — те, кого подозреваешь меньше всего, как раз и оказываются самыми виноватыми. Вы не замечали?

— Замечал. И кого же на этот раз мы подозреваем меньше всего? Или как раз на этом месте должен прозвучать выстрел и вы сползете на пол, так и не успев произнести имя негодяя?

— Кажется, никто пока в меня не целится,— поддержал шутливый тон Микаэлс.— Видимо, время у меня все-таки есть. Так вот, человек, которого подозревают меньше всего,— это вы, Грант. Кто же, скажите на милость, станет подозревать проверенного агента спецслужбы, посланного с заданием следить за безопас-

ностью на корабле во время операции? Вы действительно настолько благонадежны, Грант?

— Честно говоря, не уверен. В доказательство я могу дать только свое слово — а многого ли оно стоит?

— Вот именно! Вы бывали на Той стороне, причем гораздо чаще и при более неясных обстоятельствах, чем любой из тех, кто находится сейчас на корабле,— я уверен. Предположим, что тем или другим способом вас перекупили.

— Что ж, это предположение не лишено смысла,— согласился Грант.— Однако я доставил сюда Бинеса целым и невредимым.

— Да, конечно, вы так и сделали — может быть, прекрасно зная, что о нем должны позаботиться на следующем этапе. А вы остались бы чистеньким и могли работать дальше — вот как сейчас, например.

— Надеюсь, вы на самом деле так не считаете?

Микаэлс покачал головой.

— О нет, конечно нет. Простите, кажется, я немного перегнул палку. Я не хотел вас обидеть.— Он почесал кончик носа и сказал: — Господи, хоть бы они поскорее начали миниатюризацию! Тогда мне просто некогда будет забивать голову всякой чепухой.

Когда Микаэлс оставил свои шутки и немыслимые подозрения, на его лице проступил такой откровенный страх, что Грант даже смутился.

— Эй, капитан, как там дела? — крикнул Микаэлс.

— Все готово. Все готово! — отозвался Оуэнс. В голосе его звенел металл.

Включилось внутреннее освещение. Дюваль сразу же выдвинул какие-то ящики у своей рабочей панели и начал изучать схемы. Кора принялась тщательно проверять лазерную установку.

Грант спросил:

— Капитан Оуэнс, можно мне подняться наверх?

— Можете просунуть сюда голову,— откликнулся Оуэнс,— больше ничего здесь просто не поместится.

Грант тихо сказал своему соседу:

— Спокойно, доктор Микаэлс. Я отойду на пару минут, так что можете пугаться сколько угодно — если вам и вправду так страшно,— и никто ничего не заметит.

Когда Микаэлс заговорил, его голос звучал сипло, он, казалось, с трудом выдавливал из себя слова.

— Вы сообразительный парень, Грант. Ах, если бы я хотя бы выспался как следует...

Грант поднялся и отошел назад, улыбнувшись Коре, которая невозмутимо отступила, давая ему пройти. Агент быстро взошел по трапу, поглядел туда-сюда через стеклянный колпак и спросил:

— А как вы определяете, куда надо двигаться?

Оуэнс объяснил:

— У нас есть карта, которую сделал Микаэлс.— Он щелкнул переключателем, и на одном из мониторов перед ним немедленно появилось изображение сосудистой системы, то самое, которое Грант уже несколько раз видел.

Оуэнс тронул еще один переключатель, и часть карты-схемы вспыхнула ярко-желтой линией.

— Наш предполагаемый маршрут,— пояснил он.— Если нужно, Микаэлс будет меня направлять, а поскольку наш атомный двигатель станет радиоактивной меткой, Картер и остальные смогут проследить за нашими передвижениями. И в случае чего, откорректировать маршрут — если, конечно, вы справитесь со своей рацией.

— У вас тут такая сложная система контроля...

— Что вы, все довольно просто,— с неприкрытой гордостью возразил Оуэнс.— Все регулируется определенными тумблерами — если хотите, кнопками. Я сделал панель управления компактной, насколько это вообще возможно. Как вы знаете, эта модель субмарины предназначена для глубоководных исследований.

Грант спустился вниз, и снова Кора отступила, давая ему пройти. Она с головой погрузилась в перепроверку своего лазера, ловко орудуя инструментами, с виду похожими на снаряжение часовщика.

— Как это все сложно...— заметил Грант.

Кора кратко ответила:

— Рубиновый лазер — если вы знаете, что это такое.

— Я знаю, что лазер испускает направленный пучок когерентных монохромных лучей, но как он работает — понятия не имею.

— Тогда, может быть, вы пройдете к своему креслу и не будете отвлекать меня от работы?

— Есть, мэм. Но если вам когда-нибудь взбредет в голову поболеть за футбольную команду — обязательно дайте мне знать. Договорились? Мы, мускулистые парни, здорово подходим для такой незамысловатой работенки!

Кора отложила маленькую отверточку, скрестила обтянутые резиновыми перчатками пальцы и сказала:

— Мистер Грант!

— Да, мэм?

— Вы собираетесь превратить все это путешествие в настоящий кошмар своими постоянными шуточками?

— Нет, я не... Но... Хорошо, скажите тогда сами, как мне с вами разговаривать?

— Как с товарищем по команде.

— Но вы ведь, кроме всего прочего, красивая девушка.

— Я это знаю, мистер Грант. Но какое отношение это имеет к вам? Нет никакой необходимости напоминать мне каждой фразой и каждым жестом, что вы заметили, какого я пола. Это довольно утомительно. Когда экспедиция закончится и если вы по-прежнему будете ощущать потребность в подобном способе самовыражения в присутствии молодой женщины — я уделю вам внимание и буду вести себя соответствующим образом. Но сейчас...

— Хорошо. Принято. Отложим на потом.

— И еще, мистер Грант.

— Да?

— Не нужно так выпячивать свое футбольное прошлое. Мне это безразлично.

Грант сглотнул и сказал:

— Что-то мне подсказывает, что мой «способ самовыражения» не такой уж неуместный, но...

Она больше не обращала на него никакого внимания, вернувшись к своему лазеру. Грант стоял, опираясь на панель, и наблюдал за ловкими, уверенными движениями рук девушки.

— Ах, если бы вам добавить хотя бы чуточку легкомыслия...— прошептал он. Но к счастью, Кора его не услышала или, по крайней мере, не подала виду, что услышала.

Внезапно, без всякого предупреждения, она взяла его руку в свою, и Грант почувствовал, что начинает возбуждаться от одного только прикосновения ее теплой ладони.

— Извините,— сказала Кора, отодвинула его руку в сторону и отпустила. Почти сразу же она нажала на переключатель лазера, и лучик красного света толщиной в волос вырвался наружу и уперся прямо в середину металлического диска, на котором совсем недавно покоилась рука Гранта. На диске тотчас же появилось маленькое отверстие. Запахло раскаленным металлом. Если бы рука Гранта оставалась там, дырочка появилась бы на его ладони.

Грант сказал:

— Надо было меня предупредить.

— Вам вообще незачем здесь стоять, разве нет? — отпарировала Кора.

Она отключила лазер и, не обращая внимания на то, что Грант настойчиво предлагал любую помощь, сама подняла установку и направилась к кладовой.

Грант сказал с выражением величайшего смирения:

— Да, мисс. Но впредь я буду смотреть, куда кладу руки, когда окажусь рядом с вами.

Кора обернулась. Она немного растерялась или, скорее, просто засомневалась. Но вот лицо ее озарила улыбка.

— Да, поосторожнее, пожалуйста. Мое оборудование довольно хрупкое.— Ее улыбка вспыхнула снова.— Вы обещали,— напомнила она ледяным тоном и пошла в кладовую.

Сверху донесся голос Оуэнса:

— Грант! Проверьте передатчик!

— Хорошо,— ответил Грант.— Еще увидимся, Кора! Чуть позже.

Он скользнул в свое кресло и в первый раз взглянул на передатчик, с которым предстояло работать.

— Кажется, это устройство рассчитано на азбуку Морзе.

Микаэлс тоже глянул на рацию. Его лицо было уже не такого серого оттенка.

— Да. Из-за барьера миниатюризации технически очень трудно транслировать живую речь. Я полагал, что вы управитесь с такой системой.

— Конечно.— Грант быстро отстучал короткое послание.

Через какое-то время из репродукторов огромной камеры миниатюризации донесся звук, такой громкий, что даже внутри «Протея» все было хорошо слышно:

— Сообщение принято. Прошу подтверждения. Текст радиограммы: «Мисс Петерсон улыбнулась».

Кора, которая только что вернулась к своему креслу, сердито сдвинула брови и сказала:

— Надо же, горе какое!

Грант снова взялся за ключ передатчика и отстучал: «Верно».

Ответ на этот раз пришел по радио. Грант выслушал, потом объявил:

— Принято сообщение: «Приготовиться к миниатюризации!»

Глава 6

МИНИАТЮРИЗАЦИЯ

Грант, не зная, как надо к этому готовиться, просто остался сидеть, где сидел. Микаэлс внезапно поднялся, почти судорожным движением дернул головой из стороны в сторону, осматривая всю комнату — как будто в последний раз проверяя, все ли готово.

Дюваль отложил свои бумаги в сторону и начал возиться с ремнями безопасности.

— Помочь вам, доктор? — предложила Кора.

Он поднял голову.

— А? Что? А, нет. Просто хочу тут все пристегнуть как следует. Все, кажется, получилось.

— Доктор...

— Да? — Он снова поднял голову и заметил наконец, как она взволнована.— Что-то не в порядке с лазером, мисс Петерсон?

— Нет-нет. Простите, пожалуйста, я невольно послужила поводом для ваших неприятностей с доктором Рейдом.

— Чепуха! Выбросьте это из головы.

— И спасибо, что заступились за меня. Я здесь только благодаря вам.

Дюваль серьезно ответил:

— Но вы действительно очень нужны мне. Я ни на кого другого не могу так положиться, как на вас.

Кора повернулась к Гранту, который как раз смотрел на Дюваля, разбираясь по ходу дела с ремнями на своем кресле.

— Вы знаете, как их пристегивать? — спросила Кора.

— Эта система, похоже, чуть посложнее обычных ремней, как в самолетах.

— Да, чуть сложнее. Вы неправильно их пристегнули. Давайте я вам помогу.— Она наклонилась над ним так, что прямо перед глазами Гранта, совсем близко, оказалась нежная щека, в нос ему ударил восхитительный, тонкий аромат девичьего тела. Грант вцепился в поручни, сдерживая себя изо всех сил.

Кора тихо сказала:

— Извините, если я доставляю вам какие-то неудобства, но я сама в очень непростом положении.

— Что вы, все просто превосходно... Нет, это вы простите. Само вырвалось.

Она продолжала:

— Мой статус в ФЦИПМ точно такой же, как у многих мужчин, но буквально на каждом шагу приходится продираться будто сквозь заросли — и все из-за того, что я женщина, хотя это не имеет никакого отношения к деловым качествам. Из-за того, что я женщина, ко мне относятся либо снисходительно, либо слишком почтительно — ни то ни другое меня не устраивает. На то, как я работаю, внимание обращают в последнюю очередь. Ужасно обидно!

Гранту сразу пришел в голову самый очевидный ответ на эту фразу, но он придержал язык. Приходилось постоянно следить за тем, чтобы удерживаться от высказываний, так что он даже начал уставать.

— Я постараюсь не обращать внимания на ваш пол и должен признать, что из всех, здесь присутствующих, вы самая спокойная, не считая Дюваля. Тот вообще витает где-то в облаках.

— Не нужно недооценивать доктора Дюваля, мистер Грант. Он прекрасно представляет, что происходит. А спокоен он потому, что отдает себе отчет, что наша миссия значительно важнее даже его жизни.

— Из-за тайны Бинеса?

— Нет. Из-за того, что никогда раньше миниатюризация не заходила так далеко. И направлена она на спасение человеческой жизни.

— А безопасно ли будет использовать лазер? — спросил Грант.— Он чуть не снес мне палец.

— В руках доктора Дюваля лазер разрушит тромб, не задев ни одну лишнюю молекулу.

— Вы так высоко цените его мастерство...

— Его ценит весь мир. И я разделяю это мнение — и не без причин. Я ассистирую доктору Дювалю с того дня, как получила медицинский диплом.

— Сдается мне, что он не относился к вам чересчур снисходительно или почтительно только оттого, что вы женщина.

— Нет, не относился.

Она села в свое кресло и одним быстрым движением пристегнулась.

— Доктор Микаэлс,— позвал Оуэнс,— мы ждем!

Микаэлс, который выбрался из кресла и медленно бродил по кабине, растерянно и отрешенно повернул голову. Потом перевел взгляд с одного члена экипажа на другого — все сидели в креслах, уже пристегнувшись,— очнулся, сказал: «Да-да», сел на место и защелкнул ремни.

Оуэнс спустился из своего стеклянного пузыря и лично проверил, надежно ли пристегнуты ремни каждого из спасательной команды. Потом снова забрался наверх и пристегнулся сам.

— Порядок, мистер Грант. Передайте, что мы готовы.

Грант отстучал сообщение, и почти сразу же динамик отозвался: «Внимание, "Протей", внимание, "Протей"! Это наше последнее звуковое обращение к вам, пока ваша экспедиция не закончится. У вас есть шестьдесят минут. Когда миниатюризация будет выполнена, корабельный хронометр начнет отсчет времени. Постоянно сверяйтесь с корабельным хронометром, который будет отмечать каждую минуту. Не доверяйте, я повторяю — не доверяйте субъективному впечатлению, сколько прошло времени. Вы должны выйти из тела Бинеса до того, как хронометр дойдет до нуля. В противном случае вы убьете Бинеса, даже если хирургическая операция пройдет успешно. Счастливого пути!»

Голос умолк, и Грант не нашел ничего лучшего, чтобы подбодрить себя, чем «аминь!».

Оказалось, он произнес это вслух.

Микаэлс повторил: «Аминь!» — и слабо улыбнулся.

Картер стоял на наблюдательной вышке и ждал. На какое-то мгновение ему захотелось оказаться там, внутри «Протея», а не оставаться здесь, снаружи. Следующий час будет очень трудным и напряженным, и лучше находиться в гуще событий, каждое мгновение самому оценивать происходящее.

Он вздрогнул, когда затрещал динамик радиоприемника. Адъютант, принимавший сообщение, произнес спокойным голосом:

— «Протей» докладывает о готовности.

— Миниатюризатор! — крикнул Картер.

Специально назначенный человек нажал на специальную кнопку специальной панели, и загорелась специальная лампочка с буквами «MIN». «Похоже на балет,— подумал Картер,— где каждый знает свое место и все движения заранее отрепетированы. Только финал танца никому не дано предвидеть».

Щелкнул переключатель, и часть стены в дальнем конце камеры миниатюризации опустилась. В проеме показался огромный ячеистый диск, похожий на чудовищные пчелиные соты. Диск висел под самым потолком на передвижных аэродинамических захватах. Без единого звука, медленно и плавно, диск проплыл на середину комнаты и завис над «Протеем».

Сидящим внутри «Протея» хорошо был виден огромный замысловатый диск, который приближался к кораблю медленно и неотвратимо, как чудовище в фильмах ужасов.

Лоб и лысая макушка Микаэлса покрылись бисеринками пота. Он прошептал сдавленным голосом:

— Это миниатюризатор.

Грант открыл было рот, но Микаэлс быстро добавил:

— И не спрашивайте меня, как он работает. Это знает Оуэнс, но не я.

Грант невольно оглянулся на Оуэнса, который, казалось, весь сжался и закаменел. Было видно, что одной рукой он вцепился в какой-то рычаг, наверное от контрольной панели, словно прикосновение к чему-то материальному и привычному придавало капитану уверенности. А может, его утешало, что он касается детали собственноручно спроектированного корабля. Он больше других знает сильные и слабые стороны аппарата, который превратится вместе с ними в микроскопическую пылинку и будет хранить их в опасном путешествии.

Грант повернул голову и столкнулся взглядом с Дювалем, который слегка скривил губы в улыбке.

— Вы, кажется, беспокоитесь, мистер Грант? Разве ваша работа не состоит в том, чтобы оставаться спокойным в опасной ситуации?

Черт побери! Публику что, постоянно пичкают сказками о невозмутимых агентах?

— Нет, доктор,— сдержавшись, ответил Грант.— Если при моей работе оставаться спокойным в опасной ситуации — можно быстро сыграть в ящик. Главная особенность моей работы в том, что она требует сообразительности и смекалки, независимо от чувств, которые ты испытываешь в данную минуту. К тому же вы и сами не спокойны.

— Нет. Я заинтересован. Я чувствую... удивление. Я чрезвычайно взволнован и полон любопытства. Но не беспокойства.

— И какой, по вашему мнению, у нас шанс не вернуться?

— Надеюсь, небольшой. В любом случае, я нахожу утешение в религии. Я уже исповедался, и смерть для меня — не более чем дверь в иной мир.

Грант не нашел что ответить на такое заявление и потому промолчал. Для него самого смерть представлялась чем-то вроде глухой стены, у которой есть только одна сторона. Тем не менее эта мысль не приносила ни малейшего утешения, и червячок сомнения (надо отдать должное Дювалю, он был прав) все-таки шевелился в душе Гранта.

У него взмок лоб, наверное, так же как и у Микаэлса, и Кора взглянула в его сторону с выражением, которое Грант, к своему стыду, определил как презрение.

— А вы исповедались в своих грехах, мисс Петерсон? — брякнул Грант, не подумав.

— Какие грехи вы имеете в виду, мистер Грант? — холодно спросила она.

Он промолчал и на этот раз, поерзал в кресле и принялся разглядывать миниатюризатор, который висел теперь прямо у них над головами.

— А что чувствуешь, когда тебя уменьшают, доктор Микаэлс?

— Ничего, пожалуй. Это просто вид движения, сжимание объема вовнутрь. И если это будет происходить без рывков, ощу-

щение должно быть, будто спускаешься на эскалаторе с постоянной скоростью.

— Ну, это в теории,— протянул Грант, не отрывая глаз от миниатюризатора.— А на практике?

— Не знаю. Я никогда сам не пробовал. По крайней мере, уменьшенные животные никогда не проявляли ни малейшей обеспокоенности. Они продолжали двигаться, словно ничего не произошло. Это я сам замечал.

— Животные? — Грант глянул на Микаэлса, пронзенный внезапной догадкой.— Животные?! А человека пробовали когда-нибудь уменьшать?

— Боюсь, что мы имеем честь быть первыми,— ответил Микаэлс.

— С ума сойти! Тогда другой вопрос. Как далеко заходила миниатюризация живых — я повторяю — живых существ?

— Пятьдесят.

— Что?

— Пятьдесят. Это значит, что животное уменьшили в пятьдесят раз против обычного размера.

— То есть я бы стал полтора дюйма в высоту?

— Да.

— Но мы оставим эту планку далеко позади.

— Да. Где-то миллион, я полагаю. Оуэнс может сообщить вам более точную цифру.

— Точная цифра меня не интересует. Главное, что так сильно никого еще не уменьшали.

— Верно.

— Вы думаете, мы сможем это пережить?

— Мистер Грант,— сказал Микаэлс, и в его голосе прорезалась усмешка,— боюсь, другого нам не остается. Тем более что миниатюризация уже началась, а вы ничего не почувствовали.

— Боже правый! — пробормотал Грант и испуганно задрал голову.

Дно миниатюризатора светилось бесцветным огнем, который не слепил глаза. Сетчатка едва ли воспринимала этот свет, но нервы наверняка, потому что, когда Грант закрыл глаза, перед его взором все еще стояло круглое пятно едва ощутимого сияния.

Наверное, Микаэлс заметил, как Грант закрыл глаза, потому что сказал:

— Это не свет. Это вообще не электромагнитное излучение. Этого вида энергии не существует в природе. Оно воздействует на нервные окончания, и наш мозг воспринимает его как свет, поскольку не может воспринимать по-другому.

— Это опасно?

— Насколько нам известно, нет. Но я должен признать, что экспериментов на таком уровне миниатюризации еще не проводилось.

— Ага, первооткрыватели и тут,— проворчал Грант.

— Великолепно! — воскликнул Дюваль.— Совсем как свет творения!

Шестиугольные плитки пола отразили сияние, исходившее из миниатюризатора, так что «Протей» оказался окруженным сияющим океаном и снаружи, и внутри. Гранту показалось, что кресло, на котором он сидел, превратилось в огонь, хотя на ощупь оно оставалось твердым и прохладным. Даже воздух засветился, теперь они дышали как бы нездешним светом.

И его спутники и он сам засияли, занялись холодным светом. Пышущая огнем рука Дюваля поднялась и сотворила крестное знамение, его сияющие губы дрогнули.

— На вас напал страх, доктор Дюваль? — не удержался Грант.

— Некоторые молятся не только из страха,— мягко ответил Дюваль,— но и из благодарности Господу за явленные великие чудеса.

Грант должен был признаться самому себе, что это ему тоже недоступно. Он никогда не молился.

— Посмотрите на стены! — закричал Оуэнс.

Со страшной скоростью стены отодвигались в разные стороны, а потолок уносился ввысь. Все вокруг тонуло в плотной пелене, в сияющей мгле. Миниатюризатор превратился в нечто невообразимо огромное, границы его терялись в дальней дали. Каждая его ячейка излучала пучок неземного света, и он сиял над кораблем, как темный небосвод с мириадами ярких звезд.

Грант даже позабыл о волнении, очарованный открывшейся картиной. Он оторвал глаза от экрана и посмотрел на остальных. Его товарищи сидели, задрав головы, захваченные чудесным светом и бескрайними просторами, за которые отодвинулись

стены. Комната разрослась до размеров вселенной, а вселенная ушла в бесконечность.

Внезапно свет померк, сменился тусклым алым свечением, и передатчик взорвался раскатистым громким стаккато, прерываемым долгими повторяющимися звонками. Грант вздрогнул.

— Белински-Рокфеллер писал о том, что субъективные ощущения изменяются после миниатюризации. В целом на его мнение не обращали внимания, но раньше сигнал звучал не так.

— А ваш голос не изменился,— заметил Грант.

— Потому что и вы и я — оба подверглись уменьшению. Я говорю об ощущениях, которые проходят через барьер миниатюризации, то есть поступают извне.

Грант расшифровал послание и прочел его вслух:

— «Миниатюризация временно остановлена. Все в порядке? Ответьте немедленно!»

— Мы в порядке? — вопросил Грант, ухмыльнувшись.

Никто не ответил, и он, пробормотав: «Молчание — знак согласия», отстучал: «Все в порядке».

Картер облизал пересохшие губы. Он смотрел не отрываясь на пылающий миниатюризатор и знал, что все в этой комнате, до самого последнего техника, не сводят взгляда с аппарата.

Людей раньше никогда не уменьшали. И не уменьшали такой огромный объект, как «Протей». Никто, ни люди, ни животные, и ничто, ни живое ни неживое, ни маленькое ни большое, не уменьшалось до такого микроскопического уровня.

И вся ответственность лежала на нем. Вся ответственность за этот затянувшийся кошмар лежала только на нем.

— Началось! — восторженно прошептал техник, который нажал кнопку миниатюризатора. Этот шепот явственно усилился переговорным устройством и долетел до Картера, который тоже увидел, как начал уменьшаться «Протей».

Сперва это происходило так медленно, что никто не заметил изменений, и субмарина ни на йоту не сместилась относительно шестиугольников, покрывавших пол комнаты. Но потом они поползли из-под днища корабля в разные стороны.

Комната, в которой находился «Протей», словно выросла, диск миниатюризатора двинулся вверх, но на самом деле корабль стал уменьшаться, съеживаться, таять, как лед на печке.

Картер наблюдал за миниатюризацией различных предметов не одну сотню раз, но никогда еще не поражался так сильно, как сейчас. Казалось, что субмарина проваливается в глубокую-глубокую дыру, падает вниз в полной тишине, становится все меньше и меньше, отдаляясь с каждым мгновением на сотни миль, тысячи миль...

Теперь «Протей» был размером с жука, небольшого белого жука, примостившегося на центральной ячейке пола комнаты, прямо под миниатюризатором,— клякса на красном шестиугольнике с белой каемкой. На нулевом модуле.

«Протей» продолжал уменьшаться, исчезать, и Картер, повинуясь внезапному порыву, вскинул руку. Сияние миниатюризатора сменилось светом тусклого тления, а сама миниатюризация остановилась.

— Спросите, как там они, прежде чем мы продолжим.

Они ведь могут быть уже мертвы или выбиты из колеи так серьезно, что не в состоянии приложить все усилия для выполнения миссии. В последнем случае они потерпели поражение еще до начала схватки, и лучше узнать об этом сразу.

Связист, сидящий на передатчике, сказал:

— Поступил ответ: «Все в порядке».

А Картеру пришла в голову мысль — если они не в состоянии выполнить задание, они могут быть не в состоянии это осознать.

Но проверить это было невозможно. Остается притвориться, что все в порядке, раз экипаж «Протея» рапортует, что все в порядке.

— Поднимайте корабль,— приказал Картер.

Глава 7

ПОГРУЖЕНИЕ

Нулевой модуль начал медленно подниматься над полом — гладкий шестиугольник с красной серединкой и белыми краями, на котором разместился «Протей», размером в дюйм. Поднявшись на четыре фута, он замер.

— Готовность к фазе номер два,— прозвучал голос одного из техников.

Картер быстро глянул на Рейда. Тот кивнул.

— Фаза номер два,— произнес Картер.

Открылся проход, и в комнату скользнуло странное устройство, на воздушных зажимах присоединенное к потолочной рейке. Это было уолдо. Картер слышал, что свое название оно получило с легкой руки какого-то физика, по имени героя фантастического рассказа сороковых годов, создавшего подобное приспособление. Все устройство было четырнадцати футов в высоту и состояло из нескольких блоков, укрепленных на штативе. Эти блоки управляли искусственной рукой, свисавшей с горизонтально закрепленного разгибателя, похожего на мышцу. С руки свисало несколько кистей, гроздью, одна короче и меньше другой. На конкретно этой руке было три ряда, и самый нижний, с кистью в два дюйма длиной, был снабжен пальчиками размером в четверть дюйма — слегка изогнутыми стальными проволочками, которые должны смыкаться друг с другом без малейшего просвета.

На основании устройства стояла аббревиатура ФЦИПМ, и чуть ниже было приписано: «Точный мини-держатель».

За аппаратом вошли трое техников вместе с медсестрой в халате, которой, похоже, не терпелось приступить к делу. Ее каштановые волосы под медицинской шапочкой явно были приглажены в большой спешке, словно она думала в этот момент о чем-то другом.

Двое техников установили держатель так, чтобы рука уолдо оказалась как раз над крохотным «Протеем». Из верхней кисти вырвались три лучика света толщиной в волос и упали на поверхность нулевого модуля. От каждого луча по красной пластине модуля расходился кружок света, так что получилась сложная световая картинка из трех сегментов разной интенсивности освещения, пересекавшихся точно в центре нулевого модуля.

Интенсивность света от разных лучиков была явно неодинаковой, и третий техник тут же взялся за винъер. Привычно и ловко он установил равную интенсивность, и в одно мгновение границы света от каждого луча стали неразличимы. Потом тот же техник щелкнул переключателем и закрепил уолдо в этой позиции. Тени, которые отбрасывала миниатюрная субмарина, померкли, сгладились, и «Протей» остался в широком пятне отраженного света.

Включилась панель управления, и рука потянулась к кораблю. Медленно и осторожно она опустилась, и техник затаил дыхание. Без сомнения, он имел дело с уменьшенными объектами так часто, как никто в стране, а может, и во всем мире (поскольку никто не знает, какие эксперименты проводила Та сторона), но раньше ему не приходилось делать ничего подобного.

Ему предстояло поднять крошечный предмет, который почти ничего не весил, притом что в этом предмете находились пять человек. Даже самая легкая, незаметная взгляду дрожь может их погубить!

Зубчики на конце кисти раскрылись и опустились по обе стороны «Протея». Техник остановил их, чтобы убедиться своими глазами, что приборы не обманывают и все идет как надо. Зубцы были расположены правильно. Они начали медленно сжиматься, миллиметр за миллиметром, пока не соединились под днищем кораблика и не замкнулись в плотно подогнанную подставку.

Нулевой модуль пошел вниз, оставив «Протей» в сомкнутых лапках держателя.

Модуль не остановился на уровне пола, а скользнул дальше. И на минуту под висящим кораблем разверзлась пропасть.

Потом оттуда заскользили вверх цилиндрические стеклянные стенки. Когда они поднялись на полтора фута, показалось полукружие плещущей прозрачной жидкости. Когда наконец вынырнул сам нулевой модуль, оказалось, что на нем покоится цилиндр в фут шириной и четыре фута высотой, на две трети заполненный жидкостью. На стеклянном боку цилиндра стояла надпись: «Изотонический раствор».

Рука уолдо, которая во время этих перестроений так и не шелохнулась, теперь оказалась прямо над цилиндром. Корабль завис над круглым отверстием, всего в футе от поверхности раствора.

Рука начала медленно, очень медленно опускаться. Она остановилась, когда «Протей» завис почти на одном уровне с жидкостью, а затем стала продолжать движение, но в тысячу раз медленней. Цифры на приборной панели техников так и мелькали, в то время как зрители не видели ни малейших изменений.

Контакт! Корабль продолжал спускаться все ниже и ниже, пока не погрузился до середины цилиндра. Техник на секунду

остановил движение, а потом так же осторожно и медленно разжал зубцы, убедился, что они разошлись в стороны, и вынул руку из раствора.

Он шепотом крикнул «ура-а!», поднял руку и выключил уолдо.

— Все, можно топать отсюда,— сказал он остальным техникам, потом, вспомнив о порядке, гаркнул официальным голосом: — Корабль в ампуле, сэр!

— Хорошо,— сказал Картер.— Свяжитесь с экипажем!

Пересадка корабля с нулевого модуля в ампулу выглядела изящно и быстро только с позиции людей нормального роста, но отнюдь не казалась таковой с точки зрения команды «Протея».

Грант отстучал «Все в порядке» и тут же ощутил приступ тошноты, когда нулевой модуль начал подниматься.

— Что это? Опять уменьшение? Кто-нибудь может объяснить, что происходит?

— Перед следующей миниатюризацией мы должны пройти погружение,— ответил Оуэнс.

— Погружение куда? — не понял Грант, но ответа не получил. Он посмотрел на окружающую корабль вселенную и в неярком свете увидел приближающихся великанов.

К ним подходили люди, вернее, скалы, похожие на людей. Люди, вздымающиеся высоко ввысь и изгибающиеся далеко вниз, словно в каком-то гигантском кривом зеркале. Пряжки поясов — металлические листы, с фут каждый. Ботинки, двигавшиеся далеко внизу,— поливальные машины. Головы, маячившие высоко под потолком, казалось, состояли исключительно из громадных носов с двойными тоннелями ноздрей. Эти чудища двигались на удивление медленно.

— Восприятие времени,— пробормотал Микаэлс. Он бросал быстрые взгляды вверх и на свои часы.

— Что? — переспросил Грант.

— Еще одно предположение Белински, о восприятии времени после миниатюризации. Кажется, что время растянулось, как вот сейчас. Создается ощущение, что прошло минут пять, я даже могу ручаться, что десять. Этот эффект усиливается в зависимости от степени миниатюризации, но в какой пропор-

ции — я не знаю. Белински не проводил экспериментов, так что мы можем проверить его расчеты. Взгляните.

Он протянул свои наручные часы.

Грант посмотрел на них, потом на свои собственные часы. Казалось, что секундная стрелка едва ползет с одной отметки на другую. Он поднес часы к уху. Они едва слышно стрекотали, но звук механизма был скорее похож на протяжное мурлыканье.

— Очень хорошо,— сказал Микаэлс.— У нас в распоряжении час, но для нас за это время пройдет несколько часов. Надеюсь, что их хватит.

— Другими словами, мы будем двигаться очень быстро?

— Для нас самих мы будем двигаться как всегда. Но для стороннего наблюдателя, боюсь, мы будем мельтешить, совершая множество действий за небольшой промежуток времени. Что, несомненно, к лучшему, учитывая то, что мы ограничены во времени.

— Но...

Микаэлс покачал головой.

— Пожалуйста, не нужно. Я не в силах объяснить лучше. Биофизику Белински я вполне понимаю, но его математические расчеты для меня — темный лес. Может, Оуэнс сможет истолковать это доступней.

— Я спрошу у него позже,— сказал Грант.— Если это «позже» когда-нибудь наступит.

Неожиданно корабль оказался в море света, обычного белого света. Грант краем глаза уловил какое-то движение и поднял голову. Сверху по обе стороны «Протея» спускалось что-то непонятное — огромная пара зубчатых ковшей.

— Всем проверить, хорошо ли подогнаны ремни! — крикнул Оуэнс.

Грант не обратил на его возглас никакого внимания. Тут его дернули сзади, и он резко обернулся, насколько позволяли ремни.

— Я проверяла, хорошо ли вы пристегнулись,— объяснила Кора.

— Кажется, я ничего не перепутал,— ответил Грант,— но спасибо за заботу.

— Пожалуйста,— кивнула она и, повернувшись вправо, мягко спросила: — Доктор Дюваль, ваши ремни?

— В порядке. А ваши?

Чтобы дотянуться до Гранта, Коре пришлось ослабить свои ремни. Теперь она их снова затянула, и вовремя. Ковши опустились ниже, куда-то под субмарину, и начали сжиматься, как огромные безжалостные челюсти. Грант рефлекторно напрягся. Челюсти остановились, помедлили, потом двинулись снова и соединились где-то внизу.

«Протей» дернуло, тряхнуло, всех резко качнуло сперва направо, потом налево, и корабль наполнил оглушительный грохот — это с щелчком сжались зубцы ковшей.

Наступила тишина, и на всех нахлынуло отчетливое ощущение, что их подвесили над бездной. Корабль слегка покачивался и едва ощутимо дрожал. Грант посмотрел вниз и увидел, как красный шестиугольник скользит куда-то в недра пола, все ниже и ниже, и тает в бесконечной дали.

Он понятия не имел, какое расстояние отделяет крошечный «Протей» от пола, но сходное чувство он испытывал, когда выглядывал с двадцатого этажа небоскреба.

Если с такой высоты сверзится что-нибудь размером с их кораблик, едва ли падение принесет ему ощутимый вред. Сопротивление воздуха будет таким сильным, что он опустится на землю как пушинка. Но если бы дело было только в размере!

Грант хорошо помнил слова Оуэнса во время совещания. Сейчас он сам состоял из стольких же атомов, как и обычный человек, а не как объект такого же маленького размера. И он, и корабль сейчас весьма хрупки. Падение с такой высоты разнесет вдребезги и судно, и всю команду.

Грант посмотрел на устройство, которое держало корабль. Он не стал задумываться, как оно выглядит для человека обычного роста. Сам он увидел изогнутые зубцы десяти футов в диаметре, плотно сцепленные в мощные стальные пластины. На мгновение он почувствовал себя увереннее.

— Вот она,— проговорил Оуэнс голосом, дрогнувшим от волнения.

Грант тут же завертел головой в разные стороны, пытаясь понять, что имел в виду капитан под словом «она».

Свет заискрился на гладкой поверхности стеклянного круга, в котором свободно мог бы поместиться целый дом. Этот круг поднимался, рос быстро и неотвратимо. Внезапно где-то дале-

ко-далеко внизу свет замерцал и заиграл на водной поверхности.

«Протей» висел над озером. Теперь стены стеклянного цилиндра поднялись по обе стороны корабля, и поверхность озера оказалась не более чем в пятнадцати футах под ними.

Грант откинулся на спинку своего кресла. Ему надоело гадать, что будет дальше. Но кто предупрежден — тот вооружен, и он не почувствовал приступа тошноты, когда кресло под ним провалилось куда-то вниз. Нечто похожее он испытал во время учебного полета над океаном, когда самолет ушел в пике с работающим мотором. Самолет тогда благополучно вышел из пике, но «Протей» — это тебе не самолет, а подводная лодка, а она скорее нырнет, чем полетит.

Грант напрягся, потом расслабился, чтобы удар приняли на себя ремни, а не его родные косточки.

Удар! Его зубы лязгнули так, что чуть не вылетели из челюстей.

Грант посмотрел наружу. Он ожидал увидеть фонтан брызг и огромную волну, поднятую плюхнувшимся кораблем. Но увидел только большой гладкий холм, скорее не воды, а масла, медленно катящийся к стенке цилиндра. И пока они погружались, еще и еще один.

Лапы держателя разомкнулись, корабль дико затрясло, а потом он начал останавливаться, медленно поворачиваясь вокруг оси.

Грант глубоко вздохнул. Да, они на поверхности озера, но эта поверхность не похожа ни на одну другую.

— Вы ожидали увидеть волны, мистер Грант? — спросил Микаэлс.

— Вот именно.

— Признаться, я тоже. Сознание человека, Грант, забавная штука. Оно всегда ждет того, что переживало раньше. Нас уменьшили и засунули в маленький сосуд с водой. Нам он кажется целым озером, и мы ждем волн, шторма, брызг и черт знает чего еще. Но чем бы нам ни казалось это озеро, это не что иное, как маленький сосуд с водой, на нем может пойти рябь, но никак не волны. Не имеет значения, насколько велика может быть рябь, но на волны она никак не похожа.

— Гм, интересно, конечно,— сказал Грант. Гладкие холмы жидкости, которые для обычного глаза выглядели всего лишь едва заметной рябью, продолжали катиться. Достигнув дальней стенки, они возвращались, сталкивались со следующими холмами и разбивались на множество маленьких холмиков, которые раскачивали «Протей» вверх-вниз.

— Интересно? — презрительно переспросила Кора.— Это все, что вы можете сказать? Да это же чудесно!

— Творение Господа нашего,— добавил Дюваль,— величественно даже в самом малом.

— Ладно,— буркнул Грант.— Так и запишем. Чудесно и величественно. Ах да, еще немного подташнивает.

— Боже, мистер Грант,— возмутилась Кора,— вы можете испортить все на свете!

— Прошу прощения.

Заработал передатчик, и Грант снова отстучал: «Все в порядке», едва справившись с искушением добавить: «Все страдают от морской болезни».

Но даже Коре, похоже, поплохело. Наверное, своим замечанием он настроил ее на определенный лад.

— Мы должны погрузиться,— сказал Оуэнс.— Нужно перейти на ручное управление. Грант, отстегните, пожалуйста, ремни и откройте вентили номер один и два.

Грант неуверенно поднялся на ноги, обрадованный возможностью свободно передвигаться, и пошел к переборке, на которой был витой вентиль с номером «один».

— Я открою второй,— сказал Дюваль. На мгновение их глаза встретились, и Дюваль, словно смутившись от того, что в коитo веки проявил по собственной инициативе заботу о другом человеческом существе, растерянно улыбнулся. Грант улыбнулся в ответ и раздраженно подумал: «Ну как она может вздыхать по этой бесчувственной туше?»

Когда вентили были открыты, вода хлынула в специально сконструированные отсеки и корабль начал погружение. Уровень воды за бортом поднимался все выше и выше.

Грант вскарабкался на середину лесенки к кабине Оуэнса и спросил:

— Ну как, капитан?

Оуэнс покачал головой.

— Трудно сказать. Показания приборов не совсем точны. Их проектировали для работы в нормальном океане. Черт, я сам создавал «Протей», но не думал, что ему предстоит такое!

— Ну, если уж на то пошло, меня мама тоже рожала не для этого,— отозвался Грант.

Они погрузились уже полностью. Дюваль закрыл оба вентиля, и они с Грантом вернулись на свои места.

Грант пристегнул ремни почти с облегчением. Если на поверхности озера их болтало вверх и вниз, то здесь, в глубине, субмарину даже не качнуло.

Картер с трудом разжал стиснутые в кулаки руки. Пока все идет благополучно. Из субмарины пришло очередное «Все в порядке», хотя сам корабль был сейчас малюсенькой капсулой, поблескивавшей в изотоническом растворе.

— Фаза номер три,— сказал он.

Миниатюризатор, который был выключен во время всей второй фазы, снова засиял белым светом, но на этот раз свет шел только из центральной ячейки.

Картер зачарованно наблюдал за превращением. Он даже затруднился бы сказать, происходит ли все это на самом деле или только кажется. Нет, уменьшение началось!

Дюймовый корабль-жучок начал таять, как и окружающая его жидкость. Луч миниатюризатора был тонок, как игольное острие, и точно направлен, и Картер затаил дыхание. Эта фаза операции была очень опасна.

Картер даже боялся представить, что может случиться, если луч направлен недостаточно аккуратно: половина «Протея» будет уменьшена быстро, а половина, на которую луч не упадет, уменьшится не полностью, а то и не уменьшится совсем. Нет, все будет хорошо, и он заставил себя не думать о неудаче.

«Протей» превратился в точку, он становился все меньше, меньше, пока совсем не исчез из виду. И тогда вся поверхность миниатюризатора вспыхнула огненным светом. Невозможно точно направлять луч на то, чего не видишь, поэтому приходится работать с рассеянным пучком.

«Хорошо, хорошо,— думал Картер,— теперь вся ампула».

Цилиндр с раствором съежился и начал быстро уменьшаться, пока не превратился в самую обычную ампулу — два дюйма

в длину и полдюйма в ширину, в которой плескалась миниатюризированная жидкость с невидимым для глаза «Протеем» величиной с бактерию. Свет в ячейках миниатюризатора снова померк.

— Свяжитесь с ними! — рявкнул Картер.— Пусть скажут хоть что-нибудь!

У него перехватило горло, дышать было трудно, пока не пришло очередное «Все в порядке». Четверо мужчин и одна женщина, которые несколько минут назад стояли рядом с ним, превратились в микроскопические пылинки в таком же корабле — и остались живы!

Картер махнул рукой.

— Уберите миниатюризатор.

Последний отблеск света в ячейках угас, и прибор поехал в сторону.

Белый круглый диск над головой Картера вспыхнул, на нем горело черным пламенем «60».

Картер кивнул Рейду.

— Давай, Дон. У нас всего шестьдесят минут.

Глава 8
ПРОНИКНОВЕНИЕ

После погружения свет миниатюризатора вспыхнул снова, и жидкость вокруг стала похожа на непрозрачное белое молоко, но ничего не изменилось, по крайней мере для команды «Протея». Из-за плохой видимости было неясно, продолжал ли корабль снижаться.

Грант все это время молчал, как и остальные. Казалось, это продолжается вечно. Потом миниатюризатор погас, и Оуэнс крикнул:

— Все в норме?

— Я — вполне,— ответил Дюваль.

Кора кивнула. Грант помахал рукой. Микаэлс слегка дернул плечом и сказал:

— Я в порядке.

— Хорошо! Полагаю, мы уменьшились полностью,— заявил Оуэнс.

Он нажал на кнопку, до которой пока ни разу не дотрагивался. Какое-то ужасное мгновение Оуэнсу казалось, что переключатель сломался. Но на экране зажглось черное число «шестьдесят». На другом циферблате, который могли видеть остальные четверо членов экипажа, показалось то же число.

Тревожно затрещал передатчик, и Грант послал сообщение: «Все в порядке». Всем показалось, что некий решающий, переломный момент операции уже достигнут.

— Они говорят, что мы полностью уменьшены,— сказал Грант.— Вы правильно догадались, капитан Оуэнс.

— Вот так,— сказал Оуэнс и облегченно вздохнул.

А Грант подумал: «Миниатюризация завершена, а миссия нет. Все только начинается. Шестьдесят. Шестьдесят минут».

А вслух сказал:

— Капитан Оуэнс, почему корабль вибрирует? Что-то не так?

— Да,— подтвердил Микаэлс,— я тоже это чувствую. Это, несомненно, вибрация.

Оуэнс спустился из своего стеклянного пузыря, вытирая взмокший лоб большим носовым платком.

— С этим придется смириться. Это броуновское движение.

Микаэлс поднял руки, словно восклицая: «О боже!» — одним жестом выразив внезапное понимание и бессилие.

— Чье-чье движение? — переспросил Грант.

— Броуновское. Да вы должны знать. Это впервые обнаружил Роберт Броун, шотландский ученый восемнадцатого столетия. Понимаете ли, нас сейчас со всех сторон бомбардируют молекулы воды. При наших обычных размерах перемещения отдельных молекул жидкости настолько малы в сравнении с нами, что никакого движения не ощущается. Однако в данном случае мы уменьшены в чудовищное количество раз, а то, что окружает субмарину, сохранило прежние размеры. Но ведь это все равно что увеличить все, что вокруг нас, в то же количество раз.

— Вот эту воду, например, да?

— Вот именно. Например, воду. Кстати, все еще не так плохо. Вода, что вокруг нас, тоже несколько уменьшена. А вот когда мы попадем в кровоток... Каждая молекула воды — пропорционально нашим нынешним размерам — будет весить около миллиграмма. Конечно, поодиночке они не могут причинить

нам ощутимого вреда, но тысячи этих молекул будут постоянно бомбардировать наше судно со всех сторон, притом совершенно нерегулярно. Несколько сотен молекул ударят справа, потом чуть больше — слева, и нас, естественно, качнет влево сильнее. Через мгновение нас толкнут вниз или вверх, и так далее. Вибрация, которую мы сейчас ощущаем, это и есть результат таких толчков. Дальше будет хуже.

— Прекрасно,— простонал Грант.— Мне уже плохо. Морская болезнь.

— Но это продлится не дольше часа! — возмутилась Кора.— Вы ведете себя как ребенок.

— А корабль выдержит эту бомбардировку, Оуэнс? — взволнованно спросил Микаэлс.

— Думаю, да. Я тут провел некоторые вычисления. Исходя из того, что мы чувствуем в данный момент, до критического уровня еще ой как далеко.

— Даже если корабль разнесет на кусочки,— заявила Кора,— некоторое время он все же продержится. Если нам повезет, мы успеем добраться до тромба и уничтожить его минут за пятнадцать, а остальное уже не важно.

Микаэлс стукнул кулаком по подлокотнику своего кресла.

— Вы несете чушь, мисс Петерсон! Как вы думаете, что произойдет, если мы доберемся до тромба, уничтожим его, вернем Бинеса к жизни и тут же субмарину разнесет ко всем чертям? Совершенно ясно, что мы погибнем, я имею в виду совсем другое. Наша миссия провалится, потому что Бинес умрет.

— Это понятно,— прервал его Дюваль.

— Это понятно вам, а не вашей ассистентке! Если корабль расколется на несколько частей, мисс Петерсон, то через шестьдесят... нет, пятьдесят девять минут каждая его часть снова станет прежнего размера. Даже если лодку разнесет на атомы, каждый атом увеличится и мы получим месиво из Бинеса и судна.

Микаэлс вздохнул глубоко, до хрипа. И продолжил:

— Нас просто вынут из тела Бинеса, пока мы находимся в целости и сохранности. Если корабль расколется, придется извлекать его по частям. И достаточно будет одного-единственного осколочка, чтобы убить Бинеса. Понимаете?

Кора сжалась в комочек:

— Я не подумала об этом.

— Тогда подумайте,— предложил Микаэлс.— И вы, Оуэнс. Теперь я снова хочу спросить вас, Оуэнс, способен ли корабль устоять против броуновского движения? Не только в течение того времени, чтобы мы успели добраться до тромба, но чтобы мы успели добраться, разрушить его и вернуться?! Хорошенько все взвесьте, капитан! И если вы считаете, что у корабля не хватит прочности, чтобы выстоять, у нас нет никакого права начинать экспедицию.

— Эй! — разозлился Грант.— Перестаньте каркать, доктор Микаэлс. Дайте капитану Оуэнсу вставить хоть слово.

— Я не мог вынести окончательную оценку, пока не почувствовал силу броуновского движения на опыте,— твердо сказал Оуэнс.— Сейчас мне кажется, что мы вполне можем продержаться час и вернуться невредимыми.

— Вот вопрос: должны ли мы рисковать, основываясь на том, что кажется капитану Оуэнсу? — подал голос Микаэлс.

— Отнюдь,— усмехнулся Грант.— Вопрос в другом: принимаю ли я оценку сложившейся ситуации, которую дал капитан Оуэнс? Вы уж не забывайте, что сказал генерал Картер,— окончательные решения выношу я! И я принимаю оценку Оуэнса. Потому что никто лучше его не знает этот корабль.

— Ну,— спросил Микаэлс,— и что же вы решили?

— Мы продолжаем экспедицию.

— Я полностью согласен с вами,— сказал Дюваль.

Слегка порозовевший Микаэлс кивнул:

— Хорошо, Грант. Я только хотел привести, как мне показалось, разумный довод.— Он сел.

— Это был вполне разумный довод, и хорошо, что вы о нем заговорили,— ответил Грант. Он так и остался стоять у окна.

Кора подошла к нему и тихо сказала:

— А вы не выглядите испуганным, Грант.

Он безрадостно улыбнулся.

— Это потому, что я хороший актер, Кора. Если бы ответственность за экспедицию лежала на ком-нибудь другом, я тут же произнес бы пламенную речь в пользу возвращения. Понимаете ли, мысли у меня трусливые, но я не могу позволить себе принимать трусливые решения.

С минуту Кора молча смотрела на него. Потом сказала:

— Сдается мне, мистер Грант, что вы пытаетесь казаться хуже, чем вы есть на самом деле.

— Не знаю. У меня талант...

В ту же минуту «Протей» резко бросило в одну, а потом в другую сторону.

«Боже,— подумал Грант.— Мы разваливаемся!»

Он поймал Кору за руку, дотащил ее до кресла и с огромным трудом сел на свое место. Оуэнса швыряло по салону, но капитан все же ухитрился вцепиться в лестницу и крикнуть: «Черт, они не могли нас предупредить, что ли?»

Грант упал в свое кресло и заметил, что хронометр показывает «пятьдесят восемь». «Какая долгая минута,— подумалось ему.— Микаэлс говорил, что после миниатюризации изменяется ощущение времени, и оказался прав. У нас в распоряжении достаточно времени, чтобы обдумать все и приступить к действиям».

И еще больше времени, чтобы обдумать все еще раз и запаниковать.

«Протей» швыряло немилосердно. Неужели корабль разлетится на куски прежде, чем они успеют начать путешествие?

Рейд подошел к Картеру, который стоял у окна. Ампула с несколькими миллилитрами частично уменьшенного раствора, в котором плескался полностью уменьшенный и невидимый для глаза «Протей», взблескивала на нулевом модуле, как редкий самоцвет на бархатной подушечке.

Наконец Рейд сумел подобрать подходящее сравнение, но заставил себя не расслабляться. Расчеты точны, и у них в распоряжении техника, которая позволяет придерживаться точности расчетов. Но эти самые расчеты были проделаны второпях, в дикой нервотрепке, да и компьютер, на котором их делали, проверять на исправность было совершенно некогда.

И если размеры корабля хотя бы немного не соответствуют запланированным, исправить, конечно, нетрудно, но время на это придется урывать из оставшихся драгоценных шестидесяти минут... нет, пятидесяти девяти.

— Фаза номер четыре,— скомандовал он.

К ампуле снова двинулось уолдо, нависая скорее горизонтально, чем вертикально. Снова закрепили прибор, подвели лапку, и стальные пальцы сомкнулись на стекле с бесконечной осторожностью.

Они обхватили ампулу, как львица обнимает своего детеныша.

Теперь настал черед медсестры. Она решительно шагнула вперед, вынула из кармана маленькую коробочку и открыла ее. Достала маленькую стеклянную палочку с плоским утолщением на одном конце и зауженную — на другом. Она поднесла палочку вертикально к ампуле и осторожно ввела ее примерно на дюйм, пока сопротивление воздуха не затруднило движение. Медсестра легонько повертела палочку и сказала:

— Плунжер установлен.

Со своего возвышения Рейд сдержанно улыбнулся, а Картер одобрительно кивнул.

Медсестра отступила, и уолдо медленно подняло лапу. Осторожно и очень плавно ампула и плунжер поплыли вверх. И замерли в трех дюймах над нулевым модулем.

Так мягко, насколько возможно, медсестра вынула пробковую заглушку из донышка ампулы, и взорам открылась маленькая выпуклость-канюля на противоположном конце ампулы. В середине канюли виднелось крошечное отверстие, прикрытое тончайшей пластиковой пленкой. Эта пленка не выдержала бы и малейшего давления и держалась до первого прикосновения.

Движения медсестры снова стали быстрыми и точными. Она вынула из коробочки иглу из нержавеющей стали и насадила ее на канюлю.

— Игла установлена,— отрапортовала она.

Ампула превратилась в шприц для инъекции.

Из конструкции уолдо выскользнула новая пара рук, взялась за головку плунжера и замерла. Потом все уолдо, держа двумя руками ампулу и плунжер, заскользило к двери с двумя створками, которые тут же разъехались в стороны.

Никакой человеческий глаз не смог бы уловить даже малейшее волнение жидкости в ампуле, которую так нежно и бережно несли механические руки. Но Картер и Рейд прекрасно понимали, что даже микроскопическое волнение раствора команде «Протея» покажется штормом.

Когда механизм вкатился в операционную и застыл у стола, Картер немедленно приказал:

— Свяжитесь с «Протеем»!

Ответ гласил: «Все в порядке. Немного трясет». И Картер вымученно улыбнулся.

Бинес лежал на операционном столе, и все присутствующие не сводили с него глаз. Термическое покрывало укутывало его до самых ключиц. Тоненькие красные трубки тянулись из-под одеяла к устройству, спрятанному под столом.

Над выбритой, расчерченной на квадраты головой Бинеса высилась полусфера, собранная из чувствительных датчиков, способных уловить радиоактивное излучение самой малой интенсивности.

Команда хирургов и их ассистентов в масках толпилась вокруг Бинеса, их взгляды были прикованы к приближающемуся устройству. На одной из стен красовался хронометр. Он показывал уже не пятьдесят девять, а пятьдесят восемь минут.

Уолдо остановилось возле операционного стола. Два датчика словно ожили и поплыли по воздуху. Опытный техник оперировал ими с помощью дистанционного управления. Датчики повисли возле обоих концов шприца: один — у ампулы, другой — у иглы.

Маленький экран на столе техника засветился зеленью, мигнул, погас, снова засветился, снова погас и теперь мигал без остановки.

— Радиоактивность «Протея» обнаружена.

Картер хлопнул в ладоши и не удержался от довольной усмешки. Пройдена еще одна ступень, которой он так боялся. Конечно, само радиоактивное излучение поймать они не могли, поскольку радиоактивные частицы тоже были миниатюризированы и настолько малы, что спокойно проскользнут мимо любых обычных детекторов. Потому сперва они должны быть возвращены к нормальным размерам через деминиатюризатор, который вмонтировали в сами датчики за несколько безумных часов этого нелегкого утра.

Уолдо, придерживающее плунжер, медленно-медленно нажало на его головку, и тонкий барьер между ампулой и иглой разрушился. Через мгновение на кончике иглы появился едва видимый пузырек. Он соскользнул в маленький контейнер, установленный под шприцем, за ним последовали второй и третий пузырек.

Плунжер продолжал двигаться, и уровень жидкости в ампуле начал падать. Вскоре зеленый огонек на экране наблюдающего техника сместился.

— «Протей» в игле,— крикнул техник.

Плунжер замер.

Картер посмотрел на Рейда.

— Порядок?

Рейд кивнул и сказал:

— Можно вводить.

Две пары стальных рук цепко держали шприц, и уолдо начало двигаться, теперь к шее Бинеса, которую медсестра поспешно протирала спиртом. На шее был отмечен маленький кружок с точкой посередине, к которой уолдо и направило иглу. Датчики следовали за ней как приклеенные.

Чуть помедлив, кончик иглы коснулся шеи. Игла прошла под кожу на заданную глубину, плунжер медленно заскользил вниз, и техник почти сразу доложил:

— «Протей» введен в артерию!

Уолдо немедленно откатилось. Датчики вернулись на прежнее место, устроившись над головой и шеей Бинеса.

— Отслеживание! — крикнул техник-оператор и нажал кнопку. Полдюжины экранов вспыхнули на стенах, огонек на них мигал с разных позиций. Информация с этих датчиков поступала прямиком в компьютер, куда была заложена гигантская карта-схема кровообращения Бинеса. На этой карте яркая точка вспыхнула точно в сонной артерии. Именно туда и был только что введен «Протей».

Картеру нестерпимо захотелось помолиться, но он не знал, как это делается. На карте светящаяся точка находилась так близко от поврежденного участка...

Генерал посмотрел на хронометр и увидел, что тот высветил «пятьдесят семь», потом перевел взгляд на монитор. Яркая точка быстро и безошибочно двигалась по направлению к тромбу.

В ту же минуту Картер зажмурился и подумал: «Пожалуйста! Если кто-нибудь где-нибудь есть, там, наверху, пожалуйста, пусть все будет хорошо!»

Грант перевел дыхание и сообщил:

— Нас сейчас двигают к Бинесу. Они передают, что мы попадем сперва в иголку шприца, потом — в артерию на шее Бинеса. Я передал, что нас немного трясет. Черт! Ну, скажем так, трясет нас не то чтобы немного.

— Хорошо,— отозвался Оуэнс. Он терзал рычаги управления, стараясь — правда, пока безуспешно — совладать с качкой и хоть как-то выровнять судно.

Грант сказал:

— Послушайте, но зачем... Зачем надо непременно загонять нас в самую иголку? Подумать только — в иголку!

— Внутри иглы мы окажемся в довольно ограниченном пространстве. И следовательно, испытаем меньше неудобств при перемещении иглы. Кроме того, чем меньше миниатюризированной воды попадет в организм Бинеса — тем лучше.

— О господи! — вскрикнула Кора.

Ее волосы растрепались, пряди свесились на лицо. Девушка торопливыми, нервными движениями пыталась поправить прическу, откинула волосы со лба, чтобы не закрывали глаза,— и чуть не выпала из кресла при очередном толчке. Грант дернулся, чтобы подхватить Кору, но Дюваль успел первым и крепко схватил ее за руку.

Беспорядочные толчки и качка прекратились так же внезапно, как и начались.

— Мы в игле,— с облегчением сообщил Оуэнс и включил наружные прожектора субмарины.

Грант склонился к лобовому стеклу, вглядываясь в окружающее пространство. Правда, увидел он не много. Изотонический раствор, в котором они плавали, казался мутным, молекулы соли мерцали, как странная сверкающая пыль. Далеко впереди и так же далеко позади виднелись скругленные поверхности, освещенные гораздо ярче. Что это — стенки иглы?

Смутное беспокойство заставило Гранта повернуться к Микаэлсу и спросить:

— Доктор...

Но глаза Микаэлса были закрыты. Услышав Гранта, доктор немедленно открыл глаза и повернулся на голос.

— Да, мистер Грант?

— Что вы видите?

Микаэлс посмотрел вперед, пожал плечами и ответил:

— Отблески.

— Не могли бы вы объяснить поподробнее? Разве вам не кажется, что все вокруг нас как будто танцует?

— Да, так и есть. Танцует.

— Значит, миниатюризация как-то повлияла на наше зрение?

— Нет-нет, что вы, мистер Грант! — Микаэлс устало вздохнул.— Вы, наверное, опасаетесь, что мы можем ослепнуть? Не стоит, право. Оставьте это. Оглянитесь, посмотрите вокруг — здесь, внутри «Протея». Разве что-то выглядит не так, как должно?

— Нет.

— Вот и хорошо. Здесь, внутри, вы воспринимаете уменьшенные световые волны уменьшенной сетчаткой, и все кажется таким, как обычно. Однако световые волны, которые проникают сюда снаружи, исходят либо от частично уменьшенных объектов, либо вообще от неуменьшенных. Их нашей сетчатке воспринять несколько затруднительно. Конечно же, мы их воспринимаем. Только прерывисто, порциями. Нам воочию является волновая природа света. Поэтому-то и кажется, что все вокруг мерцает и колеблется.

— Ага, понятно. Спасибо, док,— поблагодарил Грант за объяснения.

Микаэлс снова вздохнул.

— Кажется, у меня снова начинается морская болезнь. Из-за этой чертовой броуновской качки и мерцания света у меня разболелась голова.

— Мы двинулись вперед! — крикнул Оуэнс из своей капитанской рубки.

Субмарину несло вперед — ошибиться было невозможно. Далекие округлые стенки иглы для внутривенных впрыскиваний казались теперь более материальными — несколько фракций уменьшенных световых волн, отраженных от стенок иглы, слились в единую картину. Впечатление было такое, как будто сломя голову катишься вниз по нескончаемому тоннелю американских горок.

И вот где-то впереди ровные стенки снова расплылись в неясную мерцающую окружность. Окружность эта постепенно увеличивалась, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и вот превратилась в невообразимую бездну — бездну, полную мерцающего света.

Оуэнс сказал:

— Мы уже внутри сонной артерии.

На счетчике времени светилось «пятьдесят шесть».

Глава 9

АРТЕРИЯ

Дюваль оглядывался с ликующим видом.

— Вы только представьте,— сказал он.— Мы — в человеческом теле! В артерии! Оуэнс, дорогой! Выключите внутреннее освещение! Давайте посмотрим на творение рук Господних.

Внутреннее освещение погасло, но снаружи, как оказалось, струилось какое-то призрачное сияние — отраженный свет крохотных бортовых огней, расположенных вдоль всего корпуса судна.

Оуэнс позволил «Протею» нестись по течению кровяной реки, что создавало ощущение неподвижности корабля.

— Можете отстегнуть ремни,— сказал капитан.

Дюваль и Кора освободились от своих в мгновение ока. Они бросились к иллюминатору, трепеща от восторга. Микаэлс вел себя более сдержанно. Он искоса посмотрел на этих двоих, затем склонился над своими картами и начал пристально изучать их.

— Поразительная точность,— заметил он.

— А что, разве мы могли попасть мимо артерии? — удивился Грант.

Несколько мгновений Микаэлс отрешенно глядел на Гранта, потом очнулся:

— Э-э... нет! Это исключено. Но мы могли проскочить мимо разветвления общей сонной артерии, а обратно, против течения, выбраться не получилось бы, так что пришлось бы терять время на поиск обходных, не таких удобных подходов к тромбу. А так корабль находится именно в той точке, где мы и планировали.— Его голос дрожал.

Грант приободрился.

— Похоже, пока все идет хорошо.

— Да.— Микаэлс помолчал, потом забубнил: — Из этой точки мы, принимая во внимание легкость проникновения, скорость и направление течения крови, прибудем в конечный пункт экспедиции с минимальными задержками.

— Ну что ж, отлично,— кивнул Грант и повернулся к окну. Почти сразу же он замер, очарованный открывшимся зрелищем.

Противоположная стенка артерии находилась примерно в полумиле, она искрилась и вспыхивала янтарными брызгами,

поскольку ее постоянно заслоняла туча разнообразных объектов, плававших вокруг судна.

Перед ними раскинулся самый диковинный аквариум из всех на свете, полный не рыбы, а удивительных частичек, так и кишевших перед глазами. Чаще всего встречались большие штуки, похожие на резиновые колеса, приплюснутые по центру, но без привычного отверстия. Каждое «колесо» было в два раза больше субмарины, они сияли пульсирующим светом, словно граненые бриллианты, а сами были ярко-оранжевого цвета.

— Цвет у них несколько другой,— сказал Дюваль.— Если бы было возможно увеличить световые волны, идущие от корабля, и уменьшить свет отраженный, картина бы изменилась. Жаль, что отражение неточное.

— Вы правы, доктор,— отозвался Оуэнс,— и труды Джонсона и Антониани свидетельствуют, что такая операция вполне реальна. К сожалению, техника эта нова, но, даже если бы подобные опыты уже проводились, мы все равно не успели бы установить эти аппараты на корабль за последнюю ночь.

— Понятное дело,— проворчал Дюваль.

— Ну и что, что отражение неточно,— с благоговением в голосе проговорил Грант,— оно все равно прекрасно. Эти штуковины похожи на мягкие сплющенные камеры, которые прокатились по звездам и раздавили их в звездную пыль.

— Собственно, это не что иное, как красные кровяные тельца,— пояснил Гранту Микаэлс.— В массе своей они кажутся красными, а по одному — оранжевые. Те, что вы видите, только что из сердца, они несут запас кислорода к голове и, в частности, к мозгу.

Очарованный Грант не мог оторвать глаз от окна. Кроме оранжевых колес там плавали и меньшие предметы, например полным-полно было плоских «тарелочек». «Тромбоциты, кровяные пластинки»,— подумал Грант. У него из памяти еще не совсем выветрился курс анатомии, который они проходили в колледже.

Одна из кровяных пластинок проплыла так близко от иллюминатора, что Грант с трудом удержался от рефлекторного желания протянуть руку и пощупать ее. Она двигалась очень медленно, повисла на мгновение рядом с кораблем, некоторое время

они шли рядом, а потом частица отплыла, оставив за собой шлейф осколков, которые тут же налипли на стекло,— постепенно их смыло.

— Она не разбилась? — спросил Грант.

— Нет,— ответил Микаэлс.— Если бы это произошло, то вокруг вполне мог бы образоваться маленький тромб. Надеюсь, слишком крохотный, чтобы представлять опасность для здоровья Бинеса. Если бы мы были больше, мы бы натворили тут дел... Смотрите!

Грант повернулся в сторону, куда показывал пальцем Микаэлс. Он увидел маленькие продолговатые объекты, какие-то бесформенные кусочки и кровяные тельца, кровяные тельца, кровяные тельца. Потом он заметил то, на что обратил внимание Микаэлс.

Это был громадный пульсирующий молочно-белый объект. Он был зернистый, и в его молочной белизне проступало темное мерцание — «вспышки» настолько пронзительного черного света, что они слепили глаза своим ярким не-светом.

Внутри этого странного объекта виднелись более темные области, словно там заключались какие-то неподвижные предметы, покрытые молочно-белой оболочкой. Форму этой оболочки определить было трудно, но внезапно из этой оболочки протянулся к стенке артерии белый отросток, и вся масса быстро перетекла по нему. Ее мерцание пригасло, заглушенное сиянием более близких объектов, вокруг завертелись разнообразные частицы...

— Что это было? — спросил Грант.

— Конечно, белая кровяная клетка — лейкоцит, или фагоцит. Их не так уж и много, по крайней мере по сравнению с красными тельцами. На одну белую приходится приблизительно шестьсот пятьдесят красных. Зато белые намного крупнее и могут передвигаться в любом направлении. Некоторые из них даже могут выбираться из кровеносных сосудов. Страшненькие штучки, это видно с первого взгляда. Мне не хотелось бы подходить к ним близко.

— Кажется, их называют санитарами организма?

— Именно. Мы, конечно, величиной с бактерию, но обшивка нашего корабля металлическая, а не полисахаридная. Будем надеяться, что белые клетки поймут разницу, и, поскольку мы не приносим вреда окружающей среде, они нас не тронут.

Грант постарался не выхватывать взглядом каждую отдельную клетку за иллюминатором, а вобрать впечатление от всей картины целиком. Он отступил немного назад и прищурился.

Танец! Каждая частица трепетала на своем месте. И чем меньше клетка, тем сильнее ее била дрожь. Вся панорама походила на грандиозный и непостижимый танец, поставленный безумным хореографом, который заставлял танцоров трястись в постоянной и сумасшедшей тарантелле.

Грант закрыл глаза.

— Чувствуете? Ну, я имею в виду броуновское движение.

— Да, чувствуется,— согласился Оуэнс.— Не так уж и сильно, как я опасался. Состав крови более плотный, чем изотонический раствор, в котором мы были, и ее плотность гасит хаотичное движение молекул.

Грант ощущал, как под его ногами судно качалось то в одну, то в другую сторону, но очень мягко, а не резко, как тогда, в шприце. Кровь густая и вязкая из-за высокого содержания белков. Откуда-то из глубин памяти Гранта выплыла фраза «белок плазмы». Именно он смягчал удары молекул солей о судно.

Неплохо, неплохо. Грант приободрился. Вполне вероятно, что все пройдет удачно.

— Предлагаю всем вернуться на свои места,— сказал Оуэнс.— Мы приближаемся к разветвлению артерии, и нам предстоит совершить крутой поворот.

Все расселись по креслам, по-прежнему не сводя глаз с удивительных пейзажей, которые разворачивались за иллюминаторами.

— Какая жалость, что у нас так мало времени,— вздохнула Кора.— Доктор Дюваль, а это что такое?

Мимо проплывало прямо-таки созвездие крохотных частиц, слипшихся в спиралевидную трубку. За ним проследовало еще несколько подобных образований, в движении они попеременно расширялись и съеживались.

— Ой,— удивился Дюваль,— я не могу понять, что это!

— Наверное, вирус,— предположила Кора.

— По-моему, великоваты они для вирусов, да и не похожи ни на один, что мне приходилось видеть... Оуэнс, у нас есть оборудование для взятия проб?

— Мы можем выйти из субмарины, если понадобится, доктор, но останавливаться, чтобы взять пробы, мы не станем.

— Послушайте, другого шанса у нас не будет.— Дюваль порывисто вскочил.— Нужно взять кусочек для экспериментов! Мисс Петерсон, вы...

— У нас есть задание, доктор,— прервал его Оуэнс.

— Какая разница...— начал Дюваль, но в эту минуту на его плечо легла тяжелая рука Гранта.

— Если вы не против, доктор,— сказал Грант,— мы оставим эту тему. У нас есть дело, и мы не будем останавливаться, чтобы что-то подобрать, мы не будем поворачивать, чтобы что-то подобрать, и мы не будем тормозить, опять-таки чтобы что-то там подобрать. Уясните это раз и навсегда, и давайте прекратим бесполезный спор.

В неверном мерцающем свете, отраженном от ближней стенки артерии, было заметно, как нахмурился Дюваль.

— Ладно,— мрачно проворчал он,— все равно они уже уплыли.

Вмешалась Кора:

— Когда мы выполним нашу миссию, доктор Дюваль, откроются безграничные возможности для миниатюризации на какой угодно срок. Мы сможем принять участие в настоящих исследовательских экспедициях.

— Да, похоже, что вы правы.

— Справа — стенка артерии,— сказал Оуэнс.

«Протей» совершил долгий и осторожный поворот, и стенка снова отодвинулась на сотню футов. Волнистая янтарная поверхность эндотелия, составляющего внутренний слой артериальной стенки, стала видна до мелочей.

— Эх,— сказал Дюваль,— какая возможность выявлять атеросклероз сосудов! Можно пересчитать все склеротические бляшки по пальцам.

— Их тоже можно будет уничтожать, правда? — спросил Грант.

— Конечно. Если наше путешествие пройдет удачно. Можно будет направлять субмарину для очистки закупоренных сосудов, разрушать и счищать тромбы... Хотя вообще-то дороговато обойдется.

— Наверное, это можно будет автоматизировать,— предположил Грант.— Например, посылать для уборки в сосудах уменьшенных домашних роботов. Или какого-нибудь крепкого парня с соответствующим снаряжением. Работки будет невпроворот.

Они снова подошли к стенке артерии, и корабль начало качать от бурления крови возле нее. Подняв голову, можно было увидеть, как стена уносилась так высоко вверх, что казалось, она тянется вертикально мили и мили, прежде чем начинает закругляться.

— Если вытянуть кровеносную систему в линию, включая даже самые мелкие сосуды, получится нить длиной в сотни тысяч миль,— сказал Микаэлс.

— Неплохо,— согласился Грант.— Сотни тысяч миль в нормальном состоянии, не уменьшенном. Сейчас, учитывая наши размеры, это...— он помолчал, подсчитывая,— более трех триллионов миль в длину — половина светового года. Чтобы уменьшенными проплыть через каждый кровеносный сосуд Бинеса, нам понадобится время, равное продолжительности полета к не самой близкой звезде.

Он поглядел вокруг и поежился. Ни прежние успехи в продвижении, ни окружающая красота не помогали ему обрести душевное равновесие.

Грант постарался придать голосу бодрости.

— По крайней мере, броуновское движение не такое уж и страшное,— выпалил он.

— Нет,— сказал Микаэлс. Потом добавил: — Я вел себя не слишком хорошо тогда, когда мы в первый раз обсуждали силу броуновского движения.

— Как и Дюваль, когда ему заблагорассудилось прогуляться за образцами. Но мне и не кажется, что все мы ведем себя слишком уж хорошо.

Микаэлс сглотнул.

— Как это было эгоистично со стороны Дюваля — настаивать на остановке для взятия проб!

Он покачал головой и повернулся к картам, разложенным на полукруглом столе возле одной из стен. Эти карты и движущаяся по ним точка света были уменьшенной копией, выведенной на мощные мониторы операционной там, наверху, и еще одна уменьшенная копия светилась на экране в куполе Оуэнса. Микаэлс спросил:

— Какая у нас скорость, Оуэнс?

— Пятнадцать узлов, по нашим пропорциям.

— Ну ясно, что по нашим пропорциям,— проворчал Микаэлс. Он вынул из коробочки логарифмическую линейку и что-

то быстро подсчитал.— Мы будем возле разветвления через две минуты. Когда будете поворачивать, держитесь от стенки на таком же расстоянии. Тогда мы свободно пройдем в середину сосуда и без проблем попадем в капиллярную сеть. Понятно?

— Вполне!

Грант ждал, все время поглядывая в иллюминатор. На мгновение он уловил тень профиля Коры, но зрелище, открывающееся за окном, приковало его внимание сильнее, чем даже изящный изгиб ее подбородка.

Две минуты? Не так уж долго... Это в их растянутом восприятии времени? Или соответственно хронометру? Грант повернул голову, чтобы свериться с циферблатом. На нем горело «пятьдесят шесть», но тут же это число померкло и очень неохотно зачернело «пятьдесят пять».

Корабль внезапно дернулся, да так, что Грант едва не вылетел из своего кресла.

— Оуэнс! — заорал он.— Что случилось?

— Мы что, во что-то врезались? — спросил Дюваль.

С трудом держась на ногах, Грант добрался до лесенки и вскарабкался наверх.

— Что-то не так? — спросил он капитана.

— Не знаю.— Лицо Оуэнса превратилось в застывшую от напряжения маску.— Корабль потерял управление.

Снизу зазвенел яростный окрик Микаэлса:

— Капитан Оуэнс, скорректируйте курс. Мы идем на стенку.

— Знаю! — огрызнулся Оуэнс.— Похоже, нас подхватило какое-то сильное течение.

— Попробуй снова,— сказал Грант.— Выжми из машины все, на что она способна.

Он спустился вниз и, прислонившись спиной к лестнице, чтобы устоять на ногах от сильных рывков судна, спросил:

— Откуда здесь такое течение? Разве мы не движемся со скоростью потока крови?

— Да,— страстно подтвердил Микаэлс, черты его лица заострились.— Здесь не может быть ничего притягивающего нас так сильно.— Он показал на иллюминатор, за которым виднелась стенка артерии, быстро надвигавшаяся на корабль.— Наверное, что-то разладилось с управлением. Если мы налетим на стенку и прорвем ее, вокруг нас образуется тромб и мы оста-

немся торчать на месте или за нас примутся белые кровяные тельца.

— Но в закрытой системе это невозможно,— возразил Дюваль.— Законы гидродинамики...

— Закрытая система? — Микаэлс высоко поднял брови. Он с трудом доковылял до своего кресла и упал в него с легким стоном.— Бесполезно, нужно большее увеличение карт, а откуда я его возьму? Оуэнс, держитесь подальше от стенки.

— Стараюсь! — рявкнул Оуэнс.— Я же сказал, что не могу бороться с этим чертовым течением.

— Тогда не старайся идти против него! — крикнул ему Грант.— Пусть корабль идет, как ему вздумается, а сам направь все силы, чтобы держаться параллельно стенке артерии.

Они подошли уже так близко, что видели все детали стенки. Волокна соединительной ткани, которые служили основной опорой, походили на строительные фермы, скорее даже на готические арки, желтые и блестящие, словно их тонкая поверхность была смазана жиром.

Упругие волокна соединительной ткани растягивались, расходились в стороны — при этом просвет сосуда расширялся,— замирали в таком положении на какое-то мгновение и снова сжимались, и тогда стенка артерии уплотнялась и даже собиралась в складки. Гранту не нужно было даже спрашивать, чтобы понять, что он видит пульсацию артериальных стенок под действием толчков крови, которую порциями выбрасывает сердце с каждым сокращением своих камер.

Корабль трясло все сильнее и сильнее. Стенка артерии была уже совсем близко, и стало видно, что она вовсе не гладкая, а неровная и шероховатая. Волокна соединительной ткани распались на отдельные клетки, словно они противостояли долгое время яростному потоку и постепенно кровь размыла и выщербила их. Они извивались, как тросы гигантского моста, проносились мимо иллюминатора и исчезали во влажной мгле, их желтый блеск тускнел, когда на них переставал падать свет корабельных прожекторов.

С каждым следующим поворотом Кора пронзительно визжала от ужаса.

— Осторожней, Оуэнс! — крикнул Микаэлс.

— Артерия повреждена...— пробормотал Дюваль.

Но течение обогнуло живую опору и утянуло за собой корабль, который заложил такой крутой вираж, что всех опрокинуло влево.

Грант пребольно стукнулся о стенку судна левой рукой, но тут же подхватил Кору правой и помог удержаться на месте. Задрав голову, он пытался разглядеть, что творится за бортом.

— Водоворот! — закричал он.— Все по местам! Немедленно пристегнуться!

Разные частички, отпавшие от красных телец, на мгновение недвижимо зависли за стеклом, поскольку оказались втянуты в тот же водоворот, а стенки сосуда слились в желтую бесформенную массу.

Дюваль и Микаэлс допрыгнули до своих кресел и затянули ремни.

— Впереди — ад кромешный! — крикнул Оуэнс.

Грант быстро подтолкнул Кору.

— Давайте пробирайтесь к креслу.

— Я стараюсь,— прошипела она.

Отчаявшись из-за невозможности сделать и шага по кораблю, который швыряло во все стороны, Грант толкнул Кору в кресло и потом уже дотянулся до ее ремней.

Но было поздно. Субмарину захватил водоворот и закружил с неистовой силой, словно праздничная карусель.

Грант только благодаря своим рефлексам успел ухватиться за подпорку и обернулся посмотреть, как там Кора. Ее сбросило на пол. Она цеплялась пальцами за ручку кресла, но долго это продолжаться не могло.

Не удержится, понял Грант и отчаянно потянулся ей на помощь. Но между ними оставался еще добрый фут. Когда он таки дотянулся до нее, его рука начала соскальзывать с подпорки.

Дюваль беспомощно барахтался в своем кресле, но центробежная сила сводила его попытки на нет.

— Держитесь, мисс Петерсон. Я попробую помочь вам!

Наконец ему удалось дотянуться до ремней, а Микаэлс и Оуэнс, распятые в своих креслах, застывшими взглядами следили за разворачивающимися событиями, но помочь никак не могли.

Левая нога Коры оторвалась от пола под действием центробежного эффекта.

— Я не могу...

Другого выхода не было, и Грант отпустил подпорку. Его потащило по полу, но он зацепился ногой за подставку кресла, отчего его дернуло с такой силой, что чуть не вышибло дух, но он ухватился левой рукой за кресло, а правой — за запястье Коры как раз в то мгновение, когда ее пальцы разжались.

«Протей» вращался все быстрей, так что казалось, словно он парит в воздухе и вот-вот перевернется. Грант не удержался в такой неудобной позе, его нога выскользнула из-под подставки, и многострадальная левая рука, которая все еще побаливала после предыдущего удара о стенку, приняла на себя добавочный вес. Гранту на миг показалась, что рука не выдержит и сломается. Боль была жуткая. В ужасе Кора впилась пальцами в его плечо, едва не стянув с него форму.

— Хоть кто-нибудь...— прохрипел Грант,— понимает, что происходит?

Дюваль, все еще безуспешно боровшийся со своим ремнем, сказал:

— Это шунт... Артериально-венозный шунт, фистула.

С трудом подняв голову, Грант посмотрел за окно. Поврежденная стенка артерии осталась далеко вверху. Желтое сияние угасло, вокруг виднелась бугристая поверхность мрачного ущелья. Она уходила вглубь и ввысь, насколько хватало взгляда, в эту пропасть ухали эритроциты и другие кровяные частицы. Даже огромные устрашающие туши белых телец быстро проваливались вниз.

— Еще минутку,— хрипел Грант.— Еще одну минутку, Кора!

Он шептал это больше для себя, для своей израненной и горящей руки.

Судно внезапно затрясло, отчего Грант едва не потерял сознание, а потом их падение начало постепенно замедляться, пока корабль не остановился совсем.

Грант отпустил кресло и немного полежал, тяжело дыша. Кора опустилась на колени, но вскоре поднялась на ноги.

Дюваль наконец отцепился от кресла.

— Мистер Грант, с вами все в порядке? — Он склонился над едва живым Грантом.

Кора присела с другой стороны, осторожно дотронувшись до его больной руки, вероятно, чтобы помассировать ее.

— Не трогайте,— прошипел Грант сквозь зубы, морщась от боли.

— Сломана? — спросил Дюваль.

— Не знаю.— Медленно и осторожно он попытался согнуть руку. Потом взялся за левый бицепс и сжал его.— Кажется, нет. Но даже если перелома нет, я смогу ею работать только через несколько недель.

Микаэлс тоже встал из своего кресла. Огромное облегчение исказило его лицо до неузнаваемости.

— Мы сделали это! Сделали! Мы не развалились на куски! Как там, Оуэнс?

— Думаю, все в порядке,— ответил Оуэнс.— Ни одна аварийная лампочка не светится. «Протей» попал в такую переделку, что мы даже не предполагали, и выдержал!

В его голосе сквозила гордость за себя и свой корабль.

Кора все еще растерянно стояла над Грантом.

— У вас кровь! — пораженно сказала она.

— У меня? Где?

— На боку. Форма вся в крови.

— Ах это. На Той стороне у меня были небольшие сложности. А это просто пластырь отклеился. Честно говоря, это не рана, а просто царапина. Немножко крови, и ничего больше.

Кора встревоженно посмотрела на него, потом расстегнула его форму.

— Сядьте,— попросила она.— Пожалуйста, постарайтесь сесть.

Она подхватила его под мышки и помогла сесть, потом стянула рукав формы с его левой руки, действуя с профессиональной осторожностью.

— Я позабочусь о вас,— сказала она.— И еще... Спасибо. Конечно, это ужасно неравнозначная услуга, но все равно. Спасибо.

— Ну, в следующий раз сделайте для меня то же самое, идет? Помогите добраться до кресла, ладно?

Он попытался подняться. Кора помогала ему с одной стороны, Микаэлс — с другой. Дюваль, глянув в их сторону, отошел к иллюминатору.

— Так что же случилось? — спросил Грант.

— Артериально-веноз...— начал Микаэлс.— Гм, давайте так. Между артерией и небольшой веной образовался проход. Ино-

гда это случается, в результате физической травмы например. Полагаю, с Бинесом это произошло в результате удара, который он получил в машине. Это, несомненно, дефект, нарушение, но в данном случае неопасное, поскольку его размеры микроскопичны. Такой вот крохотный водоворотик.

— Ничего себе крохотный!

— При наших размерах он кажется, конечно, гигантским водоворотом.

— А разве его не было на ваших картах кровеносной системы, Микаэлс? — спросил Грант.

— Должен быть. Я, наверное, смогу отыскать его на корабельных картах, если сильно увеличу их. Дело в том, что на разработки мне предоставили три часа, вот я и пропустил его в спешке. Нет мне прощения.

— Ладно,— сказал Грант.— Просто времени у нас уйдет немного побольше. Составьте альтернативный маршрут, и Оуэнс поведет нас дальше. Сколько у нас времени, капитан? — Он автоматически посмотрел на хронометр. На циферблате стояло «пятьдесят два».

Тут же Оуэнс отозвался:

— Пятьдесят две минуты.

— Времени вагон,— обрадовался Грант.

Микаэлс смотрел на Гранта широко раскрытыми глазами.

— Время ни при чем, Грант,— сказал он.— Вы еще не поняли, что произошло. Мы проиграли. Все кончено. Мы не сумеем вернуться к тромбу, разве вы не понимаете? Нужно попросить, чтобы нас извлекли из тела.

Кора пришла в ужас.

— Но ведь корабль смогут уменьшить снова только через несколько дней. Бинес умрет!

— А что делать? Мы движемся сейчас в яремную вену. Мы не сможем подняться к артерии, течение слишком сильное, даже если попробовать проскочить между двумя ударами сердца. Единственный путь к цели — по вене и сквозь сердце, а это чистое самоубийство!

— Вы уверены? — ошеломленно спросил Грант.

— Он прав, Грант,— сказал Оуэнс усталым и надтреснутым голосом.— Все кончено.

Глава 10
СЕРДЦЕ

В контрольном зале бушевал настоящий бедлам. На трехмерном экране мигающая точка, которая означала уменьшенный корабль, лишь слегка сместилась в сторону, но это «слегка» означало непоправимое отклонение от цели.

Запищал сигнал монитора. Картер и Рейд повернулись.

— Сэр.— На экране появилось взволнованное лицо.— «Протей» сошел с курса. Их сигнал пойман в квадрате двадцать три, уровень Б.

Рейд подскочил к стеклянной стене, за которой находилась комната с картами. Отсюда, конечно, трудно было что-нибудь разглядеть, кроме нескольких человек, сосредоточенно склонившихся над картами.

Картер побагровел.

— Что вы мне суете какие-то квадраты? Где они?

— В яремной вене, сэр, и направляются к верхней полой вене!

— В вене! — На мгновение вены самого Картера угрожающе запульсировали.— Какого черта они полезли в вену?! — загремел он.— Рейд!

Рейд поспешил к нему.

— Слушаю вас.

— Как они попали в вену?

— Я уже приказал наблюдателям поискать артериально-венозную фистулу. Они случаются редко, и найти их довольно сложно.

— И что...

— Это прямое соединение небольшой артерии с небольшой веной. Кровь из артерии просачивается в вену и...

— Они знали об этом?

— Вероятно, нет. И, Картер...

— Что еще?

— При их размерах это, должно быть, оказалось чем-то вроде страшной катастрофы. Они могли даже погибнуть.

Картер повернулся к телевизионным экранам. Нажал на кнопку.

— Поступили ли какие-нибудь сигналы с «Протея»?

— Нет, сэр,— последовал быстрый ответ.

— Ну так свяжитесь с ними, чего вы ждете?! Пусть скажут хоть что-нибудь! И немедленно доложить мне!

Агония ожидания затягивалась, и Картер, затаивший дыхание, уже мог бы вдохнуть три-четыре раза, пока не поступило сообщение:

— «Протей» на связи, сэр.

— Слава тебе господи! — выдохнул Картер.— Что там?

— Они прошли через артериально-венозную фистулу, сэр. Теперь им ни вернуться, ни пойти вперед. Они просят, чтобы их извлекли обратно.

Картер грянул о стол обоими кулаками.

— Нет! Нет, тысяча чертей!

— Но, генерал, они совершенно правы! — подал голос Рейд.

Картер поднял глаза к хронометру. Пятьдесят один. Дрожащими губами он прошептал:

— У них еще есть пятьдесят одна минута. И ровно пятьдесят одну минуту они останутся внутри Бинеса. Мы извлечем корабль на счете «ноль». И ни минутой раньше, даже если они ничего не смогут поделать с тромбом.

— Черт, но это же бессмысленно! Кто знает, что у них там с кораблем. Мы погубим пятерых человек.

— Возможно. И они, и мы знали, на что шли. И пока остается хоть один-единственный шанс добиться успеха, мы не отступим. Все.

Глаза Рейда заледенели, а его великолепные усы встопорщились.

— Генерал, вы думаете лишь о своем успехе! Если они погибнут, я буду свидетельствовать, что вы умышленно продержали их там из-за своих амбиций.

— Я пойду и на это,— ответил Картер.— Вот скажите — вы же должны разбираться в медицине, раз получаете жалованье в медотделе,— почему они не могут двигаться в любом направлении?

— Они не в силах вернуться через фистулу из-за сильного течения. Как бы вы ни приказывали, это законы физики. Давление крови не подчиняется армейским генералам.

— Почему бы им не двинуться другим маршрутом?

— Все пути из той точки, где они сейчас находятся, ведут через сердце. Турбулентные завихрения крови в полостях сердца

моментально разнесут судно вдребезги, и пойти на это мы не можем.

— Мы...

— Не можем, Картер! Не потому, что это убьет пятерых человек, хотя достаточно и этого. Если корабль распадется на куски, мы никогда не вытащим их все, и, увеличившись, они погубят Бинеса. Если же мы извлечем судно сейчас, то можно еще попытаться провести операцию извне.

— Безнадежно.

— Не более, чем то, что мы имеем сейчас.

Картер взял себя в руки и тихо сказал:

— Полковник Рейд, скажите — на какое время мы можем остановить сердце Бинеса без особого для него вреда?

У Рейда округлились глаза.

— Ненадолго.

— Знаю. Мне нужно точное время.

— Гм, он в коме и в состоянии гипотермии... Но, принимая во внимание повреждение мозга, я бы сказал — секунд шестьдесят, никак не больше. Притом по нашему счету.

— «Протей» успеет проскочить через сердце меньше чем за шестьдесят секунд, так ведь? — спросил Картер.

— Я не знаю.

— Они просто должны успеть. Исключив все заведомо невозможное, мы постараемся сделать то, что осталось. Мы должны попытаться, невзирая на риск и сложность задачи. Трудно ли остановить сердце?

— Отнюдь. Можно свести все концы ударом кинжала, если перефразировать Гамлета. Вот запустить обратно будет действительно трудно.

— А это уже, мой дорогой полковник, ваша задача и на вас лежит ответственность.— Картер снова посмотрел на хронометр, на котором светилось «пятьдесят».— Мы понапрасну теряем время. За дело! Пните ваших кардиологов, а я передам инструкции на «Протей».

В кабине «Протея» горели все огни. Микаэлс, Дюваль и Кора, растрепанные и взвинченные донельзя, сгрудились возле Гранта.

— Вот так,— сказал Грант.— Когда мы подойдем к сердцу, они остановят его электрошоком и запустят снова, как только мы проскользнем через него.

— Запустят! — возмутился Микаэлс.— Они что, с ума посходили? У Бинеса не то состояние, чтобы выдержать подобные штучки!

— Полагаю,— ответил Грант,— что это единственный шанс выполнить нашу миссию.

— И этот единственный шанс закончит наш бренный путь!

Тут заговорил Дюваль:

— Знаете, Микаэлс, мне доводилось проводить операции на сердце. То, что они задумали, вполне выполнимо. Сердце — более живучий орган, чем вам кажется. Оуэнс, сколько времени займет путешествие сквозь сердце?

Оуэнс высунулся из своего пузыря.

— Я только что все подсчитал, Дюваль. Если нас ничто не задержит, мы проскочим за пятьдесят пять или пятьдесят семь секунд.

Дюваль пожал плечами.

— У нас будет три секунды форы.

— Тогда поехали,— сказал Грант.

— Сейчас течение и так несет нас к сердцу,— сказал Оуэнс.— Я уже запускаю двигатель. На полную мощность — нужно же его проверить. Слишком сильно нас потрепало.

Где-то раздался глухой рев, и судно явственно двинулось вперед, так что надоевшее уже хаотичное потряхивание от броуновского движения перестало ощущаться.

— Выключите свет,— приказал Оуэнс,— и постарайтесь расслабиться. Я сам управлюсь с нашей крошкой.

Когда погас свет, все — даже Микаэлс — сгрудились у иллюминатора.

Мир вокруг них совершенно преобразился. Да, это была кровь. Да, все вокруг состояло из кусочков и мелких частиц, фрагментов и соединений всяческих молекул, тромбоцитов и эритроцитов, но разница... разница...

Теперь они были в верхней полой вене, самой крупной вене, идущей от головы и шеи. Весь кислород был использован без остатка. Красные кровяные тельца отдали его, и в них остал-

ся лишь гемоглобин, а не оксигемоглобин — ярко-алый, насыщенный кислородом.

Гемоглобин был синевато-лилового цвета, и в рассеянных миниатюризированных световых волнах корабля каждый эритроцит вспыхивал переливами голубого и зеленого на постоянном фиолетовом фоне. На всем вокруг лежал отблеск этих лишенных кислорода частиц.

Тромбоциты проносились мимо, оставаясь в тени, и дважды субмарина миновала — на вполне приличной дистанции — расползшиеся туши белых кровяных телец, окрашенных теперь в зеленовато-бежевые цвета.

Грант снова скосил глаза на лицо Коры, на котором проступил почти благоговейный восторг, и в призрачном голубоватом свете, струящемся извне, она сама казалась фантасмагорическим видением. Она была Снежной Королевой далекого северного царства, на которое изливала сияние сине-зеленая заря. Так галантно подумал Грант и внезапно почувствовал прилив тоски и опустошенности.

— Великолепно! — проворчал Дюваль. Но смотрел он совсем не на Кору.

— Вы готовы, Оуэнс? — обратился Микаэлс к капитану.— Я буду показывать вам путь через сердце.

Он подошел к своим картам и включил небольшую лампу, которая несколько рассеяла сказочную синюю мглу, затопившую «Протей».

— Оуэнс! — окликнул он.— Карта сердца, А-два. Входное отверстие верхней полой вены. Правое предсердие. Нашли?

— Нашел.

— Мы что, уже в сердце? — удивился Грант.

— А вы прислушайтесь,— вспыхнул Микаэлс.— Не смотрите, а слушайте!

В «Протее» воцарилась гробовая тишина.

И они услышали. Это напоминало далекий гром канонады. Пол под ногами дрожал, ритмично вибрировал, медленно и размеренно, но с каждым мгновением все сильнее и сильнее. Глухой удар, за ним — еще глуше, потом пауза, снова два удара, и снова, и снова — все громче и громче.

— Сердце! — вскрикнула Кора.— Это сердце!

— Правильно,— согласился Микаэлс.— Замедленное во много раз.

— И мы неправильно слышим его,— недовольно поморщился Дюваль.— Звуковые волны слишком велики, чтобы мы воспринимали их ушами. Они заставляют судно вибрировать, но это совсем не одно и то же. При скрупулезном исследовании тела человека...

— Как-нибудь в другой раз, доктор,— перебил его Микаэлс.

— А звук довольно привычный,— заметил Грант.

— Да, но ниже границы нашего восприятия. Два биллиона ударов за семьдесят лет,— произнес Микаэлс.— И более.

— И каждый удар,— подхватил Дюваль,— это тонкая грань, отделяющая нас от Вечности, которая дарит мгновение, чтобы мы примирились с...

— Конкретно эти удары,— перебил его Микаэлс,— как раз приблизят нас к Вечности и не подарят ни одного лишнего мгновения. Заткнитесь, вы все. Вы готовы, Оуэнс?

— Да. По крайней мере, я у руля, а перед носом у меня висит карта. Но как отыскать на ней правильный путь?

— Мы никак не потеряемся, даже при всем желании. Сейчас мы в верхней полой вене, у места впадения в предсердие. Нашли?

— Да.

— Хорошо. Через минуту мы войдем в правое предсердие, в первую камеру. А они должны остановить сердце. Грант, займите пост у радио.

В это время Грант забыл обо всем, захваченный грандиозным зрелищем за иллюминатором. Полая вена — самая крупная вена человеческого тела, которая на последнем отрезке несет кровь от всех органов, кроме легких. На подходах к предсердию она разрослась до гигантских размеров, ее стенки терялись из виду, и казалось, что «Протей» несется в безграничном океане тьмы. Сердце медленно и страшно грохотало, и с каждым раскатом корабль подбрасывало и трясло.

Микаэлсу пришлось окликнуть Гранта дважды, прежде чем он очнулся и сел за передатчик.

— Впереди трехстворчатый клапан! — крикнул Оуэнс.

Все задрали головы. В конце длинного-длинного коридора показался этот самый клапан. Три сияющие красные заслонки,

которые раздвинулись, раскрылись, взметнулись назад, открывая кораблю путь. Показался проход, он все увеличивался, а лепестки клапана развевались, цепляясь друг за друга. Внизу находился правый желудочек, одна из двух основных камер сердца.

Кровь хлынула в этот провал, словно втянутая мощным глотком. «Протей» понесло следом, как раз когда проход раскрылся во всю свою необъятную ширь. Впрочем, течение оказалось не таким уж и бурным, и субмарина плыла, лишь слегка подрагивая.

Потом их оглушил громовой раскат — это желудочки, главные мышечные камеры сердца, сжались от систолического сокращения сердечных мышц. Лепестки трехстворчатого клапана вспорхнули навстречу судну, смыкаясь — медленно, с сочным влажным всхлипом. Впереди оказалась стена с вертикальной бороздой, которая расходилась вверху на еще две.

По другую сторону закрытого теперь клапана находился правый желудочек. Когда он сокращается, кровь не поступает в предсердие, а выталкивается через легочную артерию, клапаны которой в это время открыты.

Грант попытался перекричать оглушительное громыхание:

— Следующий удар сердца будет последним, так передали сверху!

— Хорошо бы, иначе для нас это будет действительно последний удар,— отозвался Микаэлс.— Полный вперед, Оуэнс, клапан снова открывается!

Лицо Микаэлса дышало решимостью, но ни тени страха Грант не заметил.

Датчики радиоактивности, покрывавшие раньше шею и голову Бинеса, теперь облепили его грудь, с которой стащили термическое покрывало.

Мониторы с картами кровеносной системы показывали область сердца, а именно — правый желудочек. Мигающая точка, указывавшая месторасположение «Протея», постепенно спускалась по полой вене в предсердие, мышечные стенки которого были не особенно толстыми. Как только они подошли, предсердие расширилось, а потом сократилось.

Одним скачком корабль пронесся по предсердию к трехстворчатому клапану, и тот закрылся, когда они были у самого

прохода. Осциллограф отражал каждый удар сердца в виде волнообразных электронных сигналов, амплитуда которых, похоже, все уменьшалась.

Прибор для электрошока был наготове, у груди Бинеса уже нависли электроды.

Пошел последний удар. Кривая на экране начала подъем. Левый желудочек раздался для новой порции крови, и, как только это произошло, трехстворчатый клапан открылся.

— Давай! — крикнул оператор, следивший за работой сердца.

Два электрода коснулись груди Бинеса, стрелка на экранчике кардиографа тут же упала до красной отметки, и зазвучал тревожный зуммер. Потом умолк. Осциллограф вычертил прямую линию.

В контрольный зал передали, кратко и ясно: «Сердце остановлено!»

Картер нахмурился и щелкнул секундомером, который не выпускал из рук. И с тихим тиканьем полетели отсчитываемые драгоценные секунды.

Пять пар глаз не отрываясь смотрели на трехстворчатый клапан. Рука Оуэнса твердо сжимала акселератор. Желудочек сердца расслабился, и где-то в конце легочной артерии сомкнулся полулунный клапан. Ни капли крови не вернется из артерии обратно в желудочек, клапан об этом позаботится. Звук, с которым захлопнулся этот клапан, заставил завибрировать все вокруг.

А поскольку желудочек оставался расслабленным, кровь должна поступать с другой стороны — из правого предсердия. Путь к нему преграждал трехстворчатый клапан, но теперь он начал распахиваться настежь.

Огромная морщинистая щель расширилась, вот уже появилось что-то вроде коридора, коридор раздался еще больше, и путь вперед был открыт.

— Пошел! — заорал Микаэлс не своим голосом.— Пошел! Пошел!

Его крик потонул в громе сердцебиения и гуле двигателей субмарины. «Протей» ринулся вперед, миновал клапан и оказался в желудочке. Через мгновение желудочку положено сократиться, и кровяная буря раздавит, расплющит корабль, как пустой спичечный коробок, убьет команду — а через три четверти часа Бинес погибнет.

Грант затаил дыхание. Отгремело эхо диастолы, наступила тишина и... Ничего!

Полное беззвучие.

— Я хочу это видеть! — крикнул Дюваль.

Он взлетел по лестнице и сунул голову в стеклянный купол — единственное место на корабле, откуда более-менее свободно просматривалось все, что творится вокруг.

— Они остановили сердце! — ликовал доктор.— Идите сюда, вы только посмотрите!

К нему присоединилась Кора, а потом и Грант.

Трехстворчатый клапан открылся наполовину, да так и замер. Вся внутренняя поверхность клапана была выстлана толстыми переплетающимися волокнами, которые прикрепляли клапан к нутру самого желудочка. Эти волокна и оттягивают назад створки-лепестки, когда желудочек расслабляется, и удерживают в закрытом состоянии, не дают распахнуться, когда желудочек сжимается.

— Какая чудесная архитектура,— заметил Дюваль.— Это просто потрясающе — смотреть изнутри на закрытый клапан сердца. Его удерживают канаты, мощь и хрупкость которых человек превзойти не в силах, как ни старается.

— Если мы останемся здесь, чтобы насладиться зрелищем, доктор, это будет последнее, что мы увидим,— ответил Микаэлс.— Полный вперед, Оуэнс, держитесь левой стороны. Туда, к полулунному клапану. У нас всего тридцать секунд, чтобы выбраться из этой западни.

Если это и была западня — в чем никто не сомневался,— то западня, безусловно, прекрасная. Могучие колонны волокон подпирали стены, они разветвлялись, змеились странными корнями, которые намертво вросли в противоположные стены. Казалось, путешественники попали в какой-то гигантский зачарованный лес, где громадные безлистые деревья накрепко сплелись в диком хороводе, и этот удивительный клубок поддерживал и сохранял в целости самую главную мышцу человеческого тела.

Эта мышца, сердце, является не чем иным, как сдвоенным насосом, который начинает работать задолго до рождения человека и не останавливается до самого последнего предсмертного вздоха. Оно стучит непрестанно, не ослабевая ни на миг, при любых обстоятельствах. Ни одно сердце любого другого мле-

копитающего не делает более биллиона ударов за всю, даже самую долгую жизнь. А ведь после биллионного удара сердца человек только входит в средний возраст, в самый расцвет силы и жизнедеятельности. Люди — и мужчины, и женщины — бывало, жили так долго, что их сердце успевало сделать свой трехбиллионный удар.

Очарование разрушил голос Оуэнса:

— Осталось всего девятнадцать секунд, доктор Микаэлс. Я пока не вижу никакого клапана.

— Продолжайте двигаться тем же курсом, черт возьми! Мы идем прямо на него. И хорошо, если он открыт.

— Да вот же он,— встрял Грант.— Это он? Вон то темное пятно?

Микаэлс оторвался от своих карт и скользнул взглядом по иллюминатору.

— Да, это он. Приоткрыт достаточно, чтобы мы протиснулись. Систола уже начиналась, когда они остановили сердце. Эй, всем нужно срочно пристегнуться. Мы-то проскочим через эту дыру, но сразу же за нашими спинами начнется следующая систола и...

— Если начнется,— тихо заметил Оуэнс.

— Начнется следующая систола,— повторил Микаэлс.— И нам под задницу пойдет такая волна крови, что только держись. Чем дальше мы успеем отплыть, тем лучше.

С отчаянной решимостью Оуэнс послал судно прямо в узкий проход, который виднелся в центре щели. Это и был клапан, почти закрытый, похожий на полумесяц (потому и «полулунный»).

В операционной повисло напряженное молчание. Команда хирургов застыла возле распростертого Бинеса, такая же неподвижная, как и он. Над всеми витала тень смерти, чему немало способствовал вид холодного тела Бинеса с остановившимся сердцем. Только подрагивающие датчики сохраняли видимость жизни.

В контрольном зале Рейд повернулся к генералу.

— Пока они в целости и сохранности. «Протей» миновал трехстворчатый клапан и петляет в поисках полулунного. Но движутся они вполне целенаправленно.

— Хорошо,— сказал Картер, не отрывая глаз от секундомера в потных ладонях.— Осталось двадцать четыре секунды.

— Они почти добрались.

— Пятнадцать секунд,— безжалостно отчеканил Картер.

Кардиолог встал у электрошокового аппарата.

— Они подошли к самому клапану.

— Осталось шесть секунд. Пять. Четыре...

— Они проходят!

В это мгновение зазвенел тревожный зуммер, неотвратимый, как смерть.

— Пускайте сердце! — рявкнул один из динамиков. Нажали на красную кнопку. Заработал электрокардиостимулятор, и на специальном экране появилась ритмичная волна электрической активности — в виде пульсирующего клубка света.

Но осциллограф оставался неподвижным. Импульс электрокардиостимулятора усилился. Все не сводили немигающих глаз с осциллографа.

— Оно должно пойти! — промолвил Картер. Он, сам того не замечая, сжимал и расслаблял мышцы, как будто стараясь помочь сердцу Бинеса.

«Протей» нырнул в отверстие, которое более всего напоминало какие-то невероятные гигантские полуоткрытые губы, изогнутые в улыбке. Субмарина задела за края упругих мембран, нависавших сверху и снизу, и на мгновение замерла на месте. Рев двигателей превысил все мыслимые пределы, когда корабль пытался вырваться из крепких объятий живой ловушки,— и вот субмарина провалилась вперед, оставив за кормой коварные полулунные створки.

— Мы вышли из желудочка и теперь идем по легочной артерии,— сообщил Микаэлс, потирая лоб. Отняв руку ото лба, он мельком взглянул на нее — ладонь была мокрой от пота.— Не сбавляйте скорость, Оуэнс. Через три секунды начнется следующая систола!

Оуэнс оглянулся. Из всей команды только ему был доступен полный обзор — остальные сидели, прикованные к своим креслам и могли смотреть только вперед.

Полулунный клапан, от которого они уходили все дальше, по-прежнему оставался почти сомкнутым. От створок к мышеч-

ным сосочкам на стенках сосуда тянулись напряженные упругие нити. Клапан казался все меньше и меньше из-за расстояния, пройденного субмариной, но он по-прежнему не открывался.

Оуэнс сказал:

— Что-то нет систолы. Это не... Хотя... Погодите-ка. Вот она!

Обе створки клапана расслабились, провисли. Волокнистые тяжи сморщились и опали.

Распахнулась пасть клапана, в нее хлынул мощный поток крови. Обгоняя гигантскую волну, неслось громыхание систолы, от которого сотрясалось все вокруг.

Волной крови «Протей» подхватило и с головокружительной скоростью понесло вперед.

Глава 11
КАПИЛЛЯРЫ

Первый удар сердца прервал повисшую в контрольном зале мертвую тишину. Картер вскинул обе руки вверх в каком-то языческом жесте, взывая к неведомым богам.

— Они сделали это, гром и молния! Они прошли сквозь сердце!

Рейд кивнул.

— На этот раз вы победили, генерал. У меня не хватило бы духу послать их в сердце.

Белки глаз генерала Картера налились кровью.

— У меня не хватило духу не сделать этого! Теперь, если им удастся уцелеть в артерии, с тем давлением крови, какое там...— Генерал повернулся к переговорному устройству, и его голос разнесся по рабочему залу: — Свяжитесь с «Протеем», когда их скорость начнет уменьшаться!

Рейд сказал:

— Они, конечно, вернулись в артериальную систему, но вы ведь понимаете, что эти сосуды не ведут к мозгу. Им нужно попасть в одну из крупных артерий большого круга кровообращения, тех артерий, которые снабжают кровью головной мозг — а идут они от левого желудочка. Легочная же артерия, выходившая из правого желудочка, относится к малому кругу кровообращения и ведет только к легким.

— Значит, очередная задержка... Что ж, я знал об этом,— сказал Картер и сверился с хронометром.— Но время у нас еще есть. Сорок восемь минут.

— Да, конечно. Пора переключить проекторы на респираторную систему.

Рейд сделал соответствующие изменения в регуляторах проекторов, и на мониторах появилось изображение сосудистой сети легких. Рейд спросил:

— Какая сейчас частота дыхательных движений?

— Шесть раз в минуту, полковник. И вряд ли получится изменить ее за считаные секунды.

— А это и не нужно. Поддерживайте прежний ритм. Кстати, приготовьтесь наблюдать за расположением субмарины. Она вот-вот появится в вашем секторе.

— Сообщение с «Протея»! — раздался другой голос.— «Все в порядке»! О, сэр... Это не все. Читать вам дальше?

Картер рыкнул:

— Конечно, черт возьми! Читайте!

— Есть, сэр! Читаю: «Хотел бы я, чтоб вы были здесь, а я — там!»

Картер сказал:

— Ответьте Гранту, что я уже сто раз хотел, чтобы... Нет, ничего ему не передавайте. Оставим это.

Под конец систолы пульсовая волна прокатилась вперед, скорость течения крови стала более-менее приемлемой. Теперь «Протей» снова двигался плавно — настолько, что вновь стало ощутимым броуновское движение — мягкие беспорядочные толчки частиц крови о корпус субмарины.

Грант даже обрадовался теперь этим броуновским толчкам, потому что почувствовать их можно было только в редкие минуты затишья, о которых он страстно мечтал во время путешествия.

Все снова освободились от своей упряжи — ремней безопасности, и Грант, стоя у иллюминатора, обнаружил, что картина за бортом почти ничем не отличается от той, что они видели, находясь внутри яремной вены. В жидкости по-прежнему плавали в основном те же самые сине-зелено-фиолетовые частицы. Правда, стенки сосуда были не такими гладкими — вдоль них тянулись какие-то линии и складки.

Субмарина скользнула мимо отверстия — ответвления сосуда.

— Это не то,— сообщил Микаэлс, который не отрывался от своего монитора с увеличенным изображением схемы сосудистого русла.— Вы следите за моими пометками по своей схеме, Оуэнс?

— Слежу, док.

— Хорошо. Посчитайте ответвления, которые я обозначил, и потом поворачивайте направо. Понятно?

Грант смотрел на мелькавшие по сторонам ответвления артерии. Они появлялись все чаще — справа, слева, вверху и внизу — и были все меньшего и меньшего диаметра. Тем временем и тот сосуд, внутри которого они двигались, стал заметно уже, стенки его придвинулись ближе и стали лучше видны.

— Страшно подумать, что мы могли бы заблудиться в этом клубке скоростных магистралей,— задумчиво сказал Грант.

— Здесь невозможно заблудиться,— отозвался Дюваль.— Все дороги ведут в легкие — в этой части тела.

Микаэлс монотонно бубнил:

— Теперь вверх и направо, Оуэнс. Прямо, прямо... Теперь немного влево.

Грант поинтересовался:

— Надеюсь, больше не будет никаких артериально-венозных фистул, а, Микаэлс?

Микаэлс нетерпеливо передернул плечами. Он был слишком занят, чтобы что-то отвечать.

Зато в разговор вступил Дюваль:

— Вряд ли нам еще раз попадется нечто подобное. Весьма маловероятно, что нам встретятся две фистулы подряд на таком коротком отрезке пути. Кроме того, мы уже входим в капиллярную сеть.

Скорость кровотока резко снизилась, «Протей», который просто плыл по течению, теперь почти завис на месте.

Оуэнс сказал:

— Сосуд сужается, доктор Микаэлс.

— Он и должен сужаться. Капилляры — самые мелкие сосуды в организме, можно сказать, микроскопические. Двигайтесь вперед, Оуэнс.

В свете носовых прожекторов субмарины было видно, как сжимается сосуд, как прогибается внутрь его стенка, которая

была теперь совершенно гладкой, без всяких складок и бороздок. Желтоватая окраска сосудистой стенки постепенно поблекла, сменилась кремовой, потом стала и вовсе бесцветной.

Стал отчетливо различим мозаичный рисунок из неправильных, изогнутых многоугольников, каждый из которых слегка утолщался по центру.

Кора воскликнула:

— Какая прелесть! Это же клетки, из которых состоит капиллярная стенка. Видна каждая клеточка! Вы только посмотрите, Грант! — Потом, припомнив что-то: — Кстати, как ваш бок?

— С ним все в порядке. Совсем не беспокоит. Вы здорово меня перевязали, Кора, надеюсь, мы по-прежнему друзья и я могу вас так называть?

— Полагаю, с моей стороны было бы ужасно невежливо возражать.

— И бесполезно к тому же.

— Как ваша рука?

Грант осторожно потрогал ушибленную руку.

— Болит ужасно.

— Извините, пожалуйста.

— Не нужно извинений. Однако — со временем — я не против, чтобы вы выразили свою искреннюю благодарность.

Кора поджала губы, и Грант поспешил добавить:

— Эта надежда помогает мне сохранить присутствие духа — вот и все, я ничего такого не имел в виду. А как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Бока немного помяты, но ничего серьезного. Совсем не больно. И — я на вас не обиделась. Но послушайте, мистер Грант!

— Когда вы говорите, я — весь внимание, Кора.

— Перевязка — это только первая медпомощь и сама по себе лечит далеко не все. Вы что-нибудь сделали, чтобы предотвратить инфицирование раны?

— Смазал рану йодинолом.

— А врач вас осматривал?

— Дюваль?

— Вы понимаете, о чем я говорю. Не притворяйтесь!

Грант сдался.

— Хорошо, как только подвернется удобный случай.

Он вернулся к созерцанию фантастической мозаики. «Протей» двигался медленно, почти полз, пробираясь сквозь капилляр. В свете прожекторов субмарины сквозь толщу клеток виднелись какие-то неясные тени.

Грант заметил:

— Похоже, эти стенки просвечивают насквозь.

— Ничего удивительного,— ответил Дюваль.— Толщина этих «стенок» — меньше одной десятитысячной дюйма. Кроме того, в них немало пор. От того, что проникает сквозь эти поры и сквозь точно такие же поры в стенках альвеол, зависит сама жизнь.

— Это от чего?

Какое-то время Грант смотрел на Дюваля, ожидая ответа. Но того, похоже, больше интересовало зрелище, открывавшееся сквозь иллюминатор, чем вопросы Гранта. Кора поспешила прервать затянувшееся молчание:

— Воздух попадает в легкие через трахею — то, что называют «дыхательное горло». Трахея разделяется на бронхи, те, в свою очередь, множество раз разветвляются — точно так же, как артерия, по которой мы плыли. Бронхи ветвятся до самых тоненьких бронхиол, которые заканчиваются такими микроскопическими мешочками или пузырьками — альвеолами. Стенки альвеол такие же тонкие, как стенки капилляров, и только они отделяют воздух от внутренней среды организма. В легких таких мешочков-альвеол примерно шестьсот миллионов.

— Как все сложно!

— Ужасно сложно. Кислород проникает сквозь мембрану — стенку альвеолы, а потом — сквозь стенку капилляра. Так молекулы кислорода попадают в кровь, и, прежде чем они выскользнут обратно в альвеолу — под действием парциального давления,— их захватывают красные кровяные тельца. Точно так же, только в обратном направлении, путешествует диоксид углерода — углекислый газ. Из эритроцитов сквозь стенку капилляра, потом — сквозь стенку альвеолы в легкие. Доктор Дюваль не хочет пропустить это удивительное перемещение, поэтому он вам и не ответил.

— Не нужно никаких оправданий. Я понимаю, каково это — увлечься чем-либо настолько, что ни на что больше тебя не хватает.— Он широко улыбнулся.— Боюсь только, что мне нико-

гда не удавалось достичь такой сосредоточенности, как у доктора Дюваля.

Кора смутилась, но внезапный возглас Оуэнса не дал ей возможности что-то ответить.

— Глядите, что это?! Прямо по курсу!

Все взгляды обратились вперед. Перед субмариной медленно колыхалась от одной стенки капилляра к другой сине-зеленая частица. Цвет ее стал постепенно меняться — темные, холодные тона поблекли, уступили место теплому соломенному цвету, превратившемуся в ярко-оранжевый.

Точно такие же превращения происходили и с прочими сине-зелеными частицами, плывшими по капилляру рядом с субмариной. Носовые прожектора «Протея» выхватывали вблизи только соломенно-желтую массу, которая при удалении казалась оранжево-красной.

Кора с воодушевлением сказала:

— Мы видим, как эритроциты захватывают кислород, гемоглобин превращается в оксигемоглобин и кровь становится ярко-красной. Эта кровь, обогащенная кислородом, теперь вернется в левый желудочек сердца, откуда попадет в большой круг кровообращения — ко всем частям организма.

— Вы хотите сказать, что нам снова предстоит пройти через сердце? — со внезапно вспыхнувшим подозрением спросил Грант.

— Нет-нет, что вы! Сейчас, когда мы находимся в капиллярной системе, можно сократить путь — перейти сразу в большой круг.— Однако в голосе Коры звучала некоторая неуверенность.

Дюваль сказал:

— Посмотрите только на это чудо! На чудо, ниспосланное нам Господом!

Микаэлс сухо заметил:

— Это всего лишь газообмен. Механический процесс, выработанный в результате случайных скачков эволюции за два биллиона лет.

Дюваль живо развернулся к нему.

— Неужели вы считаете, что это всего лишь случайность? Этот чудесный, прекрасно продуманный и отлаженный механизм, для работы которого требуется точнейшее соответствие на тысяче разных этапов; неужели вы думаете, что все это —

результат всего лишь случайных совпадений, беспорядочных перестановок атомов?

— Именно об этом я вам и толкую. Да,— ответил Микаэлс.

Оба так и застыли, воинственно устремив друг на друга пылающие взгляды, не в силах сказать еще что-нибудь. Но боевым действиям этих рьяных поборников теории сотворения и теории эволюции не суждено было разгореться — их прервал внезапный рев сирены.

Оуэнс воскликнул:

— Что за черт?!

Он в недоумении уставился на свои приборы, и тут световая ниточка-указатель на одном из мониторов внезапно резко упала вниз, до самой красной отметки. Капитан отключил сирену и закричал:

— Грант!

— Что такое?

— Что-то не так! Проверьте, что там за обозначение?

Грант быстро подошел к монитору, на который указывал капитан Оуэнс. Кора неотступно следовала за ним.

— Зашкалило за красную отметку показатель на какой-то штуке, обозначенной как «левый бак». Очевидно, в этом левом баке быстро падает давление.

Оуэнс застонал и посмотрел назад.

— И еще как падает! Мы теряем воздух — пузырьки воздуха попадают прямо в кровоток! Грант, быстро забирайтесь сюда.

Грант вскарабкался по мосткам к капитанскому креслу, посторонившись, насколько можно, чтобы Оуэнс сумел протиснуться к трапу и сбежать вниз.

Кора старалась разглядеть пузырьки воздуха через маленький иллюминатор заднего обзора.

— Пузырьки воздуха в крови смертельно опасны...— почти прошептала она.

— Только не такие,— быстро откликнулся Дюваль.— При наших размерах миниатюризированный воздух, который находится в пузырьках, не сможет причинить организму Бинеса никакого существенного вреда. А к тому времени, когда истинные размеры молекул воздуха восстановятся, они успеют так перемешаться со средой, что опять-таки не будут представлять никакой опасности.

— При чем тут опасность для Бинеса? — мрачно сказал Микаэлс.— Воздух нужен нам!

Оуэнс крикнул Гранту, который сейчас следил за всеми приборами:

— Ничего там не трогайте, просто следите за мониторами — если где-нибудь появится сигнал опасности, немедленно сообщите мне!

Проходя мимо Микаэлса, капитан сказал:

— Это, должно быть, вентиль системы охлаждения. Ничего другого просто в голову не приходит.

Он вернулся и, орудуя каким-то приборчиком, выуженным из кармана формы, отвернул ручку сбоку панели и откинул крышку. Взору явилась сложная путаница проводов и автоматических переключателей.

Оуэнс привычным движением запустил туда пальцы и начал чем-то щелкать, что-то переключать и ощупывать — так быстро и уверенно, как может только создатель корабля. Он отсоединил переключатель, распотрошил его, потом собрал и захлопнул крышку. Затем метнулся к вспомогательной панели управления, расположенной на носу «Протея», под иллюминаторами.

— Наверное, что-то сломалось, когда мы протискивались в легочную артерию или тогда, когда нас долбанула волна артериальной крови.

— Сам клапан в порядке? — поинтересовался Микаэлс.

— Да. От тряски он немного разболтался, а потом открылся полностью, похоже, из-за этого броуновского движения. Я уже перебрал его, и больше фокусов с этой стороны можно не ждать, только...

— Только — что? — вскинулся Грант.

— Есть одна загвоздка. У нас не хватит воздуха до конца путешествия. Если бы мы находились на обычной субмарине, я бы сказал, что пора всплыть и пополнить запасы воздуха.

— Так что же нам делать? — спросила Кора.

— Вернуться. Это все, что нам остается. Или мы попросим, чтобы нас вытащили, или через десять минут судно станет неуправляемым, а еще через пять — мы умрем от удушья.

Он пошел к трапу.

— Займите свой пост, Грант. Передайте это сообщение наверх.

— Постойте,— сказал Грант.— У нас разве нет никаких запасов воздуха?

— Были. Да сплыли. Собственно, когда весь этот объем воздуха снова увеличится, его окажется так много, что он разорвет Бинеса.

— А вот и нет,— возразил Микаэлс.— Уменьшенные молекулы воздуха просочатся сквозь ткани тела и выскользнут наружу. К тому времени, когда они вернутся к прежним размерам, в Бинесе их останется минимальное количество. Хотя, боюсь, Оуэнс прав. Нужно возвращаться.

— Да постойте же! — крикнул Грант.— Почему бы нам действительно не всплыть?

— Ну я же сказал...— раздраженно начал Оуэнс.

— Нет, не наружу. Я имел в виду всплыть здесь. Прямо здесь. Перед нашим носом эритроциты собирали кислород. Почему бы не последовать их примеру? Между нами и целым океаном воздуха — всего две тонюсенькие мембраны! Кто нам мешает?

— Грант прав,— заметила Кора.

— Нет, отнюдь,— отрезал Оуэнс.— Вы что, забыли, какие мы сейчас? Нас уменьшили, и наши легкие — размером с частичку бактерии. А воздух за мембранами не миниатюризированный. Молекулы кислорода такие огромные, их почти что видно невооруженным глазом, черт бы их побрал! Полагаете, мы сумеем впихнуть их в наши легкие?

Гранта этот ответ не смутил.

— Но...

— Время не ждет, Грант. Свяжитесь с контрольным залом.

— Спокойно. Вы говорили, что этот корабль приспособлен для подводных работ. Для каких именно?

— Ну, мы намеревались уменьшать подводные образцы, вытаскивать их на поверхность и потом уже изучать.

— Тогда на борту должен быть миниатюризатор. Вы же не размонтировали его прошлой ночью, так ведь?

— Ясное дело. Но он не очень мощный.

— А насколько нам нужно уменьшить молекулы воздуха? Направим их в миниатюризатор, уменьшим, насколько возможно, и наполним кислородные баки.

— У нас мало времени,— буркнул Микаэлс.

— Если совсем подопрет, попросим, чтобы нас вытащили наверх. Будем трепыхаться до последнего. На судне есть шланг, Оуэнс?

— Есть,— ответил тот, обескураженный тем, как быстро и решительно Грант взялся за дело.

— Мы ведь можем протянуть его через капилляры и стенку легкого, не причинив особого вреда Бинесу?

— При наших-то размерах? Думаю, ничего страшного не будет,— подал голос Дюваль.

— Вот и прекрасно! Мы протянем шланг от легкого до миниатюризатора, а от него проведем трубку к кислородным резервуарам. Это реально?

Оуэнс на минуту задумался, видимо пытаясь отыскать недостатки предложенного плана, и ответил:

— Да, думаю, что реально.

— Чудесно! Дальше. Когда Бинес вдохнет, давление будет достаточным, чтобы закачать воздух в наши баки. Кстати, вспомните, что для нас время идет по-другому, так что за те десять-пятнадцать минут, на которые нам еще хватит своего воздуха, мы успеем гораздо больше, чем при реальных размерах. Так что мы просто обязаны попытаться.

Дюваль сказал:

— Я согласен. Мы должны попытаться. Начинайте!

— Спасибо за поддержку, доктор,— поблагодарил Грант.

Дюваль кивнул, потом добавил:

— Более того, раз уж мы решили это сделать, не будем взваливать все на плечи одного человека. Пусть лучше Оуэнс следит за приборами, а мы с Грантом выйдем наружу.

Микаэлс усмехнулся.

— Так вот оно что! Я все никак не мог понять, чего ради вы встреваете, Дюваль! А вам просто не терпится провести исследования в открытой среде.

Дюваль вспыхнул и собрался было ответить, но Грант быстро оборвал начинавшуюся перепалку:

— Не важно, какие тайные желания побуждают доктора Дюваля, но это было дельное предложение. Собственно, лучше бы нам всем выбраться наружу — кроме капитана Оуэнса, естественно. Шланг в кормовой части лодки?

— В отсеке для снаряжения и оборудования,— ответил Оуэнс. Он уже вернулся на свою капитанскую вышку и сидел, глядя прямо перед собой.— Если вы когда-нибудь видели шланг-воздуховод, то ни за что не ошибетесь.

Грант быстро подошел к отсеку с оборудованием и начал доставать водолазное снаряжение.

Вдруг он в ужасе замер на месте и крикнул:

— Кора!

Она в одно мгновение оказалась рядом с Грантом.

— Что за чертовщина?!

Грант изо всех сил старался удержаться от брани похлеще. Впервые он смотрел на девушку без тени восхищения ее красотой. Гранта раздирало бешенство. Он показал на что-то и сказал только:

— Посмотрите!

Кора посмотрела, а затем резко повернулась к нему, мертвенно побледнев.

— Ничего не понимаю...

Часть лазерного устройства соскочила со штатива и как-то неестественно свисала, держась на одном-единственном крюке. Пластикового защитного корпуса как не бывало.

— Вы что, не позаботились о том, чтобы как следует его закрепить?! — прорычал Грант.

Кора в растерянности кивнула.

— Я сделала все как надо. Я проверяла его! Честное слово! Господи...

— Тогда как он мог...

— Не знаю... Откуда мне знать?

Дюваль уже был рядом с ними, его глаза сузились, лицо закаменело.

— Что произошло с лазером, мисс Петерсон?

Кора повернулась к нему.

— Я не знаю. Что вы все на меня накинулись? Сейчас я его еще раз проверю. Посмотрю...

— Нет! — рявкнул Грант.— Просто уложите его так, чтобы ничего больше не отвалилось. Первым делом нам надо пополнить запасы воздуха. Все остальное подождет!

И он начал раздавать водолазные костюмы.

Оуэнс спустился из своего стеклянного пузыря посмотреть, в чем дело.

— Я закрепил приборы управления. Да впрочем, в этом капилляре нас все равно никуда не снесет... Господи! Лазер!

— Ну, хоть вы не начинайте! — выкрикнула Кора, едва не плача.

Микаэлс грубовато подбодрил ее:

— Ну-ну, Кора, если вы хлопнетесь тут в обморок — это делу не поможет. Разберемся с этим позже. Наверное, лазер повредился, когда мы попали в водоворот. Конечно же, это просто прискорбная случайность.

Грант скомандовал:

— Капитан Оуэнс, подключайте этот конец воздуховода к миниатюризатору. А остальные — быстро надевайте костюмы и за мной.

Рейд поинтересовался:

— Вы не ошиблись? Они точно не двигаются?

— Нет, сэр! — ответил техник.— Они сейчас в периферической зоне правого легкого и не двигаются с места.

Рейд повернулся к Картеру.

— Ни черта не понимаю.

Картер на мгновение перестал нервно расхаживать по залу из стороны в сторону и молча показал пальцем на табло хронометра. Там светилось «сорок два».

— Мы без толку про... потратили больше четверти отпущенного на операцию времени — и мы сейчас даже дальше от этого чертового тромба, чем когда начинали! К этому времени мы должны были уже все закончить и вытащить их наружу!

— Это очевидно,— холодно отозвался Рейд.— Мы действовали сообразно обстоятельствам.

— Я не нахожу в этом ничего странного, полковник.

— Я тоже. Но я не понимаю, чего вы от меня ждете? Что я могу сделать?

— Узнайте хотя бы, что их там задержало на этот раз! — Генерал дошел до стены, развернулся и зашагал обратно.— Свяжитесь с «Протеем».

— Полагаю, там какое-то механическое препятствие,— предположил Рейд.

— Вы полагаете! — процедил Картер с неожиданным ехидством.— Я тоже полагаю, что они остановились не затем, чтобы поплескаться в водичке!

Глава 12
ЛЕГКОЕ

Четверо — Микаэлс, Дюваль, Кора и Грант — облачились в прочные, удобные водолазные костюмы снежно-белого цвета. На каждом костюме со спины была укреплена пара баллонов со сжатым воздухом, на шлемах имелись мощные фонари. На ноги нацепили ласты. Кроме того, шлемы аквалангов были оборудованы радиопередатчиками и приемниками внутренней связи — соответственно у рта и ушей.

— Это настоящие глубоководные скафандры,— сказал Микаэлс, пристраивая на голове шлем,— а я никогда не занимался подводным плаванием в скафандре. И вот теперь — в первый раз приходится нырять в чью-то кровь, с таким течением...

Корабельный приемник настойчиво запищал, отбивая дробь морзянки.

Микаэлс попросил:

— Может, стоит им ответить?

— И увязнуть в болтологии? — с неприязнью огрызнулся Грант.— Когда сделаем дело — будет время и поболтать. Эй, помогите мне!

Кора надела ему на голову шлем из прочного пластика и аккуратно пристегнула.

Тут же из маленького наушника в ее собственном шлеме раздался странно искаженный радиоволнами глуховатый голос Гранта:

— Спасибо, Кора.

Девушка только кивнула в ответ.

Они по двое входили в шлюзовую камеру субмарины, и всякий раз порция драгоценного воздуха утекала из камеры под давлением плазмы крови.

Вынырнув из шлюзовой камеры, Грант обнаружил, что жидкость, в которой они плавают, ужасно мутная и вязкая — вода у самых грязных пляжей не идет с ней ни в какое сравнение

по прозрачности. Вокруг плавали целые тучи каких-то непонятных кусочков, хлопьев и бесформенных лохмотьев. «Протей» занимал примерно половину просвета капилляра. Мимо него с трудом протискивались довольно плотные красные кровяные тельца. Более мелкие частицы проскакивали легче.

Грант предположил с опаской:

— Если вокруг субмарины соберутся пластинки тромбоцитов, может получиться еще один тромб.

— Может,— согласился Дюваль.— Но здесь тромб не опасен. Это же капилляр.

Отсюда был хорошо виден капитан Оуэнс, сидевший внутри стеклянного колпака субмарины. На его лице застыло выражение тревоги и неуверенности. Капитан кивнул им и вяло помахал рукой, стараясь встать так, чтобы его было видно из-за постоянно мелькающих мимо субмарины кровяных частиц. Потом Оуэнс тоже надел шлем от водолазного костюма и сказал по внутренней связи:

— Я решил надеть скафандр — на всякий случай. Что еще я могу сделать? Вы готовы? Я сейчас выпущу воздуховод.

— Давай! — скомандовал Грант.

Гофрированный шланг выскользнул из специального наружного отсека, как кобра из корзинки факира при звуках флейты.

Грант подхватил конец шланга.

— Черт! — едва слышно прошептал Микаэлс. Потом с нескрываемым огорчением сказал в полный голос: — Посмотрите только, какой узкий просвет у этого шланга! Он не толще мужской руки — а теперь прикиньте, сколько это будет при наших-то размерах.

— К чему это вы? — спросил Грант. Он крепко сжимал конец воздуховода и уже двинулся с ним к стенке капилляра, стараясь не обращать внимания на боль в руке.— Хватайтесь за шланг, вы все, и помогайте мне тащить эту штуку!

— Это пустая затея,— сердито произнес Микаэлс.— Разве вы еще не поняли? Мы должны были догадаться раньше! Воздух не пойдет через эту трубу.

— Что?!

— Если и пойдет, то недостаточно быстро. Без уменьшения размеры молекул воздуха почти такие же, как внутренний диаметр шланга. Разве можно рассчитывать, что воздух сам по себе

потечет сквозь трубку, которую и в микроскоп-то не во всякий увидишь?

— Воздух будет толкать внутрилегочное давление.

— И что? Представьте себе автомобильную камеру с маленьким ниппелем — там воздух выходит через сравнительно большее отверстие и под гораздо более ощутимым давлением, чем могут создать человеческие легкие. И все равно воздух выходит через ниппель слишком медленно! — Микаэлс досадливо поморщился.— Жаль, я не подумал об этом раньше.

Грант заревел:

— Оуэнс!

— Слышу. Не надо так кричать — пожалейте наши уши.

— К черту! Вы слышали, что толкует Микаэлс?

— Да.

— И как? Это правда? Вы среди нас самый крутой спец по миниатюризации. Так это правда?

— Собственно, и да и нет,— ответил Оуэнс.

— И как прикажете вас понимать?

— «Да» — относительно того, что неуменьшенный воздух пойдет через шланг очень медленно, и «нет» — потому что нам не стоит из-за этого тревожиться, если мне удастся благополучно провести миниатюризацию. Я могу установить поле миниатюризатора так, что оно достигнет дальнего конца воздуховода, и закачивать в баллоны уже уменьшенный воздух...

— А на нас это поле никак не подействует? — вставил Микаэлс.

— Нет, я установлю определенный уровень уменьшения — а мы все и так уже уменьшены до этого уровня.

— А как насчет окружающих тканей — крови, легких? — спросил Дюваль.

— Это зависит от того, насколько прицельным или рассеянным получится поле миниатюризатора,— пояснил Оуэнс.— У меня здесь только маленький миниатюризатор, но все равно его можно настроить на газообразный объект. Конечно, совсем избежать повреждений не удастся, но я постараюсь свести их к минимуму.

— Мы должны попытаться,— подытожил Грант.— Другого выхода все равно нет. Поэтому — все за дело! Мы здесь не навсегда.

Четыре пары рук вцепились в шланг воздуховода, заработали четыре пары ласт — и вот они уже возле стенки капилляра.

На какое-то мгновение Грант замешкался.

— Надо проткнуть этой штукой стенку... Дюваль!

Губы Дюваля изогнулись в усмешке.

— Для этого вовсе не обязательно вызывать хирурга. При таком уменьшении вы можете провести эту операцию ничуть не хуже, чем я. Особых умений тут не надо.

Он достал нож из сумки для инструментов, укрепленной на передней панели скафандра, и повертел его в руках.

— Наверняка на ноже полно уменьшенных бактерий. Со временем они примут свои обычные размеры и окажутся в кровотоке — что ж, тогда ими займутся белые кровяные тельца. Надеюсь, ничего особо опасного здесь все-таки нет.

— Доктор, начинайте, пожалуйста, поскорее! — поторопил его Грант.

Дюваль ловко всадил нож в промежуток между двумя клетками, образующими стенку капилляра, и продвинул его сверху вниз. Открылась щель. Хотя толщина стенки по обычным меркам и составляла какую-то десятитысячную часть дюйма, при такой степени уменьшения она, казалось, достигала нескольких ярдов. Дюваль втиснулся в щель и начал прокладывать себе путь между двумя клетками, разрывая тяжи липкого межклеточного вещества и тоненькие короткие отростки самих клеток. Он пробирался все дальше и дальше и вот наконец прошел стенку капилляра насквозь, отделив клетки друг от друга. Клетки разошлись, как края рваной раны.

Через эту рану был виден еще один слой клеток, к которому Дюваль подступил со всей возможной осторожностью.

Наконец он вернулся к остальным и сказал:

— Отверстие микроскопическое. Утечки крови быть не должно.

— Вообще никакой утечки,— добавил Микаэлс, выделив слово «утечка».— Какая уж тут утечка?

В самом деле, с той стороны щели показался пузырь воздуха и начал набухать, выпячиваться внутрь. Пузырь выпячивался недолго и так и застыл, выпуклый и неподвижный.

Микаэлс дотронулся до поверхности пузыря рукой. Поверхность немного прогнулась — и только. Рука не прошла сквозь воздух.

— Поверхностное натяжение! — пояснил Микаэлс.

— Что теперь? — Грант попытался вернуть всех к действительности.

— Я же говорю — поверхностное натяжение! На поверхности любой жидкости всегда образуется нечто вроде плотной кожицы. Для человеческого организма обычных размеров это явление в количественном выражении настолько невелико, что практически незаметно. Однако насекомые, например, могут свободно расхаживать по поверхности воды — именно благодаря силе поверхностного натяжения. А для нас, при наших-то размерах, значимость этого эффекта вообще трудно переоценить. Возможно, нам вообще не удастся прорвать эту преграду.

Микаэлс вынул свой нож и всадил его в поверхность воздушного пузыря, как совсем недавно Дюваль вскрывал межклеточное пространство. Лезвие ножа наполовину вошло в пузырь, задержалось, потом провалилось полностью.

— Как будто режешь резину,— сообщил Микаэлс, тяжело дыша.

Он вынул нож, показалась узкая щель, но почти сразу начала затягиваться, поверхность становилась такой же гладкой, как и прежде.

Грант быстро вставил руку в щель, прежде чем она закрылась совсем. Когда молекулы воды сомкнулись, он немного поморщился.

— Как в капкане, знаете ли.

— Неудивительно, если принять во внимание размеры этих молекул, да при нашем-то уменьшении,— мрачно отозвался Дюваль.— Их можно даже разглядеть в лупу. Собственно...

— Собственно,— язвительно перебил его Микаэлс,— вы жалеете, что не прихватили с собой лупу. Могу разочаровать вас, Дюваль, ни черта бы вы не увидели. Потому что для этого надо еще увеличить световые волны, точно так же, как атомы и их составляющие. Все, что вы увидите, даже в миниатюризированном свете, покажется слишком смутным и расплывчатым.

— Так вот почему все вокруг как в тумане? — спросила Кора.— А я думала, что это из-за плазмы крови, через которую мы смотрим.

— И из-за плазмы тоже. Но в придачу ко всему, чем меньше мы становимся, тем выпуклей и зернистей становится все во-

круг. Ну, как на старинных газетных фотографиях. Они состоят из множества точек и оттого делаются нечеткими.

Грант не особенно прислушивался к разговору. Его рука проткнула поверхность пузыря, и теперь он пытался просунуть туда вторую руку и голову.

Через секунду пленка сомкнулась у него на шее, и он почувствовал, что задыхается.

— Эй, придержите меня за ноги! — крикнул он.

— Держу,— отозвался Дюваль.

Теперь половина тела Гранта находилась внутри, и он смог хорошенько разглядеть щель, которую Дюваль прорубил своим ножом.

— Отлично. Вытащите меня обратно.

Грант снова оказался снаружи, и поверхность пузыря сомкнулась за ним с чмокающим звуком.

— Так, попробуем теперь просунуть туда наш воздуховод. Раз-два!

Никакого результата. Тупой конец шланга даже не прогнул упругие молекулы воды на поверхности воздушного пузыря. Ножи искромсали пленку, и шланг удалось немного продвинуть вперед, но дальше поверхностное натяжение усилилось, и шланг скользил, не продвигаясь ни на дюйм.

— У нас ничего не получится! — задыхаясь, промолвил Микаэлс.

— Другого выхода нет,— сказал Грант.— Давайте так: я пролезу внутрь, на ту сторону этой поверхностной пленки. Когда вы протолкнете шланг, я ухвачусь за другой конец и потяну. Если и толкать и тянуть одновременно...

— Это исключено, Грант,— возразил Дюваль.— Если вы заберетесь туда, вас втянет еще дальше, и мы вас больше не увидим.

— А мы его подстрахуем,— предложил Микаэлс.— Вот этим.— Он показал на аккуратный моток веревки, свисавший с пояса Гранта.— Дюваль, возвращайтесь к кораблю и закрепите там другой конец веревки. Тогда мы спокойно сможем вытащить Гранта обратно.

Дюваль неуверенно взял в руки конец веревки и поплыл обратно к субмарине.

— Но как же вы выберетесь обратно? — взволнованно спросила Кора.— Мне кажется, вам не пробиться через поверхностное натяжение изнутри.

— Пробьемся. Кроме того, нечего ломать голову над проблемой номер два, пока проблема номер один еще не решена.

Оуэнс, сидящий в субмарине, напряженно следил, как Дюваль возвращается.

— Лишние руки вам не нужны? — спросил он.

— Вряд ли,— ответил Дюваль.— К тому же ваши руки понадобятся на миниатюризаторе.— Он привязал веревку к небольшому кольцу на металлическом боку корабля и помахал рукой.— Готово, Грант!

Грант помахал в ответ. Он уже наловчился, и второй раз протискиваться внутрь было намного проще. Разрезать, просунуть одну руку (о черт, больное плечо!), потом другую; теперь, вцепившись руками, сильно оттолкнуться ластами — и вот он уже скользнул внутрь, как арбузное семечко, если прижать его указательным и большим пальцами.

Грант оказался между двумя липкими стенками, в межклеточном промежутке. Он посмотрел вниз, на лицо Микаэлса, вполне различимое, но немного искаженное из-за того, что стенка пузыря была выпуклой.

— Толкайте, Микаэлс!

Изнутри он увидел трепыхающиеся руки-ноги, потом появилась рука с ножом. А следом вынырнул тупой металлический наконечник шланга. Грант опустился на колени и схватил его. Привалившись спиной к одной стенке и уперевшись ногами в другую, он потянул шланг на себя. Вместе со шлангом потянулся прилипший к нему страховочный линь. Грант протискивался все выше, непрестанно выдыхая: «Еще! Еще!»

Наконец он пробился. В шланг набралась липкая жидкость.

— Теперь я попробую пролезть в альвеолы,— сказал Грант.

— Только будь осторожен,— предупредил его Микаэлс.— Не знаю, каково тебе придется там во время вдохов-выдохов, но, наверное, это должно быть похоже на настоящий ураган.

Грант продирался вверх, подтягивая за собой шланг, когда находил, за что уцепиться и куда поставить ногу в мягкой податливой среде.

Наконец голова его вынырнула из тканей альвеолярной стенки, и он оказался в совершенно ином мире. Свет «Протея» проникал сквозь стенки, которые показались Гранту бесконечными и необычайно плотными, и в этом приглушенном освещении

альвеолы предстали перед ним огромной пещерой, стены которой маслянисто поблескивали вдалеке.

Вокруг него возвышались валуны и утесы самых разных цветов и размеров, переливаясь всеми цветами радуги,— они отразили рассеянный свет, расцветившись и засияв в ответ. Грант заметил, что очертания валунов оставались нечеткими, хотя никакой жидкости, которая могла бы мешать рассмотреть их, близко не наблюдалось.

— Здесь полно скал,— сказал Грант.

— Полагаю, это пыль и песок,— ответил Микаэлс.— Пыль и песок. Печальное наследие жизни в цивилизованном обществе — дышать загрязненным воздухом. Если что в легкие попало, обратно уже не вытащить.

— Поднимите лучше шланг повыше,— вмешался Оуэнс.— Мне не хотелось бы, чтобы в него попала жидкость. Давайте!

Грант вытянул наконечник над головой.

— Скажите, когда будет достаточно, Оуэнс,— попросил он, тяжело дыша.

— Хорошо.

— Ну как, работает?

— Еще бы. Поле действия миниатюризатора настроено так, что, выбрасывая в окружающую среду... Гм, не важно. Одним словом, это поле игнорирует жидкости и твердые тела и уменьшает только газы. Я установил границы поля на максимум, далеко за пределы тела Бинеса, в атмосферу операционной.

— А это не опасно? — встревожился Грант.

— По-другому нужное количество воздуха нам не достать. Нам требуется в тысячи раз больше воздуха, чем есть в легких Бинеса, чтобы потом его уменьшить. Опасно? Боже мой, парень, я вытягиваю воздух из операционной сквозь ткани Бинеса, и это никак не отразится на его дыхании. Ах, если бы шланг был побольше!

Оуэнс говорил взволнованно и весело, словно рассказывал о своем первом свидании.

В ушах Гранта раздался голос Микаэлса:

— Как там на вас действует дыхание Бинеса?

Грант быстро глянул под ноги, на альвеолярную мембрану. Похоже, она натянулась, и он сделал вывод, что стал свидетелем медленного-медленного вдоха. (Медленного во всех смыс-

лах: замедленного из-за гипотермии и из-за растянутого восприятия времени в уменьшенном состоянии.)

— Никак не действует,— ответил он.— Все в порядке.

И в это мгновение отовсюду заскрипело. Скрип и скрежет становились все громче, и Грант понял, что это начало выдоха. Он вздохнул сам и покрепче ухватился за шланг.

— Все идет прекрасно! — ликовал Оуэнс.— Никогда еще все не получалось так легко.

Вокруг Гранта закружился воздух — легкие продолжали медленно, но верно сжиматься, и шум выдоха нарастал. Ноги Гранта оторвались от стенки альвеолы, на которой он стоял. Он знал, что для обычного человека движение воздуха в альвеолах происходит почти неощутимо, но при его размерах казалось, что он попал в центр торнадо.

Грант в отчаянии вцепился в шланг, обвив его руками и ногами. Трубка рванулась вверх вместе с наездником.

Ветер постепенно утих, выдох подошел к концу, и Грант, облегченно вздохнув, отпустил воздуховод.

— Еще долго, Оуэнс? — спросил он.

— Почти все. Подержите его еще минутку, хорошо?

— Ладно.

И начал считать про себя: «двадцать... тридцать... сорок». Начался вдох, и вокруг него снова закружились молекулы воздуха. Стенка альвеол опять натянулась так, что Грант упал на колени.

— Готово! — заорал Оуэнс.— Возвращайтесь.

— Тяните шланг,— крикнул Грант.— Быстрей! Пока не начался выдох!

Он подтолкнул шланг, и снизу его потянули. Трудности возникли, только когда наконечник воздуховода уперся во внутреннюю стенку. На мгновение он оказался словно в тисках, но потом проскочил наружу, и с чавкающим звуком поверхность альвеолярной стенки схлопнулась за ним.

Грант слишком долго мешкал. Когда шланг исчез внизу, он совсем уже собрался продираться сквозь липкую поверхность на дно, но его настигла буря выдоха и мгновенно сбила с ног. Тут же его зажало между двумя валунами пыли, и, высвобождаясь, он обнаружил, что ко всему еще растянул лодыжку. (Растянуть ногу, споткнувшись о пылинку! Господи, будет о чем внукам рассказать!)

Где он? Грант подергал страховочную веревку, отцепил ее от какого-то камешка на верхушке валуна и потянул на себя. Проще всего вернуться обратно к щели, держась за страховку.

Веревка обвилась вокруг вершины холма, и Грант, упираясь ногами в его склон, начал быстро карабкаться наверх. Усиливающийся порыв выдоха подтолкнул его, да так, что ему оставалось только в темпе переставлять ноги, не прилагая никаких усилий. Он почти летел. Щель, как он помнил, находилась сразу по ту сторону валуна, и он мог, конечно, просто обойти его, но, поскольку сила выдоха помогала сейчас ему, да и — к чему скрывать? — так было интересней, он рванул вверх.

Вот уже и круглая вершина холма. Буря выдоха достигла своего апогея, и Гранта понесло дальше. Он внезапно обнаружил, что парит высоко вверху, а щель лежит у него под ногами, как раз там, где он и думал. Осталось только подождать несколько секунд, пока буря утихнет, тогда он быстро протиснется в щель, вернется в капилляр, а там и на корабль.

Не успел он додумать свою мысль до конца, как его понесло еще выше. Конец страховочной веревки выскользнул из щели, а сама щель скрылась из виду.

Шланг вытянули из альвеол, и Дюваль поплыл к кораблю, сматывая его на ходу.

— А где Грант? — забеспокоилась Кора.

— Еще там,— ответил Микаэлс, который, прищурившись, смотрел вверх.

— Почему он не возвращается?

— Вернется. Конечно вернется. По-моему, он немного зазевался.— Он снова вгляделся в то, что происходило за мембранами.— Вот когда Бинес выдохнет, он и вернется.

— Может, потянем за страховку и вытащим его сами?

Микаэлс остановил ее решительным движением руки.

— Если мы дернем за веревку сейчас, во время выдоха, он может удариться о пол. Если ему понадобится помощь, он нам скажет.

С минуту Кора стояла в нерешительности, но потом двинулась к веревке.

— Нет,— сказала она.— Я хочу...

В это мгновение веревка дернулась и понеслась наверх. Ее конец промелькнул и скрылся в расселине.

Кора завизжала и не помня себя бросилась туда же.

Микаэлс вцепился в нее.

— Не вздумай! — уговаривал он.— Ты ничем ему не поможешь. Не сходи с ума.

— Но мы не можем бросить его там. Что с ним будет?

— Мы свяжемся с ним по радио.

— А если оно сломалось?

— С чего бы это?

К ним подплыл Дюваль. Тяжело дыша, он сказал:

— Она отвязалась прямо у меня на глазах. Я растерялся.

Все трое безнадежно посмотрели вверх.

Микаэлс позвал неуверенным голосом:

— Грант! Грант! Вы слышите меня?

Гранта мотало во все стороны. Его мысли метались так же беспорядочно, как и он сам — по воздуху.

«Я не выберусь отсюда,— звучало рефреном у него в голове.— Я не выберусь. Даже если я докричусь до них по радио, как я смогу отыскать их? Или они меня?»

— Микаэлс! — позвал он.— Дюваль!

Сперва тишина, потом в наушниках раздался едва слышный треск и невнятный клекот, который вполне мог быть возгласом «Грант!».

Он позвал снова:

— Микаэлс! Вы меня слышите? Вы меня слышите?

Снова неясный клекот. Ничего не разобрать.

Где-то на дне сознания промелькнула спокойная мысль, словно его разум безмятежно констатировал факт: хотя уменьшенные световые волны обладали большей проникающей способностью, чем обычные, оказывается, уменьшенные радиоволны распространяются не так далеко.

И вот Грант отправился в собственное удивительное путешествие — его унесло на бессчетные мили в микроскопическом пузырьке воздуха в легких умирающего человека.

Полет начал замедляться. Он долетел уже до верхушки альвеол и попал в ребристую трубку бронха, из которого они разрастались. Далекий свет прожекторов «Протея» померк. Может,

ему удастся отыскать остальных по свету? Он мог бы двигаться туда, где свет ярче всего.

Он коснулся стенки бронха и приклеился, словно муха на липучку. И тут же начал дергаться, как та самая муха.

Так, рука и обе ноги прочно прилипли к стенке. Он остановился и заставил себя думать. Выдох завершился, значит, грядет вдох. Воздушные потоки снесут его вниз. Нужно просто подождать!

Вот уже поднялся ветер, и Грант услышал скрежет и хрип. Постепенно он оторвал прилипшую руку, и его тело закачалось под ветром. Следующий порыв рванул его вниз и освободил обе ноги.

Теперь началось падение. Грант камнем несся вниз с головокружительной высоты. С точки зрения обычного человека, он спускался медленно и грациозно, как перышко, но на самом деле он летел вниз как камень. Но летел он равномерно, не ускоряясь, поскольку сталкивался с молекулами воздуха (действительно, их почти видно невооруженным глазом, как и говорил Микаэлс) и они гасили неизбежное в таком падении ускорение.

Бактерия размером с него приземлилась бы в целости и сохранности, но он-то был уменьшенным человеком, состоящим из более чем пяти триллионов уменьшенных клеток, и потому был чрезвычайно хрупким, по крайней мере достаточно, чтобы его размозжило о пылевые холмы.

Рефлекторно, когда стенка альвеолы оказалась совсем близко, он выбросил вперед руки. Его дернуло — стенка была тоже клейкой, и он на мгновение прилип, но потом сорвался. Падение замедлилось.

Вниз. И вдруг там, внизу, он заметил маленькое пятнышко света, которое, казалось, подмигнуло ему. Грант не сводил с него глаз. В нем проснулась надежда на спасение.

Вниз. Он дрыгнул ногами, стараясь избежать удара о выступы пылевых скал, но все-таки зацепился, стукнулся о пористый склон. Падение продолжалось. Он извивался в воздухе, пытаясь приземлиться поближе к пятну света. Кажется, это ему удалось, но он не был уверен до конца.

Он покатился по пологой стенке альвеолы. Ему удалось набросить страховку на выступ одного из валунов и зависнуть недалеко от поверхности.

Пятнышко света превратилось в небольшое облако, примерно, как он подсчитал, футах в пятидесяти. Наверняка щель где-то рядом, но он никогда бы не отыскал ее, если бы не увидел свет.

Грант дождался конца вдоха. У него будет несколько кратких мгновений перед выдохом, чтобы добежать к щели.

Как только буря, вызванная вдохом, начала затихать, он соскользнул с уступа и бросился вперед. Альвеолярная мембрана натянулась в последние такты вдоха и, через пару секунд полного покоя, начала ослабляться с первыми тактами начинающегося выдоха.

Из щели лился поток света, и Грант не мешкая нырнул в нее. Он протискивался между пластами ткани, которая пружинила, словно резиновая. Перед его носом появилось лезвие ножа, потом возникла чья-то рука, ухватила его локоть и поволокла наружу. Он вывалился вниз, когда наверху вновь раздался рев бушующего урагана.

Его волокли уже несколько рук, вцепившихся в ноги, и наконец он оказался в капилляре. Грант судорожно перевел дыхание. Наконец он смог выговорить:

— Спасибо! Я шел на свет. Иначе потерялся бы к чертовой бабушке.

— Мы не могли докричаться до вас по радио,— сказал Микаэлс.

Кора улыбнулась ему.

— Это доктор Дюваль придумал. Мы подогнали «Протей» к расселине и направили прожектор прямо в нее. Еще он расширил щель.

— Давайте вернемся на корабль,— предложил Микаэлс.— Время, на которое мы рассчитывали, почти закончилось.

Глава 13

ПЛЕВРА

— Пришло сообщение, Ал! — крикнул Рейд.

— От «Протея»? — Картер подбежал к окну.

— Ну не от вашей же жены!

Картер нетерпеливо взмахнул рукой.

— Потом. Потом. Приберегите свои шутки, мы прослушаем их позже, все сразу. Идет?

Сообщили вот что:

— Сэр, «Протей» докладывает: «Катастрофическая утечка воздуха. Дозаправка прошла успешно».

— Дозаправка? — воскликнул Картер.

Рейд нахмурился и пояснил:

— Думаю, они заправились в легких. Они ведь сейчас там, в легких, значит, их окружают целые квадратные мили воздуха, ну, при их размерах-то. Но...

— Что «но»?

— Они не могут дышать этим воздухом. Он не миниатюризирован.

Картер бросил на полковника злобный взгляд. Потом рыкнул в микрофон:

— Повторите последнее предложение.

— «Дозаправка прошла успешно».

— Последнее слово «успешно»?

— Да, сэр.

— Свяжитесь с ними и уточните.

Он повернулся к Рейду.

— Если они написали «успешно», значит, проблема решена.

— На «Протее» есть миниатюризатор.

— Тогда все понятно. Сейчас они все объяснят.

Из коммутатора донесся голос:

— Сообщение подтвердилось, сэр.

— Они сдвинулись с места? — снова поинтересовался Картер.

Последовала короткая заминка, потом ответ:

— Да, сэр. Они двигаются по плевральной полости.

Рейд качнул головой. Он поднял глаза на хронометр, где горело «тридцать семь», и сказал:

— Плевральная полость — это двойная мембрана, которая окружает легкие. Наверное, они идут посредине. Прямой путь, просто-таки магистраль — до самой шеи.

— И окажутся там, откуда начинали полчаса назад,— проворчал Картер.— А что потом?

— Они могут пойти по капилляру и снова пробраться в сонную артерию, что займет массу времени. А могут двинуться по

лимфосистеме. Там тоже свои проблемы. У них Микаэлс за штурмана. Полагаю, он знает, что делает.

— Может, вы посоветуете ему что-нибудь? Ради всего святого, плюньте вы на эти правила!

Рейд покачал головой.

— Я не знаю, каким курсом лучше идти, а он может действовать по обстановке. Тем более ему лучше знать, сможет ли судно снова выдержать артериальное течение. Им виднее, генерал.

— Ах, если бы я знал, что лучше! — вздохнул Картер.— Господи, я бы с радостью взвалил на себя всю ответственность, если бы был уверен в чем-то хоть на десять процентов!

— А я о чем говорю? — откликнулся Рейд.— Потому-то я и не хочу взваливать ответственность на себя.

Микаэлс склонился над картами.

— Хорошо, Оуэнс, мы немного отклонились от курса, но это не страшно. Сейчас мы прорвемся. Идите к расселине.

— В легкие? — ужаснулся Оуэнс.

— Нет, что вы! — Микаэлс выпрыгнул из своего кресла и вскарабкался по трапу наверх, так что голова его просунулась внутрь стеклянного колпака.— Мы пойдем по плевральной полости. Запускайте двигатели, я вас поведу.

Кора наклонилась к Гранту, сидевшему в своем кресле.

— Какие будут указания?

— Вперед! — сказал Грант. Потом добавил, только для Коры: — Я много раз пугался — не сосчитать сколько. Я вообще-то ужасный трус. Только вот не припомню, чтобы когда-то я боялся больше, чем на этот раз,— наверное, я побил все рекорды по силе испуга.

— Ну почему вы все время стараетесь выставить себя трусом? В конце концов, при вашей работе...

— Моя работа? Да, я — тайный агент. Но по большей части работа у меня довольно спокойная, тихая, вполне безопасная. И я изо всех сил стараюсь, чтобы она такой и оставалась. Если все-таки никак не получается избежать опасных ситуаций, я стараюсь вытерпеть это — во имя того, для чего вообще нужна такая работа, как у меня. Вы понимаете, конечно, что я здорово идеологически подкован — насчет патриотизма и всего такого, в некотором роде.

— В некотором роде?

— Ну да. В конце концов, какая разница — одна страна или другая? Те времена, когда это было действительно важно, давным-давно миновали. Я искренне верю в то, что наше правительство стремится сохранить мир во всем мире, и хочу внести свой вклад — пусть и незначительный — в общее дело. Я не подписывался под этой экспедицией, но раз уж я здесь...— Он пожал плечами.

— Вы словно смущены тем, что приходится говорить о мире и патриотизме,— заметила Кора.

— Так и есть. Вы все пошли на это, руководствуясь вполне определенными побуждениями, а не пустыми словами. Оуэнс испытывает свой корабль, Микаэлс прокладывает курс по человеческому телу, Дюваль без ума от творения Господа, а вы...

— Ну?

— А вы без ума от Дюваля,— тихо закончил Грант.

Кора покраснела.

— Он достоин восхищения, это правда. Знаете, когда он предложил направить прожекторы «Протея» в расселину, чтобы вы могли отыскать нас по свету, он даже не считал это своей заслугой. Если бы вы начали благодарить его, он бы просто пожал плечами. Такой уж он есть. Спасет кому-нибудь жизнь, потом случайно нагрубит спасенному, и тот навсегда запомнит, как ему нагрубили, а не собственное спасение. Но такое поведение доктора Дюваля не мешает ему быть добрым.

— Это верно. Зато прекрасно маскирует эту доброту.

— А вы сами? Едким и несколько незрелым, словно у подростка, юмором вы маскируете свою тревогу за судьбы человечества.

Теперь покраснел Грант.

— По вашим словам получается, что я распоследний осел.

— Ничего не получается. В любом случае, вы далеко не трус. Но мне пора заняться лазером.

Она бросила быстрый взгляд на Микаэлса, который как раз вернулся и направлялся к своему креслу.

— Лазером? Господи, я совсем забыл о нем! Да, конечно. Постарайтесь, пожалуйста, отыскать причину поломки и чтобы она оказалась не слишком серьезной, хорошо?

Оживление, проступившее на ее лице во время последнего разговора, быстро увяло.

— Ох, если бы все так и было!

Она ушла. Микаэлс проводил ее взглядом.

— Лазер не в порядке? — спросил он.

Грант кивнул.

— Она пошла его чинить.

Микаэлс немного помедлил, словно размышлял, стоит ли задавать следующий вопрос. И не задал. Только головой покачал. Грант посмотрел на него, но ничего не сказал.

Микаэлс взгромоздился на кресло и наконец промолвил:

— Ну и что вы думаете относительно нашего положения?

Грант, до сих пор думавший в основном о Коре, повернулся к иллюминаторам. Похоже, корабль плыл между двумя параллельными стенами, почти касаясь их боками. Отсвечивающие желтым стены словно состояли из плотно пригнанных друг к другу стволов огромных деревьев.

Жидкость, окружающая «Протей», была прозрачной, никаких тебе клеток, непонятных кусочков и прочего хлама. Похоже, она находилась в состоянии полного покоя и ровному, стремительному продвижению субмарины мешали только легкие толчки броуновского движения.

— Броуновское движение,— заметил Грант,— ощущается сильнее.

— Здесь не такая плотная среда, как в плазме крови,— есть где разгуляться. Все равно это ненадолго.

— Ага, значит, мы уже не в системе кровообращения.

— А разве не видно? Мы находимся между складками плевры, которая выстилает легкие и грудную клетку — в два слоя. С той стороны мембрана крепится к ребрам. Собственно, мы вполне можем увидеть громадную выпуклость в стене, когда будем проходить мимо одного из них. Второй слой плевры прилегает к легким. Если хотите, могу даже вспомнить их наименования — париетальная и висцеральная плевры соответственно.

— Не нужны мне их названия!

— Я и не сомневался. А жидкость, по которой мы плывем,— это нечто вроде смазки между слоями плевры. Когда легкие расширяются при вдохе и сжимаются при выдохе, они движутся относительно ребер. Так вот, эта жидкая смазка сглаживает движения, делает их более плавными. И уменьшает трение. Этот слой смазки такой тонкий, что у здорового человека листки

плевры плотно прилегают друг к другу и щели практически не заметно. Но при наших микроскопических размерах щель вполне реальна, и мы свободно можем передвигаться в тоненьком слое плевральной жидкости.

— А когда легкие придвинутся к ребрам, ну, при вдохе — нам это не повредит?

— Мы только чуть сместимся в сторону, потом — обратно, почти незаметно. Так что не стоит из-за этого беспокоиться.

— Слушайте, а при плевритах с этими листками что-то происходит? — спросил Грант.

— Конечно! Плевра очень чувствительна. Когда в плевральную жидкость попадает инфекция и плевра воспаляется, каждый вдох вызывает боль. А уж кашель...

— И что будет, если Бинес кашлянет?

Микаэлс хмыкнул:

— Ну, если мы в это время будем здесь, боюсь, нам придет конец. Разнесет на кусочки. Но с чего бы ему кашлять? Во-первых, Бинес находится под наркозом, в глубоком покое, а во-вторых, смею вас заверить — его плевра в полном порядке.

— А если мы заденем ее...

— Для этого мы слишком маленькие.

— Точно?

— Ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Можно только строить предположения. Итак, исходя из того, что нам известно, для кашля нет никаких причин. Так что беспокоиться нам не о чем.— Лицо Микаэлса оставалось невозмутимым.

— Понятно,— буркнул Грант и оглянулся посмотреть, что делает Кора.

Она вместе с Дювалем возилась в мастерской; их головы, почти соприкасаясь, склонились над рабочим столом.

Грант встал и подошел к двери. Микаэлс — за ним.

На подставке матового стекла лежал разобранный лазер. Подсветка снизу позволяла разглядеть каждую отдельную деталь.

— Что повреждено безвозвратно? — прохрипел Дюваль.

— Только вот это, доктор, и еще импульсный переключатель. Все.

Дюваль задумался. Он стоял и разглядывал все детали по очереди, легонько касался каждой пальцем, словно пересчитывая, передвигал некоторые с места на место.

— Хуже всего то, что разбился вот этот транзистор. Без него мы не включим источник света. Следовательно, этот лазер больше ни на что не годен.

Грант перебил:

— А запчасти к нему есть? Хоть какие-нибудь?

Кора глянула на Гранта и тут же виновато отвела взгляд. Стальные глаза Гранта смотрели сурово и непреклонно.

— Обычно никаких запасных частей к лазеру не прилагается. Мы должны были взять с собой еще один аппарат, но кто мог знать, что... Если бы он не упал...

Микаэлс мрачно спросил:

— Вы это серьезно, доктор Дюваль? Лазер полностью вышел из строя?

— Я никогда не шучу.— В голосе Дюваля промелькнула нотка неприязни.— А теперь попрошу меня не беспокоить.— И он погрузился в раздумья.

Микаэлс пожал плечами.

— Ну вот, пожалуйста! Мы прошли сквозь сердце, мы наполнили свои баллоны воздухом из человеческих легких, и теперь оказывается, что все это без толку! Дальше дороги нет.

— Это почему еще? — спросил Грант.

— Ну, конечно же, в буквальном смысле дорога никуда не делась — можно путешествовать дальше, куда угодно. Но не в этом дело, Грант. Без лазера нам вовсе незачем путешествовать! Мы ничего не сможем сделать!

Грант спросил:

— Доктор Дюваль, можно ли как-нибудь провести операцию без лазера?

— Я думаю! — резко оборвал его Дюваль.

— Так поделитесь своими соображениями! — огрызнулся в ответ Грант.

Дюваль посмотрел на него в упор.

— Нет, мистер Грант, провести операцию без лазера невозможно.

— Но операции сотни лет делали без всяких там лазеров! Вы прорубились сквозь стенки альвеолы с помощью обычного ножа — разве это была не операция? Разве нельзя точно так же прорубиться сквозь этот чертов тромб?

— Можно, конечно, но при этом нельзя избежать повреждения нервов. Я не стану подвергать центральную часть мозга такой опасности. Лазер гораздо более тонкое орудие, чем нож. В этом конкретном случае простой мясницкий нож никак не сможет заменить лазер.

— Но вы ведь можете спасти Бинесу жизнь этим ножом, правда?

— Наверное, могу. Это вполне возможно, я полагаю. Но при этом я вовсе не уверен, что мне удастся спасти его разум. Более того, я убежден, что такая грубая операция — с помощью ножа — повредит мозг Бинеса и у него после нее возникнут серьезные проблемы с памятью и интеллектом. Вам это нужно?

Грант потер подбородок.

— Слушайте, что я скажу. Мы идем к этому тромбу. А когда прибудем на место — если у нас под рукой окажется только нож, то вы возьметесь за нож, Дюваль. Если случится так, что мы почему-то порастеряем наши ножи, вы будете грызть этот тромб зубами, Дюваль! Если не будете вы — я буду! Может, у нас ничего и не выйдет, но мы должны драться до конца. Однако мне тут кое-что пришло в голову... Дайте-ка посмотреть...

Он протиснулся между Дювалем и Корой и взял испорченный транзистор — маленькую раздавленную букашку, которая свободно умещалась на кончике пальца.

— Это и есть неисправная деталь?

— Да,— кратко ответила Кора.

— И если его исправить или заменить, лазер снова будет работать?

— Да, только исправить его невозможно.

— А если бы у вас был другой транзистор примерно тех же размеров и мощности и достаточно тонкая проволочка — вы смогли бы подсоединить его вместо этого?

— Наверное, нет. Для этого нужна почти сверхъестественная точность движений.

— Ну хорошо, вы не смогли бы. А вы, доктор Дюваль? Вы ведь прекрасный хирург, у вас наверняка должно получиться, даже если будет мешать броуновское движение.

— Я мог бы попробовать, с помощью мисс Петерсон. Только у нас нет запасных транзисторов.

Грант улыбнулся.

— Есть. То есть сейчас будут.

Он взял из ящика с инструментами большую отвертку и решительно направился обратно, в переднюю часть салона. Подошел к своему радиопередатчику и без колебаний принялся отвинчивать заднюю панель.

Микаэлс тут же оказался рядом и придержал агента за локоть.

— Что вы задумали, Грант?

Грант рывком стряхнул его руку со своей.

— Собираюсь покопаться во внутренностях этой крошки.

— Вы хотите сказать, что намерены разобрать передатчик?

— Нам нужны транзистор и проволока.

— Но ведь это наша единственная связь с внешним миром!

— Ну и что?

— Когда придет время вынимать нас из тела Бинеса... Грант, погодите, послушайте...

Грант ответил довольно резко:

— Нет. Они могут следить за нами по радиоактивной метке. Передатчик нужен только для обмена текущими новостями, а без этого мы вполне можем обойтись. Собственно, другого выхода у нас просто нет. Либо радио замолчит, либо Бинес умрет.

— Но послушайте... Может, вы все-таки свяжетесь с Картером? Пусть он примет окончательное решение.

Грант на мгновение задумался.

— Я пошлю ему сообщение. Но только сообщение — о том, что больше радиосвязи не будет.

— А если он прикажет вам приготовиться к возвращению?

— Я откажусь.

— Но ведь он может приказать вам...

— Он может, конечно, приказать выудить нас отсюда и без нашего согласия — но я в этом не участвую. Пока мы находимся на борту «Протея», решения принимаю я. Мы подошли слишком близко к цели, чтобы ни с того ни с сего отказаться от своих планов. Поэтому мы пойдем-таки к этому тромбу, несмотря ни на какие прискорбные случайности. И мне все равно, что там будет приказывать Картер.

Картер рявкнул:

— Повторить последнее сообщение!

— «Разбираем передатчик, чтобы починить лазер. Это последнее сообщение».

Рейд сказал каким-то бесцветным голосом:

— Они обрывают связь.

— Что там у них стряслось с лазером? — спросил Картер.

— И не спрашивайте.

Картер тяжело опустился в кресло.

— Пусть нам принесут кофе, ладно, Дон? Если бы я знал, что это сойдет нам с рук, то заказал бы двойное виски с содовой, а может, даже пару стаканов. Вот не везет — так не везет, а, Дон?

Рейд передал, чтобы принесли кофе. Потом спросил:

— Думаете, это саботаж?

— Какой такой саботаж?

— Не разыгрывайте из себя наивного младенца, генерал. Вы с самого начала опасались чего-то в этом роде, иначе зачем было посылать с ними Гранта?

— После того, что произошло с Бинесом по дороге сюда...

— Да, конечно. И, честно говоря, я сам не очень-то доверяю Дювалю и этой его девице.

— С ними все в порядке, Дон,— успокоил его Картер, скривившись.— По крайней мере, должно быть все в порядке. Черт возьми, да любой из них — вне всякого подозрения! Просто невозможно проверять людей более тщательно, чем это уже делается!

— Вот именно. Но ведь никакие проверки не гарантируют полной уверенности в людях.

— Все эти люди работают здесь не первый год.

— Кроме Гранта,— заметил Рейд.

— И?..

— Грант не работал здесь. Он для нас — чужак, человек со стороны.

Картер натянуто улыбнулся.

— Грант — правительственный агент.

Рейд кивнул и продолжил:

— Знаю. И еще знаю, что агенты нередко ведут свою игру — на две стороны. Вы включили Гранта в команду «Протея» —

и началась серия неудач, досадных случайностей — или того, что только выглядит как случайности...

Принесли кофе.

— Это же просто смешно! — сказал Картер.— Я знаю этого парня. Для меня он не чужак и не первый встречный со стороны.

— И когда вы с ним виделись в последний раз? Что вы знаете о нем, о его желаниях, стремлениях?

— Да что ты! Это невозможно.— Но сам Картер отнюдь не ощущал той уверенности, что звучала в его голосе. Очень уж неловко он наливал сливки в свою чашку — едва не расплескав горячий кофе на руки.

Рейд сказал:

— Хорошо, не будем. Но все равно, имей это в виду.

— Они по-прежнему в плевральной полости?

— Да.

Картер глянул на таймер — там светилось «тридцать два» — и покачал головой.

Перед Грантом лежал разобранный на части передатчик. Кора брала транзисторы один за другим, вертела их в руках, внимательно рассматривала со всех сторон, чуть ли не заглядывала внутрь, под защитную оболочку.

— Кажется, вот этот должен подойти,— нерешительно сказала она наконец.— Но эта проволока, по-моему, слишком толстая...

Дюваль положил на матовое стекло с подсветкой проволочку, которую выбрала Кора, рядом с ней — ту, что отходила от поврежденного транзистора, и критически оглядел то, что получилось. Лицо его при этом особой радости не выражало.

— Ничего лучшего у нас все равно нет. Так что берите эту,— сказал Грант.

— Легко сказать! — заметила Кора.— Вы можете, конечно, приказать мне — и я сделаю все, как вы хотите. Только, боюсь, проволока вас не послушается. Она не станет тоньше, сколько вы на нее ни кричите.

— Ладно, ладно,— примирительно сказал Грант и задумался. Ничего разумного в голову не приходило.

Тут вмешался Дюваль:

— Погодите... Кажется, я знаю, как сделать проволочку тоньше. Мисс Петерсон, подайте мне скальпель номер одиннадцать.

Он зажал проволоку из радиопередатчика (который, хоть и предназначен для беспроволочной связи, к счастью, все-таки не обходится совсем без проволоки) в миниатюрных тисочках и поместил перед ними мощное увеличительное стекло. Дюваль протянул руку — Кора тотчас же вложила в его ладонь скальпель номер одиннадцать — и, вооружившись таким образом, начал медленно и осторожно скрести проволоку, снимая тончайшую стружку.

Не отрываясь от этого занятия, Дюваль сказал:

— Может, вы сядете на свое место, Грант? Вы отнюдь не помогаете мне, так громко сопя у меня над плечом.

Грант вздрогнул, хотел возмутиться, но натолкнулся на взгляд Коры и ничего не сказал, просто тихо отошел к своему сиденью.

Микаэлс, сидевший в соседнем кресле, кивнул через плечо и без тени улыбки заметил:

— Наш знаменитый хирург за работой. И его скальпель, и его дурной характер блистают во всей красе. Не стоит понапрасну на него злиться — поберегите нервы для чего-нибудь получше.

Грант ответил:

— А я и не злюсь.

— Злитесь, конечно же, злитесь. Если только вы не избранный представитель рода человеческого, подобный кротостью ангелам. У Дюваля особый дар — я уверен, он считает это ни больше ни меньше чем даром Божьим... Так вот, Дюваль чудесно умеет настраивать людей против себя — одним-единственным словом, жестом, взглядом. А если этого окажется недостаточно — юная леди всегда готова прийти ему на «помощь».

Грант повернулся к Микаэлсу и глянул на того с нескрываемой неприязнью.

— Что вы там сказали насчет юной леди?

— Ну-ну, Грант! Или вы хотите прослушать лекцию про мальчишек и девчонок?

Грант нахмурил брови и отвернулся.

Микаэлс продолжал — тихо и спокойно, даже немного печально:

— Вы не знаете, как себя с ней вести?

— То есть?

— Мисс Кора — хорошенькая девушка. Премиленькая, я бы сказал. А вы в силу своей профессии просто обязаны быть подозрительным со всеми и каждым.

— И что?

— И то! Что произошло с лазером? Еще одна неприятная случайность?

— Вероятно.

— Возможно...— Голос Микаэлса упал почти до шепота.— Но так ли это?

Грант ответил тоже шепотом, бросив быстрый взгляд через плечо:

— Вы что, обвиняете мисс Петерсон в намеренном срыве нашей миссии?

— Я! Конечно нет! У меня нет никаких доказательств. Но вот вы, по-моему, подсознательно подозреваете ее в этом, и вам очень не хочется прислушаться к своему внутреннему голосу. Вот вы и не знаете, как себя с ней вести.

— Но почему именно мисс Петерсон?

— А почему бы и нет? Ну кто, скажите на милость, может уличить ее, если ей вздумается сотворить какую-нибудь ерунду с лазером? Это же ее сфера деятельности, никто лучше ее не разбирается в этой штуковине. И если бы мисс Петерсон захотела сорвать миссию, самым естественным было бы приложить руку к тому, что ей знакомо лучше всего и без чего миссия, несомненно, провалится,— то есть она испортила бы лазер.

— И это, несомненно, заставило бы подозревать в саботаже именно ее — что, как мы видим, и произошло,— парировал Грант с некоторой горячностью.

— Ну вот, видите? Вы все-таки злитесь.

Грант не выдержал:

— Послушайте, Микаэлс! Мы сейчас находимся в сравнительно небольшом замкнутом пространстве — на подводной лодке,— и можно, конечно, подумать, что каждый из нас виден другим как на ладони, так что сделать что-то незаметно практически невозможно. Но, уж вы мне поверьте, это вовсе не так! Мы так увлеклись видами за иллюминатором, что просто не обращали внимания ни на что другое. В это время любой из нас мог совершенно спокойно встать, пойти в заднюю часть салона и сотворить что угодно и с лазером, и со всем остальным. И никто — никто, слышите,— ничего бы не заметил! Это могли сделать и вы, и я — любой из нас. Я не следил за вами. А вы не следили за мной.

— Или за Дювалем?

— Или за Дювалем. Его я тоже не исключаю. Так что давайте сойдемся на том, что это все-таки был обыкновенный несчастный случай.

— А ваш страховочный линь? Еще один несчастный случай?

— Вы, конечно, готовы предположить, что и тут дело нечисто?

— Нет, что вы, как можно? Просто, если хотите, я мог бы указать на некоторые любопытные подробности...

— Не хочу. Но вы все равно укажите, чего уж там.

— Ведь это Дюваль привязывал ваш страховочный линь, помните?

— И наверное, плохо затянул узел. Заметьте, страховку дергало очень сильно. Очень сильно — я ведь был на другом ее конце,— спокойно объяснил Грант.

— Хирурги очень хорошо умеют вязать узлы.

— Вы что-то путаете. Хирургические узлы и морские — это две большие разницы.

— Может, и так. А может, узел специально завязали так, чтобы он в конце концов развязался. Или его специально развязали — в нужный момент...

Грант кивнул.

— Ну хорошо. И опять-таки, внимание каждого, кто там находился, было приковано к тому, что происходит впереди, а не сзади. Вы, или мисс Петерсон, или Дюваль могли отплыть по-быстрому назад к субмарине, распустить узел и вернуться — и никто ничего бы не заметил. Даже Оуэнс мог это сделать — выйти из корабля, дернуть за веревочку и быстренько вернуться. Разве нет?

— Да, но у Дюваля была самая выгодная позиция. Как раз перед тем, как вы оторвались и улетели в легкие, он возвращался к кораблю — относил воздухозаборник. Он рассказывал, что узел развязался буквально у него на глазах. Итак, с его собственных слов нам известно, что именно Дюваль находился в нужном месте и в нужное время.

— И все равно это вполне могло оказаться случайным совпадением. Да и зачем ему это нужно? Лазер и так уже был неисправен, и, отвязав страховку, он ничего существенного бы не добился — ну разве что подверг опасности мою шкуру. Если

ему надо только сорвать миссию, какого черта цепляться еще и ко мне?

— Ну, Грант, вы даете! — Микаэлс усмехнулся и покачал головой.

— Давайте выкладывайте! Нечего хихикать.

— Предположим, что о лазере позаботилась как раз юная леди. А Дювалю, скажем, нужно избавиться именно от вас, лично. Предположим, что для него успех или провал миссии не так важны, как ваше существование... То есть наоборот.

Грант от изумления не знал, что и сказать.

Микаэлс между тем продолжал:

— Предположим, Дюваль не так уж сильно предан своей работе, чтобы не замечать, какие авансы вам делает его премиленькая помощница... Вы молоды, Грант, и недурны собой. И вы уберегли девушку от серьезных травм, может, даже спасли ей жизнь, когда мы провалились в тот водоворот. Дюваль, конечно же, заметил это. И раз так, то он просто не мог не обратить внимание на ее расположение к вам...

— Какое там расположение! Я совсем ей не нравлюсь.

— Видели бы вы, что с ней творилось, когда вас унесло в эти альвеолы! Она едва не разрыдалась и хотела даже кинуться за вами вслед. Это очевидно для всякого стороннего наблюдателя — и для Дюваля тоже, можете не сомневаться. Кора от вас без ума. И Дюваль вполне мог позаботиться о том, чтобы от вас отделаться — именно поэтому.

Грант прикусил губу и задумался. Потом сказал:

— Ну хорошо. А как насчет утечки воздуха? Это что, тоже несчастная случайность?

Микаэлс пожал плечами.

— Откуда мне знать? Полагаю, вы должны подозревать, что за этой «случайностью» стоит Оуэнс. Разве не так?

— Вполне возможно. Он знает этот корабль как свои пять пальцев. Оуэнс его создал. Придумал все эти хитроумные приборы управления и контроля. И только он мог распознать, что с кораблем неладно.

— Все это верно, вы и сами прекрасно понимаете.

— Раз уж на то пошло, как вы объясните такую несчастную случайность, как артериально-венозная фистула? — Грант разозлился не на шутку.— В самом ли деле мы угодили туда случайно? Или вы с самого начала знали, что она там есть?

Микаэлс откинулся на спинку своего кресла и без всякого выражения уставился прямо перед собой.

— О господи, и как я раньше об этом не подумал? Клянусь вам чем угодно, Грант, я был вне себя от радости, думая, что ничего, совершенно ничего из этих дурацких неприятностей нельзя отнести на мой счет. Я понимал, конечно, что в принципе и меня можно заподозрить в том, что я как-то повредил лазер, или отвязал вашу страховку, или продырявил баллоны с воздухом — или сделал все это одно за другим, если уж на то пошло. Но в любом случае это скорее мог сделать не я, а кто-то другой. Но фистула... Должен признать — в этом не мог подгадить никто, кроме меня.

— Верно.

— Если, конечно, не брать в расчет, что я действительно не знал о ней заранее. Но доказать это я не могу, ведь так?

— Не можете.

Микаэлс сказал:

— А вы когда-нибудь читали детективы, Грант?

— Прочитал пару-тройку, еще в колледже. А сейчас...

— Ваша профессия отучила вас от таких развлечений. Что ж, могу себе представить. Только знаете, Грант, в этих детективных историях всегда все так просто и понятно... Тонкие, едва заметные ниточки тянутся к одному-единственному человеку, но замечает их обычно только главный герой, и никто другой. А в жизни эти ниточки, похоже, тянутся абсолютно во все мыслимые и немыслимые стороны...

— Или вообще никуда не тянутся,— твердо сказал Грант.— Просто нам не повезло — несколько раз подряд.

— Может, и так,— смирился наконец Микаэлс.

Тем не менее эти их последние фразы прозвучали не очень уверенно — ни одному ни другому не хватало уверенности в том, что они говорят.

Глава 14

ЛИМФА

Из кабинки донесся голос Оуэнса:

— Доктор Микаэлс, взгляните. Здесь поворачивать?

«Протей» замедлил ход.

— Совсем заболтался,— проворчал Микаэлс.— Лучше бы я следил за картой.

Прямо впереди открылся проход в какую-то трубу. Ее стенки казались шероховатыми, они уходили далеко в глубину, в темную бесконечность. Сам проход был достаточно широк, чтобы «Протей» мог в него протиснуться.

— Чудесно,— заявил Микаэлс.— Правьте прямо туда.

Кора вышла из мастерской, чтобы взглянуть на открывшееся зрелище, а Дюваль остался на месте, продолжая работу с завидным терпением и тщанием.

— Наверное, это лимфатический проток,— сказала Кора.

Субмарина вплыла в проход, стенки которого не уступали по толщине капиллярным, которые путешественники недавно покинули.

Как и в капиллярах, эти стенки состояли, понятно, из клеток в форме плоских многоугольников, в каждой из которых виднелось круглое ядро. Окружающая корабль жидкость ничем не отличалась от той, что была в плевральной полости. В свете прожекторов «Протея» она отсвечивала желтым и отбрасывала золотистые блики на ближайшие клетки.

— Вареные яйца! — завопил Грант.— Они похожи на вареные яйца! — Потом, уже спокойнее, спросил: — Что это за имфатический проток?

— Лимфатическая система — это еще одна система циркуляции жидкости в организме,— начала подробно объяснять Кора.— Жидкость — лимфа — течет по очень тонким сосудикам и собирается в особых полостях и в межклеточном пространстве. Это так называемая интерстициальная жидкость. Она попадает в лимфатические сосуды, которые обычно открыты с одной стороны — вот как этот, например. Как и другие сосуды, мелкие лимфатические протоки впадают в более крупные. Самые крупные сравнимы по размерам с венами. Вся лимфа...

— Вот эта жидкость, в которой мы плывем?

— Да. Так вот, вся лимфа в конце концов собирается в самый большой из лимфатических сосудов — грудной лимфатический проток, который впадает в левую подключичную вену — это в верхней части грудной клетки. Так лимфа попадает в общую систему кровообращения.

— А зачем нам надо в этот лимфатический проток?

Микаэлс откинулся в кресле и вмешался в разговор, несмотря на то что ему приходилось ежеминутно сверять курс:

— Понимаете, Грант, в лимфатических сосудах течение очень спокойное — посмотрите сами. Никаких пульсовых волн, как в артериях или даже венах. Лимфа передвигается под действием давления сокращающихся мышц, которые находятся вокруг сосудов. А Бинес сейчас не очень-то шевелится. Поэтому нам обеспечено спокойное путешествие до самого мозга.

— Но почему тогда мы не пошли по лимфатическим протокам с самого начала?

— Видите ли, они очень маленькие. Иглой шприца гораздо проще попасть в артерию — меньше шансов промахнуться. Кроме того, течение крови в артерии само доставило бы нас к цели — за считаные минуты. Я мог бы рассчитать курс корабля так, чтобы вернуться в артерию, из которой мы стартовали,— это не так уж сложно. Но если мы попадем в артерию, на субмарину обрушатся такие перегрузки, которых она после всех пережитых испытаний может уже и не выдержать...

Микаэлс просмотрел еще несколько схем и позвал:

— Оуэнс! Вы следуете по квадрату семьдесят два «Д»?

— Да, доктор Микаэлс!

— Проверьте еще раз, мы действительно идем по тому протоку, что я отметил? На этом пути нам встретится наименьшее количество узлов.

Грант встревожился.

— Смотрите, что это, там, впереди?

Микаэлс посмотрел вперед и на мгновение застыл. Опомнившись, он закричал:

— Остановите корабль! Немедленно!

«Протей» постепенно сбавил ход. Просвет лимфатического протока, по которому они плыли, в этом месте расширился, и сквозь одну из стенок внутрь просунулась какая-то огромная бесформенная масса, молочно-белая, зернистая, довольно страшная с виду. Пока все смотрели на это чудо, оно спряталось обратно, исчезло из виду.

— Давайте вперед, Оуэнс! — скомандовал Микаэлс и сказал Гранту: — Я боялся, как бы не нагрянули лейкоциты. Но этот, похоже, убрался у нас с дороги. Повезло! Некоторые лейкоциты формируются в лимфатических узлах. Это очень важный

барьер на пути инфекций. Там, кстати, образуются не только лейкоциты, но и антитела.

— Что такое антитела?

— Такие белковые молекулы, которые могут связываться с разными экзогенными агентами, попавшими в организм,— с бактериями, токсинами, инородными белками.

— И с нами?

— Наверное, и с нами, при определенных условиях.

Кора вставила:

— Бактерии в лимфатических узлах попадают в ловушку — там их захватывают белые кровяные тельца, лейкоциты. Можно смело назвать лимфоузлы полем битвы между инфекцией и лейкоцитами. Именно поэтому лимфоузлы набухают и становятся болезненными, когда в организм попадает инфекция. У детей, например, когда они простужаются, всегда появляются плотные узелки под мышками и под челюстью.

— А на самом деле это воспаленные лимфоузлы?

— Да.

— По-моему, нам лучше держаться от этих узлов подальше,— сказал Грант.

Микаэлс пояснил:

— Мы — очень маленький чужеродный объект. Иммунная система Бинеса никогда раньше с нами не встречалась, поэтому соответствующих антител у него просто нет. Кроме того, впереди у нас только одна группа лимфоузлов, а дальше — прямой путь к цели. Если повезет, конечно. Но вся наша миссия рассчитана на чистое везение...— Он нахмурился и спросил: — Но может быть, вы собираетесь приказать мне рассчитать другой курс? Выйти из лимфатической системы?

Грант покачал головой.

— Нет. Если только у кого-нибудь не появится идея получше.

— Вот он.— Микаэлс легонько тронул Гранта за рукав.— Видите?

— Вот эта тень впереди?

— Да. Наш проток вместе с остальными впадает в лимфоузел. А сам лимфоузел — это, собственно, пучок рыхлой соединительной ткани, губка из беспорядочно скомканных волокон, с извилистыми промежутками меж ними. И здесь полным-полно лимфоцитов...

— А это что за штука — лимфоциты?

— Одна из разновидностей белых кровяных клеток. Надеюсь, они нас не тронут. Любая бактерия, проникшая в организм, рано или поздно попадает в лимфоузел. И запутывается в этих узких проходах между волокнами...

— А мы не запутаемся?

— Мы движемся произвольно и туда, куда нам надо, Грант. А бактерия просто плывет по течению. Надеюсь, вы улавливаете разницу. И когда бактерия попадает в эту ловушку, за нее принимаются антитела или, если у антител ничего не выходит, в бой идут лейкоциты.

Тень приблизилась. Золотистая лимфа стала темнее и помутнела. Прямо по курсу показалась стена.

— Вы следите за курсом, Оуэнс? — спросил Микаэлс.

— Слежу, но здесь легко сбиться и повернуть куда-нибудь не туда.

— Даже если собьетесь, помните, что сейчас мы идем в нужном направлении. Настройте свой гравитометр поточнее и в конце концов не ошибетесь — надо сохранить то же общее направление после всех поворотов.

«Протей» круто повернул, все вокруг внезапно стало серым. В свете прожекторов субмарины не было видно ничего, кроме густой серой мглы разных оттенков. Но вот показался какой-то небольшой продолговатый цилиндрик, значительно короче и тоньше субмарины. Еще какие-то шаровидные тела, довольно маленькие, со всех сторон покрытые короткими пушистыми ворсинками.

— А вот и бактерии,— пробормотал Микаэлс.— Только увеличение слишком большое — я не могу даже распознать их вид. Разве не странно звучит — «слишком большое увеличение, чтобы распознать вид бактерии»?

Субмарина двигалась теперь гораздо медленнее, чем раньше, лавировала в паутине тонких тяжей и перегородок, выбирая каждый очередной поворот из бессчетного множества извилистых проходов чуть ли не наугад.

В дверях мастерской показался Дюваль.

— Что у вас тут творится? Я не могу работать в такой обстановке! Корабль каждую минуту куда-то поворачивает. С меня вполне довольно броуновского движения!

— Как мне ни жаль, доктор, но вам придется потерпеть,— холодно ответил Микаэлс.— Мы проходим сквозь лимфоузел, и это самый прямой путь, какой только может быть.

Дюваль недовольно нахмурился и вернулся в мастерскую.

Грант наклонился вперед, разглядывая то, что показалось впереди.

— Что это за муть, доктор Микаэлс? Похоже на какие-то водоросли или вроде того.

— Это ретикулярные волокна,— пояснил Микаэлс.

Раздался голос Оуэнса:

— Доктор Микаэлс!

— Да?

— Волокна становятся толще, промежутки сужаются. Я не смогу пройти сквозь них, ничего не повредив.

Микаэлс задумался.

— Не беспокойтесь. Мы никак не сможем наделать здесь больших бед.

«Протей» пошел вперед, задевая бортами волокна, сдирая с них куски ткани, которая провисала позади субмарины неровными клочьями, расплывалась во все стороны. Чем дальше они продвигались, тем чаще стесывали пласты с волокон.

— Все в порядке, Оуэнс,— подбодрил капитана Микаэлс.— Такие повреждения человеческий организм исправит в считаные минуты.

— Меня сейчас тревожит не здоровье Бинеса, а мой корабль,— отозвался Оуэнс.— Если эти клочья намотаются на винты, двигатель перегреется. По-моему, они уже пристают к нам — вы слышите, шум двигателей стал немного другим?

Грант ничего такого не услышал и снова обратил все внимание на то, что творилось снаружи. Субмарина как раз пробиралась сквозь настоящую чащу волокон. В свете прожекторов «Протея» они отбрасывали пугающе багровые блики.

— Сейчас пробьемся,— сказал Микаэлс, но в его голосе явственно звучали тревожные нотки.

Путь стал немного свободнее, но тут Грант наконец в самом деле уловил перемены в шуме двигателей — добавились какие-то низкие завывания, а гулкое клокотание пузырящегося в выхлопных трубах газа стало глухим, едва различимым.

Оуэнс крикнул:

— Что за черт?! Смотрите!

Корабль содрогнулся, столкнувшись с какой-то длинной бактерией. Бактерия изогнулась, обвилась вокруг стеклянного колпака субмарины, потом резко дернулась, приняв первоначальную форму, и отскочила в сторону. На стекле иллюминатора осталось липкое пятно, которое медленно смыло потоками лимфы.

Впереди показались новые бактерии.

— Что это с ними? — удивился Грант.

— Мне кажется...— начал Микаэлс.— Я не могу сказать наверняка, но, похоже, мы наблюдаем столкновение бактерий с антителами. Лейкоциты пока в деле не участвуют. Смотрите! Присмотритесь к оболочке бактерии! Правда, это трудновато из-за наших уменьшенных световых волн, но все-таки... Видите?

— Боюсь, ничего такого особенного я не вижу,— признался Грант.

Сзади раздался голос Дюваля:

— Я тоже ничего не вижу.

Грант повернулся к нему.

— Проволока готова, доктор?

— Пока нет. Я не могу работать в таком бардаке. Придется обождать. Так что там с антителами?

Микаэлс сказал:

— Раз уж вы не работаете, давайте пока выключим внутреннее освещение. Оуэнс!

Освещение салона погасло, остались только призрачные серовато-багровые отблески света наружных прожекторов, окрасившие лица всех присутствующих в мрачные тона.

— Что там снаружи? — спросила Кора.

— Я как раз пытаюсь это объяснить,— сказал Микаэлс.— Присмотритесь к краям бактерий, там, впереди.

Грант изо всей силы напряг зрение, пытаясь увидеть хоть что-нибудь необычное в неровном, мерцающем свете.

— Вы имеете в виду вон те маленькие штучки, похожие на патроны от автомата?

— Именно! Это и есть антитела. Довольно крупные белковые молекулы — их можно разглядеть даже при наших нынешних размерах. Вот одна совсем близко — смотрите! Смотрите же!

Одно из антител проплыло мимо иллюминатора субмарины. Вблизи оно совсем не было похоже на автоматные патроны. Во-первых, эта молекула казалась гораздо больше целого автомата и по форме напоминала скорее макаронину, которую свернули в спираль, а потом скомкали в клубок. Из этого клубка тут и там торчали тоненькие ниточки, едва различимые в бликах света.

— И как они действуют? — поинтересовался Грант.

— У любой бактерии оболочка состоит из особых молекул, составленных вместе специфичным для этого вида бактерий образом. Нам эта оболочка кажется совершенно гладкой и одинаковой у всех бактерий. Но если бы мы были еще меньше — размером не с целую бактерию, а с отдельную молекулу,— мы бы увидели, что стенка клетки подобна мозаике. И рисунок этой мозаики разный у разных видов бактерий, но одинаковый у бактерий одного вида. Антитела способны приклеиваться к стенкам бактерий и распознавать рисунок мозаики. Как только им попадается знакомый рисунок, антитела проникают внутрь бактерии и парализуют ее. Бактерия от этого погибает. Это похоже на то, как если человеку зажать рот и нос — он задохнется и умрет.

Кора разволновалась.

— Смотрите, как их много! Как это... ужасно!

— Вам жаль бактерию, Кора? — с улыбкой спросил Микаэлс.

— Нет, но эти антитела кажутся такими злобными... Глядите, как набрасываются!

— Не наделяйте их человеческими эмоциями,— сказал Микаэлс.— Это всего-навсего молекулы, они действуют вслепую. Сила тяготения притягивает их к стенкам клеток, которым они соответствуют, и удерживает там. Все равно как магнит притягивает к железу. Вы же не станете говорить, что магнит злобно набросился на гвоздь?

Теперь, когда Грант знал, куда смотреть, он мог следить за происходящим. Бактерия, плывущая сквозь облако антител, действительно как будто притягивала их, втягивала в себя. Через несколько мгновений ее оболочка была облеплена антителами, как корова на пастбище — слепнями. Длинные молекулы спутывались между собой.

— А некоторые антитела словно бы не обращают на нее внимания,— заметил Грант.— Они даже не прикасаются к бактерии.

— Все антитела имеют свое специфическое назначение,— объяснил Микаэлс.— Каждое из них соответствует рисунку мозаики определенного вида бактерий или определенной молекуле протеина. Вот смотрите: среди этих антител почти — но не совсем — все подходят для тех бактерий, что мы видим. Наличие именно этих бактерий стимулировало быстрое формирование именно такой разновидности антител. Как это происходит — мы пока не знаем.

— Великий боже! — воскликнул Дюваль.— Вы только взгляните!

Одна из бактерий полностью скрылась под слоем антител, заполнивших каждую неровность ее поверхности, так что казалось, будто бактерия осталась прежней, но обросла мохнатой шкурой.

— Тютелька в тютельку! — сказала Кора.

— Да не в этом дело! Разве вы не видите? Межмолекулярные связи антител сдавливают бактерию! Такого не увидишь и в электронном микроскопе. Ведь в микроскоп можно рассматривать только мертвые ткани.

На борту «Протея» воцарилось молчание. Субмарина медленно проплывала мимо бактерии. Покрывавшие ее антитела, казалось, затвердели и напружинились. Находящаяся внутри бактерия корчилась. Антитела стянулись еще раз, потом еще — и внезапно бактерия подалась, точно раздавленная. Антитела сдвинулись еще плотнее — и палочка превратилась в бесформенную овальную массу.

— Они ее убили! Буквально раздавили! — с отвращением воскликнула Кора.

— Изумительно! — пробормотал Дюваль.— Этот «Протей» представляет собой великолепный инструмент для исследований.

— А вы уверены, что нам антитела ничего не сделают? — поинтересовался Грант.

— Похоже, что да,— ответил Микаэлс.— На нас антитела не рассчитаны.

— Точно? А то у меня такое ощущение, что при соответствующих обстоятельствах они могут быть рассчитаны на что угодно.

— Возможно, вы и правы. Но ведь мы не создаем соответствующих обстоятельств...

— Доктор Микаэлс! — окликнул Оуэнс.— Впереди еще волокна! А мы уже и так буквально обмотаны ими. Это сильно замедляет продвижение.

— Мы уже почти миновали узел, Оуэнс,— ответил Микаэлс.

Временами корабль сталкивался с извивающимися бактериями. Он содрогался от толчков. Но схватка, похоже, заканчивалась. Бактерии терпели поражение. И вот уже «Протей» снова пробирается сквозь волокна.

— Вперед! — сказал Микаэлс.— Еще один поворот налево — и мы окажемся в выходящем протоке.

— За нами тянутся эти волокна,— заметил Оуэнс.— «Протей» похож на собаку в репьях.

— Сколько еще лимфоузлов на пути к мозгу? — спросил Грант.

— Еще три. Один, возможно, удастся обойти — но я не уверен.

— Нет, так не пойдет! Мы теряем слишком много времени. Еще три подобные задержки мы себе позволить не можем. А напрямик срезать никак не получится?

Микаэлс покачал головой.

— На более коротком пути, возможно, придется столкнуться с еще худшими проблемами. Не волнуйтесь, через лимфоузлы мы проберемся. Волокна отвалятся сами, а если не задерживаться, чтобы полюбоваться войной с бактериями, мы минуем узлы куда быстрее.

— А что, если в следующий раз нам придется иметь дело с белыми кровяными тельцами? — спросил Грант, нахмурившись.

Дюваль подошел к картам Микаэлса.

— Микаэлс, где мы находимся?

— Вот тут,— сказал Микаэлс, пристально глядя на хирурга.

— Позвольте уточнить,— произнес Дюваль, немного поразмыслив.— Мы сейчас в шее, не так ли?

— Да.

«В шее? — подумал Грант.— Как раз там, откуда начали...» Он взглянул на хронометр. На табло стояло «двадцать восемь». Прошло больше половины отпущенного им срока, а они все еще там, где были с самого начала...

— А не могли бы мы миновать все эти узлы и срезать путь, если свернуть где-нибудь тут и направиться прямо к внутреннему уху? — спросил Дюваль.— А оттуда до тромба — рукой подать!

Микаэлс наморщил лоб так, что тот сделался похож на стиральную доску, и вздохнул.

— На карте-то оно кажется близко. Гладко было на бумаге... Вы себе представляете, что такое пробираться сквозь внутреннее ухо?

— Нет,— сказал Дюваль.— А что?

— Дорогой мой доктор! Вряд ли нужно вам напоминать, что ухо представляет собой инструмент для концентрации и усиления звуковых волн. Малейший — повторяю, малейший! — шум снаружи вызовет во внутреннем ухе сильные вибрации. Для нас, при наших размерах, эти вибрации могут оказаться смертельными.

Дюваль призадумался.

— Да, понимаю.

— Что, во внутреннем ухе все время вибрации? — вмешался Грант.

— Ну разве что вокруг царит полная тишина — отсутствие любых звуков, доступных человеческому слуху. Но и тогда мы, при наших размерах, возможно, будем ощущать колебания.

— Это хуже, чем броуновское движение?

— Может, и нет...

— Звук должен возникнуть снаружи, верно? — уточнил Грант.— В смысле, когда мы будем пробираться сквозь внутреннее ухо, шум двигателя и наши голоса на него никак не повлияют?

— Нет, ни в коем случае. Внутреннее ухо не рассчитано на наши миниатюризированные вибрации.

— Значит, если люди в операционной будут сохранять полное молчание...

— Да разве такое возможно? — возразил Микаэлс. И добавил, почти грубо: — Тем более вы же сами раскурочили рацию, так что с ними теперь не свяжешься!

— Но они ведь следят за нами! Они увидят, что мы направляемся во внутреннее ухо, и поймут, что надо соблюдать тишину.

— Вы так думаете?

— А вы — нет? — резко оборвал его Грант.— Большая часть присутствующих — медики. Кому, как не им, разбираться в подобных вещах?

— И вы готовы рискнуть?

Грант огляделся.

— А как думают остальные?

— Я буду следовать любым курсом, который для меня проложат, но сам его прокладывать не возьмусь,— ответил Оуэнс.

— Не знаю...— нерешительно протянул Дюваль.

— Зато я знаю! — сказал Микаэлс.— Я решительно против!

Грант коротко взглянул на Кору. Та сидела молча.

— Ладно,— сказал Грант.— Решать все равно мне. Идем во внутреннее ухо. Прокладывайте курс, Микаэлс.

— Но послушайте...— начал Микаэлс.

— Решение принято, Микаэлс. Прокладывайте курс.

Микаэлс побагровел, потом пожал плечами.

— Оуэнс,— холодно начал он,— нам нужно свернуть налево вот в этой точке...

Глава 15

УХО

Картер с отсутствующим видом поднял свою чашечку с кофе. Несколько капель упало ему на брюки. Он это заметил, но не обратил внимания.

— То есть что значит — «свернули»?

— Подозреваю, они решили, что потеряли слишком много времени в лимфоузле, и решили не проходить через остальные,— пояснил Рейд.

— Ладно. И куда же они пошли?

— Точно не знаю, но, похоже, они направляются во внутреннее ухо. И мне это не очень-то нравится.

Картер поставил чашечку на стол и отодвинул ее в сторону. До губ он ее так и не донес.

— Почему?

Он мельком глянул на хронометр. На табло было «двадцать семь».

— Это сложно. Нам придется соблюдать полную тишину.

— Почему?

— Ал, ну подумайте сами! Ухо воспринимает звуки. Улитка вибрирует. Если «Протей» окажется где-то рядом, он тоже завибрирует и может развалиться.

Картер подался вперед, не сводя глаз со спокойного лица Рейда.

— Зачем же их туда понесло, а?

— Полагаю, они сочли, что это единственный путь, который позволит им достаточно быстро добраться до цели. А могли и просто спятить. Мы этого выяснить не можем, поскольку они растерзали свой передатчик.

— Они уже там? В смысле, во внутреннем ухе? — спросил Картер.

Рейд нажал на кнопку и задал короткий вопрос. Потом обернулся.

— На подходе.

— Люди в операционной знают, что необходимо соблюдать тишину?

— Полагаю, да.

— Полагаете?! Что толку от ваших предположений?

— Они пробудут там не так долго.

— Достаточно, чтобы погибнуть! Слушайте, скажите тем, что там, внизу... Нет, поздно. Слишком рискованно. Дайте листок бумаги и позовите кого-нибудь. Кого угодно.

Вошел вооруженный охранник и отдал честь.

— Заткнитесь, вы! — устало прошипел Картер. На приветствие он не ответил. Он нацарапал на листке огромными буквами: «ТИШИНА! ПОКА "ПРОТЕЙ" В УХЕ, СОБЛЮДАТЬ АБСОЛЮТНУЮ ТИШИНУ!»

— Вот, возьмите,— сказал он охраннику.— Спуститесь в операционную и покажите всем. Убедитесь, что все это увидят. Если произведете хоть малейший шум... Если скажете хоть слово — я вам кишки выпущу, лично! Поняли?

— Да, сэр,— ответил смущенный и встревоженный охранник.

— Идите! Да поскорей! Эй, сапоги снимите!

— Простите, сэр?

— Снимите, говорю! Войдете в операционную в носках.

Они следили из контрольного зала, отсчитывая томительные секунды, как солдат в носках появился в операционной и обошел всех докторов и медсестер, показывая им листок и тыкая пальцем в сторону наблюдательной. Все угрюмо кивали. Ни один не двинулся с места. Казалось, всех присутствующих внезапно парализовало.

— Они, видимо, и так все понимают,— сказал Рейд.— Инструкции им не требуются.

— Очень рад за них! — рявкнул Картер.— А теперь свяжитесь со всеми техниками. Чтобы никаких звонков, никаких сигналов и прочего. И никаких вспышек и мигающих лампочек. А то кто-нибудь вздрогнет, что-нибудь уронит...

— Да они через несколько секунд уже выберутся оттуда.

— Может, выберутся,— возразил Картер,— а может, и нет. Выполняйте приказ!

И Рейд принялся выполнять приказ.

«Протей» оказался в обширном пространстве, наполненном прозрачной жидкостью. Кое-где поблескивали антитела, а так кругом ничего не было. Только бортовые огни корабля просвечивали сквозь желтоватую лимфу.

Послышался смутный низкий гул, почти за пределами порога слышимости. Корабль содрогнулся, словно проехавшись по стиральной доске. Потом еще и еще раз.

— Оуэнс! — окликнул Микаэлс.— Вы не могли бы выключить внутреннее освещение?

Сразу стало виднее, что происходит снаружи.

— Видите? — спросил Микаэлс.

Прочие уставились в окна. Грант ничего особенного не заметил.

— Мы в канале улитки,— пояснил Микаэлс.— Внутри маленькой спиральной трубочки, с помощью которой мы слышим. С помощью этой улитки слышит Бинес. Она вибрирует, отзываясь на звук. Видите?

И Грант увидел. По жидкости пробежала какая-то волна — огромная тень накрыла корабль и прокатилась дальше.

— Это звуковая волна,— сказал Микаэлс.— Мы некоторым образом видим ее воочию. Жидкость в улитке сжимается — это мы и видим в свете наших уменьшенных прожекторов.

— Что, неужели кто-то разговаривает? — воскликнула Кора.

— Ну что вы! Если бы кто-то говорил или издавал другие громкие звуки, для нас это было бы пострашнее любого землетрясения. Однако даже в полной тишине улитка все же улавливает кое-какие звуки — отдаленный стук сердца, пульсацию крови в тончайших жилках и артериях возле уха и так далее. Неужели вам никогда не приходилось подносить к уху раковину и слушать шум океана? То, что вы слышите,— это в основном усиленный шум вашего собственного океана, шум крови.

— Это не опасно? — спросил Грант.

Микаэлс пожал плечами.

— Хуже, чем теперь, не будет — если, конечно, никто не заговорит.

Дюваль, вернувшийся в лабораторию и склонившийся над своим лазером, окликнул:

— Почему мы замедляем ход? Эй, Оуэнс!

— Что-то не так,— ответил Оуэнс.— Машина захлебывается, и я никак не могу понять почему.

По мере того как «Протей» погружался все глубже в слуховой канал, нарастало ощущение, какое бывает в опускающемся лифте.

Они почувствовали легкий толчок — это «Протей» упал на дно. Дюваль положил скальпель.

— И что теперь?

— Машина перегрелась, пришлось ее остановить! — с тревогой сообщил Оуэнс.— Боюсь, это...

— В чем дело?

— Это могут быть те самые ретикулярные волокна. Проклятые водоросли! Должно быть, забились отверстия системы охлаждения. Больше такое ни из-за чего случиться не могло.

— А продуть эти отверстия нельзя? — напряженно спросил Грант.

Оуэнс покачал головой.

— Невозможно. Через эти отверстия все втягивается только внутрь.

— Ну что ж, значит, остается только одно,— подытожил Грант.— Надо прочистить их снаружи. Придется снова лезть в воду!

И он принялся хмуро натягивать водолазный костюм.

Кора с беспокойством выглянула в окно.

— Там антитела!

— Их не много,— лаконично ответил Грант.

— А если они на вас набросятся?

— Вряд ли,— успокаивающе сказал Микаэлс.— На человека они тоже не рассчитаны. Пока сами ткани не повреждены, антитела, скорее всего, не обратят на нас внимания.

— Вот видите? — сказал Грант.

Но Кора покачала головой.

Дюваль прислушался к их разговору, потом снова взглянул на проволочку, которую строгал, сравнил ее с проволочкой от сломанного транзистора, потом покрутил ее в руках, пытаясь определить, насколько ровно она обточена...

Грант выбрался из нижнего люка корабля, спрыгнул на мягкую, точно резиновую, поверхность стенки улитки и с сожалением взглянул на корабль. Это уже не был чистый, блестящий металл. Обшивка корабля обросла какими-то лохмотьями.

Грант поплыл в лимфе в сторону носа корабля. Да, Оуэнс был прав. Отверстия клапанов оказались забиты волокнами.

Грант схватил пучок волокон и потянул. Волокна вытягивались неохотно, а многие оборвались у самой решетки.

В наушниках зазвучал голос Микаэлса:

— Как там?

— Хреново,— ответил Грант.

— Долго ли придется возиться? На хронометре уже двадцать шесть!

— Довольно долго,— сказал Грант. Он рванул изо всех сил — но густая вязкая лимфа замедляла движения, а волокна сопротивлялись не на шутку.

Внутри корабля Кора напряженно спросила:

— А может, кому-нибудь стоит выйти, помочь ему?

— Ну, вообще-то...— промямлил Микаэлс.

— Хорошо, тогда я пойду! — сказала Кора, хватаясь за свой скафандр.

— Ладно,— сказал Микаэлс.— Я тоже пойду. А Оуэнсу лучше остаться в рубке.

— Мне, пожалуй, тоже лучше остаться,— сказал Дюваль.— Я почти закончил чинить эту штуку.

— Конечно, доктор Дюваль! — сказала Кора, надевая шлем.

Втроем они работали ненамного быстрее. Все трое вцеплялись в волокна, вытаскивали их и отпускали медленно плыть по течению. Наконец решетки более или менее очистились. Самые упрямые волокна Грант протолкнул внутрь.

— Надеюсь, они там ничего не повредят! Вытащить их все равно невозможно. Оуэнс, что будет, если часть этих волокон попадет в отверстия? Ну, в смысле, совсем вовнутрь?

— Сгорят и запакостят двигатель,— сказал Оуэнс прямо ему в ухо.— Потом придется долго его чистить. Работенка не из приятных.

— Нам бы выбраться отсюда — а там мне будет наплевать, что вам придется делать с этим чертовым кораблем!

И Грант принялся снова проталкивать внутрь волокна, застрявшие за решеткой, и обрывать те, которые торчали снаружи. Кора и Микаэлс ему помогали.

— Ну что, почти готово! — сказала наконец Кора.

— Да,— заметил Микаэлс,— но мы пробыли в улитке куда дольше, чем собирались. Любой звук — и...

— Заткнитесь и заканчивайте работу! — оборвал его Грант.

Картер схватился за голову, словно собрался рвать на себе волосы, потом уронил руки.

— Нет, нет, НЕТ! — воскликнул он.— Они снова застряли!

Он смотрел на записку на листке бумаги, которую показывал ему наблюдатель, следивший за одним из экранов.

— Скажите спасибо, что он не крикнул это вслух,— заметил Рейд.— Как вы думаете, почему они застряли?

— А я откуда знаю? Может, кофейку попить решили! А может, загорают. А может, эта девица...

Он осекся.

— Короче, не знаю я. Я знаю только одно — у нас остается двадцать четыре минуты!

— Да, а чем дольше они торчат во внутреннем ухе, тем больше вероятность, что какой-нибудь умник что-то ляпнет — или просто чихнет,— сказал Рейд.

— Да, вы правы!

Картер поразмыслил, потом тихо сказал:

— Бог ты мой! Ну почему простейшие решения приходят в голову в последнюю очередь? Позовите сюда нашего посланца!

Вскоре в наблюдательную снова вошел охранник без сапог. На этот раз честь он отдавать не стал.

— Вы не стали обуваться? — сказал Картер.— Вот и прекрасно. Спуститесь вниз и покажите эту записку кому-нибудь из медсестер. И не забывайте — кишки выпущу, если что!

— Слушаюсь, сэр.

В записке говорилось: «Заткните Бенесу уши».

Картер закурил сигару. Через стекло было видно, как охранник вошел, поколебался, потом на цыпочках приблизился к одной из сестер.

Медсестра улыбнулась, посмотрела на Картера и сделала колечко из пальцев — что означает высшее одобрение.

— Обо всем самому думать приходится! — вздохнул Картер.

— Это только смягчит шум, но не ликвидирует его полностью! — предупредил Рейд.

— На безрыбье и рак — рыба,— ответил Картер.

Медсестра сняла туфли и в два шага очутилась у одного из столов. Осторожно распечатала пачку стерильного бинта и отмотала пару футов.

Потянула, дернула... Бинт не поддавался. Сестра машинально протянула руку к ножницам, лежащим на столе,— и столкнула их на пол.

Пол был твердый. Медсестра поспешно наступила на ножницы, чтобы они не задребезжали, но они все же успели издать резкий отчетливый лязг, похожий на вскрик падшего ангела.

Лицо медсестры побагровело и исказилось от ужаса. Все присутствующие обернулись и уставились на нее. Картер выронил сигару и обмяк в кресле.

— Это конец! — прошептал он.

Оуэнс включил двигатель и осторожно проверил управление. Стрелка датчика температуры, которая колебалась у красной полосы с тех пор, как они вошли в ухо, поползла вниз.

— Вроде все в порядке! — сказал капитан.— Вы там закончили?

— Да, уже почти все,— отозвался голос Гранта в наушниках.— Осталось совсем немного. Мы возвращаемся.

И тут будто наступил конец света. Было такое ощущение, точно «Протей» с размаху стукнули огромным кулаком. Оуэнс изо всех сил вцепился в приборную панель, прислушиваясь к отдаленному грому.

Внизу, в лаборатории, Дюваль так же отчаянно цеплялся за лазер, стараясь защитить его от разбушевавшейся стихии.

Гранта, находившегося снаружи, подбросило, точно огромной приливной волной. Он несколько раз перекувырнулся и врезался в стенку слухового канала. И тут же отлетел от нее — стенка точно провалилась внутрь.

Какая-то часть рассудка Гранта, оставшаяся спокойной, знала, что, с точки зрения обычного человека, стенка улитки просто отзывается микроскопическими колебаниями на какой-то резкий звук. Но его охватила паника.

Грант пытался разглядеть «Протей» — но видел только отблеск его огней на дальней стенке.

Кора в тот момент, когда налетела волна, держалась за выступ корпуса «Протея». Она инстинктивно вцепилась в него и несколько мгновений гарцевала на «Протее», точно на бешеном мустанге. У девушки перехватило дыхание, и, когда ее руки наконец разжались, она покатилась кубарем по дну мембраны, на которой стоял корабль.

Огни корабля высвечивали путь движения Коры. Девушка отчаянно пыталась остановиться, но это было бесполезно. С таким же успехом можно вонзать каблуки в горный склон в надежде удержать лавину.

Кора знала, что катится прямо к кортиеву органу — самой главной части слухового аппарата человека, которая, собственно, и преобразует колебания звуковых волн в нервные импульсы. Кроме всего прочего, кортиев орган состоит из так называемых волосковых клеток — всего их насчитывается примерно пятнадцать тысяч в каждом ухе. Кора даже сумела вспомнить, как выглядят такие клетки,— от каждой из них тянется вверх длинный тонкий волосок. Эти волоски мягко вибрируют в такт колебаниям жидкости, наполняющей канал улитки,— не все сразу, а только те, которые соответствуют по длине и толщине параметрам звуковой волны. Они резонируют, как в струнных музыкальных инструментах.

Так им рассказывали на лекциях по физиологии; так это все выглядело с точки зрения обычного человека. Сейчас же Кора увидела бездонную пропасть и в ней — ряды высоких, изящных колонн, которые торжественно раскачивались — не все одновременно, а скорее волнообразно, словно водоросли, колеблемые прибоем.

И Кора закружилась над пропастью, в странном мире вибрирующих стен и колонн. Луч фонарика у нее на шлеме беспорядочно метался по стенам. Потом Кора почувствовала, как что-то зацепилось за ее снаряжение, и изо всех сил ухватилась за прочный и эластичный предмет. Девушка болталась вниз головой, боясь шевельнуться, чтобы не сорваться и не упасть на самое дно.

Ее бросало туда-сюда — колонна, за которую она держалась, и была волоском клетки кортиева органа; он раскачивался величественно и грозно.

Кора перевела дух и услышала, как кто-то ее зовет. В наушниках звучало ее имя. Кора испуганно всхлипнула — и, ободренная звуком собственного голоса, завопила:

— Помоги-и-те! Кто-нибудь!

Придя в себя после первого потрясения, Оуэнс тут же ухватился за приборы, восстанавливая равновесие «Протея» во все еще бурном море. Звук, произведший такие разрушения, был пронзительным, зато недолгим и быстро утих. Это и спасло им жизнь. Если бы звук продлился еще несколько мгновений...

Дюваль, который сидел, прикрывая лазер рукой, согнувшись и упершись спиной в стену, а ногами — в подставку верстака, крикнул:

— Это все?

— Полагаю, да,— выдохнул Оуэнс.— Я уже могу управлять кораблем.

— Надо поскорее уносить отсюда ноги.

— Сперва подберем остальных.

— Да, действительно. Я и забыл,— признался Дюваль.

Он встал на колени, оперевшись рукой о пол для устойчивости, и только потом осторожно поднялся на ноги, не выпуская лазер из рук.

— Свяжитесь с ними.

— Микаэлс! Грант! Мисс Петерсон! — позвал Оуэнс.

— Возвращаюсь,— отрапортовал Микаэлс.— Надеюсь, что не по частям.

— Постойте! — воскликнул Грант.— Я не вижу Коры.

«Протей» теперь стоял неподвижно, и Грант, тяжело дыша и чувствуя себя окончательно разбитым, плыл прямо на его прожектора.

— Кора! — крикнул он.

— Помоги-и-те! Кто-нибудь! — послышалось в наушниках.

Грант завертел головой во все стороны. Отчаявшись, закричал:

— Кора! Где вы?

— Точно не знаю. Застряла в волосковых клетках.

— Какие еще волоски? Микаэлс, где здесь могут быть волосы?

Грант увидел, как Микаэлс подгребает к кораблю с другой стороны. Его фигура казалась просто темным пятном, а фонарик на шлеме освещал ему узкую дорожку впереди.

— Подождите,— сказал Микаэлс.— Дайте сориентироваться.— Он покружился на месте, потом крикнул: — Оуэнс, включите круговое освещение!

В ответ вспыхнули прожектора, и Микаэлс скомандовал:

— Туда! Оуэнс, за мной! Нужно подсветить.

Грант поплыл за вертким Микаэлсом и увидел впереди обрыв и высокие колонны.

— Она там? — неуверенно спросил он.

— Больше негде,— отрезал Микаэлс.

Они остановились у самого края пропасти. Судно следовало за ними, его прожектора осветили пещеру с рядами колонн, которые до сих пор слегка раскачивались.

— Что-то ее не видно,— заметил Микаэлс.

— Я вижу,— ответил Грант, показывая рукой.— Вон там, видите? Кора! Я вас вижу. Махните рукой, чтобы не было ошибки.

Она помахала.

— Хорошо. Сейчас я вас вытащу. Мы доставим вас обратно в целости и сохранности.

Кора покорно ждала, пока не почувствовала прикосновение к ее колену — самое нежное и осторожное прикосновение на ее памяти, словно ее задело крылышко мухи. Она посмотрела вниз, на свое колено, но ничего не заметила.

Теперь что-то коснулось ее плеча.

Внезапно она разглядела их. Их было всего несколько штук — маленькие шерстяные шарики с подрагивающими усиками. Протеиновые молекулы антител...

Казалось, они изучают ее оболочку, пробуют на вкус, испытывают, прикидывая, можно считать ее вредной или нет. Их было не много, но другие уже плыли к ней из-за колонн.

В ярком свете прожекторов «Протея», в отраженном миниатюризированном свете Кора ясно видела каждый шарик.

— Скорее! — завизжала она.— Вокруг полно антител.

Перед ее мысленным взором снова предстала картина, как антитела приникали к бактерии, покрыли ее полностью и раздавили, когда межмолекулярные связи притянули антитела друг к другу.

Антитело коснулось ее локтя и прицепилось к нему. Кора дернула рукой от ужаса и отвращения, так что всем телом вдавилась в колонну. Но антитело не отстало. К нему присоединилось еще одно, оно пристроилось рядом с первым, составив первый фрагмент пушистого покрывала.

— Антитела...— пробормотал Грант.

— Наверное, она слишком сильно повредила ткани, и они обратили на нее внимание.

— Они могут что-нибудь сделать с ней?

— Не сразу. Они не подходят к ней. Еще нет антител, которые соответствовали бы ее форме. Но если по несчастной случайности какое-нибудь подойдет к ней, тут же начнется производство именно таких, подходящих. А уж потом они на нее набросятся.

Теперь Грант уже мог их разглядеть. Они роились вокруг Коры облачком фруктовых мушек.

— Микаэлс,— сказал он,— возвращайтесь на корабль. Рисковать буду один я. Уж как-нибудь постараюсь снять ее оттуда. А если не получится, вы втроем позаботитесь, чтобы затащить на корабль то, что от нас останется. Что бы ни случилось, никто из нас не должен остаться здесь после увеличения.

Микаэлс помедлил, потом сказал:

— Будьте осторожнее.

Повернулся и поспешил вернуться на «Протей».

Грант продолжал спускаться к Коре. От его движений окружающая жидкость взволновалась, заставив антитела быстро завертеться и заплясать на месте.

— Давайте выбираться, Кора,— подбодрил он.

— О Грант! Только побыстрее.

Он дернул за ее кислородный баллон, который врезался в колонну и застрял. Из разрыва до сих пор сочилась вязкая жидкость, что, вероятно, и привлекло антитела.

— Не двигайтесь, Кора. Позвольте... А-а!

Колено Коры было зажато между двумя волокнами. Он развел их в стороны и освободил ее ногу.

— Теперь можно идти.

Они совершили полукувырок и поползли обратно. На скафандре Коры шевелились приставшие антитела, но весь рой остался на месте. Потом, учуяв неизвестно какими микроскопическими аппаратами, что добыча ускользает, они двинулись следом. Сперва несколько, потом побольше, а там ринулись всей толпой.

— Нам не пробиться! — простонала Кора.

— Ничего,— сказал Грант.— Главное, не останавливайтесь.

— Их все больше и больше. Мне страшно, Грант!

Грант глянул через плечо и едва не свалился вниз. Почти половина ее спины была покрыта мозаикой шевелящихся пушистых клубков. Они уже распробовали поверхность скафандра, по крайней мере этой его части.

Он быстро потер ее спину. При первом же прикосновении его руки антитела вспорхнули, но потом вернулись на место. Некоторые из них начали принюхиваться и пробовать скафандр Гранта.

— Быстрее, Кора!

— Я не могу...

— Можете. Давайте держитесь за меня, хорошо?

Они вскарабкались наверх, перевалили через край пропасти, к ожидающему их «Протею».

Дюваль помог Микаэлсу выбраться из шлюза.

— Что там случилось?

Микаэлс стащил шлем и продышался.

— Мисс Петерсон застряла в гензеновских клетках кортиева органа. Грант пытается вытащить ее оттуда, но на нее напали антитела.

Зрачки Дюваля расширились.

— Что мы можем предпринять?

— Не знаю. Может, ему и удастся спасти ее. В противном случае мы должны идти дальше.

— Но мы не можем бросить их здесь,— возразил Оуэнс.

— Понятное дело,— сказал Дюваль.— Мы должны выбраться отсюда, и все втроем...— Он повернулся к Микаэлсу и прошипел: — А почему вы здесь, Микаэлс? Почему не там?

Микаэлс злобно глянул на Дюваля.

— Потому что я был там совершенно бесполезен. У меня нет ни силы Гранта, ни его рефлексов. А то я бы остался. Если вам так не терпится помочь, идите туда сами.

Вмешался Оуэнс:

— Мы должны вернуть их — живыми или... или... нет. Через четверть часа они увеличатся.

— Прекрасно! — завопил Дюваль.— Залезайте в скафандр и пойдемте туда!

— Подождите,— остановил его Оуэнс.— Они возвращаются. Я подготовлю шлюзовую камеру.

Грант вцепился в кольцо у крышки шлюзового люка, рядом с которым светилась красная сигнальная лампочка. Другой рукой он снова смел ворох антител, прилипших к спине Коры, схватил одно из них и сжал между пальцами. Клубочек антитела сперва упруго сопротивлялся давлению, потом обмяк, распрямился и превратился в прочную нить.

«Протеиновая цепочка»,— подумал Грант.

В памяти всплыли смутные воспоминания из школьного курса биологии. Когда-то Гранта учили даже писать химические формулы участков белковой цепочки, а теперь — вот она, наяву, самая настоящая полипептидная цепочка, живой белок. Интересно, если бы под рукой был подходящий микроскоп, можно ли было бы разглядеть отдельные атомы? Нет, Микаэлс говорил, что все будет расплывчатым и под микроскопом ничего не увидишь.

Грант отпустил антитело — длинная цепочка молекулы тут же снова свернулась в плотный клубок и зависла в вязкой жидкости. Соседние молекулы мгновенно сцепились с этой. Образовалось целое облачко из антител. Грант ударил по облачку ладонью, стараясь оттолкнуть их подальше. Группа антител не распалась, осталась цельной и почти сразу же двинулась обратно, выискивая место, куда бы приклеиться.

У антител нет разума, даже самого примитивного, и просто глупо думать о них как о чудовищах, или злобных хищниках, или даже как о рое фруктовых мушек. Это просто молекулы, состоящие из атомов, они прикрепляются к поверхностям с похожим рисунком атомной мозаики, и движет антителами только лишь слепая сила межатомного притяжения. Из каких-то закоулков памяти выплыла фраза: «силы Ван дер Ваальса». Ничего более!

Грант снова смахнул облако антител со спины Коры. Она закричала:

— Они приближаются, Грант! Давайте скорее спрячемся в шлюз!

Грант обернулся. Их обнаружили. Антитела почуяли их присутствие. Ленты и цепочки антител переваливали через край обрыва и спускались вниз, как слепые кобры, уверенно направляясь к людям в водолазных костюмах.

Грант сказал:

— Придется подождать...— Тут сигнальный огонек из красного стал зеленым.— Вот и все. Давай! — И Грант судорожно завертел кольцо, открывающее шлюзовую камеру.

Антитела уже заполонили все вокруг, но вились в основном рядом с Корой. Они уже встречались с ней, у них теперь была особая чувствительность к ее костюму, поэтому антитела не медлили в нерешительности. Они устремлялись к девушке, прикреплялись к ней и связывались друг с другом, и вот уже ее плечи и живот обвивало шевелящееся ворсистое покрывало. Немного помедлили антитела только у выпуклостей на груди Коры, поскольку с трехмерными выступами объекта им встречаться еще не приходилось, и они как будто задумались, что бы это могло быть?

Гранту некогда было помогать Коре сбрасывать наседающие антитела. Он наконец открыл шлюзовую камеру, втолкнул туда Кору вместе с антителами и протиснулся внутрь сам.

Грант всем телом налег на дверь шлюзовой камеры, стараясь поскорее перекрыть вход. Антитела стаей ринулись в щель вслед за ускользающей добычей. Дверь закрылась, прищемив сотни ворсистых клубков, которые от давления раскрутились в витые нити. Гранту стоило больших усилий поставить дверь на место и повернуть замыкающее кольцо. Клубочки антител, такие пушистые и мягкие с виду, когда они свободно плавают в жидкости, превратились в упругие жгуты и беспомощно извивались в том месте, где дверь шлюзовой камеры придавила их к проему. Но таких было гораздо меньше, чем тех, что успели проскочить внутрь целыми и невредимыми. Жидкость в шлюзовой камере буквально кишела ими. Сжатый воздух с оглушительным шипением начал наполнять камеру, вытесняя воду. Тут Грант улучил минутку, чтобы стряхнуть наседающие антитела. У него на груди висело несколько штук, но больших неудобств они пока не причиняли. А вот Кору от шеи до пояса почти полностью покрывал ковер из антител — и спереди, и сзади.

— Они стягиваются, Грант! — испуганно воскликнула девушка.

Через прозрачное стекло ее шлема Гранту было хорошо видно лицо Коры, искаженное страхом и страданием. Голос девушки звучал сдавленно — ей трудно было говорить.

Вода быстро вытекала из шлюзовой камеры, но ждать было некогда. Грант забарабанил кулаками по внутреннюю дверь.

— Я... я не могу... ды... шать...— едва слышно выдохнула Кора.

Дверь открылась, вода, которая еще оставалась в шлюзовой камере, хлынула во внутренние помещения корабля. В проеме двери появился Дюваль. Он быстро схватил Кору за руку и рывком втащил внутрь. Грант проскользнул следом.

Оуэнс воскликнул:

— Великий боже! Вы только посмотрите на них!

Его лицо перекосилось от отвращения, но он тут же принялся отряхивать копошащиеся антитела со скафандра Коры, беря пример с Гранта, у которого уже были кое-какие навыки в этом деле.

Один широкий взмах руки, еще и еще один... Грант, смеясь, сказал:

— Вот и все, Кора! Теперь с этим никаких проблем. Просто стряхнем их, и все.

Все остальные кинулись им помогать. Клубки антител падали на пол, который был где-то на дюйм покрыт разлившейся водой, и беспомощно извивались там, не в силах причинить никакого вреда.

Дюваль сказал:

— Естественно, они ведь приспособлены к действию в жидких средах организма. А когда вокруг воздух, межмолекулярные взаимодействия подчиняются совершенно другим законам.

— Ага, когда они просто валяются на полу... Кора, как ты?

Кора дышала глубоко и прерывисто. Дюваль поспешил отсоединить ее шлем от скафандра, но не к нему, а к Гранту потянулась девушка, крепко вцепилась в плечо, ища защиты, и залилась слезами.

— Я так испугалась! — всхлипывая, сказала она.

— Я испугался не меньше,— заверил ее Грант.— И не думайте, пожалуйста, что бояться — стыдно и некрасиво. Страх — не такая уж бесполезная штука.— Он нежно гладил девушку по волосам, стараясь утешить ее.— Когда человек пугается, у него вырабатывается больше адреналина, поэтому вы смогли плыть гораздо быстрее и дольше и стойко перенесли это испытание. Адреналин — прекрасное подспорье для героев!

Дюваль поспешил отстранить Гранта, отодвинуть в сторону.

— С вами все в порядке, мисс Петерсон?

Кора глубоко вздохнула и сказала с некоторым усилием, но твердым и ровным голосом:

— Да, все хорошо, доктор.

Оуэнс, вернувшись в свою рубку, сообщил:

— Пора нам отсюда выбираться. Времени почти не осталось.

Глава 16

МОЗГ

Телемониторы на наблюдательном посту снова ожили.

— Генерал Картер...

— Да! Что? Что там?

— Они снова движутся, сэр. Вышли из внутреннего уха и быстро следуют в направлении тромба.

— Ага! — Картер быстро взглянул на табло таймера.— Черт, двенадцать минут! — Он рассеянно поискал сигару и спустя ка-

кое-то время нашел ее на полу, куда уронил, когда его позвали. Мало того, он успел уже наступить на нее каблуком, и сигара теперь представляла собой расплющенную метелку с обгорелым кончиком. Картер повертел остатки сигары в руках и отшвырнул прочь, скривившись от отвращения.

— Двенадцать минут. Неужели они все-таки успеют, Рейд?

Рейд, сгорбившись, сидел в кресле у наблюдательного пульта. Выглядел он весьма жалко.

— Могут и успеть. Может, даже успеют раздробить тромб. Только...

— Только?

— Только вот не знаю, сумеем ли мы вовремя достать их оттуда. Вы понимаете, конечно, что в сам мозг мы за ними не полезем. Если бы такое было возможно, мы с самого начала добрались бы до тромба без всяких проблем. А значит, им придется выбираться оттуда самим в какое-нибудь место, до которого мы сможем дотянуться снаружи. И если они не успеют...

Картер раздраженно проворчал:

— Я заказывал две чашки кофе и сигару, и вот — не осталось ни одного глоточка, ни единой затяжки...

— Они добрались до основания мозга, сэр,— сообщили с наблюдательного поста.

Микаэлс снова склонился над своими схемами. Грант не отходил от него, вглядываясь в замысловатый лабиринт сосудистой сети.

— Тромб вот здесь?

— Да,— ответил Микаэлс.

— До него, похоже, еще далеко. А у нас осталось только двенадцать минут.

— Он не так далеко, как вам кажется. У нас впереди — никаких преград. Мы будем в основании мозга через полминуты, а уже оттуда — рукой подать...

Жидкость вокруг субмарины внезапно засияла необыкновенно ярким светом. Грант в изумлении выглянул наружу и увидел совсем рядом поток молочно-белого света. Границы стены терялись где-то в невообразимой дали.

— Барабанная перепонка,— пояснил Микаэлс.— По другую сторону от нее — внешний мир.

На Гранта внезапно накатила болезненная, почти невыносимая, щемящая тоска по дому. Он уже почти забыл, что где-то есть другой, внешний мир. Казалось, он всю свою жизнь провел в бесконечных скитаниях по кошмарному миру извилистых тоннелей, кишащих чудовищами, как какой-то «Летучий голландец» кровеносной системы...

И вот — настоящий свет из внешнего мира пробился сюда сквозь барабанную перепонку.

Микаэлс сказал, копаясь в своих картах-схемах:

— Вы ведь приказали мне вернуться на корабль, когда мы были возле волосковых клеток, Грант?

— Да, Микаэлс, приказал. Вы нужны были на корабле, а не в этих волосковых зарослях.

— Так объясните это Дювалю. Его замечания...

— К чему беспокоиться? Его замечания всегда были довольно едкими, не так ли?

— На этот раз он хватил через край! Я, конечно, не претендую на то, чтобы быть героем...

— Я учту ваши пожелания.

— Спасибо. И присматривайте за Дювалем.

Грант хмыкнул.

— Обязательно.

Дюваль поднял голову, как будто догадавшись, что говорят о нем, и резко спросил:

— Где мы, Микаэлс?

Микаэлс глянул на него с неприкрытой неприязнью и ответил:

— На подходе к субарахноидальному пространству. У основания мозга,— добавил он, повернувшись к Гранту.

— Прекрасно. Вероятно, мы пройдем позади глазодвигательного нерва?

— Хорошо,— согласился Микаэлс.— Если вам кажется, что так мы быстрее доберемся до тромба, значит, так и пойдем.

Грант отошел в глубь салона и заглянул в мастерскую, где на кушетке лежала Кора. Заметив его, девушка хотела было подняться, но он жестом остановил ее.

— Не надо! Отдыхайте.— Он уселся на пол рядом с ней, обхватив руками колени, и улыбнулся.

Кора сказала:

— Со мной все в порядке. Лучше я встану, а то когда я лежу, кажется, что я заболела.

— Ну и что? Вы прекраснейший больной из всех, кого я видел. Давайте немножко поболеем вместе, если вам кажется, что я чуточку привираю.

Кора улыбнулась.

— Мне даже неловко протестовать. В конце концов, вы только и делаете, что спасаете мне жизнь.

— Это часть рискованного и весьма необычного плана — сделать вас моей должницей.

— Вы, несомненно, преуспели в этом вашем плане. Я у вас в неоплатном долгу.

— Когда-нибудь я вам об этом напомню.

— Пожалуйста! И... Грант, спасибо огромное.

— Мне нравится, как вы меня благодарите, но я только делал свое дело. За тем меня сюда и послали. Не забывайте об этом! Я принимаю решения исходя из обстоятельств и разбираюсь с непредвиденными трудностями.

— Но ведь это не все, правда?

— Этого вполне достаточно,— возразил Грант.— Я вставлял воздуховод в легкие, вытаскивал водоросли из вентиляционных решеток, и — чаще всего — я заботился о прекрасной девушке.

— Но ведь это не все, Грант? Вы ведь еще присматривали за доктором Дювалем?

— Почему вы об этом заговорили?

— Потому что это так и есть. В высшем эшелоне ФЦИПМ не доверяют доктору Дювалю. И никогда не доверяли полностью.

— Почему?

— Потому что он предан только науке, он совершенно не интересуется ничем, кроме науки. Он безобидный человек, хоть у него и непростой характер. Доктор Дюваль обижает других, но вовсе не потому, что хочет обидеть. Он понятия не имеет, что кто-то может на него обижаться. Потому что не замечает вокруг ничего, кроме своей работы.

— Даже прекрасную помощницу?

Кора вспыхнула до корней волос.

— Мне кажется — даже помощницу. Но он очень ценит меня как специалиста. Правда!

— Ну и пусть себе ценит вас как специалиста — почему бы и нет? А кто-нибудь другой может ценить просто вас...

Кора глянула ему в глаза и твердо сказала:

— Но он не предатель. Беда Дюваля только в том, что он считает разумным свободный обмен научными достижениями с Той стороной и не утруждает себя тем, чтобы как-то скрывать свои взгляды. Более того, когда ему на это указывают, он обзывает их дураками.

Грант кивнул.

— Могу себе представить. За это все души в нем не чают, потому как людям обычно чрезвычайно нравится, когда кто-то считает их недоумками и не стесняется говорить об этом вслух, в лицо.

— Да, такой он и есть.

— Послушайте, Кора, ну что вы расстраиваетесь из-за пустяков? Я доверяю Дювалю, и точно так же — все остальные.

— Микаэлс не доверяет.

— Знаю. Временами Микаэлс подозревает всех и каждого, и на субмарине, и снаружи. Даже мне он, бывает, не доверяет. Но можете мне поверить — я уделяю его подозрениям ровно столько внимания, сколько они заслуживают.

Кора немного встревожилась.

— Вы хотите сказать, Микаэлс считает, что я специально разбила лазер? Что мы с доктором Дювалем... вместе...

— По-моему, он не исключает такой возможности.

— А вы, Грант?

— Я тоже не исключаю такой возможности.

— Неужели вы этому верите?

— Это возможно, Кора. Как и многое другое. Кое-что более вероятно, чем другое. Оставьте эти проблемы мне, дорогая.

Кора не успела ничего сказать в ответ, как раздался резкий голос Дюваля, звенящий от гнева:

— Нет, нет и нет! Это даже не подлежит обсуждению, Микаэлс! Я не потерплю, чтобы всякие ослы указывали мне, что делать!

— Всякие ослы! Послушай, ты, сам ты знаешь кто? Ты...

Грант выскочил из мастерской. Кора — за ним, не отставая ни на шаг.

Грант рявкнул:

— Заткнитесь, вы оба! В чем дело?

Дюваль, кипя от возмущения, начал объяснять:

— Лазер снова исправен. Провод сточен до нужного диаметра, присоединен к транзистору, тот водворен на место. И я только объяснил вот этому ослу...— Он повернулся к Микаэлсу и повторил с нажимом: — Вот этому ослу, потому что он начал меня допрашивать.

— Так, понятно,— сказал Грант.— И что не так?

Микаэлс злобно прошипел:

— А то, что если он так говорит, то это вовсе еще не означает, что все так и есть! Он собрал детальки вместе. Я тоже мог их собрать. Да любой мог бы! Откуда он знает, что лазер исправен?

— Знаю, и все! Я работаю с лазерами двенадцать лет. И уж могу понять, исправен аппарат или нет.

— Ну так продемонстрируйте нам, как он работает! Поделитесь своими знаниями, доктор. Испробуйте лазер!

— Ни за что! Не важно, работает он или нет. Если он не работает, я все равно не смогу починить его лучше, чем уже починил. Поэтому давайте подождем немного и испробуем его в работе — когда подойдем к тромбу. Если окажется, что он все же неисправен,— что ж, значит, сделать больше не в наших силах. Но если он работает — а он должен работать,— не забывайте, что держится он на соплях. Я не знаю, надолго ли его хватит после такого ремонта. Полагаю, на десяток вспышек должно хватить, в лучшем случае. И я не собираюсь терять впустую ни один из этих разрядов! Я не желаю, чтобы миссия провалилась из-за того, что я лишний раз перепроверил аппарат.

— А я требую, чтобы вы проверили лазер! — настаивал Микаэлс.— Если вы этого не сделаете, Дюваль, то, клянусь, я позабочусь о том, чтобы вас выкинули из Центра и разнесли вдребезги!..

— Об этом мы поговорим после того, как вернемся. А пока — это мой лазер, и я буду делать с ним то, что считаю нужным. Никто не может приказать мне делать то, чего я не желаю,— ни вы, Микаэлс, ни даже вы, Грант.

Грант покачал головой.

— Я не приказываю вам ничего делать, доктор Дюваль.

Дюваль коротко кивнул и отошел.

Микаэлс проследил за ним горящим взглядом.

— Я подловил его!

— Его доводы вполне разумны, Микаэлс,— заметил Грант.— Вы уверены, что цепляетесь к Дювалю не из личных соображений?

— Потому, что он назвал меня дураком и ослом? А вы думали, я его за это должен нежно полюбить? Но это не важно — нравится мне Дюваль или нет. Я уверен, он — предатель!

Кора возмутилась:

— Какая чепуха!

— Вам не кажется, что вы в этом случае свидетель не совсем беспристрастный? — холодно заметил Микаэлс.— Впрочем, какая разница? Сейчас мы доберемся до тромба, там и проверим, предатель Дюваль или нет.

— Он разрушит этот тромб! — Кора горячо вступилась за своего шефа.— Если, конечно, лазер работает.

— Вот именно — если лазер работает,— повторил Микаэлс.— Но если даже аппарат работает, я не удивлюсь, если он убьет Бинеса. И отнюдь не случайно.

Картер снял китель и закатал рукава рубашки. Он сидел, устало развалившись в кресле, изо рта торчала очередная свежеобрезанная сигара, пока не зажженная.

— В мозге? — переспросил он.

Усы Рейда намокли от пота и обвисли. Он протер глаза.

— Практически рядом с тромбом. Сейчас должны остановиться.

Картер глянул на таймер — оставалось девять минут.

Генерал чувствовал себя ужасно. Казалось, он выжат до последней капли и не осталось ни адреналина, ни сил, ни жизни вообще. Он сказал:

— Думаешь, им все-таки это удастся?

Рейд покачал головой.

— Не думаю.

Всего через девять минут, ну, может, через десять субмарина, люди в ней и все остальное снова примут свои истинные размеры — разорвав изнутри тело Бинеса, если до тех пор они не успеют выбраться наружу.

Картер представил, что сотворят с ФЦИПМ газеты, если этот проект провалится. Он как наяву слышал выступления всех политиков земли, и с Той, и с Этой стороны. Как далеко назад это отшвырнет Центр? Сколько месяцев — если не лет — понадобится, чтобы снова встать на ноги?

Не в силах сделать хоть что-нибудь, Картер начал составлять в уме прошение об отставке.

— Мы вошли в мозг! — с едва сдерживаемым волнением сообщил Оуэнс из своей рубки.

Он снова включил прожектора субмарины, и все, кто был на корабле, устремили взгляд вперед, забыв в это удивительное мгновение обо всем на свете, даже о своей миссии.

Дюваль пробормотал:

— Какое чудо! Венец творения Господа!

Даже Грант на мгновение проникся этим ощущением. В самом деле, ведь человеческий мозг — сложнейшее устройство во вселенной, собранное в таком маленьком объеме.

Вокруг стояла мертвая тишина. Клетки, которые составляли ткань мозга, были многоугольными, неправильной формы, тут и там из них выпячивались длинные упругие отростки-дендриты, отчего нервные клетки напоминали заросли ежевики.

Субмарина свободно двигалась в интерстициальной жидкости между нервными клетками. Через иллюминатор были хорошо видны дендриты, которые тянулись в разные стороны и переплетались между собой в невообразимом беспорядке. Один раз на глаза путешественникам попалось нечто похожее на сдвоенную луковицу какого-то ископаемого растения.

— Смотрите, они не соприкасаются! — сказал Дюваль.—Это синапсы — места соединения нейронов. Клетки не соприкасаются, остается тончайший промежуток, который преодолевается химическим путем.

— Кажется, что вокруг полно фонариков! — с нескрываемым удивлением произнесла Кора.

Микаэлс пробурчал, все еще злясь:

— Обыкновенный обман зрения! Отражение миниатюризированного света выкидывает свои фокусы. Никакого отношения к действительности эти штучки не имеют.

— Откуда вам знать? — тут же завелся Дюваль.— Это огромный пласт не изученных пока явлений. Особенности отражения

миниатюризированного света очень тесно связаны с молекулярной структурой клеток. Я предвижу, что этот метод изучения внутреннего строения клеток станет самым мощным инструментом из всех, какие только есть у современной науки. И вполне может так случиться, что важность научных открытий, сделанных в ходе нашей миссии, окажется гораздо значительнее, чем то, что случится с Бинесом.

— Этим вы и пытаетесь себя оправдать? — въедливо спросил Микаэлс.

Дюваль побагровел.

— Извольте объясниться!

— Прекратите! — вмешался Грант.— Ни слова больше, господа!

Дюваль сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться, и снова повернулся к иллюминатору.

Кора сказала:

— И все-таки вы видите эти «фонарики»? Посмотрите! Присмотритесь к этому дендриту, когда подойдем поближе.

— Я вижу,— сказал Грант. Действительно, того ровно мерцающего сияния, которое стало уже привычным после путешествия по остальным частям тела, сейчас не было. Там свет то угасал, то вспыхивал снова в непредсказуемом ритме, и все вокруг, казалось, было заполнено огромной тучей светлячков. А здесь вспышки отраженного света распространялись строго вдоль дендритов, и каждая следующая вспышка начиналась прежде, чем предыдущая успевала полностью угаснуть.

— Вот на что это похоже! — сказал Оуэнс.— Вы видели фильмы со старыми световыми рекламами? Ну, с этими бегущими строчками, когда попеременно зажигаются и гаснут электрические лампочки?

— Да,— согласилась Кора.— Точно, похоже. Но с чего бы?

Ей ответил Дюваль:

— При стимуляции нервного окончания по нему пробегает волна деполяризации. Изменяется концентрация ионов внутри и снаружи клетки. Внутрь поступают ионы натрия. Из-за этого величина суммарного электрического заряда снаружи и внутри меняется, и электрический потенциал снижается. Примерно так должно действовать и отражение миниатюризированного света, а то, что мы видим,— это волны деполяризации!

Оттого ли, что Кора обратила внимание всех на это явление, или оттого, что корабль находился в самом центре мозга, но бегущие волны вспышек теперь виднелись повсюду. Они скользили вдоль тел нейронов, вдоль их приводящих и отводящих отростков, терялись в беспорядочной на первый взгляд путанице нервных волокон, которые тем не менее переплетались между собой в определенном сложном порядке.

— То, что мы видим,— сказал Дюваль,— это сама суть человечества. Клетки составляют структуру мозга, а эти светлячки представляют собой мысль, то есть сознание человека.

— Суть человечества? — презрительно оборвал его Микаэлс.— А я думал, что суть — это душа. Где у человека находится душа, а, Дюваль?

— Если я не могу показать на нее пальцем, это еще не значит, что ее нет,— парировал Дюваль.— Где находится гений Бинеса? Вот мы у него в мозгу. Покажите мне его гений.

— Довольно! — рявкнул Грант.

Микаэлс крикнул Оуэнсу:

— Мы почти на месте. Двигайтесь к капиллярам в указанном месте. Проскочим.

— Вы только представьте себе,— задумчиво молвил Дюваль.— Мы ведь находимся не просто в мозгу человека. Все, что вокруг нас,— это разум научного гения, которого сам я ставлю на одну доску с Ньютоном.

Он немного помолчал, а потом продекламировал:

...Где статуя стояла Ньютона с призмою,
В задумчивом молчанье,
И разум, в мраморе запечатленный вечно,
Блуждал морями мысли одиноко,—

благоговейным шепотом закончил Грант.

Они оба помолчали, и Грант сказал:

— Вы полагаете, что Вордсворт думал о чем-то подобном, когда писал о «морях мысли»? Это ведь действительно моря мысли, разве не так?

— Я и не знала, что вы поэтическая натура, Грант,— заметила Кора.

Грант кивнул.

— Много мускулов и ни грамма мозгов. Я такой.

— Не обижайтесь.

Вмешался Микаэлс.

— Господа, когда закончите бормотать поэтическую ерунду, посмотрите вперед.

Он показал рукой. Корабль снова находился в кровеносной системе, но красные кровяные тельца (синеватые на вид) плавали вокруг вяло, безжизненно, подталкиваемые время от времени броуновским движением молекул. Прямо по курсу нависла тень.

Сквозь тонкую стенку капилляра можно было рассмотреть лес дендритов, каждый ствол, каждый отросток, по которым пробегали мерцающие огоньки — но все медленнее и медленнее. Дойдя до определенного места, огоньки гасли.

«Протей» остановился. Несколько мгновений стояла тишина, потом Оуэнс тихо проговорил:

— Думаю, мы дошли до цели нашей экспедиции.

Дюваль кивнул.

— Да. Это тромб.

Глава 17

ТРОМБ

— Обратите внимание, что нервная активность обрывается у тромба,— сказал Дюваль.— Это видимые последствия повреждения нервов. Возможно, непоправимые. Я не уверен, что мы сумеем теперь спасти Бинеса, даже если разрушим этот тромб.

— Быстро вы сориентировались, доктор,— саркастично заметил Микаэлс.— Вот и оттоворка, если что.

— Заткнитесь, Микаэлс,— холодно сказал Грант.

— Надевайте скафандр, мисс Петерсон,— скомандовал Дюваль.— Пора браться за работу. И не забудьте вывернуть его наизнанку. Антитела уже приспособились к его внешней поверхности, нужно подсунуть им что-нибудь другое.

Микаэлс слабо ухмыльнулся.

— Можете не спешить. Мы опоздали.— Он показал на хронометр, на котором медленно, очень медленно цифра «семь» сменялась на «шесть».

И добавил:

— Вы не успеете завершить операцию достаточно быстро, чтобы мы добрались до исходной точки, откуда нас достанут. Даже если операция пройдет успешно, мы останемся в теле Бинеса, увеличимся и убьем его.

Дюваль продолжал выворачивать скафандр. Как и Кора.

— Ну, даже если мы задержимся, хуже, чем есть, ему не будет,— заметил Дюваль.

— А нам? Мы-то будем увеличиваться постепенно. Может, пройдет целая минута, пока мы увеличимся до таких размеров, что нами заинтересуются белые клетки. А рядом с тромбом они кишмя кишат. Они нас сожрут заживо!

— Ну и что?

— Сомневаюсь, что и «Протей» и мы переживем давление, которое обрушится на нас в пищеварительной вакуоли лейкоцита. Только не при наших размерах и после всего, что довелось вытерпеть и нам, и кораблю. Мы, конечно, увеличимся и достигнем прежних размеров, но это будет полуразрушенный корабль с одними трупами на борту. Так что, Оуэнс, давайте выбираться отсюда. И чем быстрей, тем лучше.

— Прекратить! — яростно прорычал Грант.— Оуэнс, сколько потребуется времени, чтобы вернуться на исходную позицию?

— Две минуты,— тихо сказал Оуэнс.

— Значит, четыре минуты у нас есть. А то и больше. Разве увеличение через час после начала операции — это непреложный факт? Может, мы задержимся в этом состоянии еще на некоторое время. Может, поле миниатюризации простоит чуть дольше, чем ожидалось?

— Все может быть,— пробормотал Микаэлс,— но не обольщайтесь. У нас в запасе минута. Максимум две. Мы не можем обойти принцип неопределенности.

— Отлично. Две минуты. А сколько займет сам процесс деминиатюризации? Он может затянуться?

— Ну, это произойдет за одну-две минуты, если повезет,— ответил Дюваль.

— Все дело в хаотичной природе основ вселенной. Если повезет, если удача нам улыбнется...— вставил Оуэнс.

— Но в лучшем случае,— поддакнул Микаэлс,— не больше двух минут.

— Хорошо,— сказал Грант.— У нас есть четыре минуты, плюс еще две про запас, плюс одна-две минуты постепенного увеличения — до того момента, как мы значительно повредим Бинесу. Итого семь минут, да при нашем растянутом восприятии времени... Давайте, Дюваль!

— Все, чего ты, идиот, добьешься, так это смерти Бинеса, а заодно и всех нас! — разошелся Микаэлс.— Оуэнс, возвращайтесь к исходной точке!

Оуэнс не спешил подчиняться.

Грант подскочил к лестнице и забрался в кабину управления. И быстро приказал:

— Отключайте двигатель, Оуэнс. Отключайте немедленно!

Рука Оуэнса протянулась к переключателю и зависла над ним. Тут же Грант быстро накрыл ее своей ладонью, нетерпеливым движением переведя рычаг в позицию «выключено».

— А теперь спускайтесь вниз. Вниз, я сказал.

Он почти вытолкал Оуэнса из кресла и стащил вниз по лестнице. Вся эта сцена продолжалась несколько мгновений. Микаэлс следил за ними, открыв рот, слишком ошеломленный, чтобы успеть что-либо предпринять.

— Что вы делаете, черт возьми? — наконец закричал он.

— Корабль останется здесь,— объяснил Грант,— пока не закончится операция. Дюваль, на выход.

— Возьмите лазер, мисс Петерсон,— сказал Дюваль. Они оба уже были в скафандрах. Костюм девушки сверкал швами и казался каким-то бугристым.

— Наверняка я выгляжу настоящим чучелом,— пошутила Кора.

— Вы с ума сошли! — бушевал Микаэлс.— Вы все! Поздно что-либо делать. Это же самоубийство. Поймите же,— доказывал он с пеной у рта,— у вас ничего не получится!

— Оуэнс,— сказал Грант,— откройте для них шлюзовую.

Микаэлс бросился им наперерез, но Грант перехватил его, оттолкнул и пригрозил:

— Не заставляйте меня применять силу, доктор Микаэлс! У меня болят мышцы, и мне не хотелось бы перетруждать их. Потому, если мне придется вас ударить, я буду бить в полную силу. Запросто сломаю вам челюсть.

Микаэлс поднял сжатые кулаки, словно вот-вот бросится в драку. Но Дюваль с Корой уже исчезли в шлюзовой камере, и Микаэлс, обнаружив, что они ушли, перешел от агрессии к мольбам:

— Послушайте, Грант, вы разве не видите, что происходит? Дюваль убьет Бинеса. Один неточный разрез лазером... Никто даже и не узнает. Если бы вы сделали, как предлагал я, мы бы оставили Бинеса в живых и завтра попробовали бы снова.

— Он может не дожить до завтра. И кто-то говорил, что снова уменьшать объект через такой короткий срок нельзя.

— Но он мог и дожить до завтра, а теперь — точно умрет, если не остановить Дюваля! А завтра можно уменьшить если не нас, то кого-то другого.

— А корабль? «Протей» подходит как нельзя лучше.

Микаэлс сорвался на визг:

— Грант, клянусь вам, Дюваль вражеский шпион!

— Не верю,— ответил Грант.

— Почему? Из-за его религиозности? Из-за того, что он битком набит предрассудками? А если это только прикрытие, маска? Или вам заморочила голову его девка, эта...

— Заткнись, Микаэлс! — резко оборвал его Грант.— Нет никаких доказательств ваших предположений, а значит, и причин не доверять Дювалю.

— Но я же вам сказал...

— Сказали. Дело в том, что я подозреваю в саботаже именно вас, доктор Микаэлс.

— Меня?!

— Да. У меня, конечно, нет доказательств, и задержать вас в соответствии с законом я не имею права. Но как только вами займется служба безопасности, я думаю, нужные доказательства быстро отыщутся.

Микаэлс отшатнулся от Гранта и уставился на него глазами, полными ужаса.

— Так, мне все понятно. Это вы шпион, Грант. Оуэнс, разве вы не видите? Сколько раз мы могли вернуться живыми и здоровыми, ведь было ясно, что наша миссия провалилась. А он всякий раз заставлял нас оставаться здесь. Потому он так суетился, пополняя запас воздуха в легких. Потому... Оуэнс, помогите мне! Я сам не справлюсь с ним.

Оуэнс остался стоять на месте. Было видно, что его обуревают сомнения.

Тогда заговорил Грант:

— Хронометр вот-вот покажет «пять». У нас есть не больше трех минут. Дайте мне всего три минуты, Оуэнс. Вы знаете, что Бинес умрет, если мы не разрушим тромб за эти три минуты. Я выйду и помогу нашим врачам, а вы постережете Микаэлса. Если я не вернусь до того, как на циферблате появится «два», выбирайтесь отсюда. Спасайте корабль и себя. Бинес погибнет, а с ним, возможно, и мы. Но вы останетесь живы и расскажете, как все было. Не дайте Микаэлсу уйти от наказания.

Оуэнс молчал.

— Три минуты,— попросил Грант. Он начал влезать в свой скафандр. Хронометр показывал «пять».

Наконец Оуэнс сказал:

— Ладно, три минуты. Согласен. Но только три.

Микаэлс бессильно опустился на пол.

— Из-за вас, Оуэнс, они убьют Бинеса. Но я сделал все, что мог. Моя совесть чиста.

Грант побежал к шлюзовой камере.

Кора и Дюваль изо всех сил плыли к тромбу. Он нес лазер, она — блок питания.

— Я не вижу никаких белых клеток, а вы? — спросила Кора.

— Меня они не волнуют,— отрезал Дюваль.

Он, не отрываясь, смотрел вперед. Свет прожекторов «Протея» и их собственных фонариков на шлемах терялся в путанице волокон, которые, казалось, оплели тромб со стороны, противоположной той, у которой гасли светящиеся нервные импульсы. Стенка артериолы была ободрана в результате травмы, но тромб закрывал ее не полностью, а захватывал еще и часть клеток и нервных волокон.

— Хорошо бы разрушить тромб так, чтобы не зацепить нерв,— пробормотал Дюваль.— Если мы оставим основной сгусток, который закрывает артерию... Надо взглянуть поближе.

Он поискал удобную позицию и поднял лазер.

— Хоть бы эта штука работала!

— Доктор Дюваль,— подала голос Кора,— помните, как вы сказали, что самый точный разрез можно нанести сверху?

— Конечно помню,— угрюмо отозвался Дюваль.— Я так и собираюсь сделать.

Он нажал на пуск. Спустя бесконечно долгое мгновение из аппарата вырвался тонкий луч когеррентного рубинового света.

— Работает! — радостно воскликнула Кора.

— Пока работает,— буркнул Дюваль.— А нам надо сделать несколько надрезов.

Через секунду ослепительное сияние лазерного луча погасло, а из тромба вырвалась цепочка маленьких пузырьков и потянулась куда-то вверх. Казалось, стало еще темней, чем раньше.

— Закройте один глаз, мисс Петерсон,— попросил Дюваль.— Чтобы его сетчатка не потеряла чувствительность.

Снова вспышка лазера. Когда она угасла, Кора открыла зажмуренный глаз, а второй — закрыла. И взволнованно сказала:

— Работает, доктор Дюваль. Вспышки распространяются туда, где их раньше не было! Темное пятно начало светлеть!

К ним подплыл Грант.

— Как вы тут, Дюваль?

— Неплохо,— ответил тот.— Если получится сделать поперечный разрез и убрать уплотнение в узловой позиции, то, полагаю, нерв будет свободен.

Он поплыл к тромбу.

— В нашем распоряжении меньше трех минут,— крикнул Грант ему вслед.

— Не мешайте,— ответил Дюваль.

— Все в порядке, Грант,— сказала Кора.— Он справится. Микаэлс сильно там шумел?

— Было немного,— ухмыльнулся Грант.— Оуэнс его охраняет.

— Охраняет?

— Ну, на всякий случай...

Оуэнс окинул рассеянным взглядом обстановку «Протея» и пробормотал:

— Даже не знаю, что делать.

— Да ну? Стой как чурбан, и пусть убийцы делают свое дело,— язвительно произнес Микаэлс.— А отвечать за все придется тебе, Оуэнс.

Оуэнс не ответил.

— Неужели вы верите, что я шпион? — спросил Микаэлс.

— Да ничему я не верю,— огрызнулся Оуэнс.— Подождем до цифры «два». Если они не вернутся, я уведу корабль. Что не так?

— Все так,— согласился Микаэлс.

— Лазер работает,— сказал Оуэнс.— Видно вспышки. И знаете...

— Что?

— Тромб. Огоньки теперь двигаются по нерву там, где их раньше не было.

— Не вижу,— сказал Микаэлс, приподнимаясь.

— Да вон же,— показал Оуэнс.— Точно, у них получилось. И они вернутся. Похоже, вы ошибались, Микаэлс.

Тот лишь плечами пожал.

— Вот и прекрасно. Мне главное, чтобы Бинес выжил. Остальное не важно. Только...— Его голос стал тревожным.— Оуэнс!

— Да?

— Наверное, что-то случилось с входным люком. Этот сумасшедший Грант, должно быть, неплотно его закрыл. А может, и нарочно?

— Что там могло случиться? Ничего особенного не видно.

— Вы что, ослепли? Он протекает. Посмотрите на швы!

— Да это натекло, когда Кора и Грант спасались от антител. Помните...

Оуэнс отвернулся к шлюзовой камере, и рука Микаэлса потянулась к отвертке, которой Грант развинчивал коробку передатчика. Изо всех сил Микаэлс приложил рукояткой отвертки по голове Оуэнса.

Приглушенно вскрикнув, Оуэнс рухнул на колени и потерял сознание.

Микаэлс, воодушевившись, ударил еще раз, а потом начал впихивать бесчувственное тело в скафандр. Его лысина покрылась капельками пота. Распахнув люк шлюза, он затащил Оуэнса туда. Торопясь, впустил воду в камеру и, добравшись до контрольной панели, открыл внешнюю дверь. Пока он искал нужный рычаг, прошло несколько драгоценных секунд.

Теперь, по идее, хорошо бы резко дернуть корабль, чтобы удостовериться, что Оуэнса вынесло наружу, но время поджимало.

Микаэлс взлетел по лестнице в кабину управления и лихорадочно начал изучать приборы. Нужно найти рычаг, который запустит двигатель. Ага, вот он! Микаэлс просто зашелся от ликования, когда услышал низкий рокот реактора.

Он посмотрел в сторону тромба. Оуэнс оказался прав. Вспышки света пробегали по всей длине нерва, даже там, где прежде было темно.

Теперь лазер Дюваля вспыхивал короткими всплесками почти без передышки.

— Думаю, пора закругляться, доктор,— сказал Грант.— Наше время вышло.

— Я заканчиваю. Тромб уже разрушен. Еще пара зарядов. И... Мистер Грант, операция завершена успешно.

— И у нас остается еще две, а то и три минуты, чтобы выбраться обратно. Возвращаемся на корабль...

— Кто-то к нам идет,— заметила Кора.

Грант молнией метнулся к бесцельно дрейфующей фигуре.

— Микаэлс! — рявкнул он. Потом удивился: — Нет, это Оуэнс. Что...

— Не знаю,— ответил Оуэнс.— Наверное, он ударил меня. Я не представляю, как я оказался за бортом.

— Где Микаэлс?

— Полагаю, что на кора...

— Двигатели «Протея» заработали! — вскрикнул Дюваль.

— Как! — возмутился Оуэнс.— Да кто...

— Микаэлс,— объяснил Грант.— Он добрался до управления.

— Почему вы вышли из корабля, Грант? — разозлился Дюваль.

— Теперь я и сам жалею. Я-то надеялся, что Оуэнс...

— Простите,— покаялся Оуэнс.— Я не мог поверить, что он вражеский шпион. Трудно передать...

— Да я и сам не был до конца уверен,— сказал Грант.— Теперь сомнений...

— Вражеский шпион! — ужаснулась Кора.

В наушниках раздался голос Микаэлса:

— Эй вы, посторонитесь! Через пару минут здесь будет целая туча белых клеток, а я буду уже далеко. Прошу прощения,

вы сами не захотели послушаться моего совета и вернуться вовремя.

Корабль поднялся со дна и заложил на крутой вираж.

— Идет на полной скорости,— заметил Оуэнс.

— Сдается мне,— добавил Грант,— что он собирается таранить нерв.

— Вы совершенно правы, Грант! — Судя по голосу, Микаэлс усмехался.— Драматично, вы не находите? Во-первых, я сведу на нет все труды этого болтливого пророка Дюваля, а во-вторых, пощекочу нервы Бинеса достаточно серьезно, чтобы через минуту тут водили хороводы лейкоциты. Уж они-то и позаботятся о вас.

— Стой! — закричал Дюваль.— Не делай этого! Подумай о своей стране!

— Я думаю обо всем человечестве! — взорвался Микаэлс.— Главное, чтобы военные не лезли не в свое дело. Дайте им в руки миниатюризацию, и они погубят весь мир. Если у вас не хватает мозгов, чтобы понять это...

Теперь «Протей» мчался прямо на исцеленный нерв.

— Лазер! — вскинулся Грант.— Дайте мне лазер!

Он выхватил аппарат из рук Дюваля.

— Где переключатель? А, не надо. Я нашел.

Он вскинул лазер, стараясь перехватить стремительный корабль.

— Дайте максимальное напряжение,— приказал он Коре.— Все, на что он способен!

Он тщательно прицелился. Из лазера вырвался луч толщиной в карандаш и тут же погас.

— Лазер сломался, Грант,— сказала Кора.

— Тогда возьмите его. Хотя мне кажется, что я все-таки попал.

Трудно сказать точно. В окружающем сумраке почти ничего нельзя было разглядеть.

— Похоже, вы попали в рули управления,— сказал Оуэнс.— Вы убили мой корабль! — Его щеки под стеклом шлема внезапно стали влажными.

— Куда бы он ни попал,— заметил Дюваль,— но, похоже, судно стало неуправляемым.

Действительно, «Протей» качало из стороны в сторону, свет его прожекторов метался вверх-вниз, описывая широкие круги.

Корабль ринулся вниз, задел стенку артерии, в нескольких миллиметрах проскочил мимо нерва и врезался в заросли дендритов. Вырвался, снова застрял, снова вырвался и наконец упал и остался лежать на месте — металлическая подкова, увязнувшая в густых и непроходимых переплетениях волокон.

— Он промахнулся мимо нерва,— сказала Кора.

— Но навредил порядком,— нахмурился Дюваль.— Из-за этого может образоваться новый тромб. А может, и нет. Надеюсь, что пронесет. В любом случае скоро сюда приплывут лейкоциты. Надо удирать.

— Куда? — хмыкнул Оуэнс.

— Если идти вдоль глазного нерва, то через пару минут мы выйдем к глазу. За мной!

— Мы не можем оставить судно! — запротестовал Грант.— Оно же увеличится!

— Не в карман же его положить,— ответил Дюваль.— Нам остается только спасать свою жизнь.

— И все-таки что-то сделать можно,— настаивал Грант.— Сколько у нас времени?

— Да нисколько! — вспыхнул Дюваль.— Мы наверняка уже начали увеличиваться. И через минуту вырастем до такого размера, что нас заметят лейкоциты.

— Увеличиваемся? Прямо сейчас? А я ничего не чувствую.

— А вы и не должны ничего чувствовать. Но все вокруг становится немного меньше, чем казалось раньше. Идемте.

Дюваль огляделся, чтобы получше сориентироваться.

— Сюда,— сказал он и поплыл прочь.

Кора и Оуэнс последовали за ним, и, немного поколебавшись, Грант двинулся следом.

Все кончено. Он проиграл. По здравом рассуждении, он проиграл потому, что, не имея прямых доказательств предательства Микаэлса, действовал недостаточно решительно.

«Я позволил обвести себя вокруг пальца,— с горечью думал Грант.— Как последний осел!»

— Они стоят на месте,— свирепо рычал Картер.— Они у самого тромба. Но почему? Почему? Почему?!

Хронометр показывал «один».

— Уже поздно,— вздохнул Рейд.— Они не выберутся.

От наблюдателя за электроэнцефалографом пришло сообщение:

«Сэр, показания ЭЭГ свидетельствуют, что мозговая активность Бинеса вернулась к норме».

— Значит, операция прошла успешно! — завопил Картер.— Чего же они тогда застряли?

— Откуда мы можем знать?

Хронометр высветил «ноль», и зазвенел зуммер. Его пронзительный звон заставил сердца всех в комнате сжаться от предчувствия беды. Звон не утихал.

Рейд постарался перекричать шум:

— Мы должны вытащить их!

— Это убьет Бинеса.

— Если мы не вытащим их, Бинес все равно умрет.

— Если кто-нибудь из них вышел из корабля,— заметил Картер,— мы не сможем его найти.

— Что поделаешь? — пожал плечами Рейд.— Их могут захватить лейкоциты, а может, они увеличатся целыми и невредимыми.

— Но Бинес умрет.

Рейд наклонился к Картеру и прокричал ему в лицо:

— Мы ничего не можем сделать! Ничего! Бинес мертв в любом случае! Вы что, хотите погубить вместе с ним еще пять человек?

Картера передернуло.

— Отдавайте приказ,— сказал он.

Рейд подошел к передатчику.

— Вынимайте «Протей»,— тихо проговорил он. Потом подошел к окну операционной комнаты.

Когда «Протей» рухнул в гущу дендритов, Микаэлс был в полубессознательном состоянии. После вспышки лазера — а он уверен, что это был именно лазер,— корабль резко дернулся, и Микаэлса швырнуло на панель управления. Его правая рука нестерпимо болела. Наверное, была сломана.

Он попытался обернуться, борясь с подступающей болью и тошнотой. За кораблем образовался громадный проход, и густая плазма крови отхлынула прочь, отчасти из-за давления миниатюризированного воздуха в корабле, отчасти из-за поверхностного натяжения.

Оставшегося воздуха должно хватить на пару минут, пока он будет увеличиваться. Даже своим ускользающим сознанием Микаэлс успел заметить, что волокна дендритов кажутся несколько тоньше, чем раньше. Сжиматься они не могут, значит, он сам постепенно, пока очень медленно, увеличивается.

Вот вернется он к прежнему размеру, и за его руку примутся медики. Остальных прикончат лейкоциты. А он скажет... скажет... что-нибудь, чтобы объяснить повреждение судна. Все равно Бинес мертв, и управление миниатюризацией умрет вместе с ним. Наступит мир... мир...

Он не мог двинуться с панели управления. Оставалось смотреть на дендриты. Сильно ли он расшибся? Может, его парализовало? Или у него сломана не только рука, но и позвоночник?

Что ж, он знал, на что шел. Но когда вокруг дендритов заклубилась молочная пелена, он решил, что сознание покидает его окончательно.

Молочная пелена?

Лейкоцит!

Конечно, это лейкоцит. Корабль все равно больше, чем люди в скафандрах, и ведь именно корабль повредил ткани. Значит, корабль первым привлечет внимание лейкоцита.

Иллюминатор «Протея» заволокло сияющей белизной. Она захлестнула плазму за бортом судна и начала пробиваться через барьер поверхностного натяжения.

Последнее, что слышал Микаэлс, был звук, которому вторил треск корпуса «Протея», такого уязвимого, поскольку он состоял из уменьшенных в миллион раз атомов. Корабль не выдержал, треснул и сплющился под напором лейкоцита.

Последнее, что слышал Микаэлс, был его собственный смех.

Глава 18

ГЛАЗ

Кора заметила лейкоцит почти одновременно с Микаэлсом.

— Смотрите! — закричала она с ужасом.

Все остановились и посмотрели назад.

Лейкоцит был устрашающих размеров. В диаметре в пять раз больше «Протея», а то и еще крупнее. Путешественникам

он казался молочно-белой, бесформенной, пульсирующей горой протоплазмы.

Высоко расположенное ядро клетки было чуть темней, чем окружающая его белизна. Оно казалось злым оком чудовища, которое каждую минуту меняло свою форму. Этот ужасный сгусток навис над «Протеем».

Грант рефлекторно дернулся в сторону судна.

Кора схватила его за руку.

— Что вы делаете, Грант?

— Спасти его невозможно,— промолвил Дюваль.— Нужно уносить ноги.

Грант раздраженно тряхнул головой.

— Я и не собирался его спасать. Я думаю о корабле.

— Нам не спасти и судно,— грустно добавил Оуэнс.

— Но может, нам удастся дотянуть его до того места, откуда корабль можно будет вытащить наружу... Поймите, даже если он разрушен лейкоцитом, даже если распался на атомы, он увеличится. Увеличатся его атомы. Бинеса убьет если не целый корабль, так его обломки.

— Нам не сдвинуть корабль,— сказала Кора.— О Грант, пожалуйста, только не умирайте. Ведь столько уже всего было!

Грант улыбнулся ей.

— Поверьте, Кора, у меня нет никакого желания умирать. Плывите дальше втроем. А я попробую сделать то, что когда-то проворачивал еще в колледже.

Он поплыл обратно. Его сердце бешено заколотилось, когда он приблизился к невообразимому чудовищу. За этим страшилищем показались другие, но Гранту нужен был именно этот, который проглотил «Протей». И никакой больше.

Подплыв поближе, он смог разглядеть его поверхность. Со стороны она казалась гладкой, но на самом деле сквозь нее виднелись гранулы и вакуоли — сложный механизм. Настолько сложный, что биологи до сих пор не познали всех его свойств. И все это помещалось в одной-единственной микроскопической частице живой материи.

«Протей» был уже полностью внутри, темнел мрачной глыбой в одной из вакуолей. Гранту даже показалось, что он разглядел лицо Микаэлса в кабине, но, скорее всего, просто разыгралось воображение.

Вот он подобрался к самому подножию этой громады, но как привлечь ее внимание? Эта дрянь не видит и не чувствует, не умеет мыслить.

Это автоматический агрегат из протоплазмы, который реагирует на различные повреждения и тех, кто их причиняет.

Как? Грант не знал. Вероятно, на каком-то молекулярном уровне это знал сам лейкоцит, ему бы только оказаться поблизости от бактерии. Почуял же он «Протей». Почуял и проглотил.

Грант был много меньше «Протея», меньше бактерии, даже сейчас. Привлечет ли он внимание лейкоцита?

Он выхватил нож и всадил лезвие глубоко в белую тушу. Рванул книзу.

Ничего не произошло. Кровь не появилась, поскольку у лейкоцитов крови нет.

Постепенно разрез в мембране заполнила внутренняя протоплазма, клетка переместилась и повернулась к Гранту другим боком.

Он ударил снова. Он не рассчитывал, что ему удастся уничтожить лейкоцит, при его-то размерах! Главное было увлечь его за собой.

Грант отплыл и с радостью и облегчением увидел, как сбоку белой громады выдвинулась псевдоподия и поползла в его сторону.

Он отплыл еще дальше. Отросток — за ним.

Его заметили! Непонятно, каким образом, но лейкоцит заметил его и двинулся следом — вместе со всем содержимым, вместе с «Протеем».

Грант поплыл быстрее. Лейкоцит двинулся за ним (как и надеялся Грант), но не очень быстро. Эта клетка не рассчитана на скорость, поскольку передвигается, как амеба,— вытягивая вперед псевдоподии и переливаясь в них всей массой. Обычно лейкоциту приходится бороться с неподвижными частицами — бактериями и инородными телами. А для этого хватает скорости движения амебы. Сейчас же добыча ускользала из-под псевдоподий. (Грант надеялся, что ускользает достаточно быстро.)

Разогнавшись, он проскочил мимо остальных товарищей, которые замешкались, наблюдая за его стычкой с лейкоцитом.

— Вперед,— выдохнул он.— Он идет за нами!

— И остальные тоже,— хмуро ответил Дюваль.

Грант оглянулся. Вдалеке клубился белый туман. То, что заметил один лейкоцит, замечают и другие.

— Как...

— Я видел, как вы ударили лейкоцит,— сказал Дюваль.— Если вы ранили его, в кровь попали специфические вещества — содержимое клетки, которое привлекло остальных из соседних областей.

— Господи! Тогда вперед!

Картер и Рейд наблюдали из контрольного зала, как хирурги сгрудились возле головы Бинеса. С каждым мгновением Картер все больше погружался в пучину отчаяния.

Это конец. Все зря. Все зря. Все...

— Генерал Картер! Сэр! — позвали его. Голос зовущего прервался от волнения.

— Да?

— «Протей», сэр! Он движется.

— Остановить операцию! — завопил генерал.

Хирурги замерли, ошеломленно глядя на него.

Рейд вцепился в рукав Картера.

— Может, он двигается из-за того, что начал постепенно увеличиваться? Если мы не вытащим его прямо сейчас, лейкоциты могут убить команду.

— Куда? — крикнул Картер.— Куда они движутся?

— Вдоль глазного нерва, сэр.

Картер резко повернулся к Рейду.

— Куда это? Что это значит?

У Рейда вытянулось лицо.

— Я даже не подумал... Это экстренный выход. Они идут к глазу и через слезный проток — наружу. Они, конечно, могут повредить его, но тогда Бинес отделается всего лишь потерей глаза... Эй, принесите предметное стекло из-под микроскопа! Картер, давайте спустимся туда.

Глазной нерв представлял собой переплетение волокон, каждое из которых походило на связку сосисок.

Дюваль остановился, положил руку на утолщение между двумя «сосисками» и зачарованно сказал:

— Узел Ранвье?! Я касаюсь его!

— Прекратите хвататься за все, что под руку попадется! — прошипел Грант.— Плывите!

Лейкоцитам не нужно было терять время, лавируя между переплетением нервных волокон. Они перетекали из одного свободного места в другое.

Грант с тревогой попытался разглядеть, следует ли за ними тот лейкоцит, который проглотил «Протей». Но нигде не мог обнаружить темное пятно корабля. Если он и находился в ближайшем белом чудовище, то успел переместиться глубоко внутрь, так что его больше не было видно. А если лейкоцит, который следовал за ними по пятам, не нес в себе «Протей», значит, Бинес погибнет, несмотря на все их усилия.

Когда пятна света от нашлемных фонариков падали на нерв, вспышки света не гасли, а быстро бежали дальше вдоль нервного волокна, увеличиваясь в амплитуде.

— Световые импульсы,— пробормотал Дюваль.— Глаза Бинеса полуоткрыты.

— Все становится меньше,— встревожился Оуэнс.— Замечаете?

Грант кивнул. Лейкоцит съежился почти вполовину от той громадины, какой был раньше. Если это был тот самый.

— Нам осталось несколько секунд,— сказал Дюваль.

— Не могу больше! — простонала Кора.

Грант быстро подплыл к ней.

— Конечно можете. Мы уже в глазу. Нам осталось-то — кот наплакал.

Он обнял ее за талию, чуть подталкивая вперед. Потом отобрал лазер и блок питания.

— Сюда. Там слезный проток.

Они выросли уже настолько, что едва помещались в межтканевом пространстве, по которому плыли. По мере роста они двигались все быстрее, и лейкоциты уже не казались такими страшными.

Дюваль пнул башмаком стенку мембраны, до которой добрался первым.

— Давайте,— сказал он.— Мисс Петерсон, сначала вы.

Грант протолкнул ее внутрь, пролез следом. Потом Оуэнс и Дюваль.

— Выбрались,— заявил Дюваль со сдерживаемым торжеством.— Мы выбрались из тела Бинеса!

— Стойте,— перебил его Грант.— Я собирался прихватить и тот лейкоцит. Иначе...

Он помедлил, потом разразился восторженным воплем:

— Вот он! Слава богу, это именно тот, что нам нужен!

Лейкоцит с трудом просочился через отверстие, которое проделал Дюваль. Сквозь оболочку виднелся «Протей», вернее, то, что от него осталось. Клетка уменьшилась больше чем вполовину, и бедное страшилище внезапно прихватил острый приступ несварения.

Но оно отважно продолжало бороться. Однажды подвигнутое на преследование, оно не отступало.

Трое мужчин и женщина понеслись вверх в восходящих потоках прозрачной жидкости. Слабо шевелящийся лейкоцит понесло за ними.

Гладкая выпуклая стенка была с одной стороны прозрачной. Не такой просвечивающей, как тонкие стенки капилляров, а именно прозрачной. И никаких признаков клеточного строения.

— Это роговая оболочка,— сказал Дюваль.— А эта стена — нижнее веко. Нам нужно поскорее выбраться отсюда, чтобы не повредить Бинесу. И на все про все — пара секунд.

Далеко вверху (они еще были очень малы) виднелась горизонтальная щель.

— Туда,— скомандовал Дюваль.

— Корабль на поверхности глаза,— провозгласил торжествующий вопль.

— Отлично,— сказал Рейд.— Правый глаз.

Оператор низко склонился над закрытым правым глазом Бинеса, держа в руке стеклышко. Нашли подходящую линзу. Медленно и осторожно подцепили пинцетом нижнее веко и оттянули вниз.

— Вот он,— прошептал оператор.— Похоже на пылинку...

Быстрым и привычным движением он подобрал капельку слезы на стеклышко, вместе с кусочком пыли.

Все отступили.

— Сейчас они начнут быстро увеличиваться,— сказал Рейд.— Разойтись!

Оператор, раздираемый желанием убраться подальше и необходимостью быть осторожным, опустил стеклышко на пол и резво бросился прочь.

Медсестры быстро выкатили операционный стол через широкие двустворчатые двери. И с поразительной быстротой пылинки на предметном стеклышке начали возвращаться к прежним размерам.

Там, где минуту назад не было ничего, появились трое мужчин, одна женщина и куча металлолома, искореженного и изъеденного до неузнаваемости.

— За восемь секунд! — пробормотал Рейд.

— А где Микаэлс? — вскинулся Картер.— Если он остался в Бинесе...

И он повернулся в сторону, куда увезли операционный стол. Понимание окончательного поражения обрушилось на него.

Грант стащил шлем и отбросил его.

— Все в порядке, генерал. Можете покопаться в остатках «Протея» и где-то там вы наткнетесь на то, что осталось от Микаэлса: несколько литров органического желе да обломки костей.

Грант еще не вырос настолько, чтобы принимать мир таким, каков он есть на самом деле. Он проспал, с небольшими перерывами, пятнадцать часов. И проснулся, все удивляясь, как вокруг просторно и светло.

Он завтракал в постели, а рядом сидели Картер с Рейдом и улыбались.

— Остальные тоже так блаженствуют? — спросил он.

— Они получили все, что можно приобрести за деньги,— ответил Картер.— Собственно, не так уж и много. Только Оуэнса мы отпустили домой. Он рвался к жене и детям. Он ушел, но только после того, как мы вытрясли из него краткий доклад... Знаете, Грант, ваш вклад в успех операции оказался больше, чем у остальных.

— Если вы собираетесь раструбить это по газетам — пожалуйста,— сказал Грант.— Если хотите представить меня к награде или премии, я согласен. Если собираетесь дать мне опла-

чиваемый отпуск на год — с удовольствием. Собственно, каждый из нас был незаменим. Даже Микаэлс помогал изо всех сил... почти все время.

— Микаэлс...— задумчиво произнес Картер.— Вы, конечно, понимаете, что некоторые моменты не для публики. Официальная версия гласит, что он погиб, исполняя свой долг. Совсем ни к чему распространяться, что в ряды сотрудников ФЦИПМ затесался предатель. Тем более я не уверен, что он был именно предателем.

— Я знал его достаточно, он не был предателем,— добавил Рейд.— По крайней мере, в обычном смысле этого слова.

Грант кивнул.

— Согласен. Микаэлс не был похож на этакого книжного злодея. Он потерял столько времени, натягивая на Оуэнса скафандр, прежде чем выбросить его из корабля. Он рассчитывал, что лейкоциты прикончат его, но сам ни за что бы не решился убить человека. Нет... мне кажется, он действительно просто хотел, чтобы механизм управления миниатюризацией остался неразгаданным. Как он считал, во благо человечества.

— Он всегда был за мирное использование миниатюризации,— заметил Рейд.— Как и я. Но какую пользу может принести...

— Волнение не пошло вам на пользу,— перебил его Картер.— Вспомните, точно то же было, когда изобрели атомную бомбу. Всегда найдутся те, кто считает, что если запретить новое открытие, которое влечет ужасные последствия, то можно и горя не знать. Только нельзя остановить изобретение, для которого пришло время. Оно, как говорится, носится в воздухе. Если бы Бинес умер, нашелся бы кто-либо другой. Не сейчас, так через пять, десять лет, но нашелся. Но тогда тайну управления миниатюризацией могла открыть Другая сторона!

— Но мы успели раньше,— вставил Грант.— И что с того? Гибель мира в последней войне? Кажется, Микаэлс был прав.

— Возможно, здравый смысл возьмет верх и на Той, и на Этой стороне,— сухо ответил Картер.— Нельзя заходить слишком далеко.

— Особенно после того,— сказал Рейд,— как все узнают о вас. Газеты раструбят байку о фантастическом путешествии «Про-

тея», о мирном использовании миниатюризации. И тогда будет возможно вырвать науку из лап военных. Глядишь, и получится.

Картер потянул сигару в рот. Мрачно поглядел, но уклонился от ответа.

— Грант, как вы умудрились подловить Микаэлса? — спросил он.

— Да никак,— ответил Грант.— Во мне бродили смутные подозрения. Сперва, генерал, вы послали меня в экспедицию, поскольку сомневались в надежности Дюваля.

— Э-э, как... Послу-у-шайте...

— Да бросьте. Все на судне об этом знали. Пожалуй, кроме Дюваля. Это толкнуло меня на неверный путь. Собственно, вы сами не были уверены в правильности своих подозрений, поскольку ничего мне не сказали. Значит, и я не был обязан подозревать всех и каждого. На борту корабля были только высокопоставленные лица, и, если бы я схватил кого-нибудь за жабры да ошибся, вы быстро дали бы задний ход и оставили меня расхлебывать всю кашу.

Рейд усмехнулся, а Картер залился краской и начал старательно изучать кончик своей сигары.

— Я не в обиде, конечно,— продолжал Грант.— Расхлебывать кашу — часть моей профессии. Но только если я сам ее заварил. Потому я и выжидал, хотел быть до конца уверенным. Да так и не дождался. У нас случилось несколько неприятных совпадений, если только их можно назвать совпадениями. Например, сломался лазер. Получается, его сломала мисс Петерсон? Почему же тогда она действовала так грубо? Она — специалист и могла бы повредить лазер так, чтобы с виду он казался в порядке, а на деле не работал. Она спокойно могла бы сбить прицел, чтобы Дюваль промахнулся и повредил нерв, а то и убил Бинеса. Такое явное повреждение лазера — результат несчастного случая. Или неумелой попытки разбить его. Что мог сделать каждый, но не мисс Петерсон.

Грант помолчал.

— Потом отвязалась моя страховка, когда я полез в легкие. В результате я едва не погиб. Логичнее всего было заподозрить Дюваля, но ведь именно он предложил посветить прожекторами корабля в щель, что меня и спасло. Какой смысл сперва ста-

раться убить меня, а потом спасать? Никакого. Либо страховка отвязалась случайно, либо ее кто-то отвязал, но не Дюваль. Мы лишились запаса воздуха,— продолжал Грант.— Оуэнс вполне мог организовать такую поломку. Но потом, когда мы протянули шланг, он вытворял чудеса с полем миниатюризатора. Если бы он не сказал нам, что можно миниатюризировать воздух, а не только твердые тела, мы бы понятия об этом не имели и не подумали бы обвинить его в саботаже. Для чего выпускать запасы воздуха, а потом работать как проклятый, чтобы их пополнить? Опять же, либо это была случайность, либо в саботаже можно обвинить кого угодно, но не Оуэнса. Себя я в расчет решил не брать. Я-то знал, что я ни при чем. Остается Микаэлс.

— Вы пришли к выводу,— сказал Картер,— что во всех этих неурядицах виноват он.

— Нет, поскольку они могли быть простыми случайностями. Но если рассматривать их с точки зрения саботажа, то Микаэлса можно заподозрить в первую очередь. Именно он постоянно настаивал на немедленном возвращении всякий раз, как мы оказывались в затруднении, и именно он мог причинить наибольший ущерб своим саботажем. Итак, остановимся на Микаэлсе. Первая неудача: мы провалились в артериально-венозную фистулу. Или он действительно ее проглядел, или он сознательно направил корабль в нее. Но если это результат саботажа, то здесь нет никаких сомнений, только один виноват в этом — Микаэлс. Он сам признался, что это его вина. Только он мог завести нас в эту дыру. Только он знал кровеносную систему Бинеса как свои пять пальцев и мог заприметить крохотную фистулу. Именно он указал, в какой участок артерии нужно вводить субмарину.

— Ну, это могла быть и простая ошибка, ему не повезло — не доглядел,— возразил Рейд.

— Вот-вот! Но во всех последующих случаях те, по чьей вине мы оказывались в трудном положении, тут же бросались исправлять ошибку. А Микаэлс, когда мы выплыли в вену, начал сразу же доказывать, что все пропало и нужно немедленно возвращаться. И говорил то же самое во всех остальных случаях. Только он постоянно твердил об этом. И все же, насколько я могу судить, натолкнуло меня на подозрения не это.

— Гм, а что же тогда? — поинтересовался Картер.

— Когда экспедиция только началась, нас уменьшили и ввели в сонную артерию — я ужасно перепугался. Все чувствовали себя не на месте, если не сказать хуже, но Микаэлс трусил сильнее всех. Его просто сковало от ужаса. Я это сразу заметил. Но ничего особенного не подумал. Как я уже сказал, у меня самого поджилки тряслись и, признаться, я был рад, что не один такой. Но...

— Но?

— Но когда мы выбрались из этой треклятой фистулы, Микаэлс ни разу не проявил страха. Когда бы мы ни волновались, он оставался спокоен. Бесстрастен, как скала. Собственно, в самом начале путешествия он долго расписывал мне, какой он трус,— видимо, чтобы объяснить свой явный страх. Но под конец, когда Дюваль назвал его трусом, он чуть горло тому не перегрыз. Такие резкие перемены казались мне все более странными.

Грант помолчал, потом добавил:

— Мне казалось, что его начальный страх был вызван чем-то особенным. Когда он сталкивался с какой-нибудь опасностью наравне со всеми, он вел себя как человек отважный. Может, просто ему легче встречать опасность, когда о ней знают все. И он становится трусом, когда не может разделить риск с остальными, когда вынужден идти навстречу смерти в одиночку.

В самом начале все мы перетрусили, когда нас принялись уменьшать, но все закончилось вполне безобидно. Собственно, мы намеревались добраться до тромба, провернуть операцию и вернуться за десять минут. Все так и думали. Но только Микаэлс догадывался о том, что нас ждет. Он один знал об опасности — что нас затянет в водоворот. На совещании Оуэнс упомянул, что субмарина чрезвычайно уязвима, и Микаэлс думал, что мы идем на смерть. Он ждал, что мы погибнем. Неудивительно, что его так трясло.

Когда мы выбрались из фистулы и корабль не развалился на части, он чуть с ума не сошел от радости. Кроме того, он был уверен, что миссия провалена, и потому больше особенно не беспокоился. Но с каждым нашим успешным решением очередной проблемы его все больше разбирала злость. Он уже не боялся, а просто злился. К тому времени, как мы добрались до уха, я был почти уверен, что нужный тип — не Дюваль, а Микаэлс.

Я не позволил Дювалю испытать лазер раньше времени, когда Микаэлс начал настаивать на этом. Я приказал ему возвращаться на корабль, когда полез спасать мисс Петерсон от антител. Но под конец я все-таки допустил ошибку. Я не остался возле него во время самой операции и тем самым позволил ему захватить субмарину. Но поскольку я все еще немного сомневался, предполагая...

— Что за всем этим может стоять Дюваль? — спросил Картер.

— Да. Потому и вышел, чтобы посмотреть на его работу, хотя ничего не сумел бы предпринять, даже если бы Дюваль и оказался настоящим предателем. Если бы не этот идиотский шаг, мы бы вернулись на целом корабле и Микаэлс остался бы жив.

— Что ж.— Картер встал.— Это цена победы. Бинес остался жив и постепенно поправляется. Хотя, сдается мне, Оуэнс думает иначе. Он был просто влюблен в свой корабль.

— Не корите его,— сказал Грант.— Это было чудесное судно. Гм... А вы не знаете, где сейчас мисс Петерсон?

— Наверху, совсем рядом,— ответил Рейд.— Она оказалась выносливей вас.

— Я имею в виду, она до сих пор в Центре?

— Да. Наверное, в кабинете Дюваля.

— Угу,— буркнул Грант уже не так уверенно.— Ну, я приму душ, побреюсь и поднимусь туда.

Кора сложила бумаги.

— Доктор Дюваль, если с отчетом можно подождать до понедельника, я бы отдохнула в выходные.

— Да, конечно,— согласился Дюваль.— Думаю, что мы все заслужили небольшой отдых. Как вы себя чувствуете?

— Кажется, все в порядке.

— Но какая была экспедиция, вы не находите?

Кора улыбнулась и пошла к двери.

В дверь просунулась физиономия Гранта.

— Мисс Петерсон?

Кора застыла, потом узнала его и, улыбаясь, бросилась навстречу.

— А в кровеносной системе я была для вас Корой!

— А сейчас можно мне вас так называть?

— Конечно! Надеюсь, вы будете звать меня только так.

Грант помедлил.

— Можете звать меня Чарльзом. Когда-нибудь настанет день, когда вам можно будет назвать меня Чарли.

— Я попробую, Чарльз.

— Когда вы заканчиваете работу?

— Уже закончила. Все выходные я свободна.

Грант поразмыслил с минуту, потер свежевыбритый подбородок, потом кивнул в сторону Дюваля, который склонился над своим столом.

— Вы все еще не отходите от него ни на шаг? — наконец спросил он.

Кора серьезно сказала:

— Я восхищаюсь его работой. Он — моей.— Она пожала плечами.

— А можно, я буду восхищаться вами? — спросил Грант.

Она задумалась, потом слегка улыбнулась.

— В любое время, когда вам захочется. И так долго, как вам захочется. Но только если я тоже смогу иногда восхищаться вами.

— Вы только предупредите меня, и я сразу встану в картинную позу!

Они засмеялись. Дюваль оторвался от бумаг, увидел их возле двери и махнул рукой — то ли приветствие, то ли прощание.

— Хочу переодеться в нормальную одежду, а потом зайти к Бинесу. Идет? — спросила Кора.

— А что, к нему пускают посетителей?

Кора отрицательно покачала головой.

— Но мы — посетители особенные.

Глаза Бинеса были открыты. Он попытался улыбнуться.

Сиделка тревожно прошептала:

— Только одну минутку! Он не знает, что случилось, потому не говорите ему ничего об этом.

— Понятно,— сказал Грант.

И, понизив голос, обратился к Бинесу:

— Как вы?

Бинес снова постарался улыбнуться.

— Не знаю. Устал. Голова болит, и правый глаз печет, но, кажется, ничего страшного.

— Хорошо!

— Ну, чтобы прикончить ученого, недостаточно просто огреть его по голове,— сказал Бинес.— Все математики утверждают, что череп человека прочнее камня, а?

— Мы очень этому рады,— мягко сказала Кора.

— Теперь мне предстоит вспомнить, что я собирался здесь рассказать. Пока кое-что неясно, но память постепенно возвращается. Все это находится во мне, только во мне! — Теперь он смог улыбнуться.

— Вы бы удивились, профессор, если бы знали, сколько интересного в вас находится,— пошутил Грант.

Сиделка шикнула на них, и им пришлось уйти. Они шли, рука об руку, навстречу миру, который уже не пугал, а только сулил радость и счастье.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II:

Место назначения — мозг

Глава 1
НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Тот, в ком нуждаются, должен научиться противостоять лести».

Дежнев-старший

1

— Простите, вы говорите по-русски? — раздалось музыкальное контральто.

Альберт Джонас Моррисон от неожиданности замер на стуле, пытаясь собраться с мыслями. В темноте, на мониторе маячила заставка, но он не обращал на нее внимания. Кажется, его угораздило вырубиться прямо у компьютера. Правда, он четко помнил, что когда вошел в комнату и уселся на свое место, справа от него определенно находился мужчина. Куда делся тот человек, не превратился же в женщину? Или он растворился в воздухе?

Моррисон откашлялся и подал голос:

— Вы что-то сказали, мэм?

Как ни силился Моррисон, ему не удавалось разглядеть посетительницу, мерцающие блики компьютера только мешали. Единственное, что он заметил,— длинные темные волосы, собранные на затылке в узел.

Она снова обратилась к нему:

— Я поинтересовалась, говорите ли вы по-русски?

— Да. А к чему вам?

— Мне легче общаться на родном языке. К сожалению, мой английский оставляет желать лучшего. Вы доктор Моррисон? Здесь такая темень, что я могла и обознаться.

© Перевод П. Дукаревич.

— Я — Альберт Джонас Моррисон. Мы знакомы?

— Нет, но я вас знаю.— Она коснулась его рукава.— Вы мне нужны. Слышите? По-моему, вы даже не слушаете меня.

Они беседовали очень тихо. Моррисон настороженно оглядеался по сторонам. В пустой просторной комнате, кроме них, никого не было. Но он все равно предпочел перейти на еле слышный шепот.

— А вдруг вы ошиблись? Что тогда?

— Идемте со мной, меня зовут Наталья Баранова.

Она умоляющим жестом указала на дверь.

— С вами? И куда же, госпожа Баранова?

— В кафе. Там можно спокойно поговорить, не опасаясь чужих ушей. Это очень важно.

Вот так все и началось.

Впоследствии Моррисон посчитал, что все случившееся не имело ровным счетом никакого значения. Да, он находился в комнате, он, не раздумывая, пошел за той женщиной, намереваясь поговорить с ней. В конце концов она бы достала его из-под земли и заставила себя выслушать. При других обстоятельствах ей пришлось бы, конечно, проявить выдержку и смекалку, чтобы заполучить его. Но тут уж все пошло, как и должно было пойти. Он был в этом уверен.

Выбора у него не было.

2

При нормальном освещении он наконец рассмотрел ее, и она оказалась гораздо моложе, чем он подумал. Тридцать шесть? Может быть, сорок?

Темные волосы, не тронутые сединой. Правильные черты лица, густые брови. Статная фигура. Почти одного роста с ним, даже без каблуков. В целом привлекательная женщина, с шармом. Такой легко увлечься.

Он вздохнул, увидев свое отражение в зеркале. Редеющие волосы песочного цвета. Выцветшие голубые глаза. Худое лицо, жилистое тело. Крючковатый нос. Приятная, как он надеялся, улыбка. Увы, его нельзя назвать привлекательным мужчиной. Бренда так и не полюбила его по-настоящему за десять с лишним лет супружеской жизни. Пять лет прошло после развода.

и вот сейчас, через пять дней, ему предстоит отмечать сорокалетие в полном одиночестве.

Официантка принесла кофе. Собеседники молча разглядывали друг друга. Наконец Моррисон попробовал разрядить обстановку:

— Водку пить не будем?

Она улыбнулась, доказывая русское происхождение:

— Тогда и кока-колу. Американская привычка, хотя кока гораздо дешевле.

— Разумно.— Моррисон засмеялся.

— Вы на самом деле хорошо знаете русский?

— Сейчас увидите. Давайте говорить по-русски.

— И будем походить на парочку шпионов.

Ее последняя фраза прозвучала на русском. Смена языка не имела для него значения. Он говорил на русском и понимал его так же легко, как и английский. Ничего удивительного. Если американец жаждет заниматься наукой, жаждет первым узнавать о новых исследованиях, он должен знать русский язык так же хорошо, как русский ученый — английский.

Эта женщина, Наталья Баранова, явно лукавила, утверждая, что слаба в английском. Говорила она бегло, с небольшим акцентом, как отметил про себя Моррисон.

— Почему сразу шпионы? Сотни тысяч американцев говорят по-английски в Советском Союзе, и сотни тысяч советских граждан говорят на родном языке в Соединенных Штатах. Не то что в старые времена,— парировала она.

— Вы правы. Но в таком случае, зачем говорить по-русски?

— Сейчас мы находимся на территории вашей страны, что дает вам неоспоримое психологическое преимущество. Если перейти на мой родной язык, чаша весов хотя бы слегка уравновесится.

Моррисон пригубил кофе.

— Как хотите.

— Доктор Моррисон, вы меня знаете?

— Нет. Никогда раньше не встречал.

— А мое имя? Наталья Баранова? Оно вам знакомо?

— Извините, вот если бы вы работали в моей научной области — тогда конечно. С какой стати я должен о вас знать?

— Это значительно облегчило бы положение, но пусть будет так, как есть. Тем не менее я много знаю о вас. Дату и ме-

сто рождения, как вы провели школьные годы. В курсе, что у вас есть две дочери, которые живут с бывшей женой. Наслышана о вашем положении в университете и об исследованиях.

Моррисон пожал плечами:

— В наше компьютеризованное время трудно оставаться неизвестным. Не знаю, льстит мне это или, наоборот, досаждает.

— Это почему же?

— В зависимости от ваших намерений. Мне льстит известность в Советском Союзе. Но если я стал объектом слежки, то это может только раздражать.

— Буду честна. Я интересовалась вами по серьезным для меня причинам.

Моррисон холодно произнес:

— По каким?

— Во-первых, вы — нейрофизик.

Моррисон допил кофе и рассеянно дал знак официантке принести еще. Баранова, очевидно, потеряла интерес к ароматному напитку, оставив полчашки не допитым.

— Но есть и другие нейрофизики,— пробурчал Моррисон.

— Не такие, как вы.

— Очевидно, вы пытаетесь мне польстить. Однако вам известно обо мне не все. Вы не знаете главного.

— Безуспешность попыток? Что ваши методы анализа импульсов мозга не признают?

— Но если вы в курсе, что вам нужно от меня?

— В нашей стране есть нейрофизик, который считает вашу работу блестящей. Вы, по его словам, рискнули шагнуть в неведомое, и даже если вы не правы, то блестяще не правы.

— Блестяще не прав?

— Он считает, нельзя блестяще ошибаться, не будучи одновременно правым. Даже если вы в чем-то ошибаетесь, все равно то, что вы пытаетесь доказать, оказывается полезным. И выходит, вы совершенно правы.

— Как зовут этого святого человека? Помяну его добрым словом в своих будущих статьях.

— Петр Леонидович Шапиров. Слышали о таком?

Моррисон откинулся на спинку кресла. Подобного он не ожидал.

— Слышал ли я о нем? — сказал он.— Я хорошо знаком с ним. Я называл его Пит Шапиро. Здесь, в Соединенных Шта-

тах, его окрестили сумасшедшим, как, впрочем, и меня. Придерживаясь моей теории, он забьет очередной гвоздь в крышку моего гроба. Послушайте, передайте Питу, я ценю его веру в меня, но если он действительно желает помочь, пожалуйста, попросите его никогда не упоминать, что он на моей стороне.

Баранова неодобрительно на него посмотрела.

— Вы способны хоть на миг стать серьезным?

— Что вы, всерьез я не воспринимаю только себя. Действительно, я совершил великое открытие, но никто, кроме меня, его не оценил. Кроме Пита — как оказалось. Но он не в счет. Я не могу сейчас опубликовать свои работы.

— Приезжайте в Советский Союз. Мы готовы использовать вас и ваши идеи.

— Нет-нет. Вопрос эмиграции даже не рассматривается.

— Я вам и не предлагаю. Хотите быть американцем, будьте им. Когда-то вы посещали СССР, так почему бы снова не провести там некоторое время во благо науки?

— Зачем?

— У вас есть безумные идеи, у нас — тоже. Мы объединим их.

— О чем вы?

— Никаких пустых разговоров, пока я не удостоверюсь, что вы готовы помогать нам.

Моррисон вдруг ощутил, что вокруг кипит жизнь. За соседними столиками люди пили, ели, разговаривали, многие из них, так же как и доктор, прибыли на конференцию.

Он внимательно рассматривал эту сильную русскую женщину, жертву сумасшедших идей.

Неожиданно память прояснилась, и он воскликнул:

— Баранова! Я же слышал о вас. Конечно! От Пита Шапиро. Вы...

В возбуждении Моррисон перешел на английский, и Наталья предостерегающе впилась ногтями в его руку.

Доктор вздрогнул от боли, и она убрала руку с словами:

— Простите, мистер Моррисон, я не хотела сделать вам больно.

Он посмотрел на следы ногтей, оставившие на его руке легкие кровоподтеки, и тихо сказал по-русски:

— Вы — минимизатор!

3

Баранова смотрела на него с непринужденным спокойствием.

— Может, пройдемся к реке, посидим немного у воды? Погода сегодня просто замечательная.

Моррисон потирал поцарапанную руку. Доктор подумал, что вряд ли кто-нибудь в кафе расслышал его слова, да и вообще обратил на них внимание.

— К сожалению, я вынужден присутствовать на конференции.

Лицо Барановой осветилось улыбкой, словно они продолжали болтать о погоде:

— Мне думается, прогулка у реки будет для вас куда интереснее.

На какое-то мгновение Моррисону почудилось, что улыбка у нее соблазняющая. Но разумеется, Наталья ни на что не намекала.

Моррисон усмехнулся, поймав себя на мысли: «Прекрасная русская шпионка соблазняет наивного американца». Во-первых, Наталью нельзя было назвать красавицей, и ее фигура не была идеальной. Во-вторых, она вовсе не помышляла о соблазнении, а сам Моррисон не проявлял к ней явного интереса. Кроме того, доктора вряд ли можно было назвать наивным. Тем не менее он даже не заметил, как уже шел с Натальей к реке. Они неспешно брели по университетской территории. Она оживленно болтала о муже Николае, о сыне Александре, который ходил в школу и по какой-то непонятной причине увлекся биологией, хотя она сама занималась термодинамикой. К большому разочарованию отца, мальчик ужасно играл в шахматы, зато подавал большие надежды в игре на скрипке.

Моррисон почти не слушал. Он погрузился в собственные мысли, пытаясь вспомнить все о заинтересованности русских в минимизации и найти связь со своей работой.

Наталья указала на скамейку:

— Эта, по-моему, вполне чистая.

Они присели. Моррисон уставился на реку. Река кишела весельными лодками, похожими на сороконожек. Но он не смотрел на воду, а наблюдал за машинами, тянущимися вдоль по шоссе с обеих сторон. Оба молчали, пока Баранова, задумчиво посмотрев на него, не произнесла:

— Вас не интересует?

— Что именно?

— Предложение поехать в Советский Союз.

— Нет! — отрезал он.

— Но почему? Американские коллеги не признают ваших идей, вы в депрессии, ищете выход из тупика, отчего же не поехать к нам?

— Раз уж вы так хорошо меня изучили, то должны знать, что мои идеи не признаны. Но откуда уверенность, будто моя депрессия из-за этого?

— Любой нормальный человек впал бы в депрессию. И вы не исключение, будьте уверены,— заявила женщина.

— Вам близки мои идеи?

— Мне? Я играю не на вашем поле. Я ничего не знаю о нервной системе, то есть знаю слишком мало.

— Я полагаю, вы просто согласились с мнением Шапирова.

— Да. Как бы там ни было, смелые проблемы надо решать смелыми методами. Что плохого в объединении наших идей и ваших методов? Кому от этого станет хуже?

— Значит, вам известно о моих исследованиях. Их материалы были напечатаны?

Она пристально на него посмотрела:

— Нет уверенности, что опубликовано все. Вот почему мы нуждаемся в вас.

Моррисон грустно рассмеялся.

— Какую пользу я могу принести в области, связанной с минимизацией? Здесь я разбираюсь хуже, чем вы в проблемах изучения мозга. Гораздо хуже.

— А вы хоть что-нибудь знаете о миниатюризации?

— Только две вещи: что советские ученые занимаются исследованиями в этой области и что она невозможна.

Баранова задумчиво смотрела на реку.

— Невозможна? А если я скажу, что мы справились с задачей?

— Я бы скорее поверил, что белые медведи летают.

— С какой стати мне лгать?

— Я привык объяснять сам факт. Мотивировка меня не интересует.

— Откуда такая уверенность, что минимизация невозможна?

— Если уменьшить человека до размеров мухи, его масса должна вместиться в объем мухи. Вы придете к плотности примерно,— он задумался,— в сто пятьдесят тысяч раз больше, чем у платины.

— Ну а если пропорционально уменьшить массу?

— Тогда в уменьшенном человеке атомов будет в три миллиона раз меньше, чем в нормальном. Человек, уменьшенный до размеров мухи, получит и мозг мухи.

— А уменьшение атомов?

— Предлагаете минимизировать атомы? Постоянная Планка, являющаяся, безусловно, неизменной величиной во Вселенной, не позволит этого сделать. Минимизированный атом слишком мал, чтобы вписаться в структуру Вселенной.

— А если я вам скажу, что постоянная Планка уменьшена, а сам человек будет помещен в среду, где структура Вселенной невероятно тоньше, чем при нормальных условиях?

— Тогда я не поверю вам.

— Не изучив проблему? Вы отказываетесь верить из-за предвзятых убеждений, так же как ваши коллеги отказываются поверить вам?

При этих словах Моррисон на мгновение замолчал.

— Это совсем другое,— пробормотал он наконец.

— Другое? — Наталья продолжала задумчиво глядеть на реку.— Что другое?

— Мои коллеги считают, что я не прав. По их мнению, мои идеи не только невозможны теоретически, они неправильны.

— Следовательно, минимизация невозможна?

— Да.

— В таком случае приезжайте и посмотрите сами. Если окажется, что минимизация невозможна, хотя бы в течение месяца будете гостем советского правительства. Все расходы вам оплатят. Если захотите кого-то взять с собой — берите.

Моррисон покачал головой:

— Нет, спасибо. Пожалуй, нет. Даже если минимизация возможна, это не моя область деятельности. Она меня не интересует.

— Откуда вы знаете? А если минимизация даст такую возможность в изучении нейрофизики, которая вам и не снилась?

И что, если, проводя свои исследования, вы сможете помочь нам? Мы могли бы внести свой вклад в дело.

— Разве вы готовы предложить нечто новое в изучении нейрофизики?

— Но, доктор Моррисон, я думала, как раз об этом мы и говорим. Вы не способны доказать правоту своей теории, потому что изучать нервные клетки, не повреждая,— невозможно. А если мы увеличим нейрон до размера Кремля и даже больше, так, чтобы вы смогли изучить каждую его молекулу?

— Значит, вы способны увеличить нейрон до желаемых вами размеров?

— Нет, мы пока не готовы к этому, но в наших силах уменьшить вас, что равноценно, не так ли?

Моррисон, не мигая, уставился на нее.

— Нет,— произнес он полушепотом.— Вы с ума сошли? Думаете, я — сумасшедший? До свидания! До свидания!

Доктор поднялся и быстро зашагал прочь.

Баранова окликнула его:

— Доктор Моррисон, послушайте меня!

Он отмахнулся и бросился через дорогу, с трудом уворачиваясь от машин.

Моррисон вернулся в отель, запыхавшись, и чуть ли не приплясывал от нетерпения в ожидании лифта.

«Сумасшедшая!» — думал он. Она хочет его минимизировать, сделать жертвой невозможного опыта... Хотя, если такой опыт возможен, это для него неизмеримо хуже.

4

Моррисон все еще дрожал, стоя у двери своего гостиничного номера с зажатой в руке пластиковой картой-ключом. С трудом переводя дыхание, он размышлял, знает ли эта женщина номер его комнаты. Конечно, узнать не сложно, будучи достаточно настойчивой. Он осмотрел коридор, опасаясь увидеть там госпожу Баранову, бегущую к нему с распростертыми объятиями, с искаженным лицом и растрепанными волосами.

Доктор пару раз тряхнул головой. Нет, это бред. Она не сможет насильно увезти его. Она не сможет заставить его сделать что-либо против собственного желания. Что за детские страхи?

Он отдышался и сунул карточку в электронный замок. Почувствовал легкий щелчок, и дверь распахнулась.

У окна в плетеном кресле сидел человек. При виде Моррисона он улыбнулся и радушно произнес:

— Входите.

Моррисон изумленно уставился на незнакомца. Затем глянул на табличку с номером комнаты, желая убедиться, что попал к себе в номер.

— Нет-нет. Это ваша комната, все в порядке. Входите и закройте за собой дверь.

Моррисон молча последовал приказу, не отрывая удивленных глаз от незнакомца. Довольно полный, но не слишком толстый, тот с комфортом развалился в кресле. На нем были надеты легкий льняной полосатый пиджак и ослепительно белая рубашка. Начинающую лысеть голову обрамляли каштановые кудри. Гость не носил очков, хотя его маленькие глазки близоруко щурились.

Нежданный посетитель заговорил:

— Вы бежали, правда? Я наблюдал за вами.— Он указал на окно.— Вы сидели на лавочке, затем встали и бегом направились к отелю. Я надеялся, что вы поднимете в свою комнату. Не хотелось бы прождать вас весь день.

— Вы расселись здесь, чтобы следить за мной из окна?

— Нет, вовсе нет. Просто случайность. Заметил краем глаза, как вы с дамой направились к этой скамейке. Непредвиденно, но удачно. Все в порядке. Если бы не я наблюдал за вами, нашлись бы другие наблюдатели.

Моррисон затаил дыхание, собираясь с мыслями и намереваясь задать вопрос, не уязвляющий его самолюбия в данной ситуации.

— И все-таки кто вы?

Человек улыбнулся, достал из внутреннего кармана пиджака бумажник и, открывая, произнес:

— Сигнатура, голограмма, отпечатки пальцев, запись голоса.

Моррисон перевел взгляд с голограммы на улыбающееся лицо. Голограмма тоже улыбалась.

— Хорошо, вы из службы безопасности. Но даже это не дает вам права врываться в мое жилище. Меня всегда можно найти. Вы могли бы вызвать меня или постучаться, прежде чем входить сюда.

— По правде говоря, вы правы. Но я думал, самое лучшее — встретиться с вами как можно незаметнее. Кроме того, я уповал на старое знакомство.

— Какое еще старое знакомство?

— Два года назад. Разве не помните? Международная конференция в Майами? Вы выступали с научным докладом, тогда еще возникли неприятности из-за него...

— Помню. Помню доклад. Но вас не припоминаю.

— Возможно. Здесь нет ничего удивительного. Мы познакомились позже. Я обратился к вам с вопросами. И мы даже немного выпили вместе.

— Не считаю это старым знакомством. Фрэнсис Родано?

— Да, это мое имя. Вы даже правильно его произнесли. Ударение на втором слоге. Долгое «а». По-видимому, ваша память работает на уровне подсознания.

— Нет, не помню я вас. Просто прочел имя на удостоверении личности.

— Хотелось бы официально поговорить с вами.

— Похоже, сегодня все жаждут поговорить со мной. О чем?

— О вашей работе.

— Вы нейрофизик? — поддел его доктор.

— Вам известно, что нет. Моя основная специальность — славянские языки, а вторая — экономика.

— О чем же мы поведем разговор? Я хуже вас владею русским, к тому же ничего не смыслю в экономике.

— Мы можем поговорить о вашей работе. О той, которой вы занимались два года назад. Ну почему вы не присядете? Это ваша комната, я не отбираю ее у вас, поверьте. Если хотите сесть в кресло, с удовольствием уступлю.

Моррисон присел на кровать.

— Давайте покончим с этим. Что вы хотите знать о моей работе?

— То же самое, что и два года назад. Как вы считаете, есть ли в человеческом мозге особый отдел, ответственный за творчество?

— Не совсем так. Его нельзя выделить обычным путем. Это сеть, состоящая из нейронов. Да, я думаю, что-то в этом роде. Трудность в том, что никто не знает точно, что это и где расположено.

— Вам не удалось найти?

— Нет, я снова вернулся к анализам импульсов мозга. Мои расчеты не ортодоксальны.— Он резко добавил: — Ортодоксальность в данной области никуда не приведет. К сожалению, мне не дают возможности выйти за общепринятые рамки.

— Я слышал, математические методы, используемые в ваших электроэнцефалографических анализах, признаны ошибочными. Ортодоксальный и ошибочный — разные вещи.

— Все уверены в ошибочности моих суждений из-за моей неспособности отстоять их правоту. Единственная причина, мешающая доказать идею,— невозможность тщательно изучить изолированный нейрон мозга.

— Вы пытались заниматься этим? Неужели, работая с живым человеческим мозгом, вы не подставляете уязвимые места под судебные иски и криминальные разбирательства?

— Что вы, я не сумасшедший. Работаю с животными. Вынужден работать с ними.

— То же самое вы говорили два года назад. Полагаю, вы не сделали потрясающих открытий за последнее время?

— Нет. Но я убежден, что прав.

— Собственное убеждение ничего не значит, если вы не в состоянии убедить в этом кого-нибудь еще. Но сейчас я хочу задать другой вопрос. За последние два года произошло ли нечто, способное убедить в этой идее русских?

— Русских?

— Да. Почему мой вопрос вызывает удивление, доктор Моррисон? Разве не вы провели пару часов, беседуя с доктором Барановой? Не от нее ли вы только что удалились в большой спешке?

— Доктор Баранова? — Моррисон в замешательстве только и смог, словно попугай, повторить имя.

Лицо Родано сохраняло дружелюбие:

— Точно. Старая знакомая. Мы наблюдаем за ней каждый раз, когда она приезжает в Соединенные Штаты.

— Звучит как в старые недобрые времена,— пробормотал Моррисон.

Родано пожал плечами:

— Совсем нет. Теперь не существует опасности атомной войны. Мы вежливы друг с другом. Советский Союз и мы. Сотрудничаем в космосе. У нас совместная горнорудная станция на

Луне, свободный въезд на космические поселения. Благоприятная обстановка и дружеские отношения. Но, доктор, кое-что неизменно. Мы следим за политическими компаньонами, русскими, только для того, чтобы не сомневаться в их доброжелательности. Почему бы и нет? Они же следят за нами.

— Но вы следите и за мной.

— Вы прогуливались с доктором Барановой. Потому и попали в поле нашего зрения.

— Подобное никогда не повторится, уверяю вас. Сделаю все, чтобы избежать встречи с ней. Она — сумасшедшая.

— Да?

— Поверьте мне на слово. Послушайте, все, о чем мы с ней говорили, не является секретным, насколько мне известно. Я свободно могу повторить каждое ее слово. Баранова принимает участие в проекте по миниатюризации.

— Наслышаны об этом,— непринужденно бросил Родано.— На Урале специально построили город, где занимаются экспериментами в этой области.

— Что-нибудь известно об их достижениях?

— Сомневаюсь.

— Она заявила, будто они добились настоящей минимизации.

Родано молчал.

Моррисон подождал немного, ожидая реакции гостя, и наконец прервал паузу:

— Только это невозможно, скажу я вам. С научной точки зрения невозможно. Вы должны понять. А так как сфера вашей деятельности — славянские языки и экономика, поверьте мне на слово.

— Зачем, друг мой? Многие считают это невозможным, но мы не уверены. Советские ученые вольны играть в минимизацию, если им приспичило, но мы не желаем, чтобы они опередили нас. В конце концов, мы не знаем, что ожидать от подобного открытия.

— Нет никакой причины для волнений. Если наше правительство действительно беспокоится, вдруг Советский Союз опередит нас в технологии, то безумие минимизации ускорится. Пусть Советы тратят деньги, время и средства и сосредотачивают на ней научный потенциал. Все впустую.

— Тем не менее,— возразил Родано,— я не думаю, что доктор Баранова безумна или глупа, во всяком случае, не безумнее и не глупее вас. Знаете, что пришло мне в голову, пока я наблюдал за вами во время беседы в парке? Мне показалось, она нуждается в вашей помощи. Возможно, считает, что с помощью ваших теорий в нейрофизике вы способны помочь русским продвинуться в области минимизации. Их и ваши сверхъестественные идеи в сумме составят нечто реалистичное.

Моррисон сжал губы:

— Мне нечего скрывать, поэтому заявляю: вы правы. Она хочет, чтобы я отправился в Советский Союз и помог в проекте минимизации. Меня не интересует, как вы узнали об их планах, но не думаю, что имеет место случайная догадка.

Родано улыбнулся, а Моррисон продолжил:

— Как бы там ни было, я сказал твердое «нет». И удалился. Могу представить вам отчет о беседе, если дадите время. Да я уже отчитываюсь! У вас нет оснований не верить мне, с какой стати я должен принимать участие в бессмысленном проекте? Если бы я намеревался работать против своей страны, хоть это и полный бред, как физик я бы никогда не вляпался в подобное безумие! С таким же успехом можно корпеть над вечным двигателем, или антигравитацией, или сверхсветовым полетом, или...— Доктор от волнения покрылся испариной.

Родано вежливо прервал его излияния:

— Что вы, доктор Моррисон, никто не сомневается в вашей благонадежности. И я, разумеется, тоже. Меня сюда привело не то, что вы вступили в беседу с русской. Как раз наоборот. Мы думаем, что она вам может сделать некое предложение, а вы ей откажете.

— Что?

— Поймите меня, доктор Моррисон. Пожалуйста, поймите правильно. Мы вам настоятельно советуем, мы бы очень хотели, чтобы вы поехали с доктором Барановой в СССР.

5

Моррисон побледнел, губы его задрожали, он уставился на Родано. Затем запустил правую руку в волосы и выдавил из себя:

— Зачем вам надо, чтобы я поехал в Советский Союз?

— Не я хочу этого. Таково желание правительства Соединенных Штатов.

— Почему?

— Причины вполне понятны. Советский Союз занимается экспериментами в области минимизации, а нам необходимо узнать о них как можно больше.

— У вас есть мадам Баранова. Эта дамочка должна знать многое. Схватите ее и вытрясите информацию.

Родано вздохнул и произнес:

— Я знаю, вы шутите. Прошли те времена, когда подобные методы были в чести. Сами знаете. Советский Союз сразу же предъявит обвинение, и мировая общественность поддержит их. Давайте не будем тратить время на подобную ерунду.

— Хорошо. Официально мы не можем действовать грубо. Но, полагаю, есть агенты, которые пытаются докопаться до подробностей.

— «Пытаются» — не то слово, доктор. У нас есть агенты в Советском Союзе, не говоря об изощренной технике шпионажа как на Земле, так и в космосе. Кстати, русские от нас не отстают. Обе стороны преуспели в слежке и хорошо освоили конспирацию. Хотя русские несколько обогнали нас в этом. Даже сейчас Советский Союз не открытая страна, у них более чем вековой опыт секретности.

— Что вы хотите от меня?

— Вы — совсем другое дело. Агент отправляется в Советский Союз или другие регионы, где русские действуют под прикрытием, которое вполне можно раскрыть. Он — или она — должен внедриться туда, где его никто не ждет, и добыть секретную информацию. Это нелегко. Часто их ожидает провал, что всегда неприятно. Вы — другое дело, вас приглашают официально, русские ведут себя так, будто нуждаются в вас. У вас есть шанс попасть в самый центр секретных исследований. Сколько возможностей ждет вас!

— Но мне сделали предложение только сейчас. Откуда такая осведомленность?

— Вами давно интересуются. Причина моего знакомства с вами два года назад — интерес, проявленный к вам еще тогда. Они были готовы сделать первый шаг. Мы хотели разобраться в этом.

Моррисон ритмично барабанил пальцами по ручке кресла.

— Давайте напрямую. Я соглашаюсь ехать с Натальей Барановой в Советский Союз, полагаю, туда, где работают над минимизацией. Притворяюсь, что помогаю...

— Вам не потребуется притворяться,— спокойно заметил Родано.— Помогите им, если сможете, особенно если вы в состоянии лучше изучить процесс.

— Ладно, помогу им. И затем, по возвращении, предоставлю вам полученную информацию.

— Именно.

— А если не будет никакой информации? Что, если все это — блеф чистой воды или самообман? Что, если они следуют за очередным Лысенко в никуда?

— Тогда мы перестанем сомневаться. Новость окажется приятной. Ведь главное знать точно, а не путаться в догадках. В конце концов, русские, в чем мы абсолютно уверены, находятся под впечатлением наших успехов в области антигравитации. Они не в курсе, а мы не намерены говорить им правду. Пока мы не приглашаем советских ученых приехать и помочь нам в исследованиях. Коли на то пошло, есть сведения, что китайцы работают над сверхсветовыми полетами. Как ни странно, их вы тоже считаете теоретически невозможными. Правда, я не слышал, чтобы кто-то занимался вечным двигателем.

— Государства играют в нелепые игры,— заметил Моррисон.— Почему бы нам не договориться о сотрудничестве? Это напоминает о старых временах.

— Жить в наше время — еще не значит жить в раю. Остались подозрения и желание опередить друг друга. Возможно, это и к лучшему. Когда люди увлекаются техническим и научным прогрессом, наступают счастливые мирные времена. Как только мы перестанем таскать научные достижения у соседей и друзей, сразу впадем в праздность, над нами нависнет угроза остановки в развитии.

— Значит, если я поеду и в конечном счете доложу вполне авторитетно, что русские работают впустую или действительно достигли успехов в такой-то области, я окажу помощь не только Соединенным Штатам, но и всему миру, включая даже Советский Союз?

Родано одобрительно закивал:

— Верный подход, давно бы так.

— Не могу не восхищаться вами. Вы умны, вы — мастер своего дела. И все же я не заглотнул вашу наживку. Я за сотрудничество между нациями и не собираюсь играть в шпионские игры двадцатого века, особенно когда на дворе стоит двадцать первый, эпоха рационализма. Я сказал доктору Барановой «нет» и вам отвечаю — «нет».

— Вы отдаете себе отчет, что таково желание правительства?

— Я понимаю, что вы меня просите, и все же я вам отказываю. Даже если вы представляете само правительство, я готов отказать и правительству.

6

Моррисон раскраснелся, оживился. Сердце бешено стучало в груди, он чувствовал себя героем.

«Никто не заставит меня изменить решение,— думал он.— Что со мной сделают? Бросят в тюрьму? За что? Для этого необходимо предъявить обвинение». Доктор приготовился к гневным упрекам, к угрозам.

Родано смущенно глянул в его сторону.

— Почему вы отказываетесь, доктор Моррисон? — спросил он.— Разве в вас нет чувства патриотизма?

— Патриотизм есть. Но это безумство.

— Почему безумство?

— Вы не в курсе, в чем заключается их гениальный замысел?

— В чем же?

— Они намереваются уменьшить меня и поместить в человеческое тело для исследования нейрофизического состояния клетки мозга изнутри.

— Почему именно вас?

— Предполагают, что подобный эксперимент поможет в моих исследованиях, которые принесут им пользу. Но я не собираюсь потворствовать чужому безумию.

Родано взъерошил волосы. Потом быстро пригладил их.

— Хм. Вы ведь не интересуетесь областью их исследований. Считаете минимизацию нереальной. Значит, они не смогут уменьшить вас, как бы им этого ни хотелось.

— Они собираются использовать меня как подопытного кролика. Уверяют, что достигли серьезных результатов. Либо лгут, либо — сумасшедшие. В любом случае, я не собираюсь участвовать в этих играх — ни ради русских, ни ради всего американского правительства.

— Они не сумасшедшие,— возразил Родано.— Независимо от цели, русские прекрасно знают, что несут ответственность за жизнь и здоровье американского гражданина, приглашенного на территорию СССР.

— Благодарю покорно! И как вы заставите их отвечать? Отправите им официальное предупреждение? Примените против них репрессалии?* Естественно, никто не казнит меня на Красной площади и не бросит в тюрьму. Но запросто могут решить, что я знаю слишком много, чтобы отпустить меня на родину. Они получат все, что захотят, я поделюсь с ними своими знаниями. А после русские придут к выводу, что американцам противопоказана информация о новых исследованиях. Затем добрые русские организуют несчастный случай и выразят соболезнования всему американскому народу. Как жаль! Как жаль! И конечно, заплатят щедрую компенсацию моей скорбящей семье и пришлют гроб, задрапированный флагом. Нет, увольте. Я не созрел для миссии самоубийцы.

— Вы драматизируете. Отправитесь в СССР на правах почетного гостя. Поможете им, если сможете. И не надо рыскать в поисках секретной информации. Мы не заставляем шпионить и будем благодарны за все, что сами увидите. Более того, есть люди, которые проследят за вами. Сделаем все возможное, чтобы вы вернулись назад невредимым...

— Если сможете,— невесело усмехнулся Моррисон.

— Если сможем,— согласился Родано.— Чудес не обещаем. В противном случае вы бы нам не поверили.

— Делайте, что хотите, но эта работа не для меня. Я недостаточно смел. И не намерен быть пешкой в безумной шахматной игре, рискуя собой только потому, что вы — или правительство — обратились ко мне с просьбой.

---

* Репрессалии — в международном праве — принудительные меры политического и экономического порядка, применяемые одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

— Напрасно боитесь.

— Страх необходим, он заставляет соблюдать осторожность и сохраняет жизнь. Он помогает выжить таким, как я. Можете назвать это трусостью. Струсить может тот, кто имеет мускулы и интеллект быка. А для слабого человека трусость не преступление. Конечно, я не настолько труслив, но я не возьму на себя роль самоубийцы просто потому, что я слаб духом. У меня не хватает храбрости. Охотно в этом признаюсь. А сейчас, пожалуйста, оставьте меня.

Родано вздохнул, слегка пожал плечами, слабо улыбнувшись, и поднялся с кресла:

— Что ж. Мы не можем заставить силой служить стране, если вы не хотите.

Он направился к двери, слегка волоча ноги, и, уже взявшись за дверную ручку, обернулся:

— Вы меня немного расстроили. Боюсь, я ошибся на ваш счет, а я не люблю ошибаться.

— Ошибся? Неужели поспорили на пять баксов, что я полезу вон из кожи, чтобы отдать жизнь за свою страну?

— Нет. Я думал, вы полезете вон из кожи, чтобы сделать карьеру. В конце концов, вы больше ничего не добьетесь. Вас не принимают всерьез, ваши научные статьи больше не публикуют. Ваше положение в университете не улучшается. Повышение в должности? Забудьте о нем. Гранты? Даже не мечтайте. К концу года у вас не будет ни денег, ни положения. Причем не из-за того, что вы отказали нам. И несмотря на это, вы не едете в Советский Союз. Хотя я был уверен: вы обрадуетесь возможности спасти карьеру. Что вы будете делать, потеряв все?

— Это мои проблемы.

— Нет, наши проблемы. Новый мир играет в другие игры, нынче в цене технологический прогресс. Престиж, авторитет, компетенция сделают гораздо больше, чем другие силы. Игру ведут два главных конкурента, Соединенные Штаты и Советский Союз. Несмотря на осторожную дружбу, мы все еще играем в игры. И фигурами в ней служат ученые и инженеры, предполагается, что любая слабая фигура может быть использована другой стороной. Вы и есть такая фигура, доктор Моррисон. Понимаете, о чем я?

— Понимаю, вы на меня давите.

— Доктор Баранова приглашает вас посетить Советский Союз? Если бы она не поддерживала ваши идеи, разве пригласила бы вас в свою страну?

— Я был прав. Вы на меня давите.

— Это входит в мои обязанности, когда велит долг. Что, если я прав? И вы лезете вон из кожи, желая сделать карьеру. Только у русских... Вдруг вам пришло в голову продавать русским информацию за советские деньги и поддержку в исследованиях?

— Неправда. Вы не можете этого доказать.

— Но заподозрить могу, да и другие тоже. Тогда придется держать вас под постоянным контролем. Вы не сможете заниматься наукой. Ваша профессиональная деятельность остановится. Окончательно. Но всех неприятностей легко избежать, только дайте согласие поехать в Советский Союз.

Моррисон сжал губы и хрипло произнес:

— Вы угрожаете, пытаетесь шантажировать, но я не капитулирую. Я принял решение. Мои теории о мозговом мыслительном центре правильны. Когда-нибудь их признают — вы или другие.

— Доктор, доживете ли до этого?

— Пусть я умру. Может быть, физически я трус, но не морально. До свидания.

Родано, взглянув на собеседника с сочувствием, вышел. А Моррисон, дрожа от страха и безысходности, почувствовал, как его начало покидать бунтарское чувство. Внутри ничего не осталось, кроме отчаяния.

Глава 2

ЗАХВАТ

«Если вежливая просьба не помогает, захватывай».

Дежнев-старший

7

«Значит, умру»,— подумал Моррисон.

Он даже не смог закрыть дверь на двойной замок после того, как ушел Родано. Сидел на стуле, опустошенный, с отсутствующим выражением лица. Свет заходящего солнца проникал

через окно. Доктор не замечал его. Просто не обращал на это внимания. Неподвижно, словно загипнотизированный, наблюдал за танцем пылинок.

Он позорно сбежал от русской женщины, но смело отшил американского агента, собрав в кулак все мужество... отчаяния. Теперь мужество иссякло, осталось только отчаяние. То, что говорил Родано,— правда. В будущем году продвижений по службе ждать не приходилось. Он уже зондировал почву. Доктора мутило от места за перегородкой в учебном кабинете. Ему не хватало жизненного опыта (или, что более важно, связей), с помощью которого он мог бы добиться собственного отдела, даже без помощи секретной службы за его сомнительные заслуги.

Что делать? Уехать в Канаду? Там, в Макгиллском университете, работал Джанвир. Он однажды проявил интерес к теории Моррисона. Однажды! Моррисон никогда не был в Макгилле, так как не намеревался уезжать из страны. Сейчас его планы не имели значения. Он мог бы уехать. В Латинской Америке десятки университетов, что им стоит принять северянина, владеющего испанским или португальским. По крайней мере, под влиянием моды. Правда, по-испански он говорил плохо, а в португальском был полный ноль.

Что он теряет? Его не держат семейные узы. Даже дочери находились далеко, выцветая в памяти, словно изображения старых фотографий. У него не было друзей. Никого, кто переживал бы с ним провал исследований. У него, конечно, имелась программа, составленная самостоятельно. Сначала она была создана маленькой фирмой в соответствии с его инструкциями. Но он бесконечно изменял ее. Возможно, следовало взять патент, но никто, кроме него, не пользовался ею. Он возьмет ее с собой, куда бы ни поехал. Она находилась сейчас во внутреннем кармане пиджака, выпячиваясь, как раздутый бумажник.

Моррисон прислушивался к своему неровному дыханию, осознавая, что засыпает, убегая от бесцельной карусели мыслей. Как он мог кого-то заинтересовать, если наскучил сам себе. Доктор заметил, что солнце больше не слепит, а сгущающиеся сумерки заполнили комнату. Тем лучше.

До него донесся негромкий звонок. В номере звонил телефон, но Моррисон не двинулся с места и не открыл глаза. Возможно, Родано делает последнюю попытку. Пусть звонит.

Сон подкрался. Голова Моррисона безвольно склонилась набок. В таком неудобном положении проспать можно не долго...

Прошло минут пятнадцать, когда он начал просыпаться. Небо было еще синее, сумерки в комнате сгустились, ему подумалось с некоторым чувством вины, что сегодняшние научные доклады оказались проигнорированы. Зароились «бунтарские» мысли: «Прекрасно! Какого черта я должен их слушать?»

Досада нарастала. Чем он занимался на съезде? За три дня не услышал ни одного доклада, который бы его заинтересовал, и не встретил никого, кто бы смог помочь ему в рушащейся карьере. Что делать в оставшиеся дни, кроме как бегать от двух человек, с которыми познакомился и с которыми ужасно не хотелось встречаться вновь,— Барановой и Родано.

Он почувствовал голод. Еще не обедал, а уже пора ужинать. Беда в том, что настроения есть в одиночестве в роскошном ресторане отеля не было и еще меньше хотелось платить по взвинченным ценам. Мысль об очереди за стойкой в кафетерии прельщала еще меньше. Надо на что-то решаться. С него довольно. Он мог освободить номер и прогуляться до железнодорожной станции. Она находилась недалеко, да и прохладный вечерний воздух поможет избавится от тяжких мыслей. Сборы займут чуть более пяти минут, через десять он будет в пути.

Доктор мрачно размышлял над этой задачей. По крайней мере, сэкономит половину стоимости проживания и покинет проклятое место, которое сулит одни неприятности. Он был абсолютно прав, и надоедливый колокол в его голове звенел, напоминая, что он пробыл здесь слишком долго...

8

Быстро выписавшись внизу у администратора, Моррисон вышел через огромные стеклянные двери гостиницы, довольный, но все еще обеспокоенный. Он тщательно исследовал коридор, удостоверился, что там нет ни Барановой, ни Родано, и вскоре выискивал такси, рассматривая людей, входящих и выходящих из гостиницы. Все казалось яснее ясного.

Все, кроме позиции рассерженного правительства. И ничего еще не закончилось. Впереди — бесконечные несчастья. Уни-

верситет в Макгилле маячил спасительной соломинкой. Если бы он мог поехать туда...

Моррисон свернул в вечернюю темень к вокзалу, расположенному довольно далеко. По его расчетам, он доберется домой за полночь, и вряд ли в поезде удастся заснуть. В сумке валялся сборник кроссвордов, ими можно себя занять, если будет достаточно света. Или...

Вдруг Моррисон резко обернулся, услышав свое имя. Он сделал это машинально. По известным причинам и при существующих обстоятельствах ему бы следовало поспешить, воздерживаясь от разговоров.

— Ал! Ал Моррисон! Господи! — Голос звучал пронзительно, но Моррисон не узнавал его.

Он не узнавал и лицо: круглое, не старое, гладко выбритое, с очками в стальной оправе. Человек, которому оно принадлежало, отличался хорошим вкусом, судя по костюму.

Моррисон мучительно вспоминал собеседника, который явно знал его и вел себя так, словно они были старыми приятелями. Он, приоткрыв рот, усиленно рылся в памяти.

Тот, похоже, догадался, чем обеспокоен Моррисон.

— А, вы не вспомнили меня. Я вас понимаю. Чарли Норберт. Мы встречались на Гордонской научной конференции, давно это было. Вы засыпали вопросами одного из выступающих по проблеме деятельности мозга и наделали много шума. Ваше остроумие бесподобно, неудивительно, что я помню вас.

— Ах да,— пробормотал Моррисон, пытаясь вспомнить, когда в последний раз принимал участие в Гордонской научной конференции. Семь лет назад, кажется.— Очень похвально с вашей стороны.

— Мы долго беседовали тем вечером, доктор Моррисон. Я помню, вы произвели на меня впечатление. Конечно, во мне нет ничего эдакого, зачем вам запоминать ненужные лица... Я наткнулся на ваше имя в списке участников. Ваше второе имя — Джонас — воскресило вас в моей памяти. Захотелось поговорить с вами. Полчаса назад звонил к вам в номер, но никто не ответил.— Норберт вдруг заметил чемодан в руках у Моррисона и добавил с явной тревогой: — Вы уезжаете?

— Да, хочу успеть на поезд. Извините.

— Пожалуйста, уделите мне несколько минут. Я читал о вашей... теории.

Моррисон немного отступил назад. Даже проявление интереса к его идеям не могло поколебать решимости уехать. К тому же сильный запах лосьона для бритья говорил о человеке больше, чем он сам. Норберт так и не всплыл в памяти доктора.

— Извините, вы — единственный, кто прочитал о моей теории. Надеюсь, вы не будете возражать, если...

— Я возражаю! — Лицо Норберта стало серьезным.— Меня поражает, что вас не ценят по достоинству.

— Меня это давно удивляет, мистер Норберт.

— Называйте меня Чарли. Когда-то мы обращались друг к другу по имени. Знаете, вам нельзя уезжать, не добившись признания.

— В этом нет необходимости. Я есть, вот и все. Ладно...— Моррисон повернулся, как бы собираясь уходить.

— Подождите, Эл. А если я скажу, что могу дать вам возможность работать с людьми, которые оценили ваши исследования?

Моррисон помолчал и ухмыльнулся:

— А вы — мечтатель...

— Нет, Ал, послушайте, дружище, я рад, что столкнулся с вами. Хочу познакомить вас кое с кем. Мы организовываем новую компанию «Генетическое мышление». У меня много денег и грандиозные планы. Хитрость в том, чтобы усовершенствовать человеческий разум посредством генетической инженерии. Мы совершенствуем компьютеры ежегодно, так почему бы не дать шанс нашему персональному компьютеру? — И он с серьезным видом постучал себя по лбу.— Знаете, вы не сильно изменились с последней встречи.

Моррисона это совершенно не тронуло.

— И я нужен новой компании?

— Конечно. Мы хотим изменить разум, сделать его совершеннее и созидательнее. Но как решить эту задачу? Ответ сможете найти лишь вы.

— Боюсь, я не зашел так далеко в своих исследованиях.

— Мы не ждем моментальных результатов. Просто хотим, чтобы вы работали в этом направлении. Послушайте, какой бы ни была сейчас ваша зарплата, мы удвоим ее. Вы просто скажите

цифру, ничего не стоит умножить ее на два. Я ясно выражаюсь? Вы будете сам себе хозяин.

Моррисон нахмурился.

— Впервые в жизни встречаю Санта-Клауса в костюме бизнесмена. И гладко выбритого. Что за шутки?

— Шутки в сторону. Хотите встретить его на самом деле, будь по-вашему! Наверняка в этот момент добрый Санта пытается завернуть сюда на автомобиле. Он — мой хозяин Крейг Левинсон. Мы не делаем одолжений, Ал. Это вы оказываете нам услугу. Едемте с нами.

Моррисон заколебался, но только на мгновение. «Говорят, ночь темнее всего перед самым рассветом,— подумал он.— Когда ты внизу, есть только одно направление — вверх. Однако свет иногда пробивается».

Он решил особо не сопротивляться.

Норберт вдруг помахал рукой и закричал:

— Я нашел его! Человек, о котором я тебе рассказывал. Ал Моррисон. Он — тот, кого мы искали.

Из окна дорогого автомобиля выглядывал солидный человек среднего возраста. Цвет машины в сгущающихся сумерках определить было невозможно.

Мужчина улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

— Великолепно!

Они приблизились, и сразу открылся багажник. Чарли Норберт взял чемодан Моррисона.

— Позвольте вас разгрузить.— Он поставил вещи в багажник и закрыл его.

— Подождите,— побормотал пораженный Моррисон.

— Не беспокойтесь, Ал. Опоздаете на этот поезд — сядете на другой. Если что, мы найдем лимузин, чтобы отвезти вас домой. Садитесь.

— В машину?

— Конечно.

Задняя дверца распахнулась, приглашая его в салон.

— Куда поедем?

— Послушайте.— Голос Норберта понизился на полтона и смягчился.— Не теряйте времени. Садитесь.

Моррисон почувствовал, как в бок упирается что-то твердое, и повернулся, пытаясь рассмотреть странный предмет.

Голос Норберта понизился до шепота:

— Спокойно, Ал. Не будем суетиться.

Моррисон сел в машину. Его одолел страх, особенно когда он понял, что Норберт вооружен.

9

Моррисон опустился на заднее сиденье, соображая, сможет ли добраться до противоположной дверцы и быстро выскочить. Даже если у Норберта пистолет, пустит ли он его в ход? Ведь у вокзала мелькает множество людей. В конце концов, даже приглушенный выстрел привлечет внимание.

Мысль о побеге испарилась, когда в машину с другой стороны влез третий пассажир, здоровый детина. Крякнув, он уселся и посмотрел на Моррисона если не зло, то с выражением, напрочь лишенным дружелюбия. Моррисона зажали с двух сторон, лишив возможности двигаться. Машина плавно тронулась с места и, набрав скорость, выехала на магистраль.

Моррисон сдавленно произнес:

— В чем дело? Куда мы едем? Что вы делаете?

Голос Норберта стал зловещим:

— Нет причин для беспокойства, доктор Моррисон. Мы не собираемся причинять вам зла. Просто нам необходимо с вами поговорить.

— Я говорил с вами там. (Он попытался показать рукой, где «там», но человек справа навалился на него, блокируя правую руку.)

— Но мы хотим, чтобы вы поговорили с нами в другом месте...

Моррисон попытался пригрозить:

— Послушайте, вы похищаете человека...

— Нет, доктор Моррисон, не будем бросаться обвинениями. Мы легко докажем, что вы отправились с нами добровольно.

— Как бы там ни было, вы поступаете незаконно. Или вы полицейские? Если так, предъявите удостоверение и объясните, в чем моя вина. И вообще, что все это значит?

— Никто вас ни в чем не обвиняет. Просто мы хотим, чтобы вы поехали с нами. Советую вам, доктор, сохранять спокойствие, не шуметь. Так будет лучше. Для вас.

— Как оставаться спокойным, когда не знаешь, что тебя ждет.

— Постарайтесь,— ответил Норберт без всякого сочувствия.

Моррисону ничего не оставалось, как замолчать. Он не мог контролировать ситуацию.

На небе появились звезды. Ночь стояла светлая, словно день. Автомобиль двигался по дороге, запруженной тысячами машин. Водители крутили баранку, не оглядываясь по сторонам, никто из них даже не подозревал, что в одной из машин совершается преступление.

Сердце Моррисона работало на пределе, губы дрожали. Собраться с мыслями он не мог. Они говорят, что ничего плохого не сделают, но можно ли им верить? До сих пор все, что говорил ему человек, сидящий слева, было ложью.

Он старался взять себя в руки. Закрыл глаза, пытался дышать глубоко и медленно — попробовал рассуждать рационально. Он — ученый, следовательно, обязан думать рационально.

Должно быть, это коллеги Родано. Они везут его в главное управление, где под сильным давлением заставят выполнить миссию. Правда, не добьются успеха. Он — американец. Следовательно, с ним нужно обращаться согласно конституции и декларации прав человека. Никакого произвола. Он сделал еще один глубокий вдох. Надо спокойно настаивать на своем, они будут бессильны что-либо сделать.

Машина слегка качнулась, и Моррисон открыл глаза.

Они свернули с магистрали на узкую грунтовую дорогу.

Он автоматически спросил:

— Куда мы едем?

Ответа не последовало.

Автомобиль, подпрыгивая на ухабах, преодолел значительное расстояние и вывернул к пустырю. В свете фар Моррисон рассмотрел вертолет. Его лопасти медленно вращались, мотор тихо гудел. Новая модель, почти бесшумная, гладкая поверхность машины скорее впитывала, чем отражала, лучи радара. В народе ее прозвали «тихолет».

Сердце Моррисона сжалось. Если у них был тихолет, дорогая и довольно редкая машина, значит, к нему не относились как к мелкой сошке. С ним вели игру как с крупной фигурой.

«Но я — не крупная фигура»,— подумал он в отчаянии.

Автомобиль остановился. Фары потухли. Раздался слабый шум. Немногочисленные тусклые фиолетовые огоньки, едва различимые, обозначали место посадки тихолета.

Детина, сидевший справа от Моррисона, распахнул дверцу машины и, с мычанием наклонив голову, выбрался наружу. Он протянул огромную лапищу к Моррисону.

Тот попытался уклониться:

— Куда вы меня ведете?

Здоровяк грубо ухватил его за предплечье:

— Выходите. Хватит болтать.

Моррисон почувствовал, как его приподняли и почти выволокли из машины. Резко заболело плечо, поскольку руку почти вывернули.

Доктор позабыл о боли, когда услышал голос здоровяка. Тот говорил по-английски с явным русским акцентом. Моррисон похолодел.

10

Моррисона почти силком втащили на борт тихолета. И снова с двух сторон его подперли соседи по машине, вертолет взмыл в темное небо. Если не считать успокаивающе-гипнотического рокота винтов, ничего не изменилось. Прошел час, может, меньше. Они выбрались из темноты, ветер стал относить их вниз, в сторону темнеющего океана. Моррисон догадался, что это океан: он чувствовал его запах, ощущал капельки воды в воздухе и мог рассмотреть, правда смутно, корпус корабля — темное на темном.

Как тихолет мог добраться до океана и с такой точностью направляться к кораблю? (А он был уверен, они нацелены именно на корабль.) Без сомнения, пилот следовал за радиосигналом. Радиосигнал казался случайным, но найти его было не сложно, так же как и определить его источник. Тщательно продуманный и скрытый, недосягаемый даже для совершенного компьютера.

Корабль оказался временной остановкой. Ему разрешили отдохнуть, дали время быстро перекусить густым супом, очень вкусным. А затем повели, подгоняя бесцеремонными пинками, ставшими привычными, в самолет средних размеров. Там было

десять посадочных мест (машинально посчитал он); кроме двух пилотов и двух мужчин, сопровождавших его в машине и тихолете, здесь больше никого не наблюдалось.

Моррисон взглянул на охрану. Их с трудом можно было рассмотреть в слабом освещении салона. В самолете хватало места, и караулить его с двух сторон было незачем. Куда он убежит... Здесь он мог вырваться лишь на палубу. А когда самолет взлетит, выпрыгнуть только за борт, в воздух, где царят пустота, вода и безграничная глубина...

В оцепенении он подумал: почему же они не выходят? Дверь вдруг открылась, вошел еще один пассажир, точнее, пассажирка. Несмотря на плохое освещение, он сразу же ее узнал.

Они познакомились каких-то двенадцать часов назад, но он сильно изменился за это время, стал другим человеком.

Баранова присела рядом и произнесла низким голосом по-русски:

— Извините, доктор Моррисон.

Как по сигналу, шум моторов самолета стал тише, его прижало к сиденью. Они резко поднимались вверх.

Моррисон уставился на Наталью Баранову, стараясь собраться с мыслями. Смутно чувствовал желание начать беседу вежливо и спокойно, но не решался. Голос выдавал его. Даже откашлявшись, он лишь смог вымолвить:

— Вы меня похитили.

— Вы не оставили выбора. Я сожалею о случившемся. Действительно сожалею. Поймите, у меня задание. Я должна вас доставить, желательно добровольно. В противном случае...— Последние слова повисли в воздухе.

— Но вы не имеете права. Мы живем не в двадцатом веке.— Он сдержался и подавил негодование, чтобы быть благоразумным.— Я — не отшельник и не пустое место. Меня хватятся. Американская разведка прекрасно знает о нашей беседе и о приглашении в Советский Союз. Они догадаются, что меня похитили — возможно, уже знают. У вашего правительства будут крупные неприятности, которые оно вряд ли желает получить.

— Нет,— заявила Баранова убежденно, пристально и спокойно глядя ему в глаза.— Нет. Конечно, ваши соотечественники узнают о случившемся, но они не имеют ничего против. Доктор

Моррисон, деятельность советской разведки отличается как передовой технологией, так и тщательным изучением американской психологии. Без сомнения, американская разведка не отстает. Наш опыт, которым мы делимся, помогает сотрудничать. Каждый из нас твердо убежден, что находится впереди планеты всей.

— Я не знаю, куда вы клоните,— проворчал Моррисон.

Самолет стрелой летел сквозь ночь к восточному рассвету.

— Что касается американской разведки, она права: мы пытаемся работать в области минимизации.

— Пытаетесь! — произнес Моррисон с сардонической усмешкой.

— Успешно, между прочим. Американцы не знают о наших достижениях. Они, правда, не уверены, что проект минимизации — не маскировка, за которой кроется нечто совершенно другое. Не сомневаюсь, у вас есть подробная карта территории Советского Союза, где проходят испытания, где обозначены каждое здание, каждая колонна транспорта. Без сомнения, агенты делают все возможное, чтобы внедриться в проект.

Естественно, мы, в свою очередь, стараемся помешать этому. Но мы не выказываем негодования. У нас отличная осведомленность об экспериментах американцев в области антигравитации. И было бы наивным думать, будто нам можно, а американцам нельзя заниматься шпионажем.

Моррисон потер глаза. Спокойствие и ровный голос Барановой напомнили ему, что давно пора спать, и он почувствовал накопившуюся усталость. Но спросил:

— А как быть с тем, что моя страна вознегодует, узнав о похищении?

— Послушайте меня, доктор Моррисон, и поймите. Зачем им это? Мы нуждаемся в вас, но они не знают, по какой причине. Они не предполагают ценности в ваших нейрофизических исследованиях. Считают, что мы избрали ошибочный путь, о какой пользе здесь говорить? Но вряд ли воспротивятся тому, чтобы именно американец проник в проект минимизации. Если этот американец сделает открытие, информация обретет ценность и для них. Вы не думаете, что ваше правительство способно рассуждать подобным образом, доктор Моррисон?

— Не знаю, что они думают,— осторожно ответил Моррисон.— Это меня не интересует.

— Но вы разговаривали с Фрэнсисом Родано после того, как покинули меня. Видите, мы даже это знаем. Вы не будете отрицать, что он предлагал вам согласиться на поездку в Советский Союз?

— Вы имеете в виду, что он пытался завербовать меня?

— Разве нет? Разве он не делал такого предложения?

Моррисон снова проигнорировал ее вопрос, отделавшись ответной репликой:

— Если вы убеждены, что я шпион, то устраните меня после того, как я выполню возложенную на меня миссию. Разве не такова участь шпионов?

— Вы насмотрелись старомодных фильмов, доктор Моррисон. Во-первых, мы проследим, чтобы вы не узнали ничего лишнего. Во-вторых, уничтожать шпионов — большая роскошь. Они полезный товар для обмена на любого нашего агента, оказавшегося в руках американцев. Думаю, и Соединенные Штаты занимают схожую позицию.

— Начнем с того, что я не шпион, мадам. И не намерен им становиться. Я ничего не знаю о деятельности американских спецслужб. Кроме того, я ничего не собираюсь делать для вас.

— Не уверена в этом, доктор Моррисон. И полагаю, вы согласитесь работать с нами.

— Что вы задумали? Будете морить меня голодом, пока не соглашусь? Будете бить? Заключите в одиночную камеру? Отправите в лагеря или на выселки?

Баранова нахмурилась и медленно покачала головой, всем своим видом выражая неподдельный ужас.

— Что вы, доктор, о чем вы говорите? Неужели мы вернулись в те времена, когда Союз именовали не иначе, как империей дьявола, и пугали им детей? Не спорю, мы могли бы поддаться искушению надавить на вас. Но вряд ли потребуются столь жесткие меры.

— Откуда такая убежденность? — спросил устало Моррисон.

— Вы — ученый, и вы — смелый человек.

— Я? Смелый? Мадам, мадам, что вы знаете обо мне?

— Что у вас необычные взгляды. Вы строго придерживаетесь их. Ваша карьера катится в тартарары. Вы никого не можете убедить. И, несмотря на все это, храните верность своим идеям и не отступаете от того, что считаете правильным. Разве не так ведут себя смелые люди?

Моррисон кивнул:

— Да, да. Только это не похоже на смелость. История науки хранит имена таких чокнутых, которые всю жизнь цацкались со своими нелепыми идеями в ущерб логике, очевидности и собственным интересам. Я вполне могу пополнить их ряды.

— Да, вы можете ошибаться, но остаетесь смелым человеком. Мы ведь говорим не о физической смелости.

— Существует много разновидностей смелости. И возможно,— бросил он резко,— любая из них является признаком безумия или даже глупостью.

— Вы, конечно, не считаете себя трусом?

— Почему бы и нет? Я даже где-то льщу себе, признаваясь, что не безумен.

— А если ваши упертые идеи в нейрофизике безумны?

— Нисколько не удивлюсь.

— Но вы, конечно же, считаете свои идеи правильными.

— Безусловно, доктор Баранова. Не в этом ли мое сумасшествие?

Баранова покачала головой:

— Вы несерьезный человек. Я однажды вам говорила об этом. Мой соотечественник Шапиров считает, что вы правы. А если и не правы, все равно вы гений.

— В таком случае он отчасти и сам безумен.

— У Шапирова особая точка зрения.

— Это ваше мнение. Послушайте, мадам, я устал. У меня нет сил, я не отвечаю за свои слова. Даже не уверен в реальности происходящего, оно похоже на ночной кошмар. Дайте мне немного отдохнуть.

Баранова вздохнула, в глазах появилось сочувствие.

— Да, конечно, мой бедный друг. Мы не желаем вам зла. Верьте нам.

Моррисон уронил голову на грудь. Глаза его закрылись. Смутно он почувствовал, как кто-то аккуратно перевернул его на бок и подложил подушку под голову.

Доктора сморил сон, но время неумолимо летело.

Когда Моррисон открыл глаза, он все еще находился в самолете. Света не было, но полет явно продолжался.

Он позвал:

— Доктор Баранова?

Она тотчас же ответила:

— Да, доктор.

— Нас не преследуют?

— Вовсе нет. С нами несколько самолетов прикрытия, но им решительно нечего делать. Соглашайтесь, мой друг, мы нуждаемся в вас, и ваше правительство не против того, чтобы вы сотрудничали с нами.

— Вы все еще уверены, что добились минимизации? Разве это не безумие? Или мистификация?

— Сами увидите. Оцените, какое это чудо, и с радостью примете участие в эксперименте.

— А что вы собираетесь делать? — поинтересовался Моррисон задумчиво.— Допустим, ваши действия — не злая шутка. Не собираетесь ли вы создать новое оружие? Допустим, организовать транспортировку армии в самолете, подобном этому? Или повсеместное проникновение невидимых войск? Или что-нибудь в этом роде?

— Как отвратительно! — Она откашлялась, будто собиралась смачно отплюнуться.— У нас что, не хватает земли? Не хватает людей? Ресурсов? Нет своего космического пространства? Разве больше негде использовать минимизацию? Неужели вы столь испорчены, развращены и запуганы, что не видите в ней орудие исследования? Представьте себе изучение живых организмов, которое станет возможным благодаря ей; изучение химии кристаллов и монолитных систем; конструирование ультраминиатюрных компьютеров и различных приборов. Подумайте об открытиях в области физики, об изменении постоянной Планка. А какие открытия грядут в космологии!..

Моррисон с трудом попытался выпрямиться. Он все еще хотел спать, но в иллюминаторе начинало светать, и появилась возможность лучше разглядеть Баранову.

— Значит, именно так вы намерены использовать ее? Благородные научные цели?

— А как бы ваше правительство использовало минимизацию, если бы получило ее в свое распоряжение? Исключительно в целях военного превосходства и реконструкции старых времен?

— Нет. Конечно нет.

— Значит, только американцы благородны, а мы — первобытны и ужасно злы? Вы правда так думаете? Конечно, если минимизация пройдет достаточно удачно, Советский Союз достигнет лидерства в освоении Вселенной. Представьте транспортировку минимизированного материала с одной планеты на другую, перевозку миллионов колонистов в космических кораблях, которые сейчас способны вместить двести или триста человек. Космос станет советским не потому, что советские люди захватят господство, а потому, что советская мысль победит в битве идей. И что здесь плохого?

Моррисон в темноте покачал головой:

— Тогда я определенно не стану вам помогать. Почему вы ждете от меня помощи? Я не хочу развития советской науки во Вселенной. Я предпочитаю американскую мысль и традицию.

— Не могу обвинять вас в этом. Но мы вас разубедим. Вот увидите.

— Нет.

— Мой дорогой друг, Альберт,— если позволите так вас называть,— я уже сказала, вы будете восхищаться нашим прогрессом. Думаете, на вас он не подействует? Предлагаю на время закрыть спорную тему.

Она показала глазами на иллюминатор, где уже можно было рассмотреть серую морскую гладь.

— Сейчас мы находимся над Средиземным морем,— пояснила она,— скоро окажемся над Черным, а перелетим через Волгу — мы в Малограде, или, по-английски, в Смоллтауне. Когда приземлимся, солнце уже будет высоко. Друг мой, вы не находите это символичным: новый день, новый свет. Уверена, вы захотите помочь нам построить этот новый день, и не удивлюсь, если решите остаться в Советском Союзе.

— И никакого насилия?

— Мы сразу же отправим вас домой, если попросите об этом. Но только после того, как вы поможете нам.

— Не буду я вам помогать.

— Поможете.

— Я требую, чтобы меня сейчас же вернули назад.

— Сейчас это не принимается во внимание,— сказала она весело.

До Малограда оставались какие-то сотни километров...

Глава 3

МАЛОГРАД

«Пешка — самая важная фигура на шахматной доске — для пешки».

Дежнев-старший

11

Ранним утром следующего дня Фрэнсис Родано находился у себя в офисе. Наступил понедельник, начало недели. То, что он работал по воскресеньям, стало привычным. Непривычным было то, что ночью он спал.

Приехав в офис с опозданием в полчаса, он увидел, что Джонатан Уинтроп уже на месте. И это тоже было в порядке вещей.

Уинтроп вошел в кабинет Родано через две минуты после его прибытия. Прислонился к стене, крепко обхватив себя руками за локти и скрестив ноги так, что носок левой туфли уткнулся в ковер.

— Ты выглядишь усталым, Фрэнк,— произнес он, глядя из-под нависающих над его темными глазами бровей.

Родано взглянул на копну жестких седых волос друга, предмет его зависти, и произнес:

— Устал, но пытаюсь скрыть этот постыдный факт.

Родано с утра принял душ, хорошо позавтракал, с большой аккуратностью оделся.

— Заметно. Твое лицо — зеркало души. В разведчики тебя не возьмут.

— Не все созданы для разведки.

— Знаю. Не все созданы и для кабинетной работы.— Уинтроп почесал свой внушительный нос, словно желал уменьшить

его до нормальных размеров.— Я так понимаю, ты волнуешься за своего ученого. Как его звать?

— Альберт Джонас Моррисон,— устало ответил Родано.

В департаменте делали вид, что не знали имени Моррисона, желая показать, что решение обработать его родилось не здесь.

— О'кей. Думаю, судьба этого Моррисона беспокоит тебя.

— Да, я боюсь за него и не только. И вообще, хотелось бы больше ясности.

— Кто ее не хочет?

Уинтроп сел.

— Послушай, для беспокойства пока нет причин. Ты занимаешься им с самого начала, и я хочу, чтобы ты продолжал в том же духе, потому что ты хороший парень. Я полностью удовлетворен твоей работой, а главное — ты понимаешь русских.

Родано поморщился:

— Не называй их так. Насмотрелся небось фильмов двадцатого века. Они не все русские, так же как мы не все англосаксы. Они — советские. Если хочешь понять их, постарайся узнать, что они думают сами о себе.

— Конечно. Как скажешь. Ты разобрался, что в этом ученом особенного?

— Насколько я понял, ничего. Никто не принимает его всерьез. Кроме советских.

— Думаешь, им известно что-то, о чем мы не догадываемся?

— Уверен, им мало что известно. Но ума не приложу, что они нашли в Моррисоне. Правда, он и у них не нарасхват. Только один интересуется нашим другом — физик-теоретик Шапиров. Возможно, тот самый парень, который разработал метод минимизации. Если метод действительно существует. Мнения ученых о Шапирове за пределами Союза весьма противоречивы. Он странный и, мягко говоря, эксцентричный. Тем не менее советские ученые поддерживают его, а он поддерживает Моррисона. Хотя в этом, может статься, всего лишь еще один признак эксцентричности. Интерес к Моррисону в последнее время вырос от простого любопытства до полного безумия.

— Как ты об этом узнал, Фрэнк?

— Частично от агентов в Советском Союзе.

— Эшби?

— Кое-что.

— Хороший агент.

— Он давно там. Его нужно заменить.

— Не знаю. Победителей не убирают.

— Во всяком случае,— продолжал Родано, не сильно настаивая на своем,— интерес к Моррисону преувеличен. Я следил за ним в течение двух лет.

— Полагаю, у Шапирова блеснула какая-то гениальная идея в отношении Моррисона, и он убедил русс... советских, что ученый им нужен.

— Забавно, правда, о Шапирове в последнее время ничего не слышно.

— Попал в немилость?

— Не похоже.

— Все может быть, Фрэнк. Если он кормил советских байками о минимизации, вешал им лапшу на уши, то я не хотел бы оказаться на его месте. Возможно, мы живем в светлые времена, но они никогда не научатся смеяться над собой.

— Может, он ушел в подполье, потому что ускорилась работа над проектом? И это отчасти объясняет внезапный интерес к Моррисону.

— А что он знает о минимизации?

— Только то, как сам уверяет, что она невозможна.

— Бессмысленна, не так ли?

Родано с осторожностью ответил:

— Поэтому мы и разрешили его умыкнуть. Есть надежда, что наш ход перемешает фигуры в игре. Сообща они найдут решение, и все обретет смысл.

Уинтроп посмотрел на часы:

— Он к этому часу должен быть там, в Малограде. Что за название! Новостей о крушении самолетов прошлой ночью нигде не мелькало, думаю, он там.

— Да, жаль, мы не смогли послать кого-нибудь другого.

— Почему? Идеологически ненадежен?

— Сомневаюсь, что у него вообще есть идеология. Он — ноль. Ему не хватает мужества, он не шибко способный, не считая науки, и вряд ли сможет принимать самостоятельные ре-

шения. Недостаточно сообразителен, чтобы что-то выяснить. Подозреваю, от начала до конца он будет пребывать в панике, и мы никогда его больше не увидим. Они упекут его в тюрьму или грохнут. И зачем я послал его туда?..

— Всего-навсего ночные страхи, Фрэнк. Не важно, что он глуп. Он все же в состоянии доложить нам, например, что наблюдал демонстрацию минимизации, или об экспериментах, к которым его допустят. Ему не обязательно быть умным наблюдателем. Достаточно рассказать об увиденном, а мы сделаем необходимые выводы.

— Но, Джон, а если мы больше не увидим его?

Уинтроп положил руку на плечо Родано:

— Не думай с самого начала о провале. Я прослежу, чтобы Эшби получил задание. Мы сделаем все, что нужно, и я уверен, что русс... советские воспользуются подходящим моментом, чтобы дать ему уйти, если мы окажем на них скрытое давление, всему свое время. Не мучай себя. Мы сделали ход в запутанной игре, и если он не сработает, останутся еще тысячи других ходов.

12

Моррисон чувствовал себя измученным. Он проспал почти весь понедельник, надеясь, что сон сотрет ужасные впечатления от дерзкого похищения. Он с благодарностью съел ужин, принесенный ближе к вечеру, и еще с большей благодарностью принял душ. К свежей одежде отнесся равнодушно. Ночью в понедельник он то спал, то читал, то размышлял.

Чем больше он думал, тем больше убеждался в правоте Натальи Барановой, которая утверждала, что он находится здесь только потому, что Соединенные Штаты дали добро. Родано уговаривал его поехать, смутно намекая на будущие проблемы в работе в случае отказа. С какой стати им возражать против его захвата? В противном случае за ним бы проследили, чтобы избежать прецедента, видимо, желание американского правительства играло решающую роль.

Тогда есть ли смысл требовать посещения ближайшего американского консульства или угрожать скандалом международного масштаба?

Собственно говоря, если сей постыдный акт совершен с молчаливого согласия американского правительства (а в этом нет сомнения), то Соединенные Штаты не могли со своей стороны предпринять какие-либо открытые действия или выразить протест. Несомненно, возникает вопрос, как русским удалось тайно похитить его, и единственным ответом будут глупость или молчаливое согласие американцев. И конечно же, Штаты не захотят, чтобы мировая общественность пришла к подобному заключению.

Он прекрасно понимал, почему так произошло. Родано ему все разъяснил. Американское правительство нуждалось в информации, а у него была идеальная возможность получить ее. Идеальная? Каким образом? Русские не идиоты, чтобы дать ему доступ к информации, утечка которой нежелательна. Даже если он ее каким-то чудом получит, они не настолько глупы, чтобы дать ему уйти.

Чем больше он думал, тем острее осознавал, что, живой или мертвый, он больше не увидит Соединенные Штаты, и американская разведка сбросит дело со счетов, посчитав его пропавшим без вести.

Моррисон критически оценивал себя...

Альберт Джонас Моррисон, доктор физических наук, ассистент кафедры нейрофизики, автор непризнанной, осмеянной теории мысли; неудавшийся муж, неудавшийся отец, неудавшийся ученый, а сейчас жалкая пешка в чужой игре. Терять нечего. Глубокой ночью в гостиничном номере, где-то у черта на рогах, в стране, которая на протяжении века считалась основным врагом его государства (хотя в последние десятилетия господствовал дух вынужденного и подозрительного сотрудничества)... Моррисон оплакивал сам себя, от детской беспомощности, от унижения. Он знал, никто даже не вспомнит о нем.

И все же — вспыхнула маленькая искорка гордости — русские в нем нуждаются. Они рисковали, чтобы заполучить его. Когда не удалось уговорить, нисколько не колебались, организовав похищение. А ведь они не могли быть до конца уверены, что Штаты старательно закроют на это глаза. Захватив его, они все-таки шли на риск международного скандала. Напрашивались на неприятности, скрывая его. Он находился здесь один, но на окнах были решетки. Дверь не заперта, но когда он открыл ее,

то обнаружил двух вооруженных людей в униформе, которые вежливо спросили, не нуждается ли он в чем-нибудь. Ему не нравилось заключение, но оно являлось явным свидетельством его ценности. По крайней мере, здесь.

Как долго это будет продолжаться? Даже если у них создалось впечатление, что его теория мысли правильна, сам Моррисон должен признать: все данные, собранные им, случайны и весьма приблизительны, никто не мог подтвердить ценность его открытий. Что, если русские тоже не докопаются до его рациональности или при более внимательном изучении признают ее призрачной и неясной?

Баранова сказала, что Шапиров высоко оценил его гипотезы. Но Шапиров пользовался дурной славой сумасброда, каждый день меняющего свои взгляды. А если Шапиров пожмет плечами и отвернется, как поступят русские? Если американская добыча окажется бесполезной, вернут ли они ее с пренебрежением в Штаты (еще одно унижение, в некотором смысле) или попытаются скрыть глупый поступок, сгноив в застенке? А может, выдумают нечто похуже...

В сущности, тот, кто решил похитить его, сам напрашивался на неприятности, он явно был каким-то должностным лицом, не простым человеком. Если затея потерпит полное фиаско, что сделает этот чиновник ради спасения собственной шкуры?

Ранним утром вторника, пробыв в Союзе уже целый день, Моррисон пришел к выводу, что в будущем, кроме несчастий, ему ничего не уготовано. Он встречал рассвет, но на душе царил мрак.

13

В восемь утра в дверь грубо постучали. Он слегка приоткрыл ее, но охранник с другой стороны толкнул дверь, широко распахнув, как бы показывая, кто здесь хозяин.

Солдат гаркнул громче, чем следовало:

— Через полчаса придет мадам Баранова, чтобы отвести вас к завтраку. Будьте готовы.

Поспешно одеваясь и бреясь электробритвой довольно старой конструкции по американскому стандарту, он удивлялся,

почему охранник назвал Баранову «мадам». Неужели старое «товарищ» вышло из употребления?

Он почувствовал раздражение. Глупец! Разве можно трезво мыслить, находясь в гуще трясины? Хотя многие так и делают.

Через десять минут пришла Баранова. Она постучала более вежливо, чем охранник, и, войдя, спросила:

— Как вы себя чувствуете, доктор Моррисон?

— Чувствую себя похищенным,— сострил он натянуто.

— А кроме этого? Вы хорошо выспались?

— Может, и хорошо. Не могу сказать. Откровенно говоря, мадам, нет настроения разговаривать. Что вы хотите?

— В настоящий момент ничего, кроме как угостить завтраком. И пожалуйста, доктор Моррисон, поверьте, я так же не свободна, как и вы. Уверяю вас, в эту минуту мне гораздо больше хотелось бы находиться со своим маленьким Александром, чем коротать время в вашем обществе. К сожалению, в последние месяцы я не уделяю сыну должного внимания, да и муж недоволен моим отсутствием. Правда, когда Николай женился на мне, он знал, что у меня ответственная работа. Я постоянно говорила ему об этом.

— Насколько я понимаю, вы хоть сейчас можете послать меня назад в мою страну и вернуться к Александру и Николаю.

— Если бы. Но это невозможно. Так что пойдемте завтракать. Можете, конечно, поесть и здесь, но тогда вы почувствуете себя пленником. Давайте поедим в столовой, так будет лучше.

— Неужели? Два охранника пойдут за нами по пятам, не так ли?

— Правила, доктор. Зона тщательно охраняется. Вас будут оберегать, пока какой-нибудь ответственный работник не убедится, что вы благонадежны. Правда, их в этом очень трудно убедить. Их работа — сомневаться.

— Еще бы! — пожал плечами Моррисон, чувствуя, как жмет в подмышках выданный ему пиджак.

— Тем не менее они не помешают никоим образом.

— Но если я сделаю резкое движение и дам повод заподозрить побег, полагаю, они пристрелят меня на месте?

— Нет, им нельзя этого делать. Вы нужны нам живой. За вами погонятся и, возможно, схватят. И потом, я уверена, вы понимаете, что глупо напрашиваться на неприятности.

Моррисон нахмурился, стараясь скрыть раздражение.

— Когда мне вернут багаж и одежду?

— В свое время. Первое распоряжение — поесть.

Столовая, куда они добирались вначале на лифте, а затем по пустынному коридору, оказалась не слишком большой. Она вмещала десять столов, мест на шесть каждый. Посетителей было мало. Баранова и Моррисон сидели вдвоем, никто не присоединился к ним. Два охранника уселись за стол рядом с дверью. Каждый из них ел за двоих, но не выпускал пленника из поля зрения. Меню не предложили. Им просто принесли еду, к ее количеству нельзя было придраться. Подали яйца, сваренные вкрутую, вареный картофель, щи и толстые ломти черного хлеба с черной икрой. Еда стояла в центре стола. «Этого,— подумал Моррисон,— хватило бы на шестерых». Вдвоем они смогли съесть только треть. Немного погодя он отметил, что с полным желудком жить немного спокойнее.

— Мадам Баранова...

— Почему вы не зовете меня Натальей, доктор Моррисон? У нас неофициальные отношения. И мы намереваемся сотрудничать, возможно, на протяжении долгого времени. Если вы часто будете употреблять «мадам», у меня начнется мигрень. Друзья зовут меня Наташа. Можно и так.

Она улыбнулась. Но Моррисон упрямо не хотел выказывать свое расположение.

— Мадам, когда я начну испытывать к вам дружеские чувства, то непременно смогу вести себя как друг. Но, будучи пленником, находясь в неволе, я предпочитаю официальность.

Баранова вздохнула. Она откусила кусок хлеба и стала угрюмо жевать. Проглотив, вздохнула:

— Пусть будет, как вы хотите. Но, пожалуйста, избавьте меня от этого «мадам». У меня есть звание — не говорю «ученое». Это звучит слишком громко. Но я перебила вас...

— Доктор Баранова,— произнес Моррисон еще холоднее,— вы не сказали, что от меня требуется. Вы говорили о минимизации, но ведь и сами в курсе, как и я, что это невозможно. Полагаю, вы надеялись сбить меня с толку, ввести в заблуждение. Оставим это. Уверен, здесь нет необходимости играть в игры. Скажите, какова подлинная причина того, что я здесь. В конце

концов, со временем придется это сделать, если вы все-таки хотите, чтобы я принес пользу.

Баранова покачала головой:

— Вы — человек, не поддающийся убеждению. С самого начала я говорила вам правду. Речь идет о минимизации.

— Не могу поверить в это.

— Тогда почему вы находитесь в Малограде?

— Смоллсити? Литтлтауне? Тайнибурге? — проговорил Моррисон, испытывая удовольствие от собственного голоса, произносящего английские фразы.— Видимо, этот город весьма мал, отсюда и название.

— Повторюсь, доктор Моррисон, вы несерьезный человек. Но неведение не протянется долго. Вы должны познакомиться с некоторыми людьми. Один из них, кстати, сейчас прибудет.— Она осмотрелась, раздраженно нахмурившись.— Где же он?

— По-моему, к нам никто не приближается. Вон за другим столом «товарищи» ловят мой взгляд и наблюдают, куда он направлен.

— Они предупреждены,— бросила Баранова рассеянно.— Не будем тратить время на пустяки. Где же он? — Она встала.— Доктор Моррисон, извините. Я ненадолго отлучусь.

— А не боитесь оставлять меня одного? — съязвил Моррисон.

— Они остаются с вами, доктор,— утешила его Наталья, указав на охрану.— Пожалуйста, не давайте повода для ответных действий. Интеллект — их слабое место, эти ребята обучены следовать приказам без болезненной необходимости думать, поэтому могут просто сделать вам больно.

— Не беспокойтесь. Буду осмотрителен.

Она ушла, перекинувшись несколькими словами с охранниками.

Моррисон окинул столовую угрюмым взглядом. Не найдя ничего интересного, опустил глаза на свои сжатые руки, лежащие на столе, и уставился на внушительные остатки трапезы.

— Вы закончили, товарищ?

Моррисон резко поднял голову. А он было решил, что слово «товарищ» — архаизм.

Рядом стояла женщина и смотрела на него, небрежно подпирая бок рукой. Это была довольно полная женщина с рыже-

каштановыми волосами, в несвежей белой униформе. Ее рыжеватые брови пренебрежительно поднялись.

— Кто вы? — спросил Моррисон, нахмурившись.

— Я? Валерия Палерон. Моя должность? Трудолюбивая подавальщица, зато советская гражданка и член партии. Это я принесла вам еду. Разве вы меня не заметили? Или я не стою вашего внимания?

Моррисон откашлялся.

— Извините, мисс. Я думал о другом. Но вам лучше не убирать со стола. Думаю, сюда еще придут.

— Ах! И Царица тоже? Она еще вернется?

— Царица?

— Думаете, в Союзе больше нет цариц? Пораскиньте мозгами, товарищ. Эта Баранова, потомственная крестьянка в пятом поколении, считает себя настоящей леди, я уверена.

Официантка с отвращением фыркнула, как будто ей под нос сунули тухлую селедку.

Моррисон пожал плечами:

— Я не слишком близко знаю ее.

— Вы американец, не так ли?

Моррисон быстро проговорил:

— С чего вы взяли?

— Говорите с акцентом. Кем еще вам быть? Сынишкой царя Николая?

— Я так плохо говорю по-русски?

— Похоже, вы изучали его в школе. Американца чуешь за километр. Как только он брякнет: «Стакан водка, пожалуйста». Конечно, они говорят не так паршиво, как англичане. Англичанина чуешь за два километра.

— Что ж, признаюсь, я американец.

— Собираетесь возвращаться домой?

— Я, конечно, надеюсь...

Официантка едва заметно кивнула, достала тряпку и задумчиво вытерла стол.

— Я бы хотела съездить в Соединенные Штаты...

Моррисон кивнул:

— Почему бы и нет?

— Мне нужен паспорт.

— Конечно.

— Как мне его получить, простой официантке?

— Полагаю, надо обратиться с просьбой.

— С просьбой? Заявиться к высокопоставленному чиновнику и сказать: «Я, Валерия Палерон, хочу съездить в Соединенные Штаты». Он спросит: «Зачем? Что вы там не видели?» А я отвечу: «Страну. Людей. Изобилие. Любопытно, как там живут». Меня не поймут.

— Добавьте еще что-нибудь,— посоветовал Моррисон.— Скажите, что мечтаете написать книгу о Соединенных Штатах в назидание советской молодежи.

— Знаете, как тут много подобных книг...

Она вдруг напряглась и снова принялась тереть тряпкой стол.

Моррисон поднял голову. Рядом стояла Баранова, испепеляя Палерон взглядом. Она грубо бросила странное словечко, которое Моррисон не узнал, но мог поклясться, что оно было эпитетом, и не очень вежливым.

Женщина, вытиравшая стол, покраснела. Баранова сделала едва заметный жест, та повернулась и ушла.

Тут Моррисон заметил человека, стоящего за спиной Барановой. Невысокого роста, с толстой шеей, суженными глазами, крупными ушами и мускулистым телом. Его темные волосы, длиннее, чем принято носить у русских, пребывали в ужасном беспорядке, будто он никогда не прикасался к расческе.

Баранова, даже не подумав представить его, сразу спросила:

— Эта женщина разговаривала с вами?

— Да,— ответил Моррисон.

— Узнала в вас американца?

— Сказала, что меня выдал акцент.

— Сообщила, что хочет поехать в Штаты?

— Да.

— Что вы ответили? Предложили помочь ей?

— Просто посоветовал попросить паспорт, если у нее есть желание уехать.

— Больше ничего?

— Ничего.

Баранова недовольно процедила:

— Не обращайте внимания. Она невежественная женщина. Позвольте представить моего друга, Аркадия Виссарионовича Дежнева. А это доктор Альберт Джонас Моррисон.

Дежнев неуклюже поклонился:

— Наслышан о вас, доктор Моррисон. Академик Шапиров частенько о вас рассказывал.

Моррисон холодно ответил:

— Польщен. Но ответьте мне, доктор Баранова, если эта женщина, официантка, так раздражает вас, почему бы не убрать ее или не перевести на другое место?

Дежнев грубо засмеялся:

— Без шансов, товарищ американец. Полагаю, она так вас называла?

— Не совсем так.

— Рано или поздно это случится, но пока мы не вмешиваемся. Эта женщина, вероятно, информатор и наблюдает за нами.

— Но почему?..

— Потому, что при нашей работе нельзя никому доверять. Когда вы, американцы, занимаетесь передовой наукой, разве не находитесь под тщательным наблюдением?

— Не знаю,— ответил Моррисон сдержанно.— Никогда не работал в области крупных научных проблем, к которым бы благоволило правительство. И все же если эта женщина — информатор какой-либо разведки, то почему она действует столь глупо?

— Наверняка она провокатор. Болтает возмутительные вещи, вызывает на разговор.

Моррисон кивнул:

— Что ж, это ваши проблемы, не мои.

— Именно так,— согласился Дежнев и обратился к Барановой: — Наташа, он еще не в курсе?

— Пожалуйста, Аркадий...

— Давай, Наташа. Как говорил мой отец: «Если надо вырвать зуб, долго не тяни — сразу рви». Скажи ему.

— Я говорила, что мы занимаемся минимизацией.

— И все? — спросил Дежнев.

Он сел, подвинул стул к Моррисону и приблизился к нему. Моррисон машинально отклонился, охраняя личное пространство. Дежнев подвинулся еще ближе и сказал:

— Товарищ американец, моя подруга Наташа — романтичная натура. Она уверена, что вы захотите помочь нам из любви к науке. Она чувствует, что мы способны убедить вас с радостью сделать то, что нам необходимо. Но она ошибается. Ведь вас не удалось уговорить приехать добровольно...

— Аркадий, ты груб,— перебила его Баранова.

— Нет, Наташа, я честен — это почти одно и то же. Доктор Моррисон, или Альберт, я ненавижу официальность,— он картинно пожал плечами,— поскольку вас не убедить, да и времени мало, мы заставим вас сделать все, что нам нужно.

Баранова вновь возмутилась:

— Аркадий, ты обещал, что не станешь...

— Мне наплевать. Дав обещание, я подумал и решил, что американец все же должен знать, что его ждет. Так будет лучше для нас — и для него тоже.

Моррисон переводил взгляд с Натальи на Аркадия. У него вдруг перехватило дыхание. Он в их власти, выбора нет.

14

Моррисон хранил молчание до тех пор, пока Дежнев беспечно и с удовольствием поглощал завтрак.

Столовая почти опустела, Валерия Палерон убирала остатки еды, протирала столы и стулья. Дежнев поймал ее взгляд и велел убрать со стола.

Моррисон произнес:

— Итак, у меня нет выбора. И в чем же суть дела?

— Ха! Наташа не сказала вам об этом? — вопросом ответил Дежнев.

— Она упоминала, что я буду заниматься проблемами минимизации. Но я знаю, что такой проблемы не существует, всего лишь жалкая попытка сделать невозможное возможным. И я, конечно, вам тут не помощник. Чего вы от меня хотите?

Дежнев сделал удивленный вид:

— Почему вы думаете, что минимизация невозможна?

— Потому что это факт.

— А если я скажу, что мы добились ее?

— Тогда я потребую доказательств.

Дежнев повернулся к Барановой, которая глубоко вздохнула и кивнула.

Дежнев встал:

— Пойдемте. Мы отведем вас в Грот.

Моррисон от досады прикусил губу. Раздражение нарастало.

— Я не знал, что слово «грот» есть в русском языке.

Баранова пояснила:

— У нас есть подземная лаборатория. Мы называем ее Грот. А слово действительно редкое. Короче говоря, Грот — месторасположение проекта минимизации.

15

На улице ждал реактивный аэромобиль. Моррисон заморгал, слегка отвыкнув от солнечного света. Он с любопытством разглядывал машину. Ей не хватало американского изящества. Она походила на большие сани с маленькими сиденьями и громоздким мотором спереди и не могла защитить пассажиров от капризов холодной, сырой погоды. Моррисону стало интересно, есть ли у русских закрытый вариант машины. Возможно, перед ними всего лишь летняя модель.

Дежнев расположился за пультом управления. Баранова указала Моррисону на сиденье за Дежневым. Сама села справа и обратилась к охране:

— Возвращайтесь в гостиницу, ждите нас там. С этого момента мы берем на себя полную ответственность.

Она передала охранникам бумагу, где быстро и неразборчиво расписалась, поставила дату и, глянув на часы, время.

Когда они прибыли в Малоград, Моррисон увидел, что этот город соответствует своему названию. Дома, выстроенные ровными рядами, было не отличить друг от друга. Ясно, город построен для тех, кто работал над проектом, его архитектура — намек на сказки о минимизации — не требовала особых затрат. При каждом доме был свой огород. Улицы, хотя и мощеные, выглядели как-то незаконченно. Машина, управляемая реактивным аэродвигателем, оторвавшись от земли, подняла небольшое облако пыли, которое сопровождало их на протяжении всего пути. Моррисон заметил, как это облако раздражало пешеходов, мимо которых они проезжали. Замечая их приближение, люди один за другим шарахались в стороны. Моррисон почувствовал дискомфорт, когда встречный аэроавтомобиль обдал их подобным облаком пыли.

Баранова весело улыбнулась, откашлялась и сказала:

— Не беспокойтесь. Нас пропылесосят.

— Пропылесосят? — проворчал Моррисон, закашлявшись.

— Да. Дело не в нас, пыль мы переживем, но в Гроте не должно быть пыли.

— В моих легких тоже. Не лучше ли закрыть машину?

— Нам обещают более современные модели, возможно, их скоро доставят. Этот новый город построен в степях. Здесь засушливый климат. Но тем не менее люди выращивают тут овощи. Как видите, у них есть и скот, но для развитого сельского хозяйства нужны время и ирригационные сооружения. Но сейчас это не важно. Нас интересует только минимизация.

Моррисон покачал головой:

— Вы говорите о минимизации так часто и с таким благоговением, что почти убедили меня в ее существовании.

— Поверьте мне. Дежнев ее продемонстрирует вам лично.

Дежнев добавил со своего места, не оборачиваясь:

— И это доставит мне, скорее всего, неприятности. Я должен был снова связаться с Центральным координационным комитетом — хотя беседа стоила мне седых волос. Как говорил мой отец: «Обезьян создали, когда понадобились политики». Как можно находиться за две тысячи километров и заниматься политикой...

Аэромобиль плавно подкатил туда, где внезапно заканчивался город, перед ними возник низкий горный массив.

— Грот,— разъяснила Баранова,— расположен внутри. Здесь есть все необходимые помещения, они защищены от капризов погоды, недосягаемы для наблюдения с воздуха, даже шпионских спутников.

— Шпионские спутники противозаконны! — возмутился Моррисон.

— Противозаконно, дорогой доктор, называть их шпионскими,— парировал Дежнев.

Аэромобиль накренился на повороте и остановился в тени скалистой расщелины массива.

— Все на выход,— приказал Дежнев.

Он пошел вперед, остальные последовали за ним. В горе неожиданно появилась дверь: Моррисон даже не заметил, когда это произошло. Она открылась словно по волшебству, будто кто-то произнес «Сезам, откройся». Дежнев отступил в сторону и жестом пригласил Моррисона и Баранову войти. И Моррисон после яркого утреннего солнца очутился в довольно тем-

ном помещении. Его глаза какое-то время привыкали к сумраку. Это была, конечно, не разбойничья пещера, а тщательно и детально разработанное сооружение. У Моррисона появилось ощущение, будто он оказался на Луне. Он никогда там не был, но знал, как выглядят ее подземные поселения. Тем не менее антураж здесь не походил на земной, если не брать в расчет земное притяжение.

Глава 4

ГРОТ

«Наслаждайся малым: орел иногда остается голодным, домашняя канарейка — никогда».

Дежнев-старший

16

В огромной и хорошо освещенной комнате Баранова и Дежнев начали раздеваться. Моррисон замешкался, со страхом подумав, что же сейчас произойдет.

Баранова улыбнулась:

— Вы можете не снимать нижнее белье, доктор Моррисон. Бросьте все, кроме обуви, в ту корзину. Полагаю, у вас ничего нет в карманах. Поставьте ботинки рядом с корзиной. К нашему отъезду все будет чистое и выглаженное.

Моррисон послушался, стараясь не смотреть на роскошную фигуру Барановой. Хотя ее, казалось, это совершенно не волновало.

Они умылись, не жалея мыла,— лицо и руки. Затем расчесали волосы, беспощадно орудуя щетками. Моррисон опять забеспокоился, но Баранова, уловив его мысли, усмехнулась:

— Щетки чистят после каждого использования, доктор Моррисон. Не знаю, что болтает шальная американская пресса, но мы знаем, что такое гигиена.

Моррисон поинтересовался:

— Вы перед входом в Грот всегда проходите подобные процедуры?

— Всегда. И хотя никто не остается там надолго, даже во время пребывания внутри следует часто умываться. Дальнейшая

процедура может показаться вам неприятной, доктор Моррисон. Закройте глаза, сделайте глубокий вдох и задержите дыхание, насколько сможете. Это займет почти минуту.

Моррисон выполнил просьбу, и его чуть не сбил с ног мощный воздушный поток. Он пошатнулся, словно пьяный, однако не упал. Ветер прекратился так же неожиданно, как и начался.

Он открыл глаза. Дежнев и Баранова выглядели так, как будто надели на себя странные парики. Потрогал свои волосы и понял, что, должно быть, выглядел не лучше, и сразу потянулся к щетке.

— Не беспокойтесь,— успокоила его Баранова.— Самое страшное позади.

— Что это было? — спросил Моррисон.

Он даже откашлялся, чтобы обрести дар речи.

— Я говорила, что нас нужно пропылесосить, но это только первая стадия процесса чистки. Пройдите, пожалуйста, сюда.— Она придержала дверь.

Моррисон вышел в узкий светлый коридор, стены которого сверкали фотолюминесцентным светом.

Он удивленно приподнял брови:

— Красота какая!

— Помогает экономить энергию,— заметил Дежнев,— что немаловажно. Не забыли про технический прогресс? Похоже, американцы приезжают в Советский Союз в ожидании увидеть керосиновые лампы и медведей.— Он ухмыльнулся и добавил: — Согласен, кое-где мы отстаем. Наш брат весьма примитивен по сравнению с вами.

— Обезоруживаете соперника, не дожидаясь ответного удара,— хмыкнул Моррисон.— Явный признак нечистой совести. Демонстрация успехов в технике, смею заметить, вас не красит. Стоило бы потрудиться и замостить улицу от Малограда до Грота и приобрести закрытые аэромобили. На это ушло бы не так много средств.

Дежнев помрачнел, а Баранова резко вмешалась:

— Доктор Моррисон абсолютно прав, Аркадий. Если честность и грубость для тебя неразделимы, лучше держать язык за зубами.

Дежнев смущенно усмехнулся:

— Что я такого сказал? Американский доктор верно подметил, но что мы можем сделать, когда идиоты из Москвы эконо-

мят на мелочах, не думая о последствиях? Как говорил мой папаша: «Беда экономии в том, что она недешево обходится».

— Совершенно верно,— ответила Баранова.— Мы могли бы сэкономить массу денег, доктор Моррисон, улучшив дороги и средства передвижения, но нелегко договориться с теми, в чьих руках финансы. Уверена, что в Америке те же проблемы.

Тут Моррисон вошел вслед за ними в маленькую комнату. Наталья все рассуждала о проекте и недостатках, взволнованно жестикулируя. Когда за ними закрылась дверь, Дежнев протянул Моррисону браслет:

— Позвольте, я надену его вам на правое запястье. Когда мы поднимем руки, сделаете то же самое.

Пол в комнате вздрогнул, Моррисон почувствовал, что на какое-то время его тело стало невесомым.

— Лифт,— резюмировал он.

— Как вы догадливы! — съехидничал Дежнев и тут же хлопнул себя рукой по губам: — Я не должен быть грубым.

Лифт плавно остановился, выпуская людей.

— Удостоверения! — послышался властный голос.

Дежнев и Баранова подняли руки, Моррисон сделал то же самое. В фиолетовом свете лифта он заметил, как блеснули три браслета, не похожие друг на друга.

Они прошли в коридор, затем в комнату, где было тепло и сыро.

— Последний этап чистки, доктор Моррисон,— предупредила Баранова.— Мы привыкли к этому, раздевание для нас дело обычное. Проще быть вместе, к тому же сэкономим время.

— Если вы привыкли,— мрачно произнес Моррисон,— я тоже смогу.

— Ничего страшного,— заметил Дежнев.— Мы тут все свои.

Дежнев стащил с себя белье, шагнул к стене, где светилась маленькая красная кнопка, и тотчас же нажал на нее большим пальцем правой руки. В стене открылась узкая панель, за которой скрывалась какая-то белая одежда. Свое белье он положил на пол. Казалось, Дежнев совершенно не стесняется своей наготы. Его грудь и плечи покрывала густая растительность, а на правой ягодице виднелся длинный шрам. Моррисона заинтересовало его происхождение. Баранова последовала за Дежневым, сказав Моррисону:

— Нажмите горящую кнопку, доктор. Она откроет панель, среагировав на отпечаток большого пальца. Затем, когда нажмете повторно, закроет ее. После она будет срабатывать только на отпечаток вашего пальца, и, пожалуйста, запомните номер шкафчика, чтобы не искать его каждый раз.

Моррисон честно выполнил все указания.

Баранова предложила:

— Если нужно сначала пройти в туалетную комнату, пожалуйста.

— Я в порядке,— ответил Моррисон.

Комната заполнилась влажным туманом из водяных капелек.

— Закройте глаза! — крикнула Баранова.

Но можно было и не предупреждать. Первая струя воды сразу же заставила его зажмуриться.

В воде, видимо, содержалось мыло, по крайней мере, она щипала глаза и имела жгучий привкус, раздражающий рот и ноздри.

— Поднимите руки! — крикнул Дежнев.— Не поворачивайтесь, вода бьет во всех направлениях.

Моррисон поднял руки. Вода действительно поступала отовсюду. Даже из пола, судя по неприятному давлению на мошонку.

— Сколько это продлится? — крикнул он, задыхаясь.

— Довольно долго,— неутешительно сообщил Дежнев,— но такова необходимость.

Моррисон стал считать про себя. Досчитав до пятидесяти восьми, почувствовал, что струя лупит по губам не так больно. Приоткрыл глаза. Его сопровождающие находились еще там. Он продолжил считать. Когда досчитал до ста двадцати шести, экзекуция прекратилась. Теперь в ход пошел неприятный горячий сухой воздух.

Доктор тяжело дышал, время, казалось, остановилось.

— Для чего это? — спросил он, отворачиваясь, чтобы не утыкаться взором в большие и крепкие груди Барановой и не наблюдать неприятную волосатую грудь Дежнева.

— Мы обсохли,— произнесла Баранова.— Пойдемте одеваться.

Моррисон обрадовался, но тут же разочаровался, увидев белую одежду, которую обнаружил в шкафу. Она состояла из блу-

зы и легких полотняных брюк, повязывающихся бечевкой. Кроме того, там лежали шапочка и мягкие сандалии. Хотя хлопок был непрозрачный, Моррисону показалось, что он просвечивается.

Он спросил:

— Это вся одежда?

— Да,— ответила Баранова.— Мы работаем в чистой, спокойной атмосфере с постоянной температурой. Нас не интересует модная и дорогая одежда. На самом деле, расставшись со стереотипами и предубеждениями, мы спокойно могли бы работать голыми. Но довольно болтовни, идемте.

Они наконец вошли, как понял Моррисон, в главный корпус Грота. Огромное пространство между колоннами. Оборудование было ему незнакомо. Он занимался только теорией и во время работы использовал электронные приборы, которые сам конструировал и изменял. На какое-то мгновение доктор почувствовал внезапный приступ ностальгии по своей лаборатории в университете, своим книгам, запаху клеток с животными, даже по глупому упрямству коллег.

В Гроте повсюду сновали люди. Человек десять работали совсем рядом, остальные копошились кто где. Лаборатория напоминала огромный муравейник, где целенаправленно двигались машины и люди. Никто не обращал внимания ни друг на друга, ни на вновь прибывших. Все работали и передвигались молча, звук шагов приглушали сандалии.

Казалось, Баранова вновь прочитала мысли Моррисона и, обращаясь к нему, заговорила шепотом:

— Здесь каждый хранит свое мнение при себе. Каждый знает не более того, что ему положено. Утечка информации невозможна и неприемлема.

— Но как же... А общаться между собой?

— Только если это нужно для дела. Может, это и лишает удовольствия от дружеского общения, но так надо.

— Подобные ограничения замедляют прогресс,— заметил Моррисон.

— Но обеспечивают безопасность,— ответила Баранова.— Поэтому, если с вами не станут разговаривать, знайте, личная неприязнь ни при чем.

— Незнакомый человек неизбежно провоцирует любопытство.

— Я предусмотрела это. Вы для них — специалист, приглашенный со стороны.

Моррисон нахмурился:

— И они поверят, будто американца пригласили в качестве специалиста?

— Им неизвестно, что вы американец.

— Мой акцент, он выдаст меня, как произошло с официанткой.

— Но вы ни с кем не будете разговаривать, кроме тех, с кем я вас познакомлю.

— Как хотите,— равнодушно ответил Моррисон. Он все еще оглядывался.

Раз уж его занесло сюда, почему бы не изучить обстановку, вдруг подвернется что-то достойное внимания. Тем более, если ему доведется возвратиться на родину, вопросам не будет конца.

Он шепнул на ухо Барановой:

— Это место, должно быть, дорого обошлось государству. Какая часть госбюджета идет на обеспечение?

— Немалая,— ответила Баранова, не вдаваясь в подробности.

Дежнев продолжал жаловаться:

— Я сегодня утром битый час уговаривал их позволить провести ради вас небольшой дополнительный эксперимент — холера возьми этот комитет.

— Но холеры больше не существует, даже в Индии,— возразил Моррисон.

— Пусть появится, лично для комитета.

Баранова предупредила:

— Аркадий, если в комитете узнают о твоих шутках, ничего хорошего не жди.

— Я не боюсь этих свиней, Наташа.

— А я боюсь. Что будет с бюджетом на будущий год, если ты доведешь их до бешенства?

Моррисон заговорил раздраженно, но все же стараясь смягчить тон:

— Комитет и бюджет меня не касаются, я всего лишь хочу знать, что я здесь делаю.

Дежнев ответил:

— Вы пришли сюда для того, чтобы стать свидетелем минимизации и понять, почему мы нуждаемся в вашей помощи. Вы останетесь довольны, товарищ, э-э... товарищ заграничный эксперт.

17

Моррисон проследовал за остальными к чему-то похожему на маленький старомодный вагончик, стоящий на узкоколейке.

Баранова дотронулась большим пальцем до гладкой пластинки на дверях, и те поспешили плавно и бесшумно раскрыться.

— Пожалуйста, входите, доктор Моррисон.

Моррисон замешкался.

— Куда мы едем?

— В помещение минимизации, конечно.

— По железной дороге? Каких же размеров это место?

— Больших, доктор, но не очень. Тут все делается из соображений безопасности. Только избранные могут использовать этот прибор, и только этим путем можно проникнуть в самое сердце Грота.

— Неужели вы не доверяете даже собственным людям?

— Мир сложен, доктор Моррисон. Мы доверяем нашим людям, но не хотим вводить их в искушение. Пожалуйста, проходите.

Моррисон с трудом забрался в компактный вагон. Дежнев протиснулся за ним со словами:

— Еще один пример бессмысленной скупости. Почему он такой маленький? Почему, потратив миллиарды рублей на проект, бюрократы излучают добродетель, сэкономив несколько жалких сотен в ущерб трудяшимся?

Баранова уселась на переднее сиденье. Моррисон не мог видеть, как она управлялась с этим чудом техники, если там вообще было какое-нибудь управление. Возможно, вагоном управлял компьютер.

В вагоне на уровне глаз располагалось небольшое окошко, но стекло в нем стояло тонированное. Возможно, окна существовали лишь для спокойствия тех, кто предрасположен к клау-

строфобии, уменьшая таким образом ощущение невыносимой тесноты замкнутого пространства.

Моррисону казалось, что люди, мелькавшие за стеклом, не обращали никакого внимания на движущийся вагон. «Здесь все,— подумал он,— хорошо вымуштрованы. Проявление интереса к тому, к чему не имеешь отношения, у русских явный признак невоспитанности, если не хуже».

Моррисон почувствовал, что они приблизились ко входу в пещеру. Вагон резко сбросил скорость. Стены раздвинулись, и вагон, качнувшись, двинулся через проход.

Сразу стало почти совсем темно. Слабое освещение в потолке превратило ночь в сумерки.

Они находились в узком тоннеле, где едва хватало места для вагона. Слева Моррисон смог различить еще пару рельсов. «Должно быть, в тоннеле на скорости не может разъехаться больше двух вагонов»,— подумал он.

Тоннель, как и вагон, не отличался хорошим освещением. Возможно, его прокладывали, следуя линиям наименьшего сопротивления и экономя деньги. Может быть, повороты делали преднамеренно, стремясь ради безопасности скрыть дорогу, усложнить ее. Потому, видимо, и освещение оставляло желать лучшего.

— Долго мы будем ехать, а? — спросил Моррисон.

Дежнев посмотрел на него с возмущением, которое ощущалось даже в темноте.

— Вижу, вы не знаете, как ко мне обращаться. У меня нет ученого звания, так почему бы вам не называть меня просто Аркадием? Здесь меня все так зовут.

Моррисон кивнул:

— Очень хорошо. Долго нам еще ехать, Аркадий?

— Нет, Альберт,— весело ответил Дежнев.

И Моррисон, которому навязали неофициальные отношения, вынужден был смириться.

Он сам себе немного удивился, уловив, что он в целом не против. Дежнев, со своими вечными афоризмами, даже стал ему симпатичен. И Моррисон в душе обрадовался возможности нарушить те границы, в которых Баранова, казалось, старалась его удержать.

Вагон двигался медленно, со скоростью праздного пешехода, немного раскачиваясь на поворотах. Неожиданно в окна ворвался поток света, и вагон остановился.

Выбираясь наружу, Моррисон сощурился. Комната, где они оказались, была меньше того первого помещения. В ней фактически ничего не было. Рельсы, делая широкий полукруг, поворачивали назад к стене. Он заметил еще один маленький вагончик, исчезающий в проходе закрывающейся за ним стены. Вагон, в котором они прибыли, медленно развернулся и остановился.

Моррисон осмотрелся. В стене было множество дверей, а потолок нависал сравнительно низко. У него возникло чувство, будто он фигура на огромной шахматной доске с пронумерованными клетками.

Баранова выжидательно поглядывала на него, словно давая освоиться в новом месте.

— Вы готовы, доктор Моррисон?

— Нет, доктор Баранова,— огрызнулся Моррисон.— И не буду готов, пока не узнаю, куда иду и что должен делать. Тем не менее я готов следовать за вами, если покажете дорогу. Что мне остается?..

— Этого вполне достаточно. Сюда, пожалуйста. Вы должны познакомиться еще кое с кем.

Они прошли в одну из дверей и очутились в маленькой, ярко освещенной комнате, вдоль стен которой тянулись толстые провода.

В комнате у стола сидела молодая женщина. При виде вошедших она отодвинула в сторону папку, напоминающую по виду технический отчет. Девушка отличалась какой-то странной красотой, неявной, но притягательной. Короткие вьющиеся волосы соломенного цвета придавали ее лицу живость. Легкая хлопчатобумажная форма, которая, как заметил Моррисон, была одинаковой у всех работников Грота, не скрывала изящной и стройной фигуры, не такой пышной, как у Барановой. Лицо портила, а может, украшала (дело вкуса) только маленькая родинка прямо у левого края губ. На лице не было ни намека на улыбку.

Моррисон тем не менее улыбнулся. В первый раз с момента похищения ему показалось, что, несмотря на мрачность истории с похищением, его ожидают приятные сюрпризы.

— Добрый день,— поздоровался он.— Приятно вас видеть.— Он постарался говорить по-русски правильно, скрывая американский акцент, который так легко просекла официантка.

Молодая женщина, не ответив ему, хрипловатым голосом обратилась к Барановой:

— Американец?

— Да,— подтвердила Баранова.— Доктор Альберт Джонас Моррисон, профессор нейрофизики.

— Ассистент профессора,— поправил Моррисон.

Баранова не обратила внимания на реплику.

— А это, доктор Моррисон, доктор Софья Калинина, наш специалист по электромагнетизму.

— А с виду не скажешь,— галантно заметил Моррисон.

Было похоже, женщине это не понравилось.

— Возможно, я выгляжу моложе. Мне тридцать один год.

Моррисон смутился, а Баранова быстро вмешалась:

— Пойдемте, пора начинать. Пожалуйста, проверьте схемы и запускайте. И побыстрее.

Калинина поспешно вышла.

Дежнев с усмешкой посмотрел ей вслед.

— Я рад, что ей не по вкусу американцы. Это исключает как минимум сто миллионов потенциальных конкурентов. Если бы ей еще не нравились русские и она признала, что я, как и она, карелофинн...

— Ты — карелофинн? — Баранова насмешливо улыбнулась.— Кто в это поверит, болтун?

— Она, если будет в подходящем настроении.

— Не дождешься.— И Баранова обратилась к Моррисону: — Пожалуйста, не принимайте поведение Софьи на свой счет. Многие наши граждане переживают период ультрапатриотизма и считают самым правильным не любить американцев. Но это скорее поза, чем истина. Уверена, когда мы начнем работать в одной группе, Софья избавится от своих стереотипов.

— Я все понимаю. В моей стране тоже происходят подобные казусы. Если уж на то пошло, в настоящий момент я не очень-то люблю советских граждан. Причина ясна, я думаю. Но,— он улыбнулся,— я легко могу сделать исключение для доктора Калининой.

Баранова покачала головой.

— Американцы вроде вас и русские вроде Аркадия обладают особым мужским мышлением, стоящим выше национальных границ и культурных различий.

Моррисон оставался непреклонным:

— Но я не буду работать ни с ней, ни с кем-либо другим. Я устал напоминать вам, доктор Баранова, что не верю в существование минимизации и не буду вам помогать.

Дежнев засмеялся:

— Знаешь, Альберту можно верить. Он человек серьезный.

Баранова сказала:

— Доктор Моррисон. Это Катенька.

Она похлопала по клетке, которую Моррисон чуть было не проигнорировал. Доктор Калинина полностью завладела его вниманием. И даже после того, как она ушла, Моррисон продолжал поглядывать на дверь в ожидании ее появления.

Он туповато уставился на клетку, сплетенную из проволоки. Катенька, белый кролик средних размеров, спокойно жевала травку, полностью отдавшись этому занятию.

— Да, вижу. Это кролик.

— Это не просто кролик, доктор. Это необычное создание. Уникальное. Катенька дала начало истории, которая по своему значению превосходит историю войн и катастроф и, наверное, будет названа в ее честь. Если исключить таких совершенно ничтожных созданий, как черви, блохи и микроскопические паразиты, Катенька — первое живое существо, подвергшееся минимизации. Собственно, она была минимизирована в трех отдельных случаях. И если бы мы сумели, она была бы уменьшена еще в десятки раз. Эта крольчиха внесла большой вклад в минимизацию живых форм. Как видите, эксперименты не принесли ей никакого вреда.

Моррисон заметил:

— Не хочу вас обидеть, но бездоказательного утверждения, что этот кролик был минимизирован три раза, я не приму. Нет, я не сомневаюсь в вашей честности. Но я ученый, единственным достаточным доказательством для меня является возможность увидеть все собственными глазами.

— Конечно. И именно по этой причине, ценой больших затрат, Катенька подвергнется минимизации четвертый раз.

18

Софья Калинина вернулась и обратилась к Моррисону.

— У вас есть часы или что-нибудь металлическое? — спросила она резко.

— У меня нет с собой ничего, доктор Калинина. Ничего, кроме одежды, единственный карман которой пуст. Даже этот браслет, удостоверяющий личность, похоже, сделан из пластмассы.

— Просто металл мешает сильному электромагнитному полю.

— А психологическое воздействие?

— Нет. Во всяком случае, не обнаружено.

Моррисон, в надежде, что они наконец прекратят прикрываться минимизацией, ждал развязки этой истории. С каждой минутой в нем нарастало недовольство, и он зло сказал:

— Доктор Калинина, вы не боитесь, что облучение плохо повлияет на способность к деторождению, если вы вдруг забеременеете?

Калинина вспыхнула:

— У меня есть ребенок. Девочка. Абсолютно здоровая.

— Вы облучались во время беременности?

— Один раз.

Тут вмешалась Баранова:

— Доктор Моррисон, вы закончили с вопросами? Начинать можно?

— Собираетесь уменьшать кролика?

— Конечно.

— Тогда — дерзайте. Я весь внимание.

В душе доктор насмехался над наивными русскими. Глупо с их стороны упорно добиваться невозможного. Сейчас заявят, что оборудование вышло из строя, будут извиняться и искать виноватых.

Баранова снова обратилась к нему:

— Для начала, доктор Моррисон, поднимите, пожалуйста, клетку.

Моррисон не шевельнулся.

Он подозрительно переводил сомневающийся взгляд с одного на другого.

Дежнев, как обычно, с иронией заметил:

— Вперед. Не бойся, Альберт. Ручки не запачкаешь. Хотя во время работы это случается.

Моррисон взял клетку, поднял ее. Она весила килограммов десять. Проворчал скептически:

— Теперь можно поставить?

— Конечно,— разрешила Баранова.

— Осторожно,— взволнованно добавила Калинина.— Не испугайте Катеньку.

Моррисон осторожно опустил клетку. Кролик, оказавшись в воздухе, на время прервал трапезу, с любопытством принюхался и вновь принялся за еду.

Баранова подала знак, и Софья направилась к пульту управления, скрытому за проводами. Через плечо посмотрела на клетку, как бы оценивая ее местоположение, затем вернулась и слегка поправила ее — и щелкнула тумблером.

Издав завывающий звук, клетка засверкала, отбрасывая лучи света, будто что-то невидимое появилось между людьми и нею. Свечение усиливалось снизу клетки, отделяя ее от каменной поверхности стола, куда ее пристроили.

Баранова объяснила:

— Сейчас клетка находится в поле минимизации. Уменьшатся только предметы, попавшие в поле.

Моррисон раскрыл глаза как можно шире, его точил червь сомнения. Не собираются ли ему продемонстрировать хитрый фокус и заставить поверить, что он стал свидетелем великой минимизации?

— А как именно вы создаете это так называемое поле минимизации?

— А вот этого,— отрезала Баранова,— мы вам не скажем. Догадайтесь, под каким грифом проходит эта информация. Вперед, Софья.

Завывание повысилось на тон и немного усилилось. У Моррисона оно вызвало неприятное чувство, но остальные переносили его равнодушно. Он несколько секунд разглядывал людей, а когда обратил взор на клетку, ему показалось, что та уменьшилась. Нахмурившись, наклонил голову, чтобы край клетки совпал с вертикальной линией провода на противоположной стене. Он сам заметил, как край клетки отклонялся от линии на стене. Ошибки быть не могло, определенно клетка уменьшалась.

Доктор не смог сдержать эмоции. На лице отразилась досада, на что Баранова отреагировала, слегка улыбнувшись.

— Она действительно сокращается, доктор Моррисон. Ваши глаза не лгут.

Завывание продолжалось — продолжалось и уменьшение. Клетка стала вдвое меньше.

Моррисон неуверенно произнес:

— Существуют еще оптические иллюзии.

Баранова крикнула:

— Софья, остановите на секунду.

Вой прекратился, сверкание пропало. Клетка заняла прежнее положение на столе. Но определенно казалась меньших размеров. Кролик, пропорционально уменьшенный по сравнению с исходным вариантом, продолжал жевать маленькие листья салата и кусочки моркови, разбросанные по дну клетки.

Баранова спросила:

— Неужели вы думаете, что это оптическая иллюзия?

Моррисон молчал, а Дежнев весело язвил:

— Ну, Альберт, миленький, поверьте собственным ощущениям. На эксперимент уходит много энергии. И если вы не поверите, руководство выпорет нас за бесполезную трату денег. Что скажете?

Моррисон покачал головой в грустном замешательстве:

— Не знаю, что и сказать.

Баранова попросила:

— Поднимите, пожалуйста, клетку еще раз, доктор Моррисон.

Моррисон опять замешкался. Но Баранова успокоила:

— Поле минимизации не имеет радиации. Прикосновение вашей руки не подействует на нее, а сам процесс никак на вас не отразится. Видите? — И она решительно положила руку на клетку.

Однако сомнения продолжали мучить Моррисона. Он робко взял клетку обеими руками, поднял ее и тут же от удивления вскрикнул — ее вес был не больше килограмма. Клетка задрожала в руках. Уменьшенный кролик встревоженно отскочил в угол и съежился от страха.

Моррисон поставил клетку как можно точнее в прежнее положение, но Калинина подошла и слегка поправила ее.

Баранова спросила:

— Ну, что думаете, доктор Моррисон?

— Она, конечно, весит меньше. Но вдруг вы мудрите?

— Заменяем большой предмет маленьким, копию, отличающуюся только размерами?

Моррисон откашлялся. Он ни на чем не настаивал. Однако пока отказывался верить своим глазам.

Баранова продолжала:

— Пожалуйста, обратите внимание, доктор, уменьшились не только размеры, но и масса в пропорции. Атомы и молекулы, составляющие клетки, и ее содержимое изменились в размере и массе. Коренным образом уменьшилась постоянная Планка, поэтому внутри относительно ничего не изменилось. Для самого кролика еда и все, что находится внутри клетки, кажется абсолютно нормальным. Внешний мир в размерах вырос по отношению к кролику, но он, конечно, об этом не догадывается.

— Но поле минимизации исчезло,— заметил Моррисон.— Почему клетка и ее содержимое не восстанавливают прежних размеров?

— По двум причинам, доктор. Во-первых, состояние миниатюризации стабильно. Это одно из великих фундаментальных открытий, которое сделало ее возможной. В каком бы месте мы ни остановили процесс, не потребуется много энергии, чтобы поддерживать его в том же состоянии. Во-вторых, поле миниатюризации полностью не исчезло. Оно просто уменьшилось и сжалось, сохраняя атмосферу внутри клетки, не рассеиваясь и не допуская нормальные молекулы внутрь. Вот почему можно трогать неуменьшенными руками стены клетки. Но мы еще не закончили, доктор. Продолжим?

Взволнованный Моррисон не мог отрицать факта эксперимента. Но мимолетно опасался, не подвергся ли он воздействию наркотиков, провоцирующих сверхвнушаемость и галлюцинации. С трудом выговорил:

— Не слишком ли много вы мне показываете?

— Да, но только поверхностно. Если обнародуете это в Америке, вам, скорее всего, не поверят. И не увидят ни малейшего намека на существование технологии минимизации.

Баранова подняла руку, и Калинина вновь включила цепь. Опять послышалось завывание. Клетка начала уменьшаться. Казалось, теперь все происходит быстрее. Баранова будто читала мысли Моррисона:

— Чем больше уменьшение, тем меньше массы остается и размеры быстрее сокращаются.

Моррисон непроизвольно открыл рот. Он был в состоянии, близком к шоковому, пялился на клетку, которая в диаметре дошла до сантиметра и все еще продолжала уменьшаться.

Баранова подняла руку. Звук исчез.

— Осторожно, доктор Моррисон. Сейчас она весит всего несколько сотен миллиграммов и очень хрупка. Вот. Обратите внимание.

Она подала большое увеличительное стекло. Моррисон, не сказав ни слова, уставился на крохотную клетку. Он никогда бы не догадался, что за движущийся организм находится внутри, если бы не знал заранее. В голове не укладывалась реальность существования такого крохотного кролика.

И все-таки он был свидетелем того, как он уменьшился, и сейчас пялился на него, испытывая смущение и восторг.

Он взглянул на Баранову и спросил:

— Неужели это правда?

— Все надеетесь, что это оптическая иллюзия, гипнотизм или что-то в этом роде?

— Наркотики?

— Если бы действовали наркотики, доктор Моррисон, вам бы показали более великое достижение, чем минимизация. Оглянитесь. Разве все остальное не выглядит нормальным? Наркотик, способный изменить восприятие единственного объекта в большой комнате, не затрагивая другие предметы, стал бы сам по себе необыкновенным открытием. Нет, доктор, вы видели реальность.

— Увеличьте ее,— произнес Моррисон сдавленным голосом.

Дежнев рассмеялся, но быстро подавил смех.

— Колебания воздуха, вызванные смехом, не дай бог, сдуют Катеньку, и тогда Наташа и Софья стукнут меня чем-нибудь тяжелым. Подождите, если хотите, чтобы ее увеличили.

Баранова сказала:

— Дежнев прав. Вы стали свидетелем не какой-то там магии, а научной демонстрации. Если здесь было замешано волшебство, я бы щелкнула пальцем, и перед нами появилась бы клетка с кроликом нормальных размеров. Тогда бы вы поняли, что стали свидетелем оптической иллюзии. Тем более что требуется

значительная энергия для уменьшения постоянной Планка от нормальной величины до сотых и тысячных. Вот почему минимизация считается дорогим методом. А чтобы вновь увеличить постоянную Планка, необходима энергия, равная затраченной первоначально, так как закон сохранения энергии распространяется и на минимизацию. Поэтому мы не можем достичь обратного процесса, не располагая необходимой энергией. И нам потребуется время, гораздо больше времени, чем потрачено на уменьшение.

Моррисон молчал. Объяснение сохранения энергии в процессе эксперимента показалось ему более убедительным, чем сама демонстрация опыта. Шарлатаны не так щепетильны в обращении с законами физики.

Он произнес:

— Тогда процесс минимизации вряд ли найдет практическое применение. Самое большее, его можно использовать как инструмент для расширения и развития квантовой теории.

Баранова сказала:

— Даже этого нам хватит. Не судите о методе по начальной стадии. Надеюсь, мы научимся обходиться без столь серьезных энергетических затрат, сделав минимизацию и деминимизацию более эффективными. Процесс обмена энергии происходит следующим образом: электромагнитное поле — минимизация — энергия деминимизации. Не так ли? Что, если использовать процесс деминимизации для освобождения энергии и вновь создавать электромагнитное поле? Возможно, так легче будет управлять процессом?

— Вы отменили второй закон термодинамики? — спросил Моррисон преувеличенно вежливо.

— Вовсе нет. Мы не считаем, что стопроцентное сохранение энергии невозможно. Если мы сможем семьдесят пять процентов энергии деминимизации превратить в электромагнитное поле — или хотя бы двадцать пять процентов,— ситуация улучшится. К тому же наверняка имеется более совершенный и эффективный метод, и поисками его займетесь вы.

У Моррисона округлились глаза:

— Я? Я ничего об этом не знаю. Почему вы выбрали меня? С таким же успехом вы могли бы взять дошкольника.

— Это не так. Мы знаем, чем вы занимаетесь. Пойдемте, доктор Моррисон, в кабинет, пока Софья и Аркадий займутся скуч-

ным процессом увеличения Катеньки. Я докажу, что вы достаточно подготовлены, чтобы сделать минимизацию эффективной и, таким образом, извлечь из нее практическую пользу. Тогда вы поймете, что являетесь единственным человеком, способным оказать нам помощь.

Глава 5

КОМА

«Жизнь приятна. Смерть спокойна. Беспокоен лишь переход».

Дежнев-старший

19

— Это,— сказала Наталья Баранова,— мой кабинет в Гроте.

Женщина уселась в потертое кресло, в котором, подумалось Моррисону, ей было очень удобно, так как за долгие годы оно приобрело очертания ее тела.

Он расположился в другом кресле, поменьше и попроще, с атласным сиденьем, не таким уютным, как казалось на первый взгляд. Бегло осмотрел обстановку и вдруг затосковал по дому. Что-то здесь напоминало его собственный кабинет. У Барановой, правда, было богаче, чем у него,— советский стиль тяготел к вычурности. Моррисону на какое-то мгновение стало интересно, и он увлекся разглядыванием обстановки.

Тот же самый беспорядок в куче распечаток, тот же специфический запах чернил, и те же старомодные книги, разбросанные среди кассет. Моррисон попытался прочесть название одной из них, но она лежала слишком далеко и так истрепалась, что буквы стерлись. Ему даже показалось, что одна из них на английском языке. Его это нисколько не удивило. У него в библиотеке тоже имелись труды русских классиков для того, чтобы изредка освежать в памяти язык.

Баранова заговорила:

— Мы одни. Нас здесь не подслушают, и никто не помешает. Скоро сюда принесут обед.

— Вы очень любезны,— язвительно ответил Моррисон.

Баранова пропустила колкость мимо ушей.

— Доктор Моррисон, я не могла не заметить, что Аркадий стал обращаться к вам по имени. Он, конечно, невоспитан и слишком много на себя берет. Но, несмотря на способ, которым вас сюда заманили, наши отношения вполне могут стать дружескими и неофициальными.

Моррисон проговорил неуверенно:

— Что ж, зовите меня Альбертом. Но скорее для удобства, чем в знак становления дружбы. Я не забыл, что меня похитили.

Баранова улыбнулась:

— Я пыталась убедить вас приехать добровольно. Если бы не крайняя необходимость, мы бы не пошли на похищение.

— Если вас обуял стыд за содеянное, верните меня в Штаты. И я обещаю, что забуду о прискорбном инциденте и не наябедничаю своему правительству.

Баранова медленно покачала головой:

— Сами знаете, что этому не бывать. Необходимость превыше наших желаний. Вы скоро поймете, что я имею в виду. Но как бы там ни было, Альберт, давайте поговорим серьезно, как представители всемирного сообщества ученых, которые выше национальных вопросов и прочих искусственных различий между людьми. Итак, теперь вы признали реальность минимизации.

— Должен признать.— Моррисон покачал головой почти с сожалением.

— И понимаете наши проблемы?

— Слишком велик расход энергии.

— Но если мы резко снизим расход энергии, то сможем осуществить минимизацию, просто воткнув штепсель в розетку, затратив энергии не больше, чем для приготовления тостов.

— Но пока выхода нет. Или, во всяком случае, ваши люди не могут уменьшить расход энергии. Почему вы предпочитаете секретность? Почему не опубликуете открытия и не пригласите других ученых? Секретность наводит на мысль, что Советский Союз планирует использовать минимизацию в качестве какого-то орудия, достаточно сильного, чтобы ваша страна смогла разрушить взаимопонимание, благодаря которому на земле в течение двух последних поколений воцарились мир и сотрудничество.

— Это не так. Мы не хотим мирового господства.

— Надеюсь. Но если Советский Союз засекречивает открытия, невольно понимаешь, почему его подозревают в неблаговидных замыслах.

— Но ведь и у Штатов есть свои секреты, не так ли?

— Не знаю. Американское правительство мне не докладывает. Если у него есть секреты — а я полагаю, это так,— я их одобряю. Скажите, зачем они? Что случится, если минимизацией мы будем заниматься вместе? Или ее осуществят африканцы, если уж на то пошло? Мы, американцы, изобрели самолет и телефон, и все этим пользуются. Мы были первыми на Луне, но вы получили свою часть лунных поселений. С другой стороны, вы первые разрешили проблему получения солнечной энергии и строительства солнечных станций в космосе, и мы теперь равноправно участвуем в этом.

Баранова ответила:

— Все, что вы говорите,— правильно. Тем не менее на протяжении более ста лет весь мир считает бесспорным превосходство американской технологии над советской. Это нас постоянно раздражает, и хотелось бы хоть в чем-то фундаментальном и абсолютно революционном доказать явное лидерство Советского Союза.

— А как насчет мирового сообщества ученых, на которое вы ссылаетесь? Вы являетесь его членом или вы — просто советский ученый?

— И то и другое,— рассердилась Баранова.— Если бы я могла принимать решения, я, возможно, открыла бы миру наши достижения. Однако я не обладаю подобным правом. Им наделено мое правительство, а я обязана хранить ему верность. Кроме того, вы, американцы, сами толкаете нас на это. Ваши постоянные громкие заявления об американском превосходстве заставляют держать оборону.

— А разве приглашение американца, такого, как я, помочь в решении проблем не уязвляет советскую гордость?

— Что ж, да, это действительно горькая пилюля. Но, по крайней мере, она дает возможность Соединенным Штатам участвовать в открытии, за что мы вам будем признательны, Альберт. Вы проявите себя как настоящий американский патриот и восстановите свою репутацию, если поможете нам.

Моррисон горько улыбнулся:

— Подкуп?

Баранова пожала плечами:

— Если мои слова вы воспринимаете именно так, я не могу вам запретить этого. Но давайте поговорим по душам и посмотрим, что из этого выйдет.

— В таком случае поделитесь информацией. Сейчас, когда я вынужден поверить в существование минимизации, вы должны мне рассказать, на чем она основана с точки зрения физики. Удовлетворите любопытство ученого собрата.

— Вы прекрасно знаете, Альберт, что вам опасно знать слишком много. Тогда под вопросом окажется ваше возвращение. Кроме того, хоть я и умею управлять процессом минимизации, ее основные принципы мне неизвестны. Владей я этой информацией, наше правительство вряд ли рискнуло бы отправить меня в Соединенные Штаты.

— Вы хотите сказать, что мои соотечественники смогли бы похитить вас так же, как вы меня?

— Абсолютно уверена в этом, когда овчинка стоит выделки.

— А кто же действительно знает принципы действия минимизации?

— Эти имена вам тоже ни к чему. Но немного приподнять завесу таинственности я могу. Петр Шапиров — один из них.

— Сумасшедший Петр,— сказал с улыбкой Моррисон.— Я не удивлен.

— Еще бы. Уверена, вы пошутили, сказав «сумасшедший», но именно он первый разработал разумное объяснение основ минимизации. Конечно,— задумчиво добавила она,— для этого требуется некоторое безумие или по крайней мере определенный образ мысли. Шапиров также первый предложил метод достижения минимизации с наименьшим расходом энергии.

— Как? Превращение деминимизации в электромагнитное поле?

Баранова скорчила гримасу:

— Я лишь привела пример. Метод Шапирова гораздо сложнее.

— Можете объяснить?

— Только приблизительно. Шапиров заметил, что каждый из двух основных аспектов всеобщей универсальной теории Все-

ленной — квантовый аспект и аспект относительности — зависит от постоянной величины, ограничивающей их. В квантовой теории — это постоянная Планка, очень маленькая величина, но не равная нулю. В теории относительности — скорость света, которая очень велика, но не бесконечна. Постоянная Планка устанавливает нижний предел величины превращения энергии, а скорость света — верхний предел скорости передачи информации. Шапиров высказал мнение, что обе они связаны. Другими словами, если уменьшается постоянная Планка, то увеличивается скорость света. Если постоянную Планка довести до нуля, скорость света станет бесконечной.

Моррисон внезапно добавил:

— И в этом случае Вселенная станет ньютоновой по своим свойствам.

Баранова кивнула:

— Да. Шапиров считает, что причиной огромного расхода энергии в минимизации является разъединенность двух ограничений, уменьшение постоянной Планка без увеличения скорости света. Если объединить две постоянные, энергия направится от предела скорости света к пределу постоянной Планка во время минимизации. Скорость света во время минимизации будет увеличиваться, а при деминимизации — уменьшаться. Производительность достигнет почти ста процентов. Тогда для минимизации потребуется совсем мало энергии, а восстановление начнется очень быстро.

Моррисон полюбопытствовал:

— Шапиров представляет, как будут проходить процессы минимизации и деминимизации при объединении двух постоянных?

— Говорил, что знает.

— Говорил? В прошедшем времени? Не значит ли это, что он передумал?

— Не совсем так.

— Тогда в чем же дело?

Баранова медлила.

— Альберт,— сказала она почти с мольбой,— вы слишком торопитесь. Я хочу, чтобы вы подумали. Вы знаете, что минимизация действует. Вы знаете, что она возможна, но непрактична. Вы знаете, что она принесет пользу человечеству, и, уве-

ряю вас, она не принесет вреда и не будет использоваться для военных действий. Как только мы восстановим пошатнувшееся превосходство нашей державы, гриф секретности будет тут же снят.

— Правда, Наталья? Вы и ваш народ поверили бы Соединенным Штатам, будь ситуация противоположной?..

— Поверьте! — вздохнула тяжело Баранова.— Любому нелегко прийти к этому. Слабость человечества в том, что мы постоянно видим худшее в других. Кто-нибудь должен поверить первым, иначе хрупкий мир сотрудничества разрушится и мы вернемся назад в двадцатый век, с его дикостью и ужасами. Если Соединенные Штаты так сильно уверены в том, что американцы великая и самая передовая нация, почему бы им первым не рискнуть?

Моррисон развел руками:

— Я не могу ответить на ваш вопрос. Я — один из граждан и не представляю весь народ.

— Как один из граждан вы способны помочь нам, зная, что не принесете вреда своей стране.

— Одного вашего слова недостаточно, чтобы поверить. Вы представляете ваш народ так же, как я — свой. Но не в этом дело, Наталья. Как я могу сделать минимизацию практичной, если ничего не знаю о ней?

— Потерпите. Давайте лучше пообедаем. Дежнев и Калинина к этому времени закончат деминимизацию Катеньки и присоединятся к нашему обществу, заодно приведут с собой еще одного человека. С ним вы должны встретиться. Затем, после обеда, я отведу вас к Шапирову.

— Что-то я сомневаюсь, Наталья. Вы только что сами сказали, будто для меня представляет опасность знакомство с теми, кто действительно разбирается в минимизации. Я могу слишком много узнать, что затруднит мое возвращение в Штаты. Почему же я должен рисковать, встречаясь с Шапировым?

Баранова грустно ответила:

— Шапиров — исключение. Обещаю, вы поймете это, когда увидитесь с ним. Кроме того, поймете, почему мы обращаемся к вам.

— Этого,— убежденно воскликнул Моррисон,— я никогда не пойму.

20

Обед проходил в комнате, ярко освещенной электролюминесцентными стенами и потолком. Баранова с явной гордостью демонстрировала это достижение, но Моррисон удержался от обидных сравнений с Соединенными Штатами, где электролюминесценция была явлением обычным.

Он также не выразил удивления, что, несмотря на электролюминесценцию, в центре потолка висела маленькая, но красивая люстра. Ее лампочки не прибавляли света, но бесспорно придавали комнате менее больничный вид. Как и предупредила Баранова, к ним присоединился еще один человек. Юрий Конев.

— Нейрофизик, как и вы, Альберт,— сообщила Баранова.

Конев, отличающийся в свои тридцать с лишним лет какой-то мрачной красотой, производил впечатление застенчивого молодого человека. Он пожал руку Моррисону с подозрительной осторожностью и произнес на хорошем английском с явным американским акцентом:

— Рад познакомиться с вами.

— Полагаю, вы были в Соединенных Штатах? — тоже по-английски осведомился Моррисон.

— Провел два года в аспирантуре Гарвардского университета. Это дало мне великолепную возможность изучить английский.

— Однако,— заметила Баранова по-русски,— доктор Альберт Моррисон очень хорошо говорит на нашем языке, Юрий, не будем лишать его возможности попрактиковаться в нем.

— Конечно,— ответил Конев по-русски.

Моррисон на самом деле почти забыл, что находился под землей. В комнате отсутствовали окна, но света было предостаточно. За столом не наблюдалось особого оживления. Аркадий Дежнев ел с молчаливой сосредоточенностью, а Софья Калинина казалась отрешенной. Она изредка посматривала на Моррисона и полностью игнорировала Конева. Баранова наблюдала за всеми, но говорила мало. Казалось, она даже обрадовалась тому, что инициативу в разговоре взял на себя Конев.

— Доктор Моррисон, должен сказать вам, что внимательно следил за вашей работой.

Моррисон, с удовольствием поглощавший густые щи, поднял голову и улыбнулся. Первый раз с тех пор, как его обманом доставили в Советский Союз, упомянули о его работе.

— Спасибо за интерес, но Наталья и Аркадий называют меня по имени, так что не будем нарушать традицию. Давайте в тот небольшой промежуток времени, что я проведу у вас, станем обращаться друг к другу по имени.

— Помогите нам,— тихо сказала Баранова,— и вы на самом деле скоро вернетесь домой.

— Безусловно,— также тихо проговорил Моррисон,— я хочу уехать.

Конев проговорил громко, пробуя вернуть разговор в желаемое русло:

— Но должен заметить, Альберт, я не смог продублировать результаты ваших научных наблюдений.

Моррисон сжал губы:

— На то же самое жаловались мне нейрофизики в Штатах.

— Но почему? Академик Шапиров очень заинтересовался вашими теориями и утверждает, что вы, возможно, правы. По крайней мере, в чем-то.

— Но Шапиров — не нейрофизик, не так ли?

— Да, но у него необыкновенное чутье. Обсуждая что-то, он говорил: «Кажется, это правильно»,— и оно оказывалось верным хотя бы частично. Шапиров считает, что вы, возможно, находитесь на пути создания интересного ретранслятора.

— Ретранслятора? Не знаю, что он имеет в виду.

— Эти слова я однажды услышал от него. Без сомнения, он высказывал личные соображения.— Конев бросил проницательный взгляд на Моррисона, словно ожидал замечаний.

Моррисон не обратил внимания.

— Все, что я сделал,— пояснил он,— так это установил новый тип анализа импульсов головного мозга и перешел к более подробному исследованию особой схемы, находящейся внутри мозга и занимающейся творческим мышлением.

— Здесь, наверное, вы немного преувеличиваете, Альберт. Сомневаюсь, что ваша схема действительно существует.

— Результаты ясно на это указывают.

— На собаках и обезьянах. Неизвестно, насколько мы можем экстраполировать подобную информацию к гораздо более сложной структуре человеческого мозга.

— Признаюсь, не анатомировал человеческий мозг, но тщательно проанализировал импульсы человеческого мозга, и результаты, по крайней мере, не противоречат моей гипотезе творческой структуры.

— Именно это у меня вышло продублировать, как и у американских коллег.

Моррисон опять проигнорировал выпад.

— Необычайно трудно провести адекватный анализ импульсов мозга на пятеричном уровне. Ведь никто годами не занимался этой проблемой.

— И ни у кого нет специального компьютерного оборудования. Вы разработали собственную программу для анализа мозговых импульсов, не так ли?

— Да.

— И описали ее?

— Конечно. Достигнутые результаты без описания программы ничего не стоят. Кто подтвердит их без эквивалентной компьютерной программы?

— Все же в прошлом году на международной нейрофизической конференции в Брюсселе я слышал, вы продолжили изменять программу и что для подтверждения выводов не хватает сложного программирования, которое давало бы возможность делать анализ Фурье при необходимой степени чувствительности.

— Нет, Юрий, это ложь. Абсолютная ложь. Время от времени я менял программу, но каждое изменение подробно описывал в «Компьютерной технологии». Пробовал опубликовать данные в «Американском журнале нейрофизики», но в последнее время мои научные статьи не проходят. И не моя вина, если кто-то ограничивается лишь чтением «АЖН» и плохо знаком с другими источниками.

— И все же...— Конев сделал паузу и нахмурился, будто сомневался в собственных мыслях.— Не знаю, должен ли сказать вам. Это может вам не понравиться.

— Давайте. В последние годы я привык к замечаниям разного рода — враждебным, язвительным и — хуже всего — жалостливым. Я стал бесчувственным как чурбан. Между прочим, очень вкусная котлета по-киевски.

— Специально для гостя,— сдержанно пробормотала Калинина.— Излишек масла плохо сказывается на фигуре.

— Ха,— громко отреагировал Дежнев.— Вредно для фигуры. Чисто американское замечание, не имеющее смысла для русских. Мой отец всегда говорил: «Организм знает, что ему нужно. Поэтому определенные вещи кажутся вкусными».

Калинина закрыла глаза, выражая свое явное неудовольствие.

— Рецепт самоубийства,— заявила она.

Моррисон заметил, что Конев не смотрел в сторону Софьи. Будто ее здесь не было. Поэтому решил к нему обратиться:

— Вы что-то сказали, Юрий? О чем-то, что может мне не понравиться.

Конев решился:

— Это правда, Альберт, что вы предоставили своему коллеге программу, но, даже введя ее в свой компьютер, он не смог повторить ваших результатов?

— Правда, правда,— ответил Моррисон.— Во всяком случае, этот мой коллега, довольно способный человек, так мне позже сказал.

— Подозреваете, что он солгал?

— Нет. Просто результаты наблюдений столь неуловимы и кратковременны, что скептическая попытка их отыскать действительно и привела к неудаче.

— Вы примете возражение, Альберт? Ведь, с другой стороны, ваша уверенность в успехе и привела к тому, что воображение нарисовало вам удачное завершение эксперимента?

— Допускаю,— согласился Моррисон.— Мне часто указывали на это в прошлом. Но в данном случае это утверждение не проходит.

— Еще один слух,— продолжал Конев.— Мне неприятно вспоминать о нем, но важно внести ясность. Принадлежит ли вам утверждение, будто, анализируя испускаемые человеческим мозгом импульсы, вам иногда удается расшифровать мысли?

Моррисон решительно покачал головой:

— Я никогда не делал таких заявлений в печати. Просто раз или два рассказал коллеге, что, когда сосредотачиваюсь на анализе импульсов, иногда чувствую, как мой собственный разум заполняется различными мыслями. Я пока не нашел способа определить, мои ли это собственные мысли или же сигналы, идущие от моего мозга, резонируют с импульсами испытуемого.

— А такой резонанс возможен?

— Предполагаю, что да. Эти колебания способны порождать небольшие переменные электромагнитные поля.

— А! Так вот что, видимо, побудило академика Шапирова бросить эту фразу о ретрансляторе. Волны, распространяемые головным мозгом, всегда порождают переменные электромагнитные поля независимо от того, подвергаете вы их анализу или нет. Вы не резонируете — в обычном смысле этого слова — с мыслями другого человека, как бы интенсивно он в этот момент ни мыслил. Резонанс появляется, только когда вы углубляетесь в изучение волн при помощи специальной программы компьютера. Компьютер, по-видимому, и выполняет роль ретранслятора, усиливая волны, распространяемые мозгом испытуемого, проецируя их на ваш мозг.

— У меня нет доказательств. Только промелькнувшее несколько раз ощущение. Но его недостаточно.

— Все впереди. Человеческий мозг — самая сложная из всех известных систем.

— А как насчет дельфинов? — спросил Дежнев с полным ртом.

— Пустые надежды,— поспешил с ответом Конев.

— Они понятливые, но их мозг полностью подчинен существованию и выживанию, в их головах не остается места для абстракций, присущих человеку.

— Никогда не занимался дельфинами,— равнодушно заметил Моррисон.

— К черту дельфинов,— нетерпеливо бросил Конев.— Давайте сконцентрируем внимание на факте, что компьютер после введения в него специальной программы может действовать как ретранслятор, передавая мысли наблюдаемого в ваш мозг. Если это действительно так, то вы, Альберт, необходимы нам как никто другой на свете.

Нахмурившись и отодвигая свой стул, Моррисон возразил:

— Даже если я и читаю чужие мысли при помощи компьютера — кстати, никогда этого не утверждал и фактически отрицаю,— никак не могу взять в толк, какое это имеет отношение к минимизации?

Баранова поднялась и бросила взгляд на часы.

— Пора. Пойдемте навестим Шапирова.

Моррисон заметил:

— Мне абсолютно все равно, что он скажет.

— Сами увидите,— произнесла Баранова голосом, в котором послышались железные нотки,— он не проронит ни слова и одновременно будет чрезвычайно убедителен.

21

Моррисон держал себя в руках. Русские обращались с ним, надо отметить, как с дорогим гостем. Если бы знать причину, по которой его сюда притащили, то жаловаться было бы не на что. Куда они клонят? Одного за другим Баранова представляла своих сотрудников — первым Дежнева, затем Калинину, потом Конева. Но Моррисон терялся в догадках. Снова и снова Баранова намекала на необходимость его присутствия, ничего при этом не объясняя. Вот и Конев завел с ним разговор, но не внес ясности.

А теперь еще предстоял визит к Шапирову. Пока ясно одно — свидание с ним должно расставить все точки над i. После того, как Баранова впервые упомянула об академике двумя днями раньше, Моррисону почудилось, что дух Шапирова витает здесь, словно сгущающийся туман. Именно он разработал процесс минимизации, именно он обнаружил связь между постоянной Планка и скоростью света. Именно он оценил нейрофизические теории Моррисона и именно он бросил фразу о компьютере в роли ретранслятора. По-видимому, эта фраза и убедила Конева, что Моррисон — и только Моррисон — будет им полезен.

И Моррисону ничего не оставалось, кроме как противостоять уговорам и аргументам, которые станет выдвигать Шапиров. Если он докажет, что не сможет им помочь, то что они сделают? Станут угрожать или пытать? Или решатся на промывку мозгов?

При этой мысли Моррисон содрогнулся. Он не осмеливался отказать им, заявив честно, что просто не хочет с ними связываться. Ему предстоит убедить их, что он не пригоден для столь великих замыслов. Определенно, такая позиция разумна. Ее следует придерживаться. Какое отношение нейрофизик имеет к минимизации? Почему они сами этого не видят? И ведут

себя так, словно именно он, который еще сорок восемь часов назад даже не думал ни о какой минимизации, способен оказать им содействие?

Они шли по коридорам довольно долго, пока углубившийся в мрачные мысли Моррисон не заметил, что их стало меньше.

Он обернулся к Барановой:

— А где остальные?

Она ответила:

— У них есть работа.

Моррисон покачал головой. Да уж, болтливыми их не назовешь. Не вытянешь и слова. Держат рот на замке. Наверное, у русских эта привычка выработалась за годы советской власти. А может, связана с работой над секретным проектом: когда ученые не имеют доступа к исследованиям коллег.

Не держат ли они его за американское научное светило? Ведь он определенно не давал для этого никакого повода. По правде говоря, он вообще считал себя узким специалистом, фактически не сведущим нигде, кроме нейрофизики.

«Такова прогрессирующая болезнь всей современной науки»,— подумал он об узкой специализации.

Они вошли еще в один лифт, который он разглядел в самый последний момент, поднялись еще на один уровень. Осмотревшись, Моррисон отметил характерные черты, над которыми не властны национальные и культурологические различия.

— Мы в медицинском отсеке? — поинтересовался он.

— В клинике,— поправила Баранова.— Грот — научно-исследовательский комплекс, обеспеченный всеми жизненно важными структурами.

— Зачем мы здесь? Меня что...

Внезапно он осекся, охваченный ужасом промелькнувшей в голове мысли. «Собираются накачивать наркотиками или какими-то препаратами?»

Баранова прошла немного вперед, остановилась и, оглянувшись, спросила раздраженно:

— Ну, что на этот раз вас ввергло в панику?

Моррисон смутился. Неужели выражение лица так выдает его?

— Ничего я не боюсь,— отмахнулся он.— Просто устал от бесполезных хождений.

— Почему бесполезных, с чего вы взяли? Я же сказала, нам нужно увидеть Петра Шапирова. К нему мы сейчас и идем. Мы уже почти пришли.

Они свернули за угол, и Баранова подвела его к окну.

Пристроившись к ней, Моррисон заглянул внутрь. Он разглядел палату, где находилось несколько человек. Вокруг кровати — неизвестное оборудование. Кровать помещалась под стеклянным колпаком, к ней тянулись различные трубочки. Моррисон насчитал в помещении больше десятка человек медицинского персонала, не разбирая, кто врач, кто медсестра, а кто просто санитар.

Баранова указала глазами:

— Это и есть академик Шапиров.

— Который? — не понял Моррисон.

Его глаза поочередно останавливались на каждой фигуре, но ни в одной из них он не узнавал академика, с которым встречался лишь однажды.

— На кровати.

— На кровати? Он болен?

— Хуже. Он в коме. Уже целый месяц. Мы подозреваем, что его состояние уже необратимо.

— Ужасная новость, мои соболезнования. Полагаю, поэтому вы перед обедом говорили о нем в прошедшем времени?

— Да, прежний Шапиров в прошлом, разве что...

— Разве что он выздоровеет? Но вы ведь только что сказали, что процесс необратим.

— Это так. Но его мозг продолжает жить. Определенные нарушения, конечно, есть, иначе он не был бы в коме. Но мозг еще функционирует, поэтому Конев, наблюдавший за вашей работой, считает, что частично его мыслительная деятельность сохранена.

— А-а,— проговорил Моррисон, внезапно прозрев.— Я, кажется, начинаю понимать. Отчего вы не рассказали мне все с самого начала? Если вам нужна была моя консультация по этому вопросу, то нужно было объяснить суть дела сразу, и я поехал бы с вами по доброй воле. Но, с другой стороны, обследуй я его церебральные функции и скажи: «Да, Юрий Конев прав», какую бы это принесло вам пользу?

— Это не принесло бы никакой пользы. Вы все еще не понимаете, чего мы от вас хотим, а я не могу объяснить, пока вы

не вникли в суть проблемы. Вы осознаете, что хранится во все еще живых участках шапировского мозга?

— Мысли, я полагаю.

— И прежде всего мысли о взаимосвязи между постоянной Планка и скоростью света. Мысли об ускорении процесса минимизации и деминимизации. Как снизить затраты энергии на этот процесс и применять его на практике. Эти мысли могут открыть перед человечеством совершенно иные технические возможности, они сделают революцию в науке, технике и в обществе, конечно. И не менее значимую, чем появление транзистора или даже добыча огня в первобытном обществе.

— Не много ли пафоса?

— Нет, Альберт. Вам и в голову не приходило, что если связать воедино процесс минимизации и увеличение скорости света, то космический корабль при достаточном уменьшении сможет достигать любой точки Вселенной в несколько раз быстрее обычной скорости света. Нам не потребуется сверхсветовой полет. И антигравитационная система больше не потребуется, так как масса уменьшенного корабля окажется близкой к нулю.

— Что-то не могу я в это поверить.

— Вы не верите в минимизацию?

— Да нет, я не это имел в виду. Я не могу поверить, будто решение этой проблемы беспокоит только одного человека. Другие ведь тоже наверняка иногда об этом думают? Ну, если проблему не разрешат сегодня, то, возможно, в следующем году или в следующем десятилетии?

— Легко ждать, если вы не имеете к этому отношения, Альберт. Беда в том, что мы не собираемся дожидаться следующего десятилетия или даже следующего года. Центр Грот, в котором вы находитесь, обходится Советскому Союзу примерно в такую же сумму, что и небольшая война. Всякий раз, когда мы пытаемся что-нибудь уменьшить — пусть даже ту же Катеньку,— мы затрачиваем энергию, которой хватило бы городу средних размеров на целый день жизни. Давно уже правительство требует отчета о наших непомерных расходах. И многие ученые, не понимающие важности минимизации или просто из зависти, жалуются, что ради Грота вся советская наука сидит на голодном пайке. Если мы не создадим устройства, позволяющие снизить затраты энергии — и значительно,— наш проект свернут и спишут в архивы.

— И все же, Наталья, если вы опубликуете имеющиеся у вас материалы по минимизации и доведете их до сведения Ассоциации глобального развития науки, то огромное количество ученых начнет ломать над этим голову и быстро отыщет способ объединения постоянной Планка со скоростью света.

— Вы правы,— ответила Баранова,— и, вероятно, ученый, который подберет ключ к низкозатратному процессу минимизации, окажется добрым американцем либо французом, а может быть, нигерийцем или уругвайцем. Но пока им владеет советский ученый, и у нас нет желания упускать первенство.

Моррисон, в свою очередь, заметил:

— Вы забываете о всемирном братстве ученых. Не стоит разбивать его на отдельные части.

— Вы бы заговорили иначе, если бы речь шла об американском ученом, находящемся на грани открытия. Представьте, что к вам обращаются с просьбой воспользоваться результатами его исследований для чужой выгоды. Вспомните, какая реакция последовала из Америки на запуск первого советского спутника?

— Но с тех пор мы определенно продвинулись.

— Да, на километр, а могли бы на десять. Мир по-прежнему не умеет мыслить глобально. Все достижения являются в определенной степени национальной гордостью.

— Тем хуже для этого мира. Уж коль скоро мы не научились думать глобально и вынуждены питать национальную гордость, то, по-видимому, мне следует позаботиться и о своей. С какой стати я, американец, должен беспокоиться об упускающем свое открытие советском ученом?

— Я всего лишь прошу вас понять важность этой проблемы для нас. Я прошу вас всего на минуту влезть в нашу шкуру и почувствовать отчаяние, с которым мы пытаемся узнать хоть что-то из наследия Шапирова, почти канувшего в Лету.

Моррисон сдался:

— Ладно, я все понимаю. Не одобряю, но понять вас могу. Пожалуйста, объясните мне, что требуется от меня?

— Мы хотим,— горячилась Баранова,— чтобы вы помогли нам извлечь мысли Шапирова, которые продолжают жить в его мозгу.

— Но как? Исследования, проводимые мною, не имеют ничего общего с работами Пита. Хорошо, мы допустим, что в го-

ловном мозге имеется сеть передачи данных и что импульсы, излучаемые им, можно улавливать, подробно анализировать. Более того, допустим, что мне несколько раз удавалось уловить чужие ментальные образы, возможно, спроецированные моим собственным воображением,— в любом случае, я не знаю способа, позволяющего исследовать импульсы головного мозга и превращать их в реальные мысли.

— И даже если бы у вас появилась возможность детально анализировать импульсы отдельной нервной клетки, взятой из сети передачи данных головного мозга?

— При изучении отдельной клетки я не приближусь ни на шаг к необходимым вам результатам.

— Вы не допускаете, что мы можем просто уменьшить вас до необходимых размеров и поместить в эту клетку.

У Моррисона от страха подкосились ноги. Она при первой встрече намекала на что-то подобное, но он отнесся к этой мысли как к абсурду, потому что не верил в возможность минимизации. Но грубо ошибался. И ужас парализовал его, накрыв холодной волной.

22

Моррисон ни тогда, ни после не мог с полной ясностью восстановить последовавшие за словами Барановой события. Он словно погрузился во мрак.

А очнувшись, обнаружил себя лежащим на кушетке в небольшом кабинете. Баранова и выглядывавшие из-за нее Дежнев, Калинина и Конев неотрывно следили за ним. Лица этой троицы не сразу обрели ясные очертания.

Он попытался сесть, но Конев удержал его за плечо:

— Альберт, пожалуйста, вам надо отдохнуть. Набирайтесь сил.

Моррисон в смущении переводил взгляд с одного на другого. Что-то его встревожило, но не удавалось вспомнить, что именно.

— Что произошло? Как я здесь очутился?

Он еще раз обвел взглядом комнату. Нет, раньше он здесь не бывал. Он помнил, как смотрел через окно на человека, лежавшего на больничной койке.

Он спросил озадаченно:

— Я что, потерял сознание?

— Ну, не совсем,— отозвалась Баранова,— но некоторое время вы были не в себе. По-видимому, у вас приключился шок.

Теперь Моррисон все вспомнил. Он снова попытался приподняться и на этот раз более энергично оттолкнул руку Конева. Он сел, опершись о кушетку.

— Я вспомнил. Вы хотели, чтобы я подвергся минимизации. Что со мной произошло после ваших слов?

— Вы стали раскачиваться из стороны в сторону и потеряли всякий интерес к происходящему. Пришлось уложить вас на каталку и доставить сюда. Мы посчитали, что необходимости в лекарствах нет, отдых и покой восстановят ваши силы.

— Вы ничего мне не вводили? — Моррисон рассеянно смотрел на руки, пытаясь разглядеть следы от инъекций через рукава своей рубашки.

— Ничего, заверяю вас.

— Я что-нибудь говорил перед тем, как впасть в прострацию?

— Ни слова.

— Ну, так позвольте сказать сейчас. Я не собираюсь подвергаться минимизации. Это ясно?

— Ясно, что таков ваш ответ.

Дежнев присел на кушетку рядом с Моррисоном. В одной руке он держал полную бутылку, а в другой пустой стакан.

— Выпейте, это вам сейчас не повредит,— проговорил он, наливая стакан до половины.

— Что это? — поинтересовался Моррисон, пытаясь отвести его руку.

— Водка,— ответил Дежнев.— Хоть и не лекарство, но замечательно восстанавливает силы.

— Я не пью.

— Ну, в жизни все надо попробовать, дорогой Альберт. Испытать на себе согревающее действие водки необходимо даже тем, кто не пьет.

— Я не пью не потому, что не одобряю это. Просто не умею пить. Мой организм не принимает алкоголь. Стоит мне сделать пару глотков, и через пять минут я буду пьян. Пьян в стельку.

Брови Дежнева поползли вверх:

— И всего-то? А для чего же мы пьем? Пейте, если вы пьянеете, понюхав пробку, благодарите Бога за экономию. Пятнадцать капель согреют вас, ускорят кровообращение, прояснят

голову, позволят собраться с мыслями. И к тому же прибавят смелости.

Калинина произнесла полушепотом:

— Не ждите, что капля алкоголя сотворит чудеса.

Моррисон отчетливо расслышал ее слова. Он быстро повернул голову и пристально посмотрел в ее глаза. Сейчас Калинина не казалась ему такой привлекательной, как при их первой встрече. Взгляд ее был тяжелым и неумолимым.

Моррисон продолжал сопротивляться:

— Я никогда не пытался выставить себя храбрецом. Никогда не говорил и не делал ничего, что позволило бы вам рассчитывать на мою помощь. Я очутился здесь по принуждению, сами знаете. Разве я вам чем-то обязан?

Баранова попыталась успокоить его:

— Альберт, вас трясет. Один глоток. Вы не опьянеете от глотка. А больше вас никто и не заставляет пить.

Пытаясь показать, что он не трусит, Моррисон, секунду поколебавшись, взял стакан из рук Дежнева и храбро глотнул. Горло обожгло, огонь пробирался дальше. Водка была сладковатой на вкус. Сделав еще один глоток, побольше, он вернул стакан Дежневу. Тот пристроил стакан и бутылку на небольшой столик рядом с кушеткой.

Моррисон попытался что-то сказать, но закашлялся. Потом собрался с силами:

— Действительно неплохо. Согласен с вами, Аркадий...

Дежнев потянулся за стаканом, но Баранова повелительным жестом остановила его:

— Все. Достаточно, Альберт. Вам нужна ясная голова. Теперь вы успокоились и сможете выслушать нас.

Моррисон ощущал разливающееся по телу тепло. Так бывало, когда изредка на дружеских встречах он выпивал немного шерри, а однажды даже хлебнул сухого мартини. Он считал, что сейчас в состоянии разнести в пух и прах любой аргумент.

— Ну что ж,— проговорил он,— начинайте.— И плотно сжал губы.

— Я не утверждаю, Альберт, что вы нам что-то должны, и приношу тысячу извинений, что по моей вине вам пришлось испытать шок. Мы прекрасно понимаем, что вы отвергаете безрассудные эксперименты, и пытались преподнести наше пред-

ложение как можно осторожнее. Признаюсь, я надеялась, что вы поймете ценность эксперимента без дополнительных объяснений.

— Вы ошибались,— заметил Моррисон.— Такая сумасшедшая мысль никогда не могла зародиться в моей голове.

— Но вы же понимаете, в каком мы сейчас положении, не так ли?

— Понимаю, только не вижу, как ваше положение связано с моим.

— Но ведь вы тоже в долгу перед наукой.

— Наука — это абстракция, перед которой я благоговею. Но не чувствую особого желания принести в жертву этой абстракции свое более чем конкретное тело. Да и суть вышесказанного заключается в том, что на карту поставлена советская, а не мировая наука.

— Ну подумайте хотя бы об американской науке,— не сдавалась Баранова,— если вы нам поможете, то можете рассчитывать на свою долю в этом эксперименте. Он станет совместной советско-американской победой.

— Вы подтвердите мое соавторство? — полюбопытствовал Моррисон.— Или же весь эксперимент будет заявлен чисто советским?

— Даю вам слово,— ответствовала Баранова.

— Но вы не можете предать свое правительство.

— Ужас,— отреагировала Калинина,— он уже решает за наше правительство.

Конев обратился к Барановой:

— Подожди, Наталья. Дай я поговорю с нашим другом из Америки по-мужски.

Присев рядом с Моррисоном, он начал:

— Альберт, вы ведь сами заинтересованы в результатах собственных исследований. Признаем, пока вы мало в них продвинулись, и они весьма незначительны. В своей стране вам не удалось никого убедить, и вряд ли представится такой шанс. Ваши возможности ограниченны. Мы же предлагаем новые перспективы для работы, о которых вы и не мечтали еще три дня назад и которых, если откажетесь от них, может никогда больше не быть. У вас есть шанс перейти от романтических спекуля-

ций в науке к убедительным фактам. Так воспользуйтесь им и непременно станете самым известным физиком в мире.

Моррисон возразил:

— Вы хотите, чтобы я рисковал жизнью в не прошедшем испытания эксперименте?

— Есть много прецедентов. На протяжении всей истории ученые, рискуя собой, проводили исследования. Взмывали в небо на воздушных шарах и спускались в глубь морей в примитивно оснащенных аппаратах, чтобы производить измерения и записывать наблюдения. Химики рисковали, испытывая яды и взрывчатые вещества, биологические патогены всех типов. Физиологи принимали ради эксперимента серу, а физики пытались проверить последствия ядерного взрыва, понимая, что подвергают себя, да и саму планету, смертельному риску.

Моррисон вяло заметил:

— Хватит травить байки. Вы никогда не признаете, что американец принимал участие в открытии. Разве допустимо, чтобы советская наука потеряла первенство в данном вопросе?

— Давайте,— продолжал Конев,— будем честны друг с другом. Альберт, нам не удастся скрыть ваше участие, как бы нам ни хотелось. Американскому правительству известно, что вас доставили сюда. Вы тоже знаете, что они об этом знают. Они не остановили нас только потому, что сами были не против вашего участия. Так вот, они поймут или по крайней мере догадаются, зачем вы нам нужны, после того, как мы объявим об удачном завершении эксперимента. И это еще раз убедит их, что американская наука на этот раз лично в вашем лице показала себя с лучшей стороны.

Моррисон некоторое время сидел молча, опустив голову. Щеки от выпитой водки горели. Он спиной чувствовал, как четыре пары глаз неотрывно следили за ним и как все четверо задерживают дыхание.

Посмотрев на них, он произнес:

— Позвольте один вопрос. Почему Шапиров оказался в коме?

Три пары глаз переместились на Наталью Баранову.

Моррисон, проследив за их взглядами, тоже уставился на нее.

— Ну? — повторил он.

Баранова, выдержав паузу, ответила:

— Альберт, я скажу вам правду, даже если это окончательно разобьет наши надежды. Если мы попытаемся солгать, вы перестанете верить любому нашему слову. А если поймете, что мы честны, то, возможно, сохраните к нам доверие в будущем. Академик Шапиров впал в кому после минимизации, которой мы хотим подвергнуть и вас. При деминимизации случилась неприятность, в результате разрушился один участок мозга. Видимо, навсегда. Такое может случиться, и мы не пытаемся скрыть это от вас. Ну а теперь, оценив нашу полную искренность, скажите ваше слово.

Глава 6

РЕШЕНИЕ

«Мы всегда уверены, что принятое нами решение неверно».

Дежнев-старший

23

Моррисон поднялся. Ноги плохо держали его — то ли от выпитой с непривычки водки, то ли от нервного напряжения или же виной тому стало последнее откровение Натальи. Он осторожно потоптался на месте, словно проверяя свою координацию, и прошелся по комнате.

Глядя в лицо Барановой, он хрипло произнес:

— Одно дело уменьшать кролика, на нем эксперименты могут и не сказаться. Но вы поймите, мозг человека — сложнейшая система, до конца не изученная. И там, где другие примитивные системы выживают, человеческий мозг чаще всего гибнет.

— Я понимаю,— бесстрастно заметила Баранова,— но исследования доказали, что минимизация не оказывает ни малейшего влияния на внутренние процессы, происходящие в уменьшаемом объекте. Теоретически нет никакого пагубного воздействия на человеческий мозг.

— Теоретически! — презрительно передразнил ее Моррисон.— Как можно, опираясь исключительно на одну теорию,

проводить эксперимент на Шапирове, великом ученом, интеллект которого вы так воспевали? И теперь, когда несчастный профессор в коме, когда минимизация человека потерпела фиаско, у вас хватает наглости предложить мне участие в вашем сомнительном, бесчеловечном мероприятии. Желаете за счет меня восполнить потери? Но ведь и меня ожидает участь Пита. Потому я категорически отказываюсь.

Дежнев возразил:

— Не говорите чепухи. Никакое это не безумие, мы действовали правильно. Вся вина лежит на Шапирове.

— В какой-то мере, да,— поддержала его Баранова.— Шапиров натура эксцентричная. Я знаю, у вас его называли «Crazy Peter», и это недалеко от истины. Он одержим экспериментом по минимизации. Говорил, что старость не за горами и не собирается уподобляться Моисею, достигшему Земли обетованной, но так на нее и не ступившему.

— Но ведь можно было запретить ему ставить на себе опыты.

— Кому? Мне? Запретить Шапирову? Вы это серьезно?

— Ну не вы, так правительство. Если уж Советский Союз дорожит этой своей минимизацией...

— Шапиров грозился вовсе прекратить работу над проектом, если мы не сделаем так, как он хочет. Пришлось уступить. Да и у правительства нынче не столь длинные руки, как раньше, когда оно расправлялось с неугодными учеными. После всего, что было, оно теперь прислушивается к мнению мировой общественности, так же, впрочем, как и ваше правительство. Такова цена международного сотрудничества. Не мне судить, хорошо это или плохо. Короче говоря, Шапирова минимизировали.

— Абсолютное безумие,— пробормотал Моррисон.

— Не совсем,— возразила Баранова,— мы соблюли все предосторожности. Несмотря на то что каждый эксперимент по минимизации стоит огромных денег (от чего бросает в дрожь членов Центрального координационного комитета), мы настояли на постепенном проведении. Дважды подвергали минимизации шимпанзе и дважды возвращали их в нормальное состояние, не отмечая при этом никаких изменений ни в поведении, ни в показаниях энцефалографа.

— Шимпанзе — все же не человек,— заметил Моррисон.

— Мы в курсе,— помрачнела Баранова.— И тем не менее следующий эксперимент провели на человеке. Нашелся доброволец. Юрий Конев, если говорить прямо.

— Пришлось пойти на это,— заметил Конев.— Именно я доказывал, что мозг не пострадает. Я нейрофизик, выполнял для проекта все необходимые расчеты. Не просить же кого-то рисковать здравомыслием, доказывая верность моих расчетов. Жизнь — черт с ней. Рано или поздно все там будем. Здравый смысл гораздо важнее.

— Какие мы храбрые,— прошептала Калинина, разглядывая свои ногти,— поступок настоящего советского человека.

Ее рот скривился, на лице нарисовалась кривая усмешка.

Глядя в упор на Моррисона, Конев проговорил:

— Да, я — советский гражданин, но патриотические соображения ни при чем. Мне кажется, в данном случае они не совсем уместны. Я сделал это из соображений порядочности и научной этики. У меня была уверенность в точности расчетов, но чего она стоит, если я не в состоянии проверить свою теорию на практике? Правда, речь шла и о более личных мотивах. После того, как минимизацию навечно занесут в историю, меня назовут первым человеком, подвергшимся ее воздействию. Это даже затмит подвиги моего великого прадеда-генерала, громившего фашистов во время Великой Отечественной войны. Я прославлюсь. И вовсе не из тщеславия, а потому, что мирные завоевания в науке ценю превыше любых военных побед.

Баранова прервала его:

— Ладно, отложим речи об идеалах и вернемся к фактам. Так вот, мы подвергали Юрия минимизации дважды. В первый раз уменьшили в два раза, после вернули в обычное состояние. Потом он был минимизирован до размеров мыши и снова успешно вернулся в норму.

— И после взялись за Шапирова? — спросил Моррисон.

— Да, следующим стал Шапиров. К тому времени он вышел из-под контроля. Отстаивал до хрипоты право быть первым минимизированным человеком. После первого рискованного опыта на Коневе едва удалось уговорить его подождать следующей попытки, более серьезной. Профессор стал невыносим. Он припугнул, что бросит работу над проектом и вообще покинет страну, возобновив исследования по минимизации за гра-

ницей, если мы не минимизируем его до самых маленьких размеров. Он не оставил выбора. Представляете, «Сумасшедший Питер» болтал об эмиграции!.. Правительство не могло допустить такого позора. Пришлось пойти на поводу у Шапирова и минимизировать его до размера клетки.

— И это убило его?

— Вовсе нет. У нас не было причин для беспокойства. Когда пришло время деминимизации, мы на одной из стадий допустили оплошность. Деминимизация проводилась чуть быстрее, чем нужно, хотя температура тела повышалась слишком медленно. Эффект высоких температур. Он не убил его, но нанес непоправимый ущерб его мозгу. Если бы можно было сразу оказать ему помощь... Но до окончания процесса нет никакой возможности вмешиваться в ход эксперимента. Время было безвозвратно утеряно. Результат — трагедия... Последний шанс — спасти его мысли.

— Но, уменьшая меня, вы снова можете ошибиться!

— Да,— согласилась Баранова.— Это так. Не отрицаю. Наука познала и неудачи, и ошибки. Нет нужды напоминать о гибели как советских, так и американских космонавтов. Но печальный инцидент не помешал созданию поселений на Луне и освоению космоса как новой среды обитания человека.

— Возможно, но космос осваивают добровольцы. Никого еще не запускали на орбиту против воли. А я не горю желанием занять место кролика.

Баранова не отступала:

— Вам нечего бояться. Сделано все возможное, чтобы свести опасность к нулю. И вы, между прочим, будете там не один. Конев и Шапиров пошли по одиночке, беззащитные, как кролики, потому что подверглись миниатюризации в открытом пространстве. Вы же будете находиться в корабле, подобном усовершенствованному батискафу. Он, в свою очередь, без всякого риска способен подвергаться как уменьшению, так и увеличению. Минимизация с неодушевленным объектом обходится несколько дешевле, потому что позволяет с большей легкостью переносить повышение температуры.

— Наталья, мне абсолютно все равно, один ли я буду участвовать в эксперименте или в компании со всей Армией СССР...

Баранова проигнорировала ехидную реплику.

— В корабле,— продолжала она,— нас будет четверо: я, Софья, Юрий и Аркадий. Потому вас и познакомили. Мы все будем участниками этой величайшей экспедиции. Нам не придется пересекать океан или углубляться в безвоздушное пространство. Вместо этого мы окажемся в микроскопическом мире и проникнем в человеческий мозг. Вы способны устоять перед такой великолепной возможностью, вы, нейрофизик?

— Да. Устою. Запросто. Я отказываюсь...

Баранова не спешила сдаваться:

— Но ваше программное обеспечение! Ваша бесценная программа! Когда вас доставили сюда, она находилась в вашем кармане. На борту корабля установлен компьютер такой же модели, как и в вашей лаборатории. И отправимся мы ненадолго. Опасность для каждого из нас одна. Вы произведете анализ при помощи компьютера, зафиксируете свои сенсационные открытия, после этого нас сразу же деминимизируют, и ваша миссия завершится! Скажите, что вы поможете нам! Дайте согласие!

Моррисон, сжав кулаки, упрямо повторял:

— Нет, нет и нет!

Баранова печально вздохнула:

— Сожалею, Альберт, но такой ответ нам не подходит, отказ неприемлем...

24

Сердце Моррисона громко стучало. Явно назревала нешуточная борьба характеров и оппозиций. Он вряд ли сумеет противостоять этой особе, она из тех, что мягко стелют да жестко спать. Более того, за ее плечами мощь СССР, а он одинок и беспомощен в их стране. Однако он бросился в атаку с отчаяньем смертника:

— Надеюсь, вы понимаете, что ваша затея не более чем романтическая фантазия. Откуда вы знаете о взаимосвязи между постоянной Планка и скоростью света? В вашем арсенале лишь утверждения Шапирова. Вы уверены в правильности его предположений? Он ознакомил вас с деталями? Предоставлял доказательства? Обоснования? Математический анализ... Я слышал одни голословные утверждения. Не правда ли?

Моррисон надеялся, что его аргументация прозвучит убедительно. В любом случае, если бы Шапиров сообщил им нечто уникальное, они не стали бы ввязываться в авантюру с копанием

в его мозге. Доктор с трудом отдышался, приготовившись услышать ответ.

Бросив взгляд на Конева, Баранова нехотя заявила:

— Как и раньше, будем с вами говорить прямо и откровенно. Кроме нескольких высказываний Шапирова, в нашем распоряжении ничего не имеется, ваша догадка верна. Профессор был скрытен, предпочитал не разглашать свои мысли до тех пор, пока досконально не изучит проблему. Только тогда вываливал на головы слушателей поток информации со всеми выкладками. В этом отношении Шапиров ребячлив. Возможно, из-за эксцентричности — или гениальности... Или из-за всего, вместе взятого.

— И после всего вышесказанного вы беретесь утверждать, что его предположение имеет под собой какие-то основания?

— Если академик Шапиров заявляет: «Чувствую, что здесь, мол, все сложится так и эдак», то его предположения практически всегда подтверждаются.

— Сомневаюсь. Всегда ли?

— Почти всегда.

— А, «почти»... Может, перед нами то самое исключение?

— Вполне возможно.

— Кроме того, если его предположение и имеет под собой основания, где уверенность, что оно не превратилось в прах в разрушенной части мозга?

— Да, и это звучит убедительно.

— Или же... Мысли его находятся в нетронутом состоянии, но где гарантия, что мне удастся их интерпретировать?

— Все возможно.

— Следовательно: предположение Шапирова, во-первых, может оказаться просто ошибкой, во-вторых, оказаться вне пределов досягаемости, или же я не смогу его интерпретировать. С учетом вышесказанного, каковы наши шансы? Стоит ли подвергать жизнь опасности ради предприятия, заранее обреченного на провал?

— Если отнестись к вашим выкладкам объективно,— ответствовала Баранова,— то шансы весьма незначительны. Но если отказаться от любых действий, то шансы будут равны нулю. Голому нулю. Если же рискнем и пойдем на эксперимент, то шансов на успех тоже немного... При сложившихся обстоятельствах риск оправдан. Несмотря на призрачную надежду.

— Что касается меня,— не сдавался Моррисон,— риск слишком велик, а шансы на успех ничтожны.

Баранова положила руку на плечо Моррисона:

— Уверена, вы еще не все обдумали.

— А я уверен как раз в обратном.

— Подумайте хорошенько. Подумайте, что это значит для Советского Союза. Подумайте о пользе для Америки, которая станет гордиться вами. Подумайте о глобальной науке и о собственной славе и репутации. Все говорит «за». «Против» — одни страхи. Они обоснованны, но путь к славе всегда преграждают препятствия.

— Мое решение непоколебимо.

— В любом случае у вас есть еще время до утра. А это целых пятнадцать часов. Но большего предоставить мы не в силах. Взвешивать за и против, опасаясь неприятностей, можно всю жизнь, а нам дорога каждая минута. Бедняга Шапиров в коме может протянуть еще лет десять, но где уверенность, что ценные идеи уцелеют в сохранившейся части его мозга?

— Я не могу и не хочу брать на себя решение чужих проблем.

Баранова будто не слышала его. Она продолжала увещевать, вкладывая в голос всю мягкость и страсть:

— Завершим пока нашу беседу. Вы расслабитесь, перекусите. Если хотите, можете глянуть головизионные программы, полистать книги, подумать, поспать... Аркадий проводит вас до отеля. И если возникнут еще какие-нибудь вопросы, он на них ответит.

Моррисон кивнул.

— Но, помните, Альберт, завтра вы должны на что-то решиться.

— Мое решение неизменно.

— Так не пойдет. Вы обязаны согласиться... И всем станет легче, если вы сделаете это добровольно и с радостью...

25

За ужином Моррисон был спокоен и задумчив, но почти не притронулся к еде. Дежнев, казалось, наоборот, никогда не страдал отсутствием аппетита. Его компаньон энергично поглощал пищу, не переставая молоть языком. Травил байки про своего выдающегося отца, наслаждаясь обществом нового слушателя.

Моррисон рассеянно улыбнулся парочке шуток, но не потому, что они его рассмешили, просто в кульминационных моментах Дежнев срывался на хохот.

Их обслуживала Валерия Палерон, как и во время завтрака. Видимо, она здесь работала целый день, то ли за дополнительную плату, то ли согласно графику. Каждый раз, подходя к столику, она бросала на Дежнева сердитые взгляды, возможно не одобряя его историй, определенно неуважительных по отношению к советскому режиму.

Не особенно вдохновляли Моррисона и собственные мысли. С одной стороны, он придумал, как отвязаться от назойливых русских и убраться восвояси. Но в то же время его одолело любопытство. Доктор поймал себя на мыслях о минимизации, ее использовании для доказательства собственных теорий, о возможной победе над ограниченными дураками, которым так приятно было бы надрать задницу. Он вдруг понял, что из всех аргументов Барановой его тронул только личностный аспект эксперимента. Все ссылки на великие научные цели, на благо для человечества — пустая риторика. Для него имело значение только собственное место в науке. Им овладевали исключительно эгоистичные помыслы.

Когда официантка вновь проходила мимо их столика, он решился спросить:

— Сколько же времени вы проводите на работе, милая девушка?

Официантка окинула его недобрым взглядом:

— Да вот, приходится торчать здесь до тех пор, пока такие великие графья, как вы, не соизволят накушаться.

— Не спешите,— проговорил Дежнев, опустошая стакан. Его речь стала слащавой, а лицо раскраснелось.— Мне так нравится товарищ официантка, что я, кажется, мог бы сидеть тут вечно.

— Глаза б мои вас не видели,— презрительно пробормотала Палерон.

Моррисон, наполнив стакан Дежнева, поинтересовался:

— Что вы думаете о мадам Барановой?

Дежнев, осоловело уставившись на стакан, решил сделать небольшой перерыв. Пытаясь придать голосу серьезность, он проговорил слегка заплетающимся языком:

— За журавлями не гоняется, как говорят, но отличный администратор. Жесткая, решительная и совершенно не-

подку... подкупная. Прямо гвоздь в заднице, я бы сказал. Если администратор непод... кристально честен, он слишком усложняет жизнь в мелочах. Шапиров боготворит ее, а она считает его неподкуп... нет, непостижи... нет, непостижимым. Вот.

Моррисон не совсем понял последнее слово:

— Вы имеете в виду его правоту и авторитет?

— Именно. Если он намекнул, что знает, как удешевить процесс минимизации, то она полностью уверена в окончательном результате. Так же, впрочем, как и Юрий Конев. Еще один из восторженных поклонников. Но в мозг Шапирова вас посылает именно Бара... Баранова. Так или иначе, она добьется своего. У нее есть различные способы. Что касается Юрия, маленького сопляка, он — единственный настоящий ученый в группе. И блестящий, скажу я вам.

Дежнев важно кивнул и осторожно, маленькими глотками влил в себя очередную порцию.

— Меня интересует Конев,— сказал Моррисон, глядя на руку Дежнева со стаканом,— и эта девушка, Софья Калинина.

Дежнев бросил на него хитрый взгляд:

— Лакомый кусочек.

И добавил, печально качая головой:

— Но чувство юмора у нее совершенно атрофировано.

— Она замужем, по-моему?

Дежнев решительно затряс головой, что выглядело нелепым.

— Нет-нет.

— Она сказала, что у нее ребенок.

— Да, крошечная девочка. Беременеют не от штампа в паспорте. Подобные эксперименты проводятся в постели, без различия — замужем вы или нет.

— И как ваше пуританское правительство смотрит на подобные штучки?

— Оно не одобряет, но, с другой стороны, и у него никто не просит благословения.— Он расхохотался.— Кроме того, как ученая Малограда, она пользуется особыми привил... вилегиями. Правительство относится к нам иначе.

— Меня удивляет,— продолжал Моррисон,— что Софья так интересуется Коневым.

— Тоже заметили? А вы проницательны. Сразу приходит на ум, что ребенок появился в результате сотрудничества с Юрием, после вышеупомянутых экспериментов в постели.

— О-о?

— Но отнекивается. Слишком решительно. Ситуация комична и одновременно печальна. При том, что он вынужден работать с ней. Никого нельзя теперь вывести из проекта, и ему остается делать вид, будто ее не существует.

— Я заметил, он никогда не смотрит в ее сторону, но ведь когда-то они, должно быть, очень дружили.

— Дружили... Глядя на нее, можно в такое поверить? Если и да, то, видимо, скрывали отношения. Да и какая разница? Зарплата у нее высокая. А в детском саду с нежностью и заботой воспитывают ее дочурку. Конев для Софьи что-то значит только в области чувств.

— Что же их рассорило?

— Кто знает? Любовники всегда воспринимают ссоры всерьез. Я никогда не позволял себе влюбляться... в возвышенном смысле. Если девчонка нравится, я с ней позабавлюсь. Если надоест, брошу. Фортуна мне пока улыбалась: женщины, с которыми я до сих пор имел дело, праг... прагматичны. Хорошее слово, да? Как и я, не портят себе нервы из-за пустяков. Как говаривал мой папаша: «У женщины, избегающей ссор, нет недостатков». Иногда, правда, я надоедал им раньше, чем они мне... Ну и что такого? Если она от меня устала, значит, не так уж и хороша. Ну и ради бога, на ней свет клином не сошелся!

— Подозреваю, Юрий проповедует такие же взгляды.

Дежнев опорожнил стакан с выпивкой, но отвел руку Моррисона, пытавшегося наполнить стакан заново.

— Достаточно!

— Достаточно не бывает никогда,— спокойно возразил Моррисон.— Вы рассказывали о Юрии...

— А что тут рассказывать? Он не тот человек, который перелетает от женщины к женщине, но я слышал...

Дежнев взглянул на Моррисона мутными глазами:

— Сами знаете, слухи — один сказал одному, а тот — другому. Концов не найдешь. Так вот, ходят слухи, что когда Юрий был в Штатах, обучаясь в ваших хваленых университетах, то познакомился с американкой. В его сердце поселилась прекрасная иностранка и вытеснила несчастную Софью. Возможно, все дело в этом. Конев вернулся другим человеком и, возможно, продолжает вздыхать о неразделенной любви.

— Не поэтому ли Софья нетерпима к американцам?

Дежнев поднял стакан с водкой и сделал небольшой глоток.

— Наша Софья,— изрек он,— американцев никогда не любила. Ничего удивительного.

Он наклонился к Моррисону, обдав его ядреным запахом водки.

— Американцев сложно любить, не в обиду будь сказано...

— Без обид,— заметил Моррисон спокойно.

Голова Дежнева склоняясь все ниже и ниже, замерла на руке, а дыхание становилось более хриплым.

Моррисон посмотрел на него с минуту, затем подозвал официантку.

Она, покачивая роскошными бедрами, быстро приблизилась к их столику. И, глядя на бесчувственного Дежнева, не смогла сдержать презрительную усмешку:

— Желаете, чтобы я подогнала подъемник и с его помощью переправила нашего принца в уютную кроватку?

— Пока не стоит, мисс Палерон. Вы знаете, что я американец?

— Все об этом знают. Вы и пары слов не произнесли, как сидящие за столиками переглянулись и, кивнув друг другу, проговорили: «Американец».

Моррисон поморщился. Он всегда гордился своим знанием языка, но эта дамочка снова посмеялась над ним.

— В любом случае,— продолжил он,— меня доставили сюда против воли. Я уверен, советское правительство не в курсе, иначе бы оно не допустило досадного инцидента. Эти люди — и прежде всего доктор Баранова, которую вы назвали Царицей,— действовали на свой страх и риск. Необходимо сообщить правительству. Не сомневаюсь, после этого меня сразу же отправят в Штаты во избежание международного скандала. Вы со мной согласны?

Официантка, уперев руки в боки, насмешливо заявила:

— Кому какое дело, здесь вы или в Штатах, согласна я или нет? Я что — дипломат? Я что — возродила дух царя Петра, великого выпивохи?

— Вы можете,— замялся Моррисон,— немедленно сообщить о произволе кому следует?

— Ишь что удумал, паршивый американка! Неужто, по твоему мнению, стоит мне только обратиться к своему любовничку из Президиума, как тебя тут же и облагодетельствуют? Какие у меня могут быть дела с правительством? Заявляю со всей ответственностью, товарищ иностранец, я не потерплю, чтобы вы продолжали со мной беседу в таком духе. Сколько ни в чем не повинных моих сограждан было безнадежно скомпрометировано иностранными пустобрехами! Сейчас же доложу товарищу Барановой, что вы себе позволяете.

Она удалилась, злющая как мегера. Моррисон с ужасом глядел ей вслед. И вдруг... подпрыгнул от изумления, услышав голос Дежнева:

— Альберт, Альберт... Поделом схлопотали, мой бедный друг?

Дежнев приподнял голову. Голос звучал вполне трезво, хоть глаза и покраснели.

— А я все удивлялся, что это вы так озабочены состоянием моего стакана, щедро наполняя его до краев. Напоить меня до полной отключки — мысль, конечно, интересная, но забавная.

— Так вы не пьяны? — удивился, в свою очередь, Моррисон.

— Не скрою, приходилось бывать и трезвее,— заметил Дежнев,— но голова абсолютно ясная. Трезвенников всегда подводит извращенное представление о том, сколько может выпить закаленный советский человек. Вот тут-то и кроется главная опасность.

Моррисон никак не мог поверить, что попытка наладить контакт с официанткой бесславно провалилась:

— Вы же говорили, она — сотрудница разведки.

— Я? — Дежнев пожал плечами.— Всего лишь предположение, скорее всего ошибочное. Кроме того, меня она знает лучше, чем вы, мой миленький. И не питает иллюзий относительно моих возможностей. Ставлю десять рублей против копейки, она прекрасно знала, что я все слышу. И что вы ожидали от нее после этого?

— Ну-у...— перевел дыхание Моррисон,— проинформировала бы ваше правительство о моей ситуации. А оно, во избежание международного скандала, спровадило бы меня домой.

Дежнев расхохотался:

— Попусту растрачиваете слова, мой коварный интриган. Ваши представления о нашем правительстве более чем роман-

тические. Конечно, у вас есть шанс вернуться на родину, несмотря на все трудности, но не раньше, чем вы примете участие в нашем проекте.

— Не могу поверить, что, зная о моем похищении, власти безмолвствуют и потворствуют вам!

— Может, и не знают... Потом малость поплюются ядом и поскрипят зубами. Делов-то? Правительство вложило в проект слишком много денег, чтобы позволить вам просто так свалить, не окупив потраченных средств. До вас дошло? Вы не находите, что это логично?

— Не нахожу. И не собираюсь помогать вам.

Моррисон снова почувствовал неуверенность.

— Я не хочу подвергаться минимизации.

— Ну, это решать Наташе. В конце концов, она впадет в бешенство и утратит к вам всякую жалость. Ваше несогласие навлечет немилость на всех создателей проекта. Некоторым после провала придется покинуть науку, и слава богу, если им дадут спокойно жить. И это — плата за нашу доброту и откровенность?

— Вы доставили меня сюда обманным путем.

— Но весьма деликатно. Вам причинили боль? С вами невежливо обращались? И вы после этого так нас подводите? Наталья заставит вас заплатить по счету.

— Насилием? Пытками? Наркотиками?

Дежнев закатил глаза:

— Вы плохо ее знаете. Она на такое не пойдет. Я — запросто, а она — нет. У нее нежное сердце, прямо как и у вас, мой несчастный Альберт. Но она умеет заставлять.

— Да? Но как?

— Не знаю. Никогда не понимал, как ей это удается. Но она всегда добивается своего. Сами увидите.

Улыбка Дежнева напоминала волчий оскал. Посмотрев на физиономию Дежнева, доктор понял, что спасения нет и не будет.

26

На следующее утро Моррисон и Дежнев вернулись в Грот. Они вошли в огромное помещение без окон, с верхним освещением, где Моррисон еще не бывал. Этот кабинет не принадлежал Барановой и был нарочито пуст.

За массивным столом восседала сама Баранова. На стене, за ее спиной висел портрет Генсека, буравящего пространство суровым взглядом. В левом углу стоял кулер с питьевой водой, справа — шкафчик для микрофильмов. На столе, кроме небольшого диктофона, ничего не было.

Входя, Дежнев начал:

— Вот, привел. Наш шалун пытался вчера завербовать красотку Палерон, чтобы с ее помощью плести за нашей спиной интриги с советским правительством.

— Да, я получила докладную.— Баранова спокойно показала бумажку.— Пожалуйста, оставь нас, Аркадий. Хочу поговорить с профессором Моррисоном наедине.

— А это не опасно, Наташа?

— Думаю, нет. Альберт, по-моему, не похож на насильника. Я права, Альберт?

Моррисон безмолвствовал все утро.

— Хватит играть в кошки-мышки,— поморщился он.— Что вам надо?

Баранова властным жестом указала Дежневу на дверь. Тот вышел. Когда дверь закрылась, она обратила свой взор на собеседника:

— Чем вы объясните свой поступок? Зачем вам потребовалось вступать с ней в контакт? Считаете ее секретным агентом? Неужели мы так плохо с вами обращались?

— Да,— зло ответил Моррисон,— плохо. Неужели кому-то может понравиться, если его крадут и тайно переправляют в Советский Союз? С чего бы вам ждать от меня благодарности? Благодарить за то, что не проломили мне при этом голову? Но вы не погнушались и насилием, если бы я не требовался вам целым и невредимым.

— Вы правы. Нам необходима именно ваша голова. В целости и сохранности. И вы это прекрасно знаете. И отдаете себе отчет, почему именно вы нам необходимы. Вам объяснили все предельно ясно, и простой отказ я бы поняла. Но спланированное вами бегство могло бы нанести непоправимый ущерб проекту и свалить на наши головы кучу неприятностей. Надеетесь, что правительство не в курсе и признает наши действия противозаконными? Как думаете, что бы с нами сделали, если бы дело обстояло так?

Моррисон, крепко сжав губы, угрюмо смотрел на Баранову.

— Я не видел другого способа вернуться домой. Вы говорите, вами движет необходимость. Мною тоже.

— Альберт, мы испытали на вас все возможные способы убеждения. Мы не применяли силу, не угрожали вам, не делали ничего плохого. Разве я лгу?

— Возможно.

— Возможно? Но ведь это действительно так. И все равно вы отказываетесь помочь нам.

— Да, отказываюсь. Настаиваю на отказе.

— Тогда против своего желания я вынуждена предпринять следующий шаг.

Страх холодными щупальцами сдавил горло Моррисона, сердце бешено заколотилось. Собравшись с силами, он постарался придать голосу смелость:

— Это какой же?

— Если наши доводы окажутся неубедительными, вы вернетесь домой.

— Вы серьезно?

— А вы удивлены?

— Да, удивлен, но принимаю ваши условия и ловлю вас на слове. Так когда же я смогу улететь?

— Как только договоримся, что мировая общественность узнает об этой истории.

— В чем проблема? Расскажите правду.

— Несколько затруднительно, Альберт. Мы поставим в неловкое положение правительство, которому придется отрицать причастность к делу. На меня свалятся серьезные неприятности.

— Какую же легенду вы предлагаете?

— Что вы прибыли по своей воле, намереваясь помочь в осуществлении проекта.

Моррисон неистово замотал головой:

— Мне это принесет такие же неприятности, как вам признание в похищении. Возможно, времена сейчас и прогрессивные, но старые привычки слишком живучи в умах обывателей. И американская общественность с большим недоверием отнесется к американскому ученому, отказавшемуся помочь Советскому Союзу. Старая конкуренция сохраняется, мне боязно за свою репутацию.

— То, что вы сказали, не лишено логики,— согласилась Баранова,— но пусть лучше проблемы будут у вас, а не у меня.

— Ну, этого-то я не допущу... Неужели вы предполагаете, что я не выложу всей правды с мельчайшими подробностями?

— Альберт,— спокойно заметила Баранова,— неужели вы думаете, что кто-то вам поверит?

— Конечно. Американскому правительству известно, что вы просили меня приехать в Союз, но я отказался. И поэтому вам пришлось пойти на крайние меры.

— Боюсь, такой расклад не устроит американское правительство. Неужели оно признает, что советским спецслужбам удалось утащить американца из комфортабельного номера отеля, провести его через полмира, и американские спецслужбы ведать не ведали о столь сложной операции? Учитывая достижения современных технологий и хваленую бдительность вашей разведки, кое у кого могут зародиться подозрения в некомпетентности или предательстве. Думаю, американское правительство предпочтет согласиться с вашим «добровольным» приездом в Союз. Кроме того, оно ведь настаивало на вашей поездке в Союз, не так ли?

Моррисон промолчал.

А Баранова продолжала:

— Они хотели как можно больше узнать о минимизации. А вы собираетесь поведать всему миру, что отказались принять участие в эксперименте. Единственное сообщение, которые вы доставите им, расскажет об эксперименте с кроликом, похожем со стороны на обычное мошенничество, фокус-покус. Они укрепятся в мысли, что вас просто ловко провели. И вы, таким образом, не смогли выполнить их задание.

Моррисон подумал и сказал:

— Вы намерены выставить меня шпионом и предателем? В этом и заключается ваш «следующий шаг»?

— Не совсем, Альберт. Мы честно расскажем все, что можем. В действительности нам не хочется причинять вам серьезные неприятности. Мы объясним всем, что наш великий ученый Петр Шапиров находится в коме, что незадолго до этого несчастья он дал высокую оценку вашей нейрофизической теории. После этого к вам обратились с просьбой на основе ваших исследований попытаться вывести его из этого состояния. Вы

не станете возражать против такой подачи? В глазах мировой общественности вы предстанете великим гуманистом. Американское правительство, в свою очередь, постарается закрепить свое мнение о вас. Это спасет их от скандала, так же как, впрочем, и наше правительство. И все это будет почти правдой.

— А что вы сообщите о минимизации?

— Здесь придется избегать честных признаний. Мы просто не станем о ней упоминать.

— Но как вы удержите от честных заявлений меня?

— А мы и не станем. Вам никто не поверит. Вы сами не допускали возможность минимизации до тех пор, пока не увидели все своими глазами. А вашему правительству также не захочется разглагольствовать о достижениях Советского Союза в данной области. К чему будоражить общественность без доказательств. К тому же они могут и сами к тому времени достичь определенных успехов в этом вопросе. Теперь о вас, Альберт. Мы придумаем безобидную легенду. В ней ни слова не будет о минимизации. Это позволит избежать неприятностей и вашей стране и нашей и освободит вас от всяких подозрений в предательстве. Вы удовлетворены?

Моррисон в нерешительности смотрел на Баранову, ероша редкие волосы.

— Но как вы объясните причину, по которой меня отослали назад? Ее ведь тоже придется обосновать. Вы не сможете сказать, что Шапиров выздоровел с моей помощью, пока он действительно не поправится... Даже нельзя сообщить, что он умер до моего прибытия, до тех пор, пока он действительно не умрет. В противном случае придется объяснять, как он оказался в коме и почему. Не сможете же вы скрывать сложившуюся ситуацию вечно?

— Это как раз та проблема, которая мучает нас, Альберт. Только такой умный человек, как вы, сумел ее разглядеть. Подумайте, мы отсылаем вас всего через пару дней после вашего приезда. Но почему? Логика подсказывает единственную причину: вы — обыкновенный шарлатан. Мы возлагали на вас большие надежды. Но, доставив сюда, быстро раскусили, что ваши исследования — чистой воды «липа». Мы горько разочарованы и с печалью высылаем вас обратно на родину. Согласитесь, прослыть шарлатаном все же приятнее, чем шпионом.

— Не разыгрывайте из себя святую невинность, Наталья. Вы так не поступите!

Моррисон впал в бешенство, его душила ярость.

— Но какая правдоподобная легенда, не находите? Никто вас не принимает всерьез. Ваши идеи находят весьма забавными и потешными. Научная общественность радостно подтвердит наши выводы. Конечно, мы будем сожалеть о своей легковерности, ведь мы купились на ваши хваленые теории. Но виной всему Шапиров. А он к тому времени находился на грани апоплексии и умственного расстройства. От гениальности до безумия один шаг, доктор. Поэтому вряд ли стоит его упрекать за увлечение вашими идеями.

У Моррисона задрожали губы:

— И вы посмеете выставить меня на всеобщее посмешище! Втопчете в грязь мою репутацию?

— О какой репутации вы говорите, Альберт? Жена бросила вас. Некоторые думают, что последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стала загубленная карьера. Мы знаем также, что контракт с вами не возобновили и вам не удалось подыскать себе теплое местечко. В любом случае на вас, как на ученом, нарисовали жирный крест. И наша история только подтвердит сложившееся мнение. Возможно, вам удастся найти другой способ существования, не связанный с наукой. Да и без нашего вмешательства вам пришлось бы искать себе другую работу.

— Вы нагло врете! И прекрасно знаете, что врете, Наталья. Как же ваш хваленый кодекс чести? Может ли уважающий себя ученый так измываться над коллегой?

— Вчера вас не затронули наши абстрактные рассуждения, Альберт. Сегодня ваши разглагольствования оставили меня равнодушной.

— Придет день, и другие ученые докажут правильность моих предположений. Что тогда вы почувствуете?

— Ну, мы можем и не дожить до того судьбоносного дня. Вам ли не знать, как распоряжается насмешница судьба. Франца Антона Месмера, первооткрывателя гипноза, обозвали мошенником и шарлатаном. Зато когда Джеймс Брайд добавил еще одно обоснование гипнозу, все лавры достались ему. Мес-

мера же так и продолжали считать мошенником и шарлатаном. К тому же, возможно, он и впрямь был шарлатан или безумец.

— А вы сомневаетесь?

— Давайте рассуждать здраво. Почему вы отказываетесь от участия в эксперименте, который помог бы вам утвердиться в своих исследованиях и расширил бы познания о мозге? Уж не потому ли, что опасаетесь развенчивания мифов и провала вашей теории? От подобных перспектив способен отказываться мошенник или дурак, не видящий дальше собственного носа. А может быть, вы являетесь и тем и другим одновременно и не хотите, чтобы во время эксперимента подтвердились наши подозрения?

— Не говорите ерунды!

— Неужели мы поверим в ваши страхи перед минимизацией? Что вы отказываетесь от шанса получить известность, славу и доказательства своей правоты после стольких лет презрения и унижений из-за сиюминутного страха? Разве такое возможно, Альберт? Всего лишь явное доказательство вашей несостоятельности и шарлатанства, о чем мы и донесем до сведения мировой общественности.

— Американцы не поверят вашим россказням.

— О, Альберт! Непременно поверят. После того, как мы вас отпустим и объясним что к чему, пресса получит лакомый кусочек на съедение. У вас же самая предприимчивая пресса в свободном мире. Вы же неустанно и с гордостью повторяете, что живете по своим законам. Они гордятся собой и никогда не упустят возможности покрасоваться перед нашей более консервативной прессой. О, как они вцепятся в эту историю: «Американский жулик надул тупых русских»! Я уже вижу, как газеты пестрят смачными заголовками. Альберт, вы можете заработать хорошие деньги, читая лекции на эту тему. Допустим, такие: «Как я уделал русских увальней». Потом перескажете нелепицы, в которых пытались нас убедить, пока вас не раскусили. И публика надорвет животы от смеха...

Моррисон прохрипел полушепотом:

— Наталья, почему вы хотите уничтожить меня?

— Я? Разве это я? Вы сами выбрали этот путь. Нам не удалось убедить вас поверить в минимизацию, придется вас отпустить. А дальше вы не оставляете нам выбора.

— Я не могу вернуться на таких условиях. Я — не самоубийца.

— Да полноте, Альберт, выше нос! Кому до вас есть дело? Равнодушной жене? Детям, забывшим отца? Университету, откуда вас изгнали? Коллегам, открыто смеющимся над вами? Правительству, которому на вас начихать? Наберитесь мужества и признайте: никому вы не нужны. Америка немного поглумится над вами, но через некоторое время оставит в покое и забудет навсегда. Ну, разве что когда умрете, то не напишут вам даже паршивого некролога. Но вам-то будет уже все равно. Разве что какая-нибудь заштатная газетенка вытащит напоследок старый анекдот, словно последний плевок на вашу могилу.

Моррисон покачал головой и произнес тихо:

— Я не могу возвращаться на таких условиях.

— Но вам придется. Мы не можем оставить вас, коль вы не хотите помогать.

— Но вы втаптываете меня в грязь.

— А что, есть выбор?

Моррисон взглянул на женщину, участливо глядящую на него.

— Наверное, есть,— прошептал он.

Баранова не отрываясь смотрела ему в глаза:

— Боюсь ошибиться, Альберт. Поясните вашу мысль.

— У меня два пути, не правда ли? Согласиться на минимизацию или сознательно пойти на крах собственной жизни.

Баранова вытянула губы:

— Ну зачем такие крайности? Я бы сформулировала проблему по-другому. Или вы еще до обеда соглашаетесь на участие в эксперименте, или в два часа дня вас доставляют на борт самолета, вылетающего в США. Что скажете? Сейчас почти одиннадцать. У вас есть час на размышления.

— Зачем? Что изменит жалкий час? Я согласен на минимизацию.

— Мы пойдем на минимизацию. Вы будете не один.

Баранова нажала какую-то кнопку в столе. Вошел Дежнев.

— Ну что, Альбертик? Судя по твоей унылой физиономии, ты согласился помочь нам.

Баранова остановила его:

— Обойдемся без комментариев. Альберт поможет нам, и мы ему за это благодарны. Он принял решение добровольно.

— Кто бы сомневался,— заметил Дежнев.— Как ты уломала его, не знаю, но я ни минуты не сомневался, у тебя получится. И тебе, Альберт, не могу не выразить восхищения. На этот раз Наташенька потратила на уговоры в два раза больше времени, чем обычно.

Моррисон смотрел на них пустыми глазами. У него было чувство, будто он проглотил целиком сосульку и она теперь морозит его изнутри. Его трясло.

Глава 7
КОРАБЛЬ

«Для того, кто машет платком с берега, путешествие не представляет опасности».

Дежнев-старший

27

Несмотря на оцепенение, охватившее доктора, еще во время обеда он почувствовал, что давление прекратилось. Никто больше не засыпал его доводами и пояснениями, никто требовательно не смотрел в глаза, не обдавал испепеляющими взглядами.

Он быстро понял, что ему не покинуть Грот до окончания эксперимента. А бежать практически невозможно. Время от времени он ловил себя на безумной мысли: «Я действительно согласился на минимизацию!»

Они отвели его в комнату, где он мог просматривать через стереоскоп электронные книги, в том числе на английском языке — видимо, чтобы тоска по дому не изводила его до такой степени. Он сидел с закрепленным на глазах стереоскопом, уставившись в текст, но мысли были заняты совершенно другим. Он дал согласие на минимизацию! Ему сказали, что он свободен, пока за ним не придут. Может развлекаться чем угодно в пределах Грота.

Повсюду топтались охранники. Страх и паника постепенно отступали на задний план. Скорее всего, из-за неправдоподобности всего происходящего и осознания, что он действительно согласился на минимизацию!

Чем дольше эта мысль прокручивалась в его голове, тем меньше смысла он в ней видел. Отрешенно он заметил, что кто-то открыл дверь комнаты. Видимо, пришли за ним, пришла пора свершений. Сняв стереоскоп, он равнодушно глянул на вошедшего. Вдруг на какую-то секунду в его взоре загорелась искорка интереса. Это была Софья Калинина. Настоящая красавица, ее обаяние он чувствовал даже в состоянии полной прострации.

— A good afternoon to you, gentleman,— четко выговорила она по-английски.

Доктор поморщился, лучше уж слышать русскую речь, чем исковерканный английский.

Он буркнул сердито:

— Говорите, пожалуйста, по-русски, Софья.

Правда, возможно, его русский тоже действовал им на нервы, но это доктора не волновало. Раз они его сюда притащили, то пусть принимают со всеми недостатками и тихо терпят.

Слегка пожав плечами, она продолжила по-русски:

— Конечно, конечно. Если вам приятно.

Она с задумчивостью посмотрела на него, и он совершенно спокойно встретил ее взгляд. Ему было наплевать на все окружающее. Теперь и она стала ему безразлична и уже вовсе не казалась красавицей.

— Вы, кажется, дали свое согласие на совместное «плавание»? — спросила наконец Софья.

— Согласился.

— Вот и хорошо. Мы вам ужасно благодарны. Если честно, я не думала, что вы дадите добро. Вы — американец... Позвольте принести вам извинения.

Моррисон со сдержанной злостью, переходящей в легкую досаду, выдавил из себя:

— Не добровольно. Меня уговорил эксперт.

— Наталья Баранова?

Моррисон кивнул.

— О, это она умеет,— заметила Калинина.— Не всегда по-доброму, но своего добивается. И меня некогда смогла убедить.

— В чем? — заинтересовался Моррисон.

— По другой причине, очень для меня важной.

— В самом деле? И?..

— Вам незачем знать об этом.

В комнате повисла напряженная пауза.

— Пойдемте, мне приказали показать вам корабль,— прервала молчание Калинина.

— Корабль? Так эксперимент давно планировали? И у вас было время на его постройку?

— Не пугайтесь, никто не собирался строить агрегат специально для изучения мозга Шапирова изнутри. Вовсе нет. Он предназначался для других, более простых целей, но сейчас он будет нам полезен. Пойдемте, Альберт. Наталья считает, вы поступите мудро, если заранее познакомитесь с кораблем, почувствуете его изнутри. Возможно, вполне земное назначение этого аппарата примирит вас с поставленной задачей.

Моррисон откинулся на спинку стула.

— Зачем мне его сейчас видеть? Дайте мне время свыкнуться с мыслью о предстоящей авантюре.

— Но это же глупо, Альберт. Чем дольше вы проторчите в четырех стенах, тем больше мрачных мыслей зародится в вашей голове, порождая панику и неуверенность. Кроме того, у нас совсем не осталось времени. Как долго еще выдержит организм Шапирова? Корабль должен отправиться в «путешествие» завтра утром.

— Завтра утром,— пробормотал Моррисон. В горле пересохло. Он тупо уставился на часы.

— У вас достаточно времени, но теперь мы будем вести обратный отсчет, поэтому вовсе не обязательно смотреть на часы. Завтра корабль войдет в тело. И вы будете на борту.

Она вдруг, без предупреждения, резко залепила ему пощечину. Доктор подпрыгнул и вылупился на Софью, а та пояснила свою выходку:

— У вас глаза стали закатываться. Вы собирались упасть в обморок?

Моррисон потер щеку, морщась от боли.

— Ничего я не собирался,— пробормотал он.— Но вполне мог лишиться чувств. Неужели вы не знаете щадящего способа для сообщения плохих новостей?

— Я вас шокировала, несмотря на ваше согласие на минимизацию? — Она решительно повела рукой.— Ну, вперед.

Моррисон, продолжая потирать щеку, кипя от ярости и унижения, потрусил за ней.

28

Они снова оказались в зоне. Здесь кипела работа. Каждый отрешенно занимался своим делом, не обращая внимания на соседей. Калинина шествовала гордо, словно представитель элиты общества, пользующийся всеобщим уважением. Она приковывала к себе внимание. Моррисон заметил (не отнимая руку от щеки), как все встречавшиеся им по пути почтительно отступали в сторону, чтобы ненароком не задеть ее платья. Зато присутствие американца полностью игнорировали.

Они переходили из одного помещения в другое, и везде он ощущал дух энтузиазма и подъема. Калинина, по-видимому, испытывала сходное чувство. К тому же она ориентировалась в происходящем, поэтому и прошептала Моррисону с явной гордостью:

— Энергия, используемая здесь, поступает с космической солнечной станции...

А потом они оказались у искомого объекта. Моррисон с первого взгляда осознал, что перед ним произведение искусства, чудо технической мысли. Обтекаемый аппарат, чуть больше обычного автомобиля, но короче лимузина, хотя и выше. Самое любопытное, что он был совершенно прозрачным.

Моррисону тут же захотелось подойти и пощупать его. Поверхность корабля не была холодной. Гладкая, будто влажная на ощупь, она на самом деле была совершенно сухой. Он снова заскользил пальцами по поверхности. Она показалась слегка липкой, но пальцы не оставили на ней никаких следов. Поддавшись искушению, он даже подышал на нее. Образовавшееся влажное пятно быстро испарилось.

— Пластик,— заметила с гордостью Калинина,— но я не знаю составляющих материала. Знаю только, что он прочнее стали, плотнее и с повышенными противоударными качествами на единицу массы.

— Наверно, на единицу веса? — поправил Моррисон, любопытство исследователя оттеснило на время тревогу.— Но пластмасса такой же плотности, как сталь, не может обладать сходной прочностью. Исходя из разницы объема.

— Вы правы. Но там, куда мы отправляемся,— улыбнулась Калинина,— не будет разницы в давлении внутри и снаружи.

Не будет метеоритов и даже космической пыли. Мы просто будем двигаться сквозь мягкое клеточное вещество. И этот прозрачный материал — вполне подходящая защита. Он очень легкий, а это качество для нас важнее всего. Наша задача снизить массу до минимума. Каждый лишний килограмм во время минимизации затребует дополнительного количества энергии, да и выделит большее количество тепла при деминимизации.

— Какая вместимость у этого чуда? — поинтересовался Моррисон, заглядывая внутрь.

— Он рассчитан на шестерых, несмотря на миниатюрные размеры. Нас будет пятеро. Кроме того, в кабине размещена уйма разных приспособлений. Правда, задумывалось еще больше... Впрочем, всегда приходится экономить. Даже там, где это недопустимо.

Моррисон с беспокойством, подозрительно оглянулся на Софью:

— И на чем вы сэкономили в этот раз?

— Все в норме, уверяю вас.

Девушка раскраснелась от гордости и удовольствия, поясняя доктору принципы работы чудо-машины. В эти минуты Калинина, оживленная и лишенная свойственной ей неприступности, выглядела на редкость обворожительной.

— И по частям и в системе, все проверялось множество раз, проходило бесчисленные испытания. Полностью риск не исключить, но мы свели его к минимуму. Здесь нет ни одной металлической детали. Все, включая микропроцессоры, световоды и соединения Мануильского, весит не более пяти килограммов. Поэтому-то нам и удалось сделать его столь компактным. К тому же путешествия в микрокосм длятся всего несколько часов, нет необходимости оборудовать спальные места, велоэргометры, отсеки для запасов пищи, воздуха и тому подобного.

— Кто будет управлять полетом?

— Аркадий.

— Аркадий Дежнев?

— Чему вы удивляетесь?

— Полагаю, он достаточно квалифицирован.

— Более чем. Он подготовил все инженерные разработки, а в своем деле Аркадий признанный гений. Не следует судить о нем по грубоватым манерам. Разве мы смирились бы с его

спесью и дурацким чувством юмора, не обладай он настоящими талантами? Аппарат — его детище от «А» до «Я». Множество способов снижения массы, в Америке пока не было аналогов его исследованиям.

Моррисон жестко отрезал:

— Меня не ознакомили с последними разработками технического прогресса. Я не в курсе.

— Уверена, аналогов нет. Аркадий оригинал даже в том, что упорно пытается вести себя как неотесанная деревенщина, хотя на самом деле является потомком Семена Ивановича Дежнева. Вам знакомо это имя?

Моррисон отрицательно мотнул головой, продолжая исследовать аппарат.

— Неужели? — От голоса Калининой повеяло надменным холодом.— Он единственный известный исследователь времен Петра Великого, обследовавший каждый сантиметр Восточной Сибири и открывший пролив между Сибирью и Северной Америкой за несколько десятилетий до Витуса Беринга, того датчанина, служившего у русских. И никогда не слышали о Дежневе? Типичная американская гордость — если он не американец, то на кой черт мне знать о нем.

— Софья, не обессудьте. Я не занимался географическими открытиями. Даже многих американских исследователей не знаю, думаю, вы тоже ничего о них не слышали.

Он погрозил ей пальцем, вспомнил о пощечине и потер ушибленное место.

— Придираетесь ко мне из-за не относящихся к делу мелочей, заставляя краснеть, злорадствуете.

— Семен Дежнев великий исследователь, он не мелкая сошка на страницах истории.

— Охотно признаю. Рад, что узнал о нем, и восхищаюсь его достижениями. Но не считаю, что моя дремучесть — подходящий повод для советско-американских разногласий. Имейте совесть!

Калинина смутилась и вдруг решила глянуть на краснеющую щеку американца.

— Извините, что ударила вас, Альберт. Побоялась, что вы грохнетесь в обморок, не рассчитала удара. Не хотелось возиться с бесчувственным телом. Простите за неправедный гнев.

— Извинения приняты. Забыто.

— Тогда прошу в корабль.

Моррисон попытался выдавить улыбку. Несмотря на холодность, с Софьей общаться было намного приятнее, чем с остальными. Молодая, красивая женщина — это лучшее лекарство от нервов и тревог. Он пошутил:

— Вы не боитесь, что я там что-либо сломаю?

— По-моему, вы обязаны с должным уважением относиться к научно-техническим новинкам и вряд ли будете специально заниматься вредительством. Но знайте, в СССР законы суровые, любое непродуманное действо приводит в действие сигнализацию. Мгновенно сбегутся охранники. А в порыве гнева и рвения они опасны, несмотря на запреты наносить увечья и побои задержанным.

Положив руку на корпус, она, видимо, нажала скрытую кнопку. Овальная дверь открылась. Вход оказался низким, и Калининой пришлось пригнуться.

— Осторожнее, Альберт.

Моррисону пришлось пробираться бочком.

Внутри корабля он обнаружил, что не может выпрямиться в полный рост.

Калинина заметила:

— Работать все равно придется сидя, так что потолок вас не должен смущать.

— Определенно, сделано по заказу страдающих клаустрофобией,— съехидничал Моррисон.

— Надеюсь, вы не один из них?

— Нет.

Калинина вздохнула с облегчением:

— Вот и хорошо. Тесновато, пришлось сэкономить на комфорте.

Моррисон огляделся. Шесть мест, три по два. Он уселся в ближайшее кресло, у двери.

— Не слишком просторно.

— Да,— согласилась Калинина.— Толстяку не развернуться.

Моррисон заметил:

— Корабль наверняка был построен задолго до того, как Шапиров впал в кому?

— Совершенно верно. В плане стояли эксперименты по минимизации живой материи, собирались заняться биологическим аспектом. Работать с животными, вести наблюдения. Никто и предположить не мог, что первым объектом изучения станет сам Шапиров.

Моррисон с интересом осматривал корабль. Стены казались голыми. Приборы и механизмы тоже были прозрачными, из-за чего сливались со стенами машины. Кроме того, они уже были как бы минимизированы.

Он продолжал расспрашивать:

— Вы сказали, на борту нас будет пятеро: вы, я, Баранова, Конев и Дежнев?

— Именно.

— Кому какие роли отведены?

— Аркадий будет управлять кораблем. Нет сомнения, это его дело. Корабль — порождение его технической мысли. Аркадий расположится впереди, с левой стороны. Справа от него сядет Конев с картой нейропроводящей системы шапировского мозга. Он будет штурманом. Я сяду за Аркадием, чтобы контролировать систему улавливания электромагнитных колебаний за пределами корабля.

— Систему улавливания электромагнитных колебаний? Для чего она?

— Дорогой Альберт, вы различаете объекты благодаря отражающемуся от них свету, собака различает предметы по запаху, а молекулы различают друг друга по электромагнитным колебаниям. Мы собираемся прокладывать путь как минимизированное тело среди молекул, следовательно, в наших интересах, чтобы они отнеслись к нам дружелюбно.

— Лихо закручено.

— Я занимаюсь этим всю жизнь. Наталья за мной. Она командир полета, принимает решения.

— Решения какого рода?

— Любые. Вы же понимаете, никто не может заранее предугадать все трудности. Вы разместитесь справа от меня.

Выходит, он сидит на месте Конева. Моррисон пробрался к своему креслу. Представил, как займет его во время минимизации, и дух захватило.

Он заговорил, голос его прозвучал глухо:

— Пока только один человек — Юрий Конев — был минимизирован без каких-либо последствий...

— Вы правы.

— Он не испытывал никакого дискомфорта, недомогания или, возможно, умственного расстройства?

— Нет, ничего подобного за собой он не заметил.

— А может быть, он просто не любит жаловаться? Считает их недостойными героя советской науки?

— Не говорите ерунды. Мы вовсе не герои советской науки. Обыкновенные ученые, как и Конев. Если бы он ощутил какое-либо недомогание или дискомфорт, то обязательно описал бы его в отчете, чтобы в будущем исправить этот недостаток.

— Да, но могут быть индивидуальные особенности. Юрий Конев вышел из всего этого невредимым. А Петр Шапиров — нет.

— Индивидуальные особенности здесь ни при чем,— терпеливо возразила Калинина.

— Но ведь мы не можем утверждать, не так ли?

— Судите по себе, Альберт. Неужели вы думаете, что мы начинаем опыт, не проведя контрольного испытания — без человека и с человеком на борту? Корабль уже минимизировали прошлой ночью. Не сильно, конечно, но вполне достаточно, чтобы проверить, что все нормально.

Моррисон попытался вскочить со своего места:

— В таком случае, Софья, если вы не против, я выйду до того, как вы начнете контрольное испытание с человеком на борту.

— Слишком поздно, Альберт.

— Что?!

— Посмотрите на стены комнаты. Вы не выглядывали отсюда с тех пор, как мы вошли. И это даже хорошо. Подойдите ближе. Стенки прозрачные, а процесс уже завершился. Ну пожалуйста, посмотрите!

Моррисон подошел к стенке корабля, его колени медленно подогнулись, и он упал в кресло.

Недоверчиво покосился на Софью, хоть и понимал, что вопрос до невозможности глуп:

— А стенки корабля не обладают увеличивающим эффектом?

— Конечно нет. Все, что осталось за бортом корабля,— такое же, как и прежде. А вот корабль, я и вы — минимизированы до половины обычных размеров...

29

Моррисон, почувствовав тошноту и головокружение, наклонил голову к коленям, попытался дышать медленно и глубоко. Когда он снова поднял голову, то увидел, что Калинина молча наблюдает за ним. Она стояла в узком проходе, держась за ручку кресла, головой едва не касаясь потолка.

— Деминимизация займет гораздо больше времени, чем первая стадия. Если для минимизации надо всего три-четыре минуты, то обратный процесс занимает около часа. Поэтому вам хватит времени, чтобы прийти в себя.

— Не очень-то порядочно с вашей стороны, не предупредив меня, начать испытание, Софья.

— Наоборот,— возразила Софья,— гуманный поступок. Знай вы об испытании, разве зашли бы самостоятельно в корабль, стали бы внимательно изучать его устройство? А если бы и вошли, то от страха напридумывали бы себе черт знает что.

Моррисон молчал.

Калинина продолжала:

— Разве вы почувствовали хоть что-нибудь? Вы даже не понимали, что минимизируетесь.

Моррисон согласно кивнул:

— Не понимал.

Затем, устыдившись, добавил:

— Вы ведь тоже впервые пошли на это, да?

— Да. До сегодняшнего дня Конев и Шапиров были единственными людьми.

— И не боялись?

— Я бы так не сказала,— улыбнулась она.— Было внутреннее беспокойство.

— Да нет, пока вы мне не сказали. Думаю, мою реакцию на ваши слова не стоит брать во внимание. Чья это идея?

— Натальи.

— Ну конечно. Сразу можно догадаться,— сухо заметил он.

— На то есть причины. Она опасалась, что во время миниатюризации с вами мог случиться приступ. А нам совсем ни к чему истерика во время эксперимента.

— Заслуженная отповедь,— смутился Моррисон, отводя глаза.— Значит, вам поручили отвлекать меня во время испытания беседой?

— Нет. Эта идея моя. Наталья тоже собиралась присутствовать на испытании, но я ее отговорила. Ей бы вы не простили неизвестность.

— А к вам я отношусь с симпатией и доверием?

— Ну, мне же удалось вас отвлечь. Я молода, привлекательна...

Моррисон язвительно посмотрел на нее, прищурившись:

— Вы сказали, я вряд ли бы простил обман...

— Я имела в виду Наталью.

— А почему я должен верить вам? Все, что я вижу,— это увеличенную комнату за бортом корабля. А как вы докажете, что это не иллюзия, сотворенная вами, как убедите в безвредности минимизации лично для меня? Хотя бы для того, чтобы завтра я без паники ступил на борт корабля.

— Мы с вами утратили половину линейных размеров по всем параметрам. Сила наших мускулов изменяется обратно пропорционально их поперечному сечению. Они наполовину уменьшились в ширину и настолько же уменьшилась их плотность. Поэтому теперь их поперечное сечение составляет всего одну четвертую от прежнего, а сила их вместе с тем совершенно не изменилась. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно,— раздраженно ответил Моррисон.— Это элементарно.

— Наше тело имеет теперь половину своей высоты, половину в обхвате и половину своего веса. Поэтому общий объем как по массе, так и по весу — половина от половины половины, то есть всего одна восьмая от нашего первоначального объема. Так должно быть, если мы действительно минимизированы.

— Закон квадратуры куба. Известен еще со времен Галилея.

— Если я попытаюсь вас сейчас поднять, мне придется поднимать всего одну восьмую от вашего обычного веса и использовать силу своих мускулов всего на четверть. Мои мускулы от-

носительно вашего веса будут в два раза сильнее, чем были бы, не подвергнись мы минимизации.

С этими словами Калинина подхватила его под мышки и подняла. Доктор завис над сиденьем.

Она продержала его несколько секунд и затем опустила в кресло.

— Не так уж и легко,— проговорила она, отдуваясь,— но я справилась. Кстати, чтобы вам не думалось, будто я чемпионка в тяжелом весе и в свободное от работы время качаю бицепсы, предлагаю вам сделать то же самое со мной.

Калинина уселась:

— Поднимите меня.

Моррисон приподнялся и вылез в проход. Сделав шаг вперед, он повернулся лицом к Софье. Стоять было неудобно из-за низкого потолка. С минуту он колебался.

Калинина подбадривала его:

— Смелее, хватайте меня под мышки. Не смущайтесь моей груди, до нее не раз дотрагивались мужчины.

Из-за несколько полусогнутого положения он не мог применить всю силу, но автоматически напрягся, рассчитывая поднять вес именно такого размера. Софья просто взлетела вверх, как пушинка. От обратного эффекта и неожиданности он чуть не выронил ее.

— Вы до сих пор считаете все обманом?

— Верю, верю,— ответил Моррисон.— Но как это произошло?

— Испытанием руководят снаружи. На корабле тоже есть кое-какие приспособления для минимизации, но у меня не было необходимости ими пользоваться. Этим занимается Наталья.

— И деминимизацией управляют оттуда же?

— Да, вы правы.

— А если этот процесс слегка нарушится? Нашему мозгу нанесут такой же ущерб, как и мозгу Шапирова, а то и хуже?

— В реальности это маловероятно,— проговорила Калинина, вытягивая ноги в проходе,— зачем думать о худшем. Почему бы не расслабиться и не закрыть глаза?

Но Моррисон продолжал:

— Но ведь неполадки возможны?

— Конечно возможны. К примеру, на Грот свалится метеорит и расплющит. Или снаружи прогремит взрыв.

Моррисона продолжали мучить страхи: если корабль начнет нагреваться, прежде чем сварится белковая масса его мозга, ощутит он ожоги или нет?

30

Прошло минут тридцать, прежде чем Моррисон заметил, как предметы за пределами корабля обрели нормальные размеры.

Моррисон первым нарушил молчание:

— Я задумался об одном парадоксе.

— О каком же? — вяло поинтересовалась Калинина, зевая.

— Когда мы минимизировались, объекты за пределами корабля будто бы увеличивались. Не кажется ли вам, что длина световых волн тоже увеличивается вне корабля? Почему мы не видели окружающие нас предметы в инфракрасном излучении, если ультрафиолетовое излучение не может расширяться до таких пределов и визуально подменять более короткие световые волны?

Калинина ответила:

— Если бы мы могли видеть эти самые волны вне корабля, то они действительно были бы того самого цвета, о котором вы говорите. Но мы их не видим. Глаз фиксирует световые волны только после того, как они попадают в корабль и соприкасаются с сетчаткой. Но, оказавшись в корабле, они также поддаются влиянию поля минимизации и автоматически сокращаются, отсюда и ощущение, будто длина волны внутри корабля и снаружи одинакова.

— Но при сокращении длины волн должна увеличиваться мощность.

— Да, при условии, что константа Планка остается неизменной внутри поля минимизации. Но и константа Планка уменьшается. Это и есть сущность минимизации. Световые волны, попадая в это поле, сжимаются и приходят в соответствие с уменьшившейся постоянной Планка, следовательно, они не квантуются. Аналогичный процесс происходит и с атомами. Они тоже сжимаются. Уменьшается даже расстояние между ними, отчего мы внутри корабля не замечаем никаких изменений.

— Но ведь гравитационная сила изменяется. Она ослабевает внутри корабля.

— Сильное взаимодействие или слабое взаимодействие — понятия квантовой теории. Взаимодействие зависит от постоянной Планка. А гравитация...— Калинина пожала плечами.— Целых два века ушло на ее изучение, но гравитационную силу так и не удалось квантовать. Полагаю, изменение гравитационной силы при минимизации и доказывает, что ее невозможно квантовать, так как это вообще не присуще ее природе.

— Не могу в это поверить,— возразил Моррисон.— Неудачи двух предшествующих веков означают только то, что мы пока бессильны в решении данной проблемы. Общая теория относительности практически предоставила нам единое поле для этой цели.

Продолжая беседу, доктор почувствовал явное облегчение от того, что не утратил еще способности обсуждать сложные проблемы.

— «Почти что» во внимание не принимается,— заметила Калинина.— Хотя Шапиров согласился бы с вами. Он предполагал, что, привязав постоянную Планка к скорости света, нам не только удастся проводить минимизацию и деминимизацию без энергозатрат, но и подтолкнет к теоретическим изысканиям в определении связей между квантовой теорией и теорией относительности. Конечным же результатом станет разработка теории единого поля. И возможно, все окажется до гениальности просто, как он любил повторять.

— Пожалуй,— отозвался Моррисон.

Его доводы иссякли, и возразить было нечего.

— Шапиров также утверждал,— продолжала Калинина,— что при ультраминимизации гравитационный эффект близок к нулю, поэтому его вообще можно проигнорировать, а скорость света при этом окажется настолько высокой, что ее можно будет считать безграничной. При массе, фактически равной нулю, инерция тоже фактически сравняется с нулем, и любой объект, допустим наш корабль, сможет получить любое ускорение при фактически нулевых затратах энергии. Мы получим практически безгравитационный полет со скоростью, превышающей скорость света. Овладение химическими процессами позволило нам передвигаться в пределах Солнечной системы, использование

ионных устройств позволило бы добраться до ближайших звезд, в то время как релятивная минимизация положила бы у наших ног всю Вселенную.

— Замечательно сказано! — восторженно воскликнул Моррисон.

— Теперь, надеюсь, вам понятно, какими поисками мы сейчас заняты?

Моррисон кивнул:

— И преуспеете, если нам удастся прочитать мысли Шапирова, при условии, что он и вправду нашел выход из сложившейся ситуации.

— Но риск ведь дело благородное?

— Я уже склонен поверить в это,— тихо произнес Моррисон.— Вы умеете убеждать. Почему бы Наталье не поучиться у вас аргументации?

— Наталья есть Наталья. Она практичная особа, в ее душе нет места романтике. И она привыкла добиваться своего.

Моррисон разглядывал сидящую слева от него Софью, устремившую мечтательный взгляд куда-то вдаль. Ее чудный профиль выдавал в ней непрактичного романтика, грезившего, как и Безумный Питер, покорить Вселенную.

Он сказал:

— Не хочу быть навязчивым и лезть куда не следует, Софья, ваша личная жизнь не моего ума дело, но мне рассказали о Юрии.

Ее глаза гневно сверкнули:

— Аркадий! Конечно, он любитель распускать язык...— Она покачала головой.— Несмотря на всю свою гениальность, он остается неотесанной деревенщиной.

— А мне кажется, он к вам неравнодушен, даже если и не выражает чувств открыто. Многие, думаю, к вам неравнодушны.

Калинина бросила на доктора неприязненный взгляд, словно раскаиваясь в откровенности. Он же пытался вывести ее на больную тему:

— Почему бы вам не поделиться со мной наболевшим. Мне проще судить со стороны. Уверяю вас, я умею слушать.

Калинина снова посмотрела на него. Но на этот раз даже с некоторой благодарностью.

— Юрий! — фыркнула она.— Ему одному нет до меня никакого дела. Он вообще не знает, что такое чувства.

— Но ведь вы любили друг друга?

— Не уверена, в нем не уверена. Он, знаете ли, обладает...— уткнувшись глазами в потолок, она щелкнула дрожащими пальцами, подыскивая подходящее слово,— дальновидностью.

— Увы, мы не всегда умеем обуздывать собственные страсти, Софья. Скорее всего, он повстречал другую женщину, которая и заняла место в его сердце.

— Нет другой женщины,— возразила, нахмурившись, Калинина.— Никого! Он сам выдумал эту ложь! И меня он, пожалуй, любил, если, конечно, способен кого-то любить. Любил отстраненно, потому что подвернулась под руку, участвовала в проекте, не приходилось терять много времени на ухаживания. Занимаясь наукой, он не придавал нашим отношениям серьезного значения. Использовал для скрашивания досуга.

— Работа для мужчины...

— ...Вовсе не должна полностью владеть им. Юрий намерен затмить Ньютона и Эйнштейна. Сделать открытие настолько фундаментальное, настолько великое, что о нем заговорит весь мир. Использовав выкладки Шапирова, он намерен подвести под них твердую научную основу. Юрий Конев претендует на главный закон развития природы.

— Вам не кажется, что его амбиции достойны восхищения?

— Только в том случае, если не становятся единственной целью в жизни. И если не заставляют отказываться от собственного ребенка. Почему я пустое место, почему от меня можно отмахнуться? Ну хорошо, я о себе позабочусь. Но как же ребенок? Отказать ей в возможности иметь отца? Не признавать ее существования? Она, видите ли, будет отвлекать его от работы, требовать его внимания. Поэтому он отказался от отцовства.

— Но ведь анализ ДНК...

— Еще чего. Судиться, чтобы перед лицом закона его заставили признаться? Ребенок ведь не мог появиться от непорочного зачатия. Кто-то должен быть его отцом. Так вот Юрий нагло предполагает... То есть нет, утверждает, будто я была не слишком разборчива в связях. Он ни минуты не колебался, заявляя, что я сама не знаю, кто отец ребенка. Ни один суд не

вернет ребенку отца, не даст ему отцовской ласки. Нет, пусть признает свое отцовство и попросит у меня прощения за все содеянное. И тогда, быть может, я разрешу ему изредка видеть ребенка.

— Софья, а ведь вы все еще его любите.

— Если и да,— горько ответила Калинина,— пусть это останется моей болью, но не горем для моей дочери.

— Именно поэтому вас пришлось уговаривать на участие в этом эксперименте?

— Да, поэтому. Мне сказали, что меня уже нельзя заменить и что работа во имя науки выше всех чувств, превыше гнева, превыше ненависти. Кроме того...

— Кроме того?

— Если я выйду из проекта, то лишусь статуса советского ученого. Я потеряю многие привилегии и доплаты. Что по большому счету не так уж и важно. Но всего этого вместе со мной лишается и моя дочь — а это...

— Юрий только после уговоров согласился работать с вами?

— Ха! Проект — единственное, чем он живет. Я для него пустое место, ноль без палочки. И если он погибнет во время нашего эксперимента...

Она отмахнулась от возражений.

— Ради бога, я не верю в это и сама. Просто упоминаю, чтобы помучить себя. Так вот, перед лицом гибели он и то не вспомнит, что я рядом.

Моррисон почувствовал себя неуютно.

— Зачем вы так,— пробурчал он.— А дочь? Наталья пообещала вам что-нибудь?

— Нет необходимости. Я все знаю и без нее. Девочку будет воспитывать государство. Не худший вариант.

Софья на секунду замолчала и огляделась вокруг:

— Кажется, нас скоро выпустят.

Моррисон пожал плечами:

— Сегодня вас подвергнут медицинскому и психологическому осмотру, Альберт. Как, впрочем, и меня. Это нудно, но необходимо. Как вы себя чувствуете?

— Я чувствовал бы себя еще лучше,— честно признался Моррисон,— если бы вы не заговорили о смерти. Слушайте! До каких размеров нас завтра уменьшат?

— Это решает Наталья. Очевидно, до размеров мельчайшей клетки. Или молекулы.

— На ком-либо уже ставили опыты?

— Не знаю.

— Ну на кроликах? На каких-нибудь неодушевленных предметах?

Калинина покачала головой:

— Не в курсе.

— Откуда уверенность, что минимизация до таких пределов возможна? И что мы выживем?

— Расчеты. Вы же понимаете, теория — опора любого проекта.

— Но почему бы сначала не поставить опыт на куске пластика. Затем на кролике, затем на...

— Да, конечно. Если удастся убедить Центральный координационный комитет позволить нам тратить энергию на эти эксперименты. Кроме того, нас поджимает время. У нас нет времени! Мы должны попасть в мозг Шапирова немедленно.

— Но ведь мы же готовимся к чему-то беспрецедентному, собираемся проникнуть в неизвестную область, имея в активе всего лишь теоретические предположения...

— Пойдемте, уже дали свет. Физиологи ждут нас.

Легкая эйфория, охватившая Моррисона по случаю удачной деминимизации, улетучилась. Отступивший было страх снова стал глодать его.

Глава 8

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

«Основные трудности возникают перед стартом. Они называются "подготовка"».

Дежнев-старший

31

Поздним вечером, после долгого и утомительного медицинского осмотра, он ужинал с завтрашними попутчиками. «Последний ужин приговоренного»,— мрачно думал Моррисон.

Усевшись за стол, Моррисон забрюзжал:

— Никто не ознакомил меня с результатами обследования!

И спросил, повернувшись к Софье:

— Вы прошли обследование?

— Конечно, Альберт.

— И они сказали о результатах?

— Боюсь, что нет.

— Не берите в голову,— весело заметил Дежнев.— Мой старик, бывало, говорил: «Плохие новости прилетают на крыльях орла, а хорошие тащатся на черепашьих лапах». Если они промолчали, значит, жить будете.

— Об отрицательных результатах,— проговорила Баранова,— сообщили бы мне, и только мне. Я одна уполномочена решать вашу судьбу.

— И что же они вам сказали обо мне? — поинтересовался Моррисон.

— Вы отправитесь с нами. Через двенадцать часов наше «плавание» начнется.

Он погрузился в мрачное молчание и медленно, без особого аппетита, приступил к еде.

32

Юрий Конев первым поднялся из-за стола. Он был хмур и серьезен.

— Наталья,— произнес он,— я должен пригласить Альберта к себе в кабинет. Обсудить некоторые вопросы касательно завтрашнего мероприятия.

— Не забудь,— заметила Баранова,— что мы должны хорошенько выспаться. Помни о времени. Нужен тебе Аркадий?

— Нет,— ответил Конев высокомерно.

— И все-таки,— сказала Баранова,— у твоих дверей будут два охранника. Если понадобится, позови их.

Конев нетерпеливо отвернулся от нее:

— Уверяю, Наталья, они мне не потребуются. Пойдемте, Альберт.

Моррисон, набычившись, встал:

— Я устал шляться по Гроту туда-сюда.

Доктор понимал, что не слишком-то вежлив, но ему было уже на все наплевать. Правда, Конев ответил ему тем же:

— Профессору должно быть привычно носиться по территории университета.

Моррисон последовал за Коневым. Они вместе брели по коридору. За ними следовали два охранника.

Моррисон раздраженно спросил:

— Еще долго, Юрий?

— Глупый вопрос, Альберт. Если мы не остановились, значит, еще не пришли.

— Могли бы и развозку продумать, учитывая расстояния.

— Вы ослабли, Альберт? Вы недостаточно стары, чтобы быть немощным, и не так юны, чтобы вас носили на руках.

Моррисону подумалось: «На месте Софьи я бы заказал ящик шампанского, чтобы отпраздновать его отречение от отцовства».

Наконец они добрались до цели. Конев рявкнул: «Открыть!» Дверь плавно раскрылась на звук голоса, и Юрий вошел первым.

— Что, если кто-нибудь сымитирует ваш голос? — ехидно полюбопытствовал Моррисон.— Знаете, он у вас не очень-то выразительный.

Конев ответил:

— Лицо тоже сканируется.

— А если приболеете, не дай бог?

— Как-то, сильно простыв, я не мог в течение трех недель попасть в кабинет и в конце концов вскрыл дверь механическим способом. Сложности возникнут, если на лице появятся ушибы и шрамы. Цена секретности.

— Неужели люди здесь так любопытны, что способны посягнуть на ваши тайны?

— Люди есть люди. Не стоит переоценивать даже лучших из них. Есть вещи уникальные, которые без моего ведома никто не должен видеть. Вот, к примеру.

Холеная рука опустилась на необычайно толстый том. Тот, в свою очередь, стоял на подставке, явно специально сделанной для него.

— Что это? — спросил Моррисон.

— Это — академик Шапиров. Или, по крайней мере, его суть.— Конев раскрыл книгу, страницы зашелестели. Их покрывали символы, диаграммы.— Есть и микрофильм. Но я предпочитаю книги.— Он похлопал по страницам.

— Я не все понимаю,— сказал Моррисон, рассматривая записи.

— Это структура мозга Шапирова, переведенная в символы. Используя ее в соответствующей программе, можно заново составить трехмерный подробный план мозга на экране компьютера.

— Если вы говорите серьезно,— задумался Моррисон,— это просто замечательно.

— Вполне серьезно,— ответил Конев.— Я потратил все свое время на перевод структуры мозга в символы, и наоборот. Я изобрел и развил науку церебрографии.

— Используя для этого Шапирова?

— По невероятно счастливой случайности. Возможно, и не счастливой, но это было неизбежно. Мы все немного тщеславны. А Шапиров всегда считал, что его мозг следует сохранить для потомков. С самого начала он настаивал на церебрографическом анализе своего собственного мозга...

Разволновавшись, Моррисон спросил:

— Вы способны вывести его теории из записанной церебральной структуры его мозга?

— Увы, нет. Символы содержат церебральное сканирование, произведенное три года назад. Тогда теория Шапирова еще не увидела свет. А здесь, к сожалению, всего лишь физическая структура, а не его мысли. Тем не менее церебрография для нас будет бесценна в завтрашнем путешествии.

— Согласен, но впервые слышу об этом.

— Неудивительно, материалы чрезвычайно секретные. Никто за пределами Грота, даже здесь, в Советском Союзе, не знает о них.

— Плохая политика. Кто-нибудь напечатает их и получит приоритет.

Конев покачал головой.

— Иллюзия, будто где-то еще есть прогресс в этой области. Чтобы получить приоритет, мне достаточно опубликовать цефалографию мозга собаки, например. Но это сейчас не важно. Суть в том, что мы можем руководствоваться схемой мозга Шапирова. А это невероятная удача. Раньше мы не знали, что она станет чем-то сродни путеводителю через джунгли головного мозга.

Конев повернулся к компьютеру и отработанным быстрым движением рук вставил пять больших дисков.

— Каждый из них,— заметил он,— способен легко вместить всю информацию центральной московской библиотеки. Здесь — информация о мозге Шапирова.

— Вы хотите сказать,— возмутился Моррисон,— что смогли перенести всю информацию о мозге Шапирова в эту книгу?

— Ну нет.— Конев бросил взгляд на книгу.— По сравнению с полной программой книга — скромная брошюра. Тем не менее она действительно содержит основной, так сказать, каркас нейроструктуры Шапирова, и я мог использовать ее в качестве руководства для программы компьютера, составившей его подробнейшую схему. Чтобы справиться с этой задачей, понадобились месяцы работы и самый современный компьютер. Однако, Альберт, мы смогли достичь лишь клеточного уровня. Чтобы составить схему мозга на молекулярном уровне и записать все перемещения и комбинации, все возможные мысли, которые могут возникнуть в мозге гения — творческие, актуальные и потенциальные,— понадобился бы компьютер величиной со Вселенную и бесконечное время.

Моррисон восторженно попросил:

— Покажите мне, как он работает, Юрий.

Конев осмотрел компьютер, послышался мягкий щелчок. Он нажал на нужные клавиши. На экране появилось изображение человеческого мозга в разрезе.

Конев заметил:

— Мы можем рассмотреть любой поперечный разрез.— Он нажал на клавишу, и мозг расслоился, как бы под воздействием ультратонкого микротока со скоростью тысяча срезов в секунду.— С такой скоростью,— продолжал Конев,— нам понадобится час и пятнадцать минут, чтобы выполнить задачу, но я смогу остановить ее в любой момент. Есть возможность срезать и еще более тонкий слой! Или моментально рассчитать и срезать слой любого поперечного сечения.

Объяснения он сопровождал демонстрацией.

— Кроме того, можно ориентировать его в другом направлении и поворачивать вдоль другой оси. Или увеличить до клеточного уровня с любой скоростью, медленной или, как видите, быстрой.

С этими словами изображение мозга растянулось от центра во всех направлениях с головокружительной скоростью, так что Моррисон вынужден был закрыть глаза и отвернуться.

Конев продолжал:

— Сейчас перед нами изображение на клеточном уровне. Вы видите отдельные нейроны. При увеличении сможете разглядеть нейриты и дендриты. При желании легко проследить, как движется одиночный нейрит через клетку и сквозь синапс попадает в другой нейрон. И так далее. И все это с помощью компьютера, дающего трехмерное изображение мозга. Но дело не только в трехмерном изображении. Компьютер имеет голографическое изображение и может давать абсолютно точное трехмерное изображение.

Моррисон спросил вызывающе:

— Тогда какой смысл от путешествия в мозг?

Конев презрительно фыркнул.

— Глупый вопрос, Альберт. Побочный продукт вашего страха перед минимизацией. То, что вы видите на экране,— трехмерная схема мозга. Но только трехмерная. Здесь, по существу, схвачено лишь мгновение. В результате перед нами неизменяемая материя — мертвая материя. Мы хотим открыть для себя жизненную активность нейрона, меняющуюся во времени. Для этого необходимо четырехмерное изображение колеблющегося электрического напряжения, микротечения в клетках и клеточных тканях. И мы хотим перевести их в мысли. Это ваша задача, Альберт. Аркадий Дежнев проведет корабль по выбранному мною маршруту, а вы дадите нам мысли.

— На основании каких принципов вы прокладывали маршрут?

— На основании ваших же собственных работ, Альберт. Я выбрал области, которые, вероятнее всего, являются нейросхемой творческой мысли. Затем, используя книгу с ее запрограммированным изображением мозга Шапирова в качестве начального руководства, смог вычислить центры, ведущие к некоторым частям этой схемы. Затем внес данные в компьютер, и вот — завтра мы отправимся в путь.

Моррисон покачал головой:

— Боюсь, я не могу дать гарантию, что удастся определить текущие мысли, даже если мы найдем центры, где проходит про-

цесс мышления. Все равно что незнакомый язык — слышать слышим, но о чем речь — не знаем.

— Изменяющееся электрическое напряжение в мозге Шапирова, определенно, похоже на наше собственное. В любом случае, попытка не пытка.

— Тогда приготовьтесь и к разочарованиям.

— Никогда,— заявил Конев абсолютно серьезно.— Я намерен стать первым ученым, который познает тайны человеческого мозга. Я полностью раскрою тайну человечества. А возможно, и Вселенной. Если человек на самом деле венец природы, самое совершенное существо. Завтра нам предстоит работать с вами. Вы поможете мне в управлении, изучая импульсы мозга, которые встретятся на пути. Я хочу, чтобы вы объяснили мысли Шапирова и особенно его мысли о сочетании квантовой теории и теории относительности. Надеюсь, подобные эксперименты приживутся, станут обыденностью и мы сможем досконально изучить проблему человеческого разума.

Юрий, завершив речь, пристально посмотрел на Моррисона:

— Хорошо?

— Что хорошо?

— Разве вас это не заинтересовало?

— Да, конечно, но... Я хочу спросить. Вчера, когда я наблюдал минимизацию кролика, весь процесс сопровождался шумами. Ничего подобного не наблюдалось, когда минимизации подвергся...

Конев поднял палец:

— А... Шум слышен, когда вы находитесь в нормальном пространстве, а не в минимизированном. Я первый осознал это во время эксперимента и занес данные в отчет. Мы до сих пор не знаем, почему поле миниатюризации не пропускает звуковые волны и пропускает световые. Пока этот нонсенс отставили в сторону, отказав ему в первостепенной важности.

— Юрий, неужели вы ничего не боитесь? — проворчал Моррисон.

— Боюсь, что не смогу завершить работу. В том случае, если я умру завтра или откажусь пройти минимизацию. Тогда моей карьере конец, как и планам.

— Вас не беспокоит, что Софья подвергнется минимизации вместе с вами?

Конев нахмурился:

— Что?

— Если запамятовали имя, я вам могу назвать фамилию — Калинина.

— Она — член группы и будет на корабле.

— И вы не возражаете?

— С какой стати?

— В конце концов, вы ведь предали ее.

Конев слегка покраснел, но бросил со злостью:

— Неужели навязчивая идея настолько ее выбила из колеи, что она плачется в жилетку первому встречному? Абсурд... не берите в голову.

— Не заметил за ней склонности к абсурдным действиям...

Моррисон сам не знал, зачем заговорил на столь скользкую тему. Возможно, устыдился своей боязни перед завтрашним полетом?

— Вы ведь были ей... другом?

— Другом? — презрительно фыркнул Конев.— Помилуйте, какая дружба? Я пришел в проект позже ее. Мы вместе работали. Стояли у истоков, были зелены и неопытны. Естественно, на каком-то этапе мы сблизились, даже поиграли в любовь. Что здесь такого? Дела давно минувших дней.

— Те времена не прошли бесследно. Ребенок.

— Не мой,— отрезал Юрий.

— Она говорит...

— Нет сомнений, ей хочется приписать мне ответственность, но не выйдет.

— Вы сделали генетический анализ?

— Нет! О ребенке позаботятся должным образом. К черту генетику; даже если анализ покажет мое отцовство, я бы все равно не позволил навязать мне ребенка.

— Вы настолько... бессердечны?

— Бессердечен! Неужели вы думаете, что я соблазнил юную наивную девушку? Она инициатор близости. Она вам, случаем, не поведала, что уже была беременна и сделала аборт за несколько лет до встречи со мной? Не знаю, кто был отец тогда и кто — сейчас. Скорее всего, она сама не знает.

— Вы жестоки.

— Да. И счастлив. У меня есть возлюбленная — это моя работа. Абстрактный человеческий мозг, его изучение, его анализ.

Женщина в лучшем случае — развлечение, в худшем — разорение. Без сомнений, она упросила вас поговорить со мной...

— Нет,— прервал его Моррисон.

— Дело не в этом. Дурацкий разговор может стоить мне бессонной ночи, а мое физическое состояние скажется на завтрашней работе. Вы этого хотите?

— Нет, конечно,— спокойно ответил Моррисон.

— Значит, ее идея. Она не оставляет меня в покое. Я не смотрю на нее. Не говорю с ней. И все равно она меня не оставляет. Да, я против, чтобы она была со мной на корабле. Но Баранова безапелляционно заявила, что нужны оба. Вы довольны?

— Извините. Не хотел вас расстраивать.

— Неужели хотели дружеской беседы?

Слегка наклонив голову, Моррисон молчал, чувствуя ярость собеседника. Трое из пяти членов экипажа — он и два бывших любовника — страдают от чувства невыносимой обиды.

Конев вдруг грубо приказал:

— Вам лучше уйти. Я хотел вам помочь избавиться от страха перед проектом, поделившись с вами надеждой. Очевидно, мне не удалось. Вас больше интересуют грязные сплетни. Идите. Охрана отведет вас в вашу комнату. Необходимо поспать.

Моррисон вздохнул. Поспать?..

33

Дежнев поджидал его у выхода. Он широко ухмылялся, был весел и игрив. После сумрачного Конева Моррисон был рад даже болтовне Дежнева.

Дежнев настаивал, чтобы Моррисон выпил.

— Это не водка, не алкоголь,— уговаривал он.— Это — молоко с сахаром и ароматическими добавками. Я стащил это у интенданта. Пейте же. Это пойло полезно для желудка. Гарантирую.

Моррисон вскрыл банку. Напиток оказался довольно приятным на вкус. Он поблагодарил Дежнева почти от души.

Когда они пришли к Моррисону, Дежнев посоветовал:

— А сейчас самое важное для вас — выспаться. Хорошенько. Давайте я вам покажу, где что находится.

Суетившийся Дежнев походил на большую растрепанную наседку. С сердечными пожеланиями: «Спокойной ночи. Обязательно выспитесь как следует» — Дежнев вышел из комнаты.

В третью ночь пребывания в СССР Моррисон спал.

Он спал в любимой позе — на животе, подогнув левую ногу,— даже заснул почти сразу. Конечно, он мало спал последние две ночи. И вдруг его осенило: в чашке с напитком было сильное снотворное. Затем пришла мысль, что, возможно, Конев тоже примет снотворное. Потом — ничего... Когда проснулся, то не смог вспомнить, снилось ли что-нибудь ему.

Он даже не сам проснулся. Его разбудил Дежнев — такой же бодрый, как и накануне вечером. Бодрый и подтянутый, насколько мог быть подтянутым этот ходячий мешок картошки.

— Просыпайтесь, товарищ американец, пора. В ванной найдете свежие полотенца, расчески, дезодорант, салфетки и мыло. А также новую бритву. И вдобавок — свежее белье. У них все есть, у этих бюрократов, если хорошенько попросить, сунув под нос кулак.

Он поднял кулак, лицо его исказилось от злости.

Моррисон зашевелился и сел в постели. Он быстро пришел в себя и... остолбенел от осознания того, что наступило утро четверга и именно сегодня предстоит минимизация.

Через полчаса Моррисон вышел из ванной, умытый, побритый и благоухающий дезодорантом, одетый в хлопчатобумажный костюм, и спросил у Дежнева:

— Какова продолжительность завтрашнего эксперимента?

— Возможно, около часа — если все будет удачно, если нет — часов двенадцать.

— Но ведь я не смогу,— сказал Моррисон,— не мочиться двенадцать часов кряду.

— А кто сможет? — весело подмигнул Дежнев.— Все сиденья оборудованы углублением со съемным чехлом. Так сказать, встроенный биотуалет. Сам его сконструировал,— не без гордости признался Аркадий.— Но если вы шибко чувствительны и чересчур застенчивы, придется терпеть. Когда процесс минимизации без затраты энергии станет реальностью, мы построим лайнеры, оснащенные всеми возможными удобствами.

— Что ж, надеюсь, экспедиция не затянется.

Дежнев снова подмигнул американскому другу и возвестил:

— А сейчас пора завтракать. На борту нет ничего, кроме воды и фруктовых соков.

Завтрак подали обильный и не сытный: желе со сладким кремом, толстые куски белого хлеба с маслом и джемом, фруктовые соки и несколько видов пилюль, которые потребовалось запивать большим количеством воды. За столом разговоры велись о местном шахматном турнире. Никто не упоминал ни о корабле, ни о минимизации. То ли не хотели нервировать американца, то ли считали плохой приметой прогнозировать будущее.

Моррисон слушал, даже втянулся в беседу, вспомнил, как сам ездил на шахматные турниры и неплохо играл.

Время пробежало незаметно. Доктор не успел и оглянуться, как пришла пора отправляться на борт корабля.

34

Они шествовали на некотором расстоянии друг от друга. Дежнев первым, затем — Калинина, Баранова, Моррисон и замыкал строй Конев.

Их провожали приветственными криками какие-то люди, очевидно занятые в проекте.

Иногда к ним обращались по имени, несомненно зная обо всех членах экипажа. Моррисон удивился, отчетливо услышав по-английски:

— Да здравствует американец!

Он посмотрел, откуда кричали, и автоматически помахал рукой.

Моррисон чувствовал себя двояко, старые страхи до конца не испарились, но мрачность и безысходность исчезли. Раньше доктору не доводилось становиться объектом ликования толпы, и новый опыт определенно пришелся ему по вкусу. Баранова сохраняла мрачное выражение лица, а Дежнев не переставая зубоскалил.

Миновав провожающих, они вошли в палату Шапирова. Здесь же находился корабль. Моррисон в изумлении огляделся и заметил съемочную группу.

Калинина шла рядом с ним. И доктор не мог не отдать должное ее прелестям, особенно его впечатляла грудь. Он понял, почему Конев говорил, что она отвлекает.

Калинина пояснила присутствие репортеров:

— Нас покажут по телевидению. Значительные эксперименты принято фиксировать и описывать. Между прочим, нас с вами и вчера снимали, только скрыто.

— Но проект суперсекретный...

— Рано или поздно придет успех, и тогда и наш народ, и весь мир узнают об уникальном достижении.

Моррисон покачал головой:

— Приоритет не главное. Прогресс идет быстрее при участии дополнительных умов и ресурсов.

Калинина спросила:

— А вы отказались бы от первенства в своей области исследования?

Моррисон промолчал. Это было тонкое возражение.

Заметив это, Калинина покачала головой и добавила:

— Легко быть щедрым за чужой счет.

Баранова тем временем разговаривала, как понял Моррисон, с репортером, ее слова очень заинтересовали его.

— Это американский ученый Альберт Джонас Моррисон, профессор нейрофизики, коллега доктора Конева. Здесь он находится в качестве наблюдателя и помощника профессора Конева. В экспедицию отправятся пятеро добровольцев. Академик Конев — первый мужчина, прошедший минимизацию. Доктор Софья Калинина — первая женщина, а профессор Альберт Моррисон — первый американец, прошедший через этот процесс. Калинина и Моррисон — первые, кто неоднократно подвергались уменьшению. Что же касается сегодняшнего эксперимента, то это первая минимизация одновременно пятерых и первый случай, когда уменьшенный корабль с экипажем будет введен в организм человека. Объект исследования — Петр Шапиров, второй в истории человек, подвергшийся минимизации, и первый, кто стал жертвой процесса.

Дежнев, внезапно оказавшись рядом с Моррисоном, хрипло прошептал ему на ухо:

— Вот и вы, Альберт, наследили в истории. Возможно, до сих пор вы считали себя неудачником. Теперь это не так. Никто не сможет отрицать факт, что вы — первый американец, подвергнутый минимизации. Даже если ваши соотечественники са-

ми разработают процесс и уменьшат какого-нибудь американца, он будет лишь вторым.

Моррисон не думал об этом. Но первенство грело его душу, если, конечно, русские честно опубликуют данные. Все же оставался какой-то осадок.

— Я хочу, чтобы обо мне помнили по другой причине.

— Приложите усилия, и вы сегодня прославитесь на века,— ответил Дежнев.— Кроме того, как говорил мой старый отец: «Всегда приятно сидеть во главе стола, даже если ты не один и у вас одна на всех миска шей».

Рядом с Моррисоном опять оказалась Калинина. Она тронула его за рукав:

— Альберт.

— Да, Софья?

— Вы оставались с ним вчера вечером после ужина, правда?

— Он показал мне схему мозга Шапирова. Удивительно!

— Он что-нибудь говорил обо мне?

Моррисон смутился:

— С какой стати?

— Вы не в меру любопытны, наверняка сами завели разговор.

Моррисон поморщился.

— Оправдывался.

— Как?

— Рассказывал о вашей первой беременности и аборте.

Глаза у Калининой заблестели от слез.

— Он... он хоть рассказал об обстоятельствах?

— Нет, Софья. И я не спрашивал.

— Я была вынуждена, мне тогда исполнилось всего семнадцать лет. А это, сами понимаете... И мои родители прибегли к законным мерам.

— Понимаю. Юрий желает не верить в это.

— Он думает, что я сама напросилась. Тот чертов насильник до сих пор в тюрьме. Советский закон суров к насилию, но только если случай полностью доказан. Конечно, иногда обвинения в изнасиловании не стоят и ломаного гроша. Но со мной все было не так. И Юрий знает.

— Я вам искренне сочувствую, но сейчас не время травить душу воспоминаниями. Нам предстоит сложная работа, и для

этого понадобится полная концентрация. Тем не менее уверяю вас, я полностью на вашей стороне.

Калинина кивнула головой и сказала:

— Спасибо за доброту. Не бойтесь за меня. Я сделаю свою работу.

В этот момент Баранова прокричала:

— Заходим на борт в том порядке, в каком я буду называть имена: Дежнев — Конев — Калинина — Моррисон — и я.

Баранова, следуя за доктором, шепнула:

— Как себя чувствуете, Альберт?

— Ужасно,— ответил Моррисон.— Вы ждали другого ответа?

— Нет,— сказала Баранова.— И все же надеюсь, вы выполните свою работу.

— Я постараюсь,-- ответил Моррисон сквозь зубы и последовал за Калининой. Он второй раз входил в корабль.

Один за другим они заняли места. Дежнев — впереди и слева, у пульта управления, Конев — рядом, справа от него, Калинина и Моррисон — за ними, а Баранова — позади, слева.

Моррисон высморкался в бумажный носовой платок, который обнаружил в одном из карманов. Что, если ему понадобится больше салфеток, чем ему выдали с собой? Лоб покрылся испариной. Похоже, дыхание пятерых человек повышало влажность в сжатом пространстве до максимума. Предусмотрена ли вентиляция?

Он вспомнил о первых астронавтах прошлого столетия. Беспомощные, они отправлялись в космос, который был все-таки чем-то знакомым и понятным. Его же ждал совершенно нетронутый микрокосмос.

Заняв свое место, Моррисон слегка успокоился, страх утих. В конце концов, он побывал на корабле раньше. Даже подвергался минимизации и деминимизации, не нанесшим ему никакого вреда.

Огляделся, пытаясь понять, как чувствуют себя остальные. Калинина, слева от него, сохраняла холодное бесстрастие. Снежная королева. Кажется, несмотря на напускное спокойствие, в глубине души она испытывала беспокойство.

Дежнев тоже, как и доктор Моррисон, интересовался состоянием присутствующих. Но он оглядывался не из праздного любо-

пытства. Аркадий оценивал обстановку и шансы на успех предприятия. Конев мрачно, немигающим взором устремился куда-то в даль. Моррисон мог видеть только его затылок. Баранова выглядела как обычно, собранная и серьезная.

Дежнев обратился к спутникам:

— Друзья! Попутчики! Прежде чем мы тронемся в путь, каждому необходимо проверить свое оборудование и сказать мне о неполадках. Как говорил мой отец: «Умный акробат не проверяет страховку во время прыжка». Ведь именно я отвечаю за управление кораблем, как его главный конструктор и создатель... Юрий, дружище, твое детище — мозговая схема — тщательно переведено в компьютерную программу. Компьютер прямо перед тобой. Проверь параметры работы машины... Софья, голубка, не знаю, чем ты можешь заняться, кроме электричества. Все равно убедись в правильной работе приборов... Наталья,— Аркадий даже повысил голос на полтона,— как самочувствие?

— Я в полном порядке, лучше займись Альбертом. Он больше всех нуждается в твоей помощи.

— Естественно, товарищ командир. Я намеревался уделить ему особое внимание. Альберт, вы знаете, как работать со щитом управления, который находится перед вами?

— Конечно нет,— буркнул Моррисон.— Откуда?

— Через две секунды научитесь. Этот рычажок — чтобы открывать, а этот — закрывать. Альберт, включайте! Видите, он бесшумно открывается? Теперь закройте! Отлично. Заметили, что скрыто внутри?

— Компьютер,— раздраженно ответил Моррисон.

— Посмотрите, эквивалентен ли он вашему. Носитель с вашей программой находится сбоку в выемке. Пожалуйста, проверьте, подходит ли она к компьютеру и работает ли должным образом. Если возникнут сомнения, подозрения, малейший намек на неполадки, мы задержимся, чтобы устранить все неприятности.

Баранова властно прервала речь:

— У нас нет времени.

Дежнев не обратил на нее внимания.

— Мой дорогой Альберт, если вам захочется схитрить и выдумать проблему, Юрий все поймет.

Моррисон вспыхнул. Доктор забыл о своих опасениях, склонившись над компьютером, он вновь углубился в расчеты. Иногда новые идеи приходили не путем долгих опытов, а накатывали подобно озарениям. Словно на его мозг действовали те самые импульсы, на изучение которых он потратил столько времени. Поэтому Шапиров и назвал его программу ретранслятором, если верить Юрию.

Почему ему не пришло в голову заявить, что программа не работает!

Вдруг Моррисон почувствовал приступ паники, осознав, что носитель с программой за время транспортировки мог выйти из строя. Как тогда их убедить, что он не шарлатан?

Однако все прекрасно работало. Дежнев наблюдал, как мелькают руки Моррисона.

— Все работает,— произнес Моррисон,— насколько я вижу.

— Хорошо. Претензий к оборудованию ни у кого нет? Тогда приподнимите ваши задницы, проверьте открывающиеся панели. Порядок?

Моррисон проследил, как Калинина открыла и закрыла панель, покрытую тонкой обивкой. Доктор убедился, что и его панель работает хорошо.

Дежнев сказал:

— Если кого-то проберет, прямо под краем сиденья находится небольшой рулон бумаги. Вы легко ее найдете. Так как мы уменьшимся, все потеряет массу, поэтому выделения будут держаться на поверхности. Хотя этому может помешать поток воздуха, идущий вниз. Не пугайтесь. Сбоку под сиденьем в холодильнике находится вода. Она предназначена только для питья. Если вы испытаете дискомфорт от грязи, пота и запаха, постарайтесь выдержать. Не мойтесь, пока не выйдем. И не ешьте.

Баранова сухо заметила:

— Если вы, Аркадий, потеряете семь килограммов, вам это будет только на пользу. А мы сэкономим энергию во время минимизации.

— Иногда мою голову посещают умные мысли,— холодно парировал Дежнев.— Сейчас я проверю управление. И в путь.

Повисло напряженное ожидание, тишину нарушал только мелодичный свист Дежнева, склонившегося над пультом управления.

Наконец он выпрямился, вытер лоб рукавом и проговорил:

— Все в порядке. Товарищи леди, товарищ джентльмен и товарищ американец, начинается наше фантастическое путешествие...— Он закрепил наушник на правом ухе, поправил крохотный микрофон у рта и сказал: — Внутри все работает. Снаружи все готово? Что ж, пожелайте нам счастливого пути.

Казалось, ничего не произошло.

Моррисон бросил короткий взгляд на Калинину. Она заметила, что он смотрит на нее, и подтвердила:

— Да, мы уменьшаемся.

Кровь застучала в ушах Моррисона.

Глава 9

АРТЕРИЯ

«Если течение несет тебя в нужном направлении, не сопротивляйся».

Дежнев-старший

35

Взгляд Моррисона сосредоточился на компьютере. Программа — единственный материальный объект, связывающий его с прошлым.

Еще пять дней назад он, подавляя зевки, слушал скучные лекции на конференции и размышлял, как спасти свое положение в университете. Сто часов пролетели для него словно столетие. Сто часов назад он бы многое отдал, чтобы вырваться из однообразной бесполезной борьбы. А сейчас он бы отдал все, лишь бы туда вернуться. Чтобы открыть глаза в номере отеля и вспомнить о русских как о кошмарном сне.

Он неохотно оглядывался вокруг, в надежде, что процесс минимизации прервется и происходящее окажется иллюзией. Но за прозрачными стенами он видел великанов. Он понял, что процесс минимизации неумолимо продолжался. Над экипажем нависла гнетущая тишина. Моррисону захотелось услышать звуки человеческого голоса. Хотя бы своего собственного.

Калинина сидела рядом и казалась, пожалуй, наиболее приятным соседом. Моррисона не устраивали неуместные шутки

Дежнева, сосредоточенность Барановой и мрачная напряженность Конева. Он спросил:

— Как мы попадем в тело Шапирова, Софья?

Калинина как будто не сразу услышала его. Но ответила шепотом:

— С помощью инъекции. Когда мы достигнем нужных размеров, нас поместят в шприц и введут в левую сонную артерию академика Шапирова.

— Мы пешки в чужой игре,— ужаснулся Моррисон.

— Вовсе нет. Эксперимент тщательно продуман.

— Откуда вы знаете? Это делается первый раз. В корабле. В шприце. В человеческом теле.

— Верно,— ответила Калинина.— Но корабль оснащали лучшие умы и думали об удобстве экипажа. То же касается и самой экспедиции.

— Объясните мне, что будет происходить.

— Хорошо. Пока мы не уменьшимся до сантиметра, работать не будем. Понадобится еще двадцать минут. Затем процесс пойдет быстрее. Вы пока не чувствуете дискомфорта?

Моррисон просчитал скорость ударов сердца, прислушался к дыханию и ответил:

— Нет,— но, заметив, что сказал это чрезмерно оптимистично, добавил: — По крайней мере, пока.

— Вот и хорошо.— Калинина прикрыла глаза, словно разговор утомлял ее.

Моррисон решил последовать ее примеру. Кажется, он даже задремал.

Доктора разбудил толчок. Широко раскрыв глаза, он обнаружил, что завис над сиденьем. Баранова зашевелилась и, положив руки ему на плечи, предупредила:

— Альберт, наденьте пристежные ремни. Софья, покажи ему. Извините, не успели перед стартом объяснить, но у нас было мало времени. Да и вы нервничали. Не хотелось запугивать вас новыми трудностями.

Удивительно, но доктор вовсе не испытывал беспомощности от ощущения невесомости. Скорее наоборот.

Калинина нажала на кнопку на краю сиденья, располагающуюся между ее колен, и ремень, обхватывающий ее вокруг

талии, расстегнулся. И когда она успела его пристегнуть? Он даже не заметил. Калинина повернулась к нему и сказала:

— Здесь, слева, ваше устройство, отпускающее ремень.

Софья нажала на кнопку. С легким свистом выстрелил гибкий ремень из светлого пластика.

— Если вы захотите отстегнуть ремень, здесь, прямо между колен, есть кнопка.

Калинина склонилась над ним, чтобы показать, где находится эта кнопка, и Моррисон почувствовал приятные ощущения от ее прикосновения. Казалось, она не заметила этого. Справившись со своей задачей, женщина откинулась на сиденье и заново застегнула свой ремень.

Все пятеро были пристегнуты.

Доктор обратился с вопросом:

— Мы весим сейчас совсем мало?

— Ваш вес сейчас двадцать пять миллиграммов,— ответила Баранова,— отсюда и невесомость. К тому же корабль поднялся.

Моррисон бросил на Софью укоризненный взгляд. Она повела плечами:

— Я обещала вам все объяснять по ходу, но вы, кажется, заснули. Толчок пинцета разбудил вас и вытряхнул из кресла.

— Толчок пинцета? — Он посмотрел в сторону. Виднелись какие-то тени, но стены уже были непрозрачными. Калинина кивнула головой:

— Нас удержали пинцетом и помогли сохранить равновесие. Мы уже помещены в пробирку с физраствором. Также равновесие помогает сохранять поток воздуха, всасываемого поршнем. Нас толкает в сторону насадки. Таким образом, нас удерживает сила, действующая в трех направлениях.

Предметы за стенами корабля, не размытые от движения и потоков воздуха, могли бы быть видимы, но Моррисон их не видел. Он уловил блики света и тени и понял, что все, находящееся снаружи, настолько велико, что его просто невозможно рассмотреть. Если фотоны, достигающие корабля, не подвергнутся минимизации, попадая в поле, то они будут вести себя как длинные радиоволны, совершенно невидимые.

Он почувствовал, как корабль опять внезапно дернулся и даже двинулся назад, хотя в действительности движение проис-

ходило незаметно. Каждую секунду что-то менялось. Движение — в его масштабе — невозможно было рассмотреть.

Затем его слегка приподняло вверх, ремень безопасности натянулся, корабль пошел вниз, и доктор снова почувствовал под собой кресло.

Дежнев указал на темную горизонтальную линию, движущуюся вверх и вниз по стене корабля, и произнес с удовлетворением:

— Это поверхность воды. Я предполагал на этом участке пути особые трудности. Но, очевидно, здесь работают почти такие же хорошие инженеры, как и я.

Баранова заметила:

— Собственно говоря, квалификация инженеров здесь ни при чем. Нас удерживает давление поверхности. Оно оказывает свое действие, только когда мы находимся на поверхности потока. Как только мы войдем в тело Шапирова, воздействие прекратится.

— Но этот эффект волны, Наташа? Это движение вверх-вниз? Разве оно совсем не влияет?

Баранова с большим вниманием следила за приборами, особенно за маленьким экраном, на котором горизонтальная линия, не смещаясь от центра, казалось, застыла намертво.

— Ни малейшего колебания,— удовлетворенно ответила Баранова,— словно твоя рука, Аркадий, когда ты трезв как стеклышко.

— Лучше не бывает, а? — хохотнул Дежнев.

— А что сейчас происходит? — спросил доктор.

И тут Конев впервые с начала минимизации подал голос:

— Вам нужно все растолковывать?

Моррисон сердито ответил:

— Да! Вам же объяснили. Почему мне нельзя всего знать?

Баранова успокоила всех:

— Альберт абсолютно прав. Юрий, сохраняй благоразумие. Вам вместе работать.

Конев передернул плечами, но ничего не ответил.

Баранова объяснила:

— Мы в цилиндре шприца. Это произошло с помощью дистанционного управления.

И, как будто дождавшись ее слов, сзади опустилась тень, мгновенно поглотившая их. Какое-то время впереди маячил свет, но потом и он исчез.

Баранова опять спокойно заметила:

— Игла готова.

Корабль вдруг изнутри наполнился белым светом, пожалуй, более мягким и спокойным, чем раньше, и Баранова пояснила:

— С этого момента и до конца эксперимента не будет внешнего света. Мы должны полагаться только на внутреннее освещение, Альберт.

Пораженный Моррисон поискал глазами источник света. Казалось, его излучали сами прозрачные стены корабля. Калинина, поймав его взгляд, объяснила:

— Электролюминесценция.

— Но где же источник?

— У нас имеются три двигателя из микросплава.— Она гордо на него посмотрела.— Самые лучшие в мире.— И повторила: — Во всем мире.

Моррисон промолчал. Ему вдруг захотелось поведать о достижениях американской аэрокосмической промышленности. Только к чему? Когда-нибудь мир забудет, что такое национализм, но до этого еще надо дожить. С другой стороны, пока национализм не склонился к насилию, его можно терпеть, хоть и с зубовным скрипом.

Дежнев, откинувшись на кресле, подложил руки за шею и, очевидно обращаясь к мягко светящейся стене, проговорил:

— Когда-нибудь мы увеличим шприц, поместим в него корабль нормальных размеров и все это уменьшим. Тогда нам не надо будет маневрировать в маленьких масштабах.

Моррисон спросил:

— А вы способны на максимализацию? Гигантизацию?

— Это нереально,— зло отрезал Конев.

— Может, все-таки придет время.

— Нет,— сказал Конев,— никогда. Это физически невозможно. Для минимизации требуется огромное количество энергии, а уж для максимализации — просто бесконечное.

— Даже если рассматривать это с точки зрения теории относительности?

— Даже таким образом.

Дежнев губами издал не совсем приличный звук:

— Это для вас физически невозможно. Что ж, посмотрим...

Конев, обидевшись, промолчал. А Моррисон спросил:

— Чего мы ждем?

Ответила Баранова:

— Шапиров проходит последние приготовления, затем игла будет введена в сонную артерию.

Пока она говорила, корабль резко дернулся вперед.

— Не волнуйся, Альберт. Когда все начнется, мы узнаем.

— Откуда?

— Они передадут. Аркадий поддерживает с ними связь. Это не сложно. Фотоны радиоволны минимизируются, проходя границу, а затем, возвращаясь, подвергаются максимализации. На это идет совсем немного энергии — даже меньше, чем в случае со световыми волнами.

— Пора продвигаться к основанию иглы,— сказал Дежнев.

— Ну что ж,— откликнулась Баранова,— по крайней мере, испытаем действие движущейся энергии во время минимизации.

Нарастающий грохот превратился в глухое гудение. Моррисон повернул голову, насколько позволяли ремни безопасности, стараясь разглядеть происходящее сзади.

Вода за ними вспенивалась, словно бурный горный поток. При отсутствии какой-либо точки отсчета снаружи определить скорость движения не представлялось возможным. Моррисону казалось, что они движутся очень медленно.

— Почему так медленно? — спросил он.

— Ни к чему тратить энергию на ускорение. Мы пробиваемся сквозь молекулы нормальной величины, а это означает преодоление высокой плотности,— пояснила Баранова.

— Но с микроплазменными двигателями...

— Энергия пригодится для более насущных проблем.

— Зато сколько времени нам понадобится, чтобы достигнуть ключевых точек мозга.

— Поверьте мне,— сердито сказала Баранова,— я тоже заинтересована в успехе, но ведь есть еще и артериальный ток крови, который вынесет нас к месту назначения.

— Мы на месте. Видите? — воскликнул Дежнев.

Прямо перед ними в свете прожектора виднелся какой-то круг. Моррисон не сомневался, что это основание иглы.

По игле они попадут прямо в кровь Петра Шапирова и окажутся внутри человеческого тела.

36

— Наталья, мы же слишком велики, чтобы пройти сквозь иглу,— усомнился Моррисон.

Он снова не верил в успех предприятия.

И все же ему стало обидно: зайти так далеко и вдруг отказаться от проникновения внутрь мозга человека и исследования его нервных клеток... Естественно, доктор не годился на роль первопроходца, ему было чуждо геройство и дух научного авантюризма. Но сейчас, преодолев минимизацию, он ждал продолжения эксперимента. Не зря же Альберт Моррисон претерпевал мучения последних дней.

К тому же, подумалось ему, вряд ли его попутчики настолько наивны и недобросовестны, чтобы не продумать все трудности и препятствия, которые их ждут в путешествии.

И Баранова, словно прочитав его мысли, почти безразлично бросила:

— Да, конечно, сейчас мы еще великоваты, но скоро уменьшимся до нужного размера. В этом и заключается моя работа.

— Ваша? — озадаченно переспросил Моррисон.

— Конечно. Первый этап минимизации провели приборы центра. А окончательная минимизация за мной.

Калинина пробормотала:

— Поэтому и стоит поберечь наши микроплазменные двигатели.

Моррисон переводил взгляд с собеседника на собеседника.

— На борту достаточно энергии для продолжения минимизации? У меня сложилось впечатление, что большое количество энергии требуется для...

— Альберт,— перебила Баранова,— в том случае, если бы гравитация подверглась квантизации, нам понадобилось бы такое же огромное количество энергии, чтобы уменьшить массу наполовину, независимо от начального уровня. Одинаковая энергия требуется для двукратного уменьшения массы мыши

или слона. Но гравитация не подвержена квантизации, как не подвержено ей и уменьшение веса. Следовательно, энергия, необходимая для уменьшения массы, растет в зависимости от величины уменьшения. Сейчас наша масса настолько мала, что дальнейшие затраты почти минимальны.

Моррисон возразил:

— Но до сих пор вы ни разу не уменьшали тело размером с наш корабль до такой малой величины. Вы занимаетесь экстраполяцией объектов совсем другого масштаба.

— Да,— согласилась Баранова.— Надеемся, экстраполяция пройдет удачно. В любом случае, мы живем во Вселенной, которая постоянно преподносит сюрпризы. И ничего с этим не поделаешь.

— Но любая ошибка приведет к гибели!

— А вы что думали? — спокойно спросила Баранова.— Мы тут шутки шутим? И отправились в путешествие ради собственного удовольствия? Не только мы участвуем в процессе. Если произойдет нечто незапланированное и энергия минимизации выйдет из-под контроля, она уничтожит не только нас, от Грота не останется камня на камне. Уверена, люди, отправляющие нас в это путешествие, сами вряд ли смогут уцелеть, если произойдет незапланированное. Видите ли, Альберт, даже оставшиеся в Гроте подвергаются огромной опасности.

Дежнев повернулся к ним, оскалившись в усмешке. Моррисон заметил, что один из его верхних зубов был вставным и явно отличался от остальных желтизной.

— Други мои,— сказал Дежнев,— придите к мысли, что, если что-то и произойдет, вы никогда об этом не узнаете. Мой отец любил говорить: «Уж если всем нам суждено умереть, единственное, чего можно желать, это быстрой и внезапной смерти».

Моррисон заметил:

— То же самое говорил Юлий Цезарь.

Дежнев согласился:

— Да, но никто не успеет воскликнуть: «И ты, Брут...»

— Мы не умрем,— резко вставил Конев.— К черту глупую болтовню. Расчеты абсолютно верны.

— Ах,— театрально вздохнул Дежнев.— Канули в Лету времена, когда люди полагались на защиту Бога, теперь мы надеемся исключительно на правильность расчетов.

— Не смешно,— выдавил Конев.

— А я и не смеюсь, Юрий.

— Наташа, в центре готовы продолжить эксперимент?

— Продолжаем.

Моррисон впечатался в сиденье, подготавливая себя к главному. Но ничего не почувствовал, только заметил, что круг, только что четко различимый, становится более размытым и медленно отдаляется.

— Мы движемся? — машинально спросил он.

Вопрос вырвался у него сам собой, хотя ответ был ясен.

— Да,— подтвердила Калинина,— и при этом не тратим энергии, не пробиваемся сквозь молекулы воды. По игле нас несет поток, который приводится в движение давлением цилиндра шприца.

Моррисон решил считать про себя. Так ему было комфортнее, чем следить за стрелками часов.

Досчитав до ста, спросил:

— Сколько времени потребуется для этого?

— Для чего? — переспросила Калинина.

— Чтобы попасть в ток крови,— ответил Дежнев.— Несколько минут. Нас перемещают очень бережно. Как говорил мой отец: «Тише едешь — дальше будешь!»

— Мы все еще подвергаемся минимизации? — со вздохом спросил Моррисон.

Баранова ответила:

— Нет, мы уже достигли размеров клеточного уровня. Этого вполне достаточно.

Моррисон удивился, почувствовав, что дрожит. После последних событий и всего пережитого появилось столько нового для обдумывания, что для страха просто не осталось места. Страх испарился. Тем не менее доктор продолжал дрожать.

Он попытался расслабиться. Но для этого требовалась не только воля, но и гравитация, так что попытка оказалась безрезультатной. Тогда он закрыл глаза, стараясь дышать медленнее. Попытался напеть себе под нос мелодию Девятой симфонии Бетховена.

Наконец нашел в себе силы заговорить.

— Извините,— пробормотал он,— кажется, меня пробрала дрожь.

Дежнев встрепенулся:

— Ага! А я жду, кто первый признается?

— Дрожите не только вы, Альберт,— сказала Баранова.— Мы все чувствуем легкую дрожь. Это корабль.

Моррисон сразу же отреагировал:

— Что-то случилось?

— Нет, виной тому размер. Корабль столь миниатюрен, что на него воздействует даже броуновское движение. Вы, надеюсь, знаете, что это такое?

Это был чисто риторический и обидный вопрос. Любой выпускник физического факультета знает о броуновском движении. Моррисон же поймал себя на том, что пытается в уме изложить свою концепцию броуновской теории.

Каждый объект, погруженный в жидкость, со всех сторон подвергается ударам атомов или молекул. Эти частички сталкиваются беспорядочно, но беспорядочность настолько незаметна из-за малого размера частиц в сравнении с телом, что не дает заметного эффекта.

Если же объект уменьшится, эффект от броуновского движения станет заметнее, потому что все меньшее количество частиц будет ударяться о него за единицу времени. Корабль теперь настолько мал, что реагирует на беспорядочные толчки частиц и его болтает из стороны в сторону. Легкое движение как раз и создало эффект дрожи.

— Мне следовало догадаться об этом раньше,— сказал Моррисон.— Дрожание ведь будет возрастать при дальнейшем уменьшении.

— Безусловно нет,— возразила Баранова,— появятся другие противодействующие эффекты.

— Не знаю ни одного,— насупившись, пробормотал Моррисон.

— И тем не менее они появятся...

— Предоставь это теории,— нарочито благостным тоном посоветовал Дежнев,— теория знает все.

Моррисон заметил:

— Думаю, вибрация может вызывать морскую болезнь.

— Конечно может,— сказала Баранова,— но против нее имеется специальный химический препарат, сходный с тем, который используют космонавты. Нам ввели его.

— А мне — нет,— мрачно заметил Моррисон.— Мне не только не ввели его, но даже не предупредили об этом.

— Мы постарались давать как можно меньше информации обо всех неудобствах и опасностях путешествия для вашего же спокойствия. Что же касается препарата, то вы приняли его за завтраком. Как самочувствие?

Моррисон, который уже начал чувствовать легкие рвотные позывы, решил, что чувствует себя прекрасно. И тихо сказал:

— Терпимо.

— Вот и хорошо,— констатировала Баранова,— потому что мы уже находимся в токе крови академика Шапирова.

37

Моррисон всматривался в прозрачную стену корабля. Кровь? Он ожидал увидеть нечто красное. И что же? Даже слегка прищурившись, ничего не разглядел. Его окружала тьма, словно он находился в лодке, дрейфующей на спокойной поверхности озера в темную безлунную ночь.

Неожиданно он подумал о другом. Строго говоря, свет внутри корабля имел длину волн гамма-лучей. Хотя такая длина являлась результатом минимизации обычного видимого света, для минимизированной сетчатки глаза эти волны внутри корабля все же являлись световыми и обладали их свойствами.

Снаружи, за корпусом, где заканчивалось действие минимизации, фотоны увеличивались до размера обычных, но, вернувшись к кораблю, они уменьшались, пересекая границу поля минимизации. Попутчики его наверняка давно свыклись с этой парадоксальной ситуацией, но у Моррисона попытки осознать происходящее вызывали головокружение. Существует ли видимая граница, разделяющая минимизированный мир и нормальный?

Занятый этой мыслью, он шепотом спросил Калинину, склонившуюся над приборами:

— Софья, когда световые волны покидают поле минимизации, они отдают тепловую энергию, а когда, отраженные, возвращаются в корабль, то для того, чтобы снова минимизироваться, поглощают энергию. Эту энергию они получают от нас. Я прав?

— Абсолютно,— ответила Калинина, не отрывая глаз от приборов.— Использование света порождает небольшую, но постоянную потерю энергии, однако двигатели позволяют восполнить ее. Так что потеря незначительна.

— И мы сейчас действительно находимся в потоке крови?

— Да. Не нужно опасаться. Наталья скоро включит наружное освещение, и можно будет разглядеть, что находится снаружи.

В эту же минуту Баранова подала сигнал:

— Готово! Теперь можно отдохнуть несколько минут.

Вспыхнули огни. Появились смутно видимые объекты вне корабля. Доктор все еще не мог толком рассмотреть их, но среда снаружи больше не казалась однородной. В ней что-то плавало. Пожалуй, за бортом действительно была кровь.

Моррисон пошевелился, чувствуя неудобство от ремней:

— Но, находясь в потоке крови, температура которой тридцать семь градусов по Цельсию, мы...

— Температура в корабле регулируется с помощью кондиционеров,— сказала Калинина.— Поверьте на слово, мы продумали все.

— Вы-то, возможно, продумали. Только меня никто не удосужился ознакомить с вашими выкладками. Как регулировать температуру, не имея вентиляции?

— Вентиляции действительно нет, но существует воздушное пространство снаружи. Микроплазменные двигатели выбрасывают поток субатомных частиц, масса которых после минимизации практически равняется нулю. Благодаря этому они движутся почти с околосветовой скоростью, проходя через материалы так же легко, как нейтрино. Меньше чем через секунду они оказываются вне корабля, унося тепловую энергию,— температура понижается.

— Ясно,— пробормотал Альберт.

Вполне стоящее решение проблемы, правда очевидное лишь для тех, кто привык мыслить категориями минимизации.

Моррисон заметил, что лампочки на пульте Дежнева, как и на приборах Калининой, засветились. Он с усилием приподнялся, стараясь разглядеть дисплей компьютера Конева. Увиденное Моррисон принял за схему кровообращения области шеи. Натянувшиеся ремни безопасности вынудили его снова сесть,

но он успел заметить на экране маленькую красную точку, отмечающую положение корабля в сонной артерии. Ему потребовалось несколько минут, чтобы восстановить дыхание после борьбы с ремнями.

Ниша, где был установлен его компьютер, ярко светилась, приходилось заслонять лицо. Но все же он разглядел нечто напоминающее стену или некий барьер. Барьер отдалялся, приближался, затем вновь отдалялся и снова приближался. Он явно наблюдал за пульсацией артериальной стенки.

Альберт взглянул на часы и обратился к Софье:

— Минимизация, как я понимаю, не оказывает влияния на течение времени. Во всяком случае, сердце бьется в нормальном режиме, несмотря на то что я смотрю на это глазами, прошедшими минимизацию, и измеряю время с помощью минимизированных часов.

Ответил ему Конев:

— Время не подвержено видимой квантизации или, по крайней мере, влиянию поля минимизации. Хотя, возможно, речь идет об одном и том же. Если считать время изменяющейся величиной, возникнет много проблем.

Моррисон кивнул и переключился на другое.

Если они находятся внутри артерии, то толчок должен приходиться на каждое сжатие сердца. По идее, он должен был ощущать толчки. Он закрыл глаза, затаил дыхание, стараясь сохранить неподвижность, но ощущал только вибрацию от броуновского движения. Однако вот оно: сначала слабый, но отчетливо ощущаемый толчок назад, затем — толчок вперед...

Но почему толчок был таким плавным? Почему тело не бросало, как при сильной качке? Тут и пришла мысль о массе собственного тела: конечно, при такой мелкой массе сила инерции была тоже очень малой. Кроме того, естественная вязкость потока крови обеспечивала сильный смягчающий эффект, и толчки, таким образом, практически полностью поглощались броуновским движением.

Моррисону наконец удалось расслабиться, напряжение внутри уменьшилось. Минимизированный мир оказался неожиданно благосклонным. Он снова повернулся к прозрачной стене, пристально разглядывая пространство между кораблем и артериальной стенкой. Там виднелись бледно очерченные пузырь-

ки — нет, не пузырьки, а некие частицы, субстанции. Их было много. Некоторые медленно поворачивались, изменяя видимую форму.

И тут его осенило. Более того, доктор испытывал стыд за собственную недогадливость. Почему ему понадобилось так много времени, чтобы убедиться, что они находятся в кровяном потоке? Но и на этот вопрос он нашел ответ. Однако все еще не мог поверить, что они действительно находятся в артерии. Легче вообразить, что ты погрузился на дно океана в подводной лодке.

Он увидел красные кровяные тельца — эритроциты. И не узнал их. Конечно, они оказались не красными, а бледно-желтыми, в результате поглощения коротких световых волн. Ведь стоит им сбиться в кучу, в миллионы и миллиарды — и они поглотят огромное количество света, превращаясь в красную артериальную кровь. Когда клетка получает кислород, который несут красные кровяные тельца, цвет ее становится бледно-голубым, а в массе голубовато-пурпурным!

Он с интересом наблюдал за эритроцитами. Они имели форму двояковыпуклых дисков с вдавленными центрами. Их обыкновенный микроскопический размер — примерно семь с половиной микронов в диаметре и немногим более двух микронов толщиной — сейчас казался иллюзией. Объекты, за которыми наблюдал Моррисон, были размером с ладонь. Эритроциты наскакивали друг на друга, создавая подобие монетных столбиков, и не переставая двигались.

Одни кровяные тельца отделялись от столбиков, другие присоединялись к ним.

— Кажется,— сказал Моррисон,— мы плывем по течению.

— Подобный ход,— ответила Калинина,— позволит сохранить энергию.

Красные кровяные тельца пребывали в постоянном движении относительно корабля. Моррисон заметил, как одна частичка медленно надвигалась на них, возможно, под воздействием микротурбулентности или от толчков броуновского движения. Потом он увидел, что эритроцит столкнулся с корпусом корабля и моментально отскочил.

Моррисон повернулся к Калининой:

— Вы заметили, Софья?

— Красное кровяное тельце столкнулось с нами?

— Почему оно не минимизировалось, перейдя границу поля?

— Его отбросило полем, которое на небольшом расстоянии окружает любой минимизированный объект, например наш корабль. Существует определенная сила отталкивания между нормальными и минимизированными объектами. И чем больше поле минимизации, тем больше отталкивание. Из-за этого маленькие объекты, такие как минимизированные атомы субатомных частиц, проходят сквозь материалы, не взаимодействуя с ними. По этой же причине состояние минимизации является метастабильным.

— О чем вы?

— За исключением вакуума, любой минимизированный объект всегда находится в окружении объектов нормальных. Если нормальный объект не удерживать вне поля, то рано или поздно он подвергнется минимизации. В процессе он забирает энергию минимизированных объектов. Когда потеря энергии окажется значительной, минимизированный объект вновь увеличится до нормального размера. В действительности было бы невозможно проводить минимизацию, если бы вся энергия, переданная минимизированному объекту, исчезала. Это приравнивалось бы к попытке минимизировать бесконечную Вселенную. Конечно, в нашем случае сила отталкивания не так огромна.

Моррисон обернулся и заметил поврежденный эритроцит.

— Не мы ли травмировали его? — спросил Моррисон.

Калинина разглядывала объект, на который он указывал.

— Красные кровяные тельца недолговечны, их цикл — сто двадцать дней. Каждую минуту кто-то из них погибает, так что поврежденные эритроциты явление обычное. И слава богу, что, даже включив двигатели, мы не нанесем академику ущерба. Не в нашей власти разрушить превышающее естественные потери количество эритроцитов.

Моррисон спросил:

— А тромбоциты? Они имеют форму чечевицы и вполовину меньше красных телец. Я в данный момент ведь вижу именно его.

Помедлив немного, Калинина кивнула:

— Да, вижу. Действительно, тромбоцит. Один из них приходится на двадцать эритроцитов.

Моррисон как раз подумал о том же и вспомнил старинную ярмарочную забаву — игру в кольца. Если бы он, кружась на карусели, ловил швыряемые ему кольца, то каждый эритроцит был бы обычным стальным кольцом, а редко встречающийся тромбоцит — желанным медным.

— Тромбоциты нежнее красных кровяных телец, и, погибая, они провоцируют процесс свертывания крови. Повреждение множества тромбоцитов чревато тромбом в артерии. Так что еще один приступ — и Шапиров труп.

В их разговор вмешалась Баранова:

— Во-первых, тромбоциты не так и хрупки. Они способны ударяться о корабль и отскакивать безо всякого вреда. Опасность очередного приступа для Шапирова кроется в артериальной стенке. Тромбоциты относительно внутренней поверхности сонной артерии двигаются быстрее, чем относительно корабля. Кроме того, внутренняя стенка артерии может пострадать от холестерина или покрыться жировыми бляшками. Следовательно, поверхность артериальной стенки шершавая и неровная, в отличие от гладкого пластикового корпуса нашего корабля. Именно на стенке сосуда может сформироваться тромб. Один тромбоцит или несколько сотен повредить можно. Однако этого недостаточно для образования рокового тромба.

Моррисон разглядывал тромбоцит, то пропадающий, то снова появляющийся среди бесчисленных красных кровяных телец. Ему хотелось отследить возможное столкновение тромбоцита с кораблем. Тромбоцит, однако, держался на расстоянии. Моррисон, рассматривая его, осознал, что и это чудо размером с его ладонь. Как же это вышло, если диаметр тромбоцита составляет только половину диаметра эритроцита, а эритроциты сами были величиной с его руку?

Он нашел глазами красное кровяное тельце и убедился, что оно уже больше ладони.

Озабоченно воскликнул:

— Объекты снаружи увеличиваются.

— Естественно, ведь минимизация продолжается,— бросил Конев, явно раздраженный неспособностью Моррисона оценивать ситуацию.

Баранова успокоила:

— Сонная артерия по мере нашего продвижения становится уже, и мы должны сохранять соответствующий ей размер.

Дежнев добродушно заметил:

— Не хочется застрять из-за того, что ты слишком крупный.

Через минуту другая мысль осенила его, и он добавил:

— Знаешь, Наталья, никогда в жизни я не был еще так мелок.

Баранова безразлично ответила:

— В системе исчисления постоянной Планка ты такой же крупный, как всегда.

Моррисону было не до шуток:

— А до какого размера мы уменьшимся, Наталья?

— До размера молекул, Альберт.

И доктора снова одолели опасения.

38

Моррисон чувствовал себя дураком, не поняв сразу, что они все еще подвергаются минимизации. И в то же время обижался на Конева за то, что тот публично высмеял его. Беда в том, что остальные жили категориями минимизации в течение нескольких лет, а он, будучи новичком, с трудом вбивал эту концепцию себе в голову. Неужели они могли радоваться его трудностям?

Он задумчиво рассматривал красные кровяные тельца. Они явно увеличились в размере. В поперечнике стали шире его грудной клетки, края же их перестали выглядеть такими тонкими. Поверхность эритроцитов дрожала, словно желе.

Он тихо переспросил, обратившись к Калининой:

— До размера молекул?

Калинина скользнула по нему взглядом:

— Да.

Моррисон продолжал:

— Не знаю, почему это беспокоит меня, принимая во внимание тот ничтожный размер, до которого мы уже минимизировались, стать размером с молекулу почему-то боязно. А насколько мала молекула?

Калинина пожала плечами:

— Не знаю. Это вопрос к Наталье. Размером с вирус, возможно.

— Но ведь никто никогда не делал ничего подобного!

Калинина покачала головой:

— Мы вторгаемся на неисследованную территорию.

Возникла пауза, потом Моррисон смущенно спросил:

— Неужели вы не боитесь?

Она смотрела на него сердито, но прошептала в ответ:

— Конечно боюсь. За кого вы меня принимаете? Глупо не бояться, когда для этого есть объективные причины. Я боялась, когда меня изнасиловали. Боялась, когда была беременна, боялась, когда меня бросили. Я провела полжизни в страхе. Такое с каждым может быть. Именно поэтому некоторые тянутся к бутылке. Чтобы заставить себя забыть страх, который постоянно гнетет их.— Она вдруг зло процедила сквозь стиснутые зубы: — Ждете сочувствия и жалости?

— Что вы,— отшатнулся от неожиданности доктор.

— Так и должно быть, вы правильно боитесь,— продолжала она.— До тех пор, пока действия не подвластны страху, до тех пор, пока вы не позволяете себе бездействовать под влиянием страха, пока не впадаете в истерику, не опускаете рук.— Она замолчала на секунду и прошептала: — Вините себя! Когда-то и я была склонна к истерикам.

Она глянула на Конева.

— Но теперь,— начала она снова,— я сделаю свое дело, даже если буду полумертвой от страха. И никто не узнает, как я боюсь. Чего и вам желаю, господин американец.

Моррисон судорожно сглотнул:

— Да будет так.

И тем не менее сам себя он не убедил и от страха не избавился.

Он огляделся. Замкнутое пространство не давало возможности уединиться. Любое слово, сказанное шепотом, достигало ушей соседа.

Со стороны казалось, что Баранова ничего не видит, кроме своих приборов, но, сидя за Софьей, она явно слышала их беседу. На лице Натальи блуждала ироничная усмешка. Что касается Дежнева, то он обернулся и сказал:

— Наталья, артерия все еще сужается. Не могла бы ты ускорить процесс?

— Я знаю свое дело, Аркадий.

Взгляд Дежнева остановился на Моррисоне.

— Наша малышка Соня безбожно врет,— сказал он деланым шепотом.— Она не боится. Ничего и никого не боится. Просто не хочет оставлять тебя один на один со своими проблемами. У нее очень мягкое сердце, такое же мягкое, как ее...

— Замолчи, Аркадий,— оборвала его Софья.— Не сомневаюсь, что отец говорил тебе, что не умно бренчать по пустому чайнику, который ты называешь своей головой, ржавой ложкой, которую ты называешь своим языком.

Дежнев наигранно выпучил глаза:

— Ах ты грубиянка! И мой отец на этот счет говорил: «Ни один нож не может быть заточен так остро, как женский язык». Между прочим, Альберт, достичь молекулярного уровня — это ерунда. Подождите еще немного, и мы научимся соединять теорию относительности с квантовой теорией, тогда при небольшом количестве энергии сможем уменьшить себя до субатомного размера. Мгновенное ускорение — и мы просто исчезнем.— Он быстро убрал руки с пульта, намереваясь наглядно изобразить этот досадный момент.

— Руки на пульт, Аркадий,— хлестко сказала Баранова.

— Как скажете, милая. Легкая драматизация еще никому не вредила.

Дежнев повернулся к Моррисону:

— Мы мгновенно достигнем скорости, почти равной скорости света. За десять минут сможем пересечь Галактику, за три часа — достигнуть Андромеды, а за два года — ближайшего квазара. А если скорость покажется недостаточной, продолжим миниатюризацию. Мы достигнем сверхсветовой скорости, изучим антигравитацию. Советский Союз ко всему приложит руку.

Моррисон спросил:

— А управление полетом, Аркадий?

— Что?

— Как вы будете управлять всем этим? — серьезно повторил вопрос Моррисон.— Ведь если размер и масса корабля достигнут столь малых размеров, он мгновенно вырвется в пространство со скоростью в сотни световых лет в секунду. Более того, если бы у вас были триллионы кораблей, они разлетелись бы в разных направлениях, как солнечные лучи. Но поскольку корабль один, он полетит в одном определенном направлении, причем совершенно непредсказуемом.

— Подобные проблемы пусть решают наши хваленые теоретики вроде Юрия.

Конев не удержался и фыркнул.

Моррисон подытожил:

— Не уверен, что это хорошая идея. Вначале стоит продумать систему управления. Твой отец сказал бы в подобном случае: «Мудрый человек, строя дом, не начинает с крыши».

— Отец мог такое сказануть, не спорю,— ответил Аркадий,— но в действительности он заявил: «Если найдешь золотой ключ, к которому нет замка, не выбрасывай его. Золото ценно само по себе».

Баранова прервала дискуссию:

— Хватит трепаться. Где мы сейчас, Юрий? Мы продолжаем движение?

— На мой взгляд — да,— ответил Конев.— Но я хотел бы, чтобы американец подтвердил или опроверг мои выводы.

— Пока ремни безопасности держат меня в кресле, я не способен ступить и шагу,— вздохнул Моррисон.

— Ну так расстегни их,— раздраженно посоветовал Конев,— невесомость не смертельна.

С минуту Моррисон безуспешно нащупывал застежку ремня. Калинина пришла ему на помощь.

— Спасибо, Софья.

— Скоро и сам научишься,— равнодушно уронила она.

— Приподнимись, чтобы видеть через мое плечо,— потребовал Конев.

Моррисон резко оттолкнулся от спинки стоящего впереди кресла и взмыл вверх, больно ударившись головой о потолок корабля. Случись это в нормальных условиях, он наверняка получил бы сотрясение мозга. Здесь же уменьшение массы и инерции, то, что подбросило его к потолку, сразу же опустило вниз. Причем Моррисон не испытал ни боли, ни давления.

Оказалось, остановиться так же легко, как и привести тело в движение. Конев цыкнул языком:

— Осторожно. Подними руку вверх, медленно поверни ее и оттолкнись, как пловец. Медленно. Понял?

Моррисон так и сделал. Медленно и плавно он изучал новое состояние. Потом, ухватившись за плечо Конева, остановился.

— Посмотри-ка сюда, на цереброграф. Где мы сейчас находимся?

Моррисон разглядывал невообразимо сложную, трехмерную конструкцию, состоявшую из извилистых ответвлений, напоминавших запутанный лабиринт. В одной из крупных ветвей он заметил маленькую красную точку.

Моррисон попросил:

— Нельзя ли немного уточнить?

Конев скептически прищелкнул языком.

— А оно тебе надо?

— Мы сейчас у коры мозга?

Он узнавал некоторые извилины и борозды.

— Каково наше направление?

Картина завораживала. Конев дал пояснения:

— Здесь мы войдем в толщу нейронов, в серое вещество. Далее, необходимо попасть вот в эту точку, двигаясь следующим маршрутом...

Он быстро произносил названия участков мозга по-русски, в то время как Моррисон судорожно переводил их в уме на английский.

— Здесь, если верить вашим записям, находится основополагающий пункт нейронной сети.

— Два мнения не могут полностью совпасть,— заметил Моррисон.— Невозможно с уверенностью указать именно ту точку или эту, любой мозг уникален. Тем не менее мы на верном пути.

— Хорошо. Если мы достигнем пункта назначения, вы сможете уточнить, находимся ли мы в точке пересечения нескольких ветвей нейронной сети. А если нет, то в каком направлении и как далеко необходимо двигаться, чтобы ее достичь?

— Попытаюсь,— ответил Моррисон с сомнением в голосе.— Но пожалуйста, запомните, я не обещал стопроцентного попадания в яблочко. Я ничего не обещал. И не по собственному желанию...

— Мы знаем, знаем, Альберт,— перебила Баранова.— Не надо начинать эту волынку. Никто не просит прыгать вас выше собственной головы.

— В любом случае,— сказал Конев,— участок, к которому мы направляемся, приблизительно адекватен желаемому, и мы

будем там, несмотря на замедленное течение крови. Кроме того, мы уже уменьшились почти до размера капилляров. Сядьте на место и пристегните ремни, Альберт. Когда настанет ваш черед, вас позовут.

Моррисону удалось справиться с ремнем без посторонней помощи. Как водится, маленькие победы окрыляют и придают сил. «Почти до капиллярного уровня»,— удивлялся он, вглядываясь в пространство снаружи.

Стенка сосуда, правда, находилась на порядочном расстоянии, но внешний вид ее уже изменился. Раньше отчетливо пульсирующая стенка выглядела абсолютно однородной. Теперь же Моррисон не замечал пульсации, а стенки показались облицованными кафелем. Это покрытие, как понял Моррисон, состояло из отдельных клеток и значительно утончало стенки сосудов.

Красные кровяные тельца заслоняли обзор. Сейчас они выглядели словно мягкие подушки размером почти с корабль.

Неожиданно один из эритроцитов, слишком приблизившись к кораблю, ударился о корпус, не понеся видимого ущерба. Однако на поверхности эритроцита появилась вмятина.

«Возможно, столкновение было слишком сильным и вызвало миниатюризацию молекул по линии соприкосновения эритроцита с корпусом корабля»,— подумал Моррисон.

Совсем по-другому вели себя тромбоциты, так как были гораздо более хрупкими, чем красные кровяные тельца.

Один тромбоцит замедлил движение из-за столкновения с красным кровяным тельцем, и лобовое столкновение стало неизбежным. Нос корабля, словно нож в масло, погрузился в оболочку тромбоцита, и она лопнула. Содержимое, вытекая наружу, смешивалось с плазмой и образовало две или три длинные цепочки, которые тут же переплелись. Они приклеились к корпусу корабля и некоторое время сопровождали его. Моррисон ожидал увидеть свертывание крови, вызванное гибелью тромбоцита. Но ничего подобного не произошло.

Минутой позже он увидел впереди белесый туман, который, пульсируя и колыхаясь, заполнял все пространство сосуда от стенки до стенки. Какие-то гранулы однообразно двигались в тумане. Издали они походили на сказочных чудовищ, что для Моррисона оказалось последней каплей. Доктор закричал от ужаса.

Глава 10
КАПИЛЛЯРЫ

«Если хочешь узнать, закипела ли вода, не суй в нее руку».

Дежнев-старший

39

Дежнев хмыкнул, удивившись:

— Всего-то белое кровяное тело — лейкоцит. Оно не кусается.

Моррисон потупил взор и покраснел:

— Да-да, просто я слегка изумился. Он значительно больше, чем я ожидал.

— Ничего особенного. Он движется так же, как и мы.

— В сущности,— мягко заметила Калинина,— он не заметил нас. Я имею в виду, что мы не представляем для него ничего особенного. Он примет нас за красное кровяное тельце.

Конев скептически обронил:

— Лейкоциты не думают.

Софья поморщилась от досады и раздражения:

— Я не наделяю их разумом. Я имела в виду, что лейкоцит ведет себя по отношению к нам лояльно, определенно спутав с эритроцитом.

Моррисон же подумал, независимо от того, представляет эта чертова клетка для них опасность или нет, выглядит она отвратительно.

Чтобы избавиться от этого ощущения, он перевел взгляд на очаровательную Софью. «Все-таки родинка ее портит»,— подумал не к месту. Но уже через минуту решил, что именно родинка и придает девушке особое очарование. Справившись с эмоциями благодаря отвлеченным размышлениям, он снова обратился к Калининой:

— Лейкоцит ведет себя так, словно мы — красное кровяное тельце, из-за схожего размера?

— Отчасти,— ответила Калинина.— Вы узнаете красное кровяное тельце, увидев его. Белая клетка узнает эритроцит по его электромагнитному полю, которое она улавливает поверхностью.

Для нее в порядке вещей не обращать внимания на объект с такими электромагнитными характеристиками.

— Но наш корабль не имеет электромагнитных характеристик красного кровяного тельца. А... вы...

Софья улыбнулась.

— Такова моя специальность.

Дежнев включился в разговор:

— У Софочки не голова, а дом советов...— Он поправил правую дужку очков.— Там заложены точные электромагнитные характеристики каждой клетки, каждой бактерии, каждого вируса, каждой белковой молекулы, каждой...

— И на старуху бывает проруха,— прервала его Калинина,— если я что-то забуду, компьютер подскажет. У меня есть прибор, который может, используя энергию микрофокусных моторов, посылать на корпус корабля положительные и отрицательные заряды моему образцу. Сейчас заряд корабля соответствует характеристикам красного кровяного тельца. Во всяком случае, настолько правдоподобно, насколько я смогла их воспроизвести.

— Когда же ты успела? — с интересом спросил Моррисон.

— Когда мы уменьшились до такого размера, что могли привлечь внимание белой клетки или иммунного аппарата в целом. Не хотелось, чтобы антитела атаковали нас.

У Моррисона тут же возник еще вопрос:

— Почему же не усиливается броуновское движение? Я думал, нас будет трясти сильнее, если мы становимся все меньше и меньше.

Баранова снизошла до ответа:

— В данный момент мы подчиняемся теории, предполагающей присутствие силы, сдерживающей броуновское движение. Не о чем волноваться.

Обдумав ее слова, Моррисон пожал плечами. Никто не собирался посвящать его в суть минимизации. Броуновское движение не усиливалось. То ли Моррисон свыкся с тряской, то ли она и впрямь прекратилась.

— Софья, как давно вы избрали свою специализацию? — снова обратился Моррисон к Калининой.

— С самого окончания университета. Подобное путешествие давно было запланировано. Несчастье с Шапировым лишь

ускорило его. Без моих же знаний в подобную авантюру нет смысла втравливаться.

— Но почему же вы не захотели опробовать вашу затею на корабле, оснащенном автоматикой?

— Увы, пока еще ни один компьютер не переплюнул мозг человека по изобретательности и гибкости,— вмешалась Баранова в их диалог.

— Наташа права,— подтвердила Калинина.— Прибор, с которым я работаю, воспроизводит электромагнитные характеристики кровяных телец, следуя по пути наименьшего сопротивления. Стоит ли тратиться на компьютер, способный просчитывать миллионы ситуаций, когда есть человек. Стоит мне захотеть, и бактерии лейкоцитов ринутся в атаку на нас.

— Верю, дорогая, верю,— засуетился Моррисон.— На слово верю, можете не демонстрировать свое умение.

— Ну, раз так, то не буду,— засмеялась Калинина.

— Софья, у меня идея! Сделай-ка это! — Глаза Барановой загорелись, а в голосе послышалось волнение.

— Но, Наташа, ты шутишь...

— Мы же испытывали прибор, но практика всегда незаменима...

Конев пробормотал:

— Не глупи, Наталья. Давайте сначала доберемся до места назначения.

— А если, добравшись до цели, мы окажемся неспособны проникнуть в клетку? Что тогда? — возразила Баранова.

— Поддерживаю,— громко заявил Дежнев.— Где ваша страсть к приключениям? Пока ничего особо выдающегося не приключилось.

— И слава богу,— проронил Моррисон.

Дежнев хмыкнул:

— Мой старый отец любил говорить: «Желать мира и покоя больше всего — значит просто ждать смерти!»

— Ну, давай же! — настаивала Баранова.— Не тяни кота за хвост.

Калинина неохотно подчинилась, вспомнив, что Наталья командир корабля. Ее пальцы быстро пробежали по кнопкам пульта, и картинка на экране значительно изменилась. Моррисон с восхищением следил за ней. Некоторое время он не за-

мечал перемен. Потом заметил, как белое чудовище вздрогнуло, почувствовав жертву, отрастило щупальце, потянулось к кораблю и обволокло его какой-то странной субстанцией. В тот же момент в самом центре поглотившего их вещества образовалась воронка, которая словно втягивала в себя все окружающее. Моррисону даже привиделась разинутая пасть с клыками.

Конев заметил:

— Работает! Это существо намерено нами полакомиться.

— Да,— согласилась Баранова,— похоже, что так. Хорошо, возвращайте теперь нам характеристики красной клетки.

Пальцы Калининой снова пробежались по клавишам, и на экран вернулось привычное изображение.

Вот только белой клетке было явно все равно, она продолжала засасывать свою жертву, обволакивая мерзкой субстанцией.

40

К ужасу Моррисона, корабль погрузился в странный туман. В центре его находился многоклеточный объект, более плотный, чем вещество, сжимающее кольцо вокруг корабля. Моррисон решил, что перед ними ядро белой клетки. Конев раздраженно бросил:

— Если оно вознамерилось нас сожрать, то так и сделает. Наталья, какие будут предложения?

— Да ладно,— нахмурившись, сказал Дежнев.— Разве это чудище сможет навредить нам? Раздавить корпус корабля невозможно.

— Лейкоцит,— ответил Конев,— намерен переварить нас. Заметь, мы находимся внутри пищеварительной вакуоли и подвергаемся воздействию ферментов.

— Пусть воздействуют,— резюмировал Дежнев.— Желаю удачи. Стенки корабля не возьмет ни один химический элемент, имеющийся в составе белой клетки. Через некоторое время она выплюнет нас.

— Как она догадается, что мы непереваримый объект?

— Получив сигнал активизироваться, лейкоцит должен пройти весь цикл. Его действия подчинены заложенной раз и навсегда программе.— Калинина определенно злилась на тугодумов.

— Мне кажется, лейкоцит не отстанет от нас до тех пор, пока не получит определенный сигнал, способный переключить процесс поглощения на обратный процесс — выброс.

Баранова заметила:

— Сейчас снова имеем заряд красного кровяного тельца. Лейкоциты не питаются красными кровяными тельцами.

— Мы опоздали.— Голос Калининой немного задрожал.— Характеристики эритроцита спасают от поглощения лейкоцитами. Но никто не застрахован от случайностей. Мы в ловушке.

Пять пар глаз были прикованы к происходящему вне корабля.

— По моему убеждению,— продолжала Калинина,— должен существовать определенный заряд, позволяющий лейкоциту идентифицировать неперевариваемый объект. Заряд после поглощения дает сигнал к отторжению инородного тела.

— Соня, душечка, так посигналь ему наконец! — горячо попросил Дежнев.

— С удовольствием,— ответила Калинина,— если ты скажешь мне, как именно. Я не могу наугад перебирать все характеристики подряд.

— Честно говоря,— вступил в разговор Конев,— можем ли мы вообще быть уверены в том, что лейкоцит отторгает что-либо? Возможно, неперевариваемые объекты просто остаются внутри, а затем удаляются вместе с естественными выделениями?

Баранова нервно прервала его, она определенно осознавала свою ответственность за создавшееся положение:

— Конструктивные предложения имеются?

— Включить двигатели, чтобы вырваться из ловушки,— предложил Дежнев.

— Нет,— отрезала Баранова.— Находясь внутри пищеварительной вакуоли, мы можем совершать только вращательные движения, или же сама вакуоль может двигаться внутри клетки. Если мы, включив двигатели, вырвемся наружу, то, скорее всего, повредим стенку кровеносного сосуда и сам мозг.

В разговор вступил Конев:

— Но мы должны учесть и то, что белая клетка сама может выйти из капилляра, проникнув между клетками его стенки. Мы продвигались по артериальной ветви, сузившейся до капиллярного размера. Есть ли уверенность, что мы все еще находимся в токе крови?

— Вот это-то как раз неоспоримо,— неожиданно для всех встрял Моррисон.— Белая клетка может уменьшиться до нужного размера, но она способна также уменьшить и нас. Если бы ей пришлось пробираться сквозь стенку сосуда, она сначала извергла бы нас наружу. Но, к сожалению, она этого не сделала.

— Молодец! — подал голос Дежнев.— Я тоже подумал об этом. Наташа, увеличь нас так, чтобы белую клетку разорвало в клочья. Она получит такое расстройство желудка, какого не испытывала никогда ранее.

Барановой идея не пришлась по вкусу:

— И повредить тем самым капилляр? Вы этого хотите? Размер кровеносного сосуда сейчас не превышает размера белой клетки.

— Может быть, Аркадий выйдет на связь с Гротом? — предложила Калинина.

На минуту воцарилось молчание. Затем Баранова проговорила:

— Не сейчас. Мы попали в дурацкое положение. Точнее — вина полностью на мне. Но будет лучше, если мы обойдемся собственными силами.

— Мы не можем ждать бесконечно,— озабоченно заметил Конев.— Дело в том, что я даже не знаю, где мы сейчас находимся. При расчетах полагается брать за основу какую-то определенную скорость движения, а дрейф белой клетки в токе крови такой возможности не дает. Может, понадобится и помощь Грота. Иначе как мы объясним, что не знаем собственных координат?

— А как насчет кондиционеров? — спросил Моррисон.

Повисла пауза. Потом Баранова озадаченно спросила:

— Ты о чем, Альберт?

— Мы постоянно излучаем в окружающее пространство миниатюризированные субатомные частицы. Они уносят тепловую энергию, благодаря этому мы поддерживаем нормальную температуру, несмотря на всепроникающее тепло тела, внутри которого мы находимся. Как белая клетка воспримет понижение температуры? Если включить кондиционеры, белая клетка, может, и отторгнет нас.

Подумав немного, Баранова ответила:

— Возможно, это сработает...

— Ша! — Дежнев был сама активность.— Я уже врубил кондиционеры на полную катушку.

Моррисон усиленно вглядывался в белесый туман, нависший над кораблем. Удивительно, в душе его не было паники. Доктор не боялся провала эксперимента, и ему было плевать на здоровье Шапирова. Он неожиданно понял, что, переступив некую черту, укротив свои опасения и страхи, для него стало необычайно важным успешно дойти до конца и проверить собственные теории.

Голос Дежнева прервал его размышления:

— Пожалуй, зверюшке не по вкусу происходящее.

В салоне корабля стояла холодрыга. Тонкий хлопчатобумажный комбинезон не спасал от стужи. Кажется, сработало. Клетка, съежившись, поспешила удалиться, позабыв о жертве.

— Слава богу! — воскликнула Наталья.

Дежнев победно провозгласил:

— С радостью поднял бы тост за нашего американского героя. Это было великолепное предложение!

Калинина кивнула Моррисону и улыбнулась:

— Хорошая идея!

— Нет худа без добра. Зато теперь мы знаем, техника может делать то, что ей положено, Софья. Аркадий, уменьши-ка мощность кондиционеров, пока мы все не заработали воспаление легких.— Наталья улыбалась, благосклонно посматривая на Альберта.

— Я несказанно рад,— буркнул Конев.— Но, к сожалению, белая клетка устроила нам весьма нежелательную экскурсию. Мы сбились с курса.

41

Баранова поджала губы и натянуто спросила:

— То есть? Всего-то несколько минут мы провели внутри белой клетки. Не бросила же она нас в печень.

— Нет, мадам,— Конев явно приуныл,— мы не в печени. Полагаю, белая клетка, увлекая нас за собой, повернула в боковое ответвление капилляра.

— В какой из капилляров мы повернули? — спросила Баранова.

— Сложный вопрос. Не могу определить, в какой именно.

— А эта красная точка...— начал Моррисон.

— Красный маркер,— сразу же перебил его Конев,— действует на чистых расчетах. Зная местоположение и скорость, с которой мы движемся, я бы заставил маркер двигаться, отмечая наш путь.

— Ты имеешь в виду,— недоверчиво спросил Моррисон,— что маркер отмечает наше местонахождение лишь после того, как ты с помощью расчетов задашь ему направление, и не более?

— Маркер не всесилен,— холодно сказал Конев.— Он предназначен лишь для того, чтобы отмечать наше местоположение и чтобы не потеряться в сложной трехмерной системе кровеносных сосудов и нейтронной сети, но нам приходится управлять им. Также наше местоположение может быть определено из центра, но на это уйдет время.

— А почему белая клетка свернула в капилляры? — Дежнев первым задал этот вопрос.

Конев покраснел. Он заговорил так быстро, что Моррисон еле разбирал русские слова:

— Почем мне знать? Я что — читаю мысли белых клеток?

— Хватит,— резковато выступил Моррисон.— Теперь не время для ссор. Выход крайне простой. Мы находимся в капилляре. Очень хорошо. Кровь в капилляре течет с маленькой скоростью. Что мешает нам воспользоваться микроплазменными двигателями? Включив их на задний ход, мы вернемся к пересечению с артерией и войдем в нее. Затем продолжим движение вперед до поворота и окажемся в нужном капилляре. На все это уйдет немного времени и мощности двигателей.

Все изумленно уставились на Моррисона. Даже Конев, нахмурившись, взглянул на Альберта.

Моррисон спросил озадаченно:

— Чего вы уставились на меня? Разве никто из вас не сидел за рулем?

Баранова покачала головой:

— Альберт, мне очень жаль. У нас нет заднего хода.

— Что? — Глаза Моррисона вылезли на лоб.

— У нас нет заднего хода. Только прямой — и все.

Моррисон не верил своим ушам:

— Совсем нет задней передачи?

— Совсем.

И тут доктора прорвало:

— Более идиотской ситуации нельзя и придумать! Только в Сов...— Тут он остановился.

— Закончи, закончи мысль,— устало перебила Баранова, переходя на «ты».— Ты собирался сказать, что только в Советском Союзе могла возникнуть такая ситуация.

Моррисон проворчал:

— Да, я по-настоящему зол.

— А ты думаешь, мы не рассержены? — спросила Баранова, глядя ему прямо в глаза.— Знаешь, сколько времени строили этот корабль? Годы. Многие годы. Мы думали о возможности проникновения в кровь и исследования изнутри организма млекопитающего — если не человека — с того самого момента, когда минимизация впервые стала практически возможной. С нашими планами росла и стоимость проекта. Чтобы не взбеленить московское начальство, пришлось уступить. Конструкция корабля все упрощалась и упрощалась. В конце концов мы остановились на корабле, не требующем энергии для движения и пригодном только для наблюдений, рассчитывали войти в кровеносный сосуд и двигаться с током крови. Получив информацию, мы бы вернулись к нормальным размерам. В качестве объекта для опыта планировалось, конечно, только животное. И наш эксперимент сулил бы ему гибель. Кто же знал, что мы отправимся внутрь человека?

Моррисон поостыл, его злость сменилась заинтересованностью:

— И что же вы сделали?

— В короткие сроки мы усовершенствовали микроплазменные двигатели и еще пару приборов, в страхе, что в любой момент Шапиров может умереть. Боялись и напортачить в спешке. Правда, выбранные двигатели пригодны только для ускорения в случае крайней необходимости. В результате — отсутствие заднего хода.

— И никто не подумал о ситуации, когда задний ход будет необходим?

— Это означало бы новые затраты, а денег нет.

Дежнев, вздохнув, сказал:

— И вот мы здесь. Как любил говорить мой отец: «Только недотепы обращаются к гадалкам. Кто еще будет так торопиться узнать плохие новости?»

— Не хочу казаться глупее, чем я есть, но все же спрошу: можем мы просто развернуть корабль? — Моррисон напряженно ждал ответа.

— Капилляр слишком узок, чтобы развернуть корабль...— покачал головой Дежнев.

Моррисон нетерпеливо тряхнул головой:

— Нет, не при нашем размере. Уменьшите его. Все равно вы собирались сделать это, перед тем как войти в клетку. Сделайте это сейчас и поверните.

Дежнев вкрадчиво продолжал:

— Во-вторых, мы не можем развернуть корабль на сто восемьдесят градусов. У нас есть только передняя передача.

— Невероятно,— прошептал Моррисон.

— У нас не было выбора,— ответил Конев.— И потом, мы не рассчитывали на возню с белой клеткой.

Баранова проглотила пилюлю молча и отчеканила:

— Ответственность за провал проекта я возьму на себя.

Калинина, подняв глаза, сказала:

— Наталья, самоедство оставь на потом. У нас нет выбора. Нужно двигаться вперед. Если понадобится, продолжить минимизацию и, найдя подходящую клетку, войти в нее.

— В любую клетку? — Конев рвал и метал.— В любую? Какой от этого прок?

— Любая клетка интересна,— упорствовала Калинина.

Наталья обернулась к Коневу:

— Есть возражения, Юрий?

— Конечно есть.— Юрий полыхал от злобы.— Мозг содержит десять миллиардов нейронов, а вы намерены выбирать объект для исследований наугад.

— Мы не ищем вслепую. Мы должны уловить нейронное излучение Шапирова и двигаться в направлении его усиления,— настаивала Софья.

— Предположим, сейчас вы двигаетесь в направлении угасания излучения. Но, не имея заднего хода, вы не сумеете развернуться,— сказал Моррисон.

— Вы правы,— поддержал его Конев.— Я прокладывал маршрут так, чтобы попасть к нужному узлу нейронной сети, который, согласно вашим исследованиям, связан с абстрактным мышлением. Ток крови доставил бы нас туда в любом случае, каким бы запутанным ни был путь. А теперь...— Он обреченно вздохнул.

— И все же,— голос Барановой задрожал от напряжения,— у нас нет выбора. Принимается предложение Софьи. Если попытка не удастся, нам придется выходить наружу.

— Погоди, Наталья,— прервал ее Моррисон.— Существует возможность покинуть корабль?

42

Моррисон не надеялся на положительный ответ. Он уже понял, что вместо чуда техники бороздил неизведанные просторы на утлой калоше. С практической точки зрения предложение Калининой казалось ему лучше: исследовать любую клетку мозга, которой они достигнут. Но если эта попытка провалится, им придется начинать все сначала.

— Так есть ли возможность выбраться из корабля, Наталья? — повторил он свой вопрос. Остальные молчали.— Неужели я невнятно говорю? Допустим, появилась необходимость взять образцы. Есть у нас гидрокостюм или что-нибудь подобное?

Баранова озадаченно глянула на него:

— Есть один, его предполагалось использовать для разведки. Лежит под задними сиденьями.

Она отстегнула ремни и медленно приподнялась и достала искомое.

— Вот, Альберт. Надеюсь, он проверен. Во всяком случае, видимых повреждений нет. Не знаю, правда, проходил ли он проверку в экстремальных условиях.

— Думаю, попытка путешествия по кровеносным сосудам будет предпринята в первый раз,— кивнул доктор.

— Чтобы убедиться в герметичности, достаточно было провести проверку в теплой воде. Виню себя за упущение. Да и мыслей не было, что кто-то вынужден будет покинуть борт корабля.

— Господи, ну хотя бы автономное воздухоснабжение у него есть?

— Конечно.— Баранова рассердилась.— Кроме того, есть и автономное энергоснабжение и освещение. Не такие уж мы идиоты, Альберт. Хотя у вас есть повод так подумать. По крайней мере, обо мне.

— Костюм снабжен ластами? — продолжал расспрашивать Моррисон.

— Да, на руках и ногах. Они предусмотрены для усиления маневренности...

— В таком случае,— сказал Моррисон,— возможно, это выход из положения.

Предположим, мы уменьшим корабль еще немного. Так, чтобы он мог легко развернуться, не повредив стенок сосуда. Кто-нибудь в костюме выйдет наружу — надеюсь, в корабле есть что-то вроде вакуумной камеры — и, передвигаясь с помощью ласт, повернет корабль. Мы включим двигатели и восстановим курс.

Баранова задумалась:

— Рискованно, но... Вы когда-нибудь занимались подводным плаванием, Альберт?

— Было дело. Вот я и подумал об этом.

— В таком случае, Альберт, в добрый путь.

— Я? — выдавил Моррисон.

— Конечно. Это ваша идея. Кроме того, вы — единственный, кто имеет хоть какой-то опыт погружений.

— Но не в крови!

— Вы отказываетесь?

— Да,— отрезал Моррисон.— Я помог избавиться от белой клетки и, кажется, нашел выход из теперешнего положения. Я внес свой вклад. Теперь — ваша очередь. Одного из вас.

— Альберт,— вздохнула Баранова.— Сейчас мы все в одной лодке. Здесь нет русских и американцев. Кто и что должен делать, определяется только тем, кто делает это лучше. И ничем более.

Моррисон перехватил взгляд Калининой. Софья определенно восхищалась его находчивостью. Что ж, придется лезть в пекло.

43

Баранова протянула ему костюм. Как и весь корабль, он был прозрачный, за исключением основной части. Смятый и бесформенный, он походил на детские каракули. Таких уродцев обыкновенно изображают малыши. Моррисон уточнил:

— Из чего он сделан? Из полиэтилена?

— Нет, Альберт,— ответила Баранова.— Этот материал тонок, но прочен. Он не несет электростатического заряда, и чужеродные материалы не прилипают к нему. Предполагается водонепроницаемость.

— Предполагается? — саркастически прокудахтал Моррисон.

Дежнев перебил:

— Он водонепроницаем. Ручаюсь. Кажется, его недавно испытывали.

— Так тебе кажется или он таки прошел испытания?

— Мы не думали, что...

Моррисон сердито воскликнул:

— Уверен, что твой отец должен был говорить тебе, Аркадий: «Самообвинение — лишь доказательство некомпетентности».

Скрипнув зубами, Дежнев ответил:

— Я не считаю себя некомпетентным...

Баранова оборвала перепалку:

— Продолжите собачиться несколько позже. Не беспокойся, Альберт. Даже если в скафандре есть микродефект, то молекулы воды, находящиеся в плазме крови, слишком велики, чтобы проникнуть внутрь, костюм ведь тоже подвергся миниатюризации.

— Обнадеживает,— успокоился Моррисон.

— Конечно,— продолжала Баранова.— Баллон с кислородом закрепим вот здесь. Он небольшого объема, но ты покинешь нас ненадолго. Адсорбционная канистра для угольного диоксида — здесь. А вот батарея для освещения. Теперь ты полностью экипирован.

— И все же,— Конев посмотрел на Моррисона с подобием дружелюбия,— возвращайся как можно скорее. Снаружи жарко — тридцать семь градусов по Цельсию, не думаю, что в костюме предусмотрена система охлаждения.

— Нет системы охлаждения? — Моррисон вопросительно посмотрел на Баранову.

Она пожала плечами:

— Не так просто охладить объект до среднего изотермального значения температуры. Человеческое тело, в котором мы

находимся, имеет постоянную температуру тридцать семь градусов. Сам корабль охлаждается с помощью двигателей. Встроить эквивалентный прибор в костюм мы не в силах. Так что стаскивай одежду — и вперед.

Моррисон засмущался:

— Незачем, ткань тонкая.

Баранова настаивала:

— Нацепив костюм поверх, ты пропотеешь. А вернувшись на корабль, тебе будет не во что переодеться.

— Ну, если вы так настаиваете...

Моррисон снял сандалии и попытался стянуть с себя комбинезон. Невесомость усложнила его задачу.

Баранова заметила это:

— Аркадий, помоги Альберту с костюмом.

Дежнев, с трудом перемещаясь над спинками кресел, приблизился к Моррисону, застывшему под потолком. Вдвоем они кое-как справились с одежкой.

«Все вокруг нас приспособлено к существованию в условиях гравитации»,— раздраженно подумал Моррисон.

Пока они возились с костюмом, Дежнев пояснял:

— Материал гидрокостюма точно такой же, как тот, из которого построен корабль. Абсолютно секретный. Правда, в Америке вроде бы есть эквивалент.

Он вопросительно взглянул на Моррисона.

— Не знаю,— ответил тот.

Надевая с помощью Дежнева гидрокостюм, доктор почувствовал голой ногой прикосновение тонкого пластика. Материал не прилипал к ногам, он холодил кожу и мягко окутывал тело.

Дежнев сказал:

— Когда края материала сближаются, он становится единым целым.

— А как их снова рассоединить?

— Когда ты вернешься в корабль, электростатические заряды нейтрализуются. Сейчас большая часть внешней поверхности костюма имеет мизерный отрицательный заряд, сбалансированный положительным зарядом внутренней стороны. Любой участок костюма может быть притянут положительно заряжен-

ной поверхностью корабля и приклеится к ней, правда, не намертво.

— А как насчет задней части, где находятся двигатели? — спросил Моррисон.

— Не беспокойся. Сейчас они включены на минимальную мощность — только для освещения и поддержания нужной температуры. Так что ты даже не заметишь, как частицы, выбрасываемые двигателями, будут проходить сквозь твое тело. Кислородный баллон и абсорбционный аппарат работают автоматически. При дыхании не будет пузырьков воздуха.

— Ты меня слегка утешил!

Дежнев обиженно засопел и буркнул:

— Даже дети знают, советские космические скафандры — лучшие в мире, японцы занимают второе место.

— Но это не космический скафандр...

— Но есть сходство,— сказал Дежнев, пристегивая капюшон гидрокостюма.

— Подожди-ка,— остановил его Моррисон,— а как насчет рации?

Дежнев помедлил:

— Зачем тебе рация?

— Поддерживать связь с вами.

— Мы будем видеть тебя, а ты — нас. Здесь все прозрачное. Если понадобится, подашь сигнал.

Моррисон тяжело вздохнул:

— Итак, радио нет.

Баранова попыталась оправдаться:

— Извини, Альберт. Костюм примитивен.

Моррисон веско подвел черту:

— Если за что взялся, то делай это хорошо.

Дежнев фыркнул:

— У бюрократов другой принцип: если делаешь что-то — делай дешево.

Моррисон, растратив силы на раздражение и негодование, даже и не думал бояться. Он спросил:

— Как вы собираетесь выпустить меня?

— Как раз там, где ты сейчас стоишь, корпус двойной,— ответил Дежнев.

Чтобы рассмотреть, Моррисон резко обернулся и, конечно, тут же взлетел. Он совершенно забыл о невесомости и теперь беспомощно парил под потолком. Дежнев пришел ему на помощь. В конце концов Моррисон нашел нужное положение, уткнувшись носом в участок корпуса, где находился выход. Теперь, когда все его внимание было приковано к этой части потолка, ему казалось, что она менее прозрачна, чем другие. Хотя, возможно, это было просто игрой воображения.

— Помолчи, Альберт,— сказал Дежнев.— Мой отец любил говорить: «Только когда ребенок научится молчать, его можно считать разумным».

— Твой отец не знал о гравитации.

— Вакуумная камера,— продолжал Дежнев, игнорируя замечание Моррисона,— того же типа, что на аппаратах для исследования поверхности Луны. Внутренняя стенка камеры открывается, ты заходишь внутрь, она закрывается за тобой. Воздух в камере откачивается. Затем откроется внешняя стенка, и ты выйдешь наружу. Все очень просто. А теперь надевай шлем!

— Подожди. Как я вернусь назад?

— Точно так же. В обратном порядке.

Теперь, когда костюм был полностью застегнут, Моррисон испытал приступ клаустрофобии. Страх вернулся к нему.

Дежнев с помощью Конева, которому удалось повернуться в своем кресле, подталкивали его к вакуумной камере. Женщины остались на своих местах, напряженно следя за происходящим.

Моррисон даже думать о них забыл. Его теперь волновало только предстоящее событие. Сработает ли его план, не подкачает ли костюм, вернется ли он живым на борт корабля. Моррисон почувствовал за спиной скользящее движение. Теперь его отделяла от пространства извне только тонкая прозрачная перегородка. Доктор почувствовал себя туго спеленатым младенцем. Материал гидрокостюма уже не прилегал к телу, так как оставшийся внутри воздух противодействовал растущему снаружи вакууму. Открылась внешняя стенка, и Моррисон почувствовал мягкий толчок, от которого кувырком вылетел из корабля и окунулся в плазму крови.

Теперь он был совсем один.

Глава 11
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ

«На пути может встретиться много интересного, но только если ты дойдешь до конца».

Дежнев-старший

44

Моррисон сразу же почувствовал обволакивающее тепло, дыхание его участилось. Конев оказался прав, было жарко. Те самые тридцать семь градусов по Цельсию, словно в жаркий летний полдень. Собравшись, он огляделся. Баранова и вправду уменьшила корабль, пока он болтыхался в невесомости, облачаясь в костюм. В отдалении маячила стенка капилляра. Он видел только ее часть, так как между ним и стенкой сосуда находился огромный туманный объект. Наверняка красное кровяное тельце. Потом он увидел, как тромбоцит очень медленно проскользнул между красным кровяным тельцем и стенкой капилляра. Все объекты — эритроцит, тромбоцит, доктор Моррисон, корабль — медленно двигались вперед, подгоняемые слабым током крови.

Доктора удивило, что броуновское движение практически не чувствуется. Он заметил, что окружающие объекты слегка подрагивают. Даже клетки, выстилающие внутреннюю поверхность капилляра, казалось, немного смещались, оставляя довольно странное впечатление.

Но времени на анализ ситуации не было. Он должен выполнить план и вернуться на борт.

Моррисон находился примерно в метре от корабля. Хотя, если говорить по правде, расстояние измерялось микронами. Моррисон пошевелил ластами, стараясь приблизиться к кораблю. Плазма обладала большей плотностью, чем морская вода, что вызывало неприятное ощущение. Ко всему прочему, изнуряла жара. Моррисон покрылся испариной, но дал себе команду приступать к выполнению боевой операции. Он протянул руку к стенке корабля и не ощутил прикосновения к твердой поверхности. Впечатление было такое, будто он натолкнулся на пружинящую воздушную подушку, хотя видел, что между ру-

кой и корпусом корабля нет ничего, разве только тонкая пленка жидкости.

После минутного раздумья Моррисон понял, в чем дело. Внешняя поверхность костюма имела отрицательный заряд, и та часть корпуса, до которой он дотронулся,— тоже. Одноименные заряды отталкивались. Пытаясь найти участок, заряженный положительно, Моррисон скользил руками по корпусу корабля, пока не почувствовал пластик. Заряд, однако, не был достаточно сильным, так как руки скользили.

Вдруг он осознал, что левая рука прилипла к корпусу. Миновав положительно заряженный участок, он попытался освободить руку. Никакого результата: рука словно приклеилась. Может, стоит сначала закрепить правую руку, а затем, отталкиваясь ею, освободить левую? Попытка не дала результата: он был как будто распят на корпусе корабля.

Моррисон закричал, дергая ногами в попытке освободиться.

Из корабля его видели, но какой знак он мог подать, если обе руки прикованы? Эритроцит, сопровождавший корабль, приблизился и придавил Моррисона к корпусу. К счастью, его грудь не была притянута, поскольку не попала на участок с положительным зарядом.

Калинина смотрела прямо на него, ее губы двигались, но он не мог читать по губам, во всяком случае по-русски. Она поколдовала над своим компьютером, и его левая рука освободилась. Вероятно, уменьшила силу заряда.

Моррисон кивнул головой, что, по его мнению, должно было быть расценено ею как благодарность. Теперь требовалось передвинуться к задней части корабля, отыскивая один за одним положительно заряженные участки.

Начав движение, он внезапно почувствовал себя придавленным к стенке. Но не силой электромагнитного взаимодействия, а эритроцитом, навалившимся на него всей массой.

— Пошел прочь! — крикнул Моррисон, правда, эритроцит на крик не реагировал и продолжал вести себя абсолютно спокойно.

Моррисон уперся в него руками, попытавшись отпихнуть от себя ластами. Эластичная пленка — поверхность эритроцита — прогнулась, но чем сильнее он давил, тем сильнее она оказывала сопротивление. И вдруг наконец его словно бросило

на корпус корабля. Он попытался выровнять дыхание. Пот струился ручьями, доктор и сам не знал, что его быстрее доконает, жара или обезвоживание. Усилия, потраченные на борьбу с эритроцитом, усугубляли опасность перегрева. Моррисон ребром пластикового ласта нанес эритроциту еще один удар. Тонкая пелликула лопнула, как воздушный шарик. Под действием поверхностного натяжения разрыв увеличивался. Содержимое клетки вытекло, и эритроцит сдулся.

В глубине души даже шевельнулось чувство стыда, правда, доктор сразу напомнил себе, что в кровеносной системе насчитывается несколько триллионов красных кровяных телец, и срок жизни каждого из них — всего сто двадцать дней. Он сделал еще одну попытку добраться до задней части корабля. На внутренней поверхности костюма совсем не было конденсата. Поверхность костюма такая же теплая, как его тело, пластик не лип к коже. Влага, которую он принял за конденсат, скорее всего, была его собственным потом. Он добрался до хвостовой части, где сопла трех двигателей нарушали плавность линий. Он находился на максимально возможном удалении от центра тяжести корабля. Хорошо бы троице, оставшейся внутри, передвинуться как можно ближе к носовой части. Жаль, раньше не додумался сказать им. Что ж, пришла пора найти положительно заряженные участки корпуса, упереться руками и толкать! Он чувствовал легкое головокружение. Физического происхождения? Физиологического? Какая разница, все равно приятного мало.

Моррисон вздохнул и попытался стряхнуть пот с ресниц. И снова обозлился на тех идиотов, которые сконструировали костюм. Он уперся руками в стенку и попытался сдвинуть корабль, работая ластами. Масса корабля была всего несколько микрограммов. Но и он мог приложить усилие в несколько жалких микроэрг. И все же корабль поддался. Он заметил это по перемещению относительно стенки капилляра. Сейчас он не мог упереться в нее ногами, следовательно, корабль стоял поперек сосуда. Наконец удалось повернуть его на 90 градусов.

Моррисон в приступе гнева так сильно пнул корабль, что вполне мог бы пробить в капилляре дыру. Времени оставалось все меньше и меньше. К счастью, стенка капилляра пружинила, как резина. Корабль начал поворачиваться быстрее и... остановился.

Моррисон с трудом поднял глаза, он почти задыхался от жары.

Опять эритроцит. Несет же его нелегкая. В тесном пространстве капилляра они сталкивались, как машины в узком переулке. На этот раз Моррисон не стал ждать, сразу же нанес удар правой рукой и больше не сожалел о содеянном. Продолжая работать ногами, он поворачивал корабль. В какое-то мгновение ему показалось, что он уже установил его в нужном направлении. Но вдруг возникло сомнение: а что, если во время борьбы с эритроцитом он повернулся на сто восемьдесят градусов и теперь толкает корабль в противоположную сторону? Моррисон испытал легкое беспокойство. Сейчас корабль располагался параллельно продольной оси капилляра. Доктор оглянулся. Если клетки, выстилающие ее, направлены к носу корабля, то сам он направлен против течения к ответвлению артериолы. Похоже, избрано верное направление. Пора возвращаться. Моррисон не намеревался приносить себя в жертву науке. Посмертный героизм его не прельщал.

Где же вход, где же он? Руки беспомощно скользили по корпусу корабля.

Моррисон с трудом рассмотрел нужный участок корпуса и направился туда, почти теряя сознание. У него совсем не осталось сил. Тем не менее здравая мысль забрезжила в его мозгу: ему не понадобится сила. В условиях невесомости для тела, не имеющего массы, верх означает низ. На автопилоте он рванул вверх, и тут доктора накрыла непроглядная тьма.

45

Вначале доблестный американец почувствовал холод. Волну холода. Затем прикосновение чего-то холодного. Потом свет.

Он всматривался в светлое пятно над собой, пытаясь понять, что это. Пятно расплывалось. Потом он понял, что это лицо. Еще позже узнал милую мордашку Софьи Калининой.

Девушка мягко спросила:

— Вы узнаете меня?

Моррисон бессильно кивнул.

— Как меня зовут?

— Софья,— прохрипел он.

— А кто стоит слева?

Он перевел взгляд и с трудом сфокусировал его на другом лице.

— Наталья.

— Как вы себя чувствуете?

— Голова болит.— Собственный голос доносился словно издалека.

— Это пройдет.

Моррисон закрыл глаза и провалился в забытье. Потом он почувствовал холодное прикосновение в паху и снова открыл глаза. Тут он заметил, что костюм с него стащили, а чьи-то заботливые руки удобно разместили в кресле.

— Все хорошо. Принять душ не удастся — для этого нет воды, но вас оботрут влажным полотенцем, и вы почувствуете себя лучше.

— Обращаетесь со мной, как с инвалидом,— пробурчал Альберт.

— Не валяйте дурака. Немного дезодоранта. Теперь комбинезон.

Моррисон безуспешно пытался расслабиться. Ему это удалось лишь тогда, когда он почувствовал на теле хлопчатобумажную ткань комбинезона.

Он заговорил:

— Я правильно развернул корабль?

— Да,— ответила Калинина, энергично кивая головой.— И победили двух эритроцитов. Вы герой!

Моррисон хрипло попросил:

— Помогите мне подняться.— Он оперся локтями о кресло и сейчас же взмыл в воздух.

Ему помогли опуститься в кресло.

— Совсем забыл о невесомости,— выругался он.— Ладно, пристегните меня. Немного приду в себя.— Пытаясь побороть головокружение, он пробормотал:

— Костюм ни к черту... Без охлаждения это смертоубийство...

— Мы в курсе,— ответил Дежнев со своего места у пульта управления.— Следующий будет оснащен системой охлаждения.

— Следующий...— сердито бросил Моррисон.

— В любом случае, благодаря ему мы на верном пути,— заметил Дежнев.

— Но какой ценой! — воскликнул Моррисон. Он даже выругался по-английски.

— Я понял вас,— сказал Конев.— Вы же знаете, что я жил в Америке. Если вам станет от этого легче, я научу вас по-русски выплескивать эмоции.

— Спасибо, по-английски мне лучше помогает.

Он облизал пересохшие губы сухим языком:

— А вот стакан воды был бы лучше всех английских и русских слов, вместе взятых. Ужасно хочу пить.

— Сейчас.— Калинина поднесла к его губам бутылку.— Глотайте медленно. Осторожно! Иначе захлебнетесь.

Моррисон с трудом оторвался от бутылки:

— У нас хватит воды?

— Вы должны восполнить потерю влаги. А нам хватит.

Моррисон отпил еще немного, затем вздохнул:

— Уже лучше. Когда я был там, снаружи, мне в голову пришла какая-то мысль. Это было мгновенно. Как вспышка. Но я не могу вспомнить. Дайте мне подумать.

Все замолчали. Через несколько минут Моррисон вздохнул и произнес явно окрепшим голосом:

— О, вспомнил.

Баранова с облегчением улыбнулась:

— Слава богу, он не потерял память.

— С чего бы это? — обиделся Моррисон.

Конев холодно ответил:

— Потеря памяти может быть первым свидетельством повреждения мозга.

Моррисон скрипнул зубами и зло сжал губы:

— Вы так думаете?

— Никто не застрахован,— отрезал Конев.— Как в случае с Шапировым.

— Не злись.— Калинина мягко тронула его за рукав.— Все позади. О чем вы подумали там, снаружи? — В ее голосе звучало полуутверждение, полувопрос.

— Сейчас мы движемся в направлении, противоположном току крови, так сказать, против течения. Верно?

— Да,— согласился Дежнев.— Двигатели включены.

— Достигнув артериолы, мы продолжим двигаться против течения и не сможем развернуться. Значит, снова выходить наружу? На меня не рассчитывайте.

Калинина обняла его за плечи.

— Ш-ш-ш! Все хорошо. Как скажете.

— Дружище, этого даже не потребуется! — весело воскликнул Дежнев.— Посмотрите! Мы подходим к артериоле.

Моррисон приподнял голову, и тут его резанула боль. Должно быть, лицо выдало его, потому что Калинина положила прохладную ладонь ему на лоб и спросила:

— Как ваша голова?

— Уже лучше,— проворчал Моррисон, отталкивая ее руку.

Моррисон, оглянувшись, обнаружил, что цилиндрический тоннель расширяется, а клетки, выстилающие его внутреннюю поверхность, выражены теперь не так четко.

— Капилляр,— сказал он,— отходит от артериолы, как ветка от ствола дерева, под определенным углом. Двигаясь вперед в пространстве этого ответвления, мы окажемся под углом к току крови. Когда мы достигнем дальней стенки сосуда, нас развернет против течения.

Дежнев хмыкнул:

— Мой старый отец любил говорить: «Недостаток воображения гораздо хуже, чем его отсутствие». Обратите внимание, мой друг, когда мы почти выйдем в открытое пространство развилки, я включу двигатели на самую малую мощность, чтобы дать кораблю возможность плыть по течению очень медленно. Потом он начнет потихоньку выходить из капилляра — и его подхватит течением крови в артериоле. Главный удар придется на носовую часть, нас слегка развернет и еще, еще...Тогда я включу моторы, и мы сможем плыть по течению.— Он победно улыбнулся: — Как задумка?

— Гениально,— согласилась Баранова.— Но если бы не Альберт, толк ее был бы сомнителен.

— Истину глаголешь,— развел руками Дежнев.— Я бы вообще предложил отметить его поступок орденом Ленина.

Моррисон, поняв, что ему не грозит очередной выход наружу, успокоился и даже улыбнулся.

— Аркадий, благодарю вас,— сказал он Дежневу, а затем повернулся к Софье:

— Знаете, я умираю от жажды.

Она сейчас же передала ему бутылку.

— А вы уверены, что я еще не выпил свою долю? — помедлив, спросил Моррисон.

— Вы заслужили больше, чем лишний глоток воды. Пейте, вода легко рециркулируется. К тому же у нас есть небольшой дополнительный запас. Кстати, вы не совсем точно вошли в вакуумную камеру: локоть остался снаружи, и нам пришлось сломать внутреннюю стенку и втянуть вас внутрь. В корабль попало немного плазмы, совсем небольшое количество, благодаря ее высокой плотности. Она, конечно, сразу подверглась минимизации, а сейчас рециркулируется.

— Если она была минимизирована, то воды получится всего капелька.

— Конечно мизер,— улыбнулась Калинина.— Но поскольку мы получили его благодаря вам, вы с полным правом можете ее выпить. Разве не справедливо?

Моррисон рассмеялся и присосался к бутылке, очень напоминающей те, которыми пользуются астронавты. Раздражение и нетерпимость больше не снедали его, и от этого на душе стало спокойно и светло.

Моррисон подвел итоги. Итак, он по-прежнему на борту корабля, по-прежнему более чем миниатюрен и по-прежнему путешествует по артериям товарища Шапирова. Более того, нет никаких гарантий, что они вернутся живыми и невредимыми. И все же доктор радовался, что внутри корабля не было жары, что он участник экспедиции века, а красавица Софья проявляет к нему заботу и благосклонность.

— Спасибо вам за то, что втащили меня обратно!

— Не стоит благодарности,— безразлично заметил Конев.— Вы и ваша компьютерная программа пока еще нам полезны.

— Знаешь ли, Юрий,— с явной неприязнью бросила Баранова,— я в тот момент думала лишь о спасении его жизни.

— Конечно, голая правда никому не нравится,— брюзгливо пробормотал Конев.

Моррисон не удостоил брюзгу взглядом, его интересовало другое:

— Аркадий, при работе двигателей вы конвертируете минимизированный кислород в минимизированный гелий, и часть гелия вместе с водяными испарениями и другими веществами выхлопа выбрасывается в пространство?

— Да,— заерзал Дежнев.— И что?

— Потом минимизированные частицы — атомы и более мелкие — просто проходят сквозь тело Шапирова, и сквозь Грот, и сквозь Землю и оказываются в открытом космосе. Так?

— Так и есть. И что дальше?

— Естественно,— продолжал Моррисон,— они не остаются минимизированными. Но не породим ли мы процесс, при котором Вселенная будет постепенно наполняться минимизированными частицами, если человечество будет прибегать к минимизации все чаще и чаще?

— Ерунда. Даже миллиарды лет люди не смогут привнести во Вселенную существенного количества подобных частиц. Минимизация — метастабильное состояние, поэтому всегда есть возможность спонтанного возвращения частицы к подлинной стабильности, то есть к состоянию неминимизированному.

Краем глаза Моррисон заметил, что Баранова недовольна откровениями Аркадия, но излияния Дежнева не так-то просто было остановить.

— Конечно, невозможно предсказать,— продолжал он,— когда деминимизация станет всеобщим достоянием, но, держу пари, что под Луной мало что изменится, пока этого не добьются. Что же касается тех персон, которые деминимизируются первыми, они будут тут же абсорбированы телом Шапирова...

Тут он заметил жестикуляцию Барановой:

— Наверное, я всем наскучил. Но мой отец на смертном одре сказал: «Может, я и надоел вам своими поговорками, но в надежде на то, что вы больше их не услышите, вы будете меньше горевать и скорбеть по мне».

— Точно,— сказал Конев,— так что помолчи, пожалуйста. Мы приближаемся к капилляру, к тому самому, в который нужно войти. Альберт, посмотри на цереброграф.

Стараясь, чтобы не услышали остальные, Калинина обратилась к Барановой:

— Альберт не в состоянии работать с церебрографом.

— Я попробую,— возразил Моррисон, сражаясь с ремнями безопасности.

— Нет,— повелительно отрезала Баранова.— Юрий может принять решение сам.

— Я уже сделал это,— угрюмо заметил Конев.— Аркадий, ты можешь подвести корабль к правой стенке сосуда, чтобы попасть в течение, поворачивающее в капилляр?

Дежнев ответил:

— Я приклеился к эритроциту, который движется к правой стенке. Он подтолкнет нас, или это сделает созданная им волна. Ага, смотрите, так и вышло.

Широкая улыбка озарила его довольное лицо.

— Отлично сработано, Аркадий! — с благодарностью сказал Моррисон.

Корабль вошел в капилляр.

46

Моррисон пришел в себя, ему наскучило положение тяжелораненого. Снаружи капилляр заметно сузился, стенки его покрывали четко выраженные клетки. Более того, внешне он ничем не отличался от того, предыдущего.

— Хочу взглянуть на цереброграф,— сказал Альберт.

Он отстегнул ремни и, пролетев по воздуху, примостился за спиной Конева.

Наконец-то доктор почувствовал в себе силы к самостоятельным действиям, он с удовлетворением отметил тревогу на лице Калининой.

— Юрий, ты уверен, что мы в нужном капилляре?

Конев, подняв глаза от приборов, ответил:

— Расчеты правильные. Посмотрите: вот здесь артериола, где мы преследовали лейкоцит. Потом повернули сюда, потом сюда — пока это просто подсчет капилляров, ответвляющихся вправо. Вот сюда нас затащила белая клетка: этот капилляр — единственный, которого лейкоцит действительно мог достичь. Здесь вы развернули корабль, и мы вернулись в артериолу, дальше мы двигались в направлении ее сужения и оказались здесь. Координаты этой точки почти точно соответствуют полученным при расчетах. Это убеждает меня в правильности выбранного пути. Сейчас мы вошли в этот капилляр.

Левая рука Моррисона соскользнула с гладкой поверхности спинки кресла Конева. Его комичные попытки уцепиться за нее судорожными пальцами навели на мысль, что в усовершен-

ствованной конструкции корабля стоило бы предусмотреть ручки на сиденьях, да и в других важных местах.

Задыхаясь, он спросил:

— И куда этот капилляр приведет нас?

— Как раз в одну из точек, которые вы считаете центрами абстрактного мышления,— ответил Конев.— Посмотрите на цереброграф: это здесь?

Моррисон кивнул:

— Только не забывайте, пожалуйста, что я определил эти точки, исходя из исследований мозга животных, а не человека. Так что, если я прав, это будет чисто умозрительное заключение.

Конев продолжал:

— Согласно вашим исследованиям, имеется восемь подобных точек, по четыре с каждой стороны. Эта самая крупная и наиболее сложная и, следовательно, дает лучшую возможность получить те данные, которые нам нужны. Я прав?

— Думаю, да.— В голосе Моррисона все еще звучало сомнение.— Но не забывайте, что ученые не приняли результаты моих исследований.

— И вы снова начали сомневаться?

— Сомнения — вполне обычный атрибут научных исследований. Моя концепция скептических узловых пунктов имеет смысл только в свете моих исследований, но я никогда не имел возможности проверить ее на практике. Я просто не хочу, чтобы вы потом сказали: он ввел нас в заблуждение.

Дежнев фыркнул:

— Скептические узловые пункты! Нет сомнения, ваши оппоненты просто хотят подстраховаться. Мой отец говорил: «Люди всегда готовы посмеяться над своими ближними, но не стоит строить веселую физиономию, чтобы подыграть им». Почему бы тебе просто не назвать их «мыслительные узлы»? Вот так просто, по-русски. Это звучит гораздо лучше и человечнее.

— Или мыслительные узловые пункты — просто и по-английски,— попытался утихомирить его Моррисон. — Наука интернациональна, и общепринятым является употребление греческих и латинских слов. По-гречески «мысль» — «skeptis». Прилагательное «скептический» присутствует и в английском, и в

русском для обозначения мыслительного процесса. Мы же знаем, дурацкие догмы чаще всего навязываются нам ортодоксами именно для того, чтобы удержать от самостоятельных размышлений.

Повисло неловкое молчание, пока Моррисон (а он не открывал рта достаточно долго чисто из мстительности, он наконец мог отплатить им той же монетой за свои обиды и унижения) не сказал:

— Это знают люди всех национальностей.

Атмосфера разрядилась, но Дежнев резюмировал:

— Посмотрим, какими скептиками мы станем, когда достигнем этого самого скептического узлового пункта.

— Надеюсь,— заметил Конев,— вы понимаете, что это не повод для шуток. В этой точке мы рассчитываем поймать излучение мозга Шапирова, а значит, прочитать его мысли. Если это не удастся, весь эксперимент будет безрезультатным.

— Каждому — свое,— ответил Дежнев.— Я доставил вас сюда, умело управляя кораблем. Теперь поработай ты. Поймай излучение, или, если тебе не удастся, пусть Альберт сделает это. Если ты так же хорошо справишься со своей задачей, как я, беспокоиться не о чем. Мой отец говорил...

— Оставь своего отца в покое,— прервал Конев,— не надо тревожить мертвецов.

— Юрий,— резко сказала Баранова,— ты непростительно груб. Извинись.

— Да бог с ним,— успокоил ее Дежнев.— Мой отец говорил: «Обижаться можно тогда, когда оскорбления, нанесенные в ярости, человек повторит, уже успокоившись». Я не могу сказать, что всегда следовал этому совету, но на сей раз, в память о моем отце, я сделаю вид, что пропустил мимо ушей идиотское замечание Юрия...

Он, как-то грустно сгорбившись, склонился над приборами.

Моррисон слушал все вполуха: его мысли снова вернулись к беспечной болтовне Дежнева и предостерегающему жесту Барановой.

Он уселся в кресло, собрался с мыслями и повернулся к Барановой:

— Наталья, можно вопрос?

— Да, Альберт.

— Минимизированные частицы, попадая в нормальное, не минимизированное пространство...

— Да, Альберт?

— Часть их деминимизируется.

Баранова помедлила:

— Аркадий уже сказал вам, что это так.

— Когда это происходит?

Она пожала плечами:

— Непредсказуемо. Как радиоактивный распад одиночного атома.

— Откуда вы знаете?

— Знаю — и все.

— Я имею в виду, какие эксперименты вы проводили? Ни один объект никогда не минимизировался до нашего размера, следовательно, не имея непосредственных наблюдений, вы не можете с уверенностью сказать, что происходит с частицами, уменьшенными подобным образом.

Баранова возразила:

— Но мы наблюдали другие случаи минимизации, что позволило сделать выводы об общих законах поведения минимизированных частиц. Опытным путем мы выяснили...

— Лабораторные исследования не всегда надежны.

— Согласна.

— Вы сравнили спонтанную деминимизацию с радиоактивным распадом. А существует ли в деминимизации период полураспада? Если вы не можете сказать, когда минимизированная частица обретет нормальный размер, то, может быть, вы знаете, когда это произойдет с половиной определенной величины.

Баранова скривила губы и на минуту задумалась:

— Предполагается, что период полураспада минимизированного объекта находится в обратной зависимости от величины минимизации и от обычной массы объекта.

— То есть чем больше величина минимизации и чем меньше изначальный размер объекта, тем меньше времени мы пробудем в этом состоянии?

— Так и есть,— сдавленно подтвердила Баранова.

Моррисон мрачно посмотрел на нее.

— Восхищаюсь вами. То-то вы постарались скрыть от меня это досадное недоразумение. Вы сейчас откровенны?

— Я лгу, как другие люди, либо под давлением обстоятельств, либо в силу своего характера. Но как ученый не могу позволить себе искажать правду.

— А данный случай? Даже корабль, будучи гораздо массивнее, чем ядро гелия, как минимизированный объект имеет период полураспада.

— Между прочим, большой,— быстро вставила Баранова.

— Но степень минимизации, которой мы подверглись, значительно укоротила его.

— Тем не менее его должно хватить.

— А как насчет отдельных компонентов корабля? Молекулы воды, которые мы пьем, воздуха, которым мы дышим, атомы, из которых состоит тело каждого...

— Нет! — запротестовала Баранова.— Поле минимизации не прерывается в том случае, если отдельные частицы однородны и расположены близко одна от другой. Обособленное тело, такое, как наш корабль и все, что в нем находится, является как бы одной большой частицей и имеет соответствующий период полураспада. Здесь законы минимизации и радиоактивности различны.

— Но там, снаружи, я не имел контакта с кораблем, став отдельной частицей с гораздо меньшей массой, чем корабль, и, следовательно, с меньшим периодом полураспада, чем у нас сейчас.

— Не факт,— сказала Баранова.— Возможно, вы не так уж и отдалились от корабля, чтобы рассматривать вас как обособленный объект.

— А если было? И период полураспада стал для меня короче — значительно короче?

— За несколько минут?

— Допустим. А какой период полураспада у корабля в его теперешнем состоянии?

— Мы не можем говорить о периоде полураспада отдельно взятого объекта.

— Да, потому что период полураспада верен для больших чисел. Для частицы же деминимизация может произойти в любой момент, спонтанно, даже если период полураспада для остальных таких же частиц окажется достаточным.

— Спонтанная деминимизация при условии большого среднестатистического периода полураспада практически невозможна.

— Так ли это?

— Ну, исключения бывают...— протянула Баранова.

— Следовательно, в любую секунду, совершенно неожиданно мы можем деминимизироваться?

— Теоретически — да.

— И вы все были в курсе? — Моррисон укоризненно обозревал всех членов экипажа.— Конечно знали. Почему скрыли от меня этот факт?

— Альберт, мы — добровольцы, во имя науки и родины,— ответила Баранова.— Зная обо всех опасностях, мы с радостью согласились на это. Вас же мы вынудили войти в состав экспедиции насильно. Где гарантия, что, узнав всю правду, вы бы не послали нас с нашим предприятием далеко и надолго? Или же, ступив на борт корабля, не сошли бы с ума от...— Она замолчала.

— Страха, вы хотели сказать,— продолжил за нее Моррисон.— Естественно, я имею полное право на трусость и опасения.

Калинина неожиданно ее перебила:

— Наталья, вы постоянно обвиняете Альберта в трусости. Но ведь именно он рисковал собой за бортом корабля в костюме, совершенно не пригодном для этого. Именно он спас положение.

Дежнев хмыкнул:

— Детка, не ты ли чуть раньше болтала о трусости американцев?

— Признаю ошибку и приношу Альберту свои извинения.

В это мгновение доктор почувствовал на себе насупленный взгляд Конева. Не требовалось быть ясновидцем, чтобы понять, что Юрия охватила ревность.

47

Корабль размеренно продвигался по капилляру к точке, охарактеризованной Коневым как скептический узловой пункт. Двигатели, как понял Моррисон, работали в двух режимах. В первом

случае корабль шел вперед, почти заглушая эффект броуновского движения. Второй режим помогал им лавировать между эритроцитами. Корабль через раз слегка отбрасывало, и очередной эритроцит откатывался назад, застревая между кораблем и стенкой сосуда. Иногда красные кровяные тельца оказывались в опасной близости от мертвой зоны, и тогда корабль просто разбивал их. Остатки эритроцитов отлетали назад, не причиняя корпусу вреда. Памятуя о том, что в каждом кубическом миллиметре крови насчитывается по меньшей мере пять миллионов красных кровяных телец, Моррисон не мучился укорами совести.

Наблюдения за кровяными тельцами было гораздо приятнее, чем рассуждать о возможности спонтанной деминимизации. К тому же все равно никто не успеет осознать случившееся. Мозг мгновенно вскипит, и смерть наступит так быстро, что никто этого не почувствует.

Доктор еще не забыл жару, которая чуть не убила его за бортом. После случившегося смерть не страшила его.

И все-таки...

Конев, человек прагматичный, страстям не подвержен. Что же заставило его так сильно переживать? Юрий сам бросил Софью, оскорбив ее женское достоинство, сам отказался от ребенка, наговорив кучу гадостей. Может, и вправду верил в свои слова? В порыве страстей разум отказывает. Патология. Вспомните Леонтию в «Зимней сказке» Шекспира. Конев ненавидел Софью именно за все то зло, которое сам же ей и причинил. Он сам подталкивал ее в объятия другого мужчины и сам же при этом жестоко ревновал.

А прекрасная Соня? Уж не догадывалась ли она о чувствах Конева? И не потому ли так заботливо ухаживала за американцем и вставала на его сторону в спорах? Не хотелось ли ей подразнить Конева? Моррисону не улыбалась роль тряпичной куклы. Он предпочитает отойти в сторону и не лезть в чужие отношения. Вот только как это сделать? Калинина молодая красивая и печальная девушка, а Конев мрачный тип, пышущий внутренней злобой.

В конце концов, все это не его дело, и он не будет ни на чьей стороне. Только что мог поделать Моррисон, если Софья ему нравилась, а Юрий вызывал неприязнь?

Он заметил, что Баранова озабоченно смотрит на него. Наверняка решила, что он размышляет о возможности смерти из-за минимизации.

— Альберт, мы все рискуем. У меня есть муж. У меня есть сын. Я хочу вернуться домой. Поймите, я надеюсь, все мы вернемся живыми.

— Не сомневаюсь. Но что вы можете предпринять против деминимизации — спонтанной, непредсказуемой, неуправляемой?

— Спонтанной и непредсказуемой — согласна, но кто сказал, что она неуправляема?

— Сможете ее остановить?

— Я могу попытаться. У каждого свои обязанности. Аркадий ведет корабль, Юрий определяет курс к пункту назначения, Софья адаптирует электромагнитные характеристики корабля, вы займетесь изучением мозга. А я сижу здесь, позади, и принимаю решения. Большинство из них были пока провальными, признаю это. Сейчас я наблюдаю повышение температуры.

— Повышение температуры?

— Да, перед началом деминимизации происходит небольшое освобождение тепловой энергии. Это типично. И эта эмиссия тепла становится дестабилизирующей, она нарушает равновесие, и чуть позже начинается процесс деминимизации. Когда это произойдет, я постараюсь увеличить мощность поля минимизации, чтобы абсорбировать тепло и восстановить метастабильность.

С сомнением Моррисон спросил:

— Подобный эксперимент уже проводился или опять теория?

— Естественно, правда, при меньшей мощности поля. В любом случае, я уже принимала в этом участие, и, надеюсь, моя реакция окажется достаточно быстрой.

— Скажите, Наталья, это из-за спонтанной деминимизации Шапиров впал в кому?

Баранова помедлила:

— Никто не знает, было ли это влиянием законов природы или ошибкой человека. Возможно, причиной стало небольшое отклонение от метастабильного состояния равновесия. И не

более того. Вы не поймете деталей, так как не знаете физических и математических основ минимизации, а просветить вас в этой области я не могу.

— Понятно. Секретные материалы.

— Конечно.

Дежнев прервал их:

— Наталья, Юрий говорит, мы — в скептическом узле.

— Тогда — стоп! — скомандовала Баранова.

48

Двигатели остановились мгновенно. Моррисона удивило, что Дежнев, казалось, вовсе не принимал участия в процессе. Только Софья сосредоточенно колдовала над приборами. Ее пальцы летали по клавишам, а взгляд растворился в графических построениях на экране.

— Аркадий,— сказала она,— дай немного вперед.

Слабое течение крови в капилляре медленно несло корабль.

Дежнев включил двигатели на малые обороты. Моррисон почувствовал, как его почти невесомое тело чуть дернулось назад. Инерция была слишком мала, чтобы вызвать настоящий толчок. Ближайший эритроцит, проскользнув между кораблем и стенкой сосуда, остался позади.

— Стоп,— скомандовала Калинина,— достаточно.

— Я не могу остановить корабль, я могу только выключить двигатели, что и сделал,— сказал Дежнев.

— Все в норме.— Калинина помедлила минуту и добавила: — Во всяком случае, я так думаю.

Моррисон ощутил, как его тело слегка дернулось вперед. Инерция и впрямь была слишком мала. За бортом корабля медленно и величаво проплывало красное кровяное тельце в компании с редко встречающимся в этих широтах тромбоцитом. Доктор вдруг осознал, что дрожание прекратилось. Броуновское движение больше не ощущалось. Моррисон с трудом пошевелился. Ощущение было такое, словно его сердце остановилось, хотя он прекрасно знал, что это не так.

— Что случилось с броуновским движением? — спросил Моррисон Софью.

— Мы прищвартовались к стенке капилляра.

Моррисон кивнул: если корабль стал единым целым со стенкой сосуда, то удары молекул воды, которые порождали броуновское движение, стали неощутимы. Удары принимали на себя определенные участки сравнительно инертной стенки капилляра, но они не действовали на крошечный, размером с тромбоцит, корабль. Естественно, дрожание прекратилось.

— Как тебе удалось причалить, Софья? — спросил Моррисон.

— Обычный электрический заряд. Стенка капилляра состоит частично из белка, частично из фосфолипина, то есть имеются положительно и отрицательно заряженные участки. Моя задача — найти заряд достаточной силы и соответствующе зарядить корабль: отрицательно для положительного заряда стенки, и наоборот. Сложность в том, что корабль движется по течению, поэтому мне приходится определять заряд стенки с опережением, чтобы правильно зарядить корабль до того, как мы оставим позади нужный участок. Три раза я вписалась по времени. Затем начался участок, не имеющий достаточного заряда, поэтому мне пришлось просить Аркадия продвинуться немного вперед. Но теперь все в порядке.

— А если бы был задний ход, такие проблемы бы даже не возникали...— проворчал Моррисон.

— Ваша правда,— согласилась Калинина.— Следующая модель будет с задней передачей. Но нам придется работать с тем, что есть.

— Совершенно верно,— вставил Дежнев.— Как говорил мой отец: «Перед застольем можно и поголодать».

— С другой стороны,— продолжала Калинина,— имей наши двигатели все необходимые функции, соблазн использовать их постоянно оказался бы слишком велик. И кто знает, как бы наши виражи сказались на бедном Шапирове. Не говоря о дороговизне. При теперешнем положении электрическое поле, которое мы используем, требует гораздо меньше энергии, чем работающий двигатель. Это добавляет мне хлопот, но в принципе — ничего страшного.

— Вы всегда настроены на философский лад?

На какую-то долю секунды ее глаза вспыхнули, но гром не грянул:

— Конечно нет. Работаю над собой. Стараюсь.

Баранова нетерпеливо вмешалась в разговор.

— Хватит болтать, Софья. Аркадий, свяжись с Гротом. Спроси их, почему они медлят?

Дежнев успокоительно махнул Барановой:

— Спокойствие, мой капитан. Они хотят, чтобы мы пока оставались на этом месте по двум причинам: во-первых, они должны поймать локатором сигналы, которые я послал в трех направлениях, во-вторых, с их помощью определить, насколько координаты пункта назначения, вычисленные Юрием, совпадают с их данными.

— Сколько времени уйдет на это?

— Кто знает? Наверное, несколько минут. Кроме того, мои сигналы довольно слабы, и локатор может их не уловить с первого раза. Так что, возможно, им придется повторить измерения несколько раз, а получив основное значение, вычислять допустимую погрешность. После этого необходима коррекция, потому что, как говорил мой отец: «Не совсем верное решение ничуть не лучше неверного».

— Какова вторая причина ожидания?

— Хотят осмотреть Петра Шапирова. Нарушилась ритмичность сердцебиения.

Конев оторвался от приборов, щеки его впали, скулы заострились.

— Это происходит из-за нас?

— Нет,— ответил Дежнев.— Не ломай трагедию. Какой вред мы можем причинить Шапирову? Красное кровяное тельце. Одно из триллиона.

— Так что же тогда случилось?

— Откуда я знаю,— раздраженно ответил Дежнев.— Они что, докладывают? Я же не физиолог. Просто руки на пульте.

— В любом случае, жизнь академика еле теплится,— с грустью сказала Калинина.— Это чудо, что он так долго оставался в стабильном состоянии.

— Ты права, Софья,— кивнула Баранова.

Голос Конева прозвучал неожиданно жестко:

— Но он должен оставаться в этом состоянии и дальше. Он не может умереть сейчас. Только не сейчас. Мы еще не произвели нужных измерений.

— Мы все сделаем,— успокоила его Баранова.— Аритмия еще не означает смерть, даже если человек в коме.

Конев нервно сжал пальцы в кулак.

— Я не намерен терять ни минуты. Альберт, давайте начинать.

Моррисон удивленно спросил:

— Что мы можем, находясь здесь, вне нейрона?

— Хотя бы уловить нейронное излучение.

— Ни в коем случае! Импульсы нейронов передаются по аксонам и дендритам, иначе они бы ослаблялись настолько, что терялись бы в пространстве. Поезда движутся по рельсам, телефонная связь осуществляется по проводам, нейронные импульсы...

— Не будем спорить, Альберт. Нельзя признавать поражения, основываясь только на умозрительных рассуждениях. Давайте проверим. Вдруг вам удастся засечь излучение и провести нужный анализ?

— Я попытаюсь, только не смейте приказывать мне.

— Извините,— бросил Конев без малейшего раскаяния.— Хочу посмотреть, как вы это делаете.

Доктор отстегнул ремни и попытался устроиться поудобнее, ворча под нос: «В следующий раз найти бы посудину попросторнее».

— Океанский лайнер, например,— сострил Дежнев.— Но это уже в следующий раз.

Моррисон сказал:

— Прежде всего определим, сможем ли мы вообще что-нибудь засечь. Беда в том, что мы окружены электромагнитными полями. Их полно в мышцах: практически каждая молекула является...

— Не надо прописных истин,— прервал его Конев.

— Мне нужно время для настройки прибора. Поле нейрона весьма характерно, и после введения программы, компьютер перестанет анализировать поля, не имеющие подобных характеристик. Таким образом, мы идентифицируем все поля нужного типа и отбросим другие. Вот так...

— Как? — требовательно переспросил Конев.

— Я описывал это в своей работе.

— Но я не видел, как вы сделали это сейчас.

Ни слова не говоря, Моррисон повторил всю операцию.

— Сейчас будем засекать только поля нейронов, если, конечно, есть что улавливать... Увы! Ничего нет!

Конев сжал правую руку в кулак:

— Вы уверены?

— На экране — горизонтальная линия, и ничего более.

— Она дрожит!

— Помехи. Возможно, из-за электрополя корабля. Оно довольно сложное и совершенно не похоже ни на одно из естественных полей живого тела. Мне никогда не приходилось настраивать компьютер на фильтрацию искусственного поля.

— Ладно, пора двигаться дальше. Аркадий, скажи им, нет времени ждать!

— Я не могу этого сделать, Юрий, без приказа Натальи. Она — капитан. Или ты забыл об этом?

— Спасибо, Аркадий,— холодно отрезала Баранова.— Хоть кто-то еще помнит об этом. Оплошность Конева спишем на чрезмерное усердие в работе. Я приказываю не двигаться с места, пока не поступит ответ из Грота. Если эксперимент провалится из-за смерти Шапирова, всегда найдутся желающие сказать, что виной тому невыполнение указаний.

— А если провал произойдет именно из-за того, что мы последуем указаниям? — В голосе Конева появились истеричные нотки.

— Тогда вина ляжет на того, кто давал указания,— ответила Баранова.

— Не важно, кого признают виновным, меня или кого-то другого. Важен результат,— отрезал Конев.

— Согласна,— сказала Баранова,— если мы имеем дело с уникальной теорией. Но если ты продолжишь работать над проектом и после возможной катастрофы, ты увидишь, что обычай искать виновного весьма живуч.

— Ладно,— сказал Конев, слегка успокоившись,— пусть дают сигнал двигаться как можно скорее, и тогда мы...

— Тогда что? — спросила Баранова.

— И тогда мы войдем в клетку. Мы должны это сделать.

Глава 12
МЕЖКЛЕТОЧНОЕ ВЕЩЕСТВО

«В жизни, в отличие от шахмат, игра продолжается и после мата».

Дежнев-старший

49

В салоне корабля повисло тяжелое молчание, только Конев нервно вертелся на своем месте.

Моррисон даже посочувствовал ему: добраться до пункта назначения, преодолев все трудности... И вот, предвкушая успех, ждать в страхе, что чей-то приказ поставит крест на всей затее. И сам Моррисон некогда проходил через это. Эксперименты, которые обнадеживали, но окончательно ничего не подтверждали; коллеги, которые улыбались и кивали, но не верили его выводам.

Доктор склонился над Коневым:

— Юрий, обратите внимание на эритроциты: они движутся вперед вполне размеренно — один за другим. Пока движение эритроцитов не нарушается, с нами все в порядке.

Дежнев прибавил:

— Кроме того, я постоянно слежу за температурой крови. Если бы Шапиров умирал, она бы понизилась. Сейчас же она нормальная.

Конев хмыкнул, будто не нуждался в утешениях, но Моррисону показалось, что спокойствия они ему прибавили.

Альберт откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он прислушивался к своему организму. Есть не хотелось, мочевой пузырь тоже не давал о себе знать.

Вдруг он заметил, что Софья обращается к нему.

Он повернулся к ней:

— Извини, что ты сказала?

Калинина смутилась:

— Это вы меня извините, сбила вас с мысли.

— Прошу прощения, я был невнимателен.

— Хотела спросить, что вы делали, когда анализировали излучение мозга. Я имею в виду — в отличие от других исследовате-

лей. Почему нам было необходимо...— Она замолчала, явно смешавшись.

Моррисон улыбнулся:

— Вы хотите спросить, какого черта понадобилось тащить меня сюда?

— Я рассердила вас?

— Нет. Не думаю, что это была ваша идея.

— Конечно нет. Поэтому и спрашиваю. Я ничего не знаю о ваших исследованиях поля, кроме того, что это электронейтральные волны и что наиболее сложной и важной частью излучения была электроэнцефалография.

— В таком случае, боюсь, я не смогу сказать вам, что особенного в моей концепции.

— Значит, это тайна?

— Вовсе нет,— рассердился Моррисон.— В науке нет секретов, во всяком случае, не должно быть. Но есть борьба за приоритет. Поэтому ученым приходится быть осторожными в высказываниях. Я не могу рассказать, потому что у вас нет необходимой базы.

Поджав губы, девушка надулась:

— И все же, хоть в общих чертах?

— Постараюсь, если вас устроят элементарные выкладки. Боюсь, я не смогу должным образом описать поле в целом. То, что мы называем излучением мозга, представляет собой конгломерат всех видов деятельности нейронов: чувствительные восприятия различного качества, раздражения мышц и желез, механизмы возбуждения, координации и так далее. Среди них встречаются и волны, которые порождаются созидательной, творческой мыслью. Вычленить эти скептические волны, как я назвал их, из общей массы невероятно трудно. Организм делает это без труда, а мы, бедные ученые, пребываем в полной растерянности.

— Мне это нетрудно понять,— сказала Калинина. Она улыбалась и выглядела довольной.

«Она просто очаровашка,— подумал Моррисон,— когда забывает о своей меланхолии».

— Я еще не дошел до сложностей.

— Тогда продолжайте...

— Около двадцати лет назад открыли явление, которое раньше считалось случайным компонентом волны, так как ни один из исследователей не мог засечь его из-за несовершенства применяемых приборов. Сейчас мы называем его «мерцание». Это очень быстрая осцилляция, имеющая переменную амплитуду и интенсивность. Вы, конечно, догадываетесь, что не я автор открытия.

Калинина улыбнулась:

— Думаю, двадцать лет назад вы были слишком молоды для открытий.

— Я тогда был студентом, предпочитающим экспериментировать с девушками. Многие предполагали, что «мерцание» может представлять собой отражение мыслительных процессов мозга. Но никто не смог доказать это. Явление возникало и исчезало — ученые то обнаруживали его, то нет. В конце концов пришли к общему мнению, что это не природное явление, вызванное тем, что приборы оказались слишком чуткими для тех измерений, которые проводились, и в результате зафиксировали какие-то помехи.

К тому времени я уже создал компьютерную программу, которая позволяла выделить «мерцание» и демонстрировала его постоянное присутствие в излучении мозга. Я ставил опыты на животных и использовал их результаты для дальнейшего усовершенствования программы.

Но чем совершеннее становился анализ и более важными результаты, тем меньшее количество ученых могло продублировать опыты. В результате заговорили об ошибочности моих выводов, полученных в ходе экспериментов над животными. Ведь даже выделение «мерцания» из общей волновой структуры не доказывало, что оно является порождением абстрактного мышления.

Я увеличивал мощность приборов, усиливал «мерцание», модифицировал программу снова и снова, пока не пришел к выводу, что имею дело с абстрактным мышлением, со скептическими волнами. Но никто не смог повторить мои опыты. Некоторым я даже позволил воспользоваться своей программой и компьютером — почти такими же, как я использую сейчас. Увы...

Калинина слушала его очень серьезно:

— Как вы думаете, почему никто не сумел повторить ваши эксперименты?

— Самое простое объяснение — потому что я ненормален.

— Вы считаете себя сумасшедшим?

— Нет, Софья. Но иногда сомневаюсь. Видите ли, после выделения скептических волн и их усиления человеческий мозг сам может стать принимающим прибором. Волны могут передавать мысли человека, объекта исследования, другому человеку. Мозг, естественно, является очень тонким приемником — и в то же время совершенно индивидуальным. Если я усовершенствовал программу и смог воспринимать волны четче и ярче, значит, я приспособил ее к своему собственному, уникальному мозгу. Но для мозга других людей все это совершенно неприемлемо. Чем больше программа соответствовала моей индивидуальности, тем меньше она подходила для кого-то другого.

— А вы действительно улавливали мысли?

— Не уверен. Порой я и сам склонялся к мысли, что это плод моего воображения. Я попытался определить источник «мерцания» в мозгу шимпанзе (а им являлись скептические узловые пункты) и выделить соответственные точки в мозгу человека. Коллеги снова высмеяли меня. Они отечески сочувствовали коллеге, в безуспешном рвении пытающемуся найти доказательства собственной неверной теории. Даже введя электроды в скептические узлы животных, я не получил полной уверенности в положительном результате.

— Опыты на животных вряд ли давали такую возможность. Вы публиковали материалы своих исследований?

— Не решился,— покачал головой Моррисон.— Ни один из ученых не принял бы столь субъективные выводы. Пару раз я поделился кое с кем своими мыслями как последний идиот. В результате большинство сотоварищей полностью убедились, что я, мягко говоря, не вполне нормален. В прошлое воскресенье Наталья сказала, что Шапиров серьезно заинтересовался моей работой, но Петр, по крайней мере у меня на родине, считался ученым «без царя в голове».

— Он не безумец,— твердо сказала Калинина,— или не был таким.

— Хотел бы надеяться.

Конев, не оборачиваясь, вдруг сказал:

— Ваше открытие произвело на Шапирова сильное впечатление. Он рассказывал об этом. Уверял, что ваша программа может стать отправным пунктом в разнообразных исследованиях и что он хотел бы поработать с ней. Если бы мы находились внутри нейрона, ключевого нейрона скептического узла, все было бы по-другому. Вы бы безошибочно улавливали мысли. Шапиров считал, что вы способны читать мысли и в обычной обстановке, просто не хотите, чтобы об этом знали другие. Это правда?

«Боже, они помешались на своей секретности!» — подумал Моррисон.

Но доктор заметил, как Софья подает ему знак, прикладывая палец к губам, словно просит быть осторожнее в словах.

Моррисон не успел обдумать ситуацию, как прогрохотал довольный голос Дежнева:

— Хватит трепаться. В Гроте определили наши координаты; к их огромному изумлению, мы оказались именно там, где нам и следовало быть.

Конев победно поднял обе руки вверх. В голосе его прорезались мальчишеские нотки:

— Именно там, куда я вас привел!

Дежнев поправил его:

— Давай разделим лавры поровну.

— Нет,— не согласилась с ним Баранова.— Я приказала Коневу принимать решение под его ответственность. Следовательно, заслуга полностью его.

Коневу этого было мало:

— Окажись мы в другом месте, не у цели, вряд ли бы ты предложил разделить эти сомнительные лавры поровну, мой друг.

Улыбка сползла с лица Дежнева, он даже прикусил губу.

Но повелительный тон Натальи прекратил пререкания:

— Как Шапиров? Что с ним?

— Все позади,— ответил Дежнев.— После инъекции сердцебиение нормализовалось.

Конев спросил:

— Мы можем наконец двигаться?

— Да,— ответила Баранова.

— В таком случае выходим из кровеносной системы.

50

Женщины сосредоточенно склонились над приборами. Моррисон пытался понять их действия, но безуспешно. Тогда он повернулся к Дежневу. Тот вальяжно развалился в кресле, являясь полной противоположностью напряженному, как струна, Коневу. Моррисон спросил:

— Что будем делать, Аркадий? Мы не можем просто так вырваться из сосуда в мозг?

— Выскользнем, достигнув нужного размера. Сейчас мы снова подвергаемся минимизации.

Моррисон осмотрелся. Дурацкая закономерность; стоило доктору свыкнуться с обстановкой, перестать нервничать, как тут же наступала пора перемен. Корабль уменьшился. Теперь объекты, мимо которых они проплывали, исчезали из виду гораздо быстрее. Мозг же списывал все на увеличившуюся скорость течения. Мимо проплыл эритроцит, похожий на огромного кита. Цвет его был гораздо бледнее, почти прозрачный, а края представали нечеткими из-за броуновского движения. Местами тело эритроцита приобрело свинцово-серый оттенок, наподобие серости грозовых туч. К этому времени эритроцит почти растерял кислород, отдав его для питания мозга. Получив необходимое питание, мозг, это настоящее чудо, порожденное природой, координировал чувственное восприятие, реакции, мысли. Неизвестно, сколько веков пройдет, прежде чем удастся создать столь же совершенный компьютер.

В толпе красных кровяных телец время от времени встречались тромбоциты и еще реже белые клетки — лейкоциты, выросшие теперь до чудовищных размеров. Плазма же, заполненная ими, казалась гранулированной, и ее гранулы медленно увеличивались в размерах, проплывая мимо с постоянно нарастающей скоростью. Моррисон знал: перед ними молекулы белка. Немного погодя ему показалось, что, несмотря на движение, он способен различить геликоидальное строение атомов. Некоторых окружали миниатюрные леса липидных молекул.

Надо сказать, что теперь характер движения изменился. Вместо дрожания чувствовались колебания, довольно отчетливые.

Моррисон уставился на стенку сосуда, к которой они прикрепились.

Отдельные клетки, выстилавшие внутреннюю поверхность, исчезли, скорее всего, увеличились до такого размера, что в поле зрения теперь больше одной не вмещалось. Он разглядел промелькнувшее мимо ядро клетки, большое и округлое, продолжавшее расти. Корабль покачнулся, и часть корпуса оторвалась от стенки капилляра. Затем качнулся еще раз и снова прикрепился к внутренней поверхности сосуда.

— Что происходит? — спросил Моррисон у Калининой, но девушка промолчала, увлеченная работой.

— Софья пытается нейтрализовать электрический заряд то на одном, то на другом участке корпуса, чтобы напряжение не повредило стенку. Одновременно ей приходится отыскивать новые участки соединения, чтобы корабль не оторвался от поверхности капилляра. Трудно минимизироваться и сохранять соединение со стенкой сосуда в одно и то же время,— пояснила Наталья.

Моррисон обеспокоился:

— До какого размера мы будем минимизироваться?

Ответа он не получил, так как раздалась команда Сони:

— Аркадий, продвинь корабль вперед. Только осторожно!

— Хорошо. Скажи, когда остановиться.— И, обращаясь к Моррисону, добавил:— Мой отец часто говорил: «Лучше недостараться, чем перестараться».

— Еще немного,— командовала Калинина.— Я попытаюсь еще раз.

Казалось, корабль прикрепился к стенке, но неожиданно вновь соскользнул, и Моррисон почувствовал, как его потянуло на спинку кресла.

— Годится,— сказала Калинина,— еще чуть-чуть.

Бесконечная цепочка клеток, плотно пригнанных одна к другой, образовала узкую трубу, внутри которой находился их корабль с командой из пяти человек.

Пространство между клетками казалось волокнистым, с отростками, тянувшимися от одной клетки к другой. Некоторые из них напоминали пеньки на лесной просеке. Моррисону показалось, что в этих просеках есть разрывы, но не смог разглядеть их как следует. Он повторил свой вопрос:

— До какого предела мы будем минимизироваться, Аркадий?

— До размера мельчайшей органической молекулы.

— А какова возможность спонтанной деминимизации при таком размере?

— Существенная,— ответил Дежнев.— Гораздо большая, чем когда мы были размером с эритроцит или даже с тромбоцит.

— И все же недостаточная для того, чтобы волноваться по этому поводу,— успокоила Баранова.

— Да-да, мой генерал,— подтвердил Дежнев и втихаря от Натальи слегка приподнял руку с двумя скрещенными пальцами. Этот американский жест стал универсальным, и Моррисон, проникнувшись его смыслом, похолодел.

Дежнев внимательно глядел вперед, но, то ли почувствовав реакцию Моррисона, то ли услышав его тихое бормотание, утешил:

— Не стоит беспокоиться, дружище. Давайте лучше понервничаем по поводу нашего выхода из кровеносной системы. Софья, голубка...

— Да, Аркадий? — откликнулась она.

— Ослабь поле задней части корабля, а когда я продвинусь, проверь пространство впереди.

— Я сделаю именно так, Аркадий. Разве ваш отец не говорил вам ни разу: «Незачем учить вора воровать»?

— Действительно говорил! Тогда воруй, маленький воришка, воруй!

Моррисон задумался, уж не презирают ли они его за трусость? Не потому ли Софья не стала утешать его, а Аркадий предпочел наигранную веселость и показное безразличие к внезапной смерти. Но все же решил, что стал слишком мнительным и предпочел поверить в их дружественный настрой.

Задняя часть корабля застыла в нескольких сантиметрах (нескольких пикометрах в реальном измерении) от стенки капилляра. Моррисон с интересом разглядывал сомкнутые ряды белковых и липидных молекул, образующих ткань стенки. Доктор размышлял: «Почему бы не потратить время на изучение этих клеток? Ведь ни один прибор не даст более четких результатов, чем их исследования. Это живые ткани, здесь можно наблюдать не только их строение, но и жизненно важные процессы в развитии. Мы безразлично оставили эти клетки позади, не

удосужившись отдать им должное. И все для того, чтобы изучить осцилляции, порождаемые мыслью... а может...»

Корабль продвигался фут за футом, словно на ощупь. Дежнев постоянно манипулировал двигателями, а Калинина выискивала подходящие электрические поля.

— Софья, малышка, мы приближаемся к месту соединения двух клеток,— сказал Дежнев подозрительно сдавленным голосом.

— Проверь, насколько плотно носовая часть может быть прикреплена к стенке, я еще немного продвинусь вперед.

— Судя по внешнему виду и поведению, в этом месте имеется скопление аргинина, что создает сильное положительное поле и облегчает мою задачу.

— Никакой самонадеянности,— предостерегла Баранова.— Проверь еще раз. Если корабль не присоединится к стенке, мы не оберемся хлопот.

— Хорошо, Наталья. Сама понимаю.

Дежнев перехватил инициативу:

— Софья, следуй моим указаниям. В соприкосновении со стенкой сосуда должна остаться только носовая часть, но соединение должно быть прочным. Освободи корпус корабля.

— Готово,— ответила Софья безразлично.

Моррисон затаил дыхание. Задняя часть корабля отошла от стенки, нос остался соединенным с ней. Течение подхватило освобожденную часть корпуса и развернуло под острым углом. Стенка капилляра в месте соединения подалась наружу.

Моррисон воскликнул:

— Осторожно! Мы прорвем кусок стенки!

— Тихо! — прогремел Дежнев. Потом обычным голосом добавил: — Софья, я медленно увеличу мощность двигателей. Приготовься полностью освободить корпус корабля. Он должен стать совершенно нейтральным, но не раньше, чем я скажу.

Софья мимолетно взглянула на Баранову. Та хранила спокойствие:

— Выполняй в точности указания Аркадия. Сейчас он главный.

Моррисону показалось, что корабль устремился вперед. Стенка капилляра в точке соединения с кораблем вытягивалась все больше и больше.

Софья озабоченно заметила:

— Боюсь, либо не выдержит поле, либо стенки капилляра.

— Еще секунду, дорогая, еще секунду. Пора!

Стенка сосуда подалась назад, корабль резко пошел вперед. Моррисон почувствовал, как его вдавило в спинку сиденья. Нос корабля вошел в ткань между двумя клетками стенки капилляра.

51

Моррисон прислушивался к шуму работающих двигателей. Они гудели так, словно корабль прикладывал недюжинные усилия, чтобы преодолеть расстояние. Видимости никакой. Толщина капиллярной стенки уже значительно превышала размеры корабля. Процесс погружения шел полным ходом.

Дежнев, вытирая лоб, повернулся к Барановой:

— Энергия расходуется слишком быстро.

— Останови корабль, обсудим ситуацию,— предложила Баранова.

— Тогда соединительная ткань вытолкнет нас обратно в кровеносный сосуд,— возразил Дежнев.

— Уменьши мощность двигателей, чтобы они смогли удерживать корабль в теперешнем положении.

Пульсация прекратилась.

— Соединительная ткань сильно давит на корпус,— сказал Дежнев.

— Может раздавить нас?

— Пока нет. Но не могу ручаться, что сопротивляемости корпуса хватит надолго.

Моррисон возмутился:

— Какая нелепость! Кто-то утверждал, что мы размером с крошечную органическую молекулу!

— Сейчас мы размером с молекулу глюкозы, состоящую из двадцати четырех атомов,— ответила Баранова.

— Спасибо,— холодно поблагодарил Моррисон.— Сам знаю, сколько атомов в молекуле глюкозы. Но мелкие молекулы постоянно проникают сквозь стенки капилляра благодаря диффузии. Диффузии! Так происходят все процессы в организме. Почему же мы не диффузируем?

— Диффузируют далеко не все молекулы,— ответила Баранова.— В каждую единицу времени в кровеносной системе имеется двадцать четыре триллиона молекул глюкозы. Они беспорядочно передвигаются, и некоторые из них проникают через мембрану клеток капиллярной стенки. В единицу времени укладывается, конечно, очень маленький процент, но этого достаточно, чтобы поддерживать функции ткани. Тем не менее какая-то определенная молекула глюкозы может оставаться в крови в течение месяца, не подвергаясь диффузии. Мы можем ждать своей очереди месяц.

— Это не аргумент, Наталья,— нетерпеливо возразил Моррисон.— Почему мы не можем вызвать диффузию искусственно? Или так и зависнем здесь?

— Поддерживаю Альберта,— вступил в разговор Конев.— Существует определенного вида противодействие между диффузирующим объектом и препятствием, стоящим на пути к диффузии. Какова природа этого противодействия, никто точно не знает. Особенно трудно определиться здесь, у границы кровь — мозг.

— Итак. Мы на границе. Ты — эксперт по мозгу. Научи, как вызвать диффузию? — спросил Дежнев.

— Нет, не могу. Но глюкоза легко проникает через эту границу, так как мозг нуждается в энергии, которую она дает. Беда в том, что, имея размер молекулы глюкозы, корабль на самом деле ею не является.

— Есть мысль или просто болтаете? — спросила Баранова.

— Идея. Мы сняли заряд с корабля, чтобы проникнуть в ткань. Но почему сейчас мы оставляем его нейтральным? Можем мы придать ему электромагнитные характеристики молекулы глюкозы? Если да, то для организма Шапирова он станет молекулой глюкозы.

Калинина не стала дожидаться команды:

— Готово!

Оба они, и Конев, и Калинина, по-прежнему делали вид, что не существуют друг для друга.

Дежнев заметил:

— Давление уменьшилось. Мы больше не являемся враждебным объектом.

— Аркадий! — обратилась к нему Баранова.— Вперед, пока нас не раскусили!

— Есть! — отрапортовал Дежнев.

Моррисон сказал:

— Один-ноль в вашу пользу, Юрий. Подсознательно я чувствую, что сам бы до такого додумался, но — увы.

— Ерунда.— Конев молча проглотил похвалу.— Поскольку мозг живет за счет глюкозы, мы уменьшились до размера молекулы этого вещества. Естественно, потребовались и другие его характеристики. Когда вы спросили, почему не происходит диффузия, я понял: нам нужны электромагнитные характеристики молекулы глюкозы.

Дежнев торжественно провозгласил:

— Дамы и господа! Свершилось! Мы попали в мозг!

52

«В мозг,— заметил про себя Моррисон,— но не в клетку мозга». Миновав межклеточное пространство, они вошли в пространство между клетками мозга, во вспомогательные структуры, поддерживающие форму, обеспечивающие взаимодействие нервных клеток, или нейронов. Без их усилий клетки превратятся в бесформенную массу, слипнутся под воздействием гравитации и не смогут выполнять своих функций. Корабль бороздил настоящие джунгли, образованные толстыми, извилистыми жгутами коллагена, универсального соединительного белка.

С точки зрения минимизированного человека, эти жгуты коллагена, незаметные без электронного микроскопа, напоминали стволы деревьев в густой непролазной чащобе.

Эти жгуты утолщались. Моррисон знал, что некоторые из них состоят из эластина, а сами коллагены способны модифицироваться. Появись возможность разглядеть поближе это уникальное явление, с позиций еще меньшей минимизации, доктор смог бы выделить определенную упорядоченность и структуру. Пока же картина представлялась весьма хаотичной.

Корабль двигался очень медленно. Люди с интересом разглядывали окружающие их объекты. Никто не ожидал увидеть ничего подобного. Даже Моррисон испытывал жгучий интерес, хотя микроанатомия никогда не была его коньком.

— Как добраться до нейрона? Кто-нибудь знает? — спросил доктор.

Ответил Дежнев:

— Корабль может двигаться только вперед, значит, будем двигаться вперед, пока не проникнем в клетку.

— В этих-то джунглях? Как прикажете с отсутствием маневренности обходить препятствия?

Дежнев озадаченно потер подбородок:

— А мы не будем обходить, мы будем их отталкивать. Если корабль подойдет вплотную к одному из этих объектов, сила притяжения с нашей стороны окажется большей, чем с противоположной. Следовательно, траектория движения искривится, как у кометы, огибающей солнце.— Он улыбнулся.— Уподобимся космонавтам, которые задались целью сделать круг вокруг спутника или планеты, используя гравитацию.

Конев мрачно заметил:

— Это все-таки коллагенные волокна.

Моррисон добавил:

— Некоторые весьма массивны. Вы не сможете пройти между ними, просто столкнетесь лоб в лоб и застрянете, а поскольку двигаться мы можем только вперед, то как быть? Наш корабль способен двигаться лишь в токе крови, а при отсутствии течения мы практически беспомощны.

Баранова, что-то взвесив в уме, спросила:

— Аркадий, у нас три двигателя. Их сопла, насколько я знаю, образуют равносторонний треугольник. Ты сможешь запустить только один из них?

— Нет, все три включаются одновременно.

— Хорошенькое положеньице. Но ты принимал участие в разработке проекта корабля и знаешь все тонкости. Ты можешь модифицировать систему управления таким образом, чтобы двигатели включались по одному?

Дежнев мрачно заявил:

— С меня требовали дешевизны проекта, заставляли упрощать конструкцию. Упрашивали не раздражать чертово высокое начальство нашими запросами...

— Брось, Аркадий. Можешь ты что-нибудь сделать или нет?

— Дайте подумать. Если сделать выключатель, нужно найти провод. И кто знает, будет эта горе-конструкция действовать, а если будет, то как долго, и не окажемся ли мы в результате в еще худшем положении. Я понял, что ты задумала: если я смогу за-

пустить только один из двигателей, мы получим несбалансированный толчок.

— Вы сможете в таком положении управлять кораблем, если нам удастся завести двигатель?

— Попытаюсь, Наталья.

Моррисон бросил зло:

— Почему вы не подумали об этом, когда мы попали не в тот капилляр? Я чуть не погиб, пытаясь вручную повернуть корабль.

— Вы сами предложили выход. А эта идея вряд ли пригодилась бы в тех условиях.

— С чего бы это?

— Нас несло потоком крови,— возразил ему Дежнев.— Корабль имеет обтекаемую форму, жидкость свободно скользит по его поверхности, что только усложняет повороты и затрудняет движение против течения. Разворот двигателями занял бы гораздо больше времени и энергии. Надо было учитывать и узкое пространство капилляра. Здесь же течения нет, ну а поскольку мы минимизированы, места предостаточно.

— Прекратите,— воскликнула Баранова.— Займись делом, Аркадий!

Дежнев подчинился. Сняв крышку, он начал копаться во внутренностях панели управления, чертыхаясь себе под нос.

Конев, сцепив руки за головой, проговорил, не оборачиваясь:

— Альберт, может, вы все-таки расскажете о полученных вами сенсационных новостях?

— Сенсационных новостях?

— Вы упоминали о них до того, как мы получили сообщение из Грота, что находимся в нужном капилляре. Выкладки об анализе мыслительных волн.

— Ах, это,— процедил Моррисон, уловив взгляд Калининой.

Она слегка покачала головой и потихоньку приложила палец к губам.

— Да рассказывать-то не о чем,— заметил Моррисон.— Были какие-то смутные видения, которые невозможно оценить объективно. Допускаю, что у меня просто разыгралось воображение.

— И у вас не было никаких публикаций на эту тему?

— Нет, ни одной. Я как-то мимоходом на одном из сборищ упомянул об этом, так жалею до сих пор. Если вы с Шапировым и слышали что-то, так это были лишь отголоски моей болтливости. Публикация же на эту тему означала бы самоубийство, к чему я никогда не стремился.

— Да, плохо.

Моррисон снова бросил взгляд на Калинину. Девушка еле заметно кивнула ему, но ничего не сказала. Моррисон беззаботно огляделся. Дежнев погрузился в работу, бурча себе под нос. Конев ушел с головой в свои путаные мысли. Сидевшая за Калининой Баранова внимательно изучала экран компьютера, делая какие-то заметки. Моррисон даже не пытался их прочитать. Его знание русского не позволяло читать вверх ногами.

За ним наблюдала только Соня.

Моррисон поджал губы и перевел компьютер в режим текстового редактора. Компьютер оказался без кириллицы, пришлось писать русские слова латинскими буквами: «ЧТО-ТО НЕ ТАК?»

Она помедлила, возможно пытаясь разобрать шрифт. Потом ее пальцы забегали по клавишам: «НЕ ДОВЕРЯЙ ЕМУ. НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ». И тут же все сбросила.

Моррисон набрал: «ПОЧЕМУ?»

Калинина ответила: «НЕ ПО ЗЛОБЕ, ИЗ ГЛУПОГО ЧЕСТОЛЮБИЯ, САМОУВЕРЕННОСТИ И ВЫСОКОМЕРИЯ ПОЙДЕТ НА ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ».

Слова тут же исчезли, а Софья отвернулась.

Моррисон обдумывал ее поведение. Неужели ею движет мстительность отвергнутой женщины?

В любом случае, не важно. Не место для разговора, когда каждый может подслушать. Он тоже не хотел причинять никому зла, но там, где дело касалось его честолюбия и высокомерия, он явно не пошел бы «на все, все, все». Да и на что он мог пойти? В данный момент делать было практически нечего. Он повернулся к Барановой, продолжавшей задумчиво буравить взглядом экран. Ее пальцы потихоньку барабанили по ручке сиденья.

— Наталья?

— Да, Альберт,— отозвалась она, не глядя на него.

— Мне неприятно говорить об отвратительных реалиях,— он перешел на едва слышный шепот,— но меня мучают мысли о мочеиспускании.

Она подняла на него лукавые глаза, и он заметил, как уголки ее губ стараются побороть улыбку. Она не стала понижать голоса:

— А что думать? Надо действовать!

Моррисон ощутил себя маленьким мальчиком, поднявшим руку, чтобы отпроситься на пять минут.

— Не хочется быть первым.

Баранова нахмурилась, словно строгая учительница.

— Глупо, а вы явно не дурак. Я вот о себе уже один раз позаботилась.

И, слегка передернув плечами, заметила:

— Давно убедилась, напряжение способствует этому процессу.

Моррисон теперь тоже в этом убедился. Он снова зашептал:

— Легко вам говорить. Вы там, сзади, одна.— Он слегка кивнул при этом в сторону Софьи.

— И что теперь? — Баранова покачала головой.— Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я наколдовала вам непроницаемую ширмочку? Или мне своей рукой прикрыть глаза вашей соседке? К тому же Соня девушка воспитанная, смотреть на вас не станет. Да вскоре и вам придется отвернуться от нее из тех же соображений.

Моррисон еще больше смутился, заметив, как Калинина смотрит на него с явным пониманием.

— Давайте, Альберт, смелее. Я уже обтирала вас после погружения. До скромности ли нам теперь?

Моррисон слегка улыбнулся и приложил руку к груди в знак благодарности. Он попытался припомнить, как удаляется крышка на сиденье, и обнаружил, что она сдвигается при малейшем нажатии. Ему удалось ослабить электростатический шов в промежности, но он тут же забеспокоился, удастся ли потом незаметно застегнуть его обратно.

Моррисон почувствовал поток холодного воздуха из-под съехавшей крышки. Холод неприятно пощипывал кожу. Справившись, доктор вздохнул с облегчением, застегнул перемычку

между ногами и присел, пытаясь отдышаться. До него дошло, что все это время он старался не дышать.

— Вот, возьмите,— резко произнесла Баранова.

Моррисон уставился на нее в недоумении. Минуту спустя до него дошло, что она протягивает ему завернутую в пакет салфетку. Моррисон разорвал пакет, вынул влажную ароматизированную салфетку и вытер руки (Советы все-таки научились кое-каким удобным штучкам — или же брезгливость все же оказалась сильнее презрения к бытовым мелочам).

— Все, дело сделано! — После привычного шепота громкий возглас Дежнева прозвучал как раскат грома.

— Что сделано? — разозлился Моррисон, непроизвольно приняв сказанное на свой счет.

— Двигатели,— ответил Дежнев, махнув руками в сторону системы управления кораблем.— Я могу запустить любой из них. И даже два! Если захочу, то и все три. Я думаю...

— Ты в этом абсолютно уверен или как? — съязвила Баранова.

— И да и нет. Беда в том, что даже я иногда ошибаюсь...

— Надо попробовать,— прервал его Конев.

— Конечно,— продолжал Дежнев.— Само собой, но, как говаривал мой отец,— тут он слегка повысил голос, чтобы его снова не перебили,— «Даже простые вещи иногда сложно выполнить». Вам следует знать...— Он внезапно остановился, и Баранова спросила:

— Что?

— Несколько вещей, Наташа,— ответил Дежнев.— Во-первых, для того чтобы управлять кораблем, требуется огромное количество энергии. Я сделал все, что мог, но корабль не предназначен для этой цели. И во-вторых, как бы это сказать, на данный момент мы лишены связи с Гротом.

— Как это лишены? — Вопрос Калининой то ли от удивления, то ли от возмущения прозвучал слишком резко.

Баранова явно возмутилась:

— Что ты хочешь этим сказать — лишены связи?

— Успокойся, Наташа. Просто я не мог без проводов подвести электрический ток к двигателям. Даже самый лучший инженер в мире не может из ничего сотворить провода и силиконовые кристаллы. Мне нужно было для этого что-то разобрать,

и единственное, что я мог использовать, не повредив корабль, была связь. Я сообщил об этом в Грот, они, конечно же, негодуют, но остановить меня не смогли. Таким образом, мы можем сейчас управлять кораблем, но у нас нет связи.

53

В салоне повисло напряженное молчание. Корабль медленно двигался вперед. Картина резко изменилась. Совсем недавно, в потоке крови, мимо них проносились различные объекты — одни плыли рядом с ними, других сносило неумолимое течение. Толстые бляшки, нависшие над стеной, монотонно мелькая, помогали почувствовать движение.

Здесь же, в межклеточном пространстве, царила статичность. Никаких признаков жизни. Сплетения коллагеновых волокон напоминали стволы древних деревьев, лишенных листвы.

Лишь единожды корабль занесло в поток клейкой межклеточной жидкости, и тогда все задвигалось ему навстречу. Корабль скользил вперед, сквозь V-образный сгусток волокон. В момент, когда они пробирались через него, Моррисону привиделось, будто они поднимаются по спирали вдоль коллагеновой фибры.

— Поворот, Аркадий,— раздался голос Конева.— Пришло время действовать.

— Хорошо. Черт, придется сидеть вначлонку.— Он подался вперед, нашаривая кнопки, расположенные на уровне лодыжек.— С моей комплекцией удовольствие ниже среднего.

— Слабохарактерный толстяк,— зло прошипел Конев.— Давно мог бы избавиться от лишнего жира.

Дежнев выпрямился:

— Слушаюсь, папочка. Уже бегу, трусцой. Стоит ли сейчас читать морали?

— Не ерепенься, Аркадий,— вставила Баранова.— Лучше веди корабль!

Дежнев снова наклонился, с трудом сдерживая ворчание. Корабль медленно повернул вправо, а толстую коллагеновую фибру отнесло потоком влево.

— Осторожно, не повреди ее.— Конев обжег взглядом Аркадия.— Поворачивай быстрее.

— Не могу, из-за двигателей. Они ведь смещены,— ответил Дежнев.

— О господи, мы же столкнемся нос к носу! — возбужденно вскрикнул Конев.

— Ну и пусть,— прикрикнула Баранова.— Нашли проблему! Корабль сделан из крепкого пластика, ткань которого по своей структуре напоминает резину.

Пока она говорила, нос корабля поравнялся с коллагеновой тканью. Пространства между ними практически не наблюдалось. Люди осознали, что контакта с биологической структурой не избежать.

Скрежета не было, лишь раздалось еле слышное шипение. Ткань немного сжалась при столкновении, затем отскочила от корабля, отталкивая его от себя, а вязкая межклеточная жидкость уменьшила силу трения. Корабль, не сбавляя ход, повернул влево навстречу ткани.

— Я выключу двигатели, как только почувствую следующее столкновение,— пообещал Дежнев.— Левый поворот предпочтительнее, он обеспечивает трение со стенками ткани.

— Ладно. А если потребуется повернуть вправо? — спросил Конев.

— Тогда придется использовать двигатель. Немногим раньше я бы повернул навстречу правому отростку, рискнув использовать энергию столкновения с ним. Ткань сама развернула бы нас вправо. Главное — как можно меньше использовать двигатели и как можно больше пользы извлекать из фибры. И из экономии запасов энергии. И потому что слишком быстрое освобождение энергии грозит внезапной деминимизацией.

Моррисон в ужасе уставился на Дежнева и перевел вопросительный взгляд на Баранову.

— Это не главное,— попыталась успокоить его та.— Но это правда. Возможность деминимизации существует. Но гораздо важнее сохранение энергии.

Моррисон никак не мог справиться с охватившей его паникой и раздражением.

— Вы что, не видите всей вопиющей нелепости в сложившей ситуации? Мы заперты в корабле, непригодном для такого путешествия, и сами, сознательно, только ухудшаем свое положение дурацкими выходками.

Баранова устало вздохнула:

— Альберт, у нас нет выбора.

— Кроме того,— ухмыльнулся Дежнев,— представьте себе лавры, которыми нас увенчают, если удастся с честью завершить эксперимент, невзирая на трудности. Мы станем героями. Настоящими героями. Нас наверняка наградят орденом Ленина. Каждого. А если потерпим фиаско, все спишут на непригодность техники.

— Независимо от того, выиграете или проиграете, вы-то станете героями,— не мог успокоиться Моррисон.— А я? Что будет со мной?

Наталья без тени насмешки парировала его выпад:

— О вас не забудут в случае успеха. Иностранцы не раз награждались орденом Ленина, в том числе и американцы. К тому же ваши исследования получат долгожданное признание, и вы станете претендентом на Нобелевскую премию.

— Рановато вы стали делить шкуру неубитого медведя,— насупился Моррисон.— Думаю, мне пока рановато составлять приветственные речи для церемонии вручения Нобелевской премии.

— В данный момент меня больше интересует, сможем ли мы достичь нейрона? — прервала споры Софья.

— А почему нет? — удивился Дежнев.— Корабль слушается управления. Мы находимся в мозге за пределами капилляра. Впереди нас ждут миллионы нейронов.

— Где впереди? — не успокаивалась Калинина.— Вокруг одни коллагеновые фибры.

Дежнев спросил:

— Как ты думаешь, Сонечка, сколько здесь этой межклеточной жидкости?

— Микроскопическое количество,— сказала Калинина.— Правда, сейчас мы с молекулу глюкозы, и потому до ближайшего нейрона может быть несколько десятков километров.

— Тогда нам придется преодолеть это расстояние,— произнес Дежнев.

— Да, если бы была возможность двигаться по прямой, но сейчас мы застряли в самой середине этих коллагеновых джунглей. Придется петлять туда-сюда. Возможно, мы пройдем пятьсот километров — в соответствии с теперешними размерами,

и в конце концов окажемся там, откуда пришли. Только случайность выведет нас к нейрону.

— У Юрия имеется карта,— отозвался Дежнев с неуверенностью.— Его церебро... как его там...

Конев, нахмурясь, пробубнил:

— Мой цереброграф показывает циркуляторную сеть мозга, а также структуру клетки. Он не способен определить наше местоположение в межклеточной жидкости. Люди пока в этом бессильны, а требовать от машины больше заложенных в нее знаний глупо.

Моррисон смотрел сквозь стену корабля. Повсюду виднелись коллагеновые фибры, они сплетались друг с другом и мешали движению. Куда ни глянь — никаких нервных клеток! Никаких нейронов!

Глава 13

КЛЕТКА

«Крепостных стен с надписью "Добро пожаловать, странник" еще ни разу не возводили».

Дежнев-старший

54

Баранова нервничала. Брови ее сошлись на переносице, ноздри расширялись, но голос сохранял спокойствие.

— Аркадий,— обратилась она к Дежневу,— двигайся прямо, избегая поворотов. Если их не избежать, попробуй компенсировать левый поворот правым, учитывая трехмерное пространство, соответственно вверх-вниз.

— Сами создадим путаницу,— отреагировал Дежнев.

— Она неизбежна. Конечно, мы не способны двигаться прямо, как по линейке, но зато избежим круговых движений и спиральных. В результате рано или поздно доберемся до клетки.

— Пожалуй,— проговорил Дежнев,— если бы мы немного увеличились в размерах, то...

— Нет,— безапелляционно отрезала Баранова.

— Погоди ты. Небольшое увеличение позволит нам пройти меньшее расстояние. Мы станем больше, а расстояние между кровеносным сосудом и нейроном уменьшится.— Он нетерпеливо всплеснул руками.— Понимаешь?

— Но, увеличившись, мы с трудом протиснемся между тканями. Ведь нейроны мозга хорошо защищены. Мозг — единственный человеческий орган, полностью заключенный в кости. А нейроны — самые непредсказуемые частицы организма — прекрасно себя чувствуют в межклеточном веществе. Посмотри сам. Лишь приняв объемы молекулы глюкозы, мы стали свободно проходить сквозь окружающие коллагены, не нанося никакого вреда мозгу.

В этот момент Конев как-то странно повернулся в своем кресле в сторону Барановой. Его глаза будто случайно встретились с глазами Калининой:

— Не думаю, что придется передвигаться вслепую, наугад...

— О чем ты, Юрий? — удивилась Баранова.

— Нейроны обязательно обнаружат себя. Каждый нейрон испускает нейроимпульсы определенной продолжительности. А импульсы обнаруживаются при помощи приборов.

Моррисон нахмурился:

— Но ведь нейроны изолированы.

— Изолированы аксоны, а не клеточные тельца.

— Зато именно в аксоне импульсы сильнее.

— Нет, как раз нет. Самые сильные импульсы в синапсе, слава богу, не изолированные. Синапс должен излучать импульсы постоянно, а мы попробуем их уловить.

Моррисон не успокаивался:

— Нам не удалось это сделать в капилляре.

— Тогда мы приблизились не к той стенке капилляра. Перестаньте спорить со мной. Рискните обнаружить излучения, идущие от мозга. Ведь вы для этого здесь. Не так ли?

— Меня похитили и вынудили к участию в этом балагане,— с трудом произнес Моррисон.— Вот почему я здесь.

Баранова глянула на доктора:

— Оставим эти разговоры на потом, мне думается, предположение Юрия вполне разумно. Юрий, зачем ты все время нарываешься?

Моррисон вдруг почувствовал прилив злости. Он не мог понять почему. Ведь в действительности предложение Конева не было лишено смысла.

Внезапно доктор осознал, что просто боится этих испытаний. На карту была поставлена его теория. Он находился у самой границы клетки мозга, которая сейчас, по сравнению с ним, громадных размеров. В любой момент его могли попросить включиться в работу. А вдруг он не прав, и всегда был не прав? И вся его работа, которой он отдал столько сил и энергии, окажется ошибкой? Как смыть позор? Да и злился он не на грубияна Конева, а потому, что чувствовал себя крысой, загнанной в угол. Конев сверлил его недобрым взглядом.

Наконец Моррисон произнес:

— Если я уловлю сигналы, то они будут идти со всех сторон. Не считая капилляра, который мы только что покинули, нас окружает огромное количество нейронов.

— Да, множество, но одни — ближе, другие — дальше. Но один-два где-то здесь, совсем рядом. Неужели вы не способны уловить, с какой стороны идут самые сильные импульсы?

— Принимающее устройство не в состоянии определять направление сигналов.

— Ну надо же! Получается, что и американцы работают с приборами-недоделками, непригодными в экстремальных ситуациях.

— Юрий! — рявкнула Баранова.

Конев поутих:

— Ты опять обвинишь меня в неучтивости. Сама скажи ему, пусть что-нибудь придумает.

— Пожалуйста, Альберт, попытайтесь что-либо сделать,— попросила Баранова.— Иначе мы обречены бродить по коллагеновым джунглям в надежде, что это продлится не целую вечность.

— А мы и сейчас двигаемся наугад,— почти весело заявил Дежнев.— И впереди все та же картина.

С неутихающим раздражением Моррисон включил компьютер, настроил его на режим, принимающий волны мозга. Экран ожил. Шум был незначительным, хотя и более насыщенным, чем в капилляре.

До этого в экспериментах Моррисон всегда использовал провода, подсоединяя их под микроскопом к нервам. А сейчас? Куда присоединить их сейчас? У него не было нервного волокна. Вернее, он сам находился внутри мозга, и мысль о присоединении к нерву казалась ненормальной. Может, просто поднять провода вверх и развести в стороны, как антенну? Но при теперешнем размере они слишком малы и едва ли будут эффективны, хотя...

Он смыкал и размыкал провода. Скрученные в петли, они напоминали большое насекомое. Затем доктор сфокусировал и усилил прием. Вдруг мерцание на экране превратилось в резкие тонкие волны, но лишь на секунду. Потом все исчезло. Непроизвольно Моррисон вскрикнул.

— Что случилось? — уставилась на него Баранова.

— Я что-то перехватил. Мгновенная вспышка, значит, сигнал был. Но сейчас уже все...

— Попробуйте еще.

Моррисон обвел всех взглядом:

— Послушайте, можно потише? Работать с этим прибором неимоверно трудно. Требуется полностью на нем сконцентрироваться. Понятно? Никакого шума. Не отвлекайте меня.

— Что это было? — тихо спросил Конев.

— Что?

— Вы сказали — вспышка, что-то похожее на вспышку. Что это было?

— Не знаю, что я уловил. Сделаю еще попытку.— Моррисон повернулся к Барановой.— Наталья, я не наделен полномочиями приказывать, это ваша обязанность. Прошу вас, попросите всех присутствующих, особенно Юрия, чтобы мне не мешали.

— Молчим, молчим. Продолжайте, Альберт. Юрий, замолкни,— обратилась она к Коневу.

Моррисон резко повернулся влево, почувствовав легкое прикосновение к плечу. Калинина с восхищением смотрела на него и улыбалась. Она шептала одними губами, он с трудом смог разобрать: «Не обращайте на него внимания. Покажите ему! Покажите!»

Глаза ее блестели. Моррисон улыбнулся в ответ. Вероятно, ее охватило желание отомстить Коневу, мужчине, который при-

чинил ей боль. Но, помимо всего прочего, Моррисон почувствовал ее поддержку и готовность прийти на помощь. Боже, сколько лет назад женщина с гордостью и восхищением смотрела на него? Внезапно на него нахлынуло чувство жалости к самому себе. Моррисон с трудом взял себя в руки. Он вернулся к компьютеру, попытался забыть обо всем, абстрагироваться. Все мысли только о работе, о едва различимых колебаниях электромагнитного поля, возникающих из-за ударов ионов натрия и калия о мембрану нейрона.

Экран еще раз вспыхнул: на нем появилась линия, напоминавшая невысокую горную цепь. Осторожно, едва касаясь пальцами клавиш, Моррисон ввел в компьютер задачу. «Горная цепь» на экране поплыла влево и стала удаляться за его пределы. На единственном оставшемся отрезке Моррисон заметил небольшое колебание.

«Идет запись сигналов в память»,— пронеслось в голове Моррисона. Сказать вслух он ничего не смог, поскольку даже думать об этом боялся. Его пугало, что поток собственных мыслей, окажись он чуть интенсивнее, способен все разрушить.

То небольшое колебание, или скептические волны, как он их называл, переместились из центра на задний план.

Моррисон не удивился. Вполне вероятно, он улавливал поля сразу нескольких клеток, не совпадавшие между собой. Видимо, сказался пульсирующий эффект пластиковых стен корабля. Да и броуновское движение молекул не стоило списывать со счетов. Могли повлиять и заряды атомов даже за пределами минимизированного поля.

Исключительность создавшейся ситуации была в том, что ему вообще удалось уловить волны. Он чуть дотронулся до антенны, провел пальцами вверх-вниз. Сначала одной рукой, затем — другой. Потом обеими руками вместе, затем так же, но в разных направлениях.

После этого Моррисон слегка согнул антенну в одну сторону, в другую. Изображение скептических волн улучшилось, но потом опять стало расплывчатым. Чем это было вызвано, Моррисон не знал.

В одном месте график волны был особенно четким. Моррисон пытался унять дрожь в руках.

— Аркадий,— сказал он.

— Слушаю,— отозвался Дежнев.

— Поверните влево и немного вверх. Молча.

— Мне придется огибать ткань.

— Поворачивайте медленно. Иначе потеряется ориентир.

Моррисон боролся с желанием взглянуть на Калинину. Даже мимолетная мысль о ее прелестях может оказать разрушающее воздействие на экран.

Дежнев медленно вел корабль через арку коллагенов, а Моррисон осторожно настраивал антенну, время от времени бормоча под нос:

— Вверх и вправо. Вниз. Немного влево...— Наконец выдохнул: — Прямо по курсу.

Моррисон надеялся, что будет легче, когда они приблизятся к нейрону. Но он не сможет расслабиться до тех пор, пока собственными глазами его не увидит. Сейчас же они пробирались сквозь мрачную чащу коллагенов. Концентрироваться на одной мысли становилось все труднее и труднее. Приходилось думать о чем-нибудь еще, но обязательно нейтральном, без эмоций. И поэтому он стал размышлять о своей распавшейся семье. Он так часто об этом думал раньше, что сейчас у него не возникало никаких чувств. Как будто он разглядывал фотографию — помятую и пожелтевшую, которую можно в любой момент спрятать и вернуться к делу, к анализу скептических волн. Затем внезапно, без предупреждения явилась другая мысль. Им завладел образ Софьи Калининой: моложе, красивее и счастливее, чем она всегда казалась ему. Тут же накатило тоскливое ощущение собственного одиночества.

Моррисон не был уверен ни в одном из собственных чувств. Кто знает, какие подсознательные мысли и эмоции прячутся в тебе, Калинина? Вдруг он действительно влюбился? Так сразу? Или это просто результат ненормального напряжения, навалившегося за время этого фантастического путешествия?

Только сейчас Моррисон заметил, что экран полностью потух. Не успел он попросить Дежнева отключить двигатель, чтобы попытаться снова уловить колебания, как тот сам сделал все необходимое. Моррисон радостно воскликнул:

— Смотри, Аркадий, вот она! Ты привел нас, как гончая, прямо к дичи. Поздравляю!

— Да,— откликнулась Баранова,— поздравляю и Юрия. Именно ему пришла в голову эта гениальная идея, и он убедил Альберта последовать ей.

Напряжение покинуло Конева, он расслабился.

Дежнев недоуменно спросил:

— Да, но как нам теперь попасть внутрь?

55

Моррисон завороженно уставился на картину, открывшуюся их взорам. Прямо перед ними находилась стена. Вся в складках, она простиралась вверх и вниз, влево и вправо, ровно настолько, насколько свет прожектора выхватывал ее из темноты. Складки плавно переходили в огромные наросты. Вблизи стенка напоминала шахматную доску, каждый квадрат которой слегка выдавался вперед. Эти неровные выпуклости, похожие на толстые и короткие канаты, напоминали изорванную в клочья ткань.

Моррисон догадался, что эти выпуклости и есть окончания молекул, образовывавших клеточную мембрану. Со страхом он представил себе трудности, которые уготовил им теперешний размер с молекулу глюкозы. Клетка была громаднейших размеров. Для них она простиралась на несколько километров.

Конев, также разглядывавший клеточную мембрану, пришел в себя быстрее, чем Моррисон.

— Я не уверен,— произнес он,— что это клетка мозга или хотя бы нейрон.

— А что же это может быть? — возразил Дежнев.— Мы находимся в мозгу, перед нами его клетка.

Конев не скрывал неприязни и раздражения:

— В мозгу существует множество клеток. Одной из самых важных является нейрон, главная составляющая часть человеческого разума. В мозгу их миллиарды. В десятки раз больше глиальных клеток, которые выполняют опорную и защитную функции. Они намного меньше по размеру, чем нейроны. Десять к одному, что это глия. Мыслительные импульсы идут от нейронов.

Баранова подвела итог:

— Мы не можем полагаться на удачу. Определись, не касаясь статистики, что перед нами — нейрон или глия?

— Все, что я сейчас вижу,— это небольшая часть клеточной мембраны. Сейчас одна клетка похожа на другую. Нам нужно немного увеличиться, чтобы получить полный обзор и сравнить. Я предлагаю процесс деминимизации, Наташа. В конце концов, мы уже выбрались из коллагеновых джунглей.

— Если необходимо, то пожалуйста,— ответила Баранова,— но имей в виду, увеличение в размерах — процесс более долгий и рискованный, чем уменьшение. При нем вырабатывается тепло. Неужели мы не можем придумать что-нибудь другое?

Конев резко заметил:

— Разве что использовать прибор Альберта. Альберт, вы способны определить, откуда точно исходят скептические волны?

Моррисон не спешил с ответом. За секунду до того, как экран погас и все увидели клетку, перед его глазами стоял образ Калининой, и ему очень не хотелось расставаться с ним. Но ничего не поделаешь. Моррисон неуверенно произнес:

— Не знаю.

— Попробуйте,— настаивал Конев.

Все члены экипажа с ожиданием смотрели на него.

С внутренним содроганием Моррисон вновь включил компьютер. Спустя некоторое время заявил:

— Я уловил волны, но они не настолько сильны, как во время проникновения сюда.

— А волны, идущие с других сторон, они сильнее этих?

— Идущие сверху — не намного, но я еще раз предупреждаю: способность моего прибора определять направление волн весьма примитивна.

— Угу, как и корабль, который вы столь настойчиво критикуете. А по мне, Наталья, произошло следующее: приближаясь сюда, мы уловили и зафиксировали нейрон, находящийся прямо над глией. Глия перед нами. И своими размерами она закрывает от нас нейрон. Поэтому волны мыслей улавливаются весьма слабо.

— В таком случае,— вставила Баранова,— следует пробраться через глию к нейрону...

— Тогда,— продолжил Конев,— я еще раз повторяю, нужно увеличиться в размерах. При наших размерах молекулы глюкозы расстояние, которое придется преодолеть, измеряется сотней километров. Если мы увеличимся в десять раз, допустим, до

размеров и массы небольшой белковой молекулы, расстояние уменьшится соответственно до десяти — пятнадцати километров.

И тут раздался голос Калининой, бесстрастный и тихий:

— Не следует менять размер, если мы хотим попасть в нейрон.

Воцарилась тишина. Конев выдержал паузу:

— Конечно. Добравшись до нейрона, мы изменим свой размер до нужной величины.

Баранова вздохнула, казалось, она никак не могла принять решение.

Конев с несвойственной ему мягкостью продолжал:

— Наталья, мы временно изменим размеры. Нельзя оставаться размером с молекулу глюкозы.

— Меня беспокоит перспектива деминимизации чаще, чем это требуется,— возразила Баранова.

— Но мы просто обязаны, пойми! Мы не можем упускать несколько часов, огибая клетку. А деминимизация на данном этапе немного изменит абсолютные затраты энергии.

— А что, если, начиная процесс деминимизации, мы тем самым спровоцируем взрывоопасную, не поддающуюся контролю ситуацию? — поинтересовался Моррисон.

— С интуицией у вас все в порядке,— заметила Баранова.— Не многое зная о теории минимизации, вы попали в яблочко. Если процесс пошел, то лучше его не останавливать. Всякая попытка остановки несет в себе определенный риск.

— Но то же самое можно сказать и о наших размерах с молекулу глюкозы. Оставаться дольше, чем это нужно,— рискованно,— сказал Конев.

— Верно,— кивнула Баранова.

— Тогда, может, поставить вопрос на голосование и прийти к действительно демократическому решению? — предложил Дежнев.

Баранова вздрогнула, в ее глазах вспыхнул противоречивый огонек. Она плотно сжала губы и сказала:

— Нет, Аркадий. Вся ответственность за принятие решений лежит на мне. Мне решать, увеличить размеры корабля или нет.— И затем, уже без пафоса, продолжила: — Лучше пожелай мне ни пуха ни пера.

— С радостью,— ответил Дежнев.— Удачи нам всем!

Баранова склонилась над контрольными приборами. Моррисон внимательно наблюдал за ее действиями, но вскоре это ему надоело. Обзор был идеальный, но он абсолютно ничего не понимал. К тому же от постоянного напряжения заболела шея. Он повернулся и заметил, как Конев через плечо бросает на него вопросительные взгляды.

— Кстати, насчет улавливания скептических волн...— обратился к нему Конев.

— Что насчет улавливания скептических волн? — не понял Моррисон.

— Когда мы пробирались сквозь чащу коллагеновых зарослей...— Он замялся.

— Да-да, и что же?

— У вас, как бы это... у вас не возникло никаких образов?

Моррисон вспомнил нежный образ Софьи Калининой. В данный момент ничего подобного не происходило. Как ни пытался он представить себе ту сладкую картину, ответного чувства не возникало. По-видимому, образ действительно родился под влиянием концентрированных скептических волн. Однако Моррисон не собирался делиться впечатлениями ни с Коневым, ни с кем-нибудь еще. Он помедлил с ответом:

— А почему, собственно говоря, у меня должны были возникнуть образы?

— Потому что происходил анализ скептических волн нормальной интенсивности.

— Вы полагаете, подобный анализ во время минимизации увеличивает их интенсивность? Что, в свою очередь, влияет на мощность возникновения образов?

— Это весьма логично предположить. Так появлялись какие-нибудь образы в вашем воображении или нет?

Моррисон выдохнул:

— Нет.

Конев продолжал сверлить его взглядом, вселяя неловкость, и затем тихо сказал:

— А у меня — да.

— У вас? — Глаза Моррисона вылезли на лоб от удивления. Он переспросил: — И что же вы видели?

— Не много. Подумал, что вы это почувствуете более отчетливо. Ведь именно вы управляли и манипулировали компьютером, который более адаптирован к вашему мозгу, чем к моему.

— Так что, что вы видели? Вы можете описать?

— Что-то похожее на яркое видение. Оно появилось — и тут же исчезло. Мне показалось, что я видел человеческие фигуры, одна была выше остальных.

— Как вы это объясните?

— Видите ли, у Шапирова есть дочь, которую он обожает. А у дочери двое детей, которых Шапиров боготворит. Я представил, что, находясь в коме, он, возможно, думает о них или вспоминает. А может, у него были галлюцинации. Кто знает, что происходит с человеком, когда он в коме.

— Вы знаете его дочь и внуков? Вы узнали их?

— Видел смутно, будто через полупрозрачное стекло в сумерках.— Конев казался расстроенным.— Я надеялся, вы рассмотрите их лучше меня.

Размышляя над услышанным, Моррисон ответил:

— Нет, я не то что не видел, но даже не почувствовал ничего.

— Вероятно, когда мы будем в самом нейроне, ощущения обострятся. В любом случае, хорошо бы не только улавливать образы, но и пытаться услышать слова,— продолжал Конев.

— Но я никогда за все время исследований не слышал ни единого слова,— произнес Моррисон.

— Конечно, вы ведь ставили опыты на животных. А они, как известно, не разговаривают,— усмехнулся Конев.

— Правда, однажды мне удалось провести парочку опытов на человеке. Но я никогда никому об этом не говорил. Так вот, тогда я тоже ничего не услышал и не увидел,— ответил Моррисон.

Конев сделал вид, что не слышит. А Моррисон продолжал:

— Вообще, в данной ситуации нет ничего странного в том, что сознание Шапирова занято мыслями о семье. А с чего вы, собственно говоря, взяли, что в такой момент его мысли будут крутиться вокруг развития теории минимизации?

— Он физик. И его семья всегда была для него на втором плане. Уверен, если нам удастся извлечь слова из этих скептических волн, они будут касаться физики.

— Вы так думаете?

— Да, именно так.

Собеседники умолкли. Несколько минут стояла тишина. Затем Баранова спросила:

— Я деминимизировала корабль до размера белковой клетки, сейчас процесс приостановлен.

Немного спустя раздался напряженный голос Дежнева:

— Все в порядке, Наташа?

Баранова улыбнулась:

— Если ты все еще способен задавать дурацкие вопросы, значит, все прошло удачно. Процесс деминимизации остановлен без осложнений.

Наталья улыбалась, но лоб ее был покрыт испариной.

56

По-прежнему, в пределах видимости, все заполняла собой поверхность глиальной клетки. Прожектор корабля выхватывал из тьмы лишь отдельные участки. Но характер ее несколько изменился. Складки и бугры выровнялись, превратившись в ровную гладкую поверхность. Толстые канаты и наросты трансформировались в тонюсенькие ниточки, почти невидимые, поскольку корабль двигался очень быстро.

Все внимание Моррисона было приковано к компьютеру. Ему требовалось подтверждение, что интенсивность скептических волн не снизились. Правда, иногда он оглядывался на товарищей. Время от времени в клетках наблюдались дендритические изменения, хотя это были всего-навсего вспомогательные глиальные клетки. Они ветвились во все стороны, словно голые ветви дерева, беря начало в клеточной мембране.

Но даже при теперешних увеличенных размерах корабля дендриты выглядели огромными. Они напоминали стволы деревьев, сужавшиеся кверху. В отличие от твердых хрящевых тканей, они плавно покачивались на волнах, вызванных движением корабля по межклеточной жидкости. Коллагеновые ткани в примыкающем к клетке пространстве попадались значительно реже и благодаря увеличенным размерам корабля были значительно тоньше.

Однажды Дежнев проморгал неясные очертания впереди корабля или не обратил на них внимания, и они на полном ходу напоролись на непонятный предмет. Моррисон чуть было не вылетел из кресла, но для корабля все окончилось благополучно, он не получил повреждений. Оказалось, они впилились в коллагеновую ткань. Та от удара вогнулась, а затем все же оторвалась и, свободно покачиваясь, проплыла мимо них. Моррисон провожал ее взглядом до тех пор, пока она совсем не исчезла из поля зрения.

Баранова тоже наблюдала за происходящим и в конце взглянула на Моррисона:

— Причин для беспокойства нет. Триллионы таких фибр бродят в человеческом мозгу. Одной больше, одной меньше, без разницы. Процесс заживления происходит тоже довольно быстро. Даже в таком большом мозгу, как у Шапирова.

— Мне кажется,— сказал Моррисон,— что, не имея никакого права, мы вторглись в очень хрупкую структуру.

— Разделяю ваше беспокойство,— проговорила Баранова,— но, видите ли, все созданное на Земле в результате биологических и химических процессов едва ли предназначено для вмешательства человека. Тем не менее человек только и делает, что наносит Земле ущерб. И делает это вполне осознанно. Кстати, я хочу пить. А вы?

— Да, я тоже не откажусь,— ответил Моррисон.

— Внизу, справа от вас, в нише есть чашка. Подайте, пожалуйста.

Она налила всем пятерым, сказав:

— Воды много, если кто-то захочет еще, пожалуйста.

Дежнев с презрением глянул на чашку, продолжая следить за контрольными приборами. И недовольно фыркнул:

— Как говаривал мой отец: «Лучшими напитками, проясняющими мозги, можно назвать воду и алкоголь».

— Да уж, Аркадий,— подхватила Баранова,— твой отец наверняка не раз прояснял мозги с помощью алкоголя, но здесь, на корабле, тебе придется обойтись водой.

— Ну что ж, всем нам приходится время от времени терпеть лишения.— Он залпом выпил воду и поморщился: — По-моему, подошло время обеда, но мы вполне можем обойтись без него, хотя все-таки...

Баранова хитро глянула на него.

— Что все-таки? — переспросил Дежнев.— Не повредила бы тарелочка горячего борща со сметанкой?

Баранова продолжала, не обращая внимания на ехидство Дежнева:

— В обход всех правил и запретов я тайно прихватила с собой плитку шоколада — настоящего и высококалорийного.

Калинина отбросила салфетку, которой только что вытерла руки, и изрекла:

— Шоколад портит зубы.

— Не факт,— возразила Баранова,— кроме того, если прополоскать рот водой, налета не останется. Кто желает?

Никто не отказался.

Моррисон с удовольствием взял свой кусочек. Доктор вообще был любителем шоколада и сейчас, стараясь продлить удовольствие, медленно его посасывал. Вкус шоколада внезапно навеял воспоминания о детстве, проведенном на окраине Мюнси.

Шоколад был почти съеден, когда Конев негромко обратился к Моррисону:

— Вы что-нибудь ощутили, когда мы проходили сквозь глиальную клетку?

— Нет,— ответил Моррисон, он действительно ничего не почувствовал.— А вы?

— Мне вдруг послышались слова «зеленые поля».

— М-да...— невольно вырвалось у Моррисона.

Затем они оба замолчали.

— Ну и?..— нарушил молчание Конев.

Моррисон пожал плечами:

— У каждого человека в голове постоянно находятся какие-то мысли. Иногда какие-то фразы ни с того ни с сего приходят на ум. Ты, возможно, их слышал раньше, но не придал никакого значения. А теперь они всплыли в сознании. Или же это просто слуховые галлюцинации.

— Но это пришло мне в голову, когда я, сконцентрировавшись, уставился на ваш компьютер.

— Вам очень хотелось что-то уловить, и вы что-то услышали. То же самое можно сказать про видение.

— Нет, это было на самом деле.

— Как вы можете это узнать, Юрий? Я никогда не ощущал ничего подобного. Вы думаете, кто-то еще чувствовал то же самое?

— Нет, у них не получится. Они не пытались сосредоточиться на компьютере. И возможно, что ничей мозг, кроме вашего, не способен улавливать импульсы.

— Гадания на кофейной гуще. А что, по-вашему, означает эта фраза?

— «Зеленые поля»? У Шапирова есть домик за городом. И наверное, он вспомнил это место.

— Вполне возможно, что у него в голове возник лишь образ. А вы дополнили образ словами.

Конев нахмурился, помолчал минуту, затем добавил с неприкрытой враждебностью:

— Почему вы сопротивляетесь любой вероятности получения какой-либо информации из мозга?

Моррисон ответил в том же духе:

— Потому что однажды я уже обжегся на так называемом восприятии чужих чувств и мыслей. Теперь дую на воду. Я стал посмешишем, и раскаяние не проходило довольно долго. Так что теперь проявляю осторожность. Образ женщины и двух детей не говорит нам ни о чем. Так же, как и фраза «зеленые поля». Как вы смогли отличить их от своих собственных образов и мыслей? А сейчас, Юрий, что бы мы ни услышали или ни увидели, все это хотя бы косвенно должно соответствовать квантовой теории и теории относительности. Лишь в этом случае мы сможем о чем-то заявить во всеуслышание. Пока этой взаимосвязи нет, никто нам не поверит. Только высмеют. Говорю, исходя из собственного опыта.

— Хорошо,— согласился Конев.— Но если вам удастся уловить нечто существенное, не имеющее непосредственного отношения к нашему проекту, вы умолчите сей факт?

— Почему же? Если я уловлю что-либо, касающееся физики или теории минимизации, я ведь один ничего не смогу понять, самостоятельные попытки лишь заведут меня в тупик. Если нам удастся получить существенный результат, то только благодаря моей компьютерной программе и теории. Почти все лавры достанутся мне. К чему что-то скрывать? Моя личная

заинтересованность и честь ученого не позволяют скрытничать. А вы? Как поступите вы?

— Расскажу обо всем. Точно так, как только что это сделал.

— Я не имею в виду фразу «зеленые поля». Это чепуха. Допустим, вы узнаете что-то очень важное, а я нет. Если вам вдруг покажется, что это представляет государственную тайну, как, например, сама теория минимизации? Скажете вы мне что-нибудь? Или побоитесь прогневить ваш великий Центральный координационный комитет?..

Хотя они и говорили шепотом, Баранова уловила последние слова:

— Политиканствуете, джентльмены? — холодно спросила она.

— Мы обсуждаем возможность использования компьютера, Наталья,— отозвался Конев.— Альберт думает, что если я получу какую-нибудь важную информацию из скептических волн Шапирова, то обязательно утаю это от него, мотивируя, что это государственная тайна.

— Вполне возможно,— согласилась Баранова.

— Но нам нужна помощь Альберта,— осторожно сказал Конев.— Это его машина и его программа. Уверен: только он сделает нашу работу более эффективной. Если же он засомневается в нашей честности, мы рискуем остаться ни с чем. Я лично готов сообщать ему любую информацию, которую нам удастся получить, в обмен на то же самое с его стороны.

— Но комитет не одобрит этого, и Альберт это понимает,— не согласилась Баранова.

— Ну и пусть. Мне плевать,— отрезал Конев.

— Я докажу тебе свою преданность, Юрий,— шутливо отозвался Дежнев.— Буду держать рот на замке.

Калинина поддержала Конева:

— Наталья, я тоже думаю, мы должны быть откровенны с Альбертом в обмен на ответную открытость. Он быстрей нас получит интересующую нас информацию. Принцип «услуга — за услугу» более выгоден нам, чем ему. Так ведь, Альберт?

Моррисон кивнул:

— Я думал абсолютно так же и собирался сказать об этом, если бы вы вдруг стали убеждать меня, что политика государства всему причиной.

— Ну и хорошо. Зачем торопить события,— сказала Баранова, пытаясь сгладить ситуацию.

Моррисон продолжал думать о своем, изредка обращая внимание на ситуацию за бортом корабля, когда Дежнев вдруг произнес:

— Впереди другая клетка. До нее один или два километра. Она больше, чем предыдущая. Это нейрон, Юрий?

Конев, отвлекшись от своих дум, внимательно вгляделся в появившиеся очертания:

— Альберт, что говорит ваш компьютер? Это нейрон?

Моррисон помолчал, включаясь.

— Должно быть, да,— ответил он.— Потому что я никогда ранее не получал такого четкого изображения скептических волн...

— Прекрасно,— обрадовался Дежнев.— Дальнейшие действия?..

57

Калинина сосредоточенно вглядывалась в поверхность клетки:

— Наталья, уменьшаемся до размеров молекулы глюкозы. А ты, Аркадий, осторожно проходишь между дендритами вниз к поверхности клеточного тельца.

Моррисон тоже разглядывал поверхность клетки. Дендриты здесь были по своему строению сложнее, чем на глиальной клетке. Самый ближний имел множество разветвлений и походил на лист папоротника. К тому же он был очень длинным. Даже луча прожектора не хватало, чтобы разглядеть его конец. Другие дендриты были меньших размеров, но волокнистые. Моррисон полагал, что волокнистость является отчасти результатом броуновского движения. Возможно, каждая конечная ниточка разветвлений соединялась с себе подобной веточкой другого нейрона самой плотной и неразрывной связью, которая и называлась синапсом. Колебания этих разветвлений не настолько сильны, чтобы нарушить образовавшийся контакт. Иначе мозг дал бы сбои в работе.

Дежнев вел корабль к поверхности клетки и медленно огибал ближайший дендрит. Моррисон снова отметил, как ловко Дежнев управляет кораблем. В этот момент ему показалось, что по-

верхность нейрона меняется. Конечно, ведь корабль снова уменьшался в размерах. Складки на поверхности клетки стали более заметными и постепенно переходили в борозды. Между фосфолипидными бороздами поверхность была ворсистая.

«Рецепторы»,— подумал Моррисон. Каждый из них предназначался для соединения с определенной молекулой, полезной для нейрона. И молекула глюкозы, конечно же, была такой.

Они уменьшались быстрее, чем деминимизировались. Получать и использовать энергию извне было гораздо проще, тогда как во время деминимизации высвобождающаяся энергия грозила большими неприятностями. Теперь Моррисон это прекрасно понимал.

Калинина вдруг забеспокоилась:

— Не знаю, какие из рецепторов предназначены для восприятия глюкозы. Их слишком много. Аркадий, двигайся медленно. На тот случай, чтобы не оторваться при швартовке.

— Нет проблем, малышка,— отозвался Дежнев.— Если выключить двигатели, корабль тут же остановится. Не очень-то легко пробираться среди гигантских атомов, окружающих нас со всех сторон. Слишком вязко. Поэтому я подключу энергию по минимуму, чтобы протолкнуться через молекулы воды и побродить около рецепторов.

— Как по полю с тюльпанами,— произнес Моррисон и взглянул на Конева.

— Что? — удивился Конев.

— Эта фраза вдруг пришла мне в голову. Есть такая старая английская песенка «Давай побродим вместе по полю с тюльпанами».

— Что за чушь? — разозлился Конев.

— Пытаюсь пояснить, что, если кто-то произносит слово «побродить», у меня тут же в голове появляется словосочетание «по полю с тюльпанами». Ассоциации. Даже если в этот момент я концентрируюсь на компьютере, все равно услышу ее. И передача мыслей скептическими волнами с экрана компьютера здесь ни при чем. Вы меня понимаете?

— Не болтайте ерунду,— огрызнулся Конев.— Оставьте меня в покое.

Но Моррисон с удовлетворением отметил, что сказанное подействовало. Конев прекрасно понял, о чем речь.

Они двигались параллельно поверхности нейрона. Рецепторы плавно шевелились, и Моррисон не мог определить, которые из них уже притянули к себе проплывавшие мимо молекулы. Он пытался разглядеть эти молекулы. То там, то здесь мелькали отблески. Это свет корабля отражался от молекул, но сами молекулы не попадали в поле зрения. Даже поверхность клеточной мембраны казалась размытой, навевая мысли о сюрреализме.

В этих отблесках Моррисону все же удалось разглядеть подобие песчинок, обгоняющих корабль (конечно, это были молекулы воды), а среди них нечто, что напоминало клубок копошащихся червей. Находясь в непосредственной близости от корабля, атомы и молекулы так же точно подверглись минимизации. При этом при выходе из поля они восстанавливались. Число атомов, подвергшихся процессу, было очень велико, но количество высвободившейся энергии, к счастью, не могло спровоцировать нежелательную деминимизацию. По крайней мере, с первого взгляда.

Моррисон отгонял от себя муторные мысли.

Неожиданно Баранова подала голос:

— Не сомневаюсь в твоих способностях, Софья, но, пожалуйста, еще раз проверь адекватность заряда корабля заряду глюкозы.

— Все под контролем,— отозвалась Калинина.

Как бы в подтверждение этих слов корабль резко дернуло. Картина за стенами корабля переменилась.

При нормальных условиях толчок заставил бы всех повылетать со своих мест. Но поскольку масса и сила инерции в данный момент практически равнялась нулю, ощутилось лишь небольшое покачивание, которое могло происходить из-за броуновского движения.

— Мы присоединились к рецепторам нейронов глюкозы,— подытожила Калинина.

— Замечательно,— сказал Дежнев.— Я выключил двигатели. Что дальше?

— Ничего,— ответила Калинина.— Позволим клетке выполнять свою работу. Пришло время ожидания.

Контакт рецептора с кораблем был не совсем полный. Но как раз это и требовалось. Ведь стоит приблизиться вплотную

к рецептору, как корабль попадет в поле минимизации и практически исчезнет. Сейчас же имелось лишь притяжение электрических полей рецептора и корабля: положительный заряд к отрицательному, и наоборот. Это притяжение не являлось абсолютным притяжением ионов. Связь была намного свободнее и напоминала водородную. Ее вполне хватало, чтобы удержаться, но было недостаточно, чтобы оторваться, корабль держался словно на резиновых присосках.

Рецептор был неправильной формы, он тянулся во всю длину корабля, обвивая со всех сторон пластиковый корпус. На первый взгляд поверхность корабля выглядела гладкой, без изъянов, но Моррисон был абсолютно уверен в наличии электрического поля в местах, где в глюкопиранозной структуре имелись гидроокисные группы.

Моррисон снова огляделся. Рецептор практически закрыл обзор с одной стороны корабля. Он попытался заглянуть за рецептор, разглядев продолжение нейрона, которому, казалось, не было конца и края. Поверхность немного приподнялась, и Моррисон смог разглядеть кое-какие детали. Наряду со стандартными выпуклостями и складками, а также фосфолипидными молекулами он увидел нестандартные очертания белковой молекулы, которая быстро пробиралась сквозь толщу клеточной мембраны. Рецепторам вменялось в обязанности притягивать именно такие молекулы. Моррисон знал, рецепторы представляют собой пептиды — цепочки аминокислот. Они часть тонкого белкового основания и расположены вовне. Каждый отдельный рецептор состоял из определенной аминокислоты, имел определенный электрический заряд и располагался так, чтобы притягивать к себе противоположные по заряду и форме молекулы. Моррисону почудилось, как рецепторы приближаются к ним. Их было огромное количество. Их число постоянно росло. Рецепторы с притянутыми белковыми молекулами будто проплывали сквозь фосфолипидные молекулы (с тонким слоем холестериновых молекул внизу). Они то открывались, то закрывались.

— Что-то происходит,— сказал Моррисон, чуя движение корабля, несмотря на мелкую дрожь инерции, которая соответствовала их незначительной массе.

— Нас засасывает,— отметил Конев.

Дежнев кивнул:

— Похоже на то.

— Именно,— подтвердил Конев.— Она будет засасывать нас глубже и глубже, обволакивая со всех сторон, постепенно сужаясь. В конце концов полностью закроется, и корабль окажется внутри клетки.

Он был абсолютно спокоен. Так же, как и Моррисон. Они стремились к этому, и вот свершилось. Рецепторы продолжали смыкаться. Каждый из них удерживал молекулу, настоящую молекулу. Но одна была ложная — молекула-корабль. Поверхность клетки, как и предсказывал Дежнев, полностью сомкнулась, они очутились внутри.

— Итак? — спросил Дежнев.

— Мы внутри клетки,— сказала Калинина.— Кислотность постепенно повысится, и в определенный момент рецептор сам отпустит нас. Затем все рецепторы вернутся к клеточной мембране.

— А наша участь? — не унимался Дежнев.

— Поскольку клетка приняла нас за молекулу глюкозы, нас постараются метаболизировать, расщепить нас на более мелкие частицы и получить энергию,— пояснила Калинина.

В этот момент пептидный рецептор отделился от корабля и уполз прочь.

— А не слишком ли опасно метаболизировать нас? — продолжал расспрашивать Дежнев.

— Не думаю,— уверенно вступил в разговор Моррисон.— Нас притянет к себе соответствующая молекула энзима. Но она быстро поймет, что мы не представляем для нее ценности. Мы не содержим фосфатной группы, и, возможно, она отпустит нас. Ведь мы — поддельная молекула глюкозы.

— Но если эта молекула энзима отпустит нас, где гарантия, что другая не притянет к себе? И так до бесконечности?

— Если уж этот вопрос всплыл,— продолжал Моррисон, потирая подбородок и ощущая появившуюся щетину,— может выйти и так, что нас не отпустят даже первые молекулы, если мы не оправдаем их ожиданий.

— Великолепно,— с возмущением буркнул Дежнев.

Неожиданно он заговорил велеречиво и напыщенно, как всегда в минуты глубокого волнения. Моррисон теперь понимал далеко не все:

— То есть получается, что нам грозит на веки вечные застрять в лапах какого-нибудь энзима или переходить от одной молекулы к другой, словно переходящее красное знамя, и так до конца своих дней. Мой отец в таких случаях говорил: «Если тебя от пасти волка спас голодный медведь, то поверь, повода для радости нет».

— Прошу заметить,— внесла ясность Калинина,— еще ни одна молекула энзима не проявила к нам интереса.

— А почему? — поинтересовался Моррисон, который тоже успел это заметить.

— Все из-за небольших изменений в электрическом заряде. Нам пришлось стать молекулой глюкозы, чтобы проникнуть в клетку. Теперь, когда мы уже в клетке, нет необходимости оставаться глюкозой. Мы можем превратиться во что-нибудь другое.

Баранова уставилась на нее:

— А разве не все молекулы подвергаются метаболическому изменению?

— Как оказалось, нет,— продолжала Калинина.— Глюкоза и любой другой простейший сахар имеют определенную молекулярную структуру в организме, мы называем ее дектрозой. Я же создала ее зеркальное отображение. Мы стали Л-глюкозой, и теперь никакая молекула энзима не станет притягивать нас. Точно так же, как никто из нас не станет напяливать правую туфлю на левую ногу. В результате мы можем свободно передвигаться.

Оболочка, которая окутала корабль при вхождении в клетку, лопнула, и Моррисон отложил все попытки понять, что же происходит вокруг. Частицы молекул поглощались огромными молекулами энзима, которые сначала захватывали жертву в плотное кольцо, а затем подвергали сильному давлению. После этого наступало непродолжительное затишье. Выжатые частицы тут же высвобождались и захватывались другими энзимами.

Все происходящее являлось анаэробным этапом процесса, где не участвовали молекулы кислорода. Действо заканчивалось расщеплением молекулы глюкозы с ее шестью атомами

углерода на две трехуглеродные частицы. В результате выделялось небольшое количество энергии, и частицы для дальнейшей обработки и завершения процесса передавались метохондрии, где уже использовался кислород. В качестве катализатора сюда была помещена универсальная энергетическая молекула АТФ. А завершался весь процесс возникновением еще одной молекулы АТФ, с гораздо большим запасом энергии.

Моррисону вдруг захотелось бросить все и заняться изучением метохондрии, маленькой энергетической фабрики клетки. Ведь, по идее, он еще не видел ни одного полностью рафинированного за время метохондрического процесса элемента. Но доктор стоически отогнал от себя эти мысли. Важнее всего в данный момент были скептические волны. Он заставил себя отвлечься от всего остального, отодвинув в дальний угол свою любознательность.

По-видимому, и Конев боролся с похожими чувствами, так как произнес:

— Наконец-то мы внутри нейрона. Давайте, Альберт, хватит строить из себя любопытствующих туристов. Как там поживают наши скептические волны?

Глава 14

АКСОН

«Тот, кто готов платить за ваши идеи,— излишне щедр».

Дежнев-старший

59

Моррисон, услышав слова Конева, снова впал в раздражение. Определенно этот человек постоянно выводил его из себя одним своим присутствием. Доктор молчал. Он продолжал рассматривать внутреннее строение нейрона, но не узнавал ничего вокруг. Там были фибры, изогнутые пластинки, какие-то частицы неопределенного размера и непонятной формы. Появилось ощущение, что в клетке имеется своего рода хребет, удерживающий в определенном порядке один из самых больших элементов — органеллы. Но рассмотреть это явление досконально представ-

лялось невозможным, поскольку корабль шел слишком быстро, как будто плыл вниз по течению. Движение здесь ощущалось гораздо сильнее, чем в потоке крови. Видимо, потому, что наряду с ними двигались еще какие-то мелкие частицы, тогда как большие объекты оставались на месте.

В конце концов Моррисон сказал:

— Мы движемся так быстро, что движение искажает скептические волны.

— Вы с ума сошли? — проворчал Конев.— Мы движемся медленно. Нас несет внутриклеточный поток. Это еще раз подтверждает, что все малые молекулы соответствуют структуре органеллы клетки. Если измерять по обычной шкале, то наша скорость чрезвычайно мала и лишь кажется быстрой по нашей минимизированной шкале. Вам прочесть курс лекций по физиологии клетки?

Моррисон прикусил губу. Конечно, Конев абсолютно прав. А он опять забыл, как минимизация искажает восприятие окружающего.

— Но все равно будет лучше,— не собирался сдаваться Моррисон,— если мы снова станем Д-глюкозой и позволим энзиму захватить нас. Скорость уменьшится и улучшит прием скептических волн.

— Нам не нужно сбавлять ход. Нервный импульс в реальном мире движется со скоростью минимум два метра в секунду, а при наших размерах его скорость превышает скорость света в семьдесят раз. По сравнению с этим наша скорость, как бы велика она ни казалась, на самом деле мизерна. Даже двигаясь к нервному импульсу со скоростью космического корабля, мы будем стоять на месте.

Моррисон поднял вверх руки в знак полной капитуляции. Внутренне он кипел от ярости. Доктор люто ненавидел людей, которые всегда оказывались правы. Непроизвольно он взглянул в сторону Калининой. Он не почувствовал, что теперь и она презирает его. Но девушка спокойно, без тени насмешки, открыто ответила на молчаливый вопрос Моррисона. Словно спрашивая: «А что вы хотели услышать от этого фанатичного типа?»

Моррисон обернулся. Баранова, судя по всему, вообще не придала значения их разговору. Она увлеченно занималась своими приборами. Моррисону вдруг захотелось узнать, о чем это

она так напряженно думает, когда двигатели отключены и корабль уносит течением.

Дежнев во время дрейфа был единственным членом экипажа, сидевшим без дела. Он разве что мог пялиться на картину, открывающуюся снаружи, и прислушиваться к перепалкам товарищей.

— Давайте же, Альберт,— сказал он,— ловите ваши скептические волны и проясните нам ситуацию. И покончим с этим. Может, это и чертовски привлекательно — находиться внутри клетки,— но меня это не радует. Я сыт по горло. Не зря отец говаривал: «Самая волнующая часть путешествия — возвращение домой».

Тут же на него налетела Баранова:

— Аркадий!

— Да, Наташенька, я весь внимание.

— Отложи хоть пару фраз на завтра. Хватит досужей болтовни.

Моррисон заметил легкую улыбку, тронувшую ее губы.

— Хорошо, Наташа. Не одобряю твоего сарказма, но безоговорочно подчиняюсь.

Он тут же замурлыкал под нос какой-то веселенький игривый мотивчик.

Моррисон вдруг удивился сам себе. Они немногим менее пяти часов провели на борту корабля, хотя порой казалось, что прошла целая вечность. Но сейчас, в отличие от Аркадия, позабыв о страхе, доктор ни за что не согласился бы повернуть назад. Его охватил азарт исследователя.

Калинина, видимо, думала то же самое. Она произнесла:

— Позорище, попасть внутрь самой сложной из всех живых клеток — и ни черта не исследовать ее!

— Как раз это...— начал было Моррисон, но передумал, и незаконченная фраза повисла в воздухе.

Конев взмахнул рукой, словно разгонял приставучих комаров:

— Черт с ней, с клеткой. Перед нами стоят определенные задачи. Альберт, настраивайтесь на скептические волны.

— Именно этим я и занят,— сухо ответил Моррисон.— Вернее, уже все сделал. Посмотрите!

Конев отстегнул ремень и взглянул на экран:

— Волны кажутся более четкими.

— Они и в самом деле более четкие. Кроме того, более интенсивные из всех, что приходилось видеть. Рано или поздно колебания станут настолько точными, что передадут вибрацию даже одного-единственного электрона. Тогда мы примем во внимание принцип неопределенности.

— Вы забываете, что мы минимизированы и постоянная Планка для нас на девять порядков меньше, чем в обычных условиях.

— Это вы забываете,— возразил Моррисон, радуясь, что наконец-то появилась возможность уесть Конева,— что волны редуцируются задолго до того, как достигают нас. Эти волны находятся именно там, где должны быть согласно принципу неопределенности.

Конев неуверенно произнес:

— Это не имеет значения. В данный момент мы ведем наблюдения, и ничего неопределенного в этом нет. Ну и что все это означает?

— Подтверждение моей теории,— победно продолжал Моррисон.— То, что я и должен был увидеть внутри клетки, если мое объяснение активности скептических волн верно.

— Я не о том. Мы начинали с предположения, что ваша теория верна. Теперь это доказанный факт. И я вас поздравляю. Но о чем думает Шапиров, судя по этим волнам?

Моррисон покачал головой:

— У меня нет абсолютно никаких данных, как соотносятся такие волны с волнами мышления. Потребуются годы, чтобы найти это соотношение, если оно вообще когда-нибудь будет найдено.

— Но может быть, скептические волны, при условии четкости и интенсивности, оказывают воздействие на ваш мозг? Проявляются какие-нибудь образы?

Моррисон немного подумал и отрицательно помотал головой:

— Ни-че-го.

И вдруг послышался сдавленный голос Барановой:

— Я что-то улавливаю, Альберт.

Моррисон обернулся:

— Вы?

— Да, может, это и странно...

Конев тут же потребовал:

— Что? Что ты чувствуешь, Наталья?

Баранова заколебалась:

— Любопытство. Видите ли, нет никакого определенного образа. Просто ощущение. Я чувствую любопытство.

— Вполне понятно,— объяснил Моррисон.— Вполне объяснимое чувство. И вовсе не обязательно, что оно передалось от кого-то.

— Нет-нет. Я знаю собственные мысли и чувства. Это пришло извне.

— Вы ощутили его только сейчас? — спросил Моррисон.

— Да, именно сейчас.

— Ну хорошо. А что теперь?

Брови Барановой взлетели от удивления:

— Оно внезапно прекратилось. Вы выключили свою машину?

— Да. А теперь расскажите, что с вами случилось.

Он многозначительно глянул на Калинину, выражая молчаливую просьбу не подсказывать, когда он включит и выключит компьютер. Но Софья ими не интересовалась. Она восхищенно смотрела на клетку, пытаясь запечатлеть в памяти это маленькое чудо, созданное природой.

Он скомандовал:

— Наталья, закройте глаза, соберитесь с мыслями. Когда что-либо почувствуете, скажите «да», а если ничего не будет, то «нет».

Немного подумав, та согласилась.

Моррисон обратился к Коневу:

— Машина подает сигналы, когда ее включаешь или выключаешь? Можно что-либо услышать или почувствовать?

Конев отрицательно покачал головой:

— Не слышу и не чувствую ничего.

— Тогда нет никакой ошибки: ощущения возникают, лишь когда машина включена.

Дежнев, который, в отличие от Калининой, увлекся разговором, спросил:

— Но почему? — Его глаза сузились.— Ведь импульсы мозга есть здесь, на нашем корабле, независимо от того, улавливает

их ваша машина или нет. И она запросто может ощущать любопытство все время, без каких-то перерывов.

— Нет-нет,— возразил Моррисон.— Дело в том, что машина производит фильтрацию скептических волн и мы получаем чистую волну, без помех. Без компьютера каждый ощущает смешанные чувства, букет различных ощущений. Машина же улавливает только скептические волны, еще раз доказывая правильность моей теории.

— Но я? Я ведь ничего не ощущаю,— нахмурился Дежнев.— Разве это не доказывает обратное?

Моррисон причмокнул губами:

— Видите ли, мозг — сложнейший механизм. Наталья что-то чувствует, вы — нет. Что касается меня, сейчас я тоже ничего не ощущаю. Но, по-видимому, данные скептические волны имеют окраску, подходящую именно к мозгу Натальи, а к нам — нет. По вполне понятным причинам я не могу объяснить вам все сразу. А вы, господин Конев, чувствуете что-нибудь?

— Нет,— недовольно буркнул тот.

— Я почувствовал кое-что, когда мы были в межклеточной жидкости.

Моррисон покачал головой, но ничего не сказал. Конев взорвался:

— Наталья, в конце концов, кроме любопытства есть еще что-либо?

— Нет, Юрий, ничего,— ответила Баранова.— Сейчас нет. Но ты же знаешь Петра Шапирова. Его занимало практически все.

— Я-то знаю. Но что толку? Альберт, в каком направлении мы движемся?

— Вниз по течению,— ответил Моррисон.— Единственное направление, в котором мы можем двигаться.

— Изволите шутить? — разозлился Конев.

— Вовсе нет. Вы спросили, в каком направлении мы движемся. Что еще я мог ответить? Разве что обратиться к компасу.

— Прошу прощения,— слегка угомонился Конев.— В этом месте поток течет в одну сторону. А с другой стороны клетки — в обратную. Это не что иное, как циркуляция. Но первый импульс всегда передается в одном направлении — от дендритов

к аксону. Меня интересует, с какой стороны клетки мы находимся. Насколько совпадает направление нашего движения с направлением нервного импульса?

— А что, это важно? — поинтересовался Моррисон.

— Думаю, да. Может ли ваш прибор определить, в каком направлении передвигаются импульсы?

— Конечно. Если посмотреть на график, то легко разглядеть, идут ли импульсы нам навстречу или же мы двигаемся с ними в одном направлении.

— Ну и что?

— Наше движение совпадает.

— Прекрасно. Нам повезло. Таким образом, мы двигаемся по направлению к аксону.

— Похоже на то...

— И в чем соль? — послышался голос Барановой.

Конев принялся раздраженно объяснять:

— Скептические волны движутся вдоль поверхности клетки. Клетка здесь широкая и относительно большая. Скептические волны рассеиваются по поверхности значительных размеров, соответственно, снижая свою интенсивность. Приближаясь к аксону, поверхность клетки сужается. Аксон представляет собой длинный отросток, он по сравнению с клеткой очень узок. Когда волны проходят по эдакой узкой трубке, они концентрируются в одной точке, становясь более ощутимыми. Кроме того, аксон покрыт толстым миелиновым слоем, не пропускающим энергию волн наружу. Это способствует сохранению внутри аксона.

— Значит, наиболее эффективные результаты легче получить, находясь в аксоне?

— Если ты почувствовала любопытство уже сейчас, то внутри аксона восприятие обострится. И вполне возможно, ты узнаешь, чем же вызвано любопытство Шапирова, каков предмет его интереса.

— Может оказаться, что для нас это вряд ли будет иметь особое значение,— задумчиво произнес Моррисон.— Может, он просто пытается понять, почему его так скрутило?

— Нет,— категорично заявил Конев,— его не может интересовать такая чепуха. Вы не знаете Шапирова.

Моррисон согласился:

— Да, действительно, я не был с ним близко знаком.

— Все свободное время, не занятое сном, он посвящал изучению процесса минимизации,— продолжил Конев.— Не удивлюсь, если и сны тоже. В течение последнего времени, вплоть до несчастного случая, все его помыслы касались исключительно связи между квантовой теорией и теорией относительности. Он рассуждал, как стабилизировать и обезопасить процессы минимизации и деминимизации.

— В таком случае,— вставил Моррисон,— почему он не намекнул на новые достижения?

— Ребячливость. Мы были в курсе темы его исследований, но насколько успешны поиски и в каком направлении они ведутся — не знали никогда. Он предпочитал молчать, пока работа не получит завершения. Ты же знаешь, Наталья, как он обожал подобные спектакли. Вспомни окончание исследования по самой минимизации. Когда он наконец написал работу...

Моррисон, как бы между прочим, поинтересовался:

— Она была опубликована?

Конев презрительно хмыкнул:

— Нет, не была. Вышла ограниченным тиражом, лишь для тех, кому это положено знать по долгу службы. Для вас она под семью замками.

— Прекрати наносить оскорбления Альберту,— не выдержала Баранова.— Он член экипажа и наш почетный гость. Что за придурь видеть везде шпионов.

— Как прикажете, товарищ начальник,— процедил Конев.— И тем не менее единственная занимавшая разум Шапирова идея, даже Наталья в курсе,— соотношение теории кванта и теории относительности. Если нам удастся получить любые обрывки информации об этом, сразу появится точка отсчета.

— И ты считаешь, реально отыскать в аксоне эту информацию?

— Да, уверен в этом.— Конев сжал кулаки, словно готовился силой доказывать свою правоту.

Моррисон глазел по сторонам. Лично он ни в чем уверен не был. Ему вообще показалось, что корабль теперь движется в обратном направлении. Он постарался скрыть свои мысли, но его так же, как и Конева, охватило страшное волнение.

Впереди виднелись неясные очертания каких-то объектов, их течением проносило мимо корабля, и они тут же исчезали из виду. Что это было? Рибосомы? Аппарат Гольджи? Фибриллы или нечто другое? Моррисон не мог определить. Если вести наблюдения, будучи размером с молекулу, то все покажется неузнаваемым, какие бы ясные очертания оно ни имело и каким бы знакомым ни казалось.

Эти непонятные объекты бороздили неведомые просторы, и Моррисону, как он ни старался, никак не удавалось охарактеризовать объект, который в данный момент подвергался его пристальному изучению и выглядел на мониторе в виде привычной картинки. Больше всего на свете ему хотелось сейчас узнать, есть ли там, куда не достигает прожектор корабля, основа клетки — ее ядро. Разве можно, зная, что оно где-то под самым носом, так никогда его и не увидеть! Он попытался сосредоточиться на том, что происходило за стенами корабля. Ему казалось, что клетка на девяносто восемь процентов состоит из молекулы воды, что и поспособствовало их превращению в частицу данного организма. Но полной уверенности не было. Вдали, сколько ни напрягай зрение, ничего не увидишь, лишь слабые мерцания. Вероятно, фотоны, отражаемые поверхностью молекул, возвращались обратно к кораблю.

От созерцаний и размышлений доктора оторвала Софья. Девушка склонилась над ним, ее волосы коснулись его лица, и снова он ощутил чудный аромат, который не мог оставить его равнодушным.

— Это какой-то кошмар, Альберт,— шепнула она.

Идиллию нарушила правда жизни. Моррисон вдруг почувствовал неприятный запах из ее рта и невольно отпрянул.

Софья смутилась и, потупив глаза, тут же прикрыла рот ладошкой, виновато пробормотав:

— Извините.

Моррисон улыбнулся:

— Да что вы, право слово. Я и сам благоухаю отнюдь не розовыми лепестками. Отсутствие еды и постоянное напряжение. Все, что нам нужно,— это глоток воды... Наталья,— окликнул он Баранову.

Все выпили по глотку воды и ощутили прилив бодрости.

Калинина с мягкой улыбкой протянула Моррисону маленький беленький шарик:

— Хотите мятное драже?

Моррисон взял его:

— Оно и в самом деле мятное?

Софья снова повторила:

— Это ужасно, Альберт.

— Что ужасно, Софья?

— Как можно позволить себе проплыть через клетку, не изучив ее детально?

— Увы, перед нами стоит другая задача.

— А если пройдет еще много-много лет, прежде чем кто-либо другой снова проникнет в клетку? Или мы окажемся первыми и последними побывавшими здесь людьми. И тогда, узнав, что мы так и не удосужились изучить клетку, нас по праву окрестят варварами.

Калинина перешла на шепот, ее дыхание приятно щекотало ухо профессора.

Неужели чувство опасности так притупилось, что он спокойно воспринимал тот риск, которому они подвергались, разгуливая по краю бездны, под дамокловым мечом деминимизации? Он, вместо того чтобы страшиться за свою судьбу, спокойно наслаждался обществом красивой девушки. Естественно, подумалось Моррисону, так и должно быть. Прекрасные дамы во все времена спасали от самых мрачных предчувствий и упадничества.

Он отчетливо вспомнил образ счастливой, улыбающейся, красивой девушки, возникший в его воображении. Но образ ведь был не его; та мысль внезапно пришла из ниоткуда. Теперь она снова явилась к нему и наполнила сердце теплотой. У Моррисона вдруг возникло острое желание поцеловать Софью. Просто легонько дотронуться губами до ее щеки, но он поборол себя. Он побоялся выглядеть совершенным идиотом и поэтому лишь тихо сказал:

— Люди будущего поймут, что у нас не было выбора.

— Конечно,— улыбнулась Софья, кинув быстрый взгляд на Конева, который старался казаться невозмутимым, когда девушка высказывала свое мнение.

Она повернулась к своему компьютеру, переключила его на текстовый редактор и быстро набрала: «Юрий — фанатик, он пожертвует всем ради идеи. Улавливать мысли на расстоянии практически невозможно, но он попытается доказать обратное». Затем она стерла сообщение и набрала следующее: «Он пожертвует нами». И все снова стерла.

Вместо «нами» читай — «мной», с грустью подумал Моррисон. Он с тревогой глянул на монитор своего компьютера, и ему показалось, что кривая активности мозга Шапирова стала более интенсивной. Он вгляделся в экран, пытаясь понять, как близко они подобрались к аксону и где теперь находятся, но безуспешно. Тогда он отключил излучение и перевел компьютер в текстовой режим, а затем набрал фразу: «Нет. Он готовит на заклание себя».

Калинина нервно напечатала: «Такие люди, как он, никогда не становятся жертвами самих себя».

Моррисон с тоской вспомнил бывшую жену, дочерей, неспособность убедительно доказать собственную позицию и невозможность отказаться от нее. «Я думаю, каждый из нас прежде всего жертва самого себя»,— написал он. Затем быстро переключил компьютер на режим приема волн.

У него перехватило дыхание. Волны на экране показывали высокую интенсивность, и это несмотря на небольшую мощность излучения.

Он открыл было рот, спеша прокомментировать увиденное, но его опередил Дежнев:

— Клеточная мембрана поворачивает в сторону, мы следуем за ней.

«Вот и объяснение,— с интересом подумал Моррисон.— Клетка сужается по направлению к аксону, и скептические волны становятся концентрированнее. Прибор, отфильтровывая лишние синусоиды, начнет распространять скептические волны внутрь корабля. Что в итоге мы получим?»

— И что же? — самодовольно произнес Конев.— Альберт, пора врубать свой агрегат на полную катушку. Надеюсь, мы получим хотя бы ответ или намек на него.

— Я уже заждалась,— послышался голос Барановой.

— Запасись терпением,— сказал Дежнев.— Как говорил мой отец: «Чем сложнее докопаться до сути вещей, тем интереснее она окажется».

Моррисон отметил нервное напряжение Конева. Юрия почти трясло в предвкушении триумфа, однако сам доктор не разделял этих треволнений.

61

Моррисон осмотрелся. Они находились в аксоне, сносимые потоком внутриклеточной жидкости. Как уже упоминалось, в реальном мире аксон был необычайно тонким отростком, теперь же его ширина равнялась сотне километров. Что же касается длины, то он оказался длиннее клетки. Путешествие от одного конца аксона к другому вполне могло приравниваться к полету на Луну и обратно. С другой стороны, благодаря миниатюризации их скорость теперь приближалась к скорости света. Однако они не могли прочувствовать это на себе. Корабль продвигался вместе с течением жидкостей в теле, и на его пути теперь попадалось гораздо меньше макромолекул, чем в самой клетке. Если нечто и вставало на пути, то оно двигалось с огромной скоростью, не давая разобраться в ситуации.

После безуспешных наблюдений все стали следить за экраном. Скептические волны становились интенсивнее. Кроме того, с увеличением помех затруднилось их выделение. Из-за сильной вибрации на экране снова нарисовалась кривая зубчатой формы. Поэтому не удавалось получить всю информацию в деталях. Возникла необходимость включить волновой фильтр.

Конев отстегнул ремень безопасности и благоговейно склонился над экраном.

— Никогда не видел ничего подобного,— выдохнул он.

— Не вы один,— отозвался Моррисон,— а ведь я изучаю скептические волны вот уже двадцать лет.

— Следовательно, я был прав насчет аксона?

— Возможно, Юрий. Но заметьте, частицы сконцентрировались в одном месте.

— И что это значит?

Моррисон беспомощно развел руками:

— Понятия не имею. Поскольку ни разу не сталкивался с таким явлением.

— Нет-нет,— нетерпеливо прервал его Конев.— Вы уткнулись носом в экран, а я все думал об индукции. Наш мозг —

самый настоящий рецептор, так же как и ваша программа. Вы сейчас что-нибудь чувствуете? Воспринимаете образы? Слова?

— Ничего,— ответил Моррисон.

— Но это невозможно!

— А разве вы что-то улавливаете?

— Это ваша программа. Как я уже говорил, она настроена на ваше восприятие.

— Но и у вас уже возникали видения!

Тут в разговор вмешался Дежнев:

— Между прочим, мой отец говорил: «Если хочешь быть услышанным, научись слушать».

Баранова согласилась:

— Дежнев-старший был прав.

Конев тяжело вздохнул и примирительно произнес:

— Ну что ж, давайте вернемся к делу.

На корабле воцарилась напряженная тишина. Немного спустя послышался робкий голос Калининой:

— Нет времени.

— Почему нет времени, Софья? — поинтересовалась Баранова.

— Это просто фраза: «Нет времени».

— Ты хочешь сказать, синтезировала эту фразу из скептических волн Шапирова?

— Не знаю. А это возможно?

В разговор вступила Баранова:

— Послушайте, минуту назад у меня была та же самая мысль. Мне пришло в голову, что лучший способ решить нашу проблему — это исследовать записанные с экрана скептические волны и ждать результатов. Вполне возможно, сама структура останется прежней, но какие-то изменения в ней произойдут. И вот тогда я подумала, что нам придется очень долго ждать и что у нас для этого нет времени.

— Другими словами,— сказал Моррисон,— вы подумали: «Нет времени».

— Да,— подтвердила Баранова,— но это моя собственная мысль.

— Откуда вы знаете? — спросил Моррисон.

— Я знаю свои собственные мысли.

— Вы также знаете собственные сны, но порой сны базируются на посторонних, чужеродных фактах. Допустим, вы уловили мысль: нет времени. Но без привычки читать мысли на расстоянии выстраиваете логическую цепочку: вам кажется, что это была ваша собственная мысль.

— Может, и так, но как отличить одно от другого?

— Не знаю. У Софьи возникла та же самая фраза; не думала ли она сама о чем-нибудь таком, из-за чего ей в голову пришла эта фраза?

— Нет, я старалась вообще не думать,— ответила Калинина,— она возникла сама собой.

— Что касается меня, я ничего не почувствовал,— сказал Моррисон.— А вы, Юрий?

Конев определенно расстроился:

— Нет, абсолютно ничего.

— В любом случае,— задумчиво продолжал Моррисон,— это еще ничего не значит. Такая мысль могла возникнуть в голове Натальи, логично вытекая из предыдущих, не имея при этом абсолютно никакого значения. Но даже если она пришла к нам от Шапирова, то толку от нее нам никакого.

— Может быть,— произнес Конев,— а может, и нет. Вся его жизнь и ум всегда были связаны с проблемами минимизации. Обычно ни о чем другом он не думал.

— Вы постоянно твердите об этом,— возразил Моррисон,— но на самом деле это ерунда. Никто не может жить, думая о чем-то одном. Даже влюбленный Ромео не думал все время о Джульетте. Вы же не влезали в шкуру Шапирова, чтобы ручаться за его мысли.

— Тем не менее все, что говорит и думает Шапиров, для нас важно.

— Может быть, он пытался и дальше развить теорию минимизации, но вдруг осознал, что у него нет времени? — не унимался Моррисон.

Конев отрицательно мотнул головой, скорее всего он гнал от себя невеселые мысли:

— А если Шапирову пришло в голову, что любая минимизация, при которой увеличение скорости света происходит пропорционально уменьшению постоянной Планка, способна производить мгновенные изменения? В результате скорость света

значительно увеличивается, так же как скорость невесомого, или почти невесомого, объекта, причем во много раз. Таким образом, ему практически удалось оторваться от понятия «время», и поэтому он мог с гордостью себе сказать: «Нет времени».

— Притянуто за уши,— хмыкнула Баранова.

— Конечно,— согласился Конев,— но есть над чем подумать. Мы должны записывать любые впечатления, независимо от того, имеют они значение или нет.

— Я и так намерена этим заняться вплотную,— ответила Баранова.— Помолчим. Удастся ли нам уловить что-нибудь еще?

Моррисон старался изо всех сил, сдвинув у переносицы брови. Вдруг раздался шепот Конева:

— Мне послышалось следующее: «*Пи* умножить на *с* равняется *m* разделить на *s*...»

Моррисон согласился:

— И я тоже слышал, но мне кажется, последним было *m* умножить на *с*.

— Нет,— твердо возразил Конев.— Попробуйте еще...

Моррисон снова сконцентрировался и потом в замешательстве произнес:

— Да, вы правы: *пи* умножить на *с* равно *m*, деленному на *s*. И что это означает?

— А кто знает. Как бы там ни было, если это мысли Шапирова, то они обязательно что-то значат. Можем предположить, что *пи* — это частота излучения, *с* — скорость света, а *m/s* — стандартная масса, то есть масса покоя в нормальных условиях. В свете...

Баранова предостерегающе подняла руку. Конев тут же остановился. Смутившись, он оборвал сам себя на полуслове.

Моррисон ехидно усмехнулся:

— Запретная тема?

Продолжить препирательства им помешал обиженный голос Дежнева:

— Интересно, вы там слышите какие-то формулы, а я вообще ничего не чувствую! Что я, не ученый, по-вашему, или глухой пень?

— Уверяю тебя, способность слышать совершенно не зависит от профессиональной принадлежности,— успокоил его Моррисон.— Мозг каждого уникален. Вполне возможно, он и раз-

личается по такому же принципу, как группы крови. Твой мозг, возможно, совершенно не такой, как у Шапирова. И поэтому между вами не возникает плоскости пересечения.

— Только у меня?

— Нет, что ты. Ты же заметил, Софья и Наталья услышали одну и ту же фразу, а мы с Юрием остались ни с чем. И наоборот.

— Двое мужчин и две женщины,— проворчал Дежнев.— А кто же я тогда?

— Мы теряем время,— нетерпеливо махнул рукой Конев.— Нечего зацикливаться на мелочах. Нам предстоит многое услышать, а времени очень мало. Если ты постараешься сосредоточиться, Аркадий, то, возможно, тоже что-нибудь почувствуешь.

И снова установилась мертвая тишина. Время от времени ее нарушали краткие реплики о только что услышанном слове или появившемся образе. Вклад Дежнева в общую копилку по-прежнему был сомнительный:

— Я ощущаю чувство голода, но, вполне возможно, оно мое собственное.

— Несомненно,— раздраженно глянула на него Баранова.— Утешайся мыслью, Аркадий, что, вернувшись, ты получишь по нескольку порций каждого блюда.

Дежневу такая перспектива показалась радужной, и он утих.

— Итак, пока мы не наткнулись на что-то более или менее существенное или необычное, я еще раз заявляю: даже у Шапирова большинство мыслей связано с обыденной жизнью,— сказал Моррисон.

— И тем не менее,— проворчал Конев,— продолжаем слушать.

— И как долго?

— До конца аксона. До самого конца.

— А потом? Направимся в синапс или вернемся обратно?

— Рискнем подойти к синапсу как можно ближе. Вплотную приблизимся к соседней клетке и начнем улавливать скептические волны. Тогда, в критическом месте передачи импульса, работать станет еще легче.

— Да, конечно, Юрий, но ты не капитан,— возразил Дежнев.— Наталья, солнышко, ты меня поддерживаешь?

— А почему бы и нет? — ответила Баранова.— Юрий прав. Синапс — уникальное место, и мы ничего о нем не знаем.

— К сожалению, мы уже израсходовали половину запаса энергии. Как долго мы собираемся пробыть тут?

— Достаточно, чтобы достичь синапса.

И снова повисла тишина.

62

Корабль продолжал двигаться вдоль нескончаемого аксона. Конев все больше и больше брал бразды правления в свои руки.

— Что бы вы ни почувствовали, обязательно говорите. Не имеет значения, слово это или целая тирада, со смыслом или без. Если это образ, запомните его. Даже если считаете, что это ваша собственная мысль, все равно поделитесь.

— Ты слишком болтлив,— заявил Дежнев, раздраженный своим невезением.

— Может быть, но две или три подсказки могут решить все. Ведь мы не в состоянии определить, что имеет значение, а что нет, до тех пор, пока не изучим материал полностью.

На это Дежнев ухмыльнулся:

— Если я что-то почувствую, мне тоже говорить?

— Обязательно,— ответил Конев.— Если ты такой нечувствительный, то все, что прочувствуешь, может оказаться особенно важным. А теперь хватит разговоров. Каждая секунда может стоить нам научного факта.

И снова потекли разрозненные фразы, уловить смысл которых, по мнению Моррисона, представлялось невозможным.

Все удивились, когда Калинина вдруг сказала:

— Нобелевская премия!

Конев отвлекся, но, поняв, кто это произнес, промолчал.

Моррисон, стараясь не задевать чувства Конева, спросил:

— Ты тоже это услышал, Юрий?

Конев кивнул:

— Да, и в тот же самый момент.

— Итак, первое пересечение мыслей мужчины и женщины,— произнес Моррисон.— Видимо, Шапиров подумал об этом в связи с развитием теории минимизации.

— Несомненно. Но он бы и так получил Нобелевскую премию за то, что уже сделал в этой области.

— Которая засекречена и поэтому неизвестна общественности,— поддел их доктор.

— Да, но, поскольку процесс движется к завершению, гриф секретности будет снят.

— Надеюсь,— съязвил Моррисон.

Конев огрызнулся:

— Мы не намного скрытнее, чем американцы.

— Хорошо, я не спорю,— мягко согласился Моррисон, но при этом все-таки ухмыльнулся, еще больше раздразнив Конева.

Вдруг выступил Дежнев:

— Хокинг.

Брови Моррисона поднялись домиком. Этого он не ожидал.

Баранова недовольно спросила:

— Что это значит, Аркадий?

— Я сказал «Хокинг»,— обиженно ответил Дежнев.— Оно само появилось у меня в голове. Вы же сами велели выпаливать все подряд, что придет на ум.

— Это английское слово, оно означает «шипение» или «свист»,— сказала Баранова.

— Или «торговля»,— весело вклинился в разговор Моррисон.

Дежнев продолжал:

— Не знаю я никакого английского слова. Я решил, что это чье-то имя.

— Так оно и есть,— отозвался Конев.— Стефан Хокинг. Известный английский физик-теоретик, жил в прошлом веке. Я тоже о нем думал, потому решил, что это моя собственная мысль.

— Прекрасно, Аркадий,— одобрил Моррисон.— Это может пригодиться.

Лицо Дежнева осветила улыбка:

— Оказывается, я не настолько бесполезен. Как говорил мой отец: «Даже если речь мудреца коротка, к ней все равно стоит прислушаться».

Спустя полчаса Моррисон не выдержал:

— Мы к чему-нибудь придем, в конце концов? Мне кажется, что большинство слов и образов не имеют никакого значения. Фраза «Нобелевская премия» говорит нам лишь о том, что Шапиров надеялся ее получить, но мы это и сами знаем. Слово «Хокинг» — размышления о выдающемся физике и его работах, возможно, они имели какое-то отношение к теории минимизации, но какое именно, никто не знает.

Как ни странно, в разговор включилась Баранова, а не Конев. Юрий же, по-видимому, собирался с мыслями, чтобы хлестко ответить американцу.

— Альберт, мы имеем дело с огромной криптограммой. Шапиров в коме, его мозг не функционирует должным образом. Потому реплики случайны. Наш долг собрать все, не вдаваясь в подробности. Затем проштудируем материал в свете теории минимизации. Вполне возможно, найдется смысл даже там, где ты не увидел ничего. Обрывок фразы может объяснить всю теорию минимизации. Так что все, что мы делаем, наделено огромным значением, потому стоит продолжить.

Ее поддержал Конев:

— Кроме того, Альберт, мы приближаемся к синапсу. Здесь аксон заканчивается множеством тканей, каждая из которых, приближаясь вплотную, не соединяется с дендритами соседнего нейрона.

— В курсе,— нетерпеливо отмахнулся Моррисон.

— Здесь нервному импульсу, так же как и скептическим волнам, приходится перескакивать через образовавшуюся пропасть между тканями одного и дендритами второго нейрона. При этом основные мысли ослабляются меньше, чем второстепенные. Другими словами, если мы попробуем перебраться через синапс, то достигнем такого места, где без всяких помех зазвучат важные, самые сокровенные мысли.

— В самом деле? — заинтересовался Моррисон.— Понятие «избирательное ослабление импульсов» для меня в новинку.

— Таков результат исследований советских ученых.

— Ах!

Конев тут же завелся:

— Что вы хотите этим сказать? Вы не признаете право на успех за Советским Союзом?

— Нет-нет. Что вы...

— Конечно, для вас — если советское, значит, не имеющее веса в науке.

— Я хотел лишь сказать, что никогда не слышал и не читал об этом,— защищался Моррисон.

— Работа была проделана Настей Успенской. Я надеюсь, вам знакомо это имя?

— Естественно.

— Но вы никогда не читали ее работ, вы это хотите сказать?

— Юрий, мне не хватает времени перечитывать всю литературу на английском языке, не говоря уж...

— Я достану ее работы, чтобы ты занялся самообразованием.

— Спасибо. Но тогда все, что мы обнаружили, противоречит данной теории. Если в результате синапса выживает только незначительная часть мыслей, с учетом того, что в мозге биллионы подобных препятствий, то количество конечных мыслей будет ничтожно мало.

— Не все так просто,— возразил Конев.— Второстепенные волны не уничтожаются. Они продолжают распространяться, но с меньшей интенсивностью. Смысл в том, что в непосредственной близости от синапса основные мысли усиливаются.

— Есть доказательства? Или голословное предположение?

— Есть доказательство самой природы. А благодаря нашим экспериментам оно станет более очевидным. Я в этом уверен. Существуют люди с эффектом синапса выше среднего. Кто-то, например, умеет сосредотачиваться. А выдающиеся ученые, как правило, рассеянны.

— Хорошо-хорошо. Если мы обнаружим нечто подобное, я перестану с тобой спорить.

— А что будет, когда мы доберемся до конца аксона? — подал голос Дежнев.— Поток жидкости, несущий нас за собой, сделает там поворот и потащит обратно, но уже вдоль другой стенки аксона. Может, попытаться выйти из клетки через мембрану?

— Нет и еще раз нет,— возразил Конев — Мы разрушим клетку. Нам необходимо приобрести электрический заряд ацетилхолина. С ним импульс перебирается через синапс.

— Софья, ты можешь придать кораблю характеристики ацетилхолина? — уточнила Баранова.

— Могу, конечно,— ответила Калинина.— Но воздействие ацетилхолина начнется тут же при выходе из клетки.

— И тем не менее клетка должна попытаться избавиться от нас. Давай попробуем.

Путешествие вдоль нескончаемого аксона продолжалось.

63

Впереди показался конец аксона. Однако экран не отразил никаких изменений.

Конев обратил на это внимание первым. Он сосредоточенно искал что-то глазами и наконец обнаружил то, что искал. Моррисон отдал дань его целеустремленности. Он сам не менее внимательно наблюдал за происходящим, но так ничего и не заметил. Правда, Юрий сидел на переднем сиденье, а Моррисону приходилось выглядывать из-за его плеча. Однако это не послужило ему оправданием.

Даже при слабом свете прожектора бросалось в глаза, что впереди появилась дыра. Кроме того, течение изменяло свое направление. Аксон расходился на отростки, такие же дендриты, как и на другом конце нейрона, где находилось ядро клетки. Там, на самом конце, дендриты стали намного тоньше и их было меньше. Несомненно, часть клеточной жидкости направлялась в дендриты, но корабль несло основным потоком, который уже сворачивал в обратную сторону. Таким образом, у них не оставалось шансов.

Лучшим выходом из создавшейся ситуации стала бы попытка пробраться в первый встречный дендрит.

— Давай, Аркалий, давай! — закричал Конев, лишь после его выкриков остальные заметили, что находятся на самом краю аксона.— Включай двигатели, попробуй прорваться.

До Моррисона доносился громкий шум двигателей. Корабль пытался развернуться. Дендрит, к которому они направлялись, походил на трубу, уходящую вдаль. Она была так велика, что из всей окружности удавалось разглядеть лишь небольшой участок дуги.

Проблема крылась в том, как добраться до трубы, то есть преодолеть небольшой водоворот у края аксона, а также несущиеся сплошным потоком молекулы воды.

Корабль благополучно завершил трудный переход и погрузился в дендрит.

— Можешь выключить двигатели,— возбужденно произнес Моррисон.

— Еще не время,— проворчал Дежнев.— Мы находимся слишком близко к встречному потоку. Надо пробраться поближе к стенке.

Он умело подвел корабль к стенке дендрита. Теперь они двигались по течению. Дежнев наконец заглушил двигатель и смахнул со лба капельки пота:

— Любые наши кульбиты пожирают драгоценную энергию. Мы уже на пределе, Юрий, пойми это.

— Об этом позже,— отмахнулся Конев.

— Ой ли? — засомневался Дежнев.— Мой отец всегда говорил: «Позже, как правило, бывает слишком поздно». Наталья, не слушай Юрия. Я тут ему не доверяю.

— Успокойся, Аркадий. Я найду на него управу, когда вопрос станет ребром. Юрий, дендрит не слишком длинен?

— Мы скоро доберемся до конца.

— В таком случае, Софья, проследи, чтобы мы в любой момент смогли перейти в ацетилхолин.

— Хорошо, только подайте мне сигнал,— ответила Калинина.

— Юрий лучше меня справится, Софья. Увидев конец тоннеля, он гаркнет, как казак. Тогда и переключайся на ацетилхолин,— съязвила Наталья.

Они продолжали скользить вдоль трубчатого остатка нейрона, куда попали каких-то несколько минут назад.

Поскольку дендрит продолжал сужаться, Моррисону показалось, что он видит над собой небольшую арку. На самом деле это была иллюзия. Разум подсказывал ему, что даже в самом узком месте диаметр трубы составит несколько километров по отношению к их размерам. Как и предвидела Баранова, Конев издал утробный вопль, возможно, сам того не осознавая.

— Впереди конец. Скорей! Подключай ацетилхолин, прежде чем нас понесет обратно!

Пальцы Калининой застучали по клавишам. Корабль-молекула совершенно незаметно изменил свою структуру. Но где-то наверху уже появились ацетилхолины — рецепторы, возмож-

но, даже сотни рецепторов. Заряды сцепились друг с другом, положительный с отрицательным, отрицательный с положительным. Их выбросило из потока внутриклеточной жидкости через стенку дендрита. Несколько минут спустя они уже неслись между дендритами нейрона, который только что покинули, и дендритом соседнего нейрона.

Моррисон ничего не мог разглядеть. Ему показалось, что корабль скользил вдоль сложной белковой молекулы. И тут он приметил какую-то выгнутую поверхность. Нечто похожее он уже видел, когда корабль входил в первый нейрон.

Конев отстегнул ремень безопасности и возбужденно вскочил со своего места. Почти заикаясь, он выпалил:

— Согласно гипотезе Настасьи Успенской, фильтрация важных мыслей лучше всего осуществляется сразу после преодоления синапса. Когда мы приблизимся снова к клетке, дифференциация исчезнет. Так как в данный момент мы очень близки к соседнему дендриту, то имеющий уши да услышит. Будьте готовы ко всему. Повторяйте вслух все услышанное. Описывайте любые образы. Я буду вести запись на пленку. Ты тоже, Аркадий. И ты, Альберт. Поехали!!!

Глава 15

ОДНИ!

«В хорошей компании и помирать не страшно».

Дежнев-старший

64

Моррисон отрешенно наблюдал за происходящим. Он не собирался проявлять особую активность. Естественно, он поделится любой услышанной информацией. Его совесть просто не способна поступить иначе. Слева от него сидела Калинина, сумрачная и печальная. Моррисон наклонился к ней:

— Вы снова превратили нас в L-глюкозу?

Девушка кивнула.

Моррисон продолжил беседу:

— Вы в курсе гипотезы Настасьи Успенской?

— Не моя область. Я никогда не слышала о ней,— ответила Калинина.

— Вы верите в нее?

Она не попалась в ловушку:

— Не знаю, разве можно верить или не верить во что-то? Но он верит. Так ему хочется.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— Ничего особенного.

Дежнев, как всегда, молчал. Баранова время от времени бормотала какие-то слова, но весьма неубедительные. В отличие от всех Конев лучился энтузиазмом и развивал бурную деятельность. Однажды даже воскликнул:

— Кто-нибудь слышал? «Циркулярный ритм», «циркулярный ритм»?

Ответом ему было молчание, лишь немного погодя Моррисон спросил:

— А что это значит, Юрий?

Конев промолчал и тут же успокоился, молча наблюдая за ходом корабля.

— Ну, Юрий? — поинтересовалась Баранова.

Конев хрипло произнес:

— Не понимаю.

— Юрий, дружище,— сказал Дежнев,— может, нам просто попался плохой нейрон? Паршивец, который не хочет думать? Не попробовать ли другой, а потом еще и еще?

Конев зло посмотрел в его сторону:

— Мы работаем не с отдельными клетками, а с группой клеток, с миллионами клеток, которые, согласно теории Альберта, являются центром мышления. Что думает одна клетка, то же самое думают и все остальные, с легкими вариациями.

— И нам не придется шастать от одной клетки к другой? — не унимался Дежнев.

— Нет смысла,— ответил Моррисон.

— Отлично,— согласился Дежнев.— Тем паче что у нас нет ни времени, ни энергии. Каковы наши действия теперь?

Молчание нарушил голос Конева:

— Не понимаю. Настя Успенская не могла ошибиться.

Тут неожиданно подскочила Соня; отстегнув ремень, она страстно заговорила:

— Я хочу кое-что сказать, пусть меня не перебивают. Мы зашли слишком далеко. Конечно, эксперимент был необходим, но пора признать, что он бесславно провалился. Я никогда не верила сказкам.— Она резко махнула рукой в сторону Конева.— Но некоторые люди норовят заставить Вселенную плясать под свою дудку. Если что-то не получается, готовы применить силу. Но здесь они немного просчитались. Дело в том, что Природа никому не подвластна. Не могу знать, права Настя Успенская или нет. Так же как не могу судить, истинны теории Альберта или нет. Но я знаю прописную истину, известную каждому нейрофизику: мозг, с которым работают, должен быть абсолютно нормальным. Мозг же академика Шапирова таковым не является. На двадцать процентов он вообще не функционирует. Остальная часть воспринимает действительность в искажении, ведь академик, к несчастью, пребывает в коме. Шапиров не в состоянии мыслить нормальным образом, это поймет даже ребенок. Он словно опустевшая, обесточенная фабрика. Временами в нем вспыхивает искра разума, мелькают обрывки воспоминаний. Но кое-кто упорствует в своих заблуждениях.

Конев тоже отстегнул ремень и поднялся. Он мрачно посмотрел на Калинину. Моррисон даже поразился, как это Юрий отошел от собственных принципов и удостоил Софью взглядом. При этом лицо Конева не выражало ни ненависти, ни злобы, на нем читались лишь подавленность и смятение. Юрий быстро переключился на Баранову, голос его снова стал твердым:

— Наталья, ты знала об этом до начала эксперимента?

— Если ты имеешь в виду, говорила ли мне Софья об этом раньше? Нет, не говорила.

— Тогда почему члены экипажа, сомневающиеся в успехе предприятия, позволяют сеять панику и уныние в наших рядах? Почему она пошла на этот эксперимент?

— Потому что я — прежде всего ученый,— хлестко парировала Калинина, также апеллируя к Барановой.— Я надеялась исследовать эффект, получаемый от воздействия искусственных электрических структур на биохимические элементы. Я сделала свое дело, и для меня эксперимент прошел удачно. Как и для Аркадия, ведь корабль прошел все испытания. И для Альберта, поскольку он получил доказательства своей теории. И для

тебя, Наталья, так как ты сумела провести нас сюда, и, смею надеяться, мы так же благополучно вернемся обратно. Лишь только для одного человека,— она указала на Конева,— эксперимент стал полным провалом. Увы, спокойствие он обретет, только когда найдет силы признаться себе в ошибочных выкладках.

«Она снова жалит его»,— отметил про себя Моррисон.

Конев мужественно вынес отповедь Калининой. Он сохранял спокойствие, но при этом снова обратился к Барановой:

— Это не так. С самого начала было ясно, что не следует надеяться на то, что процесс мышления Шапирова останется прежним. Скорее всего, следовало ожидать, что мы получим разрозненные куски информации, как наделенные смыслом, так и пустые. И мы этого добились. Единственное, что нам не удалось, так это получить более высокий процент информации сразу после синапса. Это усложняет задачу, но отнюдь не перечеркивает ее. Мы получили свыше сотни фраз и образов. Не забывайте фразу «*пи* умножить на *с* равно *m*, деленное на *s*». Она может оказаться очень существенной.

— А не может случиться так, Юрий,— обратилась к нему Баранова,— что Шапиров силился вспомнить лишь часть какой-то математической формулы?

— Я размышлял над этим. Но почему она засела у него в мозгу? Необходимы вычисления и проверки. А сколько полезного мы могли бы узнать, попадись нам хоть одна фраза-подсказка! Тогда все сразу бы встало на свои места. У нас нет причин считать данный эксперимент неудавшимся.

Баранова кивнула:

— Будем надеяться, ты прав, Юрий. Но что нам делать теперь?

Конев с убеждением заявил:

— У нас осталась единственная возможность. Мы пытались улавливать мысли за пределами нейрона, в самом нейроне, внутри аксона, внутри дендритов, в синапсе. Но в каждом случае это было проделано внутри корабля, изолированно от окружающей его клетки.

— Значит,— сказала Баранова,— ты предлагаешь предпринять попытку провести данные испытания за пределами корабля, то есть в самой клеточной жидкости? Имея в виду, что человеку придется облачаться в пластиковый костюм.

— Пластиковый костюм не такой толстый, как стены корабля. Кроме того, компьютер все равно получит прямой контакт с жидкостью.

У Моррисона засосало под ложечкой:

— И кого ты предлагаешь для выполнения столь почетного задания?

Конев невозмутимо глянул в его сторону:

— Есть единственная возможность, Альберт. Компьютер — твое детище и приспособлен к твоему типу мозга. Ты самый чувствительный к мыслям Шапирова. Было бы непростительной глупостью посылать кого-нибудь другого. Я имею в виду только тебя.

65

У Моррисона внутри все сжалось. Ну уж нет! Никто не вправе заставить его повторить выход. Он намеревался откреститься от предложенной задачи, но во рту сразу пересохло, и он лишился дара речи. Он смог издать лишь какое-то гортанное сипение. В голове пронеслась мысль о собственной трусости. А ведь он только-только отделался от страха и стал спокойно, даже с удовольствием, бороздить просторы человеческого мозга.

— Только не это! — разлался вопль, но оказалось, это кричит не он. Кричала Калинина. Она стояла перед Барановой, столь сильно вцепившись в кресло, что костяшки ее пальцев побелели.

— Только не это, Наталья! — выкрикнула она снова, задыхаясь.— Это трусливое предложение. Бедный Альберт уже был там однажды. Он чуть не погиб. Если бы не он, мы бесславно затерялись бы в каком-нибудь капилляре и никогда бы не достигли этой клетки. Почему он должен переживать снова этот ужас? Кто внес это ценное предложение, тот пусть и претворяет его в жизнь.— Всем было понятно, о ком шла речь.— Он не должен подставлять других.

Моррисон, несмотря на страх, с любопытством наблюдал кипение страстей. Интересно, чем вызваны эмоции Софьи? Виной тому растущая симпатия к нему или же неприятие любой инициативы, исходящей от Конева? Где-то в глубине души он понимал, что причина все же не в Коневе.

Конев, стоически выслушивая речь Сони, набычился и покраснел. Тихим голосом, не терпящим возражений, он заявил:

— Трусость здесь ни при чем. Это лишь предложение, не лишенное смысла. Прибор создан Альбертом и настроен на его волну, никто не сможет лучше справиться с этой задачей. Разве наше великое дело должно страдать от чьих-то капризов?

— Резонно,— нервно кивнул Моррисон.— Но с чего вы решили, что снаружи улавливать волны эффективнее, чем изнутри?

— Пока не попробуем — не узнаем,— возразил Конев.— К тому же, учитывая предупреждения Дежнева, с каждой минутой наши запасы энергии уменьшаются, следовательно, у нас в запасе слишком мало времени. Вы должны повторить выход.

Моррисон тихо и безапелляционно решился поставить точку:

— Сожалею, но я не выйду.

Но Баранова уже сделала выбор. Она мягко проворковала:

— Боюсь, Альберт, вам придется пойти на это.

— Нет.

— Юрий прав. Вы и ваш прибор способны получить необходимую информацию.

— Уверен, результат будет точно такой же, как и здесь,— нулевой.

Баранова подняла обе руки:

— Догадки, предположения... Давайте сделаем попытку.

— Но...

Баранова не захотела его дослушать:

— Альберт, даю вам слово, если вы согласитесь еще раз выбраться наружу, то о вашем непосредственном участии в экспедиции и бесценном вкладе в науку узнает весь мир. После первых же публикаций люди узнают, что именно вы автор правильной теории мышления и создатель гениального прибора. Более того, о вас заговорят как о первом человеке, вышедшем в нейрон. А заодно все узнают, как, нырнув в кровяной поток, вы спасли от гибели и корабль, и всех членов экипажа.

— То есть вы намекаете, что в случае отказа я обречен на забвение? — Доктор чуть не задохнулся от обиды и гнева.

Баранова устало вздохнула:

— У меня нет другого выхода, вы сами вынудили меня прибегнуть к крайним мерам. К сожалению, это единственный ар-

гумент, способный заставить вас пойти нам навстречу. Что толку насильно выталкивать вас за борт, если вы не выразите добровольного согласия? Естественно, плата за любезность будет щедрой.

Моррисон затравленно оглянулся в поисках поддержки. Баранова сверлила его жестким взглядом. Конев сохранял высокомерный вид. Дежнев явно испытывал неловкость и старался сохранять нейтралитет. Только Софья сочувствовала доктору.

Он задумчиво посмотрел на нее:

— А вы что думаете, Софья?

После минутного колебания девушка произнесла:

— Не стоит идти на это под прессингом. Пользу принесет только добровольное согласие.

Дежнев неуверенно пробормотал:

— Мой старик всегда говорил: «Нет лучшего советчика, чем совесть, хотя именно она порой отравляет жизнь».

— Моя совесть молчит,— буркнул Моррисон.

— Может, голосование?

— Ни к чему,— откликнулась Баранова.— Я капитан корабля. В данном случае я одна имею право голоса.

— Если я, выбравшись за борт, ничего не услышу, вы мне поверите?

Баранова кивнула:

— Я — да. Вам незачем скрывать полученную информацию, вы тоже заинтересованы в успехе эксперимента. Я, пожалуй, с большим недоверием отнесусь, если вы заявите, что услышали там великое открытие.

— Уж я-то не позволю себя одурачить,— жестко обрубил Конев.— Если он вернется с чем-то важным, я сумею отделить зерна от плевел. Хватит дискуссий. Идите!

Моррисону ничего не оставалось, кроме как согласиться:

— Хорошо, иду — но ненадолго.

66

Доктор разделся донага. Если какие-то несколько часов назад он воспринимал это как насилие над личностью, то теперь не чувствовал даже капли смущения. Калинина помогла ему надеть костюм. Несмотря на плотный завтрак, обильное питье и

кусок шоколада, он чувствовал, что у него сосет под ложечкой. Правда, Моррисон порадовался, что его желудок пуст, потому что к горлу подступала тошнота. Он с отвращением посмотрел на кусок шоколада, который ему попытались предложить.

Когда ему прилаживали компьютер, Баранова громко спросила:

— Вы в состоянии работать на нем?

Сейчас Моррисон еще мог говорить с ней, но через пару минут, оказавшись за бортом, он попадет в полное безмолвие. Вздохнув, несчастный осмотрел почти невесомый компьютер, осторожно прошелся по клавишам. Затем выдохнул:

— Думаю, справлюсь.

Компьютер кое-как приладили к рукам при помощи пластиковых ремней.

— Теперь ты его не потеряешь! — прокричала Баранова.

И вот он выбрался наружу через воздушную камеру. За короткий миг он почувствовал, как его туда засосало, потом сдавило со всех сторон и выбросило за борт.

Доктор заявил, что готов провести вне корабля не больше десяти минут, но понимал, что толку от его заявлений не будет. Как попасть обратно, если его не захотят впустить? Он уже сожалел, что позволил уговорить себя, не нужно было соглашаться, игнорируя угрозы. Добром для него это не кончится.

Моррисон взял компьютер под левую руку, возможно, потому, что не совсем доверял пластиковым ремням, а может, боялся за его сохранность. Поискал место на поверхности корабля, где электрический заряд костюма притягивался к противоположному заряду корпуса корабля. Удобнее всего прислониться к кораблю спиной. Электрическое поле не очень-то крепко удерживало его. С другой стороны, если ты размером с атом, то наверняка довольно сложно сосредоточить электрический заряд на такой ничтожной частице. Или дело в другом? Ведь электрический заряд несли электроны, а они тоже были микроминимизированы. Доктора нервировало абсолютное незнание теории минимизации.

Поскольку все окружающее пространство двигалось параллельно с Моррисоном, он не ощущал движения во внутриклеточном пространстве. И только благодаря тому, что на нем был костюм из тонкого пластика, а также шлем с небольшим про-

жектором, худо-бедно освещающий пространство, Моррисону удалось хоть что-то разглядеть. Мимо него проносились узловатые шарики молекул воды. Они терлись друг о друга, словно воздушные шарики. Но на доктора никак не реагировали, хоть и задевали его с завидным постоянством. Один такой шарик даже умудрился прилипнуть к нему, возможно поймав противоположный электрический заряд на костюме, но сразу же отцепился. Эти шарики вели себя так, будто одновременно хотели поиграть с ним и побаивались.

Встречались здесь и более крупные молекулы. Даже размером с корабль, а некоторые и того больше. Моррисон видел их благодаря отражению света. Но взгляд его не мог охватить полную картину. Он замечал только то, что попадало в луч фонарика. К тому же он прекрасно знал строение и содержание клетки. А значит, легко мог себе представить недостающее. Моррисону даже показалось, что он способен представить себе остов, состоящий из огромных структур, которые не двигались с потоком жидкости, а оставались на месте, придавая клетке более или менее стабильную форму.

А вокруг по-прежнему все находилось в движении. Моррисон едва успевал разглядывать молекулы, частицы, пока они не исчезали из виду. Только благодаря статичным структурам удавалось почувствовать движение внутриклеточной жидкости, несшей на огромной скорости и доктора, и корабль.

Наблюдения не заняли много времени. Пришел черед заняться компьютером.

Хотя зачем? Все равно здесь глухо как в танке. Но разве можно ограничиться собственными гипотезами, не подвергнув их проверке? А вдруг он ошибался?

Он ведь ученый. Кроме того, он дал слово ученого и русским, и себе сделать все от него зависящее для успеха эксперимента. Он неуклюже попытался настроить компьютер на максимальную чувствительность. С большим трудом удалось выставить нужную программу. Моррисон слегка успокоился. Он сконцентрировался на компьютере, стараясь уловить в мозгу Шапирова процесс мышления. Прибор работал без сбоев. Молекулы чинно и спокойно проплывали мимо него. На экране высветился график скептических волн. Моррисон впервые увидел изображение столь высокой четкости и ясности. Но, кроме этого, ни-

чего не услышал и не увидел. Единственное, что удалось ему уловить,— ощущение печали.

Стоп! Откуда это чувство? Не его ли субъективное ощущение? Или чьи-то эмоции? Исходят ли они от полуживого мозга Шапирова? Моррисон обернулся и посмотрел на корабль. Что ж, кое-что он сделал. Зарегистрировал ощущение печали. Пора возвращаться на корабль. Но дадут ли ему вернуться? А когда, оказавшись на своем месте, он сообщит, что не услышал ровным счетом ничего, Конев рассвирепеет и набросится с упреками, что чертов американец пробыл здесь жалкие пару минут, а этого недостаточно... Не потребует ли опять выйти непосредственно в клетку?

А если подождать еще чуть-чуть? В конце концов, почему бы немного не побыть здесь? Тем более раз не чувствовалось изменения температуры. Но даже если он проторчит здесь лишние две-три минуты или битый час, Конев все равно рявкнет: «Мало».

Моррисон различал всматривающегося в темноту Конева, почти ощущал его недовольный и сердитый взгляд. Позади притихла Калинина. Она отстегнула ремень и пересела в кресло Моррисона, с тревогой глядя наружу. Моррисон перехватил ее взгляд, Софья попыталась махнуть рукой. Но Баранова наклонилась и закрыла собой девушку. Калинина перешла на свое место. «Она должна была пересесть,— вздохнул Моррисон,— ей положено следить за электрическими зарядами структур корабля. Как бы она ни переживала, ей не бросить свою работу».

Для полноты ощущений Моррисон попытался поймать взгляд Дежнева, но это ему не удалось. Зато увидел Конева, который вопросительно жестикулировал.

Моррисон с раздражением отвернулся, проигнорировав его. И вдруг приметил нечто совершенно громадных размеров, стремительно приближающееся к нему. Он не мог различить деталей, но непроизвольно содрогнулся от мысли, что ему придется встретиться с эдаким чудовищем. Оно надвигалось прямо на него, не оставляя шансов на спасение. Моррисон изо всех сил вжался в корпус. Кораблю едва удалось избежать столкновения. Но доктор с ужасом почувствовал, как его с силой оторвало от корабля и притянуло к огромной молекуле. У него промелькнула мысль: неужели Калинина ошибочно придала

костюму электрический заряд, волей случая совпавший с зарядом этой молекулы... При нормальных обстоятельствах это не имело бы никакого значения. Корабль и неизвестная структура пронеслись бы мимо друг друга на такой огромной скорости, что ни о каком притяжении не было бы и речи. Но сейчас он сам являлся микроскопическим объектом, практически не имевшим ни массы, ни сопротивления. Возникло ощущение, будто две неумолимые силы пытаются разорвать тело на части. Это корабль и молекула боролись за обладание несчастным Моррисоном. Увы, корабль сдался и, вздрогнув, понесся по течению. Он удалялся так быстро, что тут же пропал из виду.

Альберт остался абсолютно один. Он даже не сразу понял, в каком положении оказался. Один, размером с атом, в огромной клетке мозга, совершенно беспомощный. Единственная нить, связывающая его с жизнью и реальностью — корабль,— оборвалась.

67

Прошло несколько минут.

Моррисон силился понять, где он и что с ним случилось. Из всех чувств осталось лишь одно — жуткая паника. Осознав, что пока жив, доктор даже пожалел об этом. Лучше умереть незаметно, чем обреченно ожидать конца каждую минуту.

Надолго ли хватит кислорода? Когда поднимется критический уровень температуры и влажности? Пока не чувствовалось никаких изменений, но... Не погаснет ли фонарик, вынуждая его принять смерть в непроглядной тьме? Альберта обуяло безумие. В голове роились дурацкие мысли: «Жив ли я еще? А как это — умирать? Почувствую ли я что-нибудь, перестав дышать?» На ум даже пришла молитва Аякса, в которой тот просил Зевса ниспослать ему смерть днем. И то верно, лучше прощаться с жизнью при дневном свете, а еще лучше, если кто-то заботливо будет держать твою руку.

Что же делать? Ждать? В чем ошибка? О господи, он был еще жив!

Удивительно, но страх, достигнув апогея, пошел на спад. На смену ему пришло любопытство и жгучее желание выжить. Можно ли как-то оторваться от этого чудовища? Уж слишком

унизительно умереть в таком положении. Как муха, прилипшая к варенью. Расстояние между ним и кораблем с каждой секундой увеличивалось. Ему в голову пришло, что только чудо поможет ему вернуться на корабль.

Эта мысль привела его в ярость. Доктор собрал все силы, пытаясь оторваться. Ничего не получалось. Он понял, что этим только повышает температуру внутри костюма. Тогда он ухватился за незнакомую молекулу, но руки отскочили от нее как однополярные заряды.

Доктор пошарил слева, справа, внизу. Где-то должен быть противоположный заряд. Тогда бы он смог, держась за него, еще раз попытаться оторваться от громадины. Раздался щелчок, его правая рука прилипла к оболочке. Он остервенело вцепился в это место, пытаясь прорваться к атому (если это был атом), электрический заряд которого отличался от основного заряда структуры. Почувствовал сопротивление структуры от слишком сильного сжатия. А затем она вдруг распалась прямо в его руках... Он с удивлением уставился на свои руки, силясь понять, что же произошло. Не было ни хлопка, ни удара. Кусок структуры испарился, исчез, будто его и не было.

Моррисон решился на повторный эксперимент, то тут, то там хватаясь руками за молекулу. Господи, да ведь Баранова говорила, что поле минимизации слегка распространяется и за пределами корабля. Вполне возможно, что оно распространяется и вокруг костюма. Когда он сдавливал в руках часть какого-то атома, атом попадал в поле минимизации и его размеры тут же уменьшались, после чего он отскакивал от основной структуры. Итак, все, за что можно ухватиться руками, будет минимизироваться. Каждый атом или часть каких-то структур, уменьшаясь, превратятся в крошечную частицу, с массой меньше массы электрона. Их скорость тут же увеличится до скорости света, и они исчезнут из виду. С этой мыслью Моррисон, колотя по захватчику руками и ногами, смог оторваться. Да здравствует свобода!

Пусть корабль был пока недосягаем, но теперь хотя бы можно было следовать за ним. Хотя что толку? С учетом минимизации доктора отделяли от корабля добрые десятки километров. Затем Моррисона посетила другая мысль. Чтобы высвободиться, ему пришлось минимизировать несколько атомов. Подобный процесс определенно нуждается в энергии. Пусть в неболь-

шом количестве, поскольку масса атомов невелика, но все равно ее пришлось где-то раздобыть. Откуда же она взялась? По-видимому, из минимизированного поля костюма. Значит, поле его ослабло. Но вот вопрос — насколько? Уж не потому ли совсем не чувствуется повышения температуры? А если процесс минимизации окружающих предметов отбирает не только энергию, но и тепло? Доктора мучило одно соображение: если он освободился от огромной молекулы за счет ослабления поля минимизации, не означает ли это, что ему пришлось немного увеличиться в размерах? А если так, где гарантия, что не начнется неуправляемый обратный процесс?

Баранова ведь как-то упоминала о бесконтрольной деминимизации. Чем меньше объект, тем больше риск. А он был сейчас ничтожных размеров. На борту корабля доктор был частью общего минимизированного поля и представлял собой часть объекта размером с молекулу. Когда его прибило к огромной клетке, он стал частью еще большего объекта. Но сейчас он один, к тому же размером с атом. Над ним нависла угроза деминимизации. Может, не совсем внезапной, так как произойдет она за счет ослабления поля минимизации нормальных объектов.

Почувствует ли он увеличение? Процесс наверняка начнется медленно, но с увеличением его собственных размеров возрастет и влияние на окружающие предметы. Взрыв неизбежен. Если он действительно увеличивается, наступит смерть. Он еще дышит. Но каждая секунда может оказаться последней, его поглотит небытие.

Вполне достойная смерть. К чему он мучил себя мыслями о том, что с ним произойдет? Не все ли равно, как он окончит свои дни? С другой стороны, он разумное живое существо, способное чувствовать и думать. Моррисон засмотрелся на движущиеся молекулы воды, они резво кувыркались и прыгали. Если он увеличивается в размерах, то им положено уменьшаться. И наоборот. Затаив дыхание, доктор пригляделся. Да, они уменьшались. Неужели смерть? Или шутка растревоженного воображения?

Стоп! Ему вдруг показалось, что молекулы воды, наоборот, стали увеличиваться. Если так, то теперь он должен уменьшаться. Неужели он дойдет и до размеров податома? Или подэлектрона? Тогда если скорость увеличится до скорости света, он

взорвется, погибнет в вакууме, но так и не узнает об этом. Нет, все-таки молекулы сокращались, а не расширялись.

Моррисон закрыл глаза и глубоко вздохнул. Кажется, он начинает терять рассудок. Или у него отказывает мозг? Тогда лучше умереть! Лучше смерть, чем жизнь с пораженным мозгом. Но может, все-таки молекулы воды пульсируют? Если да, то почему?

«Думай, Альберт Моррисон, думай на полную катушку. Ты же ученый. Найди объяснение. Почему они пульсируют?»

Он знал, почему поле может ослабеть из-за минимизации окружающих предметов. Но вопрос, как же оно может усилиться, оставался без ответа. Для этого следовало получить энергию. Только откуда?

А что, если от окружающих его молекул? Из-за своих объемов, из-за массы они обладали большей теплоэнергоемкостью, чем он. Их температура была выше. Соответственно, тепло из окружающего пространства передастся его костюму. И вскоре его температура достигнет температуры крови. И тогда он сразу погибнет от избытка тепла. Когда он выходил из корабля в первый раз, это едва не произошло. Но сейчас опасность заключалась не только в высокой интенсивности тепловой энергии, но и в энергии минимизированного поля. При случайном столкновении с молекулами воды попадающая к нему энергия необязательно тепловая, это энергия активизации процесса минимизации. Поле приобретет интенсивность, он начнет уменьшаться.

Это приемлемо для тех случаев, когда минимизированный объект окружен предметами нормальной величины с более высокой температурой. Энергия в виде тепла или в виде интенсивности поля поступает от больших объектов к меньшему, минимизированному. Более того, вероятно, чем меньше этот объект, тем больше он минимизирован, тем сильнее его поле. Наверняка корабль тоже пульсирует, только из-за довольно больших размеров незаметно. Вот почему скорость броуновского движения не увеличивалась, а процесс обогащения кислородом шел без особых усилий. В обоих случаях минимизированное поле играло роль амортизатора.

Но он, Моррисон, находясь в клетке совершенно один, обладал меньшей массой, и для него этот приток энергии переходил в процесс минимизации, а не в тепло. Кулаки беспомощно сжимались. Он выронил компьютер, но теперь даже собствен-

ная программа для него уже ничего не значила. Несомненно, все остальные: и Баранова, и, конечно же, Конев предполагали подобный исход, но не удосужились его предупредить. Во второй раз его молча отправляли в лапы смерти. Но что толку от того, что он теперь узнал? Какая польза?

Тут он резко открыл глаза. Да, снова пульсации. Несомненно. Теперь он их чувствовал очень ясно. Молекулы воды расширялись и сокращались, следуя своему внутреннему неровному ритму. Они отдавали полю свою энергию, чтобы тут же вернуться. Доктор, проникнувшись ритмом, принялся бормотать: «Больше-меньше, больше-меньше, больше-меньше». Наблюдая за расширением предметов, он чувствовал собственное уменьшение, как для облегчения процесса в него вливалось огромное количество энергии. Температура содержимого клетки была очень высока. Но, с другой стороны, эти элементы забирали у него практически всю энергию. Хотя и остатков ее хватило бы, чтобы в любую минуту он мог взорваться.

Когда молекулы воды расширялись (а он сам уменьшался), он был в безопасности, но стоило молекулам воды начать сокращаться (когда он увеличивался), для него наступал критический момент. Если молекулы воды будут сокращаться до тех пор, пока не исчезнут совсем, то он продолжит увеличиваться, приближаясь к роковой черте.

«Больше — меньше, меньше — стоп!»

Моррисон перевел дыхание, молекулы теперь начали расширяться. И снова ожидание. Потом еще и еще. Теплилась надежда, что сокращение рано или поздно прекратится.

Казалось, с ним играют, но ему все было безразлично. Чья-то невидимая рука снова подвела его к последней черте и снова вернула обратно. Сколько так может продолжаться? Рано или поздно запас кислорода кончится, и тогда он умрет жуткой медленной смертью от удушья.

Лучше мгновенная смерть.

68

Калинина истошно закричала. Она первая осознала, что случилось. От ужаса у девушки перехватило дыхание, она не могла выдавить из себя ни слова.

— Он исчез! Исчез! — пронзительно кричала она.

Баранова еще не разобралась в ситуации:

— Кто исчез?

Расширенными от ужаса глазами Калинина посмотрела на командира:

— Кто исчез? Как ты можешь это спрашивать? Альберт исчез!

Баранова ничего не понимающим взглядом уставилась туда, где только что находился Моррисон. Его там не было.

— Что случилось?

— Не знаю,— прохрипел Дежнев.— Мы немного свернули в сторону. Альберт, притянутый к корпусу, вероятно, сместился от центра притяжения. Я пытался избежать столкновения с... Даже не знаю, что это было.

— Устойчивая макромолекулярная органелла,— подсказал Конев, в волнении прижимая руки к лицу,— оторвала его от корпуса. Надо его отыскать. У него наверняка есть необходимая нам информация.

Баранова осознала свалившееся на них несчастье и жестко бросила Юрию:

— Информация! И это все, что ты в данный момент чувствуешь? Информация? Ты отдаешь себе отчет, что нам угрожает? Минимизированное поле Альберта теперь изолировано, а он всего лишь размером с атом. В любой момент может начаться процесс деминимизации. Его шансы здесь по меньшей мере в пятьдесят раз превосходят наши. С информацией или без нее, но мы должны вернуть его. Если он начнет деминимизироваться, он убьет Шапирова и тем самым заставит умереть нас.

— Глупый спор. Движут нами разные мотивы, но цель одна — вернуть его на корабль.

— Зачем мы послали его туда? — сказала Калинина.— Я знала, что это ошибка.

— Сделанного не вернуть,— резко ответила Баранова.— Хватит! Аркадий!..

— Пытаюсь,— откликнулся Дежнев.— Только не мешайте мне болтовней и не учите жить.

— Я не указываю тебе, что делать, тупица. Я приказываю тебе. Поворачивай назад! Назад!

— Ну уж дудки,— не согласился Дежнев,— глупее не придумаешь. Ты хочешь, чтобы я повернул на сто восемьдесят градусов и пошел против течения?

— Ты просто повернешь, а затем остановишь корабль, течение само принесет его к нам,— прошипела Баранова.

— Он висит, как червяк на крючке. Его не принесет к нам течением,— печально возразил Дежнев.— Мы должны перебраться на другую сторону дендрита, и встречный поток понесет нас обратно.

Баранова виновато потупила взор и произнесла:

— Прости меня, Аркаша, не хотела тебя оскорблять. Но если мы пойдем назад встречным потоком, то потеряем его из виду.

— Выбора нет,— настаивал Дежнев.— Нам не хватит энергии, чтобы самим пробиться обратно против течения.

— Аркадий, не надо скепсиса,— устало пробормотал Конев.— Мы не потеряем Альберта.

— Ты провидец, Юрий?

— Просто я слышу его. Вернее, чувствую. Точнее, чувствую мысли Шапирова через прибор Альберта.

Повисла тишина. Баранова, сраженная наповал, спросила:

— И что ты слышишь?

— Сигналы идут оттуда,— показал рукой Конев.

— Ты можешь определять направление? Но как?

— Не знаю. Чувство говорит, что он там!

— Аркадий, делай все, что можно,— велела Баранова.

— Я и так делаю, Наталья. Ты, может быть, и капитан, но я — лоцман. И сейчас мы играем в гляделки со смертью. Что мне терять? Как говорил мой отец: «Если висишь над пропастью, не пытайся поймать выпавшую из кармана монету». Конечно, было бы намного лучше, если бы у нас работала стандартная система, а не эта чудо-система с тремя смещенными двигателями.

Но Баранова уже не слушала его. Она беспомощно вглядывалась в темноту.

— Ну что ты, Юрий? Что подсказывают тебе мысли Шапирова? — спросила она у Конева.

— В данный момент — ничего. Слышен только шум. И еще — страдание.

— Думаете, часть мозга Шапирова осознает, что он в коме? — пробормотала Калинина, ни к кому не обращаясь.

— Неужели он чувствует себя пойманным в ловушку и пытается выбраться из нее? В ловушке — как Альберт, как мы. Все в ловушке? — Софью трясло.

— Мы не в ловушке, Софья,— отчеканила Баранова.— Мы способны двигаться. И мы во что бы то ни стало найдем Альберта. А затем все вместе выберемся из тела Шапирова. Ты слышишь меня, Софья? — Она с силой схватила Калинину за плечо.

Калинина вздрогнула:

— Слышу, слышу.

Затем Баранова повернулась к Коневу:

— Итак, кроме мучений, ты ничего не ощущаешь?

— Да, только страдания, причем чувствую сильно.— Он с удивлением уставился на Баранову.— Неужели ты ничего не чувствуешь?

— Абсолютно ничего.

— Но это настолько сильное ощущение! Сильнее, чем все, что я переживал, пока Альберт был на корабле. Не зря я предложил ему выйти наружу.

— Ты способен разобрать какие-нибудь слова? Мысли?

— Может, мы слишком удалены друг от друга. А может, Альберт не настроил толком компьютер. Ты действительно ничего не чувствуешь?

Баранова решительно покачала головой и вопросительно взглянула на Калинину. Та тихо сказала:

— Я тоже ничего не чувствую.

— А я вообще ничего не понимаю в ваших странных эмоциональных посланиях,— сказал Дежнев.

— Ты уловил слово «Хокинг». Альберт считает, что существуют разные виды мозга и что у нас с ним они совпадают. Возможно, он прав,— попытался успокоить его Конев.

— Откуда сейчас идут волны? — вновь спросила Баранова.

— Оттуда.— На этот раз Конев махнул в сторону задней части корабля.— Ты поворачиваешь, Аркадий?

— Да,— ответил Дежнев.— Сейчас мы приближаемся к полосе, разделяющей наши два потока. И я хочу слегка войти во встречный поток, чтобы мы двигались с небольшой скоростью.

— Хорошо,— одобрила Баранова.

— Не хотелось бы потерять американца. Юрий, а какова интенсивность волн? Она усиливается?

— Да,— удивленно сказал Конев, будто для него это было в диковинку.

— Это возможно?

— Не знаю,— ответил Конев,— ведь мы еще не приблизились к нему ни на йоту. Мы лишь разворачиваемся. Складывается ощущение, будто он сам приближается к нам.

— Если его каким-то образом оторвало от той громадины или он сам от нее избавился, поток принесет его к нам, останется лишь развернуться и оставаться на одном месте.

— Возможно.

— Юрий,— взволнованно обратилась к нему Баранова,— попытайся сконцентрироваться на сигналах. Держи Аркадия в курсе всех изменений, постоянно указывай ему направление. А ты, как только приблизимся к Альберту, без промедлений выворачивай на встречный поток и как можно ближе подходи к нему. Двигаясь с ним параллельно, нам будет легче сблизиться.

— Угу, если сам не управляешь кораблем,— проворчал Дежнев.

— Просто и трудно,— отчеканила Баранова,— это нужно сделать. Если мы проиграем, то... У нас нет другого выхода. Только со щитом.

Дежнев хотел что-то буркнуть, но быстро передумал. И снова наступила тишина. Тишина для всех, кроме Конева. Он улавливал шум проносившегося мимо потока мыслей.

Юрий стоял лицом к тому направлению, откуда доносились сигналы. Один раз пробормотал: «Намного сильнее».

Затем, несколько секунд спустя: «Кажется, я могу различить слова. Если только он подберется поближе...»

Конев напрягся, словно намеревался с применением грубой силы уловить чужие мысли, чтобы вложить их в свою голову. Пальцы неподвижно указывали в одну сторону, наконец он произнес:

— Аркадий, начинай поворот и приготовься войти во встречный поток. Быстро. Главное, чтобы он проскочил мимо нас.

— Как получится, выдержат ли двигатели,— ответил Дежнев. Затем добавил негромко:— Боже, если бы я мог управлять кораблем при помощи того волшебства, что научило вас слушать потусторонние голоса. Тогда бы и проблем не было.

— Прямо, к мембране,— проигнорировал его замечание Конев.

Калинина первой заметила свет от фонарика Альберта:

— Вот он! — закричала она.— Лучик с его шлема!

— К чему смотреть,— сказал Конев, обращаясь к Барановой.— Я и так слышу эту лавину сигналов, как при извержении вулкана на Камчатке.

— Шум, Юрий? Без слов?

— Только страх, безотчетный страх.

На что Баранова заметила:

— Еще бы; не дай бог, случись это со мной, я бы себя чувствовала не лучше. Но как он это узнал? Ведь раньше мы получали спокойные мысли и образы, даже различали слова.

Дежнев, задыхаясь от трудов и нервов, произнес:

— Уж не навредили ли мы ему своим кораблем? Может, привели его мозг в возбужденное состояние?

— Не знаю. Мы слишком малы для этого,— скептически ответил Конев.— Мы даже не в состоянии навредить этой клетке.

— Приближаемся к Альберту,— предупредил Дежнев.

— Софья,— обратилась Баранова к Калининой,— ты способна определить его электрический заряд?

— Едва ли, Наташа.

— Попробуй сделать все возможное, чтобы мы смогли притянуть его.

— Он немного увеличился в размерах.

— Кроме того, производит колебания,— мрачно заметила Баранова.— Как только мы притянем его к кораблю, он станет частью нашего общего минимизированного поля, его размер тут же изменится в соответствии с нашим. Быстрее, Софья.

Послышался глухой удар о корпус корабля. Моррисона притянуло электрическое поле.

Глава 16
СМЕРТЬ

«Когда заходит солнце, наступает тьма. Не позволяй тьме застать себя врасплох».

Дежнев-старший

69

У Моррисона отшибло память. Ни одного воспоминания ни до, ни после того, как он попал на корабль. Никакие усилия не позволили ему сообразить, видел ли он корабль, заметил ли мо-

мент преобразования его электрического заряда, стерся даже тот момент, когда с него стягивали комбинезон.

Последнее, что он помнил,— отчаяние и одиночество, ожидание взрыва и боязнь смерти. Сейчас же над ним склонялось напряженное лицо Калининой. Между этими двумя эпизодами повис абсолютный провал.

Разве подобного не случалось? Два инцидента. И в каждом — заботливое лицо Калининой. Между происшествиями — всего несколько часов. Но создавалось стойкое ощущение, что все слилось воедино. Моррисон бессильно прохрипел по-английски:

— Мы движемся в правильном направлении?

Калинина, немного помолчав, медленно и тоже по-английски ответила:

— Да, Альберт, но это имело значение раньше, когда мы были в капилляре. После этого вы вернулись на корабль, а затем во второй раз вышли, но уже в нервную клетку. Сейчас мы в нейроне. Вспомнили?

Моррисон нахмурился. Что все это значило?

Однако постепенно память восстановилась. Он закрыл глаза и постарался еще раз прокрутить недавние события. Затем спросил уже по-русски:

— Как вы нашли меня?

Ему ответил Конев:

— Я чувствовал, и довольно остро, волны мыслей Шапирова, когда они проходили через прибор.

— Мой компьютер! Он цел?

— Он был привязан к вам. Вы услышали что-нибудь важное?

— Мысли? — Моррисон тупо уставился на него.— Какие важные мысли? О чем вы говорите?

Коневу не терпелось узнать многое, но он стоически одергивал себя. Поджав губы, Юрий подчеркнуто вежливо произнес:

— Когда вы были снаружи, я мог различать волны мышления Шапирова, которые проходили через ваш прибор. Правда, не было никаких конкретных слов и образов.

— А что же вы тогда чувствовали?

— Мучение.

В разговор вступила Баранова:

— Никто из нас, кроме Юрия, ничего не почувствовал. Но по тому, как он это описал, оно напоминало муки мозга, по-

нимающего, что он в коматозной ловушке. А слышали вы что-нибудь конкретное?

— Нет.

Моррисон осмотрел себя с ног до головы. Он лежал на двух креслах, его голову держала Калинина. Моррисон попросил воды. Жадно выпил и заговорил:

— Увы, я ничего там не услышал, не увидел и не почувствовал. В моем положении...

Конев резко оборвал его:

— При чем тут ваше положение? Ваш компьютер передавал информацию. Я почувствовал волны даже на большом расстоянии. А вы, вы находились рядом. Как же вы могли ничего не чувствовать?

— Знаете, у меня проблем хватало. Я остался в гордом одиночестве, без надежды на возвращение и под угрозой неминуемой смерти. Остальное как-то не представлялось важным.

— Не верю, Альберт. Вы лжете.

— Не лгу. Госпожа Баранова,— подчеркнуто официально обратился он к Наталье,— я требую вежливого отношения к себе.

— Юрий,— строго сказала Баранова.— Не нужно никого обвинять. Если есть вопросы — спрашивай, но не более того.

— Хорошо, попытаюсь по-другому,— продолжал Конев.— Я ощутил бурю эмоций даже на большом расстоянии от прибора, исходя, естественно, из наших размеров. Вы же, Альберт, были совсем рядом с компьютером. Кроме того, он настроен на ваш тип мозга, а не на мой. Может быть, оба наших мозга и принадлежат к одной категории, но они отнюдь не идентичны. Вам полагалось острее прочувствовать мысли Шапирова, чем мне. Как вы объясните, что я многое слышал, а вы, находясь в самом источнике, с компьютером в руках, остались ни с чем?

Моррисон с усилием ответил:

— Господи, где мне было взять желание видеть и слушать? Меня унесло с корабля. Я был один как перст, один — поймите наконец!

— Сочувствую, но вам не требовалось усилий, чтобы включиться в работу. Мысли должны были сами заползать к вам в голову, несмотря ни на что.

— Все равно я ничего не чувствовал. Меня доконало одиночество и осознание, что я скоро умру. Я думал, что поднимется температура и все кончится. Все было как в первый раз...

Тут он засомневался и спросил Калинину:

— Ведь я два раза выбирался наружу?

— Да, Альберт,— нежно ответила она.

— Но потом ощутил, что моя температура не повышается. Вместо этого я начал пульсировать: становился то меньше, то больше. Меня вовлекло в какой-то процесс передачи минимизации вместо ожидаемой передачи тепловой энергии. Это возможно, Наталья?

Баранова немного подумала:

— Подобный эффект проявился из-за выравнивания поля минимизации. Исследования на сей счет пока не проводились. Но, будучи там, вы нашли подтверждение теории.

— Все вокруг меня изменяло время от времени размеры. Молекулы воды то сокращались, то расширялись. Со мной, казалось, происходило то же самое.

— Правильное допущение. Ваш опыт воистину бесценен. Вы не зря прошли через это.

Конев возмутился:

— Альберт, только вы продемонстрировали явное доказательство того, что за пределами корабля вы сохранили способность слышать, видеть, чувствовать. Так почему вы считаете, что вашу непростительную глухоту мы воспримем как должное?

Моррисон повысил голос:

— Слушайте, вы что, фанатик с проявлениями маниакального бреда? Полагаете, что в такие минуты само собой разумеется мыслить рационально и логично? Меня сковал абсолютный страх. С каждым сокращением молекулы я приближался к смерти. Продлись сокращение бесконечно, я бы так же бесконечно расширялся. И в конце концов процесс неуправляемой деминимизации отправил бы меня к праотцам. В тот момент мне было совершенно без разницы, что происходит с волнами. Честное слово.

Лицо Конева исказила гримаса презрения:

— Если бы мне поручили ответственную работу и мне пришлось бы выполнять ее под дулами сотен орудий, даже в последние секунды я бы нашел в себе силы сосредоточиться на главной задаче.

— Как говаривал мой отец: «Никто не боится охотиться на медведя, особенно когда его нет»,— сказал Дежнев.

Конев в бешенстве накинулся:

— Ты достал меня до печенок с папашиными прибаутками, ты, пьянь подзаборная.

— Дружок, ты повторишь мне это слово в слово, когда мы вернемся в Грот. Но имей в виду, тогда придется охотиться на медведя, который рядом,— ответил Дежнев.

— Юрий, не пора ли заткнуться? Ты не успокоишься, пока не переругаешься со всеми? — поинтересовалась Баранова.

— Наталья, я намерен продолжить работу. Альберт должен снова выйти наружу.

— Нет,— в ужасе шепнул Моррисон.— Никогда!

Дежнев, чей взгляд не светился доброжелательностью, съязвил:

— И это мы слышим от великого героя, готового помереть на боевом посту! Он должен делать свою работу. Поэтому необходимо снова вытолкать за борт бедолагу Альберта?!

Баранова поддержала Дежнева:

— Он прав, Юрий. Ты же не боишься и тысячи орудий, твое бесстрашие восхищает. И тем не менее Альберт был там уже дважды. Пришел твой черед.

Конев не соглашался:

— Но компьютер-то его изобретение. Он ориентирован на его мозг.

— Понимаю,— кивнула Баранова,— но ты сам заявлял, что у тебя тот же тип мозга. По крайней мере, ты чувствуешь те же волны, что и он. Ты же принимал сигналы, когда Альберта отнесло от нас на значительное расстояние? Так что, выбравшись наружу вместе с компьютером, ты запросто сможешь добыть ценнейшие данные для исследований. Что толку от ощущений Альберта, если ты не веришь ни единому слову.

Все смотрели на Конева. Даже Калинина отважилась бросить взгляд.

Моррисон кашлянул:

— Боюсь, что я с перепугу немного обмочил костюм. Чуть-чуть... Я испугался, и...

— Знаю,— ответила Баранова.— Я продезинфицировала и высушила его. Подобная мелочь не должна помешать Юрию самоотверженно исполнить свой долг.

— Мне не нравится ваш сарказм в мой адрес, но я выйду в клетку,— парировал Конев.— Неужели вы и в самом деле ду-

маете, что боюсь этого? Единственное, в чем я уверен, так это в том, что Альберт больше настроен на прием информации. Но если он не выйдет еще раз, то это сделаю я. В надежде...

Он сделал паузу, а Дежнев добавил:

— В надежде, что не придется встретиться с медведем.

С горечью в голосе Конев ответил:

— Нет, старина, в надежде на то, что меня крепко пришпилят к кораблю. Альберт чуть не погиб из-за слабого притяжения, когда один из членов экипажа сработал не должным образом. Я бы не хотел, чтобы так поступили и со мной.

Калинина проговорила, ни к кому не обращаясь:

— Просто Альберт встретился со структурой, зарял которой идеально дополнял его заряд. Вероятность того, что это вообще могло произойти, был чрезвычайно мал. Но если и так, в следующий раз я попытаюсь использовать другие варианты зарядности корабля, чтобы избежать подобных неприятностей.

Конев согласно кивнул.

— Принимаю ответ,— сказал он, обращаясь к Барановой. А затем Моррисону: — Ты говорил, там отсутствует передача тепловой энергии?

— По крайней мере, если передача и есть, то очень незначительная. Только в изменении размеров.

— Тогда я не стану переодеваться.

— Юрий, ты пробудешь там недолго. Но мы не можем постоянно рисковать людьми,— отрезала Баранова.

— Понимаю,— ответил Конев.

С помощью Моррисона он натянул гидрокостюм.

70

Моррисон посмотрел сквозь корпус корабля и разглядел Конева. В прошлые разы все было с точностью до наоборот. Он торчал снаружи и посматривал внутрь. А потом и посматривать стало некуда, разве что по сторонам, утешая себя жалкими надеждами на спасение. Вряд ли он когда-нибудь забудет, как остался один в бескрайней вселенной человеческого разума.

Моррисона слегка раздражало слоновье спокойствие Конева. Тот даже не повернулся и не посмотрел в сторону товарищей. Он цепко держал компьютер, следуя поспешным инструкциям

Моррисона об элементарных приемах настройки. Казалось, ученый с головой ушел в работу. Неужели и в самом деле этот тип до безрассудства храбр? Неужели у него хватило бы силы воли сконцентрироваться на работе, окажись он в ситуации, когда корабль сгинул вдали, а шансы на выживание растаяли, как первый снег? Моррисон, рассуждая о подвигах во имя науки, даже украдкой почувствовал стыд за свою трусость.

Он осторожно посмотрел на остальных членов экипажа. Дежнев оставался за пультом управления. Ему пришлось поставить корабль прямо у самой мембраны. Он предложил развернуться и встать на линии, разделяющей оба потока. В этом месте практически не ощущалось течения, и им не пришлось бы снова рисковать. Однако Конев тут же отверг предложение. Его тянуло туда, где проходила основная масса скептических волн. А для этого следовало двигаться вдоль самой мембраны.

Дежнев предложил еще перевернуть корабль вверх дном. Здесь, в клетке, точно так же как и в космосе, подобный финт не имел значения. Если встать вверх дном, камера подачи воздуха, к которой прикреплен Конев, выйдет не на мембрану, а на противоположную сторону. Опять же с целью предотвращения столкновения с цитоскелетными структурами.

Конев обозлился. Он заявил, что таких структур кругом как грязи, а вся суть эксперимента в том, чтобы он практически вплотную приблизился к мембране. Что ж, сейчас он снаружи, и пока никаких эксцессов. Дежнев занимался управлением, насвистывая себе под нос веселую мелодию. Баранова следила за приборами, время от времени задумчиво поглядывая на Конева. Только Соня выглядела обеспокоенной, каждую минуту поглядывая на Конева.

Внезапно Баранова спросила:

— Альберт, этот ваш прибор. Как вы думаете, Юрий справится с ним? Слышит он сейчас хоть что-нибудь?

Моррисон улыбнулся:

— В меру возможностей я настроил компьютер на него. Ему ничего не нужно делать. Только, при необходимости, отрегулировать фокус. Но, Наталья, гарантирую, он ничего не слышит и не чувствует.

— Почему?

— Если бы он уловил даже слабые волны, я бы тоже это услышал. Точно так же как и Юрий чувствовал меня, когда я

барахтался в потоке жидкости. Сейчас я же не чувствую ничего. Абсолютно.

Баранова выглядела потрясенной.

— Но как же так? Если он получал какие-то сигналы, когда вы были там, то почему он ничего не чувствует, держа в руках ваш прибор?

— Возможно, изменились условия. Не забывайте о состоянии агонии, пойманном Коневым в процессе приема мыслей Шапирова. До того момента все проходило мирно, спокойно. И нате вам, такая неожиданность.

— Да, почти идиллия. Зеленые поля. Математические уравнения...

— Возможно, живая часть мозга Шапирова, если она еще способна к мышлению, наконец осознала то коматозное состояние, в котором находился организм. И случилось это как раз в течение часа, когда...

— Но почему именно в течение последнего часа? Очень странно. Именно тогда, когда мы находимся в мозге.

— Может, мы стимулировали процесс активным вторжением, что привело к осознанию сложившейся ситуации? А может, совпадение? Самая невероятная закономерность совпадений — это то, что они иногда случаются. А теперь на смену агонии и боли пришло состояние абсолютной апатии.

Баранова пребывала в нерешительности:

— Я не могу поверить. Неужели Юрий действительно ничего не чувствует?

— Попробуйте вернуть его. Он там уже десять минут. Более чем достаточно.

— А вдруг он что-то улавливает?

— Тогда категорически откажется вернуться. Ты же знаешь Конева.

— Постучите по обшивке, Альберт. Вы ближе,— попросила Баранова.

Моррисон выполнил просьбу, Конев повернулся к ним. Пластиковый шлем искажал черты лица, но хмуро сдвинутые брови сразу бросались в глаза. Баранова жестом приказала ему возвращаться. Немного поколебавшись, Конев кивнул. Моррисон удовлетворенно молвил:

— Вот доказательство.

Коневу помогли попасть на корабль. Лицо его сильно горело. Он отстегнул шлем и вдохнул полной грудью:

— Ух, как хорошо! Там становится все жарче, а вибрация уменьшается. Помогите мне снять костюм.

— Ты согласился вернуться только из-за этого? Из-за жары? — с надеждой в голосе спросила Баранова.

— Конечно.

— Что-нибудь почувствовал?

Конев нахмурился:

— Нет, ничего. Совершенно ничего.

Моррисон спрятал лицо, едва сдерживая удовлетворенную улыбку. Всегда приятно осознавать собственную правоту.

71

— Ну, Наташа, наш бравый капитан,— с улыбкой сказал Дежнев,— что дальше? Есть идеи?

На Аркадия никто не отреагировал, его слова остались не услышанными. Женщины ждали отчета. Конев вытирал пот с лица и шеи, поглядывая с неприязнью на Моррисона.

— Когда вы находились снаружи, шла интенсивная передача сигналов...

— Я объяснял вам, что ничего подобного не припомню,— холодно возразил Моррисон.— Может быть, все зависит от того, кто держит прибор?

— Не верю. Наука базируется не на вере, а на доказательствах. Если закрепить компьютер, то вы сможете поработать снаружи еще немного, минут десять, не больше.

Моррисон ответил:

— Не согласен. Сыт по горло.

— Черт, ведь я чувствовал мысли Шапирова, хоть вы и утверждаете обратное.

— Вы уловили только эмоции, а не мысли. Бессловесные эмоциональные состояния. Попробуйте еще раз.

— Ни за что.

— Вы испугались из-за неприятности. Но на этот раз все пройдет гладко. Со мной же ничего не случилось. Бояться нечего.

— Не стоит недооценивать мое умение паниковать от страха,— горько улыбнулся Моррисон.

Конев возмутился:

— Нашли время для шуток!

— Заявляю без тени улыбки, по натуре я труслив. У меня нет вашей...

— Смелости?

— Честно признаю, я не смельчак, не храбрец.

Конев резко повернулся к Барановой:

— Наталья, ты — капитан. Отдай приказ Альберту.

— Нет смысла приказывать. Если он не в состоянии работать, мы ничего не добьемся. Насильно облачая его в скафандр и выпихивая наружу, мы не получим никакой пользы. Я могу лишь попросить. Альберт...

— Не стоит утруждаться.

— Еще одна попытка. Всего лишь три минуты. Если вы не получите сигнал...

— Не получу. Уверен, что не получу.

— Всего лишь три минуты, чтобы доказать это.

— Господи, к чему все это, Наталья? При нулевом результате Юрий обвинит меня в умышленном сокрытии ценных научных фактов и в сознательной порче компьютера. Между нами нет доверия, так что и разговаривать не о чем. Категорически заявляю, что я ничего не улавливал и не слышал. Наталья, а сама ты?

— Я ничего не чувствовала.

— Софья?

Калинина отрицательно покачала головой.

— Аркадий?

Дежнев произнес обиженно:

— Я вообще чурка бесчувственная.

— Что ж, остается один Юрий. Разве мы можем полностью положиться на его выводы? Я не буду так же суров, как он, и не стану обвинять его во лжи. Не виной ли всему его воображение и безумное желание услышать шапировские мысли? Легко выдать неосознанно желаемое за действительное.

Лицо Конева побледнело, но голос, слегка подрагивающий, оставался холодным:

— Забудем. Мы провели уже несколько часов в теле, и я прошу тебя об одном — о последнем эксперименте. Он может оправдать все.

— Нет,— ответил Моррисон,— я пас.

— Альберт,— уверенно заговорила Баранова.— На этот раз ошибки не будет. Последний эксперимент...

— Еще бы не последний,— вмешался Дежнев.— У нас энергия на исходе. Поиски Альберта изрядно истощили наши запасы.

— И тем не менее мы не посчитались с опасностью,— подхватил Конев.— Мы нашли тебя, Альберт, не оставили в беде.— А затем прибавил с нехорошей улыбкой:— Кстати, если бы не твой прибор, я бы не смог указать твои координаты. Явное доказательство, что я не жертва воображения. Так что будь добр, рассчитайся со мной — и мы квиты.

Ноздри Моррисона стали раздуваться от ярости:

— Не смеши меня, воплощение милосердия: если бы меня не нашли, то тебе, как и всему экипажу, настал бы конец. Тебя бы первого разнесло на куски от спонтанной деминимизации.

Неожиданно корабль сильно тряхнуло, он даже накренился. Конев с трудом устоял на ногах, ухватившись за спинку кресла.

— Что это? — воскликнула Баранова.

Калинина сосредоточенно склонилась над компьютером:

— Я не уверена, но, похоже, рибосома.

— Рибосома? — изумленно переспросил Моррисон.

— Вы удивлены? Они здесь повсюду. Это органеллы, производящие белок.

— Я знаю, что это,— оскорбленно буркнул Моррисон.

— Одна из них нанесла нам удар. Вернее сказать, мы нанесли ей. Впрочем, это не имеет значения. Всего лишь броуновское движение...

— Увы, гораздо хуже,— с ужасом крикнул Дежнев.— Посмотрите на вибрацию поля.

Моррисон повернулся и сразу же узнал явление, с которым уже столкнулся, оказавшись один в клетке. Молекулы воды интенсивно расширялись и сокращались.

— Остановите это! Остановите! — закричал Конев.

— Я пытаюсь,— с трудом выдавила из себя Баранова.

— Аркадий, отключи двигатели, передай всю энергию мне. Отключи кондиционеры, свет — все.

Баранова склонилась над слабо мерцающим компьютером. Они находились в абсолютной темноте, в человеческом мозгу,

в одной из миллионов клеток. Моррисон видел только свет компьютеров Натальи и Сони, но чувствовал, что кризис еще не миновал. Воды молекулы продолжали вибрировать. Вибрировало минимизированное поле — все предметы, оказавшиеся в нем. И он сам. Каждый раз, когда он расширялся (а молекулы воды, казалось, сжимались), поле превращало часть энергии в тепло, и доктор мог чувствовать, как жар волной проносится по кораблю. Но после того как Баранова сконцентрировала энергию в поле, жар исчез. На какое-то время вибрация уменьшилась. Однако ненадолго, приступив к своим разрушительным действиям с новой силой. Кажется, Баранова не в силах справиться с ситуацией, и он, доктор Моррисон, через несколько минут погибнет. Корабль и экипаж, все превратится в пар. У него закружилась голова. В глазах потемнело. Опять доктор испытывал малодушие и трусость. И снова его захлестнуло чувство стыда.

72

Но время шло, а изменений не происходило. Моррисон шевельнулся. Итак, он уже умер, на том свете сейчас или на этом? Но эту мысль Моррисон тут же прогнал. Рядом послышались всхлипы. Нет, чье-то тяжелое дыхание. Он открыл глаза. И в тусклом свете разглядел чарующие черты Сони. Поскольку вся энергия была брошена на то, чтобы удержать корабль от деминимизации, единственным источником света служил лишь компьютер. Моррисон смог различить ее склоненную голову, растрепанные волосы и тяжелое, со свистом вырывающееся дыхание. Он с надеждой огляделся вокруг. Вибрация уменьшалась на глазах и через некоторое время совершенно прекратилась. Калинина подняла голову, на ее лице светилась счастливая улыбка.

— Вот и все,— произнесла она хрипловатым шепотом.

Корабль медленно осветился огнями. Первым, пытаясь восстановить прерывистое дыхание, заговорил Дежнев:

— Если я не умер, значит, еще поживу. Как говаривал мой отец: «Жизнь — не сахар, а смерть еще хуже». Спасибо, Наташа, низкий поклон.

— Не стоит меня благодарить,— ответила Баранова. Она как будто сильно постарела за эти минуты, и Моррисон не уди-

вился бы, увидев седые пряди в ее волосах.— Я не смогла удержать энергию в поле. Это Софья спасла нас?

Глаза Калининой оставались закрытыми, грудь тяжело вздымалась. Она неподвижно откинулась в кресле, будто силы покинули ее, желая хотя бы несколько секунд понаслаждаться покоем и жизнью. Затем она тихо произнесла:

— Не уверена...

— Но что-то ты сделала.

— Не могла же я просто ждать смерти. Я превратила корабль в копию молекулы Д-глюкозы, в надежде, что клетка адекватно отреагирует и вступит во взаимодействие с молекулой АТФ-аденозинтрифосфата. При этом накапливалась фосфатная группа и энергия. Энергия должна была пойти на усиление поля минимизации. Затем я нейтрализовала корабль, и фосфатная группа уменьшилась. И снова Д-глюкоза, и снова приход энергии, снова нейтрализация, и так далее, и так далее...— Она тяжело вздохнула...— Снова и снова. Я так спешила, что вслепую нажимала на клавиши. Но, выходит, идея сработала. Корабль получил достаточно энергии, чтобы стабилизировать поле.

— Как же это тебе пришло в голову? — спросила Баранова, с немым восхищением посматривая на девушку.— Я никогда и не слышала, что это может...

— Я тоже,— ответила Калинина.— Просто сегодня утром, еще до того, как мы ступили на корабль, я задумалась, что делать, если начнется спонтанная деминимизация. Нам потребуется энергия, но если системы корабля не справятся, сможет ли сама клетка обеспечить нас энергией? Если да, то только с помощью АТФ. Я не знала, сработает ли этот принцип. Пришлось расходовать энергию корабля. Я понимала, что энергии, полученной из АТФ, может не хватить или же она не поможет противостоять деминимизации. Шла на огромный риск.

Дежнев тихо произнес:

— Как сказал бы мой отец-старик: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».— Его голос окреп: — Спасибо тебе, маленькая Софья. Моя жизнь в твоих руках. Я отдам ее тебе в вечное пользование. Больше того, женюсь на тебе, если ты не против.

— Аркаша, ты настоящий рыцарь,— улыбнулась Калинина,— но о женитьбе я тебя не попрошу. А вот жизнь... в случае необходимости этого будет вполне достаточно.

Баранова, придя в себя, сказала:

— Я обязательно опишу это в отчете. Твой ум и быстрота реакции спасли команду.

Моррисон все еще не мог произнести ни слова. Его хватило лишь на то, чтобы молча взять ее руку, поднести к губам и поцеловать. Затем, решительно откашлявшись, со всей нежностью, на которую был способен, доктор торжественно произнес:

— Спасибо, Софья...

Она смутилась, но убрала руку не сразу.

— Могло и не получиться. Я не думала, что это возможно.

— Если бы не получилось, мы бы здесь не сидели,— сказал Дежнев.

Только Конев хранил молчание, набычившись в своем углу, и Моррисон повернулся к нему. Юрий, как и всегда, сидел очень прямо, отвернувшись от них. Внезапно окрепшим голосом, с еле сдерживаемым гневом, Моррисон произнес:

— Что скажешь, Юрий?

Конев бросил на него взгляд через плечо и ответил:

— Ничего.

— Ничего?!

— Софья спасла экспедицию. Да, удачно выполнила свою работу.

— Свою работу? Это больше, чем ее работа! — Моррисон резко наклонился и схватил Конева за плечо.— Она спасла всех нас. Если ты все еще жив, то только благодаря ей. По крайней мере, мог бы ее лично поблагодарить.

— Я буду делать только то, что сам посчитаю нужным,— прошипел Конев, дернув плечом и освободившись от руки Моррисона. Но доктор не успокоился.

— Эгоист, варвар,— прохрипел он.— Ведь ты же любишь ее, но не можешь выдавить из себя ни одного доброго слова, подонок!

Конев подскочил, и они неловко затоптались на своих местах, пытаясь достать друг друга кулаками. Им мешали пристегнутые ремни и невесомость.

— Не бей его! — закричала Калинина.

«Он никогда не ударит меня»,— подумал Моррисон, пыхтя и отдуваясь. Последний раз он дрался лет в шестнадцать, и с тех пор его техника боя отнюдь не улучшилась.

Внезапно резкий голос Барановой расставил все по местам:

— Прекратите! Оба! — Они остановились. Баранова продолжала: — Альберт, вы здесь не для того, чтобы затевать мордобой. А тебе, Юрий, ни к чему выглядеть грубияном. У тебя это в крови. Если ты не желаешь признать...

С заметным усилием Софья произнесла:

— Я не прошу ничьей благодарности, ничьей.

— Благодарности?! — с гневом воскликнул Конев.— Перед тем как началась деминимизация, я пытался заставить этого трусливого американца поблагодарить нас за его спасение. Мне не нужны были его слова. Здесь не версальские нравы. Нечего приседать и кланяться. Я хотел, чтобы он делом доказал свою благодарность. Но этот гад отказался. И после этого меня будут учить, как и когда говорить спасибо?

Моррисон ответил:

— Я уже сказал, что не сделаю этого, и повторяю это сейчас.

Вмешался Дежнев:

— Мы ведем пустой разговор. Расходуем энергию, словно водку на свадьбе. Из-за поисков и деминимизации у нас осталось ее точнехонько на проведение контролируемой деминимизации. Мы должны выбираться отсюда.

Конев ответил:

— Чтобы провести там пару минут, не нужно много энергии. После уходим.

Конев и Моррисон злобно уставились друг на друга, и тут Дежнев произнес совершенно безжизненным голосом:

— Мой старый бедный отец говаривал: «Самая страшная фраза в русском языке "Это странно"».

Конев сердито набросился на него:

— Заткнись, Аркадий.

Дежнев тихо ответил:

— Я упомянул это лишь потому, что обнаружил одну странность.

73

Баранова отбросила волосы со лба — как заметил Моррисон, они блестели от пота — и спросила:

— Что странно, Аркадий? Говори прямо.

— Скорость молекулярного движения уменьшается.

После непродолжительной паузы Баранова спросила:

— С чего ты взял?

Дежнев устало взглянул на нее:

— Наташа, дорогая, если бы ты сидела на моем месте, то знала бы, что существуют волокна, пересекающие клетку...

— Цитоскелетон,— вставил Моррисон.

— Спасибо, Альберт, дорогой,— продолжил Дежнев с изящным взмахом руки.— Мой отец любил говорить: «Гораздо важнее знать суть явления, чем его название». Итак, это, как его там, не задерживает ни внутриклеточный поток, ни корабль, но я вижу, как оно вспыхивает позади. Так вот, оно вспыхивает все реже и реже. Когда волокна не двигаются — мы замедляем ход. Если я не делаю ничего, чтобы идти медленнее, выходит, что внутриклеточный поток останавливается. Таково мое логическое умозаключение, Альберт.

Калинина, потрясенная, сказала тихим голосом:

— Думаю, мы повредили клетку.

Моррисон заметил:

— Одной клеткой больше, одной меньше, это не причинит вреда Шапирову, особенно в его состоянии. Не удивлюсь, если клетка погибнет. В конце концов, корабль мчался за мной на огромной скорости, вибрация была очень сильной, это могло повредить клетку.

Конев нахмурился:

— Это сумасшествие. Мы же размером с молекулу! Неужели вы считаете, что мы чем-то могли повредить клетку?

— Ни к чему углубляться в обоснования, Юрий. Это факт. Внутриклеточный поток останавливается, и это ненормально.

— Прежде всего это лишь мнение Аркадия,— сказал Конев,— а он не невролог...

— А что, глаза есть только у неврологов? — с жаром воскликнул Дежнев.

Конев бросил быстрый взгляд на Дежнева и продолжил:

— Кроме того, мы не знаем, что является нормальным для живой клетки мозга на данном уровне наблюдений. В потоке могут быть свои вспышки и затишья, вполне возможно, перед нами временное явление.

— Факт заключается в том, что мы больше не можем использовать эту клетку, а у нас не хватает энергии, чтобы найти другую.

Конев скрипнул зубами:

— Все-таки что-то мы должны сделать. Мы не можем сдаться.

Моррисон обратился к Барановой:

— Наталья, принимайте решение. Есть ли смысл в дальнейшем исследовании этой клетки? Нужно ли искать другую?

Баранова в задумчивости покачала головой.

Все повернулись к ней, и Конев, воспользовавшись ситуацией, схватил Моррисона за плечо и притянул его к себе. Его глаза потемнели от гнева. Он прошептал:

— С чего вы взяли, что я влюблен в нее...— Он кивнул в сторону Калининой.— Что дает вам право так думать? Отвечайте.

Моррисон равнодушно взглянул на него.

В этот момент Баранова тихо заговорила, игнорируя вопрос Моррисона:

— Аркадий, что ты делаешь?

Дежнев, склонившийся над пультом управления, поднял голову:

— Восстанавливаю связь.

— Разве я отдавала приказ?

— Мне велела необходимость.

Конев вмешался:

— Тебе не приходило в голову, что мы не сможем управлять кораблем?

Дежнев хмыкнул и с мрачной иронией спросил:

— А тебе не приходило в голову, что никакого управления кораблем может больше не потребоваться?

Баранова терпеливо выясняла:

— Какая необходимость заставила тебя?

Дежнев ответил:

— Я думаю, дело не в одной клетке. Температура вокруг нас падает. Медленно.

Конев насмешливо улыбнулся:

— По твоим измерениям?

— Нет. По измерениям корабля. По фону инфракрасного излучения.

— Это ни о чем не говорит. Уровень излучения постоянно меняется. Колебания могут взлетать вверх и падать вниз, слов-

но лодка, попавшая в тайфун, ниже и ниже.— Его рука опускалась в подтверждение слов.

— Но почему температура падает? — воскликнула Баранова.

Моррисон мрачно улыбнулся:

— Продолжайте, Наталья. Я думаю, вы знаете почему. И Юрий знает почему. Аркадий тоже догадывается. Эта необходимость и заставила его восстанавливать связь.

В салоне повисло неловкое молчание, раздавались лишь невнятные ругательства Дежнева, сражавшегося с системой связи корабля.

Моррисон оглянулся. Теперь, когда освещение восстановилось, он увидел ставшее уже привычным тусклое мерцание молекул, путешествующих бок о бок с ними. Только после слов Дежнева он обратил внимание на редкие отблески света вдоль линии, которая скользила прямо перед ними и с высокой скоростью исчезала над или под кораблем.

Несомненно, перед ними были очень тонкие коллагеновые волокна, сохраняющие форму нерегулярного нейрона и предохраняющие его от сворачивания в грубое сферическое образование под воздействием натяжения поверхности. Если бы доктор был повнимательнее, то заметил бы это и раньше. Ему впервые пришло в голову, что Дежнев, как пилот, должен был следить за всем, и в непредсказуемой ситуации, в которой оказался корабль, у Дежнева нет ни опытного советчика, ни инструкций, ни опыта, чтобы с достоинством сразу же разрешить проблему. Вне всяких сомнений, Дежневу приходилось тяжелее, чем всем остальным. Но в силу характера бессменного мичмана все, да и Моррисон тоже, относились к нему как к самому незначительному из членов экипажа.

«Несправедливо»,— подумал Моррисон.

Дежнев выпрямился, надел наушники и сказал:

— Грот, вы меня слышите? Грот? — Затем улыбнулся.— Да, в этом смысле мы в безопасности. Сожалею, пришлось выбирать между связью и управлением кораблем. Как дела у вас? Что? Повторите, помедленнее. Да, я так и думал.

Он повернулся к остальным членам экипажа:

— Товарищи, академик Шапиров умер. Тринадцать минут назад он испустил последний вздох, и теперь наша задача — покинуть тело.

Глава 17

ВЫХОД

«Если бы из неприятностей было бы так же легко выбраться, как и попасть в них, жизнь была бы просто песней».

Дежнев-старший

74

В корабле воцарилась мрачная тишина.

Калинина закрыла лицо руками и после долгого молчания прошептала:

— Ты уверен, Аркадий?

Дежнев, часто моргая, пытаясь сдержать слезы, ответил:

— Уверен? Он сколько недель был на грани смерти. А сейчас внутриклеточное движение замедляется, температура падает, Грот, подключивший к нему всю современнейшую аппаратуру, сообщает, что он мертв. Сомнений быть не может.

— Бедный Шапиров. Старик заслужил лучшей смерти,— вздохнула Баранова.

— Мог бы продержаться хотя бы час,— буркнул Конев.

— Ты бы провел с ним разъяснительную беседу, Юрий,— съязвила Баранова.

Моррисона охватила дрожь. До сих пор он обращал внимание лишь на окружавшие их красные кровяные тельца, на специфические частицы внутриклеточного пространства нейрона. Восприятие ограничивалось минимумом окружающего его пространства.

Теперь он понял, что в их положении, когда корабль размером с молекулу глюкозы, а сам он чуть больше атома, тело Шапирова покажется в два раза больше, чем планета Земля.

Итак, он замурован в огромной массе мертвого органического вещества. Доктор почувствовал нетерпение из-за затянувшегося молчания. Горевать можно попозже, а сейчас... Его голос прозвучал громче, чем следовало бы:

— Как мы отсюда выберемся?

Баранова с удивлением взглянула на него широко раскрытыми глазами. Моррисон не сомневался, что горечь утраты вытеснила мысль о необходимости покинуть тело.

Ей пришлось приложить заметные усилия, чтобы принять деловой вид.

— Ну, для начала необходимо до некоторой степени деминимизироваться.

— Почему до некоторой? Почему бы нам не провести полную деминимизацию? — И, словно предупреждая возможные возражения, продолжил: — Да, мы повредим тело Шапирова, но это мертвое тело, а мы пока еще живы. В первую очередь неплохо бы думать о себе.

Калинина с упреком взглянула на Моррисона:

— Даже мертвое тело заслуживает уважения, Альберт, особенно тело такого великого ученого, как академик Петр Шапиров.

— Да, но не настолько же, чтобы рисковать жизнями пяти человек.

Нетерпение Моррисона росло. Он знал Шапирова лишь шапочно, и для него он не был личностью и полубогом, каким его считали все остальные.

Дежнев сказал:

— Помимо вопроса об уважении, хочу напомнить, что мы находимся в черепе Шапирова. Попытка разрушить череп с помощью минимизационного поля сожрет слишком много энергии, и деминимизация примет неуправляемый характер. Мы должны найти другой выход.

Баранова согласилась:

— Альберт прав. Возвращаемся. Я произведу деминимизацию до размеров клетки. Аркадий, пусть Грот определит наше точное местонахождение.

Моррисон взглянул на клеточную мембрану, находящуюся в удалении от них. Первым признаком деминимизации являлось то, что молекулы начинали уменьшаться. Словно эти маленькие шарики, заполнявшие пространство вокруг, сжимались. Точь-в-точь, как воздушные шары, из которых выпустили воздух. И отдаленные макромолекулы — белки, нуклеиновые кислоты и еще более крупные клеточные структуры — также сжимались. Клеточная мембрана, казалось, приближалась к ним, ее очертания становились четче.

Столкновение казалось неизбежным, и Моррисон инстинктивно сжал зубы, напрягшись в ожидании удара.

Но ничего не случилось. Мембрана надвигалась все ближе и ближе, как вдруг ее просто не стало. Слишком слабая структура, чтобы противостоять миниатюризационному полю. Хотя корабль до некоторой степени увеличился, доктору по-прежнему было слишком далеко до человеческих размеров, и молекулы мембраны, попадая в поле и уменьшаясь, теряли контакт друг с другом, так что целостность картины происходящего исчезала.

Моррисон словно завороженный следил за всем. Постепенно среди хаоса он начал узнавать внутриклеточные коллагеновые джунгли, с которыми они столкнулись, перед тем как попасть в нейрон. Они также продолжали сжиматься, и вскоре коллагеновые стволы и канаты превратились в тонкие нити.

Баранова сказала:

— Вот и все. Нам нужно помнить о размерах малой вены.

Дежнев хмыкнул:

— Однозначно. Энергии у нас не много.

— Ее хватит, чтобы выбраться из черепа,— уверенно ответила Баранова.

— Надежда умирает последней. Однако, Наташа, ты командуешь кораблем, а не законами термодинамики.

Баранова с укоризной покачала головой:

— Аркадий, определи координаты и не читай мне морали.

— Я уверен, что это сейчас не самое главное,— вступил в разговор Конев.— Расстояние, пройденное нами после капилляра, слишком мало, чтобы его можно было измерить.

Через несколько минут они получили данные, и Конев удовлетворенно хмыкнул:

— Так я и думал.

— Что толку, Юрий? Мы не знаем, в какую сторону направлен корабль, а двигаться можем только вперед. Ведь связь я восстановил, а это значит, мы не можем управлять кораблем.

— Ну что ж, раз так, продолжим двигаться в том направлении, куда идет корабль. Я уверен, что у отца Аркадия было высказывание и на такой случай,— усмехнулся Конев.

Дежнев тут же откликнулся:

— Он говорил: «Когда можно действовать только одним способом, нет необходимости принимать решение».

— Вот видишь,— сказал Конев,— в каком бы направлении мы ни двигались, все равно выберемся. Давай, Аркадий.

Корабль двинулся вперед, прокладывая себе путь сквозь хрупкие коллагеновые нити, прорываясь сквозь нейрон, разрезая аксон. С трудом верилось, что совсем недавно они находились в одном из таких же аксонов и он в их восприятии простирался на многие километры.

Моррисон сухо сказал:

— Предположим, Шапиров все еще жив, но нам необходимо покинуть тело. Как бы мы поступили?

— Что вы имеете в виду? — спросила Баранова.

— Я хочу знать, есть ли альтернатива. Пришлось бы нам в таком случае определять местонахождение корабля? Стали бы мы восстанавливать связь? А раз так, разве мы могли бы двигаться в каком-то другом направлении, не только вперед? Неужели нам не пришлось бы деминимизироваться, чтобы сократить путь с десятков тысяч до нескольких километров? Короче, разве для того, чтобы выбраться отсюда, стали б мы прокладывать свой путь по живым нейронам живого Шапирова, как мы это делаем сейчас по умирающим и уже мертвым?

— В общем, да,— ответила Баранова.

— А где же тогда уважение к живому телу? В конце концов, мы ведь не сразу решились нарушить неприкосновенность мертвого?

— Вы должны понять, Альберт, это вынужденная мера. Корабль поврежден, выбора нет. Да и в любом случае это гуманнее, чем ваше предложение провести деминимизацию прямо в мозгу, разнеся череп Шапирова вдребезги. Продвигаясь этим курсом, даже если бы Шапиров был жив, мы бы разрушили десяток-другой, ну, может быть, сотню нейронов, что вряд ли сказалось бы на состоянии Шапирова. Нейроны мозга постоянно погибают, так же как и красные кровяные тельца.

— Не совсем так.— Моррисон был неумолим.— Красные кровяные тельца постоянно восстанавливаются. Нейроны — никогда.

Конев резко прервал их:

— Аркадий, остановись. Надо определить местонахождение корабля.

Все разом умолкли, словно любое произнесенное слово могло повлиять на точность производимых Гротом расчетов. Наконец Дежнев передал результаты Коневу. Моррисон отстегнул ремни и осторожно переместился так, чтобы видеть экран церебрографа Конева.

На нем горели две точки. Тонкая красная линия соединяла их. Карта, воспроизведенная на экране, уменьшилась в масштабе, и обе точки устремились навстречу друг другу, а затем вернулись на исходные позиции. По мере того, как пальцы Конева мелькали над пультом, карта становилась сложнее и непонятнее. Моррисон знал, что Конев работает с ней при помощи специального прибора, делающего изображение стереоскопическим.

Через некоторое время Конев обратился к Барановой:

— На этот раз нам повезло. В каком бы направлении мы ни двигались, рано или поздно попадем в малую вену. В нашем случае это произойдет скоро. Мы недалеко от нее.

Моррисон облегченно вздохнул, но не удержался от вопроса:

— А что бы вы делали, если бы мы оказались далеко от вены?

Конев холодно ответил:

— Тогда бы Дежнев снова отключил связь, и с помощью управления мы подошли бы к ней поближе.

Дежнев тем не менее с явным несогласием заявил:

— Слишком мало энергии.

— Двигайся вперед, Аркадий,— безапелляционно произнесла Баранова.

Через несколько минут Дежнев обратился к Коневу:

— Твоя карта верна, хотя еще несколько минут назад я бы за это не поручился. Вена — впереди.

Моррисон увидел причудливо изогнутую стену, теряющуюся в туманной дымке. Если это вена, то она не слишком удалена от капилляра. Он задумался, сможет ли корабль без проблем войти в нее.

75

Баранова спросила:

— Софья, есть ли у нас шанс с помощью электрического разряда войти в вену?

Калинина с сомнением взглянула на Моррисона и ответила:

— Не думаю, Наталья. Отдельные клетки, конечно, еще не совсем погибли, но в целом организм мертв. Я не думаю, что какая-нибудь клетка пожелает принять нас с помощью пиноцитозиса или еще как-нибудь.

— И что делать? — невесело спросил Дежнев.— Прокладывать путь силой?

— Конечно,— отозвался Конев.— Подойди вплотную к стенке вены. Небольшой ее участок подвергнется минимизации и дезинтеграции, мы сможем войти. Тебе не придется перегружать двигатели.

— Ага,— проворчал Дежнев,— слова знатока проблемы. К твоему сведению, оно произойдет за счет нашего поля, и на это потребуется еще больше энергии, чем на прокладывание пути силой.

— Аркадий, не сердись. Время от времени запускай двигатели и используй ослабление стенки вены, возникающее из-за минимизационного поля. Комбинируя оба способа, мы в результате затратим меньше энергии, чем при использовании одного.

— Надеяться-то можно,— отозвался Дежнев,— но сказать — еще не значит сделать. Когда я был маленький, мой отец однажды сказал: «Горячность — не доказательство правды». Он сказал мне это, когда я со страстностью клялся, что не ломал его трубку. Он спросил, понял ли я урок. А потом задал трепку.

— Хорошо, Аркадий, на твое усмотрение,— сказала Баранова,— а теперь двигайся вперед.

Вмешался Конев:

— Ты не зальешь мозг кровью. Шапиров мертв, кровотечения не будет.

— Ага,— отозвался Дежнев,— ты затронул интересную проблему. При обычных обстоятельствах, стоило нам войти в вену, как поток крови подхватил бы нас и понес в нужном направлении. Так когда кровь не движется, придется включить двигатели — но в каком направлении держать путь?

— Раз уж мы заговорили об этом,— спокойно ответил Конев,— тебе нужно повернуть направо. Так говорит цереброграф.

— Но если там нет течения, чтобы повернуть направо, а мы войдем под углом налево?

— Аркадий, ты войдешь под углом направо. Это тоже показывает цереброграф. Главное — войди в вену.

— Давай, Аркадий,— сказала Баранова,— нам не остается ничего другого, только полагаться на показания церебрографа.

Корабль быстро двинулся вперед, и как только нос корабля коснулся стенки вены, Моррисон почувствовал слабую дрожь работающих двигателей. Затем стенка просто поддалась, корабль оказался внутри вены.

Дежнев сразу же остановил моторы. Корабль двигался с быстро уменьшавшейся скоростью, оттолкнувшись от дальней стенки так аккуратно, что Моррисон не заметил никаких повреждений. Ширина корабля была примерно в два раза меньше ширины вены.

— Ну что,— сказал Дежнев,— направление верное? Если нет, то мы пропали. Я не смогу развернуться. Тут слишком тесно, Альберт не сможет выйти наружу, чтобы повернуть корабль, а энергии на минимизацию не хватит.

— Направление верное,— строго резюмировал Конев.— Двигайся вперед, и мы скоро выберемся. По мере продвижения вена расширится.

— Будем надеяться. Какое расстояние предстоит преодолеть?

— Пока не могу сказать,— ответил Конев.— Мне нужно проследить вену по церебрографу, посоветоваться с Гротом, подготовиться к введению иглы в вену как можно ближе к тому месту, где мы выйдем из черепа.

Дежнев сказал:

— Просто хочу напомнить, что наши запасы энергии ограниченны, так же как и способность двигаться. С минимизацией и деминимизацией, движением с низкой эффективностью, беготней не по тем капиллярам, с поисками Альберта мы использовали гораздо больше энергии, чем могли себе позволить.

Баранова спросила:

— Ты хочешь сказать, мы использовали всю энергию?

— Почти. Я только и делаю, что пытаюсь это донести до вашего сведения,— ответил Дежнев.

— Неужели нам не хватит ее, чтобы выбраться из черепа?

— В обычных условиях хватило бы даже сейчас. Если бы мы находились в вене живого организма, нас подхватил бы поток крови. Но движения нет. Шапиров мертв, и сердце его не бьется. Это значит, что мне придется прокладывать путь с помощью двигателей, и чем холоднее и гуще станет кровь, тем интенсив-

нее придется работать моторам, тем быстрее будет расходоваться энергия.

Вмешался Конев:

— Но нам нужно пройти всего лишь несколько сантиметров.

Дежнев яростно набросился на него:

— Всего лишь несколько? Неужели? При наших размерах нам придется пройти километры.

Моррисон спросил:

— Может, еще раз деминимизироваться?

— Нельзя.— Дежнев говорил на повышенных тонах.— У нас не хватит энергии. Неконтролируемая деминимизация не требует энергии, она высвобождает ее. Но контролируемая... Послушайте, Альберт, если вы спрыгнете с верхнего этажа небоскреба, вам не придется прилагать усилия, чтобы достичь земли. Но если вы захотите остаться в живых и спуститься с помощью веревки, то придется потрудиться, понимаете?

— Понимаю,— проворчал Моррисон.

Рука Калининой коснулась его руки и нежно пожала ее. Софья тихо сказала:

— Не обижайся на Дежнева. Он ворчит и рычит, но вытащит нас отсюда.

Баранова обратилась к Аркадию:

— Если горячность не является гарантией правды, как ты нам только что объяснил, то не гарантируют ее даже холодная голова и рассудочность. Скорее даже наоборот. Почему бы тебе просто не начать двигаться, может быть, нам хватит энергии, чтобы добраться до иглы?

Дежнев хмуро ответил:

— Это как раз то, что я собираюсь сделать, но если ты хочешь, чтобы я не терял головы, дай мне выпустить пар и выговориться.

Корабль тронулся, и Моррисон подумал про себя: «С каждым метром мы приближаемся к игле».

Это было не слишком успокаивающее рассуждение, так как остановиться в метре от иглы было не менее опасно, чем встать с заглохшими моторами в километре от нее. Тем не менее его сердце билось ровнее.

Теперь им попадалось больше эритроцитов и лейкоцитов, чем в артериях и капиллярах каких-то несколько часов назад.

Тогда существовало движение крови, и в непосредственной близости находилось не так уж много предметов. Сейчас же корабль двигался, расталкивая налево и направо бесчисленные объекты, оставляя их безмолвно раскачивающимися в кильватере.

Конев сказал:

— Мы идем правильным курсом. Вена становится заметно шире.

И это действительно было правдой. Моррисон заметил и сам, но не придал данному факту особого значения. Он слишком сосредоточился на самом движении.

Альберт почувствовал, что к нему возвращается надежда. Ошибка при выборе курса могла стать непоправимой. Вена начала бы сужаться, и они вновь попали бы в мозг. В этом случае у них вряд ли хватило бы энергии, чтобы еще раз найти выход в другую вену.

Конев что-то записал под диктовку Дежнева, затем кивнул:

— Пусть Грот подтвердит расчеты. Отлично.

Он на некоторое время склонился над церебрографом и затем сказал:

— Послушайте, они знают, в какой вене мы находимся, и введут иглу в том самом месте, которое я отметил на церебрографе. Мы будем там примерно через полчаса или даже раньше. Продержимся еще полчаса, Аркадий?

— Пожалуй, нет. Если бы сердце билось...

— Да, знаю, но оно не бьется.

Затем он обратился к Барановой:

— Наталья, ты можешь дать мне записи, все, что мы узнали о мыслительном процессе Шапирова? Я передам эту информацию, пусть и необработанную, в Грот.

— На тот случай, если мы не выберемся?

— Именно так. Мы здесь ради этих данных, им нельзя погибнуть вместе с нами.

— Ты прав,— ответила Баранова.

— При условии,— и его голос приобрел твердость,— что они вообще имеют хоть какую-то ценность.

Он бросил быстрый взгляд на Моррисона.

Конев придвинулся к Дежневу, и они занялись передачей информации от компьютера к компьютеру, от маленького к большому, из вены мертвого человека во внешний мир.

Калинина все еще держала руку Моррисона.

«Может быть, больше для своего собственного спокойствия, чем из интереса ко мне»,— подумал Альберт.

Он тихо произнес:

— Софья, что произойдет, если энергия иссякнет раньше, чем мы подойдем к игле?

Она приподняла брови:

— Нам придется остаться на месте и ждать. Люди из Грота постараются помочь нам.

— Но разве сразу после того, как закончится энергия, не начнется спонтанная деминимизация?

— Да нет же. Минимизация — метастабильное состояние. Помнишь, мы говорили об этом? Просто останемся здесь на неопределенное время. В конечном счете когда-нибудь это случайное псевдоброуновское расширение и сжатие подтолкнет спонтанную деминимизацию, но кто знает, когда оно произойдет?

— Может быть, через годы?

— Возможно.

— Что толку? — спросил Моррисон.— Мы умрем от асфиксии. Без энергии мы не сможем восстанавливать запас воздуха.

— Я уже говорила, люди в Гроте постараются вытащить нас отсюда. Компьютеры работают, и они всегда смогут определить наше местонахождение.

— Но как они смогут найти нашу клетку среди пятидесяти триллионов таких же?

Калинина погладила его руку:

— Не надо пессимизма, Альберт. Нашу клетку легко отличить от других, к тому же именно из нее идет передача сигналов.

— Думаю, почувствую себя намного лучше, когда мы доберемся до иглы и нас не придется искать.

— Я тоже. Просто хочу доказать вам, что даже если у нас закончится энергия и мы сможем сами добраться до иглы, то не все потеряно.

— А если мы не сможем добраться до нее?

— Тогда нас вытащат отсюда другим способом. Грот своими силами займется деминимизацией.

— А сейчас они не могут сделать это?

— Мы окружены огромной массой неминимизированного вещества, и слишком трудно сфокусировать поле с необходимой точностью. Как только они вычленят нас из общей массы, все будет гораздо проще.

В этот момент Дежнев спросил:

— Это все, Юрий?

— Да, все.

— Тогда обязан предупредить вас, что мы сможем двигаться еще пять минут. Может быть, меньше, но никак не больше.

76

Моррисон судорожно сжал руку Калининой, молодая женщина вздрогнула от боли.

Моррисон извинился, выпустил ее руку, Софья принялась энергично ее растирать.

Баранова уточнила:

— Где мы сейчас, Юрий? Сможем дойти до иглы?

— Пожалуй, да,— ответил Конев.— Замедляй ход, Аркадий. Экономь энергию.

— Нет,— сказал Дежнев.— При этой скорости я сталкиваюсь с относительно слабым сопротивлением. Если замедлю скорость, сопротивление усилится, и мы потеряем энергию.

Конев возразил:

— Но мы не должны проскочить отметку.

— Не проскочим. Как только ты прикажешь остановить двигатели, ход замедлится из-за вязкости крови. Сопротивление усилится, и через десять секунд мы остановимся. Если бы у нас была наша обычная масса и инерция, при быстром торможении нас бы просто расплющило о стену.

— В таком случае остановись, когда я скажу.

Моррисон поднялся и вновь через плечо Конева взглянул на экран перебрографа. Он решил, что прибор работает с максимально возможным увеличением. Тонкая красная линия, показывающая движение корабля, приближалась к маленькому зеленому кружку, который, как догадался Моррисон, означал местонахождение иглы.

Но это было навигационное счисление, а энергия заканчивалась.

И Моррисон неожиданно сказал:

— Неплохо бы воспользоваться одной из артерий, они ведь пусты после смерти. Нам не пришлось бы тратить энергию на вязкость крови и сопротивление.

Конев ответил:

— Бесполезно. Корабль не способен двигаться в воздухе.

Он хотел продолжить, но в этот момент выпрямился и закричал:

— Стоп, Аркадий! Стоп!

Дежнев резко нажал на кнопку, и почти сразу же корабль остановился.

Конев указал рукой на большой светящийся оранжевый круг и сказал:

— Они используют волокнооптические методы, чтобы осветить кончик иглы. Грот заверил, что мы не пропустим ее.

— Но мы пропустили ее,— обреченно откликнулся Моррисон.— Смотрим на нее, но мы не в ней. Чтобы попасть туда, придется развернуться, а это значит, что Аркадию снова придется разобрать систему связи.

— Бесполезно,— сказал Дежнев.— Энергии хватило бы еще секунд на сорок пять, но начать движение с нуля нельзя.

— И что же теперь? — Моррисон вновь был на грани истерики.

— Ну что ж, теперь они будут двигаться к нам,— ответил Конев.— На том конце иглы тоже есть кое-какой интеллект. Аркадий, скажи им, чтобы они медленно приблизились к нам.

Оранжевый круг начал увеличиваться, постепенно превращаясь в эллипс.

Моррисон выдохнул:

— Они опять пропустят нас.

Конев ничего не ответил, но перегнулся через Дежнева, чтобы самому связаться с Гротом. На какой-то момент оранжевый эллипс еще больше вытянулся, но после резкого окрика Конева вновь превратился в круг. Игла была теперь рядом и направлена прямо на них. Неожиданно все вокруг пришло в движение. Неясные очертания эритроцитов и случайных лейкоцитов задвигались в направлении иглы. Корабль двинулся вместе с ними.

Моррисон видел, как оранжевый круг придвинулся и внезапно исчез. Конев констатировал с мрачным удовлетворением:

— Они всосали нас. Так что теперь мы в безопасности. Грот обо всем позаботится.

77

Моррисон собрался как мог, чтобы прогнать мрачные мысли, отключиться от происходящего. Будет ли он возвращен в нормальный мир или ему суждено провести остаток своих дней в пробирке — теперь от него не зависит.

Он закрыл глаза и попытался ни на что не обращать внимания, даже на биение сердца. В какой-то момент ощутил легкое прикосновение к своей руке. Это, наверное, была Калинина. Моррисон медленно убрал руку, словно говоря: «Не сейчас».

Через некоторое время раздался голос Барановой:

— Аркадий, передай им, пусть эвакуируют сектор С.

Моррисон невольно задумался, будет ли проведена эвакуация.

Сам бы он эвакуировался и без приказа, но там могли оказаться безумцы, готовые отдать все, лишь бы оказаться рядом при возвращении первого экипажа, исследовавшего живое тело. «Будет что порассказать внукам»,— усмехнулся он. Доктор стал рассуждать, каково тем, у кого нет внуков или кто уходит из жизни слишком молодым и не успевает никому поведать о своих открытиях.

Смутно он осознавал, что намеренно морочит себе голову философиями. Нельзя не думать абсолютно ни о чем, особенно если ты провел большую часть жизни в размышлениях, но когда надо, можно мыслить о чем-нибудь незначительном. В конце концов, на свете столько всего, что...

Он, должно быть, уснул. Никогда бы не подумал, что может быть таким хладнокровным. Но это не хладнокровие.

Это усталость, спад напряжения, чувство, что кто-то другой, а не он готов принимать решение. И возможно, хотя он не хотел признаваться в этом, нагрузка была слишком велика для него, и он просто отключился.

Доктор вновь почувствовал легкое прикосновение к руке, пошевелился, открыл глаза. Слишком яркий и слишком обыч-

ный свет заставил его быстро заморгать, на глазах появились слезы.

На него смотрела Калинина:

— Просыпайтесь, Альберт.

Он вытер глаза, начиная осознавать окружающее, и спросил:

— Мы вернулись?

— Вернулись. Все в порядке. Мы в безопасности и ждем, пока вы придете в себя. Вы ближе всех к двери.

Моррисон оглянулся на открытую дверь, попытался приподняться и рухнул в кресло:

— Я слишком тяжел.

Калинина ответила:

— Я знаю. Я тоже чувствую себя слонихой. Не спешите, я помогу вам.

— Нет-нет, все в порядке.— Он отстранил ее.

Комната была заполнена людьми. Он замечал чужие лица, наблюдавшие за ним, улыбающиеся ему. Моррисон не хотел, чтобы они видели, как молодая советская женщина помогает американцу встать на ноги.

Медленно, слегка покачиваясь, он поднялся и очень осторожно направился к выходу. Несколько рук тут же подхватили его, не обращая внимания на уверения: «Все в порядке. Мне не нужна помощь».

Внезапно он остановился:

— Подождите.

Перед тем как ступить на землю, он обернулся и поймал взгляд Калининой.

— Что случилось? — спросила она.

Он ответил:

— Мне просто захотелось последний раз взглянуть на корабль, потому что вряд ли я когда-нибудь еще увижу его.

Моррисон с облегчением заметил, что сойти на землю помогали не только ему, но и всем членам экипажа. Казалось, для них готовили особое торжество, но Баранова сделала шаг вперед и сказала:

— Товарищи, уверена, у нас еще будет время для торжеств, но сейчас мы просто не в состоянии присоединиться к вам. Нам нужно отдохнуть и прийти в себя после трудного путешествия.

Ее слова были встречены приветственными криками. И только Дежнев сохранил присутствие духа. Он взял стакан с какой-то прозрачной жидкостью, доктор мог поручиться, что с водкой. Широкая улыбка на влажном лице Дежнева подтверждала догадку.

Моррисон спросил у Калининой:

— Сколько прошло времени?

— Думаю, больше одиннадцати часов,— ответила она.

Моррисон покачал головой:

— Словно больше одиннадцати лет.

Она слабо улыбнулась:

— Знаю, но часам не хватает воображения.

— Еще один из афоризмов Дежнева-старшего?

— Нет. Он мой.

— Чего я по-настоящему хочу, так это ванну, душ, свежую одежду, хороший обед, возможность покричать вволю и хорошенько выспаться. И именно в этом порядке, на первом месте — ванна.

— Вы все это получите,— ответила Калинина,— как и все мы.

Так и было. Обед показался Моррисону в высшей степени вкусным. Во время плавания напряжение подавляло аппетит, и теперь, когда он чувствовал себя в безопасности, голод дал о себе знать. Главным блюдом за обедом был жареный гусь огромных размеров. Разрезая его, Дежнев приговаривал:

— Не торопитесь, друзья мои. Отец говорил: «Переедание убивает быстрее, чем недоедание».

Сказав это, он положил себе на тарелку самый огромный кусок.

Единственным гостем за столом был высокий светловолосый мужчина. Его представили как военного представителя Грота, что и так сразу бросалось в глаза. Он был в форме и брящал множеством наград. Все были чрезвычайно вежливы с ним и в то же время скованны.

Во время обеда Моррисон снова почувствовал напряжение. Военный часто посматривал на него, но молчал. Из-за его присутствия Моррисон так и не сумел задать самый важный вопрос, а когда тот ушел, Альберта разморило. Он был не способен сейчас отстаивать свою точку зрения. Когда он наконец-то бросился в постель, то его последней мыслью было то, что осложнений не избежать.

Завтракали поздно, в два часа дня. К Моррисону присоединилась только Баранова. Он был слегка разочарован, так как ожидал увидеть Калинину, но раз ее все равно не было, он решил не спрашивать о ней. Накопилось много других вопросов.

Баранова выглядела усталой, невыспавшейся, но счастливой. «Нет, пожалуй "счастлива" — это слишком сильное слово,— подумал Моррисон,— скорее она удовлетворена».

— У меня,— сказала она,— состоялся серьезный ночной разговор с представителем вооруженных сил и с Москвой. Товарищ Рошин сам беседовал со мной и остался очень доволен. Он не любит выставлять напоказ свои чувства, но сказал, что все время был в курсе событий. Когда мы отключили связь, у него пропал аппетит. Преувеличил, конечно, но приятно. Даже сказал, что прослезился, когда узнал, что мы в безопасности, и это похоже на правду. Сдержанные люди могут быть очень эмоциональными, когда прорывает дамбу чувств.

— Звучит неплохо, Наталья.

— Для всего проекта. Вы понимаете, что путешествие в живой человеческий организм планировалось не раньше чем через пять лет? Совершить его в несовершенном корабле и остаться в живых — настоящая победа. Даже бюрократы в Москве понимают, в каких чрезвычайных условиях мы работали.

— Сомневаюсь, что мы получили то, за чем отправлялись.

— Вы имеете в виду мысли Шапирова? Это, конечно же, было мечтой Юрия. В целом хорошо, что он уговорил нас. Если бы не он, мы бы не решились. Но неудача не умаляет нашего успеха. Если бы мы не вернулись, то наверняка было бы много нападок и критики. А так как мы первыми побывали в живом человеческом организме и благополучно вернулись — это навеки войдет в историю как подвиг советских людей. Еще долгие годы никто не сможет повторить ничего подобного, нам обеспечено лидерство в этой области. Я думаю, проект обеспечат финансами на долгое время.

Она широко улыбалась, и Моррисон вежливо кивнул. Он положил себе на тарелку омлет с ветчиной и спросил:

— Будет ли дипломатично подчеркнуто в этой ситуации, что одним членом экипажа был американец?

— Не надо так плохо о нас думать. То, что вы с риском для жизни вручную развернули корабль, особо выделено в отчете.

— А смерть Шапирова? Я надеюсь, нас не обвинят в ней?

— Все понимают, что смерть была неизбежной. Хорошо известно, что лишь с помощью последних достижений врачи поддерживали в нем жизнь. Сомневаюсь, что его смерти вообще уделят особое внимание.

— В любом случае,— сказал Моррисон,— кошмар позади.

— Кошмар? Ну что вы, пройдет месяц-другой, и вы будете с удовольствием вспоминать это приключение.

— Сомневаюсь.

— Вот увидите, придет время, и вы с удовольствием скажете: «Я был членом первого экипажа», и никогда не надоест повествовать об этом внукам.

«Вот и начало»,— подумал Моррисон. Вслух же он произнес:

— Как видно, вы допускаете мысль, что я когда-нибудь увижу своих внуков. Что же будет со мной после завтрака?

— Вас снова отвезут в отель.

— Нет-нет, Наталья. Мне нужно знать, что будет дальше. Хочу предупредить, что если информацию о минимизационном проекте собираются опубликовать и устроить парад на Красной площади, то я не намерен принимать в нем участия.

— О парадах не может быть и речи, Альберт. И до публикаций еще далековато, хотя и ближе, чем день назад.

— Тогда без околичностей: я хочу вернуться в Штаты. Сейчас же.

— Разумеется, как можно быстрее. Думаю, ваше правительство очень обеспокоено.

— Надеюсь,— сухо ответил Моррисон.

— Они вряд ли захотели бы, чтобы вы вернулись раньше времени,— она пристально поглядела ему в глаза,— не получив шанса, как они считают, пошпионить за нами. Но теперь, когда все закончено, а я убеждена, они так или иначе узнают об этом, вас потребуют назад.

— И вы отправите меня? Мне обещали.

— Мы сдержим слово.

— Не стоит думать, будто я шпионил за вами. Я видел лишь то, что мне позволили увидеть.

— Знаю. Но неужели вы думаете, что после возвращения на родину вами не будут бесконечно интересоваться спецслужбы?

Моррисон пожал плечами.

— Об этом нужно было думать раньше.

— Правда, но это не помешает вернуть вас. Вы ничем их не порадуете, хоть они только и делают, что суют свой нос в наши дела и...

— Как и вы в наши,— с возмущением прервал ее Моррисон.

— Несомненно,— ответила Баранова с небрежным жестом.— Конечно, вы можете рассказать о нашем успехе. Мы ничего не имеем против. Сегодня американцы убеждают себя в том, что советская наука и технология далеко отстали. Это послужит хорошим уроком. Хотя одна вещь...

— А? — произнес Моррисон.

— Пустяк, но все-таки. При любом публичном выступлении вы должны утверждать, если этот вопрос возникнет, что приехали сюда добровольно, желая проверить свою теорию в тех условиях, которые невозможно создать в Америке. Это очень похоже на правду. Кто поставит ваши слова под сомнение?

— Мое правительство знает правду.

— Да, но и оно заинтересовано в некотором искажении правды. Ваше правительство, так же как и наше, не захочет международных скандалов. Помимо того, что обострения в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом сразу же восстановят против них весь остальной мир. Соединенные Штаты не захотят признать, что позволили выкрасть вас, как и мы не хотим признаваться, что сделали это. Ну же, Альберт, такой пустяк.

Моррисон вздохнул:

— Если вы вернете меня, как и обещаете, я буду молчать об этом похищении.

— Вы постоянно говорите «если...» — Баранова нахмурилась.— Вам трудно поверить в то, что я — человек слова? Почему? Потому, что я из Советского Союза? Два поколения живут в условиях мира, а старые предрассудки остались. Неужели нет места надежде на человечность?

— Нам по-прежнему не нравится ваша система.

— Но кто дает вам право судить нас? Нам не по душе ваши порядки. Впрочем, не обращайте внимания. Если мы нач-

нем ссориться, это испортит день, а он должен быть счастливым и для вас, и для меня.

— Отлично. Не будем ссориться.

— Тогда давайте прощаться, Альберт. Когда-нибудь мы встретимся, я уверена.

Она протянула руку, и он пожал ее.

Баранова продолжила:

— Я попросила Софью проводить вас в отель и позаботиться о вашем отъезде. Думаю, вы не будете возражать.

— Нет, мне понравилась Софья.

Баранова улыбнулась:

— Я почувствовала это.

79

Это был счастливый день для Барановой, и даже усталость не могла помешать ей.

Усталость. Сколько потребуется провести безмятежных дней и ночей дома в окружении семьи, чтобы избавиться от нее? Но сейчас она одна, и на какое-то время можно отрешиться от всего и отдохнуть. Пользуясь случаем, Баранова с наслаждением вытянулась на диванчике в своем кабинете и погрузилась в приятную путаницу мыслей. Благодарность из Москвы и повышение — все перемешалось с теми днями на пляже в Крыму рядом с мужем и сыном. Она задремала и увидела, как пытается догнать маленького Сашу, который упрямо приближался к набегающим волнам морского прибоя, не думая о том, что может утонуть. В руках у нее был барабан, в который она била, стараясь привлечь его внимание, а он даже не оглядывался. Вдруг видение исчезло — стук барабана превратился в стук в дверь.

Она поднялась, поправила блузку и поспешила открыть. На пороге она увидела хмурого Конева.

— В чем дело, Юрий? — раздраженно спросила она.

— Никто не отвечал, а я знал, что ты должна быть тут.

Баранова впустила его, хотя не испытывала никакого желания общаться, тем более с ним.

— Ты что, совсем не спал? Выглядишь ужасно.

— У меня не было времени. Я работал.

— Над чем?

— А ты как думаешь, Наталья? Над данными, что мы получили.

Баранова почувствовала, как исчезает ее гнев. В конце концов, это его мечта. Мысль об успехе была приятна всем, кроме него. Только он потерпел поражение.

Она сказала:

— Сядь, Юра. Попытайся взглянуть правде в лицо. Мыслительный анализ не сработал, да и не мог. Шапиров был слишком плох. Даже в начале эксперимента он был на грани смерти.

Конев смотрел на Баранову абсолютно пустым взглядом, словно не слыша ее слов:

— Где Альберт Моррисон?

— Нет смысла обвинять его, Юра. Он сделал все, что мог, но мозг Шапирова умирал.

И снова пустой взгляд:

— О чем ты говоришь, Наталья?

— О тех данных, что мы получили. О данных, над которыми ты бьешься. Оставь это. То, что мы сделали, и без них великолепно.

Конев опустил голову:

— Великолепно и без них? Ты не понимаешь, что говоришь. Где Моррисон?

— Он уехал. Все кончено. Он летит в Соединенные Штаты. Как ему и обещали.

Глаза Конева широко раскрылись:

— Ни в коем случае! Он не может уехать! Он не должен уехать!

— Ну, перестань,— спокойно сказала Баранова,— о чем ты?

Конев вскочил на ноги:

— Я просмотрел все данные, все очень просто, глупая баба. Мы должны задержать Моррисона. Любой ценой должны задержать его.

Лицо Барановой покраснело:

— Как ты смеешь оскорблять меня? Немедленно объяснись, или я отстраню тебя от проекта. Что за новая идея фикс?

Конев взмахнул рукой, словно его переполняло желание дать женщине пощечину.

Он вздохнул:

— Извини. Погорячился. Но ты должна понять. Все это время, что мы провели в мозгу Шапирова, пока пытались перехватить его мысли, Альберт Моррисон обманывал нас. Он знал, что происходит. Он должен был знать и нарочно вел нас не в том направлении. Мы должны задержать его и прибор. Мы не можем отпустить его.

Глава 18
ВОЗВРАЩЕНИЕ?

«Неприятности — обратная сторона триумфа».
Дежнев-старший

80

Моррисон стоически пытался держать свои чувства в узде. Возвращение домой — всегда радость. Вынужденная командировка завершилась благополучно, без потерь. Он теперь свободен, он в безопасности... Нет, страшно даже думать об этом.

Конев — воплощение подозрительности, к тому же чертовски умен. Осторожность превыше всего. Хотя... а вдруг с ним играют, как с мышью? А на самом деле его удел — влачить жалкое существование в СССР и удовлетворять растущие потребности советской науки. Может статься, его решили сломить, старый трюк — пробуждать надежду, а потом сокрушить ее. Действует безотказно. Способна ли Баранова на подлость? Пожалуй, да. Она же не колебалась ни минуты, в надежде заполучить его на корабль, когда грозилась втоптать в грязь репутацию Моррисона, превратить в жалкое посмещище. Есть ли для нее невозможное, так ли она жестока?

Доктор облегченно вздохнул, когда появилась Софья. Уж она точно не способна участвовать в грязных играх. А когда она одарила его счастливой улыбкой, последние сомнения почти рассеялись.

Девушка схватила его под руку и сказала:

— Вот вы и возвращаетесь домой. Примите мои поздравления.

И снова Моррисона кольнуло неверие, не были ли ее слова и выражение частью хорошо продуманной игры.

Тем не менее произнес:

— Надеюсь, домой.

И снова получил улыбку:

— Вы когда-нибудь летали на скиммере?

Моррисон помедлил, вспоминая что такое «скиммер», и переспросил:

— Ты имеешь в виду флайер на солнечных батареях?

— Советский вариант. Гораздо лучше. У него есть легкие моторы, ведь не всегда можно положиться на солнце.

Они быстро шли к выходу из здания.

— Мы будем в Малограде через пятнадцать минут. Вам понравится, ручаюсь. Это еще один способ отпраздновать наше возвращение.

— Я побаиваюсь высоты. Это безопасно?

— Абсолютно. Кроме того, я не могу устоять перед таким соблазном. Пока нас чествуют и ублажают — надо пользоваться. Стоит только захотеть, любые желания обретают плоть и кровь. Я сказала: «Нам потребуется скимммер»,— и все заулыбались: «Ну конечно же, доктор Калинина. Скиммер в полном вашем распоряжении». Еще вчера, чтобы получить добавку в столовой, мне бы пришлось подавать увесистую пачку дурацких бумаг. Сегодня я — Герой Советского Союза, правда неофициально пока, как и все мы. И вы, Альберт, тоже.

— Надеюсь, мне не обязательно ожидать официальной церемонии,— настороженно уточнил Моррисон.

— Официальные церемонии пройдут прямо здесь, в Гроте. И вам передадут вашу награду. Возможно, это сделает наш посол в Вашингтоне.

— Ни к чему лишние заботы,— ответил Моррисон.— Я бы предпочел получить ее по почте.

Они свернули в незнакомый коридор, шли по нему так долго, что Альберт начал беспокоиться. Но вскоре они попали на небольшой аэродром и тревоги рассеялись.

Подошли к скиммеру. У него были длинные крылья, поблескивающие от фотогальванического покрытия, совсем как у американских флайеров. Но их самолеты полностью полагались на солнечные батареи, а у советского скиммера имелись

небольшие моторы. Калинина многословно рассуждала об улучшении конструкции, но Моррисон подозревал, что советское фотогальваническое покрытие не так эффективно, как американское.

Девушка обратилась к механику, стоящему возле скиммера:

— Как прошла проверка?

— На ура, будто сладкий сон,— ответил тот.

Она улыбнулась и кивнула, но как только механик отошел, прошептала Моррисону:

— Я проверю еще раз. Не хотела бы потом участвовать в незапланированном ночном кошмаре.

Моррисон разглядывал скиммер со смешанным чувством любопытства и опаски. Машина походила на скелет самолета, каждая деталь казалась тоньше и длиннее, чем положено. Кабина же вообще была крошечной, напоминавшей мыльный пузырь.

Калинина забралась на место пилота и склонилась над приборами. Через некоторое время она развернула скиммер, проехала по взлетной полосе и вернулась обратно, проверила работу двигателей и наконец сказала:

— Мотор работает отлично, запас топлива предостаточный, и солнце светит вовсю. Что еще нужно для счастья?

Моррисон кивнул и оглянулся:

— Нужен пилот. Где он?

Калинина сразу же посерьезнела:

— Он? Разве существуют сексуальные ограничения? Я сама вожу свой скиммер.

— Вы?! — непроизвольно воскликнул Моррисон.

— Да, я. У меня есть права и даже квалификация пилота. Забирайтесь, Альберт.

— Извините,— запинаясь, пробормотал краснеющий Альберт.— Я... Я редко летаю и ничего не смыслю в самолетах. Просто считал, что пилот — это профессия, а не хобби, а самолет не автомобиль. Вы понимаете, что я имею в виду?

— И думать не хочу об этих глупостях. Забирайтесь.

Моррисон вскарабкался в кабину, следуя ее указаниям и стараясь не удариться ни обо что головой.

Сел на сиденье и с ужасом осознал, что справа от него скиммер совершенно открыт.

— Здесь что, нет двери?

— Зачем она? Дверь только испортит замечательное ощущение полета. Пристегнитесь, и вы будете в полной безопасности. Вот здесь, я покажу. Теперь готовы?

Она выглядела абсолютно уверенной и довольной.

— Насколько это вообще возможно,— ответил он.

— Не глупите. Вам понравится. Мы взлетим с помощью моторов.

Раздались резкий гул и ритмичные хлопки пропеллеров. Скиммер медленно поднялся в воздух и так же медленно развернулся.

Во время поворота он накренился в правую сторону, и если бы не ремни, то Моррисон запросто бы вывалился из кабины. Он с трудом удержался от страстного желания обхватить обеими руками Софью, при этом им руководили отнюдь не сексуальные побуждения.

Скиммер выпрямился, и Калинина торжественно изрекла:

— А теперь слушайте.

Она выключила двигатели и нажала на кнопку, над которой кириллицей было написано: «СОЛНЦЕ». Моторы умолкли, передний пропеллер начала вращаться. Скиммер медленно и практически бесшумно продолжал движение.

Девушка прошептала:

— Послушайте, это музыка тишины.

Моррисон напряженно глянул вниз.

Калинина сказала:

— Мы не упадем. Даже если облако закроет солнце или короткое замыкание выведет из строя фотогальваническое покрытие, у нас хватит топлива на много километров. Мы сможем благополучно приземлиться. А если топливо закончится, скиммер приземлится как планер. Даже если очень захочется побывать в авиакатастрофе, ничего не получится. Единственная настоящая опасность — сильный ветер, но его нет.

Моррисон с трудом проглотил слюну и сказал:

— Очень плавное движение.

— Конечно. Мы движемся не быстрее автомобиля, но ощущения намного приятнее. Я обожаю летать. Попытайтесь расслабиться и посмотрите в небо. Нет ничего более мирного, чем скиммер.

Он спросил:

— Когда вы начали летать?

— В двадцать четыре года я получила права мастера. Так же, как и Ю... Как и он. Сколько прекрасных летних часов мы провели в воздухе вместе!

Прекрасное лицо исказила нервная гримаса, и Моррисону внезапно пришло в голову, что она выбрала скиммер для полета в Малоград исключительно ради воспоминаний.

— Опасно самостоятельно управлять самолетом,— сказал он.

— Не очень, если ты знаешь, что делать. Однажды мы летали в предгорьях Кавказа, вот там опасность была. Шквал ветра запросто может подхватить самолет и ударить о склон горы, и тут уже не до смеха. Но мы были молодыми и беспечными. Хотя для меня, может быть, это был бы счастливый конец.

Помрачневшее лицо через секунду осветилось улыбкой.

Моррисон снова запутался в женской психологии. Если сама мысль о Коневе делает ее такой счастливой, то почему на корабле она не могла себя заставить даже взглянуть на него?

Он сказал:

— Я вижу, ты не прочь поговорить о Юрии, Софья...— Он намеренно обратился к ней на «ты» и произнес запрещенное имя.— Похоже, это доставляет тебе даже удовольствие.

Калинина процедила сквозь зубы:

— Удовольствие мне доставляют вовсе не сентиментальные воспоминания, смею вас заверить, Альберт. Гнев, разочарование и разбитое сердце способны испортить человека. А мой характер достаточно подл, чтобы наслаждаться местью.

— Месть? Я не понимаю.

— Все очень просто, Альберт. Он лишил меня любви, а мою дочь — отца в тот момент, когда я не могла защищаться. Ему было наплевать на нас. У него одна мечта — воплотить в жизнь минимизационный проект и стать самым известным ученым в мире, а может быть, и в истории.

— Но у него ничего не вышло. Мы не получили необходимой информации из мозга Шапирова.

— Вы не знаете его. Он никогда не сдается. Я случайно увидела, как он смотрел на вас после возвращения. Я знаю этот взгляд, Альберт, по взмаху ресниц я способна читать его мыс-

ли. Так вот, он уверен, что вы лжете и скрываете ценную информацию.

— Мысли Шапирова? Но откуда?

— Знаете вы или не знаете — не имеет никакого значения. Он считает, что знаете, а потому спит и видит заполучить и вас и ваш прибор уж, конечно, больше, чем хотел меня или ребенка. А мне поручено проводить вас до трапа самолета и отправить на родину. И я с удовольствием погляжу, как он искусает себе локти.

Моррисон с изумлением взглянул на возбужденную девушку. Он и не подозревал, что Калинина способна быть злорадной.

81

Баранова внимательно выслушала сбивчивый рассказ и почувствовала, как заражается его убежденностью. Так случалось и раньше — когда он смог убедить ее, что можно изучить мозг умирающего Шапирова, а американский нейрофизик — ключ к нему.

На этот раз она пыталась сопротивляться.

— Это звучит невероятно.

Конев спросил:

— Какая разница, как это звучит, если такова правда?

— А это правда?

— Я уверен.

— По моему мнению, нам не хватает Дежнева. Он бы напомнил тебе отцовское высказывание, что убежденность — еще не гарантия правды.

— Не гарантирует ее и обратное. Пойми, его нельзя отпускать. Ни в коем случае, вполне вероятно, что его вообще нельзя от нас отпускать.

Баранова решительно покачала головой:

— Слишком поздно. Ничего нельзя поделать. Штаты хотят получить его обратно, и наше правительство согласилось. Отказываться от собственного слова — провоцировать кризис.

— Принимая во внимание, что поставлено на карту, мы должны рискнуть. Месяц-другой поголосят и бросят, зато мы получим то, что нам нужно... А затем, так и быть, выпустим... Или устроим несчастный случай...

Баранова вскочила на ноги:

— Нет! То, что ты предлагаешь,— немыслимо. На дворе двадцать первый век!

— Наталья, какой бы век ни был, перед нами стоит один и тот же вопрос: кто станет властителем Вселенной?

— Ты же знаешь, что не сможешь убедить Москву. Правительство получило желаемое — благополучно завершившееся путешествие в человеческое тело. Они никогда не поймут, что мы хотели узнать. Мы не объясняли им это.

— И зря.

— Юрий, ты знаешь, сколько времени пришлось убеждать их в необходимости заполучить Моррисона любым способом? Они не хотели рисковать тогда, а уж сейчас и подавно откажут.

— Правительство — это не один человек. Есть много высокопоставленных чиновников, убежденных, что мы слишком легко уступаем первенство Америке. Есть люди, к которым я могу обратиться...

— Знаю. Ты играешь в опасную игру, Юрий. Более опытные люди запутывались в подобных интригах и бесславно завершали жизненный путь.

— У меня есть шанс, и я должен воспользоваться им. А с правительством договорюсь. Но мы должны вернуть Альберта Моррисона. Без него проекту не бывать. Когда он должен улететь?

— Поздней ночью. Мы с Софьей решили не привлекать тех, кто негативно воспринимает сотрудничество с Америкой.

Его глаза округлились.

— С Софьей? А она тут при чем?

— Калинина отвечает за его возвращение. Она сама так захотела.

— Сама захотела?

— Мне показалось, она захотела побыть с ним еще немного.— В ее голосе прорезалась теплая нотка.— Может, ты и не заметил, но ей понравился этот американец.

Конев с презрением хмыкнул:

— Глупости. Уж я-то ее знаю как облупленную. Она увозит его от меня. Сидя рядом с ним в корабле, видя каждое его движение, она догадалась обо всем. И сейчас ее главная задача — оставить меня ни с чем.

Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты.

— Юрий! — крикнула ему вдогонку Баранова.— Юрий, что ты собираешься делать?

— Остановить ее,— бросил он через плечо.

Наталья задумчиво смотрела ему вслед. Она могла бы остановить его. И власть, и средства были в ее руках, но... Что, если он прав? Что, если на карту поставлено не больше и не меньше, чем господство над Вселенной? Если она остановит его, американцы выйдут в финал. Но если дать волю Юрию, неизбежен международный скандал. Необходимо срочно принять решение.

Как поступить? Если Юрий докажет свою правоту, ее обвинят в поражении. Если он ошибается, то никто и не вспомнит, что она его удержала от неблаговидных поступков. Несовершенная ошибка и ошибкой-то не считается. Если же она не остановит Конева, то ответственность полностью ляжет на его плечи. Если так или иначе ему удастся задержать Моррисона и разразится правительственный скандал, вся вина падет на него. Баранова ничего не потеряет, так как он бросился в погоню, не уведомив ее о дальнейших действиях. А она вольна заявить, что ей и в голову не могло прийти, будто он попытается помешать выполнению правительственного решения. Она вне подозрений. С другой стороны, если он прав в отношении Моррисона и правительство примет сторону Юрия, она может претендовать на часть успеха. Она тогда заявит, что он действовал с ее разрешения. Итак, если она остановит его, в худшем случае на нее падет вина, в лучшем — ничего. Если же она предпочтет бездействие, то их ожидают либо успех, либо — ничего. Поэтому Баранова предпочла позицию ожидания и невмешательства.

82

Калинина была абсолютно права. С каждой минутой он чувствовал себя все увереннее в скиммере и даже почувствовал удовольствие. Он видел, как земля медленно уплывала назад. Софья все внимание направила на управление, хотя Моррисону казалось, что у нее немного работы. Он спросил:

— А что будет, если мы попадем во встречный ветер?

Она ответила, не поднимая глаз:

— Тогда мне придется запустить двигатели. Если бы был сильный ветер, не стоило бы и думать о скиммере. Но сегодня прекрасная погода.

Он в первый раз осмелился подумать о возвращении в Соединенные Штаты, затем спросил:

— Что будет после того, как мы доберемся до отеля в Малограде?

— Вас уже ждет автомобиль в аэропорт,— решительно ответила Калинина,— а затем отправка самолетом в Америку.

— Когда?

— По расписанию сегодня ночью. Но я постараюсь поторопить события.

Моррисон весело бросил:

— Не терпится избавиться от меня?

И к своему удивлению, тут же получил ответ:

— Именно так.

Он внимательно вгляделся в ее профиль. Ненависти в ней не было, он помрачнел, увидев, насколько она обеспокоена. Отвлекшись от мечтаний, он спросил:

— Что-то не так?

— Нет, пока все в порядке. Просто я думаю, что... он наверняка начнет преследовать нас. Волк вышел на охоту, поэтому следует как можно скорее покинуть Малоград.

83

Под ними показался Малоград — маленький населенный пункт, «спальный городок» для сотрудников минимизационного проекта. Днем он казался совершенно пустынным. Кое-где виднелись машины, редкие прохожие и, конечно, дети, играющие на пыльных улицах. Моррисон неожиданно подумал, что он не имеет ни малейшего представления, в какой части этой огромной страны находятся Малоград и Грот. Рядом не было ни березовых лесов, ни тундры. Возможно, Центральная Азия или прикаспийские степи. Скиммер плавно опускался на землю. Моррисон никогда бы не поверил, что посадка может быть столь плавной. Скиммер коснулся земли и подрулил к ближайшей стоянке. Они встали позади отеля.

Калинина легко спрыгнула на землю и жестами показала Моррисону, как лучше спуститься.

Он спросил:

— Что будет со скиммером?

Она беспечно ответила:

— Если погода продержится, вернусь на нем в Грот. Пойдемте в вашу комнату. Там вы немного отдохнете, и мы решим, как быть дальше.

— Комната с охраной?

Она нетерпеливо ответила:

— Не будет никакой охраны. Сейчас вам незачем бежать.— Быстро оглядевшись вокруг, она добавила:— Хотя я бы предпочла охрану.

Моррисон тоже огляделся, начиная нервничать, ему охраны не хотелось. Пришло в голову, что если Конев попытается вернуть его, как этого опасается Калинина, то, скорее всего, прибудет с охраной. Правда, потом подумал, что Софья просто помешана на Юрии и явно преувеличивает опасность. Эта мысль также не добавила спокойствия.

Моррисон в прошлый раз не видел отель при ярком дневном свете. Сейчас он решил, что в нем останавливаются только официальные чиновники и специальные гости вроде него. Интересно, этот отель когда-нибудь бывает забит под завязку? Две ночи, которые он здесь провел, были очень спокойные. Он не помнил ни шума в коридорах, ни людей в ресторане во время обеда.

В этот момент они подошли к центральному входу и увидели полную рыжеволосую женщину, которая, подставляя лицо солнцу, почитывала книжку. На носу ее красовалось пенсне. Моррисона очень удивил это пережиток старины, ведь в нынешнее время даже в СССР никто не носил очков, после того как корректировка зрения стало таким же привычным делом, как лечение зубов. Пенсне и задумчивое выражение лица изменили ее, Моррисон не сразу признал старую знакомую, Валерию Палерон. Ту самую взбалмошную официантку, которая без зазрения совести выдала его. Он строго и враждебно сказал:

— Доброе утро, товарищ Палерон.

Не похоже было, чтобы дамочка пришла в замешательство. Палерон подняла голову, сняла пенсне и сказала:

— А, товарищ американец. Вернулись целы и невредимы? Поздравляю.

— С чем?

— Об этом трещат на каждом углу. С успешным экспериментом.

Калинина резко вмешалась:

— Незачем трепаться. Болтун — находка для шпиона.

— А кто болтает? Покажите мне хоть одного человека, работающего в Гроте и не знающего, что там происходит. Почему мы не должны говорить об этом? Как я могу не слышать разговоров? Мне что, прикажете уши затыкать? Я не могу одновременно нести поднос и затыкать уши.— Она повернулась к Моррисону: — Я слышала, вы отлично справились с заданием.

Моррисон пожал плечами.

— И этот выдающийся человек,— она снова повернулась к хмурой Калининой,— хотел позорно сбежать отсюда. Он обратился за помощью ко мне, к официантке. Я, конечно же, сразу доложила об этом куда следует, и он огорчился. Даже сейчас, обратите внимание на то, как он смотрит на меня.— Она погрозила ему пальцем.— А ведь я оказала ему неоценимую услугу. Не останови я вас — плакало бы ваше геройство. Да и маленькая Софья к вам неравнодушна.

Калинина сказала:

— Если вы сейчас же не прекратите болтовню, я доложу о вас руководству.

— Давайте.— Палерон уперла руки в боки и удивленно подняла брови.— Я выполняю свою работу, я — благонадежна и не сделала ничего предосудительного. О чем вы доложите? Кстати, вас ожидает потрясающий автомобиль.

— Не вижу никакого автомобиля,— буркнула Калинина.

— Он не на парковке, а с другой стороны отеля.

— Почему вы думаете, что он ждет меня?

— Вы — единственная важная персона в отеле. Для кого же еще? Для портье? Или, может быть, для посудомойки?

— Пойдемте, Альберт,— сказала Калинина,— мы зря теряем время.

Она прошла так близко от официантки, что умышленно наступила ей на ногу. Моррисон смущенно поплелся за ней.

— Ненавижу эту женщину,— проговорила Калинина, поднимаясь по лестнице на третий этаж.

— Вы думаете, она работает по заданию Центрального координационного комитета? — спросил Моррисон.

— Кто знает? Но что-то здесь не так. Она одержима бесом дерзости. Ей невозможно указать ее место.

— Своего места? А что, в Советском Союзе сохранились классовые различия?

— Ваш сарказм неуместен. Может быть, считается, что их нет и в Соединенных Штатах, но ведь это не так.

Они поднялись в комнату, где Моррисон жил неделю назад.

Он осмотрел ее без всякого удовольствия. Здесь было неуютно, хотя солнечный свет разгонял мрачность, да и надежда вернуться домой прибавляла оптимизма. Калинина села в лучшее из двух кресел, закинув ногу на ногу. Моррисон примостился на кровати и задумчиво уставился на ее ноги. Он никогда не умел сохранять в трудных ситуациях невозмутимость и спокойствие, поэтому видеть, что кто-то нервничает еще больше, чем он, было для него странным и необычным.

Он спросил:

— Ты нервничаешь. В чем дело?

Она ответила:

— Я уже говорила. Меня беспокоит эта женщина, Палерон.

— Она не могла так тебя взволновать. В чем дело?

— Я не люблю ждать. Еще девять часов до захода солнца.

— Мы рассуждаем о часах. Переговоры дипломатов частенько растягиваются на месяцы.— Он сказал об этом легко, но подобная мысль заставила его сердце сжаться.

— Только не в этом случае. Делом занялись шведы. Прилетит не американский самолет. Пропустить его в глубь территории страны — на это наше правительство еще не может пойти. А вот шведский... Они выступают в роли посредников и стараются свести возможные недоразумения к минимуму.

— В Штатах бытует мнение, что шведы в лучшем случае относятся к нам равнодушно. Я думал, что это будет Великобритания.

— Ну-ну, с таким же успехом вы бы могли назвать Техас. Может быть, к вам Швеция и равнодушна, но к нам она относится лучше. В любом случае, чтобы разрядить ситуацию, нужны шведы и их принципы.

— Послушайте, торопиться надлежит мне, я больше всего на свете хочу уехать. Почему вы так волнуетесь из-за нескольких часов?

— Я уже говорила вам. Он — рядом.

— Юрий? Но что он может сделать? Если ваше правительство дает добро...

— В правительстве есть люди, которым вовсе не хочется отпускать вас, и наш... друг знает кое-кого из них.

Моррисон приложил палец к губам и огляделся.

Калинина спросила:

— Боитесь, подслушивают? Сюжет для шпионского романа. В наши дни обнаружить «жучка» и уничтожить очень просто. Я всегда ношу с собой детектор, и он еще ни разу не сработал.

Моррисон пожал плечами:

— Тогда говорите, что хотите.

— Наш друг — сам не политический экстремист, но может использовать кое-кого из них в правительстве. В Америке ведь тоже есть экстремисты, не так ли?

— Те, кто считает, что наша политика в отношении Советского Союза слишком мягка? — Моррисон кивнул.— Да, я встречал некоторых.

— Вот видите. Его пожирает честолюбие, и если экстремизм поможет осуществлению планов, он станет экстремистом.

— Надеюсь, вы не думаете, что он способен организовать переворот в Москве и привести консерваторов к власти, причем до моего отлета?

— Но способен убедить кого-нибудь в правительстве занять жесткую позицию и отложить ваше возвращение на неопределенное время. Он умеет быть очень убедительным, наш общий друг, особенно когда дело касается его теорий. Он способен убеждать даже Наталью.

Калинина замолчала и прикусила нижнюю губу. Наконец посмотрела на него и сказала:

— Он не откажется от своего замысла. Я уверена. Необходимо срочно вывезти вас отсюда.

Она неожиданно встала и быстро пересекла комнату, стараясь ступать неслышно. Остановилась у двери и рванула ее на себя. За дверью с воплощением невинности на лице и приготовленной для стука рукой стояла Палерон.

— Что вам надо? — грубо спросила Калинина.

— Мне? — переспросила официантка.— Мне ничего. А вот вам? Я хотела узнать, не хотите ли чаю?

— Мы не заказывали чай.

— Я и не говорю, что заказывали. Хотела оказать вам любезность.

— Тогда будьте любезны пойти вон. И больше не возвращайтесь.

Палерон с покрасневшим лицом процедила сквозь зубы:

— Может, я не вовремя?

— Убирайтесь! — крикнула Калинина.

Она хлопнула дверью, медленно сосчитала до десяти (ее губы беззвучно шевелились) и затем вновь распахнула. Никого не было. Она закрыла дверь на замок, отошла в другой конец комнаты и сказала:

— Она простояла там какое-то время. Я слышала шаги.

Моррисон ответил:

— Время электронного прослушивания прошло, но появился спрос на старомодное подглядывание в замочную скважину.

— Но для кого она это делала?

— Ты думаешь, для Юрия? Вряд ли у него есть деньги, чтобы нанимать шпионов, или все же есть?

— Это может недорого стоить. Такая женщина и ради удовольствия примется совать нос во все дырки.

Какое-то время они молчали, затем Моррисон сказал:

— Софья, если ты окружена шпионами, почему бы тебе не улететь со мной в Америку?

— Что? — Она, казалось, не расслышала его.

— У тебя могут быть неприятности из-за того, что ты мне помогаешь.

— Почему? Я выполняю приказ.

— Легко сделать из тебя козла отпущения. Почему бы тебе не улететь со мной в Америку?

— Вот как? А что будет с моим ребенком?

— Пошлем за ней позже.

— Мы пошлем за ней? Что ты имеешь в виду?

Моррисон слегка покраснел:

— Я не знаю. Но мы, конечно, можем быть друзьями. Тебе понадобятся друзья в новой стране.

— Но это невозможно, Альберт. Я ценю твою доброту и заботу или жалость, но это невозможно.

— Нет, возможно, это ведь не двадцатый, а двадцать первый век. Люди могут свободно передвигаться по всему свету.

— Дорогой Альберт,— сказала Калинина,— тебе хочется жить теорией. Да, люди получили свободу передвижений, но у каждого народа есть свои исключения. Советский Союз не позволит высококвалифицированному ученому с опытом минимизации покинуть страну. Подумай об этом, и ты поймешь, что это резонно. Если я отправлюсь с тобой, Советский Союз немедленно заявит протест, начнет кампанию, что меня похитили. Во всех уголках мира поднимется шум, и, чтобы избежать кризиса, меня вышлют из страны. Шведы сработают так же быстро, как и в случае с тобой.

— Но в моем случае действительно было похищение.

— Многие поверят, что и меня похитили, или предпочтут поверить. Десятки кризисов удалось погасить таким образом.

— Если ты будешь настаивать на том, что хочешь остаться в Соединенных Штатах...

— Тогда я больше никогда не увижу своего ребенка, да и моя жизнь окажется под прицелом. Кроме того, я не хочу лететь в Соединенные Штаты.

Моррисон был удивлен.

Калинина спросила:

— В это так трудно поверить? А ты хочешь остаться в Советском Союзе?

— Конечно же нет. Моя страна...— Он замолчал.

Она сказала:

— Вот именно. Ты постоянно говоришь о гуманности, о важности глобального взгляда на мир, но если добраться до твоих чувств, то на первом месте твоя страна. У меня тоже есть страна, привычный образ жизни, культура. Я не хочу отказываться от всего этого.

Моррисон вздохнул:

— Ты права, Софья.

Калинина сказала:

— Незачем сидеть здесь. Нет смысла ждать. Пойдем к машине, я отвезу тебя к шведскому самолету.

— Он, наверное, еще не прилетел.

— Тогда подождем на аэродроме, и, по крайней мере, я буду уверена, что как только он прилетит, ты сразу же взойдешь на его борт. Хочу убедиться, что ты спокойно улетишь. А вот потом взгляну в его лицо.

Она вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице. Моррисон поспешил за ней следом. Они прошли по коридору, покрытому ковром, и вышли с другой стороны отеля. Там, у стены, стоял сверкающий черный лимузин. У Моррисона на мгновение перехватило дыхание:

— Роскошная машина. Ты сможешь ее вести?

Калинина улыбнулась... и замерла. Из-за угла отеля вышел Конев. Он остановился, и какое-то время они неподвижно стояли, словно пара горгон, превращавших друг друга в камень.

84

Первым с хрипотцой заговорил Моррисон:

— Ты приехал проводить меня, Юрий? Польщен.

Он сам чувствовал фальшь своих слов, сердце бешено колотилось. Юрий бросил быстрый взгляд на него и повернулся к Софье. Моррисон схватил девушку за локоть и попытался увести.

— Пойдем, Софья.

С таким же успехом он мог и промолчать. Когда она наконец заговорила, ее слова были обращены к Коневу.

— Что ты хочешь? — резко спросила она.

— Американца,— ответил Конев жестко.— Я его увожу.

— Нет.

— Он нужен нам. Он нас обманул.— Голос Конева стал спокойнее.

— Это ты так говоришь,— ответила Калинина.— У меня есть приказ. Я должна посадить его на самолет и проследить за отлетом. Ты его не получишь.

— Он нужен не мне, а стране.

— Говори, говори. Еще заяви с пафосом, что это приказ матери-Родины, и я рассмеюсь тебе в лицо.

— Этого не скажу. Он нужен Советскому Союзу.

— Ты думаешь только о себе. Прочь с дороги.

Конев преградил им путь к автомобилю:

— Нет, ты не понимаешь, насколько важно, чтобы он остался. Поверь мне. Москва уже в курсе.

— Не сомневаюсь и даже догадываюсь, кому ты отправил свою кляузу. Но этот старик ничего не сможет сделать. Он не посмеет даже вякнуть в Президиуме, а если и посмеет, то Альберт будет уже далеко.

— Нет, он не улетит.

Моррисон сказал:

— Я сам позабочусь о нем, Софья. Открой дверь машины.

Доктора немного трясло. Конев не походил на богатыря, но выглядел крепким и выносливым. Моррисон же никогда не умел толком драться. Калинина повелительно махнула рукой:

— Стой там, Альберт.

И вновь обратилась к Коневу:

— Как ты собираешься остановить меня? У тебя оружие?

Конев удивился:

— Нет, конечно нет. Оно запрещено законом.

— Неужели? А у меня есть.

Она вытащила из кармана жакета маленький пистолет, который тут же скрылся в ее ладони. Конев отшатнулся, его глаза расширились.

— Станнер.

— Конечно, пострашнее, чем пистолет, не так ли? Я предполагала, что ты влезешь, поэтому подготовилась.

— Противозаконный ход.

— Тогда заяви обо мне, а я сошлюсь на необходимость выполнить приказ, несмотря на твое преступное вмешательство. Пожалуй, я даже получу благодарность.

— Не получишь, Софья...

Он сделал шаг вперед. Она отступила.

— Не подходи. Я могу выстрелить даже сейчас. Помнишь, что с человеком делает станнер? Эта игрушка взрывает мозг. Ты ведь сам мне объяснял. Ты потеряешь сознание и придешь в себя с частичной амнезией. Чтобы очухаться, тебе потребуются часы, а может быть, и дни и месяцы, смотря куда целиться. Я слышала, некоторые навсегда теряли рассудок. Представь, твой гениальный мозг впадет в спячку.

— Софья...— повторил он.

Она процедила сквозь зубы:

— Ты называешь меня по имени? Почему? Последний раз ты вспомнил мое имя, когда заявил: «Софья, мы теперь чужие.

Ни слова друг другу, ни взгляда». Убирайся и держи свое слово, ты, жалкий...

Она употребила русское слово, неизвестное Моррисону, но из контекста доктор догадался, что это было отнюдь не ласковое прозвище.

Конев в третий раз произнес побелевшими губами:

— Софья... Выслушай меня. Можешь считать, что каждое мое слово — ложь, но выслушай. Этот американец несет смертельную угрозу Советскому Союзу. Если ты любишь свою страну...

— Я устала от любви. Любовь убила меня.

— А что она сделала со мной? — прошептал Конев.

— Ты любишь только себя,— с горечью сказала Калинина.

— Нет. Ты не права. Если я и уважаю себя немного, так только за то, что способен принести пользу своей стране.

— Ты веришь в это? — изумилась Калинина.— Ты что, действительно веришь в это? Да ты псих.

— Нисколько. Я знаю, чего стою. И никому не позволю удерживать меня, даже тебе. Ради нашей страны и ради науки я должен был расстаться с тобой. Отказаться от своего ребенка. Мне пришлось отрезать половину себя и выбросить, лучшую половину.

— Твоего ребенка? — переспросила Калинина.— Ты что, признаешь отцовство?

Конев опустил голову:

— А у меня был выбор? Только работа, я не могу тратить силы и энергию на что-то кроме нее. Хотя я люблю тебя. Я всегда любил тебя. И я всегда знал, что ребенок наш.

— Тебе нужен Альберт?

Ее станнер не дрожал.

— Ты слезливо уверяешь меня, что ребенок наш, распинаешься о том, как много я для тебя значу, я растаю и поверю, отдам тебе Альберта, а потом ты снова выбросишь меня как хлам на помойку? Как же мало ты меня знаешь!

Конев покачал головой:

— Как мне убедить тебя? Знаю, если сознательно отказываешься от всего, что имел, то шансов получить это назад практически нет, не так ли? Отдай американца ради нашей страны. Я тебе объясню, в чем дело.

— Не желаю слушать твои объяснения.

Калинина бросила взгляд на Моррисона:

— Ты слышишь его, Альберт? Ты не представляешь, с какой жестокостью он отшвырнул прочь меня и мою дочь. А теперь ждет, что я поверю в его всепоглощающую любовь.

И тут Моррисон услышал свой голос:

— Это правда, Софья. Он любит тебя больше жизни.

На мгновение Калинина застыла:

— Откуда ты знаешь, Альберт? Ты веришь ему?

Конев взволнованно закричал:

— Он знает. Он сам признал это. Ты видишь? Он почувствовал это с помощью своего чертова компьютера. Если позволишь мне объяснить, то все поймешь.

Калинина спросила:

— Это правда, Альберт? Ты подтверждаешь?

Моррисон прикусил было язык, но глаза выдали его. Конев сказал:

— Моя любовь неизменна, Софья. Я страдал так же, как и ты. Но отдай мне Альберта, и начнется другая жизнь. У меня будет моя работа, ты и наш ребенок, чего бы мне это ни стоило, и будь я проклят, если не выдюжу.

На глаза Калининой навернулись слезы.

— Как я хочу верить тебе,— прошептала она.

— Тогда поверь. Американец подтвердил.

Калинина, словно лунатик, ничего не видя перед собой, подошла к Коневу. Моррисон сдавленно крикнул: «А твой приказ?..» — и кинулся на них. Но тут же чьи-то крепкие руки обхватили его, и кто-то ехидно заявил:

— Спокойнее, товарищ американец. Не лапайте почем зря советских граждан.

Это была не кто иная, как Валерия Палерон.

Софья прижалась к Коневу, рука, сжимающая станнер, безвольно повисла. Юрий прижал ее к груди, и в глазах его застыла мука отчаяния.

Палерон дернула доктора за рукав:

— Академик, ни к чему мозолить глаза. Давайте вернемся в комнату. Идите, товарищ американец, и ведите себя тихо, не то беды не миновать.

Конев, придя в себя, поймал взгляд Моррисона и торжествующе улыбнулся. У него теперь было все — любимая женщина, его ребенок и его американец. Моррисон обреченно осознал, что мечта о возвращении домой лопнула как мыльный пузырь.

Глава 19

ПОВОРОТ

«В истинном триумфе нет проигравших».

Дежнев-старший

85

Еще пятнадцать минут назад Моррисон навсегда распрощался с комнатой в отеле, причем без сожаления. Теперь ему пришлось снова вернуться туда. Отчаяние завладело им, он паниковал даже больше, чем когда его отнесло от корабля во внутриклеточном пространстве. Он проиграл. Он всегда проигрывает. Альберт Моррисон неудачник. Он поверил, что не безразличен Софье Калининой, но ошибся. Его лишь использовали как орудие в борьбе против Конева, и стоило тому поманить ее пальцем, как влюбленная женщина тут же прибежала к нему, ее больше не интересовали ни Моррисон, ни станнер. Он понуро смотрел на них. Они стояли в потоке солнечного света, бьющего из окна номера, он — в тени, так и должно было быть. Парочка ворковала. Увлеченные друг другом, они забыли обо всем. Калинина, казалось, даже не осознавала, что все еще держит станнер. Моррисон хрипло окликнул их:

— Ваше правительство будет недовольно. Как же приказ освободить меня?

Конев взглянул на него, его глаза слегка прояснились, словно ему стоило большого труда обратить внимание на пленника. К чему следить за ним. Официантка Валерия Палерон с удовольствием справлялась с этой обязанностью. Она стояла рядом с Моррисоном и не спускала с него глаз. Конев ответил:

— Моему правительству не о чем беспокоиться. Они готовы принять единственное верное решение.

Калинина подняла руку, словно пытаясь возразить ему, но Конев перебил ее:

— Ни о чем не беспокойся, Софья. Я уже отправил доклад в Москву. Он заставит их задуматься. Они свяжутся со мной, и, когда я скажу, что Моррисон у меня, им придется принять решение и что-то сделать. Я уверен, они смогут убедить старика в целесообразности поступка. Я обещаю тебе.

Калинина произнесла взволнованным голосом:

— Альберт...

Моррисон ответил:

— Ты собираешься выразить сожаление, Софья, ты, которая поставила на мне крест из-за слов человека, столь ненавистного тебе?

Калинина покраснела.

— Альберт, не надо так. Ты не пленник. Отношение к тебе будет сугубо уважительное. Продолжишь работать так же, как и в своей стране, только здесь тебя по-настоящему оценят.

— Спасибо,— горько рассмеялся Моррисон.— Если ты за меня беспокоишься, то какое значение имеют мои чувства?

В их перепалку вмешалась Палерон:

— Товарищ американец, вы болтун. Почему бы вам не присесть? Садитесь.

Она толкнула его в кресло.

— Раз вы бессильны, то почему бы просто спокойно не посидеть?

Она повернулась к Калининой. Конев нежно обнимал любимую за плечи.

— А вы, милочка, все еще планируете вывести своего любовничка из игры и поэтому вцепились в станнер? Дайте игрушку мне. Двумя руками вы крепче обнимете будущего муженька.

Палерон приняла оружие из руки Калининой, а девушка даже не заметила. С любопытством глядя на станнер, Палерон сказала:

— Вот так-то лучше. А то я опасалась, вдруг в пароксизме вновь обретенной любви вы приметесь палить налево и направо.

Она подошла к Моррисону, все еще изучая станнер и поворачивая его в разные стороны, словно мартышка очки. Моррисон неловко поднял руку.

— Не цельтесь в меня. Он может выстрелить.

Палерон надменно посмотрела на него:

— Не выстрелит, если я этого не захочу. Я знаю, как с ним обращаться.

Она улыбнулась Коневу и Калининой. Софья двумя руками обнимала Конева и покрывала его лицо быстрыми нежными поцелуями. Палерон повторила:

— Я знаю, как с ним обращаться. Вот так. И вот так...

Сначала Конев, а затем и Калинина рухнули на пол, словно два куля с мукой. Палерон повернулась к Моррисону:

— А теперь, идиот, закрой рот и помоги мне. Наше спасение в быстроте.— Это она сказала по-английски.

86

Моррисон ничего не соображал. Он тупо уставился на нее. Палерон потрясла его за плечо, словно пытаясь разбудить.

— Ну, давай же. Бери его за ноги.

Моррисон автоматически подчинился. Сначала Конев, а затем и Калинина были перенесены на кровать, с которой Палерон предварительно сняла тонкое покрывало. Она быстро обыскала Калинину.

— Вот,— сказала она, найдя сложенный документ с какими-то печатями.

Палерон не глядя сунула его в карман и продолжила обыск. Наконец она нашарила пару маленьких ключей. Так же быстро странная официантка обыскала Конева, сорвав с внутренней стороны лацкана пиджака небольшой металлический диск.

— Его личный передатчик,— сказала она и тоже сунула его в карман.

Наконец достала черный прямоугольник и спросила:

— Твое добро, не так ли?

Моррисон кивнул. Его программа для компьютера. Он даже не знал, что Конев стащил ее. Моррисон выхватил программу из рук Палерон. Валерия повернула парочку лицом друг к другу и накрыла их покрывалом.

— Не надо пялиться на меня, Моррисон,— сказала она, завершив свои действия.— Пойдем.

Она крепко схватила его за руку. Он пытался сопротивляться.

— Куда? Что происходит?

— Я объясню тебе попозже, если захочешь. А сейчас ни слова. Времени в обрез. Ни минуты, ни секунды. Пойдем.

Она с горячностью глянула на него. Моррисон послушно последовал за ней. Они вышли из комнаты, как можно тише спустились по лестнице и выбрались к лимузину. Палерон открыла дверь машины одним из ключей Калининой и резко бросила:

— Залезай.

— Куда мы едем?

— Садись.

Она буквально втолкнула его в машину. Сама села за руль, и Моррисон едва удержался, чтобы не спросить, умеет ли она водить машину. До него наконец-таки дошло, что перед ним не просто официантка. Палерон завела двигатель и огляделась. На улице никого не было, кроме полосатого и вальяжного кота, разгуливавшего по тротуару. Автомобиль медленно набирал скорость, и к тому времени, когда индикатор показал девяносто пять километров в час, они уже мчались по широкому шоссе. Изредка попадались встречные машины. К Моррисону вернулась способность рассуждать. Он посмотрел в заднее зеркало. Автомобиль, ехавший за ними, свернул с дороги. Похоже, погони не было. Моррисон повернулся к Палерон. Дамочка казалась мрачной, но уверенной в себе. Наконец он полностью осознал, что Палерон не только не официантка, но и вообще иностранка. Ее английский имел акцент, которому не научиться в школе, это врожденное. Тут его ухо нельзя было обмануть.

— Вы специально ждали у отеля с книгой, чтобы не пропустить Софью и меня?

— Ага,— ответила Палерон.

— Так вы мое прикрытие, агент США? Куда мы едем?

— В аэропорт, где вас подберет шведский самолет.

— А вы знаете дорогу?

— Конечно. Я провела в Малограде гораздо больше времени, чем ваша Калинина. Но объясните мне, на черта вы заявили ей, что Конев любит ее? Она только и ждала, чтобы это кто-нибудь ляпнул. Она хотела это услышать, и вы уважили ее. Заодно сыграли на руку Коневу. Почему?

— Потому что это правда.

— Правда?

Палерон была изумлена. Она покачала головой:

— Да вы не от мира сего. Честное слово. Удивляюсь, как это никто до сих пор не пристукнул вас? Вам-то почем знать?

Моррисон ответил:

— Я знаю. Мне стало жаль ее. Вчера она спасла мне жизнь. Всех нас спасла. И Конев тоже там, в экспедиции, помог мне уйти от смерти.

— Вы спасли жизни друг другу, насколько я знаю.

— В общем-то, да.

— Это вчерашний день. Сегодня — есть сегодня, нельзя позволять прошлому расставлять свои акценты. Она бы никогда не простила его, если бы не ваша глупая выходка. Он мог клясться до посинения, что любит ее, но она не поверила бы. Она не посмела бы поверить. Никогда. Еще минута, и она бы выстрелила в него, а тут влезли вы: «Да что ты, деточка-лапочка, он же тебя любит». Ей же только этого и надо было. За вами вообще глаз да глаз нужен.

Моррисон со смущением спросил:

— А вы откуда все это знаете?

— Я лежала на полу в машине. Мне предписывалось отправиться с вами и Калининой, чтобы убедиться, что она довезла вас. Но тут вы со своими глупостями. Что мне оставалось делать? Схватить вас, вернуть всех в комнату, где бы мы были одни, и разрешить дурацкую ситуацию.

— Спасибо.

— Да все в порядке. Я придала им вид влюбленной парочки, так что если кто и войдет, то сразу же извинится и выйдет.

— Когда они придут в сознание?

— Не знаю. Это зависит от того, насколько точно я прицелилась, от состояния организма и бог знает еще от чего. Но когда они очнутся, им понадобится время, чтобы вспомнить, что произошло. Надеюсь, в их положении первое, что они вспомнят,— свою обоюдную страстную любовь. Это займет их на некоторое время. К тому моменту, как они вспомнят про вас, будет поздно что-то менять.

— Их мозг поврежден навсегда?

Палерон бросила быстрый взгляд на встревоженное лицо Моррисона:

— Вы что, беспокоитесь о них? Почему? Кто они вам?

— Ну... мы были в одном экипаже.

Палерон хмыкнула:

— С ними все будет в порядке. Для них же лучше, если сентиментальная чувствительность немного притупится. У них будет отличная семья.

— А что будет с вами? Наверное, вам лучше улететь со мной.

— Не будьте болваном. Шведы не возьмут меня. У них есть приказ забрать одного человека, и они устроят проверку, чтобы убедиться, что вы — это вы. У них отпечатки ваших пальцев и сетчатки глаза из архивов Службы контроля народонаселения. Если они возьмут на борт не того человека или двух, разразится новый скандал, а шведы слишком умны.

— Что же будет с вами?

— Ну, я скажу, что это вы вырвали у меня станнер и оглушили их, затем заставили под дулом пистолета отвезти вас в аэропорт, потому что сами не знали дороги. Затем приказали остановиться за воротами, треснули по голове и бросили станнер в машину. Рано утром я пришла в себя и вернулась в Малоград.

— Но Конев и Калинина уличат вас во лжи.

— Они не смотрели на меня, когда я стреляла, да и вряд ли кто-то из них вспомнит сей судьбоносный момент. Кроме того, советское правительство приказало вернуть вас домой, и если вы будете возвращены, то, что бы ни говорил Конев, все бесполезно. Я ставлю десять к одному, что они предпочтут все забыть, а я вернусь к работе официанткой.

— Они наверняка заподозрят вас.

— Посмотрим. Ничего,— она произнесла это слово по-русски,— будь, что будет.

Палерон слабо улыбнулась. Они все еще ехали по шоссе, и Моррисон неуверенно спросил:

— Может быть, прибавить скорости?

— Ни в коем случае,— твердо ответила Палерон.— Мы и так на грани дозволенного, а здесь следят радарами за каждым сантиметром. Им отказывает чувство юмора, когда речь идет о превышении скорости, а я не хочу провести несколько часов в службе ДПС из-за того, что вы надеялись на пятнадцать минут раньше попасть к самолету.

Перевалило за полдень, и Моррисон почувствовал легкий голод. Он спросил:

— Как вы думаете, Конев сообщил обо мне Москве?

Палерон покачала головой:

— Не знаю. Но что бы там ни было, он получил ответ по своей личной волне. Передатчик просигналил около двадцати минут назад. Вы не слышали?

— Нет.

— Да, вы бы долго не продержались на моем месте. Естественно, никакого ответа им не пришло, человек из Москвы, с которым связался Конев, наверняка постарается выяснить почему. Рано или поздно голубков обнаружат. Отправят по нашему следу погоню, чтобы помешать вам. Помните фараоновы колесницы?

— Только с нами нет Моисея, некому заставить расступиться Красное море,— вздохнул Моррисон.

— Если мы доберемся до аэропорта, шведы принесут нам пользы ничуть не меньше. Они вас никому не выдадут.

— Но что смогут противопоставить отряду солдат?

— Это будут не военные. Всего лишь официальные лица, работающие на экстремистскую политическую группировку, они попытаются ввести в заблуждение шведов. Но у нас есть официальные бумаги, подтверждающие вашу личность и намерения, поэтому у них ничего не выйдет. Главное — первыми добраться до самолета.

— И тем не менее не превышая скорость?

Палерон решительно покачала головой и умолкла. Через полчаса она подала голос:

— Ну вот мы и на месте. Удача сопутствует нам. Шведский самолет уже приземлился.

Она остановила машину, нажала кнопку, и дверь со стороны Моррисона открылась.

— Дальше пойдете один, меня не должны видеть, но...

Она наклонилась к нему:

— Мое имя — Эшби. Когда доберетесь до Вашингтона, передайте: если они считают, что мне пора возвращаться на родину, я готова. Понятно?

— Понятно.

Моррисон вышел из автомобиля, щурясь от солнца. Вдалеке какой-то человек в форме, не в советской, приветливо махал ему рукой. Моррисон не выдержал и понесся к самолету. На скорость бега, слава богу, не накладывалось никаких огра-

ничений. Никто не преследовал его, но он бы не удивился, если бы стража выросла из-под земли. На бегу он развернулся и в последний раз помахал рукой в направлении автомобиля. Ему никто не ответил. Человек в форме побежал навстречу, и Моррисон, споткнувшись, упал ему на руки. Теперь он увидел, что это была форма Европейской Федерации.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил человек по-английски.

Моррисон с облегчением узнал шведский акцент.

— Альберт Джонас Моррисон,— ответил он, и они вместе направились к самолету, где его уже ждали для проведения идентификации.

87

Дико уставший Моррисон в напряжении сидел у иллюминатора, нервно оглядывая взлетное поле. Обед, состоящий главным образом из селедки и вареного картофеля, приглушил голод, но не подарил спокойствия. Неужели вчерашнее путешествие, эта чертова минимизация, навсегда перевернуло его жизнь? Неужели он теперь будет вздрагивать от каждого шороха и ожидать надвигающуюся опасность? Сможет ли он когда-нибудь идти по жизни, не опасаясь ударов в спину и подлых выпадов? Или же это нервы, и надо просто хорошенько отдохнуть? Конечно, здравый смысл подсказывал, что причины для беспокойства имеются реальные.

Самолет взмыл в воздух, благополучно завершив разгон по взлетной полосе, но под крылом самолета по-прежнему простиралась советская территория. Объявил ли уже московский покровитель погоню, выслав ищеек? Поднимутся ли колесницы фараона в небо, чтобы продолжить погоню? Моррисон вдруг заметил на хвосте еще две машины, и сердце екнуло в груди. Стюардесса, заметив его затравленный взгляд, с улыбкой пояснила.

— Самолеты Федерации,— сказала она.— Сопровождение. В них шведские экипажи. Мы покинули советскую территорию.

Когда они пересекли Ла-Манш, их взяли под охрану американские самолеты. Теперь Моррисон мог вздохнуть спокойно, сюда рука Советов никогда не дотянется. Но тем не менее па-

ника не утихала. А если СССР решится на военные действия и приведет в действие ракетные установки? Доктор сам себя уговаривал, что приведение в действие оборонной мощи страны не происходит по первой прихоти. Да и не такая он важная птица, чтобы палить по нему дорогостоящими ракетами. И все-таки, только когда самолет приземлился неподалеку от Вашингтона, Моррисон облегченно вздохнул и осознал, что все закончено и он в полной безопасности, в своей стране.

88

Наступило субботнее утро, доктор постепенно приходил в себя. Он плотно позавтракал и умылся. Даже наполовину оделся. И теперь валялся на кровати, подложив руки под голову. За окном было пасмурно, потому приходилось держать его едва приоткрытым. Ему хотелось побыть наедине с собой. С тех пор как он ступил на американскую землю, вокруг него вилось такое количество людей, что он уже стал сомневаться, действительно ли вышел сухим из воды. Не будет ли он теперь под вечным наблюдением в своей стране.

Доктора наконец-то завершили медосмотр, он ответил на добрую тысячу вопросов, и его оставили одного в комнате, напоминавшей по степени защищенности крепость. Утешала лишь мысль, что на родине никто не заставит его пройти процесс минимизации и не запихнет насильно в полумертвое тело. Эта мысль уже вселяла толику оптимизма.

Над дверью вспыхнул индикатор. Моррисон дотянулся до кнопки, открывающей глазок. Он узнал лицо человека, стоящего перед дверью, и нажал другую кнопку, открывающую дверь изнутри.

Вошли двое. Один из них, кого он и увидел в глазок, вежливо произнес:

— Я надеюсь, вы помните меня.

Моррисон даже не попытался встать с постели. Он в какой-то мере наслаждался вниманием, обрушившимся на него. Кому не доставит удовольствия побыть немного центром вселенной? Потому доктор и позволял себе некоторые вольности.

Он небрежно приподнял руку в приветствии и сказал:

— Вы тот самый агент, который уговаривал меня ехать в Советский Союз. Родано, не так ли?

— Да, Фрэнсис Родано. А это профессор Роберт Джей Фриар. Я думаю, вы знакомы.

Моррисон поколебался, затем учтивость заставила его подняться с кровати.

— Здравствуйте, профессор. Конечно, я знаю вас и много раз видел ваши выступления по холовидению. Рад лично с вами познакомиться.

Фриар, один из видных ученых, чьи выступления на экранах сделали его лицо общеизвестным, напряженно улыбнулся. У него было круглое лицо, бледно-голубые глаза, между бровями красовалась отчетливая морщина. Румяные щеки, крепкое телосложение при среднем росте и живой взгляд гармонично дополняли его облик. Он сказал:

— Вы, как я понимаю, Альберт Джонас Моррисон.

— Верно,— спокойно ответил Моррисон.— Мистер Родано готов это подтвердить. Пожалуйста, присаживайтесь и простите мне мою вольность. Я останусь в вертикальном положении. Мне понадобится, пожалуй, год отдыха, чтобы снова стать человеком.

Оба посетителя уселись на большой софе и повернулись к Моррисону. Родано натянуто улыбнулся:

— Я не могу пообещать вам отдых на целый год. По крайней мере, на данном этапе. Кстати, мы только что получили сообщение от Эшби. Вы помните ее?

— Официантку? Еще бы. Если бы не она...

— Нам известны подробности, Моррисон. Она просила передать вам, что ваши друзья уже в полном порядке и по-прежнему без ума друг от друга.

— А сама Эшби? Она сказала, что готова покинуть Малоград, если Вашингтон сочтет это нужным. Я доложил об этом ночью.

— Да, мы в скором времени вытащим ее оттуда. А теперь, боюсь, должен снова побеспокоить вас.

Моррисон нахмурился:

— Сколько это будет продолжаться?

— Не знаю. Вам придется свыкнуться с новым режимом. Профессор Фриар?

Профессор кивнул.

— Доктор Моррисон, не будете ли вы возражать, если я запишу наш разговор? Пожалуй, лучше употребить другую формулировку. Моррисон, наш разговор будет записываться.

Профессор достал из портфеля небольшой компьютер последней модификации.

Родано вкрадчиво спросил:

— Куда пойдут эти записи, профессор?

— На мое записывающее устройство, мистер Родано.

— Которое находится...

— В моем офисе в Министерстве обороны, мистер Родано.— Затем с некоторым раздражением добавил: — Они останутся в моем сейфе в Министерстве обороны. И сейф, и записывающее устройство надежно закодированы. Это вас удовлетворяет?

— Начинайте, профессор.

Фриар повернулся к Моррисону и спросил:

— Это правда, что вы подверглись минимизации, Моррисон? Лично вы?

— Да. Я достиг размера атома, тогда как сам корабль был размером с молекулу глюкозы. Я провел бóльшую половину дня внутри живого человеческого организма, вначале в крови, затем в мозгу.

— Вы уверены? Может быть, внушение или психотропные средства?

— Пожалуйста, профессор Фриар, не надо все усложнять. Если я — жертва гипноза, мои показания совершенно бесполезны и могут заинтересовать разве что психиатра. Пока вы не признаете, что я в здравом уме и мои слова адекватно отражают реальность, смысла в нашей беседе я не вижу.

Фриар поджал губы и нехотя согласился:

— Вы правы. Для начала следует сделать заявление, и я его озвучиваю, что вы совершенно здоровы, пребываете в здравом рассудке и трезвой памяти.

— Конечно,— сказал Моррисон.

— В таком случае,— Фриар повернулся к Родано,— мы приходим к утверждению, что минимизация возможна и Советы способны проводить ее даже на живых существах без всякого видимого для них ущерба.

Он снова повернулся к Моррисону:

— По-видимому, они достигли минимизации с помощью уменьшения постоянной Планка.

— Да, это так.

— Другого варианта нет. Они объяснили вам основы процесса?

— Разумеется, нет. Вы, профессор, забыли озвучить еще одно заявление, что советские ученые, с которыми я работал, тоже находятся в здравом уме и совершенно здоровы.

— Хорошо. Заявление учтено. Теперь расскажите все, что произошло с вами в Советском Союзе. Но пусть это будет не приключенческая история, а наблюдения профессионального физика.

Моррисон начал свой рассказ. Он не жалел об этом. Ему давно хотелось выговориться, он чувствовал растущую потребность избавиться от бремени ответственности, выпавшей на его долю. Подробный рассказ занял несколько часов. Он закончил только к обеду, который профессор и Родано с ним разделили. После десерта Фриар сказал:

— Позвольте подвести итоги. Прежде всего минимизация не влияет ни на время, ни на квантовые взаимодействия, то есть на сильные и слабые электромагнитные взаимодействия. Гравитационное поле уменьшается в соотношении с массой. Так?

Моррисон кивнул. Фриар продолжал:

— Свет и электромагнитное излучение способны проникать сквозь минимизационное поле, а звук — нет. Поле слабо отталкивает обычное вещество, но под давлением его можно ввести в поле и подвергнуть минимизации за счет энергии самого поля.

Моррисон снова удовлетворенно кивнул. Фриар продолжил:

— Чем интенсивнее объект подвергается минимизации, тем меньше энергии требуется для продолжения самого процесса. Уменьшается ли потребность в энергии в соотношении с массой, остающейся на произвольно взятом этапе минимизации?

— Звучит логично,— задумчиво протянул Моррисон,— но не припомню, чтобы кто-то из них упоминал квантовый характер этого феномена.

— Тогда продолжим. Чем интенсивнее минимизируется объект, тем выше возможность спонтанной деминимизации — и

это скорее относится ко всей массе, находящейся в поле, чем к любому ее компоненту. Вы, оказавшись вдали от корабля, как отдельный индивид, имели больше шансов деминимизироваться спонтанно, чем оставаясь частью корабля. Я прав?

— Так мне объяснили русские.

— И ваши советские коллеги признали, что процесс максимизации невозможен?

— Опять же выведено с их слов. Вы должны отдавать себе отчет, профессор, что я могу повторить только то, что мне было сказано. Они могли намеренно ввести меня в заблуждение или сами знают не все и поэтому ошибаются. Не забывайте, у них повышенная секретность.

— Да-да, понимаю. Есть причины считать, что вас намеренно вводили в заблуждение?

— Нет, мне казалось, что меня не обманывают.

— Что ж, возможно. Самая интересная вещь для меня — это то, что броуновское движение находится в равновесии с минимизационными колебаниями и чем выше степень минимизации, тем больше сдвиг равновесия в сторону колебаний поля от обычного броуновского движения.

— Это мое личное наблюдение, профессор, оно опирается на увиденное за стенами корабля.

— И это нарушение баланса имеет какое-то отношение к возможности спонтанной деминимизации?

— Мне так кажется, но я не могу дать гарантии.

— Хм.— Профессор задумчиво глотнул кофе и сказал: — Беда в том, что все сведения весьма поверхностны. Вы многое поведали нам о поведении минимизационного поля, но о том, как оно возникает, не можете сообщить ни слова. А уменьшая постоянную Планка, они не затрагивают скорость света?

— Да, но, как я уже говорил, это означает, что создание поля требует огромных затрат энергии. Они могут ассоциировать постоянную Планка со скоростью света, увеличивая последнюю по мере того, как уменьшается первая... Но у них пока этого нет.

— Так они говорят. Предположительно, Шапиров знал, как сделать это, но они не смогли добыть эту информацию.

— Да, это так.

На несколько минут Фриар погрузился в мысли и затем сказал:

— Вы многое рассказали, но боюсь, это нам не поможет.

— Почему нет? — спросил Родано.— Если человек, никогда раньше не видавший робота или не слыхавший о его составных частях, начнет докладывать о том, как тот действует, то сможет описать исключительно внешние впечатления: как его голова и конечности движутся, как звучит его голос, как он выполняет команды и так далее. Не в его компетенции доподлинно сообщить, как работает позитронный мозг или что такое молекулярная мембрана. Он даже не заподозрит, что они имеют какое-то значение, так же как и те ученые, что будут работать по его инструкциям. Советы разработали технологию создания минимизационного поля, и мы о ней ничего не знаем, даже Моррисон нам здесь не помощник. Может, они и опубликовали какие-то данные, приведшие к созданию своей технологии, когда еще не знали об их важности. Как это случилось в середине двадцатого века, когда первые работы по расщеплению атомного ядра выпустили в свет раньше, чем навесили на них гриф секретности. Но Советы не допустят повторной ошибки. Шпионаж тоже не принес нужных плодов.

— Я посоветуюсь с коллегами, но боюсь, что в целом, доктор Моррисон, ваше дикое приключение в Советском Союзе, каким бы удивительным оно ни было, за исключением информации, что минимизация осуществима, не имеет смысла. Мне очень жаль, мистер Родано, но с таким же успехом доктор мог бы и посидеть дома.

89

Выражение лица Моррисона не изменилось после того, как Фриар выдал отнюдь не радужное заключение. Он налил себе еще немного кофе, неторопливо добавил сливки и спокойно его выпил. Затем заявил:

— О, здесь я позволю себе с вами не согласиться, в данном случае вы совершенно не правы.

Фриар взглянул на него:

— Вы хотите сказать, что вам кое-что известно о технологии создания минимизационного поля? Но вы говорили...

— То, о чем я намерен сказать, не имеет никакого отношения к минимизации. Это относится к моей работе. Советы отправили меня в Малоград и Грот для того, чтобы я использовал свою компьютерную программу для чтения мыслей Шапирова. У меня ничего не вышло, что и неудивительно, принимая во внимание тот факт, что Шапиров находился в коме, по сути, на грани смерти. С другой стороны, когда Шапиров увидел кое-какие мои статьи, он назвал мою программу ретранслятором, а Петр был удивительно проницательным человеком.

— Ретранслятор? — На лице Фриара читалось презрение.

— Вместо того чтобы читать мысли Шапирова, мой компьютер, находясь внутри одного из его нейронов, действовал как ретранслятор, передавая мысли одного члена экипажа другому.

Неприязнь сменилась негодованием:

— Вы хотите сказать, что изобрели телепатическое устройство?

— Именно. Я впервые испытал его работу на себе, когда почувствовал любовь и сексуальное влечение к молодой женщине, которая вместе со мной находилась на корабле. Естественно, тогда я предположил, что это мои собственные чувства, так как девушка была весьма привлекательна. Но вскоре понял, что это мысли одного из мужчин. Они расстались, но чувство тем не менее жило в сердцах обоих.

Фриар снисходительно улыбнулся:

— Вы уверены, что правильно разобрались в этих чувствах? В конце концов, вы пребывали на грани нервного срыва. Вы смогли прочесть мысли той женщины?

— Нет. Я обменивался мыслями с молодым человеком непроизвольно, несколько раз. Когда я вспомнил о своей жене и детях, к нему пришло видение женщины и двух подростков. Когда меня отнесло от корабля, именно он почувствовал мою панику. Правда, предположил, что уловил с помощью моего компьютера страдания Шапирова, но компьютер был в это время со мной, и чувства были мои, а не Шапирова. Я сам не обменивался мыслями ни с одной женщиной на корабле, но они обменивались между собой. Когда женщины пытались уловить мысли Шапирова, то обнаруживали одни и те же слова и чувства — передавая от одного к другому, конечно.

— Половые разграничения? — скептически спросил Фриар.

— Не совсем. Пилот корабля, тоже мужчина, не получал вообще никаких сигналов, ни от мужчин, ни от женщин, хотя в одном случае, кажется, что-то было. Но я не знаю, от кого. Предполагаю, типы мозга делятся так же, как и группы крови, возможно, их много, и телепатическая связь легко может быть установлена между людьми с одним и тем же типом мозга.

Родано мягко вставил:

— Даже если все это действительно так, доктор Моррисон, какая от вашего открытия польза?

Моррисон ответил:

— Позвольте мне объяснить. Многие годы я работал, пытаясь с незначительным успехом выделить области человеческого мозга, ответственные за абстрактное мышление. Иногда получал образ, но всегда неправильно интерпретировал факты. Я считал, что он исходит от мозга животного, с которым я работал. Теперь я понимаю, что получал сигналы, когда рядом со мной находился человек, глубоко погруженный в свои мысли или чувства. Я не замечал этого. Вот в чем моя ошибка. Тем не менее, уязвленный всеобщим равнодушием, откровенным недоверием и насмешками коллег, я никогда не публиковал статей о характере пойманных образов, но совершенствовал программу, надеясь усилить их. Различные промежуточные модификации также нигде не описаны. Таким образом, я попал в организм Шапирова с прибором, который был ближе к настоящему ретранслятору, чем когда-либо. И вот теперь, когда я наконец понял, что же изобрел, я знаю, как улучшить программу. Уверен в этом.

Фриар сказал:

— Позвольте быть с вами откровенным, Моррисон. Вы утверждаете, что в результате вашего фантастического путешествия по телу Шапирова поняли, какие усовершенствования требует ваш прибор, чтобы сделать телепатию реальной?

— Да, в какой-то степени.

— Это будет грандиозно — если вы сможете продемонстрировать результаты.

Скептицизм не исчез с лица Фриара.

— Более грандиозно, чем вы можете представить,— резко заявил Моррисон.— Вы, конечно, знаете, что телескопы, радио или оптические приборы могут быть размещены на большой пло-

щади и, будучи связанными компьютером, могут выполнять функцию одного огромного телескопа, который невозможно создать как единое целое.

— Да, но что из того?

— Я лишь привел пример. Убежден, что способен продемонстрировать нечто в этом же роде. Если мы телепатически соединим шестерых человек, то шесть мозгов объединятся в один общий мозг, эдакий коллективный разум. Вам ли объяснять, что возможности его огромны. Подумайте о прорывах в науке и о техническом прогрессе, да во всех областях человеческого знания. Минуя генную инженерию, мы сможем создать модель ментального сверхчеловека.

— Занятная перспектива,— протянул Фриар, заинтригованный, но до конца не убежденный.

— Правда, здесь кроется ловушка,— продолжил Моррисон.— Все эксперименты я проводил на животных, связывая их мозг с компьютером. Теперь-то я вижу все минусы этого варианта. Сколько бы мы его ни усовершенствовали, в лучшем случае создадим грубое телепатическое устройство. Сугубо необходимо вторгнуться в мозг и поместить миниатюризированный и должным образом запрограммированный компьютер в один из нейронов. Тогда он сможет действовать как ретранслятор. Точность телепатической передачи многократно увеличится.

— Но тот бедняга, который дастся нам в руки, взорвется при спонтанной деминимизации прибора,— ехидно добавил Фриар.

— Мозг животного по уровню своего развития стоит ниже человеческого,— серьезно сказал Моррисон,— так как в нем меньше нейронов. Но отдельно взятый нейрон, скажем, мозга кролика не слишком отличается от нейрона человека. А как ретранслятор сойдет и робот.

В разговор вмешался Родано:

— Лучшие умы Америки, находясь в телепатическом контакте, смогут раскрыть секрет минимизации, а может быть, и опередить Советы в вопросе ассоциирования постоянной Планка со скоростью света.

— Да,— с энтузиазмом откликнулся Моррисон,— к тому же один из советских ученых, Юрий Конев, тот самый, с кем я обменивался мыслями на корабле, тоже ухватился за это предположение. Именно он пытался задержать меня и заполучить

мою программу, бросив открытый вызов правительству. Сомневаюсь, что без меня он достигнет каких-либо результатов. Это не его область.

— Продолжайте,— сказал Родано,— это начинает мне нравиться.

— Ситуация такова: сейчас мы способны создать грубое телепатическое устройство. Даже без минимизации оно позволит нам опередить Советы, а может, и нет. Дело том, что без минимизации, позволяющей ввести в нейрон животного ретранслятор, мы не достигнем успеха. С другой стороны, Советы на данном этапе уже запустили в работу минимизационное устройство. С помощью обычных исследований они смогут найти связь между квантовой теорией и теорией относительности и создать действительно эффективное минимизационное устройство, но потратят на это годы. Таким образом, в нашем распоряжении телепатия без минимизации, у них же имеется минимизация без телепатии, и лишь через несколько лет, а может, и десятилетий выяснится, кто получит пальму первенства — они или мы. Победитель получит в свое распоряжение неограниченную скорость перемещения в пространстве, и ему станет подвластна Вселенная. Неудачник же потеряет все. Для нас, конечно же, предпочтительнее прийти к финишу первыми, хотелось бы победить в этой гонке. Но первыми добежать могут и они, и тогда война убьет нашу планету. Боюсь, не останется даже тараканов. С другой стороны, если мы и Советы сработаемся, используя телепатию с помощью минимизированного ретранслятора в нейроне живого существа, то за короткое время добьемся результатов и в антигравитации, и в неограниченной скорости. Вселенная подчинится обеим сторонам, а значит, она станет принадлежать Земле, всему человечеству. Почему бы и нет, джентльмены? Проигравших здесь не будет, только победители.

Родано и Фриар с удивлением воззрились на него. Наконец, с трудом сглотнув слюну, Фриар вымолвил:

— Неплохая перспектива. Если у вас действительно есть телепатическое устройство.

— У вас найдется время выслушать меня?

— Сколько угодно,— ответил Фриар.

У Моррисона ушло несколько часов на подробное объяснение теории. Наконец доктор откинулся назад и сказал:

— Теперь, насколько я понимаю, вы пожелаете, чтобы я продемонстрировал систему, способную к телепатии, и этому я посвящу свою жизнь. Но сейчас у меня к вам просьба.

— Какая? — спросил Родано.

— Дайте мне небольшую передышку. Пожалуйста. Мне было несладко последнее время. Хотя бы двадцать четыре часа. Один день — и я в полном вашем распоряжении.

— Справедливо,— хмыкнул Родано, поднимаясь.

— Что ж, доктор, двадцать четыре часа — ваши. Постарайтесь с толком использовать время. Вскоре вы не будете принадлежать себе, точнее, заниматься собой вам будет катастрофически некогда. Кроме того, свыкнетесь с мыслью, что с этой минуты вас будут охранять бдительнее, чем самого президента.

— Отлично,— воскликнул Моррисон.— По рукам. Тогда я прощаюсь с вами, господа, и заказываю ужин.

90

Родано и Фриар в компании друг друга завершали ужин. Обычный ужин, если вам привычно вкушать пищу в изолированной и строго охраняемой комнате.

Родано обратился к приятелю:

— Как вы считаете, доктор Фриар, Моррисон говорит правду о телепатии?

Фриар вздохнул и осторожно ответил:

— Необходимо еще посоветоваться с коллегами, но мне кажется, что он прав. Доктор весьма убедителен. Могу я задать вам ответный вопрос?

— Да?

— Считаете ли вы, что Моррисон прав, предлагая объединить усилия США и СССР?

После долгой паузы Родано наконец произнес:

— Пожалуй, прав. Конечно, недовольство хлынет через край, противники будут голосить на всех углах, понося решение правительства, но мы не можем рисковать, ведь русские тоже вышли на финишную прямую.

— А русские? Они готовы к сотрудничеству?

— Им придется скрепя сердце согласиться на наше предложение. Они тоже не пожелают рисковать. Кроме того, мир

быстро поймет, в чем дело, и будет предпринимать любые действия, чтобы предотвратить новую холодную войну. На это могут уйти годы, но мы все равно придем к сотрудничеству.

Родано покачал головой:

— Знаете, что больше всего поражает меня, профессор Фриар?

— Вы еще не разучились удивляться?

— Я познакомился с Моррисоном в прошлую субботу, пытаясь безуспешно убедить его отправиться в Советский Союз. Он произвел на меня впечатление человека-пустышки, нуля с академическим складом ума. Я пал духом. Мне показалось, что он совершенно бесполезный тип. А я просто посылаю его на смерть, как тельца на заклание. Таково было мое мнение, и, клянусь Богом, я по-прежнему так считаю. Он ничего из себя не представляет и просто чудом остался жив. Обыкновенный человечек, не отмеченный печатью гения. И тем не менее...

— Тем не менее?

— И тем не менее он вернулся, притащил на хвосте невероятное открытие и спровоцировал ситуацию, когда Соединенные Штаты и Советский Союз, помимо их желания, вынуждены сотрудничать. В довершение ко всему он стал выдающимся и к тому же, как только мы опубликуем эти события, самым популярным ученым в мире. Его имя будет записано в анналы истории. Он перевернул все с ног на голову, разрушив привычный уклад мировой политической системы, он создал другую, по крайней мере, заложил предпосылки для ее создания, и на все про все он потратил каких-то шесть дней. Меня это умозаключение несколько выводит из себя.

Фриар откинулся назад и громко расхохотался:

— Все куда удивительнее, чем вы думаете. На седьмой день он решил отдохнуть!

АЗАЗЕЛ

ДЕМОН РОСТОМ В ДВА САНТИМЕТРА

Джорджа я встретил много лет назад на одной литературной конференции. Меня тогда поразило странное выражение откровенности и простодушия на его круглом немолодом лице. Мне сразу показалось, что это именно тот человек, которого хочется попросить постеречь вещи, когда идешь купаться.

Он меня узнал по фотографиям на обложках моих книг и сразу же стал радостно рассказывать мне, как нравятся ему мои романы и рассказы, что, конечно, позволило мне составить о нем мнение как о человеке интеллигентном и с хорошим вкусом.

Мы пожали друг другу руки, и он представился:

— Джордж Кнутовичер.

— Кнутовичер,— повторил я, чтобы запомнить.— Необычная фамилия.

— Датская,— сказал он,— и весьма аристократическая. Я происхожу от Кнута, более известного как Канут,— датского короля, завоевавшего в начале одиннадцатого столетия Англию. Основатель моей фамилии был сыном Канута, но он, разумеется, был рожден не с той стороны одеяла.

— Разумеется,— пробормотал я, хотя мне не было понятно, почему это разумелось.

— Его назвали Кнутом по отцу,— продолжал Джордж.— Когда его показали королю, августейший датчанин воскликнул: «Бог и ангелы, это мой наследник?» — «Не совсем,— сказала придворная дама, баюкавшая младенца.— Он ведь незаконный, поскольку его мать — та прачка, которую ваше...» — «А,— ухмыль-

---

© Перевод М. Левина.

нулся король,— в тот вечер...» И с этого момента младенца стали называть Кнутвечер. Я унаследовал это имя по прямой линии, хотя оно со временем превратилось в Кнутовичер.

Глаза Джорджа смотрели на меня с такой гипнотизирующей наивностью, которая исключала саму возможность сомнения.

Я предложил:

— Пойдемте позавтракаем? — и показал рукой в сторону роскошно отделанного ресторана, который явно был рассчитан на пухлый бумажник.

Джордж спросил:

— Вы не считаете, что это бистро несколько вульгарно выглядит? А на той стороне есть маленькая закусочная...

— Я приглашаю,— успел я добавить.

Джордж облизал губы и произнес:

— Теперь я вижу это бистро несколько в другом свете, и оно мне кажется вполне уютным. Я согласен.

Когда подали горячее, Джордж сказал:

— У моего предка Кнутвечера был сын, которого он назвал Свайн. Хорошее датское имя.

— Да, я знаю,— сказал я.— У короля Кнута отца звали Свайн Вилобородый. Позднее это имя писали «Свен».

Джордж слегка поморщился:

— Не надо, старина, обрушивать на меня свою эрудицию. Я вполне готов признать, что и у вас есть какие-то зачатки образования.

Я устыдился.

— Извините.

Он сделал рукой жест великодушного прощения, заказал еще бокал вина и сказал:

— Свайн Кнутвечер увлекался молодыми женщинами — черта, которую от него унаследовали все Кнутовичеры,— и пользовался успехом,— как и мы все, мог бы добавить я. Есть легенда, что многие женщины, расставшись с ним, покачивая головой, замечали: «Ну, он и Свин». Еще он был архимагом.— Джордж остановился и настороженно спросил: — Что значит это звание — вы знаете?

— Нет,— солгал я, пытаясь скрыть свою оскорбительную осведомленность.— Расскажите.

— Архимаг — это мастер волшебства,— сказал Джордж, что прозвучало как вздох облегчения.— Свайн изучал тайные науки и оккультные искусства. В те времена это было почтенное занятие, потому что еще не появился этот мерзкий скептицизм. Свайн хотел найти способы делать юных дам сговорчивыми и ласковыми, что является украшением женственности, и избегать проявлений всякого с их стороны своеволия или невоспитанности.

— А,— сказал я с сочувствием.

— Для этого ему понадобились демоны. Он научился их вызывать путем сжигания корней определенных папоротников и произнесения некоторых полузабытых заклинаний.

— И это помогло, мистер Кнутовичер?

— Просто Джордж. Разумеется, помогло. На него работали демоны целыми командами и преисподними. Дело было в том, что, как он часто сетовал, женщины тех времен были довольно тупы и ограниченны, и его заявления, что он — внук короля, они встречали издевательскими замечаниями насчет природы его происхождения. Когда же в дело вступал демон, им открывалась истина, что королевская кровь — всегда королевская кровь.

Я спросил:

— И вы уверены, Джордж, что так это и было?

— Конечно, поскольку прошлым летом я нашел его книгу рецептов для вызова демонов. Она была в одном старом разрушенном английском замке, принадлежавшем когда-то нашей семье. В книге перечислялись точные названия папоротников, способы сожжения, скорость горения, заклинания, интонации их произнесения — одним словом, все. Написана эта книга на староанглийском — точнее, англосаксонском, но так как я немного лингвист...

Тут я не смог скрыть некоторого скептицизма:

— Вы шутите?

Он взглянул на меня гордо и недоуменно:

— Почему вы так решили? Я что, хихикаю? Книга настоящая, и я сам проверил рецепты.

— И вызвали демона.

— Разумеется,— сказал он, многозначительным жестом показывая на нагрудный карман пиджака.

— Там, в кармане?

Джордж провел пальцами по карману, явно собираясь кивнуть, но вдруг нащупал что-то или отсутствие чего-то. Он полез пальцами в карман.

— Ушел,— с неудовольствием сказал Джордж.— Дематериализовался. Но винить его за это нельзя. Он тут был со мной вчера вечером, потому что ему, понимаете ли, было любопытно, что это за конференция. Я ему дал немножко виски из пипетки, и ему понравилось. Быть может, даже слишком понравилось, поскольку ему захотелось подраться с какаду в клетке над баром, и он своим писклявым голоском стал осыпать бедную птицу гнусными оскорблениями. К счастью, он заснул раньше, чем оскорбленная сторона успела отреагировать. Сегодня утром он выглядел не лучшим образом, и я думаю, он отправился домой, где бы это ни было, для поправки.

Я слегка возмутился:

— Вы мне хотите сказать, что носите демона в нагрудном кармане?

— Ваше умение сразу схватывать суть достойно восхищения.

— И какого он размера?

— Два сантиметра.

— Что же это за демон размером в два сантиметра!

— Маленький,— сказал Джордж.— Но, как говорит старая пословица, лучше маленький демон, чем никакого.

— Зависит от того, в каком он настроении.

— Ну, Азазел — так его зовут — довольно дружелюбный демон. Я подозреваю, что его соплеменники обращаются с ним свысока, а потому он из кожи вон лезет, чтобы произвести на меня впечатление своим могуществом. Он только отказывается дать мне богатство, хотя ради старой дружбы давно уже должен был бы. Но нет, он твердит, что вся его сила должна использоваться только на благо других.

— Ну бросьте, Джордж. Это явно не адская философия.

Джордж прижал палец к губам:

— Тише, старина. Не говорите такого вслух — Азазел обидится несусветно. Он утверждает, что его страна благословенна, достойна и крайне цивилизованна, и с благоговением упо-

минает правителя, имя которого не произносит, но называет Сущий-Во-Всем.

— И он в самом деле творит добро?

— Где только может. Вот, например, история с моей крестницей, Джунипер Пен...

— Джунипер Пен?

— Да. По глазам вижу, что вы хотели бы услышать об этом случае, и я вам с радостью его расскажу.

В те времена, так говорил Джордж, Джунипер Пен была большеглазой второкурсницей, юной приятной девушкой и увлекалась баскетболом, а точнее, баскетбольной командой — там все как один были высокие и красивые парни.

А более всего из этой команды привлекал ее девичьи мечты Леандр Томпсон. Он был высокий, складный, с длинными руками, которые так ловко обхватывали баскетбольный мяч или любой предмет, имевший форму и размеры баскетбольного мяча, что как-то сам собой вспоминался Джунипер. На играх, сидя среди болельщиков, она все свои вопли адресовала ему одному.

Своими сладкими грезами Джунипер делилась со мной, потому что, как и все молодые женщины — даже те, что не были моими крестницами,— она при виде меня испытывала тягу к откровенности. Наверное, это из-за моей манеры держать себя тепло, но с достоинством.

— О дядя Джордж,— говорила она мне,— ведь ничего нет плохого в том, что я мечтаю о будущем для нас с Леандром. Я сейчас уже вижу, как он будет самым великим баскетболистом мира, красой и гордостью профессионального спорта, с долгосрочным контрактом на огромную сумму. Я ведь не слишком многого хочу. Все, что мне надо от жизни,— это увитый лозами трехэтажный особнячок, маленький садик до горизонта, несколько слуг — два-три взвода, не больше, и маленький гардероб с платьями на любой случай, на любой день недели, на любой сезон и...

Я был вынужден прервать ее очаровательное воркование.

— Деточка,— сказал я,— в твоих планах есть маленькая неувязка. Леандр не такой уж хороший баскетболист, и не похоже, чтобы его ждал контракт с бешеными гонорарами.

— Но это так несправедливо.— Она надула губки.— Ну *почему* он не такой хороший игрок?

— Потому что мир так устроен. А почему бы тебе не перенести свои юные восторги на какого-нибудь по-настоящему классного игрока? Или, например, на молодого брокера с Уолл-стрит, имеющего доступ к внутренней биржевой информации?

— Честно говоря, дядя Джордж, я пыталась, но мне нравится Леандр. Бывает, что я смотрю на него и спрашиваю себя: на самом ли деле деньги так много значат?

— Тише, моя милая! — Я был шокирован. Современные девицы не имеют понятия, о чем можно, а о чем нельзя говорить вслух.

— А почему нельзя, чтобы и деньги у меня тоже были? Разве я так много прошу?

И в самом деле, разве это так много? В конце концов, у меня был свой демон. Маленький, конечно, демон, но зато с большим сердцем. Понятно, что он захочет помочь двум истинно любящим, у которых сердца бьются сильнее при мысли о том, как они сами и их капиталы сольются в экстазе. Азазел послушно явился, когда я вызвал его соответствующим заклинанием. Нет, вам я не могу его сообщить. Неужели у вас нет элементарного понятия об этике?

Да, так он послушался, но не выразил энтузиазма, на который я мог рассчитывать. Я допускаю, что вытащил его из его собственного континуума, оторвав от какого-то удовольствия вроде турецких бань, поскольку он был завернут в довольно тонкое полотенце и дрожал от холода, а голос у него казался еще выше и писклявее, чем обычно. (Я, честно говоря, не думаю, что это его настоящий голос. Скорее всего, он общается со мной с помощью чего-то вроде телепатии, а в результате я слышу — или воображаю, что слышу,— писклявый голос.)

— Что такое «баскетбол» — корзинный шар? Это шар в форме корзины? А если это так, то что такое «корзина»?

Я попытался объяснить, но для демона он был весьма твердолоб. Я описывал ему всю игру с полной ясностью и во всех подробностях, а он смотрел на меня так, как если бы я нес бессмыслицу. Наконец он сказал:

— Увидеть эту игру можно?

— Конечно,— ответил я.— Сегодня вечером будет игра. Я пройду по билету, что дал мне Леандр, а ты — в моем кармане.

— Отлично,— сказал Азазел.— Вызови меня, когда пойдешь. А сейчас у меня зимжиговка.— И он исчез.

Думаю, он имел в виду турецкие бани.

Должен признать, что меня крайне раздражает, когда кто-то прерывает мои важнейшие дела, вылезая со своими мелкими трудностями, кажущимися ему неотложнее всего на свете,— да, кстати, официант давно пытается привлечь ваше внимание. Полагаю, он хочет принести вам счет. Возьмите у него бумажку, и я буду рассказывать дальше.

Этим вечером я пошел на баскетбол, а в кармане у меня сидел Азазел. Он все время высовывал голову, чтобы получше все рассмотреть, и хороший бы я имел вид, если бы кто-нибудь заметил! У него ярко-красная шкура и рожки на лбу. Хорошо еще, что он не вылезал весь, поскольку сантиметровый мускулистый хвост — наиболее замечательная часть его тела, но и наиболее неприятная на вид.

Я не очень большой тиффози баскетбола, так что я предоставил Азазелу самому разбираться, что происходит на площадке. У него довольно мощный интеллект, хотя скорее демонический, нежели человеческий.

После игры он мне сказал:

— Насколько я могу заключить по неуклюжим действиям этих громоздких, нелепых и абсолютно неинтересных индивидуумов там, на арене, они весьма заинтересованы в том, чтобы просунуть в обруч этот странный шар.

— Именно так,— сказал я.— Попадание в корзину приносит очки.

— Следовательно, твой протеже станет героем этой глупой игры, если будет каждый раз забрасывать шар в обруч?

— Совершенно верно.

Азазел задумчиво повертел хвостом.

— Это нетрудно. Я ему слегка подрегулирую рефлексы, улучшу оценку угла, высоты, силы...— Он погрузился в недолгое сосредоточенное молчание, потом сказал: — Давай посмотрим. Я во время игры зафиксировал особенности его координации

движений. Да, это можно сделать. Вот, уже готово. Теперь твой Леандр будет забрасывать шар в обруч без труда.

Я был слегка заинтригован и с нетерпением ждал следующей игры. Маленькой Джунипер я не сказал ни слова, поскольку ни разу до того не использовал демоническую силу Азазела и не был вполне уверен, что его дела стоят его слов. Ну и еще я хотел сделать ей сюрприз. (А получилось так, что сюрприз, и крупный, пережили мы оба.)

Наконец настал день игры, и это была она — та самая игра. Наш колледж, Зубрилвильский технологический, в котором Леандр был довольно тусклой звездой не первой величины, играл с командой Исправительной школы имени Аль Капоне, и битва обещала быть эпической.

Но чтобы настолько эпической — не ожидал никто. Пятерка капонцев повела в счете, а я внимательно следил за Леандром. Первое время он никак не мог подладиться к игре и даже промахивался по мячу, пытаясь вести его в дриблинге. Я думаю, у него настолько изменились все рефлексы, что он поначалу не мог вообще управлять мышцами.

Но постепенно он привык к новым возможностям своего тела. Он ухватил мяч, и тот выскользнул у него из рук — но как! Описав в воздухе высокую дугу, он с центра поля опустился в обруч. Трибуны взорвались криком, а Леандр недоверчиво осмотрел свои руки, как будто пытаясь понять, что случилось.

Но то, что случилось, случалось опять и опять. Как только мяч попадал к Леандру, он плавно взлетал в воздух, а оттуда падал точно в корзину. Все происходило так быстро, что никто не видел, как Леандр прицеливается,— казалось, что он действует без всякого усилия. А публика, считая это признаком высокого искусства, впала в неистовство.

Но потом, конечно, произошло неизбежное — игра превратилась в хаос. Зрители орали, как мартовские коты, выпускники-капонцы, покрытые шрамами, с переломанными носами, выкрикивали замечания самого уничижительного толка, а по всем углам зала вскипали кулачные бои. Что я забыл сообщить Азазелу, так это то, что казалось мне само собой понятным,— а именно, что две корзины в разных концах площадки не идентичны. Одна — своя, другая — противника, и каждый игрок дол-

жен целиться в нужную корзину. А мяч из рук Леандра с равнодушием, свойственным столь неодушевленному объекту, летел всегда в ту корзину, которая была ближе. В результате Леандр много раз забивал мячи собственной команде.

И делал он это, несмотря на все вежливые указания, что давал ему с трибуны зубрилвильский тренер Вурд О'Лак, по прозвищу Папаша, когда ему удавалось сквозь пену на губах прохрипеть хоть что-то осмысленное. Горько улыбаясь, Папаша Вурд вынужден был собственноручно удалить Леандра с площадки и плакал, не таясь, когда судьи оторвали его пальцы от горла Леандра, чтобы довести удаление до конца.

Друг мой, Леандр уже никогда потом не оправился от этой истории. Я полагал, что он будет искать забвения в вине и станет упорным и вдумчивым алкоголиком. Это бы я понял. Но он скатился гораздо ниже. Он занялся учебой.

Под сочувственно-презрительными взглядами своих товарищей он шатался с лекции на лекцию, прятал глаза в книгу и все глубже погружался в трясину учения.

Но Джунипер, несмотря ни на что, его не бросила. «Я ему нужна» — так она говорила, и непролитые слезы блестели в ее глазах. Жертвуя для него всем, она вышла за него замуж сразу после их выпуска. Она держалась за него даже тогда, когда он пал так низко, что был заклеймен ученой степенью по физике.

Теперь они с Джунипер прозябают где-то в маленьком домике в Уэст-Сайде. Он преподает физику и занимается, насколько я знаю, какими-то космогоническими исследованиями. Зарабатывает он шестьдесят тысяч в год, и те, кто знал его вполне добропорядочным лоботрясом, шепотом передают отвратительный слух, что он — готовый кандидат на Нобелевскую премию.

Однако Джунипер никогда не жалуется и хранит верность поверженному кумиру. Ни словом, ни поступком она никогда не показала, как жалеет об утрате, но своего старого крестного ей не обмануть. Я-то знаю, как иногда вздыхает она о том увитом лозами особнячке, которого никогда уже у нее не будет, и видит перед собой крутые холмы и далекие горизонты маленького именьица, так и оставшегося мечтой.

— Вот и вся история,— сказал Джордж, сгребая со стола принесенную официантом сдачу и списывая сумму с чека кредитной карты (как я полагаю, чтобы вычесть ее из суммы налога).— На вашем месте я бы оставил приличные чаевые.

Я так и сделал, скорее всего — от удивления, а Джордж улыбнулся и пошел прочь.

О потере сдачи я не сожалел. В конце концов, Джордж получил только еду, а я — рассказ, который могу выдать за свой и который принесет мне гораздо больше денег, чем стоил обед.

А вообще я решил, что время от времени буду обедать с Джорджем.

ВСЕГО ОДИН КОНЦЕРТ

У меня есть приятель, который иногда намекает, что умеет вызывать духов из бездны.

По крайней мере, как он утверждает, одного духа — очень маленького и со строго ограниченными возможностями. Об этом он, впрочем, заговаривает не раньше четвертого бокала шотландского с содовой. Здесь очень важно поймать точку равновесия: три — он слыхом не слыхивал ни о чем спиритическом (кроме виски и джина), пять — и он уже спит.

В тот вечер мне казалось, что он как раз вышел на нужный уровень, и я его спросил:

— Вы помните, Джордж, о вашем спиритусе?

— М-м? — Джордж уставился на свой стакан, пытаясь понять, что именно о нем он мог забыть.

— Не винный спирт, Джордж, а тот дух, помните — два сантиметра ростом, которого вы вроде бы вызывали из какого-то другого места, где он якобы существует. Ну, тот, со сверхъестественными возможностями.

— А,— сказал Джордж,— это Азазел. Конечно, его зовут не так, но настоящее его имя, боюсь, не произнести, так я его зову этим. Помню его.

— Вы часто его используете?

— Нет. Опасно. Слишком опасно. Всегда есть соблазн поиграть с этой силой. Сам я весьма осторожен, вдвойне осторожен. Но я, как вы знаете, человек высокой этики и вот однажды почувствовал, как сострадание призывает меня помочь своему другу. Но что из этого вышло! Даже сейчас мучительно вспоминать.

© Перевод М. Левина.

— А что случилось?

— Может быть, я должен с кем-то разделить этот груз, лежащий на моей душе,— задумчиво сказал Джордж.— Нарыв должен прорваться...

Я был много моложе в те времена, так говорил Джордж, в том возрасте, когда женщины составляют значительную часть жизни. Теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что это глупо, но тогда, я помню, очень было небезразлично, какая именно женщина будет рядом.

На самом деле ты просто запускаешь руку в мешок, да и вытащишь оттуда примерно одно и то же, но в те годы...

Был у меня друг по имени Мортенсон — Эндрю Мортенсон. Вы вряд ли его знаете. Я его и сам последние годы не очень часто вижу.

Дело было в том, что он сходил с ума по одной женщине — одной вполне определенной женщине. Она была ангелом. Он жить без нее не мог. Она была единственной в мире, и вся вселенная без нее была просто куском грязи в нефтяной луже. Ну, известно, какую чушь несут влюбленные.

Беда же была в том, что она дала ему окончательную и очевидную отставку и сделала это в исключительно грубой форме, никак не стараясь пощадить его самолюбие. Она его продуманно унизила, уйдя с другим прямо на его глазах, щелкнув пальцами у него перед носом и бессердечно рассмеявшись в ответ на его слезы.

Я не утверждаю, что все эти действия совершались буквально. Я просто передаю его переживания, которыми он со мной поделился. Мы тогда сидели и выпивали вот в этой самой комнате. Мое сердце обливалось кровью от сострадания, и я сказал ему:

— Мортенсон, вы меня простите, но не надо воспринимать это так трагически. Попробуйте рассудить здраво — в конце концов, она всего только женщина, каких тысяча в день проходит мимо этого окна.

Он горько ответил:

— Друг мой, не будет отныне женщин в моей жизни ни одной — кроме моей жены, общения с которой не всегда удается избежать. Но этой я бы хотел как-то отплатить.

— Жене? — спросил я.

— Да нет, с чего бы это я решил ей платить? Я имею в виду ту, что бросила меня столь бессердечно.

— Отплатить — как именно?

— А черт меня побери, если я знаю,— сказал он.

— Может быть, я смогу помочь,— сказал я, ибо сердце мое все еще обливалось кровью сострадания.— Я могу воспользоваться услугами духа, обладающего сверхъестественной силой. Маленького, конечно, духа,— я развел пальцы на пару сантиметров, давая понятие о его размере,— который и может сделать не больше, чем столько.

Я рассказал ему про Азазела, и он, разумеется, поверил. Я часто замечал, что мои рассказы весьма убедительны. Когда вы, старина, что-нибудь рассказываете, дух недоверия стоит такой густой, хоть топор вешай. Со мной по-другому. Нет ничего дороже репутации правдивого человека и честного, прямодушного вида.

Да, так я ему рассказал, и у него глаза заблестели. Он спросил, может ли демон устроить ей то, что он попросит.

— Только если это приемлемо, старина. Я надеюсь, у вас нет на уме ничего такого, как, например, заставить ее плохо пахнуть или чтобы у нее изо рта при разговоре выпрыгивала жаба.

— Конечно нет,— сказал он с отвращением.— За кого вы меня принимаете? Она подарила мне два счастливых года, и я хочу ей сделать подарок не хуже. У вашего духа, говорите, ограниченные возможности?

— Он — маленькое существо,— сказал я и снова показал пальцами.

— Может он дать ей совершенный голос? Хотя бы на время? Хотя бы на одно выступление?

— Я его спрошу.

Предложение Мортенсона звучало в высшей степени поджентльменски. Его экс-симпатия пела кантаты, если я правильно называю это занятие, в местной церкви. В те дни у меня был прекрасный музыкальный слух, и я часто посещал подобные концерты (стараясь, конечно, держаться подальше от кружки для пожертвований). Мне нравилось, как она пост, да и публика принимала ее достаточно вежливо. Я в те времена считал, что ее нравственность несколько не соответствовала обстановке, но Мортенсон говорил, что для сопрано допускаются исключения.

Итак, я обратился к Азазелу. Он охотно взялся помочь, без этих дурацких штучек насчет того, чтобы отдать ему взамен душу. Помню, я его однажды спросил, не нужна ли ему моя душа, и оказалось, что он даже не знает, что это такое. Он спросил меня, что я имею в виду, и выяснилось, что я тоже не знаю. Дело в том, что в своем мире он настолько мелкая сошка, что для него большим успехом является сам факт переброски своей массы в нашу Вселенную. Он просто любит помогать.

Азазел ответил, что может это устроить на три часа, а когда я передал ответ Мортенсону, тот сказал, что это будет великолепно. Мы выбрали тот вечер, в который она должна была петь Баха, или Генделя, или кого-то из этих старых композиторов и где ей полагалось долгое впечатляющее соло.

Мортенсон тем вечером направился в церковь, а я, конечно, пошел с ним. Я чувствовал себя ответственным за то, что должно было произойти, и хотел как следует понаблюдать за ситуацией.

Мортенсон мрачно заявил:

— Я был на репетициях. Она пела, как всегда,— как будто у нее есть хвост и кто-то на него все время наступает.

Раньше он описывал ее голос несколько иначе. Музыка сфер, говаривал он при случае, и самых горних сфер. Правда, она его бросила, а это иногда приводит к смене критериев.

Я строго посмотрел на него:

— Так не отзываются о женщине, которой собираются поднести столь бесценный дар.

— Не говорите ерунды. Я действительно хочу, чтобы ее голос стал совершенным. Воистину совершенным. И теперь, когда с моих глаз спала пелена влюбленности, я понимаю — ей есть куда расти, и долго. Как вы думаете, ваш дух даст ей этот голос?

— Изменение не должно начаться ранее двадцати пятнадцати.— Меня пронзил холодок подозрения.— Вы хотите, чтобы совершенство пришлось на репетицию, а на публике — разочарование и фиаско?

— Вы ничего не поняли,— ответил он.

Они начали чуть раньше, и, когда она вышла в своем концертном платье, мои старые карманные часы, которые никогда не ошибались больше чем на две секунды, показывали 20.14.

Она была не из этих субтильных сопрано — в ее шедрой конструкции было предусмотрено достаточно места для такого резонанса на высоких нотах, который топит звук всего оркестра. Когда она забирала несколько галлонов воздуха и пускала его в дело, мне через несколько слоев текстиля было видно, что Мортенсон в ней нашел.

Она начала на своем обычном уровне, но ровно в 20.15 как будто добавился другой голос. Я увидел, как она аж подпрыгнула, не веря своим ушам, и рука, прижатая к диафрагме, задрожала.

Голос воспарил. Как будто у нее в груди был божественный орган совершеннейшей настройки. Каждая нота была совершенством, впервые рожденным в сию минуту, а все другие ноты той же высоты и тона — лишь бледные копии.

Каждая нота шла с нужным вибрато (если это правильное слово), разрастаясь или сжимаясь с неведомой прежде силой и мастерством. И с каждой нотой все лучше и лучше пела певица. Органист оторвался от нот и смотрел на нее, и — я не могу поклясться, но мне показалось — он бросил играть. Но если он и играл, я его не слышал. Когда пела она, никто бы ничего не услышал. Ничего, кроме ее голоса.

Выражение удивления на ее лице сменилось экзальтацией. Ноты, которые она держала в руках, опустились: они не были нужны. Голос пел сам по себе, и ей даже не нужно было его направлять или командовать. Дирижер застыл, а весь хор онемел.

Соло кончилось, и голос вступившего хора показался шепотом, как будто хористы стыдились своих голосов и того, что они должны были звучать в той же церкви и в тот же вечер.

Остальная часть программы принадлежала ей. Когда она пела, только она и была слышна, даже если звучали голоса других. Когда она не пела, мы как бы погружались в темноту, и невыносимо было отсутствие света. А когда все кончилось — да, я знаю, в церкви не хлопают, но в тот вечер хлопали. Все, кто там был, встали как один, будто их, как марионеток, вздернула невидимая нить, и аплодисменты длились и длились, и было ясно, что так они будут хлопать всю ночь и перестанут, лишь если она снова запоет.

И она запела, и ее одинокий голос звучал на фоне шепчущего органа, и луч прожектора выхватил ее из тьмы световым пятном, и не было видно никого из хора — только ее.

Свобода и легкость. Вы не можете себе представить, как свободно, без малейшего усилия, лился ее голос. Я чуть уши себе не вывихнул, пытаясь поймать момент, когда она вдохнет, понять, сколько она может держать одну ноту на полной силе голоса, имея только одну пару легких. Но это должно было кончиться — и кончилось. Даже аплодисменты стихли. И только тогда заметил я, как блестят глаза у Мортенсона рядом со мной и как всем своим существом он ушел в ее поющий голос. И только тогда начал я понимать, что сейчас произошло.

В конце концов, я-то прям, как эвклидова прямая, и с моим прямодушием я никак не мог предвидеть, что он задумал. А вы, друг мой, настолько извилисты, что можете без единого поворота туловища взойти по винтовой лестнице, и по вашей кривой ухмылке я вижу, что вы уже догадались.

Это было, как если бы она была слепой от рождения и ровно на три часа обрела зрение, увидела формы и цвета удивительного окружающего нас мира, на который мы уже не обращаем внимания, потому что привыкли. Вот представьте себе, что увидели вы весь мир во всей славе его на три часа — и ослепли снова навеки!

Легко выносить слепоту, если не знал ничего другого. Но прозреть на три часа и снова ослепнуть? Этого не вынесет никто.

Конечно, эта женщина уже никогда не пела вновь. Но это еще не все. Настоящая трагедия постигла нас — каждого из публики. В течение трех часов мы слушали совершенную, понимаете — совершенную музыку. Как вы думаете, можем ли мы после этого слушать что-то другое?

Мне с тех пор словно медведь на ухо наступил. Вот недавно я тут пошел на один из этих рок-фестивалей, что нынче так популярны, просто чтобы себя проверить. Так вы не поверите, но я не мог разобрать ни одного мотива. Для меня это все как шум.

Одно мое утешение — Мортенсон, который слушал внимательнее всех и сосредоточеннее всех, ему и досталось больше всех. Теперь он носит ушные затычки, потому что не переносит никакого звука громче шепота. Так ему и надо!

УЛЫБКА, ПРИНОСЯЩАЯ ГОРЕ

Как-то за пивом я спросил своего приятеля Джорджа, пиво пил он, а я обошелся лимонадом:

— Как там поживает ваш мелкий бесенок?

Джордж утверждает, что у него есть демон ростом два сантиметра, которого он умеет вызывать. Мне никогда не удавалось заставить его признать, что он выдумывает. И никому не удавалось.

Джордж взглянул на меня долгим, пронзительным взором, а потом сказал:

— Ах да, вам-то я про него и рассказывал! Надеюсь, что вы больше никому не говорили.

— Слова не сказал,— подтвердил я.— На мой взгляд, достаточно того, что я считаю вас сумасшедшим. Мне не надо, чтобы кто-нибудь разделял мое мнение.

(Кроме меня он рассказал про демона еще примерно шестерым, так что в нарушении конфиденциальности с моей стороны даже не было необходимости.)

Джордж заявил:

— Я бы не хотел обладать вашей способностью не верить ничему, чего вы не можете понять — а понять вы не можете так многого,— даже за цену килограмма плутония. А если мой демон услышит, как вы обзываете его бесенком, то, что от вас останется, будет стоить меньше атома плутония.

— Вы узнали его настоящее имя? — спросил я, нимало не обеспокоенный его грозным предупреждением.

— Не смог! Человеческие уста не в силах его произнести. Перевод же, как мне дали понять, звучит примерно так: «Я, Царь

© Перевод М. Левина.

Царей, Могучий, Дающий Надежду и Отчаяние». Конечно, это вранье,— сказал Джордж, задумчиво глядя в свою кружку.— У себя дома он — мелкая сошка. Потому-то он здесь так охотно мне помогает. В нашем мире с его отсталой технологией он может себя проявить.

— И давно он проявил себя последний раз?

— На самом деле совсем недавно.— Джордж испустил нечеловеческой силы вздох и посмотрел своими выцветшими голубыми глазами прямо на меня. Его редкие седые усы медленно опустились после пронесшегося урагана эмоций.

Эта история началась с Рози О'Доннел, так сказал Джордж. Она была подругой моей племянницы и очень приятным созданием сама по себе. У нее были голубые глаза, почти такие яркие, как у меня, длинные, роскошные каштановые волосы, точеный носик, усыпанный веснушками, которые столь восхищают авторов любовных романов, лебединая шея и стройная, без изъянов, фигура, обещающая восторги любви.

Для меня, конечно, все это представляло чисто эстетический интерес, поскольку я уже много лет назад вступил в возраст воздержания и теперь ввязываюсь в физические последствия увлечения, только если дамы настаивают, что, благодарение судьбе, случается только изредка и тянется не дольше уик-энда.

Кроме того, Рози недавно вышла замуж и почему-то преувеличенно обожала своего молодого мужа — здоровенного ирландца, который не давал себе труда скрывать, что он весьма мускулист и не менее вспыльчив. Я не сомневался, что в свои молодые годы легко бы с ним справился, но, к сожалению, мои молодые годы давно уже позади. По всему по этому я с некоторой неохотой, но терпел привычку Рози считать меня чем-то вроде близкой подруги ее возраста и пола и делать меня поверенным ее девичьих тайн.

Я, понимаете ли, не ставлю ей это в вину. Мое природное достоинство и внешность римского императора автоматически привлекают ко мне молодых дам. Тем не менее я не позволял ей заходить слишком далеко. Я всегда следил, чтобы между мной и Рози была достаточная дистанция, поскольку я никоим образом не желал, чтобы до ушей несомненно здоровенного и, вероятно, вспыльчивого Кевина О'Доннела дошли какие бы то ни было искаженные слухи.

— Ах, Джордж,— сказала однажды, всплеснув ручками, Рози,— если бы вы знали, какая лапушка мой Кевин и как он умеет меня ублажать! Вам рассказать, как он это делает?

— Я не уверен,— осторожно начал я, стараясь избежать слишком откровенных излияний,— что вам следует...

Она не обратила внимания.

— Он вот так морщит нос, а глазами вот так часто-часто хлопает, а еще при этом так ярко улыбается, что ни один человек не может не развеселиться, когда на него смотрит. Знаете, как будто солнышко выглянуло и все осветило. Ах, если бы у меня была его фотография с таким лицом! Я пыталась его снять, но никак не могла поймать момент.

Я сказал:

— Милая моя, а чем вас не устраивает натура?

— Ну, понимаете...— Она замялась, очаровательно покраснела, а потом продолжила: — Он ведь не всегда такой. У него в аэропорту страшно тяжелая работа, так что иногда он приходит такой усталый, что немножко хмурится и ворчит. А вот если бы у меня была его фотография, то это бы меня тогда утешало. Сильно-сильно утешало,— закончила она, и в глазах блеснули непролитые слезы.

Должен признать, что у меня мелькнула было мыслишка рассказать ей про Азазела (я его так называю, потому что не собираюсь произносить тот набор слов, который якобы является переводом его имени) и объяснить, что он для нее может сделать.

Однако я очень щепетилен в вопросах сохранения чужой тайны и понятия не имею, откуда вы разузнали про моего демона.

Ну и кроме того, мне легко подавлять подобные импульсы, поскольку я человек жесткий, реалистичный и глупой сентиментальности не подвержен. Должен сказать, однако, что в твердой броне моего сердца есть некоторые слабые места, доступные для очаровательных юных дам выдающейся красоты,— разумеется, я имею в виду вполне достойные и почти что родительские чувства. К тому же я понял, что мог бы оказать ей эту услугу, даже не говоря ничего об Азазеле... нет, не из боязни недоверия — я могу убедить любого нормального человека без психических отклонений вроде ваших.

Когда я представил дело Азазелу, он никак не выразил восторга. Напротив, он мне заявил:

— Ты просишь сделать какую-то абстракцию.

— Ничего подобного,— сказал я ему.— Я прошу простую фотографию. Тебе надо только ее материализовать.

— И это все? Отчего бы тебе самому этого не сделать, если это так просто? Ты ведь, я вижу, разбираешься в вопросах эквивалентности массы и энергии.

— Ну только одну фотографию.

— При этом с таким выражением, которое ты даже не можешь определить или описать.

— Естественно, ведь он никогда не смотрел на меня так, как на свою жену. Но я верю в твое могущество.

Я понимал, что лишней ложкой масла кашу не испортить. И не ошибся.

Он мрачно буркнул:

— Тебе придется сделать снимок.

— Я не смогу поймать выражение...— начал я.

— Этого и не понадобится,— прервал он меня.— Это уже моя забота, но проще будет иметь материальный объект, на который можно спроецировать абстракцию. Другими словами — фотоснимок, пусть даже самый плохой, на какой ты только и способен. И конечно, только один. Больше я не смогу сделать, и вообще, не собираюсь рвать мышцы своего подсознания для тебя или любого безмозглого представителя твоей породы из вашего мира.

Да, верно, он часто бывает резок. Я думаю, он таким образом подчеркивает важность своей роли и пытается внушить, что не обязан выполнять все, о чем его попросят.

С О'Доннелами я встретился в воскресенье, когда они возвращались из Массачусетса (на самом деле я их подкараулил). Они позволили мне снять их в выходных костюмах, причем она была польщена, а он отнесся несколько неприветливо. После этого я как можно более ненавязчиво сделал портретный снимок Кевина. Мне бы никогда не удалось заставить его улыбнуться, или сощуриться, или что там еще Рози описывала, но это не было важно. Я даже не был уверен, что правильно навел на резкость. Я, в конце концов, не принадлежу к великим фотохудожникам.

Потом я зашел к своему приятелю, который в фотографии мастер. Он мне проявил оба снимка и увеличил портрет до размера девятнадцать на двадцать восемь.

Он все это проделал с недовольным видом, ворча себе под нос, что он страшно занят, но я не обратил на это внимания. В конце концов, какое значение имеют все его глупости по сравнению с действительно важным делом, которым был занят я? Меня всегда удивляло, сколько людей никак не могут понять такой простой вещи.

Однако его настроение переменилось, как только портрет был готов. Все еще глядя на него, он мне сказал:

— Только не надо мне говорить, что это ты сделал снимок такого класса.

— А почему бы и нет? — сказал я и протянул руку за портретом, но он сделал вид, что ее не заметил.

— Тебе же нужны еще несколько копий.

— Нет, не нужны,— ответил я, заглядывая ему через плечо. Фотография была исключительно четкой и с великолепной цветовой гаммой. С нее улыбался Кевин О'Доннел, хотя я не мог припомнить такой улыбки в момент съемки. Он хорошо выглядел и смотрел приветливо, но мне это было все равно. Наверное, чтобы увидеть в этом снимке нечто большее, нужно было быть женщиной либо мужчиной вроде моего приятеля-фотографа, не обладающего столь высокой мужественностью, как ваш покорный слуга.

— Давай я только одну сделаю — для себя.

— Нет,— твердо ответил я и забрал снимок из его руки, предварительно взяв его за запястье, чтобы он не вздумал его выдергивать.— И негатив, будь добр. Можешь оставить себе вот этот — снимок с расстояния.

— Такое мне не нужно,— ответил он, скривив губы, и, когда я уходил, он даже не пытался скрыть своего огорчения.

Портрет я вставил в рамку, поставил на полку и отступил, чтобы посмотреть. Вокруг него было видно вполне различимое сияние. Азазел хорошо сработал.

Интересно, подумал я, как отреагирует Рози. Я ей позвонил и спросил, можно ли мне заехать. Оказалось, что она собралась в магазин, но вот если бы я мог примерно через час...

Я мог, и я заехал. Свой фотоподарок, завернутый в бумагу, я ей протянул без единого слова.

— Боже мой! — воскликнула она, разрезав ленточку и разворачивая обертку.— Это что, в честь какого-то праздника или...

Но тут она его достала, и ее голос пресекся. Глаза широко открылись, и дыхание участилось. Наконец она смогла прошептать:

— Мамочка моя!

Она посмотрела на меня:

— Это то, что вы снимали в воскресенье?

Я кивнул.

— Но как вы его точно схватили! Я его такого обожаю. Ради бога, можно я возьму это себе?

— Я принес его вам,— просто ответил я.

Она обхватила меня руками за шею и крепко поцеловала в губы. Такому человеку, как я, не любящему сантименты, это не могло понравиться, и потом пришлось вытирать усы, но ее неспособность сдержать в тот момент свой порыв была вполне простительна.

После этого мы не виделись примерно с неделю, а потом я встретил ее как-то у лавки мясника, и с моей стороны было бы просто невежливо не предложить ей поднести сумку до дома. Естественно, меня интересовало, не собирается ли она снова полезть целоваться, и я про себя решил, что было бы грубо отказывать, если настаивает столь очаровательное создание. Однако она упорно глядела куда-то вниз.

— Как поживает фотография? — спросил я, опасаясь, не стала ли она выцветать.

Рози сразу оживилась:

— Прекрасно! Я поставила ее на магнитофон и наклонила так, чтобы с моего места за столом ее было видно. Он на меня глядит так немножко искоса, с такой хитринкой, и нос у него наморщен как раз как надо. Честное слово, совсем как живой. И мои подруги глаз отвести не могут. Мне приходится ее прятать, когда они приходят, а то вот-вот украдут.

— А *его* они не украдут? — шутливо спросил я.

Рози снова впала в то же напряженное молчание. Потом она качнула головой:

— Не думаю.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А как Кевину эта фотография?

— Он слова не сказал. Ни одного слова. Он, знаете ли, не очень наблюдателен. Я не уверена, что он ее вообще заметил.

— А что, если ему ее прямо показать и спросить?

Она молчала примерно полквартала, а я тащился рядом с тяжелой сумкой, гадая, не потребует ли она еще и поцелуя в придачу.

Внезапно она сказала:

— На самом деле у него сейчас такая напряженная работа, что как-то не представляется случая спросить. Он приходит домой поздно и со мной вообще почти не разговаривает. Ну, вы же знаете, мужчины — они такие.— Она попыталась засмеяться, но у нее ничего не вышло.

Мы подошли к ее дому, и я вернул ей сумку. Она вдруг сказала шепотом:

— И все равно вам спасибо за фотографию, много-много раз!

И ушла. Поцелуя она не попросила, а я настолько погрузился в свои мысли, что осознал этот факт только на полпути к дому, когда уже возвращаться только для того, чтобы спасти ее от разочарования, было бы глупо.

Прошло еще дней десять, и как-то утром она мне позвонила. Не могу ли я заехать и с ней позавтракать? Я сдержанно заметил, что это было бы несколько неудобно — что скажут соседи?

— А, глупости,— сказала она.— Вы же такой невообразимо старый... то есть я хочу сказать, такой невообразимо старый друг, что им и в голову... Ну а кроме того, мне нужен ваш совет.

Мне показалось, что она всхлипнула. Джентльмен всегда должен быть джентльменом, поэтому я оказался во время ланча в ее солнечной квартирке. Она поставила на стол бутерброды с ветчиной и сыром и тонкие ломтики яблочного пирога, а на магнитофоне стояла фотография, как она рассказывала.

Мы поздоровались за руку, и никаких попыток целоваться она не делала, что могло бы меня успокоить, если бы не ее вид, который отнюдь не внушал спокойствия. Она выглядела совершенно изнуренной. Я съел половину всех бутербродов, пока ждал, чтобы она заговорила, но в конце концов был вынуж-

ден сам спросить, откуда вокруг нее атмосфера такой мрачной безнадежности.

— Это из-за Кевина?

Я был уверен, что не ошибся.

Она кивнула и разразилась слезами. Я гладил ее руку, но не был уверен, что этого достаточно. Я стал ненароком гладить ей плечо, и наконец она сказала:

— Я боюсь, что он потеряет работу.

— Что за глупости! Почему?

— Понимаете, он стал такой дикий, очевидно, и на работе тоже. Он уже бог знает сколько времени меня не целует и даже слова доброго никогда не скажет. Он ссорится всегда и со всеми. Что случилось — он мне не говорит, а если я спрашиваю, он бесится. Вчера зашел друг, с которым Кевин работает в аэропорту. Он сказал, что Кевин работает с таким угрюмым и несчастным видом, что начальство уже стало замечать. Я уверена, что его собираются уволить, но что же мне делать?

Чего-то в этом роде я ожидал с нашей последней встречи и решил, что надо рассказать ей правду, и черт с ним, с Азазелом. Я прокашлялся:

— Рози! Эта вот фотография...

— О да, я знаю,— воскликнула Рози, хватая фотографию и прижимая ее к груди.— Она дает мне силы это переносить. Это — *настоящий* Кевин, и что бы ни случилось — он всегда будет со мной.— Она начала всхлипывать.

Я понял, что сказать то, что надо сказать, будет крайне трудно, однако другого пути не было. И я сказал:

— Рози, вы не поняли. Вся беда в этой фотографии, и я в этом уверен. Все обаяние, вся жизнерадостность этой фотографии должны были откуда-то взяться. Так вот, их отобрали у самого Кевина. Понимаете?

Рози перестала плакать.

— Вы это о чем? Фотография — это просто свет, собранный линзой, и еще эмульсия на пленке, и всякие там проявители — и все.

— Обычная фотография — да, но *эта*...

Я знал ограниченность возможностей Азазела. Волшебную фотографию из ничего ему было бы создать не под силу, но бо-

юсь, что научную сторону вопроса, некий закон сохранения жизнерадостности я бы не смог объяснить Рози.

— Давайте я скажу так. Пока здесь будет стоять эта фотография, Кевин будет несчастен, сердит и раздражителен.

— Но здесь будет стоять эта фотография,— сказала Рози, решительно водружая ее на место,— и я не понимаю, зачем вы говорите такие ужасы про такую хорошую вещь. Ладно, давайте я сварю кофе.

Она вышла на кухню, и я видел, что она оскорблена до глубины души. Тогда я сделал то, что было единственно возможным. В конце концов, ведь это я сделал снимок. И опосредованно — через Азазела — на меня ложилась ответственность за его волшебные свойства. Я схватил рамку, осторожно снял задник, вынул фотографию. И порвал ее пополам, потом на четыре части, на восемь, на шестнадцать и сунул клочки себе в карман. Как только я закончил, зазвонил телефон, и Рози бросилась к нему в гостиную. Я вдвинул задник на место и поставил рамку обратно. Она была бела и пуста.

И тут я услышал, как Рози счастливо взвизгнула.

— Кевин! — донеслось до меня.— Это же чудесно! Я так рада! Но почему же ты мне ничего не говорил? Никогда больше так не делай!

Она вернулась с сияющим лицом.

— Вы знаете, что сделал этот ужасный Кевин? У него был камень в почке, и он ходил к врачу, и вообще переживал. Это же была дикая, адская боль, и могла понадобиться операция, а мне он не говорил, потому что не хотел меня волновать. Вот болван! Конечно, он ходил такой несчастный. Ему и не пришло в голову, что я еще больше переживала, не зная, что с ним творится. Нет, серьезно, мужчин нельзя оставлять без надзора.

— А отчего вы сейчас так радуетесь?

— А камень вышел. Вот только что, и он первым делом сказал мне, что очень мило с его стороны — и как раз вовремя. У него такой счастливый голос и такой радостный. Как будто вернулся прежний Кевин. Он совсем такой, как на этой фотографии...

Рози обернулась и взвизгнула:

— Где фотография?

Я встал, собираясь уходить. На ходу, идя к двери, я произнес:

— Я ее уничтожил. Потому-то камень и вышел.

— Уничтожил? Ах ты...

Я уже был за дверью. Я не ждал благодарности, но и до убийства доводить не хотел. Не дожидаясь лифта, я поспешил вниз с той скоростью, которую мог себе позволить, и добрых два этажа до моих ушей доносился ее дикий вой.

Дома я сжег клочки.

С тех пор я не видел Рози. Как я слышал, Кевин стал нежным и любящим мужем, и они очень счастливы, но одно письмо я все же от нее получил. Семь страниц мелким почерком, сбивчивых и почти бессмысленных. Из них я только мог понять, что она считает, будто настроение Кевина полностью объясняется историей с камнем, а что появление и выход камня так совпали по времени с фотографией — чистая случайность.

Еще там было несколько совершенно сумасшедших обещаний меня убить, а также — абсолютно непоследовательно — повредить некоторые части моего тела, причем называемые такими словами, которые, как я готов был бы поклясться, она не только не употребляет, но и вообще никогда не слышала.

И я так понимаю, что никогда больше она не полезет ко мне целоваться, и это, как ни странно, меня несколько огорчает.

С моим другом Джорджем мне приходится видеться нечасто, но каждый раз я у него спрашиваю, как там тот маленький демон, которого он, как он говорит, умеет вызывать.

— Один старый и лысый писатель-фантаст,— говорил мне Джордж,— сказал однажды, что любая технология, выходящая за рамки привычного, воспринимается как колдовство. Но тем не менее мой маленький друг Азазел никоим образом не что-нибудь там внеземное, а именно демон bona fide. Пусть у него рост всего два сантиметра, зато он кое-что умеет. Кстати, откуда вы про него знаете?

— От вас.

Лицо Джорджа вытянулось в недоуменной гримасе, и он торжественно произнес:

— Я никогда о нем не упоминал.

— Кроме как в разговоре,— сказал я.— Кстати, что он последнее время поделывает?

Джордж вздохнул, набрав пару кубометров воздуха, и выдохнул их обратно, щедро насытив запахом пива. Потом сказал:

— Тут вы нечаянно наступили на больную мозоль. От наших с Азазелом усилий недавно пострадал мой друг, некто Теофил, а ведь мы хотели как лучше.

Он поднес кружку к губам и продолжил.

Мой друг Теофил (так говорил Джордж), которого вы не знаете, поскольку он вращается в более высоких кругах, чем те, где вам не отказывают в приеме,— утонченный молодой человек, большой ценитель грациозных линий и божественных форм

© Перевод М. Левина.

молодых женщин — к чему я, слава богу, равнодушен,— но которому недоставало способности пробуждать у них взаимность.

Он мне говаривал:

— Джордж, я этого не понимаю. Я умен, я прекрасно веду разговор, я остроумен, весел, у меня вполне терпимая внешность...

— Да-да,— отвечал я.— У вас есть глаза, нос, рот и уши, все в должном количестве и на нужных местах. Это я могу подтвердить под присягой.

— ...и потрясающе образован по теории любви, хотя у меня не было шансов испытать свои знания на практике. И вот оказывается, что я не могу привлечь к себе эти милые создания. Вот посмотрите, сколько их тут вокруг, и ни одна не выражает ни малейшей предрасположенности завязать со мной знакомство, хотя я тут сижу с гениально-глубокомысленным выражением лица.

Мое сердце обливалось кровью от сострадания. Я его знал еще младенцем и помню, один раз я даже держал его на руках по просьбе его матушки, оправлявшей одежду после кормления. Такие вещи связывают людей.

Я спросил:

— Дорогой друг, были бы вы счастливее, если бы умели привлекать их внимание?

Он ответил просто:

— Это был бы рай.

Мог ли я не пустить его в рай? Я изложил Азазелу все как было, и он, как всегда, не пришел в восторг.

— Слушай, попроси лучше у меня бриллиант. Я переставлю атомы в кусочке угля, и ты получишь хороший камешек в полкарата. Но как, черт побери, я устрою твоему приятелю неотразимость для женщин? Как?

— А если ты в нем переставишь пару атомов? — спросил я, пытаясь предложить идею.— Я хочу, чтобы ты для него что-нибудь сделал, хотя бы в память о неповторимом питательном аппарате его матушки.

— Ладно, давай подумаю,— сказал Азазел.— Скрытые феромоны человека! Разумеется, с этой вашей теперешней привычкой мыться по поводу и без повода и еще опрыскиваться искусственными ароматами вы вряд ли помните о естественном пути передачи эмоций. А я могу так перестроить биохимиче-

ский портрет твоего друга, чтобы он производил большие дозы сверхэффективных феромонов в ответ на появление у него на сетчатке изображения какой-нибудь из этих грубых самок вашего уродливого вида.

— То есть он будет вонять?

— Ничего подобного. Запах феромона едва ли ощущается сознанием, но действует на самок данного вида, вызывая у них неосознанное и атавистическое желание подойти поближе и улыбнуться. Наверное, еще и стимулирует выработку ответных феромонов, а дальше, я полагаю, все происходит автоматически.

— Тогда это то, что надо,— сказал я,— поскольку, как я думаю, этот юный Теофил сможет произвести хорошее впечатление. Он такой открытый парень, темпераментный и веселый.

Работа Азазела оказалась эффективной, как я выяснил после очередной встречи с Теофилом. Это было в уличном кафе.

Его я заметил не сразу, потому что мое внимание привлекла группа молодых женщин, симметрично расположенных по окружности. Я, к счастью, уже не подвержен их чарам с тех пор, как достиг возраста умеренности, однако дело было летом, и все они были одеты в тщательно обдуманное отсутствие одежды, так что я, как человек наблюдательный, не мог не начать внимательно рассматривать.

Прошло, как я помню, несколько минут, в течение которых я наблюдал за напряженным и нервозным поведением некоей пуговицы, пытавшейся удержать в закрытом положении кофточку, к которой была пришита. Я начал уже было строить рассуждения на тему о том, что... Но я был не прав.

Лишь через несколько минут заметил я Теофила в центре этой симметричной структуры — как Полярную звезду во главе Малой Медведицы из прекрасных летних девушек. Несомненно, его феромонную активность усилил разогрев на полуденном солнышке.

Я пробрался через этот круг женственности, по-братски подмигивая и улыбаясь, изредка позволяя себе отеческие похлопывания по плечу, и уселся рядом с Теофилом на стул, который для меня, надув губки, освободила очаровательная девушка.

— Мой молодой друг,— сказал я ему,— это зрелище чарует и вдохновляет.

И лишь сказав это, я заметил у него на лбу грустную морщинку. Я тут же заботливо спросил:

— Что случилось?

Не разжимая губ, он произнес таким тихим шепотом, что я еле расслышал:

— Бога ради, заберите меня отсюда.

Я, как вы знаете, человек решительных поступков. Мне не составило никакого труда подняться и отчетливо произнести:

— Юные леди, мой молодой друг, понуждаемый неумолимыми законами биологии, должен посетить мужской туалет. Подождите его здесь, и он вернется.

Мы вошли в ресторанчик и вышли через заднюю дверь. Одна из юных дам, с выпирающими, как булыжники, недвусмысленными бицепсами и со столь же недвусмысленным выражением подозрительности на угрюмом лице, догадалась обежать вокруг ресторана, но мы успели вовремя ее заметить и нырнуть в такси. Она гналась за нами еще два квартала, не отставая. В комнате Теофила, в безопасности, я сказал:

— Теофил, вы явно открыли секрет, как привлекать женщин. Это и есть тот рай, к которому вы стремились?

— Не совсем,— ответил Теофил, медленно расслабляясь под струей воздуха из кондиционера.— Они друг другу мешают. Я не знаю, что случилось, однако вот недавно ко мне подошла эта странная женщина и спросила, не встречала ли она меня в Атлантик-Сити. («Никогда! — возмущенно воскликнул Теофил.— Никогда в жизни не бывал я в Атлантик-Сити».) Я еще не успел возразить, как подбежала другая, утверждая, что я уронил платок и она хочет мне его вернуть, и тут же подскочила третья со словами: «Детка, хочешь сниматься в кино?»

Я ответил:

— Вам остается только выбрать одну из них. Я бы выбрал ту, которая звала в кино. Легкая жизнь, а вокруг вьются тучи актрисок.

— Да не могу я никого из них выбрать. Они следят друг за другом почище стервятников. Стоит мне посмотреть на одну, так все остальные хватают ее за волосы и вышвыривают вон. У меня так же нет женщины, как и не было, только в старые дни мне хотя бы не приходилось смотреть, как они колышут грудью и глядят на меня томными глазами.

Я сочувственно вздохнул и сказал:

— А почему не устроить им отборочный турнир? Вот в таком окружении дам, как сегодня, взять и сказать: «Мои дорогие, я глубоко увлечен вами всеми вместе и каждой в отдельности. А потому прошу вас выстроиться в алфавитном порядке, и каждая по очереди меня поцелует. Та, которая исполнит это наиболее самозабвенно, останется со мной на вечер». Максимум того, что вы на этом теряете,— послужите объектом для чрезмерно старательных поцелуев.

— Хм! — произнес Теофил.— А почему бы и нет? Трофеи — победителю, и пусть меня победит самый лучший трофей.— Он облизнул губы, потом выпятил их и поцеловал воздух, отрабатывая технику.— Так и сделаем. Как вы думаете, что, если я, чтобы это было менее утомительно, поставлю условие — руки за спиной?

— Я бы не стал,— ответил я,— друг мой Теофил. В этом случае вам самому может захотеться проявлять какие-то усилия. Я бы предпочел правило — «все захваты дозволены».

— Возможно, вы правы,— сказал Теофил, воспринимая совет того, кто имел немалый опыт в вопросах подобного рода.

Вскоре я должен был покинуть город в связи с делами и не видел Теофила около месяца. Мы встретились в супермаркете. Он толкал перед собой тележку, нагруженную бакалеей. Его лицо меня убило. Загнанным взглядом озирался он по сторонам.

Я к нему подошел, и он со странным писком пригнулся. Потом узнал меня:

— Слава богу, а то я подумал, что вы — женщина.

Я покачал головой.

— Все еще мучаетесь? Вы разве не устроили отборочный турнир?

— Устроил. В том-то все и дело.

— А что случилось?

— Я...— Он оглянулся по сторонам и выглянул в проход между стеллажами. Убедившись, что вокруг чисто, он заговорил тихо и быстро, как человек, который торопится что-то сказать по секрету и при этом знает, что его вот-вот прервут: — Я это сделал. Я заставил их написать заявления на конкурс с указанием возраста, сорта зубной пасты и прочего, представить как полагается рекомендации и справки — и назначил день. Кон-

курс должен был проходить в большом бальном зале в «Уолдорф-Астории». Я заготовил приличный запас гигиенической помады для них, профессиональную массажистку и баллон с кислородом для себя для поддержания формы. Как вдруг накануне конкурса ко мне в номер является мужик. Я говорю «мужик», но сперва мне показалось — оживший кирпичный столб. Ростом под два десять, в плечах где-то метр пятьдесят, и кулаки — как ковши паровой лопаты. Он улыбнулся, показав клыки, и заявил:

— Сэр, завтра в вашем конкурсе участвует моя сестренка.

— В самом деле? Очень рад это слышать,— сказал я, желая удержать дальнейший разговор в том же дружелюбном ключе.

— Моя маленькая сестренка,— сказал мужик,— нежный цветок на нашем корявом родословном древе. Она — зеница ока моих трех братьев и моя, и каждого из нас сводит с ума одна только мысль о том, что ее может постигнуть разочарование.

Я спросил:

— А ваши братья похожи на вас, сэр?

Он сильно смутился:

— Да нет, сэр, что вы. Я в детстве сильно болел и так и остался вот таким вот усохшим недомерком на всю жизнь. А мои братья — настоящие мужчины нормального роста.— Он показал рукой примерно два с половиной метра от земли.

Я с глубоким чувством заявил:

— Я уверен, сэр, что шансы вашей очаровательной сестры исключительно высоки.

— Это приятно слышать. У меня есть дар предвидения — я думаю, в компенсацию за мою физическую неполноценность. И вот я предвижу, что моя сестренка выиграет конкурс. По какой-то непонятной причине,— продолжил он,— моя сестричка вбила себе в голову, что вы — ее судьба, и, если бы ее постигла неудача, мы — ее братья — чувствовали бы себя так, как если бы нам в морду плюнули. А уж тогда...

Тут он осклабился еще сильнее, и клыки вылезли еще больше. Медленно, по одной, он пощелкал костяшками своих ручищ, и звук был такой, как будто ломается бедренная кость. Я никогда этого не слышал, но внезапный приступ дара предвидения дал мне ясно понять, как это звучит.

Я сказал:

— У меня такое чувство, сэр, что вы правы. Есть у вас фотография той особы, о которой идет речь?

— Вы знаете,— сказал он,— совершенно случайно есть.

Он достал фотографию в рамке, и должен признать, что у меня сердце екнуло. Я не мог себе представить, как эта леди выиграет состязание.

Однако дар предвидения — это дар предвидения, и вопреки всем шансам молодая леди одержала чистую победу. Когда объявили результат, в зале чуть не вспыхнул бунт, но победительница очистила помещение собственноручно с неимоверной быстротой и эффективностью, и с тех пор мы с ней, к сожалению — то есть к счастью,— неразлучны. Да вон она, роется на мясном прилавке. Она очень любит мясо — и не только сырое.

Я посмотрел на эту девушку и сразу узнал ту, что два квартала гналась за нашим такси. Очень решительная особа. Я залюбовался ее пульсирующими бицепсами, серьезной гастрономической увлеченностью и развитыми надбровными дугами.

— Вы знаете, Теофил,— сказал я ему,— может быть, имеет смысл снизить вашу привлекательность до прежнего уровня?

Теофил вздохнул:

— Это, боюсь, небезопасно. Моя нареченная и ее крупногабаритные братцы могут неправильно понять потерю интереса с ее стороны. Да к тому же в моем положении есть и хорошие стороны. Я могу пройти по любой улице в любое время, и, как бы там ни было опасно, меня никто и пальцем не тронет, когда она со мной. Самый наглый полисмен-регулировщик сразу становится кротким, как агнец, стоит ей на него прищуриться. И она так старается мне угодить и все время придумывает что-нибудь новое. Нет, Джордж, моя судьба решена. Пятнадцатого числа через месяц у нас свадьба, и она перенесет меня через порог нашего нового дома, что дарят нам ее братья. Они хорошо зарабатывают на спрессовывании старых автомобилей, поскольку экономят на оборудовании — работают руками. Вот только иногда я...

Его взор невольно отклонился в сторону на хрупкие формы молодой блондинки, идущей по проходу в нашу сторону. Она взглянула на него так же, как и он на нее, и по ее телу прошла дрожь.

— Простите,— застенчиво произнесла она, и голос звучал, как трель флейты,— мы не могли недавно видеться в турецких банях?

Не успела она договорить, как за нами послышалась твердая поступь и в разговор ворвался грозный баритон:

— Лапонька Теофил, эта потаскуха к тебе пристает?

Владычица души Теофила, наморщив лоб до глубокой борозды, сверлила девушку взглядом, и та задрожала в нескрываемом ужасе.

Я быстро встал между дамами (это был страшный риск, но никогда не знал я страха) и сказал:

— Мадам, это дитя — моя племянница. Она заметила меня издали и бросилась ко мне поцеловать в щечку. То, что при этом она двигалась в направлении вашего дорогого Теофила, было полнейшей, хотя и неизбежной, случайностью.

Я огорчился, когда на лице возлюбленной Теофила проявилась та уродующая печать подозрительности, на которую я обратил внимание еще при нашей первой встрече.

— А ты не врешь? — спросила она, и в ее голосе недоставало человеколюбия, которое мне так хотелось бы услышать.— Ладно, чтоб я вас тут не видела. Быстро отсюда оба!

В общем и целом я счел разумным именно так и поступить. Взяв девушку под руку, я пошел прочь, предоставив Теофила его судьбе.

— О сэр,— сказала юная дама,— как это было храбро с вашей стороны и как находчиво. Если бы не вы, не избежать бы мне синяков и царапин.

— Это был бы стыд и позор,— галантно ответил я,— потому что такое тело, как ваше, создано не для царапин. И не для синяков. Кстати, вы упомянули турецкую баню. Давайте поищем ее вместе. У меня в квартире есть нечто в этом роде — американская, правда, и ванна, но это, в сущности, то же самое.

В конце концов, трофеи — победителю.

НЕЯСНЫЙ РОКОТ

Я стараюсь не верить тому, что рассказывает мне мой друг Джордж. Ну как можно верить человеку, утверждающему, что умеет вызывать демона по имени Азазел ростом в два сантиметра, который на самом деле — некоторое внеземное существо с необычными, хотя и очень ограниченными, возможностями?

Но под прямым немигающим взглядом простодушных глаз Джорджа я начинаю ему верить и верю — пока он говорит. Это, я думаю, эффект Старого Моряка.

Однажды я сказал, что его демон, похоже, дал ему нечто вроде дара вербального гипноза. Джордж в ответ вздохнул и сказал:

— Увы, нет! Уж если он мне что и даровал, так это дар вызывать людей на откровенную исповедь, хотя это проклятие преследовало меня еще до всякого знакомства с Азазелом. Самые необычные люди взваливали на меня бремя своих горестей. А бывало...— он помотал головой, как будто отгоняя невыносимо печальную мысль,— бывало, что и такое бремя на меня падало, что не людской плоти выносить его. Вот, помню, встретил я однажды человека по имени Ганнибал Уэст...

Впервые я его заметил, так говорил Джордж, в ресторане того отеля, где жил. Я его заметил прежде всего потому, что он мне загораживал вид на официантку с фигурой статуэтки, одетую со вкусом, но совершенно недостаточно. Ему же, я полагаю, показалось, что я смотрю на него (чего я бы никогда по

© Перевод М. Левина.

собственной воле делать не стал), и он это воспринял как приглашение к началу дружеских взаимоотношений.

Он подошел к моему столу, прихватив с собой свой бокал, и уселся без всякого там «с вашего разрешения». Я по натуре человек вежливый, так что я приветствовал его чем-то вроде хрюканья и уставился прямо на него, что он воспринял абсолютно спокойно. У него были волосы песочного цвета, спадающие по обеим сторонам черепа, белесые глаза и бледная физиономия им под цвет и еще — взгляд фанатика, хотя в тот момент я этого, признаюсь, не заметил.

— Меня зовут Ганнибал Уэст,— заявил он,— я профессор геологии. Моя узкая специальность — спелеология. Вы, случайно, не спелеолог?

Я сразу понял, что ему кажется, будто он встретил родственную душу. У меня от такой мысли ком к горлу подкатил, но человек я вежливый.

— Непонятные слова всегда меня интересовали,— сказал я.— Что такое спелеология?

— Пещеры. Изучение и исследование пещер,— ответил он.— Это мое хобби, сэр. Я исследовал пещеры всех континентов, кроме Антарктиды. О пещерах никто в мире не знает больше моего.

— Очень приятно,— сказал я,— это впечатляет.

Посчитав, что дал ему насколько возможно более холодный ответ, я помахал официантке, чтобы она принесла мне новый бокал, и с чисто научной внимательностью наблюдал за ее неспешным приближением. Однако Ганнибал Уэст не счел мой прием холодным.

— Да-да,— он энергично закивал головой,— впечатляет — это уж точно. Я исследовал пещеры, о которых никто в мире ничего не знает. Я спускался в подземные гроты, где не ступала нога человека. Я единственный из ныне живущих, кто первый входил в такие места, где не бывало ни одно человеческое существо. Я вдыхал воздух, который никогда не тревожили человеческие легкие, и я видел и слышал такое, чего не видел и не слышал никто, кто выжил бы и рассказал.

Он передернулся.

Тут прибыл мой бокал, и я благодарно взял его, любуясь тем, как низко наклонилась официантка, ставя его передо мной на стол. Совершенно механически я сказал:

— Вы — счастливый человек.

— Вот это нет,— ответил Уэст.— Я жалкий грешник, коего призвал Господь для отмщения грехов сынов человеческих.

Тут-то я посмотрел на него внимательно и заметил взгляд фанатика, сверлящий меня насквозь.

— В пещерах? — спросил я.

— В пещерах,— торжественно и мрачно ответил он.— Уж поверьте мне. Я профессор геологии, и я знаю, о чем говорю.

Я за мою долгую жизнь встречал много профессоров, которые понятия не имели, о чем говорили, но этот факт я счел излишним подчеркивать. Наверное, Уэст по моим выразительным глазам прочел, что я о нем думаю, потому что вдруг щелкнул замком портфеля у себя на коленях, выудил оттуда газету и сунул ее мне.

— Вот! — сказал он.— Читайте вот это.

Не могу сказать, что материал заслуживал углубленного изучения. Какая-то заметка в местном листке размером в три абзаца. В заголовке было написано: «Неясный рокот», а в скобках стояло: «Восточный Хренборо, штат Нью-Йорк». Там что-то было насчет неясного рокочущего шума, на который жаловались в полицию местные жители и который приводил в неистовство все собачье-кошачье население городка. Полиция списала этот звук на дальнюю грозу, хотя метеорологический отдел клялся и божился, что гроз в этот день в регионе не было ни одной.

— Ну и как вам это? — спросил Уэст.

— Может, это была эпидемия несварения желудка?

Он скривился так, как будто эта идея не стоила даже презрения — хотя любой, кто хоть раз испытал несварение желудка, с ним бы не согласился.

— У меня,— сказал он,— есть точно такие же сообщения из Ливерпуля в Англии, из Боготы в Колумбии, из Милана в Италии, из Рангуна в Бирме и еще из полусотни различных точек земного шара. Я их собираю. И во всех говорится о глухом рокочущем шуме, наводящем страх и беспокойство и вгоняющем в панику домашних животных. И все эти случаи укладываются в два дня.

— Какое-то событие мирового масштаба,— заметил я.

— Именно! А то скажете — несварение! — Он состроил мне гримасу, отхлебнул из своего бокала и постучал себя по гру-

ди: — Ибо Господь вложил мне в руки оружие, и я должен узнать, как применять его.

— А что за оружие? — спросил я.

Он не дал прямого ответа.

— Эту пещеру я нашел случайно, что мне больше нравится, потому что пещера с кричащим входом — это публичная девка, и там уже толпы топтались. Вы мне покажите вход узкий и скрытый, загороженный камнепадом и заросший бурьяном, да еще чтобы он был за водопадом и в недоступном месте — и я вам скажу, что эта пещера девственна и туда стоит лезть. Вы сказали, что спелеологии не знаете?

— Ну, я, конечно, бывал в пещерах. Вот, например, Люрейские пещеры в Виргинии...

— С платным входом! — Уэст сморщился, ища на полу место, куда плюнуть. К счастью, не нашел.— Раз вы ничего не знаете о божественных радостях исследования пещер,— начал он,— я не буду вас утомлять рассказом о том, как я ее нашел и как обследовал. Вообще говоря, исследовать новую пещеру без напарника небезопасно, однако я всегда к этому готов. В конце концов, в этом деле мне нет равных, не говоря уже о том, что я храбр как лев. Но в этом случае мне как раз повезло, что я был один, ибо то, что нашел я, не было предназначено ни для кого другого. Продвигаясь вперед, я обнаружил большой безмолвный зал, где сталагмиты гордо воздымались навстречу не менее величественным сталактитам. Я шел, огибая сталагмиты и разматывая за собой бечеву, поскольку не люблю терять дорогу, как вдруг наткнулся на сталагмит, сломанный посередине там, где сцепление плоских слоев было почему-то слабее. По одну сторону от обломка пол был покрыт известняковой крошкой.

Не знаю, отчего он сломался — то ли какая-то тварь налетела на него, спасаясь от преследования, то ли какому-то небольшому землетрясению этот сталагмит показался слабее других. В любом случае сейчас на вершинке этого обломка была гладкая плоская площадка, влажно блеснувшая в свете моего фонарика. Она так напоминала барабан, что я не выдержал и постучал по ней пальцем.— Тут он залпом допил бокал и добавил: — Это и был барабан или, по крайней мере, структура, отвечающая вибрацией на постукивание. Как только я тронул

обломок, зал наполнил глухой рокот — тяжелый звук на грани порога слышимости, инфразвук. Как я позже определил, только ничтожная доля звуковых волн пришлась на слышимый диапазон, а почти весь звук выражался в мощных колебаниях, слишком медленных для человеческого уха, но сотрясающих тело. От этого неслышимого эха я испытал наиболее неприятные ощущения, которые только можно вообразить. Раньше я никогда ничего подобного не встречал. Энергия постукивания ничтожна, как же могла она вызвать такие мощные колебания? Этого я полностью так и не понял. Конечно, где-то под землей есть источники энергии. Может существовать способ освобождения тепловой энергии магмы и превращения ее в звук. А начальное постукивание могло сыграть роль спускового механизма этого звукового лазера, или, если создавать новый термин, звазера.

Я растерянно заметил:

— Никогда о таком не слышал.

— Да уж конечно,— Уэст неприятно хихикнул,— наверняка не слышали. Никто никогда ни о чем таком не слышал. Естественный звазер, образовавшийся в результате редкой комбинации геологических условий. Такая штука может случиться не чаще раза в миллион лет и не больше чем в одной точке планеты. Это должен быть редчайший феномен всей Земли.

Я заметил:

— Это довольно далеко идущие выводы из одного щелчка пальцем по барабану.

— Заверяю вас, сэр, как ученый, что я не удовлетворился одним щелчком. Я продолжил эксперимент. Попробовав стукнуть сильнее, я убедился, что могу серьезно пострадать от реверберации инфразвука в замкнутом пространстве. Тогда я соорудил систему, которая позволяла мне бросать камешки на звазер извне пещеры,— некий аппарат с дистанционным управлением. И с удивлением обнаружил, что звук слышен в довольно далеких от пещеры местах. Простеньким сейсмографом я обнаружил колебания на расстоянии нескольких миль. А бросив случайно серию камешков, я убедился в кумулятивности эффекта.

— Это было,— спросил я,— в тот день, когда по всему миру слышался глухой рокот?

— Абсолютно верно,— ответил он.— Вы совсем не такой дебил, каким кажетесь. Вся планета звенела, как колокол.

— Я слышал, что это бывает только при особо сильных землетрясениях.

— Верно, однако звазер может вызвать колебания более сильные, чем любое землетрясение, при этом с определенной длиной волны, например такой, от которой вытряхивается содержимое клеток — допустим, нуклеиновые кислоты хромосом.

Я обдумал сказанное.

— Это убило бы живые клетки.

— Наверняка. Может быть, так погибли динозавры.

— Я слыхал, что они погибли из-за столкновения Земли с астероидом.

— Это так, но, чтобы так подействовало простое столкновение, мы должны допустить, что астероид был гигантским — десять километров в поперечнике. И тогда приходится предполагать пыль в стратосфере, трехлетнюю зиму и прочее, чтобы весьма нелогичным способом объяснить, почему одни организмы погибли, а другие выжили. А теперь допустим, что астероид был гораздо меньше, но стукнул по звазеру, а его колебания стали разрушать клетки. Около девяноста процентов всех живых клеток в мире распались за несколько минут без видимых изменений в окружающей среде. Какие-то организмы погибли, а какие-то выжили. Это уже полностью зависит от сравнительных структур нуклеиновых кислот.

— Это и есть,— спросил я с жутким ощущением, что этот фанатик говорит всерьез,— это и есть то оружие, что вложил в ваши руки Господь?

— Воистину,— ответил он.— Я узнал, как генерировать волны заданной длины, меняя способ постукивания, и теперь мне осталось только точно определить длину волны, от которой разрушаются клетки человека.

— Почему человека? — спросил я.

— А почему нет? — ответил он вопросом на вопрос.— Какой другой вид наводняет планету, разрушает среду, поражает радиацией другие виды и насыщает биосферу химической дрянью? Кто разрушает Землю так, что через пару десятков лет на ней не останется ничего живого? Кто, кроме *Homo sapiens!* Если мне

удастся найти нужную волну, я ударю по звазеру с нужной частотой и силой, на Землю обрушится волна омывающего звука, и за день или два, которые понадобятся звуковым волнам на обход всей планеты, ее поверхность очистится от людской скверны без вреда для других форм жизни с другой структурой нуклеиновых кислот.

Я спросил:

— Вы собираетесь оборвать миллиарды людских жизней?

— Так поступил Господь во время потопа...

— Ну, мы же не можем верить библейским легендам о...

— Я — геолог-креационист, сэр,— оборвал он мою речь. И я все понял.

— А,— сказал я,— и Господь обещал никогда не посылать на Землю новый потоп, но ничего не сказал о звуковых волнах.

— Именно так! И миллиарды мертвых удобрят и оплодотворят землю, послужат пищей для тех форм жизни, что страдали от рук людских и заслужили воздаяние. Но самое главное: несомненно, какие-то остатки человечества выживут. Те, чьи нуклеиновые кислоты окажутся нечувствительны к звуковым колебаниям. И эти остатки, благословенные Господом, смогут начать снова, запомнив урок воздаяния, так сказать, злом за зло.

— А зачем вы это мне рассказываете? — спросил я. Это действительно было странно.

Он подался вперед, схватил меня за лацкан (весьма неприятное ощущение, поскольку от его дыхания могло стошнить) и сказал:

— У меня такое внутреннее убеждение, что вы мне можете помочь.

— Я? Уверяю вас, что я ничего не знаю о длинах волн, о нуклеиновых кислотах и вообще ни...— Но тут же, сообразив на ходу, я сказал: — Вы знаете, кажется, есть одна вещь, которую именно я мог бы для вас сделать.— И со свойственной мне безукоризненной вежливостью я обратился к нему: — Не сделаете ли вы мне одолжение, сэр, соблаговолить подождать вашего покорного слугу минут пятнадцать?

— Разумеется, сэр,— ответил он, так же соблюдая этикет.— Я пока займусь уточнением математических расчетов.

Быстрым шагом выходя из зала, я сунул десятку бармену и прошептал:

— Проследите, чтобы вон тот джентльмен не ушел до моего возвращения. Если это будет абсолютно необходимо, ставьте ему выпивку за мой счет.

Все, что нужно для вызова Азазела, у меня всегда с собой, и через несколько минут он уже сидел на настольной лампе у меня в номере, окруженный своим обычным розовым сиянием.

— Ты,— пропищал он с интонацией прокурора,— прервал меня в середине построения такого пасмаратцо, перед которым не устояло бы сердце ни одной прекрасной самини.

— Прости, если можешь, Азазел,— сказал я, надеясь, что он не пустится в объяснения, что такое пасмаратцо, и не станет описывать очарование самини, поскольку для меня все это яйца выеденного не стоило,— но у меня тут дело первостепенной срочности.

— У тебя всегда все первостепенной срочности,— буркнул он недовольно.

Я поспешно обрисовал ситуацию, и надо отдать ему должное — он тут же все понял. В этом смысле с ним приятно общаться — никогда не требуется долгих объяснений. Я лично считаю, что он просто читает мысли, хотя он всегда уверяет, что моих мыслей не касается. Однако как можно доверять двухсантиметровому демону, который сам сознается, что в погоне за симпатичными самини применяет какие-то гнусные ухищрения? Да и к тому ж я не уверен, что он имеет в виду — что к моим мыслям не притрагивается или что от этого в них ничего не меняется. Но все это к делу не относится.

— Где этот человек, о котором ты говоришь?

— В зале ресторана. Он расположен...

— Не надо. Я найду его по эманациям нравственного разложения. Так, нашел. Как узнать этого человека?

— Волосы песочного цвета, бледные глаза...

— Не это. Склад его ума.

— Фанатик.

— Ах да! Ты говорил. Так, контакт я установил и теперь вижу, что дома придется отмываться горячим паром. Он еще хуже тебя.

— Это не важно. Его слова соответствуют истине?

— Насчет звазера? Кстати, неплохой термин.

— Да.

— Что ж, этот вопрос не прост. Есть у меня приятель, считающий себя большим духовным лидером, так я часто подначиваю его вопросом: что есть истина? Скажу так: он считает это истиной, он в это верит. Но то, во что верит человек, независимо от силы его веры, не обязательно будет объективной истиной. Ты в своей жизни с этим, вероятно, сталкивался.

— Бывало. Но есть ли способ отличить веру, в основе которой лежит истина, от той, что основана на заблуждении?

— У разумных существ — да. У людей — нет. Но ты, похоже, видишь в этом человеке небывалую опасность. Давай я переставлю у него в мозгу пару молекул, и он умрет.

— Нет,— сказал я. Пусть это с моей стороны глупо, но я противник убийств.— Ты можешь так переставить молекулы, чтобы он забыл о звазере?

Азазел тоненько вздохнул, поежился:

— Это же гораздо труднее. Эти молекулы такие тяжелые да еще цепляются друг за друга. Ну почему не поступить радикально...

— Я настаиваю.

— Ладно,— уныло согласился Азазел и погрузился в долгую литанию вздохов, пыхтений и бормотаний, долженствующих мне показать, как он тяжело работает. Наконец он сказал: — Готово.

— Ладно, подожди здесь. Я только проверю и вернусь.

Сбежав вниз, я увидел Ганнибала Уэста там, где я его оставил. Бармен подмигнул мне, когда я с ним поравнялся:

— Выпивка не потребовалась, сэр.

Я выдал этому достойному человеку еще пять долларов.

Уэст радостно воскликнул:

— А, это вы!

— Разумеется,— ответил я.— Вы весьма наблюдательны. Я решил проблему звазера.

— Проблему чего?

— Того предмета, который был открыт вами в процессе спелеологических исследований.

— Каких исследований?

— Спелеологических. Осмотра пещер.

— Сэр,— Уэст поморщился,— я в жизни не был ни в одной пещере. Вы — душевнобольной?

— Нет. Но я вспомнил, что у меня важная встреча. Прощайте, сэр. Возможно, мы больше не увидимся.

Я поспешил наверх, слегка запыхавшись, и услышал, как Азазел жужжит себе под нос мотивчик, популярный среди его народа. Тамошний музыкальный вкус — если его можно так назвать — весьма извращен.

— Он лишился памяти,— сказал я.— Надеюсь, навсегда.

— Конечно,— отозвался Азазел.— Теперь надо бы заняться самим звазером. Раз он может усиливать звук за счет тепловой энергии Земли, значит, у него должна быть очень тонко подогнанная структура. А тогда мелкое нарушение регулировки в какой-нибудь ключевой точке выведет его из строя навеки. Где он находится?

Я посмотрел на него как громом пораженный:

— Откуда мне знать?

Он на меня уставился, тоже как будто громом пораженный, хотя на его миниатюрном личике трудно что-нибудь разобрать.

— Ты хочешь сказать, что мы стерли его память до того, как ты узнал столь важную вещь?

— Да мне и в голову не приходило,— сказал я.

— Но ведь если звазер существует — то есть если его убежденность основывается на фактах,— то кто-то может в него вляпаться снова, или какая-то тварь на него налетит, или просто метеорит стукнет, и это может случиться в любую минуту дня и ночи. И вся жизнь на Земле погибнет.

— Боже правый! — простонал я.

Очевидно, мое отчаяние его тронуло, и он произнес:

— Ну ладно, ладно, друг, не так все страшно. Худшее, что может случиться,— исчезнут люди. Всего только люди, а не путное что.

Закончив свой рассказ, Джордж безнадежным голосом добавил:

— И вот так оно и есть. Приходится жить, зная, что весь мир может в любую секунду кончиться.

— Чушь,— совершенно искренне заметил я.— Если даже вы не вре...— извините, говорите правду про этого Ганнибала Уэста, все это может быть просто порождением его больной фантазии.

Джордж высокомерно посмотрел на меня поверх собственного носа и после некоторой паузы произнес:

— Даже за самых прекрасных самини с родины Азазела не согласился бы я разделять эту вашу склонность к дешевому скептицизму. Что вы скажете на это?

Из бумажника он достал кусок газеты. Это была вырезка из вчерашней «Нью-Йорк таймс» с заголовком: «Неясный рокот». Там говорилось о неясном рокоте, который перебудоражил жителей Гренобля во Франции.

— Объяснение, Джордж, единственное. Вы увидели эту статью и присочинили к ней целую историю.

Джордж чуть было не взорвался, но тут я взял в руки счет на довольно приличную сумму, положенный между нами официанткой, и тогда его чувства смягчились, и мы с ним очень дружелюбно попрощались за руку. Но должен признать, мне с тех пор как-то неспокойно спится. И где-то примерно в полтретьего ночи я сижу в кровати и прислушиваюсь к глухому рокоту, который как раз меня и будит.

— Приятель у меня есть,— сказал как-то вечером мой друг Джордж, тяжело вздохнув,— так он клутц.

Я с умным видом кивнул:

— Птица из перьев.

Джордж недоуменно на меня воззрился:

— При чем здесь перья? Потрясающая у вас способность ляпать невпопад. Это, наверное, связано с недостаточным интеллектом — примите не в упрек, а в выражение сочувствия.

— Ну, что ж поделаешь,— ответил я,— какой уж есть. Этот ваш приятель-клутц — это Азазела вы имеете в виду?

Азазел — двухсантиметровый демон или внеземное разумное существо, как вам больше нравится, о котором Джордж говорит постоянно и замолкает только в ответ на прямые вопросы. Теперь он холодно произнес:

— Азазел — не предмет для обсуждения, и вообще, я не понимаю, как вы о нем прознали.

— Да подошел к вам ближе чем на милю,— ответил я.

Джордж не обратил на это внимания и продолжал.

Неблагозвучное слово «клутц», как говорил Джордж, я впервые услышал в разговоре со своим приятелем Менандером Блоком. Вы, я боюсь, о нем не слыхали, поскольку он вращается в университетских кругах и очень щепетилен в выборе знакомых, что вряд ли можно поставить ему в упрек, глядя на подобных вам личностей.

Этим словом, как он объяснил мне, называют неуклюжих и незадачливых людей.

© Перевод М. Левина.

— И вот я как раз такой,— сказал он.— Это слово из идиша, и буквально оно означает кусок дерева, бревно, полено, колоду, чурбак, а моя фамилия по-немецки значит примерно то же самое, что и последнее слово.

Он тяжело вздохнул:

— Понимаете, в строгом смысле слова я не клутц. В моем поведении нет ничего от чурбака или колоды. Я танцую, как зефир, и грациозен, как мотылек, движения у меня кошачьи, а что касается искусства любви, то многие красавицы могли бы его оценить, если бы я им это позволил. Но вот эта клутцовость проявляется на дальнем расстоянии. Меня при этом не задевает, но клутцом становится все вокруг. Как будто у самой Вселенной заплетаются ее космические ноги. Если смешивать языки — греческий с идишем, то точное слово будет «телеклутц».

— И как давно это с вами, Менандер? — спросил я.

— Всю жизнь, хотя я только уже в зрелом возрасте осознал это свое странное свойство. В юности я объяснял происходящее со мной нормальным ходом вещей.

— Вы с кем-нибудь по этому поводу советовались?

— Конечно нет, Джордж. Меня бы посчитали за сумасшедшего. Вы себе представляете любого психоаналитика, который встретился с феноменом телеклутцизма? Меня бы с первого нашего разговора отвезли в лечебницу, а доктор бросился бы писать статью о новом психозе и стал бы, может быть, миллионером. Я не собираюсь попадать на всю жизнь в дурдом для обогащения какой-нибудь ученой пиявки. Это нельзя рассказывать никому.

— А мне зачем вы это говорите, Менандер?

— А затем, что мне, с другой стороны, надо это кому-то рассказать, чтобы и вправду не свихнуться. А вас я, по крайней мере, знаю.

Особой логики я в этом не усмотрел, зато понял, что опять я подвергаюсь приступу откровенности со стороны своих друзей. Это обратная сторона репутации человека понимающего, симпатичного, а главное — умеющего хранить чужие тайны. Никогда поверенная мне тайна не доходила до чужих ушей — вы не в счет, поскольку все знают, что срок действия вашего внимания — несколько секунд, а памяти — и того меньше.

Я сделал официанту знак принести еще выпивку и добавил секретный жест, который знал я один, означающий, что ее нужно включить в счет Менандеру. В конце концов, он мне был обязан.

— А как конкретно, Менандер, проявляется ваш телеклутцизм?

— В простейшей форме, которая и привлекла впервые мое внимание, он сказывается на погоде во время моих поездок. Мне не часто приходится ездить, а если приходится, то на машине. И вот всегда, когда я еду на машине, идет дождь. Не важно, какой был прогноз, не важно, что при моем выезде сияет солнце. Собираются тучи, темнеет, начинает моросить дождик и переходит в ливень. А если мой телеклутцизм разыграется, так начинается еще и обледенение. Я, конечно, стараюсь не делать глупостей. По Новой Англии не езжу, пока не кончится март. В прошлом году я ехал в Бостон шестого апреля — так это была первая апрельская гроза за всю историю Бостонского метеорологического бюро. Однажды я ехал в Вильямсбург, штат Виргиния, двадцать восьмого марта, надеясь на несколько дней снисхождения судьбы. Не тут-то было! В Вильямсбурге выпал снег слоем двадцать сантиметров, и аборигены мяли его в пальцах, спрашивая друг у друга, что бы это могло быть. Часто я думал, что если представить себе Вселенную под непосредственным руководством Господа Бога, так рисуется хорошая картинка: вбегает Гавриил и в Божественном присутствии орет, что сейчас вот-вот столкнутся две галактики с разрушительными последствиями для всей Вселенной, а Господь ему и отвечает: «Не приставай с глупостями, я тут должен напустить дождь на Менандера».

Я сказал ему:

— Из каждой ситуации надо стараться извлечь пользу. Вы же могли бы за баснословные гонорары прекращать засухи.

— Я об этом подумывал, но от самой мысли высыхает любой дождь, который мог бы случиться на моем пути. К тому же если бы дождь и прошел там, где он нужен, он мог бы вызвать потоп. Да и не только дождь, или уличные пробки, или пропажа дорожной разметки — есть еще миллионы всяких неприятностей. В моем присутствии неожиданно сама по себе ломается

дорогая аппаратура или кто-то роняет ценную и хрупкую вещь, причем без всякой моей вины. Вот в Батавии, в Иллинойсе, есть современный ускоритель частиц. Однажды у них сорвался важнейший эксперимент из-за совершенно непредвиденной и необъяснимой утечки вакуума. И только я знал (на следующий день, прочитав в газете), что в момент утечки я проезжал на автобусе по окраине Батавии. И конечно, шел дождь. В этот самый момент, друг мой, прокисает часть молодого пятидневного вина в погребах этого почтенного заведения. Некто, проходящий сейчас мимо нашего стола, обнаружит, придя домой, что у него в подвале трубы полопались, и как раз тогда, когда он здесь проходил. И все это будет списано на несчастные случаи и совпадения.

Мне стало его жаль. А при мысли о том, что я сижу к нему так близко и что у меня дома может сейчас твориться, кровь застыла в жилах.

Я сказал:

— Вы, попросту говоря, «дурной глаз».

Он откинул голову назад и посмотрел на меня сверху вниз:

— «Дурной глаз» — выражение суеверных старух. «Телеклутц» — научный термин.

— А предположим, что я смогу снять с вас это проклятие, как бы его ни называть?

— Проклятие — точное слово,— серьезно ответил Менандер.— Я часто представлял себе, что злая фея, рассердившись, что ее не позвали на крестины... Вы что, пытаетесь мне объяснить, что вы — добрая фея и можете снимать проклятия?

— Я ни в каком смысле не фея,— твердо оборвал я его.— Просто допустим, что я мог бы избавить вас от этого про... этого состояния.

— Каким, черт побери, образом?

— Достаточно чертовским. Так как?

— А что вам с этого будет? — подозрительно спросил он.

— Моральное удовлетворение от того, что помог другу избавиться от такого кошмара.

Менандер секунду подумал и энергично помотал головой:

— Этого мало.

— Конечно, если вы собираетесь предложить мне какую-то сумму...

— Никогда! Такого оскорбления я вам не нанесу. Другу предложить деньги? Разменять дружбу на зеленые? За кого вы меня принимаете, Джордж? Я имел в виду, что мало избавить меня от телеклутцизма. Вы должны сделать больше.

— А что можно еще сделать?

— Смотрите сами. Всю жизнь на мою совесть ложились жертвы всяких бедствий — от неприятностей до катастроф — миллионы, быть может, невинных жертв. Даже если с этой минуты я не принесу никому зла — хотя и раньше я по своей воле никому ничего плохого не делал, и моей виной это никак нельзя назвать,— эти жертвы для меня такое бремя, которое я не могу снести. Мне нужно что-то, что меня от него избавит.

— Например, что?

— Например, мне должен представиться случай спасти человечество.

— Что?

— А чем еще можно искупить тот невообразимый вред, что я принес? Я настаиваю, Джордж. Если вы снимете мое проклятие, замените его способностью спасти человечество.

— Не уверен, что у меня получится.

— А вы попробуйте, Джордж. Не смущайтесь задачей. Я всегда говорил: если что-то делаешь, сделай как можно лучше. И подумайте о человечестве, мой старый друг.

— Погодите,— сказал я, несколько встревоженный,— вы же все перекладываете на мои плечи.

— Конечно, Джордж,— с душевной теплотой произнес Менандер.— Широкие плечи! Добрые плечи! Они созданы для бремени людского. Давайте, Джордж, по домам и снимите с меня проклятие. И благодарное человечество засыпало бы вас благословениями, но оно, увы, об этом не узнает, потому что я никому не скажу. Ибо стыдно выставлять напоказ добрые деяния, и вы можете положиться на меня, Джордж,— уж я-то не выставлю.

Как все-таки удивительна самозабвенная дружба, и ничто на земле не может с ней сравниться. Я тут же встал и вышел из ресторана так поспешно, что даже забыл оплатить свою половину обеда. К счастью, Менандер этого не заметил, пока я не ушел подальше от ресторана. Мне не сразу удалось вступить в контакт с Азазелом, а когда я до него докричался, у него, похоже,

не было настроения. Он был завернут в розоватое сияние и вопил, как свисток от чайника:

— Тебе не приходит в голову, что я могу пойти под душ?

И в самом деле, от него здорово несло нашатырным спиртом.

Я смиренно произнес:

— У нас невообразимо срочное дело, о Могущественный-Для-Прославления-Коего-Недостаточно-Слов.

— Говори тогда, только не вздумай мямлить целый день.

— Ни за что,— сказал я и с блестящей четкостью обрисовал ситуацию.

— Хм,— сказал Азазел.— Хоть раз в жизни получил от тебя интересную задачку.

— В самом деле? Ты имеешь в виду, что телеклутцизм существует?

— Конечно. Понимаешь, квантовая механика утверждает, что свойства Вселенной до некоторой степени зависят от наблюдателя. Точно так же, как Вселенная оказывает влияние на наблюдателя, так и он, в свою очередь, влияет на Вселенную. И некоторые наблюдатели на Вселенную влияют неблагоприятно — или, по крайней мере, неблагоприятно, с точки зрения других наблюдателей. Например, какой-то наблюдатель может ускорить взрыв сверхновой, и это может вызвать раздражение у тех наблюдателей, которые окажутся от нее в неуютной близости.

— Понял. Так можешь ли ты помочь моему другу Менандеру и снять с него эти квантово-наблюдательные эффекты?

— Это-то просто! Десять секунд — и я смогу вернуться под душ и потом на церемонию ласкорати, которую мы решили провести с двумя невообразимо прекрасными самини.

— Постой, погоди! Этого мало.

— Не дури. Две самини — этого вот так хватит. Только последнему развратнику может понадобиться три.

— Я имею в виду — мало убрать телеклутцизм. Менандеру нужно еще оказаться спасителем человечества.

Примерно минуту я думал, что Азазел собирается забыть нашу старую дружбу и все, что я для него сделал, стараясь снабжать его задачами, укрепляющими силу его мозга и волшебные способности. Я не все понял, что он сказал, поскольку большин-

ство слов было на его родном языке, но на слух они больше всего напоминали распиловку в пилораме утыканной ржавыми гвоздями доски.

Остыв от белого каления до темно-вишневого, он спросил:

— И как это планируется сделать?

— Неужто это так трудно для Апостола Невероятного?

— Еще бы! Однако давай посмотрим.— Он на секунду задумался, а потом взорвался: — Да кому во всем мире понадобилось спасать человечество? Какой в этом смысл? Вы же провоняли целиком весь сектор... Ладно, сделаю.

Это заняло не десять секунд. Понадобился час и еще довольно противные полчаса, и Азазел все время хныкал и гадал, станут ли самини его ждать. Наконец он закончил, и я решил, что надо проверить, как поживает Менандер Блок.

Встретившись с ним, я сказал:

— Вы излечены.

Он посмотрел на меня с нескрываемой враждебностью:

— Вы знаете, что в тот вечер вы свалили на меня весь счет за обед?

— Это все же мелочь по сравнению с тем, что вас излечили.

— Я этого не чувствую.

— Ладно, поехали. Проедемся немножко на машине. Вы сядете за руль.

— Так уже облачно. Ничего себе исцелен!

— Поехали! Что мы теряем?

Он вывел из гаража свой автомобиль. На другой стороне улицы прохожий благополучно не споткнулся о полный мусорный бак. Менандер поехал по улице. При его приближении светофор не переключился на красный, и два сближавшихся на перекрестке автомобиля миновали друг друга на безопасном расстоянии.

Когда он доехал до моста, облака почти разошлись, и машину осветило солнце.

Подъезжая к дому, он плакал и не стыдился слез, так что мне пришлось поставить машину вместо него. Я ее малость при этом поцарапал, но ведь не меня же лечили от телеклутцизма. И вообще, могло быть хуже — например, я бы поцарапал свою машину.

Несколько дней он от меня не отходил. В конце концов, я единственный знал, какое чудо с ним случилось.

Он все повторял:

— Я пошел на танцы, и никто никому не наступил на ногу, и никто не упал и не сломал шею или пару ног. Я вальсировал, как эльф, и моя партнерша не жаловалась на тошноту, хотя и съела довольно-таки много.

Или что-то вроде:

— Сегодня на работе ставили новый кондиционер, и никто из рабочих не уронил его себе на ноги и не стал навсегда калекой.

Или даже:

— Я тут навестил приятеля в больнице, о чем раньше и мечтать не мог, и ни в одной палате, мимо которой я проходил, ни одна иголка не выскочила из вены ни у одного больного. И ни одна сестра не промахнулась мимо цели, делая внутримышечные инъекции.

А иногда он меня спрашивал:

— Вы уверены, что у меня будет шанс спасти человечество?

— Абсолютно уверен,— отвечал я.— Это часть курса лечения.

Но однажды он пришел ко мне и скорчил гримасу.

— Послушайте,— сказал он.— Я тут был в банке, хотел узнать, сколько у меня на счете — там чуть поменьше, чем должно быть — из-за этой вашей манеры убегать из ресторана до подачи счета. Но я не смог получить ответ, потому что у них засбоил компьютер, как только я вошел. Никто ничего понять не мог. Это что, лечение кончается?

— Не может быть,— сказал я.— Это, скорее всего, к вам отношения не имеет. Может быть, другой телеклутц, которого не лечили. Может быть, он вошел одновременно с вами.

Но я был не прав. Банковский компьютер ломался еще два раза, и оба раза тогда, когда Менандер пытался выяснить состояние своего счета. (Его нервозность по поводу мелких сумм, на которые я и внимания не обратил бы, для взрослого мужчины просто отвратительна.) Когда же полетел компьютер у него в фирме в момент его прихода, то состояние, в котором он ко мне явился, можно было назвать только паникой.

— Это вернулось, Джордж! Это вернулось! И на этот раз я не выдержу! Я привык к тому, что нормален, и к старому вернуться не смогу. Я должен себя убить.

— Нет, Менандер, нет. Это было бы уж слишком.

Он подавил уже готовый сорваться всхлип и обдумал мое глубокомысленное замечание.

— Вы правы. Это и в самом деле уж слишком. Лучше я вас убью. В конце концов, скучать никто не будет, а мне полегчает.

Я понимал его точку зрения, но сам смотрел шире.

— Прежде чем вы на что-нибудь решитесь,— начал я,— дайте я попробую разобраться, что случилось. Терпение, Менандер. В конце концов, все это случается только с компьютерами, а кому какое дело до компьютеров? Да гори они огнем!

Я быстро вышел, чтобы он не успел меня спросить, как же ему теперь проверить свой счет в банке, если компьютер при его появлении отказывается работать. По поводу счета у него вообще был пунктик.

А у Азазела пунктик был другой. Похоже было, что он занялся этими самини всерьез и, когда явился, все еще вертел сальто. До сих пор не понимаю, какое отношение имеет к этому сальто.

По-прежнему в раздражении, он все же объяснил мне, что произошло, и теперь я был в состоянии объяснить это Менандеру.

По моему настоянию мы с ним встретились в парке. Я специально выбрал очень людное место на тот случай, если он потеряет голову в переносном смысле и у меня возникнет шанс потерять ее в прямом. Я сказал:

— Менандер, ваш телеклутцизм еще действует, но только на компьютеры. Только на компьютеры. Это говорю вам я. В отношении всего остального вы излечены — навсегда.

— Ну так вылечите меня и от воздействия на компьютеры.

— А вот это, Менандер, и не получается. Для компьютеров вы — телеклутц на веки вечные.— Последние слова я почти прошептал, но он услышал.

— Это еще почему? Ах ты волосатомозглая, неправдоподобная, всеклутцистическая задница поносного двугорбого верблюда!

— Такое нагромождение свойств делает определение бессмысленным. Поймите, Менандер, что это случилось только из-за вашего желания спасти мир.

— Не понимаю. Попробуйте объяснить. У вас пятнадцать секунд.

— Будьте же разумны! Над человечеством нависла опасность компьютерного взрыва. Компьютеры становятся универсальнее, способнее, разумнее. Люди все более и более от них зависят.

Уже возможно создание компьютера, который будет контролировать весь мир и не оставит человечеству никакой работы. И он вполне может решить избавиться от человечества как от ненужного придатка. Мы, конечно, утешаем себя тем, что всегда можем «выдернуть вилку», но вы же понимаете, что сделать этого не удастся. Компьютер, достаточно умный, чтобы управлять миром, будет достаточно умен, чтобы защитить свою вилку — например, найти собственный источник электроэнергии. Это неизбежно, и такова судьба человечества. И здесь, мой друг, на сцене появляетесь вы. Вас ставят перед этим компьютером, или вы просто дистанционно вступаете с ним в контакт, и он тут же ломается, и человечество спасено. Человечество спасено! Подумайте — вы же этого хотели!

Менандер подумал. Но он не казался особенно счастливым.

— Но ведь пока что я не могу подойти к компьютеру.

— Дело в том, что компьютер-клуцизм должен быть закрепленным и постоянным — только тогда есть уверенность, что он проявится в нужное время и в нужном месте и что компьютер не сможет как-нибудь защититься. Это цена за тот великий дар спасительства, о котором вы просили и за который будут вас чтить все будущие века и народы.

— В самом деле? — спросил он.— А когда же это будет?

— Как говорит Азазел... мой источник информации,— сказал я,— где-то через шестьдесят лет или около того. Но посмотрите с другой точки зрения: вы теперь точно знаете, что доживете, по крайней мере, до девяноста.

— А тем временем,— Менандер повысил голос, и на нас стали оборачиваться,— тем временем мир все больше и больше компьютеризируется, и все больше и больше появится мест, куда

я и подойти не смогу. И все больше и больше вещей станут мне недоступны, и я буду как в тюрьме, которую сам себе построил...

— Но в конце концов спасете человечество! Вы же именно этого хотели!

— К чертям человечество! — заорал Менандер и бросился на меня. Мне удалось вырваться, но только потому, что беднягу скрутили те, кто стоял вокруг.

Сейчас он лечится у психоаналитика крайне фрейдистской ориентации.

Это ему обходится в целое состояние, но пользы, как вы понимаете, никакой.

Закончив свой рассказ, Джордж заглянул в пивную кружку (я знал, что платить за пиво буду я). Он сказал:

— У этой истории есть мораль.

— Какая?

— Очень простая: люди неблагодарны!

ДЕЛО ПРИНЦИПА

Джордж меланхолично уставился в стакан с моей выпивкой, моей в том смысле, что не было сомнений, кто будет за нее платить, и произнес:

— То, что я сегодня беден,— это просто дело принципа.— Он глубоко, тяжело вздохнул и добавил: — Я должен извиниться за употребление термина, с которым вы абсолютно незнакомы, если не считать титула «принцепс», носимого директором средней школы, чуть было вами не оконченной. Что же касается меня, то я — человек принципа.

— Да неужто? — заметил я.— Тогда, наверное, вы получили эту черту характера от Азазела всего-то минуты две назад, потому что никогда раньше никто не замечал за вами никаких ее проявлений.

Джордж посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Азазел — это двухсантиметровый демон, который владеет ошеломительной волшебной силой и которым только Джордж может свободно повелевать.

— Вообразить не могу, где вы слышали об Азазеле.

— И для меня это тоже полнейшая тайна,— согласился я,— или была бы, если бы он не был единственной темой ваших монологов, сколько я вас знаю.

— Не говорите глупостей! — сказал Джордж.— *Я* никогда о нем не упоминал.

Вот и Готлиб Джонс, так говорил Джордж, тоже был человеком принципа. Вы можете сказать, что это абсолютно исключено при его профессии оформителя рекламных объявлений,

---

© Перевод М. Левина.

но кто видел, как он преодолевает свое порочное призвание благородством чувств, тот согласится, что не было зрелища прекраснее.

— Джордж,— говаривал он мне за гамбургером с картофелем фри,— для описания того, как ужасна моя работа, не подберешь слов, и неописуемо мое отчаяние, когда я должен найти способ убедить людей покупать товары, о которых каждый мой инстинкт кричит, что человечеству будет гораздо лучше без них. Вот только вчера я должен был продавать новый репеллент от насекомых, который по результатам испытания заставлял комаров издавать ультразвуковые сигналы восторга, так что они слетались за много миль вокруг. Пришлось мне вот что написать: «Неча комаров кормить — надо их навскидку бить!»

— Навскидку? — повторил я, содрогнувшись.

Готлиб закрыл глаза рукой. Он бы закрыл и двумя, да как раз в это время препровождал в рот приличную порцию картошки.

— Джордж, я вынужден жить с этим позором, но рано или поздно мне придется эту работу бросить. Из-за нее я нарушаю свои принципы бизнесмена и писателя, а я — человек принципа.

— Эта работа приносит пятьдесят тысяч в год, а у вас — молодая красивая жена и ребенок, которых надо кормить.

— Деньги,— злобно сказал Готлиб,— это мусор! Бесполезная вещь, за которую человек продает душу свою! Я брошу это, Джордж, я с омерзением отшвырну от себя эту работу, я с ней ничего общего иметь не буду.

— Готлиб, вы, разумеется, ничего подобного не сделаете. Ведь ваша зарплата вам не противна, нет?

Должен признать, что меня крайне взволновала мысль о нищем Готлибе и тех бесчисленных совместных завтраках, которые его добродетельная стойкость уже не позволит ему оплачивать.

— Нет, увы, не противна. Моя дорогая супруга Мэрилин имеет огорчительную привычку жаловаться на недостаток денег во время разговоров чисто интеллектуального характера, не говоря уже о небрежных упоминаниях тех необдуманных покупок, которые она совершает в магазинах одежды и мебели. А что до Готлиба-младшего, которому сейчас от роду шесть месяцев, то я не думаю, чтобы он был готов воспринять мысль о полной

ненужности денег, хотя — надо отдать ему справедливость — он никогда их у меня не просил.

Он вздохнул, и я вместе с ним. Я часто слыхал о неуступчивой природе жен и детей там, где дело касается денег, и это одна из главных причин, почему я ни разу не связал себя обязательствами за всю свою долгую жизнь, хотя при моем неотразимом обаянии женщины за мной охотились стаями.

Готлиб нечаянно прервал цепь приятных реминисценций, в которую я незаметно для самого себя углубился, сказав:

— Джордж, вы знаете мою тайную мечту?

Глаза у него стали такие масляные — я было испугался, что он прочел мои мысли.

Он, однако, добавил:

— Я хочу писать романы, хочу обнажить такие глубины человеческой души, чтобы люди содрогнулись от ужаса и одновременно — восторга, чтобы имя мое было написано несмываемыми буквами в истории классической литературы и чтобы из поколения в поколение пошло оно рядом с такими именами, как Эсхил, Шекспир и Эллисон.

Мы закончили завтрак, и я напрягся в ожидании счета, пытаясь точно определить момент, когда надо будет внезапно отвлечься. Официант же, оценив ситуацию с неотделимой от его профессии проницательностью, подал счет Готлибу.

Напряжение меня отпустило, и я сказал:

— Дорогой мой Готлиб, давайте рассмотрим возможные последствия — они могут быть ужасны. Я вот недавно читал в одной солидной газете, которая оказалась в руках у стоящего рядом со мной джентльмена, что в Соединенных Штатах тридцать пять тысяч печатающихся писателей. Из них только семьсот зарабатывают себе на жизнь своим искусством и пятьдесят — всего пятьдесят, мой друг,— богаты. Ваше же теперешнее жалованье...

— Ха! — сказал Готлиб.— Какая мне разница, будут у меня деньги или нет, если мне достанется бессмертие и бесценный дар вдохновения и памяти потомков. Да я легко переживу, если Мэрилин пойдет работать официанткой или водить автобус. Я просто уверен, что она была бы — или должна была бы быть — счастлива, работая днем и возясь с Готлибом-младшим ночью,

чтобы мое творчество могло развернуться во всю мочь. Вот только...— Он запнулся.

— Только — что? — ободрил я его.

— Даже не знаю, как это сказать, Джордж,— выговорил он, и в голосе его прозвучала горькая нотка,— но есть одно препятствие. Я не уверен в том, что я смогу. У меня в мозгу теснятся идеи потрясающей глубины. Через мое сознание все время проходят какие-то сценки, диалоги, потрясающие жизненные ситуации и коллизии. Но мне изменяет совершенно второстепенное умение облечь все это в должные слова. Это получается у любого неграмотного бумагомараки, вроде вот этого вашего приятеля с чудным именем, и тогда книги пекутся сотнями, как пирожки, но я не могу понять, в чем здесь фокус.

(Очевидно, мой друг, он имел в виду вас, поскольку фраза «неграмотный бумагомарака» была очень уж к месту. Я бы за вас вступился, да уж больно безнадежной была бы эта позиция.)

— Наверное,— сказал я,— вы просто не пробовали как следует.

— Это я не пробовал? Да я целые сотни листов исписал, и на каждом был первый абзац блестящего романа — первый абзац, и все. Сотни и сотни первых абзацев для сотен и сотен разных романов. И в каждом случае я затыкался на втором абзаце.

Тут меня осенила блестящая идея, чему я не удивился. У меня в мозгу блестящие идеи возникают постоянно.

— Готлиб,— сказал я ему,— я могу вам помочь. Я вас сделаю романистом. Я сделаю вас богатым.

Он посмотрел на меня с неприятным недоумением.

— Вы?!? — сказал он, вложив в это местоимение самый непочтительный смысл.

Мы уже встали и вышли из ресторана. Я заметил, что он не оставил чаевых, но посчитал, что с моей стороны было бы неправильно об этом упоминать, чтобы он не подумал, будто я таким вещам придаю значение.

— Друг мой,— сказал я,— мне известен секрет второго абзаца, а это значит, что я могу сделать вас богатым и знаменитым.

— Ха! И что же это за секрет?

Я деликатно ответил (и вот она, моя блестящая идея):

— Готлиб, работник стоит тех денег, за которые он нанят.

Готлиб хохотнул:

— Я в вас настолько верю, Джордж, что без опасения могу пообещать: если вы сделаете меня богатым и знаменитым романистом, вы получите половину моего заработка — разумеется, за вычетом производственных издержек.

Я еще деликатнее сказал:

— Готлиб, я знаю, что вы — человек принципа и одно ваше слово скрепит соглашение сильнее цепей из лучшей стали, но просто для смеха — хе-хе — не согласитесь ли вы заявить это же в письменной форме и, чтобы еще смешнее было, заверить — ха-ха — у нотариуса? И каждый из нас возьмет по экземпляру.

Вся эта операция заняла где-то полчаса, поскольку нотариус была еще и машинисткой и моей доброй знакомой.

Мой экземпляр драгоценного документа я положил в бумажник и сказал:

— Сейчас, немедленно, я не могу открыть вам этот секрет, но как только я организую все, что для этого необходимо, я дам вам знать. Тогда вы можете попробовать написать роман и увидите, что никаких затруднений со вторым — или тысячу вторым — абзацем у вас не будет. Само собой, вы мне ничего не должны до тех пор, пока не получите первый аванс, и очень крупный.

— Уж в этом можете не сомневаться,— мерзким голосом заметил Готлиб.

Я вызвал Азазела в тот же вечер. Он ростом всего два сантиметра, и в его мире на него никто и не посмотрит. Это единственная причина, из-за чего он согласен мне помогать разными простенькими способами. Он тогда чувствует себя значительным.

Мне никогда не удавалось его убедить сделать что-нибудь прямо ведущее к моему обогащению. Он сразу начинает твердить о недопустимости коммерциализации искусства. И его нельзя убедить и в том, что все сделанное им для меня будет использовано не в эгоистических видах, а лишь на благо человечества. Когда я ему это изложил, он издал какой-то звук, смысла которого я не понял, да еще и объяснил, что подцепил его у одного уроженца Бронкса.

Вот по этой самой причине я и не стал ему рассказывать о нашем с Готлибом соглашении. Хотя не Азазел сделает меня

богатым, а Готлиб — после того как *его* сделает богатым Азазел, я решил не вдаваться с ним в обсуждение таких нюансов.

Азазел, как всегда, был раздражен вызовом. У него на крошечной головке было какое-то украшение, похожее на широкий лист морской травы, и, по его словам, можно было понять, что я его вызвал в середине академической церемонии, где он был героем чествования. Как я уже говорил, он там у себя мелкая сошка, и потому он придает слишком много значения подобным событиям, так что на язвительные комментарии не поскупился.

Я отмел его возражения.

— Ты, в конце концов,— сказал я ему,— можешь сделать ту малость, что я тебя прошу, и вернуться в то же самое время, когда исчез. Никто и не заметит.

Он возмущенно хрюкнул, но вынужден был признать мою правоту, так что даже сверкнул миниатюрной молнией.

— Так чего тебе надо? — спросил он.

Я объяснил.

Азазел уточнил:

— Его профессия — это передача идей, да? Перевод идей в слова, как у этого твоего приятеля с причудливым именем?

— Совершенно верно, и он хотел бы повысить свою эффективность, чтобы тем доставить удовольствие читателям и добиться признания — ну и богатства тоже, хотя оно ему нужно лишь как материальное свидетельство признания, а не ради самих денег.

— Понимаю. У нас в нашем мире тоже есть словоделы, которые все вместе и каждый в отдельности ценят только признание и никогда не примут самой малой суммы, если она не служит материальным свидетельством признания.

Я снисходительно рассмеялся:

— Профессиональная слабость. Мы с тобой, к нашему счастью, выше этого.

— Ладно,— сказал Азазел.— Я не могу тут торчать до Нового года, а то трудно будет вернуться в нужный момент. Этот твой друг — в пределах мысленной досягаемости?

Найти его оказалось непросто, хотя я показал на карте расположение его рекламной фирмы и со своим обычным красноречием дал точную характеристику объекта, но сейчас не хочу

утомлять вас подробностями. В конце концов Готлиба нашли, и Азазел после коротенького обследования сказал:

— Необычный разум, довольно частый среди образчиков твоего не слишком привлекательного вида. Гибкий, но притом довольно ломкий. Схема словоделания есть, но она вся в узлах и наносах, так что его трудности неудивительны. Снять препятствия мне ничего не стоит, но это может привести к умственной неустойчивости. Скорее всего, при аккуратной работе этого не случится, но всегда есть шанс. Ты думаешь, он бы сам рискнул?

— Несомненно! — воскликнул я.— Он нацелен на славу и служение искусству. Он бы рискнул без колебаний.

— Это так, но ведь ты, как я понял, его преданный друг. Он может быть ослеплен амбициями и жаждой творить добро, но ты видишь яснее. *Ты* хотел бы, чтобы он попробовал?

— Моя единственная цель — это его счастье и благо. Вперед, и постарайся работать так аккуратно, как сможешь. А если что-нибудь случится не так — мы хотели как лучше. (А если все будет в порядке, то половина всего финансового успеха будет моя.)

И так это и свершилось. Азазел, как всегда, притворился, что ему невесть как трудно, и потом долго лежал, поводя боками и бормоча насчет неразумных требований, но я предложил ему подумать о счастье миллионов людей и попросил несколько уменьшить собственное себялюбие.

Устыженный моими справедливыми словами, он нашел в себе силы отправиться на завершение той церемонии в его честь, которая тем временем шла своим чередом.

Готлиба Джонса я нашел где-то через неделю. Раньше я не пытался, считая, что ему понадобится какое-то время на освоение новых мозгов. Ну и еще я хотел подождать и косвенным путем навести справки, не повредила ли ему переделка. Если бы это было так, то совершенно незачем было бы с ним встречаться. Моя утрата — и, конечно, его тоже — сильно омрачила бы такую встречу.

Но я о нем ничего настораживающего не узнал, и он определенно выглядел вполне нормальным, когда я увидел его на выходе из здания той компании, где он работал. Мне сразу бро-

силось в глаза, что он был несколько меланхоличен. Значения этому я не придал, поскольку из опыта общения с писателями сделал вывод, что это у них профессиональное. Может быть, от постоянного контакта с редакторами.

— А, Джордж,— сказал он тусклым голосом.

— Готлиб,— ответил я,— до чего же я рад вас видеть. Вы сегодня прекрасно выглядите. (На самом деле он, как и все писатели, выглядел омерзительно, но великое дело — вежливость.) Вы не пытались писать последнее время?

— Нет, не пробовал.— И тут, как будто внезапно припомнив, он сказал: — А что? Вы готовы поделиться со мной секретом второго абзаца?

Мне было приятно, что он помнит, ибо это указывало на сохранение прежней остроты его ума. Я ответил:

— Милый мой, все уже сделано. Я ничего не должен вам объяснять, у меня более тонкие методы. Идите домой и садитесь за машинку: вы увидите, что пишете как бог. Будьте уверены, все ваши горести позади, и романы потекут с вашей машинки гладкой струйкой. Напишите две главы и план остального романа, и я уверен, что любой издатель взвизгнет от восторга и тут же выпишет солидный чек, из которого каждый цент будет наполовину ваш.

— Ха! — фыркнул Готлиб.

— Смею вас заверить,— сказал я, прижимая руку к сердцу (а оно у меня, как вы знаете, настолько большое, что могло бы, говоря фигурально, занять всю грудную полость),— по совести говоря, я чувствую, вы могли бы абсолютно спокойно бросить эту свою мерзкую работу, чтобы она никак не марала чистейший материал, выходящий из вашей машинки. Вы только попробуйте, Готлиб, и увидите, что я свою половину более чем заработал.

— Вы что, уговариваете меня бросить работу?

— Именно так!

— Я не могу.

— Можете, можете. Бросьте вы свою презренную должность. Оставьте эти оглупляющие вас занятия коммерческим надувательством.

— Да я же вам говорю, что не могу. Меня только что уволили.

— Вас?

— Совершенно верно. И притом после возмутительной критики, да еще выраженной таким образом, которого я никогда не прощу и не собираюсь прощать.

Он направился к маленькой недорогой забегаловке, где мы обычно обедали. Я спросил его:

— А что случилось?

Уныло прожевывая бутерброд с говядиной, он объяснил:

— Я писал рекламу для освежителя воздуха, и меня вдруг поразила ее какая-то жеманность. Ничего крепче слова «запах» нельзя использовать. И мне захотелось высказаться от души. Уж если мы должны рекламировать такой мусор, так можно хоть сделать это как следует. И на моем экземпляре, прямо поверх всех этих розочек, духов и незабудок, я в заголовке написал: «Зловонье — в шею», а внизу крупными буквами: «ВОНЬ ГОНИ ВОН!» — и отправил в типографию, не озаботившись дальнейшими консультациями. А потом, естественно, подумал: «А почему бы и нет?» — и отправил боссу докладную записку. С ним случился припадок прямо в кабинете, и вопил он очень громко. Вызвав меня тут же, он мне объявил, что я уволен, и добавил несколько таких слов, которые вряд ли всосал с молоком матери — разве что у него была достаточно оригинальная матушка. И вот я без работы.

Он метнул на меня враждебный взгляд исподлобья:

— Сейчас вы скажете, что это ваша работа.

— Конечно. Вы подсознательно чувствовали, что поступаете правильно. Вы намеренно подставили себя под увольнение, чтобы всю оставшуюся жизнь служить искусству. Готлиб, друг мой, идите сейчас домой. Пишите роман и не соглашайтесь на аванс меньше ста тысяч долларов. Производственные издержки не стоят разговора — всего несколько пенни на бумагу, так что и вычитать из моих пятидесяти тысяч ничего не придется.

— Вы сумасшедший,— сказал он.

— Я убежденный,— возразил я.— И в доказательство я плачу за завтрак.

— Вы таки сумасшедший,— повторил он дрогнувшим от удивления и ужаса голосом и на самом деле дал мне заплатить по счету, хотя не мог не понимать, что мое предложение было всего лишь риторической фигурой.

На следующий вечер я ему позвонил. Конечно, следовало бы подождать еще. Не надо было его торопить. Но я сделал в него кое-какую инвестицию — завтрак обошелся мне в одиннадцать долларов, не говоря уже о четвертаке на чай,— и я беспокоился о судьбе своих вложений. Это, я думаю, понятно.

— Готлиб,— спросил я,— как подвигается роман?

— Нормально,— сказал он отсутствующим голосом.— Я уже отстучал двадцать страниц, и выходит отлично.

Тем не менее голос его звучал так, как будто все это его не интересует. Я спросил:

— Так чего же вы не прыгаете от радости?

— Насчет романа? Не говорите глупостей. Мне позвонила «Файнберг, Зальтцберг и Розенберг».

— Ваша рекламная фирма? То есть бывшая ваша?

— Да, они. Не все сразу, конечно, звонил мистер Файнберг. Он хочет, чтобы я вернулся.

— Надеюсь, Готлиб, вы им сказали, как вы теперь далеки...

Он меня прервал:

— Оказывается, заказчик объявления насчет освежителя пришел в экстаз от моего экземпляра. Они хотят организовать целую рекламную кампанию как в печати, так и на телевидении и хотят, чтобы ее организовал автор самого первого объявления. По их мнению, я проявил смелость, решительность и полное понимание духа рекламы восьмидесятых. Они и дальше хотят иметь рекламу такой же силы, а для этого им нужен я. Конечно, я обещал подумать.

— Готлиб, это ошибка.

— Я им должен врезать как следует. Я не забыл те эпитеты, с которыми старый Файнберг выбросил меня на улицу,— несколько слов на идише.

— Готлиб, деньги — это мусор.

— Верно, Джордж, но я хочу знать, о скольких баках мусора идет речь.

Я не слишком обеспокоился. Я знал, как необходимость писать рекламные тексты травмирует чувствительную душу Готлиба и с каким облегчением вернется он к своему роману. Надо было только подождать — и (как гласит золотая пословица) природа возьмет свое.

Но реклама освежителя вышла в свет и произвела фурор. Фраза «Вонь гони вон!» была на слуху у всей американской молодежи, и каждое ее повторение волей-неволей рекламировало продукт.

Вы, наверное, и сами это помните — да что я говорю, конечно, помните, поскольку в тех изданиях, для которых вы пытаетесь писать, сформулированные с помощью этой фразы отказы стали неотъемлемым атрибутом, и вы не раз должны были испытать это на себе. Появилась и не менее успешная другая реклама того же сорта. И тогда я вдруг понял. Азазел дал Готлибу ум такого рода, что способен поражать людей своими сочинениями, но так как он (Азазел) мелкая сошка, он не мог настроить разум только на романы. Да он, Азазел, и вообще мог не знать, что такое роман.

Ладно, разве это было существенно?

Не могу сказать, что Готлиб был очень доволен, придя домой и увидев у дверей меня, но все же он не настолько потерял стыд, чтобы не предложить мне зайти. Я даже с удовлетворением заметил, что он не мог не предложить мне пообедать, но постарался (как я понимаю) испортить мне удовольствие, заставив довольно долго держать на руках Готлиба-младшего.

Не хотел бы я повторить такой опыт.

После обеда, когда мы остались в столовой одни, я спросил его:

— И как много мусора вы теперь зарабатываете?

Он взглянул на меня с укоризной:

— Не говорите «мусор», Джордж. Это неуважение. Пятьдесят тысяч в год — это, я согласен, мусор, но сто тысяч плюс очень приличные проценты — это финансовое положение. А кроме того, я собираюсь основать собственную фирму и стать мультимиллионером, то есть выйти на уровень, когда деньги становятся доблестью — или властью, что, конечно, одно и то же. С той властью, которая у меня будет, я выброшу из бизнеса Файнберга. Я ему покажу, как говорить мне такие слова, которые ни один джентльмен не должен себе позволять говорить другому. Кстати, Джордж, вы не знаете значения слова «шмендрик»?

Тут я ему не мог помочь. Говорю я на нескольких языках, но урду в это число не входит.

— Так вы разбогатели.

— И планирую разбогатеть еще.

— Могу ли я в таком случае напомнить вам, Готлиб, что это произошло только в силу моего согласия на ваше богатство, взамен чего вы, в свою очередь, обещали мне половину ваших заработков?

Брови Готлиба взлетели чуть не на середину черепа.

— Вы согласились? Я обещал?

— А вы не помните? Я понимаю, что такие мелочи легко забываются, но мы, к счастью, все это записали, подписали, заверили нотариально и все такое прочее. У меня с собой даже оказалась фотокопия соглашения.

— Хм. Могу я взглянуть?

— Разумеется. Я только должен подчеркнуть, что это всего лишь копия, так что, если вы ее случайно разорвете на клочки при попытке рассмотреть поближе, у меня все равно сохранится оригинал.

— Разумный ход, Джордж, но вы напрасно опасаетесь. Если все так, как вы говорите, то у вас никто не отберет ни грана, ни скрупулы — короче, ни цента ваших денег от вас не отнимут. Я — человек принципа и чту все соглашения до последней буквы.

Я отдал ему фотокопию, и он тщательно ее изучил.

— Ах, это,— сказал он.— Это я помню. Конечно, конечно. Здесь вот только одна маленькая деталь...

— Какая? — спросил я.

— Вот тут сказано, что все это относится к моим заработкам в качестве романиста. Джордж, я не романист.

— Вы же собирались им стать и всегда можете им стать, как только сядете за машинку.

— Но я больше не собираюсь, Джордж, и не думаю, чтобы еще когда-нибудь сел за пишущую машинку.

— Но ведь великий роман — это бессмертная слава. А что могут принести вам ваши идиотские лозунги?

— Деньги и деньги, Джордж. И большую фирму, у которой я буду единственным владельцем. В ней будут работать тысячи жалких оформителей, саму жизнь которых я буду держать у себя на ладони. У Толстого такое было? Или у Дель Рея?

Я не мог поверить своим ушам.

— И после всего, что я для вас сделал, вы откажете мне в ржавом центе из-за одного только слова в нашем торжественном соглашении?

— Вы сами писать не пробовали, Джордж? Мне бы никогда не удалось описать суть так точно и так кратко. Мои принципы заставляют меня придерживаться точной буквы соглашения, а я — человек принципа.

И с этой позиции сдвинуть его было нечего и думать, и я даже не стал вспоминать о тех одиннадцати долларах, что я тогда заплатил за наш завтрак.

Не говоря уже про двадцать пять центов на чай.

Джордж встал и ушел и был при этом в таком эпическом горе, что у меня язык не повернулся предложить ему сперва заплатить за свою долю выпивки. Спросив счет, я увидел сумму — двадцать два доллара. В восхищении от точного расчета Джорджа, я понял, что мой долг — оставить полдоллара на чай.

О ВРЕДЕ ПЬЯНСТВА

— Вред пьянства,— с тяжелым пьяным выдохом сказал Джордж,— измерить невозможно.

— Это доступно лишь трезвому,— поддержал я.

Он посмотрел на меня с упреком и возмущением.

— А когда,— спросил он,— когда не был я трезвым?

— Никогда, с тех пор как родились,— сказал я и, чувствуя, что несправедлив, поправился: — С тех пор как вас отлучили от груди.

— Я это воспринимаю,— сказал Джордж,— как одну из ваших неудачных потуг на юмор.— И с отсутствующим видом взял мой стакан, поднес к губам и отхлебнул, а потом опустил на стол, не ослабляя, однако, железной хватки.

Я не стал сопротивляться. Пусть отнимают выпивку у Джорджа те, кто не боится отнимать кость у голодного бульдога.

— Я,— сказал Джордж,— имел в виду не абстрактный вред, а то, что случилось с одной молодой дамой, которую я бескорыстно опекал. Ее звали Иштар Мистик.

— Имя необычное,— заметил я.

— Но очень удачное, потому что Иштар — это имя богини любви у вавилонян, а сама Иштар Мистик как раз и была богиней любви, по крайней мере потенциальной богиней.

Иштар Мистик, рассказывал Джордж, была тем, что человек с врожденной склонностью к недооценке мог бы назвать идеалом женщины. Ее лицо было красивым в том классическом смысле, который подразумевает совершенство каждой черты,

---

© Перевод М. Левина.

и увенчано короной золотых волос, сиявших как ореол. Ее тело можно было сравнить только с телом Афродиты. Оно было гладко и красиво, как морская волна, и в нем мягко перетекали друг в друга податливость и твердость.

В меру своей испорченности вы начинаете уже строить предположения, откуда я так хорошо знаю тактильные свойства этого объекта, но могу вас заверить, что эти познания — чисто теоретические, основанные на большом опыте общения с подобными объектами и никоим образом не связанные с непосредственными исследованиями в данном конкретном случае.

В строгом закрытом костюме она бы гораздо лучше выглядела на развороте журнала, чем то, что в них можно найти, несмотря на все их претензии на искусство. Тонкая талия, сама узость которой уравновешивалась сверху и снизу настолько удачно, что вообразить себе невозможно — надо было видеть; длинные ноги, грациозные руки, и каждое движение — как музыка танца. И хотя вряд ли найдется столь черствый человек, чтобы от такого физического совершенства потребовать чего-то еще, Иштар обладала живым и обширным умом, закончила Колумбийский университет Magna Cum Laude, хотя, должен сказать, средний университетский профессор, оценивая знания Иштар Мистик, мог бы сделать это лишь с натяжкой. Поскольку вы — также университетский профессор (я не хотел бы задевать ваших чувств), мое невысокое мнение об этой корпорации вполне оправданно.

Из всего этого можно было, казалось бы, сделать вывод, что у нее всегда был большой выбор кавалеров и каждый день она обновляла список за счет новых соискателей. На самом же деле мне приходила иногда в голову мысль, что если бы она выбрала меня, то я бы принял вызов, как рыцарь, из уважения к ее прекрасному полу, но сказать ей об этом я так никогда и не осмелился.

Дело в том, что у Иштар был один маленький недостаток: она была довольно крупной особой. Не слишком, конечно,— сантиметров десяти она до двух метров не дотянула,— зато ее голос был похож на призыв трубы, и рассказывали, как она дала окорот здоровенному бродяге, когда он попытался с ней вольничать: она его подняла и бросила через дорогу, довольно широкую, прямо об фонарный столб. Ему пришлось провести в больнице полгода.

Так что местное мужское население было очень осмотрительно насчет авансов — даже самых почтительных — в ее сторону. Непосредственный импульс всегда подавлялся после тщательного рассмотрения вопроса о физической безопасности такого поведения. Вы знаете мою львиную храбрость, но и я иногда прикидывал шансы на перелом костей. Так размышление нас превращает в трусов, как правильно сказал поэт.

Иштар здраво смотрела на вещи, что не мешало ей горько мне жаловаться. Один такой случай я помню. Это был прекрасный день поздней весны, и мы сидели на скамеечке в Центральном парке. Я помню, как по крайней мере трое выбежавших на зарядку мужиков, глядя на Иштар, один за другим не вписались в поворот и врезались в дерево.

— Похоже, что я на всю жизнь останусь девственной,— пожаловалась Иштар, и ее изысканной формы нижняя губка трогательно вздрогнула.— Мною никто не интересуется, совсем никто. А мне скоро двадцать пять.

— Видишь ли, моя... моя дорогая,— произнес я, осторожно дотрагиваясь до ее руки,— нынешние молодые люди очень скромны и не чувствуют себя достойными твоих физических совершенств.

— Да это просто смешно,— сказала она, чуть повысив голос, и несколько прохожих вдалеке, подпрыгнув, обернулись на нас.— Вы хотите сказать, что они меня просто по-идиотски боятся. Они действительно глупые. Если бы вы видели, какие у них делаются физиономии, когда нас знакомят, как они украдкой разминают пальцы после рукопожатия, и уже сразу ясно, что ничего не выйдет. Они мямлят свое «рад познакомиться» — и быстренько исчезают.

— Их надо ободрять и поощрять, моя милая. На мужчину надо смотреть как на хрупкий цветок, который только и может цвести под солнцем твоей улыбки. Надо дать ему понять, что ты совсем не против его авансов и ни в коем случае не собираешься брать его за шиворот и кидать головой в стенку.

— Этого я никогда не делала! — возмущенно воскликнула она.— Почти совсем никогда. И как, ради всего святого, мне показать ему мою заинтересованность?! Я улыбаюсь, я говорю: «Здравствуйте, как поживаете?», я говорю: «Прекрасная погода, не правда ли?», даже если льет как из ведра.

— Моя дорогая, этого мало. Надо взять его за руку и продеть под свою, его можно потрепать по щечке, погладить по головке, пальчики ему поперебирать. Такие мелочи говорят об определенном интересе, о некоторой с твоей стороны заинтересованности в дружеских объятиях и поцелуях.

Иштар была перепугана.

— Этого я сделать не могу. Просто не могу, и все. Меня так строго воспитывали, что я могу вести себя только респектабельно. Проявлять инициативу должен мужчина, да и то я должна сопротивляться как можно дольше. Так всегда говорила моя мама.

— Ну, Иштар, это надо делать, когда мама не видит.

— Все равно не могу. Я для этого слишком сухая. Вот если бы нашелся человек, который просто подошел бы ко мне...

При этих словах она вспыхнула, как будто от какой-то ассоциации, и ее большая, но красивая рука прижалась к сердцу. Я не совсем к месту подумал, знает ли она, сколько народу могло бы сейчас этой руке позавидовать.

Но слово «сухая» дало мне идею.

— Иштар, дитя мое,— сказал я ей,— твое спасение — в алкоголе. Есть несколько десятков различных его видов, многие из них приятны на вкус и веселят душу человека. Если ты пригласишь какого-нибудь кавалера на пару грассхоперов, или маргариток, или любых других коктейлей, которые я мог бы тебе назвать, ты увидишь, как быстро исчезнет твоя скованность, да и его тоже. Он осмелеет до такой степени, что начнет делать тебе предложения, которые джентльмен не должен делать леди ни при каких обстоятельствах, а ты осмелеешь до того, что будешь только счастливо хихикать, когда он предложит тебе для продолжения вашего знакомства поехать в отель, где твоя мамочка вас не найдет.

Иштар вздохнула:

— Ах, как это было бы чудесно! Но не выйдет.

— Выйдет, выйдет. Любой нормальный мужчина будет счастлив разделить с тобой выпивку. Если он засомневается, объясни, что ты угощаешь. Тут уж ни один джентльмен не сможет усто...

— Не в этом дело,— перебила она меня.— Дело во мне. Я не могу пить.

Я ни о чем подобном за всю жизнь не слыхал.

— Это просто, дорогая. Надо открыть рот...

— Это я знаю. Пить я могу — в том смысле, что могу проглотить жидкость. Но меня от нее страшно мутит.

— Но не надо пить так много, надо просто...

— Меня начинает мутить от одной рюмки, если только сразу не стошнит. Я много раз пыталась, но не могу выпить больше одной. А потом меня так мутит, что никакого настроения нет для... ни для чего. Это, как я понимаю, дефект метаболизма, хотя мама говорит, что это дар божий, ниспосланный мне для сохранения чистоты в этом порочном мире развратных мужчин, посягающих на мою добродетель.

Тут я, должен признать, чуть не лишился дара слова от одной мысли, что кто-то видит доблесть в проклятии, не дающем человеку насладиться благословением лозы. И сама мысль о такой извращенности укрепила мою решимость и внушила такое безразличие к опасности, что я и в самом деле взял ее за плечо и произнес:

— Это, дитя мое, предоставь мне. Я все устрою.

Я точно знал, что надо делать.

Несомненно, я никогда не упоминал при вас моего приятеля Азазела, поскольку я на эту тему очень щепетилен,— я вижу, вы хотите возразить, что вы о нем знаете, и, учитывая вашу широко известную репутацию человека, не слишком приверженного к правде (я не желаю вас обидеть), я этому не удивляюсь.

Азазел — это демон, обладающий волшебной силой. Маленький демон. Честно говоря, у него рост всего два сантиметра. Вот он и старается показать, какой он важный и могучий. Поразить, понимаете ли, своей мощью кого-нибудь вроде меня, кого он считает низшим существом. Он, как всегда, откликнулся на мой зов, хотя вы напрасно ожидаете от меня подробностей насчет того, как я его вызываю. Для вашего не очень мощного, мягко говоря, разума (не хочу вас обидеть) задача управлять Азазелом абсолютно непосильна.

Прибыл он в весьма плохом настроении. Очевидно, он смотрел типа спортивного состязания, на исход которого он поставил около ста тысяч закини, и ему, похоже, было не по душе, что он не может следить за результатом. Я напомнил, что деньги — мусор и что его, Азазела, предназначение в этой Вселенной —

помогать разумным существам в нужде, а не складывать в штабеля какие-то никому не нужные закини, которые он все равно проиграет, даже если выиграет в этот раз, что тоже сомнительно.

Поначалу столь разумные и неопровержимые аргументы никак не успокаивали это жалкое создание с сильно развитыми эгоистическими наклонностями, так что пришлось предложить ему монетку в четверть доллара. Алюминий у них в мире является, я полагаю, средством обмена, и, хотя в мои планы не входит вырабатывать у Азазела привычку к материальному поощрению за те малозначительные услуги, которые он иногда оказывает, я предположил, что четвертак будет для него гораздо больше ста тысяч закини, следовательно, он поймет, что мои дела настолько же важнее его собственных. Как я всегда говорил, сила логики в конце концов свое возьмет.

Я объяснил ему, в чем было дело с Иштар, и он сказал:

— Наконец-то ты разумно ставишь задачу.

— Разумеется,— согласился я. Как вы знаете, я не могу назвать себя неразумным человеком. Просто у меня свои цели и способы.

— Да,— сказал Азазел.— Это несчастное насекомое твоего вида не может эффективно перерабатывать алкоголь, и у нее в крови накапливаются промежуточные продукты его обмена, и неприятные ощущения вызываются интоксикацией — очень точное слово, происходящее, как я понял из изучения твоего словаря, от греческого «яд внутри».

Я скривился. Современные греки смешивают, как вы знаете, вино со смолой, а древние смешивали его с водой. Естественно, что они говорят о «яде внутри», если еще до питья сами отравили вино.

Азазел продолжал:

— Необходимо будет только переделать ферментную схему так, чтобы у нее алкоголь быстро и надежно преобразовывался во фрагменты с двойной углеродной связью — это перекресток метаболических путей, ведущих к жирам, углеводам и белкам, и тогда никакой интоксикации не будет. Алкоголь станет для нее обыкновенной здоровой пищей.

— Азазел, кое-какая интоксикация нам нужна — необходима для появления веселого безразличия к глупым строгостям, всосанным с молоком матери.

Это он понял сразу.

— Да, насчет матерей — это мне понятно. Помню, как моя третья матушка меня учила: «Азазел, никогда не хлопай следоподелательными мембранами в присутствии юной малобы». А как иначе добиться, чтобы она...

Я снова его перебил:

— Так ты можешь организовать минимальную интоксикацию промежуточными продуктами до состояния легкой эйфории?

— Проще простого,— ответил Азазел, и надо сказать, у него был довольно неприятный вид, когда он сцапал монетку, превышавшую в высоту его рост (если ее поставить на ребро).

Только через неделю я смог проверить, что делается с Иштар. Это было в баре одного из городских отелей, который так озарился, когда она вошла, что несколько завсегдатаев были вынуждены надеть темные очки. Она усмехнулась:

— А что мы тут делаем? Вы же знаете, что я пить не могу.

— Это не выпивка, дитя мое, пить мы не будем. Это мятный напиток, и тебе он понравится.

Сговорившись с барменом заранее, я ему мигнул, и он подал грассхопер. Она слегка попробовала и сказала:

— О, это хорошо.

Потом она откинулась назад и дала напитку проскользнуть в горло. Прислушалась к своим ощущениям, провела изящным язычком по не менее изящным губам и спросила:

— А еще можно?

— Ну конечно,— благородно ответил я.— По крайней мере еще один можно было бы, если бы я не забыл, как дурак, дома свой бумажник...

— Я плачу. У меня денег полно.

Я всегда говорил, что никогда не поднимается красивая женщина до таких высот, как наклоняясь за кошельком к стоящей у ее ног сумке. В таких условиях мы пили без оглядки. По крайней мере она. Еще один грассхопер, потом рюмка водки, двойной виски-сода и еще несколько других, а когда все это было принято, никаких признаков интоксикации у девушки не наблюдалось, хотя улыбка ее опьяняла больше, чем все ею выпитое.

— Мне так хорошо, так тепло,— заявила девушка,— и у меня такая... готовность, если вы правильно меня понимаете.

Я думал, что понимаю, но не хотел спешить с выводами.

— Не думаю, что твоей маме это могло бы понравиться (проверка, проверка и еще раз проверка).

— А при чем здесь моя мама? — сказала она.— Ни при чем. И как она об этом узнает? Никак! — Она испытующе на меня взглянула и вдруг наклонилась ко мне и поднесла мою руку к губам: — Куда мы могли бы пойти?

Вы, мой друг, я полагаю, знаете мой взгляд на такие вещи. Отказывать юной леди, которая столь вежливо просит о мелкой услуге,— это не в моих правилах. Меня воспитали в твердых правилах — всегда и во всем быть джентльменом. Но тут я слегка заколебался.

Во-первых, хотя вы этому вряд ли поверите, мои лучшие дни уже позади — хотя и недалеко, но позади. А чтобы удовлетворить такую женщину, как Иштар, столь юную и сильную, может понадобиться довольно много времени — надеюсь, вы меня понимаете. Далее, если она потом вспомнит, что произошло, и решит, что я воспользовался ее состоянием, то могут быть неприятности. Она девушка импульсивная и может наломать костей раньше, чем я ей что бы то ни было объясню.

Поэтому я предложил пойти ко мне и выбрал кружной путь. Прохладный вечерний ветерок остудил ее разгоряченную головку, и я избежал опасности.

Другие — нет. Не один молодой человек приходил потом ко мне с рассказами об Иштар, потому что, как вы знаете, мое спокойное дружелюбное достоинство располагает людей к откровенности. Этого никогда, к сожалению, не случалось в барах, поскольку те ребята, о которых идет речь, от баров шарахались — по крайней мере, какое-то время. Дело в том, что они пытались пить наравне с Иштар — и всегда с плачевным результатом.

— Голову даю на отсечение,— говорил мне один из них,— что у нее потайная трубка изо рта в сорокаведерную бочку где-то под столом, но поймать ее не удалось. Однако это ерунда по сравнению с тем, что было потом.

Бедняга отощал от того ужаса, что довелось ему пережить. Он пытался что-то рассказать, но слов не находил.

— Запросы, ну запросы,— повторял он, дрожа и оглядываясь.— Ненасытная! Ненасытная!

А я радовался, что так удачно избежал такой опасности, которая и молодых парней в расцвете мужских сил еле-еле оставляла в живых.

Как вы понимаете, в это время я с Иштар виделся нечасто. Она была очень занята, но я знал, что она со страшной скоростью потребляет всех доступных мужиков на выданье. Раньше или позже ей придется расширить свой диапазон. Оказалось — раньше.

Однажды утром мы с ней встретились, когда она собиралась в аэропорт. Она была еще более *zaftig,* чем обычно, более воздушной, как-то заметнее во всех отношениях. На ней никак не сказалась ее бурная жизнь, она только стала больше и лучше.

Из сумки она вытащила бутылку.

— Ром,— сказала она.— Его на Карибском море пьют. Очень такой мягкий и приятный напиток.

— Ты собираешься на Карибское море, дорогая?

— Да, и еще много куда. Наши местные мужчины какие-то нестойкие и слабодушные. Они меня разочаровали, хотя бывали и очень увлекательные моменты. Я вам так благодарна, Джордж,— без вас ничего бы не было. Это началось, когда вы впервые угостили меня мятным напитком. Знаете, просто стыдно, что я с вами ни разу...

— Ну, это чепуха, моя милая. Я ведь не о себе думал, как ты знаешь, а действовал из чисто гуманных соображений.

Она влепила мне в щеку поцелуй, горячий, как серная кислота, и удалилась. Я с видимым облегчением почесал бровь, но поздравил себя с тем, что наконец-то хоть какое-то из предприятий Азазела закончилось удачно, потому что теперь Иштар, будучи финансово независимой благодаря наследству, могла безраздельно наслаждаться алкоголем и мужчинами.

Так я думал.

Но прошло чуть больше года, и я вновь услышал ее голос. Она вернулась из своего путешествия и позвонила мне. Я далеко не сразу ее узнал. Она была в истерике.

— Моя жизнь кончена! — ревела она в трубку.— Даже мама больше меня не любит. Я не могу понять, в чем дело, но виноват ты. Если бы не твой мятный напиток, ничего бы не случилось, я знаю!

— Но что случилось, моя милая? — спросил я, трепеща. Иштар, которая на тебя взъярилась,— это не та Иштар, к которой безопасно подходить.

— А ты приезжай. Я тебе покажу.

Любопытство когда-нибудь меня погубит. В этот раз чуть не погубило совсем. Удержаться от поездки к ней на окраину я не смог. Однако я предусмотрительно не закрыл за собой входную дверь. И когда она с мясницким ножом в руках пошла на меня, я повернулся и удрал с такой скоростью, которой и в молодые годы стал бы гордиться. А она, к счастью, из-за своего состояния не могла за мной угнаться.

Вскоре она опять уехала и, насколько мне известно, до сих пор не вернулась. Но я живу в страхе, что однажды это случится. Иштар Мистик не забывает и не прощает.

Очевидно, Джордж считал свою историю законченной.

— Но что произошло? — спросил я.

— Вы не понимаете? Ее биохимию Азазел перестроил так, что алкоголь эффективно перерабатывался во фрагменты из двух атомов углерода с двойной связью, а это — кирпичи для строительства жиров, углеводов и белков. Алкоголь стал для нее нормальной пищей. Пила же она, как двухметровый насос,— неимоверно. Все это превращалось в двухуглеродные фрагменты, а потом — в жир. Одним словом — разжирела, двумя словами — как бочка. Вся эта горделивая красота скрылась под слоями и слоями сала.

Джордж встряхнул головой, отгоняя ужасные воспоминания и бесполезные сожаления, и повторил:

— Вред пьянства измерить невозможно.

— Я знавал одного человека, слегка похожего на вас,— сказал Джордж.

Он сидел у окна в ресторанчике, где мы с ним обедали, и задумчиво в это окно смотрел.

— Удивительно,— сказал я.— Я-то думал, что я один такой.

— Так и есть,— подтвердил Джордж.— Этот человек был только слегка на вас похож. Что же касается умения царапать, царапать и царапать бумагу без малейшего участия мозга — здесь вы недосягаемы.

— На самом-то деле я пользуюсь текст-процессором,— заметил я.

— Употребленное мной выражение «царапать бумагу» — это то, что настоящий писатель понял бы как метафору.— Он оторвался от своего шоколадного мусса и тяжело вздохнул. Вздох был мне знаком.

— Вы собираетесь опять пуститься в полет фантазии по поводу Азазела, Джордж?

— Вы так часто и неуклюже фантазируете сами, что потеряли способность воспринимать правду, когда она вам в уши гремит. Но не беспокойтесь, слишком эта история печальна, чтобы еше и вам ее рассказывать.

— Но вы все равно собираетесь ее рассказать, правда ведь, Джордж?

Он снова вздохнул.

Вон та автобусная остановка, говорил Джордж, напоминает мне про Мордехая Симса, который зарабатывал себе на скромную жизнь, заполняя бесконечные листы бумаги разнообраз-

---

© Перевод М. Левина.

ной ерундой. Конечно, не столько, сколько вы, и не такой ерундой, потому-то я и сказал, что он лишь немного похож на вас. Справедливости ради скажу, что кое-что из его творений я читал и иногда находил вполне сносным. Не хочу задевать ваши чувства, но вы никогда до таких высот не поднимались — по крайней мере, судя по критическим обзорам, поскольку до того, чтобы читать ваши опусы самому, я никогда не опускался.

Мордехай отличался от вас и еще в одном отношении: он был крайне нетерпелив. Вы посмотрите на свое отражение вон в том зеркале (если вы не имеете ничего против подобного зрелища) и оцените, как небрежно вы тут сидите — рука брошена на спинку стула, и вам совершенно все равно, намараете ли вы сегодня свою норму бессвязных слов или нет.

А Мордехай был не таков. Он все время помнил о сроках — и всегда опасался не успеть.

В те дни мы с ним обедали каждый вторник, и он своей трескотней здорово портил мне удовольствие.

— Эту пьесу я должен отправить самое позднее завтра утром,— говорил он что-нибудь вроде этого,— но до того я должен пересмотреть другую пьесу, а у меня просто времени нет. Где, черт побери, счет наконец? Куда подевался официант? Да что они делают там на кухне? Плавают в соусе наперегонки?

Он всегда более всего нервничал по поводу счета, и я побаивался, что он может удрать, не дождавшись, и предоставить мне выкручиваться самому. Правда, к его чести будь сказано, такого не было ни разу, но сама эта нервотрепка портила удовольствие от еды.

Или вот та вон автобусная остановка. Вот я на нее смотрю уже пятнадцать минут. Вы заметили, что за это время к ней не подошло ни одного автобуса и что день сегодня ветреный и холодный, как и должно быть поздней осенью. Что мы видим? Поднятые воротники, красные и синие носы, переступающие для согрева ноги. Чего мы не видим? Бунта против властей и поднятых к небу кулаков. Все ожидающие пассивно сносят несправедливость земной жизни.

Но не таков был Мордехай Симс. Уж если бы он стоял в этой очереди на автобус, то поминутно выбегал бы на середину дороги, выглядывая, не появился ли наконец на горизонте автобус. Он бы вопил, и орал, и размахивал руками, он бы органи-

зовал марш протеста к городскому управлению. Сказать короче, он бы сильно расходовал свои запасы адреналина.

И сколько раз он обращал свои жалобы именно ко мне, привлеченный, как и многие другие, свойственными моему облику спокойным пониманием и компетентностью.

— Я занятой человек, Джордж,— частил он. Он всегда говорил очень быстро.— Весь мир в заговоре против меня — это позор, скандал и преступление. Вот недавно я заехал в больницу на какое-то рутинное обследование — бог знает, зачем это было бы нужно, если бы у моего доктора не было глупых идей о том, что он должен на что-то жить,— и мне было сказано прибыть в 9.40 в такую-то комнату к такому-то столу. Я приехал, как вы понимаете, точно в 9.40, и на этом столе была табличка: «Работает с 9.30» — на чистом английском языке, Джордж, каждая буква на месте, и ни одной лишней,— но за столом никого. Я проверил свои часы и спросил у кого-то, имевшего вид достаточно опустившегося человека, чтобы оказаться работником больницы: «Где этот безымянный негодяй, который должен сидеть за этим столом?» — «Еще не пришел»,— ответил этот безродный мошенник. «Тут сказано, что этот пост работает с 9.30».— «Да кто-нибудь рано или поздно придет, я думаю»,— ответил он с циничным равнодушием. Понимаете, Джордж, в конце концов, это же больница. А если бы я помирал? Кто-нибудь почесался бы? Да никогда! У меня подходил крайний срок сдачи важнейшей работы, которая должна была мне принести достаточно денег, чтобы оплачивать счета моего доктора (если бы я не придумал, как потратить их получше, что сомнительно). Кому-нибудь до этого было дело? Никакого! Только в 10.04 кто-то показался, а когда я поспешил к столу, этот опоздавший хам тупо на меня уставился и заявил: «Подождите своей очереди».

Мордехай всегда был начинен подобными историями — о лифтах в банках, медленно уползавших вверх как раз тогда, когда он в нетерпении ждал в вестибюле. О людях, которые уходили на перерыв с двенадцати и до пятнадцати тридцати и уезжали на уик-энд в среду вечером, а он тем временем ждал их консультации.

— Не могу взять в толк, кому и зачем вообще понадобилось изобретать время, Джордж,— часто повторял он.— Оно нужно

только для того, чтобы изобретать новые способы его потери. Вы поймите, Джордж: если бы я мог часы, которые мне приходится проводить в ожидании этих бесчисленных бюрократов, потратить на работу, я бы мог написать на десять или даже двадцать процентов больше. Вы поймите, насколько увеличился бы мой доход, несмотря даже на издательский грабеж... Да где же наконец этот несчастный счет?

Я не смог подавить мысль насчет того, что помочь увеличению его дохода было бы благим делом, потому что у него хватало вкуса часть своих денег тратить на меня. Более того, он умел каждый раз выбирать для совместного обеда первоклассные места, а это согревало мое сердце; нет-нет, мой друг, совсем не такие, как это. Ваш вкус гораздо ниже того, каким он должен быть, судя по вашим писаниям — если верить тем, кто их читал. Да, так я начал шевелить своими незаурядными мозгами, соображая, как ему помочь.

Про Азазела я подумал не сразу. В те времена я еще не привык к общению с ним, и меня можно понять — двухсантиметрового демона нельзя назвать привычным явлением.

Тем не менее в конце концов я стал думать, не мог бы Азазел чем-то помочь писателю в смысле организации времени. Это казалось маловероятным, и, скорее всего, я зря потратил бы время Азазела, однако что может значить время создания из другого мира?

Пробормотав все положенные заклинания и песнопения, я вызвал его оттуда, где он в тот момент находился, и он явился спящим. Глаза его были закрыты, и от него исходил дребезжащий писк очень противного тона, то затихающий, то нарастающий. Это, как я понимаю, было эквивалентом человеческого храпа.

Не будучи уверенным относительно того, как его следует будить, я в конце концов решил капнуть ему на живот водой. Живот у него абсолютно круглый, как будто он проглотил шарик от подшипника. Не имею ни малейшего понятия, что в его мире считается нормой, но когда однажды я упомянул шарикоподшипник, он потребовал объяснений, а получив их, пригрозил меня запульникировать. Значение этого слова мне не было известно, но по тону я заключил, что это не должно быть приятно. От капли воды он проснулся и тут же стал как-то глупо

возмущаться. Он говорил, что его чуть не утопили, и пустился в разглагольствования на тему о том, как в их мире принято правильно будить. Что-то насчет тихой музыки и танцев, лепестков цветов и легких касаний прекрасных пальцев танцующих дев. Я ему объяснил, что в нашем мире вместо всего этого отлично работают садовые шланги; он сделал несколько замечаний насчет невежественных варваров и достаточно остыл для делового разговора. Объяснив ситуацию, я ожидал, что он тут же чего-нибудь набормочет, помашет ручками и — «да будет так».

Он ничего подобного не сделал. Вместо этого он серьезно посмотрел на меня и произнес:

— Послушай, ведь ты меня просишь вмешаться в законы вероятности.

— Именно так.

— Но это не просто,— сказал он.

— Конечно не просто,— ответил я.— Иначе стал ли бы я тебя просить? Я бы сам это сделал. Только ради трудных задач обращаюсь я к столь могущественным и превосходным, как ты.

Грубо до тошноты, однако помогает в разговоре с демоном, у которого пунктик насчет маленького роста и круглого брюшка.

Моя логика ему понравилась, и он сказал:

— Я же не говорю, что это невозможно.

— Отлично.

— Надо будет поднастроить джинвиперовский континуум твоего мира.

— Точно сказано. Ты это у меня прямо с языка снял.

— Мне придется добавить несколько узлов взаимосвязи континуума с твоим другом — вот с тем, у которого все время опасность просрочки. Кстати, а что это такое?

Я объяснил, и он с некоторым придыханием сказал:

— А, понимаю. У нас такие вещи используются в самых эфирных проявлениях привязанности. Пропусти момент — и твой предмет уже никогда тебе этого не скажет. Помню, как-то раз...

Но я избавлю вас от несущественных подробностей его сексуального опыта.

— Тут есть один момент,— наконец добавил Азазел,— когда я вставлю новые узлы, убрать я их уже не смогу.

— А почему?

Азазел принял важный вид:

— Теоретически невозможно.

Я этому не поверил ни на грош. Ясно было, что этот маленький неумеха просто не знает как. Тем не менее, понимая, что у него вполне хватило бы умения сделать невыносимой мою жизнь, если бы я дал ему понять, что разгадал эту простенькую шараду, я сказал:

— Этого и не придется делать. Мордехаю нужно дополнительное время для писательских трудов, и если он его получит, то будет вполне доволен жизнью.

— Если так, то я это сделаю.

Он долго выполнял пассы. Он делал то же, что делал бы фокусник или волшебник, только ручки его мелькали с такой скоростью, что по временам их просто не было видно. Следует, однако, заметить, что ручки у него были такие маленькие, что и при нормальных обстоятельствах не всегда было ясно, видны они или нет.

— Что это ты делаешь? — спросил я, но Азазел потряс головой, а губами все время шевелил так, как будто считал про себя.

Потом, закончив, по всей видимости, свою работу, откинулся на столе на спину, переводя дух.

— Готово? — спросил я.

Он кивнул и сказал:

— Ты, я надеюсь, понимаешь, что мне пришлось понизить его долю энтропии более или менее навсегда.

— А что это значит?

— Это значит, что события вокруг него будут идти более упорядоченно, чем это можно было бы ожидать.

— В упорядоченности нет ничего плохого,— сказал я.

(Вы, мой друг, могли бы с этим не согласиться, но я всегда верил в живительную силу порядка. Мною ведется точный учет каждого цента, который я вам должен, а все подробности записаны на клочках бумаги, которые там и сям в моей квартире разложены. Вы их можете увидеть, когда вам будет угодно.)

Азазел сказал:

— Разумеется, ничего нет плохого в том, чтобы держаться порядка. Но второй закон термодинамики нельзя по-настоящему обойти. Это значит, что для сохранения равновесия где-то в другом месте порядка стало меньше.

— В каком смысле? — спросил я, проверяя молнию на брюках (никогда не лишнее).

— В различных и в основном незаметных. Эффект я распределил по Солнечной системе, так что где-то будет больше столкновений астероидов, отклонений орбиты и тому подобное. Больше всего будет затронуто Солнце.

— А как?

— Я подсчитал, что оно разогреется до тех температур, которые сделают невозможной жизнь на Земле, на два с половиной миллиона лет раньше, чем это случилось бы, если бы я не менял узлов.

Я пожал плечами. Ради человека, регулярно платившего за меня по счету с такой искренней щедростью, что смотреть приятно, нет смысла мелочиться из-за пары миллионов лет.

Примерно через неделю я снова обедал с Мордехаем. Еще когда он снимал пальто, он показался мне возбужденным, а подойдя к столу, где я коротал время над коктейлем, он уже просто сиял.

— Джордж,— сказал он мне,— вы себе представить не можете, какая у меня была странная неделя.

Он, не глядя, протянул руку и даже не удивился, когда в ней сразу оказалось меню. (Должен заметить, что в этом ресторане гордые и величественные официанты подают меню не иначе как по письменному заявлению в трех экземплярах с обязательной визой метрдотеля.)

— Джордж,— сказал Мордехай,— мир отлажен как часы.

— В самом деле? — Я подавил улыбку.

— Я прихожу в банк, и там сразу оказывается свободное окно и приветливый кассир. Я прихожу на почту, и там — ну ладно, никто не ожидает приветливости от почтового работника, но он тут же регистрирует мое письмо, и почти без ворчания. Я подхожу к остановке — и тут же подъезжает автобус, а вчера в час пик мне стоило только поднять руку, и сразу появилось такси! Нормальное такси. Я попросил его отвезти меня на перекресток Пятой и Сорок девятой, и он знал дорогу. Он даже говорил по-английски... Что вы будете есть, Джордж?

Достаточно было беглого взгляда на меню. Очевидно, что я тоже не должен был его задерживать. Мордехай небрежно бро-

сил меню на стол и стал быстро заказывать для меня и для себя. При этом он даже не оглянулся посмотреть, стоит ли рядом с ним официант,— он либо уже привык, либо предположил, что официант там будет.

И так оно и оказалось.

Официант потер руки, поклонился и обслужил нас быстро, вежливо и превосходно.

— Друг мой Мордехай,— сказал я,— у вас полоса потрясающего везения. С чего бы это?

Должен признать, что у меня мелькнула мысль дать ему понять, что это моя работа. Не должен ли он был отплатить мне золотым дождем или, по нынешним приземленным временам, хотя бы бумажным?

— Это просто,— ответил он, засовывая салфетку за воротник и намертво зажимая в двух кулаках вилку и нож, ибо Мордехай, при всех его достоинствах, обучался искусству застольного поведения не в благородном пансионе.— Это нисколько не везение. Это неизбежный результат законов случая.

— Случая? — возмущенно воскликнул я.

— Конечно,— сказал Мордехай.— Большую часть своей жизни мне пришлось выдерживать такой натиск случайных задержек, какого мир не видел. По законам вероятности для такого непрерывного потока неприятностей необходима компенсация, и вот это мы теперь и наблюдаем. Думаю, что это продлится уже до конца моих дней. На это я рассчитываю и в это верю. Все в мире сбалансировано.— Он подался вперед и весьма фамильярно и неприятно толкнул меня ладонью в грудь.— Вот в чем дело. Законы вероятности нерушимы.

Весь обед он читал мне лекцию о законах вероятности, о которых, по моему глубокому убеждению, знал так же мало, как и вы.

Наконец я сказал:

— У вас, конечно, добавилось времени на писание?

— Конечно! Я думаю, что мое рабочее время увеличилось процентов на двадцать.

— И соответственно увеличилась ваша продуктивность?

— Ну,— сказал он, как-то смущаясь,— пока еще, к сожалению, нет. Мне ведь надо еще настроиться. Я не привык, чтобы все было гладко. Меня это все как-то поражает.

Честно говоря, он не казался мне пораженным. Подняв руку, он не глядя взял счет из рук возникшего официанта, небрежно расписался на нем и вместе с кредитной карточкой дал официанту, который в это время стоял и ждал, а после этого сразу исчез.

Весь обед занял чуть больше тридцати минут. Не буду от вас скрывать, что я предпочел бы более цивилизованные два с половиной часа, с шампанским в начале и коньяком в конце, с бокалом-другим хорошего вина между переменами и интеллигентным разговором в течение всего обеда. Однако следовало учесть, что Мордехай сберег два часа, которые он мог использовать на загребание денег для себя, ну и для меня — в некотором смысле.

Случилось так, что с этого обеда я три недели Мордехая не видел. Не помню почему — кажется, нас с ним по очереди не было в городе. Как бы там ни было, однажды утром, выходя из кафе после рулета с яичницей, я увидел в полуквартале от себя Мордехая.

Был противный денек с мокрым снегом — день, когда свободные такси подлетают к вам только затем, чтобы обляпать вам брюки серой жидкой грязью и тут же рвануть с места, включив сигнал «Не работаю» и с противным воем набирая скорость.

Мордехай, стоя ко мне спиной, поднял руку, и к нему тут же осторожно подъехало свободное такси. К моему удивлению, Мордехай смотрел в сторону. Такси отползло прочь, и на его ветровом стекле ясно читалось разочарование.

Мордехай снова поднял руку, и тут же из ниоткуда явилось второе такси и остановилось перед ним. Он влез внутрь, но, как я услышал даже с расстояния в сорок ярдов, высказал несколько таких сентенций, которые ни в коем случае не предназначались бы для ушей деликатно воспитанного человека, если таковые еще попадаются в нашем городе.

В то же утро я ему позвонил и договорился выпить по коктейлю в уютном баре «Счастливый часок», в котором этот самый часок иногда растягивался на целый день. Я просто не мог дождаться встречи — мне нужно было получить у него объяснение, а именно меня интересовал смысл тех восклицаний, которые он произнес, садясь в такси.

Нет-нет, мой друг, вы неправильно меня понимаете. Их словарный смысл — если бы эти слова можно было бы найти в словаре — был мне знаком. Что же мне было совсем непонятно — это почему он их произнес. Судя по всему, он должен был бы быть вполне счастлив.

Когда он вошел в бар, счастливым он не выглядел. Скорее казался изнуренным.

Он сказал:

— Джордж, сделайте одолжение — позовите официантку, ладно?

В этом баре официантки одевались не очень тепло, что, впрочем, согревало взор посетителей. Я с радостью позвал одну из них, хотя и понимал, что она проинтерпретирует мой жест лишь как желание заказать что-нибудь выпить.

На самом деле она его не стала интерпретировать никак, ибо все время была уверенно повернута ко мне лишь обнаженной спиной.

Я сказал:

— На самом деле, Мордехай, если вы хотите, чтобы вас здесь обслужили, вам придется позвать ее самому. Законы вероятности еще не повернулись ко мне выгодной стороной, что просто стыд и позор, ибо давно пора помереть моему богатому дядюшке, лишив своего сына наследства в мою пользу.

— У вас есть богатый дядюшка? — У Мордехая на мгновение блеснул интерес.

— Увы, нет. Это лишь усугубляет несправедливость ситуации. Мордехай, пожалуйста, позовите официантку.

— А ну ее к черту,— проворчал Мордехай.— Подождет, не рассыплется.

Меня, как вы понимаете, беспокоил вопрос не о том, сколько она будет нас ждать, а совсем другое, но любопытство пересилило жажду. Я сказал:

— Мордехай, что с вами? У вас несчастный вид. Сегодня утром я видел, как вы не обратили внимания на пустое такси в такой день, когда они на вес золота, а потом, садясь во второе, даже выругались.

— Что, в самом деле? — спросил Мордехай.— Да эти гады меня просто утомили. Такси за мной охотятся. Просто едут ве-

реницами. Я не могу взглянуть на дорогу, чтобы из них кто-нибудь не остановился. На меня наваливаются толпы официантов. При моем приближении продавцы открывают закрытые магазины. Стоит мне войти в холл, как лифт распахивает пасть и ждет, пока я войду, и тут же закрывается и едет сразу на нужный этаж. В любой конторе мне сразу приветственно машут орды служащих, заманивая каждый к своему столу. Все правительственные чиновники существуют только затем, чтобы...

— Но, Мордехай,— вставил я слово,— это же просто прекрасно. Законы вероятности...

То, что он предложил сделать с законами вероятности, было абсолютно невыполнимо хотя бы из-за отсутствия у абстрактных понятий телесной сущности.

— Однако, Мордехай,— убеждал я его,— все это должно было дать вам больше времени для писательских трудов.

— Ни хрена! — рявкнул Мордехай.— Я писать вообще не могу!

— Ради всего святого, отчего?

— Потому что у меня нет времени на обдумывание.

— Нет времени на что?

— Раньше, в процессе всех этих ожиданий — в очередях, на остановках, в конторах,— это было время, когда я думал, когда обдумывал, что буду писать. Это было время совершенно необходимой подготовки.

— Я этого не знал.

— Я тоже, зато теперь знаю.

— Я-то думал,— сказал я,— что вы все это время ожидания только распалялись, ругались и самого себя грызли.

— Часть того времени на это и тратилась. А остальное время шло на обдумывание. И даже время, когда я пенял на несовершенство мира, шло не зря, поскольку я получал хорошую встряску и правильную гормональную настройку всего организма, и, когда добирался наконец до машинки, вся эта невольная злость выплескивалась на бумагу. От обдумывания появлялась интеллектуальная мотивация, а от злости — мотивация эмоциональная. А от их соединения рождалась превосходная проза, выливающаяся из тьмы и инфернального огня моей души. А теперь — что? Вот, смотрите!

Он слегка щелкнул пальцами, и тут же тщательно раздетая красавица оказалась на расстоянии вытянутой руки, спрашивая:

— Могу я обслужить вас, сэр?

Уж конечно, могла бы, но Мордехай только мрачно заказал два коктейля для нас обоих.

— Я думал,— продолжал он,— что просто надо приспособиться к новой ситуации, но теперь я вижу, что это невозможно.

— Но вы же можете отказаться от использования преимуществ такой ситуации.

— Отказаться? А как? Вы же видели сегодня утром. Если я отказываюсь от такси, тут же приходит другое, только и всего. Пятьдесят раз могу я отказаться, и оно придет пятьдесят первый. И так во всем. Я уже совсем вымотался.

— А что, если вам просто зарезервировать себе часок-другой для раздумий в тишине кабинета?

— Именно так! В тишине кабинета. А оказалось, что я могу думать, лишь переминаясь с ноги на ногу на перекрестке, или на каменной скамейке зала ожидания, или в столовой без официанта. Мне нужен источник раздражения.

— Но вы же раздражены сейчас?

— Это не то же самое. Можно злиться на несправедливость, но как злиться на всех этих нечутких олухов за ненужную доброту и предупредительность? Я не раздражен сейчас, а всего лишь печален.

Это был самый несчастливый час, который я когда-либо провел в баре «Счастливый часок».

— Клянусь вам, Джордж,— говорил Мордехай,— я думал, что меня сглазили. Как будто фея, не приглашенная на мои крестины, нашла наконец что-то похуже, чем постоянные потери времени. Она нашла проклятие исполнения любых желаний.

Видя его столь несчастным, я с трудом удержался от недостойных мужчины слез, тем более что этой неприглашенной феей был я, и он, не дай бог, как-нибудь об этом дознается. Он мог бы тогда убить себя или — страшно даже подумать — меня.

А потом пришел настоящий ужас. Спросив счет и, разумеется, моментально получив, он бросил его мне, рассмеялся фальшивым, кашляющим смешком и сказал:

— Давайте-ка заплатите. А я пошел.

Я заплатил. А что мне было делать? Но полученная рана и сейчас иногда напоминает о себе перед ненастьем. Я ведь для него укоротил жизнь Солнца на два с половиной миллиона лет, и я же должен был платить за выпивку? Где справедливость?

Мордехая я с тех пор не видел. Я слыхал, что он уехал из страны и стал бродягой где-то в южных морях.

Не знаю, чем там занимаются бродяги — думаю, вряд ли гребут деньги лопатой. Одно я знаю: если он будет стоять на берегу и захочет, чтобы пришла волна, она придет тут же.

Тем временем недовольный официант принес нам счет и положил его между нами, а Джордж талантливо, как и всегда, изобразил задумчивую рассеянность.

Я спросил:

— Джордж, вы ведь не собираетесь просить Азазела сделать что-нибудь и для меня?

— Вообще-то нет,— ответил Джордж.— К сожалению, старина, вы не тот человек, с которым связаны мысли о благодеяниях.

— И вы не собираетесь для меня ничего сделать?

— Абсолютно.

— Тогда,— сказал я,— я плачу по счету.

— Это,— ответил Джордж,— самое меньшее, что вы можете сделать.

ПО СНЕЖКУ ПО МЯГКОМУ

Мы с Джорджем сидели у окна в «Ла Богема» — французском ресторанчике, которому Джордж время от времени оказывал благодеяния за мой счет. Я выглянул и сказал:

— Похоже, снег пойдет.

Нельзя сказать, чтобы это было вкладом в мировую сокровищницу знаний. Весь день темные и низкие тучи плотно закрывали небо, температура болталась где-то ниже нуля, и по радио предсказывали снег. Однако то пренебрежение, с которым к этому замечанию отнесся Джордж, несколько задело мои чувства.

Он сказал:

— Вот, например, мой друг Септимус Джонсон.

— А что такое? — спросил я.— Какое отношение он имеет к тому факту, что может пойти снег?

— Естественный ход мысли,— отрезал Джордж.— Вы наверняка слыхали об этом процессе, несмотря на то что сами его не испытали ни разу.

Мой друг Септимус, говорил Джордж, был суровым молодым парнем, ходил всегда набычившись и постоянно шевелил глыбами бицепсов. Он был седьмым ребенком в семье, отсюда и имя. Его младшего брата звали Октавиус, а их младшую сестру — Нина.

Я не знаю, насколько далеко еще простирался этот счет, но думаю, что в детстве и юности он страдал от многолюдия и потому впоследствии до странности любил уединение и тишину.

© Перевод М. Левина.

Достигнув зрелости и добившись определенного успеха своими романами (почти как вы, старина, только его критики иногда хвалили), он скопил достаточно денег, чтобы потакать своим странностям. Короче говоря, он купил себе отдельно стоящий дом на заброшенном клочке земли в глухом углу штата Нью-Йорк и время от времени скрывался там для написания следующего романа. Это место не было очень уж далеко от всякой цивилизации, но до самого горизонта, казалось, простиралась нетронутая глушь.

Думаю, что только меня одного он когда-либо приглашал к себе в этот сельский угол. Я полагаю, что его привлекала моя исполненная спокойного достоинства манера, а также блеск и разнообразие моих разговоров. Он никогда ничего не говорил на эту тему, но трудно предположить что-либо другое.

Конечно, с ним надо было вести себя осторожно. Каждый, кому случалось получить дружеский шлепок по спине — любимая манера здороваться у Септимуса Джонсона,— знает ощущение от сломанного позвонка. Однако при нашей первой встрече случайное проявление силы с его стороны оказалось очень кстати.

На меня насела дюжина-другая бродяг, введенная в заблуждение моим полным достоинства видом, из-за которого они решили, что у меня непременно должны быть с собой несметные богатства наличными и драгоценностями. Я отчаянно защищался, потому что у меня с собой не было ни цента и я понимал, что, когда бродяги это обнаружат, они, в силу естественного разочарования, обойдутся со мной весьма варварски. В этот момент и появился Септимус, погруженный в обдумывание своих творений. Свора негодяев как раз была у него на пути, и, поскольку он так глубоко задумался, что мог идти только по прямой, он механически раскидал их в стороны по двое и по трое. На дне кучи он обнаружил меня, и как раз тогда у него что-то забрезжило и он увидел решение какой-то своей проблемы, какова бы она ни была. Сочтя меня счастливым талисманом, он пригласил меня пообедать. Прикинув, что обед за чужой счет гораздо лучше любого талисмана, я согласился.

К концу обеда я приобрел такое на него влияние, что он пригласил меня к себе за город. Потом такие приглашения часто повторялись. Он однажды сказал, что, когда есть я,— это почти то же самое, как когда никого нет. Зная, как он ценит одиноче-

ство, я счел это за серьезную похвалу. Поначалу я ожидал увидеть хижину, но ошибся. Септимус явно преуспевал со своими романами и в расходах не стеснялся. (Я понимаю, что в вашем присутствии невежливо говорить о преуспевающих писателях, но приходится держаться фактов.)

Дом, хотя и изолированный от мира настолько, что я находился в постоянной агорафобии, был отлично электрифицирован, в подвале стоял дизель, а на крыше — солнечные батареи. Еда была хороша, а винный погреб — просто великолепен. Мы жили в роскоши, а к ней я всегда очень легко привыкал, что удивительно из-за малого опыта.

Конечно, совсем не выглядывать в окна было невозможно, и полное отсутствие декоративности довольно сильно подавляло. Можете мне поверить — пейзаж составляли холмы, поля и небольшое озеро, неимоверное количество всякой ядовито-зеленой растительности, но никакого следа человеческого жилья, или автомагистрали, или чего-нибудь в этом роде — на худой конец, цепочки телеграфных столбов.

Однажды, после хорошего обеда с хорошим вином, Септимус торжественно заявил:

— Джордж, мне приятно, когда вы здесь. После беседы с вами я сажусь за свой текст-процессор с таким облегчением, что у меня все выходит гораздо лучше. А потому приезжайте запросто в любое время. Здесь,— он повел рукой в воздухе,— здесь вы можете скрыться от всех забот и невзгод, что преследуют вас. А пока я сижу за текст-процессором, все книги, телевизор и холодильник в вашем распоряжении, а где винный погреб, вы, я надеюсь, знаете.

Как оказалось, я это знал. Я даже нарисовал для себя маленький план, на котором был большим крестом обозначен винный погреб и тщательно намечены все маршруты к нему.

— Единственное, о чем я должен предупредить,— сказал Септимус,— это убежище от горестей мира закрыто с первого декабря по тридцать первое марта. В это время я не могу предложить вам свое гостеприимство, потому что и сам должен оставаться в городе.

Это меня ошарашило. Для меня пора снега — пора невзгод. Именно зимой, мой старый друг, начинают особенно свирепствовать мои кредиторы. Эти жадины, настолько богатые, что ничего не потеряли бы от тех жалких крох, что я им должен,

были бы особенно довольны, узнав, что меня вышвырнули на мороз. Эта мечта вдохновляет их на такие полные волчьей ярости поступки, что убежище мне просто необходимо.

Я спросил:

— А почему бы и не зимой, Септимус? С таким мощно гудящим камином и не уступающим ему паровым отоплением вы могли бы поплевывать на все морозы Антарктики.

— Так бы оно и было,— ответил Септимус,— но похоже, что каждую зиму ревущие дьяволы вьюг устраивают здесь съезды и вываливают свои запасы снега прямо на этот мой полурай. И тогда этот затерянный в одиночестве дом оказывается отрезан от внешнего мира.

— И гори он огнем, этот мир,— заметил я.

— Совершенно справедливо,— согласился Септимус.— Но, однако, запасы поставляются извне — да, напитки, горючее, чистое белье. Горько, но правда — я на самом деле не могу выжить без поддержки извне или, по крайней мере, вести без нее такую жизнь сибарита, какая только и достойна уважающего себя человека.

— Знаете, Септимус,— сказал я,— может быть, я подумаю, как разрешить это затруднение.

— Думайте сколько влезет,— ответил он,— но ничего у вас не выйдет. Тем не менее восемь месяцев в году этот дом ваш или, по крайней мере, в то время, когда я здесь.

Это было правдой, но как может человек принимать во внимание только восемь месяцев, когда их все равно двенадцать? Тем же вечером я вызвал Азазела.

Я не думаю, что вы о нем что-нибудь знаете. Это демон, этакий волшебник-бесенок ростом в два сантиметра, но обладающий сверхъестественной силой, которую он всегда рад проявить, потому что у себя дома (где бы это ни находилось) он вряд ли стоит высоко во мнении своих сограждан. Поэтому...

Ах вы о нем слышали? Это прекрасно, однако как вы полагаете, друг мой, могу ли я рассказать вам что бы то ни было, если вы все время стараетесь изложить вашу собственную точку зрения? Вы, кажется мне, не понимаете, что искусство беседы требует прежде всего умения внимательно слушать и воздерживаться от перебивания говорящего даже по таким экстраординарным поводам, как то, что вы что-то знаете. Ну, да ладно.

Азазел был, как всегда, неимоверно зол. Он, очевидно, был занят чем-то, что называл «торжественным религиозным созерцанием». Мне с трудом удалось подавить мое справедливое раздражение. Он всегда занят чем-то, что считает важным, и никогда, похоже, не поймет, что, когда я его вызываю, это по действительно важному делу.

Я спокойно подождал, пока визгливая ругань наконец затихла, и изложил суть дела.

Он слушал, сердито наморщив мордочку, а потом спросил:

— Что такое снег?

Я вздохнул и объяснил.

— Ты говоришь, что с неба падает отвердевшая вода? Целые куски отвердевшей воды? И после этого остается что-то живое?

Я не стал пускаться в объяснения насчет града, но сказал:

— Она падает в виде мягких и рыхлых хлопьев, о Могущественный (на него всегда хорошо действовали подобные дурацкие имена). Неудобства возникают, когда ее выпадает слишком много.

Азазел заявил:

— Если ты просишь меня изменить погодный режим этого мира, я отказываюсь решительно. Это подпадает под статью о незаконной переделке планет кодекса этики моего крайне этичного народа. Я и думать не желаю о нарушении этики, тем более что если меня поймают, то скормят ужасной птице Ламелл — исключительно мерзкой твари с отвратительными застольными манерами. Даже говорить не хочу, с чем она меня смешает.

— О переделке планет я и думать не думал, о Возвышенный. Я хотел бы попросить только об одной гораздо более простой вещи. Видишь ли, снег, когда его много, настолько мягок и рыхл, что человек в нем проваливается.

— Сами виноваты — не надо быть такими массивными,— буркнул Азазел.

— Несомненно,— согласился я,— и именно эта масса и делает ходьбу столь трудной. Я бы хотел, чтобы на снегу мой друг был не так тяжел.

Но внимание Азазела было трудно привлечь. Он только повторял, как болванчик: «Отвердевшая вода — повсюду — по всей земле!» — и тряс головой, не в силах себе такого представить.

— Ты можешь сделать моего друга полегче? — спросил я наконец, указывая на самую простую задачу.

— Запросто! — отозвался Азазел.— Надо только применить принципы антигравитации, чтобы она включалась от молекулы воды, находящейся в определенном состоянии. Это нелегко, но это возможно.

— Погоди,— сказал я с беспокойством, представляя себе опасность такой жесткой схемы.— Гораздо разумнее будет подчинить антигравитацию воле моего друга. Может быть, ему иногда будет приятнее топать по земле, чем парить.

— Подчинить антигравитацию столь примитивной автономной системе твоего типа? Ну, знаешь ли! Твоя наглость поистине не знает границ.

— Я ведь только попросил,— сказал я,— поскольку имею дело с тобой. Никогда бы не стал я просить кого-нибудь другого из твоего народа, ибо это было бы бесполезно.

Эта маленькая дипломатическая неправда возымела ожидаемое действие. Азазел выпятил грудь аж на целых два миллиметра и величественным контртеноровым писком провозгласил:

— Да будет так.

Я думаю, что соответствующая способность появилась у Септимуса в тот же момент, но я не уверен. Дело было в августе, и снегового покрова для экспериментов под рукой не было — а ехать за материалом в Патагонию, Антарктиду или даже в Гренландию у меня не было никакой охоты. Не было также смысла объяснять ситуацию Септимусу, не имея снега для демонстрации. Он бы просто не поверил. Он бы пришел к смехотворному заключению, что я — я! — слишком много выпил.

Но рок благоволил мне. Мы были в загородном доме у Септимуса в ноябре (он это называл «закрытие сезона»), когда начался снегопад — необычно обильный для этого времени.

Септимус разозлился до белого каления и объявил войну вселенной, не собираясь спускать ей столь гнусного оскорбления.

Но для меня это была милость небес — и для него тоже, если бы он это знал. Я сказал:

— Отриньте боязнь, Септимус. Отныне узнайте, что снег вам более не страшен.

И я объяснил ему ситуацию настолько подробно, насколько это было необходимо.

Я так и полагал, что наиболее вероятной ожидаемой реакцией будет выраженное в нелитературной форме недоверие, но он

добавил еще несколько отнюдь не необходимых малоцензурных замечаний о моем умственном здоровье.

Однако я не зря потратил несколько месяцев на выработку правильной стратегии.

— Вы могли бы, вообще говоря, поинтересоваться,— сказал я,— чем я зарабатываю на жизнь. Я думаю, вас не удивит такой мой уход от темы, если теперь я вам скажу, что занимаю ключевой пост в правительственной исследовательской программе по антигравитации. Я ничего больше не имею права говорить, кроме того, что эксперимент с вашим участием поведет к колоссальному прогрессу всей программы.

Он выкатил на меня глаза, а я тихо напел несколько тактов мотива «Звездно-полосатое знамя».

— Вы это серьезно? — спросил он меня.

— Стал бы я говорить неправду? — ответил я. И затем, рискуя нарваться на естественный ответ, добавил: — Или стало бы врать ЦРУ?

Он это проглотил, подавленный той аурой правдивой простоты, которая пронизывала все мои слова.

— Что я должен делать? — спросил он.

Я ответил:

— Сейчас снега всего шесть дюймов. Вообразите, что вы ничего не весите, и станьте на него.

— Просто вообразить?

— Так это действует.

— Да я же просто ноги замочу.

— Наденьте болотные сапоги,— саркастически предложил я.

Он заколебался, потом на самом деле вытащил болотные сапоги и залез в них. Открытое выражение недоверия на его лице меня глубоко задело. Кроме того, он надел меховое пальто и еще более меховую шапку.

— Если вы готовы...— холодно начал я.

— Не готов,— перебил он.

Я открыл дверь, и он ступил наружу. На крытой веранде снега не было, но как только он вышел на ступени, ноги из-под него поехали, и он отчаянно вцепился в балюстраду.

Как-то добравшись до конца короткой лестницы, он попытался подняться, но это не получалось — по крайней мере не получалось так, как он хотел. Еще несколько футов он проехал, молотя руками по снегу и размахивая ногами в воздухе. Он пе-

ревернулся на спину и продолжал скользить, пока не наткнулся на молодое дерево и не зацепился согнутой рукой за его ствол. Сделав три или четыре оборота вокруг ствола, он остановился.

— Что за скользкий сегодня снег? — заорал он дрожащим от возмущения голосом.

Должен признать, что, несмотря на мою веру в Азазела, я не мог не удивиться, глядя на эту картину. От его ног не оставалось следов, а скользящее по снегу тело не оставило борозды. Я сказал:

— На снегу вы ничего не весите.

— Псих,— ответил он.

— Посмотрите на снег,— настаивал я.— Вы не оставляете следов.

Он посмотрел, после чего сделал несколько замечаний, которые в прежние годы можно было бы назвать непечатными.

— Вспомним,— продолжал я,— что сила трения зависит от давления скользящего тела на поверхность скольжения. Чем меньше давление, тем меньше сила трения. Вы ничего не весите, ваше давление на снег равно нулю, следовательно, сила трения также нулевая, и вы скользите по снегу, как по абсолютно гладкому льду.

— Так что же мне делать? Я же так не могу, когда у меня ноги разъезжаются!

— Это ведь не больно, правда? Когда ничего не весишь, то падать на спину не больно.

— Все равно это не годится. «Не больно» — это еще не основание провести жизнь, лежа на спине в снегу.

— Ну, Септимус, вообразите, что вы снова потяжелели, и встаньте.

Он состроил озадаченную физиономию и сказал:

— Просто вообразить — и все?

Тем не менее он попробовал и неуклюже поднялся на ноги.

Теперь он ушел в снег на пару дюймов, и, когда осторожно попробовал шагать, ему это было не труднее, чем обычно бывает идти по снегу.

— Джордж, как вы это делаете? — спросил он с возросшим почтением в голосе.— Я бы никогда не сказал, что вы такой ученый.

— ЦРУ требует маскировки,— объяснил я.— Теперь воображайте себя все легче и легче и пройдитесь снова. Ваши следы

будут все мельче и мельче, а снег будет все более и более скользким. Остановитесь, когда он станет слишком скользким.

Он поступил так, как было сказано, ибо ученые имеют сильное влияние на низших смертных.

— Теперь,— сказал я,— попробуйте скользить вокруг дома. Когда захотите остановиться, просто станьте тяжелее — но постепенно, а то шлепнетесь носом.

Септимус был парень спортивный и освоился очень быстро. Он когда-то мне говорил, что владеет всеми видами спорта, кроме плавания. Когда ему было три года, отец зашвырнул его в пруд в искренней попытке научить плавать без всех этих утомительных инструкций, и потом ему в течение десяти минут пришлось делать искусственное дыхание рот в рот. Как он говорил, это оставило у него на всю жизнь стойкий страх перед водой и отвращение к снегу. «Снег — это твердая вода»,— говорил он, точь-в-точь как Азазел.

Однако в новых обстоятельствах отвращение к снегу не спешило проявиться. Он начал с радостным душераздирающим визгом носиться вокруг веранды, утяжеляя себя на поворотах и разбрызгивая из-под ног фонтаны снега при остановке.

— Постойте-ка! — крикнул он, ринулся в дом и вынырнул — хотите верьте, хотите нет — с привязанными к сапогам конька-ми.— Я научился кататься у себя на озере,— объяснил он,— но удовольствия от этого не получал. Всегда боялся, что лед провалится. А теперь могу кататься и не бояться.

— Не забудьте,— встревоженно напомнил я,— что это работает только над молекулами H_2O. Стоит вам попасть на клочок оголенной земли или мостовой, и ваша легкость исчезнет. Вы можете ушибиться.

— Не беспокойтесь,— сказал он, вставая на ноги и беря старт.

Я смотрел ему вслед, а он летел уже где-то за полмили над заснеженным пустым полем, а до моих ушей донесся отдаленный рев: «По снежку по мягкому на саночках лихих...»

Септимус, необходимо заметить, каждую ноту берет наугад и никогда не угадывает. Я зажал уши.

Эта зима была, смею сказать, счастливейшей в моей жизни. Всю долгую зиму я жил в теплом, уютном доме, ел и пил по-царски, читал повышающие мой интеллектуальный уровень книжки, в которых старался оказаться умнее автора и найти, кто убий-

ца, а еще я наслаждался мыслью о том, как злятся мои кредиторы там, в городе.

У меня была отличная возможность наблюдать через окно за нескончаемым катанием Септимуса на коньках по снегу. Он говорил, что чувствует себя птицей и наслаждается неведомым ему ранее полетом в трех измерениях. Что ж, каждому свое.

Я его много раз предупреждал, чтобы его никто не видел.

— Это подставит под удар меня,— говорил я ему,— поскольку этот частный эксперимент не был утвержден ЦРУ, но о своей безопасности я не волнуюсь, потому что там, где дело идет о таких, как я,— секретность превыше всего. Но если кто-нибудь когда-нибудь увидит, как вы скользите над снегом, вы станете объектом любопытства, и вокруг вас заклубятся десятки репортеров. Про вас узнает ЦРУ, и вас подвергнут сотням непрерывных экспериментов и исследований, вас будут изучать тысячи ученых и военных. Вы станете национальной знаменитостью и всегда будете окружены толпами рвущихся к вам людей.

Септимус затрясся от страха, как и должен был любитель одиночества по моим расчетам. Потом он сказал:

— А как мне нас снабжать, если я не могу показаться? Мы же из-за этого и затеяли весь эксперимент.

Я ответил:

— Я думаю, что грузовики почти всегда могут пройти по дорогам, а вы можете сделать достаточные запасы, чтобы переждать те времена, когда это не так. Если же вам на самом деле что-то срочно понадобится, можете подлететь к городу как можно ближе, но так, чтобы никто не видел — а в такое время мало кто выходит на улицу,— потом восстановить полный вес, проковылять несколько последних шагов пути с усталым видом. Берете, что вам надо, хромаете метров сто назад, и снова на взлет. Годится?

Той зимой это, к счастью, не понадобилось — я так и думал, что он преувеличивает угрозу снега. И никто не видел, как он скользит. Септимусу все было мало. Вы бы видели его лицо, когда снега не было больше недели да еще началась небольшая оттепель. Вы себе представить не можете, как он волновался за снежный покров.

Ах, какая чудесная была зима! И какая трагедия, что она была единственной!

Что случилось? Я вам расскажу, что случилось. Помните, что сказал Ромео перед тем, как всадить кинжал в Джульетту? Вы наверняка не знаете, так что я вам расскажу. Он сказал: «Ее в судьбу свою впусти — скажи покою враз "прости"». Это о женщинах.

Следующей осенью Септимус встретил женщину — Мерседес Гамм. Он и раньше встречал женщин; анахоретом он не был, но они никогда для него много не значили. Короткое знакомство, романтическая любовь, пожар страстей — и он их забывал, а они его. Просто и безвредно. Меня самого, в конце-то концов, преследовали разные молодые дамы, и я никогда не считал это чем-то предосудительным — даже если они припирали меня к стенке и вынуждали... но мы отклонились от темы.

Септимус пришел ко мне в подавленном настроении.

— Джордж, я ее люблю,— заявил он.— Я при ней просто теряюсь как мальчишка. Она — путеводная звезда моей жизни.

— Прекрасно,— сказал я.— Я вам разрешаю продолжать в том же духе еще некоторое время.

— Спасибо, Джордж,— грустно отозвался он.— Теперь нужно только ее согласие. Не знаю, почему это так, но она, похоже, не очень меня жалует.

— Странно,— сказал я.— Обычно вы имеете успех у женщин. Вы, в конце концов, богатый, мускулистый и не уродливее других.

— Думаю, дело тут не в мускулах,— сказал Септимус.— Она думает, что я дубина.

Я не мог не восхититься точностью восприятия мисс Гамм. Септимус, если назвать это как можно мягче, и был дубиной. Однако, учитывая его бицепсы, ходившие буграми под пиджаком, я счел за лучшее не делиться с ним своей оценкой ситуации. Он продолжал:

— Она говорит, что в мужчинах ей нравится не физическая развитость. Ей нужен кто-то думающий, интеллектуальный, глубоко рациональный, философичный — и целый еще букет подобных прилагательных. И она говорит, что у меня ни одного из этих качеств нет.

— А вы ей говорили, что вы писатель?

— Конечно говорил. И она читала парочку моих романов. Но вы же знаете, Джордж, это романы о футболистах, и она сказала, что ее от них тошнит.

— Я вижу, она не принадлежит к атлетическому типу.

— Конечно нет. Она плавает,— он состроил гримасу, вспомнив, наверное, дыхание рот в рот в нежном возрасте трех лет,— но это не помогает.

— В таком случае,— сказал я, голосом смягчая резкость фразы,— забудьте ее, Джордж. Женщины легко приходят и уходят. Уходит одна — придет другая. Много рыб в море и птиц в небе. В темноте они все друг на друга похожи. Нет разницы, одна или другая.

Я мог бы продолжать бесконечно, но мне показалось, что он начал напрягаться, а вызывать напряжение у здоровенной дубины — неблагоразумно.

— Джордж, такими словами вы глубоко оскорбляете мои чувства,— сказал Септимус.— Мерседес для меня единственная в мире. Жить без нее я не смогу. Она неотделима от смысла моей жизни. Она в каждом ударе моего сердца, в каждом вдохе моей груди, в каждом взгляде моих глаз. Она...

А он мог продолжать и продолжал бесконечно, и мне показалось неуместным останавливать его замечанием, что такими чувствами он глубоко оскорбляет меня.

Он сказал:

— Итак, я не вижу другого выхода, кроме как настаивать на браке.

Это прозвучало как удар судьбы. Я знал, что будет дальше. Как только они поженятся, моя райская жизнь кончена. Не знаю почему, но первое, на чем настаивают молодые жены,— на уходе холостых приятелей мужа. Не бывать мне больше у Септимуса в загородном доме.

— Это невозможно,— встревоженно сказал я.

— Понимаю, что это кажется трудным, но я думаю, это получится. У меня есть план. Пусть Мерседес считает меня дубиной, но я не совсем уж несообразительный. Я приглашу ее в свой загородный дом в начале зимы. Там, в тишине и покое моего Эдема, обострится ее восприятие, и она сможет оценить истинную красоту моей души.

По моему мнению, от Эдема не стоило бы ожидать столь многого, но сказал я только:

— Вы собираетесь ей показать, как умеете скользить по снегу?

— Нет-нет,— сказал он.— Только после свадьбы.

— Даже тогда...

— Джордж, это чушь,— раздраженно сказал Септимус.— Жена — второе «я» мужа. Ей можно доверять потаеннейшие секреты души. Жена — это...

Он снова пустился в бесконечный монолог, и я только мог слабо возразить:

— ЦРУ это не понравится.

Его короткое замечание насчет ЦРУ вызвало бы полное одобрение со стороны Советов. А также Кубы и Никарагуа.

— Я попробую как-нибудь убедить ее приехать в начале декабря,— сказал он.— Я верю, что вы меня правильно поймете, Джордж, если я вам скажу, что мы хотели бы побыть здесь вдвоем. Я знаю, что вы и думать не стали бы мешать тем романтическим возможностям, которые наверняка возникнут у нас с Мерседес на лоне мирной природы. «Нас свяжет вместе магнетизм молчанья и медленного времени поток».

Конечно, я узнал цитату. Это сказал Макбет перед тем, как всадить кинжал в Дункана, но я всего лишь посмотрел на Септимуса холодно и с достоинством. Через месяц мисс Гамм поехала в загородный дом Септимуса, а я не поехал.

Что там случилось — тому я свидетелем не был. Я знаю это только со слов Септимуса, а потому не могу ручаться за каждую деталь. Мисс Гамм была настоящей пловчихой, но Септимус, имевший непреодолимое отвращение к такому хобби, ничего на эту тему не спрашивал. Мисс Гамм тоже не считала необходимым донимать подробностями ни о чем не спрашивающую дубину. Поэтому Септимус ничего не знал о том, что мисс Гамм — одна из тех сумасшедших, которые любят в середине зимы напялить купальник, пробить лед на озере и броситься в прорубь купаться в освежающей и животворящей воде.

Так и вышло, что однажды ярким морозным утром, когда Септимус храпел в глубоком забытьи, как дубине и положено, мисс Гамм тихо поднялась, надела купальник, плащ из махровой ткани и тапочки и отправилась по заснеженной тропе к озеру. По краям оно ярко сверкало льдом, но середина еще не замерзла, и вот, скинув халат и тапки, она бросилась в воду с визгом, который, очевидно, должен был свидетельствовать о радости. Где-то вскоре проснулся Септимус и тонким инстинктом влюбленного ощутил отсутствие в доме своей драгоценной Мерседес. Он стал ее искать и звать. Найдя в комнате ее одеж-

ду, он понял, что она не уехала тайком в город, как он сначала в испуге решил. Она была где-то снаружи.

Надев наспех сапоги на босые ноги и накинув самое теплое пальто прямо на пижаму, он рванулся наружу, зовя ее по имени.

Мисс Гамм его, конечно, услыхала и отчаянно замахала рукой:

— Сюда, Сеп, сюда! Давай скорее!

Дальше я приведу слова самого Септимуса:

«Для меня это прозвучало как "На помощь!". Я заключил, что моя любовь в состоянии умопомрачения выбежала на лед, и он подломился. Мог ли я вообразить, что она по доброй воле полезла в ледяную воду? Я так ее любил, Джордж, что немедленно, несмотря ни на что, бросился к воде, которой я обычно боюсь как огня — особенно ледяной воды,— чтобы спасти ее. Ну, если и не немедленно, то подумав всего две минуты, ну максимум — три.

Тут я крикнул: "Любовь моя, я иду! Держи голову над водой!" — и побежал. Я не собирался идти туда через снег — понимал, что времени мало. Уменьшив на бегу вес, я заскользил прямо над снегом, прямо надо льдом, окружившим берега озера, и прямо в воду с оглушительным всплеском. Как вы знаете, плавать я не умею и вообще дико боюсь воды. Сапоги и пальто тянули меня вниз, и я бы утонул, если бы Мерседес меня не спасла. Можно было бы полагать, что такой романтичный случай свяжет нас еще теснее, но вот...»

Септимус покачал головой, и в глазах его стояли слезы.

— Все вышло не так. Она была в ярости. «Ты, дубина! — визжала она.— Подумать только, прыгнуть в воду в пальто и в сапогах, да еще и не умея плавать! Ты вообще соображаешь, что делаешь? Ты можешь понять, каково такую дубину вытаскивать из озера? А ты еще настолько одурел, что схватил меня за челюсть и чуть не послал в нокаут, и мы оба чуть не утонули. До сих пор болит». Она собралась и уехала в диком бешенстве, а я остался и почти сразу схватил отвратительнейшую простуду, из которой до сих пор не выберусь. С тех пор я ее не видел, на мои письма она не отвечает и к телефону не подходит. Моя жизнь кончена, Джордж.

Я спросил:

— Септимус, просто из любопытства: зачем вы бросились в воду? Почему вы не попытались зайти на лед как можно даль-

ше и протянуть ей жердь подлиннее или веревку, если бы вы смогли ее найти?

Септимус с горестным видом сказал:

— Я не собирался бросаться в воду. Я хотел проскользить по поверхности.

— По поверхности? Разве не говорил я вам, что ваша антигравитация работает лишь на льду?

Во взгляде Септимуса появилось напряжение:

— Я так не думал. Вы сказали, что она работает только над H_2O. Значит, и над водой, так?

Он был прав. Термин «H_2O» я употребил для вящей научности — он больше подходил к образу гениального ученого. Я возразил:

— Я имел в виду твердую H_2O.

— Но вы же не *сказали* «твердую H_2O»,— сказал он, медленно поднимаясь с места, и в его глазах я прочел, что сейчас меня разорвут на части.

Я не стал ожидать подтверждения этой гипотезы. С тех пор я его не видел.

И в его загородном парадизе тоже не бывал. Кажется, он теперь живет где-то на острове в южных морях — в основном, как я подозреваю, потому, что не хочет вновь видеть лед или снег.

Как я и говорил: «Ее в судьбу свою впусти...» — хотя если подумать, то это, кажется, сказал Гамлет перед тем, как вонзить кинжал в Офелию.

Джордж испустил нечто среднее между отрыжкой и пропитанным винными парами вздохом из глубины того, что он считает своей душой, и сказал:

— Однако они уже закрывают, и нам лучше бы тоже уйти. Вы заплатили по счету?

К несчастью, я заплатил.

— А не можете ли вы дать мне пятерку — добраться домой?

К еще большему несчастью, я мог.

ЛОГИКА ЕСТЬ ЛОГИКА

Есть робкие души, которые ни за что не посмеют критиковать еду, если не они за нее платят. Джордж не из таких. Он выражал мне свое недовольство, хотя и со всей деликатностью, на которую был способен — или которую я, по его мнению, заслуживал, что, конечно, не одно и то же.

— Ужин в целом,— говорил Джордж,— весьма ниже среднего. Котлеты недостаточно горячие, селедка недостаточно соленая, креветки недостаточно хрустящие, сыр недостаточно острый, яйца-кокот недостаточно наперчены...

Я перебил:

— Джордж, вы уже уплетаете третью тарелку. Еще один глоток — и избыточное давление в желудке вам сможет снять только хирург. Зачем вам есть такую гадость в таких количествах?

Джордж ответил с достоинством:

— Разве это похоже на меня — унизить хозяина отказом от его еды?

— Это не моя еда, а ресторанная.

— Именно хозяина этой мерзкой дыры и я имел в виду. Скажите, старина, почему бы вам не стать членом какого-нибудь хорошего клуба?

— Мне? Платить бешеные суммы за сомнительные выгоды?

— Я имею в виду хороший клуб, в котором вы могли бы вознаградить меня великолепной едой за согласие быть вашим гостем. Но нет,— добавил он вызывающе-презрительным тоном,— это бред сумасшедшего. Какой клуб захочет так себя компрометировать, что предоставит вам членство?

© Перевод М. Левина.

— Любой клуб, который допустит вас в качестве гостя, с удовольст...

Но Джорджем уже овладели реминисценции.

— Я помню время,— сказал он, и глаза его блеснули,— когда я по крайней мере раз в месяц обедал в клубе с самым роскошным и изысканным буфетом, который когда-либо существовал со времен Лукулла.

— Полагаю, что вы шли как бесплатное приложение в качестве чьего-нибудь гостя.

— Не понимаю, почему это так вам кажется, но совершенно случайно вы угадали. Членом этого клуба и, что гораздо важнее, человеком, иногда меня туда приглашавшим, был Алистер Тобаго Крамп Шестой.

— Джордж,— спросил я,— опять очередная история, как вы с Азазелом ввергли какого-нибудь беднягу в пучину несчастья и отчаяния своей неудачной попыткой помоши?

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Мы выполнили сокровенное желание его сердца из бескорыстия и абстрактной любви к человечеству — и моей более конкретной любви к буфету. Но давайте я расскажу все сначала.

Алистер Тобаго Крамп VI был членом клуба «Эдем» с самого рождения, поскольку его отец, Алистер Тобаго Крамп V, внес своего сына в списки сразу, как только удостоверился лично, что предварительный диагноз доктора относительно пола младенца соответствует истине. Алистер Тобаго Крамп V был, в свою очередь, точно так же внесен в списки своим отцом, и так далее до тех дней, когда Билла Крампа заманили в пьяном виде в британский флот, и он, когда пришел в себя, обнаружил, что является членом экипажа одного из кораблей, отбивших Нью-Амстердам у голландцев в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году.

«Эдем» — самый элитный клуб на всем североамериканском континенте. Он настолько закрытый, что о его существовании знают лишь его члены и несколько избранных гостей. Даже я не знаю, где он расположен, поскольку меня всегда возили туда с завязанными глазами и в карете с матовыми стеклами. Могу только сказать, что около самого клуба лошадиные копыта стучали по участку мощеной дороги.

В «Эдем» не могли быть приняты люди, у которых родословная с обеих сторон не восходила к колониальным временам. Но в расчет бралась не только родословная. Джордж Вашингтон был при тайном голосовании забаллотирован, поскольку был неопровержимо доказан факт его бунта против феодального сюзерена.

Аналогичные требования предъявлялись к гостям, но меня, как вы понимаете, это не выводило из списка. Я же не иммигрант первого поколения из Герцеговины, или Добруджи, или тому подобного места. Моя родословная безупречна, ибо все мои предки обитали на территории этой нации, начиная с семнадцатого столетия, и с тех пор никто из них не впадал в грех бунта, нелояльности или антиамериканизма, поскольку и в Войну за независимость, и в Гражданскую войну одинаково радостно приветствовал марширующие мимо них армии обеих сторон.

Мой друг Алистер необычайно гордился членством в «Эдеме». Часто и регулярно (поскольку был классический зануда и то и дело повторялся) он мне говорил:

— Джордж, «Эдем» — это становой хребет моего бытия, смысл моего существования. Если бы у меня было все, что могут дать богатство и власть, но не было бы «Эдема», я был бы нищим.

На самом деле у Алистера было все, что могут дать богатство и власть, потому что вторым условием членства в «Эдеме» было огромное богатство. Это диктовалось хотя бы размером ежегодного взноса. Но опять-таки одного богатства было мало. Оно должно было быть не заработано, а унаследовано. Любой намек на работу за плату напрочь исключал саму возможность членства. И меня удерживало вне клуба лишь то, что мой папаша забыл оставить мне пару десятков миллионов долларов, поскольку я никогда не запятнал себя таким позором, как...

Что значит ваше «я знаю»? Вы никак об этом знать не можете. Конечно, никаких возражений не вызывало умножение членом клуба своих богатств путем получения любой прибыли, не связанной с работой за плату. Всегда существуют такие вещи, как спекуляция акциями, уклонение от налогов, лоббирование и другие разумные изобретения, которые для богатого являются второй натурой.

Все это членами «Эдема» воспринималось весьма всерьез. Известны случаи, когда потерявшие в припадке честности свое

состояние эдемиты предпочитали медленную смерть от голода работе за деньги и потере членства. Их имена до сих пор произносят, понижая голос, а мемориальные доски в их честь украшают парадный зал клуба.

Нет, старина, занять денег у других членов клуба они не могли. Такое предположение очень характерно для вас. Каждый член «Эдема» знает, что никто не будет занимать у богатого, если существуют толпы бедных, только и ждущих, чтобы кто-нибудь их облапошил. Библия учит нас: «Да пребудут бедные ваши с вами всегда», а для членов «Эдема» превыше всего — набожность.

И все же Алистер не был вполне счастлив, ибо члены «Эдема», к сожалению, его очевидным образом избегали. Я вам говорил уже, что он был занудой. У него никогда не было ни умения вести разговор, ни блеска ума, ни свежего мнения. Даже в среде членов клуба, остроумие и оригинальность которых соответствовали уровню четвертого класса начальной школы, он выглядел на редкость уныло.

Можете себе вообразить его огорчение, когда ему приходилось вечер за вечером одиноко просиживать в «Эдеме» среди толпы. Океан разговоров, какими бы жалкими они ни были, омывал его с головы до ног, а он оставался сух. И все же он никогда не пропустил ни одного вечера в клубе. Он даже велел приносить себя туда во время тяжелой дизентерии в надежде утвердиться в качестве «Железного Крампа». Члены клуба издали восхищались, но благодарности почему-то не выражали.

Иногда я оказывал ему честь принять его приглашение в «Эдем». Родословная у меня безупречна, аристократический сертификат на работника достоин восхищения всей общественности, а в награду за непревзойденно тонкие блюда за его счет и изысканнейшую обстановку я должен был с ним разговаривать и смеяться его скуловоротным шуткам. Мне было жаль бедного парня от всей глубины моего чувствительного сердца.

Следовало найти какой-то способ сделать его душой общества, средоточием жизни «Эдема», человеком, за обществом которого гонялись бы даже члены клуба. Мне рисовались пожилые и респектабельные эдемиты, отпихивающие друг друга локтями и кулаками ради возможности сесть к нему поближе за ужином.

В конце концов, Алистер ведь был воплощенная респектабельность, каким и должен быть эдемит. Он был высокий, он был худой, имел лицо, похожее на морду породистой лошади, жидкие блондинистые волосы по бокам головы, бледно-голубые глаза и общий унылый вид формально-консервативной ортодоксальности, присущей человеку, чьи предки настолько высоко себя ставили, что даже браки заключали только внутри своего клана. Единственное, чего ему не хватало,— это умения сказать или сделать что бы то ни было, достойное малейшего интереса.

Впервые Азазел не докучал мне жалобами на то, что я вызвал его из его таинственного мира. Он там был на каком-то обеде в складчину, и сегодня как раз была его очередь платить, а я его выдернул за пять минут до подачи счета. Он хохотал, заливаясь, мерзким фальцетом — как вы помните, он ростом всего два сантиметра.

— Я через пятнадцать минут вернусь,— хихикал он,— а за это время кто-то уже успеет оплатить счет.

— А как ты объяснишь свое отсутствие? — спросил я.

Он вытянулся во весь свой микроскопический рост и закрутил хвост штопором.

— Я скажу правду: меня вызвал для совета экстрагалактический монстр экстраординарной глупости, которому до зарезу понадобилась моя интеллектуальная мощь. Что тебе надо на этот раз?

Я ему объяснил, и, к моему изумлению, он разразился слезами. По крайней мере, у него из глаз брызнули две тоненькие красные струйки. Я полагаю, что это были слезы. Одна попала мне в рот, и вкус она имела безобразный — как дешевое красное вино, точнее, она напомнила бы мне вкус дешевого красного вина, если бы я когда-нибудь опускался до того, чтобы знать этот вкус.

— До чего грустно! — всхлипнул он.— Я тоже знаю случай, когда достойнейшее существо подвергается снобистскому пренебрежению тех, кто гораздо ниже его. Не знаю большей трагедии, чем эта.

— Кто бы это мог быть? Я хочу спросить, кто это существо?

— Я,— сказал он, тыча себя пальцем в грудь.

— Не могу себе вообразить,— сказал я.— Неужели ты?

— И я не могу вообразить,— сказал он,— но это правда. Ладно, что может делать этот твой друг такого, за что мы могли бы зацепиться?

— Вообще-то он иногда рассказывает анекдоты. По крайней мере, пытается. Это ужасно. Он начинает рассказывать, путается, сбивается, возвращается и в конце концов забывает, что хотел сказать. Я часто видел, как от его анекдотов плакали навзрыд суровые мужчины.

— Плохо,— покачал головой Азазел.— Очень плохо. Дело в том, что я сам великолепный мастер анекдота. Не помню, рассказывал ли я тебе, как однажды илоксы и деннограмы схлестнулись в андесантории, и один из них сказал...

— Рассказывал,— соврал я не моргнув глазом.— Но давай вернемся к делу Крампа.

Азазел спросил:

— Нет ли какого-нибудь простенького способа улучшить его выступления?

— Разумеется — дать ему умение гладко говорить.

— Это само собой,— ответил Азазел.— Простая дивалинация голосовых связок — если у вас, варваров, есть что-нибудь подобное.

— Найдем. И еще, конечно, умение говорить с акцентом.

— С акцентом?

— На искаженном языке. Иностранцы, которые учат язык не в младенчестве, а позже, непременно искажают гласные, путают порядок слов, нарушают грамматику и так далее.

На крохотной мордочке Азазела отразился неподдельный ужас.

— Это же смертельное оскорбление!

— Не в этом мире. Так должно быть, но на самом деле не так.

Азазел грустно покачал головой и спросил:

— А этот твой друг когда-нибудь слышал непотребности, которые ты называешь акцентом?

— Непременно. Всякий, кто живет в Нью-Йорке, все время слышит акценты всех видов и сортов. Здесь вряд ли услышишь правильный английский язык, такой, как у меня, например.

— Ага,— сказал Азазел.— Тогда остается только отскапулировать ему память.

— *Чего* ему память?

— Отскапулировать. Обострить в некотором смысле. Восходит к слову «скапос», что означает «зуб зумоедного диригина».

— И он сможет рассказывать анекдоты с акцентом?

— Только с таким, который раньше слышал. В конце концов, моя мощь не безгранична.

— Тогда скапулируй его.

Через неделю я встретил Алистера Тобаго Крампа VI на перекрестке Пятой авеню и Пятьдесят третьей улицы, но тщетно высматривал на его лице следы недавнего триумфа.

— Алистер,— спросил я его,— есть новые анекдоты?

— Джордж,— ответил он,— никто не хочет слушать. Иногда мне кажется, что я рассказываю анекдоты не лучше всякого другого.

— Ах, вот как? Тогда сделаем так. Мы с вами пойдем сейчас в одно маленькое заведение, где меня знают. Я вас представлю как юмориста, а вы потом встанете и скажете все, что захотите.

Могу вас уверить, друг мой, уговорить его было трудно. Мне пришлось использовать все свое личное обаяние в полную силу, но в конце концов я победил.

Мы с ним пошли в довольно дешевую забегаловку, которую я случайно знал. Для ее описания достаточно будет упомянуть, что она очень похожа на те, куда вы меня приглашаете обедать.

Управляющий в этой забегаловке был мне знаком, и благодаря этому удачному обстоятельству мне удалось добиться его разрешения на эксперимент.

В одиннадцать вечера, когда пьяное веселье было в самом разгаре, я поднялся на ноги, и аудитория была сражена моим величественным видом. Она состояла всего из одиннадцати человек, но мне казалось, что для первого раза этого достаточно.

— Леди и джентльмены,— объявил я им,— среди нас присутствует джентльмен величайшего интеллекта, мастер нашего языка, которого я с удовольствием вам сейчас представлю. Алистер Тобаго Крамп Шестой, профессор кафедры английского языка в колледже Колумбии, автор книги «Как говорить по-англий-

ски безупречно». Профессор Крамп, не будете ли вы столь любезны сказать несколько слов собранию?

Крамп с несколько сконфуженным видом встал и произнес: «А шо, ви таки да хочете мене послю-у-ушать?»

Я слыхивал, друг мой, ваши анекдоты, рассказанные с потугой на то, что вы считаете еврейским акцентом, но уверяю вас: по сравнению с Крампом вы сошли бы за выпускника Гарварда. Соль была в том, что Крамп и в самом деле выглядел так, как должен по понятиям публики выглядеть профессор кафедры английского языка. И от сочетания этой грустной породистой физиономии с внезапной фразой на чистейшем «идиш-глише» вся публика разом застыла. А потом был взрыв и раскаты истерического хохота.

На лице Крампа выразилось легкое изумление. Обратясь ко мне, он с удивительным шведским распевом, который я даже не пытаюсь воспроизвести, сказал:

— Обычно я не бываю получать реакцию такую силу.

— Не обращайте внимания,— сказал я ему.— Продолжайте.

Но пришлось чуть-чуть подождать, пока схлынет волна смеха, и тут он начал рассказывать анекдоты с ирландским кваканьем, с шотландским скрежетом, на лондонском кокни, с акцентом среднеевропейца, испанца, грека. Особенно ему удавался чистый бруклинский язык — ваш почти родной благородный язык, старина, как я понимаю.

После этого выступления я давал ему каждый вечер провести несколько часов в «Эдеме», а потом тащил в забегаловку. Слух о нем шел из уст в уста. В первый вечер в зале было свободно, зато потом целые орды кишели на улицах, стараясь проникнуть внутрь — но тщетно.

Крамп воспринимал это все спокойно. На самом деле он даже выглядел расстроенным.

— Послушайте,— говорил он мне,— какой смысл мне растрачивать ценный материал на этих обыкновенных олухов? Я хотел бы испытать свое искусство на своих товарищах по «Эдему». Они раньше не стали бы слушать моих анекдотов, потому что мне в голову не приходило использовать акценты. На самом деле я просто не понимал, что я это могу,— какое-то неправдоподобное снижение самооценки, в которое впал такой веселый и остроумный человек, как я. Наверное, потому, что я не нахал и не проталкиваюсь вперед...

Он говорил на прекрасном бруклинском, который на мои деликатные уши действует неприятно — я не хочу вас обидеть, друг мой,— и поэтому я поспешил его заверить, что я все устрою.

Управляющему заведения я рассказал о богатстве членов «Эдема», ни слова не говоря об их фантастической скаредности, не уступающей их богатству. Управляющий, несколько остолбенев, разослал им контрамарки, чтобы заманить к себе. Это было сделано по моему совету, поскольку я знал, что ни один эдемит не в силах устоять против бесплатного приглашения на спектакль, тем более что я исподволь распустил слух, будто там покажут фильмы только для мужчин.

Члены клуба прибыли в полном составе, и Крамп вырос просто на глазах. Он заявил:

— Теперь они мои. У меня есть такой корейский выговор, что они просто лягут.

У него еще было такое южное растягивание гласных и такой носовой акцент штата Мэн, что, не услышав, не поверишь.

Несколько первых минут члены «Эдема» сидели в каменном молчании, и я даже испугался, что юмор Крампа до них не доходит, но это они просто окаменели от изумления, а как только чуть оправились, начали просто ржать.

Тряслись жирные пуза, спадали с носов пенсне, ветер поднимался от бакенбардов. Отвратительные звуки всех оттенков и диапазонов — от хихикающих фальцетов одних и до басового блеяния других, оскорбляющие само понятие «смех», оскорбляли его вовсю.

Крамп выступал в своей обычной манере, и хозяин заведения, ощущая себя на верной дороге к неисчислимому богатству, в перерыве подбежал к Крампу и произнес:

— Слушайте, дружище, знаю, что вы лишь просили меня дать вам возможность показать свое искусство и что вы намного выше той грязи, что люди зовут деньгами, но так больше продолжаться не может. Считайте меня сумасшедшим, дружище, но вот ваш чек. Вы это заработали, каждый цент, так что берите и ни в чем себе не отказывайте.

И тут, с щедростью истинного антрепренера, ожидающего миллионные прибыли, он сунул Крампу чек на двадцать пять долларов.

Это, как я понимал, было началом. Крамп добился славы и удовлетворения, стал кумиром завсегдатаев ночного клуба,

предметом обожания зрителей. Деньги лились на него потоком, но он, будучи благодаря своим обиравшим сирот предкам богат, как не снилось Крезу, в деньгах не нуждался и передавал их своему бизнес-менеджеру — мне, короче говоря. За год я стал миллионером, и вот чего стоит ваша идиотская теория, что мы с Азазелом приносим только несчастье.

Я сардонически взглянул на Джорджа:

— Поскольку до миллионера вам не хватает только нескольких миллионов долларов, я полагаю, Джордж, вы собираетесь сейчас сказать мне, что это был всего лишь сон.

— Ничего подобного,— с достоинством ответил Джордж.— История абсолютно истинна, как и любое произнесенное мною слово. Окончание же, обрисованное мной сейчас, было бы абсолютно верным, кабы Алистер Тобаго Крамп не был бы дураком.

— А он был?

— Несомненно. Судите сами. Обуянный гордыней из-за того чека в двадцать пять долларов, он вставил этот чек в рамку, принес в «Эдем» и всем показывал. Что оставалось делать членам клуба? Он заработал деньги. Он получил деньги за труд. Они обязаны были его исключить. А исключение из клуба так на него подействовало, что с ним случился сердечный приступ, оказавшийся роковым. Разве это моя вина или вина Азазела?

— Но ведь если он вставил чек в рамку, значит, денег он не получил?

Джордж величественным жестом магистра поднял правую руку, левой в то же самое время перебрасывая счет за ужин в мою сторону.

— Здесь дело в принципе. Я вам говорил, что эдемиты очень набожны. Когда Адама изгнали из Эдема, Господь велел ему трудиться, чтобы жить. Мне кажется, дословно было сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой». Отсюда следует и обратное: каждый, кто трудом зарабатывает себе на хлеб, должен быть изгнан из «Эдема». Логика есть логика.

Как раз тогда я только что вернулся из Вильямсбурга в Каролине, и мое чувство облегчения от возможности вернуться к любимой пишущей машинке и текстовому процессору смешивалось с остатками легкого возмущения от того, что вообще пришлось туда ехать.

Джордж не рассматривал тот факт, что он только что прошелся как завоеватель по меню шикарного ресторана за счет моих потом заработанных денег, как достаточную причину для выражения мне сочувствия.

Выковыривая застрявшее меж зубов волокно бифштекса, Джордж произнес:

— На самом деле я не понимаю, старина, что вы находите неправильного в том, что организация, во всех остальных отношениях вполне респектабельная, согласна без видимого принуждения платить вам несколько тысяч долларов за часовое выступление. Мне случалось вас время от времени слушать, и я полагаю, что вам гораздо лучше было бы говорить совершенно бесплатно и не соглашаться прекратить, пока вам не заплатят этих тысяч. Это наверняка был бы более верный способ выжимать деньги из аудитории. Я отнюдь не хочу оскорблять ваши чувства, буде у вас таковые вдруг обнаружатся.

Я спросил:

— А где и когда вы, интересно, слышали мои выступления? В ваши монологи мне никогда не удавалось вставить и двух десятков слов подряд.

Я, разумеется, постарался уложить это замечание в двадцать слов. Джордж не обратил на это внимания, как я и предполагал.

© Перевод М. Левина.

— Здесь как раз ваша душа и поворачивается весьма несимпатичной стороной,— продолжал он,— ибо в своей неуемной тяге к тому мусору, что зовется «деньги», вы так легко и часто подвергаете себя неприятностям путешествия, которые вы, по вашим же словам, не выносите. Это немножко напоминает мне историю Софокла Московитца, который также не выносил даже мысли о том, чтобы встать с кресла, кроме тех случаев, когда видел возможность увеличить свой и без того пухлый банковский счет. Он тоже выбрал для обозначения своей лени эвфемизм «нелюбовь к путешествиям». Чтобы его излечить, потребовалось обращение к моему другу Азазелу.

— Вы только на меня не напускайте это свое двухсантиметровое несчастье,— встревожился я — встревожился так правдоподобно, как если бы я и в самом деле верил в это порождение больной фантазии Джорджа.

Он снова не обратил на меня внимания.

Это был один из первых случаев, говорил Джордж, когда я обратился за помощью к Азазелу. Было это почти тридцать лет тому назад. Я только-только научился вызывать этого чертенка из его пространства и еще не очень разбирался в его возможностях.

Он, конечно, ими хвастался, но какое живое существо, кроме меня, не переоценивает свои силы и возможности?

В те времена я был более чем знаком с одной прекрасной юной дамой по имени Фифи, решившей за год до того, что лично Софокл Московитц не очень отличается от идеального образа богатого мужа, припасенного для нее судьбой.

Даже после их свадьбы мы сохранили наши не афишируемые, хотя почему-то вполне добродетельные отношения. Несмотря на эту добродетельность, я всегда был рад ее видеть, и вы сможете это понять, если я вам скажу, что превзойти ее фигуру было просто невозможно. Ее присутствие вызывало у меня приятнейшие воспоминания о тех милых нескромностях, которые мы с ней когда-то практиковали.

— Бобошка,— сказал я ей однажды, поскольку никак не мог отвыкнуть от ее сценического имени, данного ей публикой, с глубоким вниманием наблюдавшей за ее раздеванием,— ты прекрасно выглядишь.— Это я сказал без колебаний, поскольку в те времена я тоже выглядел ничего себе.

— Че, правда? — сказала она с той неистребимой манерой, что всегда напоминает улицы Нью-Йорка с их медным великолепием.— А чувствую я себя хреновато.

Я сперва не мог этому поверить, потому что, с тех пор как она выросла, я полагаю, кто бы ее ни чувствовал, не мог не чувствовать хорошо. Тем не менее я спросил:

— А в чем дело, дорогая моя пружинка?

— В Софокле, в этом жирном клопе.

— Бобошка, не мог же тебе надоесть твой муж. Столь богатый человек просто не может быть утомительным.

— Много ты понимаешь! Жулик! Помнишь, ты мне говорил, что он богат, как тот мужик по фамилии Крез, про которого я не слыхала? Так чего ж ты мне не сказал, что этот парень Крез должен был быть чемпионом скряг?

— Софокл — скряга?

— Фантастический! Можешь поверить? Какой смысл выходить за богача, если он скряга?

— Бобошка, но ты же наверняка могла бы выдоить из него немножко денег маняшими обещаниями ночного элизиума.

Фифи наморщила лобик:

— Не понимаю, что ты говоришь, но я тебя знаю, так что перестань говорить гадости. А кроме того, я ему обещала, что он этого не получит — ну, того, о чем ты говоришь,— если не развяжет кошелек, но он предпочитает обнимать свой бумажник, а не меня, и это, если подумать, оскорбительно.— Бедняжка слегка всхлипнула.

Я потрепал ее по ручке настолько не по-братски, насколько позволяли обстоятельства.

Она взорвалась:

— Когда я выходила за этого дубаря, я себе думала: «Ну, Фифи, теперь наконец попадешь в Париж, и на Ривейру, и на Канальские острова, и в Капабланку, и всякое такое». Ха! Хрен тебе!

— Не говори мне только, что этот сукин сын не возил тебя в Париж.

— Он не ездит никуда. Он говорит, что ему и на Манхэттене хорошо. Говорит, ему нигде не нравится. Говорит, что не любит растения, животных, деревья, траву, грязь, иностранцев и никаких зданий, кроме нью-йоркских. Я ему говорю: «А как

насчет заграничных магазинов?» — так он говорит, ему они тоже не нравятся.

— А если поехать без него, Бобошка?

— Это ты прав, это было бы веселее. Только с чем ехать? Этот хмырь держит карманы на замке, а все кредитные карточки там. Мне приходится покупать у Мэйси.— Ее голос поднялся почти до визга: — Не для того я выходила замуж за этого шута горохового, чтобы у Мэйси покупать!

Я окинул взглядом различные участки этой дамы и пожалел, что мои финансы не дают возможности позволить себе такую роскошь. До замужества она иногда допускала занятия искусством для искусства, но я чувствовал, что теперешнее положение благородной замужней дамы заставит ее тверже соблюдать профессиональный кодекс в подобных вопросах. Вы должны понять, что в те дни я был в лучшей форме, чем даже сейчас, в зрелые годы жизни, но и тогда, как сейчас, был незнаком с презренным металлом мира сего.

Я спросил:

— А что, если я его уговорю полюбить путешествия?

— О боже, если бы кто-нибудь смог!

— Допустим, я смогу. Могу я тогда рассчитывать на благодарность?

Она на меня взглянула, вспоминая.

— Джордж,— сказала она,— в тот день, когда он мне скажет, что мы едем в Париж, мы с тобой едем в номера Осбюри-парка. Помнишь?

Помнил ли я этот прибрежный кемпинг в Нью-Джерси? Мог ли я забыть эту сладостную боль в мышцах потом? Да у меня во всем теле (почти) не проходило окаменение еще и два дня спустя.

Мы с Азазелом обсудили этот вопрос за пивом (мне — кружка, ему — капля). Он считал, что оно приятно стимулирует. Я осторожно сказал:

— Азазел, а твоя магическая сила — она годится на то, чтобы сделать что-нибудь для моего удовольствия?

Он на меня глянул с пьяной добротой:

— Да ты мне только скажи, чего ты хочешь. Скажи мне, чего ты хочешь. И я тебе покажу, правда ли у меня «руки пучком растут». Всем покажу!

Когда-то он, поднабравшись политуры, настоянной на лимонных корочках (по его словам, экстракт из лимонных корок расширяет возможности разума), признался мне, что однажды получил такое оскорбление в своем мире.

Я капнул ему еще капельку пива и небрежно сказал:

— Есть у меня один друг, который не любит путешествовать. Я думаю, что для твоего искусства нет ничего трудного в том, чтобы изменить его неприязнь на горячую тягу к путешествиям.

Должен заметить, что удали в его голосе резко поубавилось.

— Я имел в виду,— сказал он своим писклявым голосом со странным акцентом,— что ты попросишь чего-нибудь разумного — например, выпрямить эту уродливую картину на стене чистым усилием воли.

Пока он говорил, картина сама по себе задвигалась и перекосилась на другую сторону.

— А зачем это надо? — спросил я. Мне столько пришлось потратить сил, чтобы повесить мои картины с правильными отклонениями от этой казарменной прямолинейности.— Мне надо, чтобы ты создал дромоманию у Софокла Московитца, такую, которая заставит его путешествовать, и при необходимости — даже без жены.

Последнее я добавил, сообразив, что присутствие Фифи в городе без Московитца создает дополнительные удобства.

— Это не просто,— сказал Азазел.— Укоренившаяся нелюбовь к путешествиям может зависеть от каких-то пережитых в детстве событий. Для коррекции таких случаев приходится использовать самые тонкие методы мозговой инженерии. Я не говорю, что это невозможно, поскольку грубый разум твоей расы не так-то легко повредить, но надо, чтобы этого человека мне показали. Я должен идентифицировать его разум и изучить.

Это было просто. Я попросил Фифи пригласить меня на обед и представить как одноклассника по колледжу. (Несколько лет назад она провела какое-то время в кампусе одного колледжа, но вряд ли ходила на занятия — она очень тяготела именно к внеклассной работе.)

Азазела я принес с собой в кармане пиджака, и мне было слышно, как он там бормочет себе под нос что-то математическое. Я предположил, что он анализирует разум Софокла Московитца, и если так, то по моей блестящей догадке, для провер-

ки которой хватило недлинного разговора, не так уж там много было разума, чтобы так долго анализировать.

Дома я его спросил:

— Ну и как?

Он небрежно махнул крохотной ручкой и сказал:

— Это я могу. У тебя здесь есть под рукой мультифазный ментодинамический синаптометр?

— Не под рукой,— ответил я.— Свой я вчера одолжил приятелю для поездки в Австралию.

— Ну и глупо сделал,— буркнул Азазел.— Теперь мне придется все считать по таблицам.

Он так и продолжал злиться, даже когда закончил работу.

— Было почти невозможно,— проворчал он.— Только тому, кто, как я, обладает непревзойденной магической силой, это было по плечу, и то мне пришлось закреплять его отрегулированный разум здоровенными шипами.

Я понял, что он говорит в переносном смысле, и так и сказал. На что Азазел ответил:

— Нет, это так и есть. Никто никогда не сможет ничего в этом разуме изменить. У него появится такая жажда странствий, что он для ее утоления готов будет перевернуть вселенную. Теперь они увидят, эти...

Он разразился длинной тирадой, состоящей из каких-то слов его родного языка. Я, конечно, не понял, что он говорил, но, судя по тому, что в соседней комнате в холодильнике растаяли кубики льда, это были не комплименты. Подозреваю, что это были некоторые заявления в адрес тех, кто упрекал его в нестандартном расположении рук.

Не прошло и трех дней, как мне позвонила Фифи. По телефону она не производит особенного впечатления по причинам, вполне очевидным для всякого, хотя, возможно, не для вас с вашей врожденной способностью не понимать вообще никаких тонкостей. Видите ли, некоторая резкость ее голоса становится заметнее, когда не видно уравновешивающих эту резкость мягких мест.

— Джордж,— визгливо закудахтала Фифи,— ты волшебник. Я не знаю, что ты там придумал за обедом, но это помогло. Софокл берет меня с собой в Париж. Это его идея, и он страшно загорелся. Здорово, правда?

— Более чем здорово,— отозвался я с неподдельным энтузиазмом.— Это потрясающе. Теперь мы можем выполнить то маленькое обещание, которое дали друг другу. Поедем в Осбюри-парк и устроим землетрясение.

Женщинам, как можно иногда заметить, недостает понимания, что уговор — дело святое. Они в этом очень отличаются от мужчин. У них нет ни понятия о необходимости держать слово, ни чувства чести.

Она сказала:

— Джордж, мы уезжаем завтра, и у меня просто нет времени. Я тебе позвоню, когда вернусь.

И она повесила трубку. У нее было двадцать четыре часа, а мне с запасом хватило бы половины, но увы.

И она в самом деле позвонила мне, когда вернулась, но это было через полгода.

Она позвонила, но я не узнал голоса. В нем было что-то постаревшее, что-то усталое.

— С кем я говорю? — спросил я с моим обычным достоинством.

Она устало назвалась:

— Говорит Фифи Лаверния Московитц.

— Бобошка! — завопил я.— Ты вернулась! Это чудесно! Бросай все и езжай прямо...

— Джордж,— отозвалась она,— перестань. Если это твое волшебство, то ты самый мерзкий болтун, и я с тобой ни в какой Осбюри-парк не поеду, хоть ты об стенку головой бейся.

Я удивился:

— Разве Софокл не взял тебя в Париж?

— Взял, взял. Ты меня спроси, что я там купила.

Я спросил:

— Так как тебе парижские магазины?

— Это смешно! Я даже начать не успела. Софокл не останавливался!

Усталость исчезла из ее голоса под напором эмоций, и она сорвалась на визг:

— Мы приехали в Париж и сразу пошли по городу. Он что-нибудь показывал и тут же бежал дальше. «Вот это — Эйфелева башня,— тыкал он пальцем в направлении какого-то глупого

нагромождения стали.— А это — Нотр-Дам». Он даже не знал, о чем говорит. Однажды меня два футболиста протащили в Нотр-Дам, и это ни в каком не в Париже. Это в Саутбенде, в Индиане. Но кому какое дело? Мы поехали дальше, во Франкфурт, Берн и Вену, которую эти глупые иностранцы зовут Вин. И еще — есть такое место, которое называется «Трест»?

— Есть,— сказал я.— Триест.

— И там мы тоже были. И никогда не останавливались в отелях, а только на каких-то фермах. Софокл говорил, что именно так и надо путешествовать. Что он хочет видеть людей и природу. Да кому это надо — видеть людей и природу? Лучше бы мы увидели хотя бы душ. И водопровод. Тут просто начинаешь пахнуть. И в волосах завелись насекомые. Я вот сейчас уже пятый раз моюсь под душем и все никак не отмоюсь.

— Вымойся еще пять раз у меня,— внес я самое разумное предложение,— и устроим здесь Осбюри-парк.

Она, похоже, не слышала. Забавно, насколько может женщина не слышать самых простых доводов. Она сказала:

— На следующей неделе он начинает снова. Он сказал, что хочет пересечь Тихий океан и поехать в Гонконг. И едет на танкере. Это, говорит, лучший способ увидеть океан. Я ему сказала: «Слушай, ты, псих ползучий, если ты думаешь взять меня с собой на этом плавучем катафалке в Китай, то плыви, дикий гусь, один».

— Как поэтично,— заметил я.

— И ты знаешь, что он сказал? Он сказал: «Отлично, моя милая. Поеду без тебя». А дальше вообще был какой-то бред. Он заявил: «От заоблачных Трона высот до мрачных Геенны глубин тот быстрее свой путь пройдет, кто идет по нему один». Что это значит? Где это — Гиена? И как туда попал трон? Он что, думает, что он — королева Англии?

— Это из Киплинга,— сказал я.

— Не сходи с ума. При чем тут Киплинг? Я там не была, а он тем более. Я ему сказала, что подам на развод и оберу его до нитки. А он и говорит: «Делай как хочешь, недоразвитая, но оснований у тебя нет, и ты ничего не получишь. А мне важнее всего дорога». Как тебе понравится? Особенно вот это — «недоразвитая». Все еще заигрывает, паразит.

Видите ли, старина, это была одна из первых работ, что Азазел для меня делал, и он еще не научился как следует управлять

своими действиями. А к тому же я его просил, чтобы Софокл иногда путешествовал без жены. Тем не менее у этой ситуации были свои преимущества, которые я предвидел с самого начала.

— Бобошка,— сказал я,— давай поговорим насчет твоего развода между Осбюри...

— А что до тебя, раздолбай несчастный, так что ты там напустил, какую магию, мне плевать, только держись от меня подальше, а то я скажу одному парню, который из тебя котлет наделает, стоит мне попросить, и ты от него даже в Киплинге не скроешься, понял?

Страстная женщина была Бобошка, хотя ее страсть проявилась не так, как мне хотелось бы.

Я позвал Азазела, но он, как ни старался, ничего поделать с тем, что уже было сделано, не смог. А попробовать сделать что-нибудь с Бобошкой, чтобы она более разумно на все это смотрела, он просто отказался. Это, он сказал, никому не под силу. Я не знаю почему.

Он, правда, помог мне проследить за Софоклом. Мания этого человека росла. Он преодолел на руках Панамский перешеек. Поднялся вверх по Нилу до озера Виктория на водных лыжах. Пересек Антарктиду в экипаже на воздушной подушке.

Когда президент Кеннеди объявил в шестьдесят первом году, что мы достигнем Луны еще до конца десятилетия, Азазел сказал:

— Моя работа действует.

Я спросил:

— Ты считаешь, что то, что ты проделал с его мозгом, дало ему возможность повлиять на решение президента и на космическую программу?

— Неосознанно,— ответил Азазел.— Я ведь тебе говорил, что изменения были достаточно сильны, чтоб потрясти Вселенную.

И в конце концов, старина, он попал на Луну, Помните «Аполлон-13», который предположительно потерпел аварию в космосе, и экипаж еле-еле добрался до Земли?

На самом деле на нем удрал Софокл и прихватил часть корабля на Луну, предоставив настоящему экипажу добираться до Земли на оставшемся как сумеют.

С тех пор он на Луне, бродит по ее поверхности. У него там нет ни воздуха, ни воды, ни еды, но нацеленность на путешест-

вие, которую он получил, как-то это компенсирует. Может быть, сейчас где-то кем-то ведется работа, которая даст ему возможность рвануть на Марс или дальше.

Джордж с грустью покачал головой:

— Это насмешка. Просто насмешка судьбы.

— Какая насмешка? — спросил я.

— А вы не понимаете? Бедняга Софокл Московитц! Он ведь просто новый и улучшенный вариант Вечного жида, а вся ирония судьбы в том, что он даже не правоверный еврей.

Джордж поднял левую руку утереть глаза, а правой потянулся за салфеткой. При этом он как-то случайно прихватил десятидолларовую бумажку, которую я положил на край стола как чаевые для официанта. Салфеткой он протер глаза, а бумажка — что с ней случилось, я не углядел. Джордж вышел, всхлипывая, а стол был пуст.

Я вздохнул и достал другую бумажку в десять долларов.

ГЛАЗ НАБЛЮДАТЕЛЯ

Мы с Джорджем сидели на бульварной скамейке, глядя на широкий пляж и сверкающее вдали море. Я предавался невинному удовольствию разглядывания молодых дам в бикини и праздным мыслям о том, чем таким могла бы вознаградить их жизнь, что было бы хоть вполовину достойно той красоты, которую они ей придают.

Зная Джорджа уже не первый день, я не без оснований подозревал, что его мысли не ограничивались столь благородными этическими рассмотрениями. Я был уверен, что они относятся к гораздо более утилитарным аспектам существования юных дам.

Поэтому я с удивлением отреагировал на первые произнесенные им слова:

— Смотрите, старина, мы здесь сидим и упиваемся божественными красотами природы, принявшими вид прекрасных юных жен,— хорошая, кстати, получилась фраза,— а в то же время истинная красота не очевидна, да и не может ею быть. Истинная красота настолько драгоценна, что должна быть скрыта от глаз ординарного наблюдателя. Вам это не приходило на ум?

— Нет,— ответил я.— Я никогда так не думал, а теперь, когда вы это сказали, тем более не думаю. Более того, я считаю, что и вы так не думаете.

Джордж вздохнул.

— Разговор с вами, милый друг, напоминает плавание в патоке — малый результат ценой больших усилий. Я видел, как вы смотрели на эту высокую богиню, чьи два клочка текстиля только подчеркивали смысл тех нескольких квадратных дюй-

---

© Перевод М. Левина.

мов, кои им положено скрывать. Но ведь вы не можете не понимать, что она выставляет лишь сугубо внешние атрибуты красоты.

— Я никогда не просил от жизни многого,— сказал я.— Сугубо внешние атрибуты такого рода меня вполне устраивают.

— Но вы подумайте, насколько красивее была бы любая молодая женщина, даже для глаз человека некомпетентного, как вы, обладай она вечными достоинствами доброты, любви к ближнему, жизнерадостности, неунывающего оптимизма — короче, всеми добродетелями, украшающими женщину, подобно золоту и мирре.

— А я думаю, Джордж, что вы пьяны. Что, ради всего святого, можете вы знать об этих или вообще о каких бы то ни было добродетелях?

— Я их знаю досконально,— внушительно ответил Джордж,— ибо совершенствуюсь в них усердно и во многом преуспел.

— Наверняка,— согласился я,— только в своей комнате и в полной темноте.

Игнорируя ваше грубое замечание, продолжал Джордж, я тем не менее считаю долгом объяснить, что, если бы даже я лично не имел таких добродетелей, я бы узнал о них из-за знакомства с молодой женщиной по имени Мелисанда Отт, урожденной Мелисандой Ренн, которая своему любящему мужу была известна как Мэгги. Я ее тоже знал под этим именем, потому что она была дочерью моего друга, ныне, увы, покойного, и всегда называла меня «дядя Джордж».

Должен сознаться, что во мне, как и в вас, есть некоторое пристрастие к тому, что вы назвали «сугубо внешними атрибутами»... Я знаю, что я первый сказал эти слова, но мы ни к чему не придем, если вы будете постоянно перебивать меня из-за каждой мелочи.

В силу этой моей маленькой слабости я должен также признать, что, когда она, увидав меня, бросалась мне на шею с радостным визгом, испытываемое мною удовольствие от такого события было бы несколько больше, если бы она была сложена более пропорционально. Она была очень худа, и выступающие кости пребольно кололись. Большой нос, слабо выраженный подбородок, волосы жидкие и прямые, мышиного цвета, а гла-

за — какие-то неопределенно серо-зеленые. Со своими широкими скулами она больше всего напоминала шимпанзе, который только что напихал за щеки приличный запас орехов. Короче, она не принадлежала к тем молодым женщинам, от одного появления которых молодые люди начинают учащенно дышать и стараются пододвинуться поближе.

Но у нее было доброе сердце. Она легко, с улыбкой, переносила, когда какой-нибудь впервые представленный ей без предупреждения молодой человек отшатывался и бледнел. С той же грустной улыбкой она перебывала подружкой на свадьбе у всех своих подруг. Многим детям она была крестной, еще большему числу — нянькой, а уж в искусстве кормить из бутылочки она могла бы заткнуть за пояс любую профессиональную сестру.

Она носила суп достойным беднякам и недостойным тоже, хотя многие говорили, что недостойные достойны этого гораздо больше. Она выполняла разные работы в местной церкви — за себя и за своих подруг, которые предпочитали самозабвенной службе греховные развлечения в виде кинотеатров. Она вела уроки в воскресной школе, и дети очень эти уроки любили из-за тех забавных гримас, которые она им строила (так они думали). Часто она наставляла их в изучении девяти заповедей (та, в которой говорилось о прелюбодействе, пропускалась, так как опыт показал, что она вызывает неудобные вопросы). Еще она служила волонтером в местной публичной библиотеке.

Естественно, она потеряла всякую надежду выйти замуж еще в четыре года. Когда ей исполнилось десять, даже случайные встречи с представителем противоположного пола воспринимались как несбыточная мечта.

Она много раз мне говорила:

— Не думайте, что я несчастна, дядя Джордж. Пусть мир мужчин для меня закрыт — за исключением вашей дорогой особы и памяти о бедном батюшке,— но намного больше счастья в том, чтобы творить добро.

Она посещала заключенных в окружной тюрьме, дабы побудить их к раскаянию и обратить к добру. Только двое из всех заключенных оказались настолько глупы, что потребовали в дни ее посещений перевода в одиночку.

Но однажды она познакомилась с Октавиусом Оттом, новоприбывшим молодым, но уже занимавшим ответственный пост инженером местной электрической компании. Это был замечательный молодой человек — основательный, предприимчивый, осмотрительный, смелый, честный и достойный, но при самом большом желании его нельзя было назвать красивым.

Под выпадающими — точнее, выпавшими — волосами был расположен бульбообразный лоб, под ним — бесформенный нос, тонкие губы, по бокам головы — неимоверно оттопыренные уши, а на тощей шее — выступающий кадык, никогда не пребывавший в покое. То, что еще оставалось от волос, было ржавого цвета, а на руках и лице беспорядочно толпились веснушки. Я присутствовал при первой случайной встрече Октавиуса и Мэгги на улице. Оба они не ожидали ничего подобного, и оба реагировали как пара норовистых лошадей, перед которыми вдруг выскочила дюжина клоунов в дюжине париков и дунула в дюжину свистков. На секунду мне показалось, что Мэгги и Октавиус сейчас развернутся и удерут.

Но эта секунда прошла, и каждый из них успешно подавил приступ панического ужаса. Мэгги только прижала руку к сердцу, как будто боясь, что сейчас оно выпрыгнет из грудной клетки в поисках более безопасного убежища, а он потер лоб рукой, словно отгоняя кошмарное воспоминание. Я уже был несколько дней знаком с Октавиусом и представил их друг другу. Каждый нерешительно протянул руку, как будто боясь подкрепить ощущением зрительный образ.

Позже в тот же вечер Мэгги после долгого молчания сказала мне:

— Какой странный вид у этого молодого человека — мистера Отта.

Я ответил с той свойственной мне свежестью метафоры, что всегда так восхищает моих друзей:

— Не следует, дорогая, судить о книге по обложке.

— Но ведь обложка тоже существует, дядя Джордж,— серьезно возразила она,— и с этим приходится считаться. Позволю себе сказать, что обычная молодая женщина, легкомысленная и не слишком чувствительная, не стала бы общаться с мистером Оттом. Поэтому было бы добрым делом показать ему, что не все молодые женщины столь поверхностны, но по крайней ме-

ре одна из них не отвернется от человека на том только основании, что он похож на... на...— Она задумалась, но так как не могла вспомнить ничего похожего из животного царства, закончила: — На то, на что он похож. Мне следует проявить к нему внимание.

Мне неизвестно, был ли у Октавиуса конфидент, которому он мог бы сделать подобное заявление. Скорее всего нет, потому что очень мало кто из нас, если вообще кто-нибудь, имеет счастье числить среди своих близких дядю Джорджа. Тем не менее, учитывая последующие события, я уверен, что ему пришли в голову те же мысли — конечно, с соответствующей заменой действующих лиц.

Так или иначе, каждый из них постарался отнестись к другому с теплотой и добротой, сначала осторожно и робко, потом увлеченно и, наконец,— страстно. Редкие встречи в библиотеке перешли в походы в зоопарк, потом в кино по вечерам, затем на танцы, которые вскоре сменились — извините мой язык — свиданиями.

Люди уже начинали, видя одного из них, тут же искать взглядом другого, поскольку привыкли к тому, что эта пара неразлучна. Часть соседей активно жаловалась, что двойная доза Октавиуса и Мэгги — это больше, чем можно требовать от выносливости обычного человеческого глаза, и среднемесячные расходы на солнечные очки резко возросли.

Не скажу, чтобы я совсем не сочувствовал этим крайним взглядам, но были и другие — более терпимые, а может быть, и более разумные, которые утверждали, что по какому-то странному стечению обстоятельств специфические черты каждого из них противоположны друг другу и взаимно компенсируются, так что их легче выносить, когда они вместе. По крайней мере, так считалось.

Наконец наступил день, когда Мэгги вбежала ко мне домой и заявила:

— Дядя Джордж, Октавиус — смысл и свет моей жизни. Он сильный, стойкий, строгий, серьезный и стабильный. Он прекрасен.

— Внутренне — да, моя милая. В этом я уверен. Что же касается его внешности, то он...

— Превосходен,— сказала Мэгги сильно, стойко, строго, серьезно и стабильно.— Дядя Джордж, он испытывает ко мне те же чувства, что и я к нему, и мы решили пожениться.

— Вы с Оттом? — спросил я слабеющим голосом. Перед моим мысленным взором невольно мелькнул образ возможных последствий такого брака, и мой голос предательски пресекся.

— Да,— ответила она.— Он мне говорит, что я — солнце его жизни и луна его радости. А еще он добавил, что я — все звезды его счастья. Он очень поэтичен, дядя Джордж.

— Да, похоже,— сказал я, пытаясь не выдать голосом сомнения.— И когда вы планируете свадьбу?

— Как можно скорее,— заявила Мэгги.

Мне оставалось только скрипнуть зубами. Прошло оглашение, были выполнены все формальности, и наконец состоялась свадьба, на которой я был посаженым отцом невесты. Явилась вся округа, которая до конца в это не верила. Даже священнику иногда не удавалось скрыть удивление. Нельзя сказать, что хоть кто-нибудь приветствовал молодую чету счастливым взглядом. Во все время церемонии публика с интересом изучала собственные ботинки. Все, кроме священника. Его твердый взгляд не отрывался от потолка.

Вскоре после этого я должен был переехать в другую часть города и потерял контакт с Мэгги. Но где-то лет через одиннадцать я вернулся в связи с инвестициями в работу некоего моего друга по изучению скаковых лошадей. Я выкроил возможность навестить Мэгги, которая обладала, кроме прекрасно спрятанной красоты, талантами великолепной поварихи. Я угадал к ланчу. Октавиус уже ушел на работу, но я, как человек альтруистичный, доел за него его порцию.

Однако я не мог не заметить, что на лице у Мэгги лежала какая-то тень печали. Когда мы уже пили кофе, я спросил:

— Мэгги, что-нибудь не так? Ваш брак не оказался счастливым?

— Ну что вы, дядя Джордж,— энергично возразила она,— наш брак заключен на небесах. Хотя мы и бездетны, мы так заняты друг другом, что почти и не чувствуем этого лишения. Мы просто купаемся в вечной любви, и больше нам просить у жизни нечего.

— Понимаю,— сказал я, с трудом удержавшись от комментариев.— Но почему тогда у тебя на лице какая-то грустная тень?

Она заколебалась, но потом ее прорвало:

— Вы такой чуткий, дядя Джордж, от вас ничего не скроешь. Да, есть одна вещь, которая подсыпает песок в колеса счастья.

— И это?

— И это — моя внешность.

— Твоя внешность? А что тебя не устраивает...

Окончание фразы я проглотил, не будучи в силах его подобрать.

— Я некрасива,— сказала Мэгги таким тоном, каким сообщают очень глубокую тайну.

— А! — сказал я.

— А я хотела бы быть красивой — ради Октавиуса. Я хочу быть симпатичной только для него.

— А он когда-нибудь делал замечания насчет твоей внешности? — осторожно спросил я.

— Октавиус? Конечно нет. Он гордо страдает молча.

— Откуда же ты тогда знаешь, что он страдает?

— Так мне подсказывает женская интуиция.

— Но, Мэгги, ведь Октавиус и сам — ну, не очень красив.

— Как вы можете? — возмутилась Мэгги.— Октавиус прекрасен!

— А он, наверное, думает, что ты прекрасна.

— Ну что вы! — сказала Мэгги.— Как он мог бы такое предположить?

— Ладно. Он интересуется другими женщинами?

— Дядя Джордж! — Мэгги была шокирована.— Что за низкая мысль! Вы меня удивляете. Октавиус ни на кого, кроме меня, не смотрит.

— Так какая тогда разница, красива ты или нет?

— Но ведь для него же. Дядя Джордж, я хочу быть красивой для него.

И вдруг, уткнувшись мне в плечо самым неожиданным и неприятным образом, она стала поливать слезами мой пиджак. Когда она закончила, его можно было выжимать.

Я тогда уже был знаком с Азазелом — демоном ростом в два сантиметра. Может быть, я вам о нем случайно... Послушайте,

вот такое демонстративное бормотание: «Тошнит уже» — это просто неприлично. Те, кто пишет так, как вы, вообще не должны бы упоминать ничего, что связано с тошнотой читателя или слушателя.

Ладно, как бы там ни было, я вызвал Азазела.

Азазел явился спящим. У него на крохотной головке была надета сумка из какого-то зеленого материала, и только сопранный писк откуда-то из нее указывал на то, что он жив. И еще жилистый хвост время от времени выпрямлялся и дрожал с легким жужжанием.

Я несколько минут подождал, а когда он не проснулся, я аккуратно снял пинцетом сумку у него с головы. Он медленно открыл глаза и посмотрел на меня. Он сказал:

— Я сначала подумал, что это просто кошмар. А оказывается, еще противнее!

Игнорируя эти детские обиды, я перешел к делу:

— Есть работа, которую я хочу, чтобы ты для меня сделал.

— Естественно,— сказал Азазел.— Ты же не предполагаешь, что я ожидаю, что ты предложишь, что ты сделаешь для меня работу.

— Я бы сделал немедленно,— сказал я прочувствованным голосом,— если бы нашлась такая работа, которую человек с моими малыми возможностями мог бы сделать для столь могущественного существа.

— Что верно, то верно,— буркнул Азазел, смягчаясь.

Омерзительно видеть, хотел бы добавить я, как любой разум доступен лести. Вот, например, я видел, как вы сходите с ума от животной радости, когда у вас просят автограф. Но вернемся к моему рассказу.

— В чем дело? — спросил Азазел.

— Я хотел бы сделать женщину красивой.

Азазел пожал плечами:

— Я не уверен, что это у меня получится. Стандарты красоты вашего примитивного и водянисто-разбухшего вида довольно отвратительны.

— Уж какие есть. Я тебе расскажу, что делать.

— Ты мне расскажешь?! — завопил он, дрожа от ярости.— Ты расскажешь мне, как стимулировать и преобразовывать во-

лосяные луковицы, как укреплять мышцы, как наращивать и рассасывать кости? И все это ты будешь рассказывать мне?

— Отнюдь,— смиренно ответил я.— Детальное управление механизмами, которыми будет выполнено это действие, может быть осуществлено лишь существом с твоими сверхъестественными способностями. Я лишь прошу позволения описать те сугубо внешние эффекты, которых надлежит достигнуть.

Азазел снова смягчился, и мы стали говорить о деле.

— Не забудь,— попросил я,— чтобы эффект проявился постепенно — дней этак за шестьдесят. Слишком быстрая перемена может вызвать пересуды.

— Не хочешь ли ты сказать,— спросил Азазел,— что мне придется провести шестьдесят дней за надзором, регулировкой и коррекцией? По-твоему, мое время ничего не стоит?

— Но ведь ты сможешь описать эту работу в биологических журналах твоего мира. Для выполнения такой работы мало у кого из твоих соплеменников хватило бы умения или терпения.

Азазел задумчиво кивнул.

— За дешевой популярностью я, разумеется, не гонюсь,— сказал он,— но я думаю, что должен подать пример меньшей братии нашего мира.— Он вздохнул, хотя вздох получился больше похож на тонкий свист.— Хлопотная и нудная работа, но это мой долг.

А у меня был свой долг. Я считал необходимым оставаться поблизости в течение всего времени изменения. Мой игравший на скачках приятель дал мне приют в обмен на мои советы и экспертизу прошедших заездов и благодаря этому проиграл очень мало.

Каждый день я под тем или иным предлогом встречался с Мэгги и замечал все более и более явные перемены. Волосы стали пушистее и легли волной, обещая завиться в золотые кудри.

Постепенно стал выступать подбородок, скулы становились тоньше и выше. Цвет глаз сместился к синему и с каждым днем становился все сочнее и сочнее, почти переходя в фиалковый. У век появился тонкий восточный разрез. Уши стали обретать изящную форму, и на них появились мочки. Фигура мало-помалу округлялась, а талия становилась тоньше. Знакомые были озадачены. Я сам слышал, как ее спрашивали:

— Мэгги, что ты с собой сделала? У тебя чудесные волосы, и ты вообще стала на десять лет моложе.

— Я ничего с собой не делала,— отвечала Мэгги. Она была озадачена, как и все остальные — кроме меня, разумеется.

Меня она спрашивала:

— Дядя Джордж, вы не находите, что я изменилась?

— Ты прекрасно выглядишь, Мэгги,— отвечал я,— но для меня ты всегда прекрасно выглядела.

— Может быть,— говорила Мэгги,— но для себя я никогда до последнего времени не выглядела хорошо. И я этого не понимаю. Вчера на меня уставился какой-то наглый молодой человек. Раньше они всегда старались проскочить мимо и прятали глаза, а этот — подмигнул. Меня это так поразило, дядя Джордж, что я даже ему улыбнулась.

Две-три недели спустя я встретил около ресторана ее мужа Октавиуса. Я стоял и изучал выставленное в окне меню. Поскольку он собирался зайти внутрь и заказать обед, у него не заняло много времени пригласить меня к нему присоединиться, а у меня заняло еще меньше времени это приглашение принять.

— У вас не слишком счастливый вид, Октавиус,— сказал я.

— Я действительно не слишком счастлив,— ответил он.— Я не знаю, что случилось с Мэгги в последнее время. Она так рассеянна, что почти меня не замечает. Она всегда хочет быть на людях. А вот вчера...

— Вчера? — переспросил я.— Что вчера?

— Вчера она попросила называть ее Мелисандой. Я же не могу называть Мэгги таким смешным именем — Мелисанда.

— А почему? Это имя ей дали при крещении.

— Но ведь она — моя Мэгги. А Мелисанда — это кто-то другой.

— Да, она слегка переменилась,— заметил я.— Вы не заметили, что она стала гораздо красивее?

— Да,— сказал Октавиус, как будто зубами лязгнул.

— Ведь это хорошо?

— Нет! — отрубил он еще резче.— Мне нужна моя простая Мэгги с ее смешным личиком. А эта новая Мелисанда все время возится со своими волосами, мажется тенями то такими, то этакими, меняет какие-то платья и лифчики, а со мной почти и не говорит.

До конца обеда он не сказал больше ни слова.

Я подумал, что мне стоит увидеться с Мэгги и поговорить с ней как следует.

— Мэгги,— сказал я.

— Мелисанда, если вам не трудно,— поправила она меня.

— Мелисанда,— повторил я,— похоже, что Октавиус несчастлив.

— И я тоже,— ответила она довольно едко.— Октавиус становится таким нудным. Он не хочет выходить из дому. Не хочет развлекаться. Ему не нравятся мои новые вещи, моя косметика. Что он, в конце концов, из себя строит?

— Ты сама его считала королем среди мужчин.

— Ну и дура была. Он просто маленький уродец, на которого смотреть противно.

— Ты же хотела стать красивой только для него.

— Что вы имеете в виду — «стать красивой»? Я и так красивая. И всегда была красивая. Мне просто надо было сменить прическу и научиться правильно накладывать косметику. И я не дам Октавиусу стать мне поперек дороги.

Так она и сделала. Через полгода они с Октавиусом развелись, а еще через полгода Мэгги — теперь Мелисанда — вышла замуж за поразительно внешне красивого человека с мерзким характером. Однажды я с ним обедал, и он так долго мялся, принимая счет,— я даже испугался, что мне придется принять его самому.

Октавиуса я увидел примерно через год после их развода. Он по-прежнему был неженат, поскольку вид у него был все тот же, и по-прежнему от его присутствия молоко скисало. Мы сидели у него дома, где всюду были развешаны фото Мэгги, прежней Мэгги, одно другого уродливее.

— Вы все еще тоскуете по ней, Октавиус,— сказал я.

— Ужасно,— ответил он.— Могу только надеяться, что она счастлива.

— Насколько я знаю, это не так. Она могла бы к вам вернуться.

Октавиус грустно покачал головой:

— Мэгги уже никогда ко мне не вернется. Может быть, ко мне хотела бы вернуться женщина по имени Мелисанда, но я бы ее не принял. Она не Мэгги — моей любимой Мэгги нет.

— Мелисанда,— заметил я,— красивее, чем Мэгги.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— А в чьих глазах? — спросил он. И сам ответил: — Только не в моих.

Больше я никого из них не видел.

Минуту мы сидели в молчании, а потом я сказал:

— Захватывающая история, Джордж. Вы меня тронули.

Более неудачный выбор слов в этой ситуации трудно было вообразить.

Джордж сказал:

— Это мне напомнило об одной вещи, старина,— не мог бы я одолжить у вас пять долларов этак на недельку? Максимум десять дней.

Я достал бумажку в пять долларов, поколебался и сказал:

— Джордж, ваша история того стоит. Возьмите насовсем. Это ваши деньги (в конце концов, любая ссуда Джорджу оборачивается подарком де-факто).

Джордж принял банкнот без комментариев и вложил его в изрядно потрепанный бумажник. (Он, наверное, был потрепан, еще когда Джордж его купил, потому что с тех пор не использовался.) А потом он сказал:

— Возвращаясь к теме: могу я одолжить у вас пять долларов на недельку? Максимум десять дней.

Я опешил:

— Но ведь у вас есть пять долларов!

— Это мои деньги,— сказал Джордж,— и вам до них дела нет. Когда вы у меня занимаете, разве я комментирую состояние ваших финансов?

— Да я же никогда...

Я осекся, вздохнул и дал Джорджу еще пять долларов.

Во время обеда Джордж был непривычно тих. Он даже не стал меня останавливать, когда я решился просветить его, рассказав несколько из многочисленных придуманных мной за последние дни острот. Он лишь слегка фыркнул на лучшую из них.

За десертом, горячий пирог с черникой, он тяжело вздыхал из самой глубины своего чрева, обдавая меня не слишком приятным напоминанием о съеденных за обедом омарах.

— В чем дело, Джордж? — спросил я наконец.— Вы чем-то озабочены.

— Меня иногда забавляет,— ответил Джордж,— ваша вот такая спонтанная чуткость. Обычно вы слишком глубоко уходите в свои писательские мыслишки, чтобы замечать страдания других.

— Но уж если мне удалось такое заметить,— настаивал я,— то пусть те усилия, которых это мне стоило, не пропадут зря.

— Я просто вспомнил своего старого приятеля. Бедняга! Виссарион Джонсон его звали. Полагаю, вы о нем ничего не слышали.

— И в самом деле не слышал,— сказал я.

— Увы, такова слава мирская, хотя, я думаю, нельзя пенять человеку за то, что его не знает личность с вашим ограниченным кругозором. Виссарион же был великим экономистом.

— Это вы нарочно,— сказал я.— Даже вы не позволите себе такой неразборчивости в знакомствах.

— Неразборчивости? Виссарион Джонсон был весьма почтенным и образованным человеком.

© Перевод М. Левина.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Я имею в виду всю профессию в целом как таковую. Мне рассказывали анекдот, как президент Рейган, работая над федеральным бюджетом, встретился с математическими трудностями и обратился к физику: «Сколько будет дважды два?» Физик немедленно ответил: «Четыре, мистер президент». Рейган немножко посчитал на пальцах, сбился и спросил у статистика: «Сколько будет дважды два?» Статистик подумал и дал следующий ответ: «Мистер президент, последние опросы среди учеников четвертых классов дают выборку ответов со средним значением, разумно близким к четырем». Но поскольку дело касалось бюджета, президент решил проконсультироваться у специалистов самого высокого класса. И поэтому он обратился к экономисту: «Сколько будет дважды два?» Экономист сдвинул темные очки на нос, быстро глянул по сторонам и спросил: «А сколько вам нужно, мистер президент?»

Если Джорджа и позабавила эта история, то он не показал этого ни словом, ни жестом. Вместо этого он сказал:

— Вы, мой друг, ничего не понимаете в экономике.

— Экономисты тоже, Джордж,— сказал я.

— Давайте я вам расскажу историю моего друга, экономиста Виссариона Джонсона. Это случилось несколько лет назад.

Виссарион Джонсон, как я вам уже сказал, был экономистом, достигшим почти что вершин своей профессии. Он окончил Массачусетский технологический институт и научился там писать зубодробительные уравнения недрогнувшим мелом.

Получив образование, он сразу вступил на стезю практической работы и благодаря тем фондам, которые были ему предоставлены многочисленными клиентами, глубоко изучил важность случайных колебаний в процессе дневных изменений на рынке ценных бумаг. Его искусство поднялось так высоко, что последующие его клиенты почти ничего не проигрывали.

Иногда он набирался смелости предсказывать, что на следующий день акции поднимутся или упадут в зависимости от того, будет ли обстановка благоприятной или неблагоприятной, и каждый раз такое предсказание попадало в точку.

Разумеется, в результате подобных триумфов он прославился как Шакал Уолл-стрит, и его советы ценились многими из наиболее известных охотников за длинным долларом.

Но он метил куда выше фондовой биржи, выше коммерческих махинаций, выше умения предсказывать будущее. Он хотел ни больше ни меньше как звания Главного экономиста Соединенных Штатов, или, как чаще называли этот пост, «экономического советника президента».

При ваших ограниченных интересах вряд ли можно ожидать от вас понимания, что такое — Главный экономист. Президент Соединенных Штатов обязан принимать решения, определяющие правительственные установления по торговле и труду. Он должен управлять движением денег и влиять на работу банков. Он должен налагать вето, затрагивающие сельское хозяйство, торговлю и промышленность. Он должен из налоговых поступлений отделять долю для военных и распределять остальное — если будет что. И по всем этим вопросам он обращается за консультацией к Главному экономисту.

И когда это происходит, Главный экономист должен ответить немедленно и в точности то, что хочет услышать от него президент. И выразить это должен теми самыми двусмысленными фразами, которыми президент будет потом представлять свое решение американской общественности. Когда вы начали свой анекдот про президента, физика, статистика и экономиста, я было подумал на минуту, что вы понимаете суть дела, однако ваше глупое хихиканье в конце обнаружило полное непонимание вопроса.

К сорока годам Виссарион достиг квалификации, достаточной для занятия любого, даже самого высокого поста. В холлах и кабинетах Института правительственной экономики давно уже стало широко известно, что за последние семь лет Виссарион Джонсон ни разу не сказал никому ничего такого, что его собеседник не хотел бы услышать. И более того, он прошел в КУВ на ура.

Не поднимая глаз от своей пишущей машинки, вы вряд ли слышали когда-нибудь о КУВ. Эта аббревиатура обозначает «Клуб уменьшающихся возвратов». На самом деле о нем знают очень немногие. Даже среди экономистов низшего ранга мало посвященных. Он представляет собой малый круг избранных, глубоко овладевших таинственным миром эзотерической экономики, или, как ее назвал один деревенщина-политик, «вудуистской экономики».

Хорошо известно, что никто, не входящий в КУВ, не может влиять на федеральное правительство, а любой входящий — может. Итак, когда довольно неожиданно умер председатель КУВ и организационный комитет предложил Виссариону занять этот пост, у того сердце замерло. Будучи председателем, он наверняка получил бы должность Главного экономиста при первой возможности и находился бы у самого истока и корня власти, двигая рукой президента именно так, как хотел бы сам президент.

Был, однако, некоторый момент, не дававший Виссариону покоя и приводивший его в замешательство. Ему требовалась помощь равного ему по интеллекту и проницательности человека, так что он, как и любой бы на его месте, обратился ко мне.

— Джордж,— сказал он,— стать председателем КУВ — это исполнение моих надежд и самых смелых мечтаний. Это открытые ворота славного пути экономического сикофанта, на котором я смогу потягаться с другим подтверждателем догадок президента — Главным ученым Соединенных Штатов.

— Вы имеете в виду научного советника президента?

— Да, если вы хотите употреблять неофициальные названия. Стоит мне стать председателем КУВ, и меня через два года наверняка сделают Главным экономистом. Однако...

— Однако? — переспросил я.

Виссарион сделал над собой видимое усилие:

— Я должен буду начать сначала. Клуб уменьшающихся возвратов был создан шестьдесят два года тому назад и получил свое имя в честь закона уменьшающихся возвратов, или уменьшающейся доходности, о котором слышал каждый экономист, как бы хорошо он ни был обучен. Первый президент клуба, весьма достойный человек, предсказавший серьезный спад на рынке ценных бумаг в ноябре тысяча девятьсот двадцать девятого года, был переизбираем на свой пост каждый год тридцать два раза подряд и умер в почтенном возрасте девяноста шести лет.

— Весьма похвально с его стороны,— сказал я.— Многие сдаются гораздо раньше, в то время как нужно лишь проявить решительность и целеустремленность, чтобы дожить до девяноста шести и даже больше.

— Второй наш председатель действовал почти столь же успешно и занимал этот пост шестнадцать лет. Он единственный, кто не стал Главным экономистом. Он этого заслуживал и был

назначен на этот пост Томасом И. Дьюи, но вот как-то... Наш третий председатель умер, пробыв на этом посту восемь лет, а четвертый — четыре года. Наш последний председатель, умерший в прошлом месяце, занимал свой пост два года. Вы здесь ничего не видите странного, Джордж?

— Странного? Они все умерли естественной смертью?

— Конечно.

— Ну, если принять в рассмотрение занимаемый ими пост, именно это и странно.

— Чушь,— сказал Виссарион несколько несдержанно.— Я прошу вас обратить внимание на время пребывания на посту каждого нашего председателя: тридцать два, шестнадцать, восемь, четыре и два.

Я на минуту задумался:

— Числа становятся все меньше и меньше.

— Не просто меньше. Каждое из них ровно половина от предыдущего. Можете мне поверить, я проверил у знакомого физика.

— Вы знаете, вы правы. Кто-нибудь еще заметил?

— Разумеется,— ответил Виссарион.— Я показал эти цифры моим сочленам по клубу, и они сказали, что эти цифры не имеют статистической значимости, если, конечно, президент не издаст указа по этому поводу. Но вы-то видите значимость? Если я приму пост председателя, я умру через год. Это непременно. А если так, то президенту будет крайне трудно назначить меня после этого на пост Главного экономиста.

— Да,— сказал я,— это действительно дилемма, Виссарион. Мне случалось видеть правительственных чиновников, не проявляющих никаких признаков жизни разума, но среди них не было не проявляющих признаков жизни вообще. Давайте я это денек обдумаю, ладно?

Мы договорились о встрече на следующий день в то же время и на том же месте. Это был прекрасный ресторан, и в отличие от вас Виссарион не жалел для меня корки хлеба.

Как вы говорите? Ладно, омаров по-ньюбургски он для меня тоже не жалел.

Это очевидным образом был случай для Азазела, и я чувствовал, что поступаю справедливо, когда поручаю эту работу моему двухсантиметровому демону с его сверхъестественными

возможностями. В конце концов, Виссарион не только был добрым человеком с хорошим вкусом насчет ресторанов. Я искренне считал, что он может сослужить огромную службу нашей нации, подтверждая мнения президентов и отвергая возражения специалистов, которые разбираются лучше. В конце концов, этих специалистов-то разве кто-нибудь выбирал?

Нельзя сказать, чтобы Азазел сильно обрадовался вызову. Он обратил на меня внимание только после того, как бросил то, что было у него в ручках. Предметы были слишком малы, чтобы я мог рассмотреть в деталях, но мне показалось, что это какие-то картонные прямоугольнички с любопытными рисунками.

— Ты! — сказал он, и его мордочка налилась сочным желтым цветом ярости. Он вертел хвостом как сумасшедший, а рожки на голове дрожали от прилива чувств.— Ты понимаешь ли, ты, умственно отсталая биомасса,— визжал он,— что ко мне наконец пришел зотхил, и не просто зотхил, а зотхил полный и с парой рейлов! Они все против меня ставили, и выигрыш был точно мой! Да я бы половину всего стола обчистил!

Я сурово сказал:

— Не понимаю, о чем ты говоришь, но это звучит так, как будто ты только что играл в азартные игры. Разве это достойно цивилизованного и утонченного существа? Что бы сказала твоя бедная матушка, увидев, как ты тратишь время своей жизни на азарт среди шайки бездельников?

Азазел, похоже, был ошеломлен. Потом он промямлил:

— Ты прав. У моих матушек сердце бы разбилось. У всех троих. Особенно у моей бедной средней матушки, что столь многим для меня пожертвовала.

И он разразился сопрановыми рыданиями, от которых не трепетала душа, но резало слух.

— Ну ладно, ладно,— успокаивал я его. Мне хотелось заткнуть уши, но я боялся его обидеть.— Ты можешь искупить свой грех, оказав благодеяние этому миру.

И я рассказал ему о Виссарионе Джонсоне.

— Хм,— сказал Азазел.

— Что это значит? — встревоженно переспросил я.

— Это значит «хм»,— огрызнулся Азазел.— Что это еще, по-твоему, может быть?

— Так ты считаешь, что все это чистое совпадение и что Виссариону не следует принимать его во внимание?

— Возможно — если бы не то, что это никак не может быть чистым совпадением и твоему Виссариону следует принять его во внимание. Случившееся должно быть проявлением закона природы.

— Какой тут может быть закон природы?

— Ты думаешь, что знаешь все законы природы?

— Да нет.

— Наверняка нет. Наш великий поэт Первосвят написал на эту тему очень тонкий куплет, который я, с присущим мне поэтическим даром, переведу на ваше варварское наречие.

Азазел прочистил горло, задумался и произнес:

> Натура — искусство сокрыто от Божьих детей,
> Ты не узришь никогда ея изощренных путей.

Я подозрительно спросил:

— А что это значит?

— Это значит, что здесь дело в законе природы, и мы должны разобраться, в чем он заключается и как с его помощью перестроить ткань событий согласно нашим целям. Вот что это значит. Ты думаешь, великий поэт моего народа стал бы лгать?

— Никогда. Так что мы можем сделать?

— Посмотрим. Законов природы, знаешь ли, очень много.

— В самом деле?

— Ты себе представить не можешь. Есть вот один очень симпатичный закон природы — чертовски красивое уравнение, если записать его в тензорах Вайнбаума,— определяющий связь температуры супа с тем, насколько быстро его надо доесть. Возможно, что, если такое странное убывание срока председания подчиняется тому закону, которому, как я думаю, оно подчиняется, я смогу изменить природу твоего друга таким образом, чтобы ему ничто на земле не могло повредить. Это, конечно, не защитит его от физиологического старения. То, что я собираюсь с ним сделать, не даст ему бессмертия, но он не умрет от болезни или несчастного случая, а этого, я думаю, достаточно.

— Полностью. А когда это будет сделано?

— Я пока не знаю точно. На этих днях я очень занят с одной юной особой женского пола моего вида, которая, похоже,

в меня втрескалась по уши, бедняжка.— Он зевнул, закрутил раздвоенный язычок винтом и раскрутил снова.— У меня намечается крупный недосып, но за два-три дня сделаю.

— Хорошо, а как я узнаю, что все сделано?

— Это просто,— ответил Азазел.— Подожди несколько дней и пихни своего приятеля под грузовик. Если он останется невредим, значит, моя работа удалась. А сейчас, если ты не против, я только доиграю этот единственный кон, а потом, с мыслью о моей бедной средней матушке, выйду из игры. Конечно с выигрышем.

Не думайте, что убедить Виссариона в его безопасности не потребовало массы хлопот.

— Ничто на земле мне не повредит? — все спрашивал он меня.— А откуда вы знаете, что мне ничто на земле не повредит?

— Знаю. Послушайте, Виссарион, я же не ставлю под сомнение ваши профессиональные знания. Когда вы мне говорите, что процентная ставка упадет, я же не начинаю придираться и спрашивать, откуда вы знаете.

— Ладно, это все хорошо, но ведь если я скажу, что процентная ставка упадет, а она будет продолжать расти — это бывает не чаще чем в половине случаев,— то будут задеты только ваши чувства. Если же я буду действовать в предположении, что мне ничто на земле повредить не может, а что-то меня все-таки заденет, то пострадают не только мои чувства. Это ведь я пострадаю.

С такой логикой спорить невозможно, но я продолжал спорить. Я постарался его уговорить хотя бы не отказываться прямо, а постараться отложить решение вопроса на несколько дней.

— Они никогда не пойдут на такую задержку,— упрямился он, но вдруг, откуда ни возьмись, выяснилось, что настала годовщина «черной пятницы» и КУВ погрузился в ежегодный традиционный трехдневный траур с молитвами по усопшим. Проволочка возникла сама по себе, и уже одно это навело Виссариона на мысль, что ему кто-то ворожит.

Потом случилось, что, когда он снова вышел на люди и мы с ним переходили улицу с сильным движением, я как-то (уже точно и не помню как) резко наклонился завязать шнурок, слу-

чайно потерял равновесие и упал на него, он тоже потерял равновесие, и тут же раздался адский визг шин и скрежет тормозов, и три машины сплющились в лепешку.

Но и Виссарион не остался совершенно невредимым: у него растрепались волосы, очки съехали на сторону, а на колене правой брючины появилось здоровенное масляное пятно.

Он, однако, не обратил на это внимания. Со сверхъестественным ужасом глядя на катастрофу, он бормотал:

— Не зацепило. Боже мой, даже не зацепило! Подумать только, не зацепило.

В тот же самый день он без плаща, без зонтика, без калош попал под дождь — холодный, мерзкий дождь — и не простудился. Даже не потрудившись вытереть волосы, он позвонил и дал согласие занять пост председателя.

Его правление было примечательно. Прежде всего он увеличил впятеро свою ставку гонорара без всяких дурацких разговоров об увеличении средней точности прогнозов и т. п. В конце концов, клиент не может требовать слишком многого. Мало того что он получает консультацию у профессионала, которому нет равных по престижу, так ему еще и советы подавай лучше, чем у других?

Во-вторых, он наслаждался жизнью. Никаких простуд, никаких вообще заразных заболеваний. Он переходил улицу, где хотел и когда хотел, не обращая внимания на светофоры, и при этом, надо сказать, катастрофы устраивал довольно редко. Он без колебаний заходил ночью в парк, а когда на улице хулиган приставил ему нож к груди и предложил произвести трансферт наличности, Виссарион просто двинул его ногой в пах и пошел дальше. Юный финансист был столь поглощен собственными ощущениями, что пренебрег необходимостью вовремя возобновить заявку.

В годовщину его председания я встретил его в парке. Он шел на торжественный обед, посвященный этому событию. Стоял дивный денек бабьего лета, и, когда мы сели рядом на парковую скамейку, оба были спокойны и довольны.

— Джордж,— сказал он,— у меня был счастливый год.

— Приятно слышать,— ответил я.

— У меня репутация, которой мог бы позавидовать любой экономист всех времен и народов. Только в прошлом месяце я предупреждал, что «Лапша анлимитед» должна будет слиться с «Ушным эликсиром», и, когда они образовали компанию «Лап Ушка», все восхищались, как я почти предсказал результат.

— Помню, как же,— отозвался я.

— А теперь — я рад, что могу сказать вам первому...

— О чем, Виссарион?

— Президент попросил меня стать Главным экономистом Соединенных Штатов, и я достиг предела своих мечтаний и дерзновений. Вот, смотрите!

Он достал плотный конверт, у которого в углу стоял внушительный штамп «Белый дом». Я его открыл, и в это время раздалось какое-то странное «дзин-н-нь», как будто пуля свистнула мимо уха, и краем глаза я увидел что-то вроде вспышки.

Виссарион раскинулся на скамейке, спереди на рубашке расплескалась кровь, и был он мертв. Кто-то из прохожих остановился, кто-то вскрикнул и поспешил прочь.

— Вызовите врача! — крикнул я.— Вызовите полицию!

Они в конце концов приехали и вынесли вердикт, что он был застрелен прямо в сердце из пистолета неизвестного калибра каким-то сумасшедшим снайпером. Ни снайпера, ни пули не нашли. К счастью, оказались свидетели, видевшие, что я ничего, кроме конверта, в руках не держал и потому чист от всяких подозрений. Иначе я мог иметь массу неприятностей.

Бедняга Виссарион!

Он пробыл председателем точно один год, как он и опасался, но Азазел не был виноват. Он обещал только, что Виссариону ничто на земле на повредит, однако, как сказал Гамлет, «на небе и земле есть многое, друг Горацио, чего на земле нет».

Раньше чем прибыли врачи и полиция, я заметил маленькую дырочку в деревянной спинке скамейки за спиной Виссариона. Перочинным ножиком я выковырял оттуда маленький темный предмет. Он был еще теплым. Через несколько месяцев я показал его в музее и понял, что был прав. Это был метеорит.

Короче говоря, Виссарион не был убит никаким земным предметом. Он — первый в истории человек, убитый метеоритом. Я об этом никому не рассказывал, поскольку Виссарион был человеком скромным, и подобная известность его бы не

порадовала. Она затмила бы все его великие работы по экономике, а этого я допустить не мог.

Но каждый год в юбилей его взлета и его смерти я вспоминаю его и думаю: «Бедный Виссарион! Бедный Виссарион!»

Джордж промокнул глаза платком, а я сказал:

— А что случилось с его преемником? Он должен был удержаться на посту полгода, а следующий — три месяца, а следующий...

— Не надо, мой друг, угнетать меня своим знанием высшей математики,— сказал Джордж.— Я не из ваших страдальцев-читателей. Ничего подобного не случилось, поскольку клуб сам сменил закон природы.

— Да? А как?

— Им стукнуло в голову, что название клуба — Клуб уменьшающихся возвратов — и есть то зловещее имя, что управляет сроками власти председателей. И они просто сменили название КУВ на КСР.

— А что значат эти буквы?

— Клуб случайного распределения, конечно,— сказал Джордж,— и следующий председатель уже занимает свой пост около десяти лет и все пребывает в добром здравии.

Тут как раз вернулся официант со сдачей, и Джордж, поймав ее в свой платок, небрежным и одновременно величественным жестом положил платок с деньгами в нагрудный карман, встал и, весело махнув рукой, вышел.

УГАДЫВАНИЕ МЫСЛИ

В то утро мной овладело философское настроение. Покачивая головой от грустных воспоминаний, я сказал:

— «Искусства нет, чтоб мысль с лица считать». Этому человеку я доверял безоглядно.

Было довольно прохладное воскресное утро. Мы с Джорджем сидели за столом в местной пирожковой, и Джордж, помню, заканчивал второй солидный пирог, хорошо начиненный сливочным сыром и форелью.

— Это чего-нибудь из рассказов, которые вы имеете привычку всучивать наиболее неразборчивым редакторам? — спросил он.

— Вообще-то это Шекспир,— ответил я.— Из «Макбета».

— Ах да, я забыл вашу приверженность мелкому плагиату.

— Выразить свою мысль подходящей цитатой — это не плагиат. Я хотел сказать, что у меня был друг, которого я считал человеком со вкусом и умом. Я его угощал обедами. Я иногда ссужал его деньгами. Я хвалил его внешность и характер. И обратите внимание, я это делал, совершенно не имея в виду, что этот человек по профессии — литературный критик, если это можно назвать профессией...

Джордж перебил:

— И несмотря на все эти ваши бескорыстные действия, пришло время, когда этот друг написал рецензию на одну из ваших книг и раздраконил ее немилосердно.

— А вы,— спросил я,— видели эту рецензию?

© Перевод М. Левина.

— Никоим образом. Я просто спросил себя, какой отзыв могла получить ваша книга, и правильный ответ пришел ко мне как озарение.

— Да вы поймите, Джордж, пусть бы он написал, что книга плохая — я бы отреагировал не сильнее, чем реагирует на такие идиотские замечания любой другой автор. Но когда он употребляет выражение «старческое слабоумие» — это уже слишком. Сказать, что книга предназначена для восьмилетних, но им вместо ее чтения лучше поиграть в кубики,— это удар ниже пояса.— Я вздохнул и повторил:— «Искусства нет, чтоб мысль...»

— Это вы уже говорили,— сразу отозвался Джордж.

— Он был такой дружелюбный, такой компанейский, так был благодарен за эти маленькие одолжения. Откуда я мог знать, что под этой личиной таится злобная, коварная змея.

— Но ведь он — критик,— возразил Джордж.— Кем же ему еще быть? В обучение критика входит искусство охаять родную мать. Даже почти невероятно, что вас так до смешного просто обдурили. Вы переплюнули даже моего друга Вандевантера Робинсона, а он, если честно сказать, был кандидатом на Нобелевскую премию по наивности. С ним был любопытный случай...

— Вот, смотрите,— сказал я,— вот рецензия в «Нью-Йоркском книжном обозрении» — пять колонок горькой желчи, яда и слюны бешеной собаки. Мне не до ваших историй, Джордж.

А я думаю, что вы будете слушать, так сказал Джордж, и это будет правильно. Это вас отвлечет от последствий вашей непоследовательности. Мой друг Вандевантер Робинсон был молодым человеком, которого каждый назвал бы многообещающим. Он был красивой, образованной, культурной и творческой личностью. Он учился в лучшем колледже и был счастливо влюблен в очень милое юное создание по имени Минерва Шлумп.

Минерва была одной из моих крестниц и очень меня любила, что вполне объяснимо. Конечно, человек моего морального уровня не любит позволять юным дамам выдающихся пропорций обнимать себя или вешаться на шею, но Минерве, с ее детской невинностью и, самое главное, такой упругой на ощупь, я это разрешал.

Разумеется, я никогда не позволял ей этого в присутствии Вандевантера, ревнивого до глупости.

Однажды он объяснил этот свой недостаток в таких выражениях, которые тронули мое сердце.

— Джордж,— сказал он,— с самого детства я мечтал полюбить женщину в высшей степени добродетельную, женщину нетронутой чистоты, женщину — да позволено мне будет употребить это слово — с фарфоровым сиянием невинности. И в Минерве Шлумп — осмелюсь прошептать это божественное имя — я как раз и нашел такую женщину. Это тот единственный случай, когда я знаю, что меня не предадут. Если бы здесь мое доверие было обмануто, я не знал бы, как мне дальше жить. Я бы стал стариком с разбитым сердцем, без единого утешения, если не считать такой золы и суеты, как особняк, слуги, клуб и полученные в наследство деньги.

Бедняга. Юная Минерва его не обманывала — я это хорошо знал, поскольку, когда она сиживала у меня на коленях, я мог с уверенностью сказать, что в ней не было ни малейшего следа порока. Но боюсь, что это был единственный человек, или единственный пункт, или единственный случай, когда он не был обманут. У бедного молодого человека не было вообще никакой критичности. Он был, грубо говоря, так же глуп, как вы. Ему не хватало искусства считывать мысли... я знаю, вы уже это говорили. Да, дважды, дважды.

Особенно осложняло его жизнь то обстоятельство, что он был начинающим сыщиком в нью-йоркской полиции.

Эта работа была целью его жизни (помимо цели найти совершенную даму). Быть одним из тех остроглазых, ястребиноносых джентльменов, кои являют собою повсеместно ужас для злодеев. С этой целью он изучал криминологию в Гротоне и в Гарварде и внимательнейшим образом прорабатывал все отчеты, когда-либо доверенные бумаге такими авторитетами, как сэр Артур Конан Дойль и леди Агата Кристи. Все это вместе, в сочетании с нещадным использованием влияния семьи и тем, что его родной дядя некогда был главой муниципалитета Квинса, привело к его назначению в полицию.

К сожалению — чего никак нельзя было ожидать,— он не преуспел. Непревзойденный в умении плести тончайшую цепь доказательств с использованием собранных другими показаний, он оказался совершенно неспособным снимать показания сам.

Трудность состояла в том, что у него была невероятная способность верить всему, что слышит. Любое алиби, самое дурац-

кое, сбивало его с толку. Любому заведомому мошеннику достаточно было дать честное слово — и Вандевантер уже не был способен даже на сомнение.

Это стало настолько известным, что все преступники, от мелких карманников до крупных политиков и промышленников, отказывались от допросов у других следователей.

— Приведите Вандевантера! — кричали они.

— Я ему расскажу все, как на духу! — говорил карманник.

— Я ознакомлю его с фактами, расположенными в должной последовательности мною лично,— говорил политик.

— Я объясню, что этот правительственный чек на сто миллионов долларов случайно лежал у меня в ящике с мелочью, а мне как раз надо было дать на чай чистильщику сапог,— говорил промышленник.

В результате он разваливал все, к чему прикасался. Он отличался абсолютной леворукостью — выражение, придуманное одним моим грамотным приятелем. Конечно, не помните — я имею в виду не вас. Я ведь сказал «грамотным приятелем».

Шли месяцы, нагрузка в судах падала, а бесчисленные громилы, мошенники и рецидивисты возвращались в объятия родственников и друзей без малейшего пятнышка на репутации.

Естественно, Нью-Йорк довольно быстро оценил ситуацию и раскопал причину. Вандевантер проработал всего два с половиной года, как заметил, что товарищи, к которым он привык, его избегают, а начальство встречает его недовольной и озадаченной гримасой. О повышении даже и речи не было, хотя Вандевантер при всех казавшихся ему удобными случаях поминал своего дядю — главу администрации.

Он пришел ко мне, поскольку молодым людям в трудную минуту свойственно обращаться за помощью и советом к мудрым мира сего... не понимаю, что вы имеете в виду, когда спрашиваете, кого я мог бы рекомендовать. Пожалуйста, не отвлекайте меня на посторонние темы.

— Дядя Джордж,— сказал он,— похоже, что я влип в полосу затруднений.

Он всегда называл меня «дядя Джордж» под впечатлением моего достойного и блестяще-благородного вида, сообщаемого мне ухоженными белыми манжетами — не то что эти ваши сомнительные запонки.

— Дядя Джордж,— продолжал он,— меня ни за что не хотят повышать по службе. Я все еще начинающий детектив нулевого класса. Мой кабинет посреди коридора, а ключ от уборной не подходит к замку. Мне это безразлично, но моя дорогая Минерва с ее безыскусной неиспорченностью может посчитать, что я — неудачник, и ее маленькое сердце при этой мысли просто разрывается. Она говорит: «Я не хочу выходить за неудачника. Надо мной смеяться будут»,— и у нее губы дрожат.

Я спросил:

— Мой милый Вандевантер, у ваших неприятностей есть какая-нибудь причина?

— Никакой. Для меня это абсолютная загадка. Признаю, что я не раскрыл ни одного преступления, но я не думаю, что дело в этом. Никто же не ждет, что все они будут раскрываться.

— А другие детективы раскрывают хоть малую толику дел?

— Время от времени бывает, но их способ действия вызывает у меня глубокий шок. У них такое мерзкое чувство недоверия, такой разъедающий скептицизм, такая манера смотреть на подозреваемого и цедить сквозь зубы: «Вы подумайте!» Или: «Расскажите вашей бабушке!» Это унижает людей. Это... это не по-американски.

— А может быть, что такие подозреваемые говорят неправду, и к ним следует отнестись со скептицизмом?

Вандевантер на мгновение опешил:

— Вы знаете, я думаю, что это возможно. Какая ужасная мысль!

— Ладно,— сказал я.— Я подумаю, что можно сделать.

Тем же вечером я вызвал Азазела — двухсантиметрового демона, который мне пару раз помог за счет присущей ему волшебной силы. Я вам про него никогда не говорил... Ах, говорил? Что, в самом деле говорил? Ну ладно. Он появился в маленьком круге слоновой кости на моем столе, когда я сжег по периметру этого круга специальные снадобья и произнес несколько древних заклинаний — к сожалению, не могу посвятить вас в детали.

Он появился одетый в длинную ниспадающую мантию — длинную, по крайней мере, в сравнении с двумя сантиметрами,

коими измеряется его рост от основания хвоста до кончиков рогов. Одну руку он простер вверх и что-то быстро говорил визгливым голосом, помахивая хвостом.

Ясно, что он находился в процессе какой-то церемонии. Он из тех созданий, которых всегда занимают несущественные подробности. Мне никогда не удавалось его застать в состоянии спокойного отдыха или достойного ничегонеделания. Он всегда занят какой-нибудь несвоевременной ерундой и страшно злится, когда я его отрываю. Однако на этот раз он меня сразу признал и улыбнулся. По крайней мере, я думаю, что он улыбнулся, потому что черты его лица рассмотреть трудно, а когда я однажды взял для этого лупу, он безмерно оскорбился.

— Отлично,— сказал он.— Такая перемена меня устраивает. Речь была отличная, и я уверен в успехе.

— Успехе в чем, о Великий? Ведь успех, несомненно, сопровождает все твои начинания.

(У него слабость к такой грубой лести. В этом смысле он как-то забавно напоминает вас.)

— Я прохожу на правительственный пост,— сказал он довольно.— Меня должны выбрать мырдоловом.

— Могу ли я почтительно просить снизойти к моему невежеству и объяснить мне, что такое мырд?

— А, это такое мелкое домашнее животное, которое у нас разводят для забавы. У некоторых этих мырдов нет лицензии, и мырдолов их отлавливает. У этих мелких зверьков звериная хитрость и отчаянная храбрость, и заниматься этим должен кто-то с интеллектом и мощью — любой другой провалит дело. Тут некоторые фыркали и говорили: «Азазел? Да его разве можно выбирать мырдоловом?» — но я им покажу, что справлюсь. Так чем я могу тебе помочь?

Я объяснил ситуацию, и Азазел страшно удивился:

— Ты говоришь, что в твоем ничтожном мире особь не может определить, соответствует ли объективной истине утверждение, сделанное другой особью?

— У нас есть такое устройство, называется «детектор лжи»,— объяснил я.— Он измеряет кровяное давление, электрическую проводимость кожи и тому подобное. Он может определить ложь, но с тем же успехом определяет нервозность и напряжение, принимая их за ложь.

— Это понятно, но ведь есть же тонкие параметры функционирования желез, свойственные любой особи, по которым всегда можно определить ложь,— или это вам неизвестно?

Я уклонился от этого вопроса.

— Есть ли способ дать возможность детективу нулевого класса Робинсону определять эти параметры?

— Без ваших громоздких машин? Только средствами собственного разума?

— Да.

— Ты должен понять, что ты просишь меня воздействовать на разум особи твоего вида. Разум большой, но крайне примитивный.

— Я это понимаю.

— Ладно, я попробую. Ты должен отнести меня к нему или привести его сюда, чтобы я мог его исследовать.

— Конечно.

И так и было сделано.

Вандевантер пришел ко мне через месяц с изумленным выражением лица.

— Дядя Джордж,— сказал он,— со мной произошла необычайнейшая вещь. Я допрашивал молодого человека, подозреваемого в ограблении винного магазина. Он как раз рассказывал мне подробности, как он проходил мимо магазина, глубоко задумавшись о своей бедной матушке, что страдала от страшной головной боли после полбутылки джина. Он зашел в магазин проконсультироваться, разумно ли пить джин сразу после такого же количества рома, как вдруг владелец без всякого видимого повода сунул ему в руку пистолет и начал запихивать к нему в карманы содержимое кассы — а молодой человек изумлялся и брал,— и как раз в эту минуту вошел полисмен. Молодой человек предполагал, что владелец хотел как-то расплатиться за страдания, причиненные его (владельца) товаром его (молодого человека) бедной матушке. Вот он мне это рассказывает, а мной вдруг овладевает странное чувство, что он... э-э... выдумывает.

— В самом деле?

— Да. Очень забавное чувство.— Вандевантер понизил голос до шепота.— Мне каким-то образом стало известно не только то, что молодой человек вошел в магазин уже с пистолетом, но и то, что у его матушки вообще не болела голова. Вы мо-

жете себе представить, чтобы кто-то плел небылицы о родной матери?

Тщательное исследование показало, что Вандевантер был прав во всех отношениях. Молодой человек действительно говорил неправду о родной матери.

С этого момента способности Вандевантера неуклонно росли. За месяц он превратился в искусную, проницательную, безжалостную машину обнаружения лжи.

Весь департамент с возрастающей заинтересованностью наблюдал, как одна за другой проваливались попытки подозреваемых обвести Вандевантера вокруг пальца. Ни одна история о глубокой погруженности в молитву и чисто машинальном вскрытии при этом несчастного сейфа не могла выдержать его беспощадной логики допроса. Адвокаты, инвестировавшие доверенные им деньги сирот в обновление собственных офисов — совершенно случайно, по ошибке,— быстро выводились на чистую воду. Бухгалтеры, по недосмотру вычитавшие номер телефона из графы «налог к уплате», ловились на собственных противоречиях. Торговцы наркотиками, только что подобравшие пятикилограммовые пакеты с героином в ближайшем кафе и искренне принимавшие его за сахар, сдавались под напором неопровержимых аргументов.

Вандевантер Победоносный — так называли его теперь, и даже сам комиссар под аплодисменты всего отделения вручил ему настоящий ключ от уборной, не говоря уже о том, что его офис перенесли в начало коридора.

Я уже поздравлял себя с тем, что все отлично и что вскоре Вандевантер, убедившись в своем успехе, женится на Минерве Шлумп, как вдруг явилась сама Минерва.

— О дядя Джордж,— прошептала она с ужасом, покачивая всем своим упругим телом и падая ко мне на грудь. От страха она была на грани истерики.

Я подхватил ее, прижал к себе и минут пять-шесть выбирал стул, чтобы усадить ее поудобнее.

— Что случилось, моя милая? — спросил я, медленно сгружая ее с себя и оправляя на ней одежду на случай, если бы в ней был непорядок.

— Дядя Джордж,— сказала она, и в ее красивых глазах показались слезы.— Вандевантер.

— Я надеюсь, он не шокировал тебя непристойными или неуместными предложениями?

— О нет, дядя Джордж. Он слишком хорошо воспитан, чтобы делать такие вещи до свадьбы, хотя я ему осторожно объяснила, что вполне понимаю, какое влияние оказывает на поведение молодых людей гормональная сфера, и что я вполне готова простить его, если он не сможет этому влиянию противостоять. Но он держит себя под контролем.

— Так в чем же дело, Минерва?

— Ах, дядя Джордж, он расторг нашу помолвку.

— Это невероятно. Нет людей, которые друг другу подходили бы больше. Почему?

— Он сказал, что я... что я из тех женщин, которые говорят... говорят не то, что есть.

Мои губы невольно произнесли:

— Лгунья?

Она кивнула:

— Это мерзкое слово не слетело с его губ, но именно это он имел в виду. Только сегодня утром он смотрел на меня взглядом тающего обожателя и спрашивал: «Любимая, всегда ли ты была мне верна?» И я ответила, как всегда: «Как верен солнцу луч его, как верен розе лепесток ее». И тут у него глаза сузились, и взгляд их полоснул меня как нож. Он сказал: «Так. Твои слова не соответствуют действительности. Ты меня дурачишь». Меня как будто ударили по голове. Я спросила: «Вандевантер, милый, что ты говоришь?» Он ответил: «То, что ты слышишь. Я в тебе ошибался, и мы должны расстаться навеки». И ушел. Что же мне делать? Дядя Джордж, что мне теперь делать? Где мне найти другого такого перспективного жениха?

Я задумчиво сказал:

— Вандевантер обычно не ошибается в таких вещах — по крайней мере последние месяца полтора. Ты бывала ему неверна?

У нее на щеках вспыхнул застенчивый румянец.

— Не по-настоящему.

— Насколько по-ненастоящему?

— Два-три года тому назад, когда я была всего лишь неопытной семнадцатилетней девушкой, я целовалась с одним молодым человеком. Я его крепко держала, но только чтобы он не убежал, а не потому, что он мне сколько-нибудь нравился.

— Понимаю.

— Это был не очень приятный опыт. Не очень. И когда я познакомилась с Вандевантером, я удивилась, насколько приятнее целоваться с ним, чем с тем, другим, раньше. Ну и я, конечно, захотела проверить, что это так и есть. И при наших с Вандевантером отношениях я иногда — только в чисто научных целях, дядя Джордж,— целовалась с другими, чтобы еще раз убедиться, как ни один из них сравниться не может с моим Вандевантером. Я могу вас заверить, дядя Джордж, что я им предоставляла возможность для поцелуев любого стиля, не говоря уже о пожатиях и объятиях,— и ни один из них, никогда, ни в чем не мог сравниться с Вандевантером. А теперь он говорит — я была неверна.

— Это смешно,— сказал я.— Дитя мое, с тобой поступили нечестно.— Я поцеловал ее раза четыре или пять и спросил: — Видишь, ведь эти поцелуи совсем не так тебя радуют, как поцелуи Вандевантера?

— Давайте посмотрим,— сказала она и горячо поцеловала меня еще четыре или пять раз с величайшей искусностью.— Конечно нет! — заявила она.

— Мне надо с ним увидеться,— сказал я.

Тем же вечером я пришел к нему на квартиру. Он задумчиво сидел у себя в гостиной, заряжая и разряжая револьвер.

— Вы,— сказал я,— несомненно, замышляете самоубийство.

— Никогда,— ответил он с деланым смехом.— С какой стати? Из-за потери фальшивого бриллианта? Из-за лгуньи? Я с ней отлично разобрался, скажу я вам.

— И скажете неправду. Минерва всегда была вам верна. Ни ее руки, ни ее губы, ни ее тело никогда не соприкасались ни с чьими руками, ни с чьими губами, ни с чьим телом, кроме ваших рук, ваших губ, вашего тела.

— Я знаю, что это не так,— сказал Вандевантер.

— А я вам говорю, что это так,— настаивал я.— Я говорил с этой плачущей девой долго, и она рассказала мне самый страшный секрет своей жизни. Однажды она целовалась с молодым человеком. Ей было пять лет, а ему шесть, и с тех самых пор ее снедает неумолимое раскаяние за это мгновение любовного безумия. Никогда с тех пор не повторилась подобная недостойная сцена, и это мучительное воспоминание вы и обнаружили.

— Вы говорите правду, дядя Джордж?

— Посмотрите на меня своим проницательным и безошибочным взглядом, я повторю вам слово за словом, а потом *вы* скажете мне, правду ли я говорю.

Я повторил весь рассказ, и он удивленно сказал:

— Дядя Джордж, вы говорите точную и буквальную правду. Как вы думаете, Минерва когда-нибудь меня простит?

— Конечно,— сказал я.— Покайтесь перед ней и продолжайте упражнять вашу проницательность на всех отбросах любой винной лавки, любого совета директоров и любого департамента, но никогда — слышите, никогда! — не обращайте свои испытующие глаза на любимую вами женщину. Совершенная любовь — это совершенное доверие, и вы должны верить ей — совершенно.

— Я буду, я буду! — закричал он.

И с тех пор так оно и идет. Он теперь самый известный детектив во всей полиции, его повысили до детектива половинного класса и дали офис в цоколе рядом с прачечной. Он женился на Минерве, и они живут в идеальном согласии.

Она наслаждается поцелуями Вандевантера снова и снова до полного экстаза. Бывает, что она нарочно проводит целую ночь с кем-нибудь, кто кажется перспективным объектом исследования, но результат всегда один и тот же. Вандевантер лучше всех. У нее два сына, и один из них немного похож на Вандевантера.

И вот чего, старина, стоят все ваши слова о том, что наши с Азазелом труды всегда приносят несчастье.

— Вы знаете,— начал я,— если верить вашему рассказу, то вы лгали, когда говорили Вандевантеру, что Минерва никогда не касалась другого мужчины.

— Я лгал во спасение невинной юной девы.

— Но как же Вандевантер не распознал этой лжи?

— Я полагаю,— сказал Джордж, стирая с губ сливочный сыр,— что здесь все дело в моем неколебимом внешнем достоинстве.

— А у меня другая теория,— сказал я.— Я полагаю, что ни вы, ни ваше кровяное давление, ни электропроводность вашей кожи, ни тончайшие гормональные реакции уже не могут сами различить разницу между тем, что правдиво, и тем, что нет, а потому никто не может этого сделать на основании данных, полученных от изучения вас как объекта.

— Это даже не смешно,— сказал Джордж.

Мы с Джорджем глядели на другой берег реки, где раскинулся студенческий городок, и Джордж, наевшийся за мой счет до отвала, впал в слезливые воспоминания.

— Ах, студенческие годы, студенческие годы! — со стоном выдохнул он.— Разве есть в жизни хоть что-нибудь, что может вас заменить?

Я в удивлении уставился на него:

— Только не говорите мне, что вы учились в колледже!

Он смерил меня взглядом:

— Да понимаете ли вы, что я был величайшим из президентов, кто когда-либо возглавлял братство Фи Фо Фум?

— Но как вы заплатили за учебу?

— Стипендии, пособия. Меня ими просто завалили после того, как я показал свою доблесть в битвах за столом, когда мы праздновали наши победы в женских общежитиях. И еще — состоятельный дядя.

— Я не знал, что у вас был состоятельный дядя, Джордж.

— После тех шести лет, что мне понадобились на освоение программы для отстающих,— уже, увы, не было. Если и был, то не в таких количествах. Все деньги, что у него еще оставались, он оставил приюту нуждающихся кошек, сделав в своем завещании несколько таких замечаний на мой счет, что мне не хочется их повторять. И началась у меня жизнь печальная и безрадостная.

— Когда-нибудь,— сказал я,— в очень отдаленном будущем, вы мне расскажете о ней, не опуская никаких подробностей.

© Перевод М. Левина.

— Однако,— продолжал Джордж,— память о светлых студенческих годах озаряет время моей жизни золотым и жемчужным сиянием. Пару лет назад мои воспоминания вспыхнули ярче, когда мне пришлось снова навестить кампус университета Тэйта.

— Они позвали вас обратно? — спросил я, почти успешно пытаясь скрыть ноту недоверия в голосе.

— Я думаю, они собирались это сделать,— сказал Джордж,— но на самом деле я вернулся по просьбе моего дорогого друга, товарища студенческих лет, старины Антиоха Шнелля.

Так как вы, я вижу, заинтересовались этой историей, так говорил Джордж, то давайте я вам расскажу про старину Антиоха Шнелля. В старое время мы с ним были неразлучными приятелями, с моим верным Ахиллесом (хоть я и не знаю, зачем рассыпаюсь в античных аллюзиях перед такой, как вы, деревенщиной). Даже и теперь, хотя он состарился куда заметнее меня, я вспомнил, когда его увидел, как мы гонялись за золотыми рыбками, набивались на пари в телефонные будки и умели одним поворотом руки стягивать трусики со счастливо визжащих однокурсниц с ямочками на щеках. Короче говоря, наслаждались всеми благами образования. Поэтому, когда Антиох позвал меня посетить его по вопросу чрезвычайной важности, я приехал немедленно.

— Джордж,— сказал он,— дело касается моего сына.

— Молодого Артаксеркса Шнелля?

— Именно так. Он сейчас второкурсник университета Тэйта, и с ним там не все в порядке.

Я прищурился:

— Он связался с дурной компанией? Залез в долги? Попался на удочку потрепанной официантке из пивного бара?

— Хуже, Джордж! Гораздо хуже! — с трудом выговорил Антиох Шнелль.— Он мне сам никогда этого не говорил — духу не хватило,— но ко мне пришло возмущенное письмо от его однокурсника, написанное строго конфиденциально. Старый мой друг, Джордж, мой сын — а, ладно! Назову вещи своими именами. Джордж, он изучает вычислительную математику!

— Изучает вычис...

Я был не в силах это повторить.

Старый Антиох Шнелль безнадежно и горестно кивнул:

— И еще политологию. Он ходит на занятия, и его видели с книгой.

— О боже! — только и мог я произнести.

— Я не могу поверить такому про моего сына, Джордж. Если бы об этом услышала его мать, ее бы это убило. Она очень чувствительна, Джордж, и у нее слабое сердце. Я заклинаю тебя старой дружбой, съезди в университет Тэйта и выясни, в чем дело. Если его заманили стипендией, приведи его в чувство как-нибудь — не для меня, а ради его бедной матушки и его самого.

Я, со слезами на глазах, схватил его за руку.

— Да не остановит меня ничто,— произнес я.— Никакая сила земная не свернет меня с пути к святой цели. Я для нее потрачу последнюю каплю крови своей — кстати, о тратах: выпиши-ка мне чек, старина.

— Чек? — дрогнувшим голосом переспросил Антиох Шнелль, всю жизнь бывший чемпионом по скорости застегивания бумажника.

— Отель,— сказал я,— еда, питье, расходы на представительство — я имею в виду часвые,— инфляция и накладные расходы. Слушай, старик, это все-таки твой сын, а не мой.

В конце концов я получил свой чек и сразу по прибытии в университет Тэйта, почти сразу, организовал себе встречу с юным Артаксерксом. Я только и успел, что хорошо пообедать, отведать превосходного бренди, как следует выспаться, со вкусом, не спеша, позавтракать — после чего сразу зашел к нему в комнату.

Это был шок. Полки вдоль каждой стены, и на них не безделушки для красоты, не бутылки с питательной смесью, наполненные искусством винодела, не фотографии победительных дам, где-то забывших свою одежду, но книги. Одна из них, бесстыдно раскрывшись, валялась прямо на столе, и он ее листал, я уверен, как раз перед моим приходом. У него на пальце темнело подозрительное пятно, и он неуклюже пытался спрятать руку за спиной.

Но сам Артаксеркс был поражен еще больше. Он узнал во мне старого друга семьи. Мы девять лет не виделись, но эти годы не изменили моего благородного облика. Артаксеркс же де-

вять лет назад был ничем не примечательным мальчишкой десяти лет, а теперь его было не узнать — он стал ничем не примечательным девятнадцатилетним юношей. Он еле-еле дотягивал до пяти футов пяти дюймов, носил большие круглые очки и имел отрешенный вид.

— Сколько ты весишь? — внезапно для себя самого спросил я.

— Девяносто семь фунтов,— отвечал он.

Я смотрел на него с чувством сердечной жалости. Девяносто семь фунтов очкастого хиляка. Лучшей мишени для брезгливости и омерзения просто не придумать.

Но сердце мое смягчилось, и я подумал: «Бедный, бедный мальчик! С таким телом можно ли заниматься чем бы то ни было, что дает хорошую основу для образования? Футбол? Баскетбол? Бокс? Борьба? Драка? Там, где другие юноши кричат: "Сарай наш, и теперь делаем по-своему! Мы теперь музыку заказываем!" — что мог сделать он? С такими легкими он мог разве что пискнуть фальцетом!»

Естественно, что он против воли был вынужден скатиться к позору. Я мягко, почти нежно, спросил:

— Артаксеркс, мальчик мой, это правда, что ты изучаешь вычислительную математику и политологию?

Он кивнул:

— И еще антропологию.

Я проглотил восклицание отвращения:

— И правда, что ты ходишь на занятия?

— Да, сэр, простите меня. И в конце года, боюсь, мне не избежать похвального листа.

У него в уголке глаза задрожала слеза, и по этому признаку я с надеждой отметил, что он хотя бы сознает глубину своего падения.

Я сказал:

— Дитя мое, не можешь ли ты даже теперь отвернуться от порока и возвратиться к чистой и безмятежной жизни студента?

— Не могу.— Он всхлипнул.— Я слишком далеко зашел. Мне уже никто не поможет.

Я попытался ухватиться за соломинку.

— Нет ли в этом колледже достойной женщины, что могла бы взять тебя в свои руки? Любовь достойной женщины в былые времена творила чудеса и может сотворить их снова.

У него загорелись глаза. Ясно было, что я нащупал нерв.

— Филомела Крибб,— выдохнул он.— Она солнце, луна и звезды, озаряющие лучами гладь вод души моей.

— Ага! — сказал я. За этими сдержанными словами я ощутил скрытое чувство.— Она об этом знает?

— Как я могу открыться ей? Да вес ее презрения меня раздавит.

— А если тебе бросить учить вычислительную математику, чтобы не быть столь презренным?

Он покачал головой:

— Я слишком слабоволен.

Оставив его в покое, я решил разыскать Филомелу Крибб.

Это не заняло много времени. В учебной части я узнал, что она усиленно занимается в команде болельщиков-разрядников с уклоном в хоровую декламацию. Я нашел ее в студии подготовки болельщиков.

Терпеливо выждав, когда закончится ритмика по топанью ногами и мелодика ободрительных визгов, я попросил показать мне Филомелу. Она оказалась блондинкой среднего роста, дышала здоровьем и испариной, а при взгляде на ее фигуру у меня губы сами собой сложились сердечком. Да, в душе Артаксеркса под толстым слоем школярских мерзостей еще тлели искорки тяги к праведной жизни студента.

Выйдя из душа и нацепив свою одежду цветов колледжа, она подошла ко мне и была свежа, как росистая лужайка.

Я сразу перешел к сути дела:

— Молодой Артаксеркс считает вас астрономической иллюминацией своей жизни.

Мне показалось, что у нее как-то смягчился взгляд.

— Бедняга Артаксеркс. Он так нуждается в помощи.

— Хорошая женщина могла бы ему ее предоставить,— указал я.

— Я знаю,— согласилась она,— и я хорошая — то есть мне так говорили.— Она очаровательно покраснела.— Но что я могу сделать? Я же не могу идти против биологии. Билл Мордуган его все время невероятно унижает. Он ему строит рожи на людях, толкает к стенке, выбивает из рук эти глупые книжки, и все это под злобный хохот зрителей. Вы же знаете, как это бывает, когда действует воздух пробуждающейся весны.

— О да,— сказал я с чувством, вспоминая счастливые дни, когда много, много раз приходилось мне держать пальто тех, кто сражался.— Весенние битвы!

Филомела вздохнула:

— Я долго, долго надеялась, что Артаксеркс восстанет против Билла Мордугана — может быть, ему помогла бы скамеечка под ноги, потому что Мордуган ростом в шесть футов шесть дюймов, но Артаксеркс почему-то не хочет. Вся эта учеба,— ее передернуло,— ослабляет моральный дух.

— Несомненно. Но если бы вы помогли ему вылезти из этого болота...

— Сэр, я знаю, что он в глубине души добрый и глубокомысленный юноша, и если бы я могла, я бы помогла ему. Но генетика моего тела доминирует, а она тянет меня на сторону Билла. Билл — красивый, мускулистый и победительный, а против этих качеств не может устоять сердце капитана болельщиц.

— А если бы Артаксеркс унизил Мордугана?

— Капитан болельщиц,— сказала она, гордо выпрямляясь и демонстрируя удивительно плавные округлости своего фронтального вида,— следует велению своего сердца, а оно неизбежно покинет униженного и перейдет на сторону унижателя.

И я понимал, что эти простые слова честная девушка произнесла от всей души.

Моя цель была проста. Если Артаксеркс не посмотрит на мизерную разницу в тринадцать дюймов и сто десять фунтов и посадит Билла Мордугана в лужу (в буквальном смысле), Филомела достанется Артаксерксу и обратит его в настоящего мужчину, который твердо идет по жизни к почтенной старости с кружкой пива и футболом по телевизору. Ясно, что это была работа для Азазела.

Не помню, рассказывал ли я вам об Азазеле. Это существо ростом два сантиметра из какого-то другого времени и места, которое я могу вызвать тайными заклинаниями, известными мне одному.

Азазел обладает возможностями, намного превосходящими наши, но ему недостает умения жить в обществе, потому что он неимоверно эгоистичен и свои мелкие делишки считает выше моих важных проблем.

В этот раз он явился, лежа на боку, с закрытыми глазами, нежно поглаживая пустой воздух перед собой плавными движениями кисточки хвоста.

— О Могучий! — позвал я его, потому что он всегда настаивал именно на таком обращении.

Он открыл глаза и издал режущий свист на пределе слышимости. Очень неприятно.

— Где Астарот? — вопил он.— Где моя прекрасная Астарот? Она же только что была в моих объятиях.

Тут он заметил меня и произнес, скрипя зубками:

— Так это ты! Да понимаешь ли ты, что позвал меня как раз тогда, когда Астарот... Ведь теперь ни здесь, ни там не будет такой минуты!

— Нигде в мире,— согласился я.— Но подумай, ведь когда ты мне немножко поможешь, ты сможешь вернуться в свой собственный континуум через полминуты после того, как ты его оставил. Астарот к тому времени забеспокоится оттого, что тебя нет, но еще не рассердится. А твое появление наполнит ее радостью, и все, что было, может повториться еще раз.

Азазел секунду подумал и затем сказал тем тоном, который следовало трактовать как благодарность:

— У тебя умишко маленький, примитивный червь, но изобретательный и изворотливый и может иногда пригодиться даже нам, обладающим мощным разумом, но от природы простым и прямодушным. Какая помощь тебе нужна?

Я объяснил существо дела относительно Артаксеркса. Азазел подумал и сказал:

— Я мог бы увеличить мощь его мускулов.

Я покачал головой:

— Дело не только в силе. Гораздо важнее искусство и храбрость, а их ему здорово не хватает.

Азазел возмущенно фыркнул:

— Так мне что, ишачить над его моральными качествами, пока у меня хвост не отсохнет?

— А ты можешь предложить другое?

— Конечно могу. Зря я, что ли, настолько превосхожу тебя? Если твой друг-слабак не может непосредственно поразить врага, почему бы не попробовать эффективное уклонение?

— Ты имеешь в виду — быстро удрать? — Я покачал головой.— Я не думаю, что это произведет хорошее впечатление.

— Я не говорил о бегстве. Я говорил об эффективном уклонении. Для этого придется только сильно сократить время реакции, что делается достаточно просто путем резкой концентрации сил. А чтобы он не тратил силы зря, это сокращение будет вызываться выбросом адреналина. Это будет оперативно — другими словами, будет включаться только в состоянии страха, ярости или другого сильного чувства. Мне только надо его увидеть, и я это сделаю.

— Это просто,— сказал я.

Через четверть часа я был уже в комнате Артаксеркса и дал Азазелу возможность понаблюдать за ним из моего нагрудного кармана. Азазел поработал с его вегетативной нервной системой с близкого расстояния, а потом вернулся к своей Астарот и к тому сомнительному занятию (каково бы оно ни было), которому собирался предаться.

В качестве следующего шага я, тщательно подделываясь под студента, мелом и печатными буквами написал письмо и подсунул его под дверь Билла Мордугана. Долго ждать не пришлось. Билл повесил на доске объявлений вызов, в котором Артаксерксу предлагалось встретиться с ним в баре «Похмелье чревоугодника», и Артаксеркс знал, что отказаться будет еще хуже.

Мы с Филомелой тоже пришли и держались с краю толпы студентов, оживленно предвкушавших зрелище. Артаксеркс, стуча зубами, время от времени заглядывал в принесенную с собой толстую книгу с названием «Справочник по физике и химии». Даже в эту решающую минуту он был не в силах оторваться от пагубного пристрастия.

Билл Мордуган, во весь рост, в тщательно порванной футболке, под которой перекатывались наводящие ужас мускулы, сказал:

— Шнелль, мне довелось узнать, что ты распространяешь обо мне гнусную ложь. Я играю честно, и потому перед тем, как сровнять тебя с асфальтом, я тебе дам шанс оправдаться. Ты говорил кому-нибудь, что видел, как я читал книгу?

— Я однажды видел тебя с комиксами,— сказал Артаксеркс,— но ты их держал вверх ногами, и я не думал поэтому, что ты ее читал, и никому такого не говорил.

— Ты говорил кому-нибудь, что я боюсь девчонок и что у меня насчет них больше разговоров, чем дела?

— Я слышал, как однажды это говорили какие-то девушки, но никогда никому не повторял, Билл.

Мордуган сделал паузу. Худшее было впереди.

— О'кей, Шнелль. Ты когда-нибудь говорил, что я — кабинетный зубрила?

— Нет, сэр! Что я на самом деле говорил, так это то, что вы — абсолютно необразованный.

— Итак, ты все отрицаешь?

— Решительно.

— И признаешь, что это все вранье?

— Во всеуслышание.

— И что ты — мерзкий лгун, трусливый врун?

— Безнадежный.

— Тогда,— произнес сквозь стиснутые зубы Мордуган,— я тебя не убью. Я только сломаю тебе парочку-другую твоих куриных ребрышек.

— Весенние битвы! — радостно вопили студенты, окружая кольцом двух бойцов.

— Будет честная драка! — объявил Билл, при всей своей жестокости не отступающий от кодекса чести колледжа.— Никто не должен помогать мне, и никто не должен помогать ему. Деремся один на один!

— Что может быть честнее? — отозвался громкий хор публики.

— Сними очки, Шнелль,— сказал Мордуган.

— Нет! — храбро ответил Артаксеркс, а в это время кто-то из зрителей сорвал у него очки с носа.— Эй,— вскрикнул Артаксеркс,— ты помогаешь Биллу!

— Ничего подобного. Я помогаю тебе,— ответил студент, держащий в руках очки.

— Но я же не могу разглядеть Мордугана,— сказал Артаксеркс.

— Не волнуйся,— ответил Билл,— ты меня отчетливо почувствуешь.

И не тратя больше слов, залепил молотоподобный кулак Артаксерксу в челюсть.

Кулак просвистел в воздухе, и Билл провернулся на пол-оборота, в то время как Артаксеркс чуть отшатнулся назад, и кулак прошел на четверть дюйма в стороне.

Мордуган выглядел озадаченно. Артаксеркс выглядел ошеломленно.

— Ладно,— сказал Билл.— Теперь получай.

Он рванулся вперед, и его руки заходили, как шатуны паровой машины. Артаксеркс танцевал на месте из стороны в сторону с крайне недоумевающим лицом, и я уже боялся, что он может простудиться от ветра, поднятого руками Мордугана.

Билл явно устал. Мощная грудная клетка вздымалась и опадала, как кузнечные меха.

— Ты что ж это делаешь? — спросил он с обиженным недоумением.

Но тут Артаксеркс осознал, что он почему-то неуязвим. И он сделал шаг вперед, поднял руку с книгой и отвесил Мордугану звучную затрещину, сказав:

— Получай, зубрила!

Все как один зрители резко выдохнули, а Билл Мордуган как с цепи сорвался. Была видна только мощная машущая, бьющая, вертящаяся машина, а где-то в середине этого вихря — неуязвимая танцующая цель. Но прошло несколько бесконечных минут, и в кругу стоял Мордуган, шатаясь от усталости и ловя ртом воздух, а по его лицу текли ручьи пота. Перед ним стоял Артаксеркс, свежий и невредимый. Он даже книгу не бросил.

И этой книгой он сильно двинул Билла в солнечное сплетение, а когда Билл сложился пополам, обрушил ту же книгу ему на голову еще сильнее. Книга сильно пострадала, но зато Билл впал в счастливое беспамятство. Артаксеркс близоруко огляделся и сказал:

— Тот мерзавец, что взял мои очки, пусть немедленно их вернет.

— Так точно, мистер Шнелль, сэр! — отозвался студент, который взял очки. У него на лице застыла улыбка, как на рекламе зубной пасты.— Вот они, сэр! Я их просто протер, сэр!

— Отлично. А теперь брысни отсюда. И ко всем прочим зубрилам тоже относится. Брысь!

Они выходили не по одному и не по порядку, а довольно сильно толпясь и мешая друг другу, хотя были едины в желании — оказаться где-нибудь в другом месте. Остались только Филомела и я.

Взгляд Артаксеркса упал на взволнованно дышащую девушку. Подняв бровь, он слегка махнул ей мизинцем. Она скромно подошла к нему, он повернулся на каблуках и вышел, а она так же скромно пошла вслед за ним.

Все кончилось хорошо. Артаксеркс поверил в себя и для самоуважения больше не нуждался в книгах. Все свое время он проводил на ринге и стал чемпионом колледжа. Молодые студентки его боготворили, но он в конце концов женился на Филомеле.

Его успехи в боксе создали ему в колледже такую репутацию, что он мог выбрать себе должность заместителя директора в большой компании. Его острый ум всегда чуял, где можно добыть денежки, и потому он сумел добыть от Пентагона концессию на производство сидений для туалета и еще добавил к ней стоимость шайб, которые покупал в скобяных лавках и продавал правительству.

Оказалось даже, что учеба в ранние зубрильские дни пошла ему на пользу. Математика помогает подсчитывать прибыли, политическая экономия учит вычитать из налогов суммы, не учтенные налоговой инспекцией, а антропология весьма полезна для контактов с представителями исполнительной власти.

Я глядел на Джорджа с недоверием:

— Получается, что в этом случае ваше с Азазелом вмешательство пошло на пользу какому-то бедняге?

— Разумеется,— ответил Джордж.

— Но это значит, что у вас есть неимоверно богатый знакомый, обязанный вам всем, что у него есть?

— Очень точное описание ситуации, старина.

— Но ведь вы тогда, по всей видимости, могли бы хорошо у него перехватить.

И тут Джордж насупил брови.

— Вы в самом деле так думаете? Вы думаете, что на свете существует такая вещь, как благодарность? Вы думаете, что есть такие индивидуумы, которые, узнав, что их сверхъестественные

способности к уклонению исходят от тяжких трудов старого друга, прольют на него дождь благодеяний в награду?

— Значит, Артаксеркс этого не сделал?

— Вы правы. Когда я однажды к нему подошел с просьбой инвестировать десять тысяч долларов в одно мое предприятие, которое должно было дать стократную прибыль,— паршивых десять тысяч долларов я попросил у него, который их зарабатывает каждый раз, когда продает армии десяток дешевых болтов и гаек,— так он велел лакею меня вышвырнуть.

— Но почему, Джордж? Вы не узнали почему?

— Случайно узнал. Видите ли, старина, он предпринимает действия по уклонению при повышенном выделении адреналина, как только возникает сильное чувство, такое как страх или ярость. Так говорил Азазел.

— Ну так что?

— И потому, когда Филомела под влиянием рассмотрения семейных финансов чувствует неотвратимый наплыв либидо, она приближается к Артаксерксу, у которого, в свою очередь, под влиянием ответной страсти выделяется адреналин. И когда она подходит к нему и тянется его обнять со всем девичьим энтузиазмом и самозабвением...

— Так что же?

— Он уклоняется.

— А!

— Ей удается его коснуться не больше, чем Биллу Мордугану. Чем дольше это длится, тем сильнее его жажда, тем больше адреналина он выделяет при одном виде ее — и тем успешнее он от нее уклоняется. Конечно, она, в слезах отчаяния, все же может найти какое-то утешение вне дома, но стоит ему попробовать пуститься в приключения за тесными рамками семейной жизни, как ничего не выходит. Он уклоняется от любой молодой женщины, которая пытается к нему приблизиться — пусть даже с чисто деловыми целями. Артаксеркс живет в положении Тантала — желанное вечно доступно, но никогда не дается в руки.

Голос Джорджа поднялся до патетического возмущения:

— И из-за такого мелкого неудобства он вышвырнул меня из дому!

— Но вы могли бы,— сказал я,— с помощью Азазела снять прокля... то есть этот дар, которым вы пожелали его наградить.

— У Азазела сильное предубеждение против повторной работы с одним и тем же объектом — не знаю почему. И к тому же зачем буду я оказывать дополнительные услуги человеку, который так неблагодарен за уже оказанные? Вот возьмем вас, для контраста! Допустим, вы, хотя и известны своей прижимистостью, иногда одалживаете мне пятерку — так я могу вас заверить, что я все такие вещи записываю на клочках бумаги, которые повсюду лежат у меня дома, и все же — я вам хоть когда-нибудь оказал услугу? Нет ведь? Так если вы мне помогаете без всякой услуги взамен, почему бы ему, получившему от меня любезность, мне не помочь?

Я это обдумал. Потом сказал:

— Слушайте, Джордж. Давайте я и дальше буду обходиться без услуг. У меня все в жизни хорошо. И для того чтобы подчеркнуть, что я не нуждаюсь ни в каких услугах, не одолжить ли мне вам десятку?

— Ладно,— сказал Джордж.— Если вы настаиваете.

По каким-то не понятным никому, а особенно мне причинам я иногда делюсь с Джорджем своими самыми сокровенными чувствами. Поскольку Джордж обладает огромным и всеохватывающим даром сочувствия, полностью расходуемым на него самого, такое занятие бесполезно, но я все равно иногда это делаю.

Может быть, в этот момент мое чувство жалости к самому себе настолько меня переполняет, что ему нужен выход.

Мы тогда сидели на Фазаньей аллее после приличного обеда в ожидании клубничного пирога, и я сказал:

— Джордж, я так устал, я просто болен от того, насколько эти критики не понимают и не пытаются понять, что я делаю. Мне неинтересно, что делали бы они на моем месте. Ясно, что писать они не умеют, а то не тратили бы времени на критику. А если они хоть как-нибудь умеют писать, то цель всех их критических потуг — хоть как-то уязвить того, кто выше их. И вообще...

Но тут принесли клубничный пирог, и Джордж не преминул воспользоваться возможностью перехватить нить разговора, что он сделал бы в любом случае, даже если бы (страшно подумать!) пирог не принесли.

— Друг мой,— сказал Джордж,— пора бы вам научиться спокойно воспринимать превратности жизни. Говорите себе (и это будет правдой), что ваши ничтожные писания ничтожно мало влияют на мир, и уж тем более не имеет никаких последствий то, что скажут о них критики (если скажут вообще). Такие

© Перевод М. Левина.

мысли доставляют большое облегчение и предотвращают развитие язвы желудка. И уж тем более вы могли бы воздержаться от подобных речей в моем присутствии, ибо могли бы понять, что моя работа гораздо весомее вашей, а удары критики гораздо разрушительнее.

— Вы хотите сказать, что вы тоже пишете? — сардонически спросил я, вгрызаясь в пирог.

— Отнюдь,— возразил Джордж, вгрызаясь в свой.— Моя работа гораздо важнее. Я — благодетель человечества, непризнанный, недооцененный благодетель человечества.

Готов был поклясться, что у него увлажнились глаза.

— Я не понимаю,— мягко сказал я,— как чье-нибудь мнение о вас может оказаться настолько низким, что его можно назвать недооценкой.

— Игнорируя эту издевку, поскольку от вас ничего другого не жду, я все же расскажу вам, что я думаю об этой красавице, Бузинушке Магтс.

— Бузинушке? — переспросил я с оттенком недоверия.

Бузинушка — это было ее имя, так говорил Джордж. Не знаю, почему родители так ее назвали — может быть, она напоминала им некоторые нежные моменты их предшествующих отношений, а может быть, как полагала сама Бузинушка, они поддали малость бузинной настойки, когда были заняты процессом, давшим ей жизнь. А иначе у нее был шанс и не появиться на свет.

В любом случае ее отец, который был моим старым другом, попросил меня быть ее крестным, и я не мог ему отказать. Естественно, что я относился к таким вещам серьезно и вполне ощущал возложенную на меня ответственность. В дальнейшем я всегда старался держаться как можно ближе к своим крестницам, особенно если они вырастали такими красивыми, как Бузинушка.

Когда ей исполнилось двадцать, умер ее отец, и она унаследовала приличную сумму, что, естественно, усилило ее привлекательность и красоту в глазах света. Я, как вы знаете, стою выше всей этой суеты вокруг такого мусора, как деньги, но я счел своим долгом защитить ее от охотников за приданым. Поэтому я взял себе за правило проводить с ней как можно больше времени и часто у нее обедал. В конце концов, она души не чаяла

в своем дядюшке Джордже, и я никак не могу поставить это ей в минус.

Как оказалось, Бузинушка не слишком нуждалась в золотом яичке из семейного гнездышка, поскольку она стала скульптором и добилась признания. Художественная ценность ее работ не могла быть поставлена под сомнение хотя бы из-за их рыночной цены.

Я лично не вполне понимал ее творчество, поскольку мой художественный вкус весьма утончен, и я не мог слишком высоко оценивать работы, создаваемые для тех денежных мешков, которые могли себе позволить их покупать.

Помню, я как-то спросил ее, что представляет собой одна из ее скульптур.

— Вот, видишь,— сказала она,— на табличке написано: «Журавль в полете».

Изучив этот предмет, который был сделан из чистейшей бронзы, я спросил:

— Да, табличку я вижу. А где журавль?

— Да вот же он! — Она ткнула в маленький заостренный конус, поднимавшийся из бесформенного бронзового основания.

Я внимательно рассмотрел конус и спросил:

— Это журавль?

— А что же еще, старая ты развалина! — Она любила такие ласкательные прозвища.— Это острие длинного журавлиного клюва.

— Бузинушка, этого достаточно?

— Абсолютно! — твердо сказала Бузинушка.— Ведь не журавля представляет эта работа, а вызывает в уме зрителя абстрактное понятие журавлиности.

— А! — сказал я, несколько сбитый с толку.— Теперь, когда ты объяснила, действительно вызывает. Но ведь написано, что журавль в полете. Откуда это следует?

— Ах ты дуролом недоделанный! — воскликнула она.— Ты вот эту аморфную конструкцию бронзы видишь?

— Вижу,— ответил я.— Она просто бросается в глаза.

— Так не станешь же ты отрицать, что воздух, как и любой газ, если на то пошло, является аморфной массой. Так вот, эта аморфная бронза есть кристально ясное отражение атмосферы как абстрактного понятия. А вот здесь, на передней поверхности бронзы,— тонкая и абсолютно горизонтальная линия.

— Вижу. Когда ты говоришь, все так ясно.

— Это абстрактное понятие полета через атмосферу.

— Замечательно,— восхитился я.— Просто глаза открылись от твоего объяснения. И сколько ты за это получишь?

— А! — Она махнула рукой, как будто не желая говорить о таких пустяках.— Может быть, тысяч десять долларов. Это же такая простая и очевидная работа, что мне неловко запрашивать больше. Это так, между прочим. Не то что *вот это.*

Она показала на барельеф на стене, составленный из джутовых мешков и кусков картона, размещенных вокруг старой взбивалки для яиц, вымазанной чем-то напоминающим засохший желток.

Я взглянул с уважением:

— Это, разумеется, бесценно!

— Я так полагаю,— ответила она.— Это тебе не новая взбивалка — на ней вековая патина. Я эту взбивалку на свалке нашла.

Потом, не могу до сих пор взять в толк почему, у нее задрожала нижняя губа, и она всхлипнула:

— О дядя Джордж!

Я сразу встревожился и, схватив ее красивую, сильную руку скульптора, с чувством пожал.

— В чем дело, дитя мое?

— Джордж, если бы ты знал, как мне надоело лепить эти простенькие абстракции только потому, что публике они нравятся.— Она прижала костяшки пальцев ко лбу и трагическим голосом сказала: — Как бы я хотела делать то, что мне на самом деле хочется, чего требует мое сердце художника.

— А что именно, Бузинушка?

— Я хочу экспериментировать. Я хочу искать новые направления. Я хочу пробовать неиспробованное, изведать неизведанное, исполнить неисполнимое.

— Так кто же мешает тебе, дитя мое? Ты достаточно богата, чтобы это себе позволить.

И тут она улыбнулась, и ее лицо засияло красотой.

— Спасибо на добром слове, дядя Джордж. На самом деле я себе действительно это позволяю — время от времени. У меня есть потайная комната, в которой я храню то, что может понять только вкус настоящего художника. «Тот вкус, что привычен к черной икре»,— закончила она цитатой.

— Мне можно на них посмотреть?

— Конечно, дорогой мой дядя. После того как ты меня так морально поддержал, разве я могу тебе отказать?

Она подняла тяжелую гардину, за которой была еле заметная потайная дверь, почти сливавшаяся со стеной. Девушка нажала кнопку, и дверь сама собой открылась. Мы вошли, дверь за нами закрылась, и вся комната осветилась ярчайшим светом.

Почти сразу я заметил скульптуру журавля, выполненную из какого-то благородного камня. Каждое перышко было на месте, в глазах светилась жизнь, клюв приоткрыт и крылья полуприподняты. Казалось, он сейчас взовьется в воздух.

— О боже мой, Бузинушка! — вскрикнул я.— Никогда ничего подобного не видел!

— Тебе нравится? Я это называю «фотографическое искусство», и мне оно кажется красивым. Конечно, это чистый эксперимент, и критики вместе с публикой уржались бы и уфыркались, но не поняли бы, что я делаю. Они уважают только простые абстракции, чисто поверхностные и сразу понятные каждому, не то что это, для тех утонченных натур, кто может смотреть на произведение искусства и чувствовать, как его душу медленно озаряет понимание.

После этого разговора мне была предоставлена привилегия время от времени заходить в секретную комнату и созерцать те экзотические формы, что выходили из-под ее сильных пальцев и талантливой стеки. Я глубоко восхищался женской головкой, которая выглядела точь-в-точь как сама Бузинушка.

— Я назвала ее «Зеркало». Она отражает мою душу, ты с этим согласен?

Я с энтузиазмом соглашался.

Думаю, что благодаря этому она наконец доверила мне свой самый важный секрет.

Как-то я ей сказал:

— Бузинушка, у тебя есть...— я замешкался в поисках эвфемизма,— приятель?

— Приятели? Ха! — сказала она.— Они тут стадами ходят, эти кандидаты в приятели, но на них даже смотреть не хочется. Я же художник! И у меня в сердце, в уме и в душе есть идеальный образ настоящей мужской красоты, которая никогда не может повториться во плоти и крови и завоевать меня. Этому образу, и только ему, отдано мое сердце.

— Отдано твое сердце, дитя мое? — мягко повторил я.— Значит, ты его встретила?

— Встретила... Пойдем, дядя Джордж, я тебе его покажу. Ты узнаешь мою самую большую тайну.

Мы вернулись в комнату фотографического искусства, и за еще одной тяжелой гардиной открылся альков, которого я раньше не видел. Там стояла статуя обнаженного мужчины ростом шесть футов, и она была совершенна.

Бузинушка нажала кнопку, и статуя медленно завращалась на своем пьедестале, поражая своей гладкой симметрией и совершенными пропорциями.

— Мой шедевр,— сказала Бузинушка.

Я лично не слишком большой поклонник мужской красоты, но на лице Бузинушки было написано такое самозабвенное восхищение, что я понял, как переполняют ее обожание и любовь.

— Ты влюблена в этого... изображаемого,— сказал я, стараясь избегать упоминания о статуе как неодушевленном предмете и местоимения «она».

— О да! — прошептала она.— Для него я готова умереть. Пока есть он, все другие для меня противны и бесформенны. Прикосновение любого из них для меня мерзко. Только его хочу. Только его.

— Бедное мое дитя,— сказал я.— Изваяние — не живое.

— Я знаю,— ответила она сокрушенно.— Что же мне делать? Боже мой, что же мне делать?

— Как это все грустно! — проговорил я вполголоса.— Это похоже на историю Пигмалиона.

— Кого? — спросила Бузинушка, будучи, как истинный художник, далека от событий внешнего мира.

— Пигмалиона. Это из древней истории. Пигмалион был скульптором, таким как ты, только мужского пола. И он так же, как и ты, изваял красивую статую, только по свойственным мужчинам предрассудкам он изваял женщину и назвал ее Галатея. Статуя была столь прекрасна, что Пигмалион ее полюбил. Видишь, все как у тебя, только ты — живая Галатея, а статуя — изваянный Пиг...

— Нет! — резко возразила Бузинушка.— Не жди, что я его буду называть Пигмалионом. Грубое, простецкое имя, а мне нужно поэтическое. Я его называю...— Голос ее пресекся, она глот-

нула и продолжила: — Хэнк. Что-то такое мягкое есть в имени Хэнк, что-то такое музыкальное, чему отзывается сама моя душа. А что там дальше было с Пигмалионом и Галатеей?

— Обуреваемый любовью,— начал я,— Пигмалион взмолился Афродите...

— Кому-кому?

— Афродите, греческой богине любви. Он взмолился ей, и она, из хорошего к нему отношения, оживила статую. Галатея стала живой женщиной, вышла замуж за Пигмалиона, и они жили долго и счастливо.

— Гм,— промычала Бузинушка,— Афродиты этой, наверное, на самом деле нет?

— В действительности, конечно, нет. Хотя с другой стороны...— Я не стал продолжать. Не было уверенности, что Бузинушка правильно поймет упоминание о моем двухсантиметровом демоне Азазеле.

— Плохо,— сказала она.— Вот если бы кто-нибудь мог оживить для меня моего Хэнка, превратить этот холодный, твердый мрамор в теплую мягкую плоть, я бы для него... О дядя Джордж, ты только представь себе, каково было бы заключить в объятия Хэнка и почувствовать под ладонями мягкость, мягкость...— Она чуть не мурлыкала на этом слове от воображаемого чувственного наслаждения.

— Дорогая Бузинушка,— сказал я,— мне бы не хотелось воображать, что это делаю я сам, но я понимаю — ты нашла бы это восхитительным. Однако ты говорила, что, если бы кто-нибудь превратил мертвый твердый мрамор в живую мягкую плоть, ты бы что-то там для него сделала. Ты имела в виду что-нибудь конкретное?

— Конечно! Такому человеку я бы дала миллион долларов.

Я сделал паузу, как и любой бы на моем месте — из чистого уважения к сумме,— а потом спросил;

— Бузинушка, а у тебя есть миллион долларов?

— У меня два миллиона кругленьких баксов, дядя Джордж,— сказала она в своей простодушной и непосредственной манере,— и я буду рада отдать в этом случае половину. Хэнк этого стоит, тем более что я всегда могу наляпать еще несколько абстракций для публики.

— Это ты можешь,— согласился я.— Ладно, девочка, выше голову, и мы посмотрим, чем может тебе помочь дядя Джордж.

Это был явный случай для Азазела, так что я вызвал моего маленького друга, который выглядит как карманное издание дьявола ростом в два сантиметра, но с остриями рожек и закрученным остроконечным хвостом. Он был, как всегда, не в настроении и стал тратить мое время на подробный и утомительный рассказ, почему именно он не в настроении. Похоже было, что он занимался каким-то искусством — тем, что в его смешном мирке считается искусством, но хотя он описывал это очень подробно, я так ничего и не понял, кроме одного — что *это* было охаяно критиками. Критики одинаковы во всей вселенной — злобные и бесполезные все как один.

Хотя, как я думаю, вы должны радоваться, что земные критики обладают хотя бы минимальными следами порядочности. Если верить Азазелу, то высказывания критиков о нем далеко выходят за пределы того, что они позволяют себе говорить о вас. На самый мягкий из примененных к нему эпитетов можно было отвечать только хлыстом. Я это вспомнил потому, что его жалобы на критиков очень напоминают ваши.

Я долго, хотя и с трудом, выслушивал его причитания, пока не улучил момент ввернуть свою просьбу об оживлении статуи. От его визга у меня чуть уши не лопнули.

— Превратить кремниевый материал в углерод-водную форму жизни? А может быть, еще попросишь сотворить тебе планету из экскрементов? Как это — превратить камень в плоть?

— Уверен, что ты можешь измыслить способ, о Могучий,— сказал я.— Ведь если ты сделаешь столь невозможное и доложишь в своем мире, не окажутся ли критики кучкой глупых ослов?

— Они хуже, чем кучка глупых ослов,— буркнул Азазел.— Так о них думать — это значит безмерно их возвысить и незаслуженно оскорбить ослов. Я думаю, что они просто балдарговуины несчастные.

— Именно так они и будут выглядеть. И все, что для этого нужно,— превратить холодное в теплое, а твердое в мягкое. Особенно в мягкое. Та молодая женщина, которую я имею в виду, особенно хотела бы, обняв статую, ощутить под своими руками мягкую эластичность тела. Это вряд ли будет трудно. Статуя —

совершенное изображение человеческого существа, и тебе ее только надо наполнить мышцами, кровеносными сосудами, органами и нервами, обтянуть кожей — и готово.

— Вот всем этим заполнить — проще простого, да?

— Вспомни, что ты выставишь критиков балдарговуинами.

— Хм, это стоит принять во внимание. Ты знаешь, как воняют балдарговуины?

— Нет, и не рассказывай, пожалуйста. А я могу послужить тебе моделью.

— Моделью, шмоделью,— пробормотал он, задумываясь (не знаю, где он берет такие странные выражения).— Ты знаешь, насколько сложен мозг, даже такой рудиментарный, как у людей?

— Ну,— ответил я,— над этим можешь особенно долго не стараться. Бузинушка — девушка простая, и то, что ей нужно от статуи, не требует особого участия мозга — как я думаю.

— Тебе придется показать мне статую и предоставить возможность изучить материал,— сказал он.

— Я так и сделаю. Только запомни: статуя должна ожить при нас, и еще — она должна быть страшно влюблена в Бузинушку.

— Любовь — это просто. Только подрегулировать гормональную сферу.

На следующий день я напросился к Бузинушке снова посмотреть статую. Азазел, сидя у меня в кармане рубашки, время от времени оттуда высовывался и тоненьким голосом фыркал. К счастью, Бузинушка смотрела только на статую и не заметила бы, даже если бы с ней рядом толпились двадцать демонов нормального роста.

— Ну и как? — спросил я Азазела.

— Попробую,— ответил он.— Я его начиню органами по твоему подобию. Ты, я думаю, вполне нормальный представитель своей мерзкой недоразвитой расы.

— Более чем нормальный,— гордо ответил я.— Я выдающийся образец.

— Ну и отлично. Она получит свою статую во плоти — мягкой на ощупь, теплой плоти. Ей только придется подождать до завтрашнего полудня — по вашему времени. Ускорить процесс я не смогу.

— Понял. Мы с ней подождем.

На следующее утро я позвонил Бузинушке.

— Деточка моя, я говорил с Афродитой.

Бузинушка переспросила взволнованным шепотом:

— Так она существует на самом деле?

— В некотором смысле, дитя мое. Сегодня в полдень твой идеальный мужчина оживет прямо у нас на глазах.

— О господи! Дядя Джордж, вы меня не обманываете?

— Я никогда не обманываю,— ответил я, но должен признать, что несколько нервничал. Я ведь полностью зависел от Азазела, хотя, правда, он меня ни разу не подводил.

В полдень мы оба стояли перед альковом, глядя на статую, а она уставилась в пространство каменным взором. Я спросил:

— У тебя часы показывают точное время, моя милая?

— О да, дядя. Я их проверяла по обсерватории. Осталась одна минута.

— Превращение может на минуту-другую задержаться. В таких вещах трудно угадать точно.

— Богиня наверняка должна все делать вовремя,— возразила Бузинушка.— Иначе какой смысл быть богиней?

Это я и называю истинной верой, и таковая была вознаграждена. Как только настал полдень, по статуе прошла дрожь. Изваяние постепенно порозовело, приобретая цвет нормального тела. Медленно шевельнулся стан, руки опустились и вытянулись по бокам, глаза поголубели и заблестели, волосы на голове стали светло-каштановыми и появились в нужных местах и количествах на теле. Он наклонил голову, и его взгляд остановился на Бузинушке, глядящей, не отрывая глаз, и дышащей, как пловец в конце заплыва.

Медленно, казалось даже, что с потрескиванием, он сошел с пьедестала, сделал шаг к Бузинушке, раскрыл объятия и выговорил:

— Ты — Бузинушка. Я — Хэнк.

— О Хэнк! — выдохнула Бузинушка, тая в его руках.

Они долго стояли, застыв в неподвижном объятии, а потом она, сияя глазами в экстазе, взглянула на меня через его плечо.

— Мы с Хэнком,— сказала она,— на несколько дней здесь останемся одни и устроим себе медовый месяц. А потом, дядя Джордж, я тебя найду.

И она пошевелила пальцами, как бы отсчитывая деньги.

Тут и у меня глаза засияли, и я на цыпочках вышел из дому. Меня, откровенно говоря, неприятно поразила дисгармоничная картина — полностью обнаженный мужчина, обнимающий полностью одетую женщину, однако я был уверен, что, как только я выйду, Бузинушка эту дисгармонию устранит незамедлительно.

Десять дней я подождал, но она так и не позвонила. Я не слишком удивился, поскольку считал, что она была слишком занята другим, но все же подумал, что так как ее экстатические ожидания полностью оправдались, причем исключительно за счет моих — ну, и Азазела — усилий, то будет только справедливо, если теперь оправдаются и мои.

Итак, я направился к ее убежищу, где покинул счастливую чету, и позвонил в дверь. Ее открыли очень нескоро, и мне даже уже начала мерещиться кошмарная картина, как два молодых существа довели друг друга до смерти во взаимном экстазе. Но тут дверь с треском распахнулась.

У Бузинушки был вполне нормальный вид, если разозленный вид может быть назван нормальным.

— А, это ты,— сказала она.

— Вообще-то да,— ответил я.— Я уже боялся, что ты уехала из города, чтобы продлить медовый месяц.

О своих мрачных предположениях я промолчал — из дипломатических соображений.

— И что тебе надо? — спросила она.

Не так чтобы лопаясь от дружелюбия. Я понимал, что ей не мог понравиться причиненный мной перерыв в ее занятиях, но я считал, что после десяти дней небольшой перерыв будет очень кстати.

Я ответил:

— Такой пустяк, как миллион долларов, дитя мое.

С этими словами я толкнул дверь и вошел.

Она поглядела на меня с холодной ухмылкой и произнесла:

— Бубкес ты получишь, дядя, а не миллион.

Я не знаю, сколько это — «бубкес», но немедленно предположил, что намного меньше миллиона долларов. Озадаченный и несколько задетый, я спросил:

— Как? А в чем дело?

— В чем дело? — переспросила она.— В чем дело! Я тебе сейчас скажу, в чем дело. Когда я сказала, что хочу сделать его мягким, я не имела в виду мягким всегда и во всех местах.

И своими сильными руками скульптора она вытолкнула меня за дверь и с грохотом ее захлопнула. Потом, пока я, ошеломленный, стоял столбом, дверь распахнулась снова.

— А если ты еще сюда заявишься, я прикажу Хэнку разорвать тебя на клочки. Он во всем остальном силен как бык.

И я ушел. А что было делать?

Вот такую критику получила *моя* работа в искусстве. И вы еще утомляете меня своими мелкими жалобами.

Закончив свою историю, Джордж так сокрушенно покачал головой, что я ощутил прилив сочувствия.

Я сказал:

— Джордж, я знаю, что вы вините Азазела, но по-настоящему парнишка все же не виноват. Вы сами немножко пережали насчет мягкости.

— Так это ведь она настаивала! — возмутился Джордж.

— Верно, но вы сказали Азазелу, что он может использовать вас в качестве модели, и, конечно, с этим и связана неспособность...

Джордж прервал меня взмахом руки и уставился мне в глаза.

— Такое оскорбление,— процедил он сквозь зубы,— хуже потери миллиона заработанных долларов. И вы у меня сейчас это поймете, хотя я давно уже не в лучшей форме...

— Ладно, ладно, Джордж, примите мои глубочайшие извинения. Кстати, помните, я вам должен десять долларов?

Он, к моему счастью, помнил. Джордж взял банкнот и улыбнулся.

Обедая с Джорджем, я всегда помню, что расплачиваться надо не кредитной карточкой, а только наличными. Это дает Джорджу возможность следовать своей излюбленной привычке — якобы невзначай прихватывать принесенную официантом сдачу. Я, со своей стороны, стараюсь, чтобы этой сдачи не было слишком много, и на чай даю отдельно.

Однажды мы с ним, отобедав в Боатхаусе, шли обратно через Централ-парк. День был хорош, хотя чуть-чуть жарковат, и мы присели отдохнуть на скамеечку в тени.

Джордж наблюдал за птичкой, которая по птичьему обыкновению вертелась на ветке, а потом взлетела и скрылась в небе.

— В детстве,— заметил Джордж,— я страшно завидовал этим тварям: они могут парить в воздухе, а я нет.

— Я думаю,— подхватил я,— что птицам завидует каждый ребенок. Да и взрослый тоже. Теперь, правда, люди научились летать и лучше, и дальше птиц. Аэроплан без заправки и посадки облетает землю за девять дней. Ни одна птица так не может.

— А какой птице это надо? — с презрением возразил Джордж.— Я же не говорю о сидении в летающей машине или даже подвешивании к парящему дельтаплану. Это все — технологические протезы. Я-то имею в виду — летать самому: расправить руки, мягко взмыть в воздух и двигаться по собственной воле.

Я вздохнул:

— Вы подразумеваете — освободиться от тяготения. И я когда-то мечтал об этом, Джордж. Мне однажды снилось, что я

© Перевод М. Левина.

подпрыгнул, завис в воздухе и легкими движениями направлял полет своего тела, а потом мягко и плавно приземлился. Я знал, конечно, что это невозможно, и осознавал, что все это во сне. Но когда я во сне проснулся, оказалось, что я по-прежнему могу парить. И я решил, что раз я уже не сплю, значит, я на самом деле летаю. И тут я проснулся по-настоящему и ощутил себя еще большим пленником гравитации, чем раньше. Какое это было чувство потери, Джордж, какое разочарование! Я несколько дней не мог прийти в себя.

И тут, что можно было почти наверняка предсказать, Джордж ответил:

— Со мной было хуже.

— Неужели? У вас был такой же сон, правда? Только побольше и получше?

— Сон?! Я не обращаю внимания на сны. Оставляю это старым бабам и бумагомаракам вроде вас. Я говорю о яви?

— То есть вы летали наяву. Вы полагаете, что я поверю, будто кто-то впустил вас в космический корабль?

— Ни в каком не в космическом корабле, а прямо на земле. И не я, а мой друг Бальдур Андерсон. Но лучше я вам расскажу все по порядку.

Большинство моих друзей (начал Джордж) — интеллектуалы и профессионалы высокой пробы, к каковым, может быть, и вы себя относите, но Бальдур в это большинство не входил. Он работал водителем такси, особого образования не имел, но глубоко уважал науку. Он проводил в нашем любимом пивбаре вечер за вечером, рассуждая о Большом взрыве, о законах термодинамики, о генной инженерии и о многом другом. Он бывал мне благодарен за объяснения по подобным вопросам и всегда настаивал, вопреки моим протестам (во что вы, зная меня, легко поверите), на своем праве платить по счету.

В его личности была одна очень неприятная черта: он был неверующим. Я не имею в виду тех философствующих атеистов, которые отрицают любые сверхъестественные проявления, объединяются в светские организации гуманистического толка и печатают на языке, которого никто не понимает, статьи в журналах, которые никто не читает. От этих-то — какой вред? Бальдур же принадлежал к той породе, которую в прежние времена

называли «деревенский безбожник». Он вступал в споры в пивных с такими же невежественными людьми, как и он сам, и споры быстро переходили в перебранки на повышенных тонах и с личными характеристиками. Вот как это обычно выглядело:

— Ладно, если ты такой умный, головастик, так скажи мне, где Каин нашел себе жену?

— Не твое дело! — отругивался оппонент.

— Нет, где? Ведь Ева была единственной женщиной.

— А откуда ты знаешь?

— Так в твоей Библии сказано.

— Ничего там такого нет. Ты мне покажи, где там написано: «Ева была единственной женщиной на всей Земле».

— Это подразумевается.

— Подразумевается, видишь ли! Умник нашелся.

— От умника слышу!

Я пытался урезонить Бальдура в моменты, когда он успокаивался.

— Бальдур,— говорил я ему,— нет смысла дискутировать о вопросах веры. Вы ничего не докажете, а только создадите неприятности себе и другим.

Бальдур сразу же огрызался:

— Мое конституционное право не верить во все эти утверждения, как и публично об этом заявлять.

— Это верно,— соглашался я,— но однажды один из этих джентльменов, что вон там потребляют алкогольные напитки, может двинуть вас раньше, чем остановится сопоставить свои действия с конституцией.

— Эти люди,— отвечал Бальдур,— должны подставлять другую щеку. Так написано в ихней Библии. Там сказано: «Не шуми насчет зла. Пусть себе живет».

— Они могут и позабыть.

— Тогда и я смогу за себя постоять.

И он и вправду мог, потому что был здоровенный мускулистый мужик с таким носом, который принял на себя не одну сотню ударов, и такими кулаками, которые явно не оставляли без ответа подобные действия.

— Не сомневаюсь в ваших способностях,— соглашался я,— но в религиозных спорах обычно несколько человек отстаивают противоположную точку зрения и только один — вашу. Со-

гласованные действия дюжины ребят могут превратить вас в нечто напоминающее пульпу. И к тому же,— добавил я,— предположим, что вы победили в споре на религиозную тему. Тогда вы послужили причиной тому, что один из этих джентльменов потерял свою веру. Вы действительно хотите почувствовать свою ответственность за такую потерю?

Бальдур несколько встревожился, поскольку в душе был добряком. Он сказал:

— Я же никогда ничего не говорю о настоящих основах веры. Я говорю про Каина, про Иону, который ну никак не мог трое суток жить во чреве кита, и насчет хождения по воде. А ничего такого по-настоящему оскорбительного я не говорю. Я же ничего никогда не сказал против Санта-Клауса, верно? Даже был случай, тут один распространялся насчет того, что у Санта-Клауса только восемь оленей, а олень по кличке Рудольф Красноносый никогда даже близко не подходил к этим саночкам. Я его тогда спросил: «Ты что, хочешь отнять у детишек Санта-Клауса?» — и врезал ему раз. И еще я никому не позволю слова сказать против Морозко — Снежного человека.

Меня такая чувствительность, разумеется, тронула. Я его спросил:

— Бальдур, а как вы до такого дошли? Что сделало из вас такого фанатика неверия?

— Ангелы,— сказал он, резко помрачнев.

— Ангелы?

— Они. В раннем детстве я видел ангелов на картинках. Вы их когда-нибудь видели?

— Конечно.

— Так у них крылья. У них руки и ноги, а на спине — большие крылья. А я в детстве читал научные книги, и там написано, что все существа, имеющие позвоночник, имеют четыре конечности. У них четыре плавника или четыре ноги, или две руки и две ноги, или две ноги и два крыла. Иногда две задние ноги исчезают, как у китов, или две передние, как у киви, или все четыре, как у змей. Но больше четырех конечностей не может быть ни у кого. Так как же у ангелов может быть шесть конечностей — две руки, две ноги и два крыла? Хребет-то у них есть, верно? Они же не насекомые или что-то вроде того? Я тогда спросил маму, а она мне посоветовала заткнуться. С тех пор я много думал на эту тему.

Я подумал и ответил:

— Бальдур, по-моему, вы напрасно так буквально воспринимаете эти изображения ангелов. Эти крылья — всего лишь символы того, что ангелы умеют перемещаться с огромной скоростью.

— Да неужто? — уязвленно отозвался Бальдур.— А вы спросите этих поклонников Библии, есть ли у ангелов крылья на самом деле. Они в этом более чем уверены. Они такие тупые, что слова насчет шести конечностей до них не доходят. А что до ангелов, то раз они умеют летать, почему тогда я не могу? Это нечестно.

Он надул губы и, казалось, сейчас заплачет. Мое доброе сердце толкнуло меня поискать слова утешения.

— К тому придет, Бальдур,— сказал я.— Когда вы умрете и попадете на небо, вы получите крылья вместе с нимбом и арфой и обретете умение летать.

— Вы верите в эту чушь, Джордж?

— Вообще-то нет, но такая вера давала бы большое утешение. Почему бы вам не попробовать?

— Никогда в жизни, потому что это ненаучно. Я всю жизнь хочу летать — по-настоящему, просто на руках. И я думаю, что наука может дать способ сделать это здесь, на Земле.

Я все еще пытался его как-то утешить и потому неосторожно (может быть, приняв на полбокала больше своего лимита) сказал:

— Уверен, что такой способ найдется.

Он уставил на меня сверлящий и чуть-чуть налитый кровью взгляд.

— Вы издеваетесь? Над мечтой моего детства?

— Нет-нет,— быстренько сказал я, тут же осознав, что он-то выпил на десяток бокалов выше черты и что его правый кулак самым недвусмысленным образом подергивается.— Да разве стал бы я смеяться над детской мечтой или даже над манией взрослого? Просто у меня есть знакомый... э-э... хм... ученый, который может случайно знать способ.

Но он все еще казался недружелюбным.

— Так вы его спросите,— сказал он,— и передайте мне, что он скажет. А то я не люблю тех, кто с меня смеется. Я вам не мальчик. Я-то с вас не смеюсь, нет? Я вам когда говорил про то, что вы всегда счет отпихиваете мне?

Я поспешил покинуть опасную почву.

— Я немедленно проконсультируюсь со своим другом. Вы не беспокойтесь, я все устрою.

В общем и целом, я решил, что так будет лучше всего. С одной стороны, не хотелось терять источник бесплатных выпивок, с другой стороны, еще меньше хотелось быть объектом недовольства Бальдура. Он не верил в библейские указания любить врагов своих, благословлять проклинающих тебя и делать добро ненавидящим тебя. Он твердо верил в то, что врагу своему надо давать в глаз.

Так что я проконсультировался с Азазелом, моим приятелем из другого мира. Я вам говорил когда-нибудь, что у меня есть... ах да, говорил. Как всегда, Азазел был в мерзком настроении, когда я его вызвал. Он как-то необычно держал хвост на отлете и, когда я об этом спросил, пустился в бешеные визгливые комментарии по поводу моей родословной, о которой он вообще ничего не мог знать.

Из всего этого я понял, что на него кто-то наступил. Он очень маленькое существо, всего два сантиметра ростом, от корня хвоста до кончиков рожек, и я сильно подозреваю, что даже в своем мире он просто путается под ногами. Вот на него кто-то случайно и наступил, и то, что его просто не заметили, так его и взбесило.

Я попытался его успокоить.

— Если бы ты умел летать, о Могучий, коему вся вселенная платит дань поклонения, ты был бы защищен от нижайших из низших.

Это его несколько взбодрило. Последнюю фразу он даже повторил, как если бы старался запомнить ее на потом. И ответил:

— Я могу летать, о Жуткая Масса Бесполезной Плоти, и я бы взлетел, если бы заметил этого типа из низших классов, кто в неуклюжести своей на меня свалился. Ладно, чего тебе надо?

Он произнес эту фразу ворчливым тоном, что прозвучало как дребезжание жести.

Я мягко сказал:

— Ты умеешь летать, о Возвышенный, но в моем мире есть люди, которые не умеют.

— В твоем мире нет людей, которые умеют. Они огромные, неуклюжие и распухшие, как и большинство из класса тупо-

драконикonидов. Если бы ты имел понятие об аэродинамике, жалкое насекомое, ты бы знал...

— Я преклоняюсь перед твоим высшим знанием, о Мудрейший из Мудрых, но мне вдруг пришло на ум, что ты мог бы устроить что-то вроде антигравитации.

— Антигравитации? Да ты себе представляешь, как...

— Необъятный Ум,— продолжал я,— позволишь ли ты тебе напомнить, что ты это уже однажды выполнил?*

— Помню, помню. Но это было только частичное изменение. Нужна была только возможность для некоторого лица передвигаться поверх куч замороженной воды, которыми изобилуст твой дьявольский мир. А теперь ты, как я понимаю, просишь гораздо большего.

— Совершенно верно. У меня есть друг, который хотел бы уметь летать.

— Странные у тебя друзья.— Он присел на собственный хвост — поза, которую он обычно принимал, когда хотел подумать,— и тут же подскочил, шипя и ругаясь от боли, поскольку забыл о плачевном состоянии своей задней конечности.

Я подул ему на хвост, что как будто помогло и несколько его успокоило.

Он сказал:

— Потребуется механическое антигравитационное устройство, и я, конечно, его для тебя достану, но требуется еще содействие от центральной нервной системы твоего друга — если у него таковая имеется.

— Я думаю, что имеется,— ответил я,— но как именно он должен содействовать?

Азазел замялся:

— Понимаешь, он должен верить, что может летать.

Через два дня я посетил Бальдура в его скромной квартирке. Протянув ему устройство, я сказал:

— Вот.

Устройство не производило впечатления. Было оно величиной с каштан и, если поднести его к уху, довольно странно жужжало. Не знаю, каков был у него источник энергии, но Азазел заверил меня, что он не иссякнет. Еще он говорил, что устрой-

* См. рассказ «По снежку по мягкому».

ство должно соприкасаться с кожей летуна, и потому я прикрепил к нему цепочку и сделал медальон.

— Вот,— повторил я, и Бальдур в сомнении отступил назад.— Наденьте цепь на шею и носите под рубашкой — под нижней рубашкой, если она у вас есть.

Он спросил:

— Джордж, а что это?

— Антигравитационный прибор, Бальдур. Последняя модель. Крайне научно и полностью секретно. Не говорите никому ни в коем случае.

Он осторожно протянул руку.

— Это дал вам ваш друг?

Я кивнул:

— Наденьте это на шею.

Он нерешительно просунул голову в цепочку и, ободряемый мною, расстегнул рубашку, пропустил медальон внутрь и снова застегнулся.

— А теперь что?

— А теперь расставьте руки и летите.

Он расставил руки, но ничего не произошло. Он насупился, и его маленькие глазки остро взглянули из-под кустистых бровей.

— Издеваетесь?

— Нет! Вы должны поверить в то, что полетите. Вы смотрели «Питера Пэна» — диснеевский мультик? Вот и скажите себе: «Я могу летать, я могу летать, я могу летать».

— Так в мультике их еще посыпали волшебным порошком.

— Это ненаучно. А то, что на вас надето, крайне научно. Скажите себе, что можете летать.

Бальдур окинул меня долгим, тяжелым взглядом. У меня, как вы знаете, храбрость льва, но мне стало слегка не по себе. Я добавил:

— Бальдур, это требует времени. Вам надо научиться.

Все еще глядя на меня, он неуклюже расставил руки и произнес: «Я могу летать. Я могу летать. Я могу летать».

И ничего не произошло.

— Прыгайте! — сказал я.— Дайте затравку!

Я сильно забеспокоился, знает ли Азазел на этот раз, что он делает.

Бальдур, по-прежнему с расставленными руками и устремленным на меня недружелюбным взглядом, подпрыгнул. Он взлетел примерно на фут, провисел, пока я посчитал до трех, и медленно спустился.

— Ого! — красноречиво сказал он.

— Ого! — ответил я, не уступая в красноречии.

— Я вроде бы там плавал.

— И очень ловко,— заметил я.

— Ага. Эй, я умею летать. Давайте еще попробуем.

И его волосы оставили на потолке ясно различимое жирное пятно. Он, потирая макушку, вернулся на пол.

— Вам не следует подниматься выше четырех футов,— сказал я.

— Это здесь, в комнате. Давайте-ка пойдем наружу.

— Вы с ума сошли? Вам что, надо, чтобы видели, как вы летаете? Так у вас тут же заберут на изучение антигравитационный прибор, и вы его уже никогда не увидите. Сейчас этот прибор и его секрет известны только моему другу.

— Ладно, так что же мне делать?

— Летайте по комнате для собственного удовольствия.

— Не так уж это много удовольствия.

— Не так много? А сколько у вас его было пять минут назад?

Моя несокрушимая логика, как всегда, победила.

Должен признать, что, глядя на его свободные и ловкие движения в пустом пространстве не слишком большой гостиной, я ощутил сильный порыв попробовать это самому. Однако я не был уверен, что он пожелает отдать прибор, а главное — у меня было сильное подозрение, что для меня прибор не сработает.

Азазел решительно отказывался делать что бы то ни было непосредственно для меня. Как он говорит в своей идиотской манере, его благодеяния должны приносить благо ближним. Я бы хотел, чтобы либо у него не было подобных дурацких идей, либо чтобы они были у моих ближних. Мне никогда не удавалось убедить облагодетельствованных мной отплатить мне достаточным количеством звонкой монеты.

Наконец Бальдур спустился на один из стульев и самодовольно спросил:

— Вы говорите, у меня получается, потому что я верю?

— Совершенно верно,— ответил я.— Это полет фантазии.

Мне понравился этот каламбур, но Бальдур, к сожалению, был лишен юмористического слуха — если ввести этот термин по аналогии с музыкальным. Он сказал:

— Видите, Джордж, насколько лучше верить в науку, чем во всю эту фигню насчет неба, ангелов и крыльев.

— Совершенно верно,— согласился я.— Не пойти ли нам куда-нибудь пообедать и чего-нибудь выпить?

— Непременно,— ответил он, и мы превосходно провели оставшийся вечер.

Но дальше все почему-то пошло не очень хорошо. На Бальдура, похоже, опустилась туманная завеса меланхолии. Он оставил свои прежние места охоты и нашел новые источники живой воды.

Мне это было все равно. Новые места бывали не в пример лучше старых, и в них подавали отличный сухой мартини. Но из любопытства я спросил почему.

— А я не могу больше спорить с этими болванами,— уныло ответил Бальдур.— Меня все подмывает их спросить: вот я умею летать, как ангел, так собираются ли они мне молиться? И поверят ли они мне? Они верят во все эти волшебные сказки насчет говорящих змеев и обращенных в соляной столб дам — это пожалуйста. Но мне они не поверят — можете голову давать на отсечение. Потому я и держусь от них подальше. Даже в Библии сказано: «Не шатайся с придурками и не сиди в совете недоумков».

Время от времени он срывался:

— Я не могу это делать у себя дома. Там просто нет места. Я не чувствую полета. Я должен подняться в открытое небо. Я хочу взлететь в воздух и полетать как следует.

— Вас увидят.

— Я могу ночью.

— Ночью вы врежетесь в холм и убьетесь.

— Я поднимусь повыше.

— А что вы тогда увидите ночью?

— Я найду место, где нет людей.

— Где,— спросил я,— где в наше время нет людей?

В этот день снова победила моя неопровержимая логика, но он становился все несчастнее и несчастнее и наконец не пока-

зывался мне на глаза несколько дней. Дома его не было. В его гараже мне сказали, что он взял двухнедельный отпуск, на который имел право, и где он сейчас — они не знают. Не то чтобы мне не хватало его щедрости — если и да, то не очень,— но я был обеспокоен мыслями о том, на какие необдуманные поступки могла подвигнуть его тяга к парению в воздухе.

В конце концов он вернулся к себе домой и позвонил мне. Я еле-еле узнал его потерянный голос, и, конечно же, когда он сказал, что я ему очень нужен, я немедленно поспешил к нему.

Он сидел у себя в комнате, надломленный и печальный.

— Джордж,— сказал он.— Джордж, мне не следовало никогда этого делать.

— Чего, Бальдур?

И тут его прорвало.

— Помните, я говорил вам, что хочу найти безлюдное место?

— Помню.

— Мне пришла в голову мысль. Я выбрал время, когда по прогнозу ожидалось несколько ясных дней, и поехал нанимать самолет. Знаете, есть такие аэропорты, где можно нанять самолет за деньги — как такси, только летающее.

— Знаю, знаю,— подтвердил я.

— Ну, я попросил этого парня отлететь за пригороды и полетать над сельской глушью. Сказал, что хочу полюбоваться пейзажами. На самом-то деле я хотел найти по-настоящему безлюдное место, а когда найду, узнать, как оно называется, чтобы потом вернуться туда одному и полетать всласть.

— Бальдур,— сказал я,— с неба нельзя это распознать. Место сверху покажется вам пустым, а на самом деле там полно народу.

Он горько ответил:

— Теперь-то что толку мне это говорить.— Он сокрушенно покачал головой, вздохнул и продолжил: — Это был настоящий допотопный аэроплан. С открытой кабиной спереди и открытым местом для пассажира сзади. Я высунулся подальше, чтобы посмотреть, нет ли внизу шоссе, или автомобилей, или ферм. Для удобства я отстегнул ремень — я же умею летать и высоты не боюсь. Только я высунулся, как тут летчик, не зная про то, заложил вираж, и аэроплан наклонился как раз на ту сторону,

куда я высунулся. Я не успел ни за что схватиться и просто выпал.

— О господи! — произнес я.

Рядом с Бальдуром стояла жестянка с пивом, и он жадно к ней припал. Вытерев рот тыльной стороной руки, он спросил:

— Джордж, вы когда-нибудь выпадали из самолета без парашюта?

— Нет,— ответил я.— Теперь, когда вы спросили, я припоминаю, что никогда даже и не пробовал.

— Попробуйте как-нибудь,— сказал Бальдур,— это довольно занятно. Для меня это случилось полностью неожиданно. Я довольно долго не мог сообразить, что же случилось. Вокруг был воздух, а земля вроде как вертелась у меня над головой туда и сюда, и я сам себя спросил, что это за чертовщина. А потом я почувствовал ветер, все сильнее и сильнее, только непонятно было, откуда он дул. И тогда мне в голову стукнуло, что это же я выпал. И тут я сказал себе: «Я падаю. Эй, я падаю!» А земля становилась ближе, и была внизу, и я очень быстро спускался. Хотелось закрыть глаза, но я понимал, что пользы с того не будет.

И можете мне поверить, Джордж, я за все это время даже не вспомнил, что умею летать. Я был так удивлен, что мог бы и погибнуть. Но когда я почти уже упал, я все вспомнил и тогда сказал себе: «Я могу летать! Я могу летать!» И это, понимаете, получилось как катание на пружинных качелях. Будто воздух ко мне привязали сверху, и он меня тормозил вроде большой резиновой ленты. И уже над верхушками деревьев я летел медленно-медленно и подумал: вот сейчас время парить. Однако я вроде как устал, так что я вытянулся, еще замедлился и очень плавно и мягко встал на землю.

И вы были правы, Джордж. Сверху казалось, что все пусто, а когда я спустился на землю, там уже собралась целая толпа, и рядом была какая-то вроде церковь, я ее сверху не заметил из-за деревьев.

Бальдур закрыл глаза и постарался унять судорожное дыхание.

— Что случилось, Бальдур? — наконец спросил я.

— Никогда не угадаете,— ответил он.

— Не собираюсь гадать,— ответил я.— Скажите, да и все.

Он открыл глаза и сказал:

— Они вылезли из церкви — настоящей церкви, где читают Библию,— и один из них пал на колени, поднял руки к небу и завопил: «Чудо! Чудо!» — а все остальные вслед за ним. Вы такого шума никогда не слышали. А другой какой-то подошел ко мне — толстый такой коротышка — да и говорит мне: «Я доктор. Что тут у вас случилось?» Я и не знал, что ему сказать. Как объяснить, если ты с неба свалился? Они уже стали меня в ангелы записывать. Так что пришлось сказать правду: «Я случайно свалился с самолета». А они снова завопили про чудо.

А доктор тогда и говорит: «У вас был парашют?» А как я ему скажу, что у меня был парашют, если никакого парашюта близко нет? «Нету»,— говорю. А он говорит: «Все тут видели, как вы медленно спускались и мягко приземлились». А тут другой какой-то — потом выяснилось, что причетник местной церкви — говорит таким странным голосом, вроде как завывает: «Ибо рука Господа его поддержала».

Этого уже я не выдержал и говорю: «Ни фига. Это антигравитационный прибор». А доктор на меня: «Какой-какой?» — «Антигравитационный»,— говорю. А он ржет, как будто я невесть как сострил, и говорит: «Я бы на вашем месте держался гипотезы о руке Господа».

А тем временем пилот на своем аэроплане приземлился, белый как бумага, и твердит как попугай: «Я не виноват. Этот дурень отстегнул ремень». Тут он меня увидел и заругался так, что вообразить невозможно. «Ты! — говорит.— Как ты сюда попал? У тебя ж ни хрена парашюта не было». Тут все вокруг запели что-то вроде псалма, а причетник хватает пилота за руку и объясняет, что рука Господа меня спасла, и спасла потому, что у меня в мире есть какая-то работа неимоверной важности, и что-то вроде того, что каждый в его пастве в этот великий день еще больше поверил в неусыпное попечение Господа на троне Его, и как печется Он о самом малом из нас, и прочее в том же роде.

Он даже меня заставил об этом задуматься — о том то есть, что я спасся для чего-то важного. Тут еще пачка докторов подвалила да еще корреспонденты, не знаю уж, кто их всех позвал, и они меня расспрашивали до тех пор, пока у меня вроде крыша уже поехала, тогда их остановили доктора и повезли меня в больницу на обследование.

— Вас на самом деле положили в больницу? — тупо переспросил я.

— И ни на секунду не оставляли одного. Меня тиснули в местной газете под крупным заголовком, и приехал какой-то ученый из Рутжерса или как-то в этом роде. Я ему сказал про антигравитацию, и он расхохотался. А я ему говорю: «Вы же ученый, неужели вы тоже верите в чудо?» А он отвечает: «Есть много ученых, что верят в Бога, но нет ни одного, который верил бы в антигравитацию и вообще в то, что она возможна». А потом говорит: «Вы мне покажите, мистер Андерсон, как это работает, и я переменю мнение».

И оно, конечно, не работало и до сих пор не работает.

К моему ужасу, Бальдур закрыл лицо руками и зарыдал.

— Возьмите себя в руки, Бальдур! — сказал я.— *Должно* работать.

Он покачал головой и сдавленным голосом сказал:

— Нет, не работает. Оно работало, пока я в это верил, а я больше не верю. Все говорят, что это было чудо. В антигравитацию не верит никто. Они все ржут, а ученый сказал, что прибор — это просто кусок металла без источника питания и органов управления, а антигравитация невозможна из-за Эйнштейна, который теория относительности. Джордж, мне надо было вас слушаться. Теперь я никогда не смогу летать, потому что потерял веру. Может быть, никакой антигравитации не было, а просто Бог решил почему-то действовать через вас. Я уверовал в Бога и потерял веру в науку.

Беднята. Он и в самом деле больше никогда не летал. Устройство он мне вернул, и я отдал его Азазелу.

Вскоре Бальдур оставил работу, переехал поближе к той церкви, где приземлился, и теперь служит там дьяконом. Он там в большом почете, ибо они считают, что на нем почиет десница Господня.

Я посмотрел на Джорджа испытующим взглядом, но на его лице, как и всегда при упоминании Азазела, не отражалось ничего, кроме самой простодушной искренности.

— Джордж,— спросил я,— это было недавно?

— В прошлом году.

— Со всем этим шумом насчет чуда, толпами корреспондентов и аршинными заголовками в газетах?

— Совершенно верно.

— Как вы тогда объясните, что я ничего подобного в газетах не видел?

Джордж полез в карман, достал пять долларов восемьдесят два цента — сдачу, которую он аккуратно собрал, когда я расплатился за обед двумя бумажками в двадцать и десять долларов. Банкнот он отложил отдельно и сказал:

— Пять долларов ставлю, что смогу объяснить.

Ни минуты не колеблясь, я сказал:

— Отвечаю пятью долларами, что не сможете.

— Вы,— сказал он,— читаете только «Нью-Йорк таймс», верно?

— Верно.

— А «Нью-Йорк таймс», из почтения к той публике, которую она называет «наш интеллектуальный читатель», все сообщения о чудесах помещает мелким шрифтом на тридцать первой странице, рядом с рекламой купальников-бикини, так ведь?

— Возможно, но почему вы не можете предположить, что я читаю даже самые мелкие сообщения о новостях?

— Да потому,— торжествующе объявил Джордж.— Все же знают, что ничего, кроме самых крупных заголовков, вы не замечаете. Вы же проглядываете «Нью-Йорк таймс» только в поисках упоминания своей фамилии.

Немного подумав, я дал ему еще пять долларов. Хотя сказанное им и было неправдой, это, как я понимал, вполне могло быть общепринятым мнением, а с ним спорить бессмысленно.

Я ЛЮБЛЮ МАЛЕНЬКУЮ КИСКУ

Чудесным весенним днем мы с Джорджем сидели на скамейке в парке. Неожиданно неподалеку от нас появилась кошка. Я знал, что в парке водятся одичавшие кошки, к которым опасно приближаться, но этот экземпляр очень походил на ухоженную домашнюю киску. Поскольку я горжусь тем фактом, что кошки всегда относились ко мне дружелюбно, я протянул руку, киска понюхала ее и позволила погладить себя по голове.

Я был изрядно удивлен, когда Джордж пробормотал:

— Гнусный маленький зверь.

— Вы не любите кошек, Джордж?

— А как может быть, учитывая отсвет моей печальной истории? — немного странно ответил он и тяжело вздохнул.

— Уверен, что ваша история печальна, как сама ваша жизнь,— сказал я.— Иначе и быть не могло с вашим-то характером. И все же я не имею понятия, что в ней какую-то роль сыграли кошки.

— Дело в том, что я никогда не рассказывал вам о моей троюродной сестре, Андромахе.

— Андромахе?

— Ее отец занимался изучением античности, отсюда и несколько удивительное имя. У него были кое-какие деньги, которые он завещал кузине Андромахе, что и случилось из-за его ранней кончины, а она, благодаря удачным вложениям, сумела их умножить.

Меня он в свое завещание не включил. В момент его смерти мне было пять лет, и он не имел возможности мне что-то оставить, хотя более щедрая натура, чем его, могла бы организовать какой-нибудь фонд и приписать к нему меня.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Прошло время, я вырос и сообразил, что кузина Андромаха, которая была на двадцать два года старше, вполне может уйти в мир иной раньше меня. И тогда мне пришло в голову — я был не по годам развитой мальчик, вдумчивый и склонный заботиться о будущем,— что в таком случае я смогу получить существенную часть «добычи».

Если, конечно, я сумею, как ты говоришь, к ней подлизаться. Пожалуйста, не пытайся предвосхитить мои слова, речь пойдет совсем о другом. Я лишь хотел сказать, что сообразил: для того чтобы получить по наследству часть ее денег, мне следует щедро отдавать ей тепло и любовь, которые она, несомненно, заслужила.

Так уж получилось, что сестрица Андромаха отчаянно нуждалась в тепле и заботе. Когда я все еще был подростком, а ее возраст приближался к сорока годам, я понял, что она стала старой девой, к которой не прикасались руки мужчин. Даже в моем юном возрасте я ей сочувствовал. Она была высокой и тощей, с длинным некрасивым лицом, большими зубами, маленькими глазами, редкими волосами и фигурой, говорить о которой не хотелось.

Однажды, руководствуясь естественным любопытством, я спросил у нее, чтобы определить, насколько такой исход будет вероятным:

— Кузина Андромаха, а тебя кто-нибудь звал замуж?

Она повернулась ко мне с угрожающим видом и ответила:

— Просил меня выйти замуж? Ха! Хотела бы я посмотреть в глаза этому типу!

Пожалуй, она бы хотела, чтобы это событие произошло, но я уже в юности, как вы поняли, обладал удивительным чувством такта и промолчал.

Между тем она продолжала:

— Если у мужчины хватит наглости предложить мне выйти замуж за него, я ему кое-что расскажу и научу его, как следует приближаться к респектабельной женщине со столь щепетильными намерениями.

Я не совсем понял, что такого нежного заключено в предложении брачных уз и как это может оскорбить респектабельную женщину, но мне показалось, что глупо — и даже опасно — задавать подобные вопросы.

В течение нескольких лет я продолжал надеяться, что найдется извращенец, который настолько заинтересуется моей кузиной Андромахой, что сделает ей пару предложений, поскольку мне хотелось посмотреть, как она себя поведет,— впрочем, сам я намеревался оставаться на безопасном расстоянии. Однако складывалось впечатление, что рассчитывать на такой поворот событий не приходится. Даже ее растущее состояние не делало кузину Андромаху настолько привлекательной для мужской половины населения, чтобы кто-то решился предложить ей руку и сердце. Казалось, все мужчины прикинули цену, которую им придется заплатить, и навсегда отказались от таких мыслей.

Абстрактное изучение проблемы со стороны привело к тому, что я понял: меня такое развитие событий вполне устраивает. Кузина Андромаха, не имевшая мужа и детей, не должна была забыть о своем троюродном брате во время составления завещания. Более того, поскольку она была единственным ребенком, превратности судьбы лишили ее большинства родственников — у нее не осталось никого ближе меня. Повторю, меня такое положение дел вполне устраивало, поскольку мне не приходилось очень стараться, чтобы заслужить ее привязанность. А так, понемногу, без особых усилий, я мог стать ее единственным наследником.

Но стоило ей достичь сорока лет, как она решила, что ей следует завести спутника жизни иного рода — раз уж не нашлось мужчин, способных рискнуть и вызвать ее гнев предложением брачных уз.

Собаки ей не нравились, Андромаха была уверена, что все они мечтают только о том, как бы ее укусить. Я бы с удовольствием ей разъяснил, что даже самая голодная собака едва ли нашла бы в кузине Андромахе лакомый кусочек, но я был уверен, что это ее не успокоит, а вот мои позиции подорвет. И предпочел помалкивать.

Лошади казались ей слишком большими, а потому пугали, хомяки — слишком маленькими, в результате она убедила себя, что хочет кошку.

Вскоре она завела маленького серого котенка женского пола и самой обычной внешности и излила на него все свои запасы нерастраченной любви.

Продемонстрировав полное отсутствие воображения, она назвала котенка Киска, и это имя сохранилось за ним навсегда, несмотря на изменение размеров и характера.

Мало того, кузина полюбила укачивать котенка на руках, хрипло напевая при этом:

> Я люблю маленькую киску, у нее такая теплая шерстка,
> И если я не буду ее дразнить, она меня не обидит.
> Я буду ее жалеть и гладить, а она не будет гадить.
> Я буду ее кормить, и хорошая киска станет меня любить.

Это было просто тошнотворно.

Не стану скрывать, старина, что сначала меня это изрядно встревожило. В голове появились мысли о спятивших старых девах, которые оставляют свои деньги изнеженным равнодушным любимцам.

Конечно, я подумал, что котенка можно похитить и утопить или отнести в зоопарк и скормить львам, но в таком случае кузина Андромаха попросту завела бы нового.

Кроме того, она могла заподозрить меня в котоубийстве. Если учесть паранойю, свойственную старым девам, кузина Андромаха вполне могла вбить себе в голову, что я охочусь за ее деньгами, и тогда многие факты предстали бы совсем в другом свете. Более того, у меня имелись серьезные основания считать, что у нее уже появились подобные мысли.

И тогда я решил изменить соотношение сил. Почему бы мне не продемонстрировать любовь к котенку? Я принялся играть с ним в идиотские игры, давая возможность сражаться с куском бечевки, гладил его с особенной страстью, когда Андромаха смотрела на меня, кормил зверька, причем из собственной тарелки, даже в те моменты, когда кузина Андромаха на нас не смотрела.

Должен сказать, что у меня получилось. Кузина Андромаха заметно смягчилась. Вероятно, она пришла к выводу, что я не могу интересоваться деньгами Киски, поскольку у нее их попросту не было, а потому мое расположение к котенку объяснила моей чистой любовью ко всем божьим тварям. Я помог ей утвердиться в этой мысли, с жаром рассказывая о своей любви ко всем животным. Это позволило кузине принять мою любовь и меньше думать о моих скрытых мотивах.

Однако котенок рано или поздно превращается в кошку — кажется, об этом говорил Огден Нэш? Ну, ясное дело, мои лучшие мысли всегда кто-то крадет. Я к этому привык.

Уж и не знаю, старина, была ли у тебя когда-нибудь кошка, но с возрастом они становятся большими. Их эгоизм и самоуверенность растут, как и презрение к хозяевам, постепенно их начинают интересовать только еда и сон. И в их маленьком мозгу не остается места, чтобы думать об удобствах тех, кто их кормит.

Кроме того, у Киски заметно испортился характер. Мне всегда казалось, что кошки отличаются мирным нравом — по сравнению с агрессивными котами. Однако не оставалось сомнений, что Киска, несмотря на свой пол, походила на самого настоящего кота. Более того, с каждым днем она все больше меня не любила и всякий раз старалась сделать мне какую-нибудь гадость. Вот что я тебе скажу, старина: я был даже готов поверить, что она способна читать мои мысли.

Ухудшение характера Киски привело к тому, что кузина Андромаха все чаще оказывалась в дурном настроении. Однажды я нашел ее в слезах, точнее, готовой расплакаться — больше ей не позволял жесткий характер.

— О, кузен Джордж,— сказала она.— Киска меня не любит.

А Киска в этот момент удобно устроилась на полу в пяти футах от нас и смотрела на нее с выражением надменного презрения — обычно она приберегала его для меня. Теперь же она удостоила меня взглядом, полным откровенной ненависти.

Я позвал Киску, но она лишь презрительно фыркнула и не сдвинулась с места. Тогда я подошел к ней и взял на руки. Она весила добрых четырнадцать фунтов, а потому задача была не такой уж простой, в особенности если учесть, что она приготовила правую переднюю лапу (самую опасную), чтобы нанести быстрый удар.

Однако я прижал к ее телу обе передние лапы, и она равнодушно повисла в моих руках, каким-то непостижимым образом удвоив свою тяжесть. Я убежден, что только кошки и самые отвратительные дети знают эту тайну — меня до сих пор поражает, что ученые не пытаются исследовать данный феномен.

Я положил кошку на колени кузины Андромахи, указал на нее и сказал:

— Вот видите, кузина Андромаха, Киска вас любит.

Но это отвлекло мое внимание от злобного дьявола — и Киска прокусила мой указательный палец до самой кости. Затем она спрыгнула с колен кузины Андромахи и пошла прочь.

Кузина вскричала:

— Вот видишь, она меня не любит!

Как и следовало ожидать, Андромаха не обратила внимания на мой изувеченный палец. Я с глубокой обидой засунул его в рот и сказал:

— Кофки фсегда так фебя федут. Пофму бы не отдать Кифку тому, кофо фы ненафидите, и не зафести нофого кофенка?

— О нет,— сказала кузина Андромаха, обратила на меня свой строгий взор и издевательски произнесла: — Я люфлю мафенькую фиску. Неужели не существует способа обучить кошку так, чтобы она демонстрировала свою любовь?

Мне хотелось произнести в ответ остроумное замечание — сказать, что гораздо легче обучить кузину Андромаху стать хорошенькой, но мне удалось подавить в себе эту мысль, поскольку во мне созрела новая блестящая идея.

Незадолго до этого я подружился с Азазелом, поэтому зажав палец в кулаке другой руки, произнес:

— Кузина Андромаха, я уверен, что смогу обучить Киску выражать вам свою любовь,— сказал я.

— Ты? — едко осведомилась она.

Она часто использовала это слово, произнося его именно с данной интонацией, и я не раз думал о том, что я мог бы ей ответить, если бы меня не связывало...

Однако идея казалась мне все более и более привлекательной, когда я представлял себе, какую благодарность станет испытывать ко мне кузина Андромаха, если я сумею довести дело до конца.

— Кузина Андромаха,— начал я, преданно глядя ей в глаза,— позвольте мне забрать Киску на один день — всего на один день. И я привезу обратно любящее существо, которое будет с радостью сидеть у вас на коленях и мурлыкать вам в ухо.

Кузина Андромаха задумалась.

— Ты сможешь быть добрым к ней? Ты ведь знаешь, Киска очень чувствительное существо, стеснительное и нежное.

Да уж, действительно стеснительное и нежное — как рассвиреневший гризли.

— Я буду о ней хорошо заботиться, кузина Андромаха,— вкрадчиво пробормотал я.

В конце концов мечта кузины Андромахи иметь любящую киску заставила ее преодолеть все сомнения, и она отдала мне маленькое существо, взяв с меня обещание защищать его от жестокого внешнего мира.

Конечно, сначала мне пришлось купить клетку с прутьями толщиной с мой большой палец. Такие прутья должны были удержать Киску — конечно, если она не будет слишком злиться. И мы ушли вместе.

В те дни Азазел так не сердился, когда я его призывал, как он это делает сейчас, потому что Земля вызывала у него любопытство.

Однако в тот раз он был напуган до ужаса. Азазел так пронзительно закричал, что мне показалось: чья-то жестокая рука загнала мне в уши нож для колки льда.

— В чем дело! — спросил я, прижимая руки к пострадавшим органам.

— Это существо! — Азазел указал хвостом на Киску.— Что это такое?

Я повернулся и посмотрел на Киску. Она улеглась на дно клетки. Жуткие зеленые глаза жадно смотрели на Азазела. Хвост пару раз дрогнул, а потом Киска бросилась на прутья, и клетка задрожала. Азазел снова закричал.

— Это всего лишь кошка,— успокаивающе сказал я.— Маленький котенок.

— Посади меня к себе в карман! — заверещал Азазел.— Посади меня в карман.

В целом идея показалась мне разумной. Я тут же засунул его в карман рубашки, где он дрожал, как камертон, а Киска, разозленная его исчезновением, плевалась и шипела.

Наконец из моего кармана донеслись внятные слова.

— О, мой гибкий сильный хвост! — простонал Азазел.— Это существо похоже на дракопатана — так похоже! Дракопатаны — злобные звери, которые кусают и рвут когтями все живое, но

твоя кошка крупнее и опаснее. Зачем ты показал меня страшному зверю, о нарост с планеты мусора?

— О Бесстрашный Хозяин Вселенной,— ответил я.— Мой вызов связан с этим животным, которого зовут Киска. Ты должен показать свое несравненное могущество.

— Нет, нет,— послышался приглушенный стон.

— Нужно сделать из него хорошую кошку. Я хочу, чтобы Киска любила мою кузину Андромаху, которой принадлежит это животное. Киска должна относиться к моей кузине с любовью и нежностью...

Азазел несколько секунд краешком глазом смотрел из моего нагрудного кармана на Киску.

— В этом существе есть любовь только к самому себе. Это совершенно очевидно из его С-ауры.

— Совершенно верно! А ты должен к ней добавить любовь к моей кузине Андромахе.

— Что ты хочешь сказать? Добавить любовь? Неужели тебе неизвестно о законе сохранения эмоций, необразованный олух? Любовь добавить невозможно. Ее лишь можно перенести с одного объекта на другой.

— Так и сделай,— сказал я.— Пусть любовь Киски к себе будет направлена на кузину Андромаху.

— Перенести часть эгоистической любви супердракопатана — задача непосильная. Я видел, как мои соплеменники безнадежно надрывались, решая менее сложные проблемы.

— Тогда возьми любовь из другого места, О Величайший. Ты хочешь, чтобы всем стало известно, что ты спасовал перед такой простой проблемой?

Тщеславие было и остается главной слабостью Азазела, и я видел, что он мучительно ищет способ решения задачи.

— Ну ладно, я попытаюсь. У тебя есть что-нибудь, похожее на твою кузину? С очень хорошим сходством?

Конечно, у меня была фотография — вот только можно ли было считать сходство хорошим? Впрочем, я решил не думать о философской стороне вопроса и принес большой портрет кузины Андромахи, который всегда ставил на видное место перед ее визитом ко мне. Конечно, приходилось сначала выносить из гостиной фиговое дерево, поскольку листья у дерева сразу начинали опадать, как только рядом оказывалась фотография.

Азазел с сомнением посмотрел на портрет и вздохнул.

— Очень хорошо,— сказал он,— но помни, что это не магия, а наука. Я способен работать только в рамках закона сохранения эмоций.

Но какое мне было дело до границ закона, если Азазел обещал выполнить мою просьбу?

На следующий день я принес Киску кузине Андромахе. Киска всегда была сильной и злобной кошкой, но ее равнодушие ко всем остальным привело к апатии, которая ограничивала проявления злобы. А сейчас, охваченная дикой любовью к кузине Андромахе, разочарованная из-за отсутствия предмета обожания, она превратилась в настоящего демона. Она дала мне понять, что, если бы не прутья клетки, опасно гнувшиеся под ее напором, она бы растерзала меня на мелкие кусочки. Честно говоря, я в этом не сомневался.

Однако настроение Киски моментально изменилось, стоило ей заметить свою госпожу. Плюющийся злобный дьявол разом превратился в мурлыкающе нежное создание. Она улеглась на спину, демонстрируя большой мускулистый живот — не вызывало сомнений, она хотела, чтобы его почесали.

Кузина Андромаха с криком радости просунула палец сквозь прутья, чтобы исполнить желание Киски. Затем я открыл клетку, и кошка одним прыжком оказалась на руках кузины Андромахи, урча, словно грузовик, взбирающийся вверх по плохо вымощенной дороге. Шершавый язык лизнул впалую щеку моей кузины. Здесь я опускаю занавес, поскольку не вынесу дальнейшего описания. Достаточно добавить, что кузина Андромаха сказала злобной кошке:

— А ты скучала по своей любящей Андромахе?

Я с трудом сдержался, чтобы не сблевануть.

Однако я мужественно перенес все испытания, поскольку хотел кое-что услышать. И в самом деле, кузина Андромаха посмотрела на меня своими вдруг заблестевшими маленькими глазками и сказала:

— Спасибо тебе, кузен Джордж. Приношу извинения за то, что я в тебе сомневалась, и обещаю, что до дня моей смерти не забуду этого и отблагодарю тебя за доброту.

— Я получил от этого удовольствие, кузина Андромаха,— ответил я.— И надеюсь, что день вашей смерти наступит только в очень далеком будущем.

Более того, если бы она прямо сейчас предоставила в мое распоряжение солидную сумму, то я бы даже искренне поверил в собственные слова — в пределах разумного, естественно.

Некоторое время я не навещал кузину Андромаху — мне не хотелось испытывать судьбу, поскольку в прошлом мое появление обычно вызывало довольно кислую реакцию с ее стороны — я и сам не понимаю, в чем была причина.

Впрочем, я периодически ей звонил, чтобы убедиться, что все в порядке, и, к моему растущему удовлетворению, дела у кузины Андромахи шли хорошо. Во всяком случае, она каждый раз жеманно вещала мне в ухо: «Я люблю маленькую Киску», а потом шли подробности поведения любящей кошки.

Месяца через три после того, как я брал к себе домой Киску, кузина Андромаха позвонила мне и пригласила на ланч. Естественно, желания кузины Андромахи всегда были для меня законом, и я поспешил к ней в гости. Поскольку по телефону ее голос показался мне веселым и довольным, у меня не возникло дурных предчувствий.

Не испытывал я никаких сомнений и в тот момент, когда входил в дом, хотя едва не поскользнулся на коврике, который мог держать при входе только человек с суицидальным комплексом. Кузина Андромаха приветствовала меня гримасой, которую следовало считать радостной улыбкой.

— Заходи, кузен Джордж,— сказала она.— Поздоровайся с маленькой Киской.

Я посмотрел на маленькую Киску и отпрянул от ужаса. Маленькая Киска — возможно, это произошло из-за того, что она была полна любви,— успела заметно подрасти. Казалось, ее длина теперь составляла три фута, не считая бьющего по бокам хвоста, а весила Киска никак не меньше двадцати пяти футов сухожилий и хрящей. Рот был приоткрыт в беззвучном оскале, клыки блестели, словно отполированные иглы, а в блеклых глазах я прочитал беспредельное презрение. Она встала между мной и кузиной Андромахой, словно охраняла глупую женщину от любого неверного движения с моей стороны.

Я не осмелился пошевелиться и уловил в собственном голосе дрожь, когда проговорил:

— А Киска не опасна, кузина Андромаха?

— Совершенно безопасна,— хихикая, ответила Андромаха — так скрипят несмазанные петли старых дверей.— Ведь она знает, что ты мой родственник, и хочет для меня только хорошего.

— Вот и отлично,— пробормотал я, с тревогой размышляя о том, способна ли Киска читать мои мысли.

Я решил, что нет — в противном случае жизнь моя уже закончилась бы.

Кузина Андромаха уселась на диване и жестом предложила мне занять кресло. Однако я сначала подождал, пока Киска запрыгнет на диван и радостно положит голову на колени кузины Андромахи, и только после этого рискнул сесть сам.

— Конечно,— продолжала кузина Андромаха,— моя милая маленькая Киска бывает немного неблагоразумной, когда она думает, что кто-то намерен причинить мне вред. Пару недель назад мальчишка — разносчик газет бросил в сторону моей двери газету как раз в тот момент, когда я выходила из дома. Газета ударила мне в плечо. Я совсем не пострадала, но Киска моментально бросилась на мальчишку. Если бы он не налег изо всех сил на педали, то даже не знаю, что могло бы с ним произойти. А теперь мальчишка не желает возвращаться, и мне приходится выходить из дома каждое утро, чтобы покупать газеты в киоске. Однако мне приятно знать, что я надежно защищена от воров и грабителей.

При словах «воров или грабителей» маленькая Киска вспомнила обо мне, повернулась и посмотрела на меня, и в ее глазах зажглось адское пламя.

Мне показалось, я понял, что произошло. В конечном счете ненависть есть обратная сторона любви.

Прежде Киска не особенно сильно ненавидела всех, а любила только себя и — нельзя исключать такой возможности — кузину Андромаху. Чтобы увеличить любовь Киски к Андромахе, Азазел, следуя закону сохранения эмоций, был вынужден забрать любовь, направленную на все остальное. Поскольку ее любовь и прежде носила негативный характер, то эти эмоции

достигли невероятных высот. А так как Азазел добавил любовь щедрой рукой, то и ненависть стала безграничной. Короче говоря, Киска теперь ненавидела все вокруг со страстью, которая заставила увеличиваться ее мускулы, сделала более острыми зубы и когти, превратив Киску в машину смерти.

Между тем кузина Андромаха продолжала болтать.

— На прошлой неделе мы с Киской совершали утреннюю прогулку и встретили мистера Уолсингхэма с его доберманом. Я всячески стремилась избежать контакта с ними и даже перешла на противоположную сторону улицы, но собака увидела Киску и зарычала на маленькое невинное существо. Казалось, Киска не против, но доберман напугал меня — я совсем не люблю собак,— и я тихонько вскрикнула. У маленькой милой Киски сработал защитный инстинкт, и она тут же набросилась на собаку. У нас не было никакой возможности развести дерущихся в разные стороны, и, насколько я понимаю, собака до сих пор в лечебнице. Мистер Уолсингхэм попытался объявить Киску опасным животным, но во всем виновата собака, а Киска лишь меня защищала.

И с этими словами кузина Андромаха обняла Киску, так что ее щека оказалась в опасной близости от зубов кошки, сделав это без малейшей боязни. Затем она перешла к истинной цели моего приглашения.

На ее губах появилась самодовольная улыбка, и кузина Андромаха сказала:

— Однако я пригласила тебя для того, чтобы сообщить новость. Такие вещи лучше говорить лично, а не по телефону: у меня был гость — мужчина.

— Что? — Я слегка подпрыгнул, а Киска тут же приподнялась и выгнула спину. Я застыл в полной неподвижности.

Прошло много времени, и я успел все осмыслить. С тех пор как она почувствовала, что ее любят — пусть всего лишь кошка с Голгофы,— кузина Андромаха и ее жесткое сердце смягчились, теперь она была готова сочувственно посмотреть на бедную жертву мужского пола. И кто знает? Быть может, ее внутренняя сущность изменилась настолько, что кузина Андромаха стала привлекательной для кого-то со слабым зрением и полным отсутствием вкуса.

Но это я сообразил позднее. В тот момент, когда кузина Андромаха сообщила мне потрясающую новость, мой быстрый ум сразу ухватился за главное — моя преуспевающая родственница встретилась с человеком, которому могут отойти ее деньги и имущество.

Больше всего мне захотелось вскочить на ноги и встряхнуть кузину Андромаху, чтобы она вспомнила о своих семейных обязательствах. Однако тут же последовал второй импульс, заставивший меня сохранять полную неподвижность. Киска не спускала с меня полных ненависти глаз.

— Но, кузина Андромаха,— сказал я,— вы же всегда говорили, что, если какой-нибудь тип начнет увиваться вокруг вас, вы ему покажете! Почему бы не дать такой возможности Киске? Он сразу придет в себя.

— О, нет, Хендрик такой милый человек, и он так любит кошек. Он погладил Киску, и Киска ему позволила. Тогда я и поняла, что Хендрик хороший. Киска прекрасно разбирается в людях.

Полагаю, что даже Киска не смогла бы бросить на меня такой же исполненный ненависти взгляд, каким одарил ее я.

— В любом случае,— продолжала кузина Андромаха,— Хендрик придет сегодня, и я полагаю, что он намерен сделать мне предложение. Я хочу, чтобы ты об этом знал.

Я попытался что-то сказать, но не сумел. У меня возникло ощущение, что я лишился всех внутренних органов, осталась лишь кожа.

— И еще я хочу, кузен Джордж, чтобы ты знал: Хендрик уже отошел от дел, и он весьма богат. Мы с ним решили, что, если я покину наш мир раньше, чем он, Хендрик не получит ни пенни из моего скромного состояния. Оно перейдет к тебе, дорогой кузен Джордж, как к человеку, который превратил Киску в моего любящего спутника и защитника.

Кто-то вновь включил солнце, вокруг опять стало светло, а мои внутренние органы вернулись на прежние места. И мне вдруг пришло в голову: если Хендрик умрет первым, то его состояние почти наверняка прибавится к состоянию кузины Андромахи, а со временем перейдет ко мне.

— Кузина Андромаха,— заявил я звенящим голосом.— Ваши деньги меня не интересуют. Лишь ваша любовь и счастье

имеют для меня значение. Выходите замуж за Хендрика, будьте счастливы и живите вечно. Больше я ни о чем не прошу.

Я сказал это с полнейшей искренностью, так что даже едва не убедил самого себя.

А потом настал тот вечер...

Конечно, меня там не было, но я узнал подробности позднее. Хендрику уже исполнилось семьдесят. В нем было немногим больше пяти футов роста, и весил он почти сто восемьдесят фунтов.

Она открыла ему дверь и игриво отступила назад. Он широко развел руки в стороны и вскричал:

— Любовь моя! — Шагнул вперед, поскользнулся на коврике, его ноги устремились вперед, и он сбил кузину Андромаху.

Больше ничего Киске не требовалось. Она поняла, что ее госпожу атакуют. К тому моменту, когда визжащая Андромаха оторвала визжащую Киску от визжащего Хендрика, было уже невозможно рассчитывать на романтическое предложение руки и сердца. Более того, было слишком поздно рассчитывать на участие в дальнейших событиях мистера Хендрика.

Два дня спустя я посетил его в больнице, выполняя истерическую просьбу кузины Андромахи. Он был забинтован до самых бровей, а врачи обсуждали различные варианты пересадки кожи.

Я представился Хендрику, который тут же разрыдался, промочив бинты, и принялся умолять меня передать своей прекрасной родственнице, что это расплата за его неверность первой жене, Эммелайн, умершей семнадцать лет назад, и за то, что ему могло прийти в голову жениться на другой женщине.

— Передайте вашей кузине,— сказал он,— что мы навсегда останемся лучшими друзьями, но я больше не осмелюсь с ней встретиться, ведь я человек из плоти и крови, а свидание с ней может привести к возникновению мыслей о любви — и тогда меня вновь атакует ее медведь гризли.

Я сообщил печальную новость кузине Андромахе, которая тут же слегла в постель: ведь по ее вине лучший из мужчин оказался навсегда искалечен — тут она была совершенно права.

Ну а остальное, старина, настоящая трагедия. Я бы мог поклясться, что кузина Андромаха не способна умереть от разби-

того сердца, но целая команда специалистов в один голос утверждала, что так оно и есть. Конечно, это печально, но настоящая трагедия, о которой я хочу рассказать, состояла в том, что она успела изменить завещание.

В новом завещании она выражала большую любовь ко мне и уверенность, что я слишком благороден, чтобы забивать свою голову заботами о нескольких пенни, а потому она завещает все состояние, триста тысяч долларов, не мне, а своей потерянной любви, Хендрику, надеясь, что это сможет компенсировать его страдания и медицинские счета — ведь именно она во всем виновата.

Все это было написано так прочувственно, что адвокат, читавший мне завещание, разрыдался, а вслед за ним и я, ну, ты меня понимаешь.

Однако я не был забыт. Кузина Андромаха завещала мне то, что, как она не сомневалась, значило для меня много больше, чем жалкие деньги. Короче, она оставила мне Киску.

Джордж замолчал, неподвижно глядя в пустоту, а я не удержался и спросил:

— И Киска до сих пор у вас?

Он поднял голову, с трудом сфокусировал на мне взгляд и ответил:

— Ну, не совсем. В тот самый день, когда я ее получил, Киску растоптала лошадь.

— Лошадь?

— Да. Сама лошадь умерла от ран на следующий день. Очень жаль, ведь она была ни в чем не виновата. К счастью, никто не увидел, как я открыл клетку с Киской и вытряхнул ее на пол конюшни.

Потом его глаза вновь остекленели, а губы беззвучно произнесли: триста — тысяч — долларов!

Потом он повернулся ко мне и спросил:

— Вы можете одолжить мне десятку?

Что я мог ответить?

СУМАСШЕДШИЙ УЧЕНЫЙ

Обычно мы с Джорджем встречаемся где-нибудь на нейтральной территории — в ресторане или на парковой скамейке, например. Причина этого проста: моя жена не хочет видеть его у нас дома, поскольку он, как она считает, «халявщик» — слово, заимствованное у младшей дочери и означающее нелестную характеристику любителя дармовщинки. Я с этим соглашаюсь. К тому же она совершенно иммунна к его обаянию, а я, по какой-то необъяснимой странности,— нет.

Но в тот день моя благоверная супруга была в отсутствии, и Джордж об этом знал, поэтому он зашел вечером. Я не решился выставить его за дверь и был вынужден пригласить в комнату, изображая гостеприимство, насколько был на это способен. Способен же я был на немногое, поскольку меня страшно поджимал срок сдачи рассказа и большая куча невычитанных гранок.

— Вы не против, надеюсь,— спросил я,— если я сначала закончу эту работу? Возьмите пока какую-нибудь книжку почитать — вон там, на полках.

Я не надеялся, что он возьмет книгу. Он посмотрел сначала на меня, потом показал на гранки и спросил:

— И давно вы зарабатываете на жизнь вот этим?

— Пятьдесят лет,— промямлил я.

— И не надоело? — спросил он.— Почему бы не бросить?

— Потому что,— с большим достоинством ответил я,— мне приходится зарабатывать деньги для поддержки своих друзей, имеющих привычку постоянно обедать за мой счет.

© Перевод М. Левина.

Я хотел его уколоть, но Джордж непробиваем. Он сказал:

— За пятьдесят лет писаний о сумасшедших ученых у человека мозги могут усохнуть в горошинку.

А вот ему меня удалось уколоть. И я довольно резко ответил:

— Историй о сумасшедших ученых я не пишу. И никто из фантастов, работающих на уровне хоть чуть-чуть выше комикса, этого не делает. Рассказы о сумасшедших ученых писали во времена неандертальцев и примерно с тех пор больше не пишут.

— А почему?

— А потому что это уже не носят. А главное, что сумасшествие ученых — это общепринятая банальность в среде самых необразованных и ограниченных людей. Сумасшедших ученых не бывает. У некоторых может проявляться свойственная гениям эксцентричность — бывает, но сумасшествие — никогда.

— Ну уж,— возразил Джордж.— Я знавал одного ученого-психа. Пол-Сэмюэл Иствуд Хэрман. Он даже по инициалам был П.-С. И. Х. Слыхали вы о нем?

— Никогда,— ответил я, демонстративно вперяясь взглядом в гранки.

— Я бы не назвал его клиническим больным,— продолжал Джордж, полностью игнорируя мои действия,— но всякий средний, ограниченный, обыкновенный обыватель — вот вы, например,— признал бы его сумасшедшим. Я вам расскажу, что с ним произошло...

— В другой раз,— взмолился я.

Несмотря на вашу любительскую попытку изобразить занятость, говорил Джордж, я вижу, что вы сгораете от нетерпения услышать историю, и я не буду вас больше мучить, а приступаю прямо к рассказу. Мой добрый приятель Пол-Сэмюэл Иствуд Хэрман был физиком. Ученую степень он получил в Медведоугле, штат Теннесси, и во времена, о которых я рассказываю, занимал должность профессора физики в Недоумлендском подготовительном колледже с физическим уклоном для умственно отсталых студентов.

Мы с ним иногда завтракали в столовой колледжа на углу Дрекселя и авеню Д, там, где с лотка торгуют блинами. Мы

обычно сидели на веранде и ели блины, иногда кныш, и он изливал мне душу.

Он был блестящим физиком, но желчным человеком. Мои познания в физике заканчиваются где-то около времени Ньютона и Г. Декарта, поэтому я не мог лично судить о том, насколько он блестящий физик, но он мне об этом говорил сам, а так один блестящий физик всегда сможет распознать другого.

А желчность его вызывалась тем, что его не принимали всерьез. Он мне говаривал:

— Джордж, в мире физики все определяется связями. Если бы у меня была ученая степень, полученная в Гарварде, диплом Йеля, или МИТ, или Калтеха, или даже из Колумбийского университета, весь мир ловил бы каждое мое слово. А степень, присужденная в Медведоугле, и кафедра в Недоумлендском ПКУО, я должен признать, впечатляют гораздо меньше.

— Я так понимаю, что Недоумленд не входит в Лигу плюща.

— И вы не ошибаетесь. Он именно что не входит. Гораздо хуже: у него нет даже футбольной команды. Но,— добавил он, как бы сам отводя это обвинение,— у Колумбийского тоже нет, и все равно меня просто игнорируют. «Физикал ревью» не печатает моих исследовательских работ. Они блестящие, революционные, они касаются самих основ мироздания,— тут у него в глазах появился тот блеск, из-за которого примитивные люди вроде вас считали его психом,— но ведь не только «Ф. р.», но и «Американский космологический журнал», и «Коннектикутский журнал по взаимодействиям частиц», и даже «Латвийское общество недопустимых мыслей» их не берут!

— Это плохо,— отозвался я, пытаясь угадать, заплатит ли он еще за один картофельный кныш, которые в этой забегаловке делали превосходно.— А вы пробовали печататься самостоятельно?

— Я действительно бывал близок к отчаянию,— возразил он,— но у меня есть гордость, Джордж, и я ни за что не стану платить деньги, чтобы напечатать свою теорию, которая потрясет мир.

— А кстати,— спросил я из праздного, в общем-то, любопытства,— в чем состоит ваша теория, которая должна потрясти мир?

Он оглянулся по сторонам, проверяя, что в пределах слышимости нет ни одного его коллеги. К счастью, по соседству на-

ходились только несколько потрепанных индивидуумов, занимавшихся детальной инспекцией мусорных баков, и тщательное визуальное исследование позволило с достаточной степенью уверенности заключить, что никто из них не был членом ученого совета Недоумлендского ПКУО.

— Я не буду вдаваться в детали,— заявил он,— поскольку должен думать о приоритете. Дело в том, что мои академические собратья, весьма достойные люди во многих отношениях, без малейшего сомнения, сопрут любую интеллектуальную собственность у кого угодно. Потому я опущу все расчеты и намекну только о результатах. Я полагаю, вы знаете, что достаточная энергия в достаточной концентрации порождает электронно-позитронную пару, или, в более общем случае, произвольную пару «частица — античастица».

Я вдумчиво кивнул. В конце концов, старина, я однажды проглядел какое-то из ваших эссе на научную тему, и там что-то такое было.

А Хэрман продолжал:

— Эти частица с античастицей отклоняются магнитным полем, одна налево, другая направо, и если они находятся в глубоком вакууме, то разделяются навечно, не превращаясь снова в энергию, поскольку в этом вакууме им не с чем взаимодействовать.

— А,— сказал я, провожая мысленным взором эту мелюзгу в глубокий вакуум.— Вот это очень верно.

Он продолжал:

— Но уравнение, которому они подчиняются, работает в обе стороны, и я это могу доказать изящнейшей цепочкой рассуждений. Другими словами, можно создать пару «частица — античастица», хорошо разделенную, в глубоком вакууме — без добавления энергии, поскольку их формальное движение само вырабатывает энергию. Иначе говоря, из вакуума можно извлечь неограниченную энергию, исполнить вековую мечту человечества о лампе Аладдина. Я могу только предполагать, что гениальный автор этой средневековой арабской сказки предугадал мою теорию и применил ее.

Только не надо перебивать меня дурацкими напыщенными возгласами о законе сохранения энергии, который якобы запрещает подобный эффект. И не надо ничего говорить о невозмож-

ности обращения времени и нарушении обоих начал термодинамики. Я только передаю вам то, что говорил Хэрман, и делаю это без редактирования. А теперь вернемся к моему рассказу — да-да, вам удалось меня несколько задеть.

На слова Хэрмана я задумчиво ответил:

— Друг мой Пол-Сэмюэл, ведь то, что вы говорите, подразумевает либо обращение времени, либо нарушение одновременно первого и второго начала термодинамики.

На это он ответил, что на субатомном уровне обращение времени возможно, а законы термодинамики имеют статистическую природу и к отдельным частицам не приложимы.

— Тогда почему, друг мой,— спросил я,— вы не расскажете миру об этом вашем открытии?

— В самом деле, почему? — фыркнул Хэрман.— Вот так просто — пойти и рассказать. Как вы думаете, что будет, если я поймаю за пуговицу коллегу-физика и расскажу ему то, что вам сейчас? Он забормочет насчет обращения времени и законов термодинамики, вот как вы, и быстренько смоется. Нет! Я должен опубликовать свою теорию подробно и в престижном журнале с высокой научной репутацией. Вот тогда на нее в самом деле обратят внимание.

— Тогда почему вы не публикуете...

Он не дал мне закончить:

— Да потому что какой из этих самодовольных редакторов или референтов без единой извилины примет мою статью, если в ней будет хоть что-нибудь необычное? Да знаете ли вы, что Джеймс П. Джоуль не мог напечатать свою статью по сохранению энергии ни в одном научном журнале, потому что он был пивоваром? Да вы знаете, что Оливер Хевисайд не мог никого убедить обратить внимание на свои важнейшие статьи, поскольку был самоучкой и употреблял не совсем обычную математическую символику? И вы думаете, что моя статья, статья какого-то научного сотрудника из Недоумлендского ПКУО, может быть напечатана?

— Плоховато,— сказал я из чистой симпатии.

— Плоховато? — сказал он, сбрасывая мою руку, которой я его приобнял за плечи.— Это все, что вы можете сказать? Да вы понимаете, что стоит мне только напечатать статью, как все, кто ее прочтет, поймут, что я имею в виду, и прославят ее как

величайшее исследование по квантовой теории за все время ее существования? Да вы понимаете, что мне тут же дадут Нобелевскую премию и канонизируют наравне с Альбертом Эйнштейном? И лишь потому, что ни у кого из этого научного истеблишмента не хватает духу и мозгов распознать гения, я обречен лежать в безвестной могиле непризнанным, непонятым и неотпетым.

Это меня тронуло, старина, хотя я не очень понимал, почему Хэрман не получит отпевания и почему оно так ему нужно. Не мог себе представить, что хорошего будет его мертвому телу, если на его могиле будет грохотать и завывать даже целая рок-группа.

Я сказал:

— Знаете, Пол, я мог бы вам помочь.

— А! — сказал он с оттенком горечи в голосе.— Вы, наверное, троюродный брат редактора «Физикал ревью», или ваша сестра — его любовница, или вы случайно узнали, какими мерзкими способами он захватил свой нынешний пост, и намерены...

Я остановил его повелительным жестом руки.

— У меня свои методы,— веско сказал я.— Ваша статья будет напечатана.

И я этого добился, поскольку у меня есть способ связаться с внеземным существом два сантиметра ростом, которого я называю Азазел и которое обладает сверхъестественными возможностями благодаря хорошо разработанной технологии...

Я вам про него рассказывал? А я вас не предупреждал, что вам может сильно не поздоровиться, если он услышит ваше «до тошноты», которое вы упрямо и грубо прибавляете к подобным утверждениям?

Как бы там ни было, я с ним связался, и он явился, как всегда, в крайнем раздражении. Он очень мал по сравнению с человеческими существами нашей планеты и, что еще важнее, гораздо меньше по сравнению с разумными существами его планеты, у которых, как мне удалось узнать, длинные, изогнутые, острые рога, а не зачатки телячьих рожек, как у Азазела. Я отношу его раздражительность за счет глубокого комплекса неполноценности, вызванного этим обстоятельством. Человек с моими широкими взглядами может это понять и посочувст-

вовать такой ситуации, поскольку его огорчения для меня полезны. В конце концов, он выполняет мои просьбы лишь потому, что для него это шанс блеснуть своим могуществом, на которое в его мире всем наплевать.

Но на этот раз его недовольство испарилось немедленно, как только я объяснил ситуацию. Он задумчиво сказал:

— Этот бедняга обнаружил, что находится не в равном положении с редакторами?

— Похоже, что так,— подтвердил я.

— Не удивляюсь,— сказал Азазел.— Редакторы — все как один садисты. И очень приятно было бы хоть раз с ними поквитаться. Насколько был бы этот мир лучше, чище и честнее,— его голос прервался от волнения,— если бы удалось закопать каждого редактора в кучу вонючего марадрама, хотя вонь и страшно усилилась бы.

— Откуда ты так хорошо знаешь редакторов? — спросил я.

— А как же иначе? — ответил он.— Однажды я написал трогательнейший рассказ об истинной любви и высокой жертвенности, а этот неимоверно тупой...

Тут он махнул ручкой и перевел разговор:

— Так ты говоришь, что на ваших задворках Вселенной редакторы точно такие же, как и в нашем цивилизованном мире?

— Очевидно, так,— сказал я.

Азазел покачал головой:

— Воистину подобны друг другу все разумные сообщества. Поверхностно мы различаемся, у нас разное биологическое оформление, строение ума, чувство морали, но в основах — например, в свойствах редакторов — мы одинаковы.

Да-да, я знаю, что у вас нет проблем с редакторами, но это ведь потому, что вы к ним подлизываетесь.

— А можешь ли ты, о Могучий, Сила Вселенной, как-нибудь исправить положение?

Азазел задумался:

— Мне нужно было бы как-то идентифицировать физическое оформление какого-нибудь конкретного редактора. Я полагаю, что у твоего друга есть — как бы это помягче выразиться — отказ от редактора в письменной форме.

— Я в этом убежден, о Величайший.

— Словарь и стиль этого листка дадут мне все нужные сведения. А дальше — легкое изменение общей ауры, капля молока человеческой доброты, привкус интеллекта, следы терпимости... конечно, из редактора не сделаешь эталон морали, но можно слегка компенсировать содержащееся в нем зло.

Ну, я не буду вас утомлять тщательным описанием тонкой технологии Азазела, тем более что это было бы весьма небезопасно. Достаточно сказать, что я заполучил ответ с отказом от профессора Хэрмана с помощью блестящей и разумной стратегии, в которую входил подбор ключа к его кабинету и тщательный просмотр бумаг. А потом я убедил его повторно представить ту же статью в тот же журнал, из которого он получил этот отказ.

На самом деле я воспользовался приемом, который подцепил у вас. Я сказал:

— Друг мой Хэрман, отправьте снова эту статью тому же некомпетентному выродку с черной душой и напишите сопроводительное письмо со следующим текстом: «Я внес все изменения, предложенные референтом, и статья стала настолько лучше, что я сам не могу в это поверить. Очень благодарен вам за неоценимую помощь».

Хэрман сперва вяло возражал, что он не вносил никаких изменений и поэтому вышеприведенное утверждение не является отражением объективной реальности. Я ему на это ответил, что наша цель — пробить статью в печать, а не получить похвальный лист от организации бойскаутов.

Он минуту обдумывал это положение, затем сказал:

— Вы правы. Похвальный лист от бойскаутов никак не мог бы быть мною получен, ибо я не смог получить даже звание бойскаута. Я завалился на определении деревьев.

Статья отправилась и через два месяца появилась в печати. Вы себе не можете представить, как был счастлив Пол-Сэмюэл Иствуд Хэрман. Мы с ним накупили в том самом кафе на обочине столько жаренного на вертеле мяса, что у нас животы могли изнутри сгореть, если бы мы тщательно не сбивали пламя подходящими огнетушителями — одним за другим.

Не надо, старина, кивать головой и тянуться к своим дурацким гранкам. Я еще не кончил.

Примерно в те дни я уехал погостить в загородный дом к одному своему другу — тому самому, которого я учил ходить по снегу. Я вам, по-моему, это рассказывал. И получилось так, что профессора Хэрмана я не видел три или четыре месяца.

По возвращении в город я сразу постарался с ним увидеться, поскольку был уверен, что он уже запродал какой-нибудь японской фирме патент на получение энергии из ничего и прошел номинацию на Нобелевскую премию. Я считал, что он ни за что не станет меня сторониться и что обед в «Короле гамбургере» вполне может стать реальностью. В предвкушении обеда я даже захватил бутылку кетчупа, сделанного по собственному моему рецепту.

Я его нашел в его кабинете, где он сидел, тупо уставившись в стенку. Лицо у него было покрыто трехдневной щетиной, а костюм выглядел так, будто в нем спали три ночи подряд, хотя сам профессор имел вид человека, не спавшего уже четыре ночи. Разрешать суть этого парадокса я не стал и пытаться.

Я спросил:

— Профессор Хэрман, что случилось?

Он взглянул тусклыми глазами. Постепенно, микроскопическими дозами, в них появлялось выражение, близкое к сознательному.

— Джордж? — спросил он.

— Именно я,— заверил я его.

— Это не помогло, Джордж,— сказал он.— Вы меня подвели.

— Подвел вас? Чем?

— Статья. Ее напечатали. Ее все прочли. Каждый, кто читал, нашел ошибку в математических доказательствах. Причем все нашли разные ошибки. Вы обманули меня, Джордж. Вы сказали, что поможете мне,— и не помогли. И я могу теперь сделать только одно. Я подытожил счета из того кафетерия на углу. Вы мне должны сто шестнадцать долларов пятьдесят центов только за пиццу, Джордж.

Я был в ужасе. Если мои друзья взялись за суммирование счетов, то к чему мы придем? Этак даже вы начнете подсчитывать свои убытки, невзирая на свои нелады со сложением и вычитанием.

— Профессор Хэрман,— ответил я.— Я вас не подводил. Я вам обещал, что вы увидите свою статью напечатанной,— и вы увидели. Более ничего я вам не обещал. Отсутствие ошибок

в вашей математике я вам не гарантировал никак. Откуда мне знать, что вы там напутали?

— Я не напутал! — В его голосе от возмущения появилась сила.— Там все правильно.

— Но как же те профессора, что нашли у вас ошибки?

— Дураки все как один. Они математики не знают.

— Но все они нашли разные ошибки?

— Именно так.— Голос у него вырос почти до нормального, а глаза заблестели.— Мне надо было это предвидеть. Они некомпетентны и должны быть некомпетентными. Если бы они знали математику, они нашли бы одну и ту же ошибку.

Но блеск в глазах тут же потух, и голос упал.

— Но что толку? — продолжал он.— Моя репутация погублена. Я стал посмешищем навсегда. Если только... только...

Он вдруг резко приподнялся и схватил меня за руку.

— Если только я им не покажу.

— Но как вы сможете показать, профессор?

— До сих пор у меня была только теория, цепь аргументов, утонченные математические рассуждения. С этим можно спорить и можно пытаться опровергнуть. Если я смогу на самом деле создать эти пары частиц и античастиц, если я смогу создать их в достаточных количествах и высвободить существенные запасы энергии из ничего...

— Да, но сможете ли вы?

— Должен быть способ. Я должен подумать — подумать — подумать...

Он склонился головой на руки и пробормотал: «Подумать... подумать». Потом он вдруг посмотрел на меня и прищурился.

— В конце концов, это уже было сделано раньше.

— Было?

— Я абсолютно уверен,— заявил он.— Восемьдесят лет назад какой-то русский наверняка разработал метод для получения энергии из вакуума. В то время Эйнштейн только что построил свою теорию на основании изучения фотоэффекта, и из нее это можно было вывести...

Не буду скрывать, что отнесся к этому скептически.

— А как звали этого русского?

— Откуда мне знать? — возмущенно ответил Хэрман.— Но он явно создал массу частиц на Земле и массу античастиц в кос-

мосе за пределами атмосферы — просто для демонстрации. Они понеслись друг другу навстречу и столкнулись в атмосфере. Это было в тысяча девятьсот восьмом году в Сибири, возле реки Тунгуска. Явление назвали Тунгусским метеоритом. Никто не мог понять его сути. Все деревья на расстоянии сорока миль повалены, а кратера не осталось. Но мы-то теперь понимаем, в чем дело, правда ведь?

Он сильно возбудился и вскочил на ноги, стал бегать вприпрыжку и потирать руки. Из него так и лез энтузиазм, перемежаемый примерно следующими рассуждениями:

— Этот русский, кто бы он ни был, специально выбрал для эксперимента центр Сибири, чтобы не повредить населенным районам, но сам наверняка погиб при взрыве. А в наши дни мы можем провести эксперимент с помощью дистанционного управления по радио.

— Хэрман,— сказал я, потрясенный его намерениями,— вы же не собираетесь ставить опасных экспериментов?

— Это я-то не собираюсь? Как бы не так! — прошипел он, и на его лице появилось выражение чистого зла.

В этот момент его сумасшествие стало явным. Помните, я говорил вам, что он был ученым-психом?

— Я им покажу,— визжал он,— я им всем покажу! Они у меня посмотрят, можно получать энергию из вакуума или нельзя. Я такой взрыв устрою, что Земля содрогнется до самого нутра. Они мне посмеются!

И вдруг он напустился на меня:

— Убирайся отсюда, ты! Пошел вон! Ты хотел украсть мою идею — не выйдет! Я тебе сердце вырежу и собакам брошу!

Продолжая что-то бессвязно выкрикивать, он схватил со стола что-то острое и бросился ко мне.

Обо мне можно сказать всякое, старина, но никто не скажет, что я навязывал свое присутствие там, где оно нежелательно. Я с достоинством удалился, поскольку истинный джентльмен ни на какой скорости не теряет своего достоинства.

С Хэрманом я больше не виделся; знаю только, что в Недоумлендском ПКУО он больше не работает.

Вот и вся история про сумасшедшего ученого.

Я внимательно посмотрел на лицо Джорджа, на котором, как всегда, застыло невинно-простодушно-доброжелательное выражение.

— Когда это все случилось, Джордж? — спросил я.

— Несколько лет назад.

— У вас, наверное, сохранился оттиск статьи профессора Хэрмана?

— Честно говоря, у меня его нет.

— Может быть, ссылка на журнал, в котором она была напечатана?

— Мне даже в голову не приходило ее записывать. Меня такие тривиальности не интересуют, друг мой.

— Джордж, я вам не верю ни на грош и ни на секунду. Вы мне говорите, что этот ваш сумасшедший приятель пытается устроить огромное столкновение материи с антиматерией. А я вам говорю, что это чушь.

— С точки зрения вашего душевного спокойствия,— мягко сказал Джордж,— лучше всего продолжать думать именно так. И тем не менее где-то в этом мире упорно работает профессор Хэрман. Из его последних путаных замечаний я понял, что он захочет повторить тунгусское событие где-то в низовьях Потомака. Он заявил, что сразу после центра Сибири и, возможно, пустыни Гоби следующее наименее ценное место на Земле, которое ничуть не жалко,— это Вашингтон, округ Колумбия. Конечно, его разрушение наведет то, что еще останется от правительства, на мысль, что Советы нанесли термоядерный удар, и они тут же ответят, а потом весь мир сгорит в термоядерной войне. Кстати, друг мой, не могли бы вы одолжить мне пятьдесят долларов до первого числа?

— С чего вдруг?

— Если Хэрман добьется своего, деньги утратят всякое значение, и вы ничего не потеряете. Или, другими словами, потеряете все — так что при этом значат лишние пять десяток?

— А если он потерпит неудачу?

— На фоне безмерной радости спасения человечества от неминуемой гибели каким мелочным человечком надо быть, чтобы жаться над несчастной полусотней долларов?

Я дал ему пятьдесят долларов.

Я чихнул.

Джордж резко отшатнулся в сторону и осуждающе спросил:

— Снова простудились?

Я громко высморкался, правда, мое состояние при этом не улучшилось, и произнес, несколько глухим от прижатого к лицу платка, голосом:

— Это — не простуда, а синусит.

Я пристально посмотрел на остатки кофе в чашке, словно это именно они были виноваты в том, что лишились вкуса.

— Это у меня четвертая вспышка синусита с начала года. Каждый раз я теряю чувство вкуса и запаха на более или менее продолжительное время. В данный момент для меня все безвкусно, и обед, который мы только что съели, мог бы быть приготовлен из картона.

— Вам станет лучше,— спросил Джордж,— если я скажу, что каждое из блюд было превосходным?

— Ни в малейшей степени,— с раздражением произнес я.

— Я от подобных недугов не страдаю,— сказал Джордж,— и объясняю это исключительно добропорядочным образом жизни и чистой совестью.

— Благодарю за сочувствие,— сказал я,— но предпочитаю думать, что вы избегаете подобных бед просто потому, что ни один уважающий себя микроорганизм не согласится жить в вашем нечестивом теле.

— Старина,— сказал Джордж, несколько более возмущенным тоном, чем того требовала ситуация,— я не обижаюсь на

© Перевод Н. Берденникова.

ваше злобное замечание только потому, что понимаю: недуги портят характер. В здравом уме, если бы вы когда-нибудь им обладали, вы бы не позволили себе подобной выходки. Вообще, все это сильно напомнило мне моего старого друга Манфреда Дункеля в тот период, когда он соперничал со своим старым приятелем Эбсаломом Гелбом за благосклонность прелестницы Эвтерпы Вайс.

— Да наплевать мне на вашего старого приятеля Манфреда Дункеля, его старого приятеля Эбсалома Гелба и предмет их притязаний Эвтерпу Вайс,— заявил я мрачным тоном.

— Старина, это говорите не вы, а ваш синусит,— произнес Джордж.

Манфред Дункель и Эбсалом Гелб являлись, по словам Джорджа, слушателями Нью-Йоркского института оптиков. Там между двумя молодыми людьми быстро завязалась дружба. Разумеется, двое молодых людей не могли не почувствовать себя братьями, ведь они разгадывали тайны линз и рефракции. Вместе занимались тяжелыми случаями миопии, пресбиопии и гиперметропии.

Они изучали оптометрические таблицы. Разрабатывали новые для тех пациентов, которые были не знакомы с кириллицей или греческим алфавитом. Выбирали идеограммы для жителей Востока. Обсуждали, как могли обсуждать только специалисты, достоинства и преимущества использования специальных знаков: тупых и акутовых ударений, диактрических знаков и седилий для французов; умляутов для немцев, тильдов для испанцев и так далее. Как однажды весьма эмоционально заявил мне Эбсалом, отсутствие таких специальных знаков было проявлением чистого расизма, что, в свою очередь, приводило к несовершенной коррекции зрения у пациентов, не отличавшихся чистым англосаксонским происхождением.

Несколько лет тому назад титаническая борьба по данному предмету заполняла колонку писем в «Американском журнале оптической казуистики». Может быть, ты помнишь написанную совместно нашими друзьями статью, в которой они громили старые таблицы. Называлась она: «Глаз! Вырви этот подслеповатый символ!» Манфред и Эбсалом стояли плечом к плечу

против общего консерватизма профессии и, хотя не достигли в этом значительных успехов, подружились еще крепче.

Окончив институт, они основали фирму «Дункель и Гелб», подбросив монету, чтобы решить, чья фамилия будет стоять первой. Чрезвычайно процветали. Возможно, Дункель лучше умел шлифовать поверхности до идеального состояния, но Гелб был признанным мастером изготовления очков в стиле ар деко. Как любили говорить о них, они на все смотрели одними глазами.

Неудивительно, что и влюбились они в одну женщину. Эвтерпа Вайс пришла заказать новые контактные линзы, и, когда юноши разглядывали ее (нельзя сказать «пожирали глазами» о профессиональной манере, с которой они изучали ее прелестные глазки), оба поняли, что столкнулись с совершенством.

Будучи не оптиком, не могу сказать, в чем заключалось это совершенство, но каждый из них, по отдельности конечно, впадал в разговоре со мной в лирику, что-то бормотал об оптических осях и диоптриях.

Я со страхом думал о том, к чему это может привести, потому что знал обоих юношей с тех пор, как они надели свои первые очки (Манфред был немного близорук, Эбсалом, напротив, дальнозорок, и оба страдали умеренным астигматизмом).

«Увы,— размышлял я.— Их священная мальчишеская дружба, несомненно, разрушится, потому что оба стали сильными мужчинами и будут сражаться за Эвтерпу. Прижав ладони к сердцу, Манфред говорил, она была "истинным загляденьем", или, как возглашал Эбсалом, вознеся руки к небесам, "не могла не радовать глаз"».

Но я ошибался. Несмотря на божественную Эвтерпу, оба оптика стали более близки друг к другу, чем рядом посаженные глаза, и достигли идеального согласия.

Они договорились, что по вторникам и пятницам свидания Эвтерпе, если, конечно, они могут встретиться, будет назначать Манфред, а по понедельникам и четвергам такая же возможность будет предоставлена Эбсалому. По выходным же они будут действовать вместе. Водить девицу по музеям, в оперу, в поэтические кафе, угощать скромными обедами в какой-нибудь уютной закусочной. Жизнь превратилась в вихрь удовольствий.

Вы можете спросить: а как же среды? В этом вопросе проявлялось истинное благородство просвещенных молодых муж-

чин. По средам Эвтерпа могла встречаться с другими мужчинами, если того желала.

Чувство Манфреда было чистым, как и у Эбсалома. Они хотели, чтобы Эвтерпа сама сделала выбор, даже если это означало, что какой-нибудь оболтус, совсем не оптик, будет смотреть в ее глаза, тяжело дышать и лепетать всякую чушь...

Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе интересно, кто целует ее сейчас? Почему делаешь преждевременные и ложные выводы, если я пытаюсь последовательно и точно описать все события?

Некоторое время все шло гладко. Не было недели, чтобы Манфред не поиграл с молодой дамой в казино, а на следующий день Эбсалом играл ей волнующую мелодию на обернутой папиросной бумагой расческе. Безмятежные времена.

По крайней мере, так мне казалось.

А потом ко мне пришел Манфред. И мне показалось, стоило только посмотреть на его изможденный вид, что я все понял.

— Бедняга,— промолвил я,— только не говори, что Эвтерпа предпочитает Эбсалома.

(В этом отношении я был нейтрален, старина, и собирался скорбеть, если бы любой из них получил, образно говоря, в глаз.)

— Нет,— сказал Манфред,— этого я не скажу. Пока. Но так долго продолжаться не может, дядя Джордж. Я попал в затруднительное положение. У меня красные и опухшие глаза, а Эвтерпа вряд ли станет относиться с уважением к оптику, глаза у которого не соответствуют нормальным.

— Ты плакал, да?

— Совсем нет, дядя Джордж,— с гордостью заявил Манфред.— Оптики — сильные мужчины, а сильные мужчины никогда не плачут. Просто у меня заложен нос. У меня, понимаешь?

— И часто с тобой такое случается? — сочувственно спросил я.

— В последнее время — да.

— А Эбсалом тоже простужается?

— Да,— ответил он,— но не так часто, как я. У него часто болит спина, а у меня никогда. Ну и что из этого? У мужчины с больной спиной ясные и светлые глаза. Он иногда стонет,

периодически не может встать, но это не имеет значения. Но когда Эвтерпа смотрит на мои слезящиеся глаза, на красноту склеротических кровяных сосудов, на воспаленные слизистые оболочки, ее не может не охватывать чувство отвращения.

— Но так ли это на самом деле, Манфред? По общему мнению, Эвтерпа — милая девушка с нежным сочувственным взглядом.

— Не могу рисковать,— мрачным тоном произнес Манфред.— Я не встречаюсь с ней, когда простужаюсь, а это значит, что Эбсалом встречается с ней чаще. Он — высокий гибкий юноша, и ни одна девушка не может без смятения слушать, как он выводит волнующую мелодию на обернутой папиросной бумагой расческе. Боюсь, у меня нет ни единого шанса.

Манфред закрыл ладонями лицо, стараясь не слишком сильно нажимать на воспаленные глаза.

Я испытал эмоции, словно десять обернутых папиросной бумагой расчесок грянули американский гимн.

— Мой мальчик,— сказал я,— возможно, я навсегда смогу избавить тебя от простуды.

Манфред посмотрел на меня взглядом, в котором затеплилась надежда.

— У тебя есть лекарство? Профилактическое средство? Но нет...— Огонек надежды окончательно потух в его покрасневших глазах; выглядел он совершенно больным.— Перед обычной простудой медицина бессильна!

— Не обязательно. Я не только могу вылечить тебя, но и сделать так, чтобы Эбсалом простужался постоянно.

Я сказал это, старина, только ради того, чтобы проверить его. С гордостью могу сказать, Манфред выдержал проверку с честью.

— Никогда! — произнес он звенящим голосом.— Я готов избавиться от этого тяжкого бремени, но только для того, чтобы сражаться честно и встретиться с противником на равных основаниях. Я стал бы презирать себя, поставив его в невыгодное положение. Лучше потерять божественную Эвтерпу, чем сделать это.

— Все будет так, как ты просишь,— промолвил я, пожав ему руку и хлопнув по плечу.

Азазел... кажется, я говорил тебе о двухсантиметровом инопланетянине, которого я могу вызывать из бездонных глубин космоса и который всегда приходит на мой зов. Говорил или нет? Что ты имеешь в виду, утверждая, что я должен говорить только правду? Я и говорю правду, черт возьми.

Так или иначе, Азазел слонялся взад и вперед по краю стола, подергивая тонким хвостом, а его крохотные рожки засветились и посинели от мысленных усилий.

— Ты просишь о здоровье,— сказал Азазел.— Просишь о нормальности. Просишь о состоянии равновесия.

— Я знаю, о чем прошу, о Божественное и Универсальное Всемогущество! — воскликнул я, стараясь скрыть нетерпение.— Я прошу, чтобы мой друг не простужался. Ты с ним встречался. Изучал его.

— А больше ты ничего не хочешь? Только избавить его от этих отвратительных, связанных с мерзкими выделениями из слизистых оболочек простуд, которыми вы, полускотские обитатели этой истонченной червями планеты, постоянно страдаете? Думаешь, можно осветить один угол, не осветив всю комнату? Мне что, показать, насколько сильно и злонамеренно искажено равновесие четырех гуморов в представленном тобой экземпляре?

— Равновесие четырех гуморов? Посвященный, гуморы вышли из моды еще при Геродоте.

Азазел в упор посмотрел на меня.

— А что такое гуморы, по-твоему?

— Четыре жидкости, которые, как считалось, управляют телом: кровь, мокрота, желчь и черная желчь.

— Омерзительно,— сказал Азазел.— Остается только надеяться, что этот Геродот был навеки проклят людьми. Четыре гумора — это четыре умонастроения, которые, если их привести в идеальное равновесие, не могут не привести в состояние нормальности и здоровья бесполезное тело даже такого ничтожного паразита, как ты.

— А ты можешь привести в идеальное равновесие гуморы моего кишащего паразитами друга?

— Думаю, могу, но сделать это будет не легко. Я не хочу к нему прикасаться.

— И не надо. Его даже нет здесь.

— Я не хочу вступать с ним даже в астральный контакт. Ведь после этого я должен буду выполнить обряд очищения, который длится почти неделю и может быть весьма болезненным.

— Я знаю об этом, о Суть Совершенства, но ты ведь легко решишь проблему и без астрального контакта.

Азазел, как всегда, просиял, услышав лесть, и навострил рожки.

— Да, смею заметить, легко,— произнес он и не обманул.

Манфреда я увидел на следующий день. Он явно светился здоровьем.

— Дядя Джордж,— сказал он,— эти упражнения с глубокими вдохами, о которых ты мне говорил, очень мне помогли. Простуда исчезла между первым и вторым вдохами. Мои глаза перестали слезиться, краснота пропала, воспаление исчезло, и теперь мне не стыдно смотреть в лицо целому миру. Не знаю, в чем дело,— продолжил он,— но я чувствую себя совершенно здоровым. Я похож на хорошо смазанную машину. Мои глаза подобны фарам чудесного локомотива, который несется по сельской местности.

Мне даже хочется,— продолжал он,— пуститься в пляс под какой-нибудь зажигательный испанский ритм. Я обязательно сделаю это и тем поражу божественную и неземную Эвтерпу.

Он вышел из комнаты, пританцовывая, отбивая чечетку и тихонько напевая:

— Ай, ай-ай-ай.

Я не смог сдержать улыбки. Манфред был не таким высоким, не таким гибким, как Эбсалом, и, хотя все оптики отличались классической красотой, Манфред не подходил под этот стандарт. Он выглядел прекраснее, чем Аполлон Бельведерский, но не был таким красивым, как Эбсалом.

«Здоровый цвет кожи,— подумал я,— восстановит равновесие».

Так получилось, что я вынужден был на время уехать из города из-за спора, который возник с букмекером, оказавшимся невосприимчивым к логике мелким бесом.

Когда я вернулся, то сразу же увидел поджидавшего меня Манфреда.

— Где тебя носило? — спросил он раздраженным тоном.

Я с тревогой посмотрел на него. Он выглядел здоровым и бодрым, глаза были светлыми, подернутыми влагой, и тем не менее, тем не менее...

— Мне пришлось уехать, чтобы отдохнуть от дел,— сказал я, не вдаваясь в подробности,— но что с тобой, мой мальчик?

— Что со мной? — спросил он и невесело рассмеялся.— Что могло случиться со мной? Прекрасная Эвтерпа сделала выбор, но он пал не на меня. Она выходит замуж за Эбсалома.

— Но что произошло? Надеюсь, ты не подхватил...

— Простуду? Конечно нет! Я пытался заболеть, понимаешь? Ходил по улицам под холодным проливным дождем. Надевал мокрые носки. Общался с людьми, которые страдали ринитом. Клянусь Богом, я даже пытался заразиться конъюнктивитом. Я делал все, чтобы заболеть.

— Но я тебя не понимаю, Манфред. Почему ты хотел заболеть?

— Потому что у Эвтерпы оказалось очень сильное материнское чувство. Очевидно, такое часто встречается у человеческих существ женской разновидности. А я этого не знал.

Я помрачнел. Я слышал о таком. В конце концов, у женщин рождались дети, и я знал наверняка, что дети всегда болели, истекали соплями, чихали, кашляли, бились в лихорадке, плакали и всеми другими способами становились омерзительно больными. И это никогда не влияло на любовь матери, скорее даже наоборот.

— Я должен был это предусмотреть,— сказал я задумчиво.

— Ты ни в чем не виноват, дядя Джордж. Я сразу же прекратил делать дыхательные упражнения, но и это не помогло. Все дело в бедняге Эбсаломе. Его подвела спина, он оказался буквально прикованным к постели.

— Полагаю, он не притворялся?

Манфред с ужасом посмотрел на меня.

— Притворялся? Оптик? Дядя Джордж! Профессиональная этика такого не допускает. Как и наша крепкая дружба. Кроме того, я как-то раз неожиданно налетел на него, и это заставило его сесть. Такой крик от мучительной боли невозможно симулировать.

— И это повлияло на отношение к нему Эвтерпы?

— Невероятно. Она постоянно сидела у его постели, кормила его куриным супом, следила за тем, чтобы ему часто меняли теплый компресс на глазах.

— Теплый компресс на глазах? А это еще зачем? Насколько я помню, у него болела спина.

— Да, дядя Джордж, но мы сами научили Эвтерпу, что любое лечение начинается с глаз. Как бы то ни было, она заявила, что считает целью своей жизни заботу о Эбсаломе, о его выздоровлении, счастье и покое, и с этой целью должна выйти за него замуж.

— Но, Манфред, это ты постоянно страдал от простуды. Почему она...

— Потому что я избегал ее, не хотел ее заразить, не хотел увидеть холодный взгляд отвращения, который, как я считал, должен был появиться в ее глазах. Как я ошибался! Как ошибался!

Манфред ударил себя кулаком по голове.

— Ты мог притвориться...— начал было я.

И увидел надменную улыбку на его лице.

— Оптики не ведут двойную жизнь, дядя Джордж. Кроме того, по непонятной мне причине, как я ни старался выглядеть больным, получалось не слишком убедительно. Я просто выглядел слишком здоровым. Нет, я должен смириться, дядя Джордж. Эбсалом, как истинный друг, попросил меня стать шафером.

Так и случилось. Манфред был шафером и так и остался холостым. Иногда мне казалось, что он смирился со своей печальной судьбой. В конце концов, у Эбсалома сейчас три несносных ребенка, Эвтерпа набрала вес, голос у нее стал пронзительным, а поведение — несколько экстравагантным.

Недавно я сказал об этом Манфреду, на что он только вздохнул и ответил:

— Наверное, ты прав, дядя Джордж, но если оптик полюбил, то полюбил навсегда.

Закончив повествование, Джордж сентиментально вздохнул.

— Странно,— сказал я,— но единственного оптика, которого я знаю достаточно близко, никто никогда не видел без женщины, и никто никогда не видел его с одной и той же дамой дважды.

— Мелочи! — сказал Джордж, небрежно махнув рукой.— Я рассказал вам эту историю только для того, чтобы убедить, что я могу избавить вас от синусита. За каких-то двадцать долларов.

— Нет! — резко ответил я.— Моя жена, которую я очень сильно люблю, врач и находит извращенное удовольствие в том, чтобы лечить меня. Если вы избавите меня от хвори, скорее всего, она сойдет с ума. Послушайте, я дам вам пятьдесят долларов, только оставьте меня в покое.

Разумно потраченные деньги.

ГЛУМЛИВОЕ ВИНО

Джордж заказал бокал белого вина, с которого намеревался начать обед, а я — «Мэри», лучшее, что может поднять настроение.

Не спеша потягивая томатный сок с пряностями, я заметил, что Джордж с явным неудовольствием смотрит на свой изящный бокал. Он был почти пуст, но я не видел, как Джордж его осушил. Порой он бывает весьма ловок в поглощении жидкости.

— В чем дело, Джордж? — спросил я.

Он тяжело вздохнул.

— В старые времена,— сказал он,— можно было получить громадную кружку крепкого эля всего за пенни.

— В какие еще старые времена, Джордж? В средневековье?

— В старые времена,— повторил Джордж.— А теперь ради слабого вина, которого хватает лишь чтобы смочить губы, приходится лезть в копилку сынишки — если, конечно, таковой имеется.

— Какая еще копилка? Оно не стоит вам даже того средневекового пенни, которое вы упомянули. А если вам мало, закажите еще. Я заплачу.

— О подобном я даже не стал бы мечтать,— надменно проговорил Джордж.— Обычно. Но раз вы предлагаете и мне хотелось бы вам угодить...

Он постучал по краю своего пустого бокала, и официант поспешно принес ему еще один.

— Вино,— сказал он, глядя на свой второй бокал,— глумливо. Так говорится в Библии. То ли Моисей, то ли Вельзевул говорил.

© Перевод К. Плещкова.

— Собственно,— сказал я,— эти слова можно найти в Книге притч, глава двадцатая, стих первый: «Вино — глумливо, сикера — буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен». По традиции эта книга приписывается царю Соломону.

Он уставился на меня с нескрываемым негодованием.

— Ради всего святого, к чему постоянно демонстрировать свою так называемую эрудицию? Это нисколько вас не украшает. Я и сам собирался сказать, что эту фразу можно найти то ли у Аввакума, то ли у Малахии. Полагаю, вы не станете спорить, что она есть в Библии?

— Нет, конечно.

— Ну вот и ладно. Я упомянул о том, что вино глумливо, вспомнив про моего друга, Камбиса Грина.

— Камбиса?

— Его назвали в честь какого-то древнего восточного властителя.

— Знаю,— кивнул я.— Сын Кира, великого царя Персии. Но при чем тут...

— Давайте закажем обед,— сказал Джордж,— и я расскажу вам историю про Камбиса Грина.

Мой друг Камбис Грин, начал свой рассказ Джордж, получивший свое имя в честь некоего древнего восточного властителя, был, можно сказать, самым очаровательным и самым приятным человеком из всех, кого только можно было встретить. У него имелся нескончаемый запас смешных историй, которыми он легко мог обворожить слушателей. Он чувствовал себя вполне непринужденно в обществе незнакомых людей и сразу же завоевывал их расположение. Он был учтив и обходителен с девушками, которых он очаровывал, хотя и берег свою любовь со всей страстью, какой только мог одарить его Эрос, для Валенсии Джалд, девушки непревзойденной красоты и ума.

Именно Валенсия однажды пришла ко мне, с растрепанными светлыми волосами и слегка покрасневшим изящным носиком, сжимая в левой руке подозрительно мокрый носовой платок. На самом деле ее звали не Валенсия, это был сокращенный вариант ее настоящего имени, Беневоленсия, по которому ты сам можешь оценить мягкость ее нрава и ее душевную теплоту.

— О, дядя Джордж! — сказала она и всхлипнула. Слова застряли у нее в горле.

Я не был ее родным дядей, но если она считала меня дядей, я был вынужден считать ее моей племянницей и со всей любовью, какую мог бы питать к любой несравненно прекрасной девушке, с которой состоял бы в подобных отношениях, обнял ее за талию и позволил ей тихо поплакать у меня на плече, пока я утешал ее одним или двумя нежными поцелуями.

— Это все из-за Камбиса,— наконец сказала она.

— Надеюсь,— спросил я, чувствуя, как мою грудь сжимает безотчетный страх,— он не забылся и не предположил...

— О нет,— сказала она, широко раскрыв большие голубые глаза.— Это у меня возникли предположения. Просто... он такой хороший.

— Конечно, и симпатичный, и умный, и очаровательный, и с тонким чувством юмора...

— О да, дядя Джордж, да. Это и многое другое.

— В таком случае, милая моя Валенсия, отчего же ты плачешь? От избытка радости?

— Вовсе нет. Видишь ли, дядя Джордж, не знаю, замечал ли ты когда-нибудь, но Камбис всегда немного навеселе.

— В самом деле? — Я тупо уставился на нее. Во время дружеских застолий я всегда был вместе с ним, и тогда он действительно был пьян, но пьяны были все. Даже я, выпив не так уж много, был обычно в довольно приятном настроении, что с радостью подтвердит любая барменша.— Конечно, в тех случаях, когда...

— Нет, дядя Джордж,— мягко сказала она.— Ни разу не бывало иначе. Он всегда немного навеселе.— Она вздохнула.— И конечно, когда я говорю «слегка навеселе», я имею в виду, что он основательно пьян. На самом деле от него просто несет спиртным.

— Не могу в это поверить.

— Точно так же я не могу этого вынести. Как ты думаешь, дядя Джордж, будучи столь впечатляющим образцом добродетели и достоинства, не мог бы ты поговорить с Камбисом и убедить его, что вино глумливо и что ему следует пить свежую чистую воду, возможно, иногда «Перрье» во время больших празднеств?

— При условии,— с сомнением сказал я,— что я действительно образец добродетели и достоинства, вряд ли я сумею убедить Камбиса...

В это мгновение рот Валенсии открылся, она поднесла платок к глазам, и я понял, что еще немного — и она взвоет от горя. И я сказал:

— Но я попытаюсь, малышка. Я сделаю все, что в моих силах.

В итоге я действительно встретился с Камбисом. Впервые я побывал у него дома. Собственно, я впервые видел его одного, без окружения разгульной толпы, поглощавшей спиртные напитка разной степени крепости.

Так что я инстинктивно предполагал, что встречу степенного и серьезного Камбиса, ибо недаром степенных и серьезных людей характеризуют эпитетом «трезвый».

Но я ошибался. Это был все тот же веселый Камбис, к которому я привык. Когда я вошел в комнату, он громко рассмеялся и от всей души хлопнул меня по плечу.

— Друг мой,— сказал он.— Старик, что ты тут делаешь без бокала в руке? Ты выглядишь голым. Позволь мне исправить это досадное упущение.

И он сунул мне в руку стаканчик виски. Для подобных возлияний было слегка рановато, но с моей стороны выглядело невежливым отказаться. Я залпом выпил, думая о всех тех случаях, когда он ставил мне выпивку, и о других, когда он отказывался от моего предложения поставить выпивку ему, но ставил мне еще. Можно сказать, в этом отношении он был прирожденным аристократом.

Теперь, после того как Валенсия открыла мне глаза, оказалось, что он еще и прирожденный пьяница. Хотя было еще начало дня и он был один, уже заметны были его неровная походка, отчетливый блеск в глазах, блуждающая улыбка и запах алкоголя в воздухе — особенно когда он делал выдох.

— Камбис, друг мой,— сказал я,— я пришел к тебе по просьбе прекрасного юного создания, Валенсии Джадд.

— Прирожденная аристократка,— кивнул он.— Прекрасная и целомудренная богиня. Я пью за нее.

— Нет,— поспешно сказал я,— не пей за нее. В ней-то и суть проблемы. У нее сложилось впечатление, что ты пьешь за нее слишком часто и за все остальное без разбору тоже. Она хочет, чтобы ты перестал пить.

Он уставился на меня совиным взглядом.

— Она никогда мне этого не говорила.

— Подозреваю, что, зная множество твоих положительных черт, она не решалась задеть твои чувства, указав на твой единственный мелкий недостаток, твой единственный крошечный проступок, твой единственный микроскопический изъян — тот факт, что ты горький пьяница.

— Только оттого, что в редких случаях делаю крошечный глоток в лечебных целях?

— Твои глотки вовсе не крошечные, Камбис, и случаи не редкие, и цели не лечебные, хотя со всем остальным я согласен. Так что, хотя Валенсия прямо этого и не говорит, она хотела бы, чтобы ты понял — губы, касающиеся спиртного, вряд ли смогут часто касаться ее собственных.

— Но уже слишком поздно, Джордж, старик, друг мой. Мои губы касаются спиртного. Не стану этого отрицать.

— Они пропитались им, Камбис. Ты не можешь бросить? Не можешь отказаться от своей ужасной привычки и купаться в чистых лучах трезвости, как было когда-то?

Он задумчиво нахмурил брови.

— Когда это было?

— Начни прямо сейчас.

Он налил себе еще стакан и поднес его к губам.

— Джордж,— сказал он,— ты когда-нибудь думал о том, насколько этот мир зловонен и омерзителен?

— Думал, и часто,— ответил я.

— Тебе никогда не хотелось превратить его в прекрасный теплый восхитительный рай?

— Хотелось, и не однажды,— ответил я.

— Я это сделал. Я открыл секрет. Стоит немного выпить, ощутить дружеское тепло джина, или рома, или бренди, или... любой выпивки — и мрачная тоска этого мира тает и рассеивается. Слезы сменяются смехом, унылые взгляды — улыбками, мир наполняется песнями. И что, я должен от всего этого отказаться?

— В какой-то степени. Хотя бы на глазах у Валенсии.

— Не могу. Даже ради Валенсии. Я в долгу перед человечеством и перед миром. Разве я могу позволить обществу вновь погрузиться в безнравственность, из которой оно никогда бы не вышло, если бы не алхимия алкоголя?

— Но эта твоя алхимия субъективна. Она оказывает влияние только на твой разум. На самом деле ее не существует.

— Джордж,— серьезно проговорил Камбис,— ты мой дорогой и любимый друг, так что я не могу приказать тебе убираться вон. Но я все же намерен это сделать. Вон из моего дома!

Как тебе известно, старик, если у меня и есть недостаток, так это — невероятно добрая душа. Я бы, например, никогда не согласился обедать за твой счет, если бы меня не волновал тот факт, что ты явно нуждаешься в обществе. Это означает, что мне приходится терпеть твое общество, но что с того?

Так или иначе, душа моя болела за Валенсию, и я почувствовал, что самое время позвать Азазела, моего двухсантиметрового друга из другой реальности.

Это существо... я тебе про него не рассказывал? Ладно, ни к чему столь мелодраматично вздыхать.

На этот раз Азазел вовсе не был раздражен тем, что его вызвали. Он был просто рад. По крайней мере, так он сказал.

Он танцевал на месте, делая крошечными ручками странные жесты, суть которых я не мог понять.

— Ему втройне повезло, что ты меня вызвал,— пропищал он.— Иначе я бы его селотулировал. Я бы расфлаксил ему модинем. Я бы...

— Что бы ты сделал? И кому? — без особого интереса переспросил я.— И зачем?

— Он назвал меня словами, которые ни одно уважающее себя существо себе не позволит,— сказал Азазел с достоинством, почти несовместимым с его пискливым голосом и крошечными размерами.— Законченный сасквам!

Я позволил ему немного остыть. В своем собственном мире он был столь же мелкой личностью, как и в нашем, и его постоянно толкали и пинали, что было, в общем-то, неплохо, поскольку именно его постоянно уязвленное «я» вызывало у него

желание мне помогать. Ему было крайне необходимо демонстрировать свои возможности.

— Мой друг — алкоголик,— сказал я.

— Ага,— согласился Азазел.— Он ходит голый с алками. Кто такие алки?

— Нет-нет. Алкоголь — это органическая жидкость, которая в малых дозах действует возбуждающе, но в больших пагубно влияет на разум и здоровье. Мой друг не в состоянии отказаться от больших доз.

На мгновение лицо Азазела приобрело озадаченное выражение.

— А, ты имеешь в виду фосфотоника?

— Фосфотоника? — столь же озадаченно переспросил я.

— Народ моего мира,— объяснил Азазел,— наслаждается разного рода фосфатонами. Мы нюхаем фосфор, пьем разнообразные растворы фосфатов, лакаем фосфопировиноградную кислоту и так далее.— Азазел содрогнулся.— В чрезмерных количествах подобное считается вредной привычкой, но я обнаружил, что небольшая доза фосфорилированного аммония после еды отлично способствует пищеварению. Немного фосфама желудку не повредит.— Азазел потер свой шарообразный живот и облизал красные губы маленьким красным язычком.

— Вопрос в том,— сказал я,— как излечить моего друга-алкоголика и убедить его завязать.

— Завязать?

— Я имею в виду, бросить пить по любому поводу.

— Это просто,— сказал Азазел.— Детская игра для существа с моими познаниями в технологии. Мне нужно просто изменить вкусовые центры в его мозгу так, чтобы алкоголь на вкус казался ему чем-то отвратительным — например, экскрементами.

— Нет,— возразил я.— Ни в коем случае. Это уже слишком. Разумная доза алкоголя, к примеру такая, какую позволяю себе я, не более кварты в день, укрепляет силы, и незачем кого-либо лишать такой возможности. Прояви свою мудрость, о Могущественный, и придумай что-нибудь другое.

— Хорошо,— сказал Азазел.— Есть какой-нибудь способ превратить употребление алкоголя в достоинство? Есть пьющие, которыми все восхищаются?

— Есть ценители хорошего спиртного,— подумав, ответил я.— Есть люди, которые прекрасно разбираются в напитках и выделяют среди них те, что обладают наивысшим качеством. Обычно к ним относятся с немалым восхищением.

— Твой друг — не из таких? Он не различает высокое и низкое качество?

— О нет, нисколько. Он готов пить самогон, шампунь, лак для обуви, антифриз. Удивительно, что ничто, похоже, не убивает его на месте.

— В таком случае я изменю рецепторы его мозга таким образом, что он сможет различать любые разновидности алкоголя, сколь бы близки друг к другу они ни были, и выбирать лучшую. Его будут считать уже не презренным алкоголиком, а достойным восхищения ценителем. Собственно, я и сам обладаю подобными качествами по отношению к нашим фосфатонам и часто потрясал большие компании своими способностями...

Он продолжал свой рассказ, полный утомительных подробностей, но я слушал его если не с радостью, то с терпением — так мне хотелось помочь Камбису.

Какое-то время спустя я зашел к Камбису в гости, надеясь, что его мрачный настрой наконец прошел и из дома он меня на этот раз не выгонит. Оказалось, что мне действительно нечего было опасаться. Алкоголики — прекраснодушные люди, которые быстро забывают прошлые неприятности, да и все остальное тоже.

Вот только Камбис отнюдь не выглядел прекраснодушным. Он сидел на полу в окружении множества бокалов, наполненных различного вида жидкостями, и на лице его застыло мрачное выражение.

— Камбис, что случилось? — тревожно спросил я.

— Понятия не имею,— ответил Камбис,— но я, похоже, начал осознавать, какая же все это дрянь. Вот, Джордж, попробуй.

Это оказался темный портвейн, довольно крепкий, как я ощутил после небольшого глотка.

— Превосходно, старик.

— Превосходно? — переспросил он.— Ты серьезно? Ему недостает аромата!

— Я не заметил,— возразил я.

— Ты и не мог заметить,— презрительно бросил он.— К тому же он не настолько выдержанный, каким должен быть. Ты не почувствовал, что он несколько резкий?

— Нет. Вообще.

Камбис закрыл глаза и покачал головой, словно от моей тупости ему стало не по себе.

— Наверное, это — самое лучшее, что я смог найти в своей коллекции,— сказал он.— Попробуй.

Это был вишневый ликер непревзойденного качества. Я едва не вскрикнул, ощутив великолепие его букета и мягкость вкуса.

— Потрясающе! — восхищенно проговорил я.

— Едва терпимо,— сказал он.— Могу понять добрые намерения идиотов, но где-то во время приготовления на его пути попался ржавый гвоздь. И теперь в нем ощущается пусть не всеобъемлющий, но явно неприятный металлический привкус.

— Я ничего такого не заметил,— возмущенно возразил я.

— Потому что ты не заметишь даже единорога, который воткнет рог в твою толстую задницу,— грубо ответил он.

Я не мог больше не замечать его злобных насмешек и вдруг обнаружил в нем черту, которую никогда прежде ему не приписывал.

— Камбис,— сказал я,— а ведь ты точно трезв.

Он посмотрел на меня и проворчал:

— А чего ты ожидал? Здесь нет ничего, что я в состоянии пить. Все это помои и отрава.

В последующие месяцы я вынужден был признать, что произошло нечто странное. Азазел не подправил вкусовые рецепторы Камбиса таким образом, что все спиртные напитки стали казаться ему на вкус экскрементами. Он просто наделил Камбиса способностью отличать превосходное качество, и в поисках недостижимого идеала Камбис вел себя так, будто любой напиток, не соответствовавший этому идеалу (то есть все напитки), имел вкус экскрементов.

Камбис стал не просто трезвенником, он стал настоящим образцом трезвости. Он ходил с прямой спиной, сурово глядя

перед собой, рано ложился спать, рано вставал, стал удивительно пунктуальным во всем и был безжалостен к тем, кто хоть немного отклонялся от пути истинной добродетели. Нормальное человеческое поведение напоминало ему недостаточно выдержанные напитки с металлическим привкусом.

Моя дорогая юная племянница Валенсия была вне себя от горя. Она мяла в руках мокрый носовой платок, и лицо ее было покрыто пятнами.

— Камбис стал трезвенником, как ты и хотела,— заметил я.

— Да, он трезв как стеклышко.— сказала она.— Как жидкий воздух. Да, все идет как надо.— Она несколько раз всхлипнула, прежде чем снова взять себя в руки.— Его должность в финансовой фирме его отца, которая раньше была синекурой, теперь стала витриной для его талантов. Его называют «тиранно-завром с Уолл-стрит». Им повсеместно восхищаются как воплощением американской финансовой предприимчивости, и собираются целые толпы, чтобы посмотреть, как он безжалостно эксплуатирует вдов и сирот. И делает он это столь искусно, что постоянно удостаивается аплодисментов и даже упоминания в речи министра финансов.

— Наверняка он этим гордится,— сказал я.

— Действительно гордится. Его жесткость вызывает всеобщий восторг, а его открытое порицание лжи, воровства и обмана, если только это не требуется для получения прибыли, только приветствуется. И тем не менее...

— И тем не менее?

— Он охладел ко мне, дядя Джордж.

— Охладел? Ты наверняка шутишь. Ты столь же добродетельна, как и он.

— О да, во всем,— согласилась она.— Я сплошная добродетель. И тем не менее — не знаю почему — я его больше не устраиваю.

Я снова отправился проведать Камбиса. Это оказалось нелегко — он настолько посвятил себя своему бизнесу, что ему не хватало двенадцати часов в день на то, чтобы обманывать публику, назначая Министерству обороны завышенную цену за зубочистки и колпачки для бутылок. Так что его окружали

секретари, помощники и адъютанты, и, чтобы их обойти, мне потребовалось все мое умение и обходительность.

Наконец мне удалось добраться до его большого кабинета. Камбис хмуро уставился на меня. Он немного постарел, поскольку поглотившая его трезвость прорезала вертикальные борозды на щеках и превратила когда-то веселые и искрящиеся глаза в твердый непрозрачный мрамор.

— Что, во имя Тофета, тебе нужно, Джордж? — спросил он.

— Я пришел, друг мой,— сказал я,— от имени твоей возлюбленной, Валенсии.

— Моей... кого?

Я вынужден был признать, что это дурной знак.

— Валенсии,— повторил я.— Светловолосой девушки, прекрасной и добродетельной, и созданной для любви.

— А, да.— Камбис взял со стола стакан воды, хмуро на него посмотрел и поставил обратно.— Кажется, я ее помню. Она мне не подходит, Джордж.

— Почему? Ее считают весьма привлекательной многие знатоки в этой области.

— Знатоки, ха! Ничего не понимающие бездельники! Джордж, эта женщина пользуется духами, от которых стошнило бы мускусную крысу. К концу дня, несмотря на духи, я ощущаю неприятный запах тела. Ее дыхание порой отвратительно до невозможности. У нее есть привычка есть швейцарский сыр, сардины и прочую дрянь, запах которой остается на ее языке и зубах. Я что, должен купаться в этих омерзительных испарениях? Кстати, Джордж, я чувствую, ты и сам забыл помыться сегодня утром.

— Ничего подобного, Камбис,— горячо возразил я.— Я принимал душ.

— В таком случае в следующий раз становись поближе к мылу,— сказал он.— Тебе незачем говорить Валенсии об этих подробностях, если считаешь, что они могут ее обидеть — так же, как они досаждают мне. Но ты можешь сказать ей, что, если она когда-нибудь со мной встретится, пусть стоит с подветренной стороны.

— Это просто нелепо, Камбис,— сказал я.— Валенсия — утонченная и приятно пахнущая юная леди. Лучше ее тебе не найти.

— Нет,— ответил Камбис, все больше мрачнея.— Думаю, нет. Это грязный и вонючий мир. Удивляюсь, как люди этого не замечают.

— Тебе не приходило в голову, что ты сам можешь быть несовершенен в этом смысле?

Он поднес запястье к носу и понюхал.

— Нет,— сказал он,— не приходило.

— Возможно, лишь потому, что твои ощущения насытились твоим собственным запахом. Для других ты, вероятно, весьма неприятен.

— Для других? Какое мне, черт побери, дело до других?

На что, должен признаться, ответа у меня не нашлось.

Камбис снова взял стакан с водой, отхлебнул из него и недовольно поморщился.

— Я ощущаю как минимум пять органических соединений с отвратительным вкусом, добавленных в эту воду. Даже минеральная вода в бутылках обладает легким привкусом из-за следов растворенного в ней стекла.

Я вздохнул и ушел. Случай был безнадежный. Азазел перестарался, дав ему способность тонко различать вкусы и запахи.

Я попытался как можно более мягче сообщить новость Валенсии, которая разразилась страшными рыданиями. Мне потребовалось три дня и три ночи, чтобы ее утешить, что оказалось непростой задачей, поскольку в последнее время мой пыл несколько угас, а ты не можешь себе представить, насколько эта женщина нуждалась в утешении.

Что касается Камбиса, то последнее, что я о нем слышал,— он искал по всему миру место для жилья, где воздух и вода были бы достаточно чисты для его утонченного вкуса, повара, который удовлетворял бы его взыскательным потребностям, и, самое главное, молодую женщину, которая не оскорбляла бы его тонкое обоняние. Он настолько богат, насколько может быть богат поставщик Министерства обороны — его низкокачественное и дорогостоящее военное снаряжение является гордостью вооруженных сил нашей прославленной нации,— но подозреваю, что он несчастный человек.

Джордж сочувственно вздохнул, распространяя вокруг винные пары, и залпом осушил пятый бокал белого вина.

Я разозлился.

— Я думал, вы говорили, что вино глумливо.

— Так оно и есть. Только не оно само, конечно, а его отсутствие.

— Не согласен.— Я редко бывал настолько раздражен его поведением.— Я всегда готов принять на веру ваши весьма сомнительные воспоминания, но на этот раз с меня хватит. Я не могу согласиться с тем, что трезвенник, просто потому что он трезвенник, может проявить все те порочные черты, которые вы приписываете этому Камбису.

— В самом деле? — удивленно спросил Джордж.— И какое доказательство обратного вы можете привести?

— Ну, прежде всего я сам трезвенник.

— Снимаю вопрос,— сказал Джордж.

— Собственно, я знаю кое-кого очень похожего на вас,— заявил Джордж, когда мы сидели в холле кафе «Модист» после довольно-таки обильной трапезы.

Я слегка наслаждался возможностью ничегонеделания, пренебрегая срочной работой, которая ожидала меня дома, и мне следовало выкинуть из головы подобные мысли, но я не мог, глубоко ценя уникальность собственного характера.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.— Нет никого похожего на меня.

— Ну,— заметил Джордж,— он не пишет так много, как вы. Никто столько не пишет. Но только потому, что он испытывает определенное уважение к тому, что пишет, и не считает любую свою опечатку бессмертной прозой. И тем не менее он пишет, вернее, писал, поскольку несколько лет назад он умер и попал в особое место в чистилище, предназначенное для писателей, где к ним постоянно приходит вдохновение, но нет ни пишущих машинок, ни бумаги.

— Полагаюсь на вас во всем, что касается познаний о чистилище,— сухо сказал я,— раз уж вы воплощаете их в своем лице, но почему этот ваш знакомый писатель напоминает вам меня, за исключением того, что он просто писатель?

— Причина сходства, открывшаяся моему внутреннему взору, старина, заключается в том, что, хотя он и достиг мировой славы и богатства, как вы, он постоянно и горько жаловался на то, что его недооценивают.

Я нахмурился.

© Перевод К. Плешкова.

— Я не жалуюсь на то, что меня недооценивают.

— Разве? Я только что в течение всего утомительного обеда выслушивал ваши жалобы на то, что вы никогда не получаете ничего сполна, а только что-нибудь на десерт, под которым, подозреваю, вы вряд ли подразумеваете порку.

— Джордж, вы прекрасно знаете, что я просто жаловался по поводу некоторых недавно полученных рецензий, написанных недалекими завистливыми графоманами...

— Мне всегда было интересно — что такое графоман?

— Несостоявшийся писатель, или, другими словами, рецензент.

— Ну вот то-то и оно. Ваши комментарии напомнили мне моего старого друга, ныне покойного Фортескью Москенкрака Флабба.

— Фортескью Москенкрак Флабб? — несколько ошеломленно переспросил я.

— Да. Старый Мозгокряк, как мы его обычно звали.

— А как он звал вас?

— По-разному, уже не помню,— ответил Джордж.— Мы были друзьями с молодых лет, поскольку ходили в одну и ту же среднюю школу. Он был на несколько лет меня старше, но мы встречались на собраниях ассоциации выпускников.

— В самом деле, Джордж? Я как-то даже не подозревал, что вы закончили среднюю школу.

— Да, действительно, мы учились в средней школе имени Аарона Барра, старый Мозгокряк и я. Мы много раз вместе пели старый гимн нашей альма матер, и слезы ностальгии текли по нашим щекам. О, золотые школьные деньки!

И он запел, немилосердно фальшивя:

В золотых своих лучах
Солнце школу согревает,
Ветер сине-черный флаг
Над Помойкой развевает...

— Над Помойкой? — переспросил я.

— Мы ее так любовно называли. Йель известен как Старый Эли, университет Миссисипи — как Старая Мисс, а школа имени Аарона Барра...

— Как Старая Помойка.

— Именно.

— А почему «сине-черный флаг»?

— Это цвета нашей школы,— сказал Джордж.— Но я уверен, что вы хотите послушать историю Фортескью Москенкрака Флабба.

— Только ее и мечтал услышать,— вздохнул я.

Фортескью Москенкрак Флабб, начал свой рассказ Джордж, дожив до среднего возраста, был счастливым человеком или, по крайней мере, должен был быть счастлив, ибо судьба наделила его всем, чего только можно было бы пожелать.

Его писательская карьера была долгой и успешной; книги его хорошо продавались, пользовались популярностью и даже высоко оценивались графоманами, именовавшими себя рецензентами.

Вижу по твоему лицу, старик, что ты собираешься спросить меня: как может человек быть успешным писателем да еще носить имя вроде Фортескью Москенкрак Флабб — и при этом оставаться полностью тебе неизвестным? Я мог бы ответить, что это всего лишь следствие твоей полной оторванности от мира, но не стану, поскольку есть иное объяснение. Как и все писатели, обладающие хотя бы долей разума, старый Мозгокряк пользовался псевдонимом. Как и любой хоть немного соображающий писатель, он не хотел, чтобы кто-либо знал, каким образом он зарабатывает на жизнь. Я знаю, что ты пользуешься своим собственным именем, но тебе неведом стыд!

Псевдоним Мозгокряка наверняка тебе хорошо известен, но он однажды взял с меня обещание, что я сохраню его в нерушимой тайне даже после того, как он отправится в свое писательское чистилище, и я, естественно, вынужден хранить это обещание.

И все же Мозгокряк не был счастлив.

Будучи, как и я, выпускником старого доброго Барра, он как-то признался мне:

— Какой смысл в том, Джордж, что деньги льются на меня непрекращающимся потоком? Какой смысл в моей всемирной славе? Какой смысл в том, что все подряд относятся ко мне с величайшим уважением?

— Мозгокряк,— серьезно ответил я,— я полагаю, что смысл во всем этом есть.

— Ба! — сказал он.— Может, в мирском, сугубо материальном понимании и есть. Но это никак не трогает душу.

— Почему? — спросил я.

— Потому что,— и он громко ударил себя по груди,— жгучая память о тех оскорблениях и презрительных насмешках, что я получал в юности, остается неотмщенной и действительно останется таковой навсегда.

Я потрясенно уставился на него.

— Тебя в юности оскорбляли и презирали? В самом деле?

— А что, нет? Прямо в Старой Помойке. В школе имени Аарона Барра.

— Но что случилось? — спросил я, едва веря собственным ушам.

— Это было в тридцать четвертом году,— сказал он.— Я тогда учился в предпоследнем классе и только начал ощущать пробуждающееся во мне божественное вдохновение. Я понял, что однажды стану великим писателем, и потому записался на литературный курс, который вел старик Юсиф Ньюберри. Помнишь Юсифа Ньюберри, Джордж?

— Ты имеешь в виду старого Ворчуна Ньюберри?

— Того самого. Это была его идея — собрать подобный класс, чтобы из этой нетронутой кладези таланта извлечь жемчужины, которые могли бы украсить собой школьный литературный альманах. Помнишь альманах, Джордж?

Я содрогнулся, и старый Мозгокряк сказал:

— Вижу, что помнишь. Нам дали задание написать эссе, чтобы проверить наши способности, и, насколько я помню, я написал оду весне, бесподобно красивую и к тому же поэтичную.

Когда Ворчун вызвал добровольцев, чтобы те прочитали свои произведения, я сразу же гордо поднял руку, и он пригласил меня к доске. Сжав свою рукопись в руке, которая, как я помню, вспотела от возбуждения, я звенящим голосом прочитал свои словоизлияния. Я надеялся прочесть все пятнадцать страниц, вызвав восторг аудитории, который завершился бы восхищенными возгласами и аплодисментами. Но я надеялся напрасно.

На середине второй страницы меня прервал Ньюберри. «Это,— громко провозгласил он,— самая настоящая чушь, которая годится только на удобрения, да и то сомнительно».

После этих его слов весь класс юных подхалимов громко расхохотался, и меня отправили на место, не дав дочитать. И это еще не все. С тех пор Ньюберри пользовался любой возможностью, чтобы меня унизить. Ничто из того, что я писал, ему не нравилось, и он выражал свое неудовольствие публично, всегда к радости класса, в котором я таким образом стал изгоем.

Наконец, когда нам дали последнее задание в том семестре — написать рассказ, стихотворение или эссе, предназначенное для публикации в литературном альманахе,— я написал веселое эссе, полное искрящегося остроумия и юмора, и представь мое удивление, когда Ньюберри его принял.

Естественно, я счел разумным и справедливым найти старого Ворчуна после занятий и поблагодарить его. «Я рад, сэр,— сказал я,— что вы позволили моему эссе украсить страницы литературного альманаха».

И он ответил мне, неприятно скаля желтые клыки: «Я взял его, Ф. М. Флабб, только потому, что это было единственное представленное произведение, которое хотя бы попыталось выглядеть смешным, пусть и неудачно. То, что я вынужден был его принять, Флабб, для тебя это лишь последняя соломинка, и больше ты ее в этом классе не получишь».

Так оно и случилось, и, хотя прошло уже сорок лет, воспоминания о том, как ко мне относились в том классе в Старой Помойке, остаются свежими. Шрамы остаются, Джордж, и мне никогда их не стереть.

— Но, Мозгокряк,— сказал я,— подумай о том, как должен был чувствовать себя старый любимый сын неизвестного отца, когда ты добился литературной славы. В самом деле, то, каким образом ты добрался почти до самой вершины литературного мира, должно было отравить его существование куда в большей степени, чем его старые оскорбления и презрительное отношение могли бы отравить твое.

— Что значит «почти до верщины»... впрочем, не важно. Ты явно не следил за последующей историей школы. Мерзкий злодей, который вел тот курс, умер лет пять спустя после того,

как я его посещал,— наверняка затем, чтобы не видеть триумфа того, кого он унизил, поскольку слава начала окружать меня лишь через три года после его смерти. И теперь меня не оставляет чувство разочарования оттого, что я не могу презрительно щелкнуть пальцами под его задранным носом. Но что поделаешь? Даже боги не могут изменить прошлое.

— Я подумаю,— тихо сказал я.

— Гм?

— Нет, ничего.

Но конечно же, я подумал об Азазеле, моем двухсантиметровом друге из другого мира, или, возможно, вселенной, или даже континуума, технологии которого настолько превосходят наш, что кажутся чем-то вроде магии. (Кажется, насчет этого что-то говорил некто по имени Кларк. Впрочем, поскольку я никогда о нем не слышал, это не имеет особого значения.)

Азазел спал, когда я вызвал его из его собственного мира, или, возможно, вселенной, или даже континуума — естественно, я не могу сообщить, каким именно образом я это делаю. Грубый разум, вроде твоего, необратимо пострадает, пытаясь постичь все тонкости эндорцизма. Я лишь забочусь о тебе, старик.

Я терпеливо ждал, пока Азазел проснется, поскольку он бывает весьма вспыльчив, если его разбудить, а вспыльчивый Азазел опасен, несмотря на свои крошечные размеры. Так что мне ничего не оставалось, кроме как наблюдать за сложными телодвижениями его рук и ног, в которых я ничего не мог понять. Судя по всему, ему что-то снилось.

Движения стали более резкими, глаза его открылись, и он рывком сел.

— Так я и думал,— послышался его стон, напоминавший тонкий свист.— Это всего лишь сон.

— Что тебе снилось, о Чудо Вселенной?

— Свидание с прекрасной Зиббулк. Неужели оно никогда не станет реальностью? Конечно,— грустно добавил он,— она примерно твоего размера и потому отказывается воспринимать меня всерьез.

— Разве ты не можешь увеличиться, о Легенда Веков?

— Естественно, могу,— негромко проворчал он,— но тогда моя сущность станет тонкой, туманной и похожей на видение,

и, когда я попытаюсь обнять Зиббулк, она ничего не почувствует. Не знаю, почему это так, но прелестные самки любят в подобной ситуации что-то ощущать. Впрочем, хватит поэтических излияний моей личной трагедии. Что тебе нужно на этот раз, презренный?

— Путешествие во времени, о Восхищающий Астрал.

— Путешествие во времени? — воскликнул Азазел.— Это невозможно.

— В самом деле? Я не физик, о Великий, но ученые этого мира говорят про путешествие быстрее света и про червоточины.

— Они могут говорить с тем же успехом про патоку или про колибри, но путешествие во времени теоретически невозможно. Забудь.

— Очень хорошо,— вздохнул я,— но это значит, что старый Мозгокряк проживет несколько оставшихся ему лет, не в силах отомстить за оскорбление и унижение, которые нанесли ему злодеи прошлого, злодеи, которые не восприняли, не говоря уже о том, что не оценили, его великий талант.

При этих словах цвет лица Азазела сменился с обычного свекольно-красного на нечто, напоминающее нежный розовый цвет мякоти арбуза.

— Оскорбление и унижение? — переспросил он.— О, как хорошо мне знакомо унижение, которое вынуждена переносить терпеливая добродетель от недостойных. Стало быть, твой друг испытывает те же страдания, что испытывал я.

— Никто,— осторожно сказал я,— не может испытывать таких страданий, какие испытал твой могучий дух, о Утешитель Убогих, но он действительно пострадал и страдает до сих пор.

— Печально. И он желает вернуться назад во времени, чтобы отомстить недостойному.

— Именно, но ты сказал, что путешествие во времени невозможно.

— Так оно и есть. Однако я могу вторгаться в чужой разум. Если у тебя есть или ты можешь раздобыть что-нибудь, что находится с ним в тесном контакте, я могу так вмешаться в его разум, что ему покажется, будто он отправился в прошлое и встретился лицом к лицу со своими давними мучителями, и тогда он сможет сделать все, что пожелает.

— Отлично,— сказал я.— У меня тут случайно завалялась десятидолларовая банкнота, которую я позаимствовал из его бумажника при нашей последней встрече, и я более чем уверен, что она пребывала с ним в тесном контакте по крайней мере месяц, поскольку уж кто-кто, а старый Мозгокряк баксами не швыряется.

Так оно и случилось. Примерно месяц спустя я встретил Мозгокряка, и он оттащил меня в сторону.

— Джордж,— сказал он,— прошлой ночью мне приснился удивительный сон. По крайней мере, я думаю, что это был сон, ибо будь это что-нибудь другое, я наверняка бы свихнулся. Он казался настолько реальным, как будто я вернулся назад во времени. На сорок лет.

— Гм... назад во времени?

— Именно так мне показалось, Джордж. Как будто я путешествовал во времени.

— Расскажи, Мозгокряк.

— Мне снилось, будто я снова в Старой Помойке. Я имею в виду, в старой Старой Помойке. Не такой, какая она сейчас, разрушенная и затерявшаяся посреди города, но какой она была сорок лет назад, внушительное здание в античном стиле, постаревшее лишь от времени. Я мог пройти по коридорам и видел классы, учеников за работой. Повсюду чувствовался едва заметный дух депрессии. Помнишь Великую депрессию, Джордж?

— Конечно.

— Я прочитал объявления на доске. Я просмотрел последний выпуск школьной газеты. Никто меня не останавливал. Никто меня не замечал. Как будто я для них вообще не существовал, и я понял, что это именно сегодняшний я, забредший в прежние времена. И вдруг я понял еще одно — что где-то в здании находится Юсиф Ньюберри, все еще живой. Я понял тогда, что меня занесло в Старую Помойку с определенной целью. В руках у меня был портфель; просмотрев его содержимое, я с великой радостью обнаружил, что у меня имеются все необходимые доказательства.

Я взбежал по лестнице на третий этаж, где находился его кабинет. Помнишь его кабинет, Джордж, пропитанный затхлым запахом старых книг? Запах все так же стоял там сорок лет

спустя, или, вернее, я вернулся назад на сорок лет и обнаружил его там, где он был всегда. Я боялся, что старый Ворчун может оказаться на уроке, но мой сон отправил меня в нужное время. У него был свободный час, и он занимался проверкой работ учеников.

Когда я вошел, он поднял глаза и увидел меня. Он меня заметил. Не мог не заметить.

«Кто вы?» — спросил он.

«Приготовься удивиться, Юсиф Ньюберри,— ответил я,— ибо я не кто иной, как Фортескью Москенкрак Флабб».

Он нахмурился.

«Вы хотите сказать, что вы — отец того тупого простофили, который учился в прошлом году в моем классе?»

«Нет, я не отец того тупого простофили. Берегись, Ньюберри, ибо я и есть этот тупой простофиля. Я явился из будущего, отстоящего на сорок лет, чтобы предстать перед тобой, трусливый мучитель моей юности».

«Сорок лет, гм? Должен отметить, что прошедшие годы не пошли тебе на пользу. С трудом могу поверить, что можно выглядеть хуже, чем ты выглядишь сейчас, но, вижу, это как-то тебе удалось соорудить».

«Ньюберри,— прогремел я,— приготовься страдать! Ты знаешь, кем я стал через сорок лет?»

«Да,— спокойно ответил он,— ты стал выдающимся уродом средних лет. Полагаю, это было неизбежно, но я, хоть и с трудом, все же могу тебя пожалеть».

«Я стал далеко не только им, Юсиф Ньюберри. Я стал одним из известнейших литературных деятелей Соединенных Штатов. Вот, к твоему сведению, экземпляр статьи обо мне в "Кто есть кто в Америке". Обрати внимание на количество моих опубликованных книг, и более того, Ньюберри, обрати внимание, что ни в одном из этих выдающихся томов не упоминается презренное имя Юсифа Ньюберри. А вот, Юсиф Ньюберри, подборка рецензий на мои последние книги. Прочти их и обрати особое внимание на то, что в них говорится о моем таланте и моем безукоризненном писательском мастерстве. Вот статья в "Ньюйоркере", тиражи которого взлетели благодаря мне. А теперь, Юсиф Ньюберри, вспомни обо всех грубостях и издевательствах, которые ты говорил обо мне и моем творче-

стве в прошлом году в классе, и покаянно преклони голову, охваченный горьким стыдом!»

«Полагаю,— сказал Ньюберри,— что все это сон».

«Вероятно, это сон,— согласился я,— но даже если так, то это мой сон, и все то, что я тебе показал,— правда, которая будет существовать сорок лет спустя. Разве ты не раскаиваешься, Юсиф Ньюберри?»

«Нет,— ответил Ньюберри,— я не несу ответственности за будущее. Могу сказать лишь одно: все, что ты писал в прошлом году в моем классе,— дерьмо и останется дерьмом до скончания времен. А теперь убирайся и не мешай мне работать».

И на этом сон закончился. Что ты об этом думаешь, Джордж?

— Очень реалистично.

— Да, в самом деле. Но я не об этом. Можешь себе представить, насколько меня оскорбило поведение этого учителишки, который, даже узнав о моем величии, так и остался при своем мнении? Никакого стыда. Никакого отчаяния. Он продолжал утверждать, что мои юношеские работы — дерьмо, и не изменил свою позицию ни на йоту. Мое сердце разбито, Джордж. Все оказалось намного хуже, чем я полагал. И на покой я уйду с самыми худшими мыслями, какие только мог себе представить.

Он заковылял прочь — не человек, а постаревшая и полностью уничтоженная оболочка человека. Спустя некоторое время он умер.

Джордж закончил свой рассказ и утер глаза пятидолларовой бумажкой, которую я специально ему дал. Она была не столь мягкой, как носовой платок, но он настаивает, что прикосновение банкнота — самое прекрасное ощущение.

— Полагаю, Джордж,— сказал я,— что бесполезно спрашивать о том, есть ли смысл в ваших историях, но, думаю, следует отметить, что это было не настоящее путешествие во времени, судя по вашему рассказу, но лишь воображаемое. Это действительно было видение, вызванное манипуляциями Азазела над мозгом Флабба. В таком случае Флабб находился под его полным контролем или должен был находиться. Почему он не заставил Юсифа Ньюберри ползать у его ног, безнадежно моля о прощении?

— Именно об этом,— ответил Джордж,— я при случае спросил Азазела. Азазел сказал, что несчастный Мозгокряк, сколь бы предвзятое мнение он ни имел о себе самом, обладал достаточным литературным мастерством, чтобы понимать, по крайней мере подсознательно, что некоторые из его творений действительно были дерьмом и что Ньюберри был прав. Честно говоря, ему рано или поздно пришлось бы это осознать.

Джордж немного подумал, а потом добавил:

— И все-таки мне кажется, что он не настолько уж на вас похож.

ХОЛОДНО ЛИ ТЕБЕ, МИЛАЯ?

Мы с Джорджем обедали в ресторане, и официант как раз поставил перед ним «лохань» бобового супа по-флотски, от которого он просто без ума. Он влил в себя несколько ложек, удовлетворенно вздохнул и сказал, глядя в окно:

— Падает легкий снежок...

На что я ответил:

— Если вы считаете, что эти огромные снежные хлопья, падающие с неба сплошной стеной, просто «снежок», то, надо полагать, вы правы.

— Я просто попытался придать поэтичности банальной фразе: «Опять идет снег...» — надменно заявил Джордж.— Впрочем, о поэзии с вами говорить, как с лошадью...

— Вы забываете, что не лошадь платит за ваш обед.

— Просто так уж получилось, что в данный момент я на мели.

Момент этот длится с тех пор, как я познакомился с Джорджем, и, хотя меня так и подмывало ему об этом напомнить, я сдержался.

— Происходящее за окном наводит меня на мрачные предчувствия, что скоро наступят холода,— сообщил я.— Тем не менее меня утешает мысль, что через несколько месяцев они закончатся и я вновь буду радоваться наступлению теплой погоды. Подозреваю, что периодическая смена предчувствий и восприятия полезна, она дает столь необходимое ощущение божественной неудовлетворенности.

© Перевод К. Плешкова.

— Интересно,— заметил Джордж,— почему ее называют божественной?

— Потому что именно неудовлетворенность текущим положением дел подтолкнула человечество к созданию цивилизации и культуры. Удовлетворенность жизнью ведет к застою и деградации, как в вашем случае. И все же даже вы, Джордж, если верить тем историям, которыми вы меня потчуете, распознаете у других ту самую божественную неудовлетворенность, а потом прилагаете тяжкие усилия, пытаясь облегчить их участь. Хотя — опять-таки, если верить тем же самым историям, которыми вы продолжаете мне досаждать,— может показаться, что ваше вмешательство в жизнь ваших друзей неизбежно ведет к катастрофе.

Джордж покраснел.

— Вы дважды в одной фразе умудрились пролить сомнение на ту часть жизни, в которой я вам оказывал всемерную поддержку.

— Часть жизни, включающая в себя инопланетное существо в два сантиметра ростом, которое вы можете вызывать, искривляя пространство, и которое способно на то, что недоступно человеческим технологиям... в этом трудно не усомниться.

— И еще я возмущен вашими словами о том, что моя искренняя помощь неизбежно ведет к катастрофе. Слова эти столь далеки от истины, что я уверен — ангелы в раю льют сейчас самые горькие слезы ради вашего спасения.

— Если они и льют слезы, то ради вашего спасения, не моего. Это вы рассказываете всякие истории и описываете катастрофы. Я же просто на них указываю.

— Все дело в том, старина, что я как-то раз стал причиной счастливого брака, преисполненного любви и верности. Можно сказать, это полностью творение рук моих. Я имею в виду историю Юфросины Меллон и ее мужа, Алексиуса. Сейчас я вам ее расскажу.

— На самом деле мне вовсе не хочется ее слушать...

Юфросина Меллон, начал свой рассказ Джордж, была до замужества Юфросиной Стамп, и я знал ее с детства — застенчивую девчушку, которая, когда ее знакомили с кем-то не из родни, пряталась за ближайший шкаф и смотрела оттуда широко

раскрытыми глазами. Эта ее застенчивость так и не прошла, а по мере взросления стала проявляться на представителях противоположного пола.

Еще более неуместно это стало выглядеть, когда, став взрослой, она превратилась в стройное чудо с телом богини. Конечно, она была маленькой богиней, всего в пять футов два дюйма ростом, но жившие по соседству молодые люди сразу же отметили ее феномен.

Многие юноши пытались завести с ней дружбу, и если бы им это удалось, то они, скорее всего, вовлекли бы ее в глубокомысленные философские дискуссии. Однако мне так и не удалось это проверить, так же как и ей, поскольку никто так и не смог установить с ней достаточно дружеских отношений, являющихся предпосылкой для подобных дискуссий.

Юфросина старательно одевалась так, чтобы скрыть свои потрясающие формы, но обнаружила, что молодые люди обладают в этом отношении шестым чувством. Молодой человек, едва способный найти омлет, лежащий перед ним на тарелке, мог тем не менее пронзить мысленным взглядом слои мешковины, которыми окутывала себя Юфросина, чтобы обнаружить находящееся под ним чудо.

Естественно, я был ее крестным — ибо, как я тебе уже говорил, я был осчастливлен невероятным количеством прелестных крестных дочерей, несомненно, благодаря моим выдающимся добродетелям и уважительному ко мне отношению. Даже Юфросина делала в отношении меня исключение в смысле своих подозрений относительно мотивов представителей мужского пола, которые она питала ко всем остальным.

Она сидела у меня на коленях и рыдала у меня на плече, пока я гладил ее золотые волосы.

— Я просто не могу вынести мысли о том, чтобы прикоснуться к кому-либо из этих созданий,— говорила она,— но чувствую, что им ужасно хочется до меня дотронуться. Я постоянно замечаю, что они обычно моют руки перед тем, как ко мне приблизиться, словно им кажется, будто они добьются большего успеха с чистыми руками.

— А что, не так?

Юфросина содрогнулась.

— Грязных рук я не смогла бы вытерпеть, но чистые руки немногим лучше, дядя Джордж.

— И тем не менее ты сидишь у меня на коленях, я глажу твои волосы и, надо полагать, иногда случайно касаюсь твоего плеча.

— Это другое дело, дядя Джордж. Ты член семьи.

Я продолжал гладить ее волосы. У членов семьи есть свои привилегии.

Однако, учитывая подобную ее позицию, вполне можно представить мое изумление, когда она сообщила мне новость, что выходит замуж за Алексиуса Меллона, крепкого молодого парня, не обладавшего большим поэтическим дарованием — да и крошечным, впрочем, тоже,— который неплохо зарабатывал на жизнь работой коммивояжера.

Когда она пришла ко мне с этим выдающимся известием, краснея и глупо улыбаясь, я сказал:

— Учитывая твои взгляды на мужчин, Юфросина, как ты согласилась принять его предложение?

— Ну,— застенчиво ответила она,— наверное, у меня просто романтическая натура. Я знаю, что руководствоваться корыстными побуждениями небезопасно. Да, действительно говорят, что «деньги слепы» и что, соблазняясь ими, ты совершаешь ужасные ошибки. Однако я также слышала, что «деньги побеждают все», и сейчас я в это верю. Я пыталась держаться подальше от Алексиуса и не подпускать его к себе, но все говорят, что «деньги открывают любой замок», и так оно и оказалось. И — да, наверное, я просто глупая девочка, но, после того как всю мою жизнь я пыталась держаться как можно дальше от мужчин, я просто проснулась однажды утром, подумала про Алексиуса и поняла, что ничто не может мне помочь,— я влюбилась в деньги. Весь день я ходила, напевая: «Нет ничего прекраснее денег», и, когда Алексиус снова сделал мне предложение, я сказала: «Да, дорогой, мы поженимся, и я обещаю любить твои деньги, чтить их и слушаться».

Я улыбнулся и пожелал ей всего самого наилучшего, но когда она ушла, с грустью покачал головой. Я достаточно повидал мир, чтобы понимать — золотое сияние денег способствует роскошному медовому месяцу, но когда приходится задумываться о жизни всерьез, одних денег недостаточно. Я скорбно

предвидел разочарование моей милой глупой маленькой крестнице, которая начиталась чересчур много сказок о деньгах и любви.

Так оно и оказалось. Прошло не больше шести или восьми месяцев с ее замужества, когда она пришла ко мне, и вид у нее был бледный и страдальческий.

— Привет, Юфросина,— сказал я.— А как дела у нашего дорогого Алексиуса?

Она огляделась по сторонам, словно проверяя, что никто не подслушивает.

— Слава богу, он снова отправился в деловую поездку.

Губы ее дрогнули, и в конце концов, всхлипнув, она бросилась мне в объятия.

— Что случилось, моя дорогая? — спросил я, вновь поглаживая ее по волосам, что всегда доставляло мне столько удовольствия — и, вероятно, ей тоже.

— Это все Алексиус. Какое-то время денег вполне было достаточно. Мы тратили их без разбору и наслаждались жизнью. Казалось, что у нас никогда не будет никаких тревог, но потом он начал меняться. Он начал намекать на то, что является сутью супружества,— на любовь. Я пыталась обратить все в шутку, весело говоря: «Богатым хватает одних денег». Однако шли недели, и я обнаружила, что он становится все более настойчив, и мне стало ясно, что я вышла замуж за тайного одержимого — одержимого любовью. Это словно какая-то болезнь, дядя Джордж. До прошлой недели мы спали на разных кроватях, одна у одной стены комнаты, другая — у другой, разделенных тяжелым шкафом,— как любая нормальная пара новобрачных. А потом я вдруг обнаружила в комнате... двуспальную кровать. Он сказал, что раздельные кровати отчуждают супругов друг от друга. И теперь, дядя Джордж, я даже не могу назвать кровать собственной, и, когда он ложится в кровать, его рука иногда касается моей. Собственно, она пытается ко мне подобраться. Не могу вообразить, какие болезненные желания могут им овладевать. Ты не знаешь, дядя Джордж?

— Ты не думаешь, дорогая Юфросина, что тебе со временем могло бы понравиться прикосновение его руки?

— Никогда. Он все время кажется таким теплым, а я всегда восхитительно холодная. Я не хочу всего этого мужского тепла.

Я ему так и сказала, а он ответил, что я холодная... не могу тебе сказать второе слово, но оно начинается на «су» и заканчивается на «ка».

— Думаю,— сказал я,— я сумею найти решение.

— Ты думаешь, дядя Джордж, что деньги больше не связывают его со мной? В конце концов, нельзя же называть ту, с кем вместе ты тратил деньги в течение полугода, холодной самзнаешь-что и продолжать быть с ней в денежных отношениях?

— Спокойно, спокойно, Юфросина. Как долго не будет Алексиуса?

— Это долгая поездка. Он собрался проехаться по всему юго-западу. Раньше чем через месяц вряд ли вернется.

— Тогда предоставь это мне, дорогая, и я придумаю, что можно сделать.

— Я знаю, что ты обязательно что-нибудь придумаешь,— сказала она, доверчиво подняв ко мне свое симпатичное личико.— Ты же член семьи.

Мне показалось, что это как раз дело для Азазела, и я его вызвал. Он появился, как обычно, на полке, которую я установил специально для него на уровне глаз. Как обычно, он был не готов к тому, что его вызовут, и, как обычно, без какого-либо предупреждения уставился мне в глаза и издал свой обычный пронзительный визг. Он утверждает, что всегда реагирует таким образом, неожиданно оказавшись лицом к лицу с жутким монстром, хотя он так и не объяснил, зачем ему визжать, увидев меня.

На этот раз он выглядел чуть краснее обычного, словно ему приходилось прилагать некие усилия, и в своей маленькой ручке он держал некий предмет, напоминавший дробину. Даже взвизгнув при виде меня, он продолжал ритмично поднимать его и опускать.

— Ты что, не понимаешь, что оторвал меня от оздоровительных упражнений? — заявил он.

— Извини!

— И что в том хорошего? Теперь мне придется пропустить сегодняшние упражнения. Просто пропустить. И как мне поддерживать себя в форме? Просто понятия не имею.

— Зачем тебе их пропускать, о Великий и Благородный Повелитель Вселенной? Разве ты не можешь вернуться в то же мгновение, которое покинул, и продолжить свои упражнения?

— Нет, это слишком сложно, и я не нуждаюсь в твоих глупых советах. Я просто их пропущу. Но позволь мне задать тебе вопрос...

— Да, Ваше Всемогущество?

— До сих пор ты вмешивался, когда я играл в азартные игры — и был близок к выигрышу. Ты также вмешивался, когда я был в процессе получения всевозможных почестей, когда я принимал душ, когда я участвовал в сложных ритуалах вместе с некоторыми прелестными представительницами моего вида. Как так вышло, что ты до сегодняшнего дня не мешал моим ежедневным упражнениям? Если уж и мешать мне — то самое для того время. В другой раз делай так же.

Он положил дробину и пинком отправил ее в сторону. Я понял, что ежедневные упражнения ему не слишком нравятся.

— Что на этот раз? — кисло спросил он.

Я рассказал ему историю Юфросины и Алексиуса Меллон, и он поцокал языком.

— Старая, старая история,— сказал он.— Даже в нашем мире недальновидные прихоти молодости приводят к неописуемым несчастьям. Но мне кажется, что этой Юф... Юф... или как ее там, всего лишь нужно подчиниться низменным и извращенным желаниям своего самца.

— Но в том-то и дело, о Всемогущий, что она чистая и непорочная девица.

— Ну да, как же, ты только что высказал очередной оксюморон. По крайней мере, если девицы вашего мира хоть чем-то похожи на девиц моего. В свое время я встречал невероятное количество холодных зиббулов — под зиббулами я имею в виду самок домашних животных...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, о Потрясающий, но что нам делать с Юфросиной?

— Собственно, все очень просто. Поскольку ей не нравится мужское тепло... Можешь принести мне ее фотографию или предмет одежды — что-нибудь, на чем я мог бы сфокусировать свою энергию?

К счастью, у меня нашлась ее более или менее приличная фотография, при виде которой Азазел скорчил унылую гримасу. Однако ему не потребовалось много времени, чтобы сделать свое дело, после чего он отбыл восвояси. Я заметил, что он оставил свою дробину. Собственно говоря, дробина лежит у меня в кармане, и я покажу ее тебе в доказательство существования Азазела... Не знаю, что ты подразумеваешь под «реальным» существованием, говоря твоими словами, но если ты не хочешь на нее смотреть, то я продолжу.

Две недели спустя я снова встретился с Юфросиной. Она выглядела еще более несчастной, чем когда-либо, и я испугался, как бы от того, что сделал Азазел, не стало еще хуже. При том, что Азазел никогда не соглашается изменить что-либо, уже им сделанное.

— Алексиус еще не вернулся? — спросил я.

— Он вернется в воскресенье,— апатично ответила она.— Дядя Джордж, тебе не кажется, что в последнее время похолодало?

— Не так уж чтобы не по сезону, моя дорогая.

— Ты уверен? Мне почему-то так кажется. Я просто весь день сижу и дрожу от холода. Под этим толстым пальто у меня самое теплое платье, а под ним хорошее теплое белье, я даже надела шерстяные носки поверх колготок и тяжелые туфли, но мне все равно холодно.

— Возможно, ты плохо питаешься. Прекрасная большая миска бобового супа по-флотски чудесно тебя согреет. И на твоем месте я лег бы в постель. Включи обогреватель в комнате, накройся несколькими одеялами, и тебе будет тепло, как на пляже на островах южных морей.

— Не знаю,— ответила она, морща свой симпатичный носик и качая головой.— Именно в постели мне холоднее всего. Особенно рукам и ногам — они словно превращаются в сосульки. Когда вернется Алексиус, он не захочет ложиться со мной в постель, я такая холодная. Хоть что-то хорошее,— мрачно добавила она.— Ему предстоит обнаружить, что я и в самом деле холодная сам-знаешь-что.

Еще через две недели раздался стук в дверь — радостный и счастливый. Помнится, я был занят сложными математическими расчетами какой-то лошадиной статистики, и мне не очень понравилось, что меня прерывают, но когда я открыл, в комнату ворвалась Юфросина, чуть ли не танцуя.

Я уставился на нее.

— Что случилось, Юфросина? — и, пытаясь определить причину ее восторга, добавил: — Что, Алексиус оставил тебе все свои деньги и сбежал?

— Нет, дядя Джордж, конечно нет. Алексиус уже неделю как дома, мой дорогой прекрасный муж.

— Дорогой прекрасный муж? Хочешь сказать, он отказался от своих любовных притязаний и вновь наслаждается деньгами?

— Не понимаю, о чем ты, дядя Джордж,— сказала она, высоко задрав свой маленький подбородок.— Все, что я знаю,— когда он вернулся домой, я легла на свою сторону постели, и мне было холодно как никогда. Я вся посинела и дрожала. А потом он лег в постель со своей стороны, и мне показалось, будто я на расстоянии чувствую его тепло. Не знаю, как так получилось, но его тело словно излучало восхитительное тепло, которое просто заливало меня. О, это было настоящее блаженство.

Естественно, я придвинулась поближе к теплу. Он был словно магнит, а я — кусочек железа. Я почувствовала, что скольжу в его сторону, а потом столкнулась с ним и обняла его своими бедными холодными руками. Он страшно вскрикнул, почувствовав прикосновение моих холодных рук и ног, но я не собиралась его отпускать и держалась за него крепче, чем когда-либо.

Он повернулся ко мне и сказал: «Ах ты бедняжка! Тебе так холодно». А потом положил свои прекрасные теплые руки на мою ледяную спину и стал водить ими вверх и вниз. Я чувствовала тепло его рук сквозь ночную рубашку, вверх и вниз, вверх и вниз. Дядя Джордж, я просто заснула в его объятиях, счастливая. У меня никогда не было лучшей ночи, а утром мне не хотелось, чтобы он вставал. Боюсь, ему пришлось от меня отбиваться. «Не уходи,— говорила я.— Мне будет холодно». Но ему нужно было идти.

И так теперь каждую ночь. Такое счастье. В теплых объятиях моего теплого Алексиуса, дядя Джордж, мне кажется, что да-

же деньги уже не столь важны. В них есть что-то очень холодное.

— Тсс, детка,— сказал я, ибо слова ее потрясли меня.

— Нет, я имею в виду именно то, что сказала,— возразила она.

— Скажи мне, дорогая,— сказал я,— когда вы обнимали, ласкали и согревали друг друга, вы не...— Я замолчал, не в силах подобрать слова для промелькнувших у меня в голове постыдных мыслей. В конце концов, я достаточно стар, чтобы постичь все грехи мира.

— Да,— гордо ответила она,— и я не вижу в этом ничего плохого. Пусть моралисты говорят все, что хотят, о том, что деньги — величайший из божественных даров человечеству, и о том, что любовь — корень всех зол, но я говорю: любовь — самое теплое, что только есть на свете.

— Что ты станешь делать летом? — вызывающе спросил я.

— Значит, немного попотею,— ответила она, и я понял, что за нее можно больше не беспокоиться.

Я никогда не знал столь счастливой супружеской пары, как Юфросина и Алексиус Меллон. Им было тепло каждую ночь, они немного попотели летом, и в конце концов у них родились двое детей.

Юфросина стала совсем другой. Она больше не боялась мужчин и не подозревала их в дурных намерениях. Более того, их намерениям она была даже рада и порой высказывалась в весьма уничижительной манере о тех из них, кто, на ее взгляд, был насквозь пропитан старосветским этикетом.

Она одевалась так, чтобы привлечь внимание мужчин, и действительно привлекала их в большом количестве.

Позднее она призналась мне, что из чистого любопытства пыталась согреться вместе с кем-то из них, но после пятнадцатой или шестнадцатой попытки — по ее словам, она потеряла им счет — она сдалась. Никто из них не обладал божественным теплом Алексиуса.

Это ее несколько раздражает, и она жалуется, что любовью, в отличие от денег, следует делиться и что любовь, в отличие от денег, может прирастать, лишь если дарить ее, не требуя ничего взамен. Она продолжает это утверждать, даже несмотря на

то, что я напомнил ей: деньги, если их с умом вложить, приносят немалую прибыль.

Так что она остается с Алексиусом — и если это не счастливый конец, то что?

— Мне кажется, Джордж,— сказал я,— что Юфросина, вероятно, очень несчастна из-за того, что не получает никакого удовольствия от посторонних связей, и вынуждена хранить верность мужу благодаря вмешательству Азазела, а не по собственному выбору.

— Как я уже говорил,— заметил Джордж,— она действительно слегка недовольна тем, что ее эксперименты не удались, но что с того? Не такая уж большая плата за соблюдение морали. К тому же,— добавил он,— когда любовные прихоти покидают ее усталое тело, что порой бывает, все равно остаются деньги, деньги, всегда деньги. Так же, к примеру, когда я прошу у вас пять долларов на пару дней.

Эта пара дней тоже длится всю жизнь Джорджа, но пять долларов я ему все-таки дал.

На протяжении всего ужина я отмечал, что Джордж выглядит как преуспевающий человек, и в итоге решил, что признаки более чем несомненны.

Рукава пиджака были не столь мятыми, как обычно, галстук завязан гораздо аккуратнее, щеки наполнились здоровым румянцем. Не было необходимости и далее определять отдельные изменения, которые создавали впечатление в целом.

Не было в мире силы, способной заставить Джорджа выглядеть не похожим на бродягу, но сегодня каким-то образом в этом тунеядце замерцала тусклая, но отчетливая искра жизни.

— Джордж,— сказал я,— вы, случайно, не совершили какой-нибудь отчаянный или необдуманный поступок, например устроились на работу?

Он поморщился и быстро отхлебнул вина.

— Ваша мать никогда вам не говорила,— произнес он высокомерным тоном,— что существуют темы, которые нельзя затрагивать в разговоре с воспитанными людьми? Как это вы сказали — ра... ра...

— Работа,— подсказал я.

— Я могу легко произнести это слово,— перебил он меня несколько раздраженно.— Просто я — достаточно приличный человек, чтобы произносить это слово по отношению к себе.

— Тогда скажите, Джордж, как объяснить ваш совершенно необъяснимый вид не разорившегося вчистую человека?

— А, понимаю. На вас произвел впечатление мой беззаботный вид и невиданная щедрость. Честно говоря, я вложил в одно дело небольшой капитал и получил неплохой доход.

© Перевод Н. Берденникова.

— До такой степени неплохой, что вы взяли чек, который, рано или поздно, передадут для оплаты мне?

— С другой стороны,— сказал Джордж,— если говорить о работе, я вспоминаю те дни, когда один мой друг до смерти хотел устроиться на работу, готов был отдать что угодно, лишь бы ее получить, а потом не смог ее сохранить.

— Джордж, я спрашиваю, вы настолько щедры, что берете чек...

— Почему вы так настойчиво перебиваете меня пустыми разговорами, когда я пытаюсь рассказать вам историю Вяйнямейнена Глица?

Джордж знал, как сбить меня с мысли.

— Вяйнямейнена! — воскликнул я.— Что это за имя — Вяйнямейнен? Да вы ни малейшего понятия не имеете, кто такой Вяйнямейнен!

— Конечно имею. Я только что сказал вам. Он был моим другом. Вяйнямейнен Глиц. Все звали его Ван.

— Но это просто смешно. Нет ни одного человека вне Финляндии, которого могли бы звать Вяйнямейнен. Вяйнямейнен — герой финских мифов, музыкант, волшебник, полубог...

— А мой Вяйнямейнен — достаточно скромен, довольно привлекателен, по мнению некоторых молодых дам, и на редкость богат. На самом деле он был Вяйнямейненом Глицем Третьим.

— Имеете в виду, его отец и дед...

— Да, я так предполагаю. Возможно, в его крови есть примесь крови чокто. Лично я считаю, что «Вяйнямейнен» — это слово из языка чокто и означает оно «храбрый воин». Кстати, о финнах: может быть, закончим обсуждать обычное имя чокто или чикасо и вы позволите мне продолжить рассказ?

Я только пожал плечами.

Вижу ваше нетерпение, сказал Джордж,поэтому позволь пуститься в повествование без дальнейших отвлекающих разговоров.

Я достаточно хорошо знал отца Вана (его звали Вяйнямейнен Глиц-младший) и с удовольствием наблюдал, как взрослеет Ван. Он получил хорошее воспитание, как любой молодой человек, родившийся в зажиточной семье, потому что его отец,

владевший всеми газетными киосками в Пентагоне, естественно, был мультимиллионером.

Ван был смелым юношей, потому что я никогда не забуду его разочарование в связи с тем, что война во Вьетнаме закончилась прежде, чем он достиг призывного возраста. С каким рвением он искал возможность вступить в Национальную гвардию!

Но и этого не произошло. Ему пришлось служить своей стране, инспектируя различные зоны отдыха нашей великой страны, и, иногда возвращаясь в город, он говорил: «Джордж, никогда не думал, что ничего не делать — такой тяжкий труд. Как приятно вернуться сюда, чтобы поужинать с тобой!»

Все в его жизни было прекрасно, потому что он становился ведущим в стране экспертом по пляжам, ночным клубам, театрам и другим весьма важным коммерческим предприятиям, пока он не повстречался с Дульсинеей Гринвич. И не надо открывать рот от изумления, старина. Она сказала, что ее отец как-то прочел книгу под названием «Дон Кихот», но я решил, что она все придумала, потому что ты знаешь и я знаю, что ни один здравомыслящий человек не стал бы писать книгу с таким дурацким названием. Ее невозможно было бы продать.

Ван явился ко мне в чрезвычайно возбужденном состоянии.

— Джордж,— сказал он,— я познакомился с самой чудесной женщиной на свете. Она энергична. Она сильна. Она умна.

— Умна? — переспросил я. Я знал о дюжине его ничего не значащих интрижек, и мне и в голову не приходило, что ум был для него одним из критериев оценки женского совершенства.

— Итак,— сказал он с глупой ухмылкой на губах.— Она говорит, что безумно в меня влюблена, и что это, если не признак большого ума?

— Ван,— сказал я,— как можно не любить такого привлекательного, к тому же такого несметно-богатого парня, как ты? Это не признак ее ума, а признак того, что она не мертва.

— Нет,— возразил Ван.— Она совсем не такая; кстати, такой цинизм тебе не к лицу. Так случалось, что другие женщины, которых, как мне казалось, привлекал мой шарм и беззаботность, хотели выйти за меня замуж с получением прав на недвижимость и страховку с возмещением в двойном объеме. Помнишь?

— Помню.

— А Дульсинея не хочет ничего.

— Совсем ничего? — Такое утверждение не могло не вызвать глубочайших моих подозрений.

— Только одного.

— Ага.

— Совсем не того, что ты думаешь. Она хочет, чтобы я устроился на работу.

Вынужден признаться, старина, что, когда он сказал это, кусок попал мне не в то горло, и понадобилось некоторое время, чтобы я убедил себя, что не задохся. Наконец все перед глазами встало на свои места, и я произнес страшным шепотом:

— На работу? Почему она хочет, чтобы ты устроился на работу?

— Она думает,— задумчиво произнес Ван,— что это сделает меня мужчиной.

— Но ты и так мужчина. Ты — не просто мужчина,— произнес я с благоговением, потому что меня всегда поражали люди, обладавшие талантом и умом родиться богатыми,— а состоятельный мужчина, и я не знаю, что еще определяет мужчину как настоящего, кроме богатства, презренного металла, толстого кошелька.

(Я крайне серьезно отношусь к подобным вещам, старина, потому что душой и сердцем такой же богач, как все остальные в Соединенных Штатах, несмотря на то что определенные обстоятельства ввергли меня в нищету.)

— Она говорит,— сказал Ван,— что я обаятельный, что она горячо меня любит, но я — беззаботный прожигатель жизни.

— Беззаботный прожигатель жизни? Несмотря на то что ты делаешь на пляжах и курортах?

— По какой-то причине она не считает это работой. Она хочет, чтобы я ходил на работу с девяти до пяти, какой бы скромной она ни была, выдержал такой режим в течение не менее шести недель, тем самым доказав, как она сказала, свою предприимчивость.

— Должно быть, она больна.

— Нет, Джордж, она не больна. Она — продукт благородных идеалов, и мое сердце принадлежит мне. Я просто найду работу

и докажу ей, что не менее предприимчив, чем любой другой делец в этом мире.

— И какой именно работой ты думаешь заняться, Ван?

— В этом вся загвоздка, Джордж. Меня ни к чему не готовили, у меня нет образования, и мне остается только надеяться на то, что какого-нибудь предполагаемого работодателя удовлетворит тот факт, что я знаю мало, практически ничего.— Он храбро улыбнулся.— Конечно, я — эксперт и сертифицированный инспектор пляжей. Может быть, это поможет. До свидания, Джордж. Мне пора на баррикады.

Бедняга Ван. То, что последовало за этим, было достойно сострадания. Сострадания! Старина, если бы мне пришлось обо всем рассказывать подробно, то по мере разворачивания повествования мельчайшее слово бередило бы твою душу, заставляло бы стынуть...

(Не надо декламировать вместе со мной. Кто-то опять украл мои строки? Отец Гамлета? Никогда не слышал о нем.)

Как бы то ни было, ничего у него не получилось. Я не слишком пристально наблюдал за ним, по причине безумной занятости, миллионом дел приходится заниматься одновременно. Одна программа скачек... но я отвлекся.

Иногда он приглашал меня на ужин, и было видно, что он увядает от безумного напряжения. Загар побледнел, он признался, что у него не клеится игра в поло.

— Джордж,— хрипло прошептал он,— ты поймешь, что я имею в виду, если я скажу тебе, что за последний месяц я дважды падал с лошади. Только никому не рассказывай.

— И так все узнают. Другие не могли не заметить, что ты упал.

— Игроки в поло никому не рассказывают о подобных вещах, Джордж. У нас существует свой негласный кодекс.

Главная проблема заключалась, конечно, в бесчеловечном характере работы. Он сказал, что пробовал заниматься буквально всем. Получил работу дегустатора шампанского в любимом ночном клубе, напился в первый же вечер и оскорбил босса. Был изгнан с крайним ущербом для здоровья. Он хотел показать мне, куда именно получил удар ногой, но меня не заинтересовало это зрелище.

Потом он устроился кассиром, но так и не смог понять, как работать на кассовом аппарате. Сказал, что буквально цепенел от всех этих чисел. Потом он устроился работать на бензоколонку, но так и не научился снимать пробку с бензобака. Устроился в справочное бюро «Блумингдейл», но через час уволился, обидевшись на то, что покупатели требовали у него информацию. Продолжить?

— Судя по всему,— сказал Ван,— я никогда не заполучу девушку своей мечты. Жизнь станет пустой и лишенной смысла. Инспектирование пляжей потеряет свое очарование. Проверка нового ночного клуба закончится пустым весельем. Какой смысл в том, что я достигну вершин беспечного прожигания жизни, если потеряю женщину, с которой неразрывно связана моя душа? — И он разрыдался над бокалом с шампанским, разбавляя слезами чудесный напиток.

Старина, когда я видел его страдания, у меня разрывалось сердце. Мне начинало казаться, что если он удалится в царство унылости и печали, то вряд ли будет так же часто приглашать меня на ужин. Настоящий альтруизм, как тебе прекрасно известно, начинается дома, поэтому я просто обязан был что-то сделать для него.

А это означало, что мне придется обратиться за помощью к Азазелу. Я когда-нибудь рассказывал тебе о двухсантиметровом инопланетянине, которого я вызывал известными только мне тайными средствами? Рассказывал? Ты шутишь.

Как бы то ни было, я вызвал Азазела.

Азазел, как и следовало ожидать, был в ярости. Он появился, крича дискантом и бешено размахивая руками. Потом огляделся и заметил меня.

— Идиот и тупица, разве можно меня вызывать в такое время?

— Именно в это время ты мне и нужен, о Чудо Вселенной.

— Но я смотрел...— Он начал подробно объяснять, чем занимался. В его мире, очевидно, существовали животные с шестью ногами, которые перемещались прыжками и кувырками в непредсказуемых направлениях, и на них делали огромные ставки. Побеждал тот, кто первым пересечет финишную линию. Азазел настаивал на том, что его «конь» с непроизносимой кличкой был на грани победы.

— Если я не вернусь именно в момент моего исчезновения, то потеряю семьдесят дворшаков.

— Конечно, ты вернешься именно в тот момент. То, о чем я тебя попрошу, проще самой простоты, и тебе понадобится не более одного мгновения, о Воин Космоса (он любил когда к нему обращались подобным льстивым образом, потому что был крохотным существом, и на его родной планете, как я понял, к нему относились крайне пренебрежительно).

Я объяснил ситуацию.

— Работу? — переспросил он.— На моей планете существует слово «кластрон», которым мы называем любое унизительное занятие, которое должно выполняться существами с низким социальным положением, несмотря на их возражения и против их воли.

— Да,— произнес я с чувством.— Именно это мы называем работой.

— Бедняга,— сказал Азазел, роняя скупую слезу, которая упала на скатерть и прожгла в ней крошечную дырочку.— И он действительно хочет работать?

— Он нуждается в ней, потому что хочет получить девушку своей мечты, девушку, с которой неразрывно связана его душа.

— Ах, любовь, любовь,— сказал Азазел, роняя еще одну слезу.— До каких крайностей она может довести даже самых мудрейших! Помню как-то раз, ради любви дорогой запулник, шести футов ростом, что само по себе являлось проблемой, я вызвал ее среднего сожителя на... Впрочем, к делу это не имеет отношения. Как я понимаю, ты хочешь, чтобы я нашел ему работу, на которой он мог бы задержаться.

— Именно.

— И у него нет квалификации.

— Нет.

— Значит, придется работать чисто на эмоциональном уровне. Мы должны найти работодателя, который будет бесконечно доволен твоим другом, а твой друг будет бесконечно доволен своей работой. Сложное дело.

— Не слишком сложное для Разгадывателя Пульсаров.

— Нет, конечно нет,— неуверенно произнес Азазел.— Но некоторые сложные моменты есть. Мы не знаем, кто именно бу-

дет работодателем, поэтому мне придется создать общее поле молчаливого согласия, а это нелегко.

Должен заметить, старина, что в тот раз я едва не потерял веру в Азазела. Он долго думал, что-то бормотал; я, конечно, не знал, чем именно он занимался, когда погружался в сферу высоких технологий своего общества, но мне казалось, что он колебался, качал головой и часто начинал все сначала.

Наконец он прерывисто вздохнул.

— Сделано,— сказал он голосом, который лишь усилил мои сомнения.

Я, конечно, рассыпался в благодарностях, но не поверил, что он действительно что-то сделал.

Во всем, что произошло, я должен винить только себя. К беде привели именно мои сомнения. Нет, я не собираюсь ронять скупую слезу в бокал с шампанским. Кстати, хочу напомнить, это не шампанское, а дешевое белое вино.

Я много думал об этом, старина. Я уж решил, что на Азазела нельзя рассчитывать; кроме того, мне не хотелось, чтобы Ван нашел работу. Конечно, работать кто-то должен, но только не я, не мои друзья и любимые. Поэтому у меня возникла идея.

Вана я нашел в его клубе.

— Ван,— сказал я,— я до сих пор не знаком с твоей Дульсинеей.

Он посмотрел на меня с выражением, которое я мог описать только как неприятное подозрение.

— Она слишком молода для тебя,— сказал он.

— Ван,— сказал я,— ты меня неправильно понял. Женщинам, с моей стороны, ничего не грозит. Они могут умолять или предлагать деньги, что часто делают, но, уверяю тебя, я никогда ничем не буду с ними заниматься, кроме как из чистой доброты или чтобы облегчить их страдания.

Моя искренность и очевидная честность повлияли на него.

— Ладно, хорошо,— сказал он.— Я тебя представлю.

Как-то раз он сделал это, и я с ней познакомился. Она оказалась девушкой достаточно небольшого роста, стройная, с хорошей фигурой, темными волосами и глазами с пристальным взглядом. Она быстро двигалась, и могло показаться, что она постоянно сдерживает заключенную в ней энергию. Она,

честно говоря, была полной противоположностью Вана, который был беспечным юношей и предпочитал не вмешиваться в течение жизни. Дульсинея, напротив, как мне определенно показалось, держала жизнь за горло, трясла ее и бросала в том направлении, в котором собиралась двигаться.

Честно говоря, я никогда не испытывал желания жениться, но если бы такое желание возникло, если бы можно было представить такую нелепую ситуацию, то ни за что не выбрал бы Дульсинею. Ты словно находился слишком близко к костру, тебе становилось слишком жарко. Конечно, противоположности притягиваются, и я не собирался возражать против женитьбы Вана на Дульсинее. В конце концов, это вывело бы ее из оборота и облегчило жизнь другим мужчинам, с которыми она могла познакомиться.

— Я с нетерпением ждал знакомства с вами, мисс Гринвич,— сказал я самым учтивым тоном, произнеся ее фамилию «Грин'ич», как и подобало воспитанному человеку.

— Моя фамилия произносится «Грин'уич», но вы можете называть меня Дульси. Как я понимаю, вы — Джордж, друг, о котором Ван так много рассказывал.— Она посмотрела на меня оценивающим взглядом, словно сдирая кожу.

— Близкий друг,— уточнил я.

Она фыркнула.

— Ладно, когда он наконец разберется с работой, придется заняться другими вопросами. Очевидно, другого выхода нет.

Честно говоря, ее тон мне совсем не понравился, но я сказал:

— Именно о работе я хотел бы с вами поговорить. С какой стати вы решили, что Ван должен работать?

— Потому что мужчина не должен шататься без дела и растрачивать жизнь на пустяки.

— Мужчина? — уточнил я.— Но не женщина?

Она моргнула несколько раз.

— Женщина тоже должна чем-то заниматься.

— Разве не должен кто-нибудь из пары заботиться о доме, пока другой охотится в джунглях?

— Очевидная мужская шовинистическая пропаганда.

— Чепуха! Я сказал «кто-нибудь из пары», не указал кто именно. В зависимости от того, кто лучше подходит к определенной работе. Полагаю, вы — феминистка.

— Безусловно. В моем роду все женщины были феминистками. Одна из моих прародительниц дала по носу генералу Эмброузу Бернсайду только за то, что он посмел подмигнуть ей. Уверяю, она хорошо взъерошила ему бакенбарды.

— Не сомневаюсь. Мне кажется, что вы гораздо более приспособлены к этому жестокому миру, чем бедняга Ван. Ван — мягкий и добрый человек...

— Да, он такой,— сказала она. Голос ее стал мягче, во взгляде появились почти человеческие оттенки чувств.— Он — мой маленький ягненочек.

Я едва сдержал дрожь и продолжил без запинки:

— А вы крепки, как гвоздь.

— Я всегда считала себя крепкой, как кованая легированная сталь.

— В таком случае, может быть, это вы должны устроиться на работу?

— Гм,— сказала она.

— По моему мнению,— сказал я,— вы должны заняться политикой. Нам нужны энергичные, упрямые, бессердечные, грубые Американцы с большой буквы, которые говорили бы остальным беспринципным, вечно колеблющимся людям, что делать.

— Гм,— сказала она.

— А если вы станете заниматься политикой, что может быть лучше богатого мужа, который будет оплачивать все эти выступления по телевидению? Уверяю вас, деньги не будут потрачены зря, потому что когда вы будете избраны, то найдете тысячи способов вернуть их, причем некоторые из них будут почти законными.

— Гм,— сказала она.

— А Ван — как раз такой человек, в котором нуждается политик слева от себя и в шаге за спиной. Он будет улыбаться в камеры, что, несомненно, завоюет голоса пожилых избирательниц, будет смотреть на вас с обожанием, когда вы будете произносить речи. Меньше всего вам захочется, чтобы у него была работа. Ему потребуется время на благотворительность, чтобы к вам хорошо относились, например на дома престарелых, лошадей для игры в поло, где он будет учить их ржать.

— Гм,— сказала она.— В ваших словах есть большой смысл.

— Обычно так и бывает,— согласился я.

— Я должна об этом подумать.

— Конечно, но думайте быстрее. В противном случае Ван может найти работу и уже не будет подходить для роли Первого Джентльмена.

— Первого Джентльмена,— несколько раз повторила она.— Госпожа президент,— пробормотала она.— Сегодня вечером я буду у него,— добавила она решительным тоном.

Она так и поступила, а результаты можно было легко предугадать.

Крайне взволнованный, Ван позвонил мне на следующий день.

— Джордж,— сказал он,— Дульсинея хочет выйти за меня замуж. Я не должен искать никакой работы с девяти до пяти. Она говорит, у меня будет достаточно забот, когда я женюсь на ней, что она не может больше ждать, чтобы выполнить веление своего сердца. Ты понимаешь, она имела в виду меня, когда говорила о велении сердца.

— Несомненно,— сказал я. Возможно, она имела в виду Белый дом, но я не видел оснований говорить об этом Вану в самый счастливый момент в его жизни.

Менее чем через месяц он женился. Я был одним из церемониймейстеров, шампанское было великолепным. А если я добавлю, что мне удалось воздержаться от поцелуя невесты, ты поймешь, что это был праздник, которому улыбались сами небеса.

Счастливая пара отправилась в свадебное путешествие, а потом поселилась в пригородном особняке.

Они были сильно заняты, потому что Дульсинея Глиц, так теперь ее стали называть, действительно занялась политикой. Не знаю, насколько внимательно ты следишь за политической жизнью, старина, сидя здесь, постоянно уткнувшись носом в экран процессора текстов, но всего через несколько лет она, ярко сверкнув в городском совете, уже баллотировалась в сенат штата.

Должен заметить, я весьма гордился собой. Впервые в жизни я не стал полагаться на Азазела, а все сделал сам, да так ловко, ты не можешь этого не признать. Мне было абсолютно яс-

но, что на этот раз Азазел потерпел неудачу. Не возникло никакого странного эмоционального поля, которое заставило бы работодателей требовать услуг Вана, и у самого Вана не возникло никакого страстного стремления. Он просто женился на любимой девушке.

Все было просто здорово.

По крайней мере, мне так казалось, пока я не встретился с Ваном примерно месяц тому назад. Он сильно постарел. Загар исчез, руки немного дрожали, он горбился при ходьбе, и у него был затравленный вид.

Я решил не обращать на все это внимания и весело воскликнул:

— Ван! Давно не виделись!

Он обернулся и посмотрел на меня, и мне показалось, что узнал не сразу.

— Это ты, Джордж?

— А кто еще?

— Как поживаешь, Джордж? Встреча с тобой — такая сладостная мука. Она напоминает мне о старых деньках, которые, увы, уже никогда не вернутся.

Про его щекам потекли слезы.

Я опешил.

— Ван! — воскликнул я.— Что случилось, дружище? Только не говори, что она все-таки заставила тебя устроиться на работу!

— Нет-нет,— поспешил заверить он.— Если бы это. Я занят совсем другим. Я должен советоваться с главным садовником по поводу лужаек и парков, составлять меню с поваром, обсуждать с экономкой приемы, которые мы постоянно устраиваем, нанимать нянек для близнецов, уходу за которыми любимая Дульси посвятила целых два дня после родов. В общем, работа очень, очень тяжелая, и в добавление ко всему...

— Да?

— В добавление ко всему, она занимается политикой, понимаешь? Кто-то, очевидно, посоветовал ей так поступить. Какой-то законченный идиот, который вмешался не в свое дело,— сказал он раздраженно.— Если бы я его нашел! Треснул бы по башке клюшкой для поло. В конце концов, для другого она уже не пригодится. Джордж, ты не знаешь, кто ей это предложил?

— Думаю, это — ее собственная идея,— сказал я.— Не могу представить, что мог найтись дурак, который додумался бы предложить такое. Но скажи, что плохого в том, что она занимается политикой?

— Что плохого? Из-за этого я полностью лишился индивидуальности. Репортеры постоянно спрашивают меня, в какой степени я влияю на принимаемые ею решения, действительно ли я сплю с ней, верно ли то, что я консультируюсь с астрологом по поводу самого благоприятного времени для выступления с речью. Говорю тебе, Джордж, у меня больше нет личной жизни. Никто не знает моего имени, да и кого оно интересует? Ты знаешь, как зовут мужа Маргарет Тэтчер? Конечно нет. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

У меня сжалось сердце.

— Ван, а ты пытался с ней поговорить?

— Да, и очень часто. Но она отвечала, что я идеальный супруг политика, что когда-нибудь, когда закончится второй срок ее президентства, я снова могу посещать пляжи и ночные клубы.

— Мне не хотелось бы говорить об этом, Ван, но ты не думал о разводе? Она — политик, которому скандал ни к чему, поэтому она тихо тебя отпустит, возможно, даже оставит опекунство над детьми. И ты снова станешь свободным человеком.

Ван повесил голову.

— Я часто об этом думал,— сказал он грустно.— Я даже оставил бы ей опекунство над этими избалованными... ее драгоценными шалунишками. Но не могу, Джордж, не могу.

— Почему? Уверен, она не станет причинять неприятности.

— Дело не в ней, Джордж, а во мне, мне, мне, мне.

Он стучал себя в грудь кулаком при каждом слове, пока не замолчал из-за приступа кашля.

— Я отношусь к этому браку как к работе,— сказал он отдышавшись.— Еще стоя рядом с Дульсинеей перед священником, я думал восторженно: «Это — работа, работа, устроиться на которую я обещал Дульсинее, и я получил ее и обязательно сохраню». Честно говоря, у меня возникло чувство, что я никогда не должен бросать эту работу, что бы ни случилось, и Дульсинея считала так же. Я не знаю почему. Мистика какая-то. Таким образом, я никогда не стану свободным. Никогда.

— Вот и все. Понимаете, в чем я ошибся? Азазел сделал то, что обещал. А потом вмешался я, с наилучшими намерениями конечно, уверяю вас, устроил их брак, который в такой ситуации оказался работой, которая не может закончиться ни для него, ни для Дульсинеи и которую он не может выносить. Конечно, все плохо, но это тот случай, когда у семи нянек дитя без глазу, чтобы закончить фразу.

Я печально покачал головой.

— Джордж, это вы все портите, каждый раз. Что с вами? Впрочем, как бы то ни было, если вы находитесь на пути к процветанию, может быть, расщедритесь хотя бы на чаевые?

Джордж посмотрел на меня с негодованием.

— Как вы можете говорить о таких презренных вещах, как деньги, выслушав такую печальную историю, ужасную трагедию?

Он был, конечно, прав, поэтому я добавил чаевые к указанной на чеке сумме и расплатился. Потом дал пять долларов ему, чтобы показать, как жалею о том, что оскорбил его чувства.

Крайне трудно расстаться с привычкой. Мне будет очень трудно перестать давать Джорджу деньги, а Джорджу будет еще труднее перестать их брать.

Я предавался размышлениям во время ужина с Джорджем и наконец сказал:

— Хотите услышать, что думал о критиках Сэмюель Тэйлор Кольридж?

— Нет,— ответил Джордж.

— Отлично! Тогда слушайте. Он писал: «Критики — это в основной своей массе люди, которые стали бы поэтами, историками, биографами и т. п., если бы смогли. Они пытались применить свои таланты в той или иной сфере, но потерпели неудачу и стали критиками». Перси Биши Шелли считал примерно то же самое. Марк Твен говорил: «Профессия критика в литературе, музыке, театре является самой унизительной из всех профессий».

Лоренс Стерн сказал: «Из всех лицемерных речей, произносимых в нашем лицемерном мире, лицемерные речи критиков доставляют самые большие мучения». Двадцать три века тому назад греческий художник Зевксид изрек: «Критика дается легче мастерства». Лорд Байрон сказал: «Все критики на одно лицо... у них достает эрудиции только для того, чтобы искажать цитаты». Он также написал:

Если веришь — розы цветут в декабре, а снег бывает в июле
Если знаешь наверняка — ветер в одну сторону дует
Если хочешь найти груду зерна в мякине
Если считаешь — правда слова на могильных камнях, а
Красота всегда постоянна
С легкостью критикам верь!

© Перевод Н. Берденникова.

— Я могу продолжить.

— Вы и так продолжаете,— заметил Джордж.— Вы вообще чем занимаетесь? Заучиваете цитаты наизусть?

— Да, я знаю их очень много.

— Только не надо цитировать все.

— У меня есть пара собственных соображений. Главное заключается в том, что каждый критик должен заниматься сбором мусора. Во-первых, он будет занят более полезной работой, занимая, кстати, более высокое положение в обществе. Второе соображение заключается в том, что каждого критика следует швырнуть в очаг.

— Чтобы критик стал очагом культуры, да? Все ваше возмущение критиками проистекает из того, что какое-то из ваших жалких произведений получило правдивый отзыв одного из этих усердных ремесленников, вынужденного насладиться вашими помоями до конца.

Пока Джордж произносил эти слова, у меня мелькнула великолепная мысль.

— Джордж, а вы пытались когда-нибудь помочь знакомому критику?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вы часто надоедали мне баснями о маленьком демоне, не помню, как его зовут, и страданиях, которые он из-за вас причинил невинным жертвам. Не сомневаюсь, был случай, когда вы причинили страдания тому, кто это заслужил, другими словами — критику.

Джордж задумался.

— Однажды это произошло с Люцием Ламаром Хейзелтайном.

— Критиком?

— Да, но сомневаюсь, что вы о нем слышали. Как правило, он не занимался такой дрянью, как ваши творения.

— И вы пытались ему помочь?

— Да.

Впервые за долгие годы нашего знакомства я даже не попытался прервать одно из его повествований.

— Рассказывайте со всеми подробностями,— злорадно произнес я.

Люций Ламар Хейзелтайн, начал свою историю Джордж, был необыкновенно красивым молодым человеком, хотя и критиком. Честно говоря, мне не доводилось видеть более красивого мужчины, за исключением, конечно, самого себя в юношеские годы.

Именно его красотой я объясняю то, что ему удавалось оставаться критиком в течение долгих десяти лет и сохранить лицо не обезображенным, а нос — не сломанным. Ты, как никто другой, знаешь, что критики в любой момент могут получить зубодробительный удар от писателей, которые возражают против того, что их характеризуют как «распутных поставщиков органических фекалий».

Хейзелтайн, в отличие от других, походил на ангела небесного с ясными голубыми глазами, золотистыми кудрями, розовым лицом, красиво вылепленным носом и мужественным подбородком. Часто можно было видеть, как писатель за писателем решительно подходили к нему с явно недоброжелательными намерениями, чтобы в самый последний момент заколебаться и отойти. Они не хотели нести ответственность за то, что нанесли вред совершенству. Несомненно, они корили себя за проявленную слабость и, возможно, думали, что, если бы хотя бы один из них проявил твердость и поколотил Хейзелтайна, совершенство исчезло бы, и остальные могли бы наброситься на критика с несдерживаемой яростью.

Тем не менее никто не хотел становится злодеем.

Некоторое время писательское братство возлагало надежды на Агату Дороти Лиссауэр. Возможно, ты слышал о ней. Ее детективные рассказы об убийствах жестко, иногда жестоко вторгаются во внутренний мир психически больных людей. Ее истории изобиловали такими отвратительными подробностями, что даже критики чувствовали непреодолимое к ней влечение. Один критик писал: «Не трогайте Агату Дороти Лиссауэр, она вам не по зубам». Другой сказал: «Каждая ее фраза наполнена ужасающим омерзением».

Естественно, благовоспитанная девица могла почувствовать только ликование и восторг от таких отзывов о ее трудах, и на съезде Ассоциации писателей детективного жанра она была единственной, кто не побоялся встать на защиту искусства критики перед раскрывшими от изумления рот остальными писателями.

Тем не менее именно Люций Ламар Хейзелтайн проучил ее. Он полностью проигнорировал первую дюжину ее книг, но ее новое творение «Вымой руки в моей крови», судя по всему, привлекло его внимание. Кроме всего прочего, он написал: «Читая "Вымой руки в моей крови", я чувствовал лишь слабое расстройство желудка и легкие приступы тошноты, но не более того. Я поразился этому. Любая молодая женщина способна сочинить лучше. Эта книга с таким же успехом могла быть написана мужчиной».

Прочитав это, Агата Дороти Лиссауэр разрыдалась, но немного погодя пришла в себя, решительно поджала губы, взгляд ее восхитительных глаз стал холодным и жестким, и она принялась обходить извозчичьи дворы, прицениваясь к кнутам.

Она знала, что Хейзелтайн был членом Конгрегации критиков, собрания которой проводились в неприметной квартире в самых дебрях Южного Бронкса, куда, как справедливо полагали критики, никто не посмеет за ними последовать. Мисс Лиссауэр тем не менее, оказавшись во власти неистовых чувств, отбросила осторожность. Она намеревалась отыскать место собрания Конгрегации, дождаться выхода Хейзелтайна и потом совершенно безжалостно отстегать кнутом, превратив его в кровавую кашу.

Именно так она бы и поступила под одобрительные крики уже пустивших слюну членов Ассоциации писателей детективного жанра, если бы не встретилась с Хейзелтайном лицом к лицу. Она видела фотографии критика, но никогда не встречалась с ним так близко.

Вид его прекрасного лица все изменил. Отбросив кнут в сторону, Агата Дороти зарыдала и опустилась на колени. Возможно, я уже упоминал, что мисс Лиссауэр обладала такой же неземной красотой, что и Хейзелтайн, за исключением того, что волосы у нее были красновато-коричневыми, а глаза — божественно карими. У нее был чуть курносый носик, пухлые губки и нежно-персиковая кожа; короче говоря, они мгновенно влюбились друг в друга.

Через некоторое время я встретился с Хейзелтайном. Мы приятельствовали; частично это объяснялось тем, что он был критиком, и никто не хотел с ним разговаривать, и он всегда был благодарен мне за то, что я соглашался с ним поболтать.

Кроме того, Хейзелтайн являлся весьма гостеприимным хозяином, а я, в этом смысле истинный демократ, готов разделить трапезу с любым человеком независимо от того, насколько низкое положение в обществе он занимает.

— Люций,— сказал я,— прими мои поздравления. Я слышал, что ты покорил сердце самой красивой писательницы в мире.

— Да, покорил,— сказал он со странно напряженным выражением лица.— А она завоевала сердце самого красивого критика в мире, то есть меня. Однако наша любовь не может быть счастливой. И никогда бы не могла.

— Почему? — с озадаченным видом спросил я.

— Она — писательница. Я — критик. Как мы можем любить друг друга?

— Обычным способом. Комната в отеле, удобная кровать...

— Я говорю не о физическом выражении любви, Джордж, а о ее внутренней и духовной красоте. О любви между писателем и критиком можно говорить с таким же успехом, как о смешивании воды и масла, сосуществовании огня и песка, совместном проживании дельфинов и оленей. Могу я воздержаться от критики ее книг?

— Конечно можешь, Люций. Просто не обращай на них внимания.

— Не могу: написав рецензию на «Вымой руки в моей крови», я утвердил за собой права на критику и обязан писать отзывы на все ее книги, включая ту, что она пишет сейчас,— весьма сентиментальное повествование под названием «Повесь меня за кишки».

— Ну, когда будешь писать рецензию, попытайся сказать что-нибудь приятное. Особое внимание удели тошноте и отвращению.

Хейзелтайн посмотрел на меня с ненавистью.

— Джордж, как я могу так поступить? Ты забыл о клятве критика, восходящей к временам Древней Греции. В переводе на английский она гласит: «Даже если объект божествен и кругозор бескраен, попытайся сбить спесь и произнеси нечто мерзкое». Джордж, я не могу нарушить клятву, хотя она разрушает мою любовь и разрывает меня на части.

Я решил навестить мисс Лиссауэр. Я не был с ней знаком и представился близким другом Люция Ламара Хейзелтайна.

Это, совместно с моим полным достоинства видом, произвело на нее неизгладимое впечатление, и скоро она уже орошала слезами мою рубашку.

— Я люблю его, люблю его,— бормотала она, найдя сухое место на манжете и вытирая глаза.

— Тогда почему бы вам не попытаться написать что-нибудь такое, что ему обязательно понравится?

— Как я могу? — спросила она, посмотрев на меня с ненавистью.— Я не могу нарушить клятву писателя.

— А существует такая клятва?

— Да, восходит к временам Древнего Шумера. В переводе на английский она гласит: «Всегда будь проницательным и аналитическим, бей наотмашь любого критика».

Мое сердце обливалось кровью, когда я смотрел на разлученных влюбленных людей, и я почувствовал, что придется обратиться за помощью к Азазелу, которого я и вызвал из высокотехнологичного континуума, в котором он обитал.

Как ни странно, он пребывал в хорошем настроении и, помахивая дюймовым хвостиком, улыбнулся мне красным личиком с маленькими рожками.

— О Чудо Космоса,— сказал я.— Ты выглядишь довольным.

— Так и есть,— ответил он.— Я написал зилтчик, который был встречен с всевселенским одобрением.

— Что такое зилтчик?

— Шутка. Все смеялись. Для меня это большая победа.

— Хотелось бы и мне рассказать о победах двух молодых влюбленных, но их сердца разбиты. Исходя из того, что твой зилтчик был встречен со всевселенским одобрением, в твоем мире нет таких существ, как критики.

— Если бы так! — воскликнул Азазел полным негодования тоном.— Своими словами ты лишь подтвердил свое полное невежество. Среди нас есть эти окаменелые останки исчадий ада. Буквально на прошлой неделе, во время обсуждения другого зилтчика, который я состряпал, хотел сказать, сочинил, один критик призвал: «Ытатобарбо мотнародозед еещядремс овтсещус». Можешь представить невежество и подлость существа, посмевшего сказать такое?

— А что это значит в переводе?

— Не желаю пачкать губы объяснением.

Азазел начинал злиться, и я почувствовал, что его желание помочь начинает испаряться, поэтому поспешил объяснить ситуацию.

Он внимательно меня выслушал.

— Ты хочешь, чтобы я улучшил поведение этого критика?

— Да.

— Невозможно. Даже я не могу это сделать. Критику невозможно помочь на любом уровне развития технологии.

— Может быть, ты можешь каким-либо образом сделать его кем-нибудь другим, а не критиком?

— И это невозможно. Уверен, ты понимаешь, что критик не способен преуспеть в любой другой области. Если бы у него имелась хоть капелька таланта, стал бы он критиком?

— В твоих словах что-то есть,— сказал я, потирая подбородок.

— Впрочем,— сказал Азазел,— дай подумать. Ты говоришь, в деле замешан еще один человек? Писательница?

— Да,— с внезапным воодушевлением ответил я.— Ты можешь сделать так, чтобы она написала нечто удовлетворяющее всех, чтобы избежать критики?

— Сам знаешь, что это невозможно. Не бывает книги, удовлетворяющей всех, или, если уж на то пошло, достаточно хорошей, чтобы критик не разорвал ее в клочья. Иначе в чем смысл критики? Однако...

— Однако...— Я весь напрягся.

— Если я не могу изменить критика и не могу изменить писательницу по отдельности, я могу изменить их вместе. То есть я могу превратить критика в писателя, а писателя — в критика, используя закон профессионального сохранения, и тогда каждый из них, побывав, так сказать, по другую сторону баррикады, посмотрит на другого новыми глазами.

— Чудесно,— сказал я.— Думаю, ты нашел правильное решение, о Властитель Бесконечности.

Примерно через неделю я решил навестить Люция Хейзелтайна и убедился в том, что Азазел выполнил свое обещание.

Увидев меня, Люций тяжело вздохнул.

— Джордж, мне надоело быть критиком. Оскорбления со всех сторон, ненависть, презрение и нападки вымотали меня. Меня перестал удовлетворять даже острый восторг, когда я нахожу новый способ быть несправедливо мерзким и злобным в моих оценках литературных произведений.

— Но чем ты будешь заниматься? — с тревогой в голосе спросил я.

— Стану писателем.

— Но, Люций, ты не умеешь писать. Ну можешь написать критическую статью, да и то с трудом, не более.

— Я буду писать стихи. Это просто.

— Ты уверен?

— Конечно. Придумываешь пару рифм, подсчитываешь ударения. Если поэзия современная, смысла в стихах может вообще не быть. Кстати, вот стишок, который я только что накропал. Назвал его «Стервятник». Слушай:

Вцепившись в горный склон
Когтистыми когтями, он
Стоит, лазурью окружен.
Он видит, вдаль вперив свой взор,
В морщинах волн морской простор,
И громом падает он с гор*.

— Люций, но это звучит несколько вторично,— задумчиво произнес я.

— Вторично? Что ты имеешь в виду?

— Существует стихотворение «Орел», которое начинается так: «Вцепившись в голый склон когтистыми руками».

Хейзелтайн пристально посмотрел на меня.

— Орел? С руками? Все знают, что у орла нет рук. Если поэт не знал такого элементарного факта из естествознания, он выставил себя необыкновенным дураком. Кстати, кто написал эту поэму?

— Честно говоря, Альфред, лорд Теннисон.

— Никогда о нем не слышал,— сказал Хейзелтайн.

* Стихотворение А. Теннисона «Орел» приведено в переводе С. Я. Маршака. Единственное отличие в том, что в оригинале у Теннисона написано «когтистыми руками».

(Несомненно, он о нем не слышал, в конце концов, он был литературным критиком.)

— Позволь мне прочитать еще несколько отрывков,— сказал он и нараспев произнес:

Послушайте, ребятки, и вы поймете,
Что рассказ мой о Стране восходящего солнца
В декабре, седьмого числа в сорок первом году.
И в могилу давно сошли почти все,
Кто помнил историю эту...*

— А это стихотворение ты как назвал, Люций? Случайно, не «Полуденная дрема Мультгероя»?

Он с подозрением прищурился.

— Откуда ты знаешь?

— Просто интуиция,— ответил я.

Потом Люций продекламировал «Это моя последняя теща нарисована на стене» и «Ты знаешь, мы, янки, взяли приступом Анцио, и в назначенный день...».

И хотя в последней строфе мне почему-то почудился Р. Браунинг, я вынужден был остановить его, когда он начал читать то, что наверняка было чрезвычайно длинной поэмой. Она начиналась так:

Старик моряк, он одного
Из пятерых сдержал рукою:
«Что хочешь ты, с огнем в глазах,
С седою бородой?**

Я, пошатываясь, вышел. Поэт из него вышел почти как критик, но немного лучше.

Я навестил мисс Лиссауэр. Нашел я ее в кабинете, склонившейся с печальным видом над рукописью.

— Джордж, кажется, я разучилась писать,— едва слышно пробормотала она.— Сам процесс перестал меня захватывать. Моя книга «Повесь меня за кишки» имела успех, несмотря на

* Переработка детского стихотворения Г. Лонгфелло об американских колонистах.

** Начало поэмы С. Кольриджа «Сказания о Старом моряке» приведено в переводе Н. С. Гумилева. Отличие лишь в том, что в оригинале у Кольриджа написано «из трех сдержал рукой».

разгромную рецензию, написанную моим любимым Люцием, но эта, новая, не идет. Она называется «Освежуй меня до костей», но почему-то я не могу вложить душу в разделку тела.

— Агата, но чем ты будешь заниматься?

— Я решила стать критиком. Послала автобиографию в Конгрегацию критиков, включая документальное подтверждение того, что поколотила мою престарелую бабушку и много раз воровала молоко у детей. Думаю, на основании этого я могу рассчитывать на положительное решение.

— Не сомневаюсь в этом. Ты собираешься стать литературным критиком?

— Не совсем. В конце концов, я — прозаик, а что прозаик знает о литературе? Нет, я собираюсь критиковать поэзию.

— Поэзию?

— Конечно. Это так просто. Стихотворения так коротки, что даже голова не успевает заболеть от их чтения. А если они еще и современные, нет необходимости напрягаться, чтобы понять смысл, потому что его не может там быть по определению. Естественно, я постараюсь найти работу в «Букселлерс уикли», в котором публикуются анонимные рецензии. Уверена, что могу проявить себя. Надеюсь, никто никогда не узнает, кто измыслил все те мерзости, которые я планирую написать.

— Агата, возможно, ты еще не знаешь об этом, но твой возлюбленный Люций перестал быть критиком. Теперь он пишет стихи.

— Чудесно,— сказала Лиссауэр.— Я буду писать рецензии на его книги.

— Надеюсь, не слишком злобные,— сказал я.

Она с ненавистью посмотрела на меня.

— С ума сошел? И лишиться своего места в «Букселлерс уикли»? Никогда.

Полагаю, ты понял, чем все закончилось.

Сборник стихов Хейзелтайна вышел под названием «Сладостные реминисценции». На него анонимно написала рецензию мисс Лиссауэр. На этот раз Хейзелтайн отправился по извозчичьим дворам, проверяя кнуты на необходимую упругость. Он ворвался в контору «Букселлерс уикли» и, прежде чем прибыл вызванный наряд полиции, нашел забившуюся в угол мисс Лиссауэр.

— Да,— сказала она.— Это я написала рецензию.

Хейзелтайн отбросил свой кнут и разрыдался.

— Она заслуживает хорошей порки,— произнес он, когда его выводили.— Но я не мог себя заставить оставить рубцы на этой восхитительной коже.

Я очень внимательно слушал его рассказ, а когда Джордж закончил, спросил:

— Правильно ли я вас понял? Луций Ламар Хейзелтайн, бывший литературный критик, по-прежнему страдает?

— Испытывает чертовские муки.

— Чудесно. А Агата Дороти Лиссауэр, которая стала критиком, тоже страдает, не так ли?

— Сильнее, чем Хейзелтайн, если такое возможно.

— И они будут страдать вечно?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Ладно,— сказал я,— никто никогда не говорил, что я отличаюсь злобным нравом или могу затаить на кого-то обиду. Все, кто знает меня, всегда отмечали мой жизнерадостный характер, а также способность прощать и забывать. Но есть некоторые исключения. Джордж, на этот раз вам не нужно ничего предлагать мне. Вот двадцать долларов. Если Азазелу могут пригодиться земные деньги, отдайте ему половину.

— Скажите мне, Джордж, вы никогда не думали о том, чтобы найти работу? — спросил я.

Мы только что поужинали и шли под мягкими лучами вечернего солнца вдоль края парка. Вопрос я задал просто так — я и сам знал, что он никогда об этом не думал.

Но Джордж вздрогнул, и тень невыразимого ужаса пронеслась по его лицу, словно он внезапно оказался над ямой с извивающимися змеями.

— Такие вопросы,— глухо сказал он,— не задают человеку, который мирно переваривает один из своих не столь уж восхитительных ужинов.

— Почему бы и нет? — Меня в достаточной степени обидело его описание обильного угощения за мой счет, чтобы продолжить тему.— Бесчисленные миллионы людей зарабатывают себе на жизнь.

— Да,— сказал Джордж.— Именно так. Так они и делают. Но я считаю, что у меня есть право не принадлежать к их числу.— Он вздохнул столь глубоко, что, казалось, вздох исходил из самых недр его души.— Я никогда вам не рассказывал историю про Скверенслоу Писстрипа Каллодена?

— Нет, Джордж, не рассказывали, и я вам за это крайне благодарен. Спасибо.

Джордж уселся на парковую скамейку, которую только что освободил некий нью-йоркский джентльмен, явно исповедовавший философию хиппи.

© Перевод К. Плешкова.

— Сейчас я расскажу вам историю про Скверенслоу Писстрипа Каллодена.

Я сделал отчаянную попытку увернуться.

— Каллоден,— сказал я,— интересное имя. Во время битвы при Каллодене в тысяча семьсот сорок пятом году...

Скверенслоу Писстрип Каллоден, начал свой рассказ Джордж, был моим сокурсником по университету. Он ничем особенным не выделялся, и ни от одного из его имен не получалось легко образовать сокращенный вариант. Не могли же мы называть его Сквером, Писсом, или Трипом, или Калом, или Лоденом, и в конце концов...

Ну да, конечно, ты верно упомянул, вполне можно было называть его Слоу, но нам как-то не пришло это в голову. Впрочем, и хорошо, поскольку у меня нашлось решение получше. Я звал его Сквернословом, что сразу же приняли все остальные, в качестве вполне разумного варианта его первого имени.

Похоже, это вызвало у него определенный прилив благодарности. По крайней мере, в свой адрес я от него слышал немало скверных слов.

В итоге возникла известная тебе дружба, и все годы в университете мы оставались близки. А после выпуска мы поклялись, что останемся друзьями при любых обстоятельствах и всенепременно встретимся на годовщине нашего выпуска, он и я, и выпьем за нашу старую дружбу.

Что значит — встречались ли? Всенепременно. Я всенепременно пропускал каждую встречу. И я полагаю, он тоже. Ах, студенческие деньки!

Так что можешь представить мое удивление, когда однажды, лет пятнадцать спустя после выпуска, я встретился со стариком Сквернословом в баре, куда я в те дни обычно захаживал. Встреча оказалась для меня весьма благотворной, ибо я был занят решением замысловатой финансовой проблемы, заключавшейся в том, что мне отказывались продлить кредит еще на одну выпивку, когда на плечо мне легла чья-то рука и чей-то голос произнес мне в ухо: «За мой счет, старик».

И это был Сквернослов.

Ничто не могло порадовать меня больше, нежели его милостивое предложение, и мы сразу же погрузились в воспомина-

ния — несчастье и кошмар всех встреч бывших сокурсников. Он перечислял имена и события, которые я предпочитал не вспоминать, и я заботливо делал то же самое для него. И все это время я пристально за ним наблюдал.

Сквернослов не подавал в университете особых надежд и вряд ли мог рассчитывать на успех, если только не встретил бы женщину достаточно неопределенного возраста и внешности и с достаточно определенным состоянием. Однако несколько небрежно заданных вопросов убедили меня в том, что в этих достойных похвалы поисках он оказался столь же неудачлив, как и я.

И все же по его виду чувствовалось, что он человек преуспевающий. То, что он заплатил за несколько порций выпивки, ничего не означало — у каждого может найтись в кармане немного денег. В нем скорее ощущалась некая уверенность в себе, основанная не только на наличии денег в данный момент. Он словно излучал нечто вроде ауры, присущей тому, кто имеет дополнительный источник средств, к которому может обратиться, когда пожелает.

В это трудно было поверить, но я чувствовал, что я прав.

— Сквернослов,— спросил я с благоговейным ужасом в голосе,— неужели у тебя есть работа?

Он слегка покраснел, но Сквернослов был из тех, кто не станет лгать без серьезной на то причины или, во всяком случае, без честной причины.

— Да, Джордж,— ответил он.— У меня есть работа.

Он покраснел еще больше.

— Собственно, Джордж, я вице-президент.

Я недоверчиво уставился на него.

— Вице-президент чего?

— Я вице-президент по вопросам корпоративного энтузиазма в «Х & М».

— А что такое «Х & М»?

Сквернослов объяснил, и я все так же не мог ему поверить.

— Ты хочешь сказать, что «Х & М» означает «Хлам и Мусор»?

— Вовсе нет,— раздраженно ответил Сквернослов.— Ты совершенно не чувствуешь произношение, Джордж. Неспроста тебя называли Жестяное Ухо. Фирма была основана Моррисом Ю.

Хламмом и Чарльзом Ф. Муссором. Хламм родом из старинного английского рода, и его фамилия происходит от древнего тевтонского слова, относящегося к области ораторского искусства. Муссор по происхождению голландец, и его фамилия на одном из региональных диалектов означает разновидность удобрений. Однако по некоторым причинам фирма считает, что «Хламм и Муссор» может быть неверно понято, и обычно используется название «Х & М».

— Весьма разумно,— сказал я.— И каким же бизнесом занимается «Х & М»?

— Вот тут, Джордж,— сказал Сквернослов,— ничем не могу тебе помочь. Я просто не знаю. Это не мой отдел. Меня интересует только корпоративный энтузиазм.— Он заказал еще по порции выпивки каждому из нас, что было весьма мило с его стороны, и продолжал: — Позволь мне объяснить тебе, Джордж, что такое «корпоративный энтузиазм», поскольку, пребывая в счастливом статусе безработного, вряд ли ты осознаешь всю сложность современного бизнеса.

— И в самом деле не осознаю,— сказал я, подавляя легкую дрожь.

— Худшая проблема, с которой в наши дни сталкиваются корпорации,— это нелояльность работников. Может показаться, что средний работник должен стремиться к тому, чтобы фирма, на которую он трудится, преуспевала,— но это не так. Средний работник,— тут Сквернослов начал загибать пальцы,— требует регулярного повышения зарплаты, безопасности труда, медицинской страховки, длинного оплачиваемого отпуска и прочего, что может угрожать заслуженно заработанным прибылям Хламма и Муссора.

Когда же вышеупомянутым работникам объясняют, что все эти требования серьезно урежут большое годовое жалованье, выплачиваемое Хламму, Муссору и нескольким их родственникам, что частные поля для гольфа и яхты слишком дорого содержать и их невозможно поддерживать в надлежащем состоянии, если впустую тратить деньги на работников, возникает неприятная атмосфера недовольства, и это глубоко печалит Хламма и Муссора.

Поэтому они решили воспитывать в «Х & М» дух гордости, восхитительное чувство того, что ты работаешь на великую кор-

порацию и можешь отбросить низменные мысли о жалованье. В конце концов, помнишь нашу футбольную команду в университете?

— Очень даже хорошо помню,— ответил я.

— И наверняка ты помнишь, как мы ею гордились. Никому не приходилось нам за это платить. Мы могли бы презирать деньги — если бы это не было уже чересчур. Помнишь тот раз, когда команда действительно выиграла матч?

— О да.

— Именно такой дух и требуется в «Х & М». Кто-то в фирме случайно узнал, что я пишу вдохновляющие песни для церковных служб и барбекю на открытом воздухе, и они обратились ко мне, чтобы я создал необходимый корпоративный энтузиазм.

— И ты написал для фирмы несколько песен.

— Да, кое-что. Пока что моя лучшая — вот этот вдохновенный марш:

Вперед, «Х & М», в поход на врага!
Вперед, «Х & М», под знаменем лилии!
Стыд и позор размышлять о деньгах,
Все свои «Х & М» отдавая усилия!

— Гм,— сказал я.— Весьма впечатляет. Но почему под знаменем лилии? У вас на знамени лилия?

— Слова не имеют значения,— ответил Сквернослов.— Важен дух. Кроме того, у нас будет лилия на знамени. В данный момент я разрабатываю флаг корпорации, на котором будет изображена лилия. Как я понимаю, французы больше не используют подобный дизайн, и было бы глупо, чтобы он пропадал впустую.

— Но что насчет того, что стыдно думать о деньгах, отдавая все силы «Х & М»? Разве это честно?

— Совершенно честно. Хламм и Муссор нуждаются в деньгах куда в большей степени, чем ничего не значащий народ, который на них работает. Ты никогда не видел их особняки. Одно их отопление стоит целое состояние.

— Да, но разве работники считают это честным?

Сквернослов с досадой посмотрел на меня.

— Тут ты попал в больное место, Джордж. Работники не считают это честным. Я проводил семинары на эту тему, включая

слайды с изображением домовладений Хламма и Муссора и домашние видеозаписи, запечатлевшие их очаровательных детей, но мне никак не удается хоть в какой-то мере пробудить корпоративный энтузиазм. Собственно говоря, как Хламм, так и Муссор уже сказали мне, что, если я не представлю им результат в течение двух недель, меня уволят.

Как ты прекрасно понимаешь, старик, это меня обеспокоило. Сквернослов был не только моим старым университетским приятелем, но он только что купил мне несколько порций выпивки и даже словом не обмолвился насчет возмещения расходов. И мне показалось логичным попытаться отплатить ему добром при помощи Азазела.

Азазел, как обычно, яростно протестовал, стоило мне вытащить его из пространственного туннеля, или что там связывает его мир с нашим.

Поскольку он был красным изначально, он не мог побагроветь от ярости, но его двухсантиметровое тело судорожно дергалось, а длинный остроконечный хвост ходил туда-сюда. Даже маленькие выпуклости его рожек, казалось, слегка набухли.

— Что на этот раз? — спросил он.— Прошло всего два месяца с тех пор, как ты вызывал меня в последний раз. Я что, должен являться по твоему первому зову в любое мгновение дня и ночи? Имею я право на личную жизнь?

У меня не было иного выбора, кроме как попытаться его умиротворить.

— Прошу тебя, о Координатор Вселенной. Нет в космосе силы, способной на то, на что способен ты. Будучи лучшим из лучших, ты должен ожидать, что к тебе могут обратиться за помощью.

— Что ж, в общем верно,— нехотя согласился Азазел.— Но что, во имя джугуволена, ты хочешь сейчас?

Он уже успокоился в достаточной степени для того, чтобы извиниться, едва произнеся непристойное слово. Я не знал, что оно означает, но, судя по тому, что его хвост на мгновение стал голубым, оно было действительно крепким.

Я объяснил ему ситуацию, в которой оказался бедняга Сквернослов.

— И ты говоришь, он был твоим соучеником? Ах, школьные времена! Помню старого препода, который у нас когда-то был, мерзкого грумчлика, который должен был учить нас нейрорегулятометрии, но все свободное время пил фосфоамитол и являлся на занятия не в состоянии говорить, не то что преподавать.

— У меня тоже был мерзкий грумчлик, о Повелитель Бесконечности. Собственно, даже несколько.

— Бедный парень,— сказал Азазел, вытирая свои крошечные глазки.— Что ж, что-нибудь придумаем. Есть у тебя что-нибудь, ему принадлежащее?

— Да,— ответил я.— Мне удалось отцепить университетский значок с его лацкана.

— Ага. Само собой, бесполезно пытаться повлиять на разум бесчувственных и толстокожих работников изумительной фирмы, где он имеет счастье работать. Вместо этого я подправлю мозги твоего друга, чтобы против его мнения никто не мог устоять.

— Возможно ли это? — довольно глупо спросил я.

— Смотри и увидишь, о убогое порождение вонючей планетки,— ответил он.

Я посмотрел — и увидел.

Не успело пройти и двух недель, как Сквернослов появился в моем скромном жилище, и лицо его расплывалось в широкой улыбке.

— Джордж,— сказал он,— похоже, мне повезло, что я тогда встретил тебя в баре, поскольку все внезапно переменилось, и мне можно больше не опасаться увольнения. Вряд ли дело в нашем с тобой разговоре, ибо, насколько я помню, ты вообще не сказал ничего разумного, так что, вероятно, я просто подсознательно сравнивал себя с тобой. Вот я, энергичный и влиятельный вице-президент, и вот ты, лодырь-попрошайка,— нисколько не хочу тебя обидеть, Джордж,— и контраст между нами оказался таков, что я просто пошел и тут же решил проблему.

Не стану отрицать, что меня слова его поразили, но он тут же продолжил, даже не заметив, насколько я был поражен:

— Весь коллектив фирмы каждое утро в восемь пятьдесят поет «Всегда вперед, "Х & М"» с беспримерным энтузиазмом. Те-

бе надо видеть, Джордж, с какой энергией и задором они идут в поход на врага. Как только у меня будут знамена с лилиями, они будут с таким же энтузиазмом размахивать ими.

Мы будем устраивать парады. Все будут носить униформу «Х & М», с нашивками «Х & М» разного цвета и дизайна, означающими занимаемую должность. Мы пройдем по главной улице до городской площади, распевая песни — я написал еще две.

— Еще две,— повторил я, несколько ошарашенный его смелостью.

— Да,— кивнул он,— одну для Хламма и одну для Муссора. Та, которая для Хламма, начинается так:

Да здравствует наш Моррис Ю. Хламм!
Плохо пришлось без него бы нам.
Смотрите, как он улыбается мило
Своею улыбкою крокодила.

— Крокодила? Подходящее ли это слово?

— Конечно. Его давно уже любовно прозвали Старым Крокодилом, и он этим гордится.

— Что насчет Муссора?

— Она начинается так:

О, кого же мы любим? Кого обожаем?
Это, конечно же, Чарльз Ф. М.
Мы безгранично его уважаем,
Ему бесконечно обязаны всем!

— Проблема в том,— сказал Сквернослов,— что «Муссор» сложно с чем-либо срифмовать. Единственное, что я хоть как-то мог придумать,— «капуста», которой от него постоянно пахнет, но не думаю, что это разумно. Так что я просто оставил от его фамилии только инициал. Изобретательно, как полагаешь?

— Полагаю, это можно так назвать,— с сомнением ответил я.

— В общем, у меня больше нет времени на разговоры, Джордж. Я просто хотел сообщить тебе новости. А теперь мне нужно возвращаться и организовать ритуальный танец после пятичасового звонка, выражающий великую радость, которую испытывает каждый сотрудник, проработавший весь день на «Х & М».

— Но, Сквернослов, ты хочешь сказать, что сотрудники больше не заинтересованы в повышении зарплат и прочем?

— Больше об этом даже слова не услышишь. Теперь работа для них — радость и развлечение. А моя работа — обеспечить, чтобы каждое мгновение каждого дня было наполнено корпоративным энтузиазмом. Уверен, что скоро меня сделают одним из партнеров в фирме.

И так оно и случилось, старик. «Х & М» стала средоточием всеобщего веселья и радости. О ней писали в «Форчун», «Тайм» и «Корпорэйшенс иллюстрэйтед». В последнем случае лицо Сквернослова даже появилось на обложке.

Вот и вся история, старик.

— Вся история? — изумленно переспросил я.— Но она же со счастливым концом. Почему же она вас так расстроила, когда зашел разговор о возможном устройстве на работу?

Джордж поднялся со скамейки.

— Я случайно упустил небольшую мелочь в конце, старина. Сквернослов добился громкого успеха. Вы даже не можете себе представить, насколько громкого. Но не «Х & М». Собственно говоря, она обанкротилась.

— Обанкротилась? Почему?

— Всем было настолько весело и все столько времени посвящали пению, парадам и расхаживанию в униформе, что никто, похоже, больше не занимался своим делом, и фирма в конце концов рухнула.

— Плохо.

— Да. Бедняга Сквернослов — наглядная иллюстрация того, насколько может быть переменчива жизнь в бизнесе. Хоть он и достиг невероятного успеха — сделали ли его партнером в фирме? Нет. Его должность попросту перестала существовать, и с тех пор он безработный. И вы меня еще спрашиваете, думал ли я когда-либо о том, чтобы пойти работать? Зачем? Чтобы потерпеть неудачу, даже добившись успеха? Никогда! Да что там говорить — всего лишь на прошлой неделе Сквернослов просил меня одолжить ему пять долларов, а я не смог. Конечно, старина, если бы вы дали мне десять, я смог бы дать ему половину, и вы убили бы двух зайцев одним выстрелом.

— Полагаю,— сказал я, протягивая ему десятку,— не стоит дожидаться, когда мне по-настоящему захочется убить вас двоих.

Джордж пренебрежительно посмотрел на десятидолларовый банкнот.

— Что ж, своей любезностью нас вы точно не убьете.

— Погодите, Джордж! — крикнул я, когда он уже пошел прочь.— Чем, собственно, занималась «Х & М»?

— Этого я так и не выяснил,— крикнул в ответ Джордж.— Так же как и мой приятель Сквернослов.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 5
Перевод Е. Шестаковой

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ II: МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ – МОЗГ 221
Перевод П. Дукаревич

АЗАЗЕЛ

ДЕМОН РОСТОМ В ДВА САНТИМЕТРА 585
Перевод М. Левина

ВСЕГО ОДИН КОНЦЕРТ 595
Перевод М. Левина

УЛЫБКА, ПРИНОСЯЩАЯ ГОРЕ 601
Перевод М. Левина

КОМУ ДОСТАЮТСЯ ТРОФЕИ 611
Перевод М. Левина

НЕЯСНЫЙ РОКОТ 619
Перевод М. Левина

СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 630
Перевод М. Левина

ДЕЛО ПРИНЦИПА 641
Перевод М. Левина

О ВРЕДЕ ПЬЯНСТВА 654
Перевод М. Левина

ВРЕМЯ ПИСАТЬ 664
Перевод М. Левина

ПО СНЕЖКУ ПО МЯГКОМУ 677
Перевод М. Левина

ЛОГИКА ЕСТЬ ЛОГИКА 692
Перевод М. Левина

КТО БЫСТРЕЕ СВОЙ ПУТЬ ПРОЙДЕТ 702
Перевод М. Левина

ГЛАЗ НАБЛЮДАТЕЛЯ 712
Перевод М. Левина

ЕСТЬ МНОГОЕ НА НЕБЕ И ЗЕМЛЕ... 724
Перевод М. Левина

УГАДЫВАНИЕ МЫСЛИ 735
Перевод М. Левина

ВЕСЕННИЕ БИТВЫ 746
Перевод М. Левина

ГАЛАТЕЯ 759
Перевод М. Левина

ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ 771
Перевод М. Левина

Я ЛЮБЛЮ МАЛЕНЬКУЮ КИСКУ 786
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

СУМАСШЕДШИЙ УЧЕНЫЙ 801
Перевод М. Левина

ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ 813
Перевод Н. Берденникова

ГЛУМЛИВОЕ ВИНО 823
Перевод К. Плешкова

ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ 836
Перевод К. Плешкова

ХОЛОДНО ЛИ ТЕБЕ, МИЛАЯ? 847
Перевод К. Плешкова

ТАКАЯ РАБОТА 858
Перевод Н. Берденникова

КРИТИК КАК ОЧАГ КУЛЬТУРЫ 872
Перевод Н. Берденникова

ПОХОД НА ВРАГА 883
Перевод К. Плешкова

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ответственный редактор *Б. Крылов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *М. Ахметова, Л. Ершова, В. Дроздова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация A.K.Agency/ R. Kukalis

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс: (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»* ***E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru***

International Sales: *international wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный), e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы». ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Подписано в печать 05.03.2009. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 47,04.
Тираж 5 000 экз. Заказ 6529.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru